

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ пятнадцатый.

І Ю Л Ь.

1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: его рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушевскій.	1	VII. Письма Дем. Вас. Давыдова къ А. М. и Н. М. Языковымъ .	131
II. Записки Густава фонъ-Штрадманна. Переводъ съ нѣмецк. рукописей. Сообщ. Н. К. фонъ-Штрадманнъ. 1771—1778 гг.	55	VIII. Война съ польскими шатоликами 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ .	149
III. Записки Д. И. Ростиславова, профес. сиб. духовной академіи, о быдлѣ духовенства. Гл. XVIII.	87	IX. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Разсказъ Мохманкаго. Переводъ съ польскаго. .	157
IV. Д. В. Дашковъ и гр. Д. М. Уховцовъ въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812 г. Сообщ. профес. Н. С. Тихомировъ .	105	X. Изъ исторіи покоренія Кавказа. Кабардинскій полкъ, 1726—1880 гг. Очеркъ ген.-лейт. П. П. Карцова .	203
V. Николай Ивановичъ Гитдичъ, 1784—1884 гг. Сообщ. С. И. Пономаревъ .	115	XI. Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV стол. Рѣчь Н. А. Ликинченко въ Сиб. универ. 13 мая 1884 г. .	215
VI. Памяти Демиса Васильевича Давыдова. Сообщ. Н. Н. Божерлявовъ .	123	XII. Замѣтки: Нин. Мих. Карамзинъ (114). — Ел. Ал. Арсениова, бабка поэта Лермонтова (122) В. А. Жуковский (202)	
		XIII. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго Гравированъ Н. П. Матюшинъ.

Вышло второе изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1884 г.

Подписка продолжается. Цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

Подписчики получаютъ всѣ книги съ № 1-го, съ портретомъ А. С. Пушкина, отпечатаннымъ красками, а также съ прочими портретами русскихъ дѣятелей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1884 г.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссіею. Архивъ главнаго управленія наместника Кавказскаго. Томъ IX. Издавъ подъ редакціею председателя комисіи д. с. с. А. д. П. Берже. Тифлисъ. Типографія канцел. главноначальствующаго граждан. частию на Кавказѣ. 1884. Въ 6. листъ, стр. XXXI+1018, въ два столбца. Книга украшена виньетками, рисункомъ Хунзахска скала въ Аваріи, портретами: генерал-адъютантовъ: Е. А. Головина и А. И. Нейдгардта, шима Чечни и Дагестана Шамиля (превосходн. портреты).

Эта громадная книга, превосходно, въ типографскомъ отношеніи, изданная и украшенная отлично исполненными портретами, есть новое звено въ цѣпи россыпанныхъ издавій Кавказской археографической комисіи, которая все возмощаетъ въ своемъ предсѣдательствѣ, известномъ учености, ориенталиста и писателя Адольфа Петровича Берже. Обозрѣвая эту книгу, не знаешь чѣмъ восхищаться: превосходною ли ея видностью, видимо самодѣлательствующею о необыкновенной любви къ надательскому дѣлу, о вкусу къ изяществу г. Берже, съумавшаго въ отдаленномъ, все же производимомъ, городѣ соединить все необходимое для образованнаго, въ типографско-художественномъ отношеніяхъ, изданія, — или же тому трудолюбію и знанію дѣла, съ которыми соединены нинѣ въ этомъ томѣ наиболее важные акты, обрисовывающіе эпоху 1838—1844 гг., — годы истинно кровавой памяти въ лѣтописяхъ Кавказа!

Въ то время, когда въ деревенской глуши своего орловскаго иманія томился въ невольномъ половъ могучій левъ Кавказа А. П. Ермоловъ, высоты кавказскія обогрѣлись кровью тысячъ русскихъ воиновъ. Во главѣ страны стояли лица незначительныхъ способностей, по сравненію съ дарованіями Ермолова, — таковы были: генералъ-адъют. Евгений Александровичъ Головинъ (1838—1842) и генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ (1842—1844 гг.). Въ превосходномъ очеркѣ, предисловіиномъ, по обмысловенію, А. д. П. Берже и вѣстующему сборнику актовъ, авторъ въ живыхъ краскахъ описываетъ неудачные труды, шедшіе, впрочемъ, и въ Петербургѣ, по внутренней организаціи края; плазды такихъ обозрѣвателей края, какими является военный министръ А. И. Чернышевъ (однако его объездъ обошелъ назадъ болѣе 45,000 р.); Чернышевъ не

внесъ ничего разумнаго въ соображеніи государственныхъ знаній для устроения Кавказа, находившагося тогда въ самомъ разгарѣ борьбы съ свободолюбивыхъ обитателей-горцевъ съ русскими безстрашными легионами. Въ лѣтописи военныхъ дѣяній на Кавказѣ за 1838—1844 гг. блещутъ имена генераловъ Фезе, Засеа, Граббе (иногда, впрочемъ, ужасныя потери въ бою въ Ичкеринскій Ласахъ 2-го іюня 1842 г.), Фрейтага и Пассека.

Императоръ Николай Павловичъ въ весьма интересной запискѣ, приведенной г. Берже въ концѣ 1838 г. предначерталъ двѣ задачи по отношенію къ Кавказу: «покореніе горскихъ народовъ, т. е. черкесъ, и покореніе и усмиреніе горнаго Дагестана, или подъ общимъ названіемъ зваго эланга» (см. стр. IV—V). Въ трудности послѣдней задачи Государь отнюдь не скрывалъ отъ себя и оми, действительно, не были преодолены въ описываемыхъ въ настоящемъ томѣ годахъ (1838—1844 гг.), не смотря на потоки пролитой крови. Это было время и наибольшихъ успѣховъ Шамиля, и наибольшаго его вала въ горы (1841, 1842, 1843 гг.); бывали ужасные моменты, когда мы, выдвигая противъ горцевъ по 11, по 12¹/₂ батальоновъ пѣхоты, аязавовъ, иланцію и до 20 орудій, не могли одолѣть непріятеля и терпѣли злоды нашихъ лучшихъ экспедицій за время съ 1839 по 1842 г. «Нипогда еще дѣла наши на Кавказѣ — пишетъ А. д. П. Берже — не находились въ такомъ критическомъ положеніи, какъ въ эту истинно эпоху (конецъ 1842 г. и начало 1843 г.). Неудачи, неспытанныя нами въ 1842 г., какъ бы лишали насъ прежней обычной энергіи. Съ другой стороны, значеніе Шамиля, благодаря послѣднимъ его успѣхамъ, имѣло въ нравственномъ вліяніемъ на разноплеменное и разнохарактерное населеніе Чечни и Дагестана, сплоченное его желаніемъ волею въ одну массу, видимо и значительно усиливалось. При таковыхъ обстоятельствахъ борьба наша съ горами требовала несравненно болѣе смѣлы, чѣмъ та, которыми мы думали удерживать край отъ возстанія и которыя были разбросаны на огромномъ пространствѣ, среди всдо-ступной мѣстности, безъ дорогъ и всякихъ средствъ къ существованію; требовала и болѣе знанія края и его населенія, а главное, военного таланта въ главнокомандующемъ, котораго не доставляло у слабора-ритернала Нейдгардта, приемивша Даге-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1884

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIII.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ XLIII.
1884.

ИЗДАНИЕ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМ. ТВОЕЗ 77

И. Шарлемань

ГРАФЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

† 1831

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ ¹⁾).

VII.

№ 2370. Тетрадь въ листъ, въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Ярлыкъ съ обычною надписью, см. № 2364. На внутренней сторонѣ задней доски: въ сей книгѣ писанныхъ и номерованныхъ листовъ восемьдесятъ пять (85). Опелушь:—Тутъ же рукою Пушкина: «1824, ¹⁹/₇ avr., mort de Byron».

1.—2. Черновое письмо къ А. И. Казначееву [VII. 187; май, 1824 г.]. Червякъ этотъ, сильно исчерканный, отличается нѣсколько отъ текста перебѣленного письма, напечатаннаго г. Анненковымъ.—На 1, съ боку набросано какое-то неразборчивое стихотвореніе.—На 2, неоконченная черновая строфа изъ Е. Овѣггина, именно XXIX третьей главы.—1, и 2, рисунки: головы, ножи, фигура Меркурія.

2. Черновые стихи изъ той-же главы Овѣггина—изъ строфы XXXII и XXXIII.—Тутъ-же четыре стиха изъ разговора поэта съ книгопродавцемъ:

Стихи питомца [музь] и грацій,

и т. д.—I. 420.—Затѣмъ здѣсь-же набросокъ къ извѣстной эпиграммѣ на Воронцова:

Неловкій льстецъ за трапезой царя,
О Ріэго казенномъ говора...
Хоть подлецомъ однимъ на свѣтѣ...

I. 411.—Съ боку четыре неразборчивыхъ строчки карандашомъ.—Рисунки: лица, ножи.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLII, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; т. XLII, апрѣль, стр. 87—110; май 325—354; июнь, 533—572.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XLIII, 1884 Г., ЮЛѢ.

3., Сверху три исчерканные, неразборчивые стиха, въ которыхъ говорится о прохладѣ приморской пещеры, см. 6.—Зачѣмъ изъ «Цыганъ»:

Веду я гостя; за курганомъ...

И сонъ меня невольно влонить...

I. 435;—поправки и варианты.

3., Сверху четверостишіе, представляющее продолженіе словъ Земфры къ Алеко, невошедшее въ поэму:

Моей любовью насладись
Въ молчаньи ночи безмятежной,
Приди, я таю, другъ сердечный
Не измѣнись, не измѣнись..

Далѣе исчерканная черновая—описаніе утра, подниманія табора — I. 436.—Зачѣмъ изъ Ояѣгина конецъ XXIX и начало XXX строфы третьей главы.—Рисунки: лица и фигура Сатира безъ головы.

41. Изъ первой главы Е. Ояѣгина, строфа XXXIII:

Я помню море предъ грозою...

Конецъ не дописанъ.—Зачѣмъ опять изъ третьей главы, конецъ XXIX и вся XXX строфа.—Рисунокъ: лицо.

42. Строфа XXXI и начало письма Татьяны.—Рисунки: два лица.

51. Программа письма Татьяны, [несовсѣмъ точно сообщенная г. Анненковымъ, Матер. 140]: «(У меня нѣтъ никого)... (Я знаю, васъ уже)... Я знаю, что вы презираете... Я долго хотѣла молчать, я думала, что васъ увижу... Я ничего не хочу, я хочу васъ видѣть,—у меня нѣтъ никого, придите, вы должны быть то и то, если нѣтъ, меня Богъ обмануль... Я не перечитываю письма, и письмо не имѣетъ подписи, отгадайте, кто...»

Потомъ опять черновое начало письма:

Повѣрьте—я молчать хотѣла...

и т. д.—Въ концѣ страницы опять фраза къ программѣ: «Зачѣмъ я васъ увидѣла—но теперь [ужъ] поздно. (Богда)»...

5.,

Зачѣмъ вы посѣтили насъ...

Черновое продолженіе письма Татьяны.—Рисунки: лица.

6., Сверху снова неконченные стихи о приморской пещерѣ [см. 3.].

Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ
Прохлады сумрачной и влажной,
Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умоляетъ шумъ протяжный...

Потомъ опять черновая изъ разныхъ мѣстъ письма Татьяны [III, 61—63].

6. Сверху нѣсколько зачеркнутыхъ строкъ, кажется, изъ письма Татьяны.—Далѣе весь исчерканный, мало разборчивый чернякъ неизвѣстнаго стихотворенія; въ немъ дается очеркъ историческихъ событій [подобный очерку въ посланіи къ Вельможѣ—II, 269], говорится о революціи, о Наполеонѣ. Разбирая лишь отдѣльные стихи, отдѣльные слова, я не выписываю ничего изъ этого стихотворенія, одинъ куплетъ котораго повторенъ на слѣдующей страницѣ.—Тутъ-же изъ Онѣгина, конецъ письма Татьяны [III, 63]; затѣмъ съ боку еще:

Подумала, что скажутъ люди.
И подписалась: Т. Л.

Рисунокъ: лица; господинъ, играющій на билліардѣ.

7. Сверху стихи, относящіеся къ Наполеону; можно разобрать три первыхъ строки:

Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя послалъ?
Чего, добра или зла, ты чудный былъ свершитель,
Земли чудесной посѣтитель...

Далѣе куплетъ, находящійся также и на предыдущей страницѣ (въ другой редакціи) и принадлежащій къ неразобранному тамъ большому стихотворенію:

(Дряхлѣли троны), алтари,
Надъ ними (туча) собиралась,
Вѣщали книжники, тревожились цари,
Толпа свободой волновалась...

Потомъ опять черновое окончаніе письма Татьяны [III, 63].—Рисунокъ: фигура пригорюнявшейся Татьяны; женская головка.

7. XXXII строфа третьей главы Онѣгина; между прочимъ есть стихъ: Татьяна, сидя на постелѣ... чему соответствуетъ рисунокъ: женская фигура на постелѣ.—Потомъ неразборчивая черновая какого-то стихотворенія: обращеніе къ морю и къ вѣтрамъ по поводу ея отъѣзда.—Еще рисунокъ: лица.

8. На этой страницѣ Пушкинъ записалъ по памяти, съ пометками, нѣсколько куплетовъ Жуковскаго изъ «Стихотворенія, пѣтаго на празднествѣ англійскаго посла». Г. Анненковъ, принявъ эти куплеты за произведеніе Пушкина, напечаталъ ихъ въ VII томѣ своего изданія [стр. 36], но въ видѣ, настолько отличающемся отъ стиховъ Жуковскаго, что нужно было предполагать или что Пушкинъ запомнилъ, или что у него былъ другой оригиналъ, другая редакція пѣсы Жуковскаго; въ послѣднемъ предположеніи, въ изданіи Жуковскаго 1878 года приведены [стр. 491] и «варианты» изъ наброска Пушкина, какъ его напечаталъ г. Анненковъ. Теперь оказывается, что приведенные г. Анненковымъ четыре куплета [Пушкинъ записалъ всѣхъ кромѣ послѣдняго, да еще одинъ лишь начать] написаны у Пушкина, хотя

и съ пометками, но въ концѣ концовъ съ полною вѣрностію оригиналу [Соч. Жук. II, стр. 3], что всѣ отличія въ напечатанномъ у г. Анненкова текстѣ произошли по небрежности и по осторожности г. Анненкова; въ всякомъ случаѣ всѣ эти искаженія принадлежать одному г. Анненкову.— Рисунокъ: лица, ножки, руки, ружье.

8.—9. Черновое французское письмо къ А. И. Казначееву, въ переводѣ [не совсѣмъ точномъ] напечатанное г. Анненковымъ [VII. 189].

Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine et l'affection que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quand au craintes, que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regrettrai-je? est ce ma carrière manquée? C'est une idée à la quelle j'ai eu le temps de me résigner.—Sont ce mes appointements? (Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens, je ne puis pas les dédaigner. Mais puisque mes occupations littéraires peuvent me procurer plus d'argent, qu le [service], il est tout naturel de leur sacrifier les occupations de mon service). Vous mes parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du c-te Woronzow, encore moins à sa protection: j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui, et rien que je sache ne dégrade plus que le patronage... J'ai des préjugés démocratiques, qui valent bien... les préjugés d'aristocratie.

Je n'aspire qu'à l'indépendance (pardonner moi le mot en faveur de la chose ¹⁾); à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait, si j'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne le regarde plus que comme une marchandise à [tant] la pièce. Je ne conçois pas la consternation de mes amis (je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis ²⁾). Je suis fatigué de dépendre de la dégestion bonne ou mauvaise de tel ou tel chef, je suis ennuyé d'être tréte dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais, qui vient promener parmi nous sa platitude, (sa nonchalance) et son baragoin.

Il n'y a pas de doute, que le c-te Woronzow, qui est un homme d'esprit, saura me donner le tort dans l'opinion du public,—trionphe très flatteur et dont je le laisserer jouir tout à son gré, vu que je me soucie tout autant de l'opinion de ce public, que de l'admiration de nos journaux.

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Скобки Пушкина.

На 9. еще внизу два стиха:

Какъ узникъ Байрона...
Вздохнулъ, оставя мракъ тюрьмы...

Затѣмъ тутъ-же черновое подражаніе Корану—I. 454: «О жены чистыя пророка», все до конца, съ поправками и вариантами.—Рисункокъ: ноги въ восточныхъ шароварахъ.

9. Снова изъ Цыганъ, описаніе утра [I. 436]: «Оставьте, дѣти, ложе нѣги»... и т. д., до конца [см. 3,], весь исчерканный чернякъ:—Рисунки: всадникъ на лошади, оселъ, нѣсколько лицъ.

10. Дважды неразборчивая черновая изъ Цыганъ:

Его вотще волшебной славы
Манила дальняя звѣзда...

и т. д.—Затѣмъ тутъ-же карандашомъ начинается предисловіе къ «Евгенію Онегину», продолжающееся на слѣдующей 10, —страницѣ [одна строка карандаш., остальное чернилами]. Первоначальный текстъ значительно полнѣе напечатаннаго Пушкинымъ; [III. 417]. Начало приблизительно те-же, но конецъ иной,—выписываю его.—Послѣ словъ: чувство унынія поглотило всё прочія,—слѣдуетъ: званіе издателя не позволяетъ намъ ни хвалить, ни осуждать сіе новое произведеніе. Миѣнія наши могутъ показаться пристрастными. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе почтенной публики и гг. журналистовъ на достоинство, новое въ сатирическомъ писателѣ: наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ. Ювеналъ, Батулль, [Петроній], Вольтеръ и Байронъ далеко не сохранили должнаго уваженія къ читателямъ и къ прекрасному полу. Говорятъ, что наши дамы начинаютъ читать по русски. Смысла предлагаемъ имъ произведеніе, гдѣ найдутъ онѣ подъ легкимъ покрываломъ сатирической веселости наблюденія вѣрныя (и безпристрастныя).

Другое достоинство, почти столь-же важное, приносящее немалую честь сердечному незлобію нашего автора, есть совершенное отсутствіе оскорбительной личности (ибо не должно сіе приписывать единственно отеческой бдительности нашей цензуры ¹⁾).

11. Сверху фраза, служащая, кажется, продолженіемъ предыдущаго, опредѣляющая цензуру:

«столь-же заботливо охраняющей гражданъ отъ нападенія простодушной клеветы (или) насмѣшливаго легкомыслія».—Затѣмъ набросаны восемь примѣчаній къ первой пѣсни Онегина [первыя десять за исключеніемъ 2 и 4].

¹⁾ Скобки Пушкина.

11. Сверху 11 и 12 примѣчанія къ той-же главѣ [III. 421 и 422]. Далѣе нѣсколько исчерканныхъ строкъ:

И бурныхъ дней своихъ на пасмурномъ закатѣ
Онъ будетъ сожалѣть о давней ихъ уtratѣ¹⁾...

Затѣмъ XXXII и XXXIII строфы третьей главы Онѣгина.—Потомъ веркомъ внизъ написанъ исчерканный чернякъ, въ которомъ я разбираю отдѣльные слова. Посреди страницы помѣта: 5 сент. 1824, u. l. de... [une lettre de]. Рисунки карандашомъ: големы.

12. Сначала XXXIV строфа третьей главы Онѣгина чернилами; потомъ была написана XXXV карандашомъ, а поверхъ ея чернилами написана вся XXV строфа той же главы:

Кокетва судить хладнокровно...

и т. д.—Три большія буквы: П О У. Съ боку три стиха изъ стихотворенія «Къ морю», занимающаго двѣ слѣдующія страницы.

Рисунки карандашомъ: женскія фигуры, лица, ножки.

12, и 13. «Морю. 1824». Чисто написанное, съ нѣкоторыми поправками, есть варианты противъ печатнаго текста [I. 414]; изъ нихъ укажу одинъ:

Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ.

Тутъ не все еще стихотвореніе.

На 13, еще изъ подражаній корану:

Клянусь четой и нечетой...

— I. 454.—Поправки какъ въ печатномъ.

13,—17. «Разговоръ между поэтомъ и книгопродавцемъ»—I. 420. Черновая. Поправки и варианты.—Въ концѣ помѣта: 26-го сентября 1824.

На 17, еще дважды набросано:

Т—правъ, когда такъ вѣрно васъ...

III. 438.

17. Исчерканная черновая строфа изъ Е. Онѣгина, до сихъ поръ печатавшаяся несовсѣмъ точно [III. 432] и съ неправильнымъ размѣщеніемъ начала и конца:

Теперь какъ сердце въ ней забилось,
О Боже! страхъ и стыдъ какой
Въ груди дыханіе стѣснилось
(Что скажетъ онъ?) О Боже мой!
(На мать она) глядѣть не смѣетъ,
То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ,—

¹ Первоначально было: дней моихъ, я буду...

При ней потуши взоръ молчить
И чуть не плачетъ (и дрожитъ)...
Внукъ нянниъ (въ полдень воротился),
Сосѣда видѣлъ [и ему]
Письмо вручилъ онъ самому.
Ну чтожь сосѣдъ? „Верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ“.
(Татьяна, вотъ и весь романъ)!

Затѣмъ черновая XXXVII строфы третьей главы; варианты.—Рисунки: всадникъ, садащійся на лошадь; нога со шнурой.

18. Черновая XXXVIII строфы той-же главы.—Тутъ-же дополнительные наброски къ стихотворенію «Морю» [см. 12, и 13; I. 415].

Чтобъ даль—ты мнѣ? Куда-бы нынѣ
Я бѣгъ безпечный устремилъ?

и пр.,—варианты.

18. Сверху два стиха:

Слабъ и робокъ человекъ,
Слѣвъ умомъ—и все тревожить...

Затѣмъ черновая изъ Подражаній корану:

Смутясь нахмурился пророкъ...

—I. 456.—Рисунки: нѣсколько лицъ.

19. То же:

Не даромъ видѣлъ васъ во венѣ
Въ бою съ обрѣтыми главами...

—I. 458.—Затѣмъ опять изъ XXXVIII строфы третьей главы [см. 18].—Съ боку длинное все исчерпанное недоконченное и очень неразборчивое стихотвореніе, начинающееся такъ:

Мнѣ жаль великія жены...

Содержаніе этого стихотворенія то же, что въ извѣстной эпиграмѣ: «Насильно Зубову мила»,—последняя эпиграмма представляетъ просто конецъ даннаго стихотворенія; въ началѣ упоминаются Орловъ, Державинъ, Потемкинъ, Д'Аламберъ и пр.—Рисунки: головы монаха и женщины.

19. Наброски къ XL строфѣ Е. Онѣгина и пѣсня дѣвушекъ [III. 67] совсѣмъ иная; привожу ея съ поправками, сдѣланными карандашомъ:

П ѣ с н я.

Вышла Дуня на дорогу,
Не молвившись Богу.
Дуня плачетъ, завываетъ,
Друга провожаетъ,—

Другъ повхалъ на чужбину,
 Въ дальнюю сторонку.
 Охъ ужъ эта мнѣ чужбина,
 Дальняя сторонка! ¹⁾
 На чужбинѣ молодицы
 Красныя дѣвицы;
 Осталася я младая
 Горькою вдовицей.
 Вспомни меня младую,
 Иль я затоскую ²⁾
 Вспомни меня заочно,
 Хоть и ненарочно.

Съ боку черновой набросокъ пѣсни, какъ она напечатана:

Дѣвицы красавицы и т. д.

20., Черновая послѣдней строфы третьей главы Онегина [III. 68].
 Помѣта: 2 октября 1824.—Тутъ же дважды черновое подражаніе корану:
 Съ тобою древле, о Всесильный...—I. 457.

20., Веселый край! Тамъ въ стары годы п т. д., до:

И о быломъ ³⁾ вспоминать!

— XVIII и XIX строфы первой главы Евгенія Онегина [III. 8 и 9].—
 Рисунки: лица.

21. и 22., Второе посланіе къ цензору.—I. 430, см. 2367, л. 30, ⁴⁾.
 Исчерпанная черновая, съ поправками. Привожу нѣкоторые варианты:

На трудномъ поприщѣ Тимковского наслѣдникъ,
 Позволь себя обнять, мой старый собесѣдникъ!
 Недавно строгою цензурой притѣсненъ...

Затѣмъ:

Священной славою двѣнадцатаго года...

Еще:

И такъ спѣшу тебя, пріятель мой, поздравить.

На 22, кромѣ того изъ Подражаній корану, черновая: Земля недвижна,
 и пр.—I. 457.

¹⁾ Вариантъ карандашомъ: горькая кручина!

²⁾ Тоже: приревную.

³⁾ Курсивъ подлинника.

⁴⁾ Дополненіе къ № 2367, л. 30. Еще варианты противъ печатнаго:

Потѣшимъ дерзости бранчавую свербежъ.

и далѣе:

Вы были въѣрены печальныя науки.

22,—23. Сверху «*Augelius Victor*», и затѣмъ черновые наброски къ Клеопатрѣ, опять двумя размѣрами [см. 2367, 32, 48.]—II. 14.—Рисунки 23₂: лица.

24. Сверху черновое неразборчивое стихотвореніе, озаглавленное «Младенцу» ¹⁾. Въ среднѣ можно прочесть:

Прощай, прелестное дитя.
Я не скажу тебѣ причины...

И еще:

Быть можетъ о судьбѣ моей
Она со временемъ услышитъ ..

Дитя не смѣю надѣ тобою
Произнести благословенье
Ты тихій ангелъ утѣшенья...
Да будутъ ясны дни твои,
Какъ нынѣ ясенъ жребій...

Тутъ-же черновая изъ Цыганъ:

Прошло два лѣта. Также бродятъ...
И дань ихъ вольную беретъ.

— I. 440 и 441.

24,—28. Продолженіе и окончаніе Цыганъ; черновая, исчерканная, съ поправками и вариантами.—На 27, гдѣ кончается самая поэма, сверху помѣта: 1824, 10 ²⁾ октября.—На 28, и 28,—эпиграф.—На 25, 26, и 27: рисунки: лица.

На 28, кромѣ того замѣчаніе къ «Разговору книгопродавца съ поэтомъ», почти какъ напечатано [III. 417].—Тутъ-же черновая XXXVI строфы третьей главы Овѣгина и полторы строчки изъ XII строфы четвертой главы:

Я знаю, вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь...

Затѣмъ черновой набросокъ о Дружбѣ—II. 19.

29. Сверху написано заглавіе:

Гробъ Анакреона ³⁾.

слѣдуетъ нѣсколько стиховъ изъ этой піэсы—I. 104. Тутъ-же два стиха изъ Цыганъ о журавляхъ—I: 452, и затѣмъ замѣтка о цыганахъ, первая половина которой сообщена г. Анненковымъ. Вотъ окончаніе замѣтки [нѣкорыя слова и даже строки я не могъ разобрать: «Въ Молдавіи цыгане

¹⁾ Было: ребенку.

²⁾ Поправлено пзъ 8.

³⁾ Въ подлинникѣ такъ: Гроб. Ан.

[sic] составляютъ большую часть народонаселенія, (отличаются дикостію и бѣдностію); но всего замѣчательнѣе то, что въ Бесарабіи и Молдавіи крѣпостное состояніе (существуетъ) только между ними; [тамъ] (нѣтъ крѣпостныхъ кромѣ) сихъ... приверженцевъ первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ однакоже вести дикую кочевую жизнь довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дань ихъ составляетъ... доходъ супруги Господаря.

Они отличаются передъ прочими большей нравственной чистотой; они не промышленяютъ ни [грабой], ни обманомъ; впрочемъ они также дика, также бѣдны, также любятъ музыку, занимаются тѣми-же грубыми ремеслами».

Потомъ исчерканное четверостишіе изъ Цыганъ, опять о журавляхъ.

29. XII и IX строфы четвертой главы Овѣгина; черновыя съ вариантами. Тутъ-же въ срединѣ опять нѣсколько стиховъ изъ Цыганъ, о журавляхъ—I. 452, ср. 29. Затѣмъ внизу нѣсколько черновыхъ стиховъ, изъ которыхъ я разбираю:

Съ собольей шубой на плечахъ,
Съ бобровой шапкою въ рукахъ...

—Не есть-ли это описаніе «Жениха»?—II. 27.—Въ концѣ эпиграмма: «Напрасно ахнула Европа»—VII. 103.—Рисунокъ: лицо.

30. Черновое начало «Жениха» первыя три строфы. II. 27 и 28. Первоначально купеческая дочь называлась Татьяной.

30. Черновой набросокъ изъ «Клеопатры»

Критонъ, изнѣженный мудрецъ,
Воспитанный подъ небомъ Арголады
Безмечный, вѣтренный поклонникъ и пѣвецъ
И пламенныхъ пировъ, и пламенной Киприды...

Ср. № 2367, 34.—Затѣмъ изъ «Жениха», отъ прихода свахи до пира включительно—II. 28—30.

31. Черновая строфа изъ Овѣгина:

(Я былъ дитя) и мною правилъ
Вашъ хилый, слабый, милый полъ...

—III. 18. 8.—Потомъ изъ Цыганъ:

Скажи мой другъ, ты не жагѣешь...

и т. д., до:

И молятъ денегъ да цѣпей.

—I. 438.—Рисунокъ: кустъ и водопадъ.

31. Продолженіе изъ Цыганъ:

Но тамъ огромныя палаты,

и до конца:

Неуспокоенные гости.

—I. 439 и 440.

32. Вся страница занята черновымъ посланіемъ къ Графу О...—Г. Анненковъ совершенно не замѣтилъ этого длиннаго стихотворенія, которое, будучи само очень неразборчиво и исчеркано, прямо бросается въ глаза по отчетливому заглавію: хорошо же г. Анненковъ просматривалъ тетради Пушкина! Въ своихъ Матеріалахъ [стр. 152] онъ говоритъ: «Для насъ всего важнѣе въ этой запискѣ [собственноручный списокъ сочиненій] перечеть утерянныхъ, или, по крайней мѣрѣ, еще скрывающихся его стихотвореній, которые и въ бумагахъ его не находятся. Таковы посланія: къ Гр. О*, къ Р* и, наконецъ, коллекція пѣсенъ о С. Разинѣ»... Въ № 2368, мы видѣли пѣсни о С. Разинѣ, незамѣченныя тоже въ свое время г. Анненковымъ, хотя занимаютъ нѣсколько страницъ,—[кстати, по какому списку напечаталъ ихъ г. Анненковъ въ 1881 году?]; теперь выписываемъ укрывшееся отъ г. Анненкова посланіе.

Графу О.....

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозой...

Далѣе все исчеркано, можно разобрать отдѣльныя строчки, отдѣльныя слова; такъ первая строфа кончается упоминаніемъ о Костюшкѣ:

топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ...

Слѣдующая строфа начинается такъ:

И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ,
Не выщемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ.
(И наша дѣва молодая)
Привлекши сердце поляка
Не приметъ . . .
Любовь народнаго врага.
Но огонь поэзи чудесный
Сердца враждебныя дружить...

Приведенные стихи, по своей отрывочности и неотдѣланности, лишены самостоятельнаго, художественнаго значенія, но они важны съ одной стороны для характеристики нашихъ общественно-литературныхъ настроеній, для исторіи «польскаго вопроса», съ другой стороны они имѣютъ значеніе для біографіи поэта. Первые стихи были повторены имъ въ піесѣ «Клеветникамъ Россіи» въ 1831 году [III. 198].—Рисунокъ: нога.

32. Черновое, исчерпанное начало IV главы Онегина [III. стр. 69, строфа VIII и стр. 189, строфа IV].

Тутъ же записано: Бумаги, перьевъ, сыру, облатокъ, — т. е. то, что поэту надо было выписать въ деревню [сравни VIII. 101, 112 и 121,—порученія въ письмахъ къ брату], записаны также имена лицъ, къ которымъ Пушкинъ, вѣроятно, собирался писать: Жуковский, Тургеневъ, Васил. Бат., Вяземскій.—Рисунокъ: дерево, лица.

33. и 33. Примѣчаніе къ Онегину—III. 23.—нѣсколько полнѣе печатнаго. Тутъ же съ боку и внизу черновые наброски къ Онегину—III, стр. 189. строфа III.

34. Сверху нѣсколько исчерпанныхъ строчекъ стихами и прозой. Затѣмъ идетъ черновая строфа изъ Онегина, напечатанная впервые г. Анненковымъ, который привелъ ее не всю и неправильно отнесъ къ Альбому Онегина [III. 438]; еслибы онъ прочелъ ее всю, онъ увидалъ бы, что это первоначальная редакция четвертой строфы четвертой главы Онегина [строфы, не вошедшей въ романъ—см. III. 189], послѣднія строчки которой она даетъ почти въ томъ же видѣ. Привожу всю эту строфу цѣликомъ,—въ ней не хватаетъ двухъ послѣднихъ стиховъ.

Смѣшонъ конечно важный модникъ,
Систематическій Фобласъ,
Красавицъ записной угодникъ,
Хоть по дѣломъ онъ мучить васъ;
Но жалокъ тотъ, кто безъ искусства
Души возвышенныя чувства,
Прелестной вѣруя мечтѣ,
Приноситъ въ жертву красотѣ,
И расточивъ неосторожно,
Любви (себѣ) въ награду ждетъ¹⁾,
(Объятій требуетъ), зоветъ,
Какъ будто требовать воз[можно]...

Ср. 33.

Далѣе идетъ черновое письмо [къ Всеволожскому?] со стихами:

Ты пздавъ дядю моего,
Творца опаснаго сосѣда
[Достойнъ очень онъ того],
Хотя покойная Бесѣда
[И не вѣначала] ²⁾ лилъ его.
Теперь пздай меня, пріятель,
Плоды [пустыхъ] моихъ трудовъ;
Когда ты будешь свой пздатель...

¹⁾ Поправка не разобрана.

²⁾ Поправка не разобрана.

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Овѣгина. Сослови мой Ареопагъ: ты, Жуковский, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ В[аратынскаго]; говорить, онъ....

34, и 35. Черновое французское письмо къ кн. В. Ѡ. Вяземской [женѣ кн. П. А. Вяземскаго]. Г. Анненковъ [Пушк. стр. 269] сообщилъ это письмо въ русскомъ переводѣ, не указавъ, вѣрнѣе—скрывъ, что это письмо адресовано къ Вяземской ¹⁾. Выписываю это письмо; хотя я не могъ разобрать нѣкоторыхъ мѣстъ, но все-таки разобралъ кое-что лишнее противъ печатнаго перевода.

«Belle et bonne princesse Véra, aussi charmante et genereuse, je dois vous (remercier) pour vottre lettre; les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exposer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait a toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien des chagrins et seule a pu. . . . la rage de l'ennuie qui consume ma sottе éxistance. Vous devez la connaitre, cette sottе éxistance: ce que j'avais prévu c'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez [reels]. (Le gouvernement a eu l'infamie de proposer a mon père d'être son agent de persecution). On m'y reproché mon exil, on se croit (d'être) entraîné dans mon malheur, on pretend que je prêche l'athéisme à ma soeur qui est une créature céleste et à mon frère qui est très drol et très [jeune?], qui admirait mes vers et qui j'ennuie tres certainement. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emplois qui le met dans tous les cas dans une fausse position a mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre,—je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но слава à Dieu, небо у насъ свое, а луна точная рѣпа.

A l'égard de mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord, ils ne m'excèdent pas; je joui parmi eux une réputation d'Oneguine, et voila je suis prophète en mon pays..

Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine, j'écoute ses conversations patriarcales, — seâ filles assez mauvaises... sous tous les rapports, me jouent de Rossini, qui j'ai fais venir. Je suis dant la melleur position possible pour achever mon roman poethique mais l'en-

¹⁾ Кстати сказать, мнѣ кажется, что французское письмо Пушкина, найденное въ бумагахъ кн. Вяземскаго [VII. 51] тоже относится къ княгинѣ Вѣрѣ Ѡеодоровнѣ.

nuie est une froide muse et le poëme n'avance guère; voila pourtant une strophe, que je vous dois,—montrez la au Pr. Pierre ¹⁾, dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis a vos pieds bien tristement ne montrez cette lettre qu'a ceux que j'aime et qui prennent à moi l'interet de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel un mot d'O'essa, de vos enfants! avez vous consulté le docteur de [Miré?]? que fait il, и что М . . . ?

Нѣсколько ниже зачеркнуть адресъ: Покорнѣйше прошу доставить Ея Сіят. кн. Вѣрѣ Федоровѣ Вяземской.

На 35., между строчекъ приведеннаго письма встрѣчаются отдѣльными слова, показывающія, что поэтъ въ это время занимался восточными стихотвореніями: Агъ-мечеть, Сеюиъ мурза. Тутъ же изъ Клеопатры одинъ стихъ:

Послѣдній имени вѣкамъ не передашь,
Едва...

—II. 15. Затѣмъ черновая эпиграмма: Дружба—II. 19, и еще черновая, неоконченная:

Я царь..., но я въ оковахъ,
(Я) не стыжусь своихъ оковъ...

—I. 302.—Рисунки: три лица.

35., Послѣдній куплетъ шестаго подражанія Борану:—Блаженны падшіе въ сраженьи...—I. 458.

Затѣмъ начинается длинное черновое стихотвореніе, доселѣ неизвѣстное, и интересное тѣмъ, что представляетъ прощаніе поэта, собирающагося бѣжать изъ Россіи. Къ сожалѣнію, стихотвореніе записано съ большими погрѣшками; я разбираю далеко не все. Выписываю его, какъ могу:

Презрѣвъ и шопоть укоризны
И зовъ (обманутыхъ) [надеждъ]
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолки сердца шопоть сонный
{Привычки и довольства?} гласъ.
Прости, предѣлъ неблагоклонный
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И снова задумчивыхъ души..

¹⁾ Т. е. кн. П. А. Вяземскому.

(А ты, въ опасный день разлуки
Забывъ для брата о себѣ,
Соединимъ же [братски] руки ¹⁾
И покоримся мы судьбѣ.
Благослови побѣгъ поэта...

Умолкнеть онъ подь небомъ дальнимъ
Умолкнеть въ чуждой сторонѣ...

Тутъ же неразборчивое начало шуточного посланія къ Сабурову:

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинимъ гулялъ
Бранилъ .
Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...

[И] проводилъ [такъ] годъ я круглый,
Но Зубовъ не прельстилъ меня
Своею смуглой.

36. Черновое, неразборчивое письмо къ Н. Всеволожскому [ср. письмо къ Я. Н. Толстому, VII. 159 и къ Виземскому, стр. 20]. «Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій,—ты помнишь Пушкина, проводшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ тебя подъ руку въ церковь...²⁾ да помолишься Господу Богу и насмотришься на Вышняго Господа, сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебѣ полупродалъ, полупроигралъ рукопись своихъ стихотвореній, ибо знаешь... родить задоръ..... я раскаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ; большая часть оныхъ ниже посредственности, годится только на...³⁾ нѣкоторые хочется мнѣ спасти... Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись, за ту же цѣну—1,000 р. (я знаю, что ты со мной [торговаться] не станешь, даромъ же взять не захочу⁴⁾). Деньги, тебѣ доставляю съ благодарностью какъ скоро [выручу]... Надѣюсь, что мои

¹⁾ Поправки некончены.

²⁾ Неразбрано.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ (Скобки Пушкина).

стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя...., обнимаю и... прошу...., когда не свидимся... когда...

Тутъ же, на 36, — два черновыхъ куплета изъ VI подражанія Корану, начинающа со стиха:—Вы побѣдили, слава вамъ.—I. 458.

36.

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку.
Какъ жениться задумалъ царскій арапъ,
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
На боярышевь арапъ поглядываетъ.
Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,
Черный воронъ—бѣлую лебедушку,
А какъ онъ арапъ чернешенекъ,
А она то душа—бѣлешенька...

Далѣе начинается черновое, зачеркнутое письмо къ Жуковскому, приведенное г. Анненковымъ [лишь съ пропускомъ нѣсколько словъ].—VII. 193—194. Я на немъ не останавливаюсь, такъ какъ оно извѣстно и въ бѣловомъ видѣ—VII. 192.

37. Конецъ предыдущаго письма и черновое второе письмо къ Жуковскому, тоже извѣстное въ бѣловомъ видѣ—VII. 195. Черновое, содержащее только начало бѣловаго, кончается «фразой: стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ... Глупо—часъ отъ часу далѣе вязнуть въ жизненной грязи...»—Ср. VII.

37. Изъ Клеопатры:

Чуть отроческій пухъ темнѣя покрывалъ
Его лавиты — и пр. -- II. 16.

Затѣмъ все VI подражаніе Корану [I. 458], чисто переписанный, съ немногими поправками, печатный текстъ. Тутъ же, съ боку—черновое VII подражаніе Корану,—I. 458.

Затѣмъ съ боку же нѣсколько неразборчивыхъ словъ:

Они твердили...
Его-ль намъ купить; онъ поэтъ!...

Рисунокъ: фигура турка.

38. Сверху черновая восточная пѣсня:

Пока супругъ тебя, красавицу младую,
Между шести другихъ еще не заключилъ,
Ходи къ фонтану близъ могилъ
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Какъ невозвратная струя,
Влестить, бѣжить и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
Въ гаремѣ такъ исчезну я.

Потомъ черновое:

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!

и т. д. до конца [I. 303, Фонтану Бахчисарайскаго дворца]. Внизу карандашомъ черновой набросокъ: «Не стану я жалѣть о розахъ» [I. 305. Виноградъ].—Рисунокъ карандашомъ: вѣтка съ ягодами.

38. VIII подражаніе Корану—I. 459, написанное дважды: сверху черновой набросокъ, а внизу переписано на чисто, почти безъ поправокъ,— варианты противъ печатнаго. Чистой піесѣ придано названіе «Милостыня».

39. IX подражаніе Корану, черновая, варианты—I. 459. Первые шесть строкъ написаны дважды.

39. Сверху окончаніе предыдущей піесы. Затѣмъ нѣсколько зачеркнутыхъ строкъ:

(Блаженъ кто вами любовался
Блаженъ, блаженъ кто видѣть могъ...)

Затѣмъ еще черновая:

Я..... безъ увлеченья,
И [оставлялъ] безъ сожалѣнья,
Когда крылатая любовь
И..... предавался вновь.

Ср. въ X строкѣ IV главы Е. Онѣгина. Съ боку приписано: карты, Пугачевъ, allamatta [ср. выше 32,].—Рисунки: лица.

40. Сверху программа сказки: Иванъ Царевичъ поѣхалъ (на конѣ ¹⁾) по горамъ охотой... (поѣхалъ охотой въ лѣса)... за бурнымъ волкомъ, разъ (травил... лису), гонялся.

Далѣе идетъ черновое письмо къ кн. Вяземскому: Ольдекопъ ... его въ рѣму,—надоѣлъ онъ мнѣ и т. д., съ нѣкоторыми отличіями отъ бѣлаго письма—VII. 20.

40. Вся страница занята окончаніемъ предыдущаго письма. Рисунки: человѣческая фигура безъ головы, рука, головка.

41. Черновые наброски къ Евгению Онѣгину; начнутся стихами изъ III [пропущенной] строфы IV главы [III. 189]: Но есть одна.... Много непечатанныхъ стиховъ, но разбираются они очень плохо. Привожу три стиха, повторяющіе не разъ высказанное Пушкинымъ:

Молва, играя, очернила,
Не разъ меня непощадила,
Ей подмогала клевета...

Рисунки: нѣсколько головъ.

¹⁾ Поправка не разобрана.

41. Черновой набросокъ:

Конечно, нѣтъ сомнѣнья,
 Не всё.....
 Найти возможно исключенья,
 И вы живой тому примѣръ,
 Но вообще, клянусь предъ вами,
 Что женщины не знаютъ сами
 Зачѣмъ онѣ (того берутъ)
 (Зачѣмъ)...

Съ боку: Лида—новая Діана—I. 383.

Зачѣмъ идетъ черновое письмо къ какому-то неизвѣстному одесситу. Г. Анненковъ изъ этого письма привелъ [Пушк. 244] только полторы строчки, и то не вполнѣ точно.—Письмо обращается къ Д. Мак., но почему г. Анненковъ опредѣлялъ его фамилію буквою К, нѣтъ неизвѣстно. «Бура, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Д. Мак. Вотъ уже 4 мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубаго неба полудня, ни италіанской оперы, ни вась, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Урошцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко, (совершенный Онѣгинъ); цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы кажется разъ ее видѣли; она единственная моя подруга, и съ нею только (одною) мнѣ не скучно. (Я въ перепискѣ только съ Ж. и В. ¹⁾). Объ Одессѣ ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ ²⁾). Ради Бога! Слово живое объ Одессѣ,—настройте, что у вась дѣлается....., во-первыхъ выздоровѣла-ли Катенька ³⁾ Гр. Р... я сердечно [желаю] всего счастья почт. и благо...»

Далѣе нѣсколько листовъ вырвано.

42. Черновое стихотворное посланіе къ брату:

(Что-же? будешь-ли ⁴⁾ вино?
 Лайонъ? Жду его давно.
 Знаешь-ли какого рода?
 Милый мой, мнѣ все равно,
 У меня законъ одинъ:

¹⁾ Съ Жуковскимъ и Вяземскимъ.

²⁾ Скобки Пушкина.

³⁾ См. VII. 192.

⁴⁾ Поправка некончена.

Жажды полная свобода
 И терпимость всякихъ винъ.
 Погребъ мой гостепреимный
 Радъ мадеръ золотой
 И подъ пробкой смоляной
 St. Пере бутылкѣ длинной.
 Въ лѣта юныя мои
 . . . юности безумной
 Поэтической Ап
 Нравился мнѣ пѣной шумной
 Симвъ подобіемъ любви.

Далѣ почти все исчервано, разбираются отдѣльныя слова.

Но бургонское...
 Мнѣ понравилось потому
 Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья,
 Безъ разбора.....
 Вина обхожу кругомъ....

Рисунокъ: голова карандашомъ.

42,—44. Черновое письмо къ Дельвигу: Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ жадностью и съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ и т. д. VII. 131.

На 44, начинаются историческія замѣтки, непосредственно предшествующія началу Бориса Годунова.

«Убіеніе св. Дмитрія. Чиновники Владим. Загрядской и Никифоръ Чепчуговъ не согласились. Дядька царскій, окольничій Андрей Лупъ-Клешинъ предложилъ дьяка Михайла Битяговскаго. Сынъ его Данило, племя. Никита Качаловъ, сынъ ея Осипъ (убійцы ¹). Боримлица Дмитрія Ивана Жданова.

1591 г. мая 15.—Судьи: Клешинъ и кн. Вас. Ив. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Ш., дьякъ Вылузгинъ. 19 мая съ Брутицкимъ митрополитомъ (Геласій ²) являютя въ Угличѣ, въ церк. св. Преображенія. Геласій проситъ прощенія за вдовую царицу. Царицу постригаютъ въ пустыню св. Николая на Выксѣ.

1598. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкановъ требуетъ присяги во имя думы боярской. Избраніе Годунова.

44. Ссылки и казни. 1584—87. Митрополитъ Діонисій, мудрый Грамматикъ, замышляетъ съ кн. Шуйскимъ о разводѣ Феодора съ Иринуою; по клеветѣ взяты подъ стражу кн. Татевы, Урусовы, Болычевы, Бывасовы, друзья кн. Ш., кн. Андрей Ив. Ш. Псковскій сосланъ

¹) Скобки Пушкина.

²) Скобки Пушкина.

въ Баргополь, другихъ заточили въ Буй городъ, въ Галичь, въ Шую и въ Сибирь. Кн. Ив. Татеевъ въ Астрахань; купцамъ отсѣкли головы. Діонисій и Варлаамъ заточены, 1-й въ монастырь Хутынский, 2-й въ Автопьевъ Новгородскій. К. Шуйскій удушенъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій старый бояринъ и воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя государя, братъ Анастаси. Кн. Шуйскій Псковскій. Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Годуновъ, зять Малюты Смуратова.—Феодоръ царствуетъ 14 лѣтъ.

Послѣ убійства Дмитрія до избранія Годунова 7 лѣтъ.

Князья Рюрикова племени: Шуйскій, Сицкій, Воротынский, Ростовскій, Телятевскій и проч.

45. [Начинается программа трагедіи, а потомъ идетъ и первая ея сцена]. Годуновъ въ монастырѣ; толки князей; вѣсти;—площадь, вѣсть о избраніи (Годуновъ, вродивый).—Лѣтописецъ, Отрепьевъ.—Бѣгство Отрепьева.

Годуновъ въ монастырѣ, его раскаяніе;—монахи-бѣглецы.—Годуновъ въ семействѣ.

Годуновъ въ совѣтѣ; толки на площади.—Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Ирины.—Годуновъ и колдуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ.—Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга бояръ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади—письмо Дмитрія;—вѣче;—убіеніе царя;—самозванецъ вѣзжаеть въ Москву.

1-е дѣйствіе 20 февраля 1598. Воротынский, кн. Шуйскій ¹⁾).

Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога;

Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима.

Чернякъ съ поправками, какъ напечатано—II. 37.

45. Продолженіе той-же сцены:

Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ

Что, если такъ, Дмитрій могъ бы жить.

Послѣ этого прямо:

Ужасное злодѣйство! о конечно,
Губителя раскаянье грызеть,
Быть можетъ кровь царевича святого
Ему шагнуть мѣшастъ на престоль.

¹⁾ Было: Ростовскій.

Туть сейчасъ-же другая редакція:

Ужасное злодѣйство! жаль однако:
 Борись уменъ; правленіе его
 Повонило, величило Россію;
 Онъ прямо дарь,—что будетъ безъ него?
 —И, не тужи, — онъ будетъ государемъ
 Бакая честь для насъ, для всей Россіи,

и т. д.; потомъ написаны первые стихи сцены, недостающіе еще на предыдущей страницѣ:

Наряжены смотрѣть мы за устройствомъ,
 А между тѣмъ и не за кѣмъ смотрѣть
 Москва пуста и пр.

Далѣе продолженіе сцены:

Да родъ его не знатенъ; мы знатнѣе.
 Пускай они оставляютъ Годунова.

— II. 38, 39 и 40.

46.

Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
 Изъ насъ они любого изберутъ
 Себѣ царемъ.

Да хорошо-бъ, но трудно.
 Уже давно мы лишены удѣловъ,
 Давно царямъ мы какъ дворяне служимъ,
 Народъ отвыкъ въ насъ (видѣть) древній корень
 Воинственныхъ влaстителей своихъ,
 И много насъ, наследниковъ Варага,
 [Но] мудрено тягаться съ Годуновымъ,
 Онъ привязалъ и страхомъ, и любовью,
 И славою всѣ русскія сердца.
 — Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы... Но тише...

и т. д., до конца. II. 240—241.

На 46. начинается и занимаетъ 46, и 47, воображаемый разговоръ Пушкина съ Александромъ I-мъ. Отрывокъ объ Инзовѣ изъ этого разговора напечатанъ былъ г. Анненковымъ, — см. V. 39, стр. № 2366, 81. — Разговоръ написанъ очень неразборчиво, весь исчерпанъ, нѣстами фразы недописаны. Вотъ этотъ интересный для біографіи Пушкина разговоръ.

«Когда-бъ я былъ царь, то позвалъ бы Александра Пушкина и сказалъ [бы] ему: Александръ Сергѣевичъ, вы сочиняете (прекрасные) стихи, (я читаю съ большимъ удовольствіемъ). А. П.—ъ поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: я читалъ вашу оду Свобода, (прекрасно, хоть) она писана немного сбивчиво, мало обдуманно.

(вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду.—В. В. я писалъ ее въ 1817 году)... — Тутъ есть 3 строфы очень хорошия... я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ недѣльной клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія не основательныя, но вижу, что вы не уважали правду, личную честь даже въ царѣ. — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ. Лучше-бы вы прочли хоть 3 и 6 пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Пѣвника, или Бахчисарайскій Фонтанъ. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить 2 экземпляра въ бібліотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В. найдете время... Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, (вы доставите намъ пріятное занятіе),— наше царское прав[ш]ло: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла (не бѣгай). Скажите ¹⁾, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили, это не хорошо; вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь, любезнѣйшій нашъ товарищъ король Галим или императоръ Австрійскій съ вами не такъ бы поступили: за всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?—В. В. Инзовъ меня очень любилъ, за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ скуки ради французскіе журналы. А Е. С. гр. Воронцовъ (не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но зная русскую литературу, какъ герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычай но).... Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а неужились съ графомъ Воронцовымъ? —В. В., генералъ Инзовъ добрый и почтенный (старикъ), онъ русскій въ душѣ, онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопака всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочитса, ему не 18 лѣтъ... страсти если и были и въ немъ, то ужъ давно исчезли. [Онъ] довѣряетъ благородству чувствъ потому, что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ потому, что выше ихъ и никогда не подвергнется заслуженной колкости потому, что совсѣмъ вѣжливъ; [онъ] не опрометчивъ, не вѣрять.... пасквилямъ....—В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписываются мнѣ такъ, какъ всякіе остроумные вымыслы К. Ц.; (я не) оправдывался (никогда изъ пустого вольнодумія); отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на (свою) добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь и силы нѣтъ отказать.—Слабость непростительная, но вы же и Асей? вотъ что ужъ никуда не годится.—(Я Асей?) В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу?—можно-ли, школьническую шутку взвѣшивать какъ

¹⁾ Съ этихъ поръ и до словъ: какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, все перечеркнуто. В. Я.

преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь?— Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ европейскихъ вышшихъ властителей (увидимъ однако, что будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною...., ссылаюсь на собственное ваше сердце, противорѣчить вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей.. — Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?—Это не было-бы оскорбительно В. В. Вы видите, что я бы ошибся въ моихъ расчетахътутъ бы онъ разгорячился и наговорилъ-бы мнѣ много лишняго, (хоть отчасти правды), я-бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ-бы онъ написалъ (эпическую) поэму Ермакъ, или Бучумъ.... развѣромъ и съ римой...

47. Снова изъ Бориса Годунова, вторая сцена (Красная площадь)—
II. 41:—Неумолимъ! и т. д.

О Господи! Кто будетъ нами править
—(Онъ общалъ съ боярами рядить
По прежнему.)

—А царство безъ царя
Какъ устоитъ? Подымется раздоръ
А [хищный] Ханъ набѣгъ опять готовить
И явится внезапно подъ Москвой.
Кто отразитъ поганые (полюв)?
Кто сдвинетъ Русь въ грозящую дружинну?
О, горе намъ!

Но вотъ верховный дьякъ
Выходитъ намъ вѣдать—
—Послушайте Щелкалова! молчать!
—Бояре всѣ соборомъ положили,

и т. д., до конца съ незначительными вариантами.

48. Слѣдующая сцена изъ Бориса Годунова (Дѣвичье поле).

Теперь они пошли къ царцѣ въ велью

и т. д., есть нѣкоторые варианты.—I.—42 и 43.

Заплачемъ же и мы.

—Я силуюсь братъ
Да не могу.

—Я тоже.

—Нѣтъ-ли луку,

Потремъ глаза.

—Нѣтъ я слюной намажу.

Съ боку то-же иначе:

Да не могу.

—Дай ущипну тебя
Иль вырву влокъ изъ бороды
—Не во-время ты шутишь.

—Нѣтъ-ли луку.

48. Сверху дополненія къ той-же сценѣ:

Не плачь, не плачь! Агу, вотъ бука, бука,
 Отдамъ тебя. Агу, не плачь, не плачь.
 — Народъ завылъ. О чемъ ты плачешь, баба?
 — А какъ намъ знать, то вѣдаютъ боаре,
 Не намъ чета!—(Ну что-жь?) Какъ должно плакать
 Такъ и примольъ. Вотъ бука съѣсть тебя,
 Плачь баловень!....

Далѣе начинается сцена въ Бремлевскихъ палатахъ [II. 44]. Сначала указаны нѣкоторыя дѣйств. лица: Шуйскій, Воротынский, Щелкаловъ, патриархъ Іовъ, Голицынъ.

Внемлите! ты, Владыко, вы боаре,
 Обнажена...

и т. д., есть варианты; послѣ стиха: «Наслѣдую великимъ Іоанномъ» зачеркнуты два стиха:

Прославившимъ державною рукою
 Столь много лѣтъ страдавшую Россію.

49. Конецъ предыдущей сцены. Затѣмъ:

«Явленіе 4».

Чудовъ монастырь, ночь. Лѣтописецъ пишетъ, Григорій спитъ.

Еще одно послѣднее сказанье

и т. д.

Исполню долгъ мнѣ Богомъ завѣщанный,
 И въ памяти на вѣки успокою
 Земное все,—въ могилу нисходя
 Оставлю трудъ смиренный, безымянный...

и пр., черновая съ вариантами.

49, и 50. Продолженіе той-же сцены.

...Спасителя смиренно умоляютъ.
 Но близокъ день, лампада догораетъ,
 Еще одно ужасное преданье.

Борись, Борись! престола ты достигъ,
 Исполнились надменные желанья!
 Вокругъ тебя послушные рабы,
 Все съ трепетомъ твоей гордыни служить,
 Но счастья нѣтъ твоей душѣ преступной,
 И ты забылъ младенца кровь святую,
 А въ келии безвѣстное перо
 Здѣсь на тебя доносъ безмолвный пишетъ
 И не уйдетъ злодѣйство отъ суда
 И на землѣ, какъ въ вышнихъ передѣ Богомъ.

Какъ быстро, какъ неясно
 Минувшее проходитъ предо мной
 Давно-ль оно неслось событій полно,
 Какъ океанъ, усѣянный волнами,
 И такъ теперь безмолвно, безматежно.
 Передо мной опять выходятъ люди,
 Князья, враги и старые друзья,
 Товарищи мои въ шрамахъ и битвахъ
 И въ сладостныхъ семейственныхъ бесѣдахъ.
 Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
 Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
 Но гдѣ-же ихъ знакомый языкъ и голосъ
 И дѣйствія, и страсти [мощныя]?
 Немного словъ доходить до меня,
 Чуть чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью...
 И мнѣ давно, давно пора за ними...

Далѣе приписано:

...люди

Уже давно покинувшіе мнѣ,
 Властители которымъ былъ покоренъ,
 И недруги, и старые друзья—
 Товарищи моей прѣтущей жизни
 И въ шумъ битвъ и въ [сладостныхъ] бесѣдахъ.

Рисунки: лица.

50. Изъ Онѣгина, черновой отрывокъ изъ XV строфы IV главы [III. 72]:

Того-ли вы во мнѣ искали

и пр.—Тутъ-же черновой набросокъ къ цыганамъ: Прими привѣтъ сердечный мой, и т. д., варианты, не все—I. 539.—Рисунки: женское лицо и какой-то звѣрь.

51. «Прощай письмо любви»... и т. д.—[Сожженное письмо, II. 7] черновой текстъ, варианты.—Конецъ:

Приди, приди ко мнѣ на горестную грудь,
 Близъ сердца моего останься, забудь
 Слова завѣтныя, слова души прекрасной.

Тутъ-же черновой набросокъ; многое не разбираю.

Сосѣдство ваше намъ опасно,
 Хоть мило, можетъ быть, оно,
 Такъ утверждаю не напрасно,
 Я доказать.....
 Твой домъ, учтивая бесѣда,
 И шутки пополамъ
 Напоминають живо намъ
 опаснаго сосѣда.

51. Черновая строфа [XVII] четвертой главы Оиѣгина [III. 73].
Туть-же строфа, не вошедшая въ поэму, въ такомъ видѣ:

Но ты губернія Псковская
Теплица юныхъ дней моихъ,
Что можетъ быть страна пустая
Несноснѣй барышень твоихъ.
Межъ ними нѣтъ, замѣчу кстати
Ни тонкой вѣжливости знати,
Ни (вольности) веселыхъ шлюхъ¹⁾
Но уважая...

и т. д., какъ напечатано, только въ одномъ стихѣ запятая, поставленная
въ рукописи иначе, даетъ лучший смыслъ:

Пороки зубъ, нечистоту...

Рисунки: лица, ноги, дерево.

52. Черновое, совершенно неотдѣланное стихотвореніе; такъ какъ
сверху находится зачеркнутое имя: «Владиміръ», то можно думать, что стихо-
твореніе это должно было тоже служить образцомъ произведеній Владимира
Ленскаго, къ поэзіи котораго оно подходит и по содержанию. Вотъ что я
разбираю:

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Ее поймай, поймай шутя
надъ розою колючей

Но не совѣтую тебѣ
Играть съ уснувшимъ змиемъ.
Завидовать (его) судьбѣ...

Далѣе черновая строфа изъ Оиѣгина [XVIII строфа четвертой главы].
По бокамъ послѣдняго стиха:

Едва, едва блеснувшій день,—

съ правой стороны—31 дек. 1824, съ лѣвой—1 генв. 1825. Тутъ-же съ
боку: sottise et impertinence.

52. Сверху нѣсколько стиховъ изъ Бориса Годунова [изъ сцены въ
Чудовомъ монастырѣ, II. 47].

Три раза въ ночь злой врагъ меня будилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница вкрутая
Меня вела на башню; съ башни той
И видѣлъ я Москву, какъ муравейникъ;
Народъ (шума) на площади вилъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ.

¹⁾ Вар.: не милой вѣтренности шлюхъ.

И тотъ-же сонъ три раза видѣлъ я,
И три раза я падалъ съ той-же башни..
Чудесный сонъ .
Проснусь, гляжу,—и все передъ лампадой
За хартіей святой старикъ сидитъ,
(То думаетъ, то пишетъ),
И во всю ночь онъ не смыкалъ очей. .

Далѣе черновая зачеркнутая строфа изъ Онѣгина [изъ VII главы, со-
отвѣтствуетъ XXXV и XXVI строфамъ].

Увы, Татьяна увядаетъ...
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ,
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не веселитъ.
(. . . качая головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою
Пора, пора-бы замужъ ей.
Мать тоже мыслить, у друзей
Тихонько требуетъ совѣта;
Друзья совѣтуютъ—зимой
Въ Москву подняться всей семьей,—
Авось въ толнѣ большого свѣта
Татьянѣ смѣется женихъ,
Милѣй и счастливѣй другихъ.

53. Тѣ же изъ Онѣгина, ко II главѣ:

Не въ первый разъ моею Татьянѣ
Ужъ назначили жениховъ
И всякъ Онѣгинимъ заранѣ
Ее поздравить былъ готовъ.
. . . въ самомъ дѣлѣ
Ее искали, но доселѣ
Она отказывала всѣмъ;
Старушка мать гордилась тѣмъ
(Хоть громко жаловалась)...
Теперь сосѣдки всѣхъ семейныхъ
По пальцамъ даже перечли,
Такъ до Онѣгина дошли,
И предрекли уже разводъ
. (много) черезъ годъ

Семейство Ларинныхъ заранѣ
Поздравить всякій былъ готовъ...

Но сметни (скоро перестали,
Онѣгинъ не пріѣхалъ вновь,
Не вдумалъ свататься женихъ,
А Таня)..

--Рисунки: голова, кусты.

53. Разные наброски къ Онѣггину:

Старушка очень полюбила
 Благоразумный ихъ совѣтъ,
 Въ столицу (ѣхать) положила,
 Какъ только б[удеть] зимній слѣдъ
 Ужъ небо осенью дышало

и т. д.,—т. е. сначала изъ XXVII строфы седьмой главы, а конецъ изъ XL строфы главы четвертой; непосредственно затѣмъ идетъ строфа, совсѣмъ невошедшая въ романъ; строфа вся исчеркана,—вполнѣ разбираю только начало:

Когда повѣсть къ намъ весною
 И небо вдругъ оживлено
 Люблю поспѣшною рукою
 Двойное выставить окно...

Далѣ неразборчиво,—можно прочесть лишь отдѣльные стихи, отдѣльные слова.

54. На предыдущей страницѣ мы видѣли въ одной строфѣ стихи, составившіе въ окончателной редакціи заключеніе XL строфы четвертой главы Онѣггина; тутъ мы видимъ стихи, составившіе начало той-же строфы,—но соединенные съ другими стихами, не вошедшими въ романъ:

Что наше сѣверное лѣто
 Карриатура южныхъ зимъ,
 Мелькнеть и нѣтъ, известно это,
 Хотъ мы признаться не хотимъ.
 Мы точно насмысли природы,
 Питомцы вѣчнаго
 Съ зимою только дружны мы.
 Не шумъ дубровъ, не тѣнь, не розы,
 Снѣга, трескучіе морозы,
 Мятель, свинцовый сводъ небесъ
 Безлиственный, серебряный лѣсъ
 Пустыни ярко снѣговья,
 Гдѣ свиснуть подрѣзы саней
 (По слѣду ухарскихъ коней)
 среди ночей,
 Кибитки, пѣсни удаля
 Вотъ наша область, наша слава
 А дома
 Двойныя стекла, банный паръ,
 Халаты, лежанка и угарь...

54. Отрывокъ:

Что возырь?—Черви.—Мнѣ ходить...

и т. д.—I. 520. Далѣ другой набросокъ, который былъ сообщенъ г. Анненковымъ, но не весь [I. 520. Пушкинъ etc. стр. 177].

Кто тамъ?—Здорово, господа!
 — Затѣмъ пожаловалъ сюда?
 — Привелъ я гостя.—Ахъ, Создатель!
 Вотъ докторъ Ф[рикевъ], нашъ пріятель!
 Живой!—Онъ живъ, да нашъ давно:
 Сегодня-ль, завтра-ль, все равно!
 — Объ этомъ думаютъ двояко,
 Обычай требовалъ однако
 Совзволенья моего.
 Но впрочемъ это ничего,
 Вы знаете, всегда [вѣдь] другу
 Я рада оказать услугу.

Потомъ набросаны два стиха опять изъ карточной игры:

Я дамой...—Крой!—Я бью тузомъ:
 — Позвольте, козырь.—Ну пойдѣмъ.

Затѣмъ еще:

Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнатье...

и т. д.—I. 519; предпоследній стихъ:

Все тихо ')—Тамъ, гораздо далѣ.

Далѣ:

Сегодня балъ у сатаны,
 На именны мы званы...

Четвертый стихъ, кромѣ печатной редакціи [I. 519]

На кухню ташутъ поросенка

имѣеть еще двѣ редакціи:

- 1) Метутъ (торопятъ поваренка).
- 2) (Усердно жарятъ поросенка).

Всѣ три редакціи зачеркнуты.

55. Окончаніе предыдущаго наброска. Затѣмъ:

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны,
 Тогда напрасень умъ, искусства ненужны
 И самой красотѣ—семнадцать лѣтъ замѣна.
 Но время протекло, настала пережѣна,
 Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
 (Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ) на дворѣ
 . . . твой слухъ обворождаетъ,
 А зеркало сильнѣй грозитъ и увлекаетъ
 утѣшься и смиришь,
 заранѣ откажись.

') Зачеркнутый вариантъ: Здѣсь пусто.

Ищи другихъ побѣдъ успѣхи предъ тобой,
 Я счастья тебѣ желаю всей душой,

 и опытовъ моихъ,
 Мой дидактическій благоразумный стихъ.

Потомъ опять изъ Боржса Годунова, продолженіе, см. 52.

(Минувшихъ лѣтъ онъ пишетъ повѣсть)
 Какъ я люблю его сповойный лязъ,
 Когда душой въ минушемъ погруженный,
 Онъ лѣтотисъ свою ведетъ; и часто
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О битвахъ-ли, о казняхъ Іоанна?
 О мятежахъ Новгородской воли?
 О (гибельномъ) владичествѣ татаръ?
 О славѣ-ли святой Руси? Напрасно
 Все тотъ же [видъ], холодный, величавый,
 Ни на челѣ высококъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его завѣтныхъ думъ...

Рисунки: двѣ отдѣльныя фигуры въ маскахъ, съ рапирами.
 55.

Такъ мудрый дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый
 и пр.—II. 47.—Черновая съ поправками и вариантами. Съ боку накидана
 программа словъ Пимена: Приближаюсь къ тому времени, когда земное пе-
 рестало быть для меня занимательнымъ.

56.. Изъ разговора Григорія съ Пименомъ, продолженіе предыдущаго,
 II—48. Затѣмъ прозаическая замѣтка:

Катенинъ перевелъ многія трагедіи, также комедію *le Méchant* и проч.
 Не упоминаю объ его же [переводѣ]... Андромаха еще въ рукописи и не-
 янрана. Она, безъ сомнѣнья, лучше извѣстна...

Рисунки: лицо; фигуры печально сидящихъ чертей.

56.. Сверху:

Скажи мнѣ, ночь, зачѣмъ твой тихій мракъ
 Мнѣ радостнѣй...

Потомъ:

Только розы отцвѣтаютъ
 Амврозіей дыша,
 Въ Элизій улетаетъ
 Ихъ легкая душа,
 И тамъ, гдѣ волны сонны,
 Забвеніе несутъ,
 Ихъ тѣни благовонны
 Надъ Летою цвѣтутъ...

Далѣе слѣдуетъ все исчерканное, неразборчивое французское стихотворе-
 ніе, по содержанію представляющее, вѣроятно, подлинникъ сейчасъ приве-
 денныхъ стиховъ о розахъ.—Рисунки: лицо; фигуры татаръ.

57. Сверху черновые неразборчивые наброски:

... Хоть онъ былъ вѣжливъ,
Но дома скученъ, сухъ и гордъ.

... Люблю одну,—имѣетъ
Она какой-то южный видъ...

Затѣмъ идетъ эпиграмма на В.....ва, сначала въ черновомъ неоконченномъ наброскѣ [конецъ], потомъ въ болѣе отдѣланномъ видѣ. Черновой набросокъ имѣетъ такой видъ:

Ріего былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ
повѣшенъ
не съ горяча
Ругаться намъ надъ жертвой палача
что-жъ вышло?
Царю смѣшно такое добротство,
Льстецы старайтесь сохранить
И въ подлости немного благородства.

Затѣмъ, какъ сказано, вся эпиграмма въ болѣе отдѣланномъ видѣ; эта же эпиграмма, вполнѣ дописанная, въ окончательной редакціи, повторяется еще и ниже, на 85, тамъ и будутъ приведены поправки печатнаго текста, а варианты черновые я не стану приводить. Смотри также выше 2.

57. Конецъ XXIV строфы и XXV строфа четвертой главы Онѣгина; черновыя съ вариантами.

58. Наброски изъ второй главы Онѣгина. Сверху послѣдніе пять стиховъ VIII строфы:

Людей священные друзья...

Потомъ, въ разбивку, послѣдніе стихи VII строфы:

Онъ забавлялъ мечтою сладкой...

Съ боку изъ VI строфы:

Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ презрѣнныя суеты ¹⁾
Славолюбныя ²⁾ мечты,
Ученость ³⁾ и немного странный
Видъ...

Далѣе конецъ X строфы:

Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны...

и т. д.—Потомъ черновая XXVII строфы главы четвертой.

¹⁾ Зачеркнуто: учености плоды.

²⁾ Тоже: вольнолюбивыя.

³⁾ Тоже: Душъ пылкій.

58. Черновая XXVII строфы, четвертой главы Онягина.—Потомъ известная замѣтка о стихотвореніи «Демонъ», въ рукописи нѣсколько отличающаяся отъ печатнаго текста,—V. 14.

59. Окончаніе предыдущей замѣтки. Затѣмъ черновые стихи:

Куда, куда завлекъ меня враждебный Геній?
 Рожденный для любви, для сладкихъ искушеній
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
 Свободу, и друзей, и лѣнь!
 Судьба делѣла мою живую младость,
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 На шумныхъ вечерахъ, мой звонкій [смѣхъ]
 Далеко возвѣщала чашь утѣхъ ¹⁾
 Когда-жъ утомлены Вакхальною тревогой
 надъ чашею тревогой... ²⁾

Тутъ же внизу:

Кххх [т. е. Кюхельбекеръ]

«да сохранить тебя твой добрый Геній (въ тишинѣ) подъ бурей...»

Рисунки: лицо, треногая чаша.

59,—64. Андрей Шенье въ темницѣ—II. 1; очень исчерпанная черновая, съ повтореніями, вставками; варианты.—Рисунки: головы лошадей.

На 64, еще карандашомъ: десять стиховъ XXI строфы пятой главы Онягина:

Споръ громче, громче; вдругъ Евгений

и т. д.—Рисунокъ карандашомъ: бритое лицо въ очкахъ.

64. XIV строфа четвертой главы Онягина и неоконченный набросокъ слѣдующей строфы; черновыя съ вариантами.

65. Исчерпанная замѣтка объ Андреѣ Шенье: «А. Ш. погибъ жертвой французской революціи, на 31-нѣ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько [элегій] . . . и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ уtratѣ всего прочаго. Наконецъ творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году... Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства»...

Затѣмъ идетъ черновая строфа изъ Онягина (III. 183):

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...

Варианты противъ печатнаго, напр.:

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все движетъ лирою пѣвца...

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

Внизу:

Я жилъ поэтомъ —
 Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ,
 Но всякой...

65. Черновое письмо къ Бенкендорфу [чистовое напечатано—VII. 381,—
 помѣта 20-го іюля 1827] объ Ольдекопѣ. Есть отличія отъ чистоваго.

Рисунки: лицо, женскія ноги въ платьѣ.

66.—68. Наброски изъ Путешествія Онегина; сначала опять [см. 65]:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной

и т. д., до конца: Лишь море Черное шумить [III. 183—187]; черновыя
 съ вариантами.

На 68: еще набросано [см. I. 541]:

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
 Читалъ я сладостный коранъ,
 Внезапно ангелъ утѣшенья,
 Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.

Его таинственная сила
 (Съ тѣмъ) ¹⁾,
 Слова святыя начертила
 На немъ безвѣстная рука.

Затѣмъ вся исчерпанная черновая какого-то стихотворенія о лунѣ и
 зарѣ.

Рисунки: 66,—много лицъ; 68,—женская фигура.

69. Изъ Ариоста, октавы 104—106 [II, стр. 394]; черновая съ не-
 оконченными поправками; варианты.—Рисунки: лица.

69: и 70. Проектъ французскаго письма къ императору Александру I;
 часть этого черноваго наброска приведена въ переводѣ г. Анненковымъ
 [«Пушкинъ» и пр., стр. 142;—VII. 196]. Письмо набросано наскоро; много
 въ немъ нельзя разобрать, многія слова прямо ненаписаны, обозначены
 лишь первой буквой или даже неопредѣленнымъ росчеркомъ. Привожу такъ,
 какъ разобралъ:

(J'avois 20 ans en 1820). Des propos inconsiderés, des vers sati-
 riques... le bruit repandit, que j'avoit été traduit et f. à la ch. t. ²⁾.

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général;
 je me vus flétri dans l'opinion, je fus découragé, je me batais, j'avois
 20 [ans]. Je deliberais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'as-
 sasiner V. Dans le premier cas je ne faisais qu'à [confirmer] un bruit,

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Недописанныя слова.

qui me déshonorait, [dans le second] je ne me vengeais pas puisqu'il n'y avoit pas d'outrage, je commettais un crime, je [sacrifiais] à l'opinion d'un public, que je méprisais, un homme..... dont j'avait l'admiration involontaire. Ces reflexions me determinerent.

Tels furent mes reflexions; je les communiquais à un ami qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité: j'en sentis l'inutilité. Je résolu de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: (j'aspirais) la Sibirie ou la forteresse comme réhabilitation.

Le conduit magnanime et liberale de l'autorité me toucha en dera-cinant une ridicule calomnie... Depuis . à une disgrâce s'il m'est quelques fois échapper des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelques fois je m'abandonner à jeunes declamations, je suis pourtant bien sur d'avoir tousjours respecté soit dans l'écrit, soit dans mes discours la personne de V. M. Sire on m'accuse d'avoir compté sur la générosité de votre caractère; je vous ai dit la vérité avec une franchise dont serait impossible d'être coupable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recoure à cette générosité: ma santé a etais fortement alterée dans ma jeunesse; un aneurisme de coeur exige une [prompte] opération, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée ne peut me procurer aucun sécour. Je supplie V. M. de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordoner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soins de [prolonger] mon existence...

Пушкинъ еще въ Одессѣ выставилъ причиною просьбы объ отставкѣ свой аневризмъ, его просьба о поѣздкѣ въ Дерптъ къ Моллеру, назначеніе ему для леченія Пскова и проч.—извѣстны.—Ср. VII. 199.

70,—71. Начало четвертой главы Евгения Онегина; изъ каждой строфы, обозначенной цифрою, выписано по стиху или по нѣсколькѣ стиховъ, часто неконченыхъ. Это какъ бы возобновленіе въ памяти уже написанныхъ строфъ, для того чтобы продолжать дальше. Привожу первые стихи съ указаніемъ цифры строфы:

1.

Въ началѣ жизни etc.

[Съ боку приписано: То вдругъ сея..]

2.

Словами юнаго поэта...

[3.]

Чѣмъ меньше etc.

[4.]

Ахъ дамы! скучно etc.

5.

Такъ точно думалъ мой Евгений ..

6.

Онъ твердо зналъ, что вы-же сами...

7.

Безъ упоенья по привычкѣ etc

8.

Но получивъ посланье Тани

и т. д. вся XI строфа съ нѣкоторыми вариантами.

9.

Минуты двѣ etc.

Св. VII—XII строфы четвертой главы и дополненія—III. 188—190.

Затѣмъ идетъ программа слѣдующей [XIII] строфы, уже сообщенная г. Анненковымъ [Матер., стр. 141].

71.—73. Начинается съ исполненія предшествующей программы, со строфы XIII главы четвертой; потомъ идутъ подрядъ всѣ строфы до XXII включительно, —черновыя съ вариантами.—Рисунокъ на 73.; лицо.

74. и 74. XXVIII—XXX строфы четвертой главы; черновыя съ поправками карандашемъ.—Рисунки карандашомъ и чернилами: чертъ въ плащѣ и въ шпакѣ; рать; лицо.

75. Карандашомъ были написаны XXXI и XXXII строфы главы четвертой Онѣгина, а сверху чернилами черновое начало Черала, съ поправками и вариантами—II. 150. См. № 2367, 37, и № 2368, л. 36.

75.—76. Карандашомъ XXXIII—XXXVI строфы четвертой главы Онѣгина.—Рисунки: головы.

76. XXXVII строфа четвертой главы. Въ рукописи тутъ мы находимъ и два послѣдніе стиха:

... Какой нибудь журналъ читал,
И одѣвался,—только врань
Носили вы такой нарядъ.

затѣмъ непосредственно начинается строфа, представляющая такимъ образомъ выпущенную изъ романа XXXVIII строфу главы четвертой, [до сихъ поръ она считалась принадлежащей ко второй главѣ, см. III. 424]:

Носилъ онъ русскую рубашку

и т. д., какъ напечатано, только одинъ стихъ сообщенъ г. Анненковымъ невѣрно; онъ напечаталъ:

Но только снимъ уборомъ чуднымъ...

Въ рукописи ясно читаемъ:

И только. Снимъ уборомъ чуднымъ...

3*

77.—79. [Все карандашомъ; на 78, поправка чернилами; 79, карандашъ и чернила].—Продолженіе четвертой главы Онѣгина, до конца. Сначала идетъ строфа XXXIX; затѣмъ XL, которую мы видѣли уже раньше [см. 53, и 54.], обозначена двумя стихами, такъ:

Но наше сѣв. etc.
Ужъ небо осенью etc.

XLI нѣтъ, потому всѣ XLII—LI.—Черновыя съ вариантами. Начало XLIII строфы такое, какъ напечатано III. 432. Послѣ XLIII строфы помѣта: 2 гевв. 1826; въ концѣ, послѣ LI строфы: 3 гевв.

На 79: чернилами внизу исчерпанныя октавы изъ Аріоста—107 и 108,—II. 395.

79. Сверху помѣта карандашомъ: 4 гевв. Карандашомъ-же двѣ черновыя строфы изъ Евгенія Онѣгина: I и II главы пятой; варианты:

Летить кибитка почтовая,
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ
Слуга сидитъ на облучкѣ,
Ямщикъ веселый, стол, править,
И колокольчикъ удало!
Греметь подъ новою дугою...

Поверхъ карандашныхъ строкъ Онѣгина чернилами написана 109 октава изъ Аріоста [II. 396.]—Рисункъ: фигура во весь ростъ [можетъ быть, свой портретъ].

80.—82. Карандашомъ.—Пятой главы Онѣгина строфы III—XII; черновыя съ вариантами.

На 80: съ боку: жидъ и сынъ, графъ. [т. е. программа изъ Скупого рыцаря].

На 82: [замѣчаніе къ I главѣ Онѣгина къ стиху XXVIII строфы:

Бренчатъ кавалергарда шпоры]

Неточность.

На балахъ кавалергардскіе офицеры являются, такъ же какъ и лейбъ-гусары, въ вицмундрѣ, въ башмакахъ. Замѣчаніе основательное, но въ описаніи есть нѣчто поэтическое. Ссылаюсь на мнѣніе А. И. В.

Рисунки: 80,—фигура [можетъ быть, свой портретъ]; 80 и 81,—много лицъ.

82.—84. Карандашъ и чернила. Пятой главы Онѣгина строфы XIII—XX, черновыя, варианты. Рисунки: 82,—лица, кошка; 83,—человѣческая фигура; 83,—задъ лошади и ноги всадника, человѣческая голова.

84. Изъ André Chenier.

Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снѣдаетъ,

и т. д.—I. 454.—Чисто переписано, съ одной поправкой,—во второмъ стихѣ: на дѣвственныхъ устахъ, вмѣсто—на розовыхъ; есть варианты.

85. Сверху черновой набросокъ эпиграммы:

Пріятельмъ.

Враги мои, покажѣть я ни слова...

и т. д., до конца.—II. 10.

Затѣмъ эпиграмма на Воронцова [см. выше л. 57.]—I. 411.

Сказали разъ царю, и т. д.

варианты:

Всѣхъ разсмѣшилъ проворный приговоръ
Ріаго былъ предъ Фердинантомъ грѣшевъ..

дальше:

Не захотѣлъ улыбкой наградить.

последній стихъ:

И въ самой подлости осанку благородства.

85. «Начало 1 пѣсни Дѣвственницы».

Я не рожденъ святыню славословить,
Мой слабый гласъ не взлетитъ до небесъ,
Но долженъ я васъ мнѣ приготовить
Къ услышанью Іоанннхъ чудесъ.
Она спасла французскіе лилеи,
Въ бояхъ ея дѣвической рукой
Поражены заморскіе злодѣи;
Могучею блистая красотой
Она была подъ юбкою герой.
Я признаюсь, вечернею порой
Милѣ мнѣ смиренная дѣвица,
Послушная какъ агнецъ полевой;
Іоанна-же была душою львица;
Среди трудовъ и бранныхъ непогодъ
Являлася всѣхъ витязей славнѣ,
И что всего чудеснѣе, труднѣе,
Цвѣтъ дѣвственный хранила круглый годъ.

О ты, пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
Съдой пѣвецъ, чьи хрипые напѣвы,
Нестройный умъ и безтолковый вкусъ
Въ былые дни бѣсили нѣжныхъ музъ,
Хотѣлъ-бы ты, о стихотворецъ хныдъ,
Почтуть меня скрипницею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому нибудь изъ модныхъ рюмачей.

Это переводъ изъ первой пѣсни «Pucelle» Вольтера.—Написано чисто, почти безъ помярокъ.

VIII.

№ 2371. Большой альбомъ въ листъ, въ красномъ бумажномъ переплетѣ. Въ этомъ альбомѣ Пушкинъ писалъ сначала съ одной стороны, потомъ съ другой, почему сразу нельзя рѣшить, гдѣ собственно начало альбома: черная нумерація приняла за начало одну сторону, красная другую. Мы кажется, что въ данномъ случаѣ красная нумерація начинается вѣрнѣе, ей я и буду слѣдовать; такимъ образомъ нумерація и помѣты опекуновъ будутъ для насъ верхомъ внизъ.—На передней доскѣ переплета верхомъ внизъ опекунская помѣта: <въ сей книгѣ писанныхъ листовъ сто>. Красная нумерація насчитываетъ всего 99, но она одинъ листъ, между 64 и 65, оставила безъ номера. Одного номерованнаго листа, именно красн. 91, черн. 9—нѣтъ, но такъ какъ одинъ листъ между черн. 16 и 17, кр. 84 и 85—[на немъ правда одно слово]—остался совсѣмъ безъ номера, то всѣхъ листовъ въ альбомѣ 100. На задней доскѣ переплета, снаружи, ярлыкъ опекунскій все съ тою же надписью, верхомъ внизъ.

1. Эпиграфъ изъ Баратынскаго:

Собранье пламенныхъ замѣтъ
 Богатой жизни юныхъ лѣтъ,
 Плоды роскошнаго забвенья,
 Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
 Свои живыя сновидѣнья...

Баратынскій. Пырь.

Съ боку помѣта:

1824—
 1827

Москва, 18 М.

1. —неписанная страница.

2. Черновая изъ Омѣгина.

Письмъ VII.

I строфа и четыре строки II строфы.

Рисунокъ: лира, на ней птица съ распущенными крыльями.

2,—7. Продолженіе строфы II и строфы III—XXI. VIII строфа, какъ напечатана—III. 433, IX тоже,—конецъ ея такой, какъ въ XI строфѣ печатнаго текста; XI же строфа тоже въ первоначальной редакціи [III. 433]. Черновыя, варианты.—Конецъ 5, и 6,—7, писаны карандашомъ.

На 5, передъ XII строфой помѣта: 19 февраля.—Рисунки: 2, ржущій жеребецъ въ чепракѣ; 3, — двѣ мужскія головы; 3, — мускулистая

ноги; 5.—женская голова; 6.—всадникъ, 6.—фигура Наполеона; мужская голова въ парикѣ съ косой.

7.—10. Альбомъ Овѣгина; черновыя, варианты.—Вступленіе № 1, № 3, № 2, № 2 изъ дополненій [III. 438], № 4 [дважды на одной страницѣ], № 5, № 6, № 8, № 9 и № 10.—III. 192—195 и 438.—При № 5 [на листѣ 9,] помята: 5 авг...

10. Изъ первой пѣсни Полтавы [II. 173].

I.

Была та смутная пора,

и т. д.;

II.

Вънчанный славой бесполезной...

и т. д.

11. Опять, въ болѣе исчерпанномъ видѣ:

Была та смутная пора

и проч. Помята: 5 апр.—Рисунки: два лица.

11, и 12. Продолженіе — II. 173 и 174.—Рисунки: 11, — кустикъ, 12.—зигъ, карандашомъ.

12. Дважды набросано:

Вы избалованы природой,

— II. 235. Привожу болѣе разборчивую черновую:

Вы избалованы природой,
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша страстная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ хвалить не мудрено,
(Что ваши взоры—сердцу жалы),
Что ваши ножки очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры.
Что можно васъ любить сердечно;
Но вы не знаете, конечно,
Что и болтливая Москва
Порою правды не умалитъ,
Что иногда и сердце хвалить,
Хоть и кружится голова.

13. Черновое стихотвореніе:

Увы! языкъ любви болтливой,
Языкъ [и скромный], и простой
Своею прозой нерадивей
Тебѣ докучея, Ангелъ мой.

[Ты любишь] мѣрныя напѣвы,
 [Ты любишь] рпемы гордой звонъ,
 И сладокъ уху милой дѣвы
 Честолюбивый Аполлонъ.
 Тебя страшить любви признанье,
 Письмо мое ты разорвешь,
 Но стихотворное посланье
 Съ улыбкой нѣжною прочтешь.
 Благословенъ же будь отъ мнѣ
 Судьбою вѣренный мнѣ даръ,
 Доселѣ въ жизненной пустынѣ
 (Во мнѣ питаю сердца) ') жаръ
 Мнѣ навлекалъ одно гоненье

и заключенье
 И рѣдко хладную хвалу.

Съ боку помѣта: 9 мая 1828, море On day. Тутъ же карандашомъ черновое:

Снова тучи надо мною...

и т. д. II. 165.—Рисунокъ карандашный: дважды одно и то же пожилое лицо.

13.—14. Воспоминанье — II. 163; черновое; помѣта: 19 мая. — Рисунки: 13. голова и дважды мачта съ парусомъ.

На 14, еще—Ты и Вы—II. 219.

На этой страницѣ три помѣты: «18 мая у княгини Голицыной etc.»; «20 мая 1828»; въ концѣ стихотворенія: «23 мая». — Рисунки: два лица.

15. Подраженіе Анакреону: кобылица молодая [II. 231]. Помѣта: 6 іюня.

Съ боку карандашомъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ: — Рисунки: нѣсколько скачущихъ лошадей, —рисовано одиѣми палочками.

15. Изъ сказки о царѣ Салтанѣ:

Три дѣвицы подъ окномъ,

и т. д., до:

Родила богатыря.

— III. 205.—Рисунки карандашомъ: женская голова и лошадь.

16. Программа къ той же сказкѣ [см. № 2366, я 30.].

«Только успѣла она выговорить сіи слова, какъ дверь отворилась и царь вошелъ безъ доклада. Царь имѣлъ привычку гулять поздно по городу и подслушивать рѣчи своихъ подданныхъ. Онъ съ пріятной улыбкой подошелъ къ меньшей сестрѣ, взялъ ее за руку и сказалъ: будь же царидей и роди мнѣ царевича. Потомъ, обратясь къ старшей и средней, сказалъ

') Поправка не разобрана.

онъ: ты будь у меня при дворѣ ткачихой, а ты кухаркой. Съ этимъ словомъ, не давъ имъ образумиться, Царь два раза свистнулъ; дворъ наполнился воинами и царедворцами; серебряная карета подъѣхала къ [самому] крыльцу. Царь сѣлъ въ нее съ новою царицей, а свояченицъ велѣлъ вести во дворецъ; ихъ посадили въ телѣги, и всѣ поскакали».

16. Сверху исчерканные стихи; есть что то въ родѣ программы: первая любовь, цѣрь поэтовъ, деревня.

Далѣе набросокъ:

Волненьемъ жизни утомленный
Остави заблужденій путь
(Къ тебѣ прибрежъ я) отдохнуть
И близъ тебя, мой другъ безцѣнный...
Тебѣ принесъ...

Съ боку, рядомъ съ этимъ стихотвореніемъ помѣта:

25 іюня
[Фанни]
нннн
Elisa e Claudio.

Затѣмъ, ниже:

Ст[арый] поэтъ. Благодарю за привѣтъ ты считаешь во мнѣ старость, а не гениѣ, онъ угасъ [на верху страницы есть зачеркнутый стихъ, передающій часть этой фразы: но вы во мнѣ почтили годы...].

..... 1) Мы почитасмъ въ тебѣ твою славу.

Ст. поэтъ. Что слава? я ею насладился, какъ просилъ... Другія времена, другія вдохновенія, другой поэтъ...

Спой намъ что нибудь...

Рисунки: карандашомъ лицо старика въ жабо; бутылка.

17. Изъ седьмой главы Онѣгина XXII строфа [см. 7]:

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Съ собой [въ дорогу] онъ возилъ
Юмъ, Робертсонъ, Руссо, Маблн,
Баронъ Д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
Локъ, Фонтенель, Дидротъ...
Горацій, Кикеронъ. Лукрецій.

Далѣе нѣсколько исчерканныхъ полустершихся карандашныхъ строчекъ; разбираю не все.

1) Название собесѣдника стараго поэта неразобрано.

(И твое) воспоминанье
Замѣнить душѣ моей
Славы мечтанье
И надежду юныхъ дней

Ангель вѣжливый, ангель ясный,
Ангель радостный, прости...

Рисунокъ: лицо.

17. Изъ воспоминаній въ Царскомъ селѣ:

Какъ дремле юный расточитель

— П. 249. Тутъ же карандашомъ четыре строчки, перенесенныя, за недостаткомъ мѣста, со слѣдующей страницы: Бругомъ Мазепы раздавался — и проч. — П. 174. — Рисунки карандашомъ: нѣсколько лицъ и фигура въ сарафанѣ и кокошникѣ.

18. Карандашомъ:

Давно Украина волновалась...

и т. д.—П. 174—см. 17. Тутъ же встрѣчаемъ заглавіе: «Анчаръ». — Рисунки: нѣсколько слитно нарисованныхъ лицъ, много ножекъ.

18. Карандашъ, чернильные поправки.

Продолженіе изъ Полтавы: Храня суровость обычайну... — П. 174, см. 17 и 18.—Затѣмъ изъ другаго мѣста: Мгновенно сердце молодое... и т. д. П. 170.

19. Продолженіе: Но поздній жаръ ужь не остынетъ—П. 170, см. 18. Далѣе исчерканная черновая:

Въ степяхъ зеленыхъ Бужака
Гдѣ Прутъ, (завѣтная) рѣка,
Обходитъ русскія владѣнья
При (бѣдномъ) устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье;
Семействами болгары тутъ
(Въ убогой дикости) живутъ
Храня родительскіе нравы,
Питаюсь трудомъ [sic]
И не заботятся о томъ
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой...

19. Чернила и карандашъ. Могучъ и славенъ Кочубей и проч. П. 169. Черновая, варианты, повторенія; дочь Кочубей называется Натальей и Анной. Рисунки: лошади, нарисованныя одними черточками; корабль.

20. Черновой, очень неразборчивый отрывокъ письма къ одному изъ литературныхъ друзей:

«Письмо твое застало меня посреди хлопотъ и неприятностей всякаго рода, (оно обрадовало меня какъ будто бы ты самъ...) отвѣчаю на скоро на всѣ твои запросы. Стихъ, который тебя мучить, Гвидича, изъ его Танкреды....

Успокоился ли ты? S. Голицынъ пустился въ стихи, junior и Киселевъ въ дорогу, а я въ распутство...

[Далѣ разбираю отдѣльные слова; въ концѣ]: въ послѣднее время вотъ какъ воспѣли мы....

20. и 21. Анчаръ—II. 219.—Черновая. На 21, рисунки карандашомъ: человѣкъ съ связанными назадъ руками и пониженной головой; лицо; деревцо.

21. Карандашомъ нѣсколько строкъ изъ официального письма: «Осмѣливаюсь замѣтить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже и въ тѣхъ, въ конхъ... не видно ни направленія къ безвѣрью, ни кощунства надъ религіей. Тѣмъ прискорбиѣ для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ въ настоящихъ глѣтахъ и обстоятельствахъ произведеніе жалкое и постыдное».... См. 23.

Рисунки: головы и фигуры.

22. Только сверху четыре слова: и въ самомъ дѣлѣ. Рисунки: кружки, деревья, лицо.

22., Черныя карандашомъ:

Счастливы, кто избранъ своенравно...

и т. д.—II. 162;—варианты.—Внизу двѣ строки изъ Анчара:

Къ нему не ходитъ гладный тигръ,
Надъ нимъ орелъ не пролетитъ.

Рисунки: кусты, цифры, карты игральныя.

23., Сверху изъ Полтавы:

Мила она какъ вешней цвѣтъ,

и т. д.—II. 169.—Затѣмъ письмо, вѣроятно, къ генер. Бенкендорфу. Это письмо, такъ же какъ и отрывокъ изъ письма на 21., еще дополняютъ собой свидѣтельства о постоянныхъ преслѣдовавшихъ Пушкина неприятностяхъ и опасеніяхъ:

«Г. оберъ-полицейстеръ требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что я [не буду печатать] безъ [разрѣшенія] обычной цензуры. Повинуясь священной для меня волѣ [т. е. императора]; тѣмъ не менѣе прискорбна мнѣ сія мѣра. (Государь императоръ въ минуту, для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры ¹⁾), а далъ честное слово государю, которому

¹⁾ Скобки () Пушкина.

измѣнить не могу, не говоря ужъ [23.] о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ (Е. В. какъ) царю и человѣку. Требованіе полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ глубоко чувствую, что я того не заслуживалъ, и далъ-бы и въ томъ честное слово, если-бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до цензуры, если государю императору угодно уничтожить милость мнѣ оказанную, то, я (съ благоговѣніемъ) и горестью приѣмая знакъ его неблаговоленія, прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впредь (поступать) ¹⁾ съ моими сочиненіями, которыя, какъ вамъ извѣстно, составляли одно мое имуществъ.

Надѣюсь, что ваше превосходительство поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой осмѣливаюсь объясняться. Она знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ обяз....»

24. И подлинно, въ Полтавѣ вѣтъ и т. д.—II. 169; см. 19.

24.—25. Стихи объ рѣмѣ; сначала надо читать 25., потомъ 24., и 25., — Стихотвореніе это сообщено г. Анненковымъ, но неполнѣ точно. Такъ въ первомъ куплетѣ четвертый стихъ напечатанъ [II. 407]:

Ты умолкла, улетѣла...

въ рукописи эта редакція зачеркнута, а незачеркнутыми остались:

Ахъ зачѣмъ ты улетѣла

и еще:

Ахъ ужель ты улетѣла.

Четвертый куплетъ читается такъ:

Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвой прихоти твоей ²⁾,
Какъ любовникъ добродушный,
Снисходительно послушный
Вылъ я мучимъ [и] любимъ.

Въ пятомъ куплетѣ пятый стихъ въ рукописи читается:

(Какъ-бы пышно заблестала)...

Послѣдній изъ напечатанныхъ куплетовъ:

Помня первыя свиданья
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
Въ [тихой] рождѣ Геликона
родила

¹⁾ Поправка не разобрана.

²⁾ Для рѣмы слѣдовало-бы:

Рѣзвыми прихотямъ твоимъ.

Дальше еще набросано:

И младенца восприяли
 Боги... Діана....
 И отъ гѣвѣннаго Зевеса
 ...сокрыла ночь...

На 25, рисунокъ: лицо.

26. Чернила и карандашъ.—Изъ Полтавы:

Но не единая краса,

и т. д.—II.—170, см. 19, и 24,.—Дважды написано заглавіе: Евгений Онегинъ.—Рисунки: лица.

26. Изъ Полтавы:

Что-жъ Гетманъ, юноши твердили...

— II. 174.

27.—36. Заняты отрывкомъ—«Гости съѣзжались на дачу». Карандашъ и чернила.—При сравненіи посмертнаго печатнаго прозаическаго текста съ рукописями встрѣчаешься съ затрудненіемъ: поправки и пропуски къ стихамъ сообщить гораздо легче, да эти поправки важнѣе и интереснѣе сами по себѣ,—отъ искаженія одного слова часто нарушена гармонія всей картины; другое дѣло проза: съ одной стороны для указанія поправки одного слова приходится выписывать длинную фразу, съ другой длинный перечень подобныхъ ошибокъ представилъ-бы матеріалъ слишкомъ сухой. Поэтому сдѣлавъ общую оговорку, что посмертная проза Пушкина издана чуть-ли еще не хуже посмертныхъ стиховъ, я ограничусь указаніемъ только главнѣйшихъ поправокъ и пропусковъ, оставляя въ сторонѣ болѣе мелкія ошибки и пропуски двухъ трехъ словъ.

Обращаюсь къ данному отрывку. Онъ впервые былъ напечатанъ въ сборникѣ «Сто русскихъ литераторовъ» 1839 и потомъ перепечатанъ отсюда безъ измѣненія г. Анненковымъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ. Въ тетрадяхъ Пушкина не сохранилось того оригинала, съ котораго напечатанъ былъ этотъ отрывокъ, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаемъ отдѣльныя части этого отрывка, наброски, часто болѣе полныя, чѣмъ печатный текстъ. Г. Анненкову необходимо нужно было соединить указанные наброски, сравнить съ ними печатный текстъ и дополнить его; онъ этого не сдѣлалъ. Данный набросокъ, представляющій почти полный печатный текстъ, былъ бы въ этомъ отношеніи особенно важенъ. Какъ уже сказалъ, я, пропуская мелкія отличія ¹⁾, приведу лишь главныя дополненія.

¹⁾ Для примѣра этихъ отличій текста, приведу начало: Гости съѣзжались на дачу Гр. Л. Зала наполнялась дамами и мужчинами, пріѣхавшими въ одно

Въ разговорѣ Минскаго съ испавцемъ [см. еще № 2372, л. 75, и предпеств.], избилующемъ многими вариантами, заключительныя слова Минскаго [IV. стр. 463] гораздо полнѣе [28,—29]. «Что касается до красоты, отвѣчалъ русскій, то вы правы, здѣсь на каждомъ [шагу] встрѣчаете вы красавицу; вообще въ нихъ [т. е. въ русскихъ женщинахъ] есть и природный умъ и образованность; но нечего говорить объ ихъ любезности: она не въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть воекетками, мужины уронить свою важность, достоинство. Всѣ стараются быть благоприсойно-ничтожными со вкусомъ и приличіемъ.—Что наше общество? тѣ же лица каждый день вмѣстѣ; а есть-ли между ними что нибудь похожее на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все что составляетъ прелесть общештїа. Вслушайтесь въ наши разговоры: сухія извѣстія изъ арміи, которыя завтра же прочтете вы въ газетахъ, толки о новомъ посредственномъ актерѣ, изрѣдко соблазнительный анекдотъ, рассказанный безо всякаго правдоподобія, растолкованный, разобранный безо всякой веселости. Волочиться почитаемъ мы за дурной тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Однако мнѣ хочется дать вамъ понятіе о нравахъ нашего большого свѣта и дабы не употребить во зло довѣренности иностранца, я расскажу вамъ»... и т. д.

Приведу еще мѣсто о женихѣ героини: «Вольскій, богатый молодой человекъ, привышій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что генералъ-адъютантъ N. на одномъ придворномъ балѣ рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ, и что Г***, встрѣтясь на Англійской набережной, цѣлые полчаса изволилъ съ нею прогуливаться» [32].

На 33. Рисунокъ: лицо.

На 36. еще карандашомъ изъ Полтавы:

Самъ гетманъ сватовъ шлетъ...

—II. 170.—Тутъ же фигура какой-то полной барыни.

37.—67. Продолженіе черновой Полтавы, все до конца, исчерканная черновая съ вариантами.—Чернилами и карандашомъ.—На 39., кромѣ стиховъ, встрѣчаемъ такую программу: «Портретъ Мазепы; (его ненависть); (его замыслы; его сношенія) съ Петромъ и Карломъ; (его хитрость;ночи)». —На 43, тоже программа: «Марія; Чуйкевичъ; доносъ; ночь передъ казнію; мать и Марія; казнь; сумашествіе; измѣна; Полтава». Тутъ же рядъ цифръ и вычисленій, представляющихъ, вѣроятно, списокъ долговъ.

время изъ театра, гдѣ давали новую комедію. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и вновь исчезнуть въ толпѣ, еще не занятой ни картами, ни разговорами, и т. д.

В. Я.

(1300) Голицын.

(500) }
(850) } Тр...

2650

170)

150)

500 вгев.

250 Хвтр.

л. 44.—половина оторвана; на листѣ между 64 и 65 вѣтъ красной цифры, черная—36.

Рисунки: 37,—лицо; 37,—вѣтка; 38,—два повѣшанныхъ и двѣ вистѣ-лицы съ пятью повѣшанными [см. № 2368, л. 38,]; 39.—повѣшанный; 40,—ключи; 40,—змѣя; 41, 42, и 42,—лица; 43,—пейзажъ; 43: женская фигура и три повѣшанныхъ; 45,—корова; 46,—лицо; 47.—три головки; 48, и 48,—лица; 51:—два всадника и лошадь; 53,—пистолеть и лебедь.

68.—69. Изъ Евгенія Оиѣггина—VII главы строфы XXII—XXIV и еще изъ строфы XII главы восьмой. Рисунки: 61:—лошадь; 65:—голова въ киверѣ; 66,—дерево; 68,—кусть; 69.—лодка.

70: и 69. Посвященіе къ Полтавѣ, дважды, съ повтореніями въ черновомъ и въ болѣе бѣловомъ видѣ. Отличія отъ печатнаго текста—II. 168.

Тебѣ... во голосъ музы темной
Коснется ль слуха твоего
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ непризнанное вновь?...
О если примешь тайны звуки,
Мечты, преданныя тебѣ,
Вѣрь, Ангель, что во дни разлуки
Въ моей измѣнчивой судьбѣ
Твоя далекая ') пустыня...

и т. д.—Помѣта:

27 октября

1828

Малинини²⁾.

Тутъ-же.

I love this sweet name.

1) Въмѣсто зачеркнутаго: печальная.

2) Малинини — имяніе добраго пріятели А. С. Пушкина, — сына Правосовны Александровны Осиповой, по первому мужу Вульфъ, — Алексѣя Николаевича Вульфа, въ Тверской губерніи. Ред.

70. Выписка въ шесть стиховъ изъ Мазены Байрона, начинающая со стиха:

[Until] a day more darke and drear.

и эпиграфъ, т. е. четыре предшествующіе стиха.—II. 167.—Изъ Полтавы:—

При кликахъ войска своего,
Въ своемъ шатрѣ etc.

— II. 211.

71.—74. Изъ седьмой главы Евгенія Онѣгина, строфы XXIV—XXXV и XL—XLIII.

74. Оттуда-же строфа LIV.

75. Черныкъ послѣдней [LV] строфы седьмой главы Онѣгина.

Пою... слогъ настроя,
Я полурусскаго героя...

Тутъ-же по двумъ широкомъ линейкамъ крупно написано: «тошно такъ» и съ росчеркомъ написана чья-то фамилія.

75. — Неписанная.

77.—76. Черновой романсъ; очень исчерканный; въ чистовомъ видѣ см. его въ № 2384, л. 50.

Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный...

Послѣ втораго куплета еще набросанъ куплетъ, соотвѣтствующій попадающемуся въ спискахъ и сообщенному—III. 246, примѣч.; въ извѣстной намъ бѣловой этого куплета нѣтъ.

[Разъ] поѣхалъ онъ въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста
На пути Марію Дѣву
Матерь Господа-Христа.

Далѣе, за пятымъ куплетомъ печатнаго текста идетъ:

Проводилъ онъ цѣлы ночи
Предъ иконой пресвятой
Устремивъ къ ней [... очн],
Тихо слезъ лилъ рѣкой

Пѣть псалмы Отцу и сыну
И Святому Духу—вѣкъ
Не случилось Паладину:
Былъ онъ странный человѣкъ.

Потомъ конецъ:

Возвратясь въ свой замокъ дальній
Жилъ онъ будто заключенъ,
Все влюбленный, все печальный,
Безъ причастья умеръ онъ.

Какъ боролся онъ съ [кончиной]
 Бѣсъ лукавый подоспѣлъ
 Душу рыцаря собирался
 Унести онъ въ свой предѣлъ.

Онъ и Богу не молился ¹⁾
 Онъ не вѣдалъ и поста,
 Онъ
 Непреставно волочился.

2)

78. Барандашъ; программа:

Кирджали. (Крупянскаго зала). Эмигранты. Стѣнка. Стулянская битва.
 Кантакузенъ, ренду Харчевскій, Навроцкій. Битва. Арнауты въ
 Кшишевѣ.

78. Черновой набросокъ объ «Осени».

[Октябрь] ужъ наступилъ; съ нагихъ своихъ вѣтвей
 Послѣдній листь уже дубрава отряхаетъ
 хладныя предвѣстники дождей...

и т. д.—II. 278. Край листа оторванъ, поэтому въ нѣкоторыхъ стихахъ недостаетъ перваго слова.—Рисунки: бородатое лицо, ножки, разные росчерки.—Эта страница фотолитографирована въ «Альбомѣ Пушкинской выставки», стр. 126, № 1. Цифра 22 на литографіи, это опекунская нумерація.

79. Тотъ-же мотивъ объ осени другимъ размѣромъ:

Ужъ осень холодомъ дохнула
 (На обнаженныхъ поля),
 Уже дубрава отряхнула
 Послѣдній листь съ вѣтвей; земля
 (Прохвачена морозомъ)...

Сравни въ Евг. Онегинѣ строфу XL главы четвертой.—Рисунокъ: сцена въ гостиной, четыре фигуры въ костюмахъ 1820-хъ годовъ; можетъ быть, это Татьяна, ея мать, сестра и Ленскій, сообщающій о предстоящемъ приѣздѣ Онегина—глава III, строфа XXXVI.—См. «Альбомъ Пушкинской выставки», тамъ-же, № 2; цифра 79 посреди листа, это жандармская красная нумерація.

¹⁾ Этотъ вузлетъ долженъ быть по смыслу поставленъ раньше предыдущаго.

²⁾ Опускаемъ четыре строки.

79.—82. Опять неразборчивая черновая Осень.

Октябрь уже насталь—ужь роща отряхаеть
Листы послѣдніе съ нагихъ своихъ вѣтвей..

и т. д.; варианты. II. 278. Весь отрывокъ и съ XI строфой. Последняя строфа:

Приветъ... Куда-жь намъ плыть? Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный..

Далѣе упоминаются: «Иль скалы Шотландіи, иль сибѣгъ»...

Рисунки: 80.—берегъ, вода и лодка; 81.— лодка, женская фигура; 82.—птицы, египетская статуя, топоръ.

82.—Неписанная страница.

83. Нѣсколько черновыхъ исчерканныхъ строкъ къ «Вѣсамъ» III. 274.

И за ихъ волнистой дымкой
Мѣсяцъ
Освѣщаетъ невидимкой..

83.—Неписанная.

85.—84. и еще одинъ нумерованный—83а.—Барандашомъ начало первой сцены «Русалки», до пріѣзда князя.—III. 252.

Охъ, тото всё вы, дѣвки молоды,
Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернуся
Къ вамъ человѣкъ богатый, знатный, сильный,
Такъ должно бы стараться до грѣха
Изъ волокиты (сдѣлать) жениха
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ
Не баловать (излишнею любовью)
Не слишкомъ и суровостью пугать,
А исподволь то строгостью, то лаской
Заманивать; порой обнякомъ
О свадьбѣ заговаривать—* а пуще
Беречь свою дѣвическую честь,
Безцѣнное сокровище * ¹⁾. А если
Уже надежды нѣтъ на бракъ законный,
То можно выгадать по крайней мѣрѣ
Какойнибудь барышъ,—или пользу
Своимъ роднымъ. Подумать должно:
Не вѣчно-жь будетъ охъ меня любить
И слушаться моею магѣйшей воли,
И баловать меня...

и т. д.—Далѣе мелкіе варианты.—Кончается отрывокъ пріѣздомъ князя, мельникъ уходитъ готовить ему угощеніе: послѣднее слово одно только и находится на незаномерованномъ [83а] листѣ.

¹⁾ Два стиха, обозначенные звѣздочкой, находятся на 86., и мѣсто, куда ихъ вставить, указано звѣздочкой.

88.—86. Прозанческій отрывокъ, конецъ и продолженіе того отрывка, который, по первымъ словамъ, называется—«На углу маленькой площади» и который былъ впервые напечатанъ посмертнымъ изданіемъ съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями, не возстановленными и г. Анненковымъ. Полный подлинный текстъ печатнаго отрывка см. въ № 2386; отрывокъ-же, находящійся въ описываемой тетради, представляетъ конецъ печатнаго текста съ нѣкоторыми вариантами и потомъ значительное продолженіе: не смотря на это и посмертные издатели, и г. Анненковъ оставили описываемыя страницы безъ малѣйшаго вниманія. Опускаю варианты.

Данный отрывокъ начинается съ слѣдующаго мѣста:

«Такъ! опять подозрѣнія, опять ревность! это, ей Богу, несносно! Съ этими словами онъ всталъ и взялъ шляпу,—и т. д.—III. 441. Самое окончаніе печатнаго текста: Зинаида встала, подошла къ окошку, смотрѣла, какъ подали карету Володскому, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ-же мѣстѣ, опустивъ руки и погруженная въ размышленіе. Слезы нрѣдка текли по ея блѣдному лицу. Наконецъ она сказала громко и съ видомъ рѣшительнымъ онъ меня ужъ не любитъ, отерла глаза, позвонила; вошла горничная, она велѣла засвѣтить лампу и сѣла за письменное бюро».

Далѣе начинается отрывокъ, который объясняетъ читателю описанную передъ этимъ сцену.

** [т. е. мужъ героини, Зинаиды] скоро удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ на что рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ несчастіемъ столь обыкновеннымъ—презрительнымъ; сердиться не на шутку—слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ глубоко-оскорбленнаго чувства слишкомъ смѣшнымъ. Въ счастью жена его явилась ему на помощь.

Полюбивъ Володскаго, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа, сродное одиѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... Однажды вошла она къ нему въ кабинетъ, заперла за собою и объявила, что любитъ Володскаго, что не хочетъ обманывать мужа и втайнѣ его безчестить, и что она рѣшилась развестись. ** не могъ опомниться отъ такого чистосердечія, былъ встревоженъ стремительностію; она не дала ему времени опомниться, въ тотъ-же день переѣхала съ Англійской Набережной въ Коломну и въ короткой запискѣ увѣдомила обо всемъ Володскаго, ничего тому подобнаго не ожидавшаго. Онъ былъ въ отчаяніи: никогда не думалъ онъ связать себя такими узами. Онъ не любилъ скуки... боялся обязанностей и выше всего цѣнилъ свою себялюбивую независимость... Но все было кончено. Зинаида оставалась на его рукахъ. Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на

хлопоты любовной связи, какъ на занятіе должностное или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счета своего дворецкаго...

(Но чѣмъ далѣе)...

На 87₂, послѣ того, какъ сказано, что Зинаида съѣла за письменное бюро приписано: *vous ecrivez vos lettres de 4 pages plus vite, que je ne puis les lire.*—Въ концѣ 86, карандашомъ два стиха изъ Русалки, см. выше, прилѣчаніе къ л. 85₂.—Рисунки: на 87₂—ножки и руки; на 87,—голова барыни въ высокой прическѣ.

88₂. Черновое исчерканное четверостишіе:

[Тебя пою] на томной лирѣ,
Но гдѣ найду мой (идеаль)?
И кто пойметъ меня въ семь мірѣ?
Но не понималъ.

Затѣмъ черновой набросокъ объ Онѣгинѣ, имѣющій отношеніе къ VIII гл. строфѣ XVI, хотя и не принадлежащей прямо къ роману.

Смотрите въ залу Нина входитъ,
Остановилась у дверей
И взглядъ разсѣянный обводитъ
Кругомъ внимательныхъ гостей.
Въ возненьи перси, плечи блещутъ,
Горитъ въ алмазахъ голова
Вкругъ стана и трепещутъ
Прозрачной сѣтью кружева

И шелкъ узорной паутиной
Сквозитъ на розовыхъ [плечахъ]
И вы въ восторгѣ, въ небесахъ
Предъ сей волшебною картиной.
Однѣ Онѣгинѣ...
Одной Татьяной пораженъ,
Одной Татьяной...

Рисунокъ: деревья, пѣнь, трава.

89. Посреди страницы четыре исчерканныхъ строчки изъ прозаическаго отрывка: «На углу маленькой площади».

«Аристокрація! прервала съ усмѣшкою блѣдная дама. (Что ты зовешь аристокраціей?)

Да, да! Аристокрація, возразилъ съ жаромъ Вол[одской]. (Развѣ)...

Рисунки: на кровати подъ пологомъ лежитъ полураздѣтая женщина, со свѣсившимися головою и рукою, по видимому мертвая; внизу начать тотъ же рисунокъ; можетъ быть, Пушкинъ рисовалъ Дездемону; если такъ, то хитроулыбающееся мужское лицо представляетъ, быть можетъ, Яго.—Страница эта воспроизведена въ «Альбомѣ Пушкинской выставки», стр. 126.

№ 3.—Цифра 89, находящаяся на фотографіи, это—красная жандармская нумерація.

82. Одни рисунки: стѣна, кустъ, деревья; другая стѣна съ рѣшетчатымъ окномъ; три фигуры какъ бы сумашедшихъ, кошка; лежащая фигура пьянаго, —такая-же фигура начата еще, двѣ обнявшіяся фигуры въ испанскомъ костюмѣ; лошадь. См. «Альбомъ Пушкинской выставки», стр. 126, № 4.

90. Рисунокъ: лѣсъ.

90. Дважды начатый черныя:

Брадатый старичекъ Авдѣи
Съ поклономъ барынѣ своей
Поднесъ ученаго скворца,
Замѣсто краснаго ячicka.
Извѣстно вамъ, такая птичка
Умнѣи инаго мудреца.
Скворецъ
Вдыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ, картава:
Христось воскресъ! Христось воскресъ!...

Рисунокъ: средневѣковой копейщикъ.

Листа 91 [черн. нум. 9]—нѣтъ.

92.—92. —Черновая, неоконченная піеса Чернь—II 226; варианты.

93.—93. Исчерченная черновая стихотворенія Цвѣтокъ—II. 162; варианты.—На 93; внизу нѣсколько черновыхъ стиховъ изъ Черни; см. л. 92.

95.—94. Черновая изъ Полтавы: II. 187.

Давно замыслили мы дѣло

и т. д. разговоръ Мазепы съ Маріей до конца. Начало см. 97. Приведу вариантъ заключительныхъ словъ Маріи, которая по этому варианту не соглашается пожертвовать отцомъ:

Мнѣ пережить тебя невозможно,
Но за отца тобой мнѣ должно...

или иначе:

Мнѣ пережить тебя нельзя,
Но жертвовать должна тобой...

95. Нѣсколько совершенно зачернутыхъ стиховъ; можно разобрать:

(Мнѣ ночь отрада)...
(Я проснулся, но лѣниво)
Длятся ночи Декабря...

97.—98. Чернила и карандашъ. Исчерканное начало II пѣсни Полтавы:

Уходить быстро дни за днями.
Мазена мраченъ. Умъ его...

и т. д., до:

Марія, такъ и быть, узнай.

— II. 185—187; продолженіе см. выше.

— На 96: первоначальный текстъ карандашомъ, исправленія, ближе къ печатному, чернилами. На 96, съ боку нѣсколько карандашныхъ строкъ прозы, составляющихъ продолженіе 98, гдѣ я ихъ и приведу.—На 97: набросокъ.

Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною
Брызжитъ, пѣнется вино...

Рисунки: 96.—двѣ головы; 97.—лицо и фигура.

98. Карандашъ. Отрывокъ, изображающій послѣдующія отношенія между Зинаидой Вольской и Минскимъ [см. въ отрывкѣ: «Гости съѣзжались на дачу», IV, 462, выше л. 27.]. Посмертное изданіе пропустило данный отрывокъ, г. Анненковъ тоже его не замѣтилъ.

«Минскій лежалъ еще въ постелѣ, когда (слуга) подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ его, зѣвая, пожалъ плечами, развернулъ два листа вдоль и поперекъ исписанные мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо начиналось такимъ образомъ: Я намѣрена тебѣ сказать все, что имѣю на сердцѣ. Въ твоемъ присутствіи я не нахожу мыслей, которыя такъ сильно меня преслѣдуютъ. Твои софизмы не убѣждаютъ (меня ¹), но заставляютъ меня молчать. Это доказываетъ твое всегдашнее превосходство надо мною, но (этого) недовольно для счастья, для спокойствія моего сердца... Вольская упрекала его въ холодности, недобѣрчивости... и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ; разсыпалась въ нѣжныхъ ласковыхъ увѣреніяхъ... ²) и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложѣ. Минскій отвѣчалъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами и обѣщаясь быть непременно въ театрѣ.

98.—99.—неписанныя страницы.

99. «Шотландская пѣсня» — II. 166. Черновая, варианты: — Сбоку еще:

Лищинскій околѣлъ, отечеству бѣда,
Князь Сергій ³) живъ еще, утѣштесь Го[спода].

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹) Поправка: мовъ подозрѣній.

²) Дальнѣйшее взято съ 96, см. выше.

³) Было: Потоцкій.

ЗАПИСКИ ГУСТАВА ФОНЪ-ШТРАНДМАНА

1771 г. ¹⁾.

Въ январѣ и февралѣ всѣ полки усердно занимались приготовлениями къ предстоящей кампаніи.

Въ началѣ февраля нѣкоторые генералы получили отставку съ сохраненіемъ жалованья, а именно: генераль-лейтенанты Далкенъ съ содержаніемъ въ 6,000 руб. и Ренненкампфъ отставленъ съ подаркомъ въ 10,000 руб. Первый изъ нихъ былъ старый, странный и упрямый человекъ. Онъ не принималъ участія въ прусской войнѣ и всѣ увѣряли, что у него нѣтъ сердца. Насколько первый былъ не любимъ своими подчиненными, настолько послѣдняго уважали. Генераль Ренненкампфъ былъ, кромѣ того, человекъ очень опытный и ловкій, и что самое главное—безкорыстный и честный. Графъ Панинъ любилъ его, считалъ своимъ другомъ и отличалъ предъ прочими генералами; если бы графъ не подалъ въ отставку, то и Ренненкампфъ продолжалъ бы службу.

20-го апрѣля всѣ полки выступили и направились къ Царицыну, какъ сборному пункту; это одна изъ плохихъ крѣпостей, лежащихъ по ту сторону линіи, и находится приблизительно въ 50 верстахъ отъ Дѣбпра.

Въ Царицынѣ князь Долгорукій произвелъ смотръ всему войску и нашелъ, что нашъ полкъ одинъ изъ лучшихъ.

4-го мая выступила наша бригада подъ командою генераль-маіора Брауна.

Генераль-маіоръ князь Проворовскій командовалъ авангардомъ и шелъ на Самару.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., т. XXXIV, май, стр. 289—318.

Въ Самарѣ застали мы московскій легіонъ, состоявшій изъ 5,000 человекъ. 10-го мая князь сдѣлалъ смотръ въ составѣ 4-хъ пѣхотныхъ баталіоновъ этого легіона; будучи составленъ изъ новобранцевъ и молодыхъ офицеровъ, они конечно не обладали въ достаточной мѣрѣ воинскою выправкою и фронтовою исправностію.

Мы не застали уже отряда князя Прозоровскаго—онъ подвинулся впередъ до Московки.

13-го мая выступили мы изъ Самары и 18-го прибыли къ Александровской крѣпости, лежащей на новой линіи. Крѣпость достаточно велика, фронтальная линія по Днѣпру, а лѣвый флангъ примыкаетъ къ маленькой рѣчкѣ, въ которой, во время нашего пребыванія здѣсь, къ несчастію, утонули два офицера: артиллерійскій поручикъ Нечаевъ и инженерный поручикъ графъ Пушкинъ.

Новая линія была заложена въ минувшемъ году и идетъ по рѣкамъ Ковской, Бердѣ до Азовскаго моря, за 120 верстъ отъ Таганрога. Генералъ-лейтенантъ Деденевъ наблюдалъ за постройкой всей этой линіи.

Крѣпость Самара въ 84 верстахъ отъ Александровской. Баталіонъ Вологодскаго полка, который перезимовалъ въ крѣпости, съ убылью умершими 180 человекъ, присоединился къ намъ. Армія шла, какъ обыкновенно, въ двухъ или трехъ колоннахъ съ авангардомъ и аррьергардомъ. Погода была сухая и жаркая. Путь лежалъ большею частію по равнинамъ. Князь Прозоровскій со своимъ авангардомъ шелъ, приблизительно, въ 50 верстахъ передъ нами.

21-го мая прошли мы 15 верстъ до рѣки Ковской, а на слѣдующій день до рѣчки Карачаракъ, гдѣ соединились съ отрядомъ Берга.

Генералъ-маіоръ Щербатовъ былъ командированъ чрезъ степь на Шубать, гдѣ нашъ флотъ его поджидалъ для его десантнаго отряда въ Крымъ.

24-го мая армія раздѣлилась на семь колоннъ и шла походнымъ порядкомъ и дошла 27-го до Шлетенаго озера. Здѣсь были стянуты всѣ гренадерскіе баталіоны, числомъ пять. Первымъ командовалъ нашъ подполковникъ Михельсонъ; вторымъ—подполковникъ Бибииковъ; третьимъ—подполковникъ Ханбаумъ; четвертымъ—капитанъ гвардіи и волонтеръ Геларинъ и пятымъ—датской службы маіоръ и волонтеръ Колтборнъ.

Послѣ того, какъ къ генералу Прозоровскому присоединилась легкая кавалерія Берга, его отрядъ усилился до 10,000 человекъ и приблизился къ намъ на разстояніе одного перехода, выславъ далеко впередъ партію развѣдчиковъ.

Въ продолженіи всего этого мѣсяца стояла у насъ превосходная

ясная погода. Армія шла походомъ въ одной линіи, а именно: пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ, безъ всякихъ предосторожностей, даже не были выставлены форпосты. Весь походъ сопровождался величайшимъ беспорядкомъ; случалось даже, что колонны пересѣкались и сталкивались. Хорошо еще, что передъ нами не было непріятеля.

1-го іюня произошла у насъ тревога, вслѣдствіе ложныхъ донесеній. Генералъ Прозоровскій донесъ, что отрядъ его казаковъ видѣлъ непріятеля въ числѣ 3,000 человекъ. По требованію, ему тотчасъ послали два баталіона гренадеръ, два баталіона егерей и два эскадрона карабинеровъ, съ которыми онъ подвинулся на 15 верстъ впередъ отъ главныхъ силъ; дальше не пошелъ, но отрядилъ казачьяго полковника Колпакова съ нѣсколькими сотнями. Изъ состава же главныхъ силъ, генералъ-маіоръ Сорвегъ, съ двумя полками гусаръ, былъ направленъ въ тылъ, чтобы прикрыть провіантъ. Но черезъ два дня мы узнали, что нигдѣ не было видно ни одного непріятеля и, такимъ образомъ, всѣ эти отряды благополучно вернулись назадъ.

2-го іюня былъ тяжелый переходъ, пришлось перевалить черезъ четыре большія горы. 5-го пришли въ Ушангери, гдѣ оставались мы два дня. По теченію Днѣпра, въ 4-хъ верстахъ, находится старинный покинутый турецкій шавецъ и двухдневная наша стоянка дала намъ возможность построить по теченію Днѣпра, въ 3-хъ верстахъ отсюда, ретраншементъ, въ которомъ мы оставили нашихъ больныхъ и лишніе телѣги. Въ добавку къ фашинамъ, получили извѣстное количество гѣстницъ, (обитыя желѣзомъ, длиною въ 4 сажени), которые мы взяли съ собою.

10-го іюня князь Долгорукій поѣхалъ верхомъ осматривать крѣпость Перекопъ, куда за день передъ тѣмъ уже прибылъ князь Прозоровскій со своимъ авангардомъ.

Мы выступили 11-го числа и слѣдовали семью колоннами 12 верстъ, послѣ чего, не доходя 3 версты до Перекопа, разбили лагерь нѣсколько влѣво отъ Сиваша. Во все время похода, армія постоянно стояла на одной линіи. Нашъ состарѣвшійся въ прежнихъ традиціяхъ военноподполковникъ Долгорукій не хотѣлъ измѣнять этотъ невыгодный въ военное время порядокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы всѣ части были ближе къ водѣ. Счастіе еще, что за все время на насъ ни разу не напалъ внезапно какой-либо сильный непріятельскій отрядъ, а то этому упрямому старику пришлось бы весьма не хорошо, когда понадобилось бы перестроивать въ боевой порядокъ чрезмѣрно удлинненную и тонкую линію войскъ. Передъ нашимъ при-

бытіемъ подь Перекопъ, былъ объявленъ приказъ, *ordre de bataille*, который по старой рутинѣ назначалъ боевой порядокъ, состоящій изъ двухъ отрядовъ пѣхоты въ центрѣ и кавалеріи на флангахъ. Посреди перваго отряда находился большой курганъ; такимъ образомъ, наконецъ-то мы получили опредѣленный *ordre de bataille* для нашей арміи.

11-го іюня не случилось ничего особеннаго, если не считать стычку съ нашими казаками и пикинерами нѣсколькихъ тысячъ татаръ, вышедшихъ послѣ полудня изъ крѣпости. Татары привели казаковъ въ совершенный беспорядокъ, но когда подоспѣли пикинеры съ двумя маленькими пушками, то непріятель, благодаря ихъ отличному дѣйствию, былъ отбитъ. Мы взяли нѣсколько плѣнныхъ, которые показали, что въ Перекопѣ находится самъ ханъ съ 4,000 татаръ и намѣревается на слѣдующій день атаковать насъ въ трехъ пунктахъ. Поэтому князь Долгорукій, желавшій войти въ линію на слѣдующую ночь, отмѣнилъ свое намѣреніе, такъ какъ ему хотѣлось выманить татаръ изъ крѣпости. Но татары не вышли 12-го и потому въ ночь на 13-е была рѣшена атака на линію. Она состояла, кромѣ перехода чрезъ Сивашъ, изъ трехъ дѣйствительныхъ и трехъ демонстративныхъ атакъ, изъ которыхъ впрочемъ одна обратилась въ дѣйствительную. Первою командовалъ подполковникъ Философовъ съ 4-ми гренадерскими ротами; второю—подполковникъ князь Долгорукій, (сынъ нашего шефа), съ баталіономъ егерей, а третьимъ—подполковникъ Михельсонъ со своимъ гренадерскимъ баталіономъ. Въ подкрѣпленіе было откомандировано для каждой атаки еще по пѣхотному баталіону. Двѣ демонстративныя велъ подполковникъ Ступицень, а третью—подполковникъ Ханбаумъ, которому посчастливилось проавести дѣйствительную атаку, удалось ему обойти батарею и атаковать ее съ тылу. Атакующія колонны были подь общею командою дежурнаго генерала графа Пушкина. Для перехода чрезъ Сивашъ съ лѣвой стороны командированы, подь начальствомъ князя Прозоровскаго, кромѣ трехъ казачьихъ полковъ, еще 30 эскадроновъ кавалеріи, 4 баталіона и 14 орудій.

Итакъ, въ 12 часовъ ночи, всѣ эти отряды выступили изъ лагера, а за часъ до разсвѣта началась атака, которая повсюду удалась такъ хорошо, что утромъ наши войска заняли всю перекопскую линію. Кромѣ затрудненій въ переходѣ черезъ ровъ, шириною въ 18 сажень и глубиною въ 7, для чего наши лѣстницы оказались слишкомъ коротки, войска не подвергались никакой другой опасности, такъ какъ татары вовсе не сопротивлялись и, побросавъ батареи, бѣжали. Вслѣдствіе этого во всей пѣхотѣ едва ли было убито

10 человекъ. Предъ атакой была послѣшно насыпана батарея прямо противъ воротъ крѣпости, чтобы никого не выпустить оттуда, и изъ этой-то батареи направленъ былъ въ крѣпость сильный огонь для поддержки правой атаки. Что касается дѣйствій собственно нашего отряда, то мы выступили въ назначенный часъ и кавалерія конвоировала насъ слѣва, чтобы отчасти маневровать нашъ подходъ въ сторону татарской линіи. Переходъ нашъ былъ весьма затруднителенъ по той причинѣ, что вся дорога, на протяженіи 8 или 10 верстъ, представляла собою одну сплошную массу топкой грязи. Артиллерійскія лошади устали до такой степени, что когда мы около 4 часовъ перешли на ту сторону, при насъ оказалось только 4 пушки; остальные завязли въ грязи, и чтобы ихъ вытаскивать, пришлось оставить, по крайней мѣрѣ, 200 человекъ. Едва успѣли мы перейти на тотъ берегъ, и при томъ столь благополучно, что во время нашего пути въ насъ не попалъ ни одинъ выстрѣлъ изъ крайней батареи, какъ пришло извѣстіе, что къ намъ приближается ханъ, который отступилъ изъ крѣпости со своими татарами. Поэтому мы сейчасъ же выстроили два карре: кавалерія стала по флангамъ и въ тылу, а казаки были посланы впередъ. Татары, приведя ихъ въ безпорядокъ, гнались за ними до нашего фронта. Такъ какъ татары вмѣстѣ съ нашими казаками и гусарами, которыхъ сами казаки тоже привели въ безпорядокъ, летѣли прямо на лѣвое карре, гдѣ мой баталіонъ занималъ передній фасъ, то генераль-маіоръ Алексѣй Голицынъ, командовавшій 4-мя баталіонами, приказалъ стрѣлять по неприятелю изъ ружей и пушекъ. Татары, не выдержавъ огня, отступили; это ободрило казаковъ и гусаръ, которые повернули назадъ и пустились преслѣдовать противника. Чтобы подкрѣпить ихъ, мы прошли болѣе 15 верстъ, послѣ чего велѣно было повернуть назадъ, для соединенія съ отрядомъ, уже перешедшимъ чрезъ линію неприятельскихъ окоповъ. Въ этомъ дѣлѣ было убито и ранено около ста казаковъ, изъ числа которыхъ двухъ находившихся предъ нашимъ фронтомъ мы убили по нечаянности сами.

Казалось, что крѣпость будетъ еще долго держаться, какъ вдругъ послѣ полудня она сдалась на капитуляцію. Гарнизонъ, состоявшій изъ 600 татаръ, получилъ свободный пропускъ до Кошова, откуда онъ намѣревался отправиться въ Варну. Туркамъ позволено было взять съ собою все, кромѣ оружія. Въ крѣпости мы нашли 11 мортиръ, 135 пушекъ различнаго калибра, провіантъ, 2,000 пудовъ пороху, но мало пуль. Недостатокъ въ пуляхъ и заставилъ неприятеля сдаться. Вообще же на всей линіи окоповъ было найдено приблизительно до 50 пушекъ.

Какъ въ окрестностяхъ, такъ и въ самомъ Перекопѣ мало прѣс-

ной воды, такъ что употреблять ее для питья можно было не иначе какъ съ уксуомъ или виномъ. Подножный кормъ до линіи былъ повсюду хорошъ, но какъ только переступили за линію и вошли въ Крымъ, то на протяженіи 50 или 60 верстъ травы уже не было. Солончаковая почва производитъ лишь только полынъ.

17-го іюня всѣ мы выступили далѣе. Воронежскій и Брянскій пѣхотные, Молдавскій гусарскій и два казачьи полка съ 6 орудіями были отряжены въ Козловъ, подъ командою генераль-маіора Брауна, а князь Долгорукій съ остальными полками, бывшими подъ его командою, шелъ въ средней колоннѣ, при чемъ князь Прозоровскій съ большею частью кавалеріи составлялъ авангардъ, а князь Щербатовъ, тоже перешедшій Сивашъ въ 50-ти верстахъ отъ Перекопа, составлялъ третью колонну. Эти три колонны, имѣя между собою постоянное сообщеніе, направляли разъѣзды поперегъ Крыма — отъ Чернаго моря до Азовскаго залива.

Соразмѣряя свое движеніе съ остальными колоннами, мы въ первый день прошли въ правой колоннѣ 17 верстъ до маленькаго озера, за которымъ находится озеро большихъ размѣровъ. Турки, бывшіе въ Перекопѣ, состояли подъ нашимъ надзоромъ. 18-го мы сдѣлали 26 верстъ до запустѣлаго селенія, гдѣ нашли много колодцевъ и прошли болото по каменному мосту со множествомъ аркъ, длиною въ 60 шаговъ. Мостъ повидимому очень старъ и существуетъ можетъ быть еще съ генуэзскихъ временъ.

19-го іюня прошли 12 верстъ. По сторонамъ видѣлось много запустѣлыхъ селеній. Отъ бѣглыхъ русскихъ подданныхъ, которые уже нѣсколько лѣтъ жили въ Козловѣ, мы узнали, что этотъ городъ со-всѣмъ покинутъ.

22-го іюня мы открыли слѣдъ 2,000 татаръ, которые бѣжали въ горы, того же числа дошли до Козлова и въ тотъ же день прошли городъ и еще 4 версты по прекрасно выстроенному мосту. Городъ Козловъ былъ пустъ, всѣ жители бѣжали, захвативъ съ собою все, что только могли. Говорятъ, впрочемъ, что много еще имущества было оставлено въ городѣ, но что по выѣздѣ жителей, пришли туда татары и ограбили все, что попалось подъ руку. Генераль Браунъ съ отрядомъ казаковъ прибылъ въ Козловъ за нѣсколько часовъ до насъ и засталъ корабль, который только что снялся съ якоря, сдѣлавъ по его колоннѣ выстрѣлъ изъ пушки. Мы расположились въ лагерьъ подлѣ города, у моря, гдѣ и простояли три дня. Въ это время прибыли два непріятельскія судна, изъ которыхъ одно подошло такъ близко, что мы съ разу прогнали нашими пушками.

Козловъ, городъ большой, обстроенный хорошими и почти сплошь

каменными домами, только улицѣ необыкновенно узки, въ городѣ много мечетей, изъ которыхъ одна построена на самомъ берегу моря и въ особенности отличается вышиною и великолѣпіемъ. При всемъ этомъ, Козловъ имѣетъ хорошую естественную гавань.

Отъ Перекопа до Козлова, 115 верстъ, мы шли все время въ двухъ колоннахъ, въ порядкѣ подвижныхъ карре, и на ночлежныхъ бивуакахъ обезпечивали себя такимъ же расположеніемъ, такъ что какъ на походахъ, такъ и на бивуакахъ мы находились въ наилучшемъ порядкѣ.

Озера отъ Перекопа до Козлова исключительно соленія, прѣсную же воду можно было найти только въ колодцахъ около деревень, къ тому же и трава въ этихъ мѣстахъ очень дурна и потому здѣсь на мѣстныхъ средства продовольствія могъ существовать только небольшой отрядъ, значительный же корпусъ непременно погибъ бы во время похода отъ недостатка воды и корма.

22-го іюня, оставивъ въ Козловѣ гарнизонъ изъ двухъ ротъ съ двумя орудіями и 320 казаками, мы выступили далѣе и прошли приблизительно 12 верстъ по узкой косѣ, ведущей къ горамъ. Съ правой стороны Черное море, съ лѣвой—большое озеро, которое на разстояніи нѣсколькихъ верстъ врѣзывается въ глубь страны; вода въ немъ соленая, почему и думаю, что оно нѣкогда составляло часть Чернаго моря; даже и теперь, во время сильныхъ бурь, вода изъ озера заливаеетъ косу, ширина которой не болѣе 50 сажень. Въ этотъ день мы прошли 30 верстъ, а на слѣдующій еще 20. На второй половинѣ пути, когда мы слѣдовали ближе къ горамъ, въ виду отряда показывалось много татарскихъ партій. Они напали и ограбили телѣгу нашего сержанта Разенко, лошади котораго отстали за усталостью, и убили двухъ солдатъ.

28-го іюня, преслѣдовавъ мимо нашего лагеря чрезъ Салигетъ, прошли мы чрезъ заустѣлое селеніе, гдѣ простояли нѣсколько часовъ, въ ожиданіи предстоявшаго движенія чрезъ узкій проходъ, гдѣ собралось нѣсколько тысячъ татаръ, обнаружившихъ намѣреніе намъ сопротивляться. Они преслѣдовали насъ издали со всѣхъ сторонъ и убили 7 казаковъ, которые отстали немного ради какой-то турецкой фуры. Въ 17 верстахъ отъ нашей послѣдней ночевки, мы расположились лагеремъ подлѣ большого заустѣлаго селенія, которое лежитъ всего въ 20 верстахъ отъ Тарасбазара. Для того, чтобы избѣжать множество дефилей, генералъ Браунъ, получившій отъ князя приказаніе слѣдовать изъ Козлова въ Тарасбазаръ, гдѣ ему предстояло соединиться съ княземъ, пошелъ не по прямой дорогѣ, а нѣсколько влѣво. Но 29-го, едва лишь мы сдѣлали нѣсколько верстъ,

татары воспользовались удобнымъ случаемъ атаковать насъ изъ дѣса, въ то время, какъ намъ надо было проходить утромъ при густомъ туманѣ по каменному мосту возлѣ дѣса. Но благодаря благоразумному распоряженію нашего генерала Брауна, они тотчасъ же были оттѣснены однимъ лишь огнемъ пѣхоты и орудій. При этомъ нужно замѣтить, что ни одна повозка не переправилась чрезъ мостъ, раньше чѣмъ всѣ войска перешли и выстроились на томъ берегу.

Только что мы двинулись далѣе, татары атаквали насъ со всѣхъ сторонъ. Издали видны были три большіе отряда, предъ однимъ изъ нихъ, которымъ командовалъ ханъ, развѣвалось большое знамя красного и бѣлаго цвѣтовъ. Не было другаго средства противодействовать этому рою, который, какъ пчелы, кружились около насъ и постоянно безостановочно стрѣляли по нашему фронту изъ ружей и пистолетовъ; когда приходилось останавливаться, тогда они подходили такъ близко, что приходилось ихъ отгонять картечью. Въ этотъ день мы прошли еще чрезъ двѣ тѣснины: на ровной косѣ чрезъ глубокую рѣку и затѣмъ чрезъ мостъ въ большомъ селѣ. Здѣсь татары особенно беспокоили насъ, но хорошая позиція, занятая нами и распорядительность нашего командира, обратили настойчивыя наступленія въ самыя ничтожныя нападенія 50-ти тысячнаго отряда турокъ и татаръ, желавшихъ привести наше карре въ беспорядокъ или заставить насъ отступить, но мы, хотя медленно, все же шли впередъ, пока не дошли моря, гдѣ и расположились лагеремъ подлѣ маленькаго дѣска. Находясь въ карре, плѣнный перекопскій гарнизонъ покусился бѣжать въ сумерки, но капитанъ Гагаринъ со своимъ баталіономъ во-время помѣшалъ исполниться этому намѣренію.

Въ этотъ день мы сдѣлали 30 верстъ, а 30-го числа всего 20, дошли до небольшого озера. Непріятель, заранѣе расположившійся въ долинѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего бивуака, преслѣдовалъ насъ съ палубою, какъ и наканунѣ; въ этомъ дѣлѣ отличились Молдавскій гусарскій полкъ, подъ командою полковника Шевича и казачій полкъ полковника Серебрякова, которые держали въ почтительномъ разстояніи эту толпу, ни разу не допустивъ ее приблизиться къ нашему фронту.

Въ эти два дня въ пѣхотѣ у насъ было ранено только 2 поручика, 1 сержантъ и 4 рядовыхъ. У казаковъ убито 7 человекъ, ранено 14; у непріятели убито и ранено нѣсколько сотъ человекъ.

1-го іюля, сдѣлавъ 20 верстъ, мы взяли направленіе влѣво далѣе отъ Тарасбазара и благополучно дошли до моста, по которому уже преслѣдовалъ князь, направившійся на Каффу. Татары показывались только издали, но уже не нападали. Утромъ съ большою опас-

ностью прибыла къ намъ партія казаковъ, посланная генераломъ Брауномъ съ рапортомъ къ князю. И такъ мы находились въ 100 верстахъ отъ Перекопа и въ 60-ти отъ Каффы. Здѣсь пришлось намъ простоять нѣсколько дней.

Этотъ 70-ти верстный переходъ, не смотря на окружавшія насъ со всѣхъ сторонъ сильныя конныя партіи татаръ и турокъ, всегда будетъ служить къ нашей чести и будетъ неоспоримымъ доказательствомъ какъ отличной распорядительности генерала Брауна, такъ и примѣрной стойкости его подчиненныхъ. Насколько я знаю, это чуть ли не первый примѣръ въ новѣйшей военной исторіи, чтобы отрядъ, силою въ 18 ротъ пѣхоты, при нѣсколькихъ эскадронахъ гусаръ и казачьяго полка въ 300 всадниковъ, состоявшій въ общей сложности не болѣе 2,500 человекъ, сдѣлалъ въ три дня переходъ въ 70 верстъ, съ утра до ночи отбиваясь отъ окружавшаго его въ 40 или 50,000 непріятеля, и ведя съ собою до 800 человекъ плѣнныхъ турокъ и татаръ; чтобы такой отрядъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ главной арміи и, не смотря на всѣ эти препятствія, отрядъ все таки достигъ своей цѣли, не потерявъ при этомъ изъ своего весьма значительнаго обоза ни одной фуры. Никому и никогда не желалъ бы находиться въ такомъ трудномъ положеніи, въ какомъ были мы во время этого перехода.

Наконецъ, мы достигли до коммуникаціонной линіи и получили извѣщеніе, что князь Долгорукій подошелъ къ Каффѣ и 29-го (юня) взялъ этотъ городъ. Находившіеся въ немъ турки спаслись на своихъ 40 корабляхъ. Генераль-маіоръ С. Маркъ, состоявшій при инженерномъ отрядѣ, имѣлъ неосторожность подойти слишкомъ близко къ валу и былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья; нѣсколько дней спустя его похоронили въ Каффѣ въ греческой церкви.

Князь Долгорукій, узнавъ, что мы окружены татарами, отрядилъ къ намъ на помощь князя Прозоровскаго съ большою кавалеріею и одной пѣхотной бригадою, но прибылъ къ намъ, когда мы были уже внѣ опасности. 70-ти верстная дорога отъ главныхъ силъ до нашего отряда была не безопасна, татары ограбили одного подполковника, курьера и почту, которую везли казаки, вслѣдствіе чего князь Прозоровскій остановился въ 20 верстахъ предъ нашимъ отрядомъ, чтобы возстановить свободное и безопасное сообщеніе. Нужно удивляться, какъ могъ главнокомандующій, въ военное время, упустить изъ виду, при наступленіи, коммуникаціонную линію въ тылу арміи, такъ что городъ Каффа, гдѣ находился князь, былъ нѣсколько дней совершенно отрѣзанъ отъ Перекопа. Сообщенія, по приказанію князя, были возстановлены отрядами нашимъ и князя Прозоровскаго.

3-го іюля нашъ отрядъ получилъ благодарность отъ князя Долгорукаго за особую оказанную храбрость въ дѣлахъ противъ татаръ.

Насъ увѣдомили ночью, что щербатскій отрядъ занялъ Керчь и Еникале и ему же сдалась одна татарская орда, остальные три—бѣжали въ Бахчисарай.

5-го іюля, по недостатку корма, фуража, должны были направиться къ горамъ для кошенія травы. Перекопскій гарнизонъ, который весьма насъ обременялъ, по приказанію князя, былъ присоединенъ къ арміи въ Каффу.

Вскорѣ сдались и другія орды.

10-го іюля князь приказалъ мнѣ отправиться съ батальономъ Воронежскаго полка и расположиться лагеремъ въ 4-хъ верстахъ отъ отряда генерала Брауна. Я сдѣлалъ 50 верстъ перехода.

Генераль-маіоръ князь Прозоровскій почти со всею кавалеріею и съ бригадою пѣхоты отправился для занятія Бахчисарая и Балаклавы и приказалъ князю Голицыну наблюдать за безопасностью мѣстности.

Отрядъ Брауна получилъ въ тотъ же день, т. е. 10-го октября, приказъ поспѣшить въ Козловъ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что турецкій флотъ жаждетъ отправиться изъ Каффы къ нашему козловскому гарнизону, въ гости.

11-го іюля въ 4 часа по-полудни, выступая со своимъ батальономъ, умеръ отъ горячки (мѣстной), на 29-мъ году, нашъ любимый командиръ генераль Браунъ, послѣ кратковременной болѣзни. Этотъ искусный генераль, не смотря на свою молодость, обладалъ всѣми познаніями и качествами, характеризующими полководца: глубокимъ умомъ, соединеннымъ съ большою проницательностью. Это былъ человекъ права покойнаго и необыкновенно сдержаннаго; говорилъ мало, но всегда основательно и умно. Пріятно было слушать, когда онъ разсуждалъ о военныхъ наукахъ, къ которымъ онъ пристрастился еще съ юности и зналъ ихъ основательно. При этомъ ему помогала замѣчательная память: онъ ничего не забывалъ, что разъ было имъ прочтано, читалъ же онъ много, владѣлъ иностранными языками: французскимъ, нѣмецкимъ и латинью. Обращеніе Брауна со своими подчиненными отличалось простотою и мягкостью, при томъ онъ умѣлъ быть истиннымъ другомъ своихъ друзей. Однимъ словомъ это былъ человекъ большого ума и теплой души, и нельзя не сожалѣть о его смерти,—мало такихъ людей въ нашей арміи.

11-го іюля нашъ отрядъ подъ командою командира легіона, полковника Вриккена, переправившись чрезъ Салигеръ, пошелъ на Кибуритъ. Въ отрядѣ находились, кромѣ моего баталіона, 7 эскадроновъ

гусарскихъ, драгунскихъ и карабинерныхъ полковъ; 5 сотенъ казачковъ, 12-ти фун. пушка и 5 единороговъ различныхъ калибровъ. Весь Крымскій полуостровъ вообще страдаетъ недостаткомъ прѣсной воды и потому полководецъ, желающій покорить эту страну, долженъ раздѣлить армию на возможно большее число отрядовъ, чтобы не терпѣть лишеній по мѣстности отъ Перекопа до горъ, которая начинается въ 40 верстахъ за Каффою и тянется поперекъ страны до Каффы, занимая почти весь полуостровъ до Бахчисарая и Балаклавы. Кромѣ того въ Крыму совсѣмъ нѣтъ лѣсовъ, кромѣ небольшой подгорной мѣстности. Строеваго лѣса я вовсе не видѣлъ и потому татары въ городахъ и въ деревняхъ строятъ свои дома преимущественно изъ камня, также съ толстой, плотно плетеной соломой, залитой глиной. Живутъ они грязно также, какъ наши калмыки, на которыхъ они очень сходны. Лучшія постройки у нихъ, это колодцы, обложены камнемъ отъ 100 до 150 саж. глубины; мосты также въ хорошемъ видѣ и всѣ почти каменные.

16-го іюля дошли до Кинбурна и стали у прекраснаго каменнаго моста около 4-хъ вер. отъ Чернаго моря. Полковникъ Бриккенъ съ легкою кавалеріею произвелъ рекогносцировку подъ Кинбурномъ и на шель положеніе крѣпости столь выгоднымъ, что силы нашего малочисленнаго отряда, по его мнѣнію, не могли бы одолѣть эту крѣпость. Путь къ ней отъ мѣста нашего лагеря, пролегая по берегу, лежитъ подъ сильнымъ огнемъ 15-ти военныхъ судовъ; кромѣ того всегда могла бы подоспѣть самая быстрая помощь изъ Очакова. Казаки въ стычкѣ съ непріятелемъ захватили въ плѣнъ одного турка, который намъ сообщилъ, что четырехугольный Кинбургскій замокъ вооруженъ 20-ю пушками и имѣетъ 600 человекъ гарнизона для защиты.

Вслѣдствіе чего полковникъ Бриккенъ, не предпринимая никакой рѣшительной мѣры, благоразумно донесъ объ этомъ обстоятельствѣ князю Долгорукову, который все еще стоялъ въ Каффѣ. Однако раньше, чѣмъ пришла резолюція князя, мы не мало таки тревожили турокъ. 22-го іюля расположились въ новомъ лагерѣ въ 7 вер. отъ Кинбурна, гдѣ мы расположили наши орудія, прямо противъ Очакова. Такъ мы провели 3 дня, послѣ чего, по приказанію князя, выступили 24-го въ обратный путь, дѣлая маленькіе переходы, чтобы поберечь людей и лошадей и 5-го августа прибыли къ каменному мосту въ 28 вер. отъ Перекопа.

Отъ прибывшаго курьера мы узнали, что весь Крымъ покоренъ русскими императорскими войсками, которыя занимаютъ всѣ укрѣпленія и что всѣ Крымскіе татары, по приказанію князя Долгорукова

возвращаются на свои мѣста жительства, а ногайскіе и другіе не крымскіе татары отправляются чрезъ Сивашъ въ мѣстность къ Таганрогу, для заселенія мѣстной степи; вся же кавалерія, сильно пострадавшая, благодаря конскому падежу, должна отправиться по сю сторону Перекопа, предполагая найти лучшей кормъ.

Императрица пожаловала князю Долгорукову Георгія 1-й степени, 60,000 рублей и драгоцѣнную табакерку за взятіе Перекопа, снѣгъ его получилъ Георгія 4-й степени и былъ произведенъ въ полковника, князь Щербатовъ и полковникъ Михельсонъ получили Георгія 3-й степени, полковникъ Ханбаумъ 4-й степени, генералъ Пушкинъ орденъ св. Анны. Князь Щербатовъ оставался главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму. Сераскиръ Каффы и плѣнные турки отправлены въ Петербургъ съ подполковникомъ Ханбаумомъ; поѣхалъ также и братъ новаго хана Кали-Султанъ со свитомъ, состоящемъ изъ 70-ти человекъ, подъ надзоромъ маіора Путятина; по ихъ отъѣздѣ старшій князь Долгорукій догналъ ихъ въ Перекопѣ.

Въ послѣднихъ числахъ я получилъ приказъ отправиться въ Балаклаву, явиться къ полковнику Кохиусу и принять баталіонъ Бранскаго полка. Я поспекалъ въ Каффу къ князю и послѣдовала отъѣзда, чѣмъ былъ очень радъ остаться въ Воронежскомъ полку. Вернувшись 2-го сентября, нашелъ полкъ расположеннымъ въ Черной-Долинѣ и былъ уже подъ командою подполковника Михельсона. Полковникъ Жербининъ, который командовалъ нашимъ полкомъ, взялъ по болѣзни отпускъ на два года и поѣхалъ на воды. Офицеры очень сожалѣли и любили своего начальника, это былъ добрый и честный человекъ. Одинъ подполковникъ Михельсонъ ему не сочувствовалъ; его недовѣрчивый, упрямый и вспыльчивый характеръ всегда препятствовалъ сойтись съ полковникомъ Жербининымъ. Насколько любили Жербинина, настолько же ненавидѣли Михельсона, нетерпѣливаго и властолюбиваго человека; радушіе, снисходительность, доброта бывшаго командира вспоминались всѣми. Чтеніе было его любимое занятіе, особенно французскихъ книгъ. У него была довольно обширная бібліотека; эти мирныя умственные занятія располагали его къ снисходительности; можно сказать, что въ его положеніи должна была быть нѣкоторая строгость и необходимая выдержка, какъ командиръ полка въ отношеніи дисциплины. За два года его пребыванія въ полку у насъ установились съ нашимъ командиромъ самыя дружескія отношенія.

Въ Крыму остались 6 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ полка и одинъ баталіонъ егерей. По соглашеніи съ татарами, города и селенія внутри края должны быть очищены отъ нашихъ войскъ, и

потому только въ приморскихъ городахъ стояли наши гарнизоны. Въ Керчи и въ Эникалѣ стоялъ нашъ флотъ, состоящій изъ 10 маленькихъ военныхъ судовъ подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина. Князь Долгорукій непремѣнно требовалъ, чтобы Сенявинъ крейсировалъ со своими судами вокругъ Крыма; только три изъ нихъ могли прибыть въ Каффу, гдѣ и оставались. По удостовѣреніи самаго вице-адмирала всѣ эти плоскодонныя суда негодились для открытаго моря. Главная квартира командующаго войсками, расположенными въ Крыму, князя Щербатова, находилась въ Каффѣ, гдѣ Селигинскаго полка полковникъ Якоби былъ комендантомъ. Въ Эникалѣ и Керчи стояли моряки подъ начальствомъ вице-адмирала Сивявина. 2-я армія была раздѣлена на 4 отряда: именно, одинъ расположенъ былъ въ Крыму, второй, для подкрѣпленія перваго (на случай, если бы турки рѣшились сдѣлать высадку въ Крыму) на новой линіи, третій на старой линіи и четвертый въ Смоленскѣ.

Старикъ князь Долгорукій хорошо понималъ и видѣлъ, что распоряженіемъ крѣгсъ-комисіи отнято у него командованіе 2-й арміей. Онъ рѣшился отправиться въ Петербургъ, но предъ отъѣздомъ онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, чтобы командиры отдѣльныхъ отрядовъ посылали свои рапорты прямо въ крѣгсъ-комисію, какъ было ему конфиденціально приказано, напротивъ приказалъ, по обыкновенію, доставлять всѣ бумаги къ нему.

Ни одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ не былъ имъ доволенъ. Старикъ сталъ очень упрямъ и не слушалъ ни чьихъ совѣтовъ. Кромѣ того, онъ оскорбилъ самолюбіе генералъ-лейтенантовъ, назначая мимо ихъ генералъ-маіоровъ командирами отдѣльныхъ отрядовъ. Напримѣръ, генералъ Прозоровскій, постоянно командовавшій авангардомъ; иногда бывало, что подъ его начальствомъ собиралась почти третья часть всей арміи; онъ былъ княземъ чрезвычайно какъ недоволенъ. Генералъ Эмптъ, котораго крѣгсъ-комисія вытребовала въ Петербургъ, рассорился окончательно съ княземъ, подалъ рапортъ о болѣзни и въ сентябрѣ выѣхалъ. Генералъ-маіоръ Алексѣй Борисовичъ Голицынъ (самый способный изъ всѣхъ Голицыныхъ, которыхъ я зналъ и притомъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ) и генералъ-маіоръ Бурманъ также, вслѣдствіе неприяностей, вышли оба въ отставку. Однимъ словомъ не было ни одного генерала, который былъ бы доволенъ престарѣлымъ генераломъ-аншефомъ.

Всѣхъ моихъ лошадей, въ числѣ 11 изъ 4 верховыхъ, отправилъ за полкомъ, а самъ поѣхалъ на почтовыхъ въ Балаклаву, взявъ съ собою только самыя необходимыя вещи, куда прибылъ 11 сентября. По прямой дорогѣ въ Козловъ не было почтовыхъ лошадей, и мнѣ

пришлось ѣхать по берегу Чернаго моря, отъ форпоста къ форпосту, и сдѣлать такимъ образомъ 160 верстъ. На балаклавской дорогѣ проѣзжалъ чрезъ весьма скудное селеніе Белбекъ, на берегу моря, въ 70 вер. отъ Козлова, оно окружено горами и гавань мелка и неудобна. Поперекъ всего полуострова до Каффы, въ 30 вер. отъ Козлова, тянется большая горная цѣпь до самаго моря, она занимаетъ около трети всего Крыма; нѣкоторыя возвышенности, въ особенности около Галки, весьма значительны; горы каменисты съ самою ничтожною растительностью; встрѣчаются довольно часто прекрасныя долины, орошаемыя небольшими рѣчками, съ роскошною растительностью, съ многими поселеніями. Въ этихъ долинахъ находятся въ изобиліи: яблоки, абрикосы, груши, сливы, орѣхи и виноградъ; въ Сутокѣ видѣваются прекрасное мѣстное вино.

Татары, населяющіе эту гористую мѣстность, пользуются относительно благополучіемъ, и живутъ гораздо лучше и богаче, чѣмъ остальные жители Крыма. Они имѣютъ каменные дома, крытые черепицею, разумѣется, по обыкновенію малы и низки. Весь край раздѣленъ на отдѣлы, которыми управляютъ мурзы (назначенные ханомъ).

Отъ Каффы, черезъ Сутоку, Урсову, Ялту до Балаклавы всего 182 версты. Вся эта дорога по берегу моря, трудна для конной ѣзды, идетъ по страшнымъ горамъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шириною не болѣе фута.

Балаклава скверный городокъ. Старая крѣпость расположена у подошвы высокой горы и теперь совершенно раззорена. Гавань небезопасна, имѣетъ 10 или 12 сажень въ ширину, но за то окружена горами и потому вполне защищена отъ вѣтровъ. Въ 10-ти верстахъ по направленію къ Козлову находится Акіарская гавань, едва-ли есть подобная въ Европѣ по положенію и обширности. Это есть весьма глубокій заливъ, имѣетъ до 4-хъ верстъ длины и до 200 саж. ширины, который врѣзывается посреди высокихъ горъ. Въ 2-хъ верстахъ отъ этой гавани находится маленькая гавань Чусе, около которой видны остатки древняго города. Акіарскій монастырь, близъ залива, на высокой горѣ, совершенно разрушенъ. Говорятъ, что жили въ монастырѣ нѣсколько тысячъ монаховъ, кельи высѣчены въ скалахъ, и при видѣ ихъ возбуждаетъ удивленіе, что такое множество часовень, и довольно ясно можно различить древнюю живопись. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо сохранились колонны, арки и подземные ходы, высѣченные въ скалахъ. Предъ входомъ въ монастырь высѣчена въ камнѣ, надъ большими фронтальными воротами, греческая надпись, означающая слѣдующее: «200 лѣтъ тому назадъ казанскіе татары раззорили этотъ монастырь и перебили всѣхъ монаховъ».

Въ 8-ми верстахъ отъ Балаклавы, на крутомъ берегу расположенъ небольшой русскій Георгіевскій монастырь. Въ настоящее время живутъ всего пять монаховъ; мѣстные греки ходятъ молиться въ монастырь.

Въ Крыму трава очень плоха и сѣно составляетъ рѣдкость и потому всѣхъ лошадей отправили въ Перекопъ и крѣпость Самору, оставивъ необходимыхъ для артиллеріи. Въ Приднѣпровской степи прибыло около тысячи козцовъ, изъ Украйны, для подготовки сѣна и накосили въ большомъ количествѣ.

Провіантъ ¹⁾ для нашего отряда и для Ялтскаго поста былъ доставленъ на 7-ми большихъ корабляхъ, изъ которыхъ одни наняты у грековъ, другіе же отняты у турокъ; такъ какъ погода стояла хорошая, то и доставка была произведена довольно скоро.

Кавачьимъ постами, разставленнымъ вдоль берега, на разстояніи отъ 10 до 20 верстъ, приказано было слѣдить за неприятельскими кораблями.

Приказомъ 4-го октября (1771 г.) я былъ переведенъ въ Брянскій полкъ, на мѣсто майора Елагина, котораго зачислили въ Воронежскій. Эта перемѣна была для меня весьма неприятна, противъ моего желанія и долженъ былъ оставаться въ Крыму. Князь Щербатовъ, подъ предлогомъ, что въ отрядѣ много больныхъ офицеровъ, задержалъ мой отпускъ, это еще болѣе увеличило мое неудовольствіе. Я въ живни не проводилъ такое скучное время, какъ въ Балаклавѣ, въ этомъ несчастномъ городкѣ, и вспоминать буду съ неприятнымъ чувствомъ.

8-го октября получилъ приказъ отъ князя Щербатова, что, по распоряженію крѣпостной комиссіи, меня и съ многими другими штабъ-офицерами перевели въ летучіе отряды. Поѣхалъ въ Каффу, къ князю, для полученія вида на поѣздъ.

Такъ какъ я никакъ не могъ ожидать такого скорого отъѣзда изъ Балаклавы и вообще изъ Крыма, то и эта поѣздка въ Каффу была для меня пріятна. Въ Крыму нѣтъ почтовыхъ дорогъ, такъ что надо было мнѣ ѣхать кругомъ черезъ Козловъ и Перекопъ.

Турки имѣли желаніе высадиться съ двухъ большихъ кораблей въ 70 вер. отъ Балаклавы, но наши казаки отбили ихъ отъ берега.

Въ Козловѣ появилась чума и много нашихъ солдатъ погибли въ Каффѣ, въ Эникалѣ и въ Арбатѣ. Князь выступилъ съ войсками изъ Каффы, но я засталъ его при смерти больнымъ. Онъ передалъ свое командованіе надъ всѣми войсками генераль-майору Соричу

¹⁾ Десяти мѣсячный.

Я уѣхалъ не повидавшись съ княземъ; онъ не могъ уже подписать мой видъ, но приложилъ свою печать. Былъ я назначенъ въ Смоленскъ; мы прогоновъ не платили; получилъ всего 19 рублей на 3-хъ лошадей до Полтавы.

13-го октября я вновь прибылъ въ Перекопъ; нѣсколько дней что чума и здѣсь показалась, и долженъ былъ, по общему правилу, выдержать карантинъ. Въ Александровской крѣпости, вмѣстѣ съ майоромъ Муфелемъ, должны были выдержать 6-ти дневный карантинъ и только 28-го прибыли въ Полтаву, гдѣ представились старому князю Долгорукову, который не поѣхалъ въ Петербургъ, получивъ назначеніе командиромъ 2-й же арміи, раздѣленной на нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ.

Одно счастье, а не искусство руководило князя Долгорукова въ эту кампанію. Во всей арміи не было генерала, который хуже его зналъ военное дѣло; его закоренѣлое упрямство доходило до того, что онъ не принималъ ничьихъ и никакихъ совѣтовъ, и дѣлалъ еще болѣе затрудненій въ командованіи. Подъ предлогомъ, чтобы не утомлять солдатъ и доставить имъ болѣе удобства, мы шли рядами и располагались лагеремъ въ одной линіи, не выставляя нужныхъ форпостовъ, во весь переходъ отъ Полтавы до Черной-Долины. Случалось довольно часто, что во время переходовъ обозы, иногда и колонны, сталкивались. Приближаясь отъ Днѣпра къ Перекопу, въ виду близко находившагося непріятеля, принужденъ былъ переимѣнить нашу дурную диспозицію на болѣе цѣлесообразную. Это имѣло смѣшной или, вѣрнѣе сказать, грустный видъ. Колонны пѣхоты, кавалерія, артиллерія и обозы сталкивались, шли на встрѣчу, останавливались и только по истеченіи 2-хъ или 3-хъ часовъ мы пришли, наконецъ, въ сколько нибудь сносный видъ. Нѣсколько тысячъ татаръ могли бы безъ труда обратить насъ въ бѣгство и во всякомъ случаѣ разграбить нашъ обозъ съ 4-хъ мѣсячнымъ провіантомъ; должны были бы отступить, ничего не предпринявъ; татары могли бы сдѣлать и отступление невозможнымъ. Но противъ всякаго ожиданія были мы счастливы. Во время всего перехода мы не видѣли непріятеля; онъ намъ показался, когда мы были уже подъ Перекопомъ. Сдѣланная диспозиція принадлежала генералу Каховскому, а переходъ чрезъ Сивашъ, чтобы во время атаки на линію напасть на непріятеля съ тылу, былъ предложенъ гусарскимъ майоромъ Фритчемъ, который не получилъ ни малѣйшаго знака отличія за молодецкую и прекрасную рекогносцировку мѣстности. Майоръ Фритчъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ, какъ по своей опытности, храбрости и большимъ познаніямъ въ военномъ искусствѣ.

Всѣ возвратившіеся изъ Крыма полки были расквартированы по зимнимъ квартирамъ въ окрестностяхъ Полтавы.

3-го ноября я, наконецъ, получилъ отпускъ отъ генералъ-аншефа князя Долгорукова, который мнѣ сдѣлалъ строгій выговоръ, «порядочную реприманду», за слишкомъ спѣшный проѣздъ чрезъ карантинъ отъ Перекопа до Полтавы; майоръ Муффель, который также ѣхалъ со мною, получилъ также выговоръ, но въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Получить этотъ выговоръ было для меня весьма неприятно. Князь, желая смягчить свое неудовольствіе, уважилъ мою просьбу, перевелъ меня въ 17-ю полевую команду на мѣсто майора Муффеля, который получилъ 24-ю (въ дорогѣ мы условились объ этомъ обмѣнѣ), о чемъ былъ посланъ рапортъ въ кriegсъ-комисію.

4-го ноября выѣхалъ верхомъ изъ Полтавы, получивъ прогонныхъ денегъ на 3-хъ лошадей 38 руб. 85 к., въ Дерптъ, гдѣ должна быть сформирована 17-я полевая команда. Сдѣлавъ 704 версты, пріѣхалъ въ Смоленскъ 27-го, послѣ многихъ приключеній и неприятностей. Между Мглиномъ и Рославлемъ меня не хотѣли пропустить въ Смоленскую губернію, потому что на форпостахъ были еще карантинъ, вслѣдствіе появившейся чумы въ южной Россіи и особенно въ нѣкоторыхъ украинскихъ городахъ.

Въ Смоленской губерніи былъ обнародованъ строжайшій указъ рѣшительно никого не пропускать изъ Украйны. Мнѣ слѣдовало ѣхать на Серпуховъ, черезъ главный карантинъ, т. е. сдѣлать объѣздъ около 100 верстъ. Я былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе, но рѣшился пробраться прямымъ путемъ и удалось мнѣ проѣхать по проселочной дорогѣ, чрезъ большой лѣсъ, вдоль польской границы и здѣсь крестьяне не хотѣли меня пропустить, но благодаря общительности смоленской помѣщицы, къ которой я долженъ былъ обратиться, проѣхалъ до Великой-Луки, гдѣ я долженъ былъ выдержать 8-ми дневный карантинъ.

Подполковникъ Бокъ принесъ мнѣ указъ кriegсъ-комисіи отъ 22-го октября о моемъ производствѣ въ подполковники; это извѣстіе меня очень порадовало, что оставленъ въ полевой командѣ.

10-го декабря выѣхалъ на почтовыхъ, съ подполковникомъ Боккомъ, прямо въ Псковъ, куда мы пріѣхали 12-го, а 17-го былъ у своихъ въ Цирстенѣ,—остался со своими родными не болѣе недѣли; поѣхалъ въ Дерптъ, къ своей 17-й легкой полевой командѣ, въ которую былъ зачисленъ указомъ кriegсъ-комисіи.

Въ Россіи всего 25 полевыхъ командъ, и каждая состоитъ изъ роты драгунъ въ 66 человекъ съ однимъ поручикомъ изъ 2-хъ ротъ мушкетеръ въ 136 человекъ съ надлежащимъ числомъ

офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, изъ 50 человекъ егерей съ однимъ поручикомъ и изъ 32-хъ артиллеристовъ при 4-хъ пушкахъ. Кроме того, былъ адъютантъ, который завѣдывалъ канцелярією и писарями; по указу кригсъ-коммисіи, назначался штабъ-офицеръ командовать съ жалованьемъ 500 рублей, сверхъ установленнаго, по полевому штату, содержанія съ остальными подчиненными. Каждая полевая команда имѣла свое знамя, краснаго цвѣта; музыкантовъ не полагалось.

Въ Лифляндіи были учреждены 4 полевые команды подъ начальствомъ генераль-маіора Ребиндера, который имѣлъ свое пребываніе въ Ригѣ, гдѣ и находились 3 команды; онъ подчинялся непосредственно кригсъ-коммисіи.

1772 г.

Январь, февраль и мартъ заняты были приведеніемъ моей команды въ наилучшій видъ; не мало стоило мнѣ труда. 13-го февраля ѣздилъ въ Ригу къ генералу Ребиндеру, чтобы переговорить о служебныхъ дѣлахъ. 26-го, вернувшись, пріѣхали ко мнѣ въ Дерпт мои почтенные родители съ моимъ братомъ, который былъ оберъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи; они гостили у меня двѣ недѣли.

Для комплектованія моей команды, я ожидалъ изъ Россіи казенныхъ лошадей, имѣя всего 156, считая драгунскихъ, артиллерійскихъ и обозныхъ. Въ апрѣлѣ, неожиданно, получаю приказаніе отъ генерала Ребиндера, чтобы по указу кригсъ-коммисіи выдать мнѣ денегъ, для покупки недостающихъ лошадей; отпущено на драгунскую 20 руб., а на упряжную 12 руб.; я немедленно отправилъ всѣхъ своихъ офицеровъ для покупки необходимыхъ лошадей.

22-го освятили мое знамя; на другой же день выступилъ въ Ригу и сталъ лагеремъ со своею командою при Дролингсъ-Бушъ, гдѣ присоединены подъ мое начальство оставшіяся 6 ротъ различныхъ полковъ.

Генераль-губернаторъ Браунъ былъ нашимъ начальникомъ во время всего моего пребыванія въ Ригѣ; онъ былъ чрезвычайно какъ любезенъ со мною.

23-го утромъ оберъ-кригсъ-коммисаръ Діаконовъ (непріятный и крутой человекъ), инспектировалъ мою команду, а вечеромъ генераль-губернаторъ Браунъ произвелъ смотръ—за что получилъ благодарности и оба смотра были удачны.

2-го сентября, по приказанію кригсъ-коммисіи, выступилъ съ моею командою на зимнія квартиры въ Ревель; мои солдаты расположи-

лись по деревнямъ. Мы довольно весело провели зиму. Приѣхалъ князь Орловъ и чрезвычайно какъ оживилъ общество своими пышными приѣмами; съ нимъ приѣхало изъ Петербурга много и другихъ лицъ.

1773 г.

Въ январѣ, по указу крѣгсъ-коммисіи, я назначенъ состоять подъ начальствомъ фельдмаршала Голицына.

28-го февраля, князь Орловъ далъ великолѣпный балъ и въ ту же ночь уѣхалъ въ Петербургъ; никто не зналъ причину этого быстрого и неожиданнаго отъѣзда. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, онъ оставилъ въ Ревелѣ до 20,000 долгу, но своею вѣжливостью и любезнымъ обращеніемъ снискалъ себѣ всеобщую любовь. Онъ занималъ квартиру въ домѣ престарѣлой графини Мантейфель, не платилъ за свое помѣщеніе, но изъ Петербурга ей прислалъ великолѣпную табакерку, изъ яшмы, съ брилліантами, въ цѣнѣ 20,000 р.

22-го мая расположилъ свою команду лагеремъ въ Шарлотенталь, въ имѣніи магистрата юстиціи Дена. Въ это время стояли 3 эскадры, изъ 20-ти военныхъ кораблей—одной командовалъ вице-адмиралъ Чичаговъ, а другой контръ-адмиралъ Бекболъ (?), оба достойные и опытные моряки.

7-го іюня прибыла съ нетерпѣніемъ ожидаемая ландъ-графиня Гессенъ-Дармштадтская съ тремя дочерьми, на 24-хъ весельной фрегатѣ, совершенно новой конструкціи. Она остановилась въ Катериненталь; камергеръ Черкасовъ (грубый и надменный человекъ) былъ посланъ къ нимъ на встрѣчу. Ревельское дворянство въ ихъ честь дало костюмированный балъ и 11-го выѣхали въ Петербургъ, въ придворныхъ экипажахъ.

27-го числа, по распоряженію крѣгсъ-коммисіи, я выступилъ съ командою въ Ригу и сталъ лагеремъ около мызы оберъ-коменданта Гартвиса, въ 26 верстахъ отъ города. Генералъ-маіоръ Гроттенгельмъ, назначенный нашимъ новымъ начальникомъ, выѣхалъ на почтовыхъ, и послѣ произведеннаго моею полевой командѣ смотра, я расположился въ предмѣстьи Риги на зимнія квартиры.

9-го ноября поѣхалъ въ отпускъ и послѣ большихъ затрудненій и небезопасныхъ переправъ чрезъ нѣсколько разлившихся рѣкъ приѣхалъ къ своимъ.

19-го былъ для меня счастливейшій день, день моего обрученія съ баронессой Наталіей-Луизой Икскуль-фонъ-Гильдебрандтъ; ей было 20, а мнѣ 30 лѣтъ. Она была единственная дочь барона Икскуля (вдовца), оставшаяся въ живыхъ.

11-го декабря вернулся въ Ригу и занялся своею командою и офицерами, которые весьма усердно мнѣ помогали въ моихъ служебныхъ дѣлахъ; могу искренно сказать, что они пользовались моимъ добрымъ къ нимъ расположеніемъ. На праздники уѣхалъ къ своимъ и былъ данъ въ честь моей невѣсты балъ, который продолжался до полуночи и сервированъ былъ ужинъ.

29-го числа вернулся; начальники должны быть при своихъ командахъ въ день новаго года. Мнѣ очень было желательно остаться этотъ день съ моими.

1774 г.

8-го января, генералъ-маіоръ Гротенгельмъ пріѣхалъ ко мнѣ и изъявилъ желаніе осмотрѣть мою команду какъ она расположена и расквартирована въ окрестностяхъ города; остался очень доволенъ и я получилъ благодарность, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ ѣздилъ по возможности къ своимъ, гдѣ съ моею невѣстою проводилъ самое пріятное время.

5-го іюня былъ день моей свадьбы; одна родня присутствовала при бракосочетаніи и было все-таки 32 osoby; изъ моихъ пріятелей былъ генералъ-лейтенантъ Эссенъ съ своимъ семействомъ.

26-го выѣхали изъ родительскаго дома прямо въ Ригу, гдѣ было уже устроено помѣщеніе въ небольшомъ домикѣ въ предмѣстьѣ; сильная жара во время нашего путешествія не мало насъ утомила.

26-го іюля, императрица, собственноручно, увѣдомила генералъ-губернатора Брауна о заключеніи мира съ Турціею. Это была весьма пріятная вѣсть и по этому случаю, 10-го августа, въ русской церкви былъ совершенъ молебенъ и произведенъ 101 выстрѣлъ изъ пушекъ. Въ тотъ же день у губернатора былъ данъ обѣдъ въ залѣ замка, а вечеромъ балъ.

11-го августа послѣдовало приказаніе отъ фельдмаршала Голицына; что я съ моею командою поступаю подъ начальство князя Потемкина.

13-го прискакалъ гвардейскій курьеръ изъ Петербурга съ приказаніемъ отправиться мнѣ съ командою въ Петербургъ.

16-го выступилъ ¹⁾ на Дерптъ и не доходя до столицы, на Фокеловской станціи, по приказанію князя Потемкина, долженъ былъ сдать свою команду секундъ-маіору Глинкѣ, для полученія другого назначенія. По высочайшему повелѣнію полевныя команды упраздняются,

¹⁾ По распоряженію я оставилъ артиллерию въ Ригѣ.

а части преобразовываются въ драгунскіе полки. Тяжело и грустно мнѣ было разставаться съ офицерами, которые выказывали мнѣ сама теплыя выраженія чувствъ.

Глянка долженъ былъ идти съ командою въ Тулу, гдѣ должна быть переформирована въ драгунскій полкъ. Предъ выступленіемъ, мы побѣжали вмѣстѣ въ Петербургъ и 14-го сентября, мы собственно передали князю Потемкину наши рапорты.

19-го, вышелъ указъ крѣгсъ-комиссіи о назначеніи меня въ Шлиссельбургскій полкъ, вслѣдствіе моея просьбы къ князю; зная, что шесть ротъ стоятъ въ Ревелѣ, я былъ очень доволенъ этому назначенію.

Генераль-аншефъ Салтыковъ представилъ меня великимъ князьямъ, которые приняли очень милостиво и спрашивали о моихъ походахъ.

24-го съ удовольствіемъ выѣхалъ изъ Петербурга и 3-го октября былъ уже въ Ревелѣ; на другой день принялъ шесть ротъ Шлиссельбургскаго полка, которыя были вновь сформированы. Генераль-лейтенантъ Эссенъ—мой начальникъ.

Въ указѣ графа Алексѣя Орлова было сказано, что такъ какъ Шлиссельбургскій полкъ очень пострадалъ въ Архипелагѣ и былъ почти уничтоженъ, то для его пополненія оберъ-комендантъ Бенкендорфъ долженъ былъ сформировать, изъ рекрутъ, шесть полевыхъ ротъ и находиться при Эстляндской дивизіи; я засталъ уже ихъ почти сформированными.

1775 г.

24-го февраля скончался престарѣлый принцъ Голштинскій, генераль-фельдмаршалъ русской службы, Эстляндскій генераль-губернаторъ. Ему было болѣе 78 лѣтъ. Добродушный принцъ былъ весьма неспособенъ и отличался своимъ невѣжествомъ; плохой охранитель общественнаго порядка; при спорахъ, всѣ были правы и склонялся, весьма легко, то на ту или другую сторону; когда же разбирались важныя преступленія и когда ему не удавалось уладить этого дѣла, то тогда онъ начиналъ ругать праваго и виноватаго; вслѣдствіе этой слабости его подчиненные пользовались и дѣлали все, что хотѣли.

Между тѣмъ, собственно городское общество потеряло въ этомъ добродушномъ принцѣ очень любезнаго, обходительнаго и гостепріимнаго хозяина, который доставлялъ случай пріятно провести время; онъ проживалъ ежегодно около 20,000 рублей. Въ послѣдніе годы онъ сталъ уже не такъ расточителенъ и, можно сказать, былъ даже скупъ.

Тѣло умершаго принца было выставлено на двѣ недѣли въ замкѣ на особо устроенной парадной кровати, съ большимъ безвкусиемъ; 18-го марта его торжественнымъ образомъ похоронили. Отпѣваніе происходило въ церкви Св. Олая. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ 2-хъ баталіоновъ моряковъ, команда (рота) изъ артиллеристовъ и моя 6 ротъ Шлюссельбургскаго полка, былъ выстроенъ для парада, по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда, отъ замка до церкви Св. Олая; всего было 1,500 человекъ во фронтѣ. Генераль Лоидъ и комендантъ Балтійскаго порта были больны; въ этотъ день я командовалъ всѣмъ отрядомъ. Я долженъ замѣтить, что во время похороннаго шествія и вообще не было никакого порядка, что особенно обнаружилось у церкви, во время моего командованія; не дождавшись сигнала, артиллерія открыла бѣглый огонь, за четверть часа раньше, чѣмъ слѣдовало, и, не смотря на мое приказаніе о прекращеніи стрѣльбы, пальба все продолжалась. Полковникъ Цвейфель, большой оригиналъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Не огорчайся, любезный Штрандманъ! беспорядочно прожилъ принцъ, беспорядочно умеръ и беспорядочно хоронятъ его».

20-го мая пріѣхалъ новый командиръ Шлюссельбургскаго полка, полковникъ Петръ Алексѣевичъ Лукинъ, свѣтскій человекъ и говорилъ очень хорошо по французски; при первомъ съ нимъ знакомствѣ онъ очень нравится, но когда съ нимъ ближе познакомишься и узнаешь его, то увидишь, какъ обманчивъ его свѣтскій лоскъ. Лицемеріе, злость, недовѣрчивость, мстительность, легкомысліе, наклонность ко лжи и клеветѣ, всѣ эти таланты составляютъ его принадлежность; но онъ умѣлъ скрывать привлекательнымъ и открытымъ обращеніемъ; трудно себя представить, чтобы въ его годы можно было быть такимъ испорченнымъ. Во время его кратковременнаго пребыванія въ Ревалѣ и въ Сибирскомъ полку, онъ оставилъ по себѣ много дурныхъ воспоминаній. Онъ служилъ въ гвардіи и былъ въ чинѣ полковника, имѣлъ весьма смутное понятіе о военномъ дѣлѣ, вдругъ начиналъ заниматься, и рѣшительно никогда не кончалъ и все ругался. По фронту онъ былъ очень слабъ, но кричалъ отчаянно на всѣхъ парадахъ. Однимъ словомъ, это былъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма дурной человекъ.

26-го мая выступили наши шесть ротъ Шлюссельбургскаго полка въ лагерь на Ландсбергъ, близъ Моисеева кладбища.

Въ юнѣ мѣсяцѣ прибылъ изъ Архипелага остатокъ Шлюссельбургскаго полка, 180 человекъ, на русскихъ военныхъ судахъ. Офицеры же у насъ въ полномъ комплектѣ. По приказанію генералъ-лейтенанта Эссена, вновь прибывшая команда солдатъ должна быть распределена поровну для укомплектованія шести ротъ.

Въ июлѣ прїѣхалъ полковникъ Александръ Андреевичъ Беклешевъ, съ указомъ изъ Петербурга о его назначеніи состоять штатнымъ полковникомъ Шлюссельбургскаго полка, которымъ командовалъ въ Архипелагѣ. Лунина, какъ не въ комплектѣ, считать заштатнымъ. Всѣ офицеры были очень довольны этою переменою. Полковникъ Лунина сдалъ полкъ и уѣхалъ въ августѣ въ Петербургъ.

Полковникъ Беклешевъ умный и образованный человекъ, въ немъ много природнаго остроумія, онъ хорошо знаетъ большой свѣтъ, образованъ и бѣгло говоритъ на многихъ иностранныхъ языкахъ. Приятный въ обществѣ на первый взглядъ, онъ чистосердеченъ, но въ сущности очень скрытный; онъ гордъ и рѣзокъ со своими подчиненными, которые его не любятъ. Ко мнѣ лично онъ былъ всегда хорошо расположенъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, генералъ-лейтенантъ Эссенъ и генералъ-маіоръ Лойдъ сдѣлали нашему полку смотръ. 1-го сентября выступили изъ лагеря и расположились въ 11 верстахъ отъ города въ имѣніи генералъ-лейтенанта Дерфельда.

Въ нашемъ полку былъ подполковникъ Воеводскій, моложе меня, но который въ отношеніи содержанія, благодаря протекціи полковника Беклешова, получалъ болѣе моего. Я подалъ прошеніе (петицію), гдѣ доказывалъ, что я имѣю болѣе правъ, чѣмъ Воеводскій, занимать штатное мѣсто въ Шлюссельбургскомъ полку. Воеводскій узналъ мое рѣшеніе, подалъ прошеніе (петицію) въ кригсъ-комиссію; его защитникомъ былъ генералъ-аншефъ Брюнъ, командиръ Финляндской дивизіи и по Высочайшему повелѣнію былъ зачисленъ въ нашъ полкъ.

Къ величайшему моему удовольствію, въ октябрѣ я былъ переведенъ въ Вятскій полкъ, котораго ожидали изъ Новгорода. Я представился своему новому начальнику, полковнику Розенбергу, служившему прежде въ гвардіи.

Генералъ-маіоръ Лойдъ былъ переведенъ въ Финляндскую дивизію, куда и отправился; по происхожденію онъ англичанинъ, большой оригиналъ, ему 50 лѣтъ, отъ природы онъ очень уменъ и остроуменъ, говоритъ бѣгло на многихъ иностранныхъ языкахъ, въ особенностяхи хорошо владѣлъ французскимъ, хорошо знаетъ математику, философію, естествовѣдѣніе, исторію и военныя науки ¹⁾. Его почти можно назвать человекомъ съ всеобъемлющимъ умомъ, имѣлъ при этомъ удивительную память. Онъ былъ почти при всѣхъ европей-

¹⁾ Генералъ Лойдъ вышелъ въ отставку въ 1774 году и уѣхалъ въ Англію. Въ Ревелѣ ни съ кѣмъ не сходился и ни у кого не бывалъ — я говорилъ, что не видаю ни одного умнаго человека въ нашемъ городѣ. Авт.

скихъ дворахъ и отлично зналъ слабыя и сильныя стороны каждаго государства и знакомъ со всѣми международными отношеніями. Онъ основательно изучилъ тактику и военную исторію, для чего онъ предпринималъ утомительныя путешествія по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили важнѣйшія дѣла послѣднаго столѣтія: — онъ употребилъ 4 или 5 лѣтъ, чтобы самому изслѣдовать мѣстность, на которой были расположены и дѣйствовали войска. Онъ вспыльчивый, несообщительный, мнительный и въ высшей степени безпокойный человекъ, который все ругаетъ, презираетъ, рѣдко скажетъ о комъ нибудь хорошее, всѣми недоволенъ и самимъ собою и, насколько я знаю, онъ такой же ревностный турокъ, какъ и христіанинъ, — однимъ словомъ это настоящее чудовище; ни одно государство его долго не потерпитъ въ своихъ предѣлахъ за его высокій геній (*genie superieur*), который направленъ только на собственную свою выгоду и на все дурное.

Въ послѣднихъ числахъ октября умеръ генералъ-лейтенантъ оберъ-комендантъ Бенкендорфъ; черезъ два или три мѣсяца былъ назначенъ комендантомъ Ревеля, съ сохраненіемъ всего жалованья покойнаго, служащій въ нашей дивизіи генералъ-лейтенантъ Эссенъ, человекъ благороднаго образа мыслей и весьма любимый. Эссенъ служилъ съ большою славою; ему и генералу Доникау мы обязаны, что въ Царндорфскомъ сраженіи побѣда, которая была по утру на сторонѣ Пруссіи, къ вечеру сдѣлалась сомнительною.

27-го декабря прибылъ, наконецъ, Вятскій полкъ; имъ командовалъ секундъ-маіоръ Карлъ Нолькенъ. Нашъ полковникъ остался въ Петербургѣ, а потому я принялъ на себя командованіе полкомъ.

1776 г.

Въ февралѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Ревель генералъ-маіоръ Энгельгардтъ, назначенный на мѣсто генералъ-лейтенанта Эссена командующимъ всего войска, стоявшаго въ Эстляндіи; въ него входили слѣдующіе полки: Ингерманландскій, Вятскій, Великолужскій и Вологодскій пѣхотные и Казанскій кирасирскій.

Шлюссельбургскій полкъ, который находился подъ командою командира Финляндской дивизіи, графа Брюна, получилъ позволеніе остаться еще на годъ въ Ревелѣ, до полнаго своего сформированія.

Кромѣ Энгельгардта въ Ревельской дивизіи находились еще генералъ-маіоръ Фризенъ, генералъ-маіоръ Луисъ и генералъ-маіоръ Бекельманъ, которые, кромѣ генерала Луиса, стояли въ Ревелѣ.

Всѣ эти генералы способны, достойные люди, особенно Энгельгардтъ, изъ нашихъ лучшихъ генераловъ и при томъ отличный кавалеристъ и честный человекъ. Онъ командуетъ довольно рѣзко, но никогда не придирается и всегда учтивъ и любезенъ со своими подчиненными, такъ что его нельзя не любить и не уважать.

Въ началѣ марта стало такъ тепло, что растаялъ снѣгъ и рѣки разлились.

14-го апрѣля, въ 9 часовъ вечера, Богъ далъ мнѣ дочь. Съ 20-го у моей жены сдѣлалась сильная лихорадка, потомъ перешла въ горячку, которая сопровождалась сильнымъ бредомъ и конвульсіями.

25-го, въ 10 час. утра, она неожиданно скончалась; смерть ея причинила мнѣ величайшее горе, какое я когда либо испыталъ въ жизни; прискорбно и мучительно потерять жену въ цвѣтѣ лѣтъ. Горесть воспоминанія объ утратѣ мѣшаетъ мнѣ подробно описать характеръ жены, но дѣль, которую я поставилъ себѣ (начиная этотъ дневникъ) представлять характеристику лицъ, которыя мнѣ извѣстны и интересны по своимъ заслугамъ и различнымъ событіямъ, въ которыхъ я принималъ какое нибудь участіе, заставляетъ меня исполнить эту тяжелую обязанность; я постараюсь выполнить ее, насколько у меня хватитъ силъ.

У моей покойной жены было очень привлекательное лицо; характеръ у нея былъ спокойный и серьезный, но въ обществѣ она не блистала остроуміемъ; впрочемъ этотъ недостатокъ вполне вознаграждался солиднымъ, вѣрнымъ умомъ и разсудительностью. Она получила слишкомъ строгое воспитаніе въ очень почтенномъ и уважаемомъ семействѣ дяди Тизенгаузена, у котораго она жила, послѣ преждевременной смерти своей матери. Она была довольно образована, хорошо играла на фортепіано, говорила на французскомъ языкѣ, рисовала очень порядочно, писала она превосходныя письма, такъ что я часто удивлялся способности въ этомъ отношеніи и особенно умѣнью выбрать удачныя и мѣткія выраженія. Гордость и тщеславіе, свойственное ей полу, были ей чужды. Кромѣ того она была очень богобоявленна, дѣлала много добра, хозяйствомъ занималась заботливо и прилежно. Если бы мнѣ нужно было привести нѣкоторые недостатки этой достойной уваженія женщины, — у кого ихъ нѣтъ, — я могъ бы сказать, что она была немного вспыльчива и иногда высказывала ревность, что я приписываю исключительно ея сильной любви ко мнѣ; только благодаря этой любви, отецъ ея согласился на мой бракъ, не смотря на то, что всегда желалъ выдать свою единственную дочь за Ревельскаго дворянина, чтобы никогда не разлучиться

съ нею. Однимъ словомъ она была во всѣхъ отношеніяхъ отличившая женщина, которую всѣ уважали за ея хорошій и солидный характеръ. Память о ней всегда будетъ священна для меня.

29-го апрѣля похоронили жену въ соборѣ. 12 офицеровъ Рязскаго полка несли дубовый гробъ и погрузили его въ склепѣ. Я не могъ присутствовать при этой мучительной церемоніи, потому что за три недѣли предъ тѣмъ вывернулъ себѣ ногу и не могъ ходить, а то бы я счелъ своимъ священнымъ долгомъ присутствовать при похоронахъ жены. На другой день оберъ-комендантъ Эссенъ и жена его ваяли къ себѣ мою двухнедѣльную дочку; за ней отличный уходъ и она находится подъ самымъ лучшимъ надзоромъ этихъ достойныхъ лицъ, пользующихся у всѣхъ лифляндцевъ высокимъ уваженіемъ.

20-го мая, когда моя нога нѣсколько поправилась, я отправился въ полкъ, который стоялъ въ лагерь, въ мѣстность, хотя и очень красивую, но сырую и потому служившую источникомъ многихъ болѣзней.

Генераль-маіоръ Энгельгардтъ получилъ отпускъ и уѣхалъ въ Ригу; генераль-маіоры Фризенъ и Бенкельманъ произвели, въ первыхъ числахъ августа, нашему полку смотръ, на которомъ присутствовало очень много знакомыхъ и дамъ, пріѣхавшихъ изъ города.

13-го поѣхалъ къ своимъ въ Цирстенъ и вернулся 17-го.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ получалъ я грустное извѣстіе: генераль-лейтенантъ и Рижскій вице-губернаторъ баронъ Мейндорфъ скоропостижно умеръ 16-го числа, на 70 году жизни, отъ удушливаго катарра. Нашъ домъ потерялъ въ немъ честнаго и истиннаго друга; этотъ уважаемый человѣкъ будетъ вѣчно жить въ памяти всѣхъ знавшихъ его.

22-го декабря я взялъ у генерала Энгельгардта паспортъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, для полученія аренды, о которой за годъ только вышелъ именной указъ.—27-го выѣхалъ со своимъ зятемъ и не смотря на сильную бурю и дурную погоду, мы благополучно пріѣхали, 29-го, въ Петербургъ и остановились въ трактирѣ Демуть.

1777 г.

6-го января, зять мой Кноррингъ, въ качествѣ командира лейбъ-кирасирскаго полка, подалъ лично рапортъ императрицѣ и уѣхалъ обратно въ Сомель.

Я подалъ въ сенатъ петицію объ арендѣ, ссылаясь на поданный, за годъ передъ тѣмъ, именной указъ, по которому мы съ братомъ

должны были получить, при первой вакансіи, отъ 13 до 15 гапенонъ (мѣра). Мою просьбу исполнили безъ особенныхъ затрудненій, однако мнѣ не дали Коверницъ, котораго я желалъ, и я удовольствовался помѣстьемъ Тугалонъ, предложеннымъ сенату юстицъ-коллегіей.

Въ февралѣ поданъ былъ сенатомъ указъ, перешедшій по обыкновенному порядку въ юстицъ-коллегію, а оттуда въ рижское генераль-губернаторство, что мы съ братомъ получаемъ помѣстье Тугалонъ, въ 13¹/₂ гакона, въ аренду на 12 лѣтъ.

6-го февраля, въ 2 часа пополудни, я выѣхалъ изъ Петербурга; 8-го былъ уже въ Ревелѣ.

20-го февраля, въ день нѣмецкой масляницы, всѣ неженатые давали въ замкѣ маскарадъ дворянству и знатнѣйшей части городского купечества. На немъ присутствовало 480 человекъ. Генералы Энгельгардтъ, Фризенъ и много штабъ-офицеровъ и я были распорядителями; внесли по 10 руб. и всего набралось до 500 руб., которыхъ едва хватило на надержки по устройству маскарада.

20-го мая нашъ полкъ выступилъ въ лагерь, воелъ красивой березовой рощи. Полковникъ Розенбергъ заболѣлъ и остался въ Ревелѣ, но скоро поправился.

4-го іюня, въ Троицынъ день, освящены въ лагерѣ знамена, съ обычной церемоніей.

8-го августа, генералъ Бекельманъ сдѣлалъ смотръ нашему полку; по этому случаю пріѣхали къ намъ въ лагерь изъ Ревеля вице-губернаторъ Сиверсъ, оберъ-комендантъ Эссенъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

17-го полкъ выступилъ изъ лагеря. Въ продолженіе всего лѣта у насъ стояла дождливая погода, и такъ какъ наша мѣстность безъ того была очень сыра, то и солдаты, и мы сильно страдали, особенно въ августѣ, когда почти безпрерывно были бури и шелъ дождь.

Въ концѣ августа прибылъ въ Ревель, въ нашу дивизію, генералъ-лейтенантъ Федоръ Ивановичъ Глѣбовъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, и помѣстился въ домѣ вице-губернатора Сиверса; онъ одинъ изъ добродушнѣйшихъ людей, которыхъ я когда либо видѣлъ. Съ подчиненными онъ и жена его были очень учтивы и оба пользовались въ Ревелѣ большимъ уваженіемъ, какъ за свою привѣтливость и вѣжливость, такъ особенно за то, что жили богато и каждый день принимали гостей. Онъ ужасно любилъ игру въ карты, и такъ какъ въ Ревелѣ порядочно развилась страсть къ игрѣ, то онъ ежедневно имѣлъ возможность проводить время, какъ ему хотѣлось.

Въ первыхъ числахъ сентября у насъ была самая лучшая лѣт-

ная погода; но 9-го разразилась необычайно сильная буря; вечеромъ вихрь сорвалъ крыши со многихъ сараевъ, а въ лѣсу вырвалъ съ корнемъ нѣсколько большихъ деревьевъ. Этотъ ураганъ былъ причиною неслыханнаго до сихъ поръ большого наводненія въ Петербургѣ, во время котораго погибло болѣе 1000 человекъ, и при томъ особенно много (до 400 челов.)—находившихся въ заключеніи при полиціи.

Въ концѣ октября 500 солдатъ изъ эстляндской дивизіи были отряжены въ Крымъ, подъ командою секундъ-маіора вологодскаго полка Кауціуса. Нашъ вятскій полкъ долженъ былъ отчислить 200 человекъ въ составъ этой команды.

Въ декабрѣ я узналъ, что наша великая княгиня разрѣшилась отъ бремени; ожидая по этому случаю повышенія, поѣхалъ 18-го, на почтовыхъ, въ Петербургъ, взявъ съ собою Осипа и Фромгольда; снѣгу было мало, но я все таки ѣхалъ въ саняхъ и прибылъ въ столицу 21-го и остановился у инженера капитана Кнорринга, который проживалъ въ трактирѣ «Лондонъ». Послѣ Рождества меня представили великимъ князьямъ.

1778 г.

7-го января не было и рѣчи о повышеніи; но когда, прождавъ напрасно, я уже собирался уѣзжать, при дворѣ сдѣлалось извѣстнымъ движеніе по службѣ, и я, съ нѣкоторыми другими, были произведены въ полковники; произведенъ былъ также мой товарищъ, подполковникъ Кноррингъ, служившій въ казанскомъ кирасирскомъ полку и пріѣхавшій изъ Ревеля въ Петербургъ съ своимъ братомъ, маіоромъ. Мы, четверомъ, занимали одну комнату и очень весело проводили время. Въ день нашего повышенія, насъ представили императрицѣ вмѣстѣ съ гвардейскими офицерами, которые были произведены или переведены изъ гвардіи въ армію, при томъ мы удостоились чести, преклонивъ колѣни, поцѣловать руку монархини. Въ этотъ день во дворцѣ былъ большой балъ, на которомъ, въ первый разъ послѣ родовъ, появилась великая княгиня. Я пробылъ еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, не зная куда меня переведутъ. Въ это время князь Потемкинъ представилъ насъ великому князю и великой княгинѣ. Вакасій на полковаго командира было мало, а потому полковники изъ числа вновь произведенныхъ офицеровъ, между ними я и Кноррингъ, были зачислены сверхъ комплекта въ свои прежніе полки.

30-го января я выѣхалъ на почтовыхъ изъ Петербурга и черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Ревель.

15-го февраля была свадьба дочери оберъ-коменданта Эссена, Генриати, съ капитаномъ вятскаго полка Богговутомъ ¹⁾; на эту свадьбу получили приглашеніе только самые близкіе родственники, которыхъ все таки набралось до 30 челов. Въ мартѣ мѣсяцѣ, мнѣ прислали въ Ревель указъ о моемъ повышеніи. 23-го числа я приносилъ обычную присягу.

7-го апрѣля, въ первый день Пасхи, прислали въ Ревель указъ, что я назначенъ командиромъ Томскаго полка, на мѣсто умершаго полковника Ильина, поэтому я долженъ былъ ѣхать въ Астрахань, представиться губернатору Якоби. Это назначеніе было мнѣ очень непріятно.

Весь этотъ мѣсяцъ я былъ занятъ къ приготовленію къ дальнему путешествію и продажей всѣхъ ненужныхъ вещей.

14-го мая, сержантъ Мартиніановъ повезъ изъ Ванты въ Цирстенъ мой фуру, запряженную четверкой. Полковникъ Ровенбергъ, жала оказать мнѣ любезность, перевелъ этого сержанта и другого Штольбара въ мой полкъ.

Въ маѣ вышелъ указъ полкамъ Вятскому и Ингерманландскому отправиться въ Польшу, а именно въ Витебскъ, а Вологодскому и Кегсгольмскому занимать караулы въ Ригѣ.

22-го, дружески простившись со своими родственниками и пріятелями, я выѣхалъ наконецъ изъ Ревеля, на собственныхъ лошадяхъ, и направился въ Цирстенъ. Мнѣ очень грустно было разставаться съ Ревелемъ, гдѣ оставилъ свою дочь, у своего пріятеля Эссена, можетъ быть на продолжительное время, и гдѣ такъ пріятно проводилъ время; болѣе чѣмъ когда-либо размышлялъ я теперь о перемѣнчивости нашей судьбы, которая особенно капризна по отношенію къ намъ, военнымъ. Я всегда буду вспоминать о Ревелѣ.

Я былъ не совсѣмъ здоровъ, однако тѣмъ не менѣе подвигался впередъ. Но въ Сербенскомъ кругѣ, въ 4-хъ миляхъ отъ Цирстена, узналъ я, къ моему величайшему горю, что мой отецъ умеръ 23-го (мая). 30-го только пріѣхалъ въ Цирстенъ и засталъ тамъ всѣхъ въ сильномъ горѣ. Нашъ отецъ страдалъ 30 лѣтъ отъ внутренней болѣзни; онъ постоянно лѣчился, и чувствовалъ всегда лучше послѣ лѣченія, но не смотря на это, подъ старость, у него образовался отекъ въ

¹⁾ Отецъ этого капитана, черезъ годъ послѣ свадьбы, совершенно разошелся, такъ что его дѣти ничего не получили.

легкихъ съ катарромъ въ желудкѣ и сильно ослабилъ его и болѣзнь перешла въ изнурительную лихорадку, отъ которой онъ и умеръ въ 9 часовъ утра 23-го мая. Ему было 74 года. Всѣмъ былъ извѣстенъ его прекрасный характеръ; его дѣти должны быть благодарны ему за христіанское и разумное воспитаніе, которое онъ далъ намъ. Вѣчно будемъ мы почитать память лучшаго и благороднѣйшаго отца.

8-го іюня происходили похороны. Отецъ былъ поставленъ въ часовню ландрата Берга, воишь эстляндской церкви. Въ печальной церемоніи присутствовали: братъ нашей матери, сестра съ мужемъ, судья земскаго суда Мегденъ и я.

Весь іюнь и часть іюля я пробылъ съ матерью въ Цирстенѣ, наслаждаясь пріятною деревенскою жизнью и проводя время въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ.

10-го іюля я отправился изъ Цирстена къ своему полку. Со мною ѣхали мои люди. Денегъ же у меня было всего 422 рубля, вмѣстѣ съ 300 рублей, которые я взялъ взаймы у оберъ-коменданта Эссена, и 100 рублями, занятыми у дяди.

Я проѣхалъ чрезъ Мелову и Рамкову и 16-го прибылъ въ Плескову, гдѣ засталъ выдоровѣвшаго Фромгольда. Я ѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ, но здѣсь взялъ 10 почтовыхъ лошадей.

18-го я выѣхалъ изъ Плескова, 20-го (пріѣхалъ) въ Новгородъ, сдѣлавъ 207 верстъ. 24-го я пріѣхалъ въ Тверь и 28-го благополучно пріѣхалъ въ Москву и остановился на Тверской, у одного богатаго русскаго купца, которому я платилъ рубль въ день; прожилъ здѣсь недѣлю, чтобы починить свои экипажи. 2-го августа я выѣхалъ изъ Москвы въ Астрахань, — сдѣлавъ 100 верстъ до Коломны, затѣмъ 39 в. до Саромака, 202 до Рязска, 104 в. до Козлова, 73 в. до Тамбова, 180 верстъ до несчастной крѣпости Капорской, гдѣ стоятъ наши фрегаты и откуда весною отправляютъ ихъ въ Таганрогъ. Изъ Капорской я проѣхалъ 363 вер. до Царицына. Не доѣзжая 30 верстъ до Царицына, узналъ я отъ унтеръ-офицера Ладожскаго полка, что Томскій полкъ стоитъ не въ Астрахани, а въ лагерѣ на берегу Дона. Я поѣхалъ назадъ до казачьей станицы Кагальника, лежащей на Дону на царицынской линіи; въ этомъ мѣстѣ я намѣревался переправиться черезъ Донъ.

16-го августа я благополучно прибылъ въ свой полкъ. Онъ стоялъ въ лагерѣ въ Куммаашской станицѣ вмѣстѣ съ Ладожскимъ полкомъ. За почтовыхъ лошадей вмѣстѣ съ тѣмъ, что я давалъ на чай, я платилъ отъ Плескова до мѣста 229 руб. 50 коп., брали по 1 коп. съ версты.

Обоими полками командовалъ генералъ-маіоръ Пилльсъ, жившій въ лагерѣ со своею женою. Моимъ полкомъ командовалъ подполковникъ Сенденфорстъ, который любилъ пить. Премьеръ-маіоромъ былъ Беклешовъ, братъ командира моего прежняго Шлиссельбургскаго полка. На другой день послѣ моего пріѣзда я принялъ полкъ въ довольно хорошемъ состояніи; но ремонтныхъ денегъ на лошадей я не получилъ ни копейки. При этомъ и въ другихъ случаяхъ я не сдѣлалъ ни одного замѣчанія любезному (lieber) подполковнику, а на третій день представилъ рапортъ, что я нашелъ все въ порядкѣ и въ исправности.

Въ концѣ этого мѣсяца были очень сильныя жары, а по ночамъ бывали грозы.

Генералъ-маіоръ находился съ двумя нашими полками подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта и астраханскаго губернатора Якоби, который далъ нашему бригадному командиру предписаніе защитить донскія станицы или селенія отъ нападенія кабардинцевъ.

11-го сентября, пріѣхалъ къ генералу Пиллю курьеръ отъ генералъ-маіора Рейзера, съ Кубани, что его кубанцы атакуютъ, просить немедленной помощи. 13-го мы выступили въ Ростовскую крѣпость, стоящую въ 230 в. отъ нашего лагеря. 10 лѣтъ тому назадъ я былъ въ этой крѣпости капитаномъ Вологодскаго полка. Весь этотъ мѣсяцъ простояла теплая погода. Черезъ нѣсколько дней мы получили приказъ отъ губернатора Якоби не идти дальше, а въ случаѣ дурной погоды, до дальнѣйшаго распоряженія, размѣститься по обывательскимъ квартирамъ возлѣ крѣпости.

Было 11-е октября. Генералъ-маіоръ Пилльсъ расквартировался съ Ладожскимъ полкомъ въ Ростовѣ, а я далѣе на 11 верстъ со своимъ въ большихъ казачьихъ селахъ, въ Аксаи и Рогавишгѣ.

Въ концѣ октября и въ началѣ ноября погода стояла холодная и нельзя было выгонять лошадей въ поле; отъ времени до времени шелъ снѣгъ, который однако тотчасъ же таялъ. Въ Аксаи у меня была очень хорошая квартира съ красивымъ видомъ на Донъ и окрестности Черкаска. Сѣно здѣсь дорого, пудъ стоитъ 12 коп., а четверть овса 1 р. 50 коп. По приказу, полученному отъ губернатора Якоби, который находился тогда на Моздокской линіи, полки пошли на зимнія квартиры. Ладожскій помѣстился въ Ростовѣ и окрестныхъ селеніяхъ, а я, 6-го ноября, пошелъ со своимъ полкомъ къ назначеннымъ мнѣ квартирамъ, въ 150 верстахъ отсюда, на берегу Дона, и помѣстился въ Качеловской станицѣ, состоящей изъ 245 дворовъ. Въ это время стояли необычайные морозы. Донъ такъ

замерзъ, что по немъ ходили. Но 14-го рѣка вскрылась, и весь снѣгъ стаялъ.

Теплая погода продолжалась до декабря; тогда наступили еще сильнѣйшіе морозы. Днѣ снова стаялъ.

Въ декабрѣ я послалъ въ Москву поручика Рожнова за аммуниціей для полка, и одного отличнаго унтеръ-офицера въ аптеку.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Сообщ. Н. Е. фонъ-Шtrandманъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XVIII ¹⁾.

О смотрителѣ и учителяхъ уѣзднаго училища.

И такъ я уже теперь ученикъ низшаго отдѣленія Касимовскаго духовнаго уѣзднаго училища. Всѣхъ насъ было переведено около 40 человекъ, да еще къ намъ прибавилось четыре человека старичковъ, т. е. оставленныхъ въ томъ же отдѣленіи на второй курсъ, такъ что мнѣ слѣдовало занять девятое или десятое мѣсто.

Какъ человѣческое самолюбіе можетъ быть удовлетворяемо ничтожными вещами! Вотъ, на примѣръ, мы какъ гордились тѣмъ, что мы не какіе-либо приходскіе, а уже низшеклассные! Съ какимъ гордымъ презрѣніемъ посматривали на приходскихъ, бывшихъ прежде первоклассными, а теперь поступившихъ во второй классъ, учившихся вмѣстѣ съ нами цѣлый годъ, видѣвшихъ какъ cadaго изъ насъ сѣкли, державшихъ насъ и за руки, и за ноги при этой операциі, а иногда и отправлявшихъ должность сѣкутора? Мы очень хорошо могли расчитать, что они этого не могли же такъ скоро забыть, а все таки мы задавали имъ форсу и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672; т. XXXIV, стр. 585—614; изд. 1884 г., т. XLII, стр. 495—518.

считали себя выше ихъ чуть не цѣлою головою. А между тѣмъ наше положеніе почти нисколько не измѣнилось, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалось едва-ли не хуже; на насъ смотрѣли тоже какъ на мальчишекъ и обращались также, какъ съ мальчишками, которые только немножко поболѣе бывшихъ нашихъ товарищей и слѣдовательно еще менѣе заслуживали снисхожденія въ случаѣ проступковъ, нежели эти. Въ классѣ у насъ были тоже двое старшихъ и три аудитора, притомъ кромѣ одного изъ послѣднихъ тѣ же самыя, которые были и въ приходскомъ училищѣ. Они попрежнему съ нами обращались безцеремонно, обирали, записывали въ записку, иногда дичали и за волосы. Попрежнему подавали они пришедшему учителю нотаты и записки, а учителя и по этимъ документамъ, и на основаніи другихъ данныхъ совершенно также поступали съ нами, какъ Михаилъ Явовлевичъ ставили столбомъ и на колѣна, на мѣстѣ и у печки, оставляли безъ обѣда и, увы, сѣкли розгами! Конечно, здѣсь были нѣкоторые, повидимому, облегчающія обстоятельства, но вмѣсто того появилось едва-ли не большее количество отягощающихъ. Въ низшемъ отдѣленіи особаго свѣутора не было, должность его отправлялъ тотъ или другой дневальной. Но если замѣчали въ немъ снисходительность, то его сѣкли также, какъ и у Михаила Явовлевича. Притомъ прямой отдавался приказъ, чтобы оба дневальные не были слабыми, а хоть одинъ имѣлъ крѣпкую руку. Далѣе, при сѣченіи, насъ сначала не всегда вполне обнажали, оставляя не снятыми инекспресибли. Но, еще увы, это болѣею частію не было вовсе облегченіемъ. Розги уже никогда не состояли изъ одного ветловаго прута, но изъ 3—5 или изъ еще болѣе толстаго пучка березовыхъ прутьевъ; за малѣйшее отступленіе отъ этого человѣколюбиваго распоряженія дневальныхъ сѣкали безъ милосердія. Затѣмъ по 5—10 розогъ намъ уже не давали, минимумъ состоялъ изъ 15—20 ударовъ. Этотъ минимум не только при холщевыхъ, но и при моихъ тяжелыхъ инекспресибляхъ былъ гораздо больнѣе, нежели пять даже по обнаженному тѣлу. Потому, если завороченныя на спину рубаха и платье упадутъ на инекспресибли, оттого что начнешь сильно двигаться и поднимать голову отъ боли, то почти всегда являлись держатели, которые уже снимали инекспресибли; прежніе удары шли не въ за-

четь и отпускались новые, столько же, сколько было положено. Еще если наказывали нѣсколькихъ человекъ одного за другимъ и если всѣ наказанные прежде имѣли тяжелыя инекспресибли или холщевыя, но вполне крѣпкія, и даже послѣдній имѣлъ только холщевыя и особенно сильно разодранныя, оставлявшія что нибудь обнаженнымъ и если это замѣчалъ учитель, или ему доложить старшій сѣкуторъ и самъ наказанный, то для уравниенія почти всегда прежде высѣченнымъ опять приходилось лежать, но уже обнаженными. И потому гораздо выгоднѣе было бы, если бы насъ сѣкли по приходскому, особенно когда отпускалось не 10—15, а 20 и болѣе ударовъ. Подъ инекспресиблиами не видны были слѣды, которые производились розгами и учитель только приговариваетъ: „хорошенько его, хорошенько“. Но если обнажено тѣло, то учитель, замѣтивъ слишкомъ ясно ленты и узоры, особенно красныя звѣздочки, скорѣе умилялся, такъ что ограничивалъ наказаніе вдвое меньшимъ числомъ ударовъ; конечно, каждый ударъ былъ почувствительнѣе, но за то общій результатъ былъ сноснѣе. И потому мы мало по малу стали находить лучшимъ жалѣть свои инекспресибли или сами ихъ снимали до колѣнъ, или просили сѣкутора сдѣлать эту операцію; мы замѣтили, что за такое самоотверженіе учителя къ намъ были снисходительнѣе. Особенно намъ дорого приходилось расплачиваться за одно ужасное преступленіе, за сопротивленіе предустановленнымъ надъ нами властямъ. У Михаила Яковлевича мы, прижатые къ полу держителями, силились вырваться съ перваго удара, хотя и рѣдко вырывались, но были опять забираемы въ руки. Но и въ низшемъ отдѣленіи боль отъ перваго удара толстымъ пучкомъ даже сквозь инекспресибли была не менѣе чувствительна, какъ и при сѣченіи по методу Михаила Яковлевича. И потому многіе, особенно въ первый мѣсяцъ, не только поднимали голову и спину, опираясь на ладони рукъ, но и просто вскакивая на ноги; это, особенно послѣднее, считалось чѣмъ-то въ родѣ ослушанья, даже бунта, и уже наказывалось какъ сопротивленіе власти; тотчасъ по слову „держать его мерзавца“, являлись держители, валили бунтовщика на полъ, обнажали, а число ударовъ отпускалось уже за два преступленія. Между тѣмъ сѣкуторъ могъ заставить чуть не всякаго, на кого имѣлъ неудовольствіе, совер-

шить это преступленіе, давая первый ударь самымъ сильнымъ образомъ. Съ другой стороны, по положенію, рубаху надобно было поднимать до поясицы, но верхняя часть нашихъ инекспрессиблей большею частію держалась ниже поясицы; поѣтому почти всегда выглядывала часть обнаженнаго тѣла, а иногда довольно значительная; притомъ врагъ-сѣкуторъ могъ ее намѣренно поувеличить. Если первый ударъ со всего размаха былъ хоть частію лозы направлень на обнаженную часть, то наказываемый почти всегда бунтовалъ, т. е. вскакивалъ или такъ поднималъ голову и спину, что рубаха и платье опускались туда, гдѣ имъ въ это криминальное время не слѣдовало быть; а догадливый, но сердитый на виновнаго, сѣкуторъ такъ и заворачивалъ рубаху и платье, чтобы они при маломъ даже движеніи опускались. Назъ многогрѣшный и многосѣченый обнаруживалъ не одинъ разъ описанное сопротивленіе властямъ, бывалъ бунтовщикомъ и за это, разумѣется, наказывался какъ государственно-классическій преступникъ. И такъ вовсе не было намъ причины превозноситься предъ приходскими; насъ сѣкали, можетъ быть, порѣже, но и то развѣ немногихъ, за то несравненно больнѣе; послѣднее еще увидимъ, когда я стану описывать нашего отца протоіерея и его методу учить насъ потному гѣнію. Теперь ознакомлю читателя съ новыми моими учителями и съ смотрителемъ.

Акимъ Ѳедоровичъ Гороховъ обучалъ насъ латинскому языку, ариметикѣ, славянской грамматикѣ, долженъ былъ еще пройти съ нами орфографію и синтаксисъ русской грамматики. Онъ былъ человекъ очень умный, старательный, не былъ слабъ, но и не жестокъ, наказывалъ не для собственнаго удовольствія, не изъ злости, а когда считалъ по своему убѣжденію это нужнымъ, мастерски умѣлъ приспособляться къ нашимъ понятіямъ, объясняя уроки. Мы еще въ приходскомъ училищѣ ознакомились съ нимъ въ послѣднемъ отношеніи. Въ первую недѣлю великаго поста между утреннею и часами онъ ученикамъ всего училища читалъ нѣчто въ родѣ катехизическихъ поученій, начавши дѣло съ первой главы пятовнижія Моисея. Онъ такъ просто намъ говорилъ о твореніи міра и человека, грѣхопадении послѣдняго и пр.; такъ хорошо и отчетливо разъяснялъ темныя мѣста, что мы всѣ

понимали его и долго помнили его бесѣды. И какъ послѣ жалѣли, что онѣ въ слѣдующіе посты почему-то не повторились ни разу! Слущая его, мы узнали, что обязанность учителя состоитъ не въ томъ только, чтобы разсматривать нотату и записку, наказывать неисправныхъ и виновныхъ, говорить: выучить до такой-то строки и пр., какъ поступалъ Михайлъ Явовлевичъ, а въ объясненіи урока. Бывалъ онъ немножко вспыльчивъ, но скоро успокоивался. Къ несчастію всѣ его добрыя качества замѣчались, когда онъ былъ трезвъ. Но если онъ приходилъ на веселѣ, въ куражѣ, то характеръ его измѣнялся; онъ становился шумливъ, придирчивъ, взыскателенъ, тутъ на него угодить было мудрено; тутъ, по пословицѣ, всякое лыко ставилось въ строку; тутъ-то онъ такъ принимался сѣчь, что мы за лучшее находили сами обнажать себя. Это большею частію было на утреннихъ классахъ. Но Боже, когда онъ былъ болѣе, нежели на веселѣ, или въ куражѣ, а пьянъ, сохраняя впрочемъ сознаніе, тогда былъ онъ ужасно жестокъ! „Ахъ вы скверные, измѣнились, зазнались, я съ вами теперь раздѣлаюсь“. И дѣйствительно, раздѣлывался образцово, притомъ преимущественно съ перворазрядными учениками, по крайней мѣрѣ начиналъ съ нихъ. Большею частію онъ давалъ намъ въ это время такъ называемыя локуціи съ русскаго языка на латинскій, т. е. высказывалъ какое либо предложеніе, накладывалъ, какъ мы говорили, на него латинскія слова и требовалъ выразить ихъ сообразно съ латинскою грамматикою и за ошибку, даже одну, ступай уже подъ лозу; сѣченье въ это время всегда уже производилось по обнаженному тѣлу съ держателями. Къ бѣдѣ онъ часто забывалъ, что кого либо высѣлъ, отчего многимъ приходилось въ одинъ и тотъ же классъ быть высѣченнымъ по два, а инымъ даже по три раза. Последнее счастье мнѣ два раза выпадало. Иногда онъ, сидя за столикомъ и заставя сѣчь когонибудь, какъ будто забывался и между тѣмъ тамъ все таки сѣкли, сѣкли и сѣкли. Однажды чуть было дѣло не покончилось ужаснымъ образомъ. Былъ у насъ старичокъ Василій Лебедевъ, рабой, здоровый, рослый, но тупой дѣтина. Гороховъ приказалъ высѣчь его; раздраженный до нельзя, оттаскалъ дневальныхъ за то, что они сѣкли небожно и сказалъ, что если они не загладятъ своей вины, то онъ ихъ высѣчетъ

какъ нельзя лучше. Дневальные, разумѣется, принялись за работу и Гороховъ, утомленный таскою, сѣлъ за столѣкъ. Лебедевъ кричалъ, кричалъ и замолчалъ; насъ всѣхъ морозомъ подрало по кожѣ; между тѣмъ дневальные не останавливались. Гороховъ вышелъ изъ забытья; сначала, видя продолжающееся сѣченье и не слыша крика, подумалъ, что вѣроятно плохо сѣкутъ, закричалъ на сѣкутора, но къ счастью старшій свазалъ: „Акимъ Ѳедоровичъ! Лебедевъ давно уже не кричитъ“. Гороховъ опомнился, подошелъ къ Лебедеву, велѣлъ прекратить экзекуцію; Лебедевъ не вставалъ, и только чрезъ полчаса собрался съ силами и доплелся до мѣста, но затѣмъ былъ боленъ около трехъ недѣль.

Къ несчастію, Гороховъ любилъ часто выпить, за что послѣ липонъ былъ священства и въ разборъ 1830 г. поступилъ въ военную службу. Про него у насъ была сложена слѣдующая стихиря: „прежде шести дней семика, шолъ Гороховъ изъ кабака, на встрѣчу ему три ученика; учителю! учителю! глаголюще: гдѣ намъ уготовано выпити?“

Онъ же отвѣща имъ: идите въ Разгуляевъ кабакъ и обряцете тамо человѣка за стойкою стоящаго и мѣру въ рукахъ держащаго и тамо выпьете“.

Но не смотря на недостатки его въ нетрезвомъ видѣ мы любили его, потому что трезвый онъ былъ прекрасный учитель.

Совсѣмъ иначе мы думали о другомъ тоже Акимѣ Ѳедоровичѣ, но Красновѣ, учителѣ греческаго языка, катехизиса и священной исторіи и инспекторѣ училища. Онъ былъ, можетъ быть, умнѣе Горохова, вполне трезвъ, зналъ греческій языкъ хорошо, умѣлъ передавать свои свѣдѣнія, только былъ лѣнивъ и ужасно золъ. Мы его боялись и терпѣть не могли. Мы его звали кошкою; и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи похожъ на нее. Гороховъ, найдя нужнымъ высѣчь кого либо, велитъ отправляться къ печи прямо; но Красновъ въ такомъ случаѣ поступалъ почти какъ кошка съ пойманною мышью. „Поди-ка сюда“, скажетъ бывало. Ну и выйдешь къ столѣку или на средину. „Что же это ты, мерзавецъ, не учишься, или лѣнишься, или дѣлаешь это? Эй, дневальный лозу“. Хочешь повернуться и идти на лобное мѣсто, но Красновъ схватить за волосы или за уши, то здѣсь

потреплетъ, то тамъ ущипнетъ, приговаривая: „ахъ ты, мерзавецъ“, а то ударить въ одну щеку, потомъ въ другую и этакъ мучить иногда минуту, двѣ и болѣе. Подобное положеніе было хуже сѣченья; начнутъ сѣчь, конечно больно, но вотъ перестанутъ, а тутъ больно головѣ, щеки горять, а между тѣмъ знаешь, что это служить только введеніемъ и предстоитъ еще вылежать подъ лозою. Особенно невыносимымъ дѣлалось положеніе, когда было нѣсколько виновныхъ, какъ напр. по запискѣ или по нотатѣ. Вызоветъ одного, отщиплетъ и за волосы, и за уши, надастъ оплеухъ и пошлетъ къ печи, въ дневальному, который стоитъ уже съ лозою въ рукахъ, но надобно еще ждать, потому что Акимъ Федоровичъ вызываетъ другого, третьяго и т. д.; съ каждымъ полюбезничаетъ и пошлетъ его къ печкѣ; случалось ждать по полчаса исполненія приговора. Кромѣ того, онъ, какъ тонкій наблюдатель и знатокъ дѣтскихъ привычекъ, мастеръ былъ разсмѣивать виновныхъ, спутывать ихъ вопросами и выводить дѣло наружу. Мы даже вѣрили, что онъ узнаетъ какъ будто все отъ святаго духа; такъ намъ казалось необъяснимымъ его искусство визнавать наши тайны. „По глазамъ узнаетъ, говаривали мы; носомъ чуетъ, затылкомъ видитъ“ и пр.

Смотритель нашего училища былъ соборный протоіерей Поликарпъ Поликарповичъ Каструсскій, но онъ не только въ Касимовѣ, но чуть-ли не по всей епархіи назывался, подобно архіереямъ, только однимъ именемъ: Поликарпъ и извѣстенъ былъ подъ титуломъ архіерея касимовскаго и бабинскаго (Бабенки было село верстахъ въ трехъ отъ Касимова). Даже при богослуженіи, въ одномъ по крайней мѣрѣ случаѣ, онъ немножко разыгрывалъ роль архіерея. Извѣстно, что церковная пѣснь „прійдите поклонимся и припадемъ ко Христу“ и проч., поется пѣвчими послѣ малаго выхода во время литургіи, а священники и дьяконы молча уходятъ въ алтарь. Но при архіерейскомъ служеніи архіерей со всѣми сослужащими ему священниками и дьяконами поютъ означенную пѣснь, стоя по срединѣ церкви и только, пропѣвши болѣе половины, отправляются въ алтарь и тамъ доканчиваютъ пѣснопѣніе. Почтенный Поликарпъ Поликарповичъ, когда въ праздники служилъ обѣдню соборнѣ съ другими священниками и дьяконами, слѣдовалъ архіерейскому обычаю, начиналъ самъ: „прійдите по-

клонимся“, сослужившіе вторили ему, въ известный момент торжественно всё отправлялись въ алтарь и тамъ доканчивали. Что же касается до его личности, то онъ роста высокаго, уже очень пожилыхъ лѣтъ, рыжій, чуть не плѣшивый, слылъ за умнаго, начитаннаго человѣка, отличался діалектикою въ спорахъ, былъ мастеръ поговорить, пошутить, былъ душею общества. Въ Касимовѣ онъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ всѣхъ сословій, велъ себя важно, одѣвался величолѣпно; у него были рѣдкая въ то время ряса на лисьемъ мѣху и громадная мѣховая муфта, которая чуть не касалась земли нижею своею стороною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ужасный взяточникъ, по убѣжденію, соп амоге, по какому-то гордому сознанію, что всякая его взятка не только законна, но необходима, обязательна; принимая ее, онъ какъ будто дѣлалъ благодѣяніе, оказывалъ милость тому, кто ее давалъ. О взяточничествѣ его я послѣ скажу, а теперь займусь тѣмъ, какъ онъ за нами смотрѣлъ.

Я уже говорилъ, что онъ даже большею частію и экзаменовъ не дѣлалъ; о томъ, чтобы слѣдить за успѣхами учениковъ, за преподаваніемъ учителей, онъ и не думалъ. Онъ, можно сказать, только сѣкъ насъ, когда ему захочется или найдетъ въ тому поводъ. Возвращается изъ города въ училище, или провозжаетъ какого-либо гостя, или самъ отъ нечего дѣлать выходитъ на крыльцо и слышитъ шумъ и гамъ въ какомъ-либо классѣ. „Ей вы, закричитъ бывало, страшнымъ голосомъ, черти, дьяволы, кобылятники, меренятники, вотъ я васъ!“ Иногда и безъ того шумъ кобылятниковъ и меренятниковъ доходилъ до его кабинета и спальни вмѣстѣ, особенно изъ низшаго отдѣленія, которое было ближе всѣхъ классовъ къ его комнатамъ; самая страшная вещь была, если мы какъ нибудь нарушали послѣобѣденную его сіесту. Иногда же даже просто выйдетъ на крыльцо и ждетъ не закричатъ-ли гдѣ-нибудь или какъ будто придумываетъ, нѣтъ-ли какихъ-либо причинъ пойти въ классъ, чтобы раздѣлаться съ чертами, дьяволами. Приходское училище онъ рѣдко удостоивалъ своего вниманія; ребятишки тамъ были большею частію слышкомъ малы, гдѣ имъ вынести его экзекуцію? Низшеклассные и особенно вышекласные, вотъ кто были преимущественно предметомъ его

вниманія. Взопедши въ классъ, онъ спрашивалъ, кто шумѣлъ? Если у старшаго не было записано и онъ ни на кого не укажетъ, какъ на нарушителя общественнаго спокойствія, то его самого съчь и когда отецъ протопопъ былъ очень разсерженъ или ему хотѣлось побольше посъчь народу, то по списку, оставляя двухъ правыми, третьяго признавалъ виновнымъ и съвь; у насъ для этого и было техническое выраженіе: третьяго съчь; если же у старшаго есть записка или укажетъ на кого-либо, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, то уже принимается за нихъ однихъ и притомъ не заслушивалось никакое оправданіе; старшій признавался непогрѣшимымъ. И всѣ учителя насъ больно съвли, но отецъ Поликарпъ, по его собственнымъ словамъ, не любилъ насъ баловать, мазать и чесать лозою. Когда при немъ нужно было съчь кого, то приносились особыя розги, которыя у насъ назывались протопопскими. Онъ кажется считалъ грѣхомъ съчь не обнажая. „Рубахи и портки не виноваты, ихъ не за что съчь, да и зачѣмъ дѣлать убытокъ матери; заворачивай и снимай все“; стоитъ бывало онъ у самаго лобнаго мѣста, посматриваетъ на приготовленіи къ съченію и поворачиваетъ правою рукою серебряную табакерку, которую онъ держалъ двумя пальцами лѣвой руки. „Ну что, матушки, все-ли готово? спросить, смотря на лежащаго, который чуть не на половину обнажонъ; подбери-ка ты еще,, вотъ это, вишь, жалѣешь, я вотъ тебя самого взлущю; надобно, чтобы ни одинъ прутикъ не упалъ ни на рубаху, ни на портки“.

Въ это время приготовленный, слушая столь утѣшительныя слова, часто вздрагивалъ, начиналъ шевелить или сжимать свою педагогическую часть, какъ это почти всегда бывало, когда ожидаешь жестокаго наказанія. „Ха, ха, захохочетъ отецъ протоіерей, смотрите-ка началъ уже танцовать прежде музыки, ну-ка замрай, посмотримъ, какъ онъ станетъ выплясывать, какія будетъ выдѣлывать штуки? Та, та, хорошенько“. Когда же оба бедра покроются уже рубцами, лентами, узорами и кровью, то закричитъ отецъ смотритель: „ну что ты все въ поперечину, развѣ нельзя въ длину“, и съкуторъ перемѣняетъ свою позицію, становится то у головы, то въ концѣ ногъ, которыя для этого раздвигаются и уже держится каждая особымъ держителемъ. И

вотъ удары падаютъ уже въ длину, а не въ поперечину, концы лозы достаютъ поясницы, боковъ, ляшекъ, чуть не до колѣна. Ознакомясь со вкусомъ отца зрителя и желая угодить ему, сѣваторы уже сами не дожидались особаго приказанія, сѣкли то въ поперечину, то въ длину. „Ай да молодець, самъ догадался, поддай-ка ему пара, порумянь-ка ему ляшки и поясницу, вотъ тутъ еще нѣтъ ничего. Да въ затравку, т. е. въ промежутокъ между обоими бедрами, въ самую затравку попади хоть разнѣзъ или два не больше. Ага, завертѣлся, другимъ голосомъ заговорилъ. Ха, ха, ха!“ Это были шуточки, которой сѣялись и шутникъ, и тѣ изъ насъ, кто не надѣялся быть высѣченнымъ. Но все это были еще цвѣтики, а ягоды впереди. Отецъ протопопъ вѣроятно думалъ, что мы еще щадимъ другъ друга, что насъ нельзя, по его выраженію, пробрать лозами, даже протопоповскими и въ поперечину, и въ длину. Онъ лучше любилъ полагаться на своего сторожа и кучера Траянова, здороваго церковника. Когда уже отецъ зритель считалъ нужнымъ высѣчь на славу, то обыкновенно кричалъ: „Траянова сюда съ плетью“. Плеть эта была ременная, съ двумя хвостами; ею почти можно было расшевелить и лошадь. Траяновъ приходитъ, держа плеть за рукоятку и опустивъ концы ея внизъ. „Ну-ка, Траяновъ, говаривалъ протопопъ, надобно дураковъ-то поучить; смотри, не давай охулки на свою руку“. „Что вы, отецъ протопопъ, развѣ мнѣ уже въ первый разъ? Поучу знатно, велите только держать покрѣпче, чтобы не было промаха“. И дѣйствительно надобно было держать. Многие изъ насъ уже и на первомъ году въ низшемъ отдѣленіи и почти всѣ на второмъ приучили себя, сдѣлавши зубы, сжавши кулаки, выдерживать по 20-ти и болѣе сильныхъ ударовъ лозою по обнаженному тѣлу, нигдѣмъ не удерживаемые и только немного поварачиваясь. Но подъ плетью Траянова не могли улежать не только мы, низшеклассные, но и вышеклассные, между которыми были молодцы лѣтъ въ 18 — 20. И такъ какъ отецъ протопопъ не любилъ въ сѣченіи проволочекъ и остановокъ и такъ какъ держители, у которыхъ наказываемые вырывались или вертѣлись, такъ что Траяновъ дѣлалъ небольшіе промахи, поддавали подъ его же плеть, то обыкновенно развѣ какого либо слабосильнаго рѣшались держать двое здоровыхъ товарищей, а то

всегда держали четыре или пять человекъ. „Ну-ка, Траяновъ, начинай“, когда все уже было приготовлено. Боль была невыносимая, а между тѣмъ не только вывернуться, а даже пошевелиться нельзя. Отецъ протопопъ стоялъ, да посматривалъ сквозь свои очки и повертывалъ свою табакерку; не полосы или ленты, а бугорки багровые появлялись на тѣлѣ. „Ну славный ты, Траяновъ, живописецъ, пошучивалъ отецъ смотритель; ну-ка еще порисуй“. И разрисовывали же насъ! Хотя болѣею частію давали 20—30 ударовъ и рѣдко болѣе, но всякій вставалъ съ полу въ какомъ-то полубезпамятствѣ; рѣдкій не плакалъ еще и не чувствовалъ сильной боли минутъ 10 — 20, а потомъ не одинъ день трудно было сидѣть. Послѣ такой экзекуціи въ тотъ же или на слѣдующій день являлись другіе учителя. Вотъ тутъ-то особенно слишкомъ невыгодно было, чтобы инекспресибли при сѣченъи не снимались, потому что учитель, не видя оставленныхъ слѣдовъ отъ траяновщины, приказываетъ сѣчь, какъ находить нужнымъ, и новые удары, хоть и съвозъ инекспресибли, производили невыносимую боль, падая на больныя мѣста. Тогда какъ учитель, особенно Гороховъ, взглянувъ на обнаженное тѣло и видя слѣды траяновщины, говаривалъ: „вѣрно отъ Траянова досталось, ну довольно“, прибавлялъ послѣ нѣсколькихъ ударовъ. Красновъ, впрочемъ, менѣе обращалъ вниманія на это, но все-таки былъ снисходительнѣе. Посмѣлѣе изъ насъ прямо говорили: „меня вчера, или третьего дня, слишкомъ больно высѣкъ Траяновъ, простите пожалуйста“. И иногда, повѣривши впрочемъ, названіе прощали.

Но и съ Михаиломъ Яковлевичемъ мы еще не разстались. Онъ былъ учителемъ нотнаго пѣнія не въ одномъ приходскомъ, но и въ обоихъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища; для него отдѣлялись еженедѣльно въ низшемъ отдѣленіи два урока въ среду и пятницу, а въ высшемъ одинъ въ пятницу, притомъ всегда послѣ обѣда. Такъ какъ въ пятницу нотное пѣніе въ обоихъ отдѣленіяхъ назначалось въ одни и тѣ же часы, то вышекласные приходили къ намъ и Михаилъ Яковлевичъ заставлялъ насъ пѣть и распѣвать вмѣстѣ. Кромѣ нотнаго пѣнія, онъ же преподавалъ еще церковный уставъ, т. е. заставлялъ насъ къ ряду на память заучивать существовавшій тогда учебникъ. Но въ искрен-

нему сожалѣнію Михаила Яковлевича, права его въ нашихъ классахъ до насъ и сначала при насъ были очень ограничены. Для высшеклассныхъ у него даже не было и аудиторовъ и нотатъ; они только общимъ хоромъ пѣли вмѣстѣ съ нами и не всегда всѣ приходили въ классъ. У насъ были и аудиторы, и нотаты, но Михаилъ Яковлевичъ могъ наказывать насъ стояніемъ на колѣняхъ, сѣчь же самъ собою по своей волѣ не имѣлъ права. Колѣбнопреклоненіями нашими онъ, разумѣется, пользовался вполнѣ; незнающіе урока почти всегда стояли на колѣняхъ. Затѣмъ ему предоставлено было право недѣли чрезъ три или разъ въ мѣсяцъ представлять на начальственное благоусмотрѣніе отца протоіерея, нашего начальника, списокъ нашъ съ обозначеніемъ, кто сколько разъ не зналъ уроковъ. Резолюція всегда была одна: высѣчь всѣхъ попавшихъ въ списокъ, хотя бы иной записанъ былъ только однажды франсъ или нонтотъ. Но въ этомъ случаѣ отецъ смотритель любилъ соблюдать правосудіе, карающее грѣшниковъ сообразно преступленіямъ каждаго; полагалось за незнаніе каждаго урока давать не менѣе трехъ, но и не болѣе пяти ударовъ, что и выражалось на спискѣ словами: дать за урокъ по три или по четыре и пр. удара. Опять, въ сожалѣнію Михаила Яковлевича, исполненіе экзекуціи поручалось не ему. Иногда, но рѣдко, разъ или два приходилъ самъ протопопъ въ нашъ классъ во время нотнаго пѣнія и съ неисправными посвойски расправлялся, но безъ трайновой плети; тутъ по крайней мѣрѣ Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ наслажденіе созерцать какъ разрисовывали лентами и узорами обнаженныя части тѣла лѣвтяевъ. Затѣмъ въ другихъ случаяхъ исполненіе экзекуціи поручалось низшеклассному или изрѣдка высшеклассному старшему. Въ 3—4 недѣли, т. е. въ 6—8 классовъ набиралось незнающихъ почти столько же, сколько было учениковъ; у насъ изъ 40 слишкомъ человекъ. Иногда не попадало въ списокъ не болѣе 5—6-ти. Конечно иному нужно было дать только какихъ нибудь 3—5 ударовъ, но многимъ доставалось по 15, 20 и даже до 40, потому что незнаніе урока по уставу рассматривалось какъ отдѣльное преступленіе отъ незнанія нотнаго пѣнія. Возьмите среднее число хоть 15—20 ударовъ для каждаго преступника, а число преступниковъ иногда доходило до 40, вѣдь такимъ образомъ надобно было отсчитать

до 600—800 ударовъ. Кромѣ того, сколько времени требовалось, чтобы каждый легъ, былъ надлежащимъ образомъ подготовленъ къ принятію назиданія, потомъ всталъ и очистилъ мѣсто для своего преемника? На все это, пожалуй, не достало бы и часа, а между тѣмъ старшій долженъ былъ покончить дѣло до прихода учителя. Но наши тогдашніе мудрецы изобрѣли или лучше переняли отъ своихъ не менѣе мудрыхъ и человѣколюбивыхъ предковъ методу сѣченія нашего брата-лѣнтяя въ два ряда безъ подготовки или съ полною подготовкою. Угодно ли прочесть описаніе этой методы.

Виновные раздѣлялись на два отдѣла и изъ каждаго отдѣла вызывались сначала человѣка 3—4; они устанавливались въ рядъ и такимъ образомъ составлялись два ряда, между которыми оставалось свободное пространство для экзекуціи. Если сѣченье въ два ряда происходило безъ подготовки, то стоявшіе на первыхъ мѣстахъ обоихъ рядовъ ложились на полъ, выступя изъ ряда на лобное мѣсто; мѣста ихъ въ ряду замѣщались вторыми, мѣста этихъ третьими и т. д., а происшедшая убыль пополнялась вызваннымъ новымъ преступникомъ, который становился послѣднимъ и потомъ, постепенно подвигаясь выше и выше, достигалъ перваго мѣста. Обоихъ раставувшихся на полу тотчасъ приготавливали къ сѣченью услужливые экзекуторы и держители; по окончаніи подготовки начинали сѣчь, но только одного, а другой въ это время лежалъ подготовленный и ждалъ угощенія. Кончивъ операцію надъ первымъ, принимались тотчасъ же за втораго. Между тѣмъ на мѣсто высѣченнаго и вставшаго съ полу ложился бывший его ближайшій сосѣдъ по ряду и пока втораго сѣвли, вновь раставушгагося приготавливали къ сѣченью. Кончивъ со вторымъ принимались за третьяго, и на мѣсто втораго ложился и былъ приготавливаемъ его сосѣдъ по ряду. Дѣло старались такъ устроить, чтобы не было никакого замедленія, т. е. чтобы къ тому времени, какъ кончится экзекуція кого либо, напр. въ первомъ ряду, непременно въ другомъ ряду былъ уже вполне приговоренъ къ сѣченью виновный. И экзекуторъ этого ряда тотчасъ же начиналъ свою работу, какъ только она приостанавливалась въ другомъ ряду. Такимъ образомъ дѣло шло быстро, удары лозою, прерываясь въ одномъ, немедленно раздавались въ другомъ ряду. И если сѣвли

въ двѣ лозы, какъ обыкновенно большею частію и бывало въ такихъ случаяхъ, да еще приказывалось поживѣе работать, то не только 600—800, но даже и 1500—2000 ударовъ можно было раздарить въ какихъ нибудь 15—20 минутъ; быстрота была образцовая. Сѣченье въ два ряда безъ подготовки происходило почти только въ то время, когда нужно было сѣчь, не обнажая наказываемаго или когда виновныхъ было не очень много; впрочемъ и тутъ торопливые исполнители приказывали вызываемымъ въ ряды снимать напередъ свое верхнее платье и потому приговоренные къ наказанію стояли въ рядахъ въ однихъ подштанникахъ и рубашкѣ, да въ жилетѣ. Тутъ виновному стоило только лечь на полъ, а экзекутору или держителю заворотить рубаху и все готово къ сѣченью. Если же находили нужнымъ сѣчь по обнаженному тѣлу, то сниманіе инекспресибли могло произвести замедленіе и остановить экзекуцію на нѣсколько секундъ и пожалуй на минуту; вѣдь каналы мальчишки иногда очень крѣпко завязывали свои инекспресибли. Чтобы не тратить на пустяки золотое время, въ этомъ случаѣ употреблялось уже сѣченье съ подготовкою. Ученики, вызываемые въ ряды, или снимали сами свое верхнее платье, даже галстуки и жилетъ на мѣстѣ, или раздѣвались сами и при помощи услужливыхъ товарищей уже въ ряду. Тутъ къ первымъ двумъ человѣкамъ приставлялись по два, какъ мы ихъ называли, помощателя. Когда по очереди доходилъ до нихъ виновный уже безъ верхняго платья, то они поднимали рубаху его сзади и подолъ ея запускали за обшивку; вотъ для чего галстуки и жилетъ снимались; затѣмъ тотчасъ же спускались и инекспресибли. Такимъ образомъ, стоя сзади ряда, можно было видѣть одного или двухъ человѣкъ еще въ рубашкахъ и подштанникахъ, хотя иной уже изъ нихъ самъ спускалъ послѣдніе, желая избавить помощателей отъ излишнихъ хлопотъ, а другіе двое стояли обнаженные сзади отъ ногъ чуть не до самой шеи. Послѣ того каждый изъ помощателей одною рукою держалъ полуобнаженнаго, а другою не позволялъ инекспресиблямъ сползать до колѣнъ, а лѣтомъ на босоногомъ даже до пятокъ. Впрочемъ это дѣлалось, если виновный стоялъ смиренно и въ помощателяхъ не имѣлъ недоброжелателей; въ противномъ случаѣ его каждый изъ нихъ держалъ обѣими руками подъ плечо, а инекспресиблямъ предоставлялось

принимать такое положеніе, какое имъ угодно; отчего и случилось, что почти вся задняя часть тѣла была обнаженная, да и передняя на половину. Подготовленный такимъ образомъ передвигаемъ былъ помощателями со втораго на первое мѣсто въ ряду и когда на полу оказывалась праздная вакансія—передавался сѣкуторамъ и держителямъ. Этимъ съ новымъ субъектомъ хлопотъ было уже немного; слѣдовало только покрѣпче прижать его къ полу, да развѣ рубаху немножко порасправить, чтобы частички ея не прикрывали какой либо боковой частички тѣла. куда должна была падать лоза.

Сколько же народа было нужно при подобномъ сѣченъи? Сосчитать не трудно. 2—4 сѣкутора, 4—8 держителей, 8 помощателей, еще одинъ, который по списку вызывалъ виновныхъ на средину въ ряды, всего 15—21 человекъ. Сюда прибавьте двухъ, которые лежали уже на полу, 6—8, которые стояли въ рядахъ подготавливаемые къ сѣченъи, такимъ образомъ число всѣхъ соприсносновенныхъ къ экзекуціи активнымъ или пассивнымъ образомъ простиралось до 23—29. Да вѣдь это почти весь классъ въ дѣлѣ? Дѣйствительно, въ высшемъ отдѣленіи съ 1821 года было немного болѣе 30 человекъ, у насъ въ низшемъ съ чѣмъ-то 40, но въ послѣдній годъ нашего ученъи въ приходскомъ училищѣ училось въ обоихъ классахъ болѣе 60-ти, значитъ у насъ въ низшемъ, а прежде и въ приходскомъ можно было обойтись своими, такъ сказать, средствами. Кромѣ того мудрецы нашли способы устранять или ослаблять встрѣчавшіяся затрудненія. Простѣйшій способъ состоялъ въ томъ, что тѣ, надъ которыми покончилась экзекуція, могли вонечно поплавать, но въ случаѣ нужды, когда не очень жестоко было наказаніе, принуждались дѣлаться помощателями, держителями и даже сѣкуторами, иногда еще не успѣвши вполне одѣться; не до церемоній въ такомъ серьезномъ дѣлѣ! Но если распорядитель экзекуцій рассчитывалъ, что многіе отъ нея потеряютъ память и не вдругъ сдѣлаются способными быть активными участниками въ ней, то приглашалось достаточное количество исполнителей изъ другаго класса; высшешлассныхъ держали, сѣбли, и пр. низшешлассные, а этихъ или высшешлассные, или приходскіе. Если же подобнаго приглашенія нельзя было сдѣлать, то старались сократить число дѣйствующихъ лицъ, напр. прика-

зывалось сѣчь въ одну лозу, держать наказываемаго двоимъ, или троиимъ; помогателей назначалось на каждый рядъ только по два. Притомъ каждый изъ нихъ минами и словами давалъ знать вступившему въ рядъ, чтобы онъ самъ скинулъ свои инекспресибли.

И вотъ совершается экзекуція своимъ, какъ говорятъ, чередомъ по заведенному порядку. Распорядитель ея, стоя или сѣдя, занимаетъ такую позицію, чтобы ему безъ труда можно было видѣть, куда и какъ падеть лоза при каждомъ ударѣ, и онъ попеременно поворачиваетъ свои глаза то въ ту, то въ другую сторону, смотря потому гдѣ лежитъ наказываемый. Прочія дѣйствующія лица не дремлютъ; сѣкуторы работаютъ усердно; во время короткихъ паузъ, когда сѣченье идетъ въ другомъ ряду, отдыхаютъ отъ своихъ праведныхъ трудовъ, осматриваютъ лозы, годятся ли онѣ для дальнѣйшаго употребленія, негодныя замѣняютъ свѣжими, которыхъ вблизи лежитъ цѣлый ворохъ. Держители употребляютъ всѣ усилія, чтобы наказываемый не вырвался изъ ихъ рукъ, помогаютъ ему встать по окончаніи экзекуціи не изъ сожалѣнія, а изъ желанія, чтобы онъ поскорѣе убрался съ мѣста, на которое есть уже совсѣмъ готовый невольный претендентъ, котораго они и торопятся принять, но не въ объятія, а подъ свои ноги и руки и доканчиваютъ его, такъ сказать, дезабильте. Но наказываемый не очень доволенъ своимъ положеніемъ, кричитъ, вертится, рвется и сколько можно судить по разлетающимся во всѣ стороны обломкамъ отъ лозъ, по лентамъ и рисункамъ, а иногда по блесткамъ и пожалуй ручейкамъ, показывающимся на его тѣлѣ, имѣетъ на то право. По сторонамъ идетъ тоже неумолимая дѣятельность, раздаются имена и фамиліи тѣхъ виновныхъ, до которыхъ дошла очередь идти въ ряды; вызванный раздѣвается, идетъ и если неповоротливъ, то ему напоминаютъ, чтобы онъ поторопился. Вышелъ, всталъ въ рядъ; помогатели скоро поднимаютъ сзади его рубаху, засовываютъ подолъ ея за обшивку и снимаютъ съ него инекспресибли, подвигаютъ ближе и ближе къ первому мѣсту и потомъ передаютъ совсѣмъ подготовленнаго экзекутору. И идетъ работа непрерывно и можно было бы подумать, что сѣкутъ одного кого либо, если бы разноголосный крикъ не показывалъ, что операція производится не надъ однимъ, а надъ многими.

Эта варварская и отвратительная порка, конечно, не вездѣ, не во всѣхъ духовныхъ училищахъ и не часто производилась, но нельзя сказать, чтобы она извѣстна была только въ Касимовскомъ училищѣ; употреблялась она и въ Рязанскомъ и Скопинскомъ и пр., а въ академіи я узналъ, что и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ съ нѣкоторыми особенностями она встрѣчалась. Въ Касимовскомъ же училищѣ протопопъ никогда ея не употреблялъ; онъ не любилъ торопиться при экзекуціяхъ, а дѣлалъ все съ разстановкою; ему, кажется, приятно было слѣдить за всѣми подробностями, начиная съ того, какъ виновный выйдетъ на средину, ляжетъ на полъ, какъ его обнажаютъ и пр. Михаилъ Яковлевичъ употреблялъ при мнѣ въ приходскомъ училищѣ только три раза, да и изъ нихъ въ двухъ случаяхъ поручалъ исполненіе старшему въ свое отсутствіе. Красновъ любилъ прибѣгать къ этой методѣ, если слѣдовало наказать 15 или болѣе человѣкъ. Гороховъ никогда не дѣлалъ этого.

Когда сѣченье въ два ряда поручалось производить классическому или главному старшему всего училища, то оно происходило безъ подготовокъ; не только инекспресибли, но иногда и рубахи оставались на своихъ мѣстахъ не потревоженными; если же когда-нибудь обнажали виновныхъ, то число ударовъ ограничивалось 3—10 и слишкомъ, слишкомъ рѣдко удары были сильны; они, по тогдашнему нашему выраженію, только мазали насъ. Поэтому въ этихъ случаяхъ два ряда насъ не страшили; многие считали наказаніе такое чѣмъ-то въ родѣ развлеченія, живо выходили по вызову на средину, живо и безъ вслыхъ минъ снимали верхнее платье, преравнодушно ложились на полъ, зная, что не изъ-за чего будетъ плавать; но все таки считали нужнымъ покричать, когда сѣкли; такъ ужъ заведено было, иначе старшій приказываетъ такъ ударить, чтобы уже была причина вскрикнуть. Дѣлалось это, очевидно, для начальства, чтобы оно не знало о томъ, что мы такое наказаніе считаемъ за ничто.

Послѣ этого понятно, почему Михаилъ Яковлевичъ, не любившій наказывать для смѣха, весьма былъ недоволенъ тѣмъ, что за потное пѣніе въ низшемъ и высшемъ отдѣленіи не позволяютъ ему самому расправляться. Пока еще мы были въ приходскомъ училищѣ, онъ многократно просилъ смотрителя úpl-

мочить его на такую расправу, но безуспѣшно. По переводѣ нашемъ въ низшее отдѣленіе, онъ возобновилъ свои хлопоты и достигъ своей цѣли; ниже я скажу, какъ мы сами помогли ему забрать насъ въ свои руки и возобновить наше знакомство съ его розгами.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. В. ДАШКОВЪ И ГРАФЪ Д. И. ХВОСТОВЪ

въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ

въ 1812 г.

«Дашковъ (разсказываетъ М. А. Дмитріевъ) былъ членомъ с.-петербургскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Предложили въ почетные члены извѣстнаго графа Д. И. Хвостова. Дашковъ былъ противъ этого, но большинство голосовъ рѣшило выборъ; надобно было покориться. Дашковъ, уступивъ большинству, просилъ общество, по крайней мѣрѣ, позволить ему сказать обычную привѣтственную рѣчь новозбранному члену; и общество, не подозревая никакой шутки, на это согласилось. Дашковъ скавалъ рѣчь, наполненную похвалъ, но вмѣстѣ такой проиіи, которая бросалась въ глаза всякому и уничтожала всѣ другія мнѣнія въ пользу позвіи новаго члена»¹⁾.

Своей привѣтственной рѣчи Дашковъ далъ форму «предложенія» обществу. Вотъ подлинный текстъ этого предложенія, надѣлавшаго въ свое время много шума въ кружкѣ литераторовъ²⁾:

¹⁾ «Мелочи изъ запаса моей памяти», 2-е тисненіе, стр. 213.

²⁾ Печатается по собственноручной рукописи Д. В. Дашкова. М. А. Дмитріевъ въ первомъ изданіи «Мелочей» (стр. 151) напечаталъ два отрывка изъ этой рѣчи; во второмъ тисненіи «Мелочей» читаемъ: «Въ первомъ изданіи Мелочей я выписалъ только два небольшіе отрывка изъ этой рѣчи; теперь, въ концѣ книжки, прилагаю ее вполнѣ» (стр. 213). Но въ приложеніяхъ къ книгѣ этой рѣчи нѣтъ. Текстъ рѣчи Дашкова, извлеченный изъ дѣлъ общества, напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» 1861 года, кн. IV, сѣтъ, стр. 183—186. Въ нашемъ изданіи заключены въ скобки мѣста и выраженія, которыя зачерчены въ спискѣ Дашкова, помѣщены въ выноскахъ слова и фразы, коими замѣнены были впоследствии нѣкоторыя рѣзкія или неловкія выраженія. Печатаемый текстъ нѣсколько отличенъ отъ издавнаго въ «Чтеніяхъ». Н. Т.

Любезные сочлены! Нынѣшній день пребудетъ всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего общества: нынѣ въ первый разъ воссѣдаетъ съ нами краса и честь россійскаго Парнаса, счастливый любимецъ Аонидъ и Феба, геній единственный по быстрому своему па-ренію и по разнообразію тѣмочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака сокрывали на время сіяніе солнца: оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю; такъ и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, его сіятельства графа Д. И. Хвостова. Труды его необъятны: единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе; а знаменія побѣдъ его изумляютъ насъ, поражаютъ. Онъ вознесся выше Певдара, унижилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Мольера, уничтожилъ Расина. (При чтеніи драматическихъ его произведеній смѣхъ и жалость попеременно наполняютъ душу читателя и справедливый успѣхъ оныхъ на сценѣ ни мало не зависѣлъ отъ игры превосходной актрисы). Пусть немногіе писатели ¹⁾, стремясь за безсмертіемъ, получаютъ его въ награду за произведенія, обработанныя съ величайшимъ тщаніемъ и содѣлавшіяся образцами точности въ мысляхъ, красоты слога, силы выраженій—почтеннѣйшій сочленъ нашъ и кромѣ того увѣнчанъ зарею безсмертія (единымъ) блескомъ природныхъ своихъ дарованій. Пусть другіе снискиваютъ себѣ имя въ словесности просками и услаждаются наемными рукоплесканіями: но его путеводителями были ²⁾ всегда скромность (и униженіе самого себя). Академія Россійская, Московскій, Харьковскій и Виленскій университеты, Вольное Экономическое Общество, Бесѣда Любителей Русскаго слова, наконецъ и наше Общество гордятся его именемъ; а хранилища всѣхъ Россійскихъ книгопродавцевъ, наполненныя бездѣльными его твореніями, служатъ прочнѣйшимъ основаніемъ его славы.

Таковъ, любезные сочлены, мужъ, избранный нами въ почетные члены сего общества! Всей Европѣ ³⁾, что говорю я? вселенной ⁴⁾ извѣстны его заслуги: но, къ стыду нашему, никто не воздвигнулъ ему достойнаго литературнаго памятника изданіемъ его твореній съ приличными замѣчаніями; между тѣмъ какъ французы имѣютъ множество комментаріевъ на Расина, столь униженнаго переводами почтеннѣйшаго графа. Сколько бы новыхъ красотъ, неизвѣстныхъ Аристотелю, открылись глазамъ внимательнаго читателя! сколько бы усмо-

¹⁾ Пусть весьма немногіе изъ нашихъ писателей.

²⁾ Путеводителемъ была.

³⁾ Всей Россіи.

⁴⁾ Всей ученой Европѣ.

трѣль онъ новыхъ изображеній, новыхъ картинъ, коими одолжены мы гению нашего поэта! Въ его твореніяхъ самыя простыя описанія оживляются волшебною силою воображенія и превышаютъ всѣ возможныя описанія другихъ стихотворцевъ. Раскроемъ ли неподражаемыя его притчи: (разумъ нашъ пораженъ прелестями басенъ: Ботъ, Двое плѣшивыхъ, Старикъ и трое молодыхъ, Два голубя и проч.) Какая кисть! какія описанія! какая простота! (Въ сей послѣдней баснѣ русскій Лафонтенъ очевидно превзошелъ француза, надѣливъ своего голубка острыми зубками для разгрызенія сѣтей, въ которыхъ онъ запутался. Вотъ истинная поэзія, творящая новый міръ, новую природу!) ¹⁾ Раскроемъ ли громкія его оды, эклоги, посланія: вездѣ видимъ пламенный восторгъ, возносящійся надъ предѣлами возможнаго міра и часто теряющійся ²⁾ въ неизмѣримомъ пространствѣ; либо изліяніе нѣжныхъ чувствованій при гробѣ друга, ближняго или знаменитаго вельможи, изліянія, преисполненныя глубочайшей таинственной философіи. Вдругъ шумная радость прогоняетъ уныніе ³⁾, невольная улыбка прогоняетъ вздохи—и мы переносимся подъ Трою, и мы вмѣстѣ съ Греками—храбрецами вкушаемъ пѣнящееся Шампанское (изъ огромной бутылки). О сила поэзіи! О могущество воображенія!

Кто исчислить (кто разберетъ намъ) всѣ мастерскія произведенія почтеннѣйшаго нашего сочлена ⁴⁾, кто покажетъ намъ все ихъ достоинство? Вотъ, любезные сочлены, обширное поприще, которое осмѣливаюсь я въ сей достопамятный день предложить для вашихъ занятій. Трудъ сей неизмѣримъ: но за то (какое удовольствіе и) какую славу оный вамъ обѣщаетъ! Вы обогатите словесность нашу превосходнымъ сочиненіемъ, принесете вѣчное никогда неувядаемое удовольствіе читателямъ, и соорудите знаменитому нашему сочлену достойный его памятникъ. Есть ли обществу угодно будетъ принять мое предложеніе, есть ли рвеніе мое заслужить одобреніе ваше, то я за величайшее счастье почту себѣ, когда буду соучастникомъ вашимъ въ трудахъ только похвальныхъ и заранѣе беру на себя часть драматическую. Главною моею цѣлію будетъ ⁵⁾ эстетической, грамматической и даже критической разборъ cadaго стиха ⁶⁾, каж-

¹⁾ Тщательно вполнѣдствіи зачеркнутое мѣсто, заключенное при печатаніи въ скобки, въ рукописи первоначальной находилось въ выноскѣ.

²⁾ Исчезающій изъ глазъ нашихъ.

³⁾ Заступаетъ мѣсто унынія.

⁴⁾ Поэта.

⁵⁾ Я сдѣлаю по возможности.

⁶⁾ Дѣйствія.

даго слова ¹⁾, обращу вниманіе читателя на всѣ образцовыя выраженія въ ²⁾ прекрасно-трогательной Андромахѣ и докажу неоспоримо, сколь много почтеннѣйшій переводчикъ отличился предъ Расиномъ. Но при всемъ томъ я буду безпристрастенъ, есть ли только возможно удержаться отъ внезапнаго энтузіазма при чтеніи его твореній; я покажу и немногія его ошибки, разсѣяныя между необъятными красотами, и тѣмъ надѣюсь еще болѣе доказать пламенное усердіе мое къ его славі. Напримѣръ въ III явленіи IV дѣйствія слова Герміоны Оресту:

Постой! Куда Орестъ спѣшить?
 Не мыслю далеко такихъ нести обидъ.
 И я-ль, вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей лести,
 Рѣшусь въ другихъ мѣстахъ медлительной ждать мести?
 Предамся ль дерзостно я жребію побѣдъ,
 Который, можетъ быть, мнѣ мести не принесетъ?
 Отсрочка малая въ отказъ мнѣ обратится;
 За Герміону мести сейчасъ должна свершиться;
 Коль я отправлюся, пусть стонетъ весь Эпиръ;
 Лети во храмъ—хочу, чтобъ въ храмъ палъ...

ОРЕСТЬ.

Кто?

ГЕРМИОНА.

Пирръ.

ОРЕСТЬ.

Какъ! Пирръ? и проч.

Стихи сіи, говорю я, при всей ихъ красотѣ и силѣ немного темны и неправильны. Во 2-хъ выраженіе: далеко нести такія обиды не совсѣмъ хорошо; въ 3-хъ и 4-хъ: вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей лести, рѣшусь ждать мести—немного сбивчиво... Но что значать сіи маловажныя ошибки съ неизмѣримою красотъ сего перевода, ясно показывающаго намъ единственный, неподражаемый Геній Поэта! Такимъ образомъ, занимаясь каждое засѣданіе разборомъ нѣсколькихъ страницъ изъ Андромахи, мы откроемъ, можетъ быть, глаза многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые имѣютъ еще слабость предпочитать Расина русскому переводчику, потому только что первый писалъ по французски.

«Графъ Д. И. Хвостовъ,—разсказываетъ М. А. Дмитріевъ,—на другой же день прислалъ звать Дашкова обѣдать. Дашковъ при-

¹⁾ Явленія.

²⁾ Образцовые стихи въ розѣ.

шелъ къ И. И. Дмитріеву ¹⁾ просить его совѣта, ѣхать ли ему на этотъ обѣдъ». Дмитріевъ сказалъ ему рѣшительно: «совѣтую ѣхать, Дмитрій Васильевичъ. Знаю, что тебѣ будетъ неловко; но ты долженъ заплатить этимъ за свою неосторожность». За обѣдомъ гр. Хвостовъ благодарилъ Дашкова, и рассыпался въ похвалахъ его достоинствамъ; но за кофеемъ, въ сторонѣ отъ другихъ, сказалъ ему: «Неужели вы думаете, что я не понялъ вашей ироніи? Конечно, ваша рѣчь была очень забавна; но не хорошо, что вы подшутили такъ надъ старикомъ, который вамъ ничего дурнаго не сдѣлалъ. Впрочемъ я на васъ не сержусь; останетесь знакомы по прежнему». Тѣмъ эта исторія и кончилась между ними ²⁾. Но Общество, которому Дашковъ бросилъ открытый вызовъ своимъ «предложеніемъ», обязано было высказаться по содержанию рѣчи Дашкова; въ засѣданіи 14-го марта, непосредственно за произнесеніемъ оной. Общество постановило «сдѣлать впредь опредѣленіе по сему предложенію». Текстъ предложенія Дашкова, написанный собственною рукою автора, оставленъ былъ при дѣлахъ Общества ³⁾. Черезъ нѣсколько дней, въ засѣданіи 18 марта, доложено было обществу слѣдующее «предложеніе» секретаря онаго Н. И. Греча ⁴⁾: «Въ прошедшее собраніе общества, 14 числа сего мѣсяца, членъ онаго г-нъ Дашковъ сдѣлалъ предложеніе, оскорбительное какъ для нѣкоторыхъ членовъ въ особенности, такъ и для всего общества. Еще во время чтенія сего предложенія, примѣтно было почти всеобщее неудовольствіе; но оно не было обнаружено для сохранения должной благопристойности, и въ собраніи положено только сдѣлать впредь опредѣленіе по сему предложенію; по окончаніи же засѣданія нѣкоторые изъ гг. членовъ именно объяснили свое негодованіе на поступокъ г. Дашкова. Въ сіе

¹⁾ Дашковъ служилъ тогда при министрѣ юстиціи. Ср. И в а н о в а «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи» вып. 4-й, стр. 153.

²⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, 2-е тисненіе, стр. 214.

³⁾ Въ этомъ спискѣ рѣчи Дашкова наиболѣе рѣзкія и оскорбительныя для графа Хвостова мѣста зачеркнуты кѣмъ-то, такъ что нѣтъ никакой возможности прочесть ихъ, менѣе сильныя слегка переречкнуты и заштынены смятченными выраженіями. Поставленная сверхъ текста помѣта предсѣдателя «4 марта» не представляется намъ точною: если «предложеніе» Дашкова извѣстно было предсѣдателю общества до засѣданія, въ которомъ оно было читано, то общество конечно возложило бы извѣстную долю отвѣтственности и на своего предсѣдателя; этого однако не было.

⁴⁾ Въ концѣ этого предложенія указано время доставленія его въ общество «марта дня 1812 г.»; предсѣдателемъ помѣчено «18 марта» (сперва поставлено было: «18 февраля»). «Предложеніе» Дашкова записано въ число вкладныхъ бумагъ подъ № 31, предложеніе Греча подъ № 32. Н. Т.

собрание (sic!) г-нъ предсѣдатель общества не присутствовалъ по болѣзни; и потому возлагаемая на него уставомъ (§ 31) обязанность наблюдать, чтобы въ собраніяхъ никто не только не оскорблялъ другихъ, а тѣмъ болѣе всего общества, но даже не выходилъ изъ благопристойности, переходить на меня. По сей обязанности, равно по требованію комитета и прочихъ нѣкоторыхъ г-дъ членовъ, имѣю честь представить обществу на разсмотрѣніе о поступкѣ г. Дашкова».

Въ засѣданіи 18-го марта общество любителей словесности, наукъ и художествъ высказалось о «предложеніи» Дашкова; дѣйствительные члены общества: Сѣверинъ, Батюшковъ, Лобановъ, Блудовъ и Жихаревъ вошли въ общество съ слѣдующею бумагою ¹⁾: «Намъ известно, что предложеніе, читанное въ прошедшемъ засѣданіи г-номъ Дашковымъ, навлекло на него неудовольствіе нѣкоторыхъ членовъ нашего общества и что похвалы его почетному члену графу Д. И. Хвостову, худо повнимаемыя, кажутся имъ оскорбительными для него и даже для всего общества. Почитаемъ долгомъ предложить обществу, чтобы оно, прежде нежели приступитъ къ разсужденію о семъ мнѣніи членовъ, потребовать (sic!) объясненія какъ отъ г. Дашкова объ его намѣреніяхъ, такъ и отъ графа Д. И. Хвостова о томъ, что ему кажется оскорбительно въ семъ предложеніи г. Дашкова и въ самомъ ли дѣлѣ онъ имъ «оскорбляется».

Членъ И. Ковалько подалъ письменное мнѣніе: «Почетный членъ графъ Хвостовъ похвалу ему г. Дашкова счелъ себѣ укоривною и о семъ отозвался обществу при окончаніи предложенія г. Дашкова, въ коемъ изложена была похвала. И такъ, ежели уставъ общества возбраняетъ членамъ въ своихъ засѣданіяхъ оскорблять другъ друга, то г. Дашковъ, какъ оскорбившій графа Хвостова, не можетъ быть оставленъ членомъ общества, ибо нарушилъ уставъ онаго. Въ семъ состоитъ мое мнѣніе». Къ этому заявленію присоединились члены: Д. Княжевичъ, П. Политковскій, Михаилъ Милоновъ, Павелъ Никольскій.

Письменное мнѣніе А. Востокова: «Съ какимъ бы намѣреніемъ г. Дашковъ ни написалъ свое предложеніе, и какъ бы оно графомъ Дм. Ив. Хвостовымъ ни было принято: въ хорошую или худую сторону; но ежели большинству членовъ предложеніе сіе показалось оскорбительнымъ, то г. Дашковъ подвергнулъ себя исключенію изъ общества. И такъ сколько ни жаль лишиться такого достойнаго сочлена, но достоинство цѣлаго общества требуетъ сей жертвы, и я противъ воли моея долженъ подать голосъ мой на исключеніе

¹⁾ Писана отъ начала до конца рукою Д. Н. Блудова.

г-на Дашкова». Къ мнѣнію Востокова присоединилъ свою подпись Н. И. Гречъ.

По прочтеніи двухъ послѣднихъ заявленій въ засѣданіи общества выяснилось, что большинство членовъ рѣшительно требовало исключенія Дашкова изъ общества. Тогда члены: К. Н. Батюшковъ, С. Жихаревъ, Сѣверинъ и Лобановъ, подписавшіе вышеприведенное заявленіе Д. И. Блудова, не стали настаивать на истребованіи объясненія отъ Дашкова и вмѣстѣ съ членомъ Н. Брусиловымъ подписали слѣдующее, составленное Батюшковымъ, заявленіе: «Если графъ Дмитрій Ивановичъ дѣйствительно оскорбленъ предложеніемъ г. Дашкова, въ такомъ случаѣ, съ сожалѣніемъ соглашаемся на исключеніе г-на Дашкова, который въ теченіи продолжительнаго времени былъ полезенъ обществу».

Наконецъ какой-то Иванъ Фовицкій, о литературныхъ произведеніяхъ котораго библиографы напрасно будутъ справляться съ каталогомъ Смирдина или Опытомъ русской библиографіи Соликова, письменно заявилъ обществу: «Я думаю, что предложеніемъ г. Дашкова оскорблено все общество. Теперь не имѣю столько времени, чтобы доказать мое мнѣніе письменно. Есть-ли угодно будетъ обществу потребовать отъ меня доказательствъ, то представлю оныя въ слѣдующее собраніе».

Постановленіе общества по дѣлу о «предложеніи» Дашкова изложено въ шестой статьѣ журнала 18-го марта слѣдующимъ образомъ: «Предсѣдатель, собравъ мнѣніе гг. членовъ и нашедъ: 1) что осмеро изъ нихъ, а именно: гг. Кованько, Княжевичъ, Полятковскій, Миловъ, Никольскій, Востоковъ, Гречъ и Фовицкій рѣшительно подали свой голосъ на исключеніе г. Дашкова и 2) что на сіе же самое соглашаются и прочіе пять гг. членовъ: Батюшковъ, Сѣверинъ, Брусиловъ, Лобановъ и Жихаревъ, ежели дѣйствительно графъ Д. И. Хвостовъ оскорбленъ предложеніемъ г. Дашкова,—объявилъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ не находитъ онъ никакого сомнѣнія, ибо г. Кованько письменно, а гг. Востоковъ, Никольскій и Фовицкій словесно утвердили, что въ прошедшее собраніе почетный членъ графъ Д. И. Хвостовъ отозвался съ неудовольствіемъ о предложеніи г. Дашкова и похвалы его счелъ за укоризны; и что вслѣдствіе того г. Дашковъ —къ сожалѣнію цѣлаго общества—но въ примѣръ всѣмъ членамъ для удержанія впредь всякаго отъ подобныхъ поступковъ, если не единогласно,—то по большинству голосовъ, лишается званія члена».

Замѣчательно, что Д. Н. Блудовъ уклонился отъ подачи голоса по дѣлу объ исключеніи Д. В. Дашкова изъ числа членовъ Общества любителей наукъ, словесности и художествъ.

Прошло десять лѣтъ послѣ изложеннаго случая въ обществѣ.

Тотъ же Н. И. Гречъ, въ изданномъ имъ (въ 1822 году) Опитѣ краткой исторіи русской литературы, напечаталъ отзывъ о произведеніяхъ гр. Хвостова — ироническій, двусмысленный... «Графъ Дмитрій Ивановичъ (писалъ Гречъ) началъ писать стихи около 1779 года, и донынѣ неуспѣшно продолжаетъ бесѣдовать съ музами, во всѣхъ родахъ поэзіи. Въ молодости своей писалъ онъ комедіи прозою и стихами; но потомъ поэзія лирическая, дидактическая и переводы французскихъ классическихъ писателей сдѣлались главными предметами его занятій; трудно рѣшить, въ которомъ родѣ онъ превосходитъ, нежели въ прочихъ... Многія русскія и иностранныя общества приняли сего писателя въ свои члены; разныя его стихотворенія переведены на иностранныя языки; безпристрастные критики, въ отечественныхъ и чужеземныхъ журналахъ, превозносили сего пѣвца и предсказывали ему безсмертіе». (Стр. 213).

Гр. Хвостовъ оскорбился отзывомъ Греча, который «такъ неудачно и несчастливо взялся за исторію нашей словесности» ¹⁾. Подобныя мнѣнія «журналистовъ» о своихъ произведеніяхъ гр. Хвостовъ объяснялъ «враждою» ихъ за то, «что онъ изобличалъ (шутя) ихъ вредныя затѣи, т. е. отверженіе разсудка, вкуса и правильности языка» ²⁾, за то, что «они (журналисты) укореняли дурной вкусъ и хулили его, гр. Хвостова, за то только, что онъ не держался пагубной и пакостной ихъ системы» ³⁾.

Но ни Гречъ, ни Каченовскій не возбуждали своими отзывами такого негодованія въ гр. Хвостовѣ, какое причинилъ ему Московскій Телеграфъ, сообщившій даже въ «знаменитый иностранный журналъ» *Revue encyclopédique* «негодныя на гр. Хвостова статьи». «Мнѣ непристойно перебраниваться съ литературными разбойниками (пишетъ гр. Хвостовъ въ 1828 году митрополиту Евгенію). Я молчалъ. Но прилагаю къ вамъ въ копіи письмо мое къ его прев. Писареву, попечителю московскаго университета, въ коемъ, какъ увидите, формально прошу унять Телеграфа, который послѣ сего кроткаго моего увѣщанія бранить меня безпощадно» ⁴⁾.

¹⁾ См. переписку Евгенія съ гр. Хвостовымъ въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», т. V, вып. первый, стр. 198. Переписка эта сообщена Академіи при посредствѣ Я. К. Грота. — М. П. Семевакимъ. — Подлинная переписка принадлежитъ его собранію рукописей.

²⁾ Тамъ-же, стр. 196.

³⁾ Тамъ-же, стр. 199.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 205.

Посылая митрополиту Евгенію свою автобіографію, гр. Хвостовъ особенно распространялся въ ней о своихъ зонтахъ и критикахъ. Авторъ Словаря русскихъ писателей откровенно высказалъ гр. Хвостову свое мнѣніе объ этомъ отдѣлѣ біографіи: «Слишкомъ много чести сдѣлали вы зонтамъ и критикамъ вашимъ припоминаніемъ ихъ пасквилей, достойныхъ забвенія. Къ сожалѣнію, сей излишекъ замѣтенъ и во многихъ примѣчаніяхъ къ послѣдному изданію вашихъ сочиненій»¹⁾. Автобіографія гр. Хвостова не была напечатана Евгеніемъ. Вѣроятно въ ней рассказано было и о шуткѣ Дашкова; отклоняя замѣчаніе Евгенія о зонтахъ, гр. Хвостовъ пишетъ ему: «Но развѣ для забавы и непристойными шутками, или выдуманними происшествіями я наполняю біографію мою? Нѣтъ, лучше бы желалъ утаить отъ самого себя поносныя обстоятельства для вѣка нашего, для соотчичей и собратіи моей на Парнасѣ». И вслѣдъ затѣмъ Хвостовъ считаетъ нужнымъ высказать свое мнѣніе по вопросу, который былъ предметомъ горячей полемики между Шишковымъ и Дашковымъ: «Я описалъ мой нравъ, исчислилъ мои сочиненія, упоминалъ, что думаю о языкѣ нашемъ. т е., что онъ славянскій и для каждаго писателя дробится на два отдѣленія на книжный и разговорный...» Гр. Хвостовъ въ своей автобіографіи, очевидно, коснулся вопроса, который въ свое время «причинилъ было жестокою войну на русскомъ Парнасѣ», по выраженію Греча и который рѣшенъ былъ побѣдоносно книжкою Дашкова О легчайшемъ способѣ возражать на критики, которая (по словамъ Греча) можетъ назваться самымъ сильнымъ и—самымъ остроумнымъ изъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ на русскомъ языкѣ»²⁾.

Н. С. Тихонравовъ.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 197.

²⁾ Опытъ краткой исторіи русской литературы, Спб., 1882 г., стр. 296.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ

Приказъ его бурмистру ¹⁾.

Бурмистру селъ Макателемовъ и всему міру

п р и к а з ъ.

Вы прислали мнѣ въ мартѣ 1000 р., и обѣщали черезъ недѣлю прислать еще значительную сумму ²⁾; прошло уже болѣе двухъ ³⁾ недѣль, а я еще ничего не получалъ. Развѣ вы смѣтаете надо мной? Знайте, добре ⁴⁾ мужики, что отъ меня одного зависитъ употребить противъ васъ тѣ строгія мѣры, о которыхъ я писалъ къ вамъ. Генерал-губернаторъ теперь у васъ, и онъ обѣщалъ мнѣ свою помощь..... ⁵⁾! Еще разъ увѣщаваю васъ не выводить меня изъ терпѣнія, немедленно собирать ⁶⁾ оброкъ и прислать ⁷⁾ ко мнѣ. Иначе намъ нечѣмъ будетъ жить.

Будьте благополучны. Николай Карамзинъ.

С.-Петербургъ.

6 апр. 1826.

Сообщ. Н. С. Тихонравовъ.

¹⁾ Приказъ писанъ на полулистѣ обмѣновенной писчей бумаги, перегнутомъ пополамъ; на послѣдней страницѣ полулиста написанъ адресъ: „Въ Арзамасъ, села Макателема. Бурмистру Михайлу Степанову“. Особаго конверта не было. Почтовый штемпель: „С.-Петербургъ. 1826, апр. 6“. Приказъ написанъ красивымъ, кажется, женскимъ почеркомъ. Собственноручныя дополненія и поправки Карамзина печатаются курсивомъ. На первой страницѣ сверху помѣта: „Получено апрѣля 26-го 1826 года“.

²⁾ Въмѣсто зачеркнутаго: 1000 р.

³⁾ Въмѣсто: трехъ.

⁴⁾ Вставлено самимъ Карамзинимъ.

⁵⁾ Карамзинъ собственноручно зачеркнулъ слово: берегитесь.

⁶⁾ Въмѣсто зачеркнутаго: собрать.

⁷⁾ Въмѣсто зачеркнутаго: прислать.

Н. Т.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ.

1784—1884.

„Вспоминайте иногда обо мнѣ“.

Гнѣдичъ.

Скромно, весьма скромно прошла у насъ столѣтняя годовщина Гнѣдича. Мы словно не хотѣли или затруднились приготовиться къ ней. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было говорить о писателѣ, когда нѣтъ доселѣ ни полнаго собранія его сочиненій, ни обстоятельной его біографіи (а уже болѣе 50 лѣтъ прошло послѣ его смерти). Въ литературѣ однако не забывалось его имя, и время отъ времени появлялись о немъ статьи, замѣтки, воспоминанія; но онѣ чрезвычайно разбросаны и мало кому извѣстны. Кое-что было указано въ „Исторіи словесности“ г. Межова (1872) и въ „Справочномъ словарѣ“ Геннади (1876), но это далеко не все. Сердечно желая оживить память достойнѣйшаго писателя, мы представляемъ теперь сводъ того, что писано о немъ, и надѣемся, что кто нибудь воспользуется этими указаніями, для составленія подробной біографіи Гнѣдича. Пора бы приступить и къ полному изданію его сочиненій, матеріалы для этого давно указаны Лонгиновымъ (Р. Арх., 1863 г., вып. 10—11, стр. 845—850); къ нимъ нужно прибавить только:

- 1) Первые опыты стихотвореній и прозаическихъ сочиненій. М. 1802.
- 2) Стихотвореніе Гнѣдича къ сестрѣ („Русск. Старина.“ 1880, № 7, с. 592).
- 3) Нѣсколько пьесъ изъ книжки П. Тиханова „Н. И. Гнѣдичъ.“ 1884 г.,
- и 4) Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи Расина: „Ифигенія въ Амидѣ“. Спб., 1815, 8°, 27 стр. Оно издано безъ имени, но принадлежность его Гнѣдичу несомнѣнна. Г. Лонгиновъ оставивается еще на переводѣ 3-й пѣсни Иліады въ „Драмат. Вѣстникѣ.“ 1808 г.; но это переводъ Мерзлякова.

Особеннаго же вниманія требуетъ изданіе Гнѣдичеваго перевода Иліады; передъ нами только второе изданіе (1839), и мы съ грустью говоримъ, что оно переполнено грубѣйшими опечатками; кромѣ замѣченныхъ издателемъ 95-ти погрѣшностей, встрѣчается еще около сотни, изъ коихъ нима искажаютъ и стихъ, и смыслъ. Впрочемъ, объ Иліадѣ мы поговоримъ особо, а теперь—представляемъ указанія біографическихъ матеріаловъ и критическихъ статей о Гнѣдичѣ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, и указатель писемъ его и къ нему и проч.

А. Матеріалы для біографіи и оцѣнки.

1813 г.

1) Письмо Капниста къ Уварову объ экзаметрахъ. Соч. Капниста, изд. 1849, стр. 600—618.

1814 г.

2) Письмо А. Т. о спорѣ между Уваровымъ, Гиѣдичемъ и Капнистомъ. „Смѣль Отеч.“ т. XIV, с. 153—157.

1816 г.

3) Грибоѣдова, о разборѣ Гиѣдичемъ баллады Катенина „Ленора“, „Смѣль Отеч.“ 1816, № 30, стр. 150—161, перепеч. въ изданіи г. Серчевскаго „А. С. Грибоѣдовъ“, Спб., 1858, стр. 18—31.

1818 г.

4) Замѣчанія Д. Самсонова на статью Гиѣдича о русскомъ стихосложеніи помѣщенную въ „Вѣстн. Европы.“ № 10. „Вѣстн. Европы.“ № 15, стр. 260.

1820 г.

5) О трагедіи „Танкредъ“, „Невскій Зритель“, ч. 3-я, стр. 260—269 и ч. 4-я, стр. 149—158.

6) Объ отрывкѣ изъ 5-ой пѣсни Илиады, „Смѣль Отеч.“, ч. 66, стр. 229—237.

1821 г.

7) Нѣчто о переводчикахъ Гомера, Ф. Булгарина, „Смѣль Отеч.“, ч. 71, стр. 145—160.

1822 г.

8) Разборъ его „Рыбаковъ“, „Благонамѣренный“, № (?).

9) Тоже, ст. Плетнева, „Труды Вольнаго Общества Люб. Росс. Слов.“ XVIII; перепеч. въ соч. Плетнева 1, 29—44: см. тамъ же, стр. 180.

10) Отрывъ кн. Вяземскаго о томъ же; соч. кн. Вяземскаго, I, 108; II, 24—26.

11) Опытъ краткой исторіи „Русской литературы“, Греча, стр. 320—322.

1823 г.

12) „Полярная звѣзда“, въ статьѣ Марлинскаго (см. соч. Марлинскаго изд. 1847, т. IV, ч. XI, стр. 148 и потомъ стр. 129).

1825 г.

13) Простонародныя пѣсни Грекова, „Моск. Телегр.“, № 6, стр. 125—127.

14) О томъ же, „Библиограф. листы“, Кеппена, № 9. См. еще сочиненія Плетнева, I, 20.

1830 г.

15) Илиада, „Лит. газета“. См. соч. Пушкина, изд. 1881, т. V, стр. 86, 106—109.

16) Тоже, „Московский Вѣстникъ“, ч. I, № 4, стр. 372—408, ст. д ж д. (Надеждина).

17) Тоже, „Московский Телеграфъ“, № 1, стр. 87—90, ст. Ф.

18) Тоже, „Вѣстникъ Европы“, № 3, стр. 236, А. Б.

19) Тоже, „Галатея“, ч. XI, стр. 223, XIV, стр. 79—90.

1832 г.

- 20) О стихотвореніяхъ Гнѣдича, „Московскій Телеграфъ“, № 18, стр. 245—252.
21) „Сѣверная Пчела“, № 264.

1834—1844.

- 22) Отзывъ Бѣлинскаго. См. ихъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, I, 71; VI, 51; VIII, 286—292.

1836 г.

- 23) Воспоминаніе о Гнѣдичѣ, „Спб. Вѣдомости“, № 259, А. Грена (перепечатано въ „Сынъ Отеч.“, 1852, № 5, „Смѣсь“, стр. 17—20 и въ „Сѣв. Цвѣтъ“, 1857, № 12, стр. 14—16.

1838 г.

- 24) Илиада „Сынъ Отечества“, 1838, т. VII, стр. 62.
25) Тоже, „Спб. Вѣдомости“, № 290.
26) Словарь свѣтскихъ писателей м. Евгенія. Изд. Снегирева.
27) Энциклопедич. лексиконъ, Плюшара, т. XIV, стр. 308 (оба съ ошибками).
28) Сочин. Греча, Спб. ч. V, Литер. очерки и воспоминанія, перепечатанные въ новомъ изданіи ихъ, 1855 г., III, 363.

1839 г.

- 29) Илиада, „Московскій Наблюдатель“, ч. II, стр. 98.
30) Тоже, „Сынъ Отеч.“, т. XI, стр. 33—36 (Полеваго).
31) Тоже, „Сѣверная Пчела“, № 20.
-32) Тоже, „Отеч. Записки“, № 3, критика, стр. 47—66.

1841 г.

- 33) О гекзаметрахъ, „Библ. для чтенія“, №№ 4 и 5.
34) Забѣчанія на предыдущую статью, „Малекъ“, ч. 23, критика, стр. 36, статья А. Мартынова.

1842 г.

- 35) Письмо Мерзлякова къ Погодину (о гекзаметрахъ). „Москвитян.“ № 1 Матеріалы, стр. 181.
36) Предчувствіе Гнѣдича, „Москвит.“ № 3, Матеріалы, стр. 148, статья Иванчина-Писарева.
37) Труды Импер. Росс. Академіи, ч. V, статья о жизни Гнѣдича, М. Лобанова; перепеч. въ „Сынъ Отеч.“, 1842, № 11, стр. 1—32.

1847 г.

- 38) Сочин. Крылова, т. I, въ биографіи его, напис. Плетневымъ, стр. XI, XII, XXXIX, LI, LIII—LV, LXIII, LXX, LXXII.
39) Жизнь Крылова, соч. Лобанова, Спб., стр. 58, 60, 67 и 68.

1849 г.

- 40) О переводѣ Илиады, въ статьѣ Петра Лавровскаго объ Одиссеѣ, „Отеч. Записки“, № 3, критика, стр. 13—14, 24, 27—29, 32, 34, 39, 40.
41) По поводу предыдущей статьи, забѣчанія Иногороднаго Подписчика въ „Современникъ“; перепеч. въ сочиненіяхъ Дружинина, 1865, VI, стр. 81—84, (см. тамъ же, стр. 374—376, 405, 743).
42) Столѣтіе русской словесности, Н. Мизко, стр. 229—233.

1850 г.

43) Въ статьѣ А. Д. Галахова о сочиненіяхъ Измаилова, „Современникъ“, № 11, стр. 8—21, (изложеніе спора о гекзаметрахъ).

1851 г.

44) Литературныя воспоминанія А. В. Уварова, „Современникъ“, № 6, отд. II, стр. 40.

45) Вестѣя любителей русскаго слова и Арзамасъ, воспоминанія А. Стурдза, „Москвит.“ 1851, № 21.

46) Третья часть полной русскои хрестоматіи, Галахова, въ изданіи 1857 г., стр. 87—96.

47) Противъ мнѣній г. Галахова и Лавровскаго о Гидичѣ, „Москвитян.“ 1851, № 8, критика, стр. 531 и 1852; № 15, стр. 17, статьи Н. С. Тихонравова.

1854 г.

48) Отзывъ Каткова о переводѣ Гидича „Прошлен“, IV, 561.

49) Воспоминанія стараго театрала, С. Жихарева, „Отеч. Записки“, т. 9, отд. II, стр. 130—131; т. 97, стр. 35—38, 47.

50) Справочный словарь, Старчевскаго, т. III, 434, съ грубыми ошибками.

1855 г.

51) Статья М. Л. Михайлова, объ изданіи сочиненій Гидича, 1854, „Библиот. для чтенія“, т. 129, литер. дѣлопись, стр. 1—12.

52) Дневникъ чиновника, С. Жихарева, „Отеч. Записки“, №№ 7 и 9.

53) Замѣтки и отзывы Пушкина, въ біографіи его, написаннаи П. В. Аяненковимъ, „Соч. Пушкина“, т. I, стр. 80, 97, 103, 185—187, 189, 215, 238, 250, 320.

1856 г.

54) Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова, ч. II, стр. 239—241, 252—255, 278, 282, 352, 392, 394.

1857 г.

55) „Сѣверная Пчела“, №№ 137, 159, (сличи №№ 103, 109, 125, 147), Н. Греча.

1858 г.

56) Памятникъ Гидичу, „Общезаным. Вѣстникъ“, № 11; „Мода“, № 9.

1859 г.

57) Записки Современника, С. Жихарева, 1, 319—322, (первоначально въ „Москвит.“, 1853—1854 года).

58) Литерат. дѣтели, Е. Колбасина (отзывъ Мартынова о Гидичѣ), Слб., стр. 163—164, прежде въ „Современникъ“.

1861 г.

59) Дѣлопись русскаго театра, П. Аранова, стр. 177, 180, 182, 191, 192, 194, 314, 338, 339, 346 (отчасти противъ разсказовъ Жихарева о Гидичѣ).

1868 г.

60) Анекдотъ о Гнѣдичѣ, „Русскій Архивъ“, вып. 2, стр. 170.

Тутъ же уважемъ и другія болѣе или менѣе важныя извѣстія о Гнѣдичѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ дальнѣйшихъ годовъ, 1864, № 3, стр. 335; 1866 г., № 12, стр. 1711; 1867, № 2, стр. 254, примѣчаніе; № 4, стр. 654; № 5—6, стр. 812; № 11, стр. 1363, 1450; № 12, стр. 1514—1515; 1869 г. № 1, стр. 109, 339, 602; 1873 г., стр. 237, 0472—0474; 1874 г., I, 120, 136; 1875 г., II, 467; 1877 г., III, 401; 1878 г., II, 151; 1879 г., II, 478; 1880 г., II, 504, III, 331.

1864 г.

61) Воспоминанія Вигеля, ч. III, стр. 127, 145, 153; ч. IV, стр. 135, 136, 163, 165, 172; ч. V, стр. 35.

62) Историческая хрестоматія, А. Д. Галахова, т. II, стр. 373—375; во второмъ изданіи, 1877, т. II, стр. 360—362.

63) Отзывъ Писарева въ сочиненіи его, изд. 1866. V, 92.

1865 г.

64) Памятная книжка Полтавской губерніи, стр. 436—437.

1866 г.

65) Новая русская литература, соч. Водовозова, стр. 46—50.

66) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 180, 183, 078, 0129, 0155.

67) „Русскіе люди“... жизнеописанія, съ портретами, изданіе Вольфа, II 418—431.

1867 г.

68) Жизнеописанія Гомера и переводчика его Иліады—Гнѣдича, съ ихъ портретами, изд. Лисенкова, 16°, 80 стр.

1868 г.

69) Исторія русской словесности, Галахова, т. II, стр. 258, 267—275.

70) Кеневича. Примѣчанія къ баснямъ Крылова, стр. IX, XI, 75, 117, 120, 221, 196, 201, 279.

71) Выдержки изъ записокъ Н. Сушкова „Чтенія въ Общ. Исторіи и Др. Росс.“, кн. IV, стр. 59—92. (Здѣсь, между прочимъ, письмо Гнѣдича, письма къ нему и стихи его „Послѣдняя пѣснь Оссиана“, подражаніе Оссиану, а не переводъ).

1869 г.

72) Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 343, В. М. Бяжевича.

73) Портретная галлерей, изд. Мюнстера, т. II, стр. 233—278, статья М. Д. Хмырова.

74) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева, стр. 166, 167, 206, 207, (первоначально въ „Москвит.“, 1854, № 16).

1870 г.

75) Отзывы Бирфевскаго И. В. и Вигеля, „Русскій Архивъ“, 1870, стр. 959—960; 1718—1719.

1871 г.

76) Соч. Державина, т. VI, стр. 201, 202, 203, 215, 374, 376, 377; т. VIII, 886, 903, 905, 906, 909, 949; т. IX, стр. 637, въ указателѣ.

1873 г.

77) Русскіе поэты, изд. Гербеля, стр. 195--197; изд. 2-е, 1880 г., стр. 171--173.

1876 г.

78) „Нива“, № 4, ст. В. Д—ва. (Статья въ „Русской Старинѣ“, 1877 г., апрѣля, стр. 655, называетъ Гнѣдича членомъ Арзамаса: никогда онъ не былъ имъ).

1879 г.

79) Сочиненія кн. В. А. Вяземскаго, т. II, стр. 371; т. VIII, стр. 116, 368, 454--456. На страницѣ 116-й кн. Вяземскій говоритъ, что Пушкинъ любилъ повторять стихъ Гнѣдича изъ его „Тавкреда“:

«Быть можетъ, нѣкогда восплачешь обо мнѣ!»

Такого стиха у Гнѣдича вовсе нѣтъ, а есть нѣчто подобное:

«Но нѣкогда о мнѣ восплачешь и она!»

(Дѣйствіе IV, явл. 2, соч. Гнѣдича, изд. 1854, стр. 279).

1880 г.

80) Соч. М. Максимовича, т. III, стр. 216.

1884 г.

81) Къ столѣтней годовщинѣ Гнѣдича, „Кіевлянинъ“, №№ 27, 28 и 29; февраля 2-го, 4-го и 5-го, Спб.

82) Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ; собралъ П. Тихановъ. 8°, 84 стр.

83) Сочин. Плетнева, т. I, стр. 53, 180, 211, 508; т. II, стр. 8, 11, 13, 15, 22, 23, 25, 77, 85, 88, 90, 92, 232, 307--308, 433.

В. Письма Н. И. Гнѣдича.

84) Державину, два письма. Сочин. Д—на, т. VI, стр. 201, 202; №№ 1012 и 1014.

85) Дялѣ, „Библиогр. Записки“, 1858, т. I, стр. 533.

86) Жуковскому, два письма, „Русскій Архивъ“, 1875, т. III, стр. 364--365.

87) Загоскину, два письма, Разныя сочиненія С. Аксакова, стр. 258.

88) Баннисту, два письма, Соч. Державина, т. VI, стр. 374--376.

89) Оленину, нѣсколько данныхъ... Тиханова, стр. 83.

90) Отцу, тамъ же, стр. 8.

91) Полозову, тамъ же, стр. 39--41.

92) Пушкину, А. С., „Русскій Архивъ“, 1881 г., т. I, стр. 174.

93) Румянцеву, гр. Н. П., „Библиогр. Записки“, 1859 г., т. II, стр. 623--627.

94) Сушкову, П. В., „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“, 1868, кн. IV, смѣсь.

95) Уварову, два письма, „Чтенія въ Бесѣдѣ любит. русской словеси“, 1813, кн. 13, стр. 69; „Библиогр. Записки“, 1859 г., т. II, 623.

В. Письма къ Гнѣдичу.

- 96) Батюшкова, „Русская Старина“, 1870 г., изд. 1. т. I, стр. 65—67. (Тоже въ изданіи 3-мъ, 1875 г., т. I, стр. 559—564); 1871 г., т. III, стр. 208—236, 394; 1874 г., № 6, стр. 383—398.
- 97) Державина. Соч. Державина, т. VI, стр. 201 (2); №№ 1011 и 1013, стр. 374, 377, №№ 1190 и 1191.
- 98) Жуковского. Соч. Жуковского. 1878, т. VI, стр. 445—450, десять писемъ.
- 99) Загоскина, „Историч. Вѣстникъ“, 1880, августъ, стр. 698—699.
- 100) Каченовскаго, „Русскій Архивъ“, 1868, № 6, стр. 970—972.
- 101) Лобанова, „Историч. Вѣстникъ“, 1880, августъ, стр. 673, 676, 673, 679, 682, 683, 684.
- 102) Пушкина, А. С., „Складчина“, 1874, стр. 369—372, въ статьѣ Я. К. Грота; полище въ „Русск. Старинѣ“, 1880, № 7, стр. 545—552.
- 103) Сушкова, В. В., Чтенія въ „Общ. Ист. и Древн.“, 1868 г., кн. IV, смѣсь.
- 104) Уварова. Чтенія въ бесѣдѣ любителей „Русской словесности“, кн. 13, стр. 56.

Г. Посланія русскимъ поэтовъ къ Гнѣдичу.

- 105) Баратынскаго. Стихотворенія, изд. 1835, ч. 1-я, стр. 57 и 106; въ изд. 1869, стр. 43—87.
- 106) Батюшкова, „Цвѣтникъ“, 1809, № 5, стр. 184; соч. Б—ва, изд. 1834, ч. II, стр. 59 и 144.
- 107) Воейкова, „Новости литературы“, 1828, № 5, стр. 46.
- 108) Дельвига. Сочиненія, стр. 16.
- 109) Жуковскаго, „Русскій Архивъ“, 1867, вып. 2-й, стр. 311; (сочин. Жуковскаго, 1878, II, 344; VI, 446).
- 110) Загоскина, „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, 1821, ч. XIV, стр. 302.
- 111) Козлова, „Собраніе стихотвореній“, II, 41.
- 112) Плетнева, „Новости литературы“, 1828, № 3, стр. 188.
- 113) Пушкина. Сочиненія, (изд. 1890), т. I, 227, 359; т. II, 289.
- 114) Рылѣва. Сочиненія, (1875), стр. 160. Гнѣдичу же посвящена и дума Рылѣва „Державинъ“, (см. тамъ же, стр. 328).
- 115) Хвостова, гр. Сочиненія, 1829, т. III, стр. 44.

Д. Переводы сочиненій Н. И. Гнѣдича.

- 116) Отрывокъ изъ „Рожденія Гомера“, въ Антологіи Сень-Мора, 1823 г. и въ книгѣ „Тардиф-де-Мелло“. Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie, 1854 г.
- 117) „Рыбаки“, въ Антологіи Сень-Мора, прозою.
- 118) Отрывокъ изъ „Рыбаковъ“, именно: описаніе петербургской лѣтней ночи, перевод. и на армянскій языкъ въ 1843 г., въ Москвѣ, въ книгѣ „Переводы въ стихахъ и въ прозѣ съ русскаго на армянскій, И. Амазасова“. Межовъ, каталогъ, 2-е прилож., 1871, стр. XXIХ).

В. Портреты ГИЪДИЧА.

Намъ они почти вовсе неизвѣстны, предполагаемъ ихъ при изданіи Вольфа „Русскіе люди“, 1866; при изданіи Лисенкова „Жизнеописанія Гомера и ГИЪДИЧА“, 1867; при изданіи Мюнстера „Портретная галлерей“, 1864. Въ „Словарѣ гравированныхъ портретовъ“, Д. Ровинскаго, (1878, стр. 84, указаны еще портреты ГИЪДИЧА при изданіи Илиады, безъ означенія года. Съ портрета встрѣчаются и фотографическія карточки. Оттуда же снимокъ и въ интересномъ изданіи гг. Воюцаго и Рудковскаго „Календарь на 1867 годъ“ (Кіевъ, на листѣ).

С. И. Покомаревъ.

1894 г., 8 февраля,
Ковногъ.

Елизавета Алексѣевна Арсеньева,

бабка поэта Лермонтова.

Основаніе „Лермонтовскаго музея“ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ вызвало въ печати много интересныхъ воспоминаній не только о нашемъ незабвенномъ поэтѣ М. Ю. Лермонтовѣ, но и о близкихъ ему лицахъ. Всѣмъ извѣстно, что на воспитаніе поэта имѣла большое вліяніе его бабка, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, рожденная Столыпина. Данныя, находящіяся въ моемъ распоряженіи, раскрываютъ новыя стороны характеристики этой почтенной личности. Вотъ что я неоднократно слышалъ отъ моей матери. Во время пребыванія М. Ю. Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, отецъ мой, Онисифоръ Михайловичъ, давалъ ему частныя уроки. По окончаніи выпускныхъ экзаменовъ, Е. А. Арсеньева, довольная трудами отца, прислала ему роскошный серебряный сервизъ. Подарокъ принять не былъ. Поставленная этимъ поступкомъ въ неловкое положеніе и желая во что бы то ни стало отблагодарить отца, она прислала ему вновь портфель собственной работы, при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый Государь, Онисифоръ Михайловичъ! Прошу васъ принять моей работы портфель на память въ знакъ душевнаго къ вамъ уваженія. Надѣюсь, что вы меня не огорчите и не откажетесь имѣть у себя работу шестидесятилѣтней старухи. Съ моимъ почтеніемъ и проч.“

„Елизавета Арсеньева“.

Это письмо и портфель, характеризующіе деликатность и настойчивость г-жи Арсеньевой, хранятся въ нашемъ семействѣ какъ драгоцѣнное о ней воспоминаніе.

Мих. Пѣтуховъ.

ПАМЯТИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

Давыдовъ—пламенный боецъ:
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы!

Жуковс іѣ.

Въ 1884-мъ году 16-го іюля исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія Д. В. Давыдова, имя котораго не разъ встрѣчалось на страницахъ «Русской Старины» и несомнѣнно знакомо всѣмъ нашимъ читателямъ. Своеобразная личность Д. В., представляющая исключительное соединеніе стремленія къ войнѣ и поэзіи, составляетъ неотъемлемое право на достоюжное воспоминаніе о немъ, какъ въ людяхъ, принадлежащихъ къ военной средѣ, такъ и въ представителяхъ нашей литературы. Вотъ почему, представляя далѣе новыя данныя къ біографіи Д. В. Давыдова, редакція «Русской Старины», въ настоящей же книгѣ своего изданія, приводитъ, кромѣ напоминанія о предстоящемъ юбилеѣ, нѣсколько краткихъ свѣдѣній, для воскрешенія личности Дениса Васильевича и главнѣйшихъ чертъ его дѣятельности.

Отецъ Давыдова былъ полковникъ, командиръ Полтавскаго легкоконнаго полка и пользовался вниманіемъ Суворова, который, однажды, посѣтивъ домъ Давыдовыхъ, увидалъ рѣзваго и остроумнаго Дениса, перекрестилъ его и сказалъ: «Ты выиграешь три сраженія». Слова великаго полководца рѣшили участь Давыдова, у котораго съ тѣхъ поръ любовь къ военнымъ подвигамъ не угасала до конца жизни. Получивъ дома блестящее свѣтское образованіе, онъ въ 1801 г. поступилъ эстандартъ-юнкеромъ въ кавалергарды, хотя малый ростъ будущаго героя представлялъ, при опредѣленіи въ этотъ полкъ, не мало препятствій. Вскорѣ онъ съ жаромъ занялся изученіемъ военной исторіи и впоследствии эти занятія у него обратились въ страсть:

онъ зналъ наизусть событія всѣхъ войнъ. Другою страстью его было писаніе шутокъ-сатиръ и эпиграммъ и часто онъ ихъ писалъ на нарахъ солдатскихъ, на дежурствѣ въ госпиталѣ или на полу стояла. Въ 1802 г. получилъ чинъ корнета, а сентября 13-го дня 1804 г. за сатирическіе стихи переведенъ ротмистромъ въ новосформированный Бѣлорусскій гусарскій полкъ, который находился въ Кіевской губерніи, въ окрестностяхъ Звенигородки. По собственнымъ словамъ Давидова: «Двадцати-лѣтній гусарскій ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, натанулся и пустился плясать мазурку съ польками». Въ это время онъ написалъ между прочимъ «Привывъ на пуншъ къ Бурцову», служившему вмѣстѣ съ нимъ въ полку и умершему въ 1813 году. Стихотвореніе это характеризуетъ гусарскій образъ жизни тогдашняго времени и почти до конца 1840-хъ годовъ:

Бурцовъ, ера, забіака.
Собутыльвинокъ дорогой!
Ради рома и а҃ака,
Посѣти домишко мой! и т. д.

распѣваюсь отъ мала до велика.

Переведенный въ 1806 г. изъ арміи въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, поручикомъ, честолюбивый Давыдовъ попалъ изъ огня въ полмя. «Оставивъ гвардію, говоритъ онъ, еще не слышавшую боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ; отъ нея несло порохомъ; я говорилъ о рвеніи моемъ—миѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропога на судьбу мою заструивалъ чашу радости». Такое душевное состояніе заставило Давыдова обратиться къ назначавшемуся главнокомандующимъ арміею противъ Наполеона, фельдмаршалу графу Мих. Ѡ. Каменскому, къ которому Давыдовъ явился 16-го ноября, въ 4-мъ часу ночи, безъ рекомендацій и даже безъ доклада. Изумленный фельдмаршалъ рассердился; узнавъ за тѣмъ обезпокоилъ его поручикъ, онъ воскликнулъ: «Да что это за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту! Да кто вы такой?» Я повторилъ мое имя (рассказъ самого Д. В. Давыдова).—«Какой Давыдовъ?»—Я сказалъ имя отца моего. Тутъ Каменскій смягчился, вспомнилъ о своей привязи съ нимъ и даже съ дѣдомъ моимъ, началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ, что едва не добрался до выходца изъ Золотой орды,

Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ добродушія, сказалъ: «Помнитса мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ выйти изъ гвардіи. За что? скажи мнѣ всю правду, какъ-бы ты сказалъ покойному отцу своему». Я рассказалъ приключеніе со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ну хорошо, любезный Давыдовъ! Ниче-же буду просить тебя съ собою; расскажу все, какъ ты, ночью — слыхано-ли это! — ночью ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя принялъ, прости меня, за неблагонамѣреннаго человѣка. Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня». Сказавъ потомъ нѣсколько еще любезныхъ фразъ, графъ отпустилъ Давыдова, упоеннаго надеждами. Но послѣднія не сбылись: Дениса Васильевича не послали въ армію, и только уже въ началѣ января 1807 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю Багратиону, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вольфсдорфомъ, Прейсш-Эйлау, Гейльсбергомъ, Фридландомъ.

Зимомъ была объявлена война Швеціи; Давыдовъ находился въ отпуску въ Москвѣ, гдѣ, по его собственному выраженію, «кружился и былъ влюбленъ до безумія. Первый слухъ о войнѣ и о движеніи войскъ нашихъ за границу выбросилъ меня изъ московскихъ баловъ и сентиментальностей къ моему мѣсту и долгу, какъ менторъ Телемака, и я не замедлилъ догнать армію нашу въ шведской Финляндіи, на полномъ ходу».

Въ этомъ походѣ Денисъ Васильевичъ прошелъ съ Кульневымъ до Улеборга, занялъ съ казаками островъ Карлое и, возвратясь къ авангарду, отступилъ по льду Ботническаго залива. Въ 1809 г., по назначеніи Багратиона главнокомандующимъ молдавскою арміею, Давыдовъ, въ званіи его адъютанта, находился при взятіи Мачина и Гирсова, въ сраженіяхъ при Рассеватѣ и при блокадѣ Силистріи. Въ 1810 г. князь Багратионъ былъ отозванъ отъ начальствованія арміею, и Давыдовъ испросилъ у него позволеніе остаться при дѣйствующихъ войскахъ, подлѣ своего друга Кульнева, о которомъ онъ писалъ слѣдующее: «Знакомство наше, хотя Кульневъ былъ старѣе меня ровно 21-мъ годомъ, превратилось въ пріязнь въ 1807 году, въ продолженіе войны въ Восточной Пруссіи. Но въ 1808 и 1809 годахъ, въ Финляндіи, и въ 1810 въ Турціи, пріязнь наша достигла истинной, такъ сказать, задушевной дружбы, которая неослабно продолжалась до самой его блистательной и завидной смерти. Въ послѣднихъ двухъ войнахъ, финляндской и турецкой, мы были неразлучны: жили всегда вмѣстѣ, то въ одномъ балаганѣ, то у одного

куреня, подъ крышею неба; ѣли изъ одного котла, пили изъ одной фляжки».

Въ 1812 году, возвратясь къ Багратиону, назначенному главнокомандующимъ 2-ю западную армию, Давыдовъ былъ переведенъ подполковникомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и, находясь въ авангардѣ Васильчикова, участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ. Подобдя съ войсками къ Бородину, «село и поля котораго, говоритъ Давыдовъ, были мнѣ болѣе, нежели другому, знакомы! Тамъ я провелъ и безпечныя лѣта дѣтства моего, и ощутилъ первыя порывы сердца въ любви и славы. Но въ какомъ видѣ нашелъ я приютъ моея юности. Домъ отеческій одѣвался дымомъ биваковъ; ряды штыковъ сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войскъ толпились на родимыхъ холмахъ и долинахъ. Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда я рѣзвился и мечталъ, гдѣ я съ алчностью читалъ извѣстія о завоеваніи Италіи Суворовымъ, о перекатахъ грома русскаго оружія въ границахъ Франціи—тамъ закладывали редутъ Раевского; красивый гѣсокъ передъ пригоркомъ обращался въ засѣку и кипѣлъ егерями, какъ нѣкогда стаю гончихъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все перемѣнилось! Завернутый въ бурку, съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ гѣса за Семеновскимъ, во имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но и въ овинахъ, занятыхъ начальниками; глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали набы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горокъ, для строенія биваковъ и раскладыванія костровъ. Слезы воспоминанія сверкнули въ глазахъ моихъ, но скоро осушило ихъ чувство счастья видѣть себя и обонхъ братьевъ моихъ вкладчиками крови и имущества въ эту священную лотерею». Среди этихъ мыслей Давыдовъ ожидалъ отвѣта на поданную имъ первыиъ мысль о партизанской войнѣ, наканунѣ самаго бородинскаго сраженія. Получа согласіе Кутузова, Давыдовъ первый началъ партизанить съ 130 казаками и гусарами. «Надѣвъ мужичій кафтанъ, пишетъ Денисъ Васильевичъ, началъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ на шею мѣднй образъ св. Николая Чудотворца и сталъ изъясняться языкомъ, понятнымъ всякому русскому», онъ быстро возжегъ народную войну. Множество портретовъ того времени изображаютъ Давыдова въ вышеописанномъ костюмѣ съ нагайкою въ рукѣ. Усиленный отрядъ Давыдова вскорѣ сдѣлался гровою французовъ и генераль Баракд'Илле, губернаторъ Смоленской губерніи, составилъ двух-тысячный конный отрядъ, приказавъ ему очистить отъ Давыдова пространство между Вязмою и Гжатскомъ, а самого Давыдова разстрѣлять. Между

тѣмъ успѣхъ Давидова вызвалъ и другихъ партизановъ, и Давыдовъ раздѣлилъ славу съ Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ подѣ Ляховымъ, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ генераль Ожеро, разбилъ подѣ Кописомъ трех-тысячное кавалерійское депо, разсѣялъ непріятеля подѣ Бѣлчанами и, продолжая поиски до Нѣмана, занялъ Гродно.

По переходѣ за границу, Денисъ Давыдовъ поступилъ въ корпусъ Винцегероде, участвовалъ въ пораженіи саксонцевъ подѣ Калишемъ и, составляя передовой нашъ отрядъ, 10-го марта 1813 г., сдѣлалъ налетъ на Дрезденъ: занялъ предмѣстіе этой столицы, лежащее на правомъ берегу, по конвенціи, заключенной съ французскимъ генераломъ; но какъ не было дозволено вступать въ какія-либо сношенія съ непріятелемъ, Давыдовъ былъ лишень начальства и поступилъ въ отрядъ Ланского; могло бы кончиться чѣмъ-нибудь и хуже, но какъ говоритъ самъ Денисъ Васильевичъ: «Справедливость царя-покровителя была щитомъ безпокровнаго». Объясненіе всего этого обстоятельства, изложеннаго имъ въ свое оправданіе, такое: «Какая богатая жатва была для охотниковъ до вѣдѣности, легко добываемой! За то какъ они и воспрянули! Все въ союзныхъ арміяхъ начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ вѣздахъ въ столицы, поверженія ключей столицъ къ стопамъ императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бриенна и Ватерло, еще искавшаго славы безъ разбора, какъ-бы она ни досталась, всякій начальникъ отдѣльнаго, многочисленнаго корпуса требовалъ столицъ на пропитаніе честолюбію своему, потому что для огромныхъ силъ столыцы доступны были не менѣе городковъ, предоставленныхъ на нашу живую честолюбія и нашей братьи. Къ несчастію моему, подручныхъ столицъ было въ то время только двѣ, изъ коихъ одну уже захватилъ Чернышевъ, другая, Дрезденъ, оставалась на удалаго—и Блюхеръ, и Винцегероде пошли къ этому доброду Дрездену, не постигнувъ, что слава подвига дѣлится болѣе или меньшимъ количествомъ средствъ, употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе Берлина всею арміею или сильнымъ корпусомъ войскъ ни мало не обратило-бы на нихъ ни чьего вниманія, тогда какъ взятіе того-же Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо прославило его».

Въ 1814 г. Давыдовъ командовалъ Ахтирскимъ гусарскимъ полкомъ, находившимся въ арміи Блюхера, былъ подѣ Бриенномъ, особенно отличился при Ларотьерѣ и участвовалъ во многихъ послѣдующихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ подѣ Фершампенуазомъ. Когда подѣ

Крономъ были убиты и переранены многіе кавалерійскіе генералы, Давыдовъ, въ чинѣ полковника, командовалъ бригадою и съ нею прошелъ черезъ Парижъ. Въ 1819 году былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса; съ 1821 г. состоялъ по кавалеріи, а въ 1823 г. вышелъ въ отставку. Въ это время онъ написалъ «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія» и «Дневникъ партизанскихъ дѣйствій» и напечаталъ «Разборъ трехъ статей въ запискахъ Наполеона», гдѣ Давыдовъ между прочимъ пишетъ: «Въ волю Наполеона налагать, въ числѣ прочихъ, и на меня проклетія за пролитую кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня дѣлъ моихъ, не стирай съ сабли моей кровавыхъ брызговъ, сихъ отпечатковъ чести, купленныхъ мною трудами и ежеминутною жертвою жизни. Это моя собственность; это мой участокъ въ славѣ земляковъ моихъ, тѣмъ для меня драгоценнѣйшій, что онъ одинъ возвышается на моей жизни, бесплодной въ своей юности, и въ наклонности своей ничего ни честолюбія не общающей!».

Николай I, по вступленіи на престолъ, немедленно принялъ Давыдова на службу и отправилъ противъ персіанъ. Денисъ Васильевичъ у подошвы Алагеза, при урочищѣ Мирахъ, разбилъ 4-хъ-тысячный отрядъ Хасанъ-хана и принудилъ его бѣжать въ Эривань потомъ занялся сооруженіемъ крѣпости Джелаль-оглу. Но разстроенное здоровье, зависть и интриги генерала Паскевича заставили его ѣхать къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, гдѣ онъ написалъ свое стихотвореніе «Полусолдаты»:

Нѣтъ, братья, нѣтъ! полусолдаты
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, подюжны ребяты,
Да щи, да чарка съ запеканкой?

Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной.
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?

Съ Кавказа Давыдовъ, не получивъ облегченія, возвратился въ Россію и былъ назначенъ состоять по кавалеріи. Когда вспыхнулъ мятежъ въ Польшѣ, Д. В. поспѣшилъ въ армію, всталъ приступомъ городъ Владиміръ-Волынской и командовалъ то различными отрядами то всю кавалерію корпуса Ридигера. По усмиреніи возстанія въ Польшѣ, Давыдовъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ Владиміра 2-й степени. Посвятилъ себя исключительно словесности

и къ этому времени принадлежать лучшія его статьи въ прозѣ и нѣсколько стихотвореній. Изъ первыхъ особенно замѣчательны: «Воспоминанія о сраженіи при Прейсиш-Эйлау»; «Моровъ-ли истребилъ французскую армію въ 1812 г.?»; «Воспоминанія о Кульневѣ»; «Замѣчанія на некрологію Раевского».

Въ 1839 г., по случаю торжественнаго открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, Д. В., какъ бывшему адъютанту Багратіона, было поручено перевести прахъ героя на то мѣсто, гдѣ ему суждено было въ послѣдній разъ помѣряться съ врагомъ. Мысль эта была первымъ подана Давыдовымъ, но не задолго до этого событія Д. В. скончался въ своемъ имѣніи, въ Симбирской губерніи, 23-го апрѣля 1839 года.

Собраніе стихотвореній Д. В. Давыдова было напечатано два раза въ 1832 г. и въ 1840 г. Смирдинымъ; послѣднее же изданіе его сочиненій было въ 1860; кромѣ того въ 1863 г. въ Лондонѣ вышли его «Записки» (*Mémoires inédits de Denis Davudow*). Письма его напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», а также и къ нему письма Пушкина. Вообще мы должны сказать, что личность Д. В. Давыдова пользовалась глубокимъ къ нему расположеніемъ выдающихся дѣятелей того времени. Даже Вальтеръ-Скотъ волею дружественною съ нимъ переписку и прислалъ ему въ знакъ уваженія свой портретъ. Наконецъ, упомянувъ о томъ, что съ 1819 г. Давыдовъ былъ женатъ на дочери генералъ-маіора, Софьѣ Николаевнѣ Чирковой, (оставивъ послѣ себя сыновей Василія, Николая, Дениса, Ахила, Вадима, и дочерей Юлію, Екатерину и Софію), мы закончимъ наше о немъ воспоминаніе четверостишіемъ изъ стихотворенія А. С. Пушкина: «Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою», написаннаго при посылкѣ исторіи Пугачевского бунта:

Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ видѣнъ: плутъ казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ-бы онъ лхой.

Какъ этотъ отрывокъ, такъ вышепоставленный эпиграфъ Жуковского, служить лучшимъ выраженіемъ взглядовъ современниковъ на значеніе Д. В. Давыдова, и если другой современникъ, умный и злонасмѣшливый, К. В. Чевкинъ охарактеризовалъ совершенно въ иныхъ чертахъ личность партизана-писателя (см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1884 г., томъ ХLI, стр. 160), то къ этой послѣдней характеристикѣ должно относиться съ крайнею осторожностію: Чевкинъ благоговѣлъ предъ памятью И. И. Дибича, онъ питалъ къ нему

чувства совершенно сновня, въ лучшемъ смыслѣ сего слова. Денисъ Давыдовъ въ своихъ Запискахъ о польскомъ восстаніи (см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 1 и 309) безпощадно и навсегда сокрушилъ боевую репутацію Дибича, указавъ множество смѣшныхъ и слабыхъ сторонъ этой личности. Чевкинъ не могъ простить этого Д. В. Давыдову.

И. Н. Вошерановъ.

Письма Ден. Вас. Давыдова къ А. и Н. М. Языковымъ ¹⁾.

I.

18-го декабря, с. Маза.

М. г-ри Александръ и Николай Михайловичи! Съ душевной горестію долженъ васъ увѣдомить, что послѣдняя болѣзнь моя такъ ослабила меня, что я только что имѣю довольно силъ дотащиться на своихъ до Пензы — это причиною, что всѣ пріятнѣйшія мои предначертанія посѣтить васъ въ Языковѣ и провести съ вами нѣсколько дней я принужденъ положить въ долгій ящикъ. Весьма это мнѣ прискорбно, но что дѣлать? Скажи враже—якъ панъ каже, говорятъ малороссійская пословица.

У меня теперь гомеопатическій врачъ Клейнеръ изъ Саратова и онъ мнѣ набралъ Spirit. sulph. Мы съ нимъ вмѣстѣ читали симптомы, которые производить это лекарство — и я удивился сходству онымъ со всѣми припадками, которыми я такъ давно страдаю. Если это лекарство не поможетъ мнѣ, то я не буду вѣрить псорическимъ лекарствамъ. Каково постановленіе о гомеопатіи, которое я читалъ въ «Сѣверной Пчелѣ»? Несчастную, связанную по рукамъ и по ногамъ, предали на распятіе алопатіи. Но это ничего, да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Главное, что до сего не признавали существованіе оной, считали ее мечтою, бредомъ духовидцевъ, теперь признано существованіе ея; она живетъ, она дышетъ, она дѣйствуетъ и это уже много; это большой шагъ.

И такъ простите — или лучше до свиданія. По возвращеніи изъ Пензы, т. е. весной, когда погода будетъ благопріятнѣе и здоровье мое получше, авось-ли Богъ дастъ, что я увижу васъ въ Языковѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и таковой же преданности вамъ преданнаго слуги Дениса Давыдова.

¹⁾ Письма печатаются съ подлинниковъ. Стихи, въ нихъ помѣщенные, хотя и вошли, нѣкоторые, въ изданіе сочиненій Д. В. Давыдова, но здѣсь, какъ входящіе въ составъ его писемъ, оставлены на своемъ мѣстѣ.

И ъ рѣчкѣ.

Давно ли рѣчка голубая,
Давно ли ласковой волной
Мой челнъ радушно колыхая
Владѣла ты, — источникъ рая,
Моей блуждающей судьбой!

* * *

Давно ль съ безпечностію милой
Въ благоуханныхъ берегахъ
Ты влагу ясную катила
И отражать меня любила
Въ своихъ задумчивыхъ струяхъ!

* * *

Теперь печально пробѣгая —
Ты стонешь въ сумрачной тиши,
Какъ стонеть дѣва молодая,
Пролетный призракъ обнимая
Своей тоскующей души.

* * *

Увы! твой ропотъ заунывный
Понятея мнѣ, — онъ ропотъ мой...
И я пою послѣдні гимны
И твой потокъ гостепріимный
Кроплю прощальною слезой.

* * *

На утро пурпурной зарею
Запышетъ небо, — берега
Блеснутъ одеждой золотою
И благотворною росой
Закаплютъ рощи и луга.

* * *

Но водѣ твоихъ на лонѣ мутномъ
Все будетъ пусто! — лишь порой
Носясь полетомъ безпріютнымъ
Ихъ гостемъ посѣтитъ минутнымъ
Журавль, — пустынный кочевой.

* * *

О гдѣ тогда освротѣлыи,
Гдѣ буду я! — къ какимъ странамъ,
Въ какіе чуждые предѣлы
Мчатъ будетъ гордо парусъ смѣлый
Мой челнъ по скачущимъ волнамъ!

* * *

Но гдѣ-бъ я ни былъ, сердца данн
Тебѣ одной. Черезъ даль морей
Я на крылахъ воспоминаній
Явлюсь къ тебѣ, приютъ мечтаній
И мукъ и благъ души моеи.

* *

Явлюсь, весь въ думу превращенный
На берега твоихъ зыбей,
Въ обитель дѣвы незабвенной...—
И тихо странникъ потаенный
Невидимымъ приникну къ ней.

* *

И неподвластный злымъ уворамъ —
Я облеку её собой,
Упыюсь её стыдливимъ взоромъ
И вдохновеннымъ разговоромъ
И гармонической красой.

* *

Её, — чья прелесть, — увлеченье!
Свѣтла, небесна и чиста
Какъ чувство ангела въ моленье,
Какъ серафима сновидѣнье,
Какъ юной граціи мечта!

II.

25-го марта. Маза.

Я отъ васъ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, едва-едва достигая въ саняхъ до Симбирска, гдѣ хотѣлъ было ихъ бросить, но какое то наслажденіе бороться съ препятствіями понудило меня снова пуститься въ зимнемъ экипажѣ и я, плывя водою, ныряя по ухабамъ и тащась по голой землѣ, добрался до дома на поляхъ, гдѣ не взялъ еще нужной осѣдлости, чтобы приняться за работу. Закачало; въ головѣ еще пусто, перья еще не очинены и чернильница высохла. Приведа все въ порядокъ, пушусь помогать Пушкину.

Кстати о Пушкинѣ. Вы хотѣли имѣть адресъ его?—вотъ онъ: на Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста, въ домѣ Баташева.

Я нашелъ здѣсь кипу номеровъ «Journal des Débats», «Инвалида» и экономическихъ журналовъ, меня дождававшихся,—но «Наблюдателя» не нашелъ; видно почтаamtъ ошибкою доставляетъ его въ другое мѣсто. Также не нашелъ и Библиотеки для чтенія: я полагаю, что Сенковскій съ сердцовъ за мои на него выходки, не

хочетъ прислать; ибо прежде журналъ этотъ присылаемъ былъ мнѣ даромъ.

Болѣе писать нечего изъ степей моихъ, къ тому же я не согрѣсь съ себя еще грязи дорожной. И такъ простите до перваго прозаическаго или стихотворнаго изверженія. Преданный вамъ Денисъ Давидовъ.

III.

1883 г. 23-го апрѣля, с. Маза.

Не знаю какъ благодарить душевнаго моего поэта за присылку стихотвореній его и вмѣстѣ съ ними лихова его посланія! Я говорю душевнаго и моего не безъ основанія. Никто болѣе васъ, любезнѣйшій по уму и почтеннѣйшій по возвышеннымъ чувствамъ Николай Михайловичъ, не имѣетъ дара волновать мою душу и властвовать надъ нею своевольно, деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный отецъ и командиръ; одинъ стихъ вашъ и я въ огнѣ бою, весело и безотчетно. Въ обихъ послѣднихъ войнахъ стихи ваши (пѣсни короля Регнера, подаренная мнѣ въ Персін Н. Киселевымъ) возились мною за пазухой какъ волшебная ладонка, имѣющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду къ битвамъ и славѣ. Я пьяный на дѣвичникѣ Пушкина говорилъ вамъ о томъ, но вы были такъ пьяны, что врядъ ли это помните, а это сущая правда и трезвый я трезвому повторяю то же. Поэтический лоскутъ этотъ, замаранный грязью биваковъ и окуренный сжѣннымъ порохомъ, и понинѣ у меня хранится; послѣ этого какъ же мнѣ не называть васъ душевнымъ и моимъ поэтомъ?

Милое и лестное для самолюбія моего вниманіе ваше такъ меня тронуло, что по полученіи посланія вашего и золотого ковчега, полнаго драгоценными нитями перловъ, я было пустился отвѣчать вамъ стихами—но, признаюсь, оробѣлъ; рука дрогнула—какъ писать такому чорту въ поэзіи стихами! одинъ Асмодей-Пушкинъ имѣетъ на это право.

Прошедшей зимою я былъ на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ часто говорилъ о васъ съ Кирѣевскимъ и Баратынскимъ. Они жаловались, что вы не ѣдете въ Москву, а я жаловался, что вы не ѣдете въ Рѣзевку—гдѣ же вы? и долго ли вамъ лишать меня удовольствія обнять волженскаго земляка на берегахъ Волги? увѣдомьте, будете ли вы въ Рѣзевку и когда? я до половины, а можетъ быть и до конца сентября проживу здѣсь,—а тамъ переселюсь въ Москву.

Въ Москвѣ, этой зимою, я впервые прочелъ пьесу вашу: Поэту, ту, которая поставлена первою въ стихотвореніяхъ вашихъ, — я ахнулъ. Что за языкъ! что за поэзія! что за возвышенность чувствъ — это очарованіе! а Кубокъ? что мои хмѣльные стихи противъ этихъ? Сивуха передъ шампанскимъ.

Не зная куда адресовать письмо мое, я посылаю его чрезъ Петра Александровича Бестужева и, повторяя вамъ душевную мою благодарность, прошу васъ вѣрить словамъ партизана-поэта, что первымъ почитателемъ отличнаго вашего таланта и возвышенныхъ чувствъ вашихъ есть преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

Такъ какъ Бестужевъ нѣтъ въ Рѣльевкѣ, то посылаю это письмо чрезъ Д. Н. Анненкова.

IV.

14-го іюня. Маза.

Авось письмо это еще застанетъ васъ въ Языковѣ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, и потому адресую его прямо туда. Я вчера получилъ письмо отъ Вяземскаго изъ Петербурга. Онъ пишетъ мнѣ, что Пушкинъ былъ въ Москвѣ и оттуда только что воротился въ Петербургъ. Я къ нему послалъ важную статью о Партизанской войнѣ въ замѣнъ погибшей отъ меча военнаго министра Занятіе мною Дрездена въ 1813 году. Надѣюсь, что эту пропустятъ даже и безъ задержанія въ карантинѣ. Жаль мнѣ покойницю, — какая лихая наѣздница была, помани ее Господи! Мнѣ Вяземскій пишетъ — вотъ слова его: «Знаетъ ли Языковъ мое посланіе къ нему, напечатанное во 2-мъ томѣ Новоселья? Если знаетъ, что онъ не откликнется?» — Прошу же мнѣ дать отвѣтъ, отчего вы не откликаетесь или сами ему скажите, будучи въ Москвѣ, гдѣ онъ будетъ въ іюнѣ. Я завидую вамъ; хотя я неразлучно былъ съ нимъ всѣ 10 дней пребыванія моего въ Петербургѣ, но съ этимъ человѣкомъ не устанешь быть и 10 и 100 лѣтъ потому, что какъ онъ ни уменъ и ни милъ, а душа и сердце его очаровательнѣе еще ума его.

Посылаю вамъ челобитную мою Башкилову, предсѣдателю строительной комиссіи въ Москвѣ, — отцу поэта Башкилова. Я прошу его, чтобъ онъ постарался купить для оберъ-полицмейстера домъ мой, каменный, огромный, на Пречистенкѣ, окно въ окно съ депо пожарнымъ. Стихи довольно удачно набросаны, ждутъ только одобренія Парнаскаго моего отца и командира, котораго обнимаетъ Денисъ Давыдовъ.

V.

16-го іюня. Маза.

Сто лѣтъ ни я къ вамъ не писалъ, ни отъ васъ ни слова не получалъ, любезные Николай Михайловичъ и Александръ Михайловичъ! съ моей стороны причина тому побѣдка моя въ Пензу на армарку и разныя развлеченія, а съ вашей стороны не знаю что этому причиною,—не свадьба ли? какъ слухъ о томъ носится. Если правда, то позвольте мнѣ поздравить жениха отъ всей души.

Посылаю вамъ съ благодарностію «Рука Всевышняго отечество спасла». Что же касается до Самозванца, то я осмѣлился его оставить еще на нѣсколько времени. Вы хотите знать мое мнѣніе объ обоихъ этихъ явленіяхъ. Это задача не по мнѣ. Все, что я могу сказать, это то, что рука мнѣ часто чесала ватхлокъ отъ досады много не шевелила моего сердца. Это акафистъ съ полнымъ чувствомъ любви къ отечеству и иногда съ хорошими стихами. Можетъ быть, эта пьеса дѣйствуетъ на души, особенно на русскія души, болѣе на сценѣ, но при чтеніи, воля Кукольника, не щипаетъ за сердце или если когда и щипнетъ, то очень рѣдко. Что касается до «Самозванца», эта трагедія для меня, при всѣхъ ея недостаткахъ въ планѣ и въ выборѣ лицъ, прелесть, прелесть и прелесть! а отчего не знаю, ибо сужденіе о ней въ Библіотекѣ въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо. Досадно видѣть «Самозванца» таковымъ, какъ онъ представленъ; онъ, конечно, и въ исторіи молодець, но тутъ онъ выше молодца, онъ царь и царь русскій съ какимъ то чувствомъ à la Pierre le Grand. Правда, что съ слабымъ характеромъ и сбиваетъ съ пути честолюбивою бабою, но все привлекателенъ по одному уже чувству его.

Въ Библіотекѣ справедливо сказано, іезуитъ не іезуитъ, а болѣе іезуитъ Антоній; Шуйской, точно правда, канжа и мошеникъ низкій и проч., но отчего же, повторяю, я два раза прочелъ эту трагедію съ жадностію, а нѣкоторыя сцены перечиталъ по пяти разъ? право не знаю, а это было.

Были ли вы у Петерсона и что онъ вамъ далъ отъ Lenia? Я былъ у него также и теперь сижу на гомеопатіи до 15 августа. Надняхъ я сдѣлалъ чудо: вылѣчилъ одну больную за 20 верстъ отсюда и не выдавши ея, а по запискамъ ея сестры. У ней было воспаленіе и даже нарывъ въ груди, сильная горячка съ приливомъ крови и воспаленіемъ въ головѣ. Въ 8 дней она была уже на ногахъ, тогда какъ, при началѣ моего лѣченія, она была безъ памяти, такъ

слаба, что ее ворочали на простыняхъ и безъ языка. Каковъ гусарь-эскулапъ? Вы писали мнѣ, что переводъ Гартмана выйдетъ изъ печати въ половинѣ мая, что значитъ, что по сію пору онъ не выходитъ? а я его жду какъ Мессію ждуть жида.

Посылаю вамъ послѣднее стихотвореніе мое. Скажите мнѣ ваше мнѣніе по-гусарски или по-студентски, это все равно, ибо и тамъ и тамъ душой вино и откровенность. Мое мнѣніе, что въ немъ нѣтъ единства, читатель не догадается къ кому болѣе страсти—къ рѣчкѣ или къ дѣвѣ, которая въ концѣ пьесы является; надо было бы меньше огня въ началѣ, а то нѣтъ отгѣнка; это ошибка неувладима. Но стихи кажется и звучны и хороши.

Неужели мы не увидимся до отъѣзда моего изъ этого края? я ѣду въ началѣ сентября, то-есть въ первыхъ числахъ, и ѣду на долго въ Москву. Не будете ли вы тамъ зимою? Куда бы хорошо сдѣлалъ. Баратынскій купилъ себѣ маленькую подмосковную, гдѣ совсѣмъ основался, а будетъ пріѣзжать на зиму въ Москву налегкѣ съ одной женою.

Забылъ вамъ прислать еще стихи; они сдѣланы были въ вынѣшнюю мою поѣздку въ Пензу. Это подражаніе одному мадригалу Вольтера.

Когда я повстрѣчалъ красавицу мою...
 Ту, чье, восторженный, теперь здоровье пью,
 Чьей наслаждаюсь вновь красой и стройнымъ станомъ
 Я обомлѣлъ!—Какъ случаемъ нежданомъ
 Гуляющій на волѣ сорванецъ,
 Встрѣчается солдатъ-бѣглецъ
 Съ своимъ безбожнымъ капитаномъ.

Случаемъ нежданомъ плохо,—но стихи были скованы на скорую руку.

Пожалуйста ни тѣхъ, ни другихъ не раздавайте. Я не хочу, чтобы ктонибудь ими воспользовался и втиснулъ въ Библиотечку, гдѣ я неожиданно нашелъ и мою Звѣздочку. Мнѣ сказываютъ, что это г. Араповъ сыгралъ со мной эту шутку. Я о томъ писалъ Смирдину и побранилъ Вяземскаго, которому эта Звѣздочка была отъ меня послана.

Я не спрашиваю, чѣмъ Александръ Михайловичъ занимается? онъ любитъ; это занятіе самое привлекательное и прелестное; но вы чѣмъ занимаетесь? пишете-ли? Если написали что, то ради Бога не обнесите чарочкой; вы мой душевный поэтъ, никто мнѣ душу не возвышаетъ болѣе васъ, ничто не ласкаетъ мое сердце болѣе вашихъ стиховъ и въ этомъ случаѣ они соперники взгляду моему

красавицы. Я съ вашими стихами за пазухой былъ въ двухъ сраженіяхъ, я ихъ часто читалъ той, которой старался тронуть сердце. Вы непростительны были бы не мнѣ первому доставлять все то, что вырвется изъ огненной души вашей.

Пора однако кончить; вотъ уже и листа конецъ, итакъ простите и вѣрьте въ сердечной преданности Дениса Давыдова.

VI.

1838 г. 7-го ноября. Маза.

М. г-ри Александръ и Николай Михайловичи. Письмо ваше, предписаніе какъ употреблять гомеопатическія крупинки, вами присланна, извѣстіе о Пушкинѣ и выписку о Дибичѣ я получилъ, за что приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность. Кажется, что г. Нѣмецъ, писавшій статью о Забалканскомъ, глядѣлъ на насъ не съ той точки зрѣнія, съ которой я глядѣлъ на него, но волясчитателя, а Дибичъ не таковъ былъ, какъ онъ его описываетъ.

Радъ душевно, что Пушкинъ принялся за дѣло. Этотъ лощени Петербургъ его губить, а болѣе насъ, отвлекая его отъ вдохновеній; впрочемъ, вы знаете, что онъ запоетъ писать только осенью и, какъ кажется, это время года онъ не даритъ праздности; если будете писать къ нему, скажите ему мой дружескій поклонъ. Меня атакуетъ Смирдинъ и даетъ по 200 р. за листъ — это дешево; я ему дарю одну статью, но за послѣдующія кочу просить дороже. Слава Богу нынче можно продавать бредни какъ сало и деготь; надо этимъ пользоваться, особенно при неурожайномъ годѣ.

Жена моя благодаритъ васъ также за присылку ей лекарства, но ей не хочется принимать его прежде присылки вами и мнѣ лекарства—я страдаю болѣе года съ начатиемъ астма и мнѣ необходимо къ вамъ прибѣгнуть. На первой почтѣ я постараюсь прислать вамъ основное описаніе моей болѣзни, а если позволите, то проѣдомъ въ Пензу лично объясню вамъ подробности оной; надо только знать мнѣ, будете ли вы въ Языковѣ въ теченіи декабря? Книги, о которыхъ вы мнѣ дали записку, я получилъ и готовлюсь рыться въ нихъ съ утра до вечера; будетъ ли прокъ—не знаю. Причина замедленія отвѣта моего есть рысканье мое по мхамъ и по болотамъ всякаго рода звѣрами. Сейчасъ только съ коня и сейчасъ принялся за перо, чтобы писать къ вамъ побѣдной рукою, поразившей огромнаго волка.

Примите истинное увѣреніе въ душевной преданности вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

VII.

13-го ноября. Маза.

Получили ли вы, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, письмо мое, писанное къ вамъ въ Пензу? я его адресовалъ по присланному мнѣ вами адресу: въ Пензу, въ домъ Ермолова. Вообразите мое несчастіе: я пріѣхалъ въ Пензу спустя нѣсколько только дней послѣ вашего отъѣзда, объ этомъ мнѣ говорилъ Петерсонъ, у котораго я былъ раза два.

Я теперь въ Мазѣ моей съ 30-го октября. Снѣгъ завалилъ мою хижину и я волею и неволею принужденъ заняться статьями для Библіотеки. Теперь кончаю послѣднюю статью; что-то будетъ? избавлюсь ли я отъ губительныхъ поправокъ Сенковского, который взялъ на себя не только коверкать слогъ мой, но и мысли мои. Есть мѣста, которыя я никакъ не узнаю. Всего досаднѣе, что онъ не оставилъ въ покоѣ и любимаго моего дѣтишу П: Эйловское сраженіе. Между прочимъ, у меня въ одномъ мѣстѣ сказано: «но чтобъ пользоваться подобными минутами недовольно глубокаго познанія своего дѣла, недовольно духа твердаго и ума расчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва неповытнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго, какъ искра электрическая и столько же необходимаго для поэта, для витія, какъ и для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо, полководцевъ слова».

Какъ же онъ передѣлалъ:

«который равно необходимъ и поэту и витію и полководцу и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабо—полководцевъ слова».

То ли это? или если хотите оно то же, но какъ выражено!

Такихъ поправокъ множество.

Мнѣ хочется въ теченіи этого мѣсяца быть въ Симбирскѣ—не будете ли вы тамъ? или не будете ли въ Рѣшевкѣ у вашей сестрицы? Если будете въ Рѣшевкѣ, ради Бога увѣдомьте, я сейчасъ прискачу къ вамъ. Я въ Мазѣ пробуду до начала января, потомъ съѣзжу въ Москву и въ Петербургъ и къ марту буду опять здѣсь.

Что наши заграничныя гомеопаты? мнѣ кажется, что *la discorde est au camp*. По крайней мѣрѣ наука не подвигается, а остановилась. Мнѣ Веллюваръ насладъ кипы гомеопатическихъ книгъ и я въ нихъ

копаюсь съ любовью. Пожалуйста скажете мой дружескій поклонъ братцу вашему Александру Михайловичу и не гнѣвайтесь, пишите мнѣ иногда о себѣ и не оставляйте поэзію для славы вашей—скажу болѣе, для славы Россіи.

Ваша лирическая пѣснь ко мнѣ—свола съ ума всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ поэзію и прелестная рука переписала стихи ваши для меня. Простите, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, отвѣчайте на это письмо волею и неволею.

Преданный вамъ всей душою Денисъ Давыдовъ.

VIII.

1834 г. 4 апрѣля. С. Маза.

Я вижу по письму вашему, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, что вы послѣднее мое письмо еще не получили, ибо вы говорите объ одномъ Вальсѣ. Въ послѣднемъ же письмѣ я къ вамъ послалъ еще нѣсколько пьесъ, вырвавшихся изъ души, а при семъ еще послалъ одну. Вы видите, что чѣмъ чортъ не шутитъ! Однако всѣ эти посланія я дѣлаю не для того, чтобы вы стихи мои хвалили, а болѣе для того, чтобы вы ихъ брали и изъявили бы мнѣніе ваше, гдѣ въ нихъ что надо исправить и какъ исправить? такъ со мною поступаютъ друзья мои: Баратынскій, Пушкинъ, Вяземскій; того и отъ васъ прошу. Да, ради Бога, не пишите ко мнѣ церемоніальныхъ писемъ. Послѣднее ужаснуло меня официальнымъ заключеніемъ: съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, честь и мнѣю быть, вашего превосходительства и пр. Богъ съ вами съ такими выходками!

Я уже третью недѣлю лечусь гомеопатически по предписанію Петерсона; курсъ леченія моего не прежде кончится мая. Что-то будетъ? вы хорошо дѣлаете, что намѣрены ѣхать къ нему; онъ болѣе другихъ имѣетъ навыку. Клейнеръ порядочный гомеопатъ, но, какъ кажется, безъ г-жи Быковской не такъ то усиленно лечитъ; она, говорятъ, отлично знаетъ гомеопатію и лечитъ чудесно.

Вчера получилъ я третій томъ Библіотеки для чтенія, гдѣ Пушкинская повѣсть мнѣ весьма понравилась. Что за память въ этомъ человѣкѣ! Богъ знаетъ, когда то я рассказалъ ему, что воючаясь за одной *suivante*, Марья Антоновна Нарышкина сказала мнѣ: «*Da vidoff est pour les suivantes*»; а я ей отвѣчалъ: «*que voulez vous, madame, elles sont plus fraiches*», и онъ это поставилъ эпиграфомъ. Не

согласитесь ли вы со мною, что и въ третьемъ томѣ стихотворное отдѣленіе больно плохо? Вы обѣщались прислать мнѣ Самозванца, пришлите пожалуйста; въ 3-мъ томѣ есть на него критика, хочется посмотреть справедлива ли она? Что вы ничего не посылаете въ Библиотеку? Баратынскій и Вяземскій такъ же жмутся—что это значить? признаюсь я раскаялся, что далъ туда статью мою о Каменскомъ; они ее во многихъ мѣстахъ искавили и одолжили меня собственными вставками, о коихъ я ихъ не просилъ. Если пошлю что еще имъ, то непременно съ оговоркою ничего не перемѣнять. Но пора къ стихамъ обратиться, вотъ мои послѣдніе:

О! кто, скажи ты мнѣ, кто ты —
 Владычица моей тоскующей мечты?
 Скажи мнѣ кто же ты—мой ангель-ли хранитель
 Иль злобный геій-разрушитель
 Всѣхъ радостей моихъ?—не знаю—но я твой!
 Ты смаяла на главѣ вѣнокъ мой боевой,
 Ты изъ души моей изгнала жажду славы
 И грезы гордыя и думы величавы,
 Я не хочу войны, я разлюбилъ войну—
 Я въ мысляхъ, я въ душѣ храню тебя одну.
 Ты сердцу моему нужна для трепетанья
 Какъ свѣтъ для зрѣнія, какъ воздухъ для дыханья.
 Ахъ! чтобъ безъ ропота, безъ ужаса терпѣть
 Разгнѣванной судьбы и грозы и волненья,
 Мнѣ надо на тебя глядѣть, всегда глядѣть,
 Глядѣть безъ усталы, какъ на звѣзду спасенья.
 Уходишь ты—и за тобою вслѣдъ
 Стремится мысль, душа несется!...
 И стынетъ кровь и жизни нѣтъ.
 Но только мнѣ твой шорохъ отзовется,—
 Я чувствую приливы жизни, вижу свѣтъ
 И возвращается душа и сердце бьется!...

Романсъ.

Не пробуждай, не пробуждай
 Моехъ безумствъ и изступленій
 И мимолетныхъ сновидѣній
 Не возвращай, не возвращай.

* * *

Не повторяй мнѣ имя той,
 О коей память мука жизни,
 Какъ на чужбинѣ пѣспь отчизны
 Изгнаннику земли родной.

* * *

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВИДОВЪ

Молчи о ней— не воскресай
 Меня забывшія напасти,
 Дай отдохнуть тревогамъ страсти
 И ранъ живыхъ не раздражай.

•••

Иль нѣтъ! сорви покровъ долой...
 Мнѣ легче горя своеволие,
 Чѣмъ ложное холонокровье,
 Чѣмъ мой обманчивый покой!

Вотъ вамъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Пожалуйста помогите мнѣ кой-что въ этой сволочи исправить и вы меня весьма обяжете.

Любезнѣйшій Александръ Петровичъ, вы очень обрадовали меня извѣстіемъ о прїѣздѣ вашемъ сюда весною. Надѣюсь, что не забудете Мазу и навѣстите степнаго жителя. Вы пишете, что намѣрены ѣхать къ Петерсону по просухи — знаете ли что? отложите эту поездку до половины іюня и тогда пустяйтесь всѣ вмѣстѣ въ Певу, куда я ѣду на ярмарку. Это будетъ и полевный и прїятный *partie de plaisir*. Жду перевода вашего Гартмана съ нетерпѣніемъ, ибо безъ него я какъ безъ головы — аптека полная и отличная, но дѣйствовать не умѣю или весьма плохо. Я теперь на гомеопатической діетѣ и принимаю порошки Петерсоновы. Что-то будетъ? Но кажется мнѣ, что выборъ Клейнера сходнѣе съ болѣзнемъ; онъ выбралъ одинъ *sulph.*, а Петерсонъ — 4: *callosynthide*, *sausticum* и *zincum*, но вѣроятно, пишеть онъ, что нужно еще будетъ *silicea*.

Каждою лекарства по 4 порошокъ и каждый порошокъ принимать въ 4-е сутки. Увѣдомьте, когда васъ ждать въ Рѣпьевку, — это будетъ для меня изъ праздниковъ праздникъ.

Преданный вамъ душою Денисъ Давидовъ.

IX.

3 октября, с. Маза, Сызр. уѣзда.

Письмо ваше отъ 23 сентября я имѣлъ удовольствіе получить съ послѣднею почтою и спѣшу на оное отвѣчать. Досадно, что почта ходить долго; но что дѣлать?

Ваши вопросы.

Отвѣты.

1) Не было ли у больной въ малолѣтствѣ чесотки?

Не помнить. Но сыпи были и въ 1812 году была сыпь весьма большая отъ застуды послѣ таянцевъ....

2) Какое имѣетъ вліяніе бо-
лѣзнь на расположеніе духа?

Больная сохраняетъ всегда спо-
койствіе духа и когда не больна,
то о болѣзни не думаетъ. При
ѣдѣ только боится лишняго съѣсть,
и послѣ ѣды всегда въ страхѣ,
не съѣла ли она лишняго.

3) Какого рода отрыжки?

Одною пищею и именно тою,
которую она съѣла болѣе. Даже
самымъ легкимъ бульѣномъ, если
она его съѣла хотя одной ложкой
болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Но съ бу-
лавочную головку лукъ неминуемо
производитъ ужасныя боли въ же-
лудкѣ и всѣ тѣ страданія, кои я
вамъ описалъ въ запискѣ.

4) Какая пища болѣе нравится,
т. е. животная или растительная?

Больная не причудлива на ѣду—
она не даетъ преимущества одной
надъ другою пищею. Но любитъ
варенье, конфеты, молочное пи-
рожное. Варенье и конфеты она
ѣстъ весьма по малу и ей это не
причиняетъ боли, но отъ всякаго
пирожнаго она рѣшительно отка-
залась.

Повторяю, одна болѣзнь у больной — желудочная, когда она
съѣстъ немного болѣе обыкновеннаго, хотя бы ложку бульѣну самаго
легкаго. Впрочемъ, она во всемъ здорова.

Весьма вы меня обрадовали извѣстіемъ, что переводчикъ Терапіи
Гартмана уже отысканъ и назначенъ. Ради Бога, не мѣшкайте
пустить въ ходъ предпріятіе ваше, вы этимъ много добра сдѣлаете
и собьете съ мѣста медиковъ, которые, подобно Эднцу, говорить:

„Спокойно я мой вѣкъ на вамѣ кончу семь“.

Благодарю васъ покорнѣйше, любезнѣйшіи Николай Михайловичъ,
за присылку стиховъ вашихъ — они не уступаютъ ни однимъ изъ
тѣхъ, которые соединены въ золотомъ ковчегѣ, вами мнѣ прислан-
номъ. Это прелесть какъ все то, что наливается изъ пера вашего!
Въ легчайшей поэтической вспышкѣ вашей, стихи ваши, какъ гово-
рить Пушкинъ, стоятъ дыбомъ! Къ стати о Пушкинѣ; знаете ли,
что я слышалъ отъ людей, получившихъ письма изъ Казани? въ

Казани были Пушкинъ и Баратынскій, отыскивающіе свѣдѣнія о Пугачевѣ. Изъ этого я заключаю, что они въ союзѣ для сочиненія какого нибудь романа, въ которомъ будетъ дѣйствовать Пугачевъ. И такъ вотъ рѣшеніе загадки появленія Пушкина въ нашей и въ Оренбургской губерніяхъ. Если это правда, то дай Богъ! авось ли мы увидимъ что нибудь близкое къ Вальтеръ-Скотту; по сю пору мы и избалованы качествомъ, но задумлены количествомъ романовъ. Судите, что я на дняхъ прочелъ въ объявленіи о появленіи новаго романа Загоскина? «Романы Загоскина сдѣлались уже народной гордостью». Каково? Да за кого же г. объявитель русскій народъ принимаетъ?

Вы обѣщали прислать мнѣ переведенныя вами листки Гартлауба—пожалуйста не забудьте.

Какъ досадно, что наши деревни такъ далеки одна отъ другой! разстояніе принуждаетъ насъ переписываться, тогда какъ сосѣдями мы бы переговаривались.

Обоихъ васъ умоляю не спѣшить въ отысканіи гомеопатическаго лѣкарства для жены моей—но когда отыщете, то не медлите присилкою онаго съ описаніемъ какъ и когда принять его—и діети и время дѣйствія сего лѣкарства и названія его. Вы тѣмъ весьма обяжете преданнаго вамъ слуги и пріятели Дениса Давыдова.

PS. На этихъ почтахъ я вамъ пришлю записку о себѣ и старшемъ сынѣ, у коего сильная золотуха.

X.

16-го февраля. Пенза.

Письмо ваше, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, я получилъ надняхъ. Благодарю васъ, моего душевнаго поэта, за то, что вы не забываете истинно вами восхищеннаго человѣка, который за особое счастье считаетъ минуту знакомства съ вами. Я давно уже получилъ первый номеръ Библіотеки и нахожу стихотворную часть весьма посредственной, кромѣ Гусара, который ничто какъ вспышка съ Царь-Пушки Пушкина. При всемъ томъ это журналъ хорошій и, кажется, можетъ служить саркофагомъ всѣмъ нашимъ журналамъ. Не знаете ли вы какая цѣна за стихотворенія? За листъ печатной прозы мнѣ даютъ 300 р.; я послалъ около двухъ листовъ даромъ, потому хочу послать за деньги и какъ уже говорилъ вамъ, если продать сало и дѣготъ, то почему не продавать и бредни, благо есть покупатели? Максимовичъ прислалъ мнѣ Девяницу; досадно, что этотъ отличный человѣкъ такимъ вздоромъ занимается.

Пенза моя вдохновительница. Холмъ, на коемъ лежитъ этотъ го-

родъ, есть мой Парнасъ съ давняго времени; здѣсь я опять при-
нялся за поэзію. Посылаю вамъ что-то вдохновенное, но недостаточно
обдуманное; скажите ваше мнѣніе и пожалуйста исправьте, что вамъ
не понравится. Я о томъ же писалъ и къ Баратынскому. Кстати о
Баратынскомъ. Я надняхъ и отъ него получилъ письмо — онъ пре-
поручаетъ мнѣ вамъ кланяться. Вотъ слова его: «вы переписываетесь
съ Языковымъ; поклонитесь ему отъ меня. Дай Богъ здоровья ему и
его Музѣ. Онъ поэтъ въ душѣ. У насъ не умѣютъ его цѣнить; но
когда гнилая наша поэзія еще будетъ гнигѣе и будетъ пахнуть
мертвечиной, мы почувствуемъ все достоинство его бессмертной свѣ-
жести». Что касается до стиховъ моихъ, то онъ ихъ не исправилъ
и тѣмъ огорчилъ меня, ибо я вижу самъ въ нихъ недостатки, ко-
торые исправить не умѣю. Стихи, вдохновенные чудомъ красоты и
прелести:

Вальсъ.

Кипитъ потокъ въ дубравѣ шумной
И мчится скачущей волной
И ватитъ въ ярости безумной
Песокъ и камень въковой.
Но покорень красой невольной
Колышетъ ласково потокъ —
Слетѣвшій съ берегу на волны
Весенній розовый листокъ.
Такъ бурей вальса не сокрыта,
Такъ отъ толпы отличена —
Летитъ воздушна и стройна,
Моя Пери, моя Харита,
Виновица тоски моей,
Моихъ мечтаній, вдохновеній
И поэтическихъ волненій
И поэтическихъ страстей!

Жду на будущей почтѣ 2-й номеръ Библиотеки. Тамъ моя
статья; какъ-то ее обработали Гречъ и Сенковскій, которые, какъ вы
пишете, по своему все коверкаютъ? Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго?
пришлите. Зачѣмъ вы ничего не посылаете въ Библиотеку? Неужто
Сибирскія красавицы не имѣютъ вліянія на поэта и на поэзію?
Если такъ, то пріѣзжайте сюда, ручаюсь, что здѣсь самый сухой при-
казный ударитъ по струнамъ лиры — что же будетъ съ поэтомъ, ка-
ковы вы? Простите, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, пишете и
не забывайте вамъ душою преданнаго Дениса Давыдова.

Благодарю и васъ, любезнѣйшій Александръ Михайловичъ, за при-

писаніе. Вы пишете, что между Гречемъ и Полевымъ возгорѣлось опять, это было бы хорошо для читателей, еслибы у насъ умѣли ругаться деликатно и слогомъ образованнаго общества—но тутъ ругательства будутъ какъ были, площадныя и матерщиной, почему негоднѣе было бы для читателей, чтобъ они жили мирно. Сенковскаго статья въ Библіотекѣ хороша и слогъ его мнѣ нравится; есъ игривость и легость въ немъ. О гомеопатіи я вамъ ничего не скажу: здѣсь я аллопатически пью вино и удовольствіе; къ десертнымъ каплямъ прибѣгну при возвращеніи моемъ въ Мазу, куда я ѣду 6-го или 7-го марта, то есть на первой недѣлѣ поста, очищать себя отъ грѣховъ всѣхъ родовъ позвѣи. Простите, пишите и не забывайте душею вамъ преданнаго Дениса Давыдова.

XI.

11-го сентября. Маза.

Благодарю—и нѣтъ словъ у меня довольно возблагодарить васъ, любезный Николай Михайловичъ, за поэтическій подарокъ вашъ. Можете ли вы думать, чтобы я воспротивился напечатанію онаго? Кто противится безсмертію? а вы меня къ нему несете, какъ въ поднебесную орель голубя, — мощно и торжественно. Что за стихи! что за прелесть! впрочемъ, что же не прелесть изъ произведеній вашихъ? Вы меня такъ этими стихами распевелили, что я было принялся писать вамъ стихами же, измаралъ около дести бумаги и сталъ въ пѣнь отъ совѣсти платить мѣдью за золото.

Если вы до половины октября пробудете въ Пензѣ, то я васъ увижу, ибо въ концѣ текущаго мѣсяца я буду въ той сторонѣ. Какъ хочется васъ застать тамъ! съ какою радостію я обниму моего благодѣтеля!—да—благодѣтеля, не прогнѣвайтесь! Вы можете быть думаете, что ничего не значить быть вами, именно вами воспѣтымъ? а я думаю, что много значить быть прославленну гордой и независимой лирою перваго самобытнаго поэта нашего, никого не воспѣвающаго наперекоръ сердца и совѣсти.

Смотрите же, чуръ не забыть меня послѣ жизни моей; мало того чтобы благодѣтельствовать мнѣ въ теченіи ея. Я уже нѣкогда говорилъ о томъ Вяземскому, Пушкину и Баратынскому, говорю и вамъ о томъ же: напишите тогда общими силами некрологію мою и пронаведите въ свѣтъ не пролетный листокъ для Воейковскаго Ивалида, а что нибудь такое, которое бы осталось надолго. Шутки въ сторону и не въ похвалу себѣ сказать, а я этого стою; не какъ воинъ и поэтъ исключительно, но какъ одинъ изъ самыхъ поэтиче-

скихъ лицъ русской арміи. Непрістойно о себѣ такъ говорить,—но это правда. Возьмите благословіе, данное мнѣ Суворовимъ; 30-лѣтнюю службу мою во всѣхъ, равно во всѣхъ войнахъ Россіи въ теченіи этого времени. 1812 годъ, на которомъ я зарубилъ свое имя. Вѣкъ Наполеона, коему принадлежу я; вѣкъ бурный и мятежный, нарыгавшій всесокрушительными событіями какъ Везувій лавою, но въ пылу которыхъ я пѣлъ какъ на кострѣ Тамплиеръ Моле, объятый пламенемъ. И послѣ—штиль и спокойствіе и обо мнѣ нѣтъ ни слуху ни духу, меня какъ нѣтъ на свѣтѣ; соха и словесность поглощаютъ меня,—но возстаетъ гроза и буря и я какъ алкіонъ бѣлѣюсь уже на черномъ небѣ: война въ Персіи—и я тутъ, у подошвы Арарата бьюсь и кочую; война въ Польшѣ—и я тутъ, на берегахъ Вислы—громлю и милую; хвалю и вѣшаю и имя мое во всѣхъ войнахъ торчитъ какъ казачья пика. Миръ заключенъ и я опять дома, опять гражданинъ, опять отецъ семейства, пахарь, обожатель красоты во всѣхъ ея отрасляхъ—въ юной дѣвѣ ли, въ подвигѣ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли—ведѣ я слуга ея, я рабъ ея, богослужитель, поэтъ ея. Но полно предупредить васъ въ похвальномъ словѣ, ибо мнѣ надо и совѣсть знать.

Вы, конечно, читали уже статью мою о морозѣ; по стихамъ вашимъ видно, что читали и о встрѣчѣ съ Суворовимъ; жаль что по сіе время Смирдинъ не печатаетъ статью: воспоминаніе о Прейш-эловскомъ сраженіи, это мое любимое дѣтя; эту статью я самъ рекомендую, она утѣшитъ васъ, если ее не исковеркалъ Сенковский, какъ уже исковеркалъ выпедшія статьи мои. Про него можно сказать то, что Наполеонъ говаривалъ о Фушѣ: *Cet homme a la manie de fourrer le pied dans le soulier de tout le monde.* Что ему мѣшало оставить въ покоѣ пять словъ, заключающихъ встрѣчу съ Суворовимъ: и Прага, залитая кровью, курилась, это и коротко и картинно. Какъ же онъ разжирилъ это? и Прага курилась, залитая кровью защитниковъ. Этотъ уродъ не понялъ, что слово курилось на концѣ періода есть послѣдній махъ кисти живописца, слѣдственно въ немъ и вся сила періода. Не будучи знакомъ съ графомъ Дмитріемъ Инановичемъ Хвостовимъ, я надняхъ получилъ письмо отъ него. Какъ родственникъ Суворова, онъ благодарилъ меня за мою статью и хвалитъ ее до небыя, увѣряя, что я одинъ разгадалъ этого неразгаданнаго метеора и проч., и все это для того, какъ кажется, чтобъ всучить мнѣ пару новыхъ его стихотвореній. Какъ хотите, а пусть осколки этой бомбы летятъ не въ одного меня, а и въ васъ и потому прилагаю вамъ одинъ экземпляръ изъ нѣсколькихъ въ меня попавшихъ. Я никогда не забуду шутку Суворова, уже

умирающаго. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ давалъ приказанія окружающимъ его родственникамъ весьма серьезно и въ заключеніи всего, слабымъ голосомъ умирающаго подозвалъ къ себѣ графа Хвостова,—этотъ подошелъ къ нему съ благоговѣніемъ и слушалъ. Что же Суворовъ сказалъ ему съ усмѣшкою на устахъ? «А ты, мой другъ, пожалуйста, одолжи меня: не сочиниай стиховъ на мою смерть».

И такъ до свиданія, любезнѣйшій Николай Михайловичъ. Преданный вамъ душою Денисъ Давидовъ.

PS. Пожалуйста кланяйтесь отъ меня Александру Петровичу Петерсону ¹⁾).

XII.

3-го февраля (1837 г.). Москва, на Пречистенкѣ, въ собств. домѣ.

Знаете ли нашу общую горестъ?—Пушкинъ, нашъ славный Пушкинъ убитъ на дуэли! онъ приревновалъ жену свою—и, какъ всѣ увѣряютъ, напрасно, она даже и не кокетствовала, а какой то Дантесъ, кавалергардскій офицеръ (и побочный сынъ Голландскаго короля) давно искалъ уже всѣми средствами компрометировать ее въ обществѣ. Пушкинъ закинулъ какъ Отелло, вызвалъ Дантеса на дуэль, ранилъ его сильно, но самъ палъ. Пуля вошла въ брюхо и остановилась въ кишкахъ; онъ умеръ черезъ три часа по полученіи раны.

Я такъ разстроенъ этимъ извѣстіемъ, что нѣтъ силъ писать вамъ болѣе. *C'est une calamité publique.* Обнимаю васъ. Денисъ Давидовъ.

Вчера были у насъ Хомяковъ съ Екатериной Михайловной.

¹⁾ Одно изъ приведенныхъ здѣсь писемъ, именно XI-ое, было напечатано въ „Библиографическихъ Запискахъ“; здѣсь оно помѣщено по связи его съ цѣлымъ собраніемъ писемъ партизана-поэта къ братьямъ Языковымъ.

Война съ польскими мятежниками 1831 года

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

XV ¹⁾.

Всеподдан. рапортъ гр. Дибича отъ 27-го января 1831 г. въ Высочо-Мазовецкѣ (№ 422).

Помѣта: Получено въ С.-Петербургѣ 5-го февраля 1831 г.

Удостоюсь высокомонаршей милости вашего императорскаго величества командовать арміею, назначенною для водворенія порядка въ Царствѣ Польскомъ, порядка, нарушеннаго шайкою мятежниковъ, которые, не зная предѣловъ своимъ преступнымъ замысламъ, возмечтали, наконецъ, низпровергнуть и законную власть.

Что всего болѣе ободряло ихъ въ столь незаконномъ дѣлѣ, была отдаленность нашихъ войскъ, которыя, по мнѣнію ихъ, не могли поспѣть къ западнымъ границамъ имперіи прежде весны, а потому всевозможные налоги и разнаго рода поборы хлѣбомъ, скотомъ и лошадьми были взимаемы съ мирныхъ жителей; вооруженіе дѣлалось повсемѣстное и, судя по публичнымъ ихъ газетамъ, вся Польша представляла военный лагерь, въ коемъ предстояло рѣшить будущій жребій преступной ихъ независимости.

Но враги наши и собственнаго отечества своего не разоцли, что воля вашего императорскаго величества усиливаетъ шаги російскихъ воиновъ, когда идетъ дѣло о наказаніи вѣроломнаго непріятеля, нарушившаго всю святость присяги; а потому около 20 января собрались, къ западнымъ границамъ имперіи, корпуса 1-й и 6-й пѣхотные, гренадерскій 3-й и 5-й резервные кавалерійскіе и гвардейскій отрядъ, составляющіе всего 106 баталіоновъ пѣхоты, 155 эскадро-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ ХLI, январь, стр. 93—122; февраль, стр. 381—400.

новъ кавалеріи, съ артиллерією, изъ 396 орудій состоящею, и 11 казачьихъ полковъ.

Вслѣдъ за соединившимися на границѣ войсками, хотя и спѣшить еще другая армія, но желая воспользоваться способами края, которымъ мнѣ завладѣть предстояло, я рѣшился начать военныя дѣйствія и съ соединенными сими силами вступить въ Царство Польское. Движеніе сіе учинено было на одинадцати разныхъ пунктахъ съ тѣмъ, чтобы вдругъ обнять большое пространство края, обезпечить симъ по возможности будущее продовольствіе арміи въ самомъ Царствѣ Польскомъ и скрыть отъ враговъ настоящій планъ моихъ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, освѣдомясь чрезъ лазутчиковъ о настоящемъ положеніи непріятельскихъ войскъ, я расположилъ движеніе главныхъ нашихъ силъ такъ, чтобы 80,000 человекъ могли всегда въ теченіи 20-ти часовъ времени соединиться и нанести непріятелю рѣшительный ударъ, если бы онъ отважился принять сраженіе. Согласно съ сими распоряженіями (24-го января) началъ вступать въ Царство Польское при Ковнѣ корпусъ генерала князя Шаховскаго, нѣсколькими эшелонами, составляющими 18 баталіоновъ гренадеръ, 4 эскадрона кавалеріи, 60 орудій артиллеріи и казачій полкъ, направляясь по шоссе на Калварію и далѣе къ Августову. Неподалеку Гродно при Домбровѣ перешелъ генералъ-маіоръ Мавдерштернъ съ 5-ю баталіонами пѣхоты, 2-мя эскадронами кавалеріи, 12-ю орудіями артиллеріи и казачьимъ полкомъ, направляясь прямо на Августово. При Влодавѣ перешелъ генералъ-адъютантъ баронъ Гейсмаръ съ 24-мя эскадронами кавалеріи, 24-мя орудіями артиллеріи и двумя казачьими полками, имѣя направленіе къ городу Седлецу. При Устилугѣ генералъ-лейтенантъ баронъ Крейцъ съ 24-мя эскадронами, 24-мя орудіями артиллеріи и однимъ казачьимъ полкомъ въ направленіи къ Люблину.

Наконецъ, малый отрядъ, подъ командою полковника Агрета, изъ одного казачьяго полка и одного дивизиона уланъ, перешелъ въ Брестъ-Литовскомъ въ направленіи къ Седлицу. Сей отрядъ долженъ былъ связать партіями дѣйствія генералъ-адъютанта Гейсмара съ главными силами арміи, которая на другой день, то есть 25-го января, перешли границу, а именно: корпусъ генерала графа Палена изъ 21-го баталіона пѣхоты, 16-ти эскадроновъ кавалеріи, 72-хъ орудій артиллеріи и двухъ казачьихъ полковъ, въ двухъ пунктахъ при Тыкочинѣ и Желткахъ, направляясь на Заводы и далѣе на Рудки. Корпусъ генерала барона Розена изъ 26-ти баталіоновъ пѣхоты, 24-хъ эскадроновъ кавалеріи, 120-ти орудій артиллеріи и двухъ казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Суражѣ и

Пионтковѣ, направился черезъ Соколы на Высокомазовецкѣ. При семъ корпусѣ слѣдовала главная квартира арміи съ своимъ конвоемъ изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи и казачьяго полка. Корпусъ генерала графа Витта съ 4-мя баталіонами пѣхоты, 48-мью эскадронами кавалеріи и 48-мью орудіями артиллеріи, переправясь при Цехановцѣ и Граннѣ, направился на Нуръ и Стердынь, и наконецъ, резервъ арміи изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 12-ти эскадроновъ кавалеріи и 36-ти орудій артиллеріи перешелъ въ Суражъ 25-го и 26-го чиселъ, направляясь на Соколы подъ командою его императорскаго высочества цесаревича.

По собственному моему личному удостовѣренію изъ донесеній, полученныхъ до нынѣ отъ генераловъ: князя Шаховскаго, графа Палена, барона Розена, графа Витта и генералъ-маіора Мандерштерна, усматривается, что при вступленіи нашемъ въ границы Царства Польскаго, жители онаго повсюду оказываютъ радость и привѣтствіе войскамъ нашимъ, встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ и солью, духовенство съ крестомъ въ рукахъ; предлагаютъ всякое для войскъ продовольствіе, которое приобрѣтается отчасти покупкою, отчасти реквизиціею съ выдачею имъ квитанцій, такъ что между жителями и войсками рождается взаимное довѣріе, которое вѣроятно болѣе и болѣе утвердится.

Непріятеля въ силахъ еще нигдѣ не открыли, исключая малыхъ незначущихъ партій, при коихъ вьаты въ плѣнъ восемь офицеровъ и нѣскольکو человекъ рядовыхъ.

Главныя его силы, по всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, сосредоточиваются при Калушинѣ, Ядовѣ, Сероцкѣ и Пултускѣ, имѣя авангарды свои въ Седлецѣ и Остроленкѣ.

Въ заключеніи всеподданнѣйшаго моего донесенія вашему императорскому величеству присовокупить обязываюсь, что высочайше вѣреннаѣя нынѣ армія, при весьма затруднительномъ походѣ въ послѣдніе пять дней по глубокимъ снѣгамъ, идетъ съ веселымъ духомъ и въ твердомъ увѣреніи, что ничто не можетъ противустоять побѣдоносному оружію вашего императорскаго величества.

Рапорты генераловъ, князя Шаховскаго, графа Палена, графа Витта и генералъ-маіора Мандерштерна, кои подробнѣе объясняютъ вступленіе вѣренныхъ имъ частей войскъ въ границы Царства Польскаго, въ копіяхъ повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества.

Резолюція императора Николая:

„Изъ рапорта сего и въ томъ же видѣ сдѣлать объявленіе въ газетахъ къ завтраму, выпустя только лишнее“.

XVI.

Репортъ командира гренадерскаго корпуса им. Шаховскаго гр. Дибичу.

24-го января 1831 года, Ковно.

Во исполненіе предписанія вашего сіятельства отъ 16-го января № 310, первый эшелонъ ковненскаго отряда перешель рѣку Нѣман сего 24-го числа января въ 6-ть часовъ пополудни, и расположился на ночлегъ въ 8-ми верстахъ отъ границы, въ селеніи Годлемо.

При вступленіи въ Царство Польское сопротивленія никакого не встрѣчено и вооруженныхъ жителей нигдѣ не замѣтно, напротивъ того, я былъ встрѣченъ въ деревнѣ Алексоново мѣстнымъ начальствомъ, какъ-то: таможеннымъ надзирателемъ и начальникомъ воевановъ, при солянномъ магазинѣ находящихся.

Въ селеніи же Годлемо явился ко мнѣ исправляющій должность гминнаго войта, а духовенство приняло съ колокольнымъ звономъ въ жителяхъ никакого непріязненнаго расположенія не замѣтно.

Но какъ по дошедшимъ до меня извѣстіямъ форстмейстеръ Царства Польскаго Шонъ образуетъ въ м. Пивлицахъ коссіонеровъ, то я направилъ туда отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Мартынова, изъ 1-го баталіона гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка, 1-го эскадрона лубенскаго гусарскаго и $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ.

Отрядъ сей переходитъ сего числа рѣку противъ м. Запѣшишы и присоединяется ко мнѣ на пути къ г. Маріамполю, будучи достигъ въ слѣдованіи своемъ съ 75-тью казаками, сотни, стоявшей въ Юрбургѣ, гдѣ оставлено изъ оной 25 человекъ.

XVII.

Репортъ командира 1-го пѣхотнаго корпуса ген.-ад. гр. Палея.

25-го января 1831 года.

Имѣю честь донести вашему сіятельству, что во исполненіе общей диспозиціи о вступленіи россійской арміи въ Царство Польское, вѣренныя мнѣ войска перешли оную двумя колоннами въ Желткавъ и Тикочинѣ и прибыли къ селенію Заводамъ, въ окрестности коела и расположились для ночлега. Авангардъ, вновь составленный подъ командою генералъ-лейтенанта князя Лопухина, пошелъ далѣе и расположится у селенія Яворки, имѣя казачіи отряды кругомъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Составъ его слѣдующій: четыре сотни 2-го конно-черноморскаго казачьяго полка, Ольвіопольскій гусарскій полкъ, четыре эскадрона Клястицкаго гусарскаго полка; 3-й и 4-й егерскіе полки и конная рота № 1-й.

Вступленіе въ Царство Польское послѣдовало безъ малѣйшаго препятствія; не только нигдѣ не видно войскъ, но даже нѣтъ извѣстія гдѣ оныя могутъ находиться: по свѣдѣніямъ, мною отобраннымъ, можно было только узнать, что въ окрестностяхъ Ломвы находится нѣсколько сотъ кракусовъ и что въ Остроленкѣ и въ Пултускѣ эшалоново, какъ говорятъ, тысячъ до восьми регулярныхъ войскъ. Жители приняли насъ совершенно мирно и были готовы къ нашему прибытію, ожидая оного уже за нѣсколько дней. Бывшій бургмейстеръ Тикочина Отто, прежде прибытія російскихъ войскъ, выѣхалъ изъ города подъ видомъ земскаго порученія. Старшимъ по немъ въ городѣ секретарь полиціи Шипко и заступающій его мѣсто при обыкновенномъ теченіи дѣлъ остался на мѣстѣ; онъ исправляетъ теперь должность начальника города, подъ главнымъ надзоромъ оставленнаго мною для безоруженія оного временнымъ комендантомъ командира 1-го баталіона 3-го морскаго полка, подполковника Шлодгауера, которому предписано выступить изъ Тикочина на присоединеніе къ корпусу. 26-го числа назначенный комендантомъ въ Тикочинѣ, послѣ воспослѣдованія мятежа, отставной польской службы капитанъ Кершновскій также выѣхалъ изъ города прежде вступленія російскихъ войскъ; впрочемъ, по свѣдѣніямъ, отобраннымъ о немъ, овъ не выполнялъ умовъ, а только наблюдалъ за порядкомъ. Нѣсколько такъ называемыхъ академикомъ приѣзжали въ разныя времена въ Тикочинъ, но не имѣли никакого вліянія на жителей, которые вообще кажутся вовсе непреданными образу мысли возмутителей.

Вѣранный мнѣ корпусъ перейдетъ завтра, согласно назначенію, къ Рудкамъ, а авангардъ къ сел. Верянки, имѣя передовые посты у с. Плева.

XVIII.

Разортъ командира 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генер. отъ кавал. гр. Витта.

25-го января 1831 г.

Сего числа, въ 5-мъ часу утра, главныя силы вѣрннаго мнѣ корпуса перешли границу при мѣстечкѣ Цехановцѣ. Жители мѣстечка Новоцехановца, находящагося въ Царствѣ Польскомъ, сначала не хотѣли пропускать войскъ чрезъ мостъ; но по нѣкоторымъ переговорамъ отворили сами ворота. Тотчасъ по приходѣ войскъ жители принесли, по требованію моему, находящіяся у нихъ оружія; а равномерно возстановлены гербы и все управленіе учреждено во имя его императорскаго величества. По несовершенной благонадежности нынѣшняго начальства мѣстечка, я предписалъ принять въ ономъ команду контролеру при тамошней таможнѣ Кузминскому, который,

по. полученнымъ уже въ Русскомъ Цехановцѣ свѣдѣніямъ, есть человекъ благонамѣренный и честный.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи, жители вездѣ принимали съ большою радостію и усердіемъ, говоря, что ихъ избавляютъ отъ совершеннаго произвола ихъ вышшняго управленія, и вездѣ приносили къ войскамъ имѣющіяся у нихъ выки и прочія оружія. Корпусная моя квартира расположилась въ Нурѣ, гдѣ съ радостію былъ принимаемъ довольно стѣсненный постой.

Войскъ польскихъ, по ихъ показанію, у нихъ никогда не стояло и только изрѣдка приходили патрули отъ 3-хъ до 4-хъ человекъ, которые старались узнавать о расположеніи русскихъ войскъ. О расположеніи непріятели они говорятъ, что вблизи войскъ не находится, что есть нѣкоторая часть въ Соколахъ и Ветровѣ; но болѣе войскъ въ Седлецахъ, гдѣ есть и генераль.

Посылаемый отъ меня еврей въ Варшаву возвратился и привезъ извѣстіе, что польскія войска, болѣе пѣхота, расположены около Пултуска, Сieroка, Выше-Слава и Ядова; но сіи свѣдѣнія онъ получилъ уже нѣсколько дней назадъ.

Сегодня аванпостными корпуса перехвачены шляхта съ совершенно незначительными письмами къ разнымъ и вновь введенною кокардою у поляковъ, которую при семъ имѣю счастье представить. Сей шляхта выѣхалъ изъ Варшавы вчерашняго числа, видѣлъ въ самомъ Ядовѣ пѣхоту и его показанія подтверждаютъ извѣстія, полученные отъ еврея; равномерно онъ говоритъ, что значительная часть новобранныхъ солдатъ находится въ Минскѣ.

Здѣшніе жители говорятъ, что въ Венгровѣ есть полкъ кавалеріи, въ Соколовѣ еще менѣе; но гораздо болѣе въ Седлецѣ, гдѣ находится и генераль.

Вообще изъ всѣхъ извѣстій можно заключить, что главныя силы польской пѣхоты находятся въ двухъ пунктахъ, первое между Пултускомъ, Сieroкомъ, Выше-Славомъ и Ядовымъ и второе между Минскомъ, Калушинимъ и Седлецомъ; а между ними находится кавалерія, которая производитъ свои движенія по мѣрѣ надобности.

По симъ собраннымъ свѣдѣніямъ, я считаю болѣе выгоднымъ слѣдовать доставленной ко мнѣ отъ вашего сіятельства диспозиціи и перейти завтрашняго числа въ Стердынѣ. Въ случаѣ же полученія достовѣренныхъ свѣдѣній о сосредоточеніи непріятельскихъ силъ противъ нашего праваго фланга, не премину исполнить повелѣнія вашего сіятельства отъ 24-го числа сего мѣсяца за № 388.

Еще имѣю честь прибавить, что жители Нура встрѣтили насъ съ бѣлымъ флагомъ и хлѣбомъ съ солью и говорили, что по прочтеніи прокламаціи они совершенно успокоились.

Въ 10 часовъ вечера. Сейчасъ получено донесеніе отъ командира 50-го егерскаго полка, что бывшій въ развѣздѣ кирасиръ замѣтилъ на лѣвой сторонѣ Буга трехъ человекъ, похожихъ на кавалерійскихъ солдатъ, которые тотчасъ скрылись, и посланною патрулью ничего неотыскано. Вѣроятно это одинъ изъ обыкновенныхъ развѣдочъ, производимыхъ мятежниками и прежде, по два и по три человека, для полученія извѣстій о нашихъ войскахъ.

Въ 11 часовъ вечера. Сейчасъ получилъ я донесеніе отъ начальника авангарда вѣреннаго мѣ корпуса, генераль-маіора барона Сакена, изъ лагеря при Стердынѣ отъ 25-го числа. Онъ равномерно вездѣ былъ принятъ жителями весьма радушно; російской гербъ въ мѣстахъ его прохода вездѣ установленъ и бѣлыя кокарды уничтожены. При самомъ переходѣ чрезъ границу въ с. Кржеменѣ генераль Сакенъ узналъ, что польскіе развѣдочы, посылаемые изъ Венгрова и Соколова, пересѣкаютъ безпрестанно край себѣ по разнымъ направленіямъ. Всѣ селенія учреждено, по возможности, обхватывать внезапно до разсвѣта, и сіе имѣло послѣдствіемъ, что въ Дзербжахъ посланнымъ туда взводомъ съ адъютантомъ ротмистромъ Бертрамомъ захвачены: часовой земскаго войска и одинъ уланъ 3 полка; а генераль-маіоромъ Бердяевымъ взятъ въ плѣнъ тогожъ полка поручикъ Яблышевскій; всѣ трое вооруженными. Отъ нихъ узнано, что 3-й уланской полкъ расположенъ въ Венгровѣ и малые отряды въ Медана и Соколовѣ. Кромѣ сего генераль Сакенъ извѣстился, что значительная часть войскъ находится въ Седлецѣ; большая же часть силъ въ Калушинѣ и близъ Варшавы. Въ жителяхъ не замѣчено ни малѣйшаго энтузіазма къ ихъ неправому дѣлу, беспорядки и отяготительныя требованія временнаго правительства охладили сіе чувство и въ тѣхъ, которые при началѣ мятежа могли бѣ иное имѣть, напротивъ того они съ полною готовностію исполняютъ всѣ требованія. Экономъ помѣщика Кобылянскаго въ Лазовѣ объявилъ генералу Сакену, что имѣетъ приказаніе отъ своего господина, живущаго около Венгрова, исполнять всѣ требованія російскихъ войскъ; а управитель имѣнія Іосифа Краснянскаго просилъ дозволенія выдать порціи водки нижнимъ чинамъ; авангардомъ въ краю замѣчены значительные запасы продовольствія, хотя впрочемъ не въ большомъ избыткѣ вымоченнаго хлѣба.

Генераль Сакенъ, согласно данному ему приказанія, отправилъ сего числа одинъ дивизионъ Елисаветградскаго уланскаго полка подъ начальствомъ ротмистра Мельникова къ Дрогичину чрезъ Дзербжи и Гродекъ; о послѣдствіяхъ сего развѣда еще донесенія не имѣется.

По полученіи сего донесенія отъ генерала Сакена, я сего жъ числа послалъ къ нему предписаніе сдѣлать усиленную рекогносцировку

на Венгровъ и буде тамъ болѣе одного полка кавалеріи не окажется, то на оный напасть и разбить, предоставивъ въ его жѣ распоряженіе, въ случаѣ надобности, одинъ изъ полковъ 1-й бригады 3-й уланской дивизіи, которые сего числа должны прибыть въ Косовъ.

Завтрашняго числа дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Бутковъ отправляется съ однимъ дивизиономъ Новорхангельскаго уланскаго полка изъ Чинова въ Брокъ и оттуда возвращается въ Косовъ. Ему дана инструкція собрать самыя полныя свѣдѣнія; о послѣдствіяхъ сей экспедиціи буду имѣть счастье донести.

Въ Нурѣ бурмистръ Бѣлинскій, прежде служившій офицеромъ въ польскихъ войскахъ и бывшій въ 1812 году въ плѣну въ Россіи, человекъ совершенно благонадежный, расторопный и усердный офицеръ. взятый въ плѣнъ, при семъ съ рапортомъ представляется.

XIX.

Рапортъ гр. Витта—гр. Томо.

26-го января 1831 г.

Сейчасъ получено мною донесеніе отъ генераль-маіора Сакена, что дивизионъ, посланный къ Дрогичину, возвратился и командующій онымъ ротмистръ Мельниковъ ему донесъ, что дошелъ до Скрысена; онъ отправилъ одинъ заводъ къ Дрогичину и полуэскадронъ къ Соколову, которые нигдѣ не встрѣтили мятежниковъ. Въ Дрогичинѣ начальникъ казачьихъ постовъ донесъ, что онъ выставилъ уже свои аванпосты за 10 верстъ предъ Дрогичинимъ по Соколовской дорогѣ, и что съ переходомъ нашихъ войскъ за границу разбѣды его схватили шесть польскихъ офицеровъ, разбѣжавшихъ въ краю по разнымъ надобностямъ.

Отправленная къ Венгрову партія узнала, что въ Венгровѣ расположенъ 3-й уланскій полкъ и часть пѣхоты, что главныя непріятельскія силы сосредоточиваются при Калушинѣ и также находится значительный отрядъ въ Ливѣ.

Также генераль Сакенъ доноситъ, что онъ выступаетъ для совершенія предписанной экспедиціи къ Венгрову, о которой я имѣлъ честь донести господину главнокомандующему вчерашняго числа.

По полученнымъ же сейчасъ извѣстіямъ отъ здѣшнихъ жителей, бывшихъ вчерашняго числа въ двухъ миляхъ отъ Остроленки, всѣ войска польскія, безъ исключенія, получили повелѣніе сосредоточиться къ Варшавѣ, о чемъ вашему сіятельству имѣю честь донести.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 ГГ.

РАЗСКАЗЪ МОХНАЦКАГО ¹⁾.

I.

Ночь 17 (29) ноября 1830 г.

Ночь 17 (29) ноября. — Пожаръ на Сольцѣ. — Ошибка Высоцкаго. — Тревога въ Лазенкахъ. — Набѣякъ. — Вооруженіе подпрапорщиковъ. — Нападеніе на Бельведеръ. — Любовидскій. — Въ покояхъ княгини Ловичъ. — Отрядъ народной мести. — Жандръ. — Высоцкій. — Нападеніе на казармы кавалерійскихъ полковъ. — Въ казармахъ уланскаго полка. — Стычка съ кирасирами. — Въ Радзивилловскихъ казармахъ. — „Стась“. — Краковское предмѣстье. — Трембицкій. — Гауке. — Новицкій. — Смерть Трембицкаго. — Недостатокъ единодушія. — Конные егеря.

Подъ вечеръ 17 (29) ноября 1830 года, когда близился условленный часъ, заговорщики, изъ статскихъ чиновъ и изъ другихъ лицъ гражданскаго званія состоявшіе, т. е. непринadle-

¹⁾ Въ числѣ многихъ матеріаловъ въ исторіи Польскаго возстанія 1830—1831 гг., появившихся на страницахъ „Русской Старины“—конечно наидрагоценнѣйшіе—переписка о немъ императора Николая Павловича съ гр. И. И. Дибичемъ. Переписка эта еще далеко не окончена изданіемъ въ нашемъ журналѣ и, продолжая ее, необходимо для всесторонняго освѣщенія польской смуты 1830—1831 гг. привести свидѣтельство и враговъ нашихъ въ ту эпоху,—польской справы. Наиболее сдержаннымъ, наиболее безпристрастнымъ (конечно, лишь говоря относительно), является разсказъ Мохнацкаго. Трудъ его извѣстенъ русскимъ читателямъ по извлеченіямъ, болѣе или менѣе обширнымъ, появившимся въ монографіяхъ о 1830—1831 гг.

„Русская Старина“ печатаетъ разсказъ Мохнацкаго въ старинномъ переводѣ на русскій языкъ,—переводѣ, исполненномъ отличнѣмъ, нимѣ уже покойнѣмъ, знатокомъ польскаго языка.

Нѣкоторыя, болѣе важныя, ошибки Мохнацкаго исправлены въ примѣчаніяхъ переводчика, другія же и вообще общій тонъ его разсказа совершенно ослабляются для читателя „Русской Старины“, если онъ вспомнитъ интересныя и обширныя разказы о тѣхъ же событіяхъ Д. В. Давыдова, П. А. Козакова, А. П. Петрова и другихъ русскихъ людей, каковыя разказы явились въ нашемъ же изданіи „Русская Старина“.

Ред.

жавшіе къ военному заговору, коимъ поручено было начать дѣйствія нападеніемъ на Бельведеръ, шли по двое и по трое, разными дорогами къ Лазенковской рошѣ; одни съ пистолетами, скрытыми подъ одеждою, другіе безъ пистолетовъ, — всѣ въ надеждѣ получить ружья въ школѣ подпрапорщиковъ пѣхотныхъ полковъ. Небо было цѣлый день пасмурно, такъ что сумерки и ночь слились незамѣтно въ одинъ и тотъ же моментъ. Симъ мужественнымъ юношамъ назначено было сойтись въ Лазенкахъ, по правую и лѣвую сторону монумента Собѣскаго, за полчаса до урочнаго времени. Ихъ всего должно было собраться до 40 человекъ; но по разнымъ обстоятельствамъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, число ихъ уменьшилось слишкомъ на половину. Отряды войска, составлявшіе гарнизонъ обширной столицы Польши, расположены были въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Сигналомъ, въ общему и одновременному дѣйствию, долженъ былъ служить пожаръ пивоварни на улицѣ Солѣць, о чемъ всѣ предварены были наканунѣ. За появленіемъ этого сигнала на Солѣць, т. е. въ южной сторонѣ города, слѣдовало по плану заговорщиковъ, зажечь въ противоположной сторонѣ два деревянные дома въ недалекомъ разстояніи отъ казармъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, на улицѣ Ново-Липье. По симъ двумъ сигналамъ должны были отряды польскаго гарнизона двинуться со всѣхъ пунктовъ: изъ казармъ Александровскихъ, Сапѣжинскихъ, Николаевскихъ и Ординавскихъ, изъ квартиръ своихъ въ городѣ, и съ главныхъ караульныхъ постовъ. Двинувшись разомъ, они могли легко, въ одинъ мигъ, напасть на неприготовленнаго непріятеля, обезоружить и забрать его въ плѣнъ въ самыхъ его казармахъ и въ другихъ мѣстахъ, а потомъ занять назначенные заговорщиками пункты. Таковъ былъ планъ дѣйствій этой ночи — планъ хорошо обдуманый, разотченный, и, судя по превосходству нашихъ силъ, удобный къ исполненію. Но злобный рокъ, издѣвающійся надъ людскою прозорливостію, чуть было не разрушилъ всего въ самомъ началѣ. Лазенковскіе ли часы шли впередъ противъ городскихъ, или дѣя подпрапорщика, посланные на Солѣць для зажженія пивоварни, слишкомъ торопливо хотѣли исполнить свое порученіе, — довольно того, что сигналъ къ общему дѣйствию данъ былъ и преждевременно, и дурно. Огонь на Солѣць сверкнулъ въ половинѣ 6-го

и погасъ въ 6 часовъ ¹⁾). Пивоварня, зданіе старое и полусогнившее, долго не загоралось. Высоцкій поздно, не прежде 28-го ноября, потребовалъ горючихъ матеріаловъ отъ артиллерійскаго поручика Карла Штольца, бывшаго адъютантомъ при арсенальномъ управленіи. Онъ потребовалъ матеріаловъ только 28-го ноября, въ воскресенье, когда мастерская была заперта; между тѣмъ, какъ самъ обѣщалъ предупредить Штольца за нѣсколько дней до возстанія. За неимѣніемъ горючихъ матеріаловъ, которыми можно бы было облегчить предпріятіе и обезпечить успѣхъ, принуждены были оба подпрапорщика употребить солому. Огонь разгорѣлся съ большимъ трудомъ и показался прежде, нежели успѣли собраться въ Лазенкахъ тѣ заговорщики, которымъ назначено было напасть на Бельведеръ. Это натурально привело ихъ въ замѣшательство и подало поводъ къ разнымъ толкамъ. Набѣлякъ спѣшилъ тогда, вмѣстѣ съ Гоцинскимъ, отъ ведущей въ Бельведеръ аллеи къ сборному мѣсту академиковъ. Они удвоили шаги, замѣтивъ тотъ ранній огонь, но, по прибытіи въ Лазенки, застаютъ не болѣе десяти человекъ своихъ товарищей. Въ ту же минуту ударили въ русскихъ кавалерійскихъ казармахъ пожарную тревогу, и, въ мгновеніе ока, все въ окрестности пришло въ движеніе. Посылочные, военные и пѣшіе, пробѣгали рощу во всѣхъ направленіяхъ, отъ Бельведера къ казармамъ, отъ казармъ къ Бельведеру. Засвервало множество огней между деревьями, зазвонили на гауптвахтахъ и караулы начали выступать. Цесаревичъ, ѣздившій обыкновенно на пожаръ и днемъ, и ночью, могъ и теперь выскочить изъ Бельведера. Изъ числа прибывшихъ, человекъ 20-ти академиковъ, не осталось среди того смятенія и десяти. Наконецъ и эти разсыпались въ разные стороны, чтобы не попасть въ руки солдатамъ и полицейскимъ. Слишкомъ полчаса продолжалась въ Лазенкахъ эта тревога.

Ранній и слабый пожаръ пивоварни былъ потушенъ безъ труда. Это происшествіе, само по себѣ мелочное, ставитъ заговоръ въ самое ерутное положеніе и производитъ всѣ дурныя послѣдствія, какія обыкновенно неразлучны съ разновременностію

¹⁾ Пожаръ былъ тотчасъ потушенъ. Его едва замѣтили въ ближайшихъ улицахъ, а въ самомъ городѣ почти не знали о немъ. Улица Солѣвъ составляетъ предмѣстье Варшавы съ южной стороны. Прим. перев.

дѣйствія на столь обширномъ театрѣ. Съ той минуты идетъ все тяжело: заговорщики, бывшіе въ южной части города около Бельведера и гвардейскихъ казармъ кавалерійскихъ, не могли подать о себѣ вѣсти заговорщикамъ, разсыпаннымъ на столькихъ пунктахъ столицы;—а эти, не видя сигнала съ южной стороны, полагали, что тамъ ничего еще не начато. Утрачено отъ сего много времени по прошествіи условеннаго часа,—и такимъ образомъ одно ничтожное обстоятельство, происшедшее отъ разсѣянности Высоцкаго, вредитъ всему дѣлу и подвергаетъ опасности судьбу возстанія.

Но вскорѣ утихло все въ Лазенкахъ. Разсыпавшійся отрядъ началъ собираться. Заговорщики, выходя изъ-за деревьевъ, овиваются другъ съ другомъ;—но что начать, пробудивъ чувствъ непріятели, что начать въ столь маломъ числѣ,—не знаютъ. По короткомъ совѣщаніи между собою, рѣшили они тѣмъ, чтобы Набѣлякъ пошелъ провѣдать, что дѣлается въ школѣ подпрапорщиковъ—шагахъ въ 200 отъ моста Собѣскаго. Набѣлякъ отправился туда, но возвратился ни съ чѣмъ. Высоцкій былъ еще въ городѣ, не воротидись и тѣ два подпрапорщика, которымъ поручено было зажечь пивоварню на Сольцѣ. Школа находилась въ такомъ же смятеніи, какъ и отрядъ, которому слѣдовало напасть на Бельведеръ; больше всего боялись подпрапорщики, чтобы не поймали зажигателей. Тутъ наступила другая пауза, длинная какъ вѣкъ—пауза бездѣйствія и ожиданія, среди ускореннаго обращенія крови. Проходилъ уже цѣлый часъ за срокъ, назначенный для начатія дѣйствій. Неудача въ сигналѣ, который могъ поднять весь городъ и обезпечить подпрапорщиковъ на счетъ помощи оттуда, отнимала бодрость, особливо у молодыхъ академиковъ, довольно отважныхъ, чтобы броситься въ первомъ пылу на самыя большія опасности, но при холодномъ размышленіи (въ чему у нихъ было довольно времени) уже начинавшихъ измѣрять бездонную пропасть, отверзавшуюся предъ ними. Эта проволочка, дѣйствовавшая сильно на живое, юное воображеніе, была мучительна. Набѣлякъ и Гоцинскій идутъ опять въ школу подпрапорщиковъ—и опять напрасно: нѣтъ ни отсюда никакой вѣсти. Уже возвращаясь изъ школы, встрѣчаются они съ Шлегелемъ, Добровольскимъ, Пашкевичемъ и Роттермундомъ. Высоцкій съ первыми двумя тотчасъ побѣжалъ въ школѣ;

Пашкевичъ и Роттермундъ предпочли присоединиться къ отряду, шедшему въ Бельведеръ на цесаревича. Съ этой минуты всѣ оживились новымъ духомъ. Вынесли ружья русскихъ подпрапорщиковъ, которые показывали видъ, будто ничего не замѣчаютъ ¹⁾. Между тѣмъ какъ школа вооружилась, Набѣляевъ и Гоцинскій заряжали ружья и считали свои силы; ихъ было всего восемнадцать человекъ съ Пашкевичемъ, Роттермундомъ и съ двумя подпрапорщиками Тршасковскимъ и Кобылинскимъ, которые, зная хорошо внутренность Бельведера, могли служить проводниками отряду. Они раздѣлились на двѣ равныя части. Одна, подъ командою Тршасковского, отправилась вверхъ по дорогѣ въ Мокотовской заставѣ, чтобы вторгнуться въ Бельведеръ спереди, въ главные ворота. Отрядъ этотъ состоялъ изъ самыхъ крѣпкихъ, сильныхъ ребятъ; нравственныя же силы были у всѣхъ одинаковы. Другая часть, подъ начальствомъ Кобылинскаго, двинулась къ Бельведерскому саду, для дѣйствія въ тылъ дворца, на случай, если птичка, какъ выражались заговорщики, вылетѣла бы въ садъ ²⁾.

Отрядъ, пошедшій въ главнымъ воротамъ дворца, приблизясь къ нимъ, удвоилъ шаги и въ мигъ, съ пронзительнымъ крикомъ: „смерть тирану!“ влетѣлъ на дворъ. Нѣсколько лицъ, случившихся на дворѣ, тотчасъ скрылись и успѣли запереть за собою двери, ведущія въ корпусъ дворца. Одинъ изъ отряда ударилъ въ тѣ двери ружейнымъ прикладомъ и съ помощію товарищей высадилъ ихъ изъ петель. Побили стекла въ сѣняхъ, при безпрестанномъ крикѣ: „смерть тирану!“ Въ это самое время напала школа подпрапорщиковъ на уланскія казармы, и ея пальба слышна была въ Бельведерѣ, что на людей великаго князя наво-

¹⁾ Не всѣ, а только нѣкоторые, опредѣлившіеся въ наши поля изъ жителей Царства. Многие изъ русскихъ подпрапорщиковъ нашли способъ бѣжать въ ту же минуту изъ школы, и донесли своему начальству о мятежническихъ замыслахъ своихъ товарищей.

Прим. перев.

²⁾ Въ первомъ отрядѣ находились: Константинъ Тршасковскій, Людвигъ Набѣляевъ, Северинъ Гоцинскій, Зенонъ Нѣмоіовскій, Рохъ и Никодимъ Рупніевскіе, Людвигъ Орпшевскій, Людвигъ Янковскій и Валентинъ Наубровскій. Во второмъ, со стороны сада: Карлъ Кобылинскій, Карлъ Пашкевичъ, Станиславъ Понянский, Эдуардъ Трищинскій, Эдуардъ Роттермундъ, Александръ Свѣтославскій, Валентинъ Красновскій, Леонардъ Реттель и Антонъ Косинскій.

Прим. перев.

дило еще большій ужасъ, а нападателямъ придавало бодрости. Черезъ окна и двери ворвались въ главный корпусъ ¹⁾). Вездѣ глухое молчаніе! Никакого отпора — тихо въ цѣломъ дворцѣ! Бѣгутъ вверхъ, отпираютъ, или точнѣе высаживаютъ двери за дверями, идутъ изъ комнаты въ комнату — нѣтъ живой души! Поднимаютъ страшный крикъ; ворочаютъ все вверхъ дномъ—но великаго князя нѣтъ нигдѣ! Въ комнатѣ предъ приемной залой стоитъ высокій мужчина, притаясь за полуотворенными дверями; онъ хотѣлъ, казалось, ускользнуть отъ неминуемой гибели. Узнаанный и пораженный нѣсколькими штыками, онъ падаетъ на полъ, но не умираетъ: его коснулись руки еще неопытныя. Это былъ вице-президентъ города (оберъ-полицеймейстеръ) Любовидскій, котораго за нѣсколько минутъ прехтѣмъ привела въ Бельведеръ злая звѣзда, съ вѣрною уже вѣстью, что точно затѣваютъ революцію.

Возстаніе застало цесаревича спящаго. За первымъ внизу крикомъ, камердинеръ Кохановскій ²⁾ будитъ цесар. Константина— не даетъ ему протерѣть глазъ, стаскиваетъ насильно съ постѣли и вводитъ въ кабинетъ, откуда потаенная лѣстница вела внизъ, въ покои княгини Ловичъ. Это было сдѣлано во-время; ибо вслѣдъ затѣмъ ворвались въ кабинетъ нѣсколько заговорщиковъ. У кня-

¹⁾ Въ Бельведерскомъ дворцѣ не было никогда караула. У главныхъ вѣротъ и у особаго съ передней стороны входа стояло по одному человѣку изъ русскихъ гвардейскихъ инвалидовъ, не имѣвшихъ при себѣ иного оружія, кромѣ тесака. Заговорщики, тотчасъ по прибытіи къ дворцу, захватили обоихъ инвалидовъ и отдали ихъ на руки тѣмъ изъ своего отряда, которыхъ оставили у воротъ. Авторъ, находившійся, въ ночь 29-го ноября, въ сѣверовосточной части города, для возбужденія черни къ бунту, пишетъ, по рассказамъ другихъ, о происходившемъ въ ту ночь на прочихъ пунктахъ и поазываетъ о многомъ несогласно съ происшествіями — по крайней мѣрѣ несогласно съ тѣмъ, что обнаружено самымъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ слѣдственными комиссіями бывшаго въ Варшавѣ верховнаго уголовного суда. По показанію жившихъ во дворцѣ очевидцевъ происшествія, не было никого на дворѣ, когда вторглись заговорщики, и всѣ двери были по обыкновенію открыты. Они ворвались прямо въ корпусъ: вбѣжавъ въ снѣгъ, выстрѣлили изъ ружья, разбили висѣвшую въ снѣгахъ лампу, а въ смежной лакейской комнатѣ разбили зеркало. Здѣсь одинъ изъ нихъ, Валентинъ Витковскій, бывавшій прежде во дворцѣ у камердинера великаго князя Кохановскаго и знавшій потому расположеніе внутреннихъ комнатъ, закричалъ своимъ товарищамъ: „Господа, наверхъ, наверхъ!“—и тотчасъ кинулся всѣмъ на лѣстницу, ведущую въ первый этажъ.

²⁾ Не Кохановскій, а другой камердинеръ—Фризе.

Прим. перев.

Прим. перев.

гнии Ловичъ происходила живописная сцена ¹⁾

Отрядъ народной мести, обшаривъ весь верхній и нижній этажъ, кромѣ покоевъ княгини Ловичъ, улетѣлъ изъ дворца, какъ влетѣлъ туда—порывомъ вихря; но прежде, на дворѣ оставилъ еще одну жертву, въ память своего посѣщенія. „Нехорошій человѣкъ“ — какъ называлъ его (??) самъ великій князь — неразлучный товарищъ, конюшій, первый факторъ цесаревича, генералъ Жандръ, спѣша въ конюшню, попалъ въ руки заговорщиковъ. Онъ кричалъ изо всей мочи: „*Je suis général du jour!*“ — но это не помогло: ему нанесли штыкомъ въ грудь глубокую смертельную рану ²⁾.

Весь поискъ продолжался не болѣе десяти минутъ. Юноши ³⁾, обагривъ покой цесаревича кровью, поворотили, при выходѣ изъ Бельведера, вправо и чрезъ Ботанической садъ устремились скорымъ шагомъ къ мосту Собѣскаго. Здѣсь соединился весь бельведерскій отрядъ съ школою подвѣрапорщиковъ; ибо и другая часть, которой нечего было дѣлать въ бельведерскомъ саду, отступила въ эту же сторону, положивъ на мѣстѣ одного изъ бывшихъ въ саду часовыхъ, бѣжавшаго во дворецъ съ извѣстіемъ о

¹⁾ Не вползъ и не въ покой княгини Ловичъ провелъ государя цесаревича камердинеръ Фризе, но въ дальніе, находящіеся вверху, возлѣ комнатъ, въ коняхъ помѣщались нѣкоторые изъ придворныхъ служителей. Тамъ оставался цесаревичъ до самаго ухода изъ Бельведерскаго дворца — и такимъ образомъ не было въ покояхъ княгини Ловичъ той сцены, которую опиываетъ сочинитель.

Прим. перев.

²⁾ Въ комнатѣ цесаревича дали заговорщикамъ нѣсколько ранъ штыкомъ гардеробному помощнику Сястуну, а на дворѣ штыкомъ же прокололи придворнаго лакея Курочьяна, который отъ этой раны умеръ въ четвертый день.

Прим. перев.

³⁾ Слѣдуетъ добавить: злодѣи и притомъ измѣнники добровольно дапной ими присягѣ на вѣрность службѣ государю и отечеству. Перевод.

прибытіи нежданныхъ гостей ¹⁾). Едва успѣли Набѣлякъ и его товарищи отойти шаговъ на двѣсти отъ дворца, какъ сильный конскій топотъ на дорогѣ отъ Лазенокъ къ Бельведеру удосто-вѣрилъ ихъ, сколь счастливо и почти чудесно избѣжали они величайшей опасности; ибо въ то самое время прискакалъ подъ Бельведерь эскадронъ кирасиръ, разбитыхъ (?!) подпрапорщиками, и окружилъ и спереди, и сбоку дворецъ отъ Ботаническаго сада. Еще нѣсколько минутъ—и никто изъ ворвавшихся во дворецъ главными воротами не вышелъ бы живой.

Въ то время, когда революція, въ первомъ движеніи своемъ, вторглась въ Бельведерь и подняла съ постели цесаревича, вели подпрапорщивъ кровавый, упорнѣйшій бой съ превосходными силами непріятеля. Высоцкій, какъ сказано выше, вбѣжавъ въ школу, прервалъ лекцію, которую обыкновенно преподавали въ эту пору, и, обнаживъ шпагу, закричалъ громкимъ голосомъ: „Поляки, ударилъ часъ мщенія! сегодня мы должны побѣдить или умереть:—встрѣтимъ же грудью враговъ нашихъ—да будетъ она Термопилами для нихъ!“ Въ залѣ раздался крикъ: „къ ружью, къ ружью!“ Неустрашимые юноши разобрали боевые патроны, принесенные Шлегелемъ, зарядили ружья и скорѣе, чѣмъ можно бы было это описать, построились внизу въ боевой порядокъ. Ихъ было всего съ небольшимъ 160 человекъ ²⁾, каждый изъ нихъ зналъ бригадную и дивизионную команду какъ генераль, а держалъ ружье какъ рядовой. Ловче застрѣльщиковъ и мѣтче стрѣлковъ не было конечно ни въ какомъ войскѣ. Они шли выплачивать русскимъ за долги уроки на Саксонской площади! Въ челѣ этой колонны ученыхъ бойцевъ шелъ Высоцкій, прямо къ казармамъ трехъ непріятельскихъ кавалерійскихъ полковъ. Казармы эти, защищаемы пѣхотою, могли быть не долимою крѣпостью; но для конницы, хотя-бъ и

¹⁾ Въ саду не убили никого. Бывшая тамъ шайка мятежниковъ, просто лавъ нѣсколько минутъ, бѣжала еще прежде той, которая ворвалась спереди въ бельведерскій дворецъ. Примѣч. перев.

²⁾ Состояло въ школѣ всего 247 человекъ,—а 162 вышли съ Высоцкимъ: изъ остальныхъ 85-ти были одни въ отсутствіи, другіе успѣли уйти изъ школы и явились въ Бельведерь къ цесаревичу. Прим. перев.

нѣсколько тысячной, атакванной только однимъ баталіономъ пѣхоты, были они позиціею невыгодною и опасною. Внутри было нѣсколько десятковъ продолговатыхъ конюшенъ, а между этими конюшнями въ промежуткахъ множество домиковъ, въ которыхъ помѣщались солдаты. Красныя крыши, перила, флюгера вокругъ конюшенъ и прямая, длинная между конюшнями улицы давали этимъ строеніямъ видъ особаго строенія, предмѣстья, примыкающаго къ Сольцу. Въ серединѣ между строеніями было нѣсколько площадей, усыпанныхъ пескомъ и такъ просторныхъ, что два и даже три эскадрона могли разомъ маневрировать. Все пространство обведено было широкимъ и глубокимъ рвомъ, водою наполненнымъ, котораго лошадь не перескочитъ. Сверхъ того отдѣлялись казармы одного полка отъ казармъ другаго особыми небольшими рвами, на которыхъ было нѣсколько деревянныхъ мостовъ. Подходя къ уланскимъ казармамъ, выстрѣлили нѣсколько разъ на воздухъ, для произведенія большаго смятенія въ русскихъ полкахъ и чтобы своимъ карабиннымъ ротамъ, которымъ, по плану заговора, слѣдовало прибыть изъ города, подать сигналъ, что бой уже начался. Эта пальба-то и была слышна во время нападенія на Бельведерь!—Подпрапорщики, вслѣдъ за первыми выстрѣлами въ часовыхъ, ворвались въ середину казармъ лейбъ-уланскаго полка, гдѣ застали уже готовыхъ, на коняхъ, до трехъ сотъ человекъ ¹⁾. Они, не медля ни минуты, подошли къ уланамъ на полуружейный выстрѣлъ и съ этого разстоянія, въ которомъ каждый сѣдовъ и каждая лошадь служатъ мишенью, тотчасъ сбили непріятельскій отрядъ. Уланы опять построились мигомъ и тронулись на рысяхъ впередъ. Тогда подпрапорщики, открывъ огонь еще въ ближайшемъ разстояніи, свалили нѣсколько человекъ съ коней. Остальные побѣжали въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, который дошелъ до высочайшей степени у переправы черезъ мосты, гдѣ они всѣ стѣснились и гдѣ пули осыпали ихъ градомъ. Ночь была темная. Русскимъ казалось, что напали на нихъ тысячи двѣ пѣхоты. Тревога, замѣшательство были такъ велики, что если бы въ это время зашли спереди отъ города

¹⁾ Этого не было и не могло быть, такъ какъ лейбъ-уланскій полкъ не могъ ни откуда получить свѣдѣнія о поднятіи шляхою бунта—и въ казармы уланскія вбѣжала шляха въ мнѣ по выходѣ изъ своихъ казармъ, которыя отъ уланскихъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Прим. перев.

хотя двѣ роты ожидаемыхъ егерей, то легко бы можно было обезоружить всю эту кавалерію и забрать ее въ плѣнъ. Съ одною же школою, безъ всякаго изъ города подрѣшенія, нельзя было Высоцкому предпринять ничего рѣшительнаго. Его положеніе не позволяло ему даже преслѣдовать уланы: у него были въ тылу другіе два полка русской гвардейской кавалеріи, кирасирскій і гусарскій, которыхъ казармы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ уланскихъ. Сіи полки, имѣвъ довольно времени сѣсть на коней и выйти въ боевомъ порядкѣ, могли легко окружить школу и отрѣзать ее отъ города. Такое положеніе дѣла, а отчасти недостатокъ боевыхъ патроновъ заставили подпрапорщиковъ выступить изъ захваченныхъ ими пустыхъ уланскихъ казармъ ¹⁾.

Сей первый подвигъ (!?) необычнаго мужества поразилъ, а потомъ удивилъ непріятеля, когда онъ убѣдился, что горсть молдежи выбросила его изъ казармъ. Высоцкій взялъ позицію за мостомъ Собѣскаго. Онъ здѣсь рѣшился ожидать братской помощи, здѣсь прислушиваться, скоро-ли изъ-за пригорка подъ Развилковскими казармами загремятъ четыре орудія поручика Нѣтокоца, которымъ надлежало прибыть туда по плану заговора. Для развѣданія объ этихъ орудіяхъ, да о карабинныхъ ротахъ, посылаетъ онъ подпрапорщика Камилла Мохнацкаго, приказывая ему поторопить Нѣтокоца, если бы встрѣтилъ его. Но Мохнацкій воротился чрезъ нѣсколько минутъ, и принесъ только ту вѣсть, что вмѣсто польской пѣхоты, онъ встрѣтилъ кирасирь, которые со всѣхъ сторонъ окружаютъ подпрапорщиковъ, для отрѣзанія имъ дороги въ городъ. Высоцкій, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, самъ убѣдился въ справедливости донесенія. Надобно было еще выдержать кровавую сшибку, чтобы вывернуться изъ рукъ непріятеля.

Отъ моста Собѣскаго ведутъ въ городъ двѣ дороги: одна прямо въ гору, а оттуда, чрезъ бельведерскую аллею, къ костелу святаго Александра; другая тотчасъ отъ моста вправо, позади Уздовскаго госпиталя, къ кофейному дому, извѣстному подъ названіемъ Вѣйска ява. Кирасиры, построенные къ атакѣ, за-

¹⁾ Сшибка въ уланскихъ казармахъ продолжалась не болѣе 10-ти минутъ. Не успѣли еще осѣлать лошадей во всѣхъ эскадронахъ, когда подпрапорщики бѣгомъ отретировались къ мосту Собѣскаго, услышавъ, что затрубили тревогу въ кирасирскихъ и гусарскихъ казармахъ. Прим. перев.

нимали объ эти дороги. Высоцкій приказываетъ ударить въ штыки на отрядъ, стоявшій на дорогѣ, которая ведетъ къ бельведерской аллеѣ, а самъ, съ нѣсколькими подпрапорщиками, бросается вправо на другой, занимавшій боковую дорогу, ведущую къ Вѣйской кавѣ ¹⁾. Бой кончился мигомъ; подпрапорщики, рассыпаясь и собираясь по застрѣльщицѣ, нападая и отступая, по мѣрѣ того какъ позволяла мѣстность,—стрѣляя изъ рововъ, изъ-за деревьевъ, спереди и съ боку, разогнали кирасирь, — и потомъ, собравшись, пошли по дорогѣ, лежащей за Уяздовскимъ госпиталемъ ²⁾. Часть разбитой (!) конницы поскакала къ Бельведеру въ то самое время, когда выходили оттуда заговорщики; другая же часть безповоила подпрапорщиковъ съ тылу; но школа, имѣя предъ собою открытый путь, подвигалась впередъ, отражая безпрестанно атаки кавалеріи ³⁾. Подходя къ Вѣйской кавѣ, наша молодежь увидѣла предъ собою новаго непріятеля — эскадронъ гусарь, шедшій въ ту самую сторону на рысяхъ отъ бельведерской аллеи, на встрѣчу колонны Высоцкаго. Положеніе подпрапорщиковъ было самое критическое. Напираемые сзади кирасирами, угрожаемые спереди гусарами, (которыхъ весь полкъ стоялъ въ резервѣ на полѣ, позади того эскадрона), они сдѣлали полуоборотъ влѣво отъ Вѣйской кавы, достигли счастливо Радзивилловскихъ казармъ, которыя еще не были отстроены и, засѣвши тамъ въ окнахъ и дверяхъ, убили у русскихъ нѣсколько людей и лошадей. Здѣсь хотѣлъ Высоцкій задержать собою какъ можно долѣе и долѣе непріятельскую кавалерію, чтобы не дать ей ворваться въ городъ, чтб явно бы повредило начинавшейся тамъ тревогѣ и помѣшало бы заговорщикамъ занять важнѣйшіе пункты. Сверхъ того, полагалъ Высоцкій, что по крайней мѣрѣ, въ этомъ оборонитель-

¹⁾ Былъ всего одинъ эскадронъ Подольскаго кирасирскаго полка, который сѣвши изъ своихъ казармъ къ Бельведеру, по дорогѣ къ бельведерской аллеѣ; а вправо (т. е. на улицѣ Гурна, ведущей отъ моста Собѣскаго къ Вѣйской кавѣ) не было никакого русскаго войска. Подпрапорщики, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ эскадронъ кирасирь, бросились вправо чрезъ перила, протанутыя вдоль дороги, ведущей къ бельведерской аллеѣ, и рощею пробрались на лицу Гурна, которая оканчивается между Вѣйскою кавою и Радзивилловскими казармами. Прим. перев.

²⁾ Т. е. по улицѣ Гурна.

³⁾ Не кирасиры были у подпрапорщиковъ въ тылу, но небольшой отрядъ лейбъ-уданскаго полка, настигшій ихъ на улицѣ Гурна, почти у самой Вѣйской кавы. Прим. перев.

номъ положеніи, подойдутъ къ нему орудія Нѣтовоца и карабинерныя роты. Но, наконецъ, когда у всѣхъ почти подпрапорщиковъ оказался недостатокъ патроновъ, и когда у воротъ Радзивилловскихъ казармъ начала накопляться русская кавалерія, не оставалось ему иного, какъ только штыкомъ проложить себѣ путь въ городъ. „Насъ окружаютъ!“ закричали подпрапорщики. Тутъ открыли они казармныя ворота и бросились на гусаръ. Сей третій кавалерійскій отрядъ, подобно двумъ первымъ, не устоялъ противъ натиска школы ¹⁾. По входѣ въ городъ, не затрудняло уже ничто побѣдоноснаго (!) шествія подпрапорщиковъ. У востеля св. Александра встрѣчаютъ они Стася (графа Станислава) Потоцкаго ²⁾. Не зная, не подозрѣвая даже, что именно онъ, Потоцкій, былъ главнымъ виновникомъ опасностей, которыми они подверглись отъ неполученія помощи въ неравной борьбѣ со всею почти кавалеріею цесаревича — не вѣдая, что этотъ генераль содѣйствовалъ больше всѣхъ передачѣ въ руки цесаревича карабинерныхъ и гренадерскихъ ротъ, которыя, за минуту предъ тѣмъ, шли по Новому Свѣту къ Лазенкамъ и что поэтому не было челоуѣка—по крайней мѣрѣ поляка—преступниѣ Потоцкаго, они окружили его, и увѣренные, счастливые, почти гордые, что послѣ подвига, достойнаго позднѣйшей памяти, будутъ имѣть предводителемъ одного изъ товарищей Костюшка, умоляли его: „Генераль! веди насъ впередъ чрезъ городъ!“ Нѣтъ сомнѣнія, что принятіемъ предводительства надъ подпрапорщиками Потоцкій поднялъ бы въ мигъ высоко дѣло революціи. Высоцкій и Шлегель присоединяли просьбы свои къ моленіямъ подпрапорщиковъ, заклинали его торжественно именемъ отечества, памятью жестокихъ поступковъ съ нимъ Игельстрема;—но ничто не могло переломить упряма, пагубнаго (!) для Польши. По-

¹⁾ У Радзивилловскихъ казармъ былъ тотъ же кавалерійскій отрядъ, который настигъ подпрапорщиковъ на улицѣ Гурна и отъ котораго скрылись они въ эти казармы, тогда еще не отстроенныя. Командовавшій отрядомъ, получивъ тутъ повелѣніе государя цесаревича не входить съ мятежниками въ бой и избѣгать всякаго повода къ кровопролитію, отступилъ отъ поманутыхъ казармъ, чтобы команды своей не подвергать напрасно встрѣчамъ подпрапорщиковъ. Симиъ пользуясь, выбѣжали подпрапорщики въ то же мгновѣніе изъ казармъ и бросились въ городъ чрезъ Вѣйскую улицу.

Прим. перев.

²⁾ Графъ Станиславъ Потоцкій, генераль отъ инфантерій, былъ начальникомъ всей гѣхоты польскихъ войскъ.

Прим. перев.

тоцкѣй казался въ борьбѣ съ собою, размышлялъ, казалось: губить-ли далѣе народное дѣло, или кинуться въ объятія юношей, которые уважали его, которые простили бы ему все, что онъ сдѣлалъ уже противъ народа. Онъ рѣшился, вѣроятно, на первое, потому что не далъ никакого отвѣта Высоцкому и подираторщикамъ, а самъ остался на пунктѣ сообщенія между городомъ и Бельведеромъ, гдѣ цесаревичу еще не одну оказалъ услугу, пока не получилъ приказанія отъ него и, наконецъ, за эту безпорочную вѣрность—кроваваго возмездія изъ братскихъ рукъ ¹⁾.

Слѣдуя далѣе Новымъ Свѣтомъ, гдѣ жили военные русскіе офицеры и чиновники, отрядъ Высоцкаго тщетно старался вызвать народъ кликами: „къ ружью!“ — тщетно усиливался прервать молчаніе, которое царствовало еще въ этой части города. Но и дальше, на Краковскомъ предмѣстьи, не было ни народа, ни веселыхъ криковъ, ни огней, ни звука оружія, хотя всего этого слѣдовало ожидать въ первыя минуты возстающей свободы. Какъ будто ничего не случилось—какъ будто не бывать ничему,—такъ глуха, такъ разительна тихо была вся эта часть Варшавы. Городъ дремалъ! Что же могло больше тревожить и раздражать юношей? Имъ казалось тогда, что они только одни возстали,—и этому-то чувству, этой надобности пробудить столицу отъ сна, а отчасти и упорству, оказанному генераломъ Потоцкимъ при самомъ вступленіи ихъ въ городъ, должно приписать слѣды крови, кото-

¹⁾ Высоцкаго предварилъ Заливскій, что Потоцкій далъ честное слово не только присоединиться, но даже предводительствовать народнымъ дѣломъ, если бы не случилось другого начальника — и поэтому не арестовалъ Потоцкаго у Александровскаго костела, какъ бы ему то слѣдовало сдѣлать. Высоцкій думалъ, что Потоцкій еще образумится. Что зналъ Потоцкій о революціи—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но точно ли онъ общалъ предъ революціею пристать къ заговору и въ чемъ состояли его общанія—объ этомъ трудно сказать теперь что-нибудь вѣрное, ибо Заливскому вѣрить нельзя. Чтобы придать больше вѣса между заговорщиками, чтобы внушить имъ высокое понятіе о своемъ вліяніи, о своихъ знакомствахъ и связяхъ, Заливскій ручался часто за такихъ, съ которыми никогда не говорилъ и съ которыми вовсе не былъ знакомъ. Жалкой логикѣ Заливскаго, что будто бы человекъ, самъ по себѣ ничтожный, можетъ подняться въ мнѣніи другихъ, посредствомъ связей съ генералами и высшими чиновниками, должно приписать всѣ сказки его о сношеніяхъ съ Потоцкимъ, Жмиверскимъ, Круковѣцкимъ и т. п., которыя онъ между заговорщиками распускалъ изъ подтишка, а потомъ такъ безстыдно огласилъ за границею въ небольшой брошюрѣ, гдѣ нѣтъ ни одного слова правды. Прим. соч.

рыми шеола подпрапорщиковъ обозначила дальнѣйшій ходъ свой къ арсеналу. Въмѣсто колоколовъ, смерть должна была ударить шумную тревогу въ Варшавѣ. Жертва сего естественнаго (!) расположенія умовъ—генераль Трембицкій, которому цесаревичъ Константинъ Павловичъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, поручилъ надзоръ за школою, (надзоръ, въ которомъ онъ явилъ всю строгость службы), попалъ въ руки подпрапорщиковъ, ѣдущій верхомъ въ бельведерской аллеѣ¹⁾. Они знали куда онъ ѣдетъ—и онъ самъ не скрывалъ этого отъ нихъ. Но уважая въ немъ отличныя военныя способности и желая отклонить его, въ столь рѣшительную минуту, отъ замысловъ, вредныхъ (!) для Польши, они хотѣли обратиться на прямой путь, приобрести его для народа, — хотя предъ тѣмъ онъ и сурово съ ними обходился. „Генераль!“ говорили они ему, какъ Потоцкому: „веди насъ далѣ!“ Когда онъ не соглашался, то къ просьбамъ присоединили грозныя намеки, когда же, наконецъ, хотѣлъ вырваться отъ нихъ, то окружили его и повели подъ прикрытiемъ. Трембицкій души высокой, гордой, шелъ по неволѣ, онъ не щадилъ на пути ни дерзкихъ словъ, ни самыхъ угрозъ, повторялъ безпрестанно приказанiе положить оружье и сдаться на милость цесаревича, предлагая быть ходатаемъ за нихъ. Между тѣмъ у дома царскихъ намѣстниковъ выѣзжаетъ къ нимъ на встрѣчу военный министръ, графъ Гауке, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, полковникомъ Медишевскимъ. Гауке отозвался къ подпрапорщикамъ въ словахъ грубыхъ; а Медишевскій, больше вспыльчивый и больше ненавидимый, выхватилъ изъ сѣдла пистолеть и выстрѣлилъ. Оба легли на мѣстѣ. Раутенштраухъ, ѣхавшій за ними, услышалъ первый выстрѣлъ, бросился вправо по Трембецкой улицѣ—и этимъ спасъ себя. Нѣсколько шаговъ далѣе попадаетъ имъ карета. На вопросъ подпрапорщиковъ: „кто ѣдетъ?“ кучеръ отвѣчалъ: „генераль Новицкій!“ Нѣсколько пуль пробили въ мигъ карету. Этотъ несчастный генераль, съ которымъ бы не случилось ничего дурного, погибъ ошибкою: подпрапорщики ослышались. Они приняли Новицкаго за русскаго генерала Левицкаго, коменданта Варшав-

¹⁾ Трембицкій былъ захваченъ подпрапорщиками на Новомъ Свѣтѣ. У дома, принадлежавшаго обществу любителей наукъ. Онъ ѣхалъ въ Лазенки, въ школу подпрапорщиковъ, получивъ отъ полицiи извѣстiе, что на Софiѣ пожаръ.

Прим. керев.

саго. Послѣ сихъ дѣяній революціоннаго терроризма, школа, обрызганная кровью, остановилась на углу улицъ Сенаторской и Бѣланской. „Генераль!“ говорили опять подпрапорщики плѣннику своему Трембицкому, свидѣтелю тѣхъ ужасныхъ сценъ: „пристань къ дѣлу народа, кромѣ начальства надъ нами; ты видишь, что ожидаетъ измѣнниковъ“.

Трембицкій отвѣчаетъ имъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: „не приму начальства надъ вами; вы подлецы, вы убійцы“. Подпрапорщики, и послѣ этихъ словъ, возобновляютъ еще свои просьбы; кричатъ ему всѣ: „генераль! мы даемъ тебѣ время для размышленія“. Провели его чрезъ почти всю Бѣланскую улицу—и снова остановились. Здѣсь, по произнесеніи къ подпрапорщикамъ: „вы можете лишить меня жизни, но никогда не принудите нарушить присяги, данной монарху!“ палъ Трембицкій, достойный, безъ сомнѣнія, лучшей участи, человѣкъ характера столь непреклоннаго, мужества столь неустрашимаго....

Польское войско было уже тогда собрано подъ арсеналомъ. Соединилась съ нимъ и школа подпрапорщиковъ....

И такъ тревогою, безъ рѣшительныхъ послѣдствій, началось дѣло на югѣ—въ Бельведерѣ и въ казармахъ непріятельской кавалеріи. Изъ всѣхъ предназначеній заговорщиковъ, ничто, почти ничто не удалось. Константинъ, проведя минуту величайшей опасности, сѣлъ на коня, нашель отрядъ кирасиръ у своего дворца и началъ понемногу собирать въ аллеяхъ всю свою кавалерію. Въ это самое время подходили изъ Ординецкихъ казармъ, на помощь школѣ подпрапорщиковъ: двѣ карабинерныя роты 3-го егерскаго и двѣ гренадерскія 6-го пѣхотнаго полковъ—слишкомъ тысяча человѣкъ пѣхоты. Это подкрѣпленіе, особливо при помощи артиллеріи (четырехъ орудій Нѣтокоця), могло дать иной оборотъ нашему дѣлу, если бы, подоспѣвъ въ пору, ударило въ русскую кавалерію спереди отъ города, когда подпрапорщики атаковали еще съ тылу. Названныя мною роты вышли изъ своихъ казармъ нѣсколько поздно. Одни изъ офицеровъ сихъ ротъ вовсе не принадлежали къ заговору; другіе, почти наканунѣ возстанія принятые, усиливались тщетно вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ давнѣйшихъ заговорщиковъ отнять команду у старшихъ офицеровъ, которые не чувствовали въ себѣ силы дѣйствовать въ духѣ заговора, какъ не имѣвшіе въ немъ участія. Да и роты шли не

вмѣстѣ, а врознь. По мѣрѣ приближенія ихъ къ костелу св. Александра, находившійся въ этой части города генералъ графъ Станиславъ Потоцкій отговаривалъ, сбивалъ съ пути одну роту за другою: приводилъ ихъ въ раздумье, а недоѣхавшихъ двѣ роты отослалъ къ цесаревичу, наконецъ окружила ихъ кавалерія. Такимъ образомъ всѣ роты доставались во власть великаго князя, въ то время, когда подпрапорщики дрались за Узловымъ съ красирами и въ Радзивиловскихъ казармахъ съ гусарами ¹⁾).

Все это происходило въ девятомъ часу вечера. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ построилъ свою кавалерію въ аллеяхъ, а польскую пѣхоту послалъ въ тылъ къ Бельведеру. Всего важнѣе было то, что онъ могъ каждую минуту послать за артиллеріею въ Гуру и въ Скѣрнѣвицы. Внезапно подходитъ къ нему неожиданная помощь. Одинъ изъ его адъютантовъ, Трембицкій, братъ генерала, — какъ только сдѣлалось замѣшательство въ городѣ, — велѣлъ ударить тревогу въ Мѣровскихъ казармахъ и съ цѣлымъ гвардейскимъ конноегерскимъ полкомъ (кромѣ отряда, бывшаго въ тотъ день на Саксонской площади для разѣздовъ), пустился на рысяхъ, боковыми улицами, въ аллеямъ, ведущимъ въ Бельведеръ. Радость великаго князя при видѣ конныхъ егерей была невыразима; онъ подъ ихъ защиту отдавалъ себя нѣкоторымъ образомъ: „на ихъ честь, на ихъ вѣрность полагаюся“, считалъ себя счастливымъ, что не все польское войско отступилось отъ него въ эту роковую минуту. Изъявленіе благодарности, увѣреніе, что такой благородный поступокъ онъ доведетъ до свѣдѣнія императора и другіе увлекательные отзывы, преувеличенные Курнатовскимъ, Винцентіемъ и Изидоромъ Красинскими, Зѣмонкою Скаржин-

¹⁾ Изъ названныхъ сочинителемъ 6-ти ротъ, только 4 изъ карабинерныхъ прибыли на площадь у св. Александра. Онѣ вмѣстѣ вышли изъ Ординецкихъ казармъ, въ которыхъ помѣщались, и вмѣстѣ же пришли къ костелу. Здѣсь засталъ ихъ генералъ Курнатовскій, командовавшій гв. кавал. дивизіею и отвелъ къ цесаревичу, — а гренадерскія роты 6-го пѣхотнаго полка (которыхъ квартиры находились на улицахъ Крулевской и Мирославской), всѣхъ тѣхъ генералъ отъ инфантеріи графъ Станиславъ Потоцкій, еще до прибытія ихъ къ костелу св. Александра, отослалъ къ цесаревичу. Обманутые офицеры и солдаты ни Курнатовскому, ни Потоцкому не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Школу подпрапорщиковъ встрѣтилъ графъ Потоцкій, возвращаясь уже въ городъ отъ цесаревича, по отводѣ къ его высочеству помянутыхъ ротъ 6-го пѣхотнаго полка. Прим. перев.

скимъ, обратили этотъ полкъ въ послушное противъ возстанія орудіе.... Конноегерскій полкъ, дѣйствующій противъ возстанія, давалъ видъ домашней распри между поляками, — портилъ (!) дѣло въ самомъ началѣ. Товарищи Кршижановскаго, одни изъ самыхъ давнихъ заговорщиковъ въ войскѣ.... изъ отвращенія къ предпріятію, которое уже разъ не удалось, были въ эту минуту усерднѣе и Гродненскихъ гусаръ, и польскихъ кирасиръ, — больше тѣхъ и другихъ пылали жаромъ пролетѣть галопомъ черезъ цѣлый городъ и истоптать все, что, по ихъ словамъ, было „важнымъ-то бунтомъ“, который казался имъ безвременнымъ, конечно потому, что не они его начали — ничего не имѣли, или лучше, не хотѣли имѣть въ немъ нивто участія.

II.

Планъ дѣйствій мятежниковъ. — Доставка патроновъ. — Ожиданіе сигнала. — Тревога въ Вольнскомъ полку. — Неудавшаяся попытка обезоружить Литовскій полкъ. — Ленквичъ. — Больбертъ. — Ген. Жишарскій. — Сборъ войска на Марсовомъ полѣ. — Стычка у арсенала. — Убіеніе ген. Блюмера. — Грессеръ. — Баталіонъ Майковскаго. — Нападеніе артиллеристовъ на арсеналъ. — Раздача оружія. — Тревога въ городѣ. — Участіе Бомбардирной школы. — Дѣятельность Нѣтоколя. — Бл. Четвертинскій. — Движеніе у арсенала. — Порядокъ. — Подполковникъ Хоржевскій. — Настроеніе Варшавы. — Великій князь. — Оборонительныя мѣры инсургентовъ. — Поручикъ Менцинскій. — Смерть Потоцкаго. — Сѣміонтковскій.

Таковъ былъ первый актъ 29-го ноября! Въмѣсто того, чтобы обезоружить, мы только вызвали непріятеля къ бою въ южной части города. Такое-жъ послѣдствіе, какъ мы тотчасъ увидимъ, имѣли движенія инсургентовъ и въ противоположной сторонѣ, у заставъ Маримонтской и Повонзковской. Для лучшаго объясненія всѣхъ дѣйствій въ городѣ, я обозначаю сперва главные пункты, которые были занимаемы разными отрядами польскаго гарнизона, и укажу какія движенія слѣдовало каждому изъ тѣхъ отрядовъ совершить по плану заговора.

Въ обширныхъ Александровскихъ казармахъ, пазывавшихся прежде Коростыми, на пути отъ Маримонтской заставы къ Здроямъ, помѣщался русскій пѣхотный полкъ, лейбъ-гвардіи литовскій. Въмѣстѣ съ нимъ находились въ тѣхъ же Александровскихъ казармахъ: польскій гвардейскій гренадерскій полкъ, въ которомъ

состояло до 2,400 человекъ,—двѣ гренадерскія роты 1-го пѣхотнаго полка,—двѣ третьяго и двѣ 7-го пѣхотнаго.

По плану заговора, долженъ былъ гвардейскій гренадерскій полкъ, вмѣстѣ съ обѣими гренадерскими ротами 3-го пѣхотнаго, ворваться, съ заряженными ружьями, и въ то отдѣленіе казармъ, которое занималъ Литовскій полкъ, и взять его въ плѣнъ. Разомъ съ ними, обѣ гренадерскія роты 1-го пѣхотнаго полка должны были выступить изъ Александровскихъ казармъ въ направленіи къ Вислѣ, занять бывшіе тогда на сей рѣкѣ два моста и овладѣть предмѣстьемъ Прагою и находившимся на Прагѣ пороховымъ магазиномъ. Обезоруженіе Литовскаго полка въ его казармахъ поручено было поручику Урбанскому и другимъ заговорщикамъ.—а занятіе Праги майору 1-го пѣхотнаго полка Къбърницкому и поручику сего же полка Черномоскому.

Послѣ же Александровскихъ казармъ на улицѣ Закрочимской, въ казармахъ, называемыхъ Сапѣжинскія, стоялъ польскій 4-й пѣхотный полкъ. Первый его баталіонъ, съ частью 2-го, занималъ 29 ноября главные караульные посты въ городѣ ¹⁾. Изъ офицеровъ этого полка, бывшихъ на службѣ, слѣдовало однимъ остаться на своихъ постахъ, а другимъ сойти съ постовъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ нижними чинами. Подпоручикъ Юліанъ Заіончковскій, командовавшій карауломъ на Краковскомъ предмѣстьи у монастыря Бернардиновъ, долженъ былъ ворваться въ находившійся возлѣ его поста театръ Розмантосьци (Varieté), арестовать русскихъ офицеровъ, которыхъ тамъ застанетъ, а потомъ поднять тревогу въ городѣ по всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ арсеналу. Подпоручикамъ Мавишевскому, у францискановъ (т. е. въ городской тюрьмѣ) и Готовскому, въ смиренномъ домѣ (называвшемся тогда Прохова), дано было приказаніе наблюдать строго за арестантами и не допустить ихъ вырваться на свободу. Баталіонъ 4-го полка, находившійся въ своихъ казармахъ, долженъ былъ, тотчасъ за подачею сигнала, выступить къ арсеналу.

¹⁾ Сочинитель ошибается. Не 1-й баталіонъ, съ частью 2-го, содержалъ 29-го ноября караулы въ городѣ, — но 2-й съ нѣсколькими взводами двухъ гренадерскихъ ротъ 7-го пѣхотнаго полка, которыя, какъ сказано, помѣщались въ Александровскихъ казармахъ. Весь 1-й баталіонъ 4-го полка былъ 29-го въ своихъ казармахъ; онъ содержалъ караулы накануне.

Прим. перев.

Двумъ гренадерскимъ ротамъ 2-го пѣхотнаго полка, помѣщавшимся въ казармахъ на Поцѣіовѣ, назначено было занять площадь предъ банкомъ, а двумъ гренадерскимъ 8-го полка расположиться на Пивой улицѣ у Марцианалъ и въ обывательскихъ домахъ, занять рынокъ въ той части города, которая называется Старое място.

Такимъ образомъ, по обезоруженіи гвардейскаго Литовскаго полка (въ чемъ не дозволяло сомнѣваться превосходство нашихъ силъ въ Александровскихъ казармахъ), Новое място, Старое място (главные пункты въ серединѣ города), вся часть отъ Вислы и самое предмѣстье Прага должны были, безъ выстрѣла, достаться въ руки инсургентовъ, въ самомъ началѣ дѣйствій.

Въ другомъ главномъ же пунктѣ, у заставы Повонзковской, въ казармахъ на улицѣ Дзина, называвшихся прежде артиллерійскими, а со времени царства—Волинскими, стоялъ другой русскій пѣхотный полкъ, лейбъ-гвардіи Волинскій. Обезоруженіе непріятеля въ этомъ мѣстѣ представляло больше трудностей, нежели въ Александровскихъ казармахъ, ибо, за исключеніемъ человекъ тридцати польской бомбардирной школы, находились въ Волинскихъ казармахъ одни русскіе. Они, въ случаѣ нападенія, могли отразить нашихъ, могли запереться въ казармахъ или выйти съ орудіями, которыхъ было у нихъ четыре. Для обезоруженія сего полка, или, въ крайнемъ случаѣ, для удержанія его въ казармахъ, придумали заговорщики слѣдующія средства. У Марсова поля, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Волинскаго полка, въ казармахъ, называемыхъ Николаевскія, стоялъ польскій саперный баталіонъ. Сему баталіону велѣно было на Волинскій полкъ ударить съ тылу, коль скоро бы онъ выступилъ изъ своихъ казармъ и пошелъ въ Марсову поля; а спереди долженъ былъ напасть на него въ то же время баталіонъ 4-го пѣхотнаго полка, не бывшій въ тотъ день на службѣ, подкрѣпленный двумя гренадерскими ротами 5-го, которымъ вмѣстѣ съ симъ баталіономъ слѣдовало прибыть туда въ арсеналу. Отъ ловкаго исполненія сего движенія зависѣло совершенное овладѣніе столицей. Народъ, поднятый статскими заговорщиками съ гнѣзда своего, Старога мяста, а съ другихъ пунктовъ самымъ движеніемъ отрядовъ гарнизона, долженъ былъ наполнять площади Варшавы, переноситься массами съ мѣста на мѣсто для оживленія военнаго возстанія

и чтобы оно больше имѣло видъ революціоннаго обывательскаго¹⁾. Войнамъ не нужна была, въ предстоявшей борьбѣ, помощь народа, а потому и не предполагали заговорщики раздать ему оружіе изъ арсенала: войску нужно было только присутствіе народа, какъ важнаго свидѣтеля при первомъ торжественномъ актѣ возстановленія отчизны. Банкъ, всѣ вообще кассы, всѣ казенныя заведенія и тюрьмы обезпечены были караулами, которыми, по распоряженію заговорщиковъ, не слѣдовало участвовать въ бою. Все дѣло въ городѣ основывалось на томъ, чтобы напасть нечаянно на слабѣйшаго непріятеля и обезоружить его или уничтожить, если бы онъ предпринялъ сопротивляться. Въ двумъ часамъ пополудни взяты были всѣ мѣры, нужныя для приведенія въ дѣйствіе сего плана, который былъ сообщенъ каждому заговорщику.

Возстаніе не имѣло главнаго начальника. Каждый подпоручикъ, каждый заговорщикъ былъ начальникомъ въ своемъ пунктѣ—и, къ удивленію, все шло наилучшимъ (!) образомъ, какъ будто бы одна невидимая рука управляла этою огромною сложною машиною. Недоставало боевыхъ патроновъ. Подпоручики 7-го полка Флоріанъ Домбровскій и 1-го егерскаго Осипъ Пршиборовскій, взявши днемъ еще два фургона и съ ними двухъ солдатъ, поѣхали въ лагерь, арестовали унтеръ-офицера изъ ветерановъ, имѣвшаго надзоръ за патронами въ баракѣ генерала Блюмера, смѣнили сперва часовыхъ, будто бы по приказанію коменданта, нагрузили потомъ фургоны патронами, а на вопросъ у заставы: „что везуть?“ отдѣлались отвѣтомъ: „новые мундиры для войска“. Такимъ образомъ они доставили пѣхотѣ нѣсколько десятковъ тысячъ боевыхъ зарядовъ, которые по казармамъ ротные офицеры и раздавали солдатамъ, передъ самымъ выступленіемъ ихъ изъ казармъ.

Еще до общаго движенія, какъ только смеркло, гренадерскія 5-го полка роты, выведенныя подпоручиками Чарноцкимъ и Линовскимъ изъ квартиръ на улицахъ: Виронья, Луцва и Лѣшно, начали собираться за Красинскимъ садомъ, на площади овою

¹⁾ Сочинитель невольно проговаривается здѣсь—указывая ясно, что ятежъ былъ поднять не обывателями, которые не имѣли въ немъ ни малѣйшей нужды, при той благодѣтельной свободѣ, которою они пользовались съ 1815—1830 гг., а горстью фанатиковъ юношей, погубившихъ свое отечество!

манежа, шагахъ въ двухъ стахъ отъ квартиры варшавскаго коменданта генерала Любвицкаго (Левицкаго?). Они исполнили это очень ловко и осторожно. Въ городѣ царствовала еще глубокая тишина. Переходы солдатъ, не только въ малыхъ группахъ, но и въ значительныхъ отрядахъ, не изумляли никого, а если кто и спрашивалъ на этотъ счетъ, то отвѣчали офицеры: „что полки, по приказанію коменданта, выступаютъ на главный патруль“. Артиллерійская школа была уже готова; саперный баталіонъ, гренадерскія роты, караулы на всѣхъ пунктахъ ожидали съ нетерпѣніемъ условленнаго знака. Въ эту только минуту, принадлежавшіе въ заговору офицеры сочли приличнымъ, при раздачѣ патроновъ въ Сапѣжинскихъ и Александровскихъ казармахъ, сказать солдатамъ о чемъ идетъ дѣло....¹⁾

Навонецъ, пробило шесть часовъ на городской башнѣ и глаза всѣхъ невольно устремились на Солецъ. При всемъ безпорядкѣ, какой обыкновенно сопровождаетъ первыя политическія потрясенія, ни одно изъ великихъ происшествій въ свѣтѣ не имѣло въ себѣ столько согласія, столько единомыслія (!!), какъ революція 29-го ноября 1830 г. Ни одного движенія, возникшаго изъ народнаго духа, нельзя было направить легче къ одной цѣли. Я увѣренъ, что если бы зарево подъ Сольцемъ засіяло въ условленную минуту, то обезоруженіе непріятеля въ городѣ было бы непременно приведено въ дѣйствіе, не смотря на то, что не было въ заговорѣ начальника, — и вся революція пошла бы тогда другимъ путемъ; ибо по взятіи въ плѣнъ (!?) русской пѣхоты, что же иное оставалось бы цесаревичу, какъ положить оружіе? Но не было намъ суждено начать разомъ такъ сильно и разумно! Пожаръ на Сольцѣ не загорался по причинамъ, когорыя я объяснилъ выше. За ожиданіемъ этого сигнала прошло въ городѣ не мало времени, — и все дѣло, такъ хорошо улаженное, испорчено проволочкою.

„Видно не бывать сегодня ни чему!“ разсуждали заговорщики во многихъ пунктахъ, по пробитіи 6-ти часовъ. Напряженное

¹⁾ Боевые патроны розданы были солдатамъ не прежде, какъ при выступленіи изъ казармъ. На всѣхъ пунктахъ не многимъ изъ нихъ было извѣстно куда ихъ ведутъ: однимъ говорили офицеры, что вбунтовались русскіе полки и они идутъ усмирять ихъ; другимъ, что русскіе рѣжутъ поляковъ.

Прим. перев.

ожиданіе не видѣло предъ собою конца, видѣло только вѣрную гибель. И въ 7 часовъ, и послѣ 7-ми, все оставалось еще на мѣстѣ: думали, что школа подпрапорщиковъ, по какому либо чрезвычайнымъ препятствіямъ, не успѣла начать въ условленное время. Не прежде какъ въ половинѣ 8-го пронеслась молніею вѣсть о движеніяхъ у Бельведера и въ Лазѣнкахъ. Крики „къ ружью!“ раздались тогда на нѣсколькихъ улицахъ и барабанный гулъ привелъ въ движеніе весь городъ. Произошло изъ этого естественно, что вмѣстѣ съ нами бросился къ ружью и непріятель, и такимъ образомъ, въ открытую борьбу обратилось то, что минутою прежде могло быть кончено внезапнымъ нападеніемъ.

Какой-то русскій штабъ-офицеръ или генералъ, подѣхавъ въ наемной воляскѣ къ казармамъ лейбъ-гвард. Волынскаго полка, приказалъ ударить тревогу и завричалъ изъ всей мочи: „проворныхъ людей къ пушкамъ!“ ¹⁾ Это былъ гонецъ изъ Бельведера ²⁾. Волынскій полкъ началъ тотчасъ готовиться къ выступленію, но не вдругъ сталъ подъ ружье. Пользуясь первыми минутами, подпоручиѣ артиллеріи князь Четвертинскій успѣлъ безпрепятственно вывести изъ Волынскихъ казармъ помѣщавшуюся въ нихъ польскую бомбардирную команду. Цесаревичъ, еще въ началѣ октября замѣтивъ въ столицѣ волненіе умовъ со времени іюльскихъ въ Парижѣ происшествій, предназначилъ (отданнымъ тогда же привазомъ) каждому отряду гарнизона, польскому и русскому, особая сборныя мѣста, на которыя они должны были

¹⁾ Такъ у сочинителя: „prawornych ludiej do puszek!“ Перев.

²⁾ Что сочинитель приписываетъ здѣсь гонцу изъ Бельведера, то, вѣроятно, относится къ полковнику Овандеру, который, въ 1830 году, командовалъ 1-мъ баталіономъ Волынскаго полка. Подпрапорщикъ этого полка, Аксѣвъ, состоялъ въ школѣ польскихъ подпрапорщиковъ и находился на вечерней лекціи, когда Высоцкій, ворвавшись въ залу, произнесъ къ подпрапорщикамъ возмутительную рѣчь. Успѣвъ бѣжать изъ школы въ то самое время, какъ большая оной часть кинулась въ свой цейхаузъ за ружьями, Аксѣвъ посидѣвши въ городѣ и обо всемъ донесъ Овандеру, не заставъ полковаго командира генералъ-маіора Есакова, который находился тогда въ Брюлевскомъ дворцѣ въ главномъ штабѣ его высочества и потомъ захваченъ былъ мятежниками у арсенала, возвращаясь изъ штаба въ казармы. Овандеръ, жившій неподалеку отъ арсенала на улицѣ Налѣвки, успѣлъ пробраться въ казармы и мгновенно принялъ всѣ нужныя мѣры для отраженія мятежниковъ, если бы они осмѣлились напасть на полкъ. Подпрапорщикъ Аксѣвъ, за примѣрное исполненіе своего долга, награжденъ впоследствии чиномъ прапорщика и орденомъ св. Анны 4-й степени.

Прим. перев.

явиться, коль скоро бы возникло въ городѣ какое-либо смятеніе. Волынскому полку назначены были мѣста: одному баталіону у банка, а другому у арсенала — и на сія-то пункты собирався идти Волынскій полкъ.

Въ казармахъ Александровскихъ случилось то же, что и въ Волынскихъ. Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, часу въ 8-мъ, замѣчаетъ необыкновенное движеніе между поляками, выходитъ изъ своихъ казармъ, становится подъ ружье и собирается идти на Марсово поле, назначенное ему сборнымъ мѣстомъ. Поляковъ двигала съ мѣста революція, — а русскихъ вышнейзясненный приказъ цесаревича. При Литовскомъ полку не было командира его, генералъ-маіора Энгельмана. Польскіе офицеры, принадлежавшіе къ заговору, не успѣвъ захватить литовцевъ въ ихъ казармахъ, хотѣли задержать ихъ на дворѣ, напавъ на нихъ внезапно. Не обошлось бы тутъ безъ кровопролитія; но недоброжелательство нашихъ ¹⁾ не допустило поправить того, что медленностію еще не совсѣмъ было испорчено. Дежурный по казармамъ, гвардейскаго гренадерскаго полка капитанъ Ленкѣвичъ, притворяясь, будто ни о чемъ не знаетъ, становится съ обнаженною шпагою у дверей и запрещаетъ полякамъ выходить подъ предлогомъ, „что нѣтъ на это приказанія“. Обезоруженіе Литовскаго полка, удобное въ его казармахъ, а на дворѣ съ бѣльшею трудностію сопряженное, было теперь совершенно невозможно. Подоспѣлъ и Кольбертъ (подполковникъ гвардейскаго гренадерскаго полка); онъ требовалъ, какъ и Ленкѣвичъ, чтобы полкъ ожидалъ приказанія великаго князя или, по крайней мѣрѣ, прибытія своего командира, дивизионнаго генерала Жимарскаго.

Между тѣмъ какъ Ленкѣвичъ и Кольбертъ останавливаютъ польскихъ солдатъ, выступили русскіе изъ своихъ казармъ въ величайшемъ порядкѣ, подъ начальствомъ варшавскаго коменданта генерала Левицкаго; Левицкій же, какъ только возникло смятеніе въ городѣ, сѣлъ на коня, полетѣлъ въ Александровскія казармы и, пользуясь бездѣйствіемъ заговорщиковъ, увелъ Литовскій полкъ на Марсово поле. Гренадерамъ слѣдовало нагнать этотъ полкъ; они могли заставить его положить оружіе (!!) на дворѣ, но сами

¹⁾ Не недоброжелательство, а вѣрность данной присягѣ со стороны нѣкоторыхъ офицеровъ-поляковъ.

Прим. перев.

насилу успѣли выйти на казарменный дворъ послѣ долгихъ споровъ съ Ленкевичемъ и Кольбертомъ. Въ этихъ казармахъ одинъ Кекерницкій (маіоръ 1-го пѣхотнаго полка) исполнилъ въ точности возложенную на него обязанность: онъ вывелъ безъ сопротивленія обѣ гренадерскія роты своего полка и тотчасъ ушелъ съ ними на Прагу ¹⁾. Урбанскій (гвард. гренад. полка поручикъ), желая загладить вредъ, которому главною виною была собственная его оплошность, ибо ему слѣдовало или прежде вестъ Ленкевича въ заговоръ или теперь строго наказать его, объявилъ офицерамъ своего полка, бывшимъ въ заговорѣ, что до сихъ поръ дѣлалось все по условленному плану, а теперь надобно имъ идти съ гренадерами за Литовскимъ полкомъ и наблюдать за нимъ на Марсовомъ полѣ ²⁾. Въ ту самую минуту пріѣзжаетъ въ казармы генералъ Жимарскій. Онъ застаётъ поляковъ, собранныхъ на дворѣ поротно, бранить офицеровъ за раздачу солдатамъ патроновъ и спрашиваетъ по чьему приказанію они розданы? „Кто велѣлъ зарядить ружья?“ закричалъ Жимарскій, „гренадеры! ссыпать порохъ съ полки!“ а вслѣдъ за симъ онъ двинулся въ баталіонныхъ колоннахъ за Литовскимъ полкомъ на Марсово поле, назначенное сборнымъ мѣстомъ и для гренадерскаго полка. Изъ бывшихъ въ заговорѣ офицеровъ полагали одни, что генералъ Жимарскій былъ обо всемъ предвренъ (а предвратить его долженъ былъ подполковникъ Пашковичъ) ³⁾ и потому не употребили противъ него никакихъ насильственныхъ мѣръ, полагая, что онъ слѣдуетъ внушенію Урбанскаго, что хочетъ дѣйствовать въ духѣ возстанія, но такъ, чтобы не выдать себя заранѣе; другіе же, угадавъ, что намѣренія Жимарскаго не самыя искреннія, полагали отступить отъ него съ своими ротами и исполнили это при самомъ выступленіи изъ

¹⁾ Кекерницкій, взятый въ плѣнъ въ Ковнѣ во время экспедиціи генерала Гельгуда, застрѣлился въ Вяткѣ, когда свидѣлъ, что требуется въ Варшаву предъ верховный уголовный судъ. Прим. перев.

²⁾ Трудно повѣрить, чтобы Урбанскій давалъ какіе нибудь совѣты. По показаніямъ всѣхъ офицеровъ полка, онъ былъ въ тотъ вечеръ мертвъ пьянъ и еще до прибытія генерала Жимарскаго скрылся въ свою квартиру, легъ спать, и въ первые четыре дня мятежа нигдѣ не показывался.

Прим. перев.

³⁾ Пашковичъ, служившій прежде въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку, состоялъ въ то время при польскомъ комисаріатѣ.

Прим. перев.

казармъ ¹⁾). Шесть мушкетерскихъ ротъ, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я и 2-я вольтижерная, подъ командою Чеховскаго, Ласкаго, Бартовскаго, Рогускаго, Клементовскаго и Бортеввича, отдѣлясь отъ полка тотчасъ по выходѣ за казармныя ворота, пошли чрезъ Фавары и Закрочимскую улицу къ арсеналу ²⁾). На пути, у мѣста, называемаго Здрои, они встрѣтили пикеты маіора Къеѣрницкаго, который занявъ мостъ, ведущій изъ Жолоборжа на Прагу, разставилъ своихъ часовыхъ отъ того моста до самой Гвардбациой улицы. Роты, пошедшія съ Жимарскимъ, заняли позицію на Марсовомъ полѣ, гдѣ сперва нѣсколько времени наблюдали за Литовскимъ полкомъ, а потомъ, вмѣстѣ съ литовцами, пошли въ Бельведеръ къ великому князю ³⁾).

¹⁾ За Жимарскаго можно ручаться, что онъ столько же зналъ о заговорѣ, какъ и генералъ графъ Станиславъ Потоцкій. Заговорщики, хвались одинъ предъ другимъ своими связями съ генералами, обманывали другъ друга. Самъ сочинитель раскрываетъ это во многихъ мѣстахъ, а между тѣмъ принимаетъ увѣренія ихъ за истину.

Прим. перев.

²⁾ Генералъ Жимарскій, собравъ весь полкъ и построивъ его, повелъ на Марсово поле казармными воротами, ведущими на Гвардбациую улицу, по у самаго выхода всталъ вправо въ улицу, называемую Батна. Такъ вышли всѣ роты 1-го баталіона, а за ними и 2-го баталіона, 2-я гренадерская и 7-я мушкетерская. Когда же пришла очередь выступать 8-й ротѣ, которой офицеры не успѣли прибыть въ казармы, то участвовавшіе въ заговорѣ подпоручикъ Чеховскій, выбѣжавъ изъ 7-й, къ которой принадлежалъ, всталъ самовольно команду надъ 8-ю и вмѣсто того, чтобы поворотить на улицу Батна, повелъ ее прямо по Гвардбациой, а потомъ на Закрочимской и Фрета къ арсеналу. Вслѣдъ за 8-ю пошли, по темнотѣ ночи, 9-я, 10-я, 11-я и 12-я мушкетерскія и 2-я вольтижерная и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ 8-ю попали у арсенала въ руки мятежниковъ.

Прим. перев.

³⁾ Къ Жимарскому воротилась отъ арсенала 9-я рота. Командира ея, капитана Шимановскаго, не было въ казармахъ при выступленіи полка. Встрѣтивъ ее на Закрочимской улицѣ, Шимановскій пошелъ при ней вмѣстѣ за 8-ю. По прибытіи къ арсеналу, увидѣвъ себя среди мятежниковъ и узнавъ, какимъ образомъ рота отдѣлилась отъ полка, онъ велѣлъ ей тотчасъ стать во фронтъ и, напомнивъ солдатамъ, что долгъ ихъ быть вѣрными монарху, а мѣсто тамъ, гдѣ назначено главнокомандующимъ и гдѣ знамя полка, повелъ ихъ прямо на Марсово поле. Солдаты повиновались безпрекословно своему ротному командиру; всѣ пошли за нимъ—и никто изъ приставшихъ къ мятежу не осмѣлился напасть на Шимановскаго, хотя всѣмъ извѣстно было, куда онъ ведетъ свою роту. Такъ могли бы и прочіе ротные командиры сдѣлать, еслибъ достало у нихъ мужества отклонить своихъ солдатъ отъ участія въ мятежѣ. Но не успѣли бы полковые командиры; ибо они вообще ненавидимы были солдатами, и только къ себѣ ненависти должно отнести, что въ 4-мъ полку ни одинъ не всталъ сторону командира своего Богуславскаго, при насмѣльственныхъ съ нимъ поступкахъ нязшихъ офицеровъ, какъ наложено вслѣдъ засимъ.

Прим. перев.

Таковая же точно сцена, только съ лучшимъ для революціи результатомъ, происходила въ казармахъ Сапѣжинскихъ. 4-й пѣхотный полкъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ цесаревича Константина Павловича. Заговорщики, чтобы задѣть этотъ полкъ за живое, распустили, за нѣсколько дней передъ 29-мъ ноября, разные слухи, будто бы ласки цесаревича сдѣлали изъ нихъ приверженцевъ Россіи, враговъ отечества и т. п. Такія разоглашенія достигли предполагаемой цѣли: никто не горѣлъ большимъ желаніемъ очиститься (!) отъ подобныхъ упрековъ, какъ 4-й полкъ. Трудно было удержать рвеніе солдатъ, когда наступилъ условленный часъ¹⁾. Подпоручики Пршерадзкій и Косицкій раздали боевые патроны; всѣ роты, бывшія въ Сапѣжинскихъ казармахъ, стали на дворѣ подъ ружье; поручики Любовидзкій, Свѣнцицкій и Вышпольскій выводили уже ихъ со двора — какъ вдругъ останавливаетъ ихъ полковой командиръ Богуславскій у самыхъ воротъ. Между Богуславскимъ и названными офицерами завязалась жаркая ссора; надобно было свалить его съ ногъ: такъ не расположена была въ народному дѣлу (?!) вся старшина въ польскомъ войскѣ²⁾. Богуславскій уступилъ только насилію заговорщиковъ и чуть было не заплатилъ жизнью за свое упорство. Надъ этимъ отрядомъ 4-го полка взялъ команду капитанъ Росляковскій, встрѣтивъ его на дорогѣ: онъ пошелъ съ нимъ по Францишеанской улицѣ въ Налѣвкамъ и прибылъ въ арсеналу въ то самое время, когда завязалось тамъ живое и кровопролитное дѣло съ Волинскимъ полкомъ³⁾.

¹⁾ Показаніе автора несправедливо. Солдаты 1-го баталіона 4-го полка, находившіеся (17) 29-го ноября въ казармахъ, выведены были въ арсеналу обманомъ офицеровъ и, до выступленія изъ казармъ, не знали куда ихъ вѣдутъ. Боевые патроны даны были имъ уже внѣ казармъ, на Францишеанской улицѣ. Прим. перев.

²⁾ Въ какой мѣрѣ было не народнымъ дѣломъ это злополучное для всей страны возстаніе—проговаривается, какъ мы видѣли выше, самъ сочинитель этого разсказа. Прим. перев.

³⁾ Семь ротъ 4-го полка помѣщались въ казармахъ Сапѣжинскихъ, — а три, 1-я мушкетерная и обѣ резервныя въ казармахъ Сѣраковскихъ въ близкомъ разстояніи отъ Сапѣжинскихъ. 29-го ноября, какъ сказано уже выше, находилась 1-я баталіонъ въ казармахъ, а весь 2-й содержалъ караулы въ городѣ. Изъ казармъ Сапѣжинскихъ вывелъ солдатъ поручикъ Любовидзкій, командовавшій 1-ю гренадерскою ротою за болѣзнію, изъ Сѣраковскихъ капитанъ Росляковскій, командовавшій 1-ю мушкетерскою. Оба отряда со-

Арсеналь, согласно плану заговора, охраняли обѣ гренадерскія роты 5-го пѣхотнаго полка; одна, подъ командою подпоручика Чарнецкаго, заняла позицію на улицѣ Пршеяздъ: между домами правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ и казармами гвардейской конно-артиллерійской батарейной батареи, а другая, подъ командою подпоручика Липовскаго, между барьерами артиллерійскаго манежа и площадью на Налѣвкахъ. Разставленные ими посты задерживали и брали подъ арестъ русскихъ офицеровъ, проходившихъ около нихъ. Сими постами были захвачены и посажены на арсенальную гауптвахту генералы Энгельманъ и Есаковъ, командиры гвардейскихъ русскихъ полковъ, Литовскаго и Волынскаго, также нѣсколько русскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Вдругъ даютъ знать, что идетъ Волынской пѣхотный полкъ. Этотъ полкъ, какъ сказано выше, былъ предостереженъ высланнымъ изъ Бельведера офицеромъ; онъ выступилъ изъ казармъ вскорѣ по прибытіи того офицера, раздѣлился на двѣ части и двумя улицами, Дзвикою и Налѣвками, съ орудіями впереди, приближался къ арсеналу. Предъ тѣмъ началъ горѣть деревянный домъ на улицѣ Дзика ¹⁾. У сего дома, гренадеры 5-го пѣхотнаго полка, командуемые подпоручикомъ Липовскимъ, видятъ предъ собою наступающій непріятельскій баталіонъ и встрѣчаютъ его батальнымъ огнемъ такъ мѣтко, что нѣсколько десятковъ русскихъ пало тотчасъ на мѣстѣ. Въ этотъ же моментъ подоспѣлъ къ арсеналу 1-й баталіонъ 4-го пѣхотнаго полка и развернулся за нимъ фронтомъ къ Налѣвкамъ. Командовавшій

шлись у воротъ казармъ Сапѣжинскихъ. Росляковскій взялъ команду надъ обоими, т. е. надъ цѣлымъ 1-мъ баталіономъ и повелъ его къ арсеналу. Полковаго командира Богуславскаго, который удерживалъ солдатъ отъ выступленія изъ казармъ, лишили офицеры начальства и, въ борьбѣ съ нимъ, повалили на землю, — а майора Кандлера, который (17) 29-го ноября наиболѣе явилъ мужества и преданности на улицѣ Воловой, неподалеку отъ арсенала, такъ сильно ударилъ ружейнымъ прикладомъ, что онъ упалъ безъ чувствъ и впоследствии лишился слуха. Прибывъ въ казармы, по выходѣ уже 1-го баталіона. Кандлеръ побѣждалъ вслѣдъ за нимъ, достигъ его на Францишканской улицѣ, бросился въ ряды, не смотря на всѣ угрозы офицеровъ, успѣлъ троекратно остановить солдатъ своими увѣщаніями и только полученный имъ ударъ положилъ предѣлъ его усиліямъ возвратитъ ихъ къ долгу.

Прим. перев.

¹⁾ Этотъ домъ былъ подожженъ по приказанію подпоручика Заливскаго, для подачи сигнала отрядамъ польскаго гарнизона, расположеннымъ въ сѣверной части города.

Прим. перев.

симъ баталіономъ, капитанъ Росляковскій, отерываетъ здѣсь столь же удачный огонь по другому баталіону Волинскаго полка, который шелъ къ арсеналу по Налѣвкамъ, подъ командою полковника Овандера ¹⁾). Пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась не болѣе пяти минутъ. Волинцы побѣжали въ чрезвычайномъ беспорядкѣ; потомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, пріостановились, подобрали тѣла убитыхъ и по командѣ, въ полголоса произнесенной, совершили въ порядкѣ свое отступление ²⁾).

Арсеналь остался цѣлъ.

Между тѣмъ какъ рота подпоручика Липовскаго отражала неприятеля, гренандеры другой, того же 5-го полка, роты, подъ командою подпоручика Чарнецкаго, убили генерала Блюмера, который, подѣхавъ къ арсеналу, хотѣлъ сперва говорить къ солдатамъ, а потомъ, когда его, арестованнаго, вели на гауптвахту, вздумалъ отнимать у нихъ оружіе. Онъ палъ отъ двухъ только пуль, но разнеслась тотчасъ молва, что ему столько пуль попало, въ голову и въ грудь, сколько несправедливыхъ приговоровъ подписалъ онъ....

Когда неприятель былъ уже отраженъ, подошли къ арсеналу тѣ роты польскаго гвардейскаго полка, которыя отстали отъ Жимарскаго, и двѣ гренандерскія 3-го пѣхотнаго. Подошла и школа подпрапорщиковъ. Собравшуюся въ этомъ мѣстѣ массу войска надобно было раздѣлить, чтобы дѣйствовать успѣшнѣе. Здѣсь узнаютъ инсургенты, одинъ отъ другого, обо всемъ случившемся на столькихъ пунктахъ столицы. Положеніе дѣла не было утѣшительно: вездѣ была неудача; но заговорщики не теряли духа. Они положили защищаться до послѣдняго, а въ особенности отстоять оружіе и казну—арсеналь и банкъ. Подпоручикъ гвардейскаго гренандерскаго полка, Александръ Ласкій, поставилъ своихъ гренандеръ у дома комисіи внутреннихъ дѣлъ, для разсѣянія сколько нибудь толпы, тѣснившейся у арсенала

¹⁾ Полковникъ Овандеръ находился на улицѣ Дзива съ 1-мъ баталіономъ Волинскаго полка, а на Налѣвкахъ былъ 2-й баталіонъ, подъ командою полковника Либертова. Прим. перев.

²⁾ Волинскій полкъ отступилъ на обонхъ пунктахъ, получивъ повелѣніе государя цесаревича не вступать въ бой съ мятежниками и избѣгать всякаго повода къ кровопролитію. Сіе повелѣніе даво было его высочествомъ для уничтоженія распространенныхъ заговорщиками слуховъ, будто бы русскіе нападаютъ на поляковъ и истребляютъ ихъ. Прим. перев.

и мѣшавшей всѣмъ дальнѣйшимъ распоряженіямъ. Гренадеры устроили въ томъ же мѣстѣ баррикаду и поставили за нее орудія, обращенныя въ улицѣ Дзика.

Адъютантъ великаго князя Грессеръ избѣжалъ участи Блюмера почти чудеснымъ образомъ. Онъ скакалъ во весь опоръ къ Волынскимъ казармамъ и, подѣхавъ къ дому комисіи внутреннихъ дѣлъ, спросилъ отъ имени великаго князя: „кто тутъ командуетъ“? Гренадеры пустили по немъ нѣсколько десятковъ выстрѣловъ. Подъ градомъ пуль погибъ только казакъ, ѣхавшій за нимъ, — а Грессеръ свалился съ лошади, получивъ нѣсколько тяжелыхъ, но не смертельныхъ ранъ. Его отнесли въ арсеналъ подъ гауптвахту ¹⁾.

Высланные за неприятелемъ патрули донесли, что гвардейскій Волынкскій полкъ пошелъ чрезъ Мурановъ на Марсово поле.... На Мурановѣ, 2-й его баталіонъ, бывшій подъ командою полковника Альбертова, столкнулся съ нашими саперами, шедшими подъ начальствомъ своего командира подполковника Майковскаго. Разойтись было невозможно. Русскіе вошли въ переговоры съ саперами, требуя свободнаго пропуска и предлагая его взаимно. Когда съ нашей стороны согласились на это, пошелъ баталіонъ Волынцевъ своей дорогой и на Марсовомъ полѣ соединился съ Литовскимъ полкомъ, наблюдаемымъ пристально гренадерами Жимарскаго, который всю ночь провелъ въ нерѣшительномъ положеніи посреднива;—а другой баталіонъ Волынскаго полка занялъ свои казармы и окольные дома.

И саперному баталіону досталось также, въ вечеръ 29-го ноября, выдержать жаркій споръ съ командиромъ своимъ, подполковникомъ Майковскимъ. Этотъ баталіонъ находился въ тотъ

¹⁾ Адъютантъ Грессеръ ѣхалъ не въ казармы Волынскаго полка, но въ арсеналъ и раненъ былъ, возвращаясь уже отъ арсенала. Проѣзжая въ 1-й разъ около саперъ, стоявшихъ возлѣ гренадеръ, онъ спросилъ: „которая рота?“ — и на отвѣтъ, что „1-я піонерная“ — сказалъ: „а! капитана Гавронскаго!“ — Гавронскій и командовавшіе возлѣ него гренадерами, подпоручики Блешентовскій и Ласкій, — узнавъ Грессера и заключая изъ положенія дѣлъ, что ему должно будетъ опять проѣзжать мимо ихъ, привязали солдатамъ стержень его. Какъ скоро показался Грессеръ, забѣжали ему саперы дорогу, стащили съ лошади и дали нѣсколько тяжелыхъ ранъ въ голову. Ѣхавшій за нимъ казакъ убитъ былъ выстрѣломъ изъ толпы, бродившей около рѣты Гавронскаго (показаніе саперовъ и солдатъ польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка, допрашиваемыхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ).

Прим. перев.

день въ своихъ казармахъ. Марсово поле назначено ему было сборнымъ пунктомъ въ случаѣ смятенія въ городѣ: онъ выступилъ туда, прежде чѣмъ Майковскій успѣлъ прибыть въ казармы¹⁾. Догнавъ его уже на самомъ Марсовомъ полѣ, Майковскій приказываетъ ему воротиться въ городъ. Участвовавшіе въ заговорѣ, капитанъ Гавронскій и подпоручики Карснискій, Гасфортъ, Колтуновскій, Мальчевскій и Цернеръ представляли Майковскому, „что баталіону слѣдуетъ присоединиться къ народу“; — когда же слова ихъ не подѣйствовали, то поручикъ Мальчевскій выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и хотя не попалъ, но пуля, пролетѣвъ около уха Майковскаго, шепнула ему: „добрый совѣтъ“—какъ говорили саперы. Съ тѣхъ поръ нельзя было жаловаться на Майковскаго: онъ всю душу присталъ къ народному (!) дѣлу.

Во время сшибки подъ арсеналомъ, подпоручикъ сапернаго баталіона, Феликсъ Новосельскій, вывелъ школу артиллерійскихъ подпрапорщиковъ, въ которой онъ былъ прикомандированъ. Два орудія, данныя школѣ для практическаго ученія, стояли въ томъ же домѣ на Медовой улицѣ, въ которомъ помѣщалась школа, но не было лошадей. Новосельскій приказалъ впречь лошадей полковника Савинскаго, командира аппликаціонной школы, помѣщавшейся въ томъ самомъ домѣ; но какъ приказаніе это долго не исполнялось, то подпрапорщики на себѣ повезли орудія въ арсеналу. Состоявшій въ артиллерійской школѣ унтеръ-офи-

¹⁾ И здѣсь авторъ ошибается. Майковскій прибылъ въ казармы, еще до выступленія баталіона. Онъ самъ построилъ его и самъ повелъ на Марсово поле, которое цесаревичемъ назначено было сборнымъ мѣстомъ и для сапернаго баталіона. Этотъ баталіонъ принадлежалъ къ пѣшей гвардейской бригадѣ, которою командовалъ генералъ Жимарскій. Прибывъ первый на Марсово поле, Майковскій построилъ свой баталіонъ въ колонну и на занятыхъ имъ мѣстѣ предполагалъ ожидать приказаній Жимарскаго; — но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, подпоручикъ Мальчевскій, находившійся впереди при саперномъ взводѣ, вышедши изъ фронта, приступилъ къ нему. Майковскому, съ требованіемъ, чтобы онъ велъ баталіонъ въ городъ. Получивъ отъ Майковскаго отвѣтъ, что безъ приказанія генерала Жимарскаго не тронется баталіонъ съ Марсоваго поля, Мальчевскій вынулъ изъ кармана пистолетъ и въ мигъ выстрѣлилъ въ своего командира, но не попалъ въ него: пуля прошла между Майковскимъ и стоявшимъ возлѣ него баталіоннымъ адъютантомъ Абсамитовскимъ. Такъ показали самъ Мальчевскій, который, по укрощеніи мятежа, найденъ былъ въ Царствѣ Польскомъ и осужденъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ. Прим. перев.

церь Онуфрій Корженіовскій привезъ боевыя заряды изъ лабораторіи ¹⁾. Артиллеристы, шедшіе съ Новосельскимъ, выстрѣлили на пути въ проѣзжавшаго мимо нихъ верхомъ адъютанта великаго князя, Безобразова, а по прибытіи къ арсеналу, тотчасъ, не теряя времени, приступили къ выломанію арсенальныхъ воротъ и, на сей конецъ, потребовали патроновъ изъ желѣзной лавки, на Долгой улицѣ. Предполагалось, по плану заговора (какъ я сказалъ выше), сохранить въ цѣлости находившееся въ арсеналѣ оружіе; но теперь, послѣ столькихъ неудачъ, при умножающемся числѣ непріятели, который былъ уже сильнѣе насъ, надлежало раздать народу этотъ драгоценный запасъ. Вскорѣ подоспѣло множество мастеровыхъ; они старались высадить съ крюковъ толстыя дубовыя ворота. Новосельскій, въ нетерпѣніи, велѣлъ выломать бывшія въ окнахъ рѣшетки и тотчасъ, чрезъ окна, начали подавать народу ружья, сабли и пистолеты ²⁾. Наконецъ вылетѣли и ворота, — но у ружей не было кремней. Стоявшій при артиллерійской лабораторіи поручикъ артиллеріи Штольцманъ указалъ секретное мѣсто, гдѣ спрятаны были кремни, что весьма способствовало къ вооруженію сперва малаго, а потомъ все большаго числа людей, приходившихъ за оружіемъ, а наконецъ, не долѣе, какъ чрезъ часъ, цѣлой варшавской черни, прилетѣвшей со всѣхъ сторонъ въ несмѣтной толпѣ. Съ двухъ особенно пунктовъ былъ поднятъ народъ въ одно и то же время: съ Краковскаго предмѣстья и съ Стараго мяста—тамъ военными, здѣсь статскими. Подпоручикъ 4-го пѣхотнаго полка Заіончковскій, командовавшій карауломъ на Краковскомъ предмѣстьи, слѣдуя данному приказанію, вбѣжалъ, вмѣстѣ съ отставнымъ подпоручикомъ Осипомъ Добровольскимъ, въ театр Розмантосьци (*Variétés*), съ обнаженною саблею въ рукѣ и закричалъ: „Господа! вы здѣсь изволите веселиться, а между тѣмъ русскіе рѣжутъ нашихъ до тла!“ Вѣсть чрезвычайная, ужасная для суетнаго свѣта, забавляемаго комедіей!... Публика бросилась на улицу

¹⁾ Корженіовскій ѣздилъ въ лабораторію за зарядами, но не привезъ, потому что не было тамъ зарядовъ. Прим. перев.

²⁾ Не подпоручикъ Новосельскій, и не артиллерійская школа выломали ворота и окна въ арсеналѣ, но подпоручикъ 4-го пѣхотнаго полка Заіончковскій, по приходѣ туда съ гауптвахты, что на Краковскомъ предмѣстьи, гдѣ онъ 29-го ноября командовалъ карауломъ.

Прим. перев.

и въ дѣломъ городѣ распространила ужась. Заіончковскій и Добровольскій отправились съ карауломъ далѣе, съ криками: „въ оружію!“ подняли тревогу на улицахъ: Подвалѣ, Сенаторской и Медовой. Возлѣ Сигизмундова монумента, они захватили молодого Жандра, корнета лейбъ-гвардіи уланскаго цесаревича полка, и прибыли въ арсеналу въ то время, когда тутъ ломались въ ворота—въ минуту нападенія Волинскаго полка на нашихъ.

Вездѣ съ трескомъ запирали лавки и дома. Фонари погаси. Одни изъ жителей скрывались передъ смятеніемъ, котораго послѣдствія были еще такъ сомнительны; другіе смотрѣли на него изъ оконъ и съ крышъ. Смѣльчави и любопытные выбѣгали на улицу и собирали тысячи пустыхъ слуховъ. Но городъ обратился тотчасъ въ пустыню; только простой народъ, мастера-вые: сапожники, портные, кузнецы, слесаря въ мигъ смекали дѣломъ.

На Старомъ мѣстѣ—среди преданій 1794 года, на той классической мостовой, гдѣ, при Костюшкѣ, висѣло столько измѣнниковъ,—ожидали сигнала къ дѣйствию: Ксаверій Брониковскій, Владиміръ Корманскій, Осипъ Козловскій, Анастасій Дуниязъ, Михайло Дембинскій и я, съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, каковымъ томилась заговорщица на всѣхъ прочихъ пунктахъ столицы. Прошло семь часовъ—и нѣтъ вонца напрасному ожиданію! Брониковскій отправляется на Новый святъ развѣдать, что дѣлается. Черезъ полчаса возвращается онъ съ страшнымъ извѣстіемъ, „что цесаревичъ только-что выѣхалъ изъ французскаго театра въ Бельведеръ. Въ возрастающемъ безпокойствѣ нашемъ на счетъ успѣха возстанія, слышимъ мы наконецъ вдали барабанный бой и выходимъ на площадь, крича: „въ оружію, въ оружію!“ Въ это самое время подходятъ изъ бывшихъ вблизи казармъ двѣ роты 8-го пѣхотнаго полка ¹⁾). Одинъ изъ офицеровъ, на вопросъ нашъ: „не пора ли приняться за дѣло?“ отвѣчаетъ съ притворнымъ удивленіемъ: „о какомъ дѣлѣ говорите вы, господа?“

„Мы пришли сюда“,—присовокупилъ онъ—„потому, что здѣсь дорога къ нашему сборному мѣсту“.

Этотъ отвѣтъ, показывающій чрезвычайную осмотрительность,

¹⁾ Въ окрестностяхъ Стараго мѣста нѣтъ вовсе казармъ. Гренадерскія роты 8-го пѣхотнаго полка расположены были на ближнихъ улицахъ въ обитательскихъ домахъ.

имѣлъ свои основанія ¹⁾); ибо, въ случаѣ неудачи, могли офицеры, поступая осторожно, оправдать себя предъ великимъ княземъ, сославшись на приказъ, которымъ велѣно имъ было выступить изъ казармъ въ сборнымъ мѣстамъ, какъ только замѣчено будетъ какое либо смятеніе въ городѣ. Но въ мигъ раздались крики на ближнихъ улицахъ, на Пивной и на Подвалѣ; сбѣжалось множество народа на площадь Стараго мѣста. Мы говорили къ народу какъ умѣли; когда же собралось его больше, отправились съ нимъ по Сенаторской и Медовой къ арсеналу. Обѣ помянутыя роты слѣдовали за нами до того мѣста, гдѣ сходится Сенаторская съ Медовою, а отсюда пошли въ домъ правительственной военной коммисіи и заняли ея дворъ, который былъ имъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ.

На улицѣ Долгой, шагахъ въ двухъ стахъ отъ арсенала, масса народа была уже велика; онъ приставалъ со всѣхъ сторонъ къ толпѣ, которую мы вели съ Стараго мѣста; вездѣ носились революціонныя крики. Въ томъ разстояніи услышали мы пальбу у арсенала; она открыта была нашими по Волинскому полку, который напиралъ на 4-й пѣхотный и на гренадерскія роты 5-го. Эти первые выстрѣлы подѣйствовали на народъ такъ сильно, что все пришедшее съ нами, все стремившееся съ Подвала и съ Новаго мѣста, разбѣжалось во мгновеніе ока и невѣдомо куда дѣвалось, оставивъ на улицѣ насъ однихъ. Нѣтъ ничего тревожнѣе въ первыхъ минутахъ, какъ народъ невооруженный. Первые сборища суть обыкновенно толпы любопытныхъ. Вскорѣ минулъ тутъ мгновенный испугъ: мы снова побѣжали на Старое мѣсто, и народъ началъ снова собираться. Пораженный первымъ впечатлѣніемъ, онъ распространялъ повсюду вѣсть: „что русскіе рѣжутъ нашихъ!“ Эти слухи помогли намъ взволновать чернь, столпить ее въ разныхъ пунктахъ столицы и стануть въ центру съ самыхъ дальнихъ концовъ.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалось съ тѣми четырьмя, нѣ-

¹⁾ Отвѣтъ офицеровъ имѣлъ основанія самая простая: обѣ гренадерскія роты 8-го пѣхотнаго полка не участвовали въ заговорѣ и весь вечеръ, а потомъ и цѣлую ночь съ 29 на 30 ноября простоали спокойно у Военной коммисіи, гдѣ назначено имъ было сборное мѣсто. Командиръ этого полка, полковникъ Свѣринецкій, находившійся въ тотъ вечеръ въ Варшавѣ, прибѣгалъ къ нимъ нѣсколько разъ и не допустилъ ни офицера, ни солдата сойти съ мѣста.

Прим. перев.

сколько уже разъ упомянутыми орудіями, которымъ, по плану заговора, слѣдовало быть на пригорѣхъ у Радзивиловскихъ казармъ и стрѣлять оттуда на воздухъ, во время сшибки подпрапорщиковъ съ русскою кавалеріею, — ибо въ этотъ именно моментъ надлежало поручику Нѣтокоци прибыть съ орудіями въ тотъ пригорокъ и начать дѣйствія, которыя заговорщиками соображены были съ выступленіемъ шести ротъ изъ Ординацкихъ казармъ.

Артиллерія, на которую много рассчитывало возстаніе, состояла изъ 8-ми орудій конно-артиллерійской гвардейской батареинной батареи, помѣщавшейся въ гвардейскихъ артиллерійскихъ казармахъ, — изъ 3-хъ орудій, находившихся въ арсеналѣ, — изъ 2-хъ легкихъ, данныхъ артиллерійской школѣ для практическаго ученія, которыя, какъ мы уже видѣли, вывезъ оттуда Новосельскій, — и изъ 4-хъ бывшихъ при бомбардирной школѣ. Симв-то послѣднимъ назначено было занять позицію у Радзивиловскихъ казармъ. Отъ того-ли, что въ заговорѣ мало пеклись о вовлеченіи артиллерійскихъ и другаго оружія офицеровъ, или же отъ беспорядка въ сношеніяхъ главныхъ заговорщиковъ, которые, поручая приѣмъ новыхъ лицъ одинъ другому, не всегда удостовѣрялись, какъ исполнены данныя порученія, — открыта была тайна бомбардирной школѣ не прежде, какъ наканунѣ возстанія, хотя всѣ полагали, что она давно уже въ заговорѣ. Правда, что, за нѣсколько еще недѣль до 29-го ноября, офицеры этой школы Нѣтокоць, князь Янушъ Четвертинскій и Хоѣнцкій, по собственнымъ догадкамъ, приняли нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. Учредили они въ сихъ видахъ надежнѣйшій присмотръ за лошадьми бомбардирной школы, стоявшими далеко отъ орудій, назначая въ конюшнямъ только такихъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ образъ мыслей былъ извѣстенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не переставали внушать всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ что, въ случаѣ замѣпательства въ городѣ, положеніе ихъ будетъ опаснѣе, чѣмъ другихъ отрядовъ польскаго гарнизона, такъ какъ бомбардиры помѣщались въ казармахъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, слѣдовательно среди русскихъ, которые могли тотчасъ на нихъ броситься и вырѣзать ихъ. Но всѣ эти приготовления дѣлались безъ вѣдома начальниковъ заговора и были слѣдствіемъ только предусмотрительности офицеровъ, которыхъ никто не предварилъ ни

о мѣрахъ, принимаемыхъ къ произведенію возстанія, ни о срогахъ, назначенномъ для начатія. Бывшему при бомбардирной школѣ учителемъ поручику Нѣтовою, пользовавшемуся довѣріемъ товарищей и нижнихъ чиновъ, не прежде какъ наканунѣ 29 ноября, сообщилъ поручику Штольдманъ, по порученію Высоцкаго, что возстаніе наступитъ въ слѣдующій день вечеромъ и что общество возлагаетъ на него вывести въ шесть часовъ вечера четыре орудія къ Радзивиловскимъ казармамъ ¹⁾. Нѣтовою, хотя и поздно поручили ему дѣло, сопряженное съ чрезвычайными трудностями, обѣщалъ всякую съ своей стороны помощь, но не очень вѣрилъ, чтобы въ слѣдующій день могло послѣдовать возстаніе, разсуждая, и весьма основательно, что если революціи нужны пушки, то надобно было ранѣе подумать о нихъ.

Не ожидая ничего важнаго, Нѣтовою, 29-го ноября, весь день просидѣлъ у себя на квартирѣ. Когда пробило шесть часовъ, когда прошло семь и даже за половину восьмаго, а на улицахъ никакого не замѣтно было движенія, — усомнился онъ совершенно въ революціи, и не прежде, какъ послѣ первыхъ криковъ: „къ оружію“, началъ принимать мѣры къ выступленію съ орудіями. Орудія стояли въ полѣ, за лагеремъ сапернаго баталіона, верстахъ въ семи отъ Радзивиловскихъ казармъ; люди отъ сихъ орудій были въ казармахъ Волинскаго поля; лошади — въ казармахъ гвардейской артиллеріи, а аммуниція — въ лабораторіи. Сколько же препятствій предлежало одолѣть въ столь короткое время! Но Нѣтовою уладилъ все съ быстротою неизъяснимою. Подпоручику князь Янушъ Четвертинскій былъ 29-го ноября дежурнымъ въ Бомбардирной школѣ ²⁾. Узнавъ отъ товарища своего Хоѣнцакаго, что въ шесть часовъ пополудни положено начать возстаніе, онъ послалъ, при наступленіи вечера, нѣсколько человекъ рядовыхъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ въ конюшни гвардейскихъ артиллерійскихъ казармъ надѣтъ хомуты на лошадей, послѣ переклички велѣлъ бомбардирамъ не отлучаться

¹⁾ Поручику Нѣтовою откомандированъ былъ въ бомбардирную школу изъ легкой пѣшей № 1-й роты, а поручику Штольдманъ состоялъ по артиллеріи и находился при арсенальномъ управленіи, въ званіи адъютанта.

Прим. перев.

²⁾ Подпоручику князь Четвертинскій былъ прикомандированъ къ Бомбардирной школѣ, изъ конно-артиллерійской № 2-го батареи, которая квартировала Подляскаго воеводства въ г. Седльцѣ.

Прим. перев.

изъ казармъ ни на шагъ и, ввѣривъ тайну нѣсколькимъ унтеръ-офицерамъ, возложилъ на однихъ внушить солдатамъ, что ожидаютъ въ школу главнаго ея командира, генерала Бонталя; что въ его присутствіи будетъ вторая переключка, и чтобы затѣмъ были они всѣ готовы въ казармахъ, — а другихъ послалъ въ арсеналу съ тѣмъ, чтобы дали ему знать, какъ только соберутъ около него отряды польскаго гарнизона, — ибо не прежде какъ по занятіи арсенала предполагалъ Четвертинскій вывести солдатъ изъ казармъ, чтобы не встревожить заранѣе Волинскаго поля. Вскорѣ прибѣжали унтеръ-офицеры съ донесеніемъ, что у арсенала собирается польское войско. Началъ тогда же выступать и Волинскій полкъ, свѣдавъ о тревогѣ въ городѣ отъ присланныхъ великимъ княземъ офицера. Четвертинскій, при помощи унтеръ-офицеровъ, провелъ Бомбардирную школу сквозь русскихъ, взявъ съ собою съ казармной гауптвахты карауль, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ артиллеристовъ, поспѣшилъ въ казармы гвардейской артиллерійской батареи и обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ донесъ командовавшему тою батареею подполковнику Хоржевскому, который важную его услугу принялъ какъ нельзя холодно. Хоѣвницкій, еще до Четвертинскаго, прибылъ въ тѣ же казармы; подоспѣлъ тотчасъ и Нѣтокоць, взявъ съ собою Школу, завернулъ въ арсеналъ за ружьями для бомбардировъ и чрезъ Лѣшно (ибо Повонзковская застава была занята русскими) отправился въ лагерь за орудіями. На улицѣ Лѣшно, Нѣтокоць вмѣстѣ съ Хоѣвницкимъ и бомбардирами, отбилъ тюрьмы въ Кармелитскомъ влѣшторѣ, что взяло у него также не мало времени. Не далѣе, какъ черезъ часъ послѣ того, Нѣтокоць, собравъ всѣ принадлежности своей артиллеріи, разбросанныя на столь многихъ мѣстахъ, привелъ четыре орудія съ лошадьми, аммуниціею и бомбардирами въ городъ чрезъ Вольскую заставу и пошелъ по Электоральной улицѣ, въ намѣреніи пробраться къ Александровскому костелу, а оттуда къ Радзивилловскимъ казармамъ. Но все это было уже поздно! Бомбардирная школа, не вѣдая ни о чемъ, встрѣтилась около банка съ командою гвардейскаго конно-егерскаго полка, который, передавшись великому князю, высылалъ сильныя разѣзды въ городъ. Начальникъ той команды, прибывъ къ обману довольно низкому, для узнанія отъ Нѣтокоця и отъ бомбардировъ революціоннаго отзыва, велѣлъ своимъ егерямъ

ожружить орудія и, какъ бы прикрывая ихъ, повелъ къ цесаревичу ¹⁾. Штольцманъ и Высоцкій увѣрили Нѣтокоя, что сонные егеря будутъ за насъ,—не мудрено-же, что онъ на нихъ голожилса! Но какъ изумились добрые бомбардиры, когда великій князь выслалъ къ нимъ адъютанта своего, полковника Турхо, съ изъявленіемъ благодарности за прибытіе съ орудіями во-время и когда, вслѣдъ затѣмъ, онъ отправилъ курьера въ Петербургъ съ донесеніемъ, что часть польской артиллеріи перешла на его сторону! Трудно описать отчаяніе Нѣтокоя и Хоѣнцаго! Они хотѣли лишиться себя жизни и особенно, когда солдаты и унтеръ-офицеры приступили къ нимъ съ горькими и отчасти справедливыми упреками за позднее выступленіе. Ихъ удержала только та мысль, что еще можно имъ будетъ загладить свою вину, обративъ орудія противъ Константина, если бы онъ вздумалъ атаковать городъ ²⁾. По овладѣніи арсеналомъ, толпы народа шумнаго. большею частію уже вооруженнаго, переносились съ улицы на улицу, отъ предмѣстья къ предмѣстью. Вдоль по Вислѣ городъ былъ въ нашихъ рукахъ; войско наполняло въ особенности одну часть города, Налѣвки, и площади передъ домомъ Комисіи внутреннихъ дѣлъ, передъ арсеналомъ и передъ банкомъ; въ этихъ мѣстахъ народъ прибывалъ безпрестанно. Каждую минуту ожидали нападенія непріятели съ двухъ сторонъ: отъ Но-

¹⁾ Все это неправда. Нѣтокоя, съ 4-мя орудіями и съ находившимися въ Бомбардирной школѣ нижними чинами, встрѣтилъ начальникъ всей польской артиллеріи, генералъ Редель, на улицѣ Братской, примыкающей къ площади, на которой костьялъ св. Александра. Генералъ Редель, не полагаясь на увѣренія Нѣтокоя, что онъ идетъ къ Бельведеру, велѣлъ встрѣченной имъ командѣ конныхъ егерей эскортировать школу и, подъ этою эскортою, отвелъ ее и бывшія при ней орудія къ цесаревичу. Нижніе чины, которые не знали даже, куда ихъ велъ Нѣтокоя, были и на пути и въ Бельведерѣ особенно покорны. Самъ Нѣтокоя увѣрялъ всѣхъ бывшихъ при цесаревичѣ генераловъ въ своей неограниченной преданности.

Прим. перев.

Когда, на другой день, одинъ изъ русскихъ генераловъ, кажется Герштенцевейгъ, указывалъ бомбардирамъ, въ которую сторону оборотить орудія въ случаѣ нападенія бунтовщиковъ, Нѣтокоя сказалъ ему: „извините генералъ! Я въ своихъ стрѣлять не буду—и не только я, но и ни одинъ изъ моихъ солдатъ“.

Авторъ.

Прим. перев. Это такой же вздоръ, какъ и горе солдатъ объ отправленіи великимъ княземъ курьера съ донесеніемъ, что Бомбардирная школа не пристала къ бунтовщикамъ. Какъ будто цесаревичъ давалъ знать солдатамъ, о чѣмъ пишетъ къ государю императору!!!

Прим. соч.

ваго свята—его кавалеріи, а отъ Марсова поля—пѣхоты. Надлежало обезпечить ту центральную позицію. На сей конецъ Артиллерійская Школа выкатила изъ арсенала три легкія орудія, а два еще прежде привезла изъ своихъ казармъ, съ Медовой улицы. Эти пять орудій разставили такимъ образомъ: два, подъ командою поручика артиллеріи Грабовскаго, защищали доступъ къ Муранову; другія два, подъ командою подпоручика Валигурскаго, обстрѣливали площадь передъ домомъ Коммисіи внутреннихъ дѣлъ изъ-за баррикады, устроенной гвардейскими гренадерами наскоро изъ кирпича; одно орудіе, обращенное на улицу Лѣшно, было подъ командою Новосѣльскаго. Это движеніе около арсенала, являло особое, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Гдѣ столько собралось войска, столько вооруженнаго народа, гдѣ столько офицеровъ раздавали приказанія, гдѣ каждый начальствовалъ, распоряжался, кричалъ, — тамъ, кажется, нельзя бы было не произойти беспорядку, который описать трудно, а остановить еще труднѣе. Между тѣмъ случилось совсѣмъ противное. Всякій благоразумный совѣтъ былъ тотчасъ исполняемъ и добрая воля каждаго заступала высшую власть. Инсурекція безъ главнаго предводителя, остановленная, передъ началомъ своимъ и во время ополченія народа, самою несчастною проволочкою, необезоружившая врага, собранная потомъ случаемъ, нуждою, инстинктомъ собственнаго спасенія въ одну массу. въ одинъ пунктъ, — показала себя подлинно мастерски (!!) въ этой оборонительной и довольно грозной позиціи. Непріятель не смѣлъ ¹⁾ напасть на насъ вторично. По неимѣнію готовыхъ зарядовъ, подпрапорщики Артиллерійской Школы, явившіе себя въ эту минуту истинными сынами отечества, приготовляли пушечные заряды изъ нѣсколькихъ фунтовъ пороха, найденнаго случайно въ арсеналѣ, а ядра подбирали изъ лежащихъ предъ арсеналомъ. Недоставало пыжей; тотчасъ гренадеры и саперы, не смотря на стужу, поскидали рукавицы и употребили ихъ на заряды вмѣсто пыжей. Но при всемъ этомъ

¹⁾ Совершенный вздоръ. Общеизвѣстный фактъ, что инсурекція была бы задавлена въ первыя же минуты вспышки, если бы цесаревичъ Константинъ Павловичъ явилъ большую рѣшительность и не увлекся несчастною мыслью—не поднимать оружія, дабы не навлечь укоровъ, что русскіе проливаютъ кровь поляковъ. И вотъ, вмѣсто десятковъ жертвъ, погибли потомъ десятки тысячъ, страна вся обогрилась кровью въ братоубійственной войнѣ.

Прим. перев.

слѣдовало еще укрѣпить много открытых мѣстъ, дававшихъ непріятелю свободный доступъ; а главная артиллерія Варшавскаго гарнизона, т. е. гвардейская батарея Хоржевскаго оставалась до гѣхъ поръ въ совершенномъ бездѣйствіи. По уходѣ Нѣвокоца съ Бомбардирною школою въ саперный лагерь за орудіями, подпоручикъ князь Четвертинскій и состоявшій въ артиллерійской школѣ унтеръ-офицеръ Гаевскій остались въ казармахъ гвардейской батареи. Тщетно старались они убѣдить командира ея, подполковника Хоржевскаго, чтобы онъ послалъ на Прагу за зарядами, въ которыхъ вездѣ оказывался недостатокъ. Хоржевскій отговаривался то тѣмъ, то другимъ и даже въ грубыхъ выраженіяхъ остановилъ Гаевскаго. Лучшій успѣхъ имѣло требованіе подпоручика Новосѣльскаго. Онъ вбѣжалъ въ казармы и, приближась къ командиру батареи со взведеннымъ пистолетомъ въ рукѣ, оставилъ ему на выборъ: смерть или скорую рѣшимость въ дѣлѣ народа (!). Тогда только Хоржевскій послалъ на Прагу князя Четвертинскаго и унтеръ-офицера батареи Шадурскаго, съ тремя фурами и однимъ ящикомъ. Четвертинскій взялъ съ собою у арсенала взводъ 4-го пѣхотнаго полка, подъ командою подпоручика Пршерадскаго, а какъ носился слухъ, что кирасиры, зайдя отъ Солца, пресѣкли сообщеніе между Варшавою и Прагою, то для усиленія своей эскорты, звалъ онъ вездѣ народъ идти за фурами. Эта торжественная процессія принуждена была остановиться на Краковскомъ предмѣстьи. Патруль саперовъ встрѣтилъ ее у Сигизмундова монумента съ извѣстіемъ, что конные егеря стрѣляли по немъ и напираютъ отъ Саксонской площади. Фуры могли быть захвачены; но саперы очистили имъ дорогу, начавъ дѣйствовать противъ конныхъ егерей и принудивъ ихъ оставить Саксонскую площадь.

Маіоръ Кежерницкій, уже около трехъ часовъ, занималъ Прагу съ двумя гренадерскими 1-го пѣхотнаго полка ротами. Тотчасъ, по прибытіи туда, онъ послалъ патрули во всѣ стороны, велѣлъ развести половину моста на Вислѣ, а ворота пороховаго магазина приказалъ выломать, постановивъ взорвать его на воздухъ, если бы русскіе учинили нападеніе въ превосходныхъ силахъ. По прибытіи своихъ, онъ снабдилъ ихъ зарядами, которые такимъ образомъ пришли чрезъ часъ по отпращиваніи фуръ изъ казармъ гвардейской батареи. На Прагѣ, Четвертинскій роздалъ

два тюка ружейныхъ патроновъ провожавшему его народу, который, стрѣляя безпрестанно около фуръ, чуть было не зажегъ ихъ, а проѣзжая черезъ городъ, онъ раздавалъ патроны народу и войску; далъ пушечныхъ зарядовъ стоявшей около арсенала артиллеріи, а остальные увезъ въ казармы гвардейской батареи.

Не было, наконецъ, у Хоржевскаго отговорокъ къ удержанію своей батареи отъ дѣйствія въ столь важное время. Онъ раслаживалъ по казармному двору, заложа руки, придумывая средства, какъ бы продлить еще бездѣйствіе. Прежде не было у него зарядовъ; теперь, когда ихъ привезли, онъ представлялъ, что не можетъ безъ прикрытія выступить съ орудіями на улицу. Устранили и это препятствіе. Пришла тотчасъ рота grenadierъ изъ-подъ арсенала. Пѣхотные офицеры разсуждали между тѣмъ, не наказать ли примѣрно, то есть смертію, столь явнаго упорства. Участь Хоржевскаго была крайне сомнительна. Но Четвертинскій поставилъ на видъ, что Хоржевскій можетъ еще съ пользою служить отечеству; что не отказывается онъ отъ участія въ дѣлѣ народа, но ожидаетъ только какихъ-то приказаній. Одни эти уваженія спасли командира гвардейской батареи. Унтеръ-офицеръ Онуфрій Корженіовскій сказалъ ему передъ фронтомъ пѣхотной роты, пришедшей для прикрытія: „что теперь, безъ явной измѣны (!), не можетъ онъ удерживать орудія въ казармахъ“. Пушечные и пистолетные заряды были уже розданы по взводамъ: Хоржевскій по неволѣ долженъ былъ приказать батарее выступить. Она тронулась изъ казармъ около полуночи и заняла слѣдующія позиціи: подпоручикъ Орловскій, съ первымъ взводомъ, сталъ лицомъ къ Налѣвкамъ и Ново-липыю; поручикъ Лабановскій и подпоручикъ Эквѣльскій поставили четыре орудія на Красинской площади, обративъ одно къ улицѣ Фрета, другое на Медовую, а два оставили у театра. Подпоручикъ графъ Гауке занялъ площадь Тлумацкую, навелъ одно орудіе на улицу Лѣшно, гдѣ уже не было Новосѣльскаго, а другое поставилъ на улицѣ Бѣлянской, по направленію къ Саксонской площади.

Эта артиллерія обезпечила внутреннюю оборону. Чтобы точнѣе понять, въ какомъ состояніи находились тогда инсургенты, бросимъ взглядъ на планъ Варшавы. Всѣ улицы, ведущія къ арсеналу, были укрѣплены; доступъ къ нимъ, съ одной стороны, отъ

Марсова поля и отъ казармъ Волинскаго полка, а съ другой стороны, отъ Новаго свята, былъ достаточно обезпеченъ; народъ въ большихъ толпахъ обружалъ повсюду войско. Тутъ дружился онъ съ солдатами и подрѣплялъ въ нихъ духъ своимъ числомъ, своею вѣрою, своею на все готовностью;—тамъ сопровождаемый академиками, освобожденными изъ монастыря кармелитовъ, слушаль пламенные ихъ рѣчи, или стрѣлялъ на воздухъ изъ забавы; въ одномъ мѣстѣ отбивалъ магазины гнуснаго откупщика Неваховича, навлекшаго на себя общую ненависть; въ другомъ—грозными выходками страдалъ евреевъ—вездѣ полный усердія къ святому дѣлу (?), за которое схватилъ оружіе—вездѣ далекій отъ грабежа, хотя и убогій ¹⁾. Остальная, зажиточнѣйшая часть столицы заперлась на замки и на ключи отъ дѣла, которое не представляло еще никакихъ корыстныхъ видовъ эгоизму, жадности, спѣси или боязни;—таково было наше положеніе по полуночи! Патрули наши изъ-подъ арсенала и непріятельскіе, конные и пѣшіе, встрѣчались иногда другъ съ другомъ; но между ними не доходило до сшибовъ. Польскіе конные гвардейскіе егеря отличались больше всѣхъ; они пуще русскихъ желали смять, уничтожить возстаніе. Саперы были въ безпрестанномъ движеніи противъ этого полка, невѣрнаго родному дѣлу; они занимали попеременно то Краковское предмѣстье, то Савсонскую площадь, то площадь передъ банкомъ.

Отъ генерала Фенша, который былъ высылаемъ для развѣдыванія о происходящемъ въ городѣ, узналъ цесаревичъ, и не прежде какъ по полуночи, что народъ варшавскій разобралъ оружіе изъ арсенала. Эта вѣсть произвела на его умъ чрезвычайное впечатлѣніе. Оборотясь тотчасъ къ окружавшимъ его генераламъ, онъ закричалъ: „Messieurs, pas un coup de fusil!“ Примѣръ Парижа и Брюсселя внушалъ (опасенія). Въ эту минуту, самое слабое наступательное движеніе съ нашей стороны къ аллеямъ, особенно съ орудіями и съ народомъ въ цѣлой массѣ,—въ эту минуту, одно перенесеніе революціонной суматохи за Новый святъ было бы, по мнѣнію моему, достаточно для взятія въ плѣнъ

¹⁾ Мало однако жъ осталось улицъ, на которыхъ не были разграблены лавки, не только съ съѣстными припасами, но и съ товарами разнаго рода; на Францисканской улицѣ подверглось этой участи не малое число изъ еврейскихъ лавокъ, изъ купеческихъ конторъ и винныхъ погребовъ.

Прим. перев.

цесаревича Константина Павловича, не знавшаго, что дѣлается съ его пѣхотою, немѣвшаго съ нею никакого сообщенія. Судьба, которая сначала подвергла опасности все предпріятіе, отъ неудачи въ сигналѣ, недопустившей напасть на неприятеля врасплохъ, представляла теперь заговорщикамъ наилучшій способъ поправить дѣло. Но не кому было стать на челѣ взволнованной столицы. И вмѣсто того, чтобы всю свою разноручную, революціонную толпу двинуть на Новый святъ, а оттуда къ аллеямъ, вмѣсто того, чтобы такимъ сильнымъ напоромъ сокрушить цесаревича и послѣ въ торжествѣ провести его чрезъ городъ съ обезоруженною (!!!) гвардіею,—рѣшились инсургенты: ждать разсвѣта въ положеніи оборонительномъ, въ бездѣйствіи, какъ бы съ вѣщаго предчувствія, что возстаніе и въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ будетъ держаться только оборонительной системы. Не стрѣль удержалъ инсургентовъ; остановила ихъ одна невозможность принять и привести въ дѣйствіе мѣру рѣшительную разомъ, съ предварительнаго общаго совѣщанія. Быть также можетъ, что заговорщики боялись, чтобы во время нападенія на великаго князя, русская пѣхота не ворвалась въ городъ съ тылу. Какъ бы то ни было, гдѣ всѣ дѣйствуютъ и никто не распоряжается, тамъ обыкновенно соглашаются скорѣе на оборону, нежели на атаку. Наступательныя движенія требуютъ одного вождя. Къ тому же подпоручики, начальники возстанія, имѣли въ войскѣ слѣшкомъ мало вѣса, чтобы предпринять чтонибудь подобное, хотя бы оно и пришло имъ на умъ: старшихъ, какъ мы видѣли, смертію надобно было склонять къ революціи,—а въ толпѣ народа, приставшаго къ инсургентамъ, не было человѣка, за которымъ бы пошли другіе и котораго воля была бы для нихъ закономъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ оставалось дѣло безъ дальнѣйшаго хода.

Въ это однакожь время (гораздо уже за полночь) сдѣлали инсургенты родъ наступательной демонстраціи. Дано было знать, что гвардейскіе конные егеря, собравшись около лютеранской церкви, на улицахъ Мазовѣцкой и Крулѣвской, тревожатъ мимоходящія толпы народа; что стрѣляютъ по нимъ, отнимаютъ оружіе и задерживаютъ военныхъ, отлучающихся отъ своихъ командъ. По полученіи этого извѣстія, отправленъ былъ подпоручикъ Гауке съ двумя орудіями чрезъ улицу Вѣржбову на Саксонскую

площадь. Конные егеря тотчасъ усважали.... По отступленіи егерей, Гауке, Четвертинскій и нѣсколько пѣхотныхъ офицеровъ постановили, съ общаго совѣщанія, вытянуть отъ Сигизмундова монумента до банка оборонительную цѣпь, для отнятія у непріятеля способа дѣлать рекогносцировки въ важнѣйшихъ пунктахъ, или зайти даже инсургентамъ въ тылъ. Этотъ планъ они исполнили такимъ образомъ: на Бѣлянской улицѣ сталъ подпоручикъ Валигурскій съ двумя орудіями; часть пѣхоты, собравшейся на Саксонской площади, заняла улицу Сенаторскую по правой и по лѣвой сторонѣ; Гауке, съ своими орудіями и съ остальною частью пѣхоты, пошелъ къ Сигизмундову монументу. Лишь только тронулся онъ съ мѣста, пронеслась внезапно вѣсть, что русскіе кирасиры вторглись на Сенаторскую улицу: стукъ его орудій подервнулъ тотъ слухъ и стоявшій на Красинской площади поручикъ гвардейской батареи Лабановскій пустилъ на Сенаторскую три выстрѣла вдоль Медовой, отъ чего патруль гренадерскихъ ротъ 8-го пѣхотнаго полка, стоявшихъ около Правительственной военной комиссіи, потерялъ убитымъ одного рядоваго. Гауке остановился у этой комиссіи и только на другой день перешелъ съ своими орудіями на Красинскую площадь.

Со стороны Марсова поля, русская пѣхота не сдѣлала никакого движенія. Нижніе чины гвардейскаго егерскаго полка (поляки), который на Марсовомъ полѣ наблюдалъ за Литовскимъ, безпрестанно прибѣгали къ польской пѣхотѣ и уговаривали ее атаковать литовцевъ, ругаясь, что воль скоро покажутся поляки, положить русскіе тотчасъ оружіе. Великій князь не предпринималъ ничего — посылалъ только конные патрули, которые то появлялись, то исчезали. Эту службу исправлялъ у цесаревича поручикъ Менцинскій съ командою конно-егерскаго полка, съ которою онъ 29-го ноября 1830 г. былъ дежурнымъ на Саксонской площади для разъѣздовъ — и первый началъ дѣйствовать противъ народа, еще прежде чѣмъ полкъ его выступилъ изъ Мѣровскихъ казармъ къ цесаревичу.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до самаго утра.

Эта ночь была довольно кровопролитна. Она была убійственна въ особенности для генераловъ, которые или давнею, вѣрною цесаревичу службою, обратили общее (?) на себя негодованіе или изъ неумѣстной (!) осторожности колебались пристать къ дѣлу на-

рода. Погибли изъ числа первыхъ: генераль отъ артиллеріи графъ Гауке, бригадные генералы: Трембицкій и Блюмеръ и полковникъ Мецишевскій. Изъ числа другихъ только генераль отъ инфантеріи графъ Станиславъ Потоцкій и начальникъ главнога штаба польской арміи, бригадный генераль Сѣміонтовскій, подверглись той же участи. Ее по всей справедливости заслуживали гораздо больше Рожнѣцкій, Винцентій Красивскій и Курнатовскій; но они уцѣлѣли. Менѣе преступныхъ (!), какъ случается часто, постигала месть, всегда въ первомъ движеніи неумолимая.

Смерть Потоцкаго была ужасна. Этотъ старецъ, совративъ съ пути долга (!!) отечеству шесть гренадерскихъ ротъ, слѣдовавшихъ изъ Ординацкихъ казармъ на поддержаніе шкеры подпрапорщиковъ, не переставалъ и послѣ того деморализовать войско, обезоруживать народъ ¹⁾). Какое нибудь пагубное движеніе души ослѣпляло его въ сихъ вредныхъ усиліяхъ, — только злой, прерватный взглядъ на вещи, овладѣвъ его умомъ въ сіи великіи минуты, могъ довести его до той запальчивости, съ какою онъ метался во всѣ стороны противъ усиливающагося возстанія. Потоцкій не былъ никогда дурнымъ полякомъ; но тутъ не подѣйствовали на него ни просьбы, ни угрозы. Облетѣвъ безуспѣшно весь почти городъ, онъ подѣзжаетъ около полуночи къ гренадерской 3-го пѣхотнаго полка ротѣ, стоявшей на углу улицъ Римарской и Лѣшно, между комисіею финансовъ и комисіею внутреннихъ дѣлъ. Онъ хочетъ и здѣсь уговорить солдатъ и наконецъ подпоручику Липовскому, командовавшему ротой, приказываетъ вести ее вслѣдъ за нимъ — къ Бельведеру. Въ эту самую минуту, нѣсколько статскихъ подбѣгаютъ къ незнакомому имъ офицеру, который, заложивъ руки, рассказывалъ по Тлумацкой площади, шагахъ въ 20-ти отъ мѣста той сцены. „Потоцкій уво-

¹⁾ Всѣ эти слова должно читать иначе: доблестный старецъ съ мужествомъ, дѣлавшимъ ему величайшую честь, направилъ къ своему долгу шесть ротъ, готовыхъ пристать къ мятежу и т. д.

Вообще не надо забывать, что рассказъ принадлежитъ одному изъ заговорщиковъ и притомъ писавшему вскорѣ послѣ подавленнаго возстанія, въ чадѣ еще ненависти къ побѣдителямъ-русскимъ и къ тѣмъ благоразумнымъ полякамъ, которые въ предвидѣніи всѣхъ бѣдствій для отечества, тщетно пытались остановить революцію.

Прим. перев.

дять солдатъ!“ кричатъ ему тѣ статскіе. — „Такъ всадить ему пулю въ лобъ!“ отвѣчаетъ офицеръ и тотчасъ отходитъ отъ нихъ. Этотъ офицеръ былъ Заливскій ¹⁾. Вслѣдъ за его отвѣтомъ, тѣ самые статскіе подскочили въ мигъ къ Потоцкому, сорвали у него со шляпы перо и обступили кругомъ, подкрѣпляемые чернью. Потоцкій защищается шпагою; когда же у него сломали шпагу—кулаками отбивается отъ нападающихъ. Долго боролся онъ съ чернью: наконецъ оборвали на немъ эполеты, свалили съ ногъ, избили до крови. Еще спасеніе его зависить отъ показавшагося жандармскаго разъѣзда; но нѣсколько выстрѣловъ изъ рядовъ вышеназванной гренадерской роты дѣлаютъ тщетную всякую помощь. Онъ на другой же день скончался отъ ранъ.

Сѣміонтковскій погибъ на Саксонской площади, бывъ почти насильно поставленъ противъ революціи—полковникомъ Сержинецкимъ, командиромъ 8-го пѣхотнаго полка, который пріѣхавъ въ столицу изъ Пултуска, гдѣ была его штабъ-квартира, игралъ въ вистъ у Сѣміонтковскаго, когда въ городѣ возникло волненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что будущій вождь народнаго возстанія считалъ легкимъ унять первыя его движенія. Усмирить волненіе онъ почиталъ честію, непремѣннымъ долгомъ военнаго человѣка; — онъ Сѣміонтковскому, незнавшему что начать, далъ совѣтъ бѣжать стрелгабъ, куда его призывала обязанность начальника штаба, куда звала опасность цесаревича. Сѣміонтковскій колебался еще. Сержинецкій говоритъ ему: „что скажешь ты завтра великому князю,—чѣмъ оправдаешься передъ нимъ, когда онъ уиметъ все это? *Allez, général, et dites de ma part à monseigneur, que je suis corps et âme à Lui* ²⁾“. Такого мнѣнія былъ Сержинецкій о дѣлѣ, которое повело его потомъ на челѣ отечественнаго войска!... Сѣміонтковскій послушался роковаго совѣта, — сѣлъ на коня, встрѣтилъ почти у подѣзда, въ нѣсколькихъ шагахъ

¹⁾ Свидѣтелемъ сего происшествія былъ Анастасій Дунина, одинъ изъ заговорщиковъ. Онъ разговоривалъ въ то самое время съ Заливскимъ на Тлумадкой площади, проходя случайно отъ арсенала. Я отъ Дунина знаю эти подробности и помѣщаю ихъ для того, что Заливскій, въ изданной имъ за границею брошюрѣ, горюетъ о смерти Потоцкаго, которой самъ былъ виною.

Прим. перев.

²⁾ Эти подробности рассказывалъ бывшій свидѣтелемъ происшествія, майоръ Нофакъ, — да и сама г-жа Сѣміонтковская, горюя о потерѣ мужа, Сержинецкому приписывала его смерть.

Прим. соч.

отъ своей квартиры, отрядъ саперовъ и роту гвардейскихъ гренадеръ и тотчасъ началъ говорить къ нимъ надменно, колю, какъ генераль, послушный только великому князю. Въ отвѣтъ сразила его смертная пуля Балинскаго, подпрапорщика 8-й роты гвардейскаго гренадерскаго полка. Эта рота послана была патрулемъ совсѣмъ въ другую сторону и какимъ-то страннымъ случаемъ чрезъ Саксонскую площадь возвращалась къ арсеналу.

Ночи конецъ и слѣдуетъ начало контръ-революціи.

В. А. Жуковскій.

Необходимо сдѣлать поправку-оговорку о томъ, что въ июньской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1884 г. сообщенное мною письмо В. А. Жуковскаго только лишь найдено въ бумагахъ Е. П. Ковалевскаго, но отнюдь не ему адресовано. Къ кому оно писано—я не знаю. По всей вѣроятности, оно хранилось у Ковалевскаго только какъ автографъ В. А. Жуковскаго и было послано или кн. П. А. Вяземскому, или графу Д. Н. Блудову, съ которыми Жуковскій былъ на т м, но никакъ не къ Е. П. Ковалевскому, который былъ много моложе Жуковскаго и едва ли даже былъ въ перепискѣ съ нимъ.

Судя по неразобранному мною въ концѣ письма слову „Журав...“, можно думать, что письмо писано было къ кому нибудь изъ а р з а м а с ц е в ѣ, такъ какъ послѣ отсылки въ „Русскую Старину“ копія письма я набрелъ на мысль, что означенное слово надо читать такъ: „Журавлю“, т. е. Ф. Ф. Вигель слышшему подъ этимъ именемъ въ оружіи арзамасцевъ.

Г. Е. Р.

КЪ ИСТОРИИ ПОКОРЕНІЯ КАВКАЗА.

1726—1880.

Исторія 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго полка (съ 1726 по 1880 годъ). Три тома. Спб. 1881 г.

Соч А. Зиссермана.

I.

«Исторіи полковъ служатъ лучшими уроками будущаго, это вѣрные залоги силы войскъ, это хранилища полковыхъ традицій,—это боевыя преданія полковой славы». Достаточно прочесть предисловіе къ разсматриваемому нами сочиненію, чтобы судить о направленіи автора, о его взглядѣ на дѣянія полка, славу котораго онъ преданъ всѣми силами души, а потому и исторію этого полка онъ изложилъ съ тою полнотою, съвозъ которую всюду проглядываетъ любовь автора ко всему, что касается дѣяній не одного его полка, но вообще славной кавказской арміи.

Писать исторію всякаго полка, и писать такъ, чтобы она была интересна каждому военному читателю, далеко не такъ легко, какъ это думаютъ многіе берущіеся за подобный трудъ. Написать же исторію полка, существующаго болѣе полутора вѣка, но не принимавшаго участія въ войнахъ и битвахъ, нѣвшихъ всемірное значеніе, наконецъ не имѣющаго своего архива,—трудъ неимоверный. Кабардинскій же полкъ былъ именно таковымъ. Его не велъ Суворовъ черезъ Альпы, онъ не испытывалъ славы войны отечественной, онъ не слышалъ побѣдныхъ кликовъ Бульма, Лейпцига и Парижа. Не только Дунай, Севастополь, Балканы, но и болѣе близкіе для полка—Башъ-Кадыкларъ и Карсъ, все это чуждо для Кабардинцевъ, а между тѣмъ ихъ вѣковая слава гремѣть по всему Кавказу. Кто изъ насъ, теперь ужъ старцевъ, не помнить, какъ бывши кадетами, мы съ жадностію слушали рассказы о дивныхъ подвигахъ Кабардинцевъ и тогда уже знали имена его командировъ. Ни одна вѣсть съ Кавказа, ни радостная, ни печальная, не доходила безъ придачи къ рассказу эпизодовъ, рисующихъ или отличіе всего полка, или откомандированныхъ частей его.

Основаніе полка относится къ 1726-му году, именно къ тому времени, когда, для усиленія Низоваго корпуса, указомъ сената было предписано сформировать 5 новыхъ полковъ. Первый изъ нихъ, называвшійся до 1729 г. полкомъ фонтъ-Девиза, а затѣмъ до 1732 г. — фонтъ-Фенингъ-Бирова и полкомъ Равокуцкимъ, и былъ, наконецъ, названъ Кабардинскимъ, по имени провинціи Кабарды, одной изъ первыхъ признавшихъ на Кавказѣ власть Россіи.

Описывая событія, среди которыхъ совершились эти частыя переименованія полка, авторъ его исторіи приводитъ, въ подлинникѣ, указы сената военной коллегіи. Включеніе въ текстъ разсказа длинныхъ документовъ всегда отвлекаетъ читателя отъ главнаго сюжета, а тѣмъ болѣе документовъ, написанныхъ языкомъ начала минувшаго столѣтія. Вообще замѣтимъ, что при всѣхъ достоинствахъ труда г. Зиссермана, онъ очень часто вдается въ подробныя описанія такихъ дѣйствій, распоряженій и даже политическихъ комбинацій и выводовъ, которые не касаются взятой имъ на себя задачи. Для общей связи полковыхъ дѣяній конечно невозможно умалчивать о томъ, что ихъ вызывало и какія отношенія они имѣли къ ходу общихъ событій, но надо бы было по возможности удерживаться отъ того, что для полка совершенно чуждо. Авторъ самъ сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ и много разъ оговаривается.

Первыя двѣ главы I тома посвящены походу Петра I въ Персію, потому описанію дѣйствій Низоваго корпуса на турецкой границѣ. Читая ихъ, мы до 1733 г. нигдѣ не встрѣчаемъ имени Кабардинскаго полка; авторъ впервые упоминаетъ о немъ только приводя посланное въ этомъ году въ военную коллегію квартирное росписаніе, изъ котораго видно, что полкъ находился въ Дербентѣ. «Все это — говоритъ авторъ — описано имъ для того, чтобы показать въ какой школѣ выучился полкъ выносить удушливый, ослабляющій 40-градусный зной, дѣлать громадные переходы по песчанымъ прибрежьямъ, по горамъ и скаламъ, идти одному противъ десятерыхъ и считать отдыхомъ стоянку или въ уединенныхъ крѣпостяхъ, или въ грязныхъ азіятскихъ городишкахъ, среди враждебнаго населенія». Поводъ описывать постороннія дѣйствія крайне соблазнительнъ, особенно, когда авторъ обладаетъ способностью налагать ихъ столь живо, какъ это сдѣлано г. Зиссерманомъ; но если-бы всѣ авторы исторій полковъ поступали такимъ образомъ, то всякому изъ нихъ пришлось-бы повторять описанія всевозможныхъ походовъ, а читателямъ трудно было бы совладать съ многотомными твореніями сочинителей.

Исторію Кабардинскаго полка г. Зиссермана правильнѣе было бы назвать исторіею покоренія Кавказа. Рѣдко въ какомъ даже специальномъ описаніи завоеваній этого края встрѣчается столько интересныхъ фактовъ, столько характерныхъ эпизодовъ кавказскаго быта, сколько въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Кабардинскій полкъ, «сформированный на походѣ», прибылъ въ 1735 г.

въ Астрахань, откуда въ слѣдующемъ году, въ составѣ своднаго Низоваго корпуса, перешелъ къ Азову и принималъ участіе въ его осадѣ. Мѣра этого участія, къ сожалѣнію, не могла быть опредѣлена, вслѣдствіе того, что въ реляціяхъ того времени, за рѣдкими исключеніями, не переименовывали полковъ, а писали просто: столько-то было драгунъ, столько-то пѣхоты. «Все это—писать г. Зиссерманъ—затрудняетъ изысканія о полкѣ, и заставляетъ говорить о томъ, что до него не касается». Впрочемъ военный читатель между многими не касающимся полка встрѣтитъ въ разсматриваемой нами книгѣ много интереснаго. Для примѣра приведемъ слѣдующее:

Въ іюнѣ 1736 года армія фельдмаршала Ласса пришла къ Бердянску и расположилась у рѣки «Конскія воды». Здѣсь всѣ генералы, узнавъ о нагнѣніи главнокомандующаго двинуться на соединеніе съ Минихомъ, сочли это движеніе рискованнымъ, собрались къ Лассу и заявили, что если онъ не отиѣнитъ своего приказанія, то они уйдутъ изъ арміи. Не смотря на всѣ доводы фельдмаршала, генералы настаивали на своемъ. Тогда Лассъ объявилъ имъ, что можетъ обойтись безъ нихъ, приказалъ написать имъ отпусные билеты, и назначить конвой. Генералы спохватились, просили извиненія и дѣло уладилось. Эпизодъ весьма характерный; жаль только, что авторъ не указываетъ на источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ.

При движеніи арміи по степи, поучителенъ расчетъ обоза. Для отряда въ 20 тысячъ, провіантъ везли на 18 тысячахъ паръ воловъ; въ каждомъ драгунскомъ полку было 391, въ пѣхотномъ 547 обозныхъ лошадей, на которыхъ везли: патроны, жернова, рогатки, бочки съ водой и кромѣ того отрядъ имѣлъ еще 900 верблюдовъ. Самъ собою является вопросъ: что стоило прокормить такое количество животныхъ, и въ какой мѣрѣ этотъ обозъ парализировалъ всѣ планы и соображенія?

Шведская война 1740—1741 годовъ переноситъ Кабардинскій полкъ сначала въ Петербургъ, а потомъ въ Прибалтійскій край, гдѣ онъ и оставался въ теченіи 13 лѣтъ. При чтеніи описанія происходившаго въ этотъ періодъ, весь интересъ сосредоточивается на весьма дѣльныхъ, часто остроумныхъ и талантливо изложенныхъ выводахъ и заключеніяхъ автора, чѣмъ онъ и возполняетъ пробѣлы того времени, когда Кабардинскій полкъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Не находя за это время въ архивахъ указаній о полкѣ, г. Зиссерманъ откапываетъ формуляры нѣкоторыхъ членовъ полка и приводитъ изъ нихъ эпизоды, характеризующіе нравы офицеровъ того времени. Вообще нельзя не удивляться тому труду и терпѣнію, которые видимо перенесены авторомъ для того, чтобы изъ общихъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ почерпнуть всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми такъ богато его сочиненіе.

Въ 7-ми-лѣтней войнѣ Кабардинскій полкъ не участвовалъ. Въ концѣ ея, мы видимъ его разбросаннымъ по берегамъ Вислы. Подобное раздробле-

ніе доходить до того, что нѣкоторыя части полка, вмѣстѣ съ знаменами, приданы были къ полкамъ Вятскому и Воронежскому. Только въ 1762 г. Кабардинцы, какъ бы возражаясь къ самостоятельной жизни, собираются на постоянныя квартиры къ Выборгу.

Въ первой турецкой войнѣ при Екатеринѣ II полкъ принималъ нѣсколько большее участіе, чѣмъ въ предшествовавшихъ войнахъ, но и здѣсь авторъ его исторіи посвящаетъ цѣлую главу описанію обстоятельствъ, приведши Россію къ войнѣ съ турками, при чемъ одинъ рескриптъ императрицы Екатерины II занимаетъ 4 страницы, а затѣмъ слѣдуетъ пространное изложеніе происходившихъ переговоровъ посланника Обрезнова съ великимъ визиремъ, окончившихся заключеніемъ нашего посольства въ Семнбашенныя замки. Въ слѣдующей главѣ описываются безпорядки, происходившіе въ Константинополѣ, выступленіе турокъ въ походъ, переводъ пѣннаго русскаго посольства въ непріятельскій лагерь. Все это, конечно, нисколько не касается Кабардинскаго полка. Постороннія подробности доводятъ авторъ его исторіи даже до того, что онъ касается переписки Екатерины II съ Вольфомъ, но все это живо, бойко и читается легко, благодаря счастливой способности г. Зиссермана освѣщать описываемыя событія.

Въ ноябрѣ 1768 г. Кабардинскій полкъ выступаетъ изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ соединяется въ одну бригаду съ полками Московскимъ и Бопорскимъ. Какіихъ-либо подробностей о полкѣ, при движеніи князя Голицына къ Хотину и отступленіе его снова за Днѣстръ, мы не находимъ. Трудно сѣтовать на это, потому что вся та масса источниковъ, которые были и только разсмотрѣны г. Зиссерманомъ, но, можно сказать, изучены имъ, не указывала на подробности дѣйствій и отличія полковъ. То же, что онъ тщательно разыскивалъ ихъ, доказывается множествомъ постороннихъ фактовъ, интересныхъ въ обще-историческомъ смыслѣ.

Дальнѣйшій ходъ кампаніи изложенъ авторомъ весьма обстоятельно, съ обычною его талантливостію. Картиное описаніе происходившей у турокъ безурядицы, ихъ бѣдственное положеніе въ Хотинѣ и т. д., все, не исключи зашѣтки объ отцѣ фельдмаршала Мольте, читается съ большимъ интересомъ. Но о Кабардинскомъ полкѣ все-таки говорится какъ-бы вставками, которыя совершенно поглощаются подробными описаніями событій общаго свойства и весьма основательными выводами и заключеніями автора. Что полкъ участвовалъ въ бояхъ этой войны и заслужилъ уже извѣстность, доказывается тѣмъ, что его придали, какъ надежнѣйшій, къ колоніи извѣстнаго боеваго генерала временъ Екатерины, Игельстрома. Въ продолженіи всей 5-ти лѣтней войны, полкъ не выходилъ изъ дѣйствующихъ колоній и не оставался при гарнизонахъ и вагенбургахъ. Игельстромъ особенно цѣнилъ командира Кабардинскаго полка, полковника Блечку, который появлялся всюду, гдѣ только предстояло какое-либо отважное предпріятіе. Картиное описывалъ

битвы при Лагрѣ и Кагулѣ, авторъ, по неизвѣстнѣю собственно полковыхъ источниковъ, хотя и не указываетъ на подробности участія полка въ этихъ сраженіяхъ, но это участіе, при той репутациі, которую заслужилъ уже полкъ у Игельстрома, и при лихости своего командира, не могло быть маловажнымъ.

Не смотря на частое укомплектованіе Кабардинскаго полка изъ другихъ частей арміи, онъ, судя по сохранившимся свѣдѣніямъ, часто находился въ очень ограниченномъ составѣ, хотя и не несъ въ это время особенныхъ потерь въ сраженіяхъ. Убыль происходила отъ болѣзней и побѣговъ, причны которыхъ должны были заключаться въ административныхъ злоупотребленіяхъ и въ жестокости обращенія. «Достоинно вниманія — говоритъ авторъ — что тѣ-же части, изъ которыхъ люди бѣжали десятками, когда дѣло доходило до боя, вели себя героями».

Во второй половинѣ первой турецкой войны роль Кабардинскаго полка очерчивается личностію его командира. Полковникъ Бличка является постояннымъ начальникомъ экспедицій, требовавшихъ быстроты соображенія и отваги. Въ составъ отрядовъ онъ беретъ преимущественно роты своего-же полка. Дѣлаемый изъ этого авторомъ выводъ отзывается такою правдивостію и поучительностію, что мы приводимъ изъ него извлеченіе.

Боевая репутация командира не можетъ не отражаться самымъ благоприятнымъ образомъ на полкъ; первенствующая роль его въ лихихъ военныхъ предпріятіяхъ дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ не только на офицеровъ, но и на солдатъ; является увѣренность въ превосходствѣ, въ отличности; люди съ нѣкоторою гордостію начинаютъ считать себя выше другихъ. Нѣсколько лѣтъ такого положенія достаточны, чтобы полкъ и его офицеры усвоили извѣстную нравственную репутацию среди другихъ войскъ. Всѣ ихъ рассказы связываются съ тѣмъ-же именемъ командира и его полка; послѣдующія дѣла подтверждаютъ ихъ отличія и такимъ образомъ создается слава части, передающаяся ея исторіей и устными преданіями. Подобный жребій выпалъ на долю Кабардинскаго полка, въ отрядахъ Игельстрома и Вейсмана, а потомъ, въ столѣтнюю службу его на Кавказѣ, разросся до громаднаго размѣра.

Лихія дѣйствія полковника Блички и его Кабардинцевъ при Барасу и Тульчи, при переправѣ черезъ Дунай и при Силестріи—все это было прологомъ въковой боевой славы полка; но и здѣсь мы замѣтимъ, что эта слава несколько бы не уменьшилась, если-бы авторъ исключилъ изъ своего и безъ того обширнаго сочиненія: текстъ условій Кучугъ-Кайнарджирскаго мира; доказательство, что Румянцевъ былъ не только полководецъ, но и дипломатъ; какія онъ получилъ награды и пр.

По окончаніи 1-й турецкой войны Кабардинскій полкъ былъ сначала зачисленъ въ 1-ю дивизію 1-й арміи, потомъ вновь — въ финляндскую ди-

визію и долженъ былъ возвратиться на свои прежнія квартиры въ Выборгъ, но изъ Быхова направлень въ составъ Астраханскаго корпуса.

Оставляя въ сторонѣ описываемыя авторомъ политическія комбинаціи, въ родѣ мнѣнія Вольнея о раздѣлѣ Турціи,—хотя все это полно интереса, но къ исторіи полка не имѣетъ отношенія, укажемъ лишь на то, что касается собственно Кабардинскаго полка. Съ 1776 года онъ уже не оставляетъ Кавказа. Первое его тамъ расположеніе было въ устроенной его же трудами крѣпостцѣ Новогеоргиевской, гдѣ храбраго Блячку сѣдняетъ не менѣе боевой полковникъ Ладыжинскій. Время до 1785 года проходитъ въ постройкѣ укрѣпленій между Азовомъ и Моздокомъ, при чемъ Кабардинцы неоднократно отражаютъ набѣги горцевъ, но все это носитъ покуда характеръ мелкой войны. Съ появленіемъ же между горцами фанатика Шахъ-Мансура, начавшаго священную войну и «возвѣстившаго Кавказу гибель пришельцевъ», дѣла принимаютъ другой, уже болѣе серьезный, оборотъ. Это время слѣдуетъ считать началомъ длившейся 85 лѣтъ кавказской войны. Первыя попытки захватить лже-пророка оказались неудачными и вхлотившій въ составъ этой экспедиціи кабардинскій баталіонъ страшно пострадалъ, но, подъ начальствомъ новаго своего командира Нагеля, славно одержанною имъ 2-го ноября 1785 г. побѣдою, отомстилъ за это.

Во время второй турецкой войны закубанскіе горы вторглись въ занятые нашими войсками предѣлы. Для ихъ отраженія, направлены были за Кубань три колонны. Въ происходившихъ тамъ дѣлахъ, особенно замѣчательныхъ въ 1788 г., принималъ дѣятельное участіе то тотъ, то другой баталіонъ Кабардинцевъ.

II.

Въ теченіи слѣдующихъ 10 лѣтъ, т. е. съ 1780 г. и по 1790 г., авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, при всемъ стараніи извлечь изъ архивовъ какія-либо указанія о дѣйствіяхъ Кабардинскаго полка, умалчиваетъ о немъ. Взвѣсивъ этого онъ посвящаетъ цѣлую главу описанію блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ, въ этотъ періодъ, бывшими кабардинцами, генералами Нагелемъ и Германомъ, неоднократно разбивавшими извѣстнаго въ то время предводителя горцевъ Баталъ-пашу. Затѣмъ онъ подробно и мастерски изображаетъ совершившееся въ 1791 году паденіе Анапы, но Кабардинскій полкъ не участвовалъ въ этомъ, славномъ для русскихъ военныхъ лѣтописей, штурмѣ.

Далѣе въ настоящемъ трудѣ описываются приготовленія къ защитѣ Грузіи отъ персидскаго вторженія и самый ходъ этой защиты; при этомъ событія эти изложены вполне осязательно, при чемъ сдѣланныя въ этомъ мѣстѣ I тома выборы изъ донесеній графа Зубова императрицѣ Екатеринѣ,

ей отвѣты и другіе приводимые документы только увеличивают впечатлѣніе читателей мастерскаго разсказа.

Восшествіе на престолъ Павла I-го было причиною пріостановки военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе чего бывшій на турецкой границѣ Кабардинскій полкъ возвратился къ лѣту 1797 года, черезъ Баку, на Кавказскую линію, въ мѣста прежняго своего расположенія.

Слѣдуя своему плану вводитъ въ исторію полка описаніе событій, среди которыхъ росла боевая слава полка, г. Зиссерманъ излагаетъ причины, по которымъ Россія не могла остановиться на одномъ протекторатѣ Грузіи, и «изъ протектората нравственнаго должна была перейти къ реальному». И вотъ престарѣлый царь Ираклій шлетъ посла въ Петербургъ; преемникъ его Георгій XII, видя, что русскія войска отходятъ къ Кубани, колеблется и готовъ принять покровительство Турціи, но побуждаемый сыномъ своимъ царевичемъ Давидомъ, въ 1799 году, совершенно передается Россіи. Вслѣдствіе этого, въ числѣ другихъ войскъ, Кабардинскій полкъ въ 1800 г. трогается изъ Моздова и 23 сентября вступаетъ въ Тифлисъ.

Событіе это до того воодушевляетъ автора исторіи полка, что онъ обращается къ глубочайшей древности. Бирь, съ своею могущественною монархіею, споръ Рима съ Митридатомъ и Хозревомъ, промышленный духъ генуезцевъ, проводимое ученіе Христова,—все это воскресаетъ въ его воображеніи. Только послѣ этого онъ переносится къ дѣйствительности и мастерски очерчиваетъ торжественное вступленіе Кабардинскаго полка въ Тифлисъ, встрѣчу его царемъ и царицею, пальбу изъ крѣпости, звонъ колоколовъ и радостныя восклицанія народа!

Въ первый-же годъ по прибытіи въ Грузію, кабардинцамъ «пришлось дебютировать на новой Кавказской сценѣ», противъ лезгинскихъ скопищъ, и дебютъ былъ блистательный. Кромѣ многихъ наградъ, полку даны были мальтійскія знамена съ надписью: «Съ нами Богъ! За взятіе у аварскихъ войскъ знаменъ, 7 ноября 1800 г.».

Необходимость обезпечить Грузію отъ вторженій сосѣднихъ горцевъ, какъ-бы предчувствовавшихъ значеніе занятія нами Тифлиса, вызвало устройство Лезгинской линіи и эта нелегкая задача выпала на долю Кабардинскаго полка. Онъ несъ кордонную службу, имѣлъ съ лезгинами частыя стычки, которыя вскорѣ смѣнились крупными боевыми дѣлами. Полное отваги и распорядительности: движеніе за Алазань, пораженіе Джарскихъ лезгянъ, взятіе Бѣлокани, занятіе Джары и потомъ Ахетин, все это изложено авторомъ подробно, и имѣетъ съ характеристикою дѣйствій и распоряженій новаго главнокомандующаго князи Циціанова и его первыхъ сподвижниковъ, представляетъ интересныя страницы. Во всѣхъ этихъ блистательныхъ дѣйствіяхъ предводительствовалъ Кабардинскимъ полкомъ командиръ его Гуляковъ, павшій въ Занатальскомъ ущельи.

«Потеря генерала Гулякова, — писалъ князь Циціановъ Государю, — толикими подвигами въ семь край отличившагося, есть несчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія. Отчаяніе Кабардинскаго полка, уныніе его друзей офицеровъ и сожалѣніе всей Грузіи, которая ограждаема была неуспыннымъ бдѣніемъ его и мужествомъ, налагають на меня священную обязанность отдать памяти сего отличнаго полководца достоюющую справедливость. Я лишился усерднаго помощника, войско лишилось начальника, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго».

III.

Описаніе дѣлъ, исполненныхъ Кабардинскимъ полкомъ, съ 1800 года ведется авторомъ его исторіи уже иначе, чѣмъ прежде. Съ этого времени имъ встрѣчаемъ множество о полкѣ подробностей, множество частныхъ приговоровъ исключительныхъ отличій и блистательныхъ подвиговъ.

Съ 1804 по 1810 годъ выдающимися дѣйствіями полка были: усмиреніе Кортаненіи и командированіе одного изъ баталіоновъ въ Тіонеты, гдѣ двѣ роты особенно отличились при нападеніи на Хевсуръ.

1810 годъ былъ однимъ изъ тяжелыхъ для завоеваннаго края. Турки и персы не переставали возбуждать противъ насъ населеніе Грузіи и горскія племена Кавказа. Началось съ возстанія въ Имеретіи, для усмиренія которой 2 кабардинскія баталіона, подъ командою своего шефа князя Орбеліани, были форсированно направлены въ Суравъ, но, благодаря присланнымъ подкрѣпленіямъ, возстаніе вскорѣ было прекращено и 1811 годъ засталъ кабардинцевъ разбросанными по различнымъ отрядамъ Закавказья. Но и наступившій годъ не принесъ особеннаго утѣшенія. Проникнутый кавказскимъ духомъ г. Зиссерманъ, на всякое вводное имъ событіе, не касающееся полка, жизнь котораго онъ описываетъ, смотритъ глазами истиннаго кавказца. Укажемъ для примѣра на тотъ случай, когда одинъ изъ баталіоновъ Троицкаго полка, потерявъ своего командира и старшихъ офицеровъ, сдался персамъ. «Во всякой другой войнѣ — говоритъ авторъ — такой печальный эпизодъ не составилъ бы ничего особеннаго важнаго, но въ Азіи, гдѣ мы были одинъ противъ десяти, гдѣ мы наводили убѣжденіе въ нашей непобѣдимости, гдѣ даже въ крайнихъ, критическихъ случаяхъ мы падали съ оружіемъ въ рукахъ, дорого продавая врагу случайное его торжество, въ Азіи такая катастрофа должна была произвести весьма невыгодное для насъ впечатлѣніе». Въ это время въ Кабардинскомъ полку было какъ-бы междуцарствіе: князь Орбеліани сдалъ его полковнику Петравову, тотчасъ-же получившему другое назначеніе, а вмѣсто него полкъ перешелъ къ полковнику Тихоновскому. Въ Тифлисѣ тоже одинъ главнокомандующій замѣнялся другимъ. Послѣ

Цицианова управляя краемъ маркизъ Паулучи, а затѣмъ генералъ Ртищевъ, при которомъ вспыхнуло возстаніе въ Кахетіи, начавшееся ночнымъ нападеніемъ, 6-го февраля 1812 г., на штабъ Кабардинскаго полка, стоявшаго въ Бодбисховѣ. При этомъ погибла полковая канцелярія съ архивомъ, захвачено 54 тысячи патроновъ, 470 ружей и 212 человекъ были зарѣзаны сонными. Этотъ грустный фактъ вызвалъ въ чинахъ полка не столько уныніе, сколько рвеніе отмстить врагу. Случай къ тому вскорѣ представился: въ Хевсурской экспедиціи, предпринятой въ 1813 году, съ цѣлью отвратить горцевъ на будущее время отъ попытокъ, угрожающихъ сообщеніямъ съ Россією.

«Въ верховьяхъ Хевсурской Арагвы и Аргуна—пишетъ авторъ—все соединилось, чтобы воспроизвести типъ дико-грозной величественной картины, подавляющей человека. Тутъ вершины сѣвѣнныхъ гигантовъ и громадными отвѣсными скалами сдавливаютъ тѣсныя, въ глубинѣ которыхъ бѣлой пѣной бурлятъ и несется бѣшеный водопадъ, заглушая человѣчскій голосъ; тутъ крутыя тропки то усѣяныя камнями, то покрытыя массами почервившаго снѣга, грозящаго вдругъ осунуться и увлечь въ бездну, съ 12 тысячъ высоты, гдѣ замерзаютъ люди, а въ глубинѣ ущелья иногда невыносимый жаръ и внезапно взбухающіе потоки отнимаютъ возможность перехода. Наши солдаты все преодолѣли; но какъ они умудрились перетащить свою артиллерію, остается совершенно загадкою»... Далѣе авторъ, обращаясь къ воспоминаніямъ о переходѣ Суворова черезъ Сень-Готардъ, говоритъ: «Швейцарія, даже и 80 лѣтъ назадъ, ничего подобнаго Хевсуріи представить не могла и дѣйствовавшій тамъ отрядъ (слѣдовательно и Кабардинскій полкъ) считалъ бы переходъ черезъ С. Готардъ шуткою»¹⁾. Послѣ Хевсурской экспедиціи наступили 4 года относительнаго спокойствія; но это была «тишина передъ бурей».

Назначеніе въ 1817 году главнокомандующимъ А. П. Ермолова измѣнило характеръ дѣйствій нашихъ войскъ. Сознавая вредъ заискиванія дружбы у людей, для которыхъ нѣтъ середины, которые руководимы правиломъ: «если сосѣдъ слабъ—нужно его грабить, если онъ силенъ—нужно его бояться», — Ермоловъ нашелъ нужнымъ вести наступательныя дѣйствія, чтобы стать твердо на Сунжѣ, и началъ съ перехода за Терекъ. Съ этою дѣлью, въ слѣдующемъ 1818 году, онъ лично повелъ отрядъ, въ составъ котораго вошли два первые баталіона Кабардинскаго полка. Результатомъ этого наступленія было устройство нѣсколькихъ укрѣпленій по Сулаку и

¹⁾ Здѣсь г. Зиссерманъ замѣчаетъ, что онъ говоритъ это въ тѣсномъ смыслѣ борьбы съ природою и само собою разумѣется, что движеніе противъ какихъ нибудь хевсуръ не можетъ выдержать параллели съ движеніемъ Суворовскихъ богатырей, среди французскихъ отрядовъ Массены и Лекурба.

основаніе крѣпостей Вnezапной и Грозной, чѣмъ положено начало усмиренію Чечни. Во время этой экспедиціи, въ Дагестанѣ замышлялось общее возстаніе, подъ начальствомъ аварскаго хана. Узнавъ о пораженіи близъ Дербента генерала Пестеля, Ермоловъ, несмотря на глубокую осень, сосредоточиваетъ отрядъ у Грозной, и черезъ 15 дней является съ нимъ къ Парвулу, резиденціи хана Ахмета. Для обезпеченія свободнаго движенія въ ущелью, онъ, не втягиваясь въ него всѣмъ отрядомъ, приказываетъ майору Шевцову, съ двумя кабардинскими баталіонами, ночью занять находившумся за нимъ гору. Воспользовавшись темнотою и сильнымъ вѣтромъ, Кабардинцы примѣнили въ этомъ дѣлѣ свою обычную тактику: «ура!» барабанный бой, мгновенный натискъ,—и ошеломленный непріятель бѣжитъ изъ аула. Придавая этому дѣлу особенное значеніе, Ермоловъ писалъ Государю: «Баталіонъ не могъ ни храбрѣе, ни удачѣе исполнить порученіе; неустрашимый Шевцовъ, майоръ Волжинскій и другіе офицеры, овладѣвъ вершиною горы, обезпечили свободный путь всему отряду». Вообще Алексѣй Петровичъ въ своихъ донесеніяхъ иначе не называлъ Кабардинскій полкъ, какъ храбрымъ.

Не прошло и года послѣ данныхъ Ермоловымъ уроковъ горцамъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, какъ они вновь зашевелились, что заставило главнокомандующаго принять рѣшительныя мѣры. Въ концѣ августа 1819 года непріятельскія массы начали стигиваться къ Вnezапной. Въ этотъ разъ Ермоловъ наказывалъ возставшихъ еще чувствительнѣе, предавая огню и раззоренію сопротивлявшіеся аулы. «Здѣсь—писалъ онъ въ Петербургъ—между народамъ, закрутившимъ въ невѣжество, чуждыми общими понятіями, первый законъ есть сила. Знаю, что недостойно Россіи во зло употреблять оную, но я могу не чувствовать, что она необходима, дабы отразить насиліе».

Что касается Кабардинскаго полка, то въ этомъ кровавомъ урокѣ онъ имѣлъ блестящее дѣло, сначала у аула Болтугай, а потомъ у Дадаурт; вотъ какими словами описываетъ ихъ авторъ: «Рукопашный бой кинжаломъ и шашекъ, противъ штыковъ, произошелъ такой, какого едва-ли когда случалось встрѣчать нашимъ войскамъ на Кавказѣ. Нѣкоторые чеченцы, видя, что не устоятъ, на глазахъ нашихъ солдатъ убивали своихъ женъ и дѣтей... Нѣсколько женщинъ сами бросались съ кинжалами и гибли на штыкахъ. Ужасное побоище длилось нѣсколько часовъ и аулъ былъ окончательно взятъ только послѣ истребленія всѣхъ его защитниковъ».

Только что кончилась эта расправа, какъ сильное и богатое племя агушинцевъ дерзнуло напасть на шамтала Тарковского, за его преданность Россіи. Не смотря на осеннюю распутицу, Ермоловъ ведетъ въ Агуши новый отрядъ, въ составѣ котораго были два баталіона Кабардинскаго полка, и въ декабрѣ мѣсяцѣ подчиняетъ взволновавшееся племя своей власти.

Всѣмъ за описанными дѣйствіями произошелъ съ Кабардинскимъ пол-

комъ замѣчательный эпизодъ. Онъ былъ соединенъ съ Вологодскимъ и названъ Ширванскимъ, а прішедшій изъ Россіи Казанскій полкъ переименованъ въ Кабардинскій. То же самое случилось и съ другими полками, что, вслѣдствіе неправильно понятыхъ распоряженій военнаго министерства, произвело общую на Кавказѣ путаницу. Почему такъ случилось и что изъ этого произошло, подробно описано г. Зиссерманомъ въ 23-й главѣ 1-го тома.

Съ 1820 года началась на Кавказѣ система дѣйствій посредствомъ рубки лѣсовъ. Она то временно прекращалась, то снова входила въ силу и, сильно развитая при кн. Барятинскомъ, привела къ блестящимъ результатамъ. Мысль эта принадлежала генералу Вельямину. При Ермоловѣ для этой работы употреблялись сами чеченцы, которые подъ надзоромъ войскъ, собственными топорами, прорубали для насъ просѣки въ вѣковыхъ своихъ дѣбрахъ.

Слѣдующіе года, до начала персидской войны, Кабардинскій полкъ, вслѣдствіе кордонной службы на линіи, не могъ принимать участія въ побѣдахъ, происходившихъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Съ открытіемъ персидской кампаніи, причины которой подробно описаны авторомъ, полкъ оставался охранителемъ спокойствія въ Кабардѣ. Между тѣмъ произошла сдѣлка главнокомандующаго: Ермоловъ былъ замѣненъ Паскевичемъ, присланнымъ въ началѣ въ видѣ помощника главнокомандующаго. Причина перемѣны объяснена авторомъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣкоторое недовѣріе и нерасположеніе въ Петербургѣ, съ присоединившимися къ нимъ интригами на Кавказѣ, неизбѣжно долженствовавшими возникнуть отъ присутствія ген.-адъют. Паскевича, очевиднаго кандидата на должность главнокомандующаго въ край, пользовавшагося особымъ довѣріемъ государя и имѣвшаго разрѣшеніе писать прямо въ Петербургъ, побудили наконецъ Ермолова просить объ увольненіи». До чего дошли интриги противъ Ермолова, можно судить по тому, что Паскевичъ, полагаясь на увѣренія своего переводчика, поручика Ивана Корганова (извѣстнаго на Кавказѣ подъ именемъ Ваньки Банна), рѣшался писать въ Петербургъ, обвиняя прямо Ермолова не только въ возбужденіи войны съ Персією, но и во всѣхъ возстаніяхъ и волненіяхъ на Кавказѣ и во всѣхъ лусульманскихъ ханствахъ ¹⁾.

Въ 1827 году два баталіона Кабардинскаго полка были потребованы въ дѣйствующій отрядъ на персидской границѣ и явились на совершенно новый для нихъ театръ дѣйствій. Въмѣсто тѣнистыхъ лѣсовъ Чечни, дикихъ горъ Дагестана и зеленѣющихъ равнинъ Кабарды, имъ предстояло отличиться на палиной зноимъ плоскости. Въ это время командовалъ полкомъ извѣстный храбрецъ, подполковникъ Шевцовъ, отряднымъ же начальникомъ былъ графъ Бенкендорфъ. Съ ними Кабардинскіе баталіоны заняли Аббазъ-Абадъ, перешли

¹⁾ Собственноручныя письма Паскевича, въ дѣлахъ военно-ученаго архива. II. К.

Араксъ и дѣйствовали противъ Абазъ-Мирзы, а потомъ, подъ начальствомъ главнокомандующаго, участвовали въ взятіи Эривани ¹⁾).

Вслѣдъ за заключеніемъ мира съ Персіею началась война съ Турціею. Излагая ея причины, г. Зиссерманъ подробно описываетъ взятіе Карса, Ахалкалаки, осаду и штурмъ Ахалцыха, но во всемъ этомъ кабардинцы не участвовали. Они занимали въ это время персидскія провинціи Хюю и Урмію и наблюдали за баязетскою дорогою, по которой врывались куртинскія шайки. Здѣсь полкъ пребылъ до конца 1828 года, потомъ былъ передви- нуть къ Баязету, чтобы принять участіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Въ кампанію 1829 года мы видимъ его въ отрядѣ генералъ-маіора Пя- кратьева переправившимся, 6-го апрѣля, черезъ Арпачай и прикрывающую границу со стороны Гумры. Затѣмъ кабардинскіе баталіоны, въ общемъ со- ставѣ собраннаго Паскевичемъ корпуса, участвовали въ пораженіи Гаги- паши, брали укрѣпленный лагерь на Малли-Дюзѣ и были свидѣтелями капи- туляціи Эрзерума. Всѣ эти событія изложены г. Зиссерманомъ весьма по- дробно, съ полнымъ анализомъ не только самыхъ дѣйствій, но и ихъ послѣд- ствій. Онъ находитъ, напримѣръ, что Азія древняя и Азія новая сохранили величайшее сходство въ нравственномъ отношеніи и этимъ объясняетъ побѣ- доносное шествіе Александра Македонскаго и торжество оружія римлянъ.

По заключеніи Адрианопольскаго мира, до совершеннаго выполненія его условій, въ завоеванныхъ пашалыкахъ Малой Азіи была оставлена 20-я дивизія; принадлежащій ей Кабардинскій полкъ находился въ Эрзерумѣ и Гассанъ-Кале, откуда только черезъ годъ, въ декабрѣ 1830 г., по военно- грузинской дорогѣ возвратился въ свою штабъ-квартиру Нальчикъ. За пер- сидскую и турецкую войны полку даны на кивера знаки, съ надписью: «за отличіе».

Генер.-лейт. П. П. Карцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ По поводу Эривани намъ пришлось въ 1847 г. слышать отъ покойнаго ген.-адъют. барона Ливена слѣдующій рассказъ: императору Николаю, въ одну изъ своихъ поѣздокъ на Кавказъ, угодно было видѣть Эривань и лично осмо- трѣть остатки пресловутыхъ ея укрѣпленій. Взойдя на одно изъ возвышеній, въ родѣ бывшаго бруствера, государь спросилъ: „а гдѣ же вѣрность?“ Ему отвѣчали, что онъ стоитъ на главномъ ея пунктѣ. Императоръ улыбнулся и, сходя внизъ, прибавилъ: „выходить—славны бубны за горами“. П. К.

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ РУСИ И ПОЛЬШИ

до половины XIV ст.

Диссертація И. А. Линниченко на ученую степень магистра.

Кандидатъ кievскаго университета И. А. Линниченко защищалъ 13 мая 1884 г. въ с.-петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра русской исторіи (подъ заглавіемъ „Взаимныя отношенія Руси и Польши“ до половины XIV ст., ч. I. Русь и Польша до конца XII в.) и защищалъ блистательно, отразивъ съ глубокимъ знаніемъ своего предмета замѣчанія, сдѣланныя ему официальными оппонентами—проф. Даманскимъ и доцентомъ Замысловскимъ. Съ большимъ удовольствіемъ печатаемъ въ нашемъ журналѣ рѣчь молодого ученаго, отъ котораго ожидаемъ еще много хорошихъ трудовъ на пользу нашей науки. Поручкою въ томъ, что это ожиданіе исполнится, служатъ какъ настоящій трудъ автора, такъ и то общее научное направленіе, представителемъ котораго онъ является: послѣдній изъ его тезисовъ къ диссертаціи (см. ниже) указываетъ на то, что авторъ, не пренебрегая детальными изслѣдованіями, необходимыми какъ подготовительная работа ко всякому научному труду, не смѣшиваетъ однако же учености съ буквоедствомъ, а заключеніе его рѣчи убѣждаетъ въ томъ, что онъ будетъ избирать для своихъ работъ вопросы наиболѣе жизненные и интересныя, такъ какъ молодой ученый энергически протестуетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые недостаткомъ историческаго вкуса въ выборѣ темъ для изслѣдованій и таланта при ихъ обработкѣ прикрываютъ совершенно ложною и вредною теорією, будто историческая наука должна совершенно игнорировать требованія жизни.

Р е д.

Рѣчь И. А. Линичченко, произнесенная имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ предъ диспутомъ на степень магистра русской исторіи

13-го мая 1884 г.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Съ историческими событіями повторяется весьма часто то же, что и съ отдѣльными личностями: какъ въ обществѣ вниманіе всѣхъ сосредоточивается на выдающихся геніальныхъ личностяхъ, такъ точно и изъ массы событій прошлаго историковъ обыкновенно привлекаютъ громкія, выдающіяся изъ ряда событія. Результатомъ такого отношенія почти всегда бываетъ: въ первомъ случаѣ преувеличеніе знанія чуть не обожаемыхъ личностей, во второмъ непониманіе разбираемыхъ событій. Обращая исключительное вниманіе на какое либо лицо, мы обыкновенно приписываемъ его дѣятельности слишкомъ много значенія, совершенно забывая о тѣхъ, болѣе мелкихъ, труженикахъ, работа которыхъ дала необходимое основаніе труду геніальнаго дѣтеля. Значеніе послѣдняго обыкновенно выражается лишь въ группировкѣ давно собраннаго матеріала, въ выдѣленіи изъ него существенныхъ сторонъ, рельефное и яркое представленіе которыхъ придаетъ имъ характеръ новизны, въ одухотвореніи накопленнаго массою предшественниковъ матеріала, въ смѣломъ признаніи того, что прежде высказывалось робко и нерѣшительно. Едва-ли можно найти въ исторіи хотя бы одного человѣка, не имѣвшаго предшественниковъ какъ въ отношеніи изобрѣтенія новаго пути для развитія человѣчества, такъ и въ отношеніи открытія средствъ къ осуществленію найденной истины.

То же самое и въ исторіи. Всякое крупное событіе подготовлялось долгой подземной работой и чтобы не ошибиться въ оцѣнкѣ его значенія и правильно уяснить его причины необходимо почти всегда оглянуться далеко назадъ.

Исключительное вниманіе къ однимъ крупнымъ, выдающимся историческимъ событіямъ имѣетъ для историка еще слѣдующую опасность. Всякое крупное событіе въ народной жизни затрогиваетъ многія стороны человѣческой жизни, поэтому отношеніе къ нему опредѣляется всѣмъ складомъ личности, его изучающей. Безпристрастіе въ отношеніи интенсивныхъ явленій природы-ли или жизни человѣческой крайне трудно: они поражаютъ чувство и умъ слишкомъ сильно. Оттого-то приговоры надъ крупными событіями всегда поражаютъ крайностью; сохранить спокойствіе въ оцѣнкѣ такихъ событій также трудно, какъ остаться хладнокровнымъ во время самаго остраго стеченія лично тебя касающихся обстоятельствъ. Единственная воз-

возможность спокойно отнестись къ какому либо явленію—это привыкнуть къ нему; частое повтореніе извѣстнаго впечатлѣнія ослабляетъ его первоначальную силу, все долго ожидаемое не имѣетъ такой силы впечатлѣнія какъ неожиданное, долгій путь лишаетъ цѣль значительной доли привлекательности.

Историку-прагматику труднѣе, нежели кому другому, сохранить безпристрастіе. Сфера его изученія—прошлая жизнь въ самомъ широкомъ смыслѣ, корни настоящаго. Предметъ занятій историка затрогиваетъ почти всѣ струны человѣческой души и почти невозможно заставить ихъ молчать. Поэтому-то объективное изученіе жизни, хотя бы самой удаленной отъ современности эпохи, крайне трудно. Полное спокойствіе сохраняетъ историкъ развѣ лишь тогда, когда занимается хронологическими или генеалогическими работами, (работами,—замѣтимъ тѣмъ, кто на такія работы смотритъ съ полупрезрѣніемъ,—столь же необходимыми даже историку-философу, какъ таблица логарифмовъ математикамъ). Но лишь только историкъ пытается восстановить какія-либо стороны жизни прошлаго, всѣ его симпатіи и антипатіи, всевозможныя убѣжденія начинаютъ проявлять свою жизнь и часто отражаются на его изслѣдованіи.

Сдѣлаемъ еще уступку: пока историкъ восстанавливаетъ одну внѣшнюю картину прошлаго, онъ еще кое-какъ можетъ держаться на объективной почвѣ. Но уже въ опредѣленіи мотивовъ дѣйствій отдѣльных лицъ труднѣе бываетъ сохранить безпристрастіе, ибо имѣешь дѣло съ живымъ матеріаломъ. Но въ задачу историка входитъ и оцѣнка значенія какъ дѣятельности отдѣльных лицъ, такъ и отдѣльных событій и цѣлыхъ эпохъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ трудѣ историка отразится весь складъ его умственной и нравственной жизни.

Спрашивается теперь, возможно-ли вообще болѣе или менѣе безпристрастное изслѣдованіе въ исторической наукѣ, есть-ли какія либо условія, охраняющія историка отъ излишнихъ увлеченій, отъ пристрастія, способствующія объективности историческаго изложенія?

Мы думаемъ, что такія условія, охраняющія въ значительной мѣрѣ истину историческаго изслѣдованія, существуютъ. Не говоря уже о томъ, что всякое крайнее мнѣніе всегда столкнется съ другимъ крайнимъ и дастъ въ результатѣ среднее, болѣе вѣрное, мнѣніе, укажемъ на два, по нашему мнѣнію важныя условія, способствующія правдѣ историческаго изложенія.

Мы думаемъ, что значительнымъ тормазомъ увлеченіямъ историка всегда служитъ художественное чутье; историкъ тоже художникъ и каждая фальшивая нота въ изображеніи прошлаго претитъ ему также сильно, какъ дисгармонія музыканту. Во всякой карриатурѣ

есть предѣлъ, за который не позволить художнику перейти именно его артистическое чутье, которое въ своей сущности есть ничто иное, какъ инстинктивное стремленіе къ правдѣ, къ вѣрному изображенію дѣйствительности. Намъ кажется, что эта художественная мѣра играетъ въ каждомъ историческомъ изслѣдованіи болѣе значительную роль, чѣмъ обыкновенно думаютъ: артистическое чувство всякаго художника, а слѣдовательно и историка, инстинктивно возмущается такой карриатурой, въ которой исчезаютъ совершенно черты сходства съ дѣйствительностью.

Это такъ сказать внутреннее условіе правды историческаго изложенія, какъ части художественнаго творчества.

Другое условіе для достиженія исторической правды, по нашему мнѣнію, должно состоять, такъ сказать, во внѣшнемъ приемѣ, въ приступѣ къ изученію извѣстныхъ вопросовъ или эпохъ. Историкъ, желающій соблюсти правду изложенія, не долженъ, такъ сказать, бросаться въ самый водоворотъ историческихъ событій сразу, не долженъ браться за изображеніе крупныхъ историческихъ событій, не изучивъ условій, вызвавшихъ ихъ. Это предварительное изученіе, помимо полной его необходимости для правильнаго пониманія событій, охладить увлеченія автора. Этотъ внѣшній приемъ играетъ въ отношеніи увлекающагося историка ту же охлаждающую роль, какую имѣетъ болѣе или менѣе значительное время, протекшее между сильнымъ аффектомъ человѣка и появленіемъ объекта его страсти.

Все сказанное объясняетъ, почему при изученіи взаимныхъ отношеній Руси и Польши я началъ *ab ovo*, съ сѣдой древности. Говорить о важности изученія отношеній такихъ двухъ народовъ, какъ Русь и Поляки, народовъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на историческую судьбу одинъ другаго, едва-ли нужно. Но я, надѣюсь, нисколько не ошибаюсь, когда скажу, что эти отношенія изучены пока весьма плохо какъ съ точки зрѣнія фактической, такъ и со стороны безпристрастнаго къ нимъ отношенія. Причина этого, помимо понятныхъ увлеченій политикой у историковъ русскихъ и польскихъ, кроется, кажется мнѣ, въ значительной степени въ томъ обстоятельстве, что какъ русскихъ, такъ и польскихъ историковъ привлекали обыкновенно явленія наиболѣе рѣзкихъ столкновеній Руси и Польши, какъ казацкія войны и апогей религіозной борьбы православія съ католицизмомъ XVI и XVII вв. Отношенія обоихъ народовъ за предшествующее время изучены пока весьма плохо, а въ этихъ-то отношеніяхъ и кроется объясненіе яркихъ явленій XVI и XVII вв. Думаю, что только изученіемъ предшествующей, правда не столь яркой эпохи, только и можно достигнуть правильнаго пониманія

послѣдующихъ явленій самаго остраго столкновенія двухъ родственныхъ народовъ и опредѣлить степень ихъ вліянія другъ на друга.

Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе разсмотрѣть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обѣихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіи XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно ополячиться, такъ что переходъ ея подъ польское владычество былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польшѣ за до половины XIV вѣка я предполагалъ предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

Однако съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальные части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати. Вслѣдствіе этого, многіе изъ выводовъ, сдѣланныхъ мною на основаніи изученія дальнѣйшаго матеріала, выводовъ совершенно доказательныхъ для меня, могутъ показаться читателю моей книги не всегда убѣдительными, что налагаетъ на меня обязательство скорѣйшаго продолженія моего труда.

Позволю себѣ изложить здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, главные выводы, къ которымъ я пришелъ на основаніи изученія всего періода, занимающаго меня.

До самой середины XIV ст. отношенія южной Руси къ Польшѣ мало чѣмъ отличались отъ ея отношеній къ другимъ сосѣдямъ; сношенія съ Польшей были бытъ можетъ оживлены, но говорить объ исключительномъ вліяніи Польши на развитіе южной Руси до половины XIV в. нѣтъ никакихъ основаній. Въ южной Руси сталкивались равныя культуры, но ни одна изъ нихъ не имѣла преобладающаго вліянія (я понимаю здѣсь западныя культуры, ибо сильное вліяніе Византіи и въ южной Руси, какъ и въ остальныхъ нашихъ областяхъ, не подлежитъ сомнѣнію).

Въ XIII в., благодаря благоприятнымъ историческимъ условіямъ,

между прочимъ и весьма слабому гнету татаръ на эту часть Руси, южно-русское государство достигло весьма значительной степени и политическаго могущества и культурнаго развитія. Можно было, повидимому, весьма многого отъ него ожидать. Оно обѣщало дать намъ образецъ славянскаго государства съ самобытною внутреннею организаціей, но свободнаго отъ той исключительности, нетерпимости и замкнутости, какою отличилась позже Русь Московская.

Причины паденія южной Руси до сихъ поръ не совсѣмъ ясны, но можно думать, что одной изъ главныхъ причинъ этого печальнаго явленія былъ внутренній разладъ въ ней самой, экономическій гнетъ однихъ классовъ общества надъ другими. Быть можетъ въ этомъ явленіи и кроется одна изъ причинъ слабого сопротивленія ея населенія чуждымъ завоевателямъ.

Послѣ захвата южной Руси Польшѣ представился удобный случай вплотить родственныи по происхожденію народъ въ свои нѣдра. Для этого требовалось только сохранить за населеніемъ права языка и религіи, дать краю мѣстную автономію и законодательнымъ порядкомъ облегчить участь массъ народныхъ и тѣмъ заслужить ихъ вѣчную благодарность. Задача каждаго государства, составленнаго изъ разнородныхъ частей — путемъ улучшенія быта народнаго провести въ мысль разныхъ племенъ, его составляющихъ, желаніе соединенія въ одну націю съ централизующей группой, провести это желаніе реальнымъ доказательствомъ выгодъ отъ такого соединенія. Польша этого не хотѣла понять, а потому сначала потеряла южную Русь, а затѣмъ, вслѣдствіе внутренней дезорганизаціи, и сама пала.

Таковы главные выводы всей моей работы, какъ изданной, такъ и еще неизданной.

Позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о мотивахъ, вызвавшихъ мою работу.

Она явилась у меня, какъ у уроженца юго-западнаго края, долго находившагося подъ польскимъ владичествомъ, явилась естественнымъ желаніемъ уяснить себѣ отношенія мѣста своей родины къ тѣмъ началамъ, которыя долго въ ней господствовали и отъ которыхъ мой родной край лишь недавно сталъ освобождаться. Я искалъ въ исторіи отвѣта на издавна поставленный вопросъ—объ установленіи *modus'a vivendi* нашего съ поляками. Я обратился къ тому періоду, когда Русь находилась въ томъ же положеніи по отношенію къ Польшѣ, въ какомъ находится теперь Польша въ отношеніи насъ. Я искалъ причинъ, почему уже на самыхъ первыхъ порахъ польское владичество не пришлось по сердцу Руси, почему Польшѣ не удалось сплотить русскихъ и поляковъ въ одну націю, не смотря на множество благоприятныхъ для этого условій. Я уже

далъ выше отвѣтъ на этотъ вопросъ: Польша не умѣла съ первыхъ же временъ своего владычества на Руси создать основнаго условія для слиянія русскихъ въ одну націю съ поляками—общности интересовъ у всѣхъ классовъ населенія Руси съ Польшей. Она создала эту общность только для однихъ высшихъ классовъ, а потому и потерпѣла полное фиаско.

Мнѣ кажется, что такія историческія справки, исходящія отъ современности, не только не бесполезны, но, напротивъ, вполне необходимы. Въ настоящее время наука еще слишкомъ аристократична, слишкомъ игнорируетъ запросы жизни. Оттого-то у насъ и существуетъ ненормальное разобщеніе между наукой и публицистикой. Последняя берется за жизненные вопросы, но въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ достаточнаго научнаго багажа, а добыть ей этого багажа неоткуда, ибо наука слишкомъ наираетъ на свою объективность, бьется запросовъ жизни. Но пока жизнь представляетъ собою борьбу (а едва-ли когда либо борьба исчезнетъ изъ жизни), наука обязана участвовать въ этой борьбѣ и ея участіе въ этомъ отношеніи должно выражаться главнымъ образомъ въ отвѣтахъ на запросы жизни.

Положенія къ диссертации И. А. Ляниченко:

«Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст. Часть I. Русь и Польша до конца XII в.».

1) До конца XII в. не можетъ быть рѣчи о культурномъ вліяніи Польши на южную Русь, ибо Польша этого времени стояла скорѣе ниже, нежели выше Руси въ культурномъ отношеніи.

2) Хотя съ XIII ст. сношенія южной Руси съ Польшей стали весьма оживлены, но до самой половины XIV ст. развитіе южной Руси шло совершенно самостоятельно.

3) Особенный характеръ южно-русскаго боярства не есть продуктъ вліянія Польши или Венгріи, а результатъ особенныхъ условій Галицкой земли; малочисленности княжеской семьи при обширности территоріи.

4) Взаимообщеніе Руси и Польши до конца XII в. въ отношеніи политическомъ выражалось главнымъ образомъ во взаимной помощи вооруженной силой въ критическіе моменты княжескихъ династій обоихъ народовъ.

5) Даже походы обоихъ Болеславовъ, Храбраго и Сильнаго, въ Русь не имѣли специально завоевательной цѣли, а предоставляли лишь военную помощь дружественнымъ и родственнымъ русскимъ князьямъ.

6) До половины XIV ст. не могло существовать племенной вражды между населеніями Руси и Польши, ибо для нея не было никакой реальной основы. Наоборотъ, оживленными сношеніями обоихъ народовъ значительно сближали ихъ; разьединеніе Руси и Польши началось лишь со времени перехода южной Руси подъ польское владычество и совершилось на почвѣ экономической и религіозной путемъ шляхетско-католической политики Польши. Претвореніе русскихъ началъ на польскій ладъ оказалось дурной политиче-

ской мѣрой, ибо имѣло въ виду лишь интересы высшихъ классовъ русскаго общества.

7) Въ общей суммѣ брачныхъ союзовъ русскаго княжескаго дома съ иноземными княжескими семьями до конца XII в. весьма значительный процентъ падаетъ на союзы съ Пястами. Однако русскія княжны чаще выходили замужъ за польскихъ принцевъ, нежели польскія за русскихъ; это доказываетъ, что въ Польшѣ болѣе нуждались въ русской помощи, нежели обратно.

8) Политическое значеніе брачныхъ союзовъ русскаго княжескаго дома съ иноземными княжескими семьями слабѣ значенія между княжескихъ союзовъ на Западѣ вслѣдствіе отсутствія въ удѣльно-вѣчевой Руси вотчиннаго права князей на территорию и отсутствія вслѣдствіе этого и земельного приданнаго.

9) Переимѣна религіи при международныхъ бракахъ съ представителями западнаго исповѣданія не была въ первую половину удѣльно-вѣчеваго періода (даже до конца XII в.) *conditio sine qua non*.

10) Этнографическое распространеніе русскаго населенія на западъ шло надрыве за границы политическихъ предѣловъ русскаго государства. Собрать всѣ свои этнографическія части въ одно политическое цѣлое не удалось ни старой, ни новой Руси.

11) Въ періодѣ удѣльно-вѣчевой мы притомъ и не замѣчаемъ сознательнаго стремленія русскихъ князей къ объединенію русскаго племени. Попытки южно-русскихъ князей захватить части польской территоріи, частью заселенной русскими племенемъ, объясняются необходимостью установить естественныя границы со стороны Польши.

12) Древніе пути изъ Руси въ Польшу значительно видоизмѣнились въ XIII и XIV в. вслѣдствіе возникновенія въ южной Руси новыхъ городовъ, перетянувшихъ къ себѣ всю южно-русскую торговлю.

13) Торговля сношенія Руси съ Польшей до XIII в. не были особенно значительны. Польша имѣла въ это время главнымъ образомъ значеніе транзитнаго пункта для торговли Руси съ Западомъ.

14) Католическая пропаганда изъ Польши въ Русь началась очень рано. Уже въ XII в. Польша считаетъ пропаганду въ Русь своей миссіей, но до самой средины XIV ст. католическая пропаганда изъ Польши не имѣла успѣха на Руси; основанное въ XIII ст. для Руси епископство въ Любушѣ было лишь епископствомъ *in partibus*.

а) При изученіи общественныхъ элементовъ удѣльно-вѣчевой Руси необходимо разсматривать ихъ по областямъ, на которыя распадалась древняя Русь, ибо общія всему русскому племени начала общественного устройства значительно видоизмѣнились по отдѣльнымъ землямъ вслѣдствіе спеціальныхъ условій исторической жизни каждой изъ нихъ.

б) По группировкѣ общественныхъ элементовъ древне-русскія княжества удѣльно-вѣчеваго періода можно раздѣлить на 4 типа: типъ сѣверо-западный (Новгородъ, Псковъ, Смоленское и Полоцкое княжества), типъ сѣверо-восточный (Суздальское княжество), типъ юго-восточный (Кіевское и Сѣверское княжества) и типъ юго-западный (Галичъ и Волынь).

в) Философское образованіе вполне необходимо для историка; только оно одно, указывая связь исторической науки съ другими вѣтвями знанія, сообщаетъ историку въ усъ въ историческому изслѣдованію, т. е. даетъ ему умѣнье выбирать изъ массы историческихъ вопросовъ вопросы болѣе жизненные и насущные для изслѣдованія и во-время укажетъ ему тотъ предѣлъ, гдѣ кончается необходимость въ историческомъ изслѣдованіи и гдѣ начинается то, что при данномъ состояніи исторической науки слѣдуетъ въ ней считать пока еще роскошью.

на Голенина, по управленію Кавказомъ, съ 21-го декабря 1842 г.,—въ борьбѣ съ гонимыми владыкою горъ, каковыя въ действительности были Шамилъ (стр. X).

Представляя затѣмъ превосходное, хотя и весьма свѣдѣе, описаніе успѣховъ Шамиля въ борьбѣ съ нами осенью 1843 г., очеркъ Ад. П. Берже весь основанъ, какъ и всегда, на документахъ, впервые позволяющихся въ печати.

По общему плану, принятому въ изданіи Кавказскихъ актовъ, Ад. П. Берже, вслѣдъ за предисловіемъ, которое, какъ мы уже замѣтили, есть весьма обстоятельное обзорное событіе данной эпохи изъ области гражданской и военной жизни Кавказа, — помѣщаетъ біографическій словарь главныхъ и второстепенныхъ кавказскихъ дѣятелей той же эпохи (1838—1844 гг.); всѣ соединенныя въ этомъ словарѣ данныя добыты г. Берже изъ массы рукописнаго матеріала, въ архивахъ Таврицы, С.-Петербурга и Москвы; если когда нибудь эти словари изъ VI, VII, VIII и IX томовъ «Кавказскихъ Актовъ» — будутъ соединены въ одну книгу, то таковая, по истинѣ, будетъ наилучшимъ біографическимъ словаремъ Кавказскихъ дѣятелей военныхъ и гражданскихъ, не только особенно выдающихся дѣятелей, но и второстепенныхъ, и третьестепенныхъ, за время обладанія Кавказомъ Россіей, т. е. съ конца XVIII в. по 1830-ые года.

Въ краткой біографической вывѣткѣ трудно остановить вниманіе на болѣе выдающихся актахъ въ настоящемъ изданіи. Довольно сказать, что только съ появленіемъ всѣхъ этого, такъ и предвѣствующихъ восьми томовъ (въ девяти книгѣхъ) этого истинно монументальнаго собранія историческихъ документовъ, вполне научно систематизированныхъ, съ отличными алфавитными указателями въ каждомъ томѣ, представляется возможность получить, поименно, составленную по нимъ актовъ исторію Кавказа за время владычества и борьбы за него Россіей. Все, что было писано въ исторіи Кавказа XIX в., до появленія изданія г. Берже, получаетъ отнынѣ положительное лишь самое второстепенное значеніе. Вотъ почему мы вновь повторяемъ то, что говорили при каждомъ новомъ томѣ изданія Кавказскій Археологическій Комитетъ, или вѣрнѣе г. Берже, се въ себѣ воплотившаго, что это величайшей важности и значенія памятникъ для исторіи Кавказа, созданный подъ покрови-

тельствомъ бывшаго Кавказскаго Намѣстника Вел. Кн. Михаила Николаевича и при просвѣщенной, независимо сочувственной поддержкѣ барона А. П. Николая.

Изданіе Кавказскихъ актовъ, какъ мы слышали, завершится томомъ, въ который выйдетъ всѣ дѣятельность кн. М. С. Воронцова (1845—1855 гг.).

Все собраніе Кавказскихъ актовъ печатается въ количествѣ лишь 200 экз. Продается въ Таврицѣ по 25 руб. за томъ; въ некоторыхъ томахъ осталось лишь очень мало экземпляровъ; каждый томъ украсенъ превосходными портретами замѣчательныхъ кавказцевъ, обоимъ пола лицъ, выѣтками, заглавными листами и прочими художественными приложеніями. М. С.

Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г. Состав. А. П. Дмитриевъ-Мамоновъ и К. М. Голодниковъ. Тобольскъ, въ 8 д., 1884 г., стр. VI+304+61, съ прилож. вѣдом. и таблицъ. Цѣна съ пересыл. 2 р. 50 коп.

Книга составлена съ большимъ знаніемъ дѣла и богата содержаніемъ. Сюда, между прочимъ, вошли общія свѣдѣнія о современномъ состояніи губерніи Тобольской; статистическія, этнографическія и юридическія о ней и ея населеніи данныя; климатъ, геологическій составъ и гидрографія губ.; обзоръ историч. въ ней событіи, біографіи замѣчат. административныхъ дѣятелей, ознаменовавшихъ себя особенно полезною для края дѣятельностью, таковы: Соймоновъ, Чичеринъ, Свѣрчанскій, Д. Бантышъ-Каменскій, В. А. Арцимовичъ, А. И. Деспотъ-Земляничъ, П. Г. Казановичъ; дѣлаю сдѣлуютъ статьи о народн. продовольствіи, промышленности, торговлѣ, земледѣліи, расколѣ, ссылахъ, просвѣщеніи, переселеніяхъ изъ Великороссіи въ губ. Тобольскую; весьма интересна статья г. Дмитриева-Мамонова: «Печать въ Тобольск. намѣстничествѣ въ концѣ XVIII в.», его же: «Одновременная пересѣлка города Тобольска (11 апр. 1882 г.) со всѣми относящимися къ ней вѣдомостями и таблицами и проч. и проч. Одного этого перечня довольно, чтобы судить о богатствѣ и интересѣ содержанія этого обстоятельнаго и, во вслѣдствіе отношеній, почтеннаго труда. Губернаторъ тобольскій, просвѣщенному починувъ котораго и поддержкѣ обязана эта книга своимъ появленіемъ, есть тайн. совѣтъ. В. А. Дыбенко-Скрябинъ. М. С.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1884 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣателей, ДѢВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Первыя пять книгъ во ВТОРОМЪ ИЗДАВІИ.

Подписка принимается для городежкихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣателей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; неопубликованныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (30 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (69 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ пятнадцатый.

АВГУСТЪ.

1884 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Патриархъ Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббонетъ на- геріаламъ, 1668 г.	223	VIII. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г. Воспоминанія участника похода М. И. Ставранки.	363
II. Новый Иерусалимъ. Изъ путевыхъ записокъ. Сообщ. А. А. Нароцинъ	255	IX. Александровскія колодези въ С.-Петербургѣ 30 августа 1834—1884 гг. Сообщ. Н. П. Божера- новъ.	369
III. Записки Густава Фомъ-Штран- дала. Перев. съ шведской ру- кописи. Сообщ. Н. К. Фомъ- Штрандана. 1779—1790 гг. 271	271	X. Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г. Сообщ. Ад. П. Берже. 377	377
IV. Записки Д. М. Ростиславова, профес. сав. духовной академіи, «бѣломъ дуковнствѣ». Гл. XIX. 249	249	XI. Русскій губернаторъ въ Польшѣ. Изъ записокъ отставнаго губерна- тора, 1866—1868 гг. Гл. IV—VII. 399	399
V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: рукопись вѣста, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Гл. IX и X. Сообщ. В. Е. Якуш- кинъ.	313	XII. Воспоминанія о походѣ 1877—1878 гг. Очерки К. О.	411
VI. Война съ польскими ополченцами 1531 г. въ перепискѣ Николая I съ гр. Дяблицъ-Забалканскій. 331	331	XIII. А. Е. Викторовъ, † 1863 г. Біограф. очеркъ по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ. Состав. В. С. Некрасова	425
VII. Польское ополченіе въ 1830—1831 гг. Разсказъ Мюхляцкаго. Переводъ съ польскаго. Гл. III. 341	341	XIV. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тот- левъ. Сообщ. Н. А. Воронцовъ. 449	449
		XV. Памятникъ на могилѣ Артемія Волжскаго, Ерощина и Хрущова. 445	445
		XVI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ-группа: генералъ Роговъ, маршалъ Польскіе и Омеръ-паша подъ Селаджидзель въ 1855 г. Гравюра портрета, исполненнаго съ натуры и присланнаго вождямъ союзной арміи кн. М. Д. Горчакову въ Севастополь въ май 1855 г. Гравировавъ художникъ Г. Н. Грачевъ.

Вышло второе изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1884 г.

Подписка продолжается. Цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1884.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1884 г.

Вогданъ Хмельницкій. Историческая монографія Николая Костомарова. Спб., 1884 г. Три тома, въ 8 д. л. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное.

Настоящая монографія составляет девятый томъ новаго изданія трудовъ нашего талантливаго маститаго историка. На годы, ни ведуги не умалили его энергію, не ослабили, къ счастью и удовольствію его безчисленнымъ читателямъ и почитателямъ, его любви къ научнымъ изслѣдованіямъ въ области отечественной исторіи. Настоящій трудъ—безспорно лучшая его монографія, составившая и упрочившая за нимъ нѣвѣстность историка, одареннаго не только обширѣйшими свѣдѣніями, но и замѣчательными талантами. Постепенно расширяя кругъ своихъ свѣдѣній, Н. И. Костомаровъ обогатилъ ими въ шестомъ четвертомъ изданіи своего историческаго труда о Богданѣ Хмельницкомъ многими, совершенно новыми, подробностями, привлеченными изъ издаваемыхъ, а частью не издаваемыхъ источниковъ. Общій перечень источниковъ, всего до 100 нумеровъ, помѣщенъ авторомъ въ первой части настоящаго его труда и сопровождается краткою замѣткою о достоинствахъ и значеніи этихъ источниковъ. Что касается до значенія той эпохи, которой посвященъ обозрѣваемый трудъ г. Костомарова, то оно совершенно вѣрно вынесено имъ въ предисловіи: «важное значеніе эпохи Богдана Хмельницкаго въ русской исторіи—замѣчаетъ, между прочимъ, авторъ—не подлежитъ сомнѣнію. Въ сѣвѣ славянскихъ народовъ, Польша и Русь явилась съ самодѣятельною историческою жизнью преимущественно предъ другими народами того же племени, которые или равно подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или обноруживали свое историческое существованіе только противодѣйствіемъ чужеплеменнымъ натискамъ. Государственный и общественный складъ, историческое движеніе и народный характеръ Польши и Руси, хотя исходили изъ одинакихъ племенныхъ началъ, но тамъ и здѣсь приняли не только различныя, но противоположныя и враждебныя одно другому направленія. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Польша и Русь вели между собою непрестанную, упорную, послѣдовательную борьбу. Долго перемѣсь была

болѣе на сторонѣ Польши: подчинивъ себя Червоную Русь, соединившись съ Литвою и завладевъ значительною частью русскихъ земель, Польша вступала послѣдовательно, шагъ за шагомъ, внутрь русскаго міра и, въ началѣ XVII вѣка, чуть было не слаладѣла имъ окончательно. Эпоха Богдана Хмельницкаго повернула старинный споръ къ противную сторону. Съ этого времени въ борьбѣ двухъ народностей перевѣсъ обратился на русскую сторону. Эпоха Богдана Хмельницкаго начала и приготовила то, что должно было, по ходу историческихъ обстоятельствъ, совершиться въ грядущихъ поколѣніяхъ со всѣми послѣдствіями для славянскаго міра, быть можетъ еще не извѣщенными судьбою».

Охранный каталогъ рукописей А. А. Титова. Ростовъ, 1881 г. и 1884 г., въ 16 д., выпускъ 1 и 2.

Неутомимый собиратель книгъ и рукописей, относящихся къ отечествознанію, въ обширномъ смыслѣ сего слова, А. А. Титовъ (членъ разныхъ ученыхъ обществъ и видный дѣятель городского управленія въ Ростовѣ и земскій дѣятель Ярославской губерніи) пишетъ, между прочимъ, собраніе, вмещающее въ себя около 2,000 рукописей. Владѣтель драгоценнаго собранія остановился на прекрасной мысли издать описъ этого собранія, и таковая вылезаетъ уже во второмъ выпускѣ; малъ однако, что г. Титовъ печатаетъ ее всего въ 100 стр. Ничего затѣмъ не имѣя противъ того, чтобы каталогъ вмещалъ въ себя хотя бы только весьма краткія заглавія рукописей, мы совѣтуемъ однако располагать въ заглавіи, въ каждомъ новомъ выпускѣ каталога и въ перепечаткѣ первыхъ двухъ, не по совершенно случайному порядку приобрѣтенія той или другой рукописи (имѣя то дѣлаетъ А. А. Титовъ въ настоящее время), но по отдѣльнымъ, признательно къ существующимъ подобнымъ каталогамъ другимъ извѣстныхъ собирателей. М. С.

Кубанскій сборникъ. Труды Кубанскаго областного статистическаго комитета, изданныя подъ редакціею Е. Д. Федина, дѣйствительнаго члена Кубанскаго областного статистическаго комитета. Томъ I. Съ картой Кубанской области Екатеринодаръ. 1883. Стр. VI+1114.

Труды г. Федина по археологіи, топониміи и статистикѣ Кубанской области

Исполн. съ натурн въ 1855 г.

Драв. Г. И. Гречевъ

ЛОРДЪ-РОГЛАНЪ, — ОМЕРЪ-ПАША, — ПЕЛИСЬЕ
ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ 1855 Г.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ

по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ.

1658 г.

«Аще имъ есть нужнѣй и потребнѣй
спускхити, пакы призвати его на пре-
столъ его есть возможно».

Всестороннее и глубокое изученіе официальныхъ документовъ, относящихся въ дѣлу патріарха Никона, приводитъ къ тому убѣжденію, что прежніе историки, писавшіе о немъ, усвоили и большею частью заимствовали очертаніе характера и особыхъ случаевъ изъ жизни знаменитаго іерарха отъ иностранныхъ писателей, которые сообщали о немъ свѣдѣнія по слухамъ, не всегда вѣрнымъ, съ преувеличеніемъ и превратнымъ истолкованіемъ историческихъ фактовъ; но и у новѣйшихъ историковъ, писавшихъ о Никонѣ по подлиннымъ документамъ, въ Исторіи Россіи Соловьева и въ Исторіи русской церкви митрополита Маварія заключается много неточнаго, невѣрнаго, недосказаннаго и неяснаго. Поэтому Никонъ у нашихъ историковъ представляется не совсѣмъ вѣрно; многія обстоятельства, приведенныя въ печати и бросающія мрачную тѣнь на Никона, нивакими актами и документами не подтверждаются.

Въ Исторіи Соловьева, т. XI (изд. второе), стр. 247, говорится о бывшихъ безпорядкахъ въ церковномъ богослуженіи при патріархѣ Іосифѣ, что въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ. Ртищевъ сильно хлопоталъ объ уничтоженіи этого соблазна; протопопъ Иванъ Пероновъ уговаривалъ священниковъ московскихъ ввести единогласіе.

Наконецъ оно было введено и среди московскаго духовенства происходятъ толки объ единогласномъ пѣніи.

Но все это смутно представляется въ исторіи и не видно причины, изъ-за чего были эти толки. Въ февралѣ 1651 г. патриархомъ Іосифомъ издано было соборное уложеніе о введеніи въ церквахъ при богослуженіи единогласнаго пѣнія и чтенія, въ подтвержденіе соборнаго постановленія, состоявшагося еще на Стоглавомъ соборѣ, чтобы церковныя пѣнія править по уставу чинно, не торопясь, и чтобы псалмы и каноны не читали бы вдругъ въ два голоса. Московское духовенство собиралось въ туускую избу въ слушанію патриаршаго уложенія и въ томъ отбирались у священниковъ подписки; нѣкоторые изъ нихъ отказывались отъ рукоприкладства и требовали, чтобы прежде отобрать подписки объ единогласіи отъ бояръ и овольничихъ: „любо ль имъ будетъ единогласіе?“ ¹⁾ Уже изъ этого видно, что неудовольствіе противъ единогласнаго чтенія было не въ одномъ духовенствѣ, но многіе и мірскіе люди, даже высшаго сословія, были недовольны имъ. Между прочимъ извѣстно было, что единогласіе вводилось по мысли Никона, который былъ тогда митрополитомъ и въ своей епархіи ввелъ уже порядокъ единогласнаго чтенія и пѣнія; по мысли же Никона состоялось о томъ и самое уложеніе патриарха Іосифа, которымъ правило о единогласіи распространялось на все государство. Поэтому Никонъ уже въ то время былъ для многихъ камнемъ преткновенія ²⁾.

Съ того момента, какъ Никонъ почувствовалъ себя въ опалѣ, въ немъ стала проявляться раздражительность, которая происходила вслѣдствіе перемѣны въ его положеніи; имѣвшій силу и власть, Никонъ привыкъ къ личной бесѣдѣ съ царемъ и съ нимъ только совѣщаться; теперь же ему передавались царскія рѣчи другими лицами, которыя въ то время, когда онъ стоялъ на высотѣ своего положенія, относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ и даже съ подобострастіемъ; теперь эти лица, видя его паденіе, старались и имѣли возможность при всякомъ случаѣ показать свое торжество и затронуть въ немъ самую чувствительную струну—отсутствіе въ немъ прежняго значенія; этимъ ли-

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. I, стр. 5—7, и ч. II, стр. 470.

²⁾ Шушеринъ, Житіе патр. Никона, изд. 1817 г., стр. 24—25.

цамъ достаточно было переимѣнить только тонъ рѣчи при объясненіяхъ съ Никономъ, чтобы подѣйствовать на него, уколоть его въ больное мѣсто и тѣмъ вызвать въ немъ раздражительность. Съ этого и началась борьба съ Никономъ враждебной ему партіи бояръ. Дерзость этой партіи становилась болѣе и болѣе открытою: Никону стали дѣлать всевозможныя непріятности, надъ нимъ стали дѣлать разныя насмѣшки, въ родѣ такихъ, какъ бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ представлялъ персону патріарха благословляющаго обѣими руками и обучилъ тому же и свою собаку ¹⁾, стали бить патріаршихъ людей, въ полной увѣренности, что и этотъ поступокъ также, какъ и другіе, останется безнаказаннымъ. Но патріаршихъ людей не касалась боярская расправа; изъ уваженія къ патріаршему сану, прежде и царь не управлялся съ ними, а отсылалъ ихъ при случаѣ для расправы къ патріарху. Такимъ образомъ Никону сдѣланъ былъ вызовъ. Побой, нанесенные окольничимъ Богданомъ Матвѣвичемъ Хитрово патріаршему страпчему вязю Мещерскому, посланному отъ Никона для устройства церковнаго чина въ пріѣздъ грузинскаго царя Теймураза, Никонъ принялъ за личное оскорбленіе и просилъ у царя суда на Хитрово, но суда не послѣдовало ²⁾. Никонъ, находившійся прежде всегда съ царемъ, теперь былъ совершенно оставленъ—въ пріѣздъ грузинскаго царя московскому патріарху не было отведено мѣста за царскимъ столомъ, который по этому случаю состоялся при дворѣ ³⁾. Все это отражалось на Никонѣ, производило въ немъ сильныя потрясенія и въ челоуѣкѣ впечатлительномъ, какимъ былъ Никонъ, не могло это остаться безслѣднымъ, но обратилось въ болѣзненное настроеніе; его дѣйствія показываютъ, что въ немъ самомъ кипѣла сильная борьба, которая привела его къ ненормальному состоянію; иначе, строгій и точный послѣдователь церковныхъ уставовъ, онъ не рѣшился бы на такое предпріятіе, которое, послѣ объясненій съ княземъ Ромодановскимъ, онъ учинилъ въ Успенскомъ соборѣ въ праздникъ 10-го іюля 1658 года ⁴⁾.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по оставленіи Никономъ патріар-

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 343, 1,021, 1,061.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 26—28, 178, 222.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 27—32.

шаго престола, а именно весною 1659 г., лицамъ духовнымъ запрещено было ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь и для наблюденія за тѣмъ по дорогамъ поставлены были заставы. Хотя это сдѣлано было не гласно, но Никонъ объ этомъ узналъ; вѣсти дошли и до царя, что Никону сдѣлалось извѣстно объ этомъ распоряженіи. 17-го мая посланъ былъ къ Никону думный дьякъ Дементій Башмаковъ, чтобы разузнать отъ него, кто ему сообщилъ о томъ, что духовнымъ къ нему запрещено ѣздить; но Никонъ уклонился отвѣчать на этотъ вопросъ и никого не выдалъ—кто ему о томъ говорилъ ¹⁾. Въ Ист. Соловьева, т. XI, стр. 265, объ этомъ сказано иначе: „Царь отправилъ къ Никону дьяка Дементія Башмакова объявить, что духовенству не было никакого запрета ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь“, и затѣмъ весь разговоръ Никона съ Башмаковымъ выпущенъ. Но Башмаковъ самъ объявилъ Никону, что онъ посланъ спросить его—кто ему про заказъ духовнымъ ѣздить къ нему связывалъ? Посылкѣ этой дано въ Исторіи такое значеніе, что она состоялась какъ бы вслѣдствіе разговора Никона съ бывшими у него въ Воскресенскомъ монастырѣ пѣвчими-дьяками; но Башмаковъ былъ посланъ къ Никону 17-го мая, а пѣвчіе-дьяки были у Никона 2-го іюля 1659 г. ²⁾.

Лѣтомъ того же года царь прислалъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь съ вѣстію, что въ Москвѣ ожидаютъ нашествія татаръ. Никонъ говорилъ посланному, что для охраненія монастыря у него ничего нѣтъ, и потому онъ готовъ уйти оттуда, но другого города ближе нѣтъ кромѣ Москвы; если же отправиться далѣе, то ему нечѣмъ подняться и просилъ доложить о томъ государю и спросить—куда царское величество велить ему идти? Но въ тотъ же день Никонъ получилъ вѣсти, что татары уже близъ Москвы и потому, испугавшись и не ожидая распоряженій, отправился въ Москву. Къ Никону на Воскресенское подворье явился думный дьякъ Алмазъ Ивановъ:—„царское величество послалъ меня спросить, для чего пріѣхалъ ты въ Москву?“ — „По словамъ царскаго величества—отвѣчалъ Никонъ—пріѣхалъ я сюда, спасаясь отъ нашествія варваровъ“.—Между

¹⁾ Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, стр. 36—41 и 163.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 42, и ч. II, стр. 491.

прочимъ Никонъ былъ принятъ царемъ съ тѣми же почестями, какія оказывались ему во время его патриаршества; но черезъ три дня послѣ прїѣзда Никона въ Москву, къ нему опять является Алмазь Ивановъ и говорить—„царское величество велѣлъ тебѣ ѣхать въ Колязинъ монастырь и не сопротивляйся, чтобы не было большаго смятенія“.—„Если не угодно царскому величеству—отвѣчалъ Никонъ—пришествіе наше, миръ и благословеніе наше, то мы пойдемъ въ нашъ Воскресенскій монастырь, а въ Колязинъ монастырь я не пойду“¹⁾.

Въ Ист. Соловьева, т. XI, стр. 267, этотъ прїѣздъ Никона въ Москву описанъ по Шушерину: посланный отъ царя—говорится въ Исторіи—сдѣлалъ предложеніе Никону переѣхать въ Колязинъ монастырь, находясь у него въ Воскресенской обители. Никонъ отказался отъ этого и сказалъ, что у него, безъ Колязина, есть свои монастыри крѣпкіе—Иверскій и Крестный—и велѣлъ извѣстить государя, что онъ идетъ въ Москву доложить ему о своихъ нуждахъ. Но Никонъ совершенно правдоподобно описалъ этотъ прїѣздъ его въ Москву въ 17-мъ возраженіи на вопросы Стрешнева и отвѣты Паисія Лигарида, гдѣ онъ ясно говоритъ, что Колязинъ монастырь ему предложенъ въ Москвѣ послѣ свиданія съ царемъ²⁾.

Въ то же лѣто Никонъ обращался къ царю съ просьбою о выдачѣ съ патриаршаго двора мѣди для колокола въ Воскресенскій монастырь и писалъ умиленное письмо къ Алексѣю Михайловичу: „Нынѣ отъ премногой милости твоей приемя дерзновеніе, трегубо Господа Бога молимъ, дабы паки и паки распространилъ и наполнилъ Господь Богъ святая благодати Своея сердце твое присно миловати насъ смиренныхъ и убогую сію пустыню, въ ней же нынѣ обрѣтаемся“. Никонъ имѣлъ мысль вылить большой колоколъ съ изображеніемъ на немъ образа Воскресенія Христова и портретсвъ царя и царицы съ ихъ царскими именами. Никонъ заканчиваетъ это письмо жалобой, что не отдають ему его вещей: „Стыжуся еще напомнить твоей кротости, такъ какъ уже писалъ прежде тебѣ, великому государю,—вещи мои худыя, которыя остались въ палатѣ, не отдають, если ко-

¹⁾ Гиббенетъ, Истор. изсл. дѣла патр. Никона, ч. I, стр. 43—45.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 206—210.

торья изъ нихъ могутъ быть мнѣ отданы, вели Господа ради, великій государь, отдать; если онѣ и худы, но весьма нужны ¹⁾“.

Осенью, съ вѣдома государя, Никонъ отправился въ построенные имъ монастыри, и, какъ онъ прѣхалъ въ Крестный монастырь въ январѣ 1660 г., въ Москвѣ созванъ былъ противъ него соборъ. Лишь только объ этомъ сдѣлано было распоряженіе, какъ бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, находившійся въ перепискѣ съ Никономъ, далъ ему знать письмомъ, что по царскому повелѣнію созывается противъ него соборъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свою печаль по этому случаю. Въ отвѣтъ Зюзину Никонъ написалъ письмо отъ 3-го февраля, что онъ нисколько не печалится, а напротивъ радуется своему покою. „Добро архіерейство во всезаконіи и чести своей, однако надобно попечаловаться о всенародномъ послѣднемъ сбытіи, отъ первыхъ временъ поразумѣвъ“ ²⁾.

Въ Ист. Соловьева, т. XI, стр. 271, письмо это приведено въ краткихъ извлеченіяхъ, поэтому и смыслъ его тамъ измѣняется. Въ Исторіи сказано: „Когда вѣра евангельская начала сіять, тогда и архіерейство почиталось, когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась. И здѣсь въ Москвѣ невиннаго патріарха отставили, Ермогена возвели при жизни стараго: и сколько зла сдѣлалось!“ Но Никонъ въ письмѣ говоритъ не объ одномъ архіерействѣ, а говоритъ и о царствахъ: „когда вѣра евангельская начала сѣяться и архіерейство честію по царствамъ благочестивыми любопочитатися, тогда и тѣмъ паче неблагочестивыхъ почтошася; когда же злоба гордости распространилась и архіерейская честь измѣнилась, увы! тогда и начало царствъ низпадеся.... Однако одного довольно къ показанію: безвинно Іова (а не невиннаго) патріарха отставили и еще при его жизни неблагозаконно Ермогена возвели, то сколько зла сдѣлалось!“

Въ Москвѣ готовились къ собору: отъ духовныхъ, бывшихъ свидѣтелями событія 10-го іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ, и отъ свѣтскихъ лицъ, которыя посылались отъ царя къ Никоноу, отобраны были сказки.

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. I, стр. 46—48 и 173.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 51—53, ч. II, стр. 493.

Въ Ист. Соловьева, т. XI, стр. 268, сказано: „Въ сказкахъ крутицкаго митрополита Питирима и князя Трубецкаго было написано: патріархъ Никонъ патріаршества своего отрекся съ клятвою; въ остальныхъ сказкахъ о клятвѣ не было упомянуто, но во всѣхъ говорилось согласно, что Никонъ отъ патріаршества отрекся и впредь на немъ обѣщался не быть“.

Но крутицкій митрополитъ Питиримъ и тверской архіепископъ Іоасафъ показали, что патріархъ Никонъ, по заамвонной молитвѣ, вышелъ изъ алтара на амвонъ и, прочитавъ поученіе, говорилъ: „отъ сего времени не буду вамъ патріархъ, уже я вамъ не пастырь“,—и въ то же время святительское облаченіе съ себя сложилъ. Но затѣмъ въ показаніяхъ Питирима и Іоасафа встрѣчается разнорѣчіе: Питиримъ показалъ, что патріархъ, оставляя патріаршество, говорилъ: „если подумаю быть патріархомъ, то буду анаема“,—а Іоасафъ сказалъ, что про анаемому онъ не упомянуть, а говорилъ патріархъ: „аще возвращусь, и я аки пещь на свою блевотину“ ¹⁾.

Князь Трубецкой подалъ двѣ сказки: въ одной, въ которой описывается бывшій у него съ Нивономъ разговоръ 10-го іюля въ Успенскомъ соборѣ, о клятвѣ не упоминается; а въ другой сказкѣ (общей, князя Трубецкаго и думнаго дьяка Ларіона Лопухина, о бывшемъ у нихъ съ Нивономъ разговорѣ 12-го іюля въ Воскресенскомъ монастырѣ, куда они посланы были вслѣдъ за Нивономъ, по отъѣздѣ его изъ Москвы) между прочимъ показано: Никонъ повѣдалъ въ томъ, что онъ не хочетъ и не желаетъ быть въ патріархахъ. По показанію Трубецкаго, что Никонъ говорилъ, что онъ оставилъ патріаршество собою, а ни отъ чьего и ни отъ какого гоненія, что никакого гнѣва отъ государя на него не было и что онъ и прежде сего великому государю билъ челомъ, чтобы ему больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не быть ²⁾,—но объ этомъ ни у кого въ сказкахъ не повторяется.—Если вспомнить, что на праздникъ 10-го іюля приходилъ къ Никону князь Юрій Ромодановскій и говорилъ ему: государь гнѣвается на тебя и потому не пришелъ ко всеобщей, не велѣлъ ожидать его и въ обѣдню ³⁾, то невольно рождается

¹⁾ Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла п. Ник., ч. I, стр. 180.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 182 и 189.

³⁾ Тамъ же, стр. 29.

вопросъ—могъ ли послѣ этого Никонъ говорить Трубецкому тѣ рѣчи, которыя показаны у него въ сказкѣ?

Прочіе свидѣтели въ своихъ сказкахъ согласно показали только то, что патріархъ Никонъ 10-го іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ служилъ литургію и по совершеніи ея говорилъ поученіе; но затѣмъ свидѣтели показали не одинаково, не во всемъ согласно и не всѣ сказали, что патріархъ Никонъ обѣщался впередъ не быть на патріаршемъ престолѣ ¹⁾.

16-го февраля 1660 г. было открыто первое засѣданіе собора, которое происходило во дворцѣ, въ Золотой палатѣ, въ присутствіи царя. Засѣданіе открылъ государь царь Алексѣй Михайловичъ рѣчью, обращенною къ архіереямъ и прочимъ духовнымъ, что святая церковь вдовствуетъ уже годъ и семь мѣсяцевъ, не имѣя жениха и пастыря, что патріархъ Никонъ патріаршій престолъ оставилъ и находится въ дальнихъ странахъ, и они бы объ этомъ дѣлѣ разсуждали по правдѣ, и по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Затѣмъ происходили сужденія, которыя были благопріятны для Никона. Митрополитъ новгородскій Макарій говорилъ предъ государемъ: по какой причинѣ патріархъ Никонъ паству свою оставилъ, про то онъ не знаетъ, въ то время былъ въ Новгородѣ; а казанскій митрополитъ Лаврентій заявилъ, чтобы великій государь изволилъ призвать на соборъ и патріарха Никона и онъ самъ на соборѣ объяснитъ—почему онъ паству свою оставилъ ²⁾.

Въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 268, сказано: „Соборъ открылся 17-го февраля“.—Но это засѣданіе было въ патріаршей крестовой палатѣ; о засѣданіи же 16-го февраля и вообще ни объ одномъ дворцовомъ засѣданіи собора въ Исторіи ничего не сказано. Свѣдѣнія эти только теперь являются въ печати; хотя они и теперь не полны, но они драгоцѣнны потому, что въ нихъ сообщается живой разговоръ, бывшій на засѣданіяхъ и казавшійся Никона.

14-го марта во дворцѣ было засѣданіе, на которомъ читалось, между прочимъ, письмо патріарха Никона, присланное со стольникомъ Пушкинымъ и сказка Пушкина.

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла п. Никона, стр. 180—189.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 65—67.

Въ Ист. Соловьева, т. XI, стр. 270, сказано: „Въ то самое время, какъ въ Москвѣ соборъ разсуждалъ о Никоновомъ дѣлѣ, въ февралѣ 1660 г. стольникъ Матвѣй Пушкинъ ѣхалъ къ патриарху въ Крестный монастырь съ ласковыми словами отъ царя, имѣвшими цѣлю выпросить у Никона письменное благословеніе на избраніе новаго патриарха“.—Но изъ сказки Пушкина видно, что онъ посланъ былъ къ Никону съ цѣлю, чтобы взять у него письменный документъ объ отреченіи его отъ патриаршества; въ письмѣ же Никонъ хотя и подтвердилъ, что отъ патриаршества онъ отказывается, но выразилъ желаніе, чтобы избраніе и поставленіе новаго патриарха совершилось при его участіи, его рукоположеніемъ, такъ какъ божественная благодать преподается преемственно отъ святыхъ апостолъ. „И не повиненъ будетъ—писалъ Никонъ—никомузду грѣху новоизбранный архіерей и божественная благодать пришедъ пребудеть на немъ, и да разрѣшатся вси архіереи союза клятвеннаго, имъ же кляпась во избраніи на архіерейство“... ¹⁾). Это важное обстоятельство, на которое указывалъ Никонъ, въ Исторіи выпущено.

20-го марта опять собрались во дворецъ духовныя власти и бояре; соборное засѣданіе было въ присутствіи царя. Пятиримъ говорилъ, что патриархъ Никонъ патриаршества отрекся съ клятвою. То же повторилъ и чудовскій архимандритъ. Но полоцкій епископъ Каллистъ, въ защиту Никона, примѣнялъ къ нему исторію памфилійскаго епископа, а рязанскій архіепископъ Стефанъ сказалъ: „если патриархъ обратится, то какъ государь изволитъ“ ²⁾).

Послѣ состоявшагося приговора русскихъ архіереевъ о изложеніи Никона были призваны на соборъ, находившіеся въ Москвѣ, греческіе архіереи.

Въ исторіи Соловьева, т. XI, стр. 269, сказано только, что царь приказалъ пригласить на соборъ грековъ, бывшихъ въ Москвѣ: Парѣнія, митрополита ѳивскаго, и проч. Греки подтвердили приговоръ и царь велѣлъ подвѣрнуть его въ Успенскомъ соборѣ при себѣ и при боярахъ.

Но отзывъ греческихъ архіереевъ о патриархѣ Никонѣ имѣеть

¹⁾ Гиббонетъ, Ист. изсл. дѣла патр. Никона. стр. 70—75.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 75—77.

здѣсь весьма важное значеніе: онъ возстановляетъ образъ Никона въ томъ видѣ, въ какомъ могла изобразить его святая правда. Называя Никона своимъ особеннымъ другомъ, греки сказали, что изъ всѣхъ бывшихъ патріарховъ московскихъ никто такъ не возлюбилъ ихъ, грековъ, какъ патріархъ Никонъ, и никто изъ патріарховъ не исполнялъ такъ строго чинъ восточной церкви, какъ онъ; если же Никонъ въ своемъ отреченіи и погрѣшилъ какъ человѣкъ, но въ догматахъ православной вѣры онъ былъ благочестивѣйшій и правый, въ апостольскихъ же и отеческихъ преданіяхъ восточной церкви былъ большой ревнитель; поэтому если онъ и удалился самъ отъ своего престола, но власть и воля въ томъ типайшаго царя, собора и синклита: „аще имъ есть нужный и потребенъ, снисходити, паки призвати его на престолъ его есть возможно“¹⁾. Такимъ отзывомъ греческихъ архіереевъ о патріархѣ Никонѣ уничтожаются всѣ обвиненія иностранныхъ писателей въ его неправославіи, въ стремленіи его сдѣлаться папою, въ переходѣ его въ католицизмъ, въ сношеніи съ римскимъ папою.

Въ это смутное время пріѣхалъ въ Москву газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, который далеко не точно представляется у нашихъ историковъ, Соловьева и митрополита Макарія, какъ показываютъ самыя его дѣла. Паисій вовсе не дѣлалъ попытки помирить царя съ патріархомъ — какъ говорится въ исторіи Соловьева, т. XI, стр. 275—276, и письмо его къ Никону отъ 12-го іюля 1662 г. не имѣло ни того значенія, ни той цѣли, какія ему приписаны въ Исторіи, а было отвѣтомъ на письмо Никона. Въ Исторіи сказано: „не знаемъ отвѣта Никонова.... знаемъ одно, что Паисій вскорѣ послѣ этого (т. е. отвѣтнаго своего письма къ Никону) перешелъ на сторону враговъ Никона“. Но Паисій съ самаго своего пріѣзда не былъ на сторонѣ Никона.

По поводу того же отвѣтнаго письма Паисія къ Никону отъ 12-го іюля 1662 г. въ Исторіи русской церкви митрополита Макарія, т. XII, стр. 388—389, сказано: „прочитавъ посланіе Паисія, Никонъ не отвѣчалъ ему ни слова, а сказалъ: „отдаюсь на судъ папы“, — сказалъ не потому, будто бы былъ единомысленъ съ папою, а потому только, что зналъ правила сардинійскаго собора, которыми дозволялось обвиняемымъ епископамъ,

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла п. Никона, стр. 202—203, 206, 212.

въ случаѣ недовольства ихъ рѣшеніемъ мѣстнаго собора, обращаться съ апелляціею къ папѣ.... Слова Никона произвели, однако же, большую тревогу въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ прислалъ въ Паисію самую выписку изъ правилъ о папскомъ судѣ¹. — Но это не такъ. Никонъ не продолжалъ переписки съ Паисіемъ, но и не сказалъ въ отвѣтъ на означенное письмо послѣдняго, что онъ отдается на судъ папы. Это было бы тѣмъ болѣе странно, что самая переписка не представляетъ ничего такого, чтобы Никонъ такъ отвѣчалъ на письмо Паисія, и этого не было, а потому не могло быть и тревоги, о которой говорится въ Исторіи церкви¹). Но митрополитъ Макарій, пользуясь Описаніемъ московскаго собора, составленнымъ Паисіемъ, приводитъ слова Никона, которыя если онъ сказалъ, то чрезъ годъ послѣ письма Паисія, а именно въ іюль не 1662, а 1663 г., когда Паисій съ прочими властями былъ посланъ въ Воскресенскій монастырь для слѣдствія надъ Никономъ по доносу Бобарыкина. Если бы это обстоятельство, что Никонъ искалъ суда папскаго, было справедливо, то безъ сомнѣнія оно не было бы оставлено безъ вниманія; соборная дума собирала свѣдѣнія о всѣхъ винахъ Никона и въ такомъ случаѣ рѣшимость его идти на судъ папы была бы поставлена немаловажною виною, по крайней мѣрѣ объ этомъ было бы заявлено на соборѣ, но нигдѣ по документамъ объ этомъ сужденія не встрѣчается и кажется невѣроятнымъ, чтобы Никонъ измѣнилъ своему благочестію, отдавшись на судъ папы.

Изъ всѣхъ недоброжелателей Никона самый лютый врагъ его былъ Паисій Лигаридъ, который былъ главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ возняхъ противъ Никона и былъ душою той партіи бояръ, которая выражала свои стремленія сокрушить Никона до конца. Паисій всталъ на сторону противниковъ Никона не ради пользы самаго дѣла, которой онъ и не оказалъ, а изъ своихъ личныхъ интересовъ, для которыхъ онъ и прибылъ въ Москву. Возмущая царя, бояръ и архіереевъ противъ Никона, Паисій разжигалъ страсти обѣихъ сторонъ²).

¹) Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла патр. Ник., ч. I, стр. 107—118, 222 и 228.

²) Паисій Лигаридъ, митр. газскій, излож. пом. собора. быв. въ Москвѣ противъ патр. Никона, ч. I, гл. XV. Вопр. бояръ—(Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. II, стр. 453, въ примѣчаніяхъ).

21-го декабря 1662 г., по совѣту Памисія, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился созвать второй соборъ и обратился къ восточнымъ патріархамъ, чтобы они сами пріѣхали или прислали бы вмѣсто себя экзарховъ для рѣшенія Никонова дѣла. Вѣсть объ этомъ скоро дошла до Никона, и онъ обратился къ царю съ письмомъ: „Вѣдомо мнѣ учинилось, — писалъ Никонъ — что ты, великій государь, изволилъ писать ко вселенскимъ патріархамъ о соборѣ нашего ради отшествія, съ чернымъ дьякономъ Мелетіемъ грекомъ“. Никонъ неоднократно въ письмахъ упоминалъ, что онъ ушелъ отъ царскаго гнѣва и теперь говорилъ: „Вѣсть твое благородіе и самъ, что наше отхожденіе было вслѣдствіе гнѣва; этому свидѣтель Богъ, святая церковь и всѣ люди, что я страхомъ Божиимъ свидѣтельствовалъ въ то время и небу, и землѣ: услыши небо и внуши земле! И такъ по заповѣди Божіей отъ гнѣва твоего изыдохъ по писанному: дадите бо, рече, мѣсто гнѣву. А что твое благородіе изволилъ созвать по нашемъ отшествіи на судъ митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ, то это сдѣлано противъ заповѣди Божіей, такъ какъ нигдѣ нѣтъ такого правила, чтобы своего патріарха судили свои епископы, отъ него рувоположенные и въ его отсутствіи... Болѣе сего нынѣ не могу писать, но противу твоего изволенія государева умолчу: или изволишь святую церковь въ мирѣ устроить своимъ благоразуміемъ, или собору быть, обоихъ не отметаюсь и готовъ буду ко всякому законному разсмотрѣнію дать отвѣтъ, только бы о Богѣ, давшемъ миръ на землю: миръ Мой, рече, даю вамъ, миръ Мой оставляю вамъ, его же сподоби насъ, Христе Боже, причастникомъ быти“. Въ концѣ письма Никонъ сдѣлалъ собственноручную приписку: „Да не туне настоящаго торжества еже въ первой стихирѣ сказается на велицей вечерни: Приидите вѣрніи, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе, средостѣніе градежа разрушися и прочее, тому возопіимъ: родивыйся отъ Дѣвы Боже, помилуй насъ. Аминь“. Изъ этой приписки слѣдуетъ заключить, что Никонъ находился подъ впечатлѣніемъ наступавшаго праздника Рождества Христова, поэтому онъ и написалъ стихирю, которая поется на вечерни этого праздника ¹⁾).

Письмо это, писанное безъ означенія времени, приведено въ

¹⁾ Глббенеть, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. I, стр. 139—144 и 247.

Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 297, и связано съ посылкою окольничаго Сукина и дьяка Брехова къ Никону въ Воскресенскій монастырь для объясненій съ нимъ по Сытинскому дѣлу и потому оно въ Исторіи лишено того значенія, которое въ порядкѣ слѣдовавшихъ событій оно дѣйствительно имѣеть. Вслѣдъ затѣмъ въ Исторіи (стр. 298) сказано: „Отвѣта не было. Всѣ въ тревожномъ состояніи ждали рязвязки дѣла отъ прибытія патріарховъ; наступила зима 1664 года“, и описанъ пріѣздъ Никона въ Москву и явленіе его въ Успенскомъ соборѣ 18-го декабря, когда онъ взялъ оттуда посохъ Петра митрополита.

Но отвѣтъ Никону на его письмо былъ; письмо Никона доставлено было въ Москву строителемъ Воскресенскаго монастыря старцемъ Аарономъ, который явился съ нимъ въ царскому духовнику протоіерею Лукіану въ сочельникъ 24-го декабря 1662 г. и просилъ представить посланное съ нимъ письмо государю. Письмо это духовникъ подносилъ царю на другой день Рождества, 26-го декабря, и царь, выслушавъ его, сказалъ: „насъ де винить, а себя править“¹⁾. Но въ письмѣ, между прочимъ, было сказано, что царь изволить посылать со своими грамотами къ патріархамъ Мелетія, человѣка неблагонадежнаго, такъ какъ онъ подъ всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ; такое дѣло объ немъ имѣется въ Патріаршей палатѣ, о чемъ извѣстно строителю Спасскаго монастыря старцу Арсенію греку и другимъ. „Можно ли поручать такому человѣку,—писалъ Никонъ,—такое важное дѣло? Есть у тебя, великаго государя, кромѣ того ворышки, и своихъ много“²⁾.

Вслѣдствіе этого въ Москвѣ поднялась тревога. Изъ распросовъ оказалось, что Никонъ за годъ или больше до отшествія отъ патріаршаго престола далъ означенному Арсенію греческія письма на четырехъ листьахъ и велѣлъ ихъ беречь до указа. Письма эти писалъ Мелетій разными руками, въ числѣ ихъ оказалась грамота антиохійскаго патріарха Макарія, которую составлялъ Мелетій и подписалъ ее по арабски. Мелетій отрекся, „никакихъ грамотъ не составлялъ и не подписывалъ и по арабски не пишетъ“. Хотя къ этому дѣлу привлечено было много

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла п. Никона, стр. 262—265.

²⁾ Тамъ же, стр. 143, 254—255.

лицъ, были показанія, обвиняющія и оправдывающія Мелетія, по этому дѣлу, какъ видно, не придали значенія ¹⁾. Въ Москвѣ хлопотали о скорѣйшемъ отправленіи грамотъ къ патриархамъ, но замѣнить Мелетія — другого лица не нашлось.

Между прочимъ, 26-го декабря, власти Воскресенскаго монастыря и съ ними строитель Ааронъ пріѣхали въ Москву, для славленія у государя, по случаю праздника, и остановились на Воскресенскомъ подворьѣ. Отсюда Ааронъ послалъ въ Воскресенскій монастырь нарочнаго съ письмомъ къ патриарху, чтобы онъ ѣхалъ въ Москву. „Царское величество говорилъ духовнику, — писалъ Ааронъ, — что пятый годъ не можетъ дожидаться тебя, святѣйшаго патриарха“ ²⁾. Ааронъ дважды являлся къ духовнику: 24-го декабря, подавая письмо Никона къ царю, онъ говорилъ протопопу Лукіану, что патриархъ хотѣлъ быть къ великому государю Христа славить, а черезъ три дня, 27-го числа, Ааронъ сказалъ духовнику, что патриархъ пріѣхалъ въ Чернево и просилъ доложить государю, чтобы позволилъ пріѣхать въ Москву помолиться Пресвятой Богородицѣ и гдѣ царское величество велитъ очи свои видѣть. Никонъ былъ въ Москвѣ, но у царя не былъ принятъ и тотчасъ же возвратился въ Воскресенскій монастырь ³⁾. Вопросъ заключается въ томъ — что заявлялъ Ааронъ духовнику, исходило ли оно отъ Никона, или, отъ чрезмѣрнаго усердія къ патриарху, словесныя заявленія протопопу Лукіану Ааронъ прибавлялъ отъ себя? Последнее должно быть вѣрнѣе.

Но въ Исторіи Соловьева смѣшаны два событія одинаковаго характера: пріѣздъ Никона въ Москву 28-го декабря 1662 г. и пріѣздъ его туда же 18-го декабря 1664 г., когда онъ взялъ изъ Успенскаго собора посохъ Петра митрополита. Хотя въ Исторіи о первомъ пріѣздѣ вовсе не упоминается, но конецъ разсказа о последнемъ взятъ изъ документовъ, относящихся къ первому пріѣзду. Тамъ, въ XI т., на стр. 303, говорится: „Никонъ исполнилъ обѣщаніе, отправилъ посохъ и письмо съ своимъ посланцемъ, который долженъ былъ обратиться къ духовнику царскому съ

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. I, стр. 145—149, ч. II, стр. 551—553.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 150, 260—261.

³⁾ Тамъ же, стр. 156—157, 262—265 и 256.

просьбою доложить государю, чтобъ позволилъ ему, Никону, прѣхать въ Москву помолиться Богородицѣ и видѣть государевы очи“. Но Никонъ отправилъ посохъ съ архимандритомъ Воскресенскаго монастыря Герасимомъ не къ духовнику, а къ царю; архимандриту Никонъ вручилъ не свое письмо, а письма извѣстительныя къ нему отъ Зюзина, по которымъ Никонъ прѣвѣзжалъ въ Москву; посохъ и письма архимандритъ Герасимъ долженъ былъ лично представить государю ¹⁾. Далѣе въ Исторіи говорится: „Въ отвѣтъ полученъ былъ прежній отказъ, приправленный выговоромъ и угрозою; великій государь указалъ тебѣ сказать: для мірской многой молвы ѣхать тебѣ теперь въ Москву непристойно, потому что въ народѣ теперь молва многая о разности въ церковной службѣ и печатныхъ книгахъ“ и т. д. Но это взято изъ статей, написанныхъ два года тому назадъ, для окольного, который былъ посланъ къ Никону въ с. Чернево 28-го декабря 1662 г. съ отказомъ ему прѣвѣхать въ Москву помолиться Пресвятой Богородицѣ и видѣть государевы очи ²⁾.

Никонъ неоднократно обращался къ царю Алексѣю Михайловичу съ мольбою о примиреніи; но ни у прежнихъ писателей, ни у историковъ позднѣйшаго времени о томъ не упоминается. По возвращеніи изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, въ декабрь 1662 г., Никонъ написалъ царю умиленное письмо. Приводя псаломъ Давида: „пробываетъ въ вѣкъ предъ Богомъ, милость и истину кто взыщетъ“, Никонъ приносилъ Алексѣю Михайловичу мольбу о милости и справедливости къ нему и просилъ прощенія въ своихъ винахъ. Письмо это весьма замѣчательно и по содержанію, и по изложенію. — „Писалъ я къ тебѣ, великому государю, второе мое писаніе и прошеніе, — такъ говоритъ Никонъ въ письмѣ — чтобы мнѣ помолиться Пресвятой Богородицѣ и святому образу ея поклониться и пресвѣтлое лице твое, великаго государя, видѣть и престолу славы царствія поклониться — въ томъ погрѣшилъ, безмѣстно и непощенно согрѣшилъ предъ тобою, великимъ государемъ. Знаю, что такіе люди, какъ мытари и лихоимцы, которые хотятъ видѣть тебя; — одинъ только я, болѣе всѣхъ грѣшнѣйшій предъ тобою, недо-

¹⁾ Гиббенстъ, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. II, стр. 124—126 и 747—748.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 150—152 и 256.

стоишь тебя видѣть... Молю тебя, великій государь, если я въ чемъ согрѣшилъ незаконно, отъ всего сердца твоего, оставь Господа ради, да Господь Богъ оставитъ и твои согрѣшенія... Болѣе сего не могу въ милости тебя, великій государь, умолить, если симъ не умолишися" ¹⁾).

Два сосѣднихъ землевладѣльца съ землями Воскресенскаго монастыря, Сытинъ и Бобарыкинъ, не давали Никону ни покоя, ни отдыха; то тотъ, то другой преслѣдовали его жалобами; вслѣдствіе чего много разъ были разбирательства и разслѣдованія, по которымъ требовались отъ Никона объясненія, такъ какъ оба землевладѣльца показывали на Никона какъ на человѣка неспокойнаго, подговаривающаго на убійства, готоваго отнять чужую собственность ²⁾; но когда эта клевета на Никона не удалась, тогда Бобарыкинъ донесъ, что Никонъ износитъ клятву на царя. Обо всѣхъ этихъ разслѣдованіяхъ, происходившихъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, сохранились подлинныя документы, въ которыхъ довольно ясно и подробно излагаются всѣ обстоятельства, сюда относящіяся ³⁾. Въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 286, между прочимъ приводятся повѣствованія Паисія Лигарида, что во время разслѣдованія въ Воскресенскомъ монастырѣ по доносу Бобарыкина „Никонъ бѣжалъ, былъ схваченъ и лишенъ свободы“. Но никакого насилія надъ Никономъ не было и не могло быть, такъ какъ онъ, при этомъ случаѣ, оказывалъ полное послушаніе безъ всякаго противорѣчія, о чемъ доносили царю посланные въ Воскресенскій монастырь для разслѣдованія по доносу Бобарыкина. Тамъ же въ Исторіи говорится по Лигариду: „Посланные оставались въ монастырѣ довольно долго и тутъ происходили разныя сцены. Однажды въ воскресенье Никонъ вошелъ на возвышеніе, представлявшее Голгоѳу, и началъ говорить: „вотъ уже пришла воинская спира, Иродъ и Пилать явились въ судъ, приблизились архіереи Анна и Каіафа“. Но и въ Исторіи, и у Лигарида это обстоятельство весьма смутно описано. Посланные для слѣдствія оставались въ Воскресенскомъ монастырѣ съ 18-го по 23-е іюля. 19-го іюля Никонъ служилъ въ придѣлѣ распятія Христова, гдѣ есть изображеніе св. Голгоѳы, молебенъ Живото-

¹⁾ Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. I, стр. 159—160 и 267.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 96—101, ч. II, стр. 27—54, 505, 589, 591 и 595.

³⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 54—82, 609—635.

рящему Кресту и читаль евангеліе страстное, въ которомъ означенныя имена и встрѣчаются. При этомъ Никонъ толковалъ евангеліе и евангельскія событія, примѣнялъ къ своимъ напастьмъ, которыя онъ въ тѣ минуты испытывалъ ¹⁾).

Въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 289, о пріѣздѣ Мелетія въ Константинополь сказано: „у Никона была сильная сторона между греками, которая съ южною страстностію начала волноваться, узнавъ о пріѣздѣ Мелетія“... Но если бы у Никона была сильная сторона между греками, то эта сторона могла бы повліять на дѣло Никона и не допустить составленіе обвинительныхъ патріаршихъ отвѣтовъ, если же греки и волновались, то не изъ-за Никона, а изъ-за тѣхъ золотыхъ и подарковъ, которые Мелетій привезъ изъ Москвы, такъ какъ между греками прошелъ слухъ, что Мелетій не все присланное съ нимъ въ даръ объявилъ въ Константинополѣ. Письма отъ грековъ о Никонѣ, если они приходили въ Константинополь, были не изъ Москвы, а изъ Яссы, гдѣ находилось много грековъ и между ними былъ константинопольскій архимандритъ, который оттуда писалъ въ Константинополь ко многимъ грекамъ о Никонѣ, называя его „вторымъ Златоустомъ, что царь его любитъ, а бояре — отстраняютъ“ и проч. ²⁾).

Въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 271 и 303, говорится, что изъ всѣхъ бояръ одинъ только Зюзинъ былъ въ сношеніяхъ, въ перепискѣ съ Никономъ, что онъ былъ единственнымъ его сторонникомъ. Но Зюзинъ, сознаваясь въ составленіи письма, которымъ онъ вызвалъ Никона въ Москву, хотя и сказалъ, что онъ о томъ ни съ кѣмъ не совѣтовался, однако трудно повѣрить, чтобы въ этомъ дѣлѣ Зюзинъ рѣшился дѣйствовать одинъ и притомъ съ такою отвагою, безъ участія другихъ лицъ, желавшихъ возвращенія Никона на патріаршій престолъ. На слѣдствіи Ординъ-Нащокинъ показалъ, что онъ въ разговорѣ съ Зюзинымъ, слушая его рѣчи, что патріархъ горько плакалъ, что на него приносятъ царю ссоры невмѣстныя, Нащокинъ и самъ плакалъ и говорилъ: „не думали мы, чтобы между великимъ государемъ и патріархомъ учинилась ссора“ ³⁾. Поэтому нельзя не

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. II, стр. 615—616.

²⁾ Тамъ же, стр. 95, 803.

³⁾ Тамъ же, стр. 136.

признать Нащовина сторонникомъ Никона, если не явнымъ, то тайнымъ, а что въ этомъ случаѣ онъ былъ не единственнымъ— это можно видѣть изъ послѣдняго письма Зюзина къ Никону. Что же касается того, что съ Никономъ были въ сношеніяхъ и въ перепискѣ и другія лица, даже изъ царскаго семейства, то на это указываетъ показаніе строителя Воскресенскаго монастыря Аарона, писанное во время заключенія его въ Москвѣ въ Бого-явленскомъ монастырѣ ¹⁾).

Безнаказанность за несправедливыя жалобы, доносы и челобитья на опальнаго патріарха вызвали отчаянную дерзость въ домовыхъ патріаршихъ людяхъ, еврейскаго происхожденія, Михайлѣ Аѳанасьевѣ и Демьянѣ Левицкомъ. Близкіе къ Никону люди сказали ему, что Демьянъ Левицкій ѣздитъ въ Москву къ государеву лекарю Данилѣ (еврею), съ нимъ жидовствуетъ и передаетъ ему всякія вѣсти про него, патріарха. Никонъ призвалъ изслѣдовать это дѣло. Скоро послѣ того изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву явился еврей Михайло Аѳанасьевъ съ объявленіемъ на патр. Никона „государева дѣла“ и притомъ разсказалъ, что онъ посланъ товарищемъ его Демьяномъ, котораго по патріаршему призыванію въ Воскресенскомъ монастырѣ расспрашивали съ пристрастіемъ: ѣздитъ ли онъ въ Москву къ лекарю Данилѣ жидовствовать и не передаетъ ли ему вѣстей про патріарха? Подъ пытками заставляли его сказать, что онъ жидовствовалъ съ Даниломъ, и все это для того, чтобы патріарху на соборѣ при вселенскихъ патріархахъ показать на лекаря Данилу, что онъ жидовствуетъ, а великій государь принимаетъ отъ него лекарства. Съ Михайла Аѳанасьева сняли допросъ и онъ показалъ, что ему читалъ патріарховъ крестникъ Денисъ Домановъ письмо, которое писалъ къ нему докторъ Самойло, что онъ къ патріарху не ѣздитъ потому, что объ этомъ передаетъ еврей Демьянъ лекарю Данилѣ, а сей извѣщаетъ объ этомъ великому государю. Къ тому же Денису пишутъ изъ нѣмецкой слободы иноземцы, которые пересылаютъ ему письма отъ отца его, торгующаго въ Ригѣ, а въ письмахъ писано объ измѣнѣ; объ этомъ знаетъ Демьянъ и велѣлъ ему, Михайлѣ, сказать, чтобы великій государь указалъ взять у Дениса ящичъ съ письмами, пока онъ

¹⁾ Гиббенетъ, Ист. изсл. дѣла патр. Никона, ч. II, стр. 84, ч. I, стр. 265.

ихъ не скрылъ и его, Дениса, привезть въ Москву для очной ставки, а за нимъ, Демьяномъ, будутъ многія дѣла на патріарха ¹⁾.

Михайло Аванасьевъ и Демьянъ Левицкій, увлеченные бывшими примѣрами, на глазахъ ихъ совершавшимися, показывали на патріарха слишкомъ смѣло и очень много; въ дѣлу привлечено было много людей всякаго званія и пола и разныхъ національностей; дерзость этихъ евреевъ наконецъ удивила, а можетъ быть даже и напугала въ Москвѣ, такъ какъ показанія свои они давали безъ всякихъ стѣсненій, нисколько не заботясь, хотя бы о томъ — правдоподобны ли они? Вотъ въ чему привели дѣйствія Соборной Думы, требовавшей и принимавшей отъ всѣхъ всякія показанія, кто бы въ чемъ ни обвинялъ патріарха Никона, кто бы что на него ни сказалъ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ повторилась та же исторія, какая была въ іюлѣ 1663 г., когда тамъ происходило разслѣдованіе надъ Никономъ по доносу на него Бобарыкина. Опять въ этомъ монастырѣ явились московскіе стрѣльцы съ стрѣлцѣимъ головою и при нихъ думный дьякъ Дементій Башмаковъ и Чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ для производства слѣдствія; опять по монастырю разставлены были стрѣльцы для караула и опять отъ Никона потребованы были объясненія. Патріарху сказали, что его боярскій сынъ Михайло еврейнъ объявилъ великому государю и на соборѣ, что онъ имѣетъ за собою на него, патріарха, и на крестника его Дениса Долманова „великое государево дѣло“ и потребовали выдачи Дениса и имѣвшася у него ящика съ письмами; затѣмъ потребовали выдачи Демьяна Левицаго съ женою, жены Михайла и жены слесаря Трофима, и наконецъ патріаршаго зятя Евстафья Глумилова. Никонъ ни въ чемъ не сопротивлялся и посланные, забравъ всѣхъ означенныхъ лицъ и письма Дениса, повезли ихъ въ Москву. Но ни письма доктора Самойлы, ни писемъ объ измѣнѣ — въ чемъ именно и было намѣреніе обвинить патріаршаго крестника и самого патріарха — не нашлось. Никонъ обратился къ царю съ челобитной не вѣрить ложнымъ доносамъ жидовъ. Демьянъ посаженъ былъ въ тюрьму за то, — писалъ Никонъ, — что жидов-

¹⁾ Свѣдѣнія эти новыя. — Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 295—304, 964—981.

скую вѣру хвалили, а христіанскую унижали, на святое Евангеліе и на святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданіе говорилъ ложь, съ лекаремъ жидомъ Даниломъ субботствовалъ и ему на него, патріарха, всякія ложныя вѣсти передавалъ, въ православную церковь и на исповѣдь не ходилъ ¹⁾).

Наконецъ Никона потребовали на соборъ; но, собираясь къ отвѣту передъ судомъ архіереевъ и желая дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ передъ судомъ Божиимъ, онъ совершилъ надъ собою весь обрядъ, который дѣлается надъ человѣкомъ умирающимъ. Никонъ призвалъ духовника и исповѣдался, самъ надъ собою со всѣмъ причтомъ совершилъ таинство елеосвященія, служилъ литургію и, какъ бы предчувствуя, что онъ въ послѣдній разъ приноситъ безкровную жертву, служилъ вполнѣ торжественно. Испытывая въ пути и во время содержанія его въ Москвѣ, на Архангельскомъ подворьѣ, разныя непріятности, Никонъ переносилъ ихъ со смиреніемъ, но на соборъ онъ явился съ достоинствомъ, свойственнымъ лицу патріарха ²⁾). Лица, заправлявшія соборнымъ дѣломъ, хотѣли сдѣлать такъ, чтобы при входѣ Никона никто изъ присутствующихъ на соборъ не вставалъ; но, предусматривая это обстоятельство, Никонъ явился на соборъ въ пренесеніи Животворящаго Креста, при появленіи котораго всѣ находившіеся въ соборной палатѣ встали и Никонъ произнесъ обычную архіерейскую входную молитву ³⁾).

Никонъ былъ призванъ только на два соборныхъ засѣданія, происходившія въ царскихъ палатахъ въ присутствіи царя: 1-го и 5-го декабря. Въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 320, сказано, что Никонъ былъ и на засѣданіи 3-го декабря, но на это засѣданіе Никона не призывали и оно происходило безъ него ⁴⁾).

Еще до прибытія Никона на соборъ 1-го декабря, царь предупреждалъ патріарховъ, что если Никонъ будетъ говорить, что у него взять клирикъ, который несъ передъ нимъ крестъ во время пути изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву, то этотъ человѣкъ взять за то, что онъ въ девятилѣтнее пребываніе Никона въ означенномъ монастырѣ переносилъ ему всякія вѣсти и Ни-

¹⁾ Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 969.

²⁾ Тамъ же, стр. 313—319 и 322.

³⁾ Шушеринъ, Житіе патр. Никона, стр. 106.

⁴⁾ Гиббенеть, Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 1068, 1069 и 1034.

кѡнъ, за того человѣка, его, государя, поносить и безчестить; что Никонъ передъ отправленіемъ своимъ въ Москву исповѣдался, причащался и масломъ освящался. Но весь этотъ разсказъ въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 322, отнесенъ къ соборному засѣданію 5-го декабря. На первомъ засѣданіи патріарха спросили Никона о причинѣ — почему онъ соборную церковь и паству свою оставилъ и патріаршества отрекся? Никонъ разсказалъ известную исторію съ окольнымъ Хитрово, ударившимъ палкою его, патріархова, человѣка, и обстоятельства слѣдовавшихъ затѣмъ церковныхъ праздниковъ: царь не былъ на праздникѣ Казанской Божіей Матери, не былъ и на праздникѣ Положенія ризы Господней, но при наступленіи этого праздника присылалъ боярина князя Юрія Ромодановскаго сказать ему, патріарху, что царь на него гнѣвается за то, что онъ пишется великимъ государемъ и запретилъ ему впредь такъ называться. Царь подтвердилъ, что онъ посылалъ Ромодановскаго сказать Никону, чтобъ онъ великимъ государемъ не писался, а того онъ не приказывалъ говорить, что онъ гнѣвенъ на патріарха. Ромодановскій отперся и сказалъ, что онъ о государевомъ гнѣвѣ Никону не говорилъ. Потомъ читалась перехваченная грамота Никона къ цареградскому патріарху Діонисію; она читалась статьями и на каждую статью дѣлались возраженія царя и объясненія Никона, судившихъ его патріарховъ и другихъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ ¹⁾. Но были статьи такія, которыя въ отдѣльности могли имѣть другой смыслъ и другое значеніе. Насколько эта грамота относится къ самому дѣлу — это объясняется тѣмъ, что она не составляетъ самой сути дѣла, не она послужила инициативою дѣла патріарха Никона, а другія обстоятельства, которыхъ соборъ едва коснулся и въ разсмотрѣніе ихъ не вошелъ. Между прочимъ чтеніе означенной грамоты Никона заняло все время соборнаго засѣданія 1-го декабря. Вниманіе собора было сосредоточено на томъ, что Никонъ написалъ въ этой грамотѣ, что газскій митрополитъ Паисій былъ рукоположенъ въ діакона и священника римскимъ папою и въ польскихъ востелахъ совершалъ мшу, что греки и русскіе, живущіе у него, говорятъ, что

¹⁾ Записки о соборн. засѣд. 1 дек., напеч. у Гиббелета въ Ист. изсл., ч. II, 1002, 1042 и 1062.

въ немъ ничего нѣтъ достойнаго святительскому сану, „мясо ѣсть и пьеть безчинно“, поѣвши и напившись служить обѣдню, что онъ мужеложствуетъ. Обо всемъ этомъ Никонъ писалъ царю, но онъ не внялъ этому писанію. Но затѣмъ далѣе въ грамотѣ говорилось, что царь повелѣлъ быть собору и предсѣдателемъ на немъ быть газскому митрополиту Паисію Лигариду; что его благословеніемъ крутицкій митрополитъ Питиримъ назначенъ на первую митрополию руссійскую въ Новгородъ, а на его мѣсто поставленъ чудовской архимандритъ Павелъ митрополитомъ крутицкымъ. Но сдѣлано это вопреки правиламъ. Отъ сего незаконнаго собора перестало на Руси соединеніе съ святою восточною церковью и отъ благословенія восточныхъ патріарховъ отпали, а отъ римскихъ костеловъ начало приняли по своей волѣ. Такъ какъ Паисій газскій былъ главный совѣтникъ и руководитель собора, то онъ перетолковалъ написанное Никономъ и на соборѣ приняли, что Никонъ въ грамотѣ въ цареградскому патріарху назвалъ будто царя, соборъ и всѣхъ людей русскаго царства еретиками. Царь принесъ на это жалобу патріархамъ. Къ этому пристали митрополиты и весь соборъ, бояре и думные люди и просили, чтобъ допросить о томъ Никона. На вопросъ патріарховъ Никонъ отвѣчалъ: „Отлучниками отъ вселенскихъ патріарховъ я назвалъ потому, что газскій митрополитъ Паисій перевелъ митрополита Питирима въ другую епархію, а на его мѣсто поставилъ другаго митрополита, и другихъ архіереевъ также переводилъ на другія мѣста, а Паисію этого дѣлать не слѣдовало, онъ іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ; но хотя бы газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, ему на Москвѣ долго оставаться не для чего, а его за митрополита не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ; писалъ я въ грамотѣ про газскаго митрополита, а не о православныхъ христіанахъ“. Архіереи и бояре Никону: — „у тебя въ грамотѣ написано не объ одномъ газскомъ митрополитѣ, ты писалъ и о великомъ государѣ и обо всѣхъ насъ и назвалъ всѣхъ еретиками; пусть объ этомъ святѣйшіе патріархи разсудятъ“¹⁾.

Сужденіе объ этой грамотѣ продолжалось и на соборномъ засѣданіи 3-го декабря; патріархи сказали, что это дѣло великое;

¹⁾ Гвббенеть, Ист. изсл., ч. II, стр. 1002, 1042 и 1062.

когда Никонъ великаго государя, соборъ, синклитъ и всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками, то мы и будемъ судить его на основаніи правилъ ¹⁾).

На засѣданіи 5-го декабря александрійскій патріархъ говорилъ Никону: „ты отрекся отъ патріаршаго престола съ клятвою и пошелъ безъ законной причины; скажи, для чего ты это сдѣлалъ?“ Никонъ:—„патріаршаго престола я не отрекался, клятвы не произносилъ, а засвидѣтельствовалъ небу и землѣ и ушелъ отъ государева гнѣва“.—Патріархи: „кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима“?—Никонъ отрекся; но рязанскій архіепископъ Иларіонъ показалъ ему письмо, на которомъ онъ подписался патріархомъ Новаго Іерусалима.—Иларіонъ Никону: „ты и про святѣйшихъ патріарховъ Паисія и Макарія говорилъ, что они не истинные патріархи?“ — Никонъ утверждалъ, что ему достовѣрно извѣстно, что на ихъ патріаршія мѣста поставлены другіе патріархи; говорили ему о томъ греки, и чтобы о томъ допросить ихъ, да допросить бы на святомъ евангелии и патріарховъ.—Патріархи: „мы престоловъ своихъ не покинули, мы не изверженные и патріаршества не отрекались; развѣ турки безъ насъ что учинили. А ты, Никонъ, вовсе отрекся, на тебя есть много свидѣтелей, что ты патріаршій престолъ оставилъ съ клятвою, да отъ тебя и вся Москва смутилась“.—Никонъ отказывался отвѣчать предъ патріархами, а требовалъ, чтобы они на Евангелии подтвердили, что они по совѣту и съ согласіемъ константинопольскаго и іерусалимскаго патріарховъ явились въ Москву для суда надъ нимъ. Но патріархи это отклонили и объявили Никону свой приговоръ, чтобъ онъ болѣе не назывался патріархомъ и не священнодѣйствовалъ, а былъ бы какъ простой монахъ. Никонъ: „по какимъ это правиламъ вы такъ судите?“—Патріархи указали на свитки, привезенные Мелетіемъ, и объявили Никону вины его: патріаршіе свитки назвалъ баснями; книгу, по которой правятъ, назвалъ еретическою; великаго государя, соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками; коломенскаго епископа Павла извергъ безъ собора; архіерейскій санъ самъ съ себя снялъ и говорилъ: не достоинъ ²⁾).

¹⁾ Гиббонетъ. Ист. русл., стр. 1068, 1080 и 1084.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 1071, 1086.

Митрополитъ Макарій въ Ист. рус. церкви, т. XII, стр. 749—752, приводитъ грамоты патріарховъ, судившихъ Никона, къ патріархамъ константинопольскому и іерусалимскому и затѣмъ дѣлаетъ свое заключеніе, что „въ обѣихъ грамотахъ патріархи Пансій и Макарій упоминаютъ, что они вмѣстѣ съ соборомъ судили и осудили Никона согласно съ извѣстнымъ свиткомъ, составленнымъ всѣми четырьмя патріархами, и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что не они одни, а и два остальные патріарха, цареградскій и іерусалимскій, участвовали въ этомъ судѣ и осужденіи“. Но мнѣніе это несогласно даже и съ самыми патріаршими грамотами, такъ какъ въ грамотѣ къ цареградскому патріарху говорятъ: „къ сожалѣнію мы не нашли въ Москвѣ твоего братолюбія, какъ надѣялись, и одни должны были приступить къ разсмотрѣнію церковнаго дѣла ¹⁾“.

Іерусалимскій патріархъ Нектарій, послѣ доставленія Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ, на основаніи которыхъ патріархи александрійскій и антиохійскій судили Никона, совѣтовалъ царю Алексію Михайловичу, для соблюденія тишины и мира церковнаго, снисходительно отнестись къ отреченію Никона и постараться со тщаніемъ опять возвести его на патріаршій престолъ ²⁾. Константинопольскій же патріархъ Парфеній, по поводу осужденія и ссылки Никона, написалъ царю умиловительную грамоту съ просьбою не оставлять Никона, какъ чловѣка достойнаго, въ такомъ пренебреженіи, не отягчать его участи ссылкой, довольно для него одного наказанія — изверженія и какъ можно скорѣе, освободивъ его изъ заточенія, перевести въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, „да радуется—такъ говоритъ грамота—и вся вселенная, иже скорбитъ о немъ“ ³⁾.

Въ Москвѣ патріархи оставались довольно долго. Въ то же время тамъ находились и польскіе послы для заключенія мира съ Московскимъ государствомъ. По возвращеніи послы донесли королю, что заключенному миру патріархи обрадовались и притомъ предлагали, чтобы по совершеніи гражданскаго мира уста-

¹⁾ Въ Исслѣд. Гиббенета, ч. II, стр. 382—386.

²⁾ Собр. Госуд. Грам., ч. IV, № 37. — Въ Иссл. Гиббенета, ч. II, стр. 148—151.

³⁾ (Вновь открыт.) грам. патр. Парфенія къ царю, напеч. въ Иссл. Гиббенета, ч. II, стр. 1114.

новить бы миръ церковный. Король отнесся къ патриархамъ въ Москву грамотою, что онъ совершенно согласенъ на ихъ предложеніе и желалъ бы, послѣ бранныхъ подвиговъ, конецъ своей жизни увѣнчать дѣяніями мира — воссоединеніемъ латинской церкви съ греческою и для того предлагалъ созвать въ Москвѣ соборъ изъ русскихъ архіереевъ и польскихъ епископовъ, на которомъ они вмѣстѣ съ патриархами могли бы разрѣшить относящіяся сюда церковные вопросы. Король вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ же написалъ и царю Алексію Михайловичу и просилъ патриарховъ дать ему скорѣйшій отвѣтъ ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ антиохійскій патриархъ Макарій, не имѣвшій намѣренія такъ скоро оставить Москвы, быстро сталъ собираться къ отъѣзду и чрезъ нѣсколько дней былъ уже въ обратномъ пути ²⁾.

Въ Исторіи Соловьева, т. XI, стр. 253, сказано: „Враги новшества подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружались противъ него, не какъ противъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патриарха“ — и затѣмъ сдѣлано довольно подробное извлеченіе изъ этой жалобы, которой въ Исторіи дано особое значеніе; жалоба эта поставлена въ связи съ обстоятельствами, послужившими къ размолвѣ между царемъ и патриархомъ, какъ будто она имѣла на то вліяніе и была причиною ихъ несогласій. Въ дѣйствительности же это было анонимное письмо къ царю Алексію Михайловичу, найденное въ церковной паперти Благовѣщенія, спустя почти два года, когда уже Никонъ находился въ Терапонтовомъ монастырѣ ³⁾.

Въ Исторіи рус. церкви митроп. Макарія, т. XII, стр. 463—467, описывается посѣщеніе Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ архимандритомъ Аѳонской горы Теофаномъ. Въ бесѣдѣ съ Теофаномъ Никонъ рассказываетъ о пріѣздѣ къ нему въ Воскресенскій монастырь газскаго митрополита Пансія съ боярами для слѣдствія по доносу Бобарыкина, „что бояре у его благословенія были, а Пансію не былъ и братскаго цѣлованія не учинилъ, за что стало патриарху гнѣвно и между собою учинили они преко-

¹⁾ Грам. польск. короля въ переводѣ (вновь открыта), напеч. у Гиббонета въ Изсл. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 1,110.

²⁾ Въ Ист. изсл. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 392 и слѣд.

³⁾ Въ Изсл. Гиббонета, ч. II, стр. 422.

словіе и ради гнѣва патріархъ поступилъ дерзостно, назвалъ Паисія псомъ и инныя досадительныя слова ему сказалъ.... И съ того времени — такъ передаетъ Теофанъ рѣчь Никона — по сіе число у меня съ Паисіемъ прѣ, и за очи онъ называетъ меня не патріархомъ, а я его — не митрополитомъ. А какъ онъ прежде сего именовалъ меня патріархомъ и ходилъ ко мнѣ подъ благословеніе, въ то время и я его митрополитомъ именовалъ и никакихъ досадительныхъ и безчестныхъ словъ ему не говаривалъ“.... Но Паисій никогда у благословенія Никона не былъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, Никонъ этого и не говорилъ; первое свиданіе Никона съ Паисіемъ послѣдовало въ Воскресенскомъ монастырѣ 18-го іюля 1663 г. при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для обѣихъ сторонъ; до этого же времени они лично не знали одинъ другого, но и въ этотъ разъ Паисій подъ благословеніе къ Никону не пошелъ, даже не далъ ему и обычнаго цѣлованія (что подтверждаетъ и самъ Паисій въ своемъ Описаніи Московскаго собора, ч. I, гл. XVIII). Стало быть Теофанъ или извратилъ рѣчи Никона, или выдумалъ ихъ отъ себя. Поэтому и слѣдующій рассказъ Теофана едва-ли заслуживаетъ довѣрія: будто бы Никонъ говорилъ ему, что Паисій называлъ его, Никона, латинникомъ, такъ какъ онъ будто хотѣлъ идти на судъ папы римскаго. „И то онъ на меня вноситъ, не разсудя — такъ передаетъ рѣчи Никона, по рассказу Теофана, митрополитъ Макарій въ своей Исторіи: — я (т. е. Никонъ) то говорилъ на папину лицо по такому намѣренію, что у насъ глава новаго Рима цареградскій патріархъ, и я хочу идти подъ судъ къ нему, а не къ латиннику“. — Митрополитъ Макарій изъ этого выводитъ заключеніе: „если вѣрно передалъ архимандритъ Теофанъ слова Никона, то они даютъ невысокое понятіе о Никонѣ“. — Но выводитъ такое заключеніе на основаніи показанія Теофана, безъ всякой критической повѣрки его рассказа, нельзя, тѣмъ болѣе, что самъ же митрополитъ Макарій говоритъ, что Теофанъ былъ отпущенъ въ Москву гетманомъ Потоцкимъ въ качествѣ его лазутчика и что онъ, Теофанъ, за всѣ его вины, по царскому указу отъ 11-го декабря 1663 г., былъ сосланъ подъ строгій надзоръ въ Кирилловъ монастырь, но оттуда бѣжалъ и, пойманный, объявилъ за собою „государево слово“, котораго за нимъ не оказалось. Такія показанія нельзя назвать фактами, а

тѣмъ болѣе выводить по нимъ заключеніе къ новымъ обвиненіямъ патріарха Никона, въ которыхъ не обвинялъ его и соборъ, его судившій ¹⁾).

Въ томъ же томѣ Исторіи митрополита Макарія, стр. 754—759, сказано: „Января 14-го числа (1667 г.) по назначенію патріарховъ собрались въ нимъ всѣ архіереи для подписанія акта о низложеніи Никона. Но едва былъ прочтанъ докладъ, какъ къ общему изумленію два архіерея, крутицкій митрополитъ Павелъ, блюститель патріаршества, и рязанскій митрополитъ Иларіонъ, тѣ самыя, которые во время суда болѣе всѣхъ дѣйствовали противъ Никона, объявили, что не подпишутъ приговора объ его низложеніи; а ихъ примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе русскіе архіереи“. Но митрополитъ Макарій эти свѣдѣнія опять заимствовалъ изъ Описанія Московскаго собора, составленнаго газскимъ митрополитомъ Паисіемъ (ч. III, гл. VI); у Паисія же много неточностей, много невѣрнаго и много имъ самимъ выдуманнаго (о чемъ говоритъ самъ Макарій въ XII т. своей Ист. на стр. 757 и 761). Соборное постановленіе объявлено было Никону въ окончательной формѣ 12-го декабря, актъ соборнаго постановленія помѣченъ 12-мъ же числомъ декабря 1666 г. и подписанъ патріархами александрійскимъ и антиохійскимъ и прочими архіереями русскими и греческими (актъ этотъ напечатанъ въ Собр. Госуд. Грам. и догов., ч. IV, № 53, подъ оглавленіемъ: Извѣстительная грамота (въ спискѣ) патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго и прочихъ духовныхъ российскихъ и греческихъ властей о низверженіи московскаго патріарха Никона;—но по формѣ изложенія, это не грамота, а самый и есть актъ постановленія; извѣстительныя же грамоты царя Алексѣя Михайловича и означенныхъ патріарховъ къ константинопольскому и іерусалимскому патріархамъ писаны иначе); соборное постановленіе о низложеніи патріарха Никона ни въ какомъ случаѣ не могло быть ему объявлено прежде подписанія самаго акта всѣми архіереями, присутствовавшими на соборѣ; Никонъ на другой день по объявленіи ему соборнаго постановленія отправленъ былъ въ Терапонтонъ монастырь; стало быть, соборное постановленіе было уже исполнено; какъ же могли патріархи и прочіе

¹⁾ Въ Изсл. Гиббонета, ч. II, стр. 436—438.

архіереи подписывать постановленіе, которое мѣсяць тому назадъ уже было исполнено? Другого же постановленія о изложеніи Никона не могло быть. Но въ какихъ послѣдствіяхъ могло бы повести такое обстоятельство, если бы постановленіе исполнено было прежде его подписанія, о томъ говоритъ самъ митрополитъ Макарій: „Поводомъ къ тому (что нѣкоторые архіереи отказались подписать приговоръ о изложеніи Никона), какъ свидѣтельствуеть Писсій Лигаридъ, послужили нѣкоторыя неточныя и неправильно понятыя выраженія въ докладѣ, заимствованныя изъ извѣстнаго свитка четырехъ восточныхъ патріарховъ, на основаніи котораго происходилъ судъ надъ Никономъ. Въ докладѣ помѣщено было именно слѣдующее мѣсто изъ второй главы свитка, по славянскому переводу: „отъ сихъ познавается, единого царя государя быти владычествующа всея вещи благоугодныя, патріарха же послушлива ему быти, яко сущему въ вѣщшемъ достоинствѣ и местнику Божію“. Въ этомъ выраженіи русскіе архіереи поняли, что несправедливо унижена власть патріаршая передъ царскою, что если царь одинъ есть верховный властитель во всякой вещи благоугодной, а патріархъ долженъ быть ему послушливъ, то послѣдній долженъ подчиняться царю и во всѣхъ вещахъ или дѣлахъ духовныхъ и церковныхъ, что чрезъ это отнимается всякая самостоятельность у русской церкви и ея правительства и церковь совершенно порабощается государству; а потому отказывались подписаться подъ актомъ о изложеніи Никона, пока не будетъ исправлено въ патріаршемъ свиткѣ неправильное ученіе объ отношеніяхъ царской и патріаршей власти“. Это послѣ осужденія-то Никона и по приведеніи приговора въ исполненіе?! Но могли ли рѣшиться Крутицкій митрополитъ Павелъ и Рязанскій архіепископъ Иларіонъ, бывшіе главными и постоянными обличителями патріарха Никона на всѣхъ соборныхъ засѣданіяхъ, отвергнуть изложенное въ патріаршихъ свиткахъ, на основаніи конхъ послѣдовалъ судъ надъ Никономъ? „Сужденія по означенному вопросу—говорится въ Исторіи церкви—были продолжительныя и заняли два засѣданія, на которыхъ названные архіереи не присутствовали, но послѣ втораго засѣданія они тайно подали патріархамъ свою просьбу походатайствовать за нихъ предъ государемъ о прощеніи за высказанную ими смѣлость и противленіе“.... Призванные къ патріархамъ, въ присут-

ствии прочих архіереевъ, Павелъ Крутицкій и Иларіонъ Рязанскій были спрошены о причинахъ ихъ поступка и въ оправданіе свое сказали, что они введены были въ заблужденіе ошибочнымъ переводомъ Пансіа Лигаріа. Пансіи перевелъ свитокъ четырехъ патріарховъ съ греческаго языка на латинскій, а съ латинскаго на славянскій перевелъ кто-то неизвѣстный. Трудно повѣрить—говоритъ митрополитъ Макарій—что бы въ продолженіе всего спора никто не объяснилъ архіереямъ, что смущавшее ихъ мѣсто въ свиткѣ—царь одинъ есть властитель всея вещи благоугодныя, патріархъ же долженъ быть ему послушенъ—переведено неправильно и въ подлинникѣ имѣетъ другой смыслъ; между тѣмъ какъ въ греческомъ текстѣ говорилось, что „царь одинъ есть владыка во всякомъ дѣлѣ политическомъ (παντός πολιτικοῦ πράγματος), а патріархъ долженъ быть ему подчиненъ“. Но патріаршіе свитки содержатся въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ и имѣютъ два славянскихъ перевода, изъ коихъ одинъ напечатанъ въ Собр. Госуд. Грам., а другой до сего времени въ печати не былъ извѣстенъ и вышеуказанное изреченіе въ немъ редактировано иначе. „Подобаетъ ли—говорится въ вопросѣ—мѣстному епископу или патріарху подчиняться и повиноваться царствующему государю во всякихъ гражданскихъ дѣлахъ и преніяхъ; быть ли одному государю царю или нѣтъ?“ Въ этомъ славянскомъ переводѣ противу вышеприведеннаго въ Исторіи спорнаго изреченія и отвѣтъ изложенъ согласно вопросу: „Изъ нихъ же собирается (отсюда познавается) царя убо быти совершенна господа и единого быти законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ, патріарха же быти послушлива царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божию“¹⁾. Здѣсь весьма ясно и недоразумѣній, о которыхъ говоритъ Пансіи Лигаридъ въ своемъ Описаніи Московскаго собора, не могло быть, такъ какъ оба перевода патріаршихъ свитковъ одновременны и они извѣстны были митрополиту Павлу и архіепископу Иларіону²⁾.

Если Пансіи Лигаридъ рѣшался писать укорины и неправды о своихъ патріархахъ, то о патріархѣ Никонѣ онъ могъ смѣло

¹⁾ Патр. прав. о власти царской и патр., напеч. въ Изсл. Гиббенета, ч. II, стр. 674.

²⁾ Въ Изсл. Гиббенета, ч. II, стр. 440—446.

писать всякую ложь. Памсіі описалъ дѣянія московскаго собора, бывшаго противъ патріарха Никона. Описывая Никона, Памсіі не показалъ ни одной хорошей черты въ немъ, но о себѣ онъ говоритъ свысока и между тѣмъ даетъ понятіе о неприглядныхъ своихъ дѣйствіяхъ при дворѣ царскомъ противъ Никона.— „Зная врожденное твое благодущіе—такъ обращается Памсіі къ царю въ предисловіи своего Описанія—и твою общедоступность, приближаюсь къ тебѣ непобѣдимому государю и посвящаю, какъ бы славное приношеніе, сію соборную книгу, содержащую въ себѣ исторію Никонова осужденія“. Памсіі просилъ защиты у цара: „преклоняю колѣна души моеи—писалъ онъ—и молю тебя, будь моимъ оборонителемъ отъ могучихъ враговъ и защити это предпріятіе, такъ какъ оно велико, сильно, полно упрековъ“. Памсіі говоритъ, что онъ правдивый писатель и, далеко отстранивъ лесть, держался одной истины, какъ зналъ онъ Никона, такъ и описалъ, употребляя слова, какъ краски. Но есть ли сколько нибудь правды въ этихъ словахъ? Описывая наружность Никона, Памсіі представляетъ его страшилищемъ и въ то же время говоритъ, что Никонъ себя украшалъ и ухорашивалъ; когда онъ былъ патріархомъ — давалъ себя списывать въ великолѣпномъ видѣ. „Прежде чѣмъ увидалъ я Никона—разсказываетъ Памсіі—чрезвычайно желалъ увидѣть его портретъ, хотя бы въ обманчивомъ видѣ, и какъ случилось увидѣть портретъ его, писанный лучшимъ нѣмецкимъ художникомъ, то я онѣмѣлъ, подумавъ, что вижу исполина или циклопа, и почелъ счастливыми слѣдпорожденныхъ, что они не могутъ видѣть такого звѣрообразнаго человѣка“. Но здѣсь Памсіі противорѣчитъ самъ себѣ: самъ онъ говоритъ, что Никонъ давалъ съ себя писать портреты, облаченный въ свѣтительскія одежды и въ митру, и надо полагать, что въ такомъ видѣ Памсіі и увидѣлъ въ первый разъ портретъ Никона; но такой портретъ, кромѣ благолѣпія, никакого безобразія не представляетъ. Никто изъ современниковъ Никона не отвергалъ въ немъ силы ума; одинъ только Памсіі нашелъ у Никона недостатокъ умственныхъ способностей и даже признаки безразсудности, дѣлая свои заключенія на основаніи физиологій. Памсіі называетъ Никона притворщикомъ, будто онъ, до возведенія въ патріаршій санъ, притворялся крошечнымъ, тихонравнымъ, неумнымъ, босымъ. Можетъ быть Никонъ былъ такимъ въ обители

Макарія Желтоводскаго и въ Анзерскомъ скиту, но это—подвиги аскетизма и въ томъ Никона упрекать нельзя.— „Когда же Никонъ сталъ главою другихъ—говорить Паисій—то снялъ личину и оказался тѣмъ, чѣмъ былъ. Понемногу обнаружилось, какъ силенъ онъ въ интригѣ“. — Но въ томъ-то и дѣло, что Никонъ не умѣлъ вести интриги, а въ интригахъ противъ него оказались сильными бояре и самъ Паисій, который помогаль боярамъ, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ.— „Съ той поры—пишетъ Паисій—какъ онъ былъ позванъ въ патриархію для объясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по дѣлу патриарха Никона, разошлась о немъ великая молва по всему двору, почему очень часто онъ былъ приглашаемъ синклитомъ для распросовъ“. Здѣсь Паисій упоминаетъ о вопросахъ боярина Стрешнева, въ которыхъ сосредоточены были обвиненія противъ Никона и на которые Паисій давалъ отвѣты: „многіе охотно ихъ списывали—говоритъ Паисій—и наконецъ попались въ руки Никона и были причиною того, что онъ искалъ случая отмстить Газскому, но напрасно; не въ силахъ былъ онъ передать ядъ свой царю, ибо я часто являлся во дворецъ, поджидалъ минуты и осторожно велъ переговоры“¹⁾.

Если бы Паисій былъ человѣкъ мира и лучшихъ направленій, то при его способностяхъ онъ могъ бы успокоить русскую церковь, среди которой въ то время возникали волненія и появлялся расколъ. Эти обстоятельства требовали не тѣхъ мѣръ, какія проводилъ Паисій съ тою партіею, во главѣ которой онъ стоялъ, не разлученія царя съ патриархомъ, а ихъ сближенія на пользу церкви, во благо государства. Русскій расколъ старообрядства, появившійся при патриархѣ Никонѣ, при немъ же, пока онъ еще правилъ церковью, совсѣмъ было прекратился, такъ какъ умъ и характеръ Никона обуздывали суевѣріе невѣждъ и не допускали открыто возстать противъ древнихъ установленій церкви, которыя возстановлялъ Никонъ на основаніи соборныхъ постановленій 1654 г. Въ то время, пока Никонъ оставался на высотѣ своего положенія, хотя и были недовольные противъ введенія въ церковь лучшаго порядка и благолѣпія, но они оставались втайнѣ и не смѣли обнаруживать своихъ ложныхъ убѣжденій. Несчастливая судьба Никона открыла свободный

¹⁾ Въ Иссл. Гиббенета, ч. II, стр. 449—454.

ходъ этому злу ¹⁾. Но противъ этого-то и для окончательнаго очищенія церкви отъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ мнѣній и ложныхъ убѣжденій и нуженъ былъ Никонъ съ его характеромъ, съ его мощью и съ его строгостью въ такую эпоху и въ такой паствѣ, какою онъ тогда управлялъ. Открытое отдѣленіе раскола послѣдовало въ то время, когда Никонъ потерялъ уже свое значеніе, когда онъ, вслѣдствіе сложившихся для него несчастныхъ обстоятельствъ, удалился отъ патриаршаго престола.

Никонъ, какъ администраторъ, былъ весьма строгъ, но, какъ человекъ, былъ доброй души, простой, не хитрый и не имѣлъ понятія объ интригахъ, съ помощію которыхъ враждебная ему партія разрушила союзъ и дружбу его съ царемъ; но, сознавая свой умъ и свои нравственныя преимущества, онъ гордо держалъ себя передъ своими врагами, которымъ это и не нравилось. Никонъ понималъ интриги своихъ противниковъ, но не отвѣчалъ имъ, не собиралъ у себя партій, которая противодѣйствовала бы враждебной ему партіи, а оставался одинъ.

¹⁾ Ист. р. церк., изд. 1847 г., стр. 181.

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

....Я отправился изъ Москвы по Николаевской желѣзной дорогѣ, утромъ, съ пассажирскимъ поѣздомъ до станціи Крюково; оттуда около двадцати верстъ надо было ѣхать проселкомъ. Къ услугамъ путешественниковъ явились рессорныя брички, скромныя телѣги и допотопныя линейки, которыя и понынѣ еще замѣняютъ въ самой Москвѣ петербургскіе дилижансы или общественныя кареты. За доставку въ линейкѣ берутъ отъ 50 коп. съ человѣка и дороже, смотря по числу желающихъ и въ особенности по погодѣ. Я нанялъ бричку. Возница заломилъ по обычаю вдвое, но живо согласился на полпѣниѣ, въ виду небольшого количества лицъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы. Дорога довольно плохая; въ сухое время пыльная, въ дождливое—очень грязная. Есть другой прекрасный путь, все по шоссе, изъ Москвы; но отъ нея до монастыря 50 верстъ и поѣздка обходится дорого. Возница мой ѣхалъ ровно, не торопясь. Пыли было вдоволь. Рессоры давали себя чувствовать. Я погрузился въ то особое полусознательное состояніе, которое знакомо каждому, ѣздившему по нашимъ проселкамъ въ рессорныхъ экипажахъ мѣстнаго производства, побывавшихъ много разъ въ рукахъ деревенскаго кузнеца. Мы въѣхали на пригорокъ и передъ глазами засверкало на солнцѣ нѣсколько золоченныхъ главъ.

— Это Новый Іерусалимъ? спросилъ я.

— Онъ самый и есть, отвѣтилъ ямщикъ.

Черезъ полчаса мы остановились у подѣзда монастырской го-
стиницы, помѣщающейся почти у самой ограды монастыря. Заво-
нили ко всенощной. Я пошелъ въ монастырь. Высокая каменная
ограда, съ башнями по угламъ, сверкала своею бѣлизною. Стѣны

воротъ исписаны картинами библейскаго содержанія. Сбоку лавочка, гдѣ продаются образки, книжки и фотографіи. Внутри, недалеко отъ воротъ, передъ храмомъ, расположенъ цвѣточный садъ. Меня обдало сильнымъ ароматнымъ запахомъ душистаго горошка, лупинуса, петуній и другихъ пахучихъ цвѣтовъ. За садомъ возвышалось причудливое громадное зданіе со множествомъ крышъ и куполовъ. Оно идетъ аментеатромъ, постепенно возвышаясь и вѣнчается огромнымъ своеобразнымъ куполомъ (шатромъ) съ золоченою главою и крестомъ. Съ лѣваго боку возвышается колокольня, тоже съ золоченою главою и крестомъ. Это не храмъ, это своеобразная и грандіозная совокупность многихъ храмовъ, и это справедливо потому, что въ этомъ храмѣ 29 придѣловъ, т. е. алтарей.

Построеніе его начато въ 1656 году по мысли патріарха Никона, который задумалъ построить точное подобіе Іерусалимскаго храма Воскресенія Христова и при немъ мужской монастырь. Онъ купилъ для этого обширное мѣсто у боярина Боборыкина и здѣсь, на горѣ, у подножія которой протекаетъ рѣка Истра, началъ приводить въ исполненіе свой грандіозный замыселъ. Келарь Троицкой-Сергіевой лавры Арсеній Сухановъ былъ посланъ въ Іерусалимъ и привезъ точные планы іерусалимскаго храма и модель часовни Гроба Господня, по которымъ и началъ созидаться общій храмъ.

Послѣ разрыва съ царемъ и удаленія изъ Москвы Никонъ, въ теченіи 8 лѣтъ, занимался построеніемъ этого храма, своими руками работалъ надъ его возведеніемъ, на своихъ плечахъ носилъ камни и плиты. Учрежденный надъ нимъ судъ прервалъ его работу. Его потребовали въ Москву, лишили патріаршества, сослали сначала въ Ферапонтовъ, а потомъ въ Кириловъ на Бѣлоозерѣ монастырь, гдѣ онъ пробылъ 15 лѣтъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ дозволилъ ему вернуться въ его любимый Воскресенскій монастырь; но болѣзнь и несчастье сломили силы этого необыкновеннаго человѣка. Онъ умеръ въ дорогѣ, на Котрости рѣкѣ, и только трупъ его былъ привезенъ въ монастырь. Здѣсь, у его гроба, умоклла многолѣтняя вражда. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ самъ прибылъ въ монастырь, велѣлъ облечь трупъ Никона въ патріаршую одежду, собственноручно положилъ его въ каменный гробъ, читалъ во время отпѣванія Апостолъ и каѳизму и, прощаясь, взявъ изъ-подъ мантии десницу Никона, дѣловалъ ее «со многими слезами и жалостью». И погребли патріарха Никона въ храмѣ на Голгоѣѣ, на южной сторонѣ, внизу. Царь Ѳеодоръ не ограничился этимъ. Онъ написалъ вселенскимъ патріархамъ прошеніе о присылкѣ прощительной и разрѣшительной грамоты, чтобы поминать Никона не какъ простаго монаха, а какъ патріарха

всѣя Руся. Патріархи исполнили просьбу царя и прислали прощительную и разрѣшительную грамоту и велѣли: «поминать и въ число патріарховъ причислить онаго святѣйшаго Никона патріарха Московскаго». Грамота эта и понынѣ хранится въ Москвѣ въ патріаршей ризницѣ. Царь Ѳеодоръ повелѣлъ продолжать и постройку храма, оставленную съ удаленіемъ Никона изъ монастыря. Въ 1685 году храмъ Воскресенія Христова былъ освященъ патріархомъ Іоакимомъ въ присутствіи царя. Обновленъ онъ былъ при императрицахъ Елизаветѣ Петровнѣ и при Екатеринѣ II, когда на мѣсто прежняго главнаго купола (шатра), обвалившагося вслѣдствіе обложенія его снаружи чугунными плитами, былъ устроенъ знаменитымъ архитекторомъ Растрелли новый деревянный куполъ (шаторъ), сохранившійся и понынѣ. Последнее капитальное обновленіе храма было совершено въ 1874 году иждивеніемъ богатаго мѣстнаго фабриканта статскаго совѣтника П. Г. Цурикова, израсходовавшаго на обновленіе храма болѣе 80,000 рублей.

II.

Звонили ко всенощной. Я подошелъ къ главному входу, называемому Красными вратами, и вошелъ въ храмъ. Прямо передо мною, подъ вязцнымъ сѣтчатымъ металлическимъ балдахинномъ, лежала, окруженная рѣшеткою, большая высокая каменная плита, на верху которой изображено помазаніе пречистаго тѣла Іисуса Христа. Это точное подобіе «камня помазанія», гдѣ умащали ароматами пречистое тѣло Спасителя, по снятіи со креста, и приготовляли его, по обычаю еврейскому, къ погребенію. Нѣсколько висячихъ лампадъ теплятся надъ нимъ. Каждый входящій благоговѣнно преклонялся передъ этимъ священнымъ изображеніемъ. Я приложился къ истерзаннмъ гвоздями ногамъ Спасителя и, пройдя царское мѣсто, вышелъ къ главному алтарю. Въ іерусалимскомъ храмѣ онъ принадлежитъ грекамъ, т. е. православнымъ. Весь онъ блестялъ золотомъ, не смотря на то, что отъ его возобновленія прошло уже почти 10 лѣтъ. Насколько солидно было это возобновленіе можно судить по тому, что за однѣ сребропозлащенные ризы къ двумъ главнымъ иконамъ, по обѣ стороны царскихъ вратъ, было заплачено извѣстному мастеру Овчинникову 25,000 рублей серебромъ. Иконостасъ вызолоченный, высокій, 12-ти ярусный, въ строгомъ церковномъ (православномъ) стилѣ. Надъ амвономъ довольно узкій средній куполъ, въ глубинѣ котораго представлено какъ бы развернувшееся небо и тамъ, на золотомъ фонѣ, воскресшій Спаситель, возносящійся на небеса. Этотъ

куполъ отдѣляется широкой аркой, называемой царскою, отъ другого обширнаго купола (шатра), освѣняющаго часовню Гроба Господня (Кузуклю), эту священнѣйшую изъ земныхъ святынь. Стройно, торжественно возвышается она, вся позлащенная сплошь и блистающая отъ этой позолоты какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, радующимъ глаза. Низъ ея состоитъ изъ четырехъ-угольнаго съ выступами основанія и плоской крыши съ такими же выступами, поддержанными съ каждой стороны парными колоннами коринтскаго ордена. Орнаментовка изящна, но проста. На плоской крышѣ стоитъ сквозной круглый павильонъ; его изящно орнаментированный куполъ поддерживается 12-ю парными колоннами и вѣнчается высокимъ крестомъ. Среди павильона висится плоское, литое, металлическое изображеніе Спасителя, которое окружено широкимъ сіяніемъ и вѣнцомъ. Въ лѣвой рукѣ Онъ держитъ державу, а правая поднята для благословенія. По краямъ плоской крыши стоятъ большіе, точеные, деревянные сосуды, въ видѣ кадильницъ, а надъ дверью, на скамьѣ и подушкѣ—массивная корона. И все это вызолочено сплошь, густо и блеститъ, поражая своею изящностью, стройностью и гармоніею частей. Входъ одинъ, спереди, четырехугольный, немного выше обыкновеннаго роста человѣка и выложенъ сверху и боковъ бѣлымъ мраморомъ. Надъ входомъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, передъ которымъ виситъ массивная, золоченая лампада.

Вечерѣло. Въ храмѣ шла всеобщая. Послушникъ читалъ молитвы. Народу было немного. Таинственное отверстіе въ часовнѣ манило къ себѣ. Съ какимъ-то особеннымъ, давно уже невѣдомымъ мнѣ, чувствомъ вошелъ я туда. Это былъ предѣлъ Ангела, полукруглый, съ плоскою заднею стѣною и съ двумя окошечками по бокамъ. Верхняя половина его вызолочена сплошь и на ней изображенъ ангелъ, встрѣчающій женъ-мироносицъ, пришедшихъ въ третій день ко гробу умастить ароматами тѣло Спасителя. Сводъ тоже вызолоченъ сплошь. Теплятся лампы, горятъ свѣчи, на всемъ лежитъ мягкій полусвѣтъ, мѣстами ярче, тамъ, гдѣ отражается на золотомъ фонѣ лучъ лампы или свѣчи. Сбоку, съ правой стороны, покрытый пеленою камень, подобіе того камня, который, въ священную для человечества ночь, отвалилъ Ангелъ Господень отъ гроба Спасителя, когда настала часъ Его воскресенія во спасеніе людей.

Посреди полукруглой стѣны, прямо противъ входа, такое же отверстіе, но уже и ниже, не болѣе аршина, такъ что въ него можно войти не иначе, какъ низко согнувшись, или ползя на колѣняхъ. Это входъ туда, въ пещеру, куда положили пречистое тѣло Спасителя по снятіи со креста. Я всталъ на колѣни и, скло-

нивъ голову, проползъ туда. Поднявъ голову, я увидѣлъ, вправо отъ себя, каменную четырехугольную гробницу, съ плащаницею на верху, а надъ нею, сіяющій въ блескѣ золота, возносящійся ликъ Спасителя съ хоругвью въ рукѣ. Направо и налѣво отъ него два ангела, также въ сплошныхъ золотыхъ ризахъ на золотомъ фонѣ образовъ. Какаѣ-то невѣдомая мнѣ сила толкнула меня. Я палъ ницъ и распростерся въ нѣмомъ благоговѣніи, охватившемъ меня всецѣло и глубоко. Тамъ, въ Іерусалимѣ, на такомъ же мѣстѣ, въ такомъ же гробѣ, совершилась великая тайна воскресенія Бого-человѣка, открывшаго людямъ путь ко спасенію, искупившему первородный грѣхъ своимъ добровольнымъ страданіемъ на крестѣ. Сюда положили Его, обвинивъ бѣлою одеждою, благочестивыя руки Іосифа, Никодима и Его учениковъ; и рыдали надъ Нимъ благочестивыя жены, умащая тѣло Спасителя ароматами, смѣшанными со скорбными слезами любви. Здѣсь лежало истерзанное, прободенное тѣло Того, про Котораго Богъ-Вседержитель задолго изрекъ пророку своему Ісаіи: «Вотъ Отрокъ Мой, Котораго Я держу за руку, избранный Мой, къ Которому благоволятъ душа Моя. Положу духъ Мой на Него и возвѣстятъ народамъ судъ» (Ісаія, XLII, 1); про Котораго Ісаія пророчествовалъ, что Онъ: «взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни; взявъ на себя былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши, наказаніе міра нашего было на Немъ и ранами Его мы исцѣлились; истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца веденъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его былъ безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ. Ему назначали гробъ съ злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его. Онъ понесъ на Себѣ грѣхи многихъ и за преступниковъ сдѣлался ходатаемъ» (Ісаія, глава LIII). «Пришествіе Его на землю было задолго предвозвѣщено черезъ Боговдохновенныхъ пророковъ израильскихъ— и оно совершилось. И воплотился Онъ, и возвѣстилъ Евангеліе правды, и пострадалъ. Темная ночь спустилась на землю; истерзанное тѣло Спасителя поклолось во гробѣ, а Святѣйшій Духъ Его выпустился въ это время въ преисподнюю, гдѣ съ великимъ томленіемъ ожидали этого часа души усопшихъ праведниковъ земли. И отступилъ передъ сіяющимъ ликомъ Спасителя страшный князь міра сего, ужасный духъ сатана съ многочисленнымъ воинствомъ своимъ, упавшій когда-то какъ молнія съ неба за безумную гордыню свою» (Еванг. отъ Луки, X, 18). «Отступилъ онъ передъ сіяніемъ правды и отдалъ заключенныхъ, и съ трепетомъ подумалъ о грядущемъ, о томъ, что въ предреченный часъ ожидаетъ его самого за множество беззаконій и зла, сотвореннаго имъ...»

Я лежалъ ницъ и слезы благодатныя, давно уже невѣдомныя мнѣ слезы текли изъ моихъ глазъ. Безмолвно молилась душа моя передъ ликомъ Спасителя и такъ хорошо, такъ сладко было ей. Завѣтныя, святныя минуты! Минуты обновленія, просвѣтленія, оживотворенія души!

Медленно подыалъ я голову, облобывавъ хранящійся подъ стекломъ отломокъ камня отъ настоящаго гроба Господня изъ Іерусалима, и долго съ невыразимымъ благоговѣніемъ взиралъ на сіяющій ликъ Спасителя, на плащаницу, на Ангеловъ, на все бывшее предо мною. Особый мягкій полусвѣтъ отъ лампадъ и свѣчей дарилъ тамъ; полная тишина; только издали едва доносилось съ кляроса пѣніе монаховъ. Вверху виднѣлось небольшое отверстіе, терявшееся во мракѣ купола часовни. Послышался шорохъ, показалась голова старухи-богомолки, сѣдая, изнуренная, но съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія на лицѣ. Она тоже пала ницъ передъ гробомъ Спасителя и изъ ея устъ вылетѣли тѣ святые вдохи, которые можно услышать всюду во всѣхъ мѣстахъ богомолья на Руси. Эти вдохи всегда глубоко дѣйствуютъ на меня. Какая вѣра, какая святая, глубокая, истинная вѣра сказывается въ нихъ!

Я вышелъ изъ часовни. Уже настала ночь. Вершина купола тонула во мракѣ, только передняя сторона часовни блестѣла отъ свѣта алтарныхъ свѣчей. Вокругъ часовни стояло нѣсколько сѣдыхъ монаховъ и ихъ черное одѣяніе рѣзко выдѣлялось на золотомъ фонѣ стѣнъ.

Кончилась всеночная. Я вышелъ изъ храма въ какомъ-то особомъ, чарующемъ настроеніи. Мерещился этотъ огромный храмъ, сіяющая золотомъ часовня, таинственный входъ, а тамъ, внутри, озаренная особымъ животворящимъ свѣтомъ пещера.... и гробъ.... и возносящійся ликъ Спасителя.... Ночь была тиха. Звѣзды сверкали переливающимся свѣтомъ, серпъ луны поднимался изъ-за деревьевъ. Я повернулъ вдоль ограды, сѣлъ на скамейку у крутого обрыва, поросшаго вѣковымъ лѣсомъ, и долго просидѣлъ, наслаждаясь неслышаннымъ впечатлѣніемъ, стараясь всецѣло воспроизвести его, вдыхая полною грудью чудный ночной воздухъ этого чарующаго уголка земли.

На другой день, въ 9 часовъ, я пошелъ къ козней обѣдин. Народу было довольно много. Служилъ настоятель. Монастырь ставропигіальный, т. е. зависитъ не отъ митрополита московскаго, но непосредственно отъ синода. Настоятель—архимандритъ, но пользуется нѣкоторыми преимуществами архіерейскаго служенія, даже имѣетъ право осѣнять свѣщами (двукіри и трикіри), что дѣлаетъ службу очень торжественною. Настоятель служилъ хорошо: чинно, благолѣпно. Малый и большой выходы, т. е. съ Евангеліемъ и Святими дарами, отли-

чартся тѣмъ, что священнодѣйствующіе, выйдя изъ боковыхъ дверей алтара, обходятъ вокругъ часовни и потомъ уже всходятъ на амвонъ. Кончилась обѣдня. Толпа подвинулась къ часовнѣ. Изъ алтара вышелъ архимандритъ съ іеромонахами, діаконами, дѣячками, пѣвчими и пошли къ часовнѣ. Іеромонахи имѣли возженные красныя свѣчи; въ рукахъ у архимандрита былъ крестъ и передъ нимъ три тоненькія красныя свѣчи, какъ обыкновенно бываетъ у священниковъ въ великую заутреню въ ночь на Свѣтло-Христово Воскресеніе. Архимандритъ обратился лицомъ ко входу въ часовню, перекрестился и криво съ священнодѣйствующими заплѣлъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ» и т. д. Этотъ великій радостный возгласъ, который обыкновенно поется ежегодно только въ теченіи шести недѣль отъ Пасхи до Вознесенія, въ Новомъ Іерусалимѣ поется еженедѣльно по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, по чину іерусалимскому, т. е. по примѣру такого же правила, соблюдаемаго въ іерусалимскомъ храмѣ. Пропѣли торжественно весь пасхальный канонъ; послѣ 6-й пѣсни прочитали Евангеліе; по окончаніи совершилось цѣлованіе св. креста и окропленіе прикладывающихся святою водою. Для желающихъ начали служить молебны въ самой часовнѣ гроба Господня, въ придѣлѣ Ангела, а панихиды у гробницы патріарха Никона. Я обратился къ ризничему съ просьбою показать мнѣ храмъ и объяснить его планъ и особенности. Онъ просилъ меня зайти въ 2 часа, такъ какъ теперь скоро запрутъ храмъ и братья пойдутъ на трапезу.

III.

Въ два часа я подходилъ къ храму. Днемъ, при свѣтѣ солнца, онъ казался еще громаднѣе. Передняя пристройка къ нему одноэтажная, ниже уровня земли, съ двумя выступающими часовнями по угламъ, окружена рвомъ. Всѣхъ главъ на храмѣ восемь, изъ нихъ двѣ большихъ, не считая колокольни, глава которой выше остальныхъ. Ризничій должно быть увидѣлъ меня изъ окна. Не успѣлъ я дойти до входа, какъ онъ догналъ меня, отворилъ такъ называемыя Красныя врата и мы вошли во храмъ. Лучи солнца, проникая сквозь многочисленныя окна куполовъ, играли на позолотѣ, оставляя въ полумракѣ боковыя придѣлы. Мы прямо направились къ часовнѣ. Куполь надъ нею (шатеръ) показался теперь, днемъ, во всемъ величій своей наявной красоты. Кругообразный нижній ярусъ его (каменный) состоитъ изъ ряда пролетовъ, въ глубинѣ которыхъ помѣщены окна. Остальные три яруса деревянные съ выступающими сна-

ружи купола окнами на подобіе большихъ слуховыхъ. Верхніе ярусы уже нижнихъ, но немного, такъ что сводъ имѣетъ видъ не купола, а широкаго шатра. Надъ пролетами между каждымъ ярусомъ, на вогнутой поверхности основанія, расположены небольшія, писанныя на парусиный картины, числомъ 75, съ изображеніемъ всѣхъ главныхъ эпизодовъ изъ исторіи Ветхаго и Новаго Заветъа, начиная съ сотворенія міра. Внутренность шатра выбѣлена и украшена гѣбиною работою бѣлаго и синяго цвѣтовъ. Повороты очень мало, блестятъ золотомъ только рѣшетки хоръ, которыхъ три, по одной въ каждомъ ярусѣ шатра. Многочисленныя большія окна выпускаютъ столько свѣта, что вершина шатра какъ бы утопаетъ въ сіяніи. Шатеръ такъ легокъ, такъ воздушенъ, что даже не вѣришь его громадности, пока не подынешься на хоры, откуда только и можно возымѣть дѣйствительное понятіе о его огромныхъ размѣрахъ. Высота его отъ пола 33 сажени, поперечникъ въ основаніи, кромѣ стѣнъ, 11 саженой и 6 вершковъ, а окружность въ свѣту 34 сажени, освѣщается онъ 75 окнами. Это чудо строительнаго искусства и геній Растрелли выказался здѣсь во всемъ своемъ блескѣ, во всей полнотѣ.

Мы вошли въ часовню. Въ іерусалимскомъ храмѣ придѣлъ Ангела принадлежитъ католикамъ и тамъ устроенъ алтарь на самомъ камнѣ, которымъ былъ закрытъ входъ во гробъ Спасителя, почему камень этотъ и стоитъ тамъ посредній. Здѣсь онъ поставленъ къ стѣнѣ, съ правой стороны. Два маленькихъ рѣшетчатыхъ окна по обѣимъ сторонамъ этого придѣла имѣютъ свое особое назначеніе. Ежегодно, передъ заутренею, въ великую ночь Святой Пасхи, въ часовнѣ гроба Господня гушатся всѣ огни, турецкая стража располагается у входа. Въ часовню входятъ только одинъ іерусалимскій патріархъ, имѣя въ рукахъ пучъ свѣчей. Наступаетъ глубокая тишина. Патріархъ, склонившись предъ гробомъ Господнимъ, молится о ниспосланіи священнаго огня. Молитва его всегда бываетъ услышана. Совершается чудо. Свѣчи возжигаются въ рукѣ патріарха и онъ раздаетъ ихъ въ эти окошечки богомольцамъ. Почти мгновенно храмъ освѣщается множествомъ свѣчей, такъ какъ богомольцы спѣшатъ зажечь каждый свою свѣчку отъ священнаго огня; раздается пѣніе «Христосъ Воскресе» (по гречески, сирійски, арабски), а пылкіе сирійцы, арабы, въ порывѣ религіознаго восторга, начинаютъ кружиться и скакать. Здѣсь, въ Новомъ Іерусалимѣ, подражаніе этому обряду не исполняется и окна не выходятъ даже внаружу часовни. Главный придѣлъ храма въ Іерусалимѣ принадлежитъ православнымъ (грекамъ). Здѣсь этотъ придѣлъ величественъ и блеститъ золотомъ. Въ алтарѣ, на высоко поднятомъ горнемъ мѣстѣ, возвышается полукруглая, весьма

вищая ретовда, съ пятью пролетами, предназначенными для постановки мѣстъ, на случай собранія православныхъ патріарховъ въ Москвѣ и прїѣзда ихъ въ монастырь. Вправо отъ главнаго алтаря, пройдя небольшую арку, вступаешь въ придѣлъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, находящійся подъ Голгозою. Тамъ, у задней стѣны придѣла, на мѣстѣ, гдѣ въ іерусалимскомъ храмѣ, по преданію, покоится прахъ библейскаго первосвященника Мелхиседека, стоятъ гробница патріарха Никова и надъ нею повѣшены тяжелыя, почти двухъ-пудовыя, желѣзныя вериги, состоящія изъ цѣпи съ массивнымъ желѣзнымъ крестомъ, которыя возложилъ на себя и носилъ онъ со времени добровольнаго удаленія своего изъ Москвы въ этотъ монастырь. У гроба патріарха служатся обыкновенно всѣ совершаемыя въ храмѣ панихиды, при чемъ на каждой изъ нихъ поминается и его имя во главѣ прочихъ. Придѣлъ темень; нѣсколько лампадъ освѣщаютъ мѣсто упокоенія этой великой личности, сына нижегородскаго крестьянина, собишнаго друга царя, всероссійскаго патріарха, потомъ ссыльнаго монаха, окончившаго жизнь на стругѣ, на пути возвращенія изъ 15-ти лѣтней ссылки въ свой любимый Воскресенскій монастырь.

Вокругъ храма, по бокамъ, а также сзади главнаго алтаря расположены различные придѣлы, нѣкоторые сообразно мѣсту расположенія ихъ и въ настоящемъ іерусалимскомъ храмѣ, а иные на мѣстахъ, принадлежавшихъ въ іерусалимскомъ храмѣ армянамъ и католикамъ; въ числѣ первыхъ находятся заалтарные придѣлы: поруганія или терноваго вѣнца, раздѣленія ризъ и святаго Логгина сотника (который былъ при распятіи Іисуса Христа). Влѣво отъ главнаго алтаря находится серебряный ковчезецъ съ кистью правой руки св. мученицы Татьяны, перенесенной въ монастырь усердіемъ великой княжны Татьяны Михайловны, родной сестры царя Алексѣя Михайловича, много способствовавшей построенію и украшенію этого монастыря. Не далеко отъ него, на стѣнѣ, виситъ въ большомъ размѣрѣ планъ настоящаго Іерусалимскаго храма въ томъ видѣ, какъ онъ былъ снятъ во время патріарха Никова, а подъ этимъ планомъ для сличенія, въ томъ же масштабѣ, планъ нашего Ново-Іерусалимскаго храма въ его настоящемъ видѣ. Нѣкоторыя другія пристройки, вазрыки, мѣсто расположенія турецкой стражи при входѣ и т. п., во имѣющія значенія для православныхъ, обозначены въ храмѣ маленькими пристройками, лишь для указанія въ точности всего, что находится въ Іерусалимскомъ храмѣ. Ходовъ на хоры три, въ разныхъ мѣстахъ, одинъ для православныхъ, другой для католиковъ, третій для армянъ. На верху, надъ придѣломъ, гдѣ гробница па-

тріарха Никона, находится голгоеская церковь страстей Господнихъ съ придѣломъ (безпрестольнымъ) на мѣстѣ водруженія креста Господня. Придѣлъ этотъ, по преданію, построенъ въ Іерусалимскомъ храмѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ Спаситель съ двумя разбойниками. На длинномъ каменномъ подножіи сдѣлано три углубленія, указующія гдѣ были поставлены кресты; за среднимъ изъ нихъ возвышается точное подобіе креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Много говорить душъ человѣка этотъ крестъ. Я наклонился къ подножію его, прильнулъ губами, но присутствіе посторонняго человѣка остановило порывъ души...

Вечеромъ, во время вечерни, я снова былъ у этого креста. Тогда я былъ одинъ, тогда мнѣ не мѣшали, тогда не люди видѣли меня распростертаго у подножія этой святыни, ивнемогнаго отъ налива святаго чувства безконечной скорби и любви.

Чугунная рѣшетка соединяетъ стѣны арки, въ глубинѣ которой помѣщенъ придѣлъ. Внизу подъ нею проходъ, поэтому рѣшетка вся видна снизу храма и у этой рѣшетки, съ наружной стороны, помѣщено большое изображение Спасителя, согнувшагося подъ тяжестью несомаго Имъ креста.

Ново-Іерусалимскій храмъ холодный, безъ печей и потому служба зимой въ немъ не совершается. Но въ великій четвергъ страстной седмицы здѣсь, на Голгоѣ, передъ крестомъ Спасителя, читаются 12 евангелій, а въ пятницу, на вечерни, совершается, установленный патріархомъ Никономъ, умилительный обрядъ. Святая плащаница, заранѣе внесенная на Голгоѣ, при торжественномъ пѣніи «Благообразный Іосифъ» медленно спускается вертикально на широкихъ лѣнтахъ черезъ рѣшетку внизъ. Тамъ она приѣмлетъ іеромонахами съ архимандритомъ во главѣ, несетъ и полагается на камень помазанія, гдѣ и умащается ароматами, послѣ чего ее кладутъ на уготованный одръ, обносятъ вокругъ главнаго алтаря и ставятъ посреди храма, гдѣ она и остается до субботы. Въ субботу, на утрени, снова поднимаютъ одръ съ плащаницею, несутъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ къ «каменю помазанія», гдѣ читается евангеліе, затѣмъ обносятъ вокругъ главнаго (великаго) алтаря, три раза вокругъ часовни гроба Господня и вносятъ внутрь часовни, гдѣ и полагаютъ на св. гробъ. По выходѣ оттуда читается евангеліе отъ Маттея, при конечномъ стихѣ котораго: «утвердиша гробъ, знаменовавше камень съ кустодіею» церковные сторожа затворяютъ двери часовни св. гроба и прикладываютъ къ нему печать. Масса народа со свѣчами въ рукахъ провожаетъ плащаницу по церкви и громкими рыданіями выражаетъ охватывающее ее чувство скорби. Эти рыда-

ннѣ, торжественное, печальное пѣніе, медленное движеніе крестнаго хода, масса свѣчей—производятъ, говорятъ, невыразимое впечатлѣніе и подобнаго обряда не существуетъ нигдѣ, не только на Руси, но, какъ мнѣ сказали, даже въ самомъ Іерусалимѣ. За обѣдней, въ субботу, плащаница выносится изъ часовни и полагается на престолъ въ алтарѣ.

Отъ церкви на Голгоѣѣ идутъ 33 ступени внизъ (по числу лѣтъ Спасителя) въ подземную церковь, которая снаружи окружена ровомъ, Св. Константина и Елены и отъ нея, вправо, еще семь ступеней внизъ, къ подобію того мѣста, гдѣ по преданію былъ обрѣтенъ ими святой крестъ, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Какъ извѣстно, на этомъ мѣстѣ было обрѣтено три креста. Для того чтобы убѣдиться, на которомъ изъ нихъ былъ распятъ Спаситель, всѣ три креста приложили по очереди къ мертвому, котораго въ это время проносили мимо хоронить, и отъ прикосновенія къ кресту Спасителя мертвый воскресъ. На мѣстѣ этомъ находится колодезь, именуемый живоноснымъ источникомъ, гдѣ бываетъ освященіе воды. Церковь сыра, полъ ея заливался при мнѣ асфальтомъ.

На хорахъ, съ правой стороны, помѣщается монастырская ризница. Она не особенно богата, хотя есть вещи значительной цѣнности. Замѣчательны патриаршескія одежды Никона, столь тяжелыя, что общій вѣсъ всего патриаршескаго облаченія вѣситъ болѣе шести пудовъ. Какой атлетъ долженъ былъ быть этотъ человѣкъ, чтобы совершать многочасовое служеніе въ такомъ облаченіи. Впрочемъ, извѣстно, что онъ былъ ростомъ болѣе сажени. Въ числѣ вещей, жертвованныхъ русскими государями, есть и пожертвованная въ прошломъ столѣтіи императрицею Елизаветою полная принадлежность для совершенія литургіи и таинства Св. причащенія, замѣчательная тѣмъ, что въ числѣ этихъ серебряныхъ вызолоченныхъ вещей, украшенныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями, металлическія доски евангелія оказались не изъ серебра, а изъ позолоченной мѣди. Ухитрились же надуть придворные мастера? Монахи, молъ, народъ темный, сразу не провѣрятъ, а потомъ и побоятся; пожалуй и самихъ обвинять въ подмѣнѣ. Въ настоящемъ Іерусалимскомъ храмѣ къ хорамъ вокругъ шатра примыкаютъ жилища служащихъ при храмѣ духовныхъ лицъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, вслѣдствіе чего воздухъ въ самомъ храмѣ убійственно тяжелъ. У насъ на хорахъ находится 10 придѣловъ, устроенныхъ усердіемъ особъ царствующаго дома и частныхъ лицъ, но остается еще много мѣста для устройства новыхъ. Всѣхъ же придѣловъ вверху и внизу 29.

Въ теченіи пѣлаго года отправляются соборнѣ: по вторникамъ панихида по патріархѣ Никонѣ передъ его гробницею, по пятницамъ, на Голгоѣ, у креста, акаенствъ Страстямъ Христовымъ, а по субботамъ акаенствъ Богородицѣ. 14-го сентября богомольцамъ раздаютъ металлическіе или кипарисныя кресты и цѣлты.

IV.

Когда я кончалъ осмотръ храма, началась вечерня. Звучно отдавалось пѣніе на хорахъ шатра и замирало въ высотѣ. Косые лучи заходящаго солнца освѣщали золоченый бельведеръ часовни, а внизу храма мѣстами уже сгущалась темнота. И мнилось, что вотъ сейчасъ появится на амвоѣ величавая, могучая фигура усопшаго патріарха, въ своемъ блестящемъ шестипудовомъ облаченіи, и громкимъ голосомъ возгласитъ славословіе Тому, во имя Котораго онъ задумалъ создать этотъ дивный, неизмѣющийся себѣ ничего подобнаго у насъ, храмъ. А многіе ли знаютъ о немъ, многіе ли бывали въ немъ, даже изъ благочестивыхъ паломниковъ русской земли?

За главныиъ храмомъ находится соборный, теплый, двухъ-этажный храмъ во имя Рождества Христова, въ которомъ совершается служба въ зимнее время. Онъ построенъ также по образцу Вилеемскаго храма, собственно нижній ярусъ, въ которомъ имѣются придѣлы: обрѣзанія, поклоненія волхвовъ, бѣгства въ Египетъ и избѣженія младенцевъ. У лѣвой стѣны сдѣлано подобіе св. вертена и яслей, гдѣ родился Спаситель. Прежде въ ясляхъ лежала деревянная раскрашенная фигура младенца, которая недавно уничтожена, потому что въ православной церкви не допускаются изображенія въ видѣ статуй. На верху, кромѣ главнаго алтаря, въ зимней трапезной есть еще два придѣла, устроенныя недавно. Рядомъ съ этимъ храмомъ находится двухъ-этажный дворецъ для приѣма особъ царствующаго дома и высшаго духовенства. Въ немъ нѣсколько портретовъ и картинъ, въ числѣ которыхъ замѣчательна картина, изображающая перенесеніе тѣла патріарха Никона въ монастырь въ предшествованіи боярѣ, духовенства и царя. Патріарха Іоакима при этомъ не было. Онъ не поѣхалъ отпѣвать Никона по чину патріарха, такъ какъ послѣдній былъ лишенъ этого званія по суду вселенскихъ патріарховъ, но послалъ митрополита новгородскаго Корнилія съ дипломатическимъ наставленіемъ: «на ектеиныхъ именовать просто монаха Никона или де какъ царское величество повелитъ, такъ и творите». Корнилій, конечно, исполнилъ волю царя и отпѣвалъ Никона по чину патріарха.

Въ числѣ портретовъ замѣчательны два: самого Никона (другой портретъ его находится въ главномъ храмѣ на хорахъ) и бывшаго настоятеля и обновителя монастыря архимандрита Амвросія, впоследствии архіепископа московскаго, погибшаго мученической смертью за оградой Донскаго монастыря отъ возмущившагося народа во время чумы. По другую сторону храма Рождества Христова идутъ настоятельская и нѣныя кельи съ церковью при нихъ. Всѣхъ же церковныхъ брѣдѣловъ въ монастырѣ 44.

Ограда монастыря высокая (4½ саж. вышины), прочво сложенная изъ камня съ амбразурами и навѣсными бойницами, имѣетъ видъ неправильнаго шестиугольника съ 8-ю трехъ-этажными башнями, которымъ приданы имена вратъ іерусалимской стѣны. По вершинѣ стѣны устроена широкая, крытая галлерей для крестныхъ ходовъ. Въ лавочки у воротъ продаются весьма хорошо сдѣланные фотографическіе снимки съ храма и монастыря, работы, какъ видно изъ надписи, мѣстной монастырской фотографіи, іеродіакона Діодора.

Третій день я посвятилъ окрестностямъ монастыря. Вокругъ ограды идетъ широкая тѣнистая аллея; съ трехъ сторонъ она окружена крутыми обрывами, поросшими лѣсомъ. Особенно хорошъ видъ съ южной стороны, тамъ, гдѣ Волоколамское шоссе поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ у подножія горы. Съ сѣверной стороны, внизу, находятся два колодца съ часовнями надъ ними, первая называется колодцемъ Самарянки, вторая—Силоамская купель. Съ западной стороны отъ аллеи устроена лѣстница, отъ которой идетъ опять аллея до Никоновскаго скита. Онъ построенъ Никономъ на подобіе восточныхъ (палестинскихъ и аеонскихъ) жилищъ пирговъ (башень) и составляетъ высокое, но узкое каменное трехъ-ярусное зданіе. Въ нижнемъ, подвальномъ, ярусѣ находится мѣсто для церкви, комната для службъ, кухня и узкія, маленькія (почти темныя) кельи; во второмъ ярусѣ—небольшая трапезная съ внутреннимъ окномъ въ стѣнѣ, въ которое по внутренней лѣстницѣ подавали пищу изъ кухни, и двѣ кельи; изъ трапезной ведетъ весьма узкая каменная винтообразная лѣстница въ третій ярусъ, гдѣ вначалѣ находится хлѣбная и просфорная печь, а влѣво—жилая келья, за нею пріемная и рядомъ келья самого патріарха Никона, гдѣ виситъ его портретъ и подь нимъ собственноручная надпись цесаревича Александра Николаевича, впоследствии царя-мученика: «Александръ, 30-го мая 1837 года», начертанная при посѣщеніи имъ этого скита. Возлѣ кельи маленькая церковь во имя Богоявленія Господня. На плоской крышѣ скита, обведенной вокругъ перилами, устроена крошечная лѣтняя келья Никона; въ ней каменное ложе около 1½ арш. длины, съ тростниковою

на немъ настилкою. Противъ келии другая надстройка, въ которой помѣщается маленькая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла и позади ея узенькій столбъ съ однимъ колоколомъ.

Этотъ скитъ выстроенъ Никономъ въ первый же годъ по удаленіи его изъ Москвы и былъ его любимымъ мѣстомъ. Сюда удалялся онъ во время постовъ изъ людной обители, гдѣ было до 1,000 чловѣкъ братіи, и здѣсь проводилъ время въ совершенномъ безмолвіи и молитвѣ. Изъ братіи онъ бралъ съ собою не болѣе шести чловѣкъ, служившихъ ему и помѣщавшихся въ келияхъ внизу. Ничего, напоминающаго роскошь, не бралъ съ собою Никонъ въ скитъ; даже сосуды, служившіе для таинства Св. причащенія, и крестъ были деревянные. Тамъ, въ этой низкой, маленькой кельи, наверху, обремененный тяжестью желѣзныхъ веригъ, проводилъ Никонъ ночи въ сидячемъ положеніи, такъ какъ короткое каменное ложе не давало ему возможности лечь. Такъ сурово умерщвлялъ онъ свою атлетическую плоть, но не могъ смирить свою могучую честолюбивую душу, уязвленную до корня перемѣною въ обращеніи съ нимъ царя Алексѣя Михайловича. Что думалъ онъ, «собинный другъ царя», въ ясныя звѣздныя ночи, бродя по плоской крышѣ этой тюрьмы, которую добровольно промѣнялъ онъ вмѣсто шумной, полной величія и власти жизни въ Москвѣ? Какія молитвы слышали стѣны этой узкой, тѣсной церкви, гдѣ звенѣли желѣзныя вериги при поклонахъ могучаго патриарха? Чувалъ ли онъ грядущее низложеніе и ссылку, или мечталъ о восстановленіи прежняго значенія, прежней ускользнувшей власти надъ Русью и ея царемъ? Какая могучая, великая личность этотъ русскій крестьянскій сынъ, патриархъ всероссійской паствы!

Видъ съ крыши этого скита восхитителенъ. Недалекѣ течетъ, извиваясь, рѣка Истра. Никонъ далъ всему, окружающему скитъ, палестинскія названія. Такъ рѣку Истру онъ назвалъ Иорданомъ; горы на сѣверо-западъ отъ монастыря—Озворомъ и Ермономъ; ручей, обтекающій съ трехъ сторонъ монастырь—потокомъ Кедровскимъ, мѣсто около оврага съ сѣверо-западной стороны—Иосафатовою долиною, монастырскую рощу—садомъ Геосиманскимъ и т. п. Въ настоящее время къ скиту этому сдѣлана пристройка съ деревянною лѣстницею, по которой и всходятъ посѣтители скита, такъ какъ каменная витая лѣстница такъ узка и до того обтерлась, что крайне неудобна для подъема по ней. Недалеко отъ скита, въ рощѣ, находится старинный, почти 500 лѣтній дубъ, названный еще Никономъ дубомъ Мамврійскимъ. Отъ него уцѣлѣла только наружная часть ствола, высотой не болѣе двухъ сажень и то не сплошная; въ пустомъ же

пространствѣ внутри можетъ свободно помѣститься шесть человѣкъ. На одной сторонѣ стволъ далѣе отростокъ, изъ него идутъ многія вѣтви, которыя покрываются листьями и растутъ. Дубъ удѣлялъ, благодаря тому, что монастырское начальство догадалось обнести его высокой рѣшеткой и тѣмъ спасло его отъ уничтоженія богомольцами, которые преимущественно передаютъ, что кусочки этого дуба исцѣляютъ зубную боль. И возлѣ меня, когда я осматривалъ этотъ дубъ, явилась неизвѣстно откуда какая-то темная личность и, сообщивъ, что кусочки этого дуба исцѣляютъ зубную боль, видимо ожидала отъ меня только выраженія желанія, чтобы, въ виду вознагражденія, перелѣзть черезъ рѣшетку и отломить кусочекъ. Не получивъ отвѣта и замѣтивъ шедшаго по аллею монаха, личность эта скрылась въ рощѣ.

Вообще нищихъ у монастыря немного, что имѣетъ весьма благотворное значеніе при посѣщеніи русскихъ святыхъ. Монастырская гостиница, расположенная почти у самаго монастыря, содержится скромно, но опрятно. Имѣется и страннопріимный домъ, гдѣ немущіе богомольцы получаютъ даровой пріютъ и пищу въ теченіи трехъ дней.

Таковъ этотъ монастырь, возобновленный и изукрашенный усердіемъ мѣстнаго уроженца и богача-фабриканта П. Г. Цурикова. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ на Руси, и кто хочетъ имѣть понятіе о настоящемъ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Христова, но не имѣетъ возможности совершить путешествіе въ Іерусалимъ, тотъ да посѣтитъ этотъ храмъ, точное подобіе іерусалимскаго. Здѣсь религиозное чувство богомольца будетъ даже еще болѣе удовлетворено, потому что онъ не увидитъ тѣхъ печальныхъ, возмущающихъ душу, безобразій, которыя встрѣчаются въ іерусалимскомъ храмѣ на каждомъ шагѣ, вслѣдствіе соперничества различныхъ христіанскихъ исповѣданій, глубокаго невѣжества и нарушенія церковнаго благочинія со стороны полуязычниковъ арабовъ и сиріянъ, вслѣдствіе постоянного вмѣшательства мѣстной турецкой стражи и, наконецъ, вслѣдствіе небрежности и корысти мѣстнаго духовенства, живущаго на хорахъ храма и обратившаго домъ молитвы и благоговѣнія въ мѣсто запустѣнія и нечистоты. Здѣсь, въ Новомъ Іерусалимѣ, религиозное чувство не оскорбляется этими явленіями... Храмъ очень обширенъ. Встаньте подальше, возлѣ часовни гроба Господня, или удалитесь на хоры и никто не помѣшаетъ охватившему васъ чувству молитвы, благоговѣнія и любви. А тамъ, внутри этой священной часовни, у

подножія Св. Гроба, когда вы совершенно одни.... Можно испытать это чувство, но описать его нельзя!

Это замѣчательная, чудно-оригинальная, величественная святыня русской земли, и жаль, что смерть помѣшала почтенному П. Г. Цурикову привести въ исполненіе задуманную имъ постройку желѣзной дороги отъ Крюковской станціи до монастыря Новыя Іерусалимъ.

А. А. Навроцкій.

ЗАПИСКИ ГУСТАВА ФОНЪ-ШТРАНДМАНА

1779 г. ¹⁾.

Въ началѣ января (1779 г.) были такіе морозы, какихъ не могли припомнить туземцы-старики. Они простояли почти весь мѣсяцъ. Въ январѣ я началъ объѣзжать всѣ свои роты, наблюдая маршировку рядовыхъ и знаніе ружейныхъ приемовъ; я окончилъ этотъ смотръ 13-го января.

Въ среднихъ числахъ февраля у насъ стояли сильныя морозы, но было мало снѣгу; съ этого времени вода начала ежедневно подниматься.

Въ мартѣ я вновь осматрѣлъ и провѣрилъ занятія во всѣхъ ротѣхъ—отдѣльно каждого солдата, и они быстро заряжали съ пороховъ свои ружья. Многія роты сдѣлали значительныя успѣхи въ этомъ отношеніи.

25-го марта я окончилъ это дѣло.

Между тѣмъ въ полку, подъ моимъ присмотромъ, усердно занимались починкой моего обоза, заготовленіемъ солдатскаго платья, сукно для котораго я, по счастію, получилъ изъ Ростова, новыхъ эпюлетъ и другихъ нужныхъ вещей для полка.

Въ апрѣлѣ, мой преміеръ-маіоръ Беклешовъ произведенъ въ подполковника и переведенъ въ Козловскій полкъ, а на его мѣсто назначенъ ко мнѣ преміеръ-маіоръ Дюккеръ.

4-го апрѣля, днемъ былъ большой пожаръ: сгорѣло нѣсколько домовъ, смежныхъ съ моимъ. Моя квартира находилась также въ большой опасности и изъ нея успѣшили все вынести.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., т. XXXIV, май, стр. 289—318; изд. 1884 г., т. XLIII, июль, стр. 55—86.

5-го апрѣля я получилъ приказъ отъ генераль-маіора Тилля быть готовымъ ежеминутно выступить съ своимъ полкомъ на Моздовскую линію и послать офицера въ Астрахань, за деньгами, для покупокъ необходимыхъ провіантскихъ подводъ.

7-го апрѣля, приведя въ исполненіе этотъ приказъ, я долженъ былъ перемѣнить квартиры моего штаба и обѣихъ гренадерскихъ ротъ, стоявшихъ въ Семикаракотскѣ, потому что вода слишкомъ прибывала; мы перешли въ Кундручь, за 20 верстъ. Когда, при выходѣ изъ Калетовска, мнѣ пришлось уплатить по роспискамъ, по счетамъ, то произошелъ большой переполохъ; жители заявили неслыханныя претензіи, требуя, чтобы имъ возвратили всѣ пропавшія, во время нашего пребыванія, вещи, которыя будто бы были украдены моими солдатами. Мнѣ удалось уладить дѣло при посредствѣ казачьяго полковника Фёдора Ивановича Кузнецова, очень хорошаго, честнаго человѣка. Я совѣтую всѣмъ, кому придется стоять у казаковъ, этихъ упрямыхъ и недобросовѣстныхъ людей, платить помѣсячно; въ противномъ случаѣ, они, при выступленіи войска, предъявляютъ множество жалобъ, большая часть которыхъ лишена всякаго основанія.

Благодаря любезности и стоворчивости жителей, у меня и моихъ подчиненныхъ въ Кундручи было гораздо лучшее помѣщеніе, чѣмъ въ Калетовскѣ.

24-го апрѣля умеръ отъ скорбута подполковникъ Сенденгорстъ; онъ былъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ, но его губила страсть къ спиртнымъ напиткамъ. 26-го его похоронили, съ обычной церемоніей, на кладбищѣ русской церкви.

Съ 7-го мая начали выгонять лошадей и въ полку все готовилось къ выступленію.

Въ это время происходилъ военный судъ надъ нѣсколькими солдатами, причинившими насиліе 70 лѣтнему старку¹⁾. Вышеупомянутый казачій полковникъ былъ депутатомъ обвинявшей стороны. Впрочемъ это была единственная, за всю зиму, жалоба, принесенная на моихъ солдатъ высшему начальству.

Въ первыхъ числахъ мая я получилъ отъ генерала Тилля приказъ выступить какъ можно скорѣе и взять съ собою провіанту на 4 недѣли; для этого онъ прислалъ мнѣ нужныя повозки, запряженныя быками.

¹⁾ Этотъ случай произошелъ въ Трогеленской станицѣ; жители были столь злы, что подали жалобу не мнѣ, а прямо своему начальству, которое даю знать генералу Тиллю, онъ и созвалъ военный судъ. Авт.

10-го мая я стаянулъ весь полкъ въ лагерь у Кундручи.

Снова, какъ пришлось платить по квитанціямъ, у меня были большія неприятели съ казачьими станицами, въ которыхъ стояли нѣкоторыя роты. Особенно памятно будетъ мнѣ дерзкое обращеніе жителей станицъ Кагаловской, Ведерновской и Трогеленской.

14-го мая я выступилъ съ своимъ полкомъ, вслѣдствіе полученнаго приказа, на Ростовъ, оттуда на Моздокскую линію. Со мною было 52 фуры, запряженныя быками, для перевозки провіанта на 4 недѣли. У меня недоставало 260 человекъ до полного комплекта и въ послѣдній мѣсяць дезертировало 30 человекъ, по большей части все хорошіе люди.

20-го мая я благополучно прибылъ съ своимъ полкомъ къ рѣкѣ Дону, за Ростовомъ; Донецъ недалеко отъ этого города впадаетъ въ Донъ. Въ слѣдующіе дни я переправился черезъ обѣ рѣки. Донъ разлился на большое пространство и мы должны были проплыть, по крайней мѣрѣ, 15 верстъ, на 50 большихъ рыбацкихъ лодкахъ, присланныхъ намъ изъ Черкаска. Мѣсто нашей переправы черезъ Донъ называется Каузуей; оно лежитъ между Азовомъ и Ростовомъ.

25-го мая я выступилъ и сдѣлалъ 27 верстъ до мѣстности, лежащей противъ Черкаска, до Саднихъ Терновъ 30 в., до Кагалыникской Балки 17 в., до Вершинный Кагалыникъ 12 в., до Кушной 14 в., до Первой Генки 14 в., до Средняго Егорлыка 28 в., до Разсыпной Балки 30 в., до Большаго Егорлыка 24 в., по берегу Егорлыка еще 24 в., до Туминскаго Кургана 25 в., до Сары Камыша 25 в., до начала лѣса, по теченію Тагильска 22 в., до редута по Высокой горѣ 18 в., до Ставрополя 27 в. Всего отъ Черкаска до Ставрополя мы сдѣлали 310 в. Отъ Дона до этой крѣпости дорога шла по степи, и только въ 50-ти верстахъ отъ этого города начинается большой густой лѣсъ, который тянется по берегу Кубани ¹⁾. Съ этой, недавно востроенной, маленькой Ставропольской крѣпости начинается, устроенная два года тому назадъ, Моздокская линія. Крѣпость построилъ полковникъ Шульдцъ съ своимъ Владимірскимъ драгунскимъ полкомъ; онъ же построилъ еще 3 другія маленькія крѣпости, Бешмагирскій редутъ, Алексѣевскую и Александровскую. Я засталъ его самого со штабомъ въ Ставропольской крѣпости, которая лежитъ въ красивой мѣстности, среди горъ. Вокругъ нея много лѣсу.

14-го іюня я прибылъ въ Ставрополь. На дорогѣ ко мнѣ пріѣхало нѣсколько курьеровъ отъ губернатора Якоби, съ приказомъ

¹⁾ Въ этой степи не увидишь ни одного дерева до Тагильска. Авт.

спѣшить какъ можно скорѣе, такъ какъ возмущившіеся кабардинцы становились съ каждымъ днемъ все задорнѣе, а потому я на другой-же день выступилъ изъ Ставрополя; не давая дневокъ, дошелъ до Павловской крѣпости.

15-го іюня я прошелъ 30 в., до Бешмагирскаго редута; 16-го 27 в., до Алексѣевскаго редута; 17-го 18 в., до Александровскаго редута. Въ этихъ редутахъ стоялъ драгунскій полкъ Шульца. 18-го до Андреевской крѣпости, гдѣ было расквартировано нѣсколько ротъ кабардинскаго полка; 19-го до моста у Саблина 26 в.; 20-го я выстроилъ два моста и прошелъ по нимъ 2 в.; 21-го 26 в., до Кунки; 22-го 7 в., до Георгіевской крѣпости, гдѣ стоялъ штабъ Кабардинскаго полка и нѣсколько ротъ того же полка, другія же роты стояли въ Маріевской крѣпости въ 12 в. отсюда. Георгіевская крѣпость очень красиво расположена на Подкумикѣ, на берегу которой много лѣса. Въ тотъ же день я прошелъ черезъ эту крѣпость и дошелъ почти до Маріевской, которую я миновалъ. 23-го, пройдя еще 10 в., прибылъ въ Павловскую крѣпость, гдѣ я представился съ своимъ полкомъ губернатору Якоби.

Подлѣ Павловской крѣпости я засталъ слѣдующія части подъ командою губернатора Якоби:

Четыре роты Кабардинскаго полка съ его полковникомъ Ладженскимъ, Кабардинскій егерскій баталіонъ, подъ командою подполковника Кека, Моздокскій баталіонъ, подъ командою маіора Якоби, брата губернатора, 400 казаковъ подъ командою, подполковника Савельева, затѣмъ полки донскихъ казаковъ; между прочимъ, нѣсколько сотенъ Семеновскихъ и Гребенскихъ казаковъ, извѣстныхъ своею храбростію и ловкостію въ стрѣльбѣ. Впослѣдствіи этотъ отрядъ былъ усиленъ.

Не задолго до моего прихода между этимъ отрядомъ и 1,500 возмущившихся кабардинцевъ произошло большое сраженіе, въ которомъ послѣдніе были побиты. Они нѣсколько дней стояли у Павловской крѣпости, ежедневно тревожа губернатора, а потомъ оставили его въ покоѣ и неожиданно напали на Маріевскую крѣпость. Въ ней два дня держался Басъ, храбрый капитанъ Кабардинскаго полка, а на третій подошелъ губернаторъ Якоби съ своимъ немногочисленнымъ отрядомъ; раздѣливъ свое войско на 3 маленькихъ карре, онъ на голову разбилъ кабардинцевъ и заставилъ ихъ отступить отъ крѣпости.

Послѣ этой неудачи, кабардинцы или черкесы нѣсколько недѣль скрывались въ высокихъ кавказскихъ горахъ, неподалеку отсюда.

Возмущившіеся горцы требовали, чтобы мы покинули вновь устроен-

ную линію отъ Моздока до Ставрополя и возвратили имъ занятыя нами пункты.

Губернаторъ Якоби, не соблюдая своей прямой выгоды, вернулся въ Павловскую крѣпость, откуда не двигался, хотя и былъ подкрѣпленъ моимъ полкомъ, поэтому въ концѣ іюля, кабардинцы появились снова и расположились лагеремъ на Малкѣ, въ 20 верстахъ отъ насъ.

Они ежедневно тревожили насъ, а иногда отрѣзывали сообщеніе съ другою крѣпостью (Маріевскою), прогоняли и перебивали пикеты.

1-го августа у насъ была стычка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ. Весь отрядъ стоялъ подъ ружьемъ, какъ это всегда бывало, когда показывался неприятель.

Замѣчу здѣсь, что отъ постоянныхъ и часто маловажныхъ тревогъ офицеры и солдаты сильно были утомлены; послѣдніе не имѣли права раздѣваться, но должны были спать передъ фронтомъ воелѣ своихъ ружей. Можно себѣ представить, какъ страдали они, особенно осенью, въ дурную погоду.

7-го августа мы перемѣнили позицію и расположились лагеремъ въ двухъ верстахъ по ту сторону Павловской крѣпости. По неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ нашъ лагерь былъ очень узокъ и состоялъ изъ двухъ (Trasse). Казаки стояли и въ переднемъ, и заднемъ фасѣ, а 4 мушкатерскія роты моего полка стояли на обоихъ флангахъ обоихъ фасовъ (en poteau); такимъ образомъ вся наша позиція походила на параллелограмъ.

Въ концѣ августа прибылъ къ намъ изъ Сибири горскій егерскій баталіонъ. Имъ командовалъ подполковникъ Великопольскій Я. Когда онъ переправлялся черезъ рѣку Куму, близъ Георгіевской крѣпости, на него напало около 1,000 горцевъ; но онъ отразилъ ихъ, убилъ и ранилъ 100 слишкомъ человекъ, и благополучно довезъ до насъ большой транспортъ провіанта изъ 500 фуръ, который конвоировалъ изъ Царицына. Въ этомъ дѣлѣ онъ потерялъ около 20 человекъ убитыми и ранеными. Во все лѣто отрядъ фуражировалъ подлѣ лагера, обыкновенно подъ сильнымъ прикрытіемъ. Ночью всѣ лошади стояли въ лагерѣ, а днемъ ихъ выгоняли по близости отъ фронта. Подъ конецъ, корму было такъ мало, что сѣно приходилось ѣдять добывать за 15 верстъ. Плохой кормъ испортилъ и ослабилъ лошадей, а многія даже пали. До января я потерялъ отъ падежа около 60 вьючныхъ лошадей.

5-го августа присоединился къ намъ Владимірскій драгунскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Шульдцъ. Съ нимъ пріѣ-

хала и его жена, переодѣтая въ мужское платье. Въмѣсто него въ Ставрополь пришелъ изъ Ростова генераль-маіоръ Тилль съ Ладожскимъ полкомъ и занялъ посты драгунскаго полка.

Этотъ генераль-маіоръ Тилль ¹⁾, о которомъ я еще ничего не ска- залъ, былъ челоуѣкъ лѣтъ 50-ти, женатый, грубый и гордый злонстъ, съ угрюмою, отталкивающею наружностью, мрачнымъ выраженіемъ глазъ, выдававшихъ его злое сердце — онъ былъ презираемъ всѣми подчиненными за трусость и нелюбимъ за придирчивость.

Когда, послѣ присоединенія драгунскаго полка, нашъ отрядъ сдѣлался уже весьма значительнымъ, мы ожидали, что генераль Якоби перейдетъ въ наступленіе, но онъ не трогался съ мѣста, не могъ ни на что рѣшиться и болѣе, чѣмъ когда либо, доказать, что тактика не по его части.

Кабардинцы каждый день беспокоили насъ то здѣсь, то тамъ, уничтожали наши пикеты, сжигали траву передъ фронтомъ и по- стоянно тревожили отрядъ. Не рѣдко изъ-за 200 кабардинцевъ весь отрядъ стоялъ нѣсколько часовъ подъ ружьемъ и выставленные пикеты послѣшно возвращались.

Въ этихъ случаяхъ нашъ командующій необыкновенно волновался, ничего не дѣлалъ, не сходилъ съ фронта и только усиленно смо- трѣлъ вдаль на непріятеля; а кабардинцы часто въ продолженіи нѣ- сколькоиъ часовъ стояли въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ отъ насъ на курганахъ или холмахъ и, безъ сомнѣнія, радовались, что прогнали всѣ наши пикеты, табуны и фуражировъ. Полковникъ Шульцъ, Ла- дужинскій и я, и подполковники Токъ и Великопольскій давали по- нять губернатору, что величайшій срамъ терпѣть всѣ эти дерзкіе нападки со стороны кабардинцевъ, что отъ нашего бездѣйствія они сдѣлаются смѣлѣе и отрѣжутъ намъ всѣ сообщенія; но наши слова ни къ чему не вели, и губернаторъ увѣрялъ, что ему приказано не наступать на непріятеля. Въ этой нерѣшительности, въ этомъ без- дѣйствіи его поддерживалъ большой фаворитъ его, подполковникъ и казачій полковникъ Савельевъ, исправлявшій должность дежурнаго маіора при отрядѣ, командовавшій всѣми казаками и пикетами; Якоби слушался этого офицера, не имѣвшаго никакого понятія о партизанской войнѣ и не отличавшагося особенной храбростью.

Впоследствии я узналъ, почему губернаторъ не нападалъ на не- пріятеля: поводомъ къ его бездѣйствію послужило одно выраженіе въ письмѣ къ нему князя Потемкина. Князь писалъ ему, что послѣ-

¹⁾ Въ рукописи имя это пишется: то Тилль, то Пилль, то даже Пилльсъ-Ред.

изветъ именной указъ ¹⁾ императрицы и отъ себя можетъ посовѣтывать не предпринимать никакихъ военныхъ операцій противъ непріятеля до 15-го сентября, а до этого времени стянуть войска и привести себя въ хорошее оборонительное положеніе.

Это выраженіе: оборонительное положеніе, нашъ умный командиръ объяснилъ такъ, будто оно значить постоянно обороняться и будто князь даетъ ему понять, чтобы онъ никоимъ образомъ не переходилъ въ наступленіе.

Въ этомъ смѣшномъ толкованіи, о причинѣ котораго онъ никому раньше не говорилъ, разубѣдилъ его генераль-маіоръ Фабрицынъ (Фабриціанъ?), прибывшій 25-го сентября; онъ былъ переведенъ къ намъ изъ Польши и подъ его команду губернаторъ отдалъ всѣ войска, стоявшія въ лагерѣ.

Тотчасъ по его пріѣздѣ мы получили извѣстіе, что кабардинцы совершенно разсѣяли партію нашихъ фуражировъ у Екатерининской крѣпости, въ 50-ти верстахъ отъ насъ, что они убили одного поручика и 50 солдатъ и еще отняли у насъ пушку.

Генераль Фабрицынъ предложилъ—немедленно напасть на непріятеля. Но мудрый командиръ сослался на письмо князя Потемкина; тогда Фабрицынъ попросилъ показать ему это письмо и прочесть, успѣлъ разъяснить губернатору его ошибку; а потому въ тотъ же день, т. е. 28-го сентября, весь отрядъ получилъ приказъ быть готовымъ къ походу.

28-го сентября храбрый Фабрицынъ пошелъ, съ 800 егерями, 2-мя ротами Моздокскаго баталіона и 2-мя казачьими полками, прямо къ непріятельскому лагерю на Малкѣ, въ 20-ти верстахъ отъ насъ; онъ хотѣлъ ночью обойти лагерь и напасть съ тыла. Ночью, нѣсколько часовъ послѣ него, выступилъ губернаторъ со всѣмъ отрядомъ и направился къ Малкѣ, слѣдуя тремя колоннами, на флангахъ и посреди которыхъ находилась кавалерія. На зарѣ, пройдя уже полпути, мы услышали и увидѣли вдали (насъ окружала степь) канонаду, открытую егерями, наступавшими подъ командой Фабрицына. Наша кавалерія поскакала впередъ и мы тоже слѣшили къ Малкѣ. Приблизившись, мы застали горячую перестрѣлку, изъ пушекъ и мушкетовъ, между нашими егерями и непріятелемъ; перестрѣлка эта продолжалась до 10 часовъ. Часть нашей кавалеріи переправилась на тотъ берегъ и напала на отступавшаго уже непріятеля, котораго было вдѣсь до 6,000;

¹⁾ Въ указѣ императрица писала, что теперь мѣръ и спокойствіе во всей имперіи и что потому она рѣшила наказать задорныхъ кабардинцевъ, для чего губернатору слѣдуетъ принять свои мѣры.

Авт.

она вмѣстѣ съ егерями привела горцевъ въ совершенное разстройство. Отрядъ нашъ построился въ карре на этомъ берегу Малки и не принималъ никакого участія въ дѣлѣ; однако, утрашая неприятеля своею численностью, онъ, вѣроятно, ускорилъ его бѣгство. Мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и стрѣляли нѣсколько разъ бомбами изъ гаубицъ по неприятельской кавалеріи, находившейся на противоположномъ берегу. Намъ достался весь неприятельскій лагерь, состоявшій изъ 200 кибитокъ и пушки, которыя были оставлены у Екатерининской крѣпости. Убито было около 500 кабардинцевъ, у насъ около 20 человекъ и равено четверо больше. Неприятель отступилъ къ Баксану, за 30 верстъ отсюда, а мы, послѣ полудня, вернулись въ лагерь къ Павлову, хотя нашъ отличный и храбрый генералъ Фабрицивъ настаивалъ на томъ, чтобы завершить дѣло и преслѣдовать неприятеля.

Нашъ командующій сдѣлалъ капитальную ошибку, не воспользовавшись побѣдой: еслибы мы подвинулись немного впередъ, кабардинцы навѣрно отдались бы подъ покровительство Россійской имперіи; это предположеніе подтвердили впоследствии нѣсколько плѣнныхъ. Я не говорю уже о томъ, что, еслибы мы расположились на берегу Малки, наши лошади поправились бы отъ отличной травы, которая тутъ растетъ, между тѣмъ какъ въ Павловѣ, на 12 или 15 верстъ кругомъ, не было травъ. Лошади сильно отощали, особенно отъ нерадѣнія нашего командира, который не запасся овсомъ; въ ноябрѣ у меня пало до 50 вьючныхъ лошадей, а оставшіяся едва двигались. Полковникъ Шульдцъ потерялъ до декабря около 500 лошадей. Если бы губернаторъ былъ заботливѣе и раньше велѣлъ привезти овса изъ Царицына, лошади не отощали бы такъ сильно; правда, они страдали и отъ того, что трава, которую добывали изъ-за 15 верстъ, была хуже, чѣмъ лѣтняя солома.

Въ послѣднихъ числахъ октября и началѣ ноября прибыли, наконецъ, большіе транспорты съ провіантомъ и овсомъ. Съна было уже такъ мало, что за 20 пудовъ платили 4 рубля. Я вынесалъ его изъ Марьенской крѣпости, заплативъ по 25 коп. за пудъ; а за четверть овса, и то съ трудомъ добываемаго, платили 2 рубля и 50 коп.

Въ октябрѣ было много бурь и дождя, а въ ноябрѣ стояла пріятная ясная погода. 26-го выпалъ первый снѣгъ.

Послѣ дѣла на Малкѣ, кабардинскіе князья начали вступать съ нами въ переговоры и съ позволенія нашего командира прислали къ намъ въ лагерь знатнѣйшаго своего князя Шаміюфа (?) съ нѣсколькими другими. Но требованія ихъ съ каждымъ днемъ все возрастали и въ

концѣ ноября они даже написали губернатору дерзкое письмо. Тутъ только онъ созналъ свою ошибку, раскаявшись въ томъ, что отвергнулъ совѣтъ Фабрицына, не извлекъ никакой выгоды изъ нашей послѣдней побѣды и не принудилъ самого непріятеля заключить миръ. Переговорами кабардинцы хотѣли выиграть время и напасть уже на наши зимнія квартиры.

Поэтому, чтобы обезопасить нашу коммуникацію и особенно зимнія квартиры, необходимо было вновь перейти въ наступательное движеніе и разбить непріятеля. Весь отрядъ получилъ приказаніе быть готовымъ выступить на зимнія квартиры и спечь для этого сухарей на 10 дней. Это распоряженіе было очень цѣлесообразно, исполнѣ маскируя наши намѣренія.

Вмѣсто того, чтобы выступить на указанныя квартиры, всѣ полковники получили, 27-го ноября, приказъ явиться въ 9 часовъ утра къ генералъ-маіору Фабрицыну. Онъ прочиталъ намъ инструкцію, состоявшую изъ нѣсколькихъ пунктовъ; суть ея заключалась въ томъ, чтобы мы выступили въ 4 часа пополудни и шли различными колоннами на Баксапъ, приблизительно въ 60 верстахъ отъ насъ. Мы взяли съ собою провіанту на 6 дней, и оставивъ всѣ прочія провіантныя фуры и всѣхъ больныхъ, которыхъ въ моемъ полку было уже около 300. Ни одному офицеру не было разрѣшено имѣть съ собой экипажи, а одинъ получилъ позволеніе взять одну фуру.

Отрядъ составлялъ слѣдующія части: Владимірскій драгунскій полкъ, въ 700 человекъ, подъ командою полковника Шульца, 4 роты Кабардинскаго пѣхотнаго полка, около 300 человекъ, подъ командою полковника Ладыженскаго, два егерскіе баталіона, а именно: кабардинскій, командиръ подполковникъ Кекъ, и горскій, подъ начальствомъ полковника Великопольскаго, въ обихъ около 900 человекъ; затѣмъ мой полкъ, около 800 человекъ, 3 эскадрона казачьяго легіона, подъ командою подполковника Савельева, 7 казачьихъ полковъ, 3 или 4 тысячи калмыковъ, 2 пѣхотныя роты горскаго баталіона, около 200 человекъ, подъ командою маіора Якоби. Слѣдовательно всего, безъ легкой кавалеріи, было около 3,000 человекъ.

27-го ноября, въ 5 часовъ пополудни, отрядъ выступилъ въ трехъ колоннахъ, съ кавалеріей въ промежуткахъ. Къ несчастію, за два дня передъ тѣмъ, выпало много снѣгу и въ первую же ночь былъ сильный морозъ ¹⁾. Мы перейшли чрезъ Малку (стремительную и быструю рѣку шириною въ 30 или 40 сажень) въ бродъ, не сдѣлавъ упо-

¹⁾ Губернаторъ завулался и ѣхалъ въ экипажѣ за отрядомъ. Авт.

требленія взятаго съ собою моста ¹⁾. Въ часъ ночи весь отрядъ былъ на другомъ берегу и, несмотря на темноту, продолжалъ идти скорымъ шагомъ по степи. Поутру былъ сильный морозъ. По дорогѣ на Баксанъ намъ пришлось переправиться чрезъ 3 маленькія рѣчки, шириною въ 10 или 20 саженой; при переправѣ нашъ командиръ не перевозилъ пѣхоту, но загонялъ ее какъ скотъ въ воду. Морозъ далъ себя знать, 1,500 человекъ отморозили себѣ ноги, между прочимъ много офицеровъ, но почти исключительно изъ пѣхоты, а не кавалеристы. Этой участи подверглись полковникъ Ладыжинскій, подполковникъ Кекъ, 9 офицеровъ и болѣе 900 человекъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ моего полка. Вечеромъ мы пришли къ Баксану. Я никогда въ жизни не видѣлъ такой быстрой рѣки. Мы еще не сталкивались съ непріятелемъ, который бѣжалъ, завидѣвъ насъ издали. Три солдата моего полка, которые къ несчастію отстали, были изрублены партіей непріятелей.

Мы расположились лагеремъ въ видѣ трехъ карре, съ кавалеріей посрединѣ, и провели ночь недалеко отъ Баксана. Снѣгу было болѣе, чѣмъ на четверть аршина. На слѣдующій день выступилъ весь отрядъ; замерзшихъ везли на казачьихъ лошадяхъ. Мы переправились чрезъ Баксанъ и расположились въ нѣсколькихъ кабардинскихъ деревняхъ; хотя деревни эти были покинуты жителями, мы нашли тамъ очень много сѣна и до 20,000 овецъ, которыя раздавались ежедневно полкамъ умѣренными порціями. 30-го мы выступили въ прежнемъ порядкѣ и, сдѣлавъ 20 верстъ, дошли до горы, у подошвы которой мы остановились въ одной большой деревнѣ. Съда отступили кабардинскіе князья (въ томъ числѣ Шамгаръ и Мисоустъ), съ скопищемъ въ одну тысячу горцевъ. Желая сдать ся нашему губернатору, они послали къ нему депутатовъ. Когда мы пришли, они стали просить насъ еще настоятельнѣе, обѣщая подписать все, что угодно, и принести присягу. Переговоры окончились заключеніемъ мира: всѣ князья принесли присягу въ присутствіи войскъ и подписали, хотя и неохотно, очень невыгодный для нихъ договоръ ²⁾. По этому договору, границею между Россіей

¹⁾ Раньше, чѣмъ мы дошли до Малки, у меня открылось кровотеченіе изъ носу, продолжавшееся 1 1/2 часа; съда на своей фурѣ, я едва могъ остановить кровь, а вокругъ меня бродили кабардинцы и я подвергался опасности истечь кровью. Я прикладывалъ снѣгъ къ головѣ и остановилъ кровь; но упалъ въ обморокъ и пролежалъ безъ чувствъ нѣсколько часовъ.

²⁾ Замѣчательно, что кабардинцы принесли присягу 2-го декабря, день моего рожденія. Въ этотъ день былъ сильный туманъ, снѣгу было на 3 вершка.

Авт.

и Кабардой должны были служить Малка и Терекъ. Подполковникъ Савельевъ былъ посланъ съ нѣсколькими ротами егерей и казаковъ въ Малую Кабарду, чтобы и ее подвести подъ русское подданство.

3-го декабря, приведа все въ порядокъ, мы выступили въ обратный путь, а 5-го, къ нашему величайшему удовольствію, дошли до прежняго лагеря у Павловской крѣпости. Отрядъ находился въ жалкомъ положеніи, потому что было много народу съ отмороженными ногами и другими частями тѣла. Вообще я никогда въ жизни не претерпѣвалъ въ нѣсколько дней всего того, что перенесъ въ эту экспедицію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія, губернаторъ Якоби (по русски его зовутъ Иванъ Варфоломеичъ)¹⁾ уѣхалъ обратно въ Астрахань, чему мы очень обрадовались. Я думаю никогда не было генерала, котораго подчиненные любили менѣе, чѣмъ Якоби. Это и неудивительно: его спѣсивая, мужицкая гордость и отвратительный егонамъ, старательно впрочемъ имъ скрывавшійся, не позволяли ему быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ подчиненными; онъ оказывалъ имъ услуги съ полнымъ неудовольствіемъ, его надо было заставлять сдѣлать какую-нибудь любезность, если онъ не видѣлъ отъ нея никакой пользы для себя. Якоби былъ нѣмцемъ на половину (его дѣдъ былъ, кажется, ирландецъ), но ненавидѣлъ нѣмцевъ и считалъ стыдомъ говорить на ихъ языкъ (которымъ, къ тому же, дурно владѣлъ); добиваясь популярности у русскихъ, однако не былъ популяренъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Претензіи его доходили до того, что онъ старался увѣрить многихъ офицеровъ, будто онъ потомокъ англійскаго короля Іакова.

Подчиненные не терпѣли его за недовѣрчивость, нерѣшительность, совершенное незнакоміе тактики и трусость и, въ особенности, за то, что, не смотря на свой умъ и разсудительность, онъ совсѣмъ не заботился о солдатахъ. Эта постыдная беззаботность высказалась особенно по отношенію къ солдатамъ, отморожившимъ обѣ ноги; когда мы, полковники, попросили у него фуръ и лошадей, чтобы отвезти этихъ солдатъ на предназначенныя для нихъ квартиры, онъ, съ явительнымъ смѣхомъ, отказалъ намъ и сказалъ, что если мы сами не можемъ перенести ихъ, то пусть ихъ оставятъ въ лагерѣ у Павловской крѣпости, а у него нѣтъ свободныхъ лошадей. Но мы отлично знали, что генералъ Якоби въ послѣднюю экспедицію взялъ въ добычу 1,000 лошадей. Однимъ словомъ, это испорченный пошлый человѣкъ.

¹⁾ Эти слова у автора написаны по русски. Переводчикъ Н. III.

12-го декабря, генералъ-маіоръ Фабрицинъ, котораго губернаторъ назначилъ шефомъ всей линіи, разослалъ письменное росписание, гдѣ помѣститься на зиму каждому полку и баталіону. По этому росписанію, я долженъ былъ стоять зимой въ Моздокѣ, куда и послѣдшій отправить 300 человекъ обмороженныхъ. Свѣту совсѣмъ не было, погода стояла холодная, но пріятная; Фабрицинъ расположился въ Маріевской крѣпости. Всѣ офицеры и солдаты были очень рады находиться подъ командою этого честнаго и достойнаго генерала, который особенно отличился въ прусскую и турецкую кампаніи.

8-го декабря умеръ капитанъ моего полка Назаревъ отъ того, что у него были отморожены ноги; это былъ отличный, честный человекъ, котораго я очень уважалъ за кроткій характеръ и другія хорошія качества.

13-го декабря разошлись всѣ полки. Я тоже выступилъ изъ лагеря подъ Павловскомъ со своими здоровыми солдатами, которыхъ у меня оставалось только 300, и 15-го благополучно прибылъ въ Моздокъ. Въ лагерѣ мы простояли 4 мѣсяца подъ-рядъ, не считая похода къ берегамъ Баксана. На весь полкъ мнѣ дали всего 160 квартиръ и, сверхъ того, отведено 80 квартиръ въ станицѣ близъ Моздока.

Комендантомъ въ Моздокѣ былъ полковникъ Александръ Теодоровичъ Ивановъ, человекъ лѣтъ 60 слишкомъ; старій, скупой холостякъ, онъ жилъ уединенно и какимъ-то философомъ; у насъ съ нимъ установились дружескія отношенія, не нарушавшіяся во все мое пребываніе въ этомъ городѣ.

1780 г.

Пока мы находились на Моздокской линіи, я лишился около 70 лошадей, павшихъ большею частью отъ сапа. За все время зимней стоянки у насъ не было никакихъ дѣлъ съ кабардинцами и не случилось ничего важнаго. Зима продолжалась всего нѣсколько недѣль, но была очень сурова; Терекъ замерзъ на большую глубину и мѣстные жители говорили, что уже давно не припомнятъ такой холодной зимы ¹⁾.

¹⁾ Въ январѣ губернаторъ Якоби подарилъ каждому полку и баталіону лошадей, которыхъ онъ взялъ въ добычу. Я получилъ 109 лошадей и жеребятъ, по большей части кобылъ. 38 хорошихъ кобылъ я подарилъ офицерамъ и оставилъ себѣ всѣхъ жеребятъ. Авт.

Почтъ-директоръ Пестель пересылалъ мнѣ письма, гамбургскія, ревельскія газеты и ревельскій листокъ для объявленій; письма и газеты посылались черезъ Москву и Астрахань, шли довольно долго (запримѣрь, изъ Лифляндіи до Моздока 5 и 6 недѣль), но никогда не пропадали.

Въ концѣ февраля уже нигдѣ не было видно снѣга и наступили теплые дни.

11-го февраля пріѣхали ко мнѣ генераль Фабрицинъ и полковникъ Ладыженскій и мы вмѣстѣ поѣхали въ Кизляръ ¹⁾, въ 200 верстахъ отъ Моздока. 17-го мы вернулись. Кизляръ довольно хорошая крѣпость, но такъ какъ она лежитъ въ низкой мѣстности на Терекѣ, то лѣтомъ тамъ бываетъ невыносимая жара и климатъ вообще нездоровъ.

Около Кизяра трава начинаетъ расти и все зеленѣло.

У мелкихъ кабардинскихъ князей возникли раздоры съ ихъ народомъ, и поэтому подполковникъ Фромгольдтъ, которому уже нѣсколько лѣтъ было поручено наблюдать за Малою Кабардой (а также за моздокскимъ населеніемъ, значительнѣйшую часть котораго составляли окрещенные кабардинцы и армяне), былъ посланъ въ горы, а именно въ Тиртадусъ (?). Но возстаніе разгоралось и для подкрѣпленія Фромгольда были отряжены двѣ мои гренадерскія роты (подъ командой моего премьеръ-маіора Дюккера), 2 орудія и 4 роты егерей; эти роты соединились за день передъ тѣмъ у Екатерининской крѣпости.

Когда пришли эти войска, всѣ инсургенты, которыхъ было до 3,000, сложили оружіе и прошли подъ ярмомъ. Два знатнѣйшихъ князя были арестованы. Причиной этого возстанія было то, что князья не хотѣли признать, по статьѣ послѣдняго договора, свободу народа, но обращались съ ними какъ и раньше, т. е. какъ съ крѣпостными и рабами. Нѣсколько сотъ человѣкъ пришли въ Моздокъ и просили защиты у подполковника Фромгольда.

20-го марта я велѣлъ пасти лошадей. Въ концѣ марта цвѣли абрикосы и въ степи можно было найти много тюльпановъ, левкоевъ и другихъ цвѣтовъ.

30-го марта я ѣздилъ въ Маріевскую крѣпость, къ генералу Фабрицину, чтобы принять лошадей, которыхъ онъ сторговалъ для моего полка, по 15 рублей за каждую. Полковникъ Шульцъ съ своею женою были

¹⁾ Кизлярскимъ комендантомъ былъ бригадиръ Алексѣй Матвѣевичъ Куратовъ.

также тамъ и въ обществѣ этихъ друзей я очень весело провелъ цѣлую недѣлю.

6-го апрѣля я вернулся въ Моздокъ.

16-го апрѣля опять поѣхалъ къ нашему генералу, а 17-го отправился съ нимъ и еще другими офицерами въ Ставрополь, чтобы провести праздники у полковника Шульца. Онъ встрѣтилъ насъ въ Александровской крѣпости.

18-го апрѣля все наше общество прибыло въ Ставрополь. Здѣсь мы танцовали нѣсколько дней сряду.

23-го апрѣля мы уѣхали изъ Ставрополя. Шульцъ и его жена провожали насъ до Георгіевской крѣпости. 27-го я, наконецъ, вернулся въ Моздокъ.

30-го апрѣля умеръ въ Моздокѣ подполковникъ Фромгольдтъ, служившій въ Кизлярскомъ гарнизонѣ. Этого офицера (онъ былъ рижскій уроженецъ) очень уважали за его честность и весьма цѣнили за хорошее знаніе вдѣшной гористой мѣстности. Я потерялъ въ немъ друга и единственнаго человѣка, котораго посѣщалъ въ Моздокѣ. Передъ смертью онъ обвинчался, по католическому обряду, съ дамою, съ которой жилъ 15 лѣтъ.

16-го мая, по приказу, полученному отъ генералъ-маіора Фабрицина, я выступилъ со своимъ полкомъ изъ Моздока и пошелъ къ нему въ Маріевскую крѣпость, куда прибылъ 20-го мая.

Въ Моздокѣ я оставилъ 215 больныхъ (въ томъ числѣ 200 обморозившихся, не успѣвшихъ еще оправиться) и 507 для уборки сѣна, такъ какъ зналъ, что пробуду въ этихъ странахъ еще и слѣдующую зиму. Въ лагерѣ у Марьева, подъ моею командою находились еще баталіонъ горскихъ егерей, двѣ гренадерскія роты Ладожскаго поля и двѣ гренадерскія роты Кабардинскаго. Мы стояли въ очень здоровой и красивой мѣстности; маленькая рѣчка протекала у нашего праваго фланга, а Марьяна крѣпость построена на очень высокой горѣ, въ полуверстѣ отъ нашего лѣваго фланга.

По мирному договору, кабардинцы должны были заплатить намъ контрибуцію въ 10,000 рублей; эту сумму они внесли сполна въ срединѣ іюня; но при этомъ потребовали вознагражденія за уведенный у нихъ скоть.

10-го іюня поѣхали мы, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Фабрицинымъ, полковникомъ Шульцемъ и его женою (пріѣхавшею къ намъ на Троицннъ день) и нѣсколькими офицерами, къ подполковнику Беку, въ Екатерининскую крѣпость. 12-го іюня мы вернулись.

Въ іюні и іюлі стояла немовѣрная жара; особенно много вреда принесла саранча, появившаяся милліонами.

Кабардинскіе князья, со свитою изъ 100 человекъ, пріѣхали къ Марьянской крѣпости и въ 5 верстахъ отъ нея, на высокой горѣ, разбили палатку; тутъ происходило у нихъ важное совѣщаніе съ генераломъ Фабрицинымъ, отправившимся къ нимъ съ нѣсколькими офицерами и 40 егерями; они трактовали о тѣхъ статьяхъ послѣдняго мирнаго договора, которыя еще не были приведены въ исполненіе. Совѣщаніе это продолжалось нѣсколько часовъ; къ вечеру всѣ разъѣхались, и князья вернулись въ свои горы. Между тѣмъ я былъ готовъ каждую минуту броситься на кабардинцевъ, если бы они вздумали наложить руку на нашего генерала.

10-го августа я поѣхалъ въ Балтовы горы, чтобы пользоваться теплымъ купаньемъ; со мной поѣхали Фабрицинъ, Шульцъ съ женою, Ладженскій, командиръ Кабардинскаго полка и еще нѣсколько офицеровъ. Горь этого названія пять, изъ нихъ средняя такъ высока, что вершина ея выше облаковъ; онѣ находятся въ 40 верстахъ отъ Марьяной крѣпости. Съ вершины самой низкой горы, сажень 50 или 70 надъ горизонтомъ, течетъ горячая и прозрачная какъ кристаллъ вода, образуя на своемъ пути прелестнѣйшую каскаду. Почва, по которой она протекаетъ, сдѣлалась отъ времени мѣловидной; поэтому вода, особенно при солнечномъ свѣтѣ, отражаетъ множество цвѣтовъ на протяженіи всей горы и на 10 или 15 сажень въ ширину.

Мы провели двѣ недѣли въ этой прекрасной мѣстности; отъ купанья въ этихъ кислыхъ и теплыхъ водахъ очень скоро вылѣчивались больные скорбутомъ. Въ 60 верстахъ оттуда, недалеко отъ Кавказскихъ горъ, бьетъ настоящій зельтерскій источникъ; я пробовалъ эту воду и нашелъ, что она ничѣмъ не отличается отъ зельтерской.

25-го августа генералъ-маіоръ Фабрицинъ произвелъ смотръ моему полку; въ парадѣ участвовало только 500 человекъ; дѣло свое они выполнили весьма удовлетворительно.

5-го сентября я повелъ полкъ на квартиры въ Моздокъ, гдѣ засталъ еще большими большую часть солдатъ, отморожившихъ себѣ ноги въ прошломъ году.

Первый баталіонъ остался со мной, а второму (имъ командовалъ капитанъ Илья Васильевичъ Суворовъ) назначено было стоять въ Червленной станицѣ, въ 100 верстахъ отъ Моздока.

Въ это время я началъ дѣлать приготовленія къ поѣздкѣ въ Лиф-

ляндію; мнѣ надо было получить наследство тестя, умершаго въ Ревелѣ; кромѣ того, я хотѣлъ лично осмотрѣть имѣніе Царидинскаго коменданта, которое находится въ Полоцкой губерніи.

Пока я стоялъ въ лагерѣ подъ Марьевымъ, мои солдаты убрали въ Моздокѣ полное количество сѣна, какое мнѣ нужно было на зиму на всѣхъ полковыхъ лошадей.

12 го сентября я выѣхалъ изъ Моздока на почтовыхъ; мнѣ понадобилось 6 лошадей. Своихъ денегъ у меня было 6,534 рубля и, кромѣ того, я занялъ у полковника Ладыженскаго 1,000 рублей.

Раньше, чѣмъ отъ князя Потемкина пришла резолюція на мое прошеніе объ отпускѣ въ Петербургъ, генералъ-маіоръ Фабрицнцъ отпустилъ меня на трижды 29 дней.

20-го сентября я пріѣхалъ въ Ростовъ, лежащій въ 630 верстахъ отъ Моздока. Здѣсь я получилъ 1,000 рублей фуражныхъ денегъ, которые съ прошлаго года долженъ былъ моему полку провіантмейстеръ Бунинъ.

22-го сентября доѣхалъ до Бахмута, находящагося въ 280 верстахъ отъ Ростова.

23-го сентября былъ въ Изюмѣ. Отъ Ростова до сихъ поръ я платилъ прогоны, установленные для Азовской губерніи, по 2 коп. съ версты, а во всѣхъ другихъ мѣстахъ по 1 коп.

Отъ Бахмута до Изюма 92 версты; отсюда я проѣхалъ чрезъ Савниду, Андреевскій, Змѣевъ, Мереховицу до Перскова, всего 156 верстъ; затѣмъ въ Красный Кутъ и Ахтырку, 68 верстъ; отсюда въ Буранку, Сумы, Регокъ, Ворожбу, Пески, въ городъ Путиловъ, 22 версты; затѣмъ въ Везенокъ, Холопконъ, Глуховъ, 41 вер., куда я прибылъ 28-го сентября.

Изъ Глухова я проѣхалъ въ городокъ Климъ 126 вер., отуду чрезъ Ситковъ, Березовку, Вѣрки, Шолцу, гдѣ переправа чрезъ рѣчку Овошу. Затѣмъ въ Шепатовичъ, Шегорекъ, Стрѣлку, въ Костину, 174 вер., куда я прибылъ 2-го октября. Эти двѣ послѣднія деревни принадлежатъ генералу Фабрицнну и лежатъ на Двѣпрѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ огромный лѣсъ, откуда сплавляютъ въ Рыгу много мачтъ.

4-го октября я поѣхалъ дальше и, сдѣлавъ 86 верстъ, пріѣхалъ въ Могилевъ. 7-го былъ въ Полоцкѣ, 224 версты. Въ Могилевской и Плоцкой губерніи платилъ за лошадь по 12 коп. съ 10 верстъ.

Въ Полоцкѣ, гдѣ былъ губернаторомъ Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, я прожилъ двѣ недѣли; у меня было съ собою 10,000 руб.

и я хотѣлъ купить себѣ имѣніе. Наконецъ, мнѣ удалось купить у статскаго совѣтника Александра Семеновича Васильчикова его деревню Яннаполь. Въ ней числилось 916 душъ и она обошлась мнѣ въ 25,750 рублей. Эти деньги уплатилъ въ три срока. 19-го октября контрактъ былъ подписанъ. Довѣреннымъ Васильчикова былъ капитанъ Василій Никифоровичъ Пальскій.

23-го октября я былъ введенъ во владѣніе Яннаполемъ ¹⁾. Юргенсонъ былъ моимъ первымъ управляющимъ (инспекторомъ).

25-го октября выѣхалъ я изъ Яннаполя чрезъ Паркланъ въ Цирстенъ, куда благополучно прибылъ 27-го. Здѣсь засталъ я мою мать и сестру матери Бенту, всѣхъ въ полномъ здравіи.

Яннаполь лежитъ въ 22 миляхъ отъ Цирстена.

Всего отъ Моздока до Цирстена я проѣхалъ 2,436 верстъ и кромѣ того сдѣлалъ еще 590 верстъ, разѣзжая по Полоцкой губерніи, осматривая имѣнія.

11-го ноября я поѣхалъ на саняхъ въ Ригу, къ зятю Таубе.

Пока я былъ въ Ригѣ, здѣсь сдѣлалось извѣстнымъ движеніе по службѣ; 24-го ноября, въ день тезоименитства императрицы, много полковниковъ было произведено въ генералы и бригадиры. Поэтому открылись вакансіи въ пяти полкахъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ Петербурга, между прочимъ въ Сибирскомъ. У меня явилась мысль ѣхать тотчасъ въ Петербургъ, промѣнять свой Томскій полкъ на одинъ изъ здѣсь стоящихъ. Съ этой цѣлью я уѣхалъ изъ Риги и пріѣхалъ 30-го ноября въ Цирстенъ.

Желая повидаться съ дочерью, я поѣхалъ въ Ревель, и, прибывъ туда 12-го декабря, остановился у оберъ-коменданта Эссена. Мою маленькую Луизкенъ я нашелъ совсѣмъ здоровой.

14-го декабря вечеромъ выѣхалъ изъ Ревеля на почтовыхъ и 16-го декабря благополучно прибылъ въ Петербургъ ²⁾ и остановился въ «Лондонѣ».

На другой же день я былъ представленъ князю Потемкину; за меня ходатайствовалъ астраханскій губернаторъ Якоби, который также былъ въ это время въ Петербургѣ, и 20-го декабря, согласно моему желанію, я былъ переведенъ изъ Томскаго полка въ Сибирскій. Давно мнѣ перемѣна по службѣ не доставляла такого удовольствія.

¹⁾ Яннаполь лежитъ въ 200 верстахъ отъ Полоцка.

²⁾ Между Нарвой и Петербургомъ мы встрѣтились съ братомъ и зятемъ Кноррингомъ, которые ѣхали въ Лифляндію; но было темно и мы проѣхали, не узнавъ другъ друга.

Вексель въ 5,000 рублей, который я далъ при покупкѣ Янв-поля и срокъ котораго истекалъ 20-го января, заставилъ меня уѣхать изъ Петербурга еще до новаго года. Я выѣхалъ 29-го декабря, поѣхалъ въ Гавриловскій, гдѣ встрѣтилъ генеральшу Эссенъ и двоюроднаго брата Штерншима, и пріѣхалъ въ Сомель въ новыя годъ вечеромъ, но не засталъ ни зятя, ни сестры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Н. К. фонъ-Шtrandманъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XIX ¹⁾.

Объ ученыхъ нашихъ занятіяхъ въ низшемъ отдѣленіи.

Ученія наши занятія въ низшемъ отдѣленіи сдѣлались гораздо разнообразнѣе, нежели какъ это было въ приходскомъ училищѣ. Здѣсь мы обязывались только долбить русскую грамматику, краткій катехизисъ и первую часть ариметики, да распѣвать по обыкунду; изученіе латинской и греческой грамматики было, такъ сказать, сверхштатное и потому къ нему насъ не очень приневольвали. Притомъ руководителемъ тутъ былъ единый и какъ бы единственный Михаилъ Яковлевичъ, однообразный и своеобразный чуть не до отвращенія. Напротивъ, въ низшемъ отдѣленіи явилось у насъ цѣлыхъ три учителя съ различными характерами, съ различными приемами; каждый изъ нихъ по своему съ нами обращался, по своему таскалъ за волосы, давалъ оплеухи, сбѣзъ розгами. О предметахъ ученія нечего и говорить. Мы не просто учили латинскую и греческую грамматики, но переводили статьи и статейки съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ, занимались второю частью ариметики, священною исторіей, пространнѣмъ катехизисомъ, церков-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—33; 545—572; 631—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672; т. XXXIV, стр. 585—614; изд. 1884 г., т. XLII, стр. 495—518; т. XLIII, стр. 87—104.

нымъ уставомъ, славянскою грамматикою, продолжали распѣвать по обиходу и должны были ознакомиться съ орфографіей и синтаксисомъ русской грамматики, приготовляться, такъ сказать, къ литературной дѣятельности. Вотъ сколько у насъ было дѣла и сколько руководителей. Я уже не упоминаю о почтеннѣйшемъ Поликарпѣ Поликарповичѣ.

По уставу каждый классъ долженъ былъ бы продолжаться по два часа; два класса назначались до обѣда и одинъ послѣ него. Но Гороховъ и Красновъ, преподавая всѣ почти предметы въ высшемъ и низшемъ отдѣленіи, нашли для себя болѣе удобнымъ слѣдовать не уставному, а ими самими придуманному порядку. Въ каждый день ученики высшаго и низшаго отдѣленія какъ бы отдавались въ руки только одного котораго либо изъ главныхъ нашихъ педагоговъ. Если Гороховъ въ понедѣльникъ учительствовалъ въ низшемъ отдѣленіи, то Красновъ не являлся сюда, а наставлялъ уже однихъ вышеклассныхъ; потомъ, пришедши на утренніе классы, учителя наши не отдѣляли ихъ другъ отъ друга, а (сидѣли) до 12-ти часовъ безвыходно, если только какая-либо церковная обязанность или другая причина не заставляла ихъ оставлять классъ иногда на цѣлый часъ. Подобными оstanовками они не стѣснялись, а мы даже восхищались.

Первый день и первый урокъ выпалъ у насъ на долю Горохова. Онъ насъ, можно сказать, очаровалъ. На лицѣ Михаила Яковлевича мы, кажется, никогда не видывали ласковой улыбки, не слышали отъ него никогда ласковаго слова; вѣчно нахмуренный, суровый, даже сердитый, онъ не любилъ съ нами шутить; мы только его боялись и потому мы не хотѣли вѣрить ни ушамъ, ни глазамъ своимъ, когда увидѣли, что Гороховъ вошелъ къ намъ съ веселымъ лицомъ, началъ съ нами пошучивать. „Что вы такъ насупились (т. е. опустили глаза внизъ)? Смотрите прямо мнѣ въ глаза, да повеселѣе. Меня не бойтесь, я только лѣнтяевъ, да шалуновъ не люблю, а къ хорошимъ мальчикамъ я ласковъ“. Потомъ спросилъ нѣсколькихъ человѣкъ какъ они прозываются, одного погладилъ по головкѣ, другого потрепалъ по щекѣ, тому сказалъ: „у, да какой ты красный“, а этому: „э, да сколько у тебя веснушекъ“, и проч. Болѣе полъ-часа онъ такъ съ нами провелъ; мы рѣшительно не знали, что подумать о такомъ учителѣ, но все-таки повеселѣли.

„Ну, приметесь за дѣло“, сказалъ, наконецъ, Гороховъ; „я слышалъ, что вы всѣ уже умѣете читать по латыни и многое знаете изъ латинской грамматики; ну-ка давайте васъ повязамеую“. Читать по латыни мы, дѣйствительно, уже умѣли; изъ грамматики просклоняли ему многія слова, не всѣ конечно удачно, потому что въ каникулы многое позабыли, но все-таки дѣло оказалось довольно сноснымъ. „Теперь примемся за переводы“, сказалъ Гороховъ и далъ коротенькое предложеніе на русскомъ языкѣ: „Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ Богъ, есть Богъ и будетъ Богъ, слѣдовательно онъ есть вѣченъ“, наложилъ латинскія слова и требовалъ, чтобы мы предложеніе выразили по латыни. Тутъ появилась, по пословицѣ, запятая. Почтенный Михаилъ Яковлевичъ, заставившій насъ выучить болѣе трети всей латинской грамматики, вовсе не думалъ намъ сказать, въ чему все это дѣлается, никогда не занималъ насъ практическими упражненіями; мы только учили. И потому первый нашъ опытъ по части латинизма въ низшемъ отдѣленіи былъ болѣею частію неудаченъ. Только нѣсколько человекъ поняли въ чемъ дѣло и перевели правильно. А изъ прочихъ одни написали всѣ сказанныя латинскія слова безъ всякой перемѣны, и такимъ образомъ получалась слѣдующая латынь: Dominus noster Iesus Christus sum Deus, sum Deus et sum Deus, ergo ille sum aeternus. Другіе каждое слово разбирали, т. е. писали, на примѣръ, что Dominus есть имя существительное, 2-го склоненія, мужескаго рода, именительный падежъ, единственнаго числа и т. п. Третьи въ послѣднемъ случаѣ писали не порусски, а полатыни, т. е. не имя существительное, а nomen substantivum. Можете, г. читатель, судить, какъ толково насъ училъ Михаилъ Яковлевичъ! Когда Гороховъ прочиталъ всѣ поданные ему нами переводы (намъ было приказано написать на бумагу ихъ), то, пришедши въ слѣдующій классъ, помиралъ со смѣха, приговаривая: „ну латинисты, ай-да латинисты!“ Кажется, все имъ было устроено едва-ли не для того, чтобы показать намъ какъ глупо училъ насъ Михаилъ Яковлевичъ. Само собою разумѣется, что Горохову самому надобно было прояснить намъ какъ слѣдуетъ съ русскаго языка переводить на латинскій. Два послѣобѣденныхъ его класса въ недѣлю были болѣею частію употребляемы на то, чтобы перевести какой-либо переводъ съ русскаго на латинскій языкъ, если только педагогу не мѣшала вода.

Другое средство выучить насъ латинскому языку состояло въ переводахъ съ латинскаго на русскій языкъ. Учебникомъ въ этомъ случаѣ служилъ въ то время Корнелій Непотъ. Гороховъ сталъ знакомить насъ съ нимъ съ октября, избравши для почивающей жизни Аристида, которую считали самою легкою для мальчиковъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы перевели пять только жизнеописаній, именно Аристида, Мильтіада, Фемистокла, Климона и Лизандра. При переводахъ съ латинскаго на русскій языкъ, любимымъ для Горохова и довольно труднымъ для насъ былъ особый приемъ, который мы выражали словами: дѣлать порядокъ. Для объясненія этихъ словъ возьмемъ слѣдующее предложеніе. *Omnipotens et omnisciens Deus creavit mundum verbo suo ex nihilo.* Дѣланіе порядка по отношенію къ этому предложенію состояло бы въ томъ, чтобы отыскать управляющій глаголь, т. е. *creavit*. Мальчикъ, нашедши его, говаривалъ: *verbum personale* (т. е. личный глаголь) *creavit*; далѣе спрашивалъ: *quis creavit?* (кто сотворилъ?) и отвѣчалъ: *Deus* (Богъ); потомъ слѣдовалъ вопросъ: *qualis Deus* (какой Богъ?) отвѣтъ: *omnipotens et omnisciens* (всемогущій и всевѣдущій). Новый вопросъ: *quid creavit Deus* (что сотворилъ Богъ?) отвѣтъ: *mundum* (мѣръ). Еще вопросъ: *quomodo creavit Deus mundum?* (какъ сотворилъ Богъ мѣръ?) отвѣтъ: *verbo suo* (своимъ словомъ). Наконецъ послѣдній вопросъ: *ex quo creavit Deus mundum?* (изъ чего Богъ сотворилъ мѣръ?) отвѣтъ: *ex nihilo* (изъ ничего). И простыя предложенія, подобныя взятому здѣсь, не легко было намъ приводить въ порядокъ; но затрудненія увеличивались въ сложныхъ предложеніяхъ, особенно при такъ называемомъ творительномъ самостоятельномъ падежѣ и въ такъ называемомъ *locutio infinita*. Напримѣръ, послѣднее надобно было обращать въ предложеніе, близкое къ той формѣ, въ которой слѣдовало выразить его по русски. Вотъ примѣръ: *certum est hunc mundum a Deo esse creatum.* Разумѣется, сначала говорилось *verbum personale: est*. Затѣмъ вопросъ: *quid est* (что такое есть?) отвѣтъ: *certum*, далѣе вопросъ: *quid certum est?* (что такое известно?) Вотъ тутъ уже отвѣтъ не могъ состоять изъ тѣхъ словъ, которыми выражается слѣдующее затѣмъ *locutio infinita: hunc mundum a Deo creatum esse*; нужно было его обратитъ въ *finitum locutionem*, т. е. выразитъ уже не неопредѣленнымъ, а сослагательнымъ наклоненіемъ, съ прибавленіемъ союза *quod* и

съ переменною винительнаго падежа въ именительный, т. е. выразить слѣдующимъ предложениемъ: *quod hic mundus a Deo sit creatus* (что этотъ міръ сотворенъ Богомъ). И вотъ на вопросъ: *quid certum est?* ученикъ долженъ былъ отвѣчать: *quod* и потомъ прибавлялъ: *verbum personale: sit creatus* (т. е. что глаголь личный сотворилъ; далѣе вопросъ: *quis creatus est?* (кто сотворенъ?). Отвѣтъ: *hic mundus* (этотъ міръ), наконецъ послѣдній вопросъ: *a quo creatus sit hic mundus?* (зѣмъ сотворенъ этотъ міръ?). Отвѣтъ: *a Deo* (Богомъ). Съ творительнымъ самостоятельнымъ падежомъ было тоже не менѣ хлопотъ при приведеніи его въ порядокъ. Само собою мы часто не только по одиночѣ, но и цѣлымъ міромъ-соборомъ не могли найти порядокъ въ иномъ сложномъ предложеніи. И потому не рѣдко случалось, что Гороховъ, замѣтивъ неумѣнье наше дѣлать порядокъ, отдавалъ дневальному приказъ, отъ котораго одежда на нѣкоторыхъ, а иногда на многихъ, приходила во временный беспорядокъ. Описанная мною заботливость о дѣланіи порядка господствовала и въ другихъ, но не во всѣхъ духовныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ не въ той степени, которая замѣчалась въ Гороховѣ. Да и въ самомъ Касимовскомъ училищѣ Красновъ не прилагалъ дѣланія порядка къ греческому языку. Къ сожалѣнію только, слѣдуетъ сказать, что самъ Гороховъ очень нерѣдко, какъ я уже говорилъ, приходилъ къ намъ не совсѣмъ въ порядокъ, и не только навеселѣ или въ куражѣ, но иногда и съ языкомъ прилиплымъ къ гортани. Не говорю уже о томъ, какъ онъ въ этомъ положеніи за самую ничтожную ошибку жестоко насъ наказывалъ; самое преподаваніе шло дурно, иногда онъ ошибался, иногда правило превратно истолковывалъ или смѣшивалъ два, три правила, словомъ, сбивалъ насъ съ толку. Результатомъ вышло то, что мы чрезъ два года, какъ я на себѣ узналъ, оказались не очень хорошими латинистами.

Въ другихъ предметахъ Горохова мы еще менѣ были свѣдущи, нежели въ латинскомъ языкѣ. Не любилъ ли г. учитель арифметики или не зналъ ее хорошо, или по духу тогдашняго времени, когда латинскій языкъ считался важнѣйшимъ предметомъ въ школахъ, знаніе ея находилъ излишнимъ для насъ, только онъ преподавалъ ее намъ не очень удовлетворительно; впрочемъ толковатѣе, нежели Михаилъ Яковлевичъ; естественно

мы ее плохо знали и рѣшали задачи, относящіяся къ дробямъ, къ возвышенію въ квадратъ и кубъ и къ извлеченію квадратнаго корня механически, вовсе не зная почему надобно было держаться того или другого правила. Впрочемъ учебникъ арифметики Куминскаго былъ тоже крайне дурень. Изъ славянской грамматики намъ было даваемо только уроковъ десять, да и то на нихъ не обращали вниманія; впрочемъ эта невнимательность въ то время господствовала едва ли не во всѣхъ духовныхъ училищахъ. Наконецъ, русскою грамматикою и даже грамотою насъ вовсе не занимали въ низшемъ отдѣленіи, полагая, что свѣдѣнія, нами пріобрѣтенныя въ приходскомъ училищѣ по русскому языку, очень для насъ достаточны. Между тѣмъ мы не знали почти вовсе правописанія и синтаксиса русскаго. Конечно, учителя брали или смѣялись, когда замѣчали ошибки наши въ правописаніи, но не заботились показать, какъ нужно правильно писать по русски. Я самъ собою узналъ орфографію и разстановку знаковь препинанія. Однажды какъ-то батюшка сказалъ мнѣ, что мои письма вовсе безграмотны, что я не знаю гдѣ ставить ѣ или е, точку, запятую и пр., что я давно уже учусь, а пишу какъ дьячокъ и пр. Амбиція моя жестоко этимъ обнажилась и я принялся самъ за правила, относящіяся къ правописанію и находившіяся въ концѣ нашей русской грамматики; и дѣйствительно мало по малу научился писать почти безъ грамматическихъ ошибокъ. То же самое дѣлали и другіе ученики получше, а прочіе дѣйствительно и въ высшемъ классѣ писали не лучше дьячковъ. Также мало наши наставники заботились о томъ, чтобы научить насъ порядочно излагать свои мысли; тогда это было не въ модѣ и считалось обязанностью профессора риторики. Впрочемъ въ высшемъ отдѣленіи Гороховъ дѣлалъ, такъ сказать, восвєнныя попытки пріучить насъ излагать если не свои мысли, то переводныя статьи правильнымъ языкомъ. Для этого онъ вмѣсто переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ давалъ версіи (versio), какъ мы ихъ называли, т. е. отдѣльныя латинскія статьи строки въ 10 — 15, которыя нужно было перевести на русскій языкъ и написать на бумагѣ. Но у насъ въ теченіи двухъ лѣтъ такихъ версій едва ли было болѣе пяти.

Не смотря на всѣ недостатки Горохова, на жестокія наказанія, которыя приходилось отъ него терпѣть при его пылко-восторженномъ состояніи, мы все-таки его любили и считали луч-

шимъ своимъ учителемъ; даже послѣ, сдѣлавшись взрослыми, съ добрымъ словомъ вспоминали о немъ. Недостатки и временную жестокость мы прощали ему и объясняли ихъ страстью его къ горячему, а видѣли и понимали, что онъ человекъ добрый, любилъ насъ, старался намъ дѣлать добро, по своимъ понятіямъ.

Красновъ, какъ я выше сказалъ, имѣлъ очень хорошія свѣдѣнія и способность передавать ихъ, но принесъ намъ менѣе пользы, нежели Гороховъ. Почтенный учитель и инспекторъ очень negliжировалъ своими наставническими обязанностями. Можетъ быть причиною этого было множество лежавшихъ на немъ должностей; онъ состоялъ благочиннымъ надъ сельскими церквями, членомъ духовнаго правленія, священникомъ при женскомъ монастырѣ, гдѣ и чередовался вмѣстѣ съ другимъ своимъ сослуживцемъ въ ежедневной церковной службѣ. До насъ ли, мальчишекъ, ему было? И потому онъ приходилъ къ намъ въ классъ очень поздно, или уходилъ изъ него очень рано. Въ послѣобѣденные классы онъ вмѣсто двухъ просиживалъ почти всегда менѣе часа, а иногда и полчаса, а утромъ вмѣсто четырехъ часовъ развѣ два или два съ половиною часа и даже менѣе, иногда и вовсе не приходилъ. Случалось придеть и рано, но уйдеть къ обѣднѣ и развѣ въ концу класса появится, а то и вовсе его уже не увидимъ. Если же и служба не отвлекала его отъ класса, то онъ посидить у насъ, соскучится, пойдетъ въ батюшкѣ тестю, тамъ покалякаетъ полчаса или часикъ. Намъ же во всякое его отсутствіе приказывалось чѣмъ-либо заниматься, вытверживать урокъ, особенно же сидѣть и не шумѣть. Но мы, разумѣется, большею частію такъ шалили, что, по пословицѣ, хоть святыхъ унеси изъ избы. Шумъ и шалости наши часто выводили изъ терпѣнія Горохова, обыкновенно сидѣвшаго въ то время въ высшемъ отдѣленіи. Оба класса, какъ я уже говорилъ, отдѣлялись другъ отъ друга довольно большими сѣнями и имѣли очень толстыя ординарныя двери. И потому нашъ шумъ и гамъ, возня и бѣготня не были по крайней мѣрѣ очень слышны въ сосѣднемъ классѣ, если двери въ обоихъ классахъ были затворены. Но иногда отворялась то та, то другая дверь, то обѣ вмѣстѣ, иногда же горячія головы, разыгравшись и забывши, что не далеко сидитъ учитель, выбѣгали въ сѣни съ крикомъ и топотомъ и даже тутъ поднимали возню. Разумѣется, тотчасъ дѣлались распоряженія для усмиренія насъ; иногда просто закри-

чать намъ: „вы, мерзкіе, что тамъ разшумѣлись, я васъ!“ Иногда покоряютъ щипками, оплеухами; подзатыльниками, а иногда доставалось полежать и на полу; тутъ, впрочемъ, Гороховъ большею частію поручалъ экзекуцію старшему, а самъ почему-то не всегда хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло, вѣроятно потому, что надѣялся больше сдѣлать пользы, занимаясь съ высшеклассными. Большею же частью жаловался Краснову или протопопу, ну тогда съ нами раздѣльвались иначе и мы притихали на нѣсколько дней, даже недѣль.

Когда же Красновъ сидѣлъ уже въ классѣ, то онъ дѣйствительно умѣлъ прояснить тайны греческаго языка, но дѣлалъ это не всегда охотно; ему какъ будто это поприскачивало или голова его бывала занята чѣмъ либо другимъ. Письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій языкъ онъ давалъ очень немного, притомъ не обязывалъ насъ ставить надъ словами такъ называемыя ударенія и придыханія; „это вы послѣ, т. е. въ высшемъ отдѣленіи, узнаете“, говаривалъ намъ. Устными локуціями почти никогда не занимался. Что же касается до перевода статей съ греческаго на русскій языкъ, то для этого у насъ были два учебника: новый завѣтъ и греческая хрестоматія, кажется, Каченовскаго. Прежде всего начинали эти переводы богоугоднымъ дѣломъ, именно разбирали молитву „Царю Небесный“ на греческомъ языкѣ и потомъ заучивали ее на память. То же впрочемъ мы дѣлали и у Горохова; только, разумѣется, тутъ былъ разбираемъ и заучиваемъ латинскій текстъ молитвы. Если кто изъ насъ желалъ поправиться гг. учителямъ, то между прочимъ въ началѣ класса, при входѣ учителя, прочитывалъ эту молитву на греческомъ или латинскомъ языкѣ, такъ сказать въ честь Краснова или Горохова; милостивая улыбка или даже спасибо служили наградою эллинисту или латинисту, если прочитано было хорошо. Но такое чтеніе не часто повторялось, во первыхъ потому, что надобно было на это получить согласіе старшаго, имѣвшаго привилегію на чтеніе молитвъ въ классѣ, а во вторыхъ потому, что латинская и греческая молитвы не читались такъ скоро какъ русская, а намъ это растягиванье не нравилось. Обыкновенно разрѣшеніе давалось тому, кто предвидѣлъ опасность быть за что либо наказаннымъ, чтобы предотвратить или смягчить наказаніе, и дѣйствительно иногда удавалось достигнуть цѣли. Вѣроятно молитвы на греческомъ и латинскомъ языкѣ, изъ уваже-

ніа къ классическому ихъ достоинству, легче доходили до неба, а оттуда уже ниспускалось нѣчто благодати на сердце педагога и смягчало его. И тутъ даже въ дѣтствѣ нашемъ нельзя было обойтись, такъ сказать, безъ набожныхъ фокусовъ. Но все это не имѣло вліянія на наше знаніе греческаго языка; оно и въ наше время пріобрѣталось не огненными языками, а усидчивымъ трудомъ и толковатымъ преподаваніемъ. А мы въ теченіи двухъ лѣтъ перевели только пять или шесть главъ евангелія отъ Маттея, да нѣсколько страницъ изъ хрестоматіи.

Плохо было преподаваніе греческаго языка, но еще хуже читались намъ священная исторія и пространнѣйшій катехизисъ. Я рѣшительно не припомню ни одного урока изъ нихъ, который былъ бы напередъ рассказанъ или поясненъ Красновымъ. Лекція состояла только въ словахъ: выучить до такой-то строки или страницы; потомъ въ слѣдующій разъ заставляли нѣсколькихъ человѣкъ прочесть этотъ урокъ, вотъ и все. А между тѣмъ Красновъ такъ преподавалъ оба предмета вовсе не потому, что не зналъ ихъ или не умѣлъ хорошо говорить; нѣтъ, если кое-когда припадала ему охота при спрашиваньи урока что-либо рассказать или пояснить, то онъ исполнялъ это очень удовлетворительно; мы заслушивались его. А не говорилъ, не объяснялъ, не рассказывалъ просто потому, что ему не хотѣлось утруждать свою голову и свой языкъ; вѣдь и безъ того урокъ выучать, а не выучать, такъ одного поставлю на колѣна, другого отдеру за волосы, или за уши, а третьяго или пожалуй и всѣхъ незнающихъ выскку; значить дѣло сдѣлано, совѣсть спокойна, долгъ исполненъ и самъ нисколько не утрудился; развѣ только отъ сильной таски, заданной кому нибудь, немножко поустанешь. Впрочемъ расправы Краснова за учебныя проступки были не очень энергичны. На колѣнахъ онъ болѣе полчася никого не держалъ, даже столбомъ стоять не заставлялъ цѣлый классъ, а розгами тоже не больно наказывалъ, даже не очень внимательно слѣдилъ за сѣкуторомъ; отъ этого нѣкоторые удары падали не только на бѣлье, но и на платье. Но проступки по поведенію, противъ законовъ инспектуры обсуживались и наказывались очень строго и даже иногда жестоко. Болѣе всего намъ доставалось, когда Гороховъ жаловался на насъ, что мы своимъ шумомъ и гамомъ, бѣготней и стукотней препятствовали ему заниматься въ высшемъ отдѣленіи. Еще безпощаднѣе къ намъ былъ Красновъ когда

самъ протопопъ ему докладывалъ, что у насъ все вверхъ дномъ идетъ. „Что ты не ходишь въ классъ, говаривалъ протопопъ, твои низшеклассные вобылятники покоя мнѣ не даютъ“. Ну тогда уже доставалось намъ на орѣхи, а иногда, какъ мы говаривали, трещи наша шкура. Въ этихъ случаяхъ, кажется, Красновъ, въ особенное негодование приходилъ потому, что наши шалости обнаруживали или поздній приходъ его въ классъ, или даже совершенное его отсутствіе. Сиди мы смирно, ни Гороховъ, ни протопопъ, можетъ быть, не догадались бы, что г. учитель не приходилъ еще въ классъ. Въ случаѣ жалобъ на насъ Краснову, уже при появленіи его къ намъ, по лицу, мы предугадывали грозившую опасность. Едва успѣютъ кончить молитву, какъ Красновъ начнетъ говорить: „что у васъ тутъ такое происходило? жаты отъ васъ никому нѣтъ; вотъ на васъ жалуются Акимъ Федоровичъ“, или: „вотъ вы и батюшкѣ не даете покою, а васъ, мерзавцы! Ну ты, старшій, говори, кто шумѣлъ?“ Чтобы выручить старшаго изъ бѣды въ этихъ случаяхъ, мы предоставляли ему сваливать вину на всѣхъ насъ; безъ этого бы онъ намъ не позволилъ шалить, какъ мы хотѣли, или написалъ записку. И потому старшій всегда почти отвѣчалъ: „всѣ шумѣли“. „Какъ всѣ?“ кричалъ Красновъ. „Ей Богу всѣ, Акимъ Федоровичъ! Я ихъ унималъ, унималъ и ничего не могъ сдѣлать; спросите, пожалуй, самихъ ихъ“. Случалось, что дѣйствительно начинались вопросы: „Ну, и ты шумѣлъ?“ спрашивалъ Красновъ кого либо помирнѣе. „Виновать, Акимъ Федоровичъ, простите, впередъ не буду“, отвѣчалъ спрошенный и для смягченія гнѣва говорилъ жалобнымъ голосомъ, а иногда и со слезами. Сказать: „я не шумѣлъ“, было немислимо, это значило вооружить противъ себя и старшаго, и все общественное мнѣніе; а съ ними бороться было слишкомъ невыгодно; притомъ, еслибы кто и сказалъ: „я не шумѣлъ“, то за этимъ слѣдовалъ другой вопросъ: „кто же шумѣлъ? говори“. Если не указать на кого нибудь, то обыкновенно услышишь: „а, скверный, не говоришь? ты значить самъ шумѣлъ?“ Если же указать, то обвиненный обыкновенно говаривалъ: „нѣтъ, Акимъ Федоровичъ, я не шумѣлъ, а онъ самъ шумѣлъ, и все приставалъ ко мнѣ, спросите кого угодно“. И дѣйствительно всѣ обвиняли измѣнника и потому большею частію дѣло обанчивалось тѣмъ, что всѣ шумѣли, или былъ только одинъ виновный. Вотъ почему всякій спрошенный говорилъ: „виновать, простите,

ей Богу не буду". Не надѣясь на возможность оправдать себя, тамне смиренне у насъ иногда увлекались общимъ потовомъ, шумѣли и бѣгали вмѣстѣ съ отъявленными шалунами; вѣдь послѣдствія однѣ и тѣ же, сидимъ ли смиренно или играемъ; такъ лучше поиграть, по крайней мѣрѣ весело время пройдетъ. да можетъ быть все благополучно кончится. Спросивши нѣсколько человѣкъ и слыша однѣ и тѣ же слова: „виновать, простите“ и пр., Красновъ, желая добиться хоть какой нибудь правды, обращался ко всѣмъ съ вопросомъ: „ну, кто же не шумѣлъ у васъ? говори каждый за себя; ну кто же не шумѣлъ? вѣдь всѣхъ пересяку“. Разумѣется, никто не осмѣливался быть выскочкою. Иногда отъ недостатка ли времени, или отъ нежеланія въ данное время заняться всеобщю поркою, Красновъ ограничивался бранью, или немного посѣчетъ старшаго. Но большею частію мы слышали слѣдующую резолюцію: „а, вы всѣ шумѣли? ну такъ я васъ всѣхъ и высѣку; ну, старшій, станови въ ряды мерзавцевъ“. Если не прибавлялись слова: „да все съ нихъ долой, и держать ихъ хорошенько“, тогда дѣйствующими лицами были только старшій, вызывавшій насъ по списку, и сѣкуторы. Мы снимали верхнее платье, выходили на средину, становились въ свой рядъ въ увѣренности, что еще большой бѣды не будетъ. Если же произошло: „да долой съ нихъ все, держать крѣпче“, ну тогда являлись и держители, и помощники и дѣло принимало грозный характеръ. По выходѣ на средину кого либо, скоро помощники обнажали его и потомъ, когда доходила очередь, отдавали сѣкуторамъ и держителямъ на сѣденіе, какъ мы выражались. Конечно, тутъ уже велось дѣло не шута; спокойно уже лежать не было возможности, но все еще это только цвѣтики, а не ягоды. Ягодокъ мы ожидали, когда произносилось: „позови сюда вышекласныхъ или приходскихъ“ т. е. для того, чтобы они были дѣйствующими лицами; ну тогда у насъ пробѣгала дрожь по тѣлу; тутъ уже сѣкли насъ безъ милосердія. Такихъ порокъ въ два года было впрочемъ только три, особенно же одна заставляла насъ долго вспоминать о себѣ.

Событіе это происходило на первомъ году нашей низшекласной учебной дѣятельности, въ четвергъ шестой недѣли великаго поста, когда обыкновенно насъ распускали по домамъ на Пасху. Третнаго экзамена не было у насъ и уроки намъ давали до самаго послѣдняго дня; только въ четвергъ къ намъ Красновъ не

пришоль, а Гороховъ сидѣлъ въ высшемъ отдѣленіи. Мы воспользовались своею свободою и наступающимъ блаженнымъ временемъ и предались самой шумной радости; не только въ классѣ шумѣли и шалили, но выбѣгали и въ сѣни съ шумомъ и хохотомъ разыгравшихся шалуновъ мальчишекъ. Гороховъ не одинъ разъ присылалъ къ намъ сказать, чтобы мы вели себя потише; утихали на нѣсколько минутъ, а потомъ опять принимались за свое. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ; не желая себя отвлекать отъ дѣла, чтобы съ нами расправиться, онъ послалъ старшаго пожаловаться смотрителю на насъ. Старшій на бѣду встрѣтилъ на крыльцѣ смотрителя, провожавшаго какихъ-то посѣтителей и вмѣстѣ съ ними услышалъ нашу возню; разумѣется, отецъ Поликарпъ осердился, а тутъ еще какъ нарочно старшій доложилъ о своемъ посольствѣ, о томъ, что Акимъ Федоровичу мы не даемъ заниматься. Расклавившись съ посѣтителеми, почтенный начальникъ пошелъ въ свои комнаты, кажется съ тѣмъ, чтобы потомъ отправиться для расчета съ нами. Но тутъ явился Красновъ, на которомъ тестъ сорвалъ свою досаду. „Что это тамъ у тебя идетъ въ низшемъ классѣ? Самъ не ходишь въ классъ, а тамъ чортъ знаетъ что дѣлается“, словомъ отругалъ его и приказалъ ему хорошенько насъ высѣчь. „Да смотри, хорошенько, возьми-ка Троянова; пускай матери посмотреть, какъ мы шалуновъ деремъ“. Краснову не зачѣмъ было давать подобныя наставленія, онъ уже слышалъ нашу возню, а выговоръ тестя-начальника еще болѣе взбѣсилъ его. Впрочемъ Троянову онъ не любилъ поручать наказаніе, но отъ этого намъ вообще немного легче было. Вышедши отъ тестя, онъ прошелъ въ приходское училище, приказалъ старшему поскорѣе приготовить достаточное количество лозъ для всѣхъ низшеклассныхъ и когда все готово будетъ, явиться въ низшее отдѣленіе съ болѣе взрослыми товарищами, чтобы сѣчь насъ въ два ряда. Ниже я опишу почему между нами и приходскими была неумолимая ребяческая война и ненависть. Поэтому приходскій старшій Быстровъ съ такимъ удовольствіемъ послалъ до десяти своихъ подчиненныхъ за розгами; всѣ, разумѣется, взялись за дѣло съ полнымъ желаніемъ угостить насъ. Не далеко отъ училища въ оврагѣ расло много большихъ ветель; въ нимъ-то и отправилась экспедиція и наломала большія связки прутьевъ, такъ что сторонніе, видя ихъ, съ недоумѣніемъ подумывали: неужели все это для розогъ? Между тѣмъ мы, разыграв-

пись, и не думали о близкой опасности. Вдругъ отворилась дверь, вошелъ Красновъ и засталъ насъ въ полномъ разгарѣ. Мы, разумѣется, живо усѣлись на мѣста. Не зачѣмъ было разыскивать, кто палилъ; по раскрасѣвшимся лицамъ, по поту на лбу, по тяжелому дыханію и недогадливый догадался бы, что мы всѣ рѣшительно рѣзвились. „Ахъ вы, мерзавцы, и пр., услышали мы, ну стойте, я же угощу васъ; вы надѣялись на роспускъ, помните его“. И началъ онъ похаживать по классу, трепать за волосы и за уши близъ сидѣвшихъ, давать пощечины и пр. Проходитъ минутъ десять и болѣе и мы, не слыша ничего о лозахъ, начали поуспокоиваться, полагая, что все ограничится руганью или что насъ не распустятъ нынѣшній день; да и Красновъ пересталъ даже браниться. Но вотъ еще прошло минутъ тридцать и вдругъ входитъ Быстровъ въ классъ съ докладомъ: „Акимъ Федоровичъ, все готово“. „Да все ли“, спросилъ Красновъ? „Все, получилъ въ отвѣтъ, здѣсь въ сѣняхъ“. „Такъ зови же сюда“, сказалъ Красновъ. Дверь вновь отворилась и явилось человѣкъ двадцать приходскихъ съ готовыми пучками розогъ, а тамъ въ сѣняхъ другіе приходскіе занимались приготовленіемъ розогъ изъ принесенныхъ прутьевъ. Работа кипѣла. Мы не ожидали такой развязки и потому совершенно растерялись; вызываемые одинъ за другимъ забывали скинуть съ себя верхнее платье, но усердные помощники живо все съ насъ снимали и надлежащимъ образомъ приготовляли въ предстоявшему угощенію. Началось и оно; Красновъ сѣлъ на скамейку такъ, чтобы ему были видны всѣ подробности сѣченья въ томъ и другомъ ряду. Сѣкуторамъ отдалъ приказъ, чтобы каждому они давали по 50 ударовъ и потомъ останавливались, въ ожиданіи его рѣшенія пускать ли наказаннаго на просторъ или сдѣлать ему еще добавочку. Занятый внимательнымъ наблюденіемъ надъ сѣченьемъ, происходившимъ въ одномъ ряду, онъ не могъ видѣть кого растягивали на полу въ то же время для сѣченья въ другомъ ряду; обернувшись сюда, онъ видѣлъ только предъ собою обнаженное тѣло ученика отъ колѣнъ чуть не до шеи. Когда узаконенные 50 были отсчитаны, то онъ спрашивалъ, кого это сѣкли и получивъ отвѣтъ: такого-то, приказывалъ или отпустить, или прибавить еще не менѣе 10, но и не болѣе 30 ударовъ. Безъ прибавки отпущено было не болѣе пяти человѣкъ, а всѣмъ прочимъ приводилось еще покушать березовой каши. Приходскіе всячески старались выка-

зять свое усердіе; сѣкуторы не жалѣли ни насъ, ни лозъ; держители прижимали отдавнаго имъ въ руки такъ, что онъ шевельнуться не могъ; всѣ вообще они очень рады были, что имъ досталось счастье насъ отпороть самымъ лучшимъ образомъ. Притомъ все шло быстро, такъ что минутъ въ сорокъ работа была окончена, и Красновъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ намъ приличное назиданіе и прибавилъ, что всѣхъ (не) сейчасъ распустать, а мы еще должны просидѣть въ классѣ до 12 часовъ. Но почти всѣмъ было не до назидательныхъ рѣчей; только немногіе успѣли совсѣмъ одѣться, другіе, пооправившись, и хотѣли бы одѣться, но не могли вдругъ отыскать своего платья, потому что наши помощители, раздѣвая насъ, сваливали наше платье, какъ попало, въ нѣсколько кучъ; многіе же, это наклонившись на колѣнахъ къ лавкѣ, кто лежа на лавкѣ или гдѣ нибудь на полу, оставались въ томъ же неглиже, въ какомъ освободились изъ-подъ лозы, и продолжали плакать. Кажется и Красновъ потому и оставилъ насъ до 12 часовъ, чтобы мы имѣли время опомниться и поубратъся. Послѣ распуска едвали не всѣ вышекласные зашли къ намъ посмотрѣть на наше побойще, не мало было между ними такихъ, которые жалѣли насъ, утѣшали насъ и помогали одѣваться, но едва-ли не болѣе было такихъ, которые даже подсмѣивались надъ нами. „Ну что, поиграли, да доигрались! Знатно же ихъ отдѣляли приходскіе! Смотрите сколько обломанныхъ лозъ и осколковъ отъ нихъ; весь полъ ими усыпанъ“. Послѣднее было справедливо, потому что розги изъ ветловыхъ прутьевъ, при усердіи сѣкуторовъ, скоро дѣлались негодными къ дальнѣйшему употребленію; для многихъ изъ насъ оба сѣкутора (сѣкли разумѣется для скорости въ двѣ лозы) истрачивали по парѣ розогъ; дѣйствительно, обломки отъ нихъ покрывали весь полъ на серединѣ, но залетали и на парты, лавки, даже на учительскій столикъ. Оставалось еще болѣе часа до 12-ти. Мы поприбрались и сидѣли пригорюнясь, а многіе еще и поплакивали,—впрочемъ и сидѣть-то было неудобно; многіе находили лучшимъ стоять на колѣнахъ на лавкахъ, опершись руками на парты. Въ половинѣ 1-го часа прислалъ Красновъ кого-то сказать намъ, чтобы отправлялись домой, и поплелись мы тихимъ шагомъ, тогда какъ послѣ распуска обыкновенно летали сломя голову, обгоняя другъ друга. Я пріѣхалъ домой въ пятницу, а въ субботу была у насъ баня. Матушка и бабушка, пошедши въ нее, велѣли и мнѣ туда идти. Когда

матушка стала мыть мнѣ голову и взглянула на спину, то вскрикнула: „Иванъ Мартиновичъ, посмотри-ка что это такое у нашего Мити? Неужели его такъ больно высѣвли?“ Дѣлать было нечего, я долженъ былъ все рассказать. Не скажу, чтобы меня не сѣкали больнѣе этого, доставалось за разъ выносить по 100 и даже 150 ударовъ, но это было, когда я уже повзросъ, поокрѣпъ и даже былъ взрослымъ и значить могъ уже выдержать. Но 60 ударовъ, полученныхъ мною отъ Краснова въ описанномъ случаѣ, мнѣ казались всегда самымъ страшнымъ наказаніемъ; мнѣ еще тогда не было 12 лѣтъ.

Остается теперь сказать о томъ, чему и какъ насъ училъ третій нашъ учитель или, правильнѣе, мучитель, Михаилъ Яковлевичъ. На его долю выпали у насъ два предмета: церковный уставъ и нотное пѣніе. Учебныя руководства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ мое особенно дѣтство, наибольшую частію были очень дурны; но хуже учебника по церковному уставу, кажется, мудрено было что нибудь и придумать. Это была самая сухая, сжатая перечень частей того или другого богослужбнаго дѣйствія, означаемыхъ однимъ или нѣсколькими словами, которыми начинались опи. Лучше всего объяснить примѣръ. Извѣстно, что литургія обыкновенно начинается словами дьякона: благослови владыко, на что священникъ отвѣчаетъ: благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Затѣмъ пѣвчіе или дьячки на клиросѣ поютъ: аминь. Далѣе дьяконъ читаетъ большую ектенію, начинающуюся словами: міромъ Господу помолимся, пѣвчіе поютъ: Господи помилуй и т. д. Въ нашемъ руководствѣ это выразилось бы слѣдующимъ образомъ. Дьяконъ: благослови владыко. Священникъ: благословенъ Богъ. Клиръ: Аминь. Дьяконъ: міромъ Господу помолимся. Клиръ: Господи помилуй, и проч. Или напр. начало вечерни: священникъ: благословенъ Богъ нашъ. Чтецъ: аминь, святой Боже, слава, пресвятая троица и нынѣ, отче нашъ, и пр. О какомъ либо объясненіи Михаилъ Яковлевичъ и не думалъ; онъ просто приказывалъ выучить до такого-то слова и мы учили къ ряду, но многіе могли выучивать, да и тѣ при самой лучшей памяти чрезъ нѣсколько дней забывали. Нотное пѣніе преподавалось также, какъ и въ приходскомъ училищѣ.

Я уже сказалъ, что Михаилу Яковлевичу не позволено было

сѣчь розгами не только высшешлассныхъ, но и низшешлассныхъ. Я вовсе не думаю, чтобы такое запрещеніе происходило съ гуманною цѣлью, потому что и смотритель, и оба наши учителя часто наказывали насъ еще больнѣе, нежели Михаилъ Яковлевичъ. Ужъ право всѣ эти господа не берегли ли нашихъ педагогическихъ частей тѣла, такъ сказать, только для себя самихъ? Но Михаилу Яковлевичу и прежде уже хотѣлось, а при насъ онъ взялся хлопотать самымъ энергическимъ образомъ, чтобы имѣть удовольствіе по личному распоряженію и усмотрѣнію сѣчь насъ также, какъ онъ сѣкалъ своихъ приходскихъ и даже съ большею жестокостію по вниманію къ нашему возрасту. Впрочемъ и мы съ своей стороны своими глупыми выходками и шалостями очень помогли ему получить желаемое. На колѣна онъ насъ сталъ ставить чуть не съ перваго класса. Мы становились, такъ какъ это уже было прежде заведено, но не по методѣ Михаила Яковлевича. Онъ требовалъ, чтобы мы стояли на срединѣ, но мы сказали, что у насъ этого не бываетъ, что намъ наши Акимы Федоровичи дозволяютъ стоять на мѣстахъ, хотя это и не совсемъ справедливо было. Потомъ Михаилъ Яковлевичъ любилъ, чтобы стоявшіе на колѣнахъ стояли прямо, какъ свѣчки, по нашему выраженію, и подъ свои колѣна не подкладывали даже платя; мы и этого не дѣлали, да и почтенному педагогу мудрено было слѣдить за нарушеніемъ своей заповѣди, когда мы стояли на своихъ мѣстахъ. Потомъ, какъ скоро начиналось общее пѣніе, мы вставали съ колѣнъ и садились на свои мѣста. Въ этомъ намъ помогли Красновъ и Гороховъ, которымъ мы доказали, что на колѣнахъ трудно пѣть и потому многіе, карандашомъ зачернивши тѣ части колѣнъ, на которыя особенно былъ упоръ при стоянн, убѣдили, что у нихъ это произошло отъ слишкомъ продолжительныхъ стояній и отъ того, что Михаилъ Яковлевичъ приказываетъ вынимать платье изъ подъ колѣнъ. Это намъ удалось тѣмъ легче, что оба нашихъ учителя, особенно Красновъ, не любили долго держать насъ на колѣнахъ. Михаилъ Яковлевичъ всѣмъ этимъ очень обижался, а мы его поддразнивали еще тѣмъ, что сидѣвшіе на скамьѣ къ срединѣ класса, которыхъ ноги онъ видѣлъ, нарочно опускались на свои пятки, а то, и вытянувъ ноги, садились на свое сѣдалище; голову же успокоивали на рукахъ, положенныхъ на скамью, и притворялись заснувшими. Михаилъ Яковлевичъ, замѣчая такое неуваженіе къ себѣ, бѣсялся, съ позволен

связать, жаловался на всѣ виды нашего непослушанія и на плохіе наши успѣхи по нотному пѣнію, убѣждая каждый разъ зрителя, что если бы ему позволено было сѣчь насъ, то дѣло бы пошло иначе. Зритель сердился, приказывалъ старшему пере-сѣчь насъ, а иногда и самъ приходилъ для расправы. Первое, разумѣется, насъ не страшило; послѣднее, конечно, было соединено уже съ серьезными для насъ неприятностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ раздражало и заставляло придумывать новыя шалости, чтобы понасолить Михаилу Яковлевичу.

Я уже говорилъ, что мы его звали капсюкомъ. И вотъ когда Михаилъ Яковлевичъ появляется на дворѣ, какой либо проказникъ изъ сѣней, а то и изъ класса въ отверстіе въ оконномъ косякѣ, чрезъ которое входилъ болтъ для запиранія ставней, закричитъ тоненькимъ голоскомъ: „капсюкъ“ или: „Михаилъ Яковлевичъ Капсюкъ“. Въ этомъ не отставали отъ насъ и выспекласыне. Михаилъ Яковлевичъ, раздосадованный такою невѣжливостью, прибѣгалъ иногда въ классъ, но тутъ всегда уже заставлялъ всѣхъ сидящими на своихъ мѣстахъ въ самомъ смиренномъ и невинномъ положеніи. И ему, и зрителю, когда этотъ получалъ жалобы на насъ, мы доказывали, что у насъ всѣ сидѣли въ классѣ и никто не выходилъ изъ него и ничего не говорилъ. Къ несчастію нашему, слово капсюкъ иногда слыхала прислуга протопопа, дочь его и даже онъ самъ. Но мы и на этомъ не хотѣли остановиться. Смѣльчаки подходили къ двери приходскаго училища и, заперши ее снаружи прибитою къ ней цѣпью, кричали въ дверное отверстіе: „капсюкъ, Михаилъ Яковлевичъ капсюкъ“. Или самъ Михаилъ Яковлевичъ, или подчиненные его бросались къ двери, чтобы поймать виновнаго, но дверь оказывалась запертою, начиналась стукотня; сидѣвшая на кухнѣ прислуга иногда выходила, чтобы отпереть дверь, а то и знать не хотѣла, потому что Михаила Яковлевича почему-то и она не любила. Впрочемъ случалось, что виновный бывалъ пойманъ, или какимъ-либо образомъ уличенъ; разумѣется, пороли его, но это раздражало всѣхъ. „Вотъ еще изъ-за капсюка высѣвли“, говорили мы; навазаннаго убаюкивали, утѣшали, общались потише сѣчь при всѣхъ случаяхъ, а кто нибудь чрезъ нѣсколько дней опять успѣвалъ крикнуть въ дверь приходскаго училища: капсюкъ!

Не любя Михаила Яковлевича, мы не любили и его приходскихъ

учениковъ. Въ запискахъ своихъ мнѣ не разъ придется говорить, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ между учениками различныхъ классовъ ладовъ не бывало; одни любили ставить себя на высоту, съ которой гордо и съ презрѣніемъ посматривали на низшую братію; другіе, приниженные и угнетенные, молча переносили оскорбленіе, но съ затаенною злобою ждали когда-то и они поднимутся на ту же высоту и выместятъ свое униженіе на другихъ; третьи, занимающіе средину между тѣми и другими, первыхъ не любили, также какъ и послѣдніе, и если была возможность, вступали съ ними въ борьбу, а къ низшимъ себя не меньше ихъ выказывали презрѣніе и придирчивость. Такія враждебныя отношенія были общи всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, только въ различной степени. О причинѣ этого печальнаго явленія я скажу ниже. Наше Касимовское училище, разумѣется, не составляло исключенія изъ правила. Наши вышекласные вели себя по отношенію къ намъ, пока мы были въ приходскомъ училищѣ, какъ какіе либо аристократы и магнаты; мы, встрѣчаясь съ ними, обязаны были снимать свои фуражки, а они, въ благодарность за то, при каждомъ удобномъ случаѣ, готовы были пощипать и даже потаскать насъ за волосы; низшекласные же, по крайней мѣрѣ забіяки, нарочно прихаживали къ намъ во время отсутствія Михайла Яковлевича, чтобы дать какой-либо щелчокъ, пинокъ, толчокъ. Мы, поступивши въ низшее отдѣленіе, не позабыли уроковъ своихъ предшественниковъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на приходскихъ и на просторѣ ходили къ нимъ, чтобы показать имъ свою важность; у насъ было даже выраженіе: „а что братъ, или братцы, говорилъ какой либо затѣйникъ, пойдемъ поколотить приходскихъ“, и дѣйствительно отправлялись въ такія экспедиціи. Если нельзя было поколотить, то по крайней мѣрѣ тѣшились, называя ихъ вапсюковцами. Во всѣхъ этихъ глупостяхъ вышекласные поддерживали и ободряли насъ отчасти и дѣломъ, а болѣе всего словомъ. Насъ соединяли между собою общая нелюбовь къ Михайлу Яковлевичу и то что мы, имѣя однихъ и тѣхъ же учителей, помѣщаясь въ классахъ, находившихся въ одномъ флигелѣ и раздѣлявшихъ только сѣнями, считали себя какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ.

Находясь въ приходскомъ училищѣ, мы смиренно переносили гнетъ отъ вышекласныхъ и низшекласныхъ. Да и нельзя было думать о какой либо оппозиціи. Вышекласные были такіе рос-

лые ребята, что мы передъ ними казались дѣйствительно ребятами; изъ нихъ особенно замѣчательны по росту Александръ Богородицкій и Савва Липинъ. Первый, будучи старшимъ надъ всѣмъ училищемъ, былъ едва ли ниже 2 $\frac{1}{2}$ ар., имѣлъ смѣлую поступь, гордый видъ и сильный басистый голосъ; другой, говорю несколько не преувеличивая, былъ не менѣе 2 арш. 10 верш. Низшеклассные, конечно, понижѣ вышекласныхъ ростомъ, за то среди себя имѣли двухъ братьевъ Богородицкихъ Василя и Павла, которые, пользуясь значеніемъ своего брата, училищнаго старшаго, служили коноводами въ экспедиціяхъ противъ насъ. Какъ же намъ было помышлять объ оппозиціи такой сильной аристократіи? тѣмъ болѣе что между нами только двое нашихъ старшихъ Соловьевъ и Добромысловъ въ схваткахъ могли сами дать сдачи, но враги наши имѣли благоразуміе ихъ и не затрогивать.

Но поступивши въ низшее отдѣленіе, мы встрѣтили въ приходскихъ непріятную для насъ и сильную оппозицію. Конечно, вообще они были менѣе насъ ростомъ и слабѣе силами, за то имѣли въ своей средѣ нѣсколько молодцовъ, изъ которыхъ съ каждымъ могли вступить въ единоборство, съ надеждою на побѣду, только наши старшіе, да еще четыре старичка. Особенно росли были Гавріиль Быстровъ, Осипъ Орловъ (старшіе въ приходскомъ), Ибердусовъ и Ломоносовъ. Мы, еще обучаясь съ ними у Михаила Яковлевича, испытали крѣпость ихъ рукъ. Михаилъ Яковлевичъ частенько заставлялъ ихъ держать и даже сбѣчь насъ, второклассныхъ. И потому, когда сдѣлавшись низшеклассными, мы стали ходить колотить приходскихъ, то отъ этихъ молодцовъ, а при ихъ пособіи и отъ другихъ намъ самимъ доставалось порядочно и приходилось возвращаться изъ экспедиціи со слезами на глазахъ. Разумѣется это не унимало, а только раздражало насъ, мы уже хаживали, по нашему выраженію, ватагами и если не могли колотить, то съ другой стороны не были и биты и утѣшали себя тѣмъ, что имѣли возможность разругать въ глаза капсюковцевъ. Скоро и сами приходскіе и Михаилъ Яковлевичъ стали жаловаться на насъ протопопу. Этотъ съ обыкновенною своею рѣшительностью объявилъ, что онъ запретъ того, кто ему попадется и дѣйствительно кто попадался, тому уже доставалось на орѣхи. Подобная расправа была для насъ тѣмъ непріятнѣе, что нѣкоторые изъ насъ подвергались ей совершенно невинно. Напр., кому-нибудь нужно было повидаться съ кѣмъ либо изъ

приходскихъ; онъ входилъ къ нимъ въ классъ; его задерживали, старшій шоль къ протопопу сказать, что вотъ такой-то низшеклассный пришелъ къ намъ, шумить и дерется. Иногда же иной и не войдетъ въ классъ, а, отворивъ дверь, велитъ выслать нужнаго ему ученика, тутъ какіе нибудь приходскіе сзади вталкиваютъ его въ классъ, задерживаютъ и опять жалоба смотрителю. Почтенный начальникъ или самъ лично, или чрезъ вышекласнаго старшаго, убѣдившись что обвиняемый дѣйствительно въ приходскомъ классѣ, сейчасъ же справлялся съ нимъ и, въ величайшему оскорбленію нашего самолюбія, иногда даже въ приходскомъ классѣ. Отъ этихъ глупостей мы еще болѣе раздражались и прибѣгали къ новымъ продѣлкамъ, какъ бы понасолить капсюковцамъ, если не дѣломъ, то словомъ.

Между тѣмъ и Михаилъ Яковлевичъ, раздражаемый нашими неуспѣхами, а больше нашими кривами: „капсюкъ“ и невозможностью самому съ нами справляться, постоянно жаловался смотрителю. Тотъ слушалъ цѣлую треть жалобы, но все еще не хотѣлъ отдать насъ на жертву Михаилу Яковлевичу. Наконецъ, не вытерпѣвъ и разрѣшилъ нашему почтенному наставнику сѣчь насъ по усмотрѣнію. Это было уже въ самомъ почти концѣ сентябрьской трети, такъ что новое узаконеніе нашего училища осталось безъ примѣненія до святокъ. Возвратившись изъ домовъ въ школу, мы стали придумывать, какъ бы намъ ослабить это узаконеніе. Тутъ съ нами за одно дѣйствовали и вышеклассные, потому что и они тоже отданы были на жертву Михаилу Яковлевичу. Общимъ міромъ-соборомъ мы и положили ограничить произволъ своего потнаго учителя. Онъ въ третій свой пѣвческій классъ, когда мы и вышеклассные сидѣли вмѣстѣ, воспользовался предоставленнымъ ему новымъ правомъ. Достойными наказанія оказались нѣсколько человекъ изъ обоихъ отдѣленій. Михаилъ Яковлевичъ съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ: „лозу“ и велѣлъ выходить на средину преступникамъ. Не торопясь вышли. Сначала принялись за вышеклассныхъ. Сѣкуторъ у перваго растянувшася только заворотилъ верхнее платье и сталъ сѣчь по рубахѣ и подштанникамъ, притомъ дѣлая большой размахъ лозою и ударяя ею очень тихо. Конечно боль была, но Михаилу Яковлевичу хотѣлось раздѣлаться по своему. „Долой, долой все“, закричалъ онъ. Тутъ всѣ заговорили: „у насъ этого не бываетъ, насъ сѣкутъ не по голому тѣлу“. Сѣкуторъ не слушался, вызван-

ные держатели тоже; Михаилъ Яковлевичъ мѣнялъ ихъ, но дѣло не измѣнялось. Послѣ вышекласныхъ дошла очередь до низшекласныхъ, повторилось то же самое. Михаилъ Яковлевичъ, наскучивъ, вызываетъ тѣхъ или другихъ сѣкуторовъ и держателей, наконецъ, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: „ну кто изъ васъ послушенъ, выйдите и сдѣлайте что я вѣлю“; но никто, разумѣется, не выходилъ. Между тѣмъ наказываемые кричали что есть силы, вырывались изъ-подъ рукъ держателей и когда Михаилъ Яковлевичъ приказывалъ сѣчь больнѣе хотъ и по платью, то сѣкуторъ говорилъ: „на что больнѣе, вѣдь смотрите какъ онъ вертится“, и ударялъ по завороченному тулупу. Мы тоже не оставались безъ дѣла, шикали, иногда смѣялись даже общимъ хоромъ. Михаилъ Яковлевичъ, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ свою шапку и, выходя изъ класса, сказалъ: „посидите, погодите, у меня узнаете, что значить меня не слушаться“. Мы проказничали, конечно, по общему, такъ сказать, заговору, но относительно этого дня насъ ободряло то, что, какъ мы знали, смотрителя дома не было. А мы надѣялись, что завтра авось не вступятся ли за насъ наши учителя, особенно Гороховъ. Михаилъ Яковлевичъ, не найдя смотрителя, вышелъ на крыльцо и остановился въ раздумьи, что ему дѣлать? Тутъ на нашу бѣду отецъ протопопъ явился изъ гостей, гдѣ онъ немножко подгульнулъ. Услыхавши отъ раздраженнаго Михаила Яковлевича повѣсть о нашемъ бунтѣ, вѣроятно съ преувеличеніями, протопопъ закричалъ: „Трояновъ, Трояновъ, сюда“, и скоро явился къ намъ въ сопровожденіи Михаила Яковлевича, Троянова и его плети. „Ахъ вы, меринятники, кобылатники, черти, дьяволы, разбойники! Вотъ что придумали! Вы такъ-то и со мною станете дѣлать! Вотъ я васъ!“ И принялся онъ за вышекласныхъ, начавши со старшаго Богородицкаго. Пришелъ онъ къ намъ уже въ четвертомъ часу, да и не любилъ, какъ я сказалъ выше, сѣчь въ два ряда съ подготовкою; отъ этого дѣло шло не очень быстро и когда ударили въ коловоль къ вечернѣ и классъ нашъ окончился, то еще вышекласные не всѣ были высѣчены. Протопопъ видѣлъ, что ему чуть не цѣлый часъ еще придется присутствовать при эзекуціи; вѣрно прискучило, или хотѣлось отдохнуть; только, покончивъ съ вышекласными и высѣвши двухъ нашихъ старшихъ, онъ сказалъ Михаилу Яковлевичу: „ну, а съ этими, указывая на насъ, вы сами раздѣляйтесь, я вамъ показалъ какъ ихъ усмирять. А вы, мошенники, вздумайте только не слушаться

Михаила Яковлевича, отпорю не на животь, а на смерть, небу будетъ жарко! Эй, смотрите, не дразнить меня!" По уходѣ оратора Михаилъ Яковлевичъ нѣсколько времени оставался въ раздумьи, оканчивать ли ему экзекуцію. Но въ соборѣ ему надобно было служить вечерню, да и достаточнаго количества розогъ онъ не предполагалъ въ запасѣ. И потому, въ заключеніе, сказалъ намъ: „ну смотрите, завтра утромъ приходите въ семь часовъ, да слышите, приходите, я до звонка съ вами рассчитаюсь. Если кто не послушается, тому вдвое достанется“. Разумѣется мы вышли изъ класса повѣся, какъ говорится, носъ.

По утру къ назначенному времени мы собрались и другъ отъ друга узнали, что старшій приходскаго училища Быстровъ вмѣстѣ съ другими товарищами и вчера приготовлялъ и теперь приготовляетъ для насъ розги; впрочемъ услужливые приходскіе, когда мы шли мимо ихъ класса изъ сѣней, намъ съ удовольствіемъ показывали приготовленные уже розги и, помахивая ими, жестами давали знать какъ станутъ сѣчь насъ. Михаилъ Яковлевичъ немножко позапоздалъ, зашелъ сначала не надолго въ свое приходское, а потомъ оттуда пожаловалъ и къ намъ. Мы было вздумали умиловить своего почтеннаго наставника, стали на колѣна и слезно просили простить насъ, увѣряя, что съ этихъ поръ будемъ самыми послушными учениками; но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынь. „Всѣ ли собрались?“ былъ первый вопросъ Михаила Яковлевича; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подтрунить надъ нами. „Что вы стоите на колѣнкахъ? вставайте, пойдемте къ намъ въ гости; тамъ Быстровъ приготовилъ для васъ славное угощеніе. Добромисловъ, Соловьевъ! сказалъ нашимъ старшимъ, ведите ихъ въ приходское, тамъ васъ всѣхъ поучать, какъ нужно сѣчь лѣнтыевъ, а то вы разучились, ну ступайте“. Разумѣется, мы потянулись вереницею. Вошедши въ приходское училище, мы увидѣли приготовленія, сдѣланныя для приѣма насъ; скамьи и столы отодвинуты были какъ можно ближе къ стѣнамъ, а одинъ столъ даже стоялъ на другомъ, чтобы оставить свободное мѣсто, куда намъ и приказано было столпиться. Приходскіе уже не сидѣли на своихъ мѣстахъ, а стояли на лавкахъ и столахъ; долженствовавшіе же исполнять разныя обязанности при экзекуціи расположились на срединѣ класса и всѣ вообще съ торжествомъ посматривали на насъ. „Что это

Михаилъ Яковлевичъ, сказалъ его любимецъ старшій, зачѣмъ къ намъ пришли низшеклассные?" „Да вотъ захотѣлось имъ у насъ посидѣть, свой классъ вѣрно надоѣлъ имъ, отвѣтилъ Михаилъ Яковлевичъ“. „Нѣтъ, возразилъ Быстровъ, не посидѣть, а полежать“. Эта острота заставила всѣхъ приходскихъ громко засмѣяться и самого Михаила Яковлевича улыбнуться. Но времени немного оставалось до звонка, надобно было поспѣшить. И потому Михаилъ Яковлевичъ сказалъ нашимъ старшимъ: „становите-ка ихъ въ два ряда, а ты, Быстровъ, распорядишься, чтобы они были готовы, я сейчасъ пойду къ отцу протопопу“. Михаилъ Яковлевичъ ушелъ, а насъ начали вызывать; каждого вызваннаго подхватывали помощатели, становили въ рядъ, раздѣвали и по одному изъ ряда расположили на полу держатели; сѣкуторы съ розгами въ рукахъ стали съ боковъ и начали щекотать; держателямъ тоже захотѣлось поглаживать и пощипывать, и помощатели одною рукою похлопывали по обнаженнымъ частямъ стоявшихъ въ рядахъ; вся приходская публика торжествовала и смѣялась; то тамъ, то здѣсь раздавалось: „ну, что, господа низшеклассные? у васъ вѣдь не сѣкутъ по голому тѣлу, зачѣмъ же вы здѣсь позволили себя раздѣть?“ Тутъ какой нибудь шутникъ острилъ: „да они раздѣлись, чтобы къ банѣ приготовиться, вонъ смотрите-ка сколько для нихъ вѣшниковъ лежитъ, только листья всѣ оборваны, за то крѣпче прильнуть“. Намъ, разумѣется, было не до отвѣтовъ. Михаилъ Яковлевичъ скоро возвратился; онъ, какъ мы узнали, ходилъ спросить протопопа какъ больно насъ высѣчь; должно быть получилъ разрѣшеніе давать не менѣе 30 и не болѣе 50, потому что эти числа были minimum и maximum ударовъ, получившихся нами. Взглянувши на всю обстановку, Михаилъ Яковлевичъ сказалъ: „ну-ка, начинайте, да хорошенько“. Поощрять, впрочемъ, не было надобности; приходскіе и сами собою не дали бы, по русской поговоркѣ, охулки на свои руки; а для насъ отобранны были самые лучшіе сѣкуторы. И знатно же насъ угостили! Многіе изъ насъ долго не могли собраться съ духомъ, чтобы исправить весь костюмъ свой, хотя насъ торопили это поскорѣе покончить, Михаилъ Яковлевичъ вполнѣ остался доволенъ своею побѣдою и въ этотъ день, не смотря на субботу, никого изъ приходскихъ не высѣлъ.

Съ этихъ поръ и мы, и вышеклассные совсѣмъ оставили всякую оппозицію Михаилу Яковлевичу, сдѣлались послушнѣй-

шими его учениками, а онъ съ своей стороны не преминулъ воспользоваться предоставленными ему правами. На колѣна онъ почти пересталъ ставить насъ, но за то другая часть тѣла расплачивалась за всѣ наши провинности. За экстренные, такъ сказать, проступки наказывалъ насъ розгами Михаилъ Яковлевичъ тотчасъ же, но относительно уроковъ попрежнему доставлялъ смотрителю списокъ нашихъ ѳрансовъ, нонтотовъ, несціенсовъ и проч.,—и получалъ высочайшее разрѣшеніе отпороть насъ по данной резолюціи. Къ вышекласнымъ были посланосходительнѣе, нежели къ намъ; о нихъ списки представлялись не чрезъ 3—4, а чрезъ 6—8 недѣль; впрочемъ, можетъ быть, и потому, что у нихъ гѣвческихъ классовъ было вдвое меньше, нежели у насъ. Другая привиллегія состояла въ томъ, что для наказанія насъ сначала всегда приглашались приходскіе съ приготовленными у нихъ же розгами, а иногда, въ величайшему нашему горю, виновныхъ требовали въ приходскій классъ и тамъ уже съ ними раздѣльвались, тогда какъ до вышекласныхъ не касались уже руки приходскихъ; при наказаніи ихъ дѣйствующими лицами были или сами вышекласные, или низшекласные. Намъ, разумѣется, не нравилось такое раздѣленіе, мы стали упрашивать Михаила Яковлевича не дѣлать приходскихъ свидѣтелями и исполнителями наказаній нашихъ, обѣщались ему служить уже вѣрою и правдою и не щадить другъ друга. „Если же кто станетъ плохо сѣчь и держать, или приготовить плохую лозу, говорили мы, то съѣйте его какъ угодно“. Почтенный педагогъ снисошелъ на наше слезное прошеніе, но все таки, вѣроятно для памяти, иногда приглашалъ приходскихъ посѣчь насъ. Такимъ образомъ война наша съ Михаиломъ Яковлевичемъ кончилась постыднымъ, обиднымъ и болѣзненнымъ для насъ поражениемъ. Приходскіе взяли верхъ надъ нами. Любезные мои товарищи дожили, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда они вновь восторжествовали надъ своими врагами. По переходѣ въ высшее отдѣленіе, они сдѣлались вполне независимы отъ Михаила Яковлевича, а новые низшекласные, бывшіе приходскіе, подчинены были вышекласному старшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ хоть отчасти и его товарищамъ. Я же не былъ участникомъ въ этомъ торжествѣ, потому что, какъ скажу ниже, меня перевели въ Рязанское училище.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ ¹⁾).

IX.

№ 2372. Тетрадь въ большой почтовый листъ, въ темномъ сафьяновомъ переплетѣ. Сзади помѣта: «въ сей книжкѣ писанныхъ и номерованныхъ листовъ 69». Конецъ вырванъ и тетрадь оканчивается 66-мъ листомъ; одинъ листъ съ рисункомъ между 55-мъ и 56-мъ листами не занумерованъ, такъ что всѣхъ листовъ 67.—Листъ 22-й склеенъ изъ двухъ еще самимъ Пушкинымъ: «Полтава» идетъ безъ перерыва на 22₁ и 22₂. Листъ 35 отрѣзанъ г. Анненковымъ для снятія факсимиле; на листѣ его-же надпись: «тотъ-же листокъ перебѣленный Пушкинымъ», и синимъ карандашъ: «Приложеніе IV». См. Матеріалы.

1—41. Полтава, начисто переписанная, но потомъ во многихъ мѣстахъ испещренная поправками. Ссылки на примѣчанія, но самыхъ примѣчаній нѣтъ. Поэма тутъ оканчивается стихомъ: съ роднымъ прощаясь рубежемъ. [И. 169—215; см. № 2371].

42,—43. Запѣтка о Борисѣ Годуновѣ, несовѣмъ точно и неволею напечатанная г. Анненковымъ [Матеріалы, стр. 137; см. V, стр. 73]. Привожу поправки печатнаго текста, выписывая соответствующія мѣста.

«Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія ²⁾ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. (Я писалъ въ строгомъ уединен-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 325—354; июнь, стр. 533—572, томъ XLIII, июль, стр. 1—54.

²⁾ Было: оживить въ формахъ драматическихъ; потомъ оживить зачеркнуто и сверху написано облечь, а два другія слова остались безъ поправки.

нив) не смущаемый никакимъ (чуждымъ)¹⁾ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его волнномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину» и т. д.

Послѣ словъ: «труды мои были ревностны и добросовѣстны», зачеркнута фраза: находясь въ уединеніи, несмущаемый никакимъ постороннимъ вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики.

Нѣсколько дальѣе... старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно и пр.

Еще: ...нашему театру приличны народные законы драмы Шекспира, а не придворный обычай трагедии Расина.

Послѣ словъ: замедлить преобразование нашей сцены,—въ скобкахъ поставлена фраза: Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведение лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано.

43. Какъ непосредственное продолженіе предыдущихъ замѣтокъ идутъ замѣчанія, почему-то сообщенныя г. Анненковымъ, какъ какіе-то отрывки съ раздѣленіемъ цифрами [Матер. 138, V, 74]. На этой страницѣ написаны [одинъ за другимъ] замѣчанія, обозначенныя у г. Анненкова—1 и 2.

44. Продолженіе замѣтокъ о Борисѣ Годуновѣ; первая фраза этой страницы сообщена г. Анненковымъ подѣ цифрой—3, при чемъ за первой фразой поставлено «и проч.», а въ «прочемъ» мы встрѣчаемъ очень интересное для характеристики Пушкина сознаніе. Выписываю все содержаніе страницы.

«Нашедъ въ исторіи одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, сои атоге, но (безо всякой дворянской спѣсѣ). (Если-бы изъ этого можно было заключить о моей спѣсѣ, то я)... Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсѣ была самое смѣшное. (Древнее русское дворянство не можетъ быть уважаемо)—аристокрацію нашу составляетъ дворянство новое, древнее-же пришло въ упадокъ; [его] права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія мнѣнія давно раздроблены, уничтожены и никто даже еслибы.... и проч. Принадлежать къ такой аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмыслии или [въ] подражаніи иностранцамъ.—Рисунокъ: женское лицо, карандашомъ.

Съ 45 по 66 все написано верхомъ внизъ, т. е. Пушкинъ писалъ

¹⁾ Надписанное слово не разобрано.

съ обратной стороны тетради; поэтому и я привожу страницы въ обратномъ порядкѣ.

66. Черновой набросокъ:

Когда въ объятіи мои...

и т. д. III. 204.

66. Сверху карандашомъ черновые стихи на ту-же тему, какъ предыдущіе.

(Повѣрь, безумныя) забавы
 Души не трогаютъ моею,
 И суета безумной славы,
 Я полюбилъ ¹⁾.
 И.
 Не упрекай меня другъ нѣжный...

Затѣмъ чернилами сдѣланъ расчетъ предполагаемаго изданія сочиненій.

Онѣгинъ, I—IX ²⁾.

I часть.	
Предисловіе.	
Русланъ и Людмила . . .	3,000 [т. е. рублей]
Кавказскій плѣнникъ.	600
Братья разбойники.	300
Бахч. Фонтанъ	600
Цыганы	600
Графъ Нулинъ	600
	5,700
II. Полтава	1,500
Онѣгинъ	4,000
	5,500
III. Трагедія съ нотами и съ предисловіемъ .	3,000
IV. Мелкія стихотворенія...	

Сначала предполагалось раздѣленіе на V томовъ, и, начиная съ Братьевъ Разбойниковъ, отмѣчевъ II томъ, но потомъ эта отмѣтка зачеркнута и всѣ послѣдующія цифры томовъ измѣнены.—Съ боку еще цифры, имѣющія отношенія къ расчетамъ по изданію.

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ неконченный стихъ.

²⁾ Въ подлинникѣ одна подъ одной выписаны всѣ цифры съ I по IX, обозначающія главы романа.

65,—62. Эти страницы заняты тѣмъ несомнѣнно имѣющимъ автобиографическій характеръ отрывкомъ, который Пушкинъ почему-то озаглавилъ—(«съ французскаго») ¹⁾. [IV, 435]. Впервые этотъ интересный отрывокъ напечатанъ г. Анненковымъ, но крайне небрежно, неточно. Г. Анненковъ во многихъ мѣстахъ мѣняетъ или переставляетъ слова; укажу нѣсколько примѣровъ ²⁾. На 436 стр. напечатано: гдѣ я вижу все и всѣхъ,—въ рукописи—всѣхъ и все; стр. 437 до Кронштата есть у меня занятіе,—въ подлинникѣ—есть для меня; тамъ-же: сегодня это была новость домашняя, завтра будетъ площадная,—словъ была, будетъ—нѣтъ въ подлинникѣ.—На стр. 438: у насъ пріуготовляются къ семейному счастью публичными объявленіями,—въ подлинникѣ—семейственному, печатными.—Кромѣ того г. Анненковъ пропустилъ нѣсколько фразъ и отдѣльныхъ словъ. Выписываю точно по рукописи эти мѣста, искаженные у г. Анненкова. [Стр. 435]. «Участь моя рѣшена, я женюсь... Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ, все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значить.

«Дѣло состоитъ въ томъ, что я боялся не одного отказа. Одинъ изъ моихъ пріятелей говаривалъ: не понимаю, какимъ образомъ можно свататься, если знаешь навѣрное, что не будетъ отказа.

«Жениться! легко сказать... и т. д. Спросите ихъ, что такое бракъ, въ отвѣтъ они скажутъ пошлую эпиграмму.

«Я женюсь, т. е. жертвую независимостью..... уединеніемъ, непостоянствомъ. И такъ я [удваиваю] жизнь, и безъ того не полнуд.

«Пока я не женатъ, чтò значать мои обязанности? Есть у меня больной дядя—и т. д.—...счастія тутъ не нужно. 12 мая». [Стр. 436. Помѣта эта относится въ подлинникѣ къ первому отрывку, какъ слѣдующая—13 мая—ко второму; третій безъ помѣты].

[Стр. 437]... «и разбирается въ журналахъ дураками.

«...Кто знакомаго бухарца съ шалами.

«Иные беспокоятся о многочисленности будущаго моего семейства и предлагаютъ мнѣ 12 дюжинъ перчатокъ съ портретомъ М-ле Зонтагъ.

«Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже непріятеля, обхожденіе молодыхъ дѣвушекъ, и т. д.

На 65 и 64, съ боку цифры, представляющія денежные расчеты.

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Дѣлаю ссылку по послѣднему изданію, воспроизведшему съ точностью текстъ г. Анненкова [VII. 139—141]. В. Я.

61. Черновое письмо къ неизвѣстному лицу:

«Я охотно взялся-бы выкупить (векселя)... (но слѣдующія вамъ 24,800 рубл. обязанъ выплатить въ теченіи 4 лѣтъ ¹⁾)—но срокъ онимъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣд... Я никакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все что могу, за вашъ двадцатипятитысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% за годъ, т. е. 18 тысячъ рублей... Въ такомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ и я не премину чрезъ васъ или чрезъ кого вамъ будетъ угодно доставить вамъ»...—На этомъ письмо обрывается.

61. Опять [см. 66.] планъ изданія сочиненій и денежные расчеты. Привожу главное.

I томъ.

Русланъ.	3,000	10 [т. е. листовъ]
Кавк. Плѣн. .	600	5
Брат. Разб.	300	2
Бахч. . . .	600	5
Цыганы	600	5
Графъ Н.	600	5
Октавы.	[700?]	32
	<u>6,400</u>	

II томъ.

Овѣгнѣ	I .	500
	II .	500
	III	600
	IV	600
	V	600
	VI .	600
	VII .	600
	VIII .	600
	IX .	600
Полтава	I .	300
	II .	500
	III .	500
		<u>6,500</u>

III томъ.

Трагедія.	15 [листовъ.]
Мелкія стихотв.	20
	<u>35</u>

¹⁾ Скобки Пушкина.

Сцены.

[Общій щеть листовъ:]

55

35

32

122

Рисунки: двѣ женскія фигуры.

60. Карандашомъ, съ чернильными поправками, черновое письмо къ невѣстѣ.

«Je voudrais pouvoir esperer, que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavad—(mais c'est avec delice que j'obei à vos ordres); me voila donc à Moscou si triste, si ennuyese, lorsque vous n'y etes pas; je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikitskaja, encore moins de venir demander de nouvelles... Vous ne saurais imaginer l'angoisse que me donne votre absence, je... d'avoire quitté Z[avad?] Toutes mes craintes reviennent plus vives et plus noires. (Que sais-je?) Je voudrais esperer etc. Je compte les quarts d'heures que me separent de vous..»

Рисунокъ: лицо, чернилами.

60. Карандашомъ программа статьи: «О новѣйшихъ романахъ. Barnave.....; Eugène Sue; De Vigni; Hugo; Balzac, scène..... contes..... Musset, tables de nuit.—Поэзія французская.—Byron.—Муравьевъ, Полевой (Полевой—романистъ) ¹⁾, Свиньинъ, Карамзинъ».—Затѣмъ ве верхомъ внизъ черновое письмо къ гр. Чернышову [VII, стр. 407, № 1].—Рисунокъ: голова.—Далѣе нѣсколько листовъ вырвано.

59. Половина листа оторвана вдоль.—Карандашомъ вдоль: «Д. говоривать, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ-бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что къмъ написано»

«Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изясняетъ и утверждаетъ его обычанъ».

59. Карандашомъ черновая записка: «получивъ отъ вашего превосходительства извѣщеніе о выборѣ гг. См. и Бар. въ члены Россійской Академіи, спѣшу доставить вамъ избирательный свой голосъ. Съ глубочайшимъ»...

Поперекъ чернилами черновое стихотвореніе, неподдающееся моему чтенію; повидимому это набросокъ къ сказкѣ о Мертвой Царевнѣ, судя по листу 58, гдѣ именно находимъ отрывки изъ названной сказки, тоже неразборчивые.—Затѣмъ вырѣзано.

¹⁾ Скобки Пушкина.

57₂—56₂. «Цезарь путешествовалъ»... IV. 458. № 1.—Поправки: —...вслѣдствіе ненавистнаго обвиненія. Мы были поражены ужасомъ, одинъ Петроній равнодушно выслушалъ.—На 56, еще вдоль черновые стихи изъ Мертвой Царевны.

56₁. Не верхомъ внизъ.—Черновое письмо къ И. И. Дмитріеву.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Имѣвъ всегда счастье пользоваться благосклонностью вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбою.—Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева собственныя письма Екатерины, Бибикова, Румянцова, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ, (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) ¹⁾, вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу-ли надѣяться, что вы, м. г., не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, конхъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины?

Съ (глубочайшимъ почтеніемъ) и совершенною преданностью честь имѣю быть, м. г., вашего высокопревосходительства покорнѣе....

55_{а2}. [незанумерованъ], 55_{а1} и 55₂ даютъ повторенія приблизительно одного и того же рисунка: холмъ, вода, [лодка], на холму строеніе, [дерево].

55₁. Опять черновая изъ Мертвой Царевны.—Дальше вырвано.

54₂—46₂. Изъ «Мѣднаго Всадника» черновыя. См. № 2374 и № 2375.

Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ...

и т. д. [III 362]. Начиная съ 51₂ все въ два столбца.—На 52₂ послѣ стиха: насмѣшка неба надъ землей—помѣта—«30 октября».

46₁. Тоже два столбца; одинъ изъ Мѣднаго Всадника, до конца.—III. 370, другой изъ Мертвой Царевны.

45₂ и 45₁. Изъ Мертвой Царевны. Рисунокъ: на 45₂ голова собаки.

¹⁾ Скобки Пушкина.

X.

№ 2373. Большая тетрадь въ листъ, синей бумаги [водяной знак—1828], въ бумажномъ переплетѣ съ тѣмъ-же ярлыкомъ; тетрадь очень толстая, около 80 писанныхъ листовъ, но писанныхъ менѣе трети; на одномъ изъ послѣднихъ листовъ опекунская надпись, считающая писанныхъ листовъ 43; красныхъ нумерацій двѣ, начинающихся съ разныхъ концовъ книги; одна изъ нихъ насчитываетъ 41 листъ, другая тоже 43. Всѣ эти счеты невѣрны. Всѣхъ листовъ на самомъ дѣлѣ—47: пять листовъ въ разныхъ мѣстахъ пропущены безъ номера. Я буду приводить цифры листовъ по красной нумераціи, считающей 43 и начинающейся не съ той стороны, съ которой идетъ черная нумерація, а съ обратной. И такъ начинаю не съ той стороны, гдѣ ярлыкъ.

1, и 1₃. Черновое начало стихотворенія, доселѣ не напечатанное:

Мѣдокъ.

(Мѣдокъ въ Уаллахъ ¹⁾).

Попутный дуетъ вѣтръ.—Идетъ корабль,—
 Во всю длину развѣты флаги, вздулись
 Вѣтрила всѣ, — идетъ, и предъ кормой
 Морская пѣна раздается.—Многимъ
 Наполнилася грудь у всѣхъ пловцовъ.
 Теперь, когда свершенъ опасный путь,
 Родимый край они узрѣли снова;
 Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,
 И въ тишинѣ [отрадной] ему рисуется
 Мечта, давно знакомые предметы,
 Заинь и мысль, — цѣла недвижны очи,
 Не заболать. Другой товарищу
 Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной,
 И Господа благодаритъ, и въ радости рыдаетъ.
 Другой, безмолвную твоя молитву,
 Угоднику и Дѣвѣ Пресвятой,
 И милостивъ, и дальнихъ поклоненій
 Старинные обѣты обновляетъ,
 Когда найдетъ онъ все благополучно.
 Задумчавъ нѣмъ и ото всѣхъ далеко
 Самъ Мѣдокъ погруженъ въ моленьяхъ
 О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
 То въ горестныхъ предчувствьяхъ и мечтахъ.
 Прекрасенъ вечеръ, и попутный вѣтеръ
 Межъ вервей. , корабль надежный быстро
 Бѣжитъ, шума межъ волнъ.

Садится солнце...

¹⁾ Т. е. въ Уэльсѣ? Пушкинъ, повидимому, принялъ Walls за множественное число и перевелъ Уаллы. В. Я.

2₁. Двѣ французскія замѣтки по поводу Бориса Годунова. Первая изъ нихъ сообщена была г. Анненковымъ [см. V, 72]; вторая же имъ пропущена ¹⁾. Вотъ она:

Lorsque j'écrivais cette tragedie j'étais seul à la compagne ne voyant personne, ne lisant que le journaux etc... d'autant plus volontiere que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scene; je vis que j'étais dans l'ereur; j'aprouvais avec une grande repugnance à... au publique ma tragedie. Je voulais au moins la faire précéder d'une preface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout celà fort inutile.

2₂.—неписанная страница.

3₁.—12₁. Черновая «Галуба».—II. 254 и слѣд.—На 5, находится программа: 1. Похороны 2. Черкесь-христианинъ и т. д. Исполненные номера программы зачеркнуты, а потомъ снова выписаны нѣсколько въ сторонѣ.

На 11₂ черновой малоразборчивый отказъ старика, отца невѣсты, на предложеніе Тазита:

Ему внималъ старикъ угрюмѣ,
Главою бѣлой покачалъ.
И мрачно . отвѣчалъ ²⁾:
Я не отдамъ моея орлицы
Тому, кто въ бой идти не смѣеть,
Кто мстить за брата не умѣеть.
Кто робокъ даже предъ рабомъ,
Кто изгнанъ и проклятъ отцомъ.

Рисунки: 4₁.—осѣдланый конь, безъ всадника, скачущій по скалѣ, подъ его ногами змѣя,—содержаніе рисунка понятно [дальше [мы увидимъ въ этой-же тетради черновыя «Мѣднаго Всадника»]—Пушкинъ не рѣшился нарисовать всадника, котораго онъ такъ совершенно изображалъ въ стихахъ.—На 5₁.—лицо; на 6₁.—лица и деревья; на 9₁.—скала; на 11₁.—черкесь на корточкахъ, передъ нимъ ружье, противъ него монахъ съ длинной бородой: рисунокъ, относящійся къ программѣ Галуба.—На 11₂.—птицы; на 12₁, [оборванный снизу листъ]—лица.

13₁.—14₁. Прозаическій отрывокъ, въ видѣ діалога, о положеніи литературной критики; отрывокъ этотъ отмѣченъ звѣздочками въ началѣ и въ концѣ, т. е. предназначался къ вставкѣ въ неизвѣстный разговоръ [можетъ быть въ тотъ разговоръ, который мы находимъ въ № 2328, л. 94.]. По содержанію ср. этотъ отрывокъ съ замѣткой V. 116. № 1.

¹⁾ Г. Анненковъ, сообщая первый изъ этихъ отрывковъ, замѣтилъ только [Мат., 150], что онъ предназначался Пушкиннымъ для предисловія къ Борису Годунову: замѣчаніе совершенно неосновательное; второй отрывокъ, пропущенный г. Анненковымъ, находящійся на той-же страницѣ, прямо говоритъ, что Пушкинъ въ то время рѣшилъ уже не писать предисловія.

²⁾ Неоконченный стихъ; вар.: махнулъ рукой.

* Тѣмъ хуже для литературы... Еслибы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась-бы не тѣмъ, чѣмъ она есть. Не любопытно-ли было-бы, напримѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К... объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно-ли было-бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ. Затѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ.

— Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности—истинная критика для нея незанятельна, она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами.

— Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, аплодирую тому, кто сбиль своего противника. Еслибы я былъ авторъ, то почелъ бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалууну метать въ тебя грязью! Посмотрите на Англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentleman и стрѣляться на кухонрейтерскихъ пистолетахъ—или снять съ себя фракъ и вох'оватъ на перекресткѣ съ извозчикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

— Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно, и писатели вашего круга не читаютъ русскихъ журналовъ и не знаютъ, хвалить-ли ихъ или бранить.

— Извините, Пушкинъ читаетъ всѣ №№ Вѣстника **, гдѣ его ругаютъ, что значитъ, по его энергическому выраженію,—подслушивать у дверей, что говорится объ немъ въ прихожей.

— Куда какъ любопытно!

— Любопытство по-крайней мѣрѣ очень понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

— Но сатира не критика, эпиграмма не опроверженіе. Я молочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи *.

14.—неписанная страница.

15.

Гл. I.

А въ вѣнастые дни

Собирались они

Часто

Гнули — — — [sic]

Отъ пятидесяти

На сто

И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.

Рукописная баллада.

[Это отрывокъ изъ извѣстной пѣсни—«Знаешь тѣ острова»—принадлежащей многимъ авторамъ; Пушкинъ выписалъ его какъ эпиграфъ къ слѣдующему затѣмъ прозаическому отрывку].

«Года 4 ¹⁾ тому назадъ собралось насъ въ Петербургѣ нѣсколько молодыхъ людей, (недавно сближенныхъ) между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно беспорядочную. Обѣдали у Андріе безъ аппетита, пили безъ веселости, ѣздили къ С. А. (безъ нужды), побѣсить бѣдную старуху притворной разборчивостью; день проводили кое-какъ, а вечеромъ по очереди собирались другъ у друга (и всю ночь проводили за картами)»...

Для «Пиковой Дамы» [IV, 345] Пушкинъ, какъ извѣстно, взялъ этотъ же эпиграфъ: не представляетъ-ли данный отрывокъ первоначальный приступъ къ «Пиковой Дамѣ»?

15, — неписанная страница.

16, . Прозаическій отрывокъ:

«Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось; король Шведскій думалъ о замиреніи. Послѣдняя опора Марини, Заруцкій, злодѣйствовалъ въ отдаленномъ краю Россіи. Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ новаго царя. Выборные люди ото всего государства стеклись въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться, помнили горькія послѣдствія двухъ недавнихъ выборовъ. Многие бояре не уступали въ знатности родамъ Шуйскихъ и Годуновыхъ; каждый думалъ о себѣ, или о родственникѣ; вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Ѳеодора Никитича, нѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, въ царствованіе Лжедмитрія (1605) ²⁾ изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на степень митрополита Ростовскаго и прославившаго свое иноческое имя въ исторіи нашего отечества.

16, — неписанная страница.

17, . Продолженіе:

Отецъ Ѳеодора Никитича, Никита Романовичъ (былъ женатъ) на сестрѣ царя Іоанна Васильевича [sic!], (и слѣдовательно) юный Михаилъ

¹⁾ Было: года два, лѣтъ пять.

²⁾ Скобка Пушкинна.

по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Иоанна Васильевича. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталъ онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матеріею своею, Ксеноіею Ивановной, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марѣи постриженной въ пустынномъ Олѣжскомъ монастырѣ (подъ именемъ инокини Марфы) ¹⁾.

Лжедмитрій (опредѣлнъ имъ приличное роду ихъ содержаніе) ²⁾, перевелъ ихъ въ Костромской Ипатской монастырь.

Рисунокъ: женская фигура въ фижахъ.

17₂—неписанная страница; затѣмъ одинъ листъ вырванъ.

18₁ и 18₂. Отрывокъ повѣсти.

Теперь позвольте мнѣ покороче познакомить васъ съ героиней моей повѣсти.

Въ одной изъ etc. [sic].

«Шарлота Миллеръ была четвертая дочь обрусѣвшаго нѣмца). Отецъ ея былъ нѣкогда купцомъ второй гильдіи, потомъ антекаремъ, потомъ директоромъ пансіона, наконецъ, корректоромъ типографіи, и умеръ оставивъ женѣ кой-какіе долги и довольно полное собраніе бабочекъ и насѣкомыхъ. Онъ былъ человѣкъ добрый и имѣлъ много основательныхъ свѣдѣній, которыя ни къ чему хорошему не привели. (Вдова его расплатилась съ табачной лавочкой и стала кормиться съ Шарлотой трудами своихъ рукъ). Германъ жилъ на одномъ дворѣ съ его вдовой, познакомился съ Шарлотой, и скоро они полюбили другъ друга, какъ только нѣмцы еще могутъ любить въ наше время.

«Но въ сей день, или справедливѣе etc. И когда милая нѣмочка отдернула бѣлую занавѣску окна своего, Германъ не явился у своего васисдаса и не привѣтствовалъ ее обычной улыбкою.

«Отецъ его, обрусѣвшій нѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя маленькій капиталъ; Германъ оставилъ его въ ломбардѣ, не касаясь и процентъ, жилъ однимъ жалованьемъ.

«Германъ былъ твердо etc.».

Тутъ же карандашомъ изъ Родословной моего героя:

Вѣтеръ вылъ,
Дождь капалъ крупный, — мячень былъ
Ненастный вечеръ; — въ это время...

19. Надъ омраченнымъ Петроградомъ и т. д. III. 452; червякъ, варианты.

Начнемъ ab ovo...

и т. д.

¹⁾ Скобки Пушкина.

²⁾ Скобки Пушкина.

19. и 20. Продолженіе. — Рисунокъ: 19, — двѣ лошади; 20, — лошадь.

20. Продолженіе, строфа IV, [354]; варианты:

Тогда Езерскіе явились
 Опять въ чинахъ и при дворѣ
 При императорѣ Петрѣ,
 Одинъ изъ нихъ былъ четвергованъ
 За бунтъ стрѣлецкій ¹⁾, а другой,
 (Его племянникъ)...
 (Прощень и милостью окованъ)
 . . .
 И умеръ знатенъ и богатъ.
 Онъ на Голландкѣ былъ женатъ.

21. Продолжается такъ:

Петра не стало, государство
 Шатнулось будто подъ грозой,
 И усмирненное боярство
 (Его мочучею) рухой,
 Мятужной предалось надеждѣ:
 Пусть будетъ вновь, что было прежде,
 Долой кафтанъ кургузый; нѣтъ
 Примѣромъ намъ [не] будетъ шведъ!
 Не тутъ-то было. Тѣнь Петрова
 Стояла грозна средь вельможъ,
 Что было, не возстало снова,
 Россія двинулась впередъ, —
 Вѣтрила тѣжъ средь тѣхъ же водъ.

* * *

И тутъ Езерскіе возились.
 Въ связи то съ этимъ, то съ другимъ,
 На счастье Меньшикова злились,
 Хитрили съ (злымъ) Трубецкимъ,
 И Биронъ, деспотъ непристойный,
 Смирять ихъ родъ неугомонный,
 И Долгорукіе князья
 Бывали имъ (враги), друзья.

Рисунки: 20, — гора; 21, — лица.

21.

[Матвѣй] ²⁾ Арсеньевичъ Езерскій
 Елизаветой сосланъ былъ
 Въ свои помѣстья. Тамъ онъ жилъ...
 Имѣлъ онъ сына одного.

¹⁾ Было зачеркнуто, потомъ восстановлено; съ боку приписано: за связь съ Циллеромъ...

²⁾ Зачеркнуто: Степанъ. Иванъ.

(Отца героя моего) *) —

(Въ Екатерининъ славный вѣкъ)

Случайный, знатный человекъ

Езерскій

Былъ славенъ въ

Своимъ умомъ и злобой звѣрской

Рисунокъ: лицо. — Далѣе идетъ незаномерованный листъ, обозначимъ его — 21a.

21,а. Только два зачеркнутыхъ слова: (я посѣщу). — Карандашный рисунокъ: женская голова.

21a₂ — неписанная страница.

22, . Отрывочная замѣтка о книгѣ А. Н. Муравьева [Путешествія къ св. мѣстамъ. Спб. 1832].

(Въ 1829 году авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича. — За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военные дѣйствія прекратились). Вниманіе Европы было обращено на Адрианополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя 8 лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра. — Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду сметеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Иерусалимѣ, о.... св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Пареннона и Ликей. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. М. черезъ г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольной завистью прочли мы книгу Г-на М. — Здѣсь нѣтъ, говорить другой русскій путешественникъ.... — Но молодого нашего соотечественника привлекало туда не суетное желаніе обрести краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, (не надежда) найти насильственные впечатлѣнія для сердца усталого и пригнѣтеннаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться во прахъ передъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ travelse Грецію, одною великою мыслию, онъ не старается, какъ Ш. воспользоваться противоположностью мифологій Библии и Одиссея; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ (мимоходомъ) бесѣдуетъ съ . преобразователемъ Египта,

*) Скобки Пушкина.

проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обѣтованную землю, наконецъ съ высоты вдругъ видитъ Иерусалимъ....

На 23₁ еще изъ Мѣднаго Всадника:

На красныхъ берегахъ Невы
Шумять, сперлась толпа народа.

23₂. — неписанная страница.

24, французская черновая проза, исчерканная, не всегда разборчивая. Если это действительно письмо, то къ кому оно относится?

C'est au jourd'hui...., c'est l'anniversaire du jour ou je vous ai vu pour le premier fois, ce jour.... de ma vie, c'est...

Plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inseparable de la votre: je suis né pour vous aimer et vous suivre, toute autre soin de ma part est erreur ou folie. Loin de vous je n'ai que les remords d'un bonheur dont je n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que je... tout et que je vienne tomber a vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en... et la seule que me sourit et me ranime a milieu de mes mornes regrets. La je pourrais venir en pelirinage... autour de votre maison, vous rencontrer, vous entrevoir..

— Рисунки: лица; можетъ быть свой портретъ.

25₁. [Отдѣлена отъ 24 многими бѣлыми листами].—Предположенія по изданію журнала:

Контора подъ вѣдом. Редактора.

Подписка въ эксп. и въ почт.

Разсылка [по дом.].

Книги:

- 1) Подписная, билетовъ.
- 2) Поступающ. денегъ.
- 3) Книга прихода и расхода (Groszbuch) ¹⁾.
- 4) Отд. счетъ съ бумагой.
- 5) Книги съ разнощ. жалобъ.
- 6) Сотрудники.
- 7) Покупки.

Исполнитель.

Сотрудники

Дневникъ.

25₂. — неписанная. — Затѣмъ, раздѣленные многими неписанными листами, три листа нумерованныхъ; обозначимъ ихъ: 25а, 25б, 25в.

¹⁾ Скобки Пушкина.

31.

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
 Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
 Ужъ ведѣлю не видалась я съ тобой,
 Ровно семь дней какъ спозналась съ горемъ я,
 Мнѣ не взмилывался подружки мои,
 Игры, пѣсни, хороводы и ...
 Не по праву, не по мысли мнѣ пришла
 Я скиталась по темнымъ лѣсамъ,
 Въ темномъ лѣсѣ кипареечки поютъ,
 Мнѣ дѣвчонкѣ грусть придаютъ
 Ты не пой, кипареечка, въ саду
 Не давай тоски сердечку моему.

Во лѣсахъ во дремучихъ

— П. 381.—Далѣе одинъ листъ вырванъ.

32.—неписанная страница,

32. Черновой набросокъ:

Ты мнѣ велѣшь, мой строгій судя,
 На прежній ладъ настроя
 Давно забытаго героя,
 Когда-то бывшаго въ чести,
 Опять на сцену привести,
 Чтобъ...
 Ты говоришь
 Опѣгивъ живъ и будетъ онъ
 Еще не скоро скороневъ,
 О немъ вѣстей ты знаешь много.

33, и 33.—карандашомъ: Pomnik Piotra Wielkiego, [изъ Мидкевича].

34.—неписанная страница.

35, 35, и 34.—карандашомъ: Do przyjaciół moskali [изъ Мидкевича].

36.—неписанная страница.

41,—36, Z Mickiewicza.

Oleszkiewicz.

[все въ подлинникѣ].

42.—неписанная страница.

42. Прозанческій отрывокъ, карандашомъ.

Илья Петровичъ Нарумовъ долго былъ дворянскимъ предводителемъ одной изъ сѣверныхъ нашихъ губерній. Его званіе и богатство давали ему большой вѣсъ во мнѣніи помѣщиковъ-сосѣдей. Онъ былъ небалоранъ ихъ обращеніемъ, слишкомъ уже снисходительнымъ, и привыкъ давать полную волю порывамъ нрава, пылкаго и суроваго, и затѣямъ довольно ограниченнаго ума...

Не есть-ли это начало «Дубровскаго»? [IV. 139].

43.—неписанная страница.

43. Приказы: 1) Надворный вѣдалъ дѣла переносныя (cour de cassation) ¹⁾; Расправная палата (сенатъ); Золотая палата (вѣдала службу дворянъ); Приказъ посольскій, кромѣ дѣлъ иностранныхъ, вѣдалъ таможи, аптеки, врачей. Приказъ Большія казны—Департаментъ Удѣловъ ²⁾: Земскій—Управа Благочинія Московская. Житный, Монастырскій, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Ямской, Холопій; Казанскій дворецъ вѣдалъ царства Астраханское, Казанское и Сибирское; Каменный приказъ, учрежденный Годуновымъ, вѣдалъ постройку каменныхъ зданій. Сверхъ того временные приказы, напр. приказъ о прекращеніи разбоевъ.

При удѣльныхъ князьяхъ тиуны, судья, посадники, волостели, тысяцкіе.

Городничій—Дворской.

Губернскій предводитель—воевода, впоследствии Главный уѣздный судья, губной староста, судья, цѣловальникъ—засѣдатель уѣзднаго суда объѣздной—исправникъ. «Прикащикъ»—посадскій—предсѣдатель городской думы. Помѣстный прикащикъ—дворянскій предводитель, (сбывчиво, дурно) ³⁾.

— Последній листъ, красной цифрой [44] незаномерованъ, черная—1. Обозначимъ—44.

44.—неписанная страница.

44. Черновое письмо:

Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова, о времени Пугачева. — Вы ѣказали-бы мнѣ истинное благодѣяніе, если-бы позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоценностію. Будьте увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ требованіи.

Съ истиннымъ и проч.

Другое черновое письмо, вѣроятно, къ Бенкендорфу.

Les circonstances m'obligent à aller bientôt passer 2 ou 3-mois dans mes terres de Nijni Novgorod. Je voudrais en profiter pour faire un tour à Orenbourg et Perm que je ne.... pas encore.—Je supplie S. M. de me permettre de voir les archives de ces deux gouvernement.—
Ср. VII. 392.

Сообщ. В. Ш. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ этой замѣткѣ всѣ скобки Пушкина.

²⁾ Въ подлинникѣ: уѣздовъ.

³⁾ Скобки Пушкина.

Война съ польскими мятежниками 1831 года

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

XX ¹⁾.

Репортъ начальника отряда 1-го пѣхотнаго корпуса, ген.-маіора Мандерштерна.

24-го января 1831 г.

Для доклада главнокомандующему дѣйствующей арміи г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру графу Дибичу-Забалканскому, вашему сіятельству почтеннѣйше довести честь имѣю, что я сего числа въ 3¹/₂ часа по полудни былъ толикó счастливъ, что, не встрѣтя никакихъ затрудненій къ точному исполненію повелѣнія вашего сіятельства, занялъ городъ Августовъ.

Движеніе, произведенное мною къ занятію онаго по диспозиціи, (которую при семъ приложить честь имѣю), столь было скрытно и удачно, что жители города Августова и окрестныхъ мѣстъ узнали о моихъ движеніяхъ за два только часа до моего вступленія въ городъ и не успѣли зажечь сигнальные столбы, поставленные по дорогамъ.

Первый столбъ, поставленный при с. Ястрембно, былъ уже зажгаемъ поставленнымъ при ономъ на караулъ крестьяниномъ, но былъ уничтоженъ подполковникомъ Ситниковымъ; чрезъ сіе и прочіе остались безъ дѣйствія.

Съ приближеніемъ къ Августову, я послалъ Великолудскаго пѣхотнаго полка подполковника Ситникова и моего адъютанта штабсъ-капитана Степанова съ 25-ю казаками съ объясненіемъ воли государя и прокламаціями г-на фельдмаршала, который принять былъ жителями и ветеранами съ восторгомъ и восклицаніями, изъявляю-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, январь, стр. 93—122; февраль, стр. 381—400; томъ XLIII, іюль, стр. 149—156.

щими покорность законной власти. Всѣ чиновники и толпы жителей вышли на встрѣчу ко мнѣ и къ генераль-маіору Никитину, атаковавшему городъ въ одно время по дорогѣ изъ Райгорда, съ хлѣбомъ и солью, и препроводили войска, мною командуемая, въ городъ съ непрерывнымъ восклицаніемъ ура! и вивать императору и королю Николаю.

Войска, исключая малаго числа ветерановъ, состоящихъ при каналѣ (отъ начальниковъ конхъ рапорты въ оригиналѣ при семъ приложены) (?). Но 23-го числа поутру послано отсюда къ Варшавѣ 3,000 человекъ рекрутъ, а сегодня назначенъ былъ ночлегъ въ городъ Августово, шедшимъ изъ Маріанполя 3,500 рекрутъ, которые сей-часъ, по полученіи извѣстія о слѣдованіи моемъ, возвратились обратно въ г. Сувалки; почему для наблюденія и предполагая захватить ихъ на семъ пути, командировалъ я баталіонъ пѣхоты, эскадронъ гусаръ и 130 казаковъ подъ командою Клястицкаго гусарскаго полка маіора Купфера, которые, дойдя до с. Щербы, никого не нашли и возвратились съ извѣстіемъ, что вышеозначенные рекруты, раздѣляясь на многія партіи, разбрелись по направленію къ Маріанполю.

Въ г. Августовѣ по магазинамъ найдено часть фуража, порядочное количество провіанта солонины, сала и соли, которыя сей же часъ предписалъ я генераль-маіору Никитину запечатать;—освидѣтельствовать, равнымъ образомъ, казначейство и всѣ казенныя заведенія и польскія управленія, и завтрашняго числа представить подробныя вѣдомости.

Такъ какъ всѣ на лицо состоящіе офицеры, ветераны и чиновники по разнымъ частямъ правленія и по какому (?) объявляютъ желаніе продолжать свою службу, то я, не отстраняя оныхъ отъ должностей ихъ, передалъ ихъ (въ) совершенное веденіе генераль-маіора Никитива для приведенія посредствомъ оныхъ и вновь назначаемыхъ чиновниковъ военныхъ въ должной порядокъ и устройство городского правленія. Въ г. Сувалки я предложилъ генераль-маіору Никитину послать съ предписаніемъ къ тамошнимъ начальникамъ о сдачѣ оружія, о распущеніи рекрутъ, о запечатаніи и храненіи магазейновъ и продолженіи правленія по всѣмъ отраслямъ согласно манифеста государя императора.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ г. Августово схвачены казачьи аванпостами и развѣдами почта и естафеть, равнымъ образомъ и лично мною перехваченныя, во время слѣдованія моего къ Августову, нѣкоторыя бумаги польскаго правительства, которыя мною препровождены съ моимъ адъютантомъ къ его сіятельству г. главнокомандующему.

Завтрашняго числа отправляю увѣдомленіе къ его величества короля прусскаго генералъ-адъютанту Вицлебену о счастливомъ моемъ вступленіи въ г. Августовъ.

Развѣзды безпрестанно приводятъ со всѣхъ сторонъ большое число подводъ съ провіантомъ, предназначеннымъ для складки въ Августовскихъ и Ломвенскихъ магазейнахъ.

По извѣстіямъ, мною собраннымъ, въ Ломѣй войскъ никакихъ не находится, но имѣютъ большіе магазейны съ провіантомъ, фуражемъ и разными съѣстными припасами; о чемъ почтеннѣйше донести вашему сіятельству честь имѣю.

XXI.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 31-го января 1831 г.

[Переводъ съ французскаго]. Я получилъ вчера, любезный другъ, ваше письмо отъ 24-го числа и посылаю вамъ отвѣтъ съ адъютантомъ моимъ, генераломъ Глинкою, котораго я предназначаю для командованія резервной артиллеріей; я считаю его вполне къ этому способнымъ по его замѣчательной храбрости и особенному хладнокровію; оба эти качества неоцѣнимы; къ этому же онъ извѣстенъ въ своей части какъ прекрасный офицеръ. И такъ вы вступили въ Польшу; можетъ быть вы имѣли уже большія столоннованія, дай Богъ чтобы они стояли намъ какъ можно меньше крови. Я прочелъ съ особеннымъ интересомъ ваше донесеніе о состояніи войскъ, осмотрѣнныхъ вами, и радуюсь ихъ превосходному состоянію; я опасаюсь только, чтобы вопіющее состояніе дорогъ не изнурило вскорѣ кавалерію и въ особенности артиллерію и полагаю, что вы прекрасно сдѣлали, принявъ предписанныя вами мѣры. Но артиллерія гренадерскаго корпуса, будучи 8-ми орудійнаго состава, не подчинена вѣроятно этимъ распоряженіямъ.

Прокламація или, лучше сказать, подстрекательство къ дезертированію, сдѣланное въ Польшѣ нашимъ войскамъ, весьма гнусно и я того мнѣнія, что такъ какъ невозможно предотвратить, чтобы нѣсколько экземпляровъ ея не проникли въ армію, то лучше предупредить эту случайность, объявивъ объ ней войску, напомнивъ при этомъ солдатамъ долгъ чести въ нѣсколькихъ краткихъ, но энергичныхъ словахъ; вы можете даже сказать, что сообщаете о прокламаціи по моему повелѣнію какъ о новомъ оскорбленіи, нанесенномъ нашимъ

храбрымъ и преданнымъ войскамъ, о которомъ я желаю довести до нихъ свѣдѣнія.

Меня извѣщаютъ о томъ, что завтра возвратится Закревскій; я отправлю Энгеля какъ можно скорѣе, а вслѣдъ за нимъ пошлю Строгонова, жена котораго только что родила.

Вы знаете, кажется, что Косецкій находится въ Бреславѣ; это человѣкъ надежный, въ немъ сосредоточена вся администрація; я вызываю его сюда и пошлю его къ вамъ; онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ довѣрія и достоинъ назначенія членомъ временной администраціи ввѣреннаго вамъ генераль-губернаторства. Мортемаръ только что пріѣхалъ, весьма сконфуженный за прошлое, но особенно спокойный за настоящее и въ особенности за будущее, но по прежнему человѣкъ превосходный. Король желаетъ повидному добро; весь вопросъ въ томъ хватить-ли у него силъ выполнить это, между тѣмъ въ настоящее время онъ еще недостаточно силенъ и объ этомъ-то онъ и сообщаетъ намъ, чтобы мы могли прійти ему на помощь.

Извѣстія, получаемыя изъ Лондона, улучшаются съ каждымъ днемъ.

Здѣсь все идетъ хорошо; мы приступаемъ къ дѣятельному формированью резервовъ; въ непродолжительномъ времени третій батальонъ 1-го и 2-го, и гренадерскаго корпусовъ будутъ состоять изъ 700 человѣкъ съ 9 батареями, съ готовою упряжью къ 15-му марта. Новобранцы образуютъ въ дополненіе ко всему этому 4-й батальонъ и кромѣ того укомплектуютъ весь 3-й и 5-й корпусъ, равно какъ и резервные батальоны 3-го корпуса и 16-ю дивизію вмѣсто 14-й, которая не можетъ возвратиться такъ скоро. Все идетъ хорошо, во ради Бога будьте экономны, такъ какъ это обстоятельство болѣе всего стѣсняетъ насъ; вы уже стоите намъ болѣе 50-ти милліоновъ, 17 истрачены на подготовленіе къ войнѣ, остальное пошло на военныя издержки; цифра не малая.

Братъ постоянно пишетъ мнѣ, что онъ въ восторгѣ отъ вашего обхожденія съ нимъ и глубоко тронуть этимъ. Я чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что онъ оставляетъ сестру мою въ Бѣлостокѣ; что же касается его и васъ лично, то я приказываю *) вамъ принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности для вашей личной безопасности; не забывайте въ какой странѣ вы находитесь, и что угрожаетъ вамъ.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ; да направитъ и защититъ васъ Господь. Вашъ, на всегда искренно преданный Николай.

*) Три раза подчеркнуто Государемъ.

St.-Petersbourg, le 31 janvier 1831.

J'ai reçu hier, mon cher ami, votre lettre du 24 et je vous envoie la réponse par mon aide de camp le général Glinka, que je vous destine pour commander l'artillerie de réserve; je l'en crois tout à fait capable par sa bravoure distinguée et son extrême sang-froid, qualités précieuses; de plus c'est un officier connu pour bon officier de son arme. Vous voilà donc en Pologne; peut être des grands coups ont-ils déjà été portés; fasse le bon Dieu qu'ils coûtent le moins de sang possible. J'ai lu avec grand intérêt votre rapport sur l'état des troupes que vous avez passées en revue et me réjouis de leur bel état; je crains seulement que l'état affreux des routes ne mettent bientôt sur les dents la cavalerie et surtout l'artillerie et je crois que vous avez fort bien fait de prendre l'arrangement que vous avez prescrit. Celle des grenadiers cependant n'y aura pas pu être soumise n'étant qu'à 8 pièces.

La proclamation ou pour mieux dire la provocation à la desertion faite en Pologne à nos troupes est infâme et je serais assez d'avis, que comme il est impossible de prévenir que quelques exemplaires n'en parviennent à la troupe, de prévenir la chose en la faisant connaître d'autorité à l'armée avec quelques mots d'honneur courts mais énergiques; vous pouvez même dire que c'est par mon ordre que vous la communiquez comme une nouvelle injure à nos braves et fidèles troupes que je veux qu'elles connaissent.

L'on m'annonce pour demain le retour de Zakrefsky; je ferais partir Engel le plutôt possible et suivre par Strogonof, dont la femme ne fait que d'accoucher.

Vous savez, je crois, que Kossetsky est à Breslau, c'est un homme sûr, centre de toute l'administration; je le fais venir ici et vous l'enverrai; il est parfaitement fait pour mériter la confiance d'être membre de l'administration provisoire du gouvernement général qui vous est confié. Mortemart vient d'arriver, fort honteux du passé, peu tranquille pour le présent et surtout pour le futur, mais toujours excellent. Il paraît que le roi veut le bon, mais toute la question est en ce qu'il puisse en avoir la force, or il ne l'a pas encore, et c'est là ce qu'il nous fait dire pour que nous puissions l'y aider.

Les nouvelles de Londres deviennent de jour en jour meilleures.

Ici tout est bien; nous allons procéder à la formation active des réserves, déjà sous peu les 3 bataillons du 1 et 2 corps et des grenadiers seront à 700 hommes avec 9 batteries attelées pour le 15 de mars. Les nouvelles recrues fourniront un 4 bataillon à tout cela, et de plus mettront au grand complet tout le 3 et 5 corps, ainsi que les bataillons de réserve du 3 corps et la 16 division au lieu de la 14,

qui ne peut revenir encore. Tout marche bien; mais au nom de Dieu soyez économe, car c'est là ce qui nous gêne beaucoup; déjà vous nous contez passé 50 millions, 17 pour préparatifs et le reste pour les frais de guerre; c'est beaucoup.

Mon frère m'écrit toujours être enchanté de votre manière d'être avec lui et il en est réellement touché. Je suis charmé de ce qu'il laisse ma soeur à Byalostok; quant à lui et à vous même, je vous ordonne d'user de toute la prudence indispensable pour vos propres personnes; n'oubliez pas dans quel pays vous vous trouvez, et ce qui pèse sur vos têtes.

Mille choses à tous les nôtres; que Dieu vous guide et vous couvre de son égide. A vous, mon cher, et pour la vie, Votre tendrement affectonné Nicolas.

XXII.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Венгрова. 1-го февраля 1831 г.

[Переводъ съ французскаго]. Ваше величество, я могу написать вамъ лишь нѣсколько строкъ и прошу извинить меня въ томъ, что онѣ писаны не моею рукою; но я боюсь утомить васъ чтеніемъ моего почерка, сдѣлавшагося почти совершенно неразборчивымъ вслѣдствіе ревматической слабости, ощущаемой мною съ нѣкотораго времени въ правой рукѣ; впрочемъ болѣзнь эта пустяшная.

В. в. ознакомитесь съ общимъ положеніемъ дѣлъ изъ моего оффиціального донесенія. Ужасное состояніе дорогъ и непреодолимая почти затрудненія, встрѣчаемая на путяхъ сообщенія, увеличенныя еще болѣе оттепелю, внезапно наступившею повсемѣстно вслѣдъ за морозами, доходившими до 20 градусовъ, и за большими снѣгами, вынудили меня дать войскамъ два дня отдыха послѣ переправы черезъ Бугъ и занятія Венгрова, который былъ взятъ послѣ небольшого и совершенно незначительнаго столкновения съ непріятелемъ; причѣмъ однако съ обонхъ береговъ Ливницы шла перестрѣлка картечью и у насъ ранено 6 человѣкъ, а у мятежниковъ убито 5.

По всѣмъ извѣстіямъ, дошедшимъ до меня, Седлецъ занятъ еще 6 баталіонами и 8 эскадронами съ 14 орудіями, однимъ полкомъ кракусовъ и знаменитыми бессмертными (immortels) Кухеля. Я разсчитываю двинуть туда завтра резервы подъ командою е. в., къ которымъ я присоединюсь самъ въ качествѣ зрителя. У насъ будетъ 16 баталіоновъ гренадеръ и гвардейцевъ, 12 эскадроновъ гвардіи, 34

эскадрона Витта (такъ какъ одна бригада должна остаться у Палена) и 36 орудій. Всѣ войска превосходни и въ наилучшемъ состояніи, не смотря на чрезвычайное утомленіе.

Въ 1-мъ корпусѣ произошли нѣкоторыя безпорядки, бывшіе послѣдствіемъ весьма плохого состоянія дорогъ; я взыскалъ за нихъ со всюю строгостью, чтобы не дать возможности злу увеличиться, оставивъ первый примѣръ безнаказаннымъ.

Соблаговолите, в. в., еще разъ извинить меня за то, что письмо это не написано мною собственноручно.

Толь, Паленъ, Розенъ и Нейгардтъ повергають себя къ вашимъ стопамъ. Только сейчасъ получилъ я августѣйшее письмо ваше черезъ Ламсдорфа и повергаю къ стопамъ вашимъ мою благодарность за выраженныя въ немъ новые знаки вашего довѣрія, государь; да благословить Господь мои старанія заслужить ихъ.

Припадаю къ стопамъ е. в. государыни императрицы и пр.

Рукою императора Николая написано (переводъ): „все превосходно; прикажите обнародовать завтра донесеніе фельдмаршала съ указанными мною поправками. Я желаю, чтобы Шаховской присоединился какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ стоитъ совершенно одиноко и безъ пользы“.

(„Tout cela est excellent; vous ferez publier demain le rapport du Maréchal avec les corrections que j'ai marquées“.

„Je désire que Schachofskoy se réunisse, le plutôt possible; car il est bien solé et sans fruit“).

XXIII.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Дибича.

Гл. квартира въ г. Венгровѣ. 1-го февраля 1831 г.

Изъ всеподданнѣйшаго моего донесенія отъ 27-го января в. н. в. усмотрѣть изволили общій переходъ войскъ ввѣренной мнѣ арміи въ Царство Польское. Имѣя извѣстіе, что непріятельскія войска главными своими силами раздѣлены на двѣ части, а именно: меньшая часть расположена была около Остроленки, Пултуска и Рожанъ, а другая и главнѣйшая около Минска, Калужина, Владиславова, имѣя авангарды свои при Ядовѣ, Венгровѣ и Седлицѣ, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Вугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы въ семъ мѣстѣ, перейдя сію рѣку, раздѣлить армію непріятельскую на двѣ части и, оставя отрядъ генераль-маіора Мандерштерна въ Ломѣхъ, для наблюденія лѣваго его фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать непріятелю отступленіе праваго его фланга.

къ Варшавѣ. Въ теченіи дневки, которая арміи необходима была какъ для отдыха войскъ, такъ и для снабженія себя новыми продовольственными припасами, вдругъ наступившій юго-западный вѣтеръ пронизалъ такую переиъну въ температурѣ, что послѣ 20-ти градусовъ морозу, еще 22-го числа бывшаго, и весьма глубокихъ снѣговъ, о коихъ я имѣлъ счастье упомянуть въ послѣднемъ моемъ всеноданнѣйшемъ донесеніи къ в. н. в., 29-го числа не было уже болѣе снѣгу на поляхъ, дороги приведены въ самое худое положеніе, рѣчки всѣ разлились и самъ Бугъ наводилъ опасеніе, что всякое сообщеніе съ лѣвнымъ его берегомъ неминуемо прекращено будетъ, если не поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый онаго берегъ, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія. Вслѣдствіе сего, сдѣлавъ 30-го числа общее фланговое движеніе, арміею влѣво, перешли Бугъ въ двухъ мѣстахъ при Брокѣ и Нурѣ, а именно: 6-й пѣхотный при первомъ мѣстѣ, а 1-й пѣхотный, сдѣлавъ форсированныхъ два марша отъ Ломзы и Замброва, переправился черезъ Бугъ при Нурѣ, хотя еще по льду, но съ большими предосторожностями. За 1-мъ корпусомъ перешелъ весь резервъ его императорскаго высочества цесаревича, а вслѣдъ за онымъ, уже 31-го числа, сталъ переправляться фураштатъ всей арміи, съ шестидневнымъ провіантомъ.

Для обезпеченія оставленнаго нами края на правомъ берегу Буга, предписалъ я генералу князю Шаховскому, прибывающему 4-го числа головными полками изъ 3-хъ полковъ 3-й гренадерской дивизіи въ Ломзу, принявъ въ команду свою генералъ-маіора Мандерштерна, уже съ 1-го числа тамъ находящагося, и, присоединивъ въ семъ мѣстѣ всю 1-ю гренадерскую дивизію, эшелонами по той же дорогѣ слѣдующую, составить впредь до повелѣнія особый отдѣльный корпусъ, который состоятъ будетъ изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ Лубенскихъ гусаръ, двухъ казачьихъ полковъ и 60-ти орудій артиллеріи.

Независимо отъ сего оставленъ въ родѣ партизана на правомъ берегу Буга полковникъ Шиндлеръ съ казачьимъ полкомъ, который все пространство между Бугомъ и Наревомъ пробѣгать долженъ, всякое скопище разгонять и быть въ безпрестанномъ сношеніи то съ генераломъ княземъ Шаховскимъ, то со мною. Кромѣ сего учреждена летучая казачья почта изъ Нура чрезъ Замбровъ до Ломзы, такъ что я надѣюсь имѣть постоянную коммуникацію съ генераломъ княземъ Шаховскимъ.

31 го числа, армія сдѣлала отъ береговъ Буга форсированный маршъ двумя колоннами въ направленіи къ Венгрову, который къ вечеру былъ занятъ авангардомъ графа Палена, подъ командою генералъ-

маюра Сажена, бывшимъ уже предъ сѣмъ въ сѣмъ направленіи и усиленнымъ бригадою егерей и бригадою 1-й гусарской дивизіи. 1-й корпусъ въ сей день остановился въ Пашеэво, 6-й корпусъ при деревнѣ Тончѣ. Авангарды сихъ корпусовъ, имѣя повелѣніе занять переправы на Ливницѣ, нашли мосты при Ливѣ и Старой Веси совершенно истребленными. При первомъ изъ сихъ мѣстъ, подъ прикрытіемъ артиллеріи, непріятель хотѣлъ воспрепятствовать возобновленію моста, но подвинутая наша артиллерія и бригада егерей, сильнымъ и удачнымъ огнемъ первой, принудили непріятеля удалиться, такъ что въ сію минуту мостъ построенъ и авангарды нашъ переправился. Потеря съ нашей стороны состоитъ изъ 6-ти человекъ раненыхъ, — непріятель оставилъ на мѣстѣ сраженія 5 человекъ убитыхъ.

Коль скоро мосты совершенно устроены будутъ, имѣютъ авангарды 6-го корпуса перейти по дорогѣ къ Добрѣ, а графа Палена по дорогѣ къ Калущину. Главная моя квартира въ Венгровѣ. Резервъ е. и. в. переходитъ сегодня въ Соколовъ, посылая авангардъ по дорогѣ къ Седльду. Въ распоряженіе его высочества цесаревича поручается 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, безъ второй бригады Украинской уланской дивизіи, которая послѣ завтра только что присоединяется къ своему корпусу. Направленіе сіе даю я въ томъ предположеніи, чтобы быстро преслѣдовать непріятеля, находящагося еще въ Седльцѣ и который вѣроятно отступитъ, унававъ о занятіи Венгрова и ближайшемъ нашемъ движеніи къ Калущину.

Относительно сообщеній моихъ съ 5-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ въ воеводствахъ Седльцкомъ и Люблинскомъ, и которыя посредствомъ партизана полковника Андреа содержимы быть должны, — в. и. в. честь имѣю довести, что съ переходомъ нашихъ чрезъ границы, спустя вѣсколько часовъ, распространился страхъ въ городѣ Седльцѣ, такъ что съ первымъ появленіемъ казаковъ полковника Андреа, они, не встрѣтя большаго сопротивленія, заняли оный. Непріятель, узнавъ, что отрядъ полковника Андреа слишкомъ слабъ, вошелъ вторично въ городъ съ двумя уланскими и двумя пѣхотными полками съ артиллеріею. Тогда полковникъ Андреа отступилъ къ Збучину. Непріятель, не удовольствуясь симъ, 28-го числа сдѣлалъ рекогносцировку двумя эскадронами къ Збучину, гдѣ полковникъ Андреа встрѣтилъ ихъ всѣмъ отрядомъ, который, атаковавъ, опрокинулъ и гналъ ихъ шесть верстъ по дорогѣ къ Седльцу. Въ сѣмъ маловажномъ дѣлѣ мы не имѣли никакой потери. Непріятель потерялъ четыре человека убитыми и 8 человекъ достались въ плѣнъ. Послѣ сего полковникъ Андреа расположился при Угрожановѣ, имѣя передовые свои посты въ четырехъ верстахъ отъ города Седльца,

съ тѣмъ наблюденіемъ, чтобы при малѣйшемъ видѣ къ отступленію напасть на арьергардъ непріятельскій и преслѣдовать его быстро. На сей конецъ находится онъ въ прямомъ сношеніи съ генералъ-адъютантомъ Гейсмаромъ, который изъ Лукова перешелъ въ Сточекъ, чтобы упредить непріятеля въ его отступленіи. О 5-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ я другихъ извѣстій не имѣю, какъ чрезъ посланнаго моего адъютанта, ротмистра Крузенштерна, который, бывъ у генералъ-адъютанта Гейсмара, узналъ, что генералъ-лейтенантъ Крейцъ, 27-го числа, былъ въ одномъ маршѣ отъ Люблина, который по рассказамъ жителей не занятъ никакими войсками. Оттуда корпусъ сей имѣетъ повелѣніе идти къ Пулавѣ, переправить часть казачковъ на лѣвый берегъ Вислы и стараться разогнать тамошнія вооруженія, которыя едва только свое начало возымѣли.

Всеподданнѣйше донося в. и. в. о первоначальныхъ движеніяхъ и предварительныхъ распоряженіяхъ моихъ по вѣрвонной мѣѣ арміи, я обязываюсь всеподданнѣйше присовокупить, что я болѣе и болѣе удостовѣряюсь въ своевременномъ нынѣ началіи военныхъ дѣйствій, которое столь неожиданно было для непріятеля, что мы повсюду находимъ продовольствіе паче въ фуражѣ, который при теперешней распутицѣ никакими средствами подвезти бы не можно было. Изъ общихъ распоряженій непріятеля замѣтна нерѣшимость: нигдѣ не хочетъ онъ встрѣтить нашихъ войскъ, и при появленіи оныхъ отступаетъ. Войско наше вообще горитъ желаніемъ встрѣтиться съ непріятелемъ, въ чемъ я еще вчера удостовѣрился, осматривая на привалѣ 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, который въ самомъ блистательномъ состояніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 ГГ.

РАЗСКАЗЪ МОХНАЦЕГАГО.

III ¹⁾.

Контръ-революція.

Причины неудачи.—Отсутствие необходимыхъ качествъ въ предводителяхъ.—Контръ-революція.—Недоброжелатели возстанія.—Нерѣшимость великаго князя.—Владиславъ Замоискій.—Его переговоры съ Константиномъ Павловичемъ.—Кн. Любецкій.—Администраціонный совѣтъ.—Депутація.—Воззваніе къ жителямъ.—Участіе студентовъ.—Савинскій.—Апликаціонная школа.—Волненіе черни.—Скребицкій.—Двусмысленныя дѣйствія ген. Жимарскаго.—Дѣйствіе, произведенное воззваніемъ.—Ночное засѣданіе совѣта.—Гр. Паць.—Перемѣщеніе совѣта.—Нѣмецвичъ.—Ген. Сѣровскій.—Стража безопасности.

Пронсшествія, подробно здѣсь мною описанныя, далеки еще были въ ночи 29-го ноября 1830 г. отъ переворота, какой предпріятіе имѣло въ виду. Разсматривая дѣло, какъ оно случилось, должно сказать, что заговорщикамъ ни въ чемъ не посчастливилось. Они обнажили мечъ, но врага не одолѣли. Извѣстно уже читателямъ изъ исторіи заговора, что члены его, постановившіе поднять родной упавшій край, понуждаемые грозившею подъ конецъ опасностью, приступили къ дѣлу—потому что необходимо должно было приступить,—не означивъ предварительно ни образа новой власти, ни лицъ для занятія высшихъ мѣстъ. Можно еще было отклонить это зло, свойственное заговорамъ, которые приводятся въ дѣйствіе прежде урочнаго времени, можно было умалить вредъ посредствомъ ловкаго, быстрого исполненія плана дѣйствій, назначенныхъ гарнизону столицы. Это одно, къ разсвѣту дня, могло всему дѣлу дать ходъ удобнѣйшій, скорый, естествен-

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XI, III, стр. 157—202.

ный. Непрiятель, атакованный въ распахъ и обезоруженный,— великій князь схваченный, или убитый,—городъ, и съ нимъ цѣлый край, покоренный, поставленный однимъ моментомъ въ революціонное положеніе,— все это неужели бы не увлекло за собою всего народа, неужели бы не явилось тотчасъ, въ самомъ началѣ, неизбежности войны съ Россією, и не указало, какое правленіе нужно при такомъ положеніи дѣлъ? Мнѣ кажется, что въ происшествiяхъ, обозначенныхъ столь рѣзкими чертами, напелся бы мгновенно порывъ, который ищетъ спасенiя только въ быстромъ развитiи своемъ. Къ подобнымъ случаямъ относится правило, что событія спасаютъ сами себя. Между тѣмъ случилось иное. Главныя покушенiя не удались въ ночи 29-го. Вотъ обстоятельство, которое имѣло рѣшительное, роковое влiяніе на всю революцію, которое, впоследствии, безпрестанно отзывалось во всѣхъ несчастiяхъ, во всѣхъ бѣдствiяхъ народа!... Разсмотримъ, изслѣдуемъ внимательно сей первый шагъ инсurreкціи, сіе начальное основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ оборотовъ возстанiя.

Во первыхъ, случай, повидимому такъ маловажный, что не въ условленное время поданъ былъ сигналъ, отнимаетъ единство и бодрость у совмѣстнаго дѣйствiя. Потому не знали уже одни, что дѣлаютъ другіе и общее соображеніе на столь обширномъ пространствѣ исчезло. Дѣйствiя происходили, но всѣ не въ свое время, всѣ безъ связи между собою;—а тѣ лица (т. е. начальники заговора), которыя могли исправить попорченное дѣло, подкрѣпивъ его своею дѣятельностію,—тотчасъ, при первой неудачѣ, опустили руки. Правда, что горсть молодыхъ людей жертвовала собою отважно, геройски (!?), въ нападенiи на Бельведеръ; правда, что атаку подпорщиковъ должно поставить въ числѣ прекраснѣйшихъ (!?) подвиговъ, прославившихъ польское оружіе; но эти два главныя взумительныя движенiя были въ тѣсной связи съ движеніемъ карабинерныхъ и гренадерскихъ ротъ, расположенныхъ въ Ординацкiхъ казармахъ, и съ дѣйствіемъ орудій бомбардирной шлолы. Безъ этой помощи, дѣйствiя Бельведерскаго отряда и шлолы подпорщиковъ должны были остаться безуспѣшными. Нѣтоковицъ поздно выступилъ съ орудіями. Поздно-же двинулись и карабинерныя и гренадерскія роты. Переходъ этихъ ротъ и Нѣтоковицъ во власть великаго князя сокрушаетъ первыя усилiя патріотовъ. Дѣло пошатнулось въ самомъ основанiи. Тутъ падаетъ тяжелая

вина на одного изъ начальниковъ заговора, Заливскаго. У арсенала не предстояло ему ничего важнаго до подачи сигнала съ южной части города; а потому, коль скоро не поданъ былъ сигналъ въ условленное время, слѣдовало ему отправиться тотчасъ на мѣсто главнаго дѣйствія,—туда, гдѣ шло дѣло о цесаревичѣ. Заливскому, а не кому другому, надлежало вывести изъ Ординацкихъ казармъ помянутыя роты и принять надъ ними начальство, потому въ особенности, что офицеры этихъ ротъ, какъ ему было извѣстно, передъ самымъ возстаніемъ вошли въ заговоръ. Въ городѣ, по овладѣніи арсеналомъ, инсургенты, смущенные столь неудачнымъ оборотомъ дѣлъ на югѣ, насилу только собрались съ духомъ, чтобы защищаться,—хотя послѣ минутной сшибки съ Волынскимъ полкомъ никто, признаться, не нападалъ на насъ. Прибавимъ къ этому бездѣйствию сопротивленіе на всѣхъ пунктахъ, недоброжелательство, обманы всей почти военной старшины, усердныя въ пользу цесаревича старанія, особенно генерала графа Потоцкаго, — прибавимъ, наконецъ, — поступокъ гвардейскаго конно-егерскаго полка—и мы легко найдемъ, отчего дѣйствія въ ночи не имѣли никакого военнаго успѣха.

И такъ, сдѣлали много и — ничего. Много — чтобы заплатить за мятежъ головою, и ничего—для освобожденія народа отъ чуждой власти!

Такова была ночь 29-го ноября! Политическія ея послѣдствія были, натурально, еще маловажныѣ военныхъ. Возстаніе овладѣло городскою мостовою, заняло нѣсколько улицъ, вооружило часть народа и потомъ—замолкло. Непрiятель за городомъ стоялъ подъ ружьемъ, а потому имѣлъ и естественно долженъ былъ имѣть союзниковъ въ городѣ. Его союзникомъ было правленіе и все, что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, за-одно съ правленіемъ. Петру Высоцкому, учредителю заговора, поднявшему оружіе за независимость народа, благопріятствовала въ эту ночь одна великая минута: когда, послѣ встрѣчи съ тремя кавалерійскими цесаревича полками, шелъ онъ черезъ городъ къ арсеналу и путь свой обагрять кровью приверженцевъ Россіи, его видъ былъ тогда величественнѣе, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ сошелъ со сцены,—а отрядъ его стоялъ цѣлой арміи. Въ эту единственную и важную минуту—въ минуту, какая только разъ можетъ случиться въ жизни—не могъ ли начальникъ подпираторщиковъ, не

долженъ-ли былъ, какъ ему совѣтовали, пойти въ ратушу, объявить, что правленіе Николая не существуетъ,—взять подъ стражу его министровъ и провозгласить торжественно, что мы вооружились для сокрушенія русскаго ига? Такой шагъ поняли бы тотчасъ всѣ—поняли бы тѣ даже, которые не очень желали успѣха начатому дѣлу. Его моральная сила не дозволила бы укрѣпиться ни на минуту власти анти-революціонной, или власти посреднической между возстаніемъ и цесаревичемъ. Но одно—отважно дѣйствовать; а другое—отважно мыслить. Начальники заговора не удовлетворяли ни въ какомъ отношеніи обязанностямъ, на нихъ лежавшимъ. У Заливскаго, въ его трудномъ положеніи, не доставало личнаго мужества:—оттого не пошелъ онъ на помощь школѣ подпрапорщиковъ. У Высоцкаго не доставало отваги моральной, политической:—оттого не пошелъ онъ съ подпрапорщиками въ ратушу. И такъ, они оба не были созданы для важнаго момента, который требовалъ отъ обоихъ чего-то такого, съ чѣмъ люди рождаются только подъ вліяніемъ благодѣтельныхъ созвѣздіи. Они оба проспали дѣло на мостовой и повергли его таковой опасности, что если бы образъ дѣйствія великаго князя не далъ дѣлу пережить ночи 29-го ноября, то еще до разсвѣта могло бы оно погибнуть подъ копытами его конницы.

Надобно хорошо вникнуть въ это особенное положеніе, потому что здѣсь беретъ свое начало все, что ни случилось впоследствии. Въ городѣ была власть, было правительство Царства, не тронутое среди площаднаго, еще нестройнаго смятенія. Революція была еще похожа только на многолюдное сборище;—она не обнаруживала дальнѣйшихъ своихъ видовъ, не имѣла никого на челѣ своемъ, не издала никакой прокламаціи противъ правительства. За городомъ стоялъ великій князь съ немалыми силами,—великій князь, который хотя и не трогался съ мѣста, хотя и не принималъ никакихъ мѣръ противъ возстанія, но напиралъ на него изъ-за городской заставы всею силою пятнадцатилѣтняго своего владычества, всѣмъ омерзѣніемъ, какое питали къ мятежу (его сторонники),—великій князь, который всему, что только правительство въ Варшавѣ предприняло бы въ его пользу, содѣйствовалъ не рукою, не совѣтомъ, но, что хуже, всѣми понятіями объ огромѣ русскаго могущества, то есть объ ужасной мести, которой онъ былъ представителемъ. И такъ дѣло, такимъ

путемъ пошедшее, принесло съ собою на свѣтъ все, что могло и уничтожить его.

Вмѣстѣ съ революціей родилась и контръ-революція.

Онѣ сошлась обѣ въ одну и ту же ночь: контръ-революція была, нѣкоторымъ образомъ, столько же въ натурѣ вещей, какъ и революція. Движеніе пошло снизу.

Въ Варшавѣ, какъ и вездѣ въ подобномъ случаѣ, какъ во всякомъ обществѣ, отъ первоначальной простоты сколько нибудь очищенномъ, было, долженствовало быть нѣчто такое, что своимъ вѣсомъ отвлекало-бы начавшееся снизу движеніе и отъ середины, и отъ вершинъ, хотя-бы и развивалось оно съ величайшею энергіею, съ величайшею точностью; но не теперь, когда не было въ немъ ни той энергіи, ни той точности, когда, повидимому, не знало оно еще само куда стремиться и почти теряло силу, часа чрезъ два по началіи его. Люди размышляющіе не вдругъ раздѣляютъ такой энтузіазмъ. Люди высшаго званія, холодные, расчетливые, которые — скажу, какъ говорится вообще въ каждомъ потрясеніи, — „рискують потерять много“ — люди этого рода, или вовсе не хотятъ мѣшаться въ дѣла, еще столь сомнительныя въ своихъ послѣдствіяхъ, а если и хотятъ, то не иначе, какъ въ видахъ прибрать дѣла въ свои руки, чтобы далѣе не дозволить имъ ни шага. Противъ чуждаго владычества не горсть людей, но весь народъ (?) былъ въ заговорѣ. Всѣ — именно всѣ, прямо или не прямо, были въ заговорѣ: всѣ знали о немъ. Революціи, увѣчанной хорошимъ успѣхомъ, всѣ разомъ пропѣли бы хвалу. Когда же горсти заговорщиковъ не удались первые шаги, никто и вѣдать не хотѣлъ въ чемъ дѣло, ни ночью, ни на другой день ¹⁾. Постараемся понять это и объяснить себѣ: робость однихъ, нехотѣніе другихъ, равнодушіе третьихъ, уклоненіе всѣхъ отъ взятія на себя какой либо отвѣтственности, уклоненіе неодолимое, имѣли за городомъ сильную podporу. За заставою былъ готовъ эшафотъ для бунтовщиковъ. И кто-жъ, скажите, захотѣлъ бы отдать голову свою въ руки палача за преступленіе противъ могущественной Россіи,* за пре-

¹⁾ Въ этихъ словахъ автора слышно невольное сознаніе, что возстаніе 29-го ноября 1830 г., столь внезапно вспыхнувшее, было явленіе вовсе не народное, а событіе чисто случайное, продуктъ толпы фанатиковъ, шляхетскаго происхожденія.

ступленіе, котораго онъ не совершилъ—которое совершенно другими и совсѣмъ не удалось? Такова была, и иная не могла быть, первая мысль тѣхъ людей, которыхъ потомъ, когда эта сцена немного прояснилась, назвали аристократами и которые, не бывъ никогда настоящими аристократами въ народѣ, любящемъ издревле равенство въ одномъ состояніи шляхетскомъ, приняли однакожъ на себя, какъ бы въ угожденіе общему упреку, видъ и поступъ аристократическую. Сверхъ того, находилась въ столицѣ, какъ въ центральномъ мѣстѣ управленія, обширная, многочисленная іерархія, почти каста чиновниковъ. Ихъ положеніе въ виду возстанія было еще сомнительнѣе. Вѣрные, они могли ожидать награды. Даже нейтральнымъ улыбались изъ-за города прежнія, если не большія еще милости. А надежда наложить на насъ оковы, тяжелѣе удручавшихъ насъ дотолѣ, не ободряла ли въ собственности тѣхъ, кои, помогавъ чуждому абсолютизму ковать ихъ на своихъ соотчичей, были увѣрены, что они первые падутъ жертвою общаго негодованія, если возстаніе одержитъ верхъ? Въ этотъ разрядъ должно помѣстить явныхъ (слугъ) Россіи, къ счастью немногочисленныхъ, и всю тайную полицію, чрезъ-чуръ уже многочисленную. Не могли, наконецъ, благопріятствовать возстанію, такъ мало обѣщавшему, ни большія городскія имѣнія, ни торговыя спекуляціи, ни промышленные обороты; ибо нѣтъ на свѣтѣ такого дурнаго политическаго порядка, съ которымъ дѣла людей этого рода не были бы въ тѣсной и даже неразрывной связи.

Среди таковыхъ, столь разнородныхъ элементовъ контръ-революціи, одно только обстоятельство спасло возстаніе: недостатокъ рѣшимости у великаго князя. Это, а ни чтò иное, дало возстанію время и мѣсто къ дальнѣйшему ходу. Константинъ Павловичъ положилъ ни во что не мѣшаться. Изъ коварства-ли (!?), чтобы дать развернуться, чтобы дать созрѣть тому, чтò, по его мнѣнію, вело народъ къ вѣрной гибели и представляло Россіи всѣ удобства къ прекращенію нашего конституціоннаго быта,—или же для прикрытія *неспособности своей къ принятію въ такомъ событіи рѣшительной, мужественной мѣры, онъ распустилъ о себѣ слухъ, что все дѣло почитаетъ онъ только раздоромъ между полягами. Возникшее изъ этого мнѣнія произвело важныя послѣдствія. Здѣсь беретъ начало вліяніе Любецкаго. Между-тѣмъ какъ возстаніе, съ одной стороны, не дѣлаетъ дальнѣйшаго успѣха, а съ другой—

ничего не предпринимается противъ него цесаревичъ, — пользуется правленіе Царства этою минутою и выступаетъ на сцену.

Вскорѣ по открытіи дѣйствій въ городѣ, одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, подпоручикъ польскаго гвардейскаго конноегерскаго полка Владиславъ Замойскій, сдѣлался, довольно страннымъ образомъ, посредникомъ между цесаревичемъ и администраціоннымъ совѣтомъ. Замойскій, не бывъ въ тотъ день на службѣ въ Бельведерѣ, находился въ городѣ. Случайно, часу въ девятомъ, узнаетъ онъ отъ адъютанта же великаго князя, капитана Безобразова, о нападеніи на Бельведеръ. Когда Безобразовъ представилъ ему, что и долгъ службы, и честь военного человѣка налагаютъ на него обязанность явиться въ цесаревичу, Замойскій сѣлъ тотчасъ на коня, встрѣтился у банна съ генераломъ Станиславомъ Потоцкимъ, объявилъ ему, что ѣдетъ въ великому князю и спросилъ, что сказать Константину отъ имени его, Потоцкаго, на счетъ положенія дѣлъ въ городѣ? — „Скажи ему отъ меня“, — отвѣчалъ Потоцкій, — „что ежели онъ хочетъ унять волненіе, то пускай употребить для этого русское войско, особенно кавалерію; а на польское войско нечего считать“. — Замойскій засталъ великаго князя расхаживающаго въ аллеяхъ. Онъ тотчасъ передалъ цесаревичу слова Потоцкаго: „что волненіе можно унять только кавалерію“. — „У меня нѣтъ уже войска“, — возразилъ Константинъ, хотя по обѣ стороны стояли развернутые эскадроны кирасиръ и уланъ, готовые кинуться на каждый его знакъ. Замойскій посмотрѣлъ на эту конницу, какъ-бы хотѣлъ дать чувствовать великому князю, что есть еще сила, которою онъ можетъ располагать. Константинъ, понявъ Замойскаго, сказалъ: „Это русскіе; а я не хочу мѣшаться въ начатое поляками; je ne m'en mêle pas — продолжалъ онъ — que les Polonais s'arrangent, c'est leur affaire. On verra maintenant, s'ils sont dignes des bienfaits, qu'ils ont reçus, et si je n'ai pas eu toujours raison de les traiter en rebelles“. Оборотась потомъ къ Курнатовскому и Красинскому ¹⁾, онъ прибавилъ: „Вотъ по-

¹⁾ Курнатовскій, генералъ-лейтенантъ, командовалъ находившеюся въ Варшавѣ гвардейскою конвою дивизіею, состоявшею изъ 3-хъ русскихъ полковъ и польскаго конно-егерскаго. Графъ Красинскій, генералъ отъ кавалеріи, былъ командиромъ резервнаго корпуса, къ которому принадлежали всѣ бывшіе въ Варшавѣ гвардейскіе полки, русскіе и польскіе.

Прим. перев.

ляки!—этѣхъ можно употребить—Kurnatowsky, allez en ville avec les chasseurs“.

Послѣ этого разговора, Константинъ Павловичъ приказалъ Замойскому ѣхать въ городъ для собранія точнѣйшихъ свѣдѣній о положеніи и силахъ инсургентовъ, а именно объ отрядахъ польскаго войска, перешедшихъ на сторону возстанія; такъ какъ онъ несовершенно вѣрилъ доходившимъ до него на этотъ счетъ донесеніямъ. Замойскій, котораго дѣйствія въ ту ночь и въ слѣдующіе дни, понынѣ немногимъ извѣстныя, имѣли сильное вліяніе на первоначальный оборотъ народнаго дѣла, отправился прямо къ князю Адаму Чарторійскому, съ извѣстіемъ дѣйствительно чрезвычайнымъ: что дѣло, которое онъ за минуту считалъ погибшимъ, въ успѣхъ котораго (по многимъ отношеніямъ) не вѣрилъ и Чарторійскій, принимаетъ совершенно другой видъ, при той роли, какою Цесаревичъ предпринялъ играть въ этомъ происшествіи. Возстаніе брало верхъ, достигало своей цѣли; оно обращалось въ революцію и революція могла быть свободно довершена, коль скоро великій князь не ставилъ ей никакой преграды: это не подлежало сомнѣнію и Замойскій понялъ это очень хорошо. Слова Константина: „que les Polonais s'aggaigent“ онъ объяснялъ князю Чарторійскому въ такомъ смыслѣ: что бездѣйствіе цесаревича налагаетъ на совѣтъ непремѣнный долгъ остановить дальнѣйшее пролитіе крови, а на него, князя Чарторійскаго, налагаетъ долгъ подрѣшнить совѣтъ довѣріемъ, которое онъ снискалъ въ народѣ. „Мы не знаемъ,—говорилъ онъ,—какъ далеко простирается это волненіе. До сихъ поръ, изъ криковъ возстанія пробивается только имя Хлопицкаго, о которомъ мы знаемъ навѣрное, что онъ не только чуждъ, но даже противъ возстанія. Великій князь не хочетъ мѣшаться ни во что: въ этомъ положеніи дѣла нельзя людямъ съ такимъ значеніемъ, какъ Чарторійскій, оставаться равнодушными зрителями происшествій, которыя повлекутъ за собою важныя для края послѣдствія“.

Чарторійскій былъ членомъ администраціоннаго совѣта съ самаго основанія Царства, и хотя нѣсколько уже лѣтъ не присутствовалъ въ совѣтѣ, но не переставалъ носить званіе члена. Замойскій, утверждаясь на этомъ, подаетъ ему мысль собрать администраціонный совѣтъ. „Надобно попробовать“—говорилъ онъ— „не послушается ли народъ голоса совѣта, подрѣшленнаго го-

люсомъ князя Чарторійскаго. Если выступить на сцену или революціонная власть, или революціонный человѣкъ, то всѣ усилія совѣта будутъ уже бесполезны; а между тѣмъ весьма вѣроятно, что пока возстаніе безъ предводителя, пока оно въ бездѣйствіи, довольно будетъ какого нибудь акта, какого нибудь объявленія, сообразнаго съ происшествіями, чтобы тотчасъ успокоить и привести въ согласіе всѣхъ поляковъ.

Этому чудному дѣлу суждено было, чтобы подпоручики его начали и подвергли величайшей опасности неустановленіемъ новаго правительства, — и чтобы въ то же время одинъ изъ подпоручиковъ, посланный великимъ княземъ въ городъ совсѣмъ за другимъ, нанесъ ему, приподнятіемъ прежней власти, ударъ, гораздо сильнѣйшій въ послѣдствіяхъ, нежели онъ могъ вообразить себѣ, когда ему пришла въ голову эта странная мысль. Обращая противъ возстанія имя, уважаемое въ Польшѣ, не давалъ ли онъ правительству императора Николая сильную въ ту минуту подпору?

Предложеніе Замойскаго убѣдило князя Чарторійскаго. Онъ послалъ самого Замойскаго къ предсѣдательствовавшему въ администраціонномъ совѣтѣ, графу Валентину Соболевскому, съ предложеніемъ созвать немедленно членовъ совѣта. Отъ Соболевскаго послѣдшилъ Замоискій къ министру финансовъ. Любецкій зналъ уже, что великій князь стоитъ за городомъ съ своею кавалеріею. Когда донесли ему, что инсургенты не учредили новаго правленія (о чемъ онъ безпрестанно спрашивалъ), то сначала не хотѣлъ онъ сему вѣрить (ибо не понималъ этого какъ политикъ, отыскивающій во всемъ, и даже въ самомъ разладѣ, какой-то связи, логики), — а потомъ сказалъ: „если такъ, то дѣлу можно и должно помочь“. Графъ Густавъ Малаховскій, который вмѣстѣ съ нѣсколькими членами комисіи погашенія долговъ, тотчасъ по первыхъ выстрѣлахъ, отправился въ банкъ для огражденія его важностію народной репрезентаціи, представлялъ Любецкому, какъ Замоискій Чарторійскому, „о необходимости созвать администраціонный совѣтъ;“ а для лучшаго успѣха, въ предлежавшихъ правленію дѣйствіяхъ, указывалъ людей извѣстныхъ народу, которыхъ, по мнѣнію его, слѣдовало пригласить къ засѣданію въ совѣтъ, — то есть, указывалъ средство опасное, внушенное, быть можетъ, отчасти страхомъ, чтобы уличное волненіе не обратилось въ кровавую анархію, а отчасти видами,

чтобы восстаніе, въ случаѣ если бы оно опомнилось, не могло составить никакого правленія изъ своихъ людей.

Такимъ образомъ, въ одно и то же время, въ двухъ пунктахъ, съ одинаковымъ успѣхомъ оживляли, обновляли существовавшую власть. Замойскій нашелъ Любецкаго въ совершенной готовности къ дѣйствіямъ, когда прибылъ къ нему съ приглашеніемъ отъ князя Чарторійскаго. Слова цесаревича, что „поляки должны сами управляться“ только утвердили Любецкаго въ его намѣреніи. Онъ поѣхалъ тотчасъ въ домъ, извѣстный подъ названіемъ палацъ Браницкихъ, въ которомъ жилъ Соболевскій, предсѣдательствовавшій въ администраціонномъ совѣтѣ. По полуночи прибыли туда-жъ и приглашенные Соболевскимъ: князь Михайло Радзивиль, графъ Пацъ, Кохановскій и Нѣмцевичъ ¹⁾. Ихъ популярность ободрила администраціонный совѣтъ. Она защищала его въ общемъ мнѣніи и поселила въ немъ убѣжденіе, что ему можно еще держаться. Надобно было съ чего нибудь начать. Князь Любецкій, желая открыть сіе чрезвычайное засѣданіе совѣта въ новомъ составѣ, чѣмъ нибудь официальнымъ, а еще болѣе желая вывести начало его дѣйствій прямо изъ Бельведера, если не изъ повелѣнія, то по крайней мѣрѣ изъ согласія царскаго брата (??), пригласилъ его адъютанта Замойскаго открыть поводъ къ засѣданію повтореніемъ словъ великаго князя, представляющихъ самимъ полякамъ заняться возстановленіемъ порядка! Замойскій продиктовалъ тѣ слова въ протоколъ, а велѣдъ за симъ прибавилъ „во всемъ администраціонный совѣтъ, если ему угодно, можетъ самъ удостовѣриться въ намѣреніяхъ великаго князя, выславъ къ нему депутацію“.

Эту мысль одобрили. Совѣтъ отправилъ въ Бельведерскую аллею Чарторійскаго и Любецкаго. Замойскій спѣшилъ предупредить о семъ великаго князя.

„Чего хотятъ они отъ меня?“—спросилъ Константинъ Павловичъ — „мнѣ нечего имъ приказывать; я ни къ чему ихъ не уполномочиваю“.

По прибытіи Чарторійскаго и Любецкаго, Цесаревичъ гово-

¹⁾ Нѣмцевичъ (Юліанъ Урсинъ) былъ секретаремъ сената, Михайло Радзивиль сенаторомъ воеводою, а Пацъ и Кохановскій сенаторами-каштелянами. Ни одинъ изъ нихъ не былъ членомъ администраціоннаго совѣта.

Прим. перев.

рилъ имъ также, какъ прежде Замоискому: что онъ ни во что не мѣшается, что поляки должны сами управляться. „Je n'autorise rien, je ne me mѣle de rien—laissez moi tranquille“. Потомъ, въ выраженіяхъ довольно колкихъ, бранилъ Любецкаго за монополію и фискализмъ, а князя Чарторійскаго укорялъ поведеніемъ его въ бытность попечителемъ Виленскаго университета, укорялъ молодежью и сеймовымъ судомъ, какъ будто бы отъ этого только произошла революція. Онъ повторялъ и имъ, что ни во что не мѣшается; что начатое въ городѣ дѣло вовсе до него не касается; что будутъ отвѣчать за него одни поляки. Сколько разъ ни намекали ему депутаты совѣта, а въ особенности Любецкій, на счетъ усмиренія мятежа силою, онъ все отказывался отъ этого съ величайшимъ упорствомъ. Видя, что всѣ ихъ усилія были тщетны, министръ финансовъ, какъ министръ, призналъ нужнымъ сказать, наконецъ, великому князю, что „если онъ, имѣющій въ своихъ рукахъ силу и полную на подобные случаи власть, отъ всего уклоняется, то администраціонному совѣту, безоружному, не остается для спасенія города ничего больше, какъ приступить къ договору съ буркою, которая возмутила его спокойствіе и можетъ нанести много бѣдъ“.

Депутація возвратилась отъ великаго князя безъ всякаго успѣха. Министръ финансовъ, вида, что у Константина Павловича нѣтъ (желанія) вторгнуться въ городъ (что, безъ сомнѣнія, ободрило бы къ совмѣстному дѣйствию два русскіе пѣхотные полка, стоявшіе подъ ружьемъ въ сѣверной части города), положилъ возстановить спокойствіе другимъ образомъ, гораздо опаснѣйшимъ для возстанія. Въ администраціонный совѣтъ вошли люди, пользовавшіеся общимъ довѣріемъ. Правленіе уцѣлѣло—воскресло. Извѣстить объ этомъ жителей столицы было первымъ стараніемъ Любецкаго. На сей конецъ, въ третьемъ часу по полуночи, онъ составляетъ актъ отъ имени Государя и царя Николая, въ слѣдующихъ словахъ: „администраціонный совѣтъ, принявъ въ уваженіе крайность настоящихъ обстоятельствъ, опредѣлилъ пригласить и симъ приглашаетъ къ засѣданію въ совѣтъ и къ общему въ дѣлахъ участию: сенатора, воеводу князя Михаила Радзивила, сенатора-каштеляна Михаила Кохановскаго, сенатора-каштеляна графа Людвигъ Паца, секретаря сената Юліана Урсина Нѣмцевича и генерала Осипа Хлопицкаго“ — легионъ, по мнѣнію ми-

нистра финансовъ, непобѣдимый. Подписали этотъ актъ графъ Валентинъ Соболевскій и князь Любецкій, — и объявили его во всенародное свѣдѣніе.

Правленіе, въ новомъ составѣ, приступило сейчасъ къ совѣщанію: какимъ образомъ отнестись къ революціи? Любецкій пользовался неограниченнымъ довѣріемъ новыхъ членовъ. Со времени сеймоваго суда, мало кто сомнѣвался въ его патриотизмъ: какже сомнѣваться въ немъ Чарторійскому, Козхановскому, Пацу и Нѣмцевичу? Въ эту рѣшительную минуту, князь Любецкій, представляя невозможность достигнуть какого либо успѣха, если оставить смятеніе на произволь судьбы, — представляя ужасныя послѣдствія, какимъ возстаніе можетъ подвергнуть цѣлый край, успѣваетъ склонить всѣхъ призванныхъ въ совѣтъ къ подписанію воззванія, коего настоящій смыслъ былъ просто: „висѣлица для возмутителей общаго спокойствія“. — „Поляки!“ — изъяснялся новый совѣтъ — „присворбныя и неожиданныя происшествія вчерашняго вечера и ночи побудили правленіе пригласить къ засѣданію въ администраціонномъ совѣтѣ людей, извѣстныхъ заслугами, и обратиться къ вамъ. Его императорское высочество государь цесаревичъ возвратилъ войско“.... „Такое довѣріе войскамъ вмѣшиваться въ наши дѣла: раздоръ между поляками должны прекратить сами поляки. Полякъ запятнаеть-ли руки свои братнею кровью? Захотите-ли вы явить свѣту примѣръ величайшаго для края бѣдствія — брани междуособной? Одною умѣренностію можете вы спасти себя отъ пропасти, надъ которой стоите! Возвратитесь же къ порядку и спокойствію; да прекратятся всѣ смятенія вмѣстѣ съ роковою ночью, которая ихъ покрывала. Помыслите о судьбѣ любезнаго отечества, понесшаго уже толико несчастій — помыслите о немъ и отклоните все, что можетъ подвергнуть опасности самое существованіе его. На насъ лежитъ исполнить обязанность нашу обезпеченіемъ общей безопасности, охраненіемъ законовъ и конституціонныхъ вольностей государства!“ — Кромѣ Соболевскаго и Любецкаго никто изъ членовъ прежняго состава совѣта не подписалъ сего воззванія. Не было это дѣломъ случая. Чѣмъ яснѣе выражалось правитель-ство противъ возстанія, тѣмъ сильнѣе чувствовало оно нужду удалить изъ вида людей презрительныхъ и ненавистныхъ, такихъ, какъ Грабовскій, Раутенштраухъ и Коссецкій. Оно пу-

стило на удачу только часть совѣта, нѣсколько популярную, Соболевскаго и Любецкаго, оградивъ себя вперёдъ Чарторійскимъ, Радзивиломъ, Кохановскимъ, Пацомъ и Нѣмцевичемъ, для того, преимущественно, чтобы внушить народу мысль, что обращаемое къ нему воззваніе составили они всѣ вмѣстѣ, большинствомъ голосовъ.

Приглашенный въ засѣданію въ новомъ совѣтѣ, генераль Хлопицкій не подписалъ воззванія, потому что его не было—потому что никто не могъ отыскать его. Революція застала его въ театрѣ Розмантосьци (*Variétés*); изъ театра побѣжалъ онъ тотчасъ въ домъ правительственной военной комисіи, и тутъ у одного изъ чиновниковъ, полковника Собѣскаго, тайкомъ просидѣлъ цѣлую ночь, тревожимый страхомъ, чтобы какою нибудь отрядъ инсургентовъ не вытащилъ его изъ того убѣжища и не взялъ насильно въ предводители. Вторымъ официальнымъ актомъ было увѣдомленіе о новомъ составѣ администраціоннаго совѣта. Поспѣшно разбросанное, особенно между сражавшимися на Кравовскомъ предмѣстѣи, на Саксонской площади и далѣе за Александровскимъ костеломъ, оно воздержало отъ пролитія братней крови. Но все, что было хорошаго въ этомъ увѣдомленіи, испортилъ третій официальный актъ,—прокламація администраціоннаго совѣта, которую также, по мѣрѣ того, какъ она выходила изъ-подъ тисковъ банковской типографіи, раздавали, читали въ слухъ и прибывали по угламъ улицъ. Эту прокламацію, такъ явно устремленную противъ возстанія, постигла участь, какую она заслуживала. Офицеры рвали ее въ клочки и топтали ногами. Должно однакожь сказать, что имена Чарторійскаго, Паца, Нѣмцевича умѣрили вездѣ негодованіе, возбужденное словами, несомѣстными съ обстоятельствами. Мало кто постигнулъ сразу точный смыслъ воззванія. Толковали его разно. Существенное его содержаніе поняли лучше всѣхъ заговорщики и—затрепетали! Здѣсь начало внезапной реакціи въ нѣкоторыхъ умахъ. Дѣйствія контръ-революціи обнаружались. Ясно было, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для нѣсколькихъ, что правленіе царя Николая, послѣднимъ движеніемъ своимъ, умѣло склонить къ поступку весьма опасному, къ шагу, по мнѣнію заговорщиковъ, преступному, тѣхъ людей, которыхъ постоянный образъ мыслей былъ всѣмъ извѣстенъ, на которыхъ считали, которыхъ хотѣлось видѣть лучше на сторонѣ возстанія,

нежели противъ него, на челѣ власти, преданной душой и тѣломъ чужеземной (!) державѣ. Но волненіе усиливалось; событія слѣдовали одно за другимъ, рѣдѣющая мгла раскрывала пушки и вооруженныя толпы; это одно отвлекало общее вниманіе отъ прилежнѣйшаго изслѣдованія роковаго листа, тисненнаго въ ночную тьму, вселившаго въ нѣкоторые умы глубокія и черныя подозрѣнія—открывшаго глаза на судьбу этого дѣла.

Администраціонный совѣтъ, собравшись во 2-мъ часу по полуночи, продолжалъ свои засѣданія въ палаццо Бронницехъ, и заключая изъ криковъ, раздававшихся повсюду въ пользу Хлопицкаго, что все зависить отъ него одного, наименовалъ его начальникомъ войска. Но никто не умѣлъ сказать, гдѣ обрѣтается этотъ идолъ общаго мнѣнія. Зала, въ которой засѣдалъ совѣтъ, наполнялась болѣе и болѣе людьми разнаго званія. Здѣсь былъ пріютъ для тѣхъ въ особенности, которые имѣли причину бояться всеобщаго потрясенія. Военные разныхъ чиновъ приходили съ донесеніями, что войско выходитъ изъ терпѣнія; что народъ ропщетъ; что если не будетъ скоро главнокомандующаго, то могутъ возникнуть самыя непріятныя послѣдствія. Нѣмцевичъ отвѣчалъ отъ имени совѣта: „мы цѣлую ночь искали Хлопицкаго; но онъ какъ въ воду кануль“. И въ самомъ дѣлѣ, надобность въ главномъ надъ войскомъ начальствѣ становилась ежеминутно болѣе и болѣе ощутительна. Администраціонный совѣтъ старался всѣми силами убѣдить графа Паца принять начальство, пока найдутъ Хлопицкаго ¹⁾. Пацъ не соглашался. Наконецъ, послѣ долгаго торга съ совѣтомъ, онъ принялъ начальство, но съ условіемъ, „что принимаетъ его только на двадцать четыре часа“,—а не до отысканія Хлопицкаго, какъ хотѣлось Чарторійскому, Нѣмцевичу и Любецкому. До какой степени не постигали еще тогда въ совѣтѣ всего, что происходило, какая даже путаница была въ понятіяхъ—показываетъ предложеніе Нѣмцевича (принятое совѣтомъ), чтобы Раутенштрауха придать Пацу въ помощники. Раутенштраухъ разсыпался въ увѣреніяхъ на счетъ своей преданности отечеству; но, понявъ точнѣе положеніе свое и положеніе дѣлъ, призналъ полезнымъ не выходить совсѣмъ на

¹⁾ Графъ Пацъ, сенаторъ-каштелянъ, былъ прежде дивизионнымъ генераломъ.

улицу, не быть въ этомъ дѣлѣ ничьимъ помощникомъ. Онъ сдѣлалъ еще лучше: запрятался такъ, что съ тѣхъ поръ никто не видѣлъ его въ Варшавѣ.

....Хлопицкій чудился всѣмъ въ каждомъ человѣкѣ, который проѣзжалъ верхомъ и походилъ на него ростомъ. „Хлопицкій командуетъ у арсенала!“—говорили находившіеся не у арсенала. Бывшіе-жъ у арсенала твердили, что онъ на Кравовскомъ предмѣстьи или на Саксонской площади. Говорили даже многіе, что сами видѣли его. Вездѣ носился этотъ слухъ и вездѣ ободрялъ солдатъ. Но этотъ натуральный, тысячью голосами призываемый, вождь революціи не имѣлъ никакой вѣры къ дѣлу народному. Онъ считалъ его потеряннымъ еще прежде, нежели оно было начато; потомъ вдругъ возненавидѣлъ энтузіазмъ, возбужденный его именемъ. Любецкій, прислушиваясь внимательно во всѣмъ голосамъ возстанія, собирая всѣ вѣсти, понялъ тотчасъ, какъ много, какъ чрезвычайно много зависѣло отъ того, чтобы увидѣться и переговорить съ Хлопицкимъ, тотчасъ въ первыя минуты. Еще до полуночи велѣлъ онъ вездѣ искать его: къ нему на квартиру, даже въ чужіе дома, посылалъ разныхъ людей и, въ числѣ прочихъ, мецената Александра Крысинскаго. Администраціонный совѣтъ, въ новомъ составѣ, старался отыскать его по полуночи и передъ разсвѣтомъ; наконецъ, когда никто не могъ его найти, приказалъ печатать первое воззваніе свое противъ инсургентовъ безъ его подписи, извѣщая только общество, что генералъ Хлопицкій приглашенъ къ засѣданію въ совѣтъ.

Ночь проходила въ такихъ занятіяхъ. Туманное утро застало два положенія дѣлъ отдѣльныя, обращенныя уже одно противъ другого: правленіе и возстаніе,—правленіе, подрѣшленное вѣсомъ людей весьма популярныхъ, явно неодобряющихъ того, что случилось,—возстаніе, сосредоточенное, сильное только у арсенала, въ другихъ же пунктахъ болѣе или менѣе разсыпанное, но вездѣ исполненное духа. Университетскіе студенты, числомъ около тысячи, еще до разсвѣта начали собираться подъ предводительствомъ профессора Ляха-Ширмы. Пріятно было сіе зрѣлище для народа и для войска, въ которомъ эта молодежь поселяла утѣшительную мысль, что не одно оно подняло оружіе. Академики были репрезентатами участія въ возстаніи не только жителей глухой еще столицы, но, нѣкоторымъ образомъ, и цѣлаго края.

Апликаціонная школа, освобожденная отрядомъ подпоручиковъ изъ заключенія, въ которомъ продержалъ ее цѣлую ночь командиръ школы, полковникъ Савинскій ¹⁾, выбѣжала также на улицу и начала срывать русскіе орлы. Слѣдуя ея примѣру, принялись вездѣ срывать сіи знаки.

По мгновенномъ отдыхѣ возобновилось движеніе во всемъ городѣ. На самомъ разсвѣтѣ началась драка между чернью и конными егерями, на Краковскомъ предмѣстьи и на Саксонской площади. Въ эту сторону, часу въ восьмомъ, отправились саперы, подкрѣпленные двумя орудіями подпоручика конной гвардейской батареи Эжелскаго, стоявшими на Красинской площади, и двумя ротами 8-го пѣхотнаго полка, которыя простояли всю ночь на дворѣ правительственной военной комисіи. Эжелскій, прибывъ на Саксонскую площадь, снялъ орудія съ передковъ и пустилъ два или три выстрѣла въ отрядъ гвардейскаго конно-егерскаго полка. Егеря тотчасъ побѣжали, оставивъ нѣсколько человекъ на мѣстѣ. Инсургенты помчались за ними къ Александровскому востелу. Саперы построили тутъ двѣ барикады, одну у Бсион-

¹⁾ Тотъ самый Савинскій, который послѣ, въ званіи революціоннаго генерала, погибъ при штурмѣ Варшавы, защищая укрѣпленіе въ с. Воля. Онъ былъ до мятежа командиромъ Апликаціонной школы, которая вмѣстѣ съ зимнею Артиллерійскою помѣщалась въ одномъ и томъ же зданіи, на улицѣ Медовой. Стоявшіе въ зимней Артиллерійской школѣ подпоручики и унтеръ-офицеры, возбужденные бывшимъ въ тотъ день дежурнымъ при немъ офицеромъ, подпоручикомъ сапернаго баталіона Новосельскимъ, кинули тотчасъ школу и присоединились къ мятежникамъ. Но изъ школы Апликаціонной никто не вышелъ. Савинскій, по первому слуху о замѣшательствѣ въ городѣ, приказалъ запереть ворота дома и завалить двери, съ улицы Медовой. Всю ночь онъ не впустилъ никого, не взирая на грозныя требованія бунтовщиковъ. Не прежде, какъ на другой день, часу въ 9-мъ утра, успѣли они ворваться въ домъ, выломавъ двери съ улицы. Савинскій, вышедши имъ на встрѣчу, представлялъ, что юноши, находящіеся въ Апликаціонной школѣ, вѣрны ему монархомъ, что они на его иждивеніи воспитываются, что цесаревичъ прилагалъ о нихъ всегда отеческія попеченія и что потому онъ не дозволитъ имъ участвовать въ мятежѣ. Угрожаемый смертію за такой отъѣвъ, Савинскій принужденъ былъ уступить, но не впустилъ никого въ школу. Онъ отвѣчалъ ворвавшейся толпѣ, что самъ выведетъ своихъ воспитанниковъ на Красинскую площадь (находящуюся возлѣ дома, въ которомъ помѣщалась школа) и предоставитъ имъ дѣлать, что имъ заблагоразсудится. Большая ихъ часть пошла съ площади прямо къ роднымъ своимъ, и чрезъ два дня воротились въ школу, гдѣ по прежнему продолжали науки до выпуска ихъ всѣхъ мятежнымъ правительствомъ въ офицеры.

Прим. перевод.

женцей, а другую у Братской улицы; потомъ заняли площадку передъ домомъ управленія путей сообщенія и Иерусалимскую аллею, откуда посылали сильные патрули въ Вислѣ, а съ другой къ русскимъ форпостамъ. Началась одиночная рѣзня, усиливалась стрѣльба. На Новомъ Свѣтѣ, въ тылу позиціи, которую занималъ авангардъ инсurreкціи, случилось неприятное происшествіе. Толпа черни, нахлынувшая съ Сольца, бросилась тамъ съ командою саперовъ, отлучившеюся отъ баталіона, на русскую провіантскую комиссію и вломилась въ нее. Въ комиссіи было нѣсколько милліоновъ рублей; выносили серебро въ мѣшкахъ, растаскивали ассигнаціи. Но больше всѣхъ поживился тутъ самъ управлявшій комиссіею, Скребицкій, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ каретѣ и вывозилъ столько золота и бумажекъ, сколько могъ ¹⁾). Разграбили также нѣсколько лавочекъ съ съѣстными припасами и нѣсколько питейныхъ домовъ. Но грабежъ продолжался одну минуту. Подоспѣли офицеры: велѣли разогнать чернь штыками; 2-хъ или 3-хъ рядовыхъ, которые убили офицера Піотровскаго, старавшагося остановить разбой, наказали смертью на мѣстѣ ²⁾; а убытки, нанесенные частнымъ людямъ, вознаграждали заграбленными въ комиссіи деньгами, которыхъ часть (20,000 руб. ассигнаціями) удалось имъ отобрать у саперовъ.

Въ центрѣ города инсургенты защищали въ особенности

¹⁾ Это ложь и клевета. Скребицкій вовсе не отлучался изъ Бельведера, куда явился еще въ вечеръ 29-го ноября, лишь только началось волненіе въ городѣ. Если бы онъ заѣхалъ въ комиссію, то могъ бы въ одинъ разъ забрать всѣ ассигнаціи и золото, котораго было весьма мало, — успѣлъ бы въ одной наемной коляскѣ вывезти все серебро, котораго также было немного. Живши въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщалась комиссія, онъ могъ бы забрать, по крайней мѣрѣ, свои собственныя драгоценныя вещи, которыя всѣ потерялъ; — онъ не оставилъ бы тамъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, не оставилъ бы дочери, взрослой дѣвочки, которая, во время грабежа его имущества, была въ величайшей опасности — осталась въ одномъ платьѣ, которое имѣла на себѣ. Не только въ вечеръ 29-го, но и въ слѣдующій день, часовъ до 8-ми утра, можно было вывезти всѣ провіантскія суммы; но государю цесаревичу не угодно было дозволить этого, чтобы не возбудить тревоги въ той части города, гдѣ находилась комиссія и гдѣ все было спокойно, до оставленія Варшавы польскимъ гвардейскимъ конно-егерскимъ полкомъ.

Прим. перевод.

²⁾ Это тоже ложь. Солдаты были разстрѣляны по приказанію генерала Хлюцицкаго въ 6-й день мятежа, т. е. по отступленіи уже государя цесаревича къ Бресту-Литовскому.

Прим. перевод.

Красинскую площадь отъ нападенія русской пѣхоты, расположивъ тамъ нѣсколько ротъ 4-го пѣхотнаго полка. Одно орудіе поставлено было на Свѣнто-Юрской улицѣ, въ направленіи къ Мурановской площади, другое у театра, на улицѣ Ново-Винярской. Гвардейскіе гренадеры, увведенные офицерами при выступленіи полка изъ его казармъ, прикрывали тѣ орудія; остальная артиллерія занимала тѣ же мѣста, что и ночью. Смѣнялись только команды, ее прикрывавшія. Вдругъ отъ Пенсей (?) улицы пронесся слухъ, что русскіе хотятъ ворваться въ городъ. И точно, гвардейскій Волинскій полкъ выступилъ изъ своихъ казармъ и изъ околныхъ домовъ, занятыхъ имъ ночью. Гренадерскія роты 5-го пѣхотнаго полка бросились въ мигъ въ ту сторону; отрядъ Волинскаго полка завязалъ минутную перепалку съ ихъ застрѣльщиками; послѣ сего русскіе тронулись на Марсово поле и тамъ соединились съ гвардейскимъ Литовскимъ полкомъ. Обѣ роты 5-го полка рѣшились тогда на дѣло отважное — двинулись впередъ съ двумя орудіями, въ намѣреніи атаковать оба русскіе полка на Марсовомъ полѣ. Онѣ рассчитывали на помощь гренадеръ Жимарскаго. Но на пути объявляетъ ротамъ бывший при орудіяхъ офицеръ, что у него только два заряда и заставляетъ командовавшаго ротами 5-го пѣхотнаго полка отложить предпріятіе. Жимарскій, на Марсовомъ полѣ, находился въ трудномъ положеніи — терпѣлъ величайшія непріятности. Съ одной стороны, роптали на него нижніе чины и офицеры гвардейскаго гренадерскаго полка, осыпали его упреками и едва не проклинали за то, что онъ отвелъ ихъ отъ народнаго дѣла. Жимарскій увѣрялъ ихъ честнымъ словомъ, что онъ такой же добрый полякъ, какъ и они, что ни въ какомъ случаѣ не доведетъ ихъ до безчестія. Съ другой стороны, онъ принужденъ былъ отвѣриваться неповиновеніемъ, ослушаніемъ тѣхъ же самыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, получая строгія приказанія то отъ великаго князя, то отъ Левицкаго, то отъ Раутенштрауха, идти съ полкомъ въ городъ и возстановить спокойствіе штыками. Каждому изъ нихъ давалъ Жимарскій разные отвѣты: великому князю, что не ручается за успѣхъ такого предпріятія; Левицкому, что онъ самъ, какъ комендантъ города, можетъ взять русскіе полки и вести ихъ на мятежниковъ; Раутенштрауху, что долгъ правленія усмирить мятежъ и т. п. Не хотѣвъ ни присоединиться къ революціи, ни дѣйствовать противъ нея, Жимар-

скій, весь день 30-го ноября до самой ночи, оставался на Марсовомъ полѣ въ этомъ двусмысленномъ положеніи ¹⁾).

Народъ стрѣлялъ изъ потѣхи; пилъ водку Неваховича; подчивалъ ею братью-солдатъ. Войска переносили терпѣливо всѣ труды: цѣлый день пробыли безъ продовольствія и не роптали. Офицеры явили доказательства величайшей преданности отечеству; говорили рѣчи къ своимъ командамъ; увѣряли ихъ, что генераль Хлопицкій, котораго имя было у всѣхъ на устахъ, во всѣхъ сердцахъ, непременно приметъ главное начальство. Дома и лавки были постоянно закрыты. Страхъ грабежа тревожилъ столицу. Нашлось много такихъ, которые, доставъ оружіе изъ арсенала, раздавали его своимъ пріятелямъ и слугамъ, чтобы защищаться у себя на квартирѣ, какъ въ крѣпости. Всѣ оставались еще въ неизвѣстности: никто, кромѣ правленія, которое знало, что думаетъ великій князь, не имѣлъ и не могъ имѣть точнаго понятія о настоящемъ положеніи вещей. Заговорщики не входили между собою ни въ какія совѣщанія на счетъ хода дѣла вообще. Разсѣянные по разнымъ частямъ города, они, казалось, помышляли только о томъ, какъ защищаться далѣе противъ непріятеля, который былъ грозенъ больше видомъ, нежели духомъ. Члены комисіи погашенія долговъ, сенаторъ Мацѣй Водзинскій, и послы: Густавъ Малаховскій, Владиславъ Островскій и Каликевъ Морозевичъ, опечатавъ общественное имущество въ банкѣ, поручили его, воззваніемъ своимъ, по утру 30-го ноября изданнымъ, „непосредственной защитѣ народа и войска польскаго“.

Любецкій подалъ тогда же мысль перенести засѣданія совѣта въ банкъ, сколько для охраненія государственныхъ капиталовъ присутствіемъ правленія, столько же и для того (чего однакожь не сказалъ), чтобы перемѣнить или, по крайней мѣрѣ, удалить покамѣсть съ глазъ то мѣсто, гдѣ засѣдала власть, которая не слишкомъ благосклонно отнеслась къ возстанію и, можетъ быть, боялась уже послѣдствій этого дерзкаго шага. На домъ царскихъ намѣстниковъ, въ которомъ обыкновенно происходили засѣданія совѣта, могло быть сдѣлано нападеніе. Банкъ, охраняемый войскомъ, толпою чиновниковъ комисіи финансовъ

¹⁾ Все это изобрѣтено сочинителемъ. Жимарскій не дѣйствовалъ двусмысленно; онъ былъ вполне вѣренъ. Его полкъ, во все продолженіе мятежа, былъ въ подозрѣніи у мятежниковъ и преслѣдуемъ, а особенно по сраженіи при сел. Гроховѣ.

Прим. перевод.

и многими представителями народа, казался безопаснѣе. Послали за военною командою, для эскортированія совѣта. По прибытіи команды, графъ Пацъ и полковникъ Вонсовичъ, назначенный начальникомъ штаба временнаго главнокомандующаго, сѣли на коней и поѣхали впереди. Пацъ надѣлъ красную шапку въ знакъ возрожденной свободы, а Вонсовичъ французскую лядунку временъ Наполеоновыхъ. Вслѣдъ за ними шли пѣшкомъ члены администраціоннаго совѣта, за членами: Кидцкій, Шидловскій ¹⁾, адъютантъ Паца князь Четвертинскій ²⁾, множество другихъ лицъ и, наконецъ, военный отрядъ, составлявшій эскорту. Эта свита, такъ какъ престарѣлый Нѣмцевичъ съ трудомъ могъ ходить, тянулась медленно съ Новаго Свѣта чрезъ Саксонскую площадь и на каждомъ шагу увеличивалась многочисленными толпами, такъ что хвостъ ея въ этомъ шествіи примыкалъ къ дому общества любителей наукъ, а голова была у банка,—новаго засѣданія власти. Этотъ шагъ администраціоннаго совѣта произвелъ, какъ я сужу, послѣдствія совершенно противныя предположенной дѣли. Власть, вмѣсто того, чтобъ укрыться отъ глазъ инсurreкціи, выставила себя еще больше на показъ. Такимъ образомъ, администраціонный совѣтъ не вошелъ, но вовлеченъ былъ въ возстаніе, которое за минуту самъ называлъ „прискорбнымъ происшествіемъ“.

Нѣмцевичъ былъ залогомъ правоты въ правленіи. Народъ не могъ налюбоваться видомъ этого старца. „Когда тамъ Нѣмцевичъ“—говорилъ онъ—„то все пойдетъ хорошо!“ Его сѣдые волосы были лучшею порукою за администраціонный совѣтъ, нежели собственныя его (Нѣмцевича) слова, которыми онъ въ банкѣ склонялъ народъ съ балкона въ сповойствію и согласію—гораздо лучшею, нежели анти-революціонное воззваніе совѣта, подписанное имъ вмѣстѣ съ новыми членами правленія. Такую-то силу имѣютъ, въ важныхъ обстоятельствахъ, лѣта, ознаменованныя услугами (!) отечеству! Эту силу имѣла память Костюшко.

Пацъ, проводивъ совѣтъ до банка, объѣхалъ посты, объявляя вездѣ, что Хлопицкій непремѣнно приметъ начальство надъ

¹⁾ Оба отставные полковники, а впоследствии, въ 1829 году, наименованы камергерами.

²⁾ Князь Четвертинскій, какъ выше сказано, поручикъ польской легкой конно-артиллерійской № 2-го батареи, самъ прикомандировалъ себя къ адъютантамъ къ графу Пацу.

Прим. перев.

войскомъ; что онъ, Пацъ, не главнокомандующій, а только, за отсутствіемъ Хлопицаго, заступаетъ его мѣсто временно, какъ одинъ изъ давнихъ генераловъ. Пацу, разумѣется, неприятно было возложенное на него порученіе; ему не Хлопицаго горько было замѣнять, а настоящаго, въ мысляхъ совѣта, главнокомандующаго, стоявшаго за заставою. Въ то самое время (пополудни) прибылъ въ правленіе генераль Сѣровскій ¹⁾. Странныя приключенія случились ночью съ симъ почтеннымъ полякомъ, который пылалъ величайшимъ усердіемъ къ дѣлу возстанія, который первый изъ генераловъ нашихъ не колебался ни минуты выйти на улицу, какъ только начались дѣйствія. Къ несчастію, онъ встрѣтился на Саксонской площади съ Сѣмионтковскимъ, Салацкимъ и Малецкимъ ²⁾. Они сперва вроткими увѣщаніями отводили отъ участія въ дѣлѣ, увѣряли даже, „что возникшее волненіе есть ничто иное, какъ фальшивая революція“,—о которой дѣйствительно носились передъ тѣмъ разные слухи, и, между прочимъ, будто бы поднять ее или Курнатовскій, или Рожницкій, съ воли цесаревича, для испытанія духа столицы и войска; потомъ, когда увѣжденія не подѣйствовали, когда Сѣровскій садился уже на лошадь, подъ предлогомъ, что ѣдетъ унимать тревогу, а въ самомъ дѣлѣ чтобы только вырваться у нихъ изъ рукъ и стать на челѣ перваго отряда инсургентовъ, какой попадется,—удерживали его насильно, а наконецъ арестовали именовъ великаго князя ³⁾. Вотъ причина бездѣйствія генерала Сѣровскаго въ первые минуты! Но онъ вознаградилъ это на другой день и въ слѣдующіе дни, доказавъ своимъ усердіемъ къ народному дѣлу, что лѣта преклонныя не охладили въ

¹⁾ Бригадный генераль, состоявшій по арміи.

²⁾ Сѣмионтковскій, бригадный генераль, исправлялъ, какъ выше сказано, должность начальника главнаго штаба бывшихъ польскихъ войскъ, а Салацкій (бригадный же генераль) и Малецкій (дивизионный) были членами правительственной военной комисіи.

³⁾ Авторъ ошибся, сказавъ выше, въ описаніи смерти Сѣмионтковскаго, будто-бы онъ былъ убитъ тотчасъ по выходѣ изъ своей квартиры, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ. Сѣмионтковскій выѣхалъ изъ дома верхомъ на лошади, объѣхалъ нѣсколько улицъ, потомъ находился около полубыса на Саксонской площади, употребляя всевозможныя средства къ усмирению собравшихся на этой площади отрядовъ взбунтовавшагося войска,—и тутъ, среди усилій обратитъ солдатъ къ долгу повиновенія, убитъ подпорщикомъ гвардейскаго гренадерскаго полка Балтинскимъ, вскорѣ по арестованіи имъ, Сѣмионтковскимъ, генерала Сѣровскаго. Прим. перев.

немъ патриотическаго, почти юношескаго жара. Администраціонный совѣтъ предложилъ ему, по возвращеніи Паца, команду надъ войскомъ; но онъ не принялъ ея: „У насъ есть воинъ“,—отвѣчалъ онъ—„извѣстный всѣмъ изъ записокъ маршала Сюше ¹⁾);—онъ старше меня чиномъ, и онъ одинъ можетъ положить вонецъ интригамъ, которыя обратили бы въ ничто самыя лучшія распоряженія мои“. Правленіе, отдавая справедливость такимъ благороднымъ чувствамъ, назначило его военнымъ губернаторомъ города. Въ этомъ званіи разъѣзжалъ Сѣровскій по улицамъ Варшавы, говорилъ къ солдатамъ, унималъ беспорядки и дѣлалъ приготовленія къ отпору, на случай, если бы великій князь вздумалъ ворваться въ городъ.

Въ тотъ же день администраціонный совѣтъ назначилъ Венгржецкаго президентомъ города, а Болесту вице-президентомъ ²⁾. Оба тотчасъ вступили въ должность. Такимъ образомъ возстановлялись исподоволь разныя части управленія съ ихъ подраздѣленіями. Подъ вечеръ Густавъ Малаховскій первый подаль правленію мысль учредить національную гвардію. Совѣтъ принялъ проектъ; но устранилъ названіе, какъ напоминавшее Парижъ и Брюссель. Любецкій предложилъ тотчасъ, въ замѣнъ, „стражу безопасности“—названіе, имѣвшее двоякій смыслъ. Стража безопасности могла служить и противъ инсurreкціи, и противъ внѣшняго непріятеля. Последнее о ней понятіе обезпечивало ей хорошей приѣмъ въ городѣ между инсургентами; а первое—за городомъ, въ лагерь великаго князя—и потомъ, на всякій случай, въ самомъ Петербургѣ. Такъ думалъ администраціонный совѣтъ, одобривъ названіе „стражи безопасности столичнаго города Варшавы“. Ея начальникомъ и образователемъ назначилъ совѣтъ графа Петра Любѣнскаго, который во время герцогства Варшавскаго былъ начальникомъ національной гвардіи,—какъ Венгржецкій президентомъ города. Искали не вещи, а только названій, напоминавшихъ лучшія (?) времена и установленія.

¹⁾ Въ войну Наполеона въ Испаніи Хлоницкій находился подъ командою маршала Сюше, который въ запискахъ своихъ отзывается о немъ съ большою похвалою.

²⁾ Венгржецкій былъ судьей апелляціоннаго суда, а Болеста председателемъ центральной ликвидационной комиссіи.

Прим. перев.

РУССКІЕ НА БОСФОРЪ ВЪ 1833 ГОДУ.

Воспомнанія участника похода М. И. Ставраки ¹⁾.

I.

Въ ноябрѣ 1832 года, я былъ приглашенъ къ моему капитану Аристарху Григорьевичу Ковотошцеву.

Явился къ нему; онъ сказалъ мнѣ, что приказано вооружить флотъ.

— «Вы, какъ ревизоръ, обязаны обезпечить корабль всѣмъ для шестимѣсячной кампаніи; поручаю вамъ дать знать старшему офицеру, чтобъ завтра съ разсвѣтомъ приступилъ къ вооруженію корабля; идите съ Богомъ, а завтра принимайтесь за дѣло».

Съ разсвѣтомъ, корабль «Память Евстафія» сталъ вооружаться и на третій день къ вечеру онъ рисовался въ корабельной бухтѣ подъ брамъ-стеньгами.

Съ нашимъ кораблемъ готовились корабли: императрица Екатерина II-я, Чесма и Анапа, фрегаты: Варна, Эриванъ и Архипелагъ, корветъ Сявополь и бригъ Пегасъ.

Вскорѣ пріѣхалъ изъ Николаева начальникъ штаба черноморскаго флота, контръ-адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, назначенный флагманомъ эскадры, составленной изъ упомянутыхъ судовъ.

15-го января 1833 года, эскадра вышла на Севастопольскій рейдъ.

Адмиралъ имѣлъ приказаніе оставаться на рейдѣ и, при первомъ вызовѣ посланника нашего при Оттоманской портѣ, немедленно отправиться въ Константинополь, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

¹⁾ Составитель этого воспомнанія—генераль-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Ставраки—родился 1803 г., воспитывался на собственномъ иждивеніи, поступилъ въ черноморскій флотъ гардемаринномъ, произведенъ въ мичманы въ 1824 году, прослужилъ въ черноморскомъ флотѣ около 40 лѣтъ и послѣ Крымской кампаніи, въ которой участвовалъ, вышелъ въ отставку. Ред.

Между тѣмъ послать въ Босфоръ корветъ Сизополь, для узнанія тамъ отъ генерала Муравьева: какъ принято желаніе нашего государя прекратить военныя дѣйствія египетскаго паша противъ султана. Генеральъ Муравьевъ предварительно былъ посланъ въ Александрію на фрегатѣ «Штандартъ»—предложить египетскому пашѣ покончить распрю съ Турціей.

Махметъ-Али съ благоговѣніемъ принялъ желаніе государя Николая Павловича, и въ то же время послалъ приказаніе своему сну Ибрагиму пашѣ не продолжать военныхъ дѣйствій; но Ибрагимъ, вмѣсто исполненія приказанія своего отца, продолжалъ идти впередъ.

Генеральъ же Муравьевъ, получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ египетскаго паша, считая дѣло поконченнымъ, возвратился въ Константинополь и сообщилъ объ этомъ адмиралу Лазареву, черезъ капитана корвета «Сизополь», не подозрѣвая движенія Ибрагима. Не отрадно стало намъ, узнавши о безнадежности нашей на хорошую кампанію, и съ взволнованными мыслями и грустію готовились на другой день войти въ гавань.

Грустный этотъ день насталъ съ восходомъ солнца; разсѣялся туманъ и представился Севастополь во всемъ своемъ величіи и красотѣ.

На рейдѣ виднѣлась эскадра, подъ флагомъ адмирала Лазарева, поднятымъ на кораблѣ «Память Еустафія», и готовая показать свою способность на исполненіе воли царя, во славу отчизны.

Но чувства наши не гармонировали величію природы; они были подавлены грустью при мысли, что мы не будемъ поощрены интереснымъ походомъ.

Неожиданно и грустно готовились идти въ гавань, какъ вдругъ увидѣли идущій на рейдѣ люгеръ «Широкій» подъ командою капитана Николая Федоровича Мѣтлина, спѣшившій передать призывъ эскадры въ Константинополь.

Мгновенно все одушевилось, мгновенно восторженная вѣсть сдѣлалась всѣмъ извѣстною на эскадрѣ и, приготовясь сняться съ якоря, на другой день, 2-го февраля 1833 года, эскадра вступила въ воды Эвксинскаго Понта и послѣ шестидневнаго плаванія по его пучинѣ, прійдя на видъ Босфора, заштилѣла.

Въ то же время прибылъ на флагманскій корабль начальникъ сѣверныхъ батарей Босфора и попросилъ чрезъ меня (такъ какъ я зналъ турецкій языкъ) свиданія съ адмираломъ.

При свиданіи паша спросилъ Михаила Петровича Лазарева: зачѣмъ русская эскадра подошла такъ близко къ проливу?

Адмиральъ приказалъ мнѣ отвѣчать пашѣ, что она идетъ въ

Босфоръ по просьбѣ султана, а потому считаетъ лишнимъ разъяснять причину ея призыва.

— Но я ничего не знаю, отвѣтилъ паша, и не имѣю приказаній отъ моего государя пропустить русскую эскадру, а потому, во имя Бога, прошу васъ подождать идти въ проливъ до полученія разрѣшенія.

Адмиралъ окончательно отвѣчалъ, что дѣлается свѣжій вѣтеръ, который можетъ подвергнуть жизнь пашин опасности, а потому совѣтуетъ ему послѣпить въ крѣпость.

Паша въ нерѣшимости оставилъ корабль. Тогда эскадра, поставивъ всѣ паруса и построясь въ линію баталин, направилась въ проливъ.

Глазамъ нашимъ, слѣдуя вдоль пролива, представилась величественная картина природы; описывать ее нахожу излишнимъ, потому что о ней знаетъ весь свѣтъ; скажу только, что появленіе русской эскадры, между безмолвными твердынями Босфора, украшенными кипарисами и царствомъ флоры, громъ пушекъ съ батарей и судовъ, привѣтствовавшихъ насъ, дополняли картину полнымъ очарованіемъ.

Быстро мы пронеслись въ Буюкъ-Дере и стали на якорь протѣвъ нашего посольскаго дворца.

Посланники французскій и англійскій покоились въ то время на своихъ ложахъ, какъ неожиданно были пробуждены громомъ пушекъ.

Французскій посланникъ, увидѣвши русскую эскадру на якорѣ въ Буюкъ-Дере, тревожно побѣжалъ къ англійскому посланнику и какъ только перешелъ его порогъ, энергично крикнулъ: «русскіе въ Босфорѣ! что это значить? мы ничего не знаемъ», и послѣ мгновеннаго совѣщанія между собой оба посланника пошли испросить аудіенцію у султана.

Султанъ Махмутъ отвѣчалъ имъ, что «крайнія обстоятельства, угрожающія моему престолу неотрадными послѣдствіями, вынудили меня просить участіе у русскаго царя, а между тѣмъ я прошу согласія на это у вашихъ правительствъ, и скоро надѣюсь—получить удовлетворительный отвѣтъ, а до того прошу не противиться русскимъ».

Посланники не довольствовались отвѣтомъ султана и попросили его согласія обсудить это серьезное обстоятельство со всѣми посланниками: турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, генераломъ Муравьевымъ и адмираломъ Лазаревымъ.

Совѣтъ этотъ, по долгому совѣщанію, опредѣлилъ, до полученія согласія западныхъ державъ на участіе Россіи въ настоящихъ дѣлахъ Турціи, эскадрѣ нашей перейти въ Сизополь въ шестидесяти миляхъ отъ Босфора.

Нордъ-остъ, знакомый намъ морякамъ на Черномъ морѣ, особенно

въ зимнее время, и здѣсь удержалъ за собой постоянный свой бурный характеръ, что лишило возможности эскадрѣ выйти изъ пролива, а потому мы оставались въ немъ, къ нашей радости и неудовольствію противниковъ.

Дни за днями проходили однообразной чередой, и мы по милости Эола, пребывая въ Босфорѣ, послѣ обычныхъ воинскихъ занятій, имѣли много времени познакомиться съ Константинополемъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей мы посѣтили монетный дворъ; при выходѣ изъ него, адмиралу и всѣмъ бывшимъ съ нимъ офицерамъ были вручены золотыя медали въ коробочкахъ съ вензелемъ султана, въ память пребыванія русской эскадры на водахъ Босфора.

Много было матеріала для разговора въ каютъ-компаниі во время нашей трапезы; многое намъ представлялось въ будущемъ отъ усерднаго исполненія нашего священнаго долга, которымъ мы надѣялись удержать славу черноморскаго флота.

Прошелъ мѣсяцъ нашего пребыванія въ Буюкъ-дере въ ожиданіи попутнаго вѣтра, чтобъ перейти въ Сивополь.

Ибрагимъ-паша въ это время занялъ Бруссу, въ шестидесяти верстахъ отъ столицы, но мы ничего не предпринимали къ прегражденію ему марша; извѣстно только, что Ибрагимъ оставался въ Бруссѣ изъ опасенія имѣть столкновеніе съ русскими.

Между тѣмъ показался изъ-за мыса англійскій шлюпъ съ флагомъ на стеньгѣ чрезвычайнаго посла, доставившій согласіе западныхъ державъ на вмѣшательство Россіи въ тогдашнія критическія дѣла Турціи, и хотя главнокомандующій египетской арміи узналъ объ этомъ и было также ему повторено требованіе Россіи, но онъ продолжалъ показывать свое упорство; вслѣдствіе чего приказано было нашимъ правительствомъ послать въ Босфоръ 13-ю пѣхотную дивизію на двухъ эскадрахъ подъ флагомъ адмираловъ Кумани и Стожеевскаго.

Объ эти эскадры, прибывъ въ проливъ и соединясь съ бывшею здѣсь эскадрой, составили весь черноморскій флотъ подъ начальствомъ, произведеннаго въ это время въ вице-адмиралы, Михаила Петровича Лазарева; 13-я же пѣхотная дивизія расположилась лагеремъ на азіатской сторонѣ, подъ начальствомъ генерала Муравьева.

Вскорѣ прибылъ въ Босфоръ графъ Орловъ на корветѣ «Пендераклія», въ качествѣ чрезвычайнаго посла и главнокомандующаго морскими и сухопутными силами.

По прибытіи графа А. Ѳ. Орлова въ Константинополь, султанъ сдѣлалъ смотръ нашему флоту и 13-й дивизіи.

Его величество пожаловалъ на нашъ корабль со всѣми своими сановниками, ласково привѣтствовалъ офицеровъ и команду.

Послѣ смотра, султанъ прислалъ офицерамъ разныя лакомства, а командамъ множество провизіи.

Графъ Орловъ, предварительно переговоривъ съ султаномъ, потребовалъ отъ Ибрагима паши немедленнаго исполненія воли своего государя, предупредивъ пашу, что, въ противномъ случаѣ, онъ двинется съ флотомъ и арміею принудить его къ повиновенію.

Гордый паша принялъ угрозу русскаго генерала надменно, но поневогѣ долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе, что и отецъ его желалъ исполнить желаніе нашего государя.

На другой день, послѣ полученнаго имъ грознаго ультиматума, снявшись съ арміею изъ Врусы, направился вспать въ Сирію.

Его сопровождали русскіе офицеры генеральнаго штаба, и когда египетская армія перешла границы Сиріи, въ іюлѣ 1833 года, офицеры наши воротились въ Константинополь.

Тѣмъ кончилось участіе Россіи въ критическія обстоятельства Оттоманской порты.

II.

Графъ Орловъ, по полученіи свѣдѣнія о переходѣ египетскихъ войскъ въ Сирію, желая ознаменовать пребываніе русскихъ въ Константинополѣ, далъ балъ въ Буюкъ-дерескомъ дворцѣ нашего посольства.

На балъ приглашены были всѣ посланники, турецкіе сановники и почетные граждане Царь-града.

Балъ былъ великолѣпный: дворецъ нашъ горѣлъ разноцвѣтными бенгальскими огнями, флотъ величественно иллюминированъ и на фрегатѣ «Память Евстафія», между фокъ- и гротъ-мачтами, рисовался щитъ съ вензелемъ нашего государя, составленный изъ разноцвѣтныхъ огней, а на берегу такой же щитъ съ вензелемъ султана; на рейдѣ въ Буюкъ-дере, на плотяхъ, генераломъ Залескимъ устроенъ былъ фейерверкъ; на возвышенностяхъ азіятской стороны противъ дворца стояло все наше войско развернутымъ фронтомъ, въ интервалахъ полковъ стояла артиллерія, и вся эта масса войскъ стрѣляла батальнымъ огнемъ; все это вмѣстѣ соединенное составляло картину воинственно очаровательную.

Всѣ гости на балѣ выражали свое мнѣніе, что ничего торжественнѣе не могло быть.

Султанъ съ небольшого парохода, стоявшаго у пристани Буюкъ-дере, всю ночь любовался наружностію торжества.

На другой день, послѣ бала, флотъ, взявши весь десантъ на свой бортъ, снялся съ якоря и направился въ Феодосію, куда пришедши и высадивши все войско въ карантинъ, отплылъ въ Севастополь.

И вотъ, послѣ шестидѣсячной разлуки,—Севастополь украсилъ свой рейдъ возвратившимся флотомъ, который своимъ только появленіемъ въ Босфоръ ниспровергъ замыслъ египтянъ на политическій переворотъ турецкаго государства и потрясеніе престола султана Махмута.

Флотъ, простоявъ нѣсколько дней на севастопольскомъ рейдѣ, вышелъ въ море для практическихъ занятій и выдержанія карантина.

Послѣ этого, прибывъ обратно въ Севастополь, вошелъ въ гавань.

Михаилъ Петровичъ, за кампанію 1833 года, былъ произведенъ въ вице-адмирала и назначенъ генералъ-адъютантомъ къ государю императору; скорѣ онъ замѣнилъ незабвеннаго Алексѣя Самуиловича Грейга.

Генералъ-адъютантъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ былъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота 19 лѣтъ; какъ государственному дѣятелю и какъ герою наваринскому, ему поставили памятникъ, который, красуясь надъ всѣми твердынями, омываемый водами севастопольскаго залива, напоминаетъ потомству, что пролитая кровь его учениковъ подчиненныхъ, во время геройской защиты Севастополя, дала результаты на безсмертную славу любезнѣйшаго нашего отечества.

Въ теперешніе дни, я старецъ, живя между развалинами Севастополя, съ грустію вспоминаю о прежнемъ величій, погребеннаго въ волнахъ севастопольскаго рейда, нашего флота, украшавшаго страницы отечественной исторіи столькими доблестными подвигами, и, не безъ чувства гордости, смѣю считать себя сотрудникомъ славныхъ дѣлъ его, потому что имѣлъ счастье участвовать въ нихъ въ продолженіи полувѣковой моей службы во флотѣ.

Нынѣ съ восторгомъ благодарю Зиждителя за доставленіе мнѣ отрады видѣть постепенное возрожденіе черноморскаго флота.

Михаилъ Ставраки.

Севастополь.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

30 АВГУСТА 1834—1884 ГГ.

«Воздвигнулъ» режь—и мощною рукой
Отторгнулъ отъ скалы гигантскую громаду,
И водрузилъ глаголь о славъ въскогой
И завѣщалъ его Петрову граду...

А. Вистромъ.

30 августа 1834 г.

I.

Въ 1814 году чины святѣйшаго правительствующаго синода, государственнаго совѣта и правительствующаго сената, составивъ общее чрезвычайное собраніе, постановили: 1) принести государю императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды, подъятыя имъ для усугубленія славы и благоденствія державы его; 2) приложить къ священному имени его титулъ: Благословеннаго, тѣмъ болѣе приличный скромности и благочестивому смиренію императора, что великіе подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительствомъ Промысла; 3) для преданія позднѣйшему потомству славы Россіи и сердечной благодарности къ виновнику ея выдать медаль и воздвигнуть въ столицѣ памятникъ съ надписью: «Александру Благословенному, императору всероссійскому, великодушному державъ возстановителю, отъ признательной Россіи».

Для исходатайствованія на желаніе это всемилостивѣйшаго соизволенія, отправлена была съ общею просьбою отъ собранія въ императору депутація, составленная изъ гг. членовъ государственнаго совѣта: князя А. Б. Куракина, А. П. Торماسова и графа А. Н. Салтыкова. Его величество, удостоивъ принять всеподданнѣйшее приношеніе, отвѣтилъ высочайшимъ указомъ слѣдующаго содержанія:

«Внимая посланному ко мнѣ отъ святѣйшаго синода, государственнаго совѣта и правительствующаго сената прошенію о воздвигнутіи мнѣ въ пре-

стольномъ градѣ памятникъ и принятіи проименованія: Благословенный, не могъ я во глубинѣ души моеѣ не почувствовать удовольствія, вида, съ одной стороны, дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой—чувствованія россійскихъ государственныхъ сословій, подносящихъ мнѣ имя, самое для меня лестнѣйшее, ибо всѣ старанія и мышленія души моеѣ стремятся къ тому, чтобы теплыми молитвами призывать на себя и на вѣранный мнѣ народъ Божеское благословеніе и чтобы быть благословляему отъ любезныхъ мнѣ вѣроподданныхъ моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія! Но при всеѣмъ тщаніи моемъ достигнуть до сего, не позволяю себѣ, яко человѣкъ, дерзновенія мыслить, что я уже достигъ до того и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю я оное съ правилами и образомъ мыслей моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преобладаютъ вѣроподданныхъ моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убѣждаю государственныхъ сословій оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

Все производство этого дѣла хранится въ особомъ ковчегѣ при общемъ собраніи правительствующаго сената. А самый указъ служитъ доказательствомъ, почему не имѣлъ никакого хода проектъ памятника, также въ видѣ колонны, съ группами, составленный архитекторомъ Базакевымъ для постановки въ Москвѣ, поданный имъ графу Румянцеву и хранящійся въ московскомъ государственномъ архивѣ. Рисунокъ, снятый фотографіею и помещенный въ I томѣ «Археологическаго Журнала», издаваемого подъ редакціею Н. В. Калачева, имѣетъ то важное значеніе, что типъ именно колонны для памятника предложенъ русскимъ художникомъ.

Для составленія памятника императору Александру I-му былъ объявленъ конкурсъ. Строитель Исаіевскаго собора, архитекторъ Монферранъ, разсчитывая воспользоваться открытымъ на ломкѣ въ Пютерлакѣ, гдѣ добывались колонны для сооружаемаго имъ собора, гранитнымъ монолитомъ болѣе 14 саж. длины, составилъ проектъ памятника въ видѣ обелиска въ 12 саж., съ базою же 15. Предположеніе его было одобрено, но съ тѣмъ, чтобы представленный обелискъ замѣненъ былъ колонною, увѣнчанною изваяніемъ. Монферранъ выбралъ для колонны дорическій ордеръ и, держась пропорцій Траяновой колонны, назначилъ высоту всего памятника въ 154 фута 9 дюймовъ. Въ такомъ видѣ проектъ памятника Александру I былъ утвержденъ

24 сентября 1829 года. Въ глубокую осень начались работы; въ декабрю окончили выемку земли, при чемъ оказалось нѣсколько сажень булыжнаго фундамента на сваяхъ. Съ января по апрѣль произведена бойка двухъ-саженныхъ свай, въ количествѣ 1,002, и 30 ноября 1830 г. произведена закладка памятника, по какому случаю была выбита медаль. Далѣе шли работы такнѣ образомъ... но прежде чѣмъ мы станемъ описывать, должны указать, что исторія этого сооруженія увѣковѣчена роскошнымъ изданіемъ Монферрана съ его рисунковъ, сдѣланныхъ съ натуры; это сочиненіе называется: «Plans et détails du monument consacré à la mémoire de l'empereur Alexandre, ouvrage dédié à sa majesté l'empereur Nicolas I par A. Ricard de Montferrand», содержитъ 48 рисунковъ in folio, изображающихъ какъ планы и разрѣзы колонны, такъ и общіе виды ея отдѣленія отъ скалы, перекатки на судно, втаскиванія на платформу, поднятія и т. д. Всѣ автографы сдѣланы въ Парижѣ, а самое изданіе опубликовано въ Петербургѣ въ 1836 году.

Камень, изъ котораго сооруженъ стержень колонны (84 ф. или 12 саж.), извлеченъ былъ изъ гранитной горы въ Пютерлакской мызѣ, Выборгской губерніи, Бюенгордскаго уѣзда, въ разстояніи отъ Петербурга 210 верстъ сухимъ путемъ, а водою 160 верстъ. Работы, для отторженія этого камня отъ горы, начаты были подрядчикомъ, купеческимъ сыномъ Вас. Абр. Яковлевымъ, 15 іюня 1830 г., а самое отдѣленіе его послѣдовало 19 сентября 1831 г. Потомъ добыли также цѣльный кусокъ гранита, вѣсомъ 24,960 пуд., для постаментна колонны, въ 5 верстахъ далѣе, на урочищѣ Летцарма. Послѣдній привезли 3 ноября 1831 г. и, по обвѣсчѣ въ правильный кубъ (ребро=22 ф.), 3 февраля 1832 г. опущенъ на свое мѣсто, гдѣ производилась уже окончательная обдѣлка его въ теченіи полугода. Пока это дѣлалось въ Петербургѣ, въ Пютерлакѣ округлялся монолитъ и строилось инженеромъ судно для перевозки колонны. Обѣ операціи были окончены въ іюнь 1832 г. и колонна скатана къ берегу. При спускѣ на судно, масса камня навредила его и привести въ нормально-горизонтальное положеніе удалось при помощи приведенныхъ изъ Фридрихсгама 600 солдатъ. Эту громадную массу повезли въ Петербургъ 1 іюля 1832 года на буксирѣ двухъ пароходовъ, и 12-го выгрузили. Для подъема колонны, передъ дворцомъ, въ 10 дней возведенъ былъ пологій скатъ (длиною 70 саж., шириною 14½ саж., вышиною до 5 саж.), съ котораго платформа вела на огромный бутовой массивъ, верхняя квадратная площадь котораго имѣла болѣе 3,600 кв. саж. На ней находились лѣса и ручные кабестаны, съ помощью которыхъ колонна была притянута на саняхъ подъ самые лѣса и спущена на свое мѣсто. Лѣса образовывали срубъ въ формѣ четырехсторонней усѣченной пирамиды, въ срединѣ которой, надъ пьедесталомъ, во всю ширину и высоту лѣсовъ,

по діагонали, оставлень былъ пролетъ, 20 футовъ въ ширину, раздѣлившій лѣса на двѣ части. 28 августа 1832 г. сдѣлана была проба крѣпости механизма поднятія, при чемъ колонна, поднятая на 20 фут., провисѣла въ такомъ положеніи цѣлый часъ, пока снимали съ нея нижнюю половину савей. Монферраномъ было также обращено особенное вниманіе на то, чтобы тяжесть людей и машинъ не подломилла платформы. Наконецъ, 30 августа 1832 г., подняли колонну, для чего употреблено было двѣ тысячи гвардейскихъ солдатъ, служившихъ при Александрѣ I, и четыреста отличныхъ работниковъ, которые привели въ движеніе 60 машинъ. Это поднятіе происходило въ присутствіи государя Николая Павловича и всей высочайшей фамилии. Самъ государь, наследникъ престола, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ II, и в. к. Михаилъ Павловичъ принимали участіе въ трудѣ поднятія колонны. Дѣйствительно, подъемъ этой колонны представлялся единственнымъ случаемъ, такъ какъ вѣсъ ея равенъ былъ 1.847,000 фунтовъ, а обелискъ св. Петра, поднятый Фонтаномъ 3 іюля 1586 г., вѣсилъ лишь 674,500¹/₂ фунтовъ. Колонна совершила движеніе, какъ поднимаемое на воздухъ, такъ и поступательное опущеніе на пьедесталъ, въ 1 часъ 40 минутъ. Этотъ промежутокъ времени, какъ онъ былъ ни кратокъ, проведенъ всѣми присутствовавшими на платформѣ, вѣроятно, съ безпокойствомъ; каждую минуту могло совершиться несчастье; особенно тяжелое чувство овладѣло всѣми вначалѣ, когда лопнулъ одинъ блокъ и упалъ съ шумомъ съ лѣсовъ, во дальнѣйшій подъемъ колонны совершился безъ всякихъ приключеній. По постановкѣ колонны на пьедесталъ приступлено было къ украшенію базиса. Спанъ 8 кусковъ, егѣ составляющихъ, закрыты съ четырехъ сторонъ бронзовыми барельефами, которые были розданы для производства съ рисункомъ моделей: профессору Демуту-Малиновскому съ 2 фигурами Войны и Мира; академику Габбергу съ фигурами Побѣдъ, ишущими на щитѣ: «Александръ I благодарная Россія» и фигурами рѣкъ Вислы и Невы; академику Орловскому съ 2 фигурами Справедливости и Милосердія, а г. Леппе съ фигурами Мудрости и Изобилія. По четыремъ угламъ пьедестала находящіеся бронзовые орлы работы Леппе, а архитектурныя украшенія, гирлянды изъ дубовыхъ листьевъ, скульптура базы и капители исполнены орнаментныхъ скульпторовъ Баллиныхъ. Отливка всѣхъ этихъ вещей производилась на заводѣ Берда, подъ надзоромъ инженера Уильяма Гандессейда.

Три проекта представлены были на фигуру, которою увѣичана колонна: Леппе въ своемъ проектѣ предлагалъ фигуру Александра Невского или Михаила Архангела съ крестомъ; самъ Монферранъ съ скульпторомъ Жакомъ группу двухъ стоящихъ ангеловъ съ крестомъ или трехъ ангеловъ-дѣтей, сидящихъ на облакахъ у того-же креста. Императоръ утвердилъ проектъ Орловскаго; ангела съ крестомъ, указывающаго на небо. Лицу его придали сходство съ чертами лица императора Александра I. Ангелъ поставлень на

полушаріи, одѣтымъ, какъ и вся верхняя часть памятника отъ капители, бронзою. Вся прибавочная часть надъ монолитомъ сдѣлана изъ гранита и кирпича. Расходы по сооруженію памятника при открытіи составляли 2.945,152 р. 9½ к.

Разказавъ въ общихъ чертахъ исторію сооруженія памятника императору Александру I, обратимся къ воспоминанію торжества его открытія.

II.

Отъ 8-го августа 1834 г., послѣдовалъ слѣдующій «приказъ арміямъ нашимъ»: «Кто величество король прусскій, высочій соподвижникъ императора Александра I въ священной брани 1813 и 1814 гг., освободившей Европу, извѣстилъ насъ, прилагаемымъ при семъ, письмомъ о намѣреніи своемъ отправить въ С.-Петербургъ, подъ предводительствомъ сына своего его королевскаго высочества принца Вильгельма, отрядъ своихъ войскъ для присутствованія при торжественномъ открытіи памятника, воздвигнутаго въ Бозѣ почившему любезнѣйшему брату нашему, въ увѣковѣченіе славы великаго дѣла, исполненнаго сею войною къ благоденствію Россіи и всѣхъ образованныхъ народовъ».

Прилагаемое письмо, изъ Теплица отъ 20-го іюля новаго стиля, велѣно было прочтати во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ.

«Государь, любезнѣйшій братъ и зять мой! Принимая живѣйшее участіе въ открытіи памятника, который вѣкамъ грядущимъ будетъ служить свидѣтельствомъ чрезвычайныхъ усилій къ испроверженію нестерпимаго угнетенія, и передасть имъ славу государя, силою великой души своей повсемѣстно возбудившаго и направившаго оныя къ вѣрному достиженію благословенной цѣли,—я искренно сожалею, что, по препятствіямъ непреодолимымъ, не могу наследовать приглашенію вашему прибыть въ С.-Петербургъ, но по истиннѣ всею мыслию буду находиться при семъ великомъ торжествѣ; въ личное же утѣшеніе мнѣ прошу дозволенія вашего привести въ исполненіе драгоценное сердцу моему намѣреніе, согласное съ подобнымъ желаніемъ вашего императорскаго величества, которое въ минувшемъ году вамъ угодно было изъяснить сыну моему, принцу Альберту. Сходно съ нимъ, позвольте, государь, возвѣстять вамъ о прибытіи въ С.-Петербургъ, ко дню торжества, отряда войскъ моихъ, составленнаго изъ 17 офицеровъ и 38 солдатъ моей гвардіи и полка вашего величества, участвовавшихъ въ знаменитыхъ кампаніяхъ того времени. Отрядъ сей, ввѣренный мною сыну моему принцу Вильгельму, будетъ въ семъ случаѣ представителемъ всей моей арміи, которая гордится еще воспоминаніями эпохи, навсегда незабвенной братскимъ союзомъ своимъ съ мужественными воинами російскими и одобре-

ніемъ того, который, открывъ ей путь къ побѣдамъ, не дѣлалъ никакого различія между нею и собственными своими войсками.

«Удостойте, государь, посылаемый отрядъ вашею благосклонностію. Увѣренный въ вашею согласіи, я отправилъ оный, не ожидая вашего отвѣта.

«Примите увѣренія въ неизмѣнной моей привязанности и въ высокою уваженіи, съ коимъ пребываю преданный тесть Фридрихъ Вильгельмъ».

Прибывшіе прусскіе офицеры и солдаты къ торжеству открытія были размѣщены по полкамъ, соответствующимъ не только оружіемъ, но и номерами тѣмъ полкамъ прусской арміи, въ которыхъ они служили. Прусскій-же генералъ-маіоръ фонъ-Редеръ, послѣ открытія колонны, былъ пожалованъ орденомъ св. Анны I ст. съ брилліантами.

Описаніе же церемоніала открытія колонны было опубликовано въ № 201 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1834 г., но мы сдѣлаемъ это на основаніи современной брошюры Ив. Бутовскаго: «Объ открытіи памятника императору Александру I», который называетъ свое сочиненіе «посланиемъ русскаго грядущему столѣтію».

Противъ самой колонны, со стороны главнаго штаба, въ полукругѣ, устроены были для зрителей шестирядныя эстрады по всей стѣнѣ нижняго этажа; фасадъ временнаго дворцоваго манежа, (который построенъ впоследствии архитекторомъ А. К. Брюлловымъ), съ придѣланною къ нему на значительномъ разстояніи пристройкою, былъ обращенъ въ амфитеатръ, узанный во всю длину продольными скамьями отъ фундамента до верхняго вѣнца крыши. Средняя дворца Зимняго, у главнаго балкона, прикрывалась длиннымъ красивымъ павильономъ, котораго роскошныя крылья, опущенныя на площадь, обращены были въ пышныя и нарядныя лѣстницы.

Еще въ исходѣ іюня, говоритъ Бутовскій, столица замѣтно начала наполняться пріѣзжими и ко дню открытія число жителей Петербурга простиралось до 1 $\frac{1}{2}$ милліона.

Въ ночь на 30-е августа надъ Петербургомъ разразилась страшная буря съ ударами молніи, которая продолжалась слышеюмъ три часа; проливной дождь освѣщалъ землю и воздухъ, такъ какъ все лѣто до 24-го августа сопровождалось чрезвычайными жарамъ.

Въ 7 часовъ утра 30-го августа пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о наступленіи торжества. Народъ, стремившійся на дворцовую площадь, встрѣчалъ государя императора съ наследникомъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, ѣхавшихъ въ Невскій монастырь къ обѣдѣ. Въ 11 часовъ Николай Павловичъ появился на площади; раздался первый пушечный выстрѣлъ: все стихло. По третьему выстрѣлу на всѣхъ улицахъ, ведущихъ на площади Дворцовую, Адмиралтейскую и Петровскую, вдругъ показались головы колоннъ съ барабаннымъ боемъ и звуками музыки.

Когда вся масса войскъ установилась, начался объѣздъ Николаемъ Павло-

вичемъ со свитою войскъ. Затѣмъ послѣдовало молебствіе, едва крестный ходъ показался въ великолѣпномъ павильонѣ. Войска отдали честь. Послѣ колѣнопреклоненія, по возгласеніи протодіакономъ вѣчной памяти Александру Благословенному, красная шелковая завѣса, скрывавшая пьедесталь памятника, вдругъ упала, и золотые двуглавые орлы, поддерживавшіе ее, поверглись предъ колонной. Въ это мгновеніе явственно раздался голосъ его величества, который самъ одинъ командовалъ всей массѣ войскъ на караулъ и отдалъ честь монументу съ барабаннымъ боемъ, музыкою и криками ура.

Всѣмъ за этимъ послѣдовала пальба изъ 248 орудій, находившихся при войскахъ и расположенныхъ на разводной площадкѣ набережныхъ: Дворцовой, Англійской и противъ зданія биржи, что продолжалось 65 минутъ. Все это время народъ крестился и не сводилъ глазъ съ монумента Александра I и Николая I, стоявшаго предъ колонной съ uklоненнымъ палашемъ.

Наконецъ, послѣдовала команда къ перестроенію войскъ и церемониальному маршу, что произведено было съ величайшею скоростію. Большая часть кавалеріи скрылась на рысяхъ въ назначенныя заранѣе улицы. Пѣхотныя дивизіи, занимавшія дворцовую площадь, отступили до бульвара у адмиралтейства и образовали голову грозной массы войскъ. Церемониальный маршъ составилъ послѣдній моментъ торжества, который вѣсть съ тѣмъ былъ и самымъ продолжительнымъ.

Государь шелъ впереди, ведя роту дворцовыхъ гренадеръ мимо памятника, и, введя въ ограду, самъ лично поставилъ ее въ караулъ вокругъ колонны; отдавъ честь монументу, онъ остановился потомъ подлѣ памятника съ правой стороны, противъ дворцоваго павильона, гдѣ находилась императрица Александра Феодоровна со всѣмъ высочайшимъ дворомъ. Церемониальное шествіе 120,000 войскъ заняло около трехъ часовъ, но, по словамъ Бутовскаго, нисколько не утомило зрителей, такъ какъ картина эта была величественно-обворожительна. Пѣхота проходила въ сомкнутыхъ полковыхъ колоннахъ, кавалерія въ полковыхъ эскадронныхъ, а артиллерія отдѣленіями по 16 орудій.

Строитель Александровской колонны, которая своею высотой превосходитъ всѣ извѣстные монументы въ этомъ родѣ, на земномъ шарѣ—получилъ и величайшую награду отъ государя императора, которой никогда ни прежде, ни потомъ не удостоивался ни одинъ архитекторъ, именно Монферранъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., пенсіономъ въ 5 тысячъ руб. и кромѣ того получилъ сто тысячъ руб. Такими словами объ этомъ событіи заманчиваетъ свое описаніе сооруженія Александровской колонны Монферранъ: «Le jour même de l'inauguration, je fus crée chevalier de l'ordre de Saint-Vladimir de la troisième classe, et je reçus une pension de cinq mille roubles, à laquelle S. M. daigna encore joindre la somme de cent

mille roubles, qui fut mise immédiatement à ma disposition». Министръ-же двора, князь П. М. Волконскій, удостоенъ былъ слѣдующаго рескрипта, отъ 3 сентября того-же 1834 г.

«Любезный князь Петръ Михайловичъ! Обѣтъ моего сердца, обѣтъ всей Россіи благополучно довершенъ; памятникъ, незабвенному нашему благодѣтелю императору Александру I водвигнутый, свидѣтельствуетъ потомству благодарность признательнаго отечества къ виновнику его величія.

«Воспоминаніе сихъ славныхъ событій приводитъ меня естественно къ мысли, что вы, неразлучно находясь при императорѣ Александрѣ I въ походахъ 1813 и 1814 годовъ, имъ избраны были для сообщенія мудрыхъ изреченій его воли, которою все направлялось къ окончательному торжеству надъ противниками; желая почтить еще разъ въ лицѣ вашемъ память сихъ славныхъ временъ, повелѣваемъ къ носимому вами съ потомствомъ княжескому достоинству прибавить титулъ свѣтлости».

Въ 1835 году вокругъ колонны устроена бронзовая рѣшетка цѣною, по свѣдѣнью, въ 92,000 р. Въ 1841 году возникли толки о трещинѣ въ колоннѣ, для изслѣдованія чего составлена была комиссія изъ специалистовъ, которая на мѣсахъ убѣдилась, что трещины нѣтъ, а есть неровность, не принявшая погирокки, и то очень незначительной глубины. Въ 1860 году изслѣдованія по этому вопросу возобновились и были результатомъ постройки лѣсовъ для замазыванія трещины особеннымъ для того составомъ, что окончено было въ 1870 году.

И. Н. Вожевановъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ НА КАВКАЗЪ

въ 1837 г.

I.

Императоръ Николай въ Геленджикѣ.—Посѣщеніе ген. Штейбе и лазаретовъ.—
Пожаръ.—Смотръ войскамъ.—Посѣщеніе Анапн.—Возвращеніе въ Крымъ.—
Отплытіе въ Редуть-вале.

Въ лѣтописяхъ русскаго владычества на Кавказѣ есть событія, которыя прошли будто незамѣченными не смотря на несомнѣнную историческую ихъ важность и значеніе. Къ такимъ событіямъ относится, между прочимъ, поѣздка императора Николая на Кавказъ, предпринятая ровно 115 лѣтъ спустя послѣ похода Петра Великаго въ Дагеставъ. Это былъ другой вѣнценосецъ Россіи, ступившій на кавказскую почву и на этотъ разъ не со стороны Каспія, а с.-в. берега Чернаго моря, гдѣ война наша съ черкесами была въ полномъ разгарѣ.

Слѣдуя изъ Крыма, императоръ Николай, сопровождаемый наследникомъ-цесаревичемъ, высадился 20-го сентября 1837 года въ Геленджикѣ, гдѣ остановился въ комендантскомъ домѣ. Послѣ непродолжительнаго отдыха и послѣдовавшаго за нимъ приѣма командующаго войсками на кавказской линіи, ген.-лейт. Алексѣя Александровича Вельяминова, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, государь отправился къ ген.-маіору Штейбе, смертельно раненому въ бывшей наканунѣ экспедиціи. Искреннее участіе, оказанное страдальцу и пожалованіе ему 3 т. червонцевъ, само собою не могли предупредить печальнаго исхода болѣзни, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствовали о той горячей любви, которою всегда отличался императоръ Николай къ войску. То же монаршее благоволеніе было оказано, при посѣщеніи баталіонныхъ лазаретовъ, раненымъ нижнимъ чинамъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ были положены на грудь георгіевскіе кресты.

На слѣдующій день былъ назначенъ высочайшій смотръ войскамъ какъ Геленджикскаго гарнизона, такъ и прибывшимъ туда еще 7-го сентября 1837 г. изъ Ново-троицкаго укрѣпленія. Они были расположены въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, гдѣ кромѣ великолѣпной палатки, подбитой бѣлымъ сукномъ съ золотыми украшеніями, заготовили блистательный фейерверкъ — словомъ, устроили все для торжественнаго приѣма царственнаго путешественника. Къ сожалѣнію, приѣмъ не удался, такъ какъ с.-в. вѣтеръ, поднявшійся еще 19 числа, до того усилился, что не только разметалъ палатки, но опрокинулъ поставленные въ козлы ружья. Къ довершенію всего, въ самомъ укрѣпленіи, 21 числа въ 7 часовъ утра, вдругъ вспыхнулъ пожаръ, скрывшій Геленджикъ въ непроницаемую мглу окутавшаго его дыма. Оказалось, что загорѣлись бунты провіантскаго магазина, при чемъ огонь угрожалъ баталіонному пороховому погребу, до котораго начинали долетать искры отъ горѣвшихъ роговъ и цыновокъ. Императоръ въ это время стоялъ на балконѣ своей квартиры и любовался смѣлостью и отвагою нижнихъ чиновъ, которые, ободряемые его присутствіемъ и руководимые его указаніями, вытаскивали изъ погреба бочки съ порохомъ и ящики съ патронами. Къ 11 часамъ пожаръ, наконецъ, прекратился и государь отправился въ лагерь. Подѣхавъ къ войскамъ, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ по линіи вдоль фронта, имѣя по правую руку наследника. Вѣтеръ въ это время дулъ прямо въ лицо войску съ такою силою, что солдаты съ трудомъ удерживались на ногахъ и при крикахъ «ура!» невольно отворачивались въ сторону, при чемъ многіе закашливались и строили гримасы; ружья-же держали на караулъ только лѣвою рукою, а правую придерживали фуражки. Кто это не дѣлалъ, тотъ стоялъ съ обнаженною головою, такъ какъ вѣтеръ уносилъ фуражки въ море. Обойдя войска, государь направился къ палаткѣ, которую съ величайшими усиліями удерживала цѣлая сотня казаковъ. Послѣ завтрака императоръ вышелъ къ войску и скомандовалъ:

— Войска, дѣти, ко мнѣ, кто какъ есть и въ чемъ повало!

Мгновенно всѣ бросились къ его величеству и окружили его густою толпою; нѣкоторые даже влѣзли и помѣстились на деревьяхъ. Государь благодарилъ солдатъ за усердную службу, со многими офицерами вступалъ въ разговоръ, а генерала Вельяминова обнял и поцѣловалъ.

Вечеръ этого дня былъ посвященъ занятію дѣлами, а 22-го государь простился съ высшими чинами и, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, на лодкѣ азовскихъ казаковъ, при несмолкаемыхъ крикахъ «ура», отправился на ожидавшій его пароходъ, который, не долго спустя, скрылся на горизонтѣ.

23-го числа императоръ посѣтилъ Анапу, гдѣ, въ сопровожденіи коменданта гр. Цукато, посѣтилъ крѣпость, госпиталь и произвелъ смотръ гарнизону. Утромъ того же дня его величество отплылъ въ Крымъ и, разставшись тамъ съ наследникомъ, 25-го сентября сѣлъ на пароходъ «Полярная звѣзда» и направился въ Редуть-кале.

II.

Слухи въ Грузіи о пріѣздѣ императора Николая на Кавказъ.—Предварительныя распоряженія къ пріему государя.—Поѣздка корпуснаго командира барона Розена въ Редуть-кале.—Остановка въ Горп.—Буръезный случай съ профессоромъ Кохомъ.—Прібытіе императора въ Редуть-кале.—Его свита.—Зугдиди.—Бутакъ.—Малгъ.—Сурамъ.—Ахалкалаки.—Гумри.—Заложеніе церкви во имя св. Александры и переименованіе города въ Александрополь.—Пріемъ турецкаго сераскира Мамех-Асад-пашы.—Мастара.—Сардар-абадъ.—Поднесеніе Государю ошпаннаго пѣтуха.—Этміадзинъ и патріархъ Іоаннесъ.

Въ Грузіи уже давно поговаривали о предположеніи императора Николая посѣтить Кавказъ, но слухамъ этимъ не придавали особеннаго значенія, пока, наконецъ, письмо гр. Чернышева, отъ 18 марта 1837 года, къ тогдашнему корпусному командиру барону Розену, не разсѣяло всѣхъ на этотъ счетъ сомнѣній. Въ Тифлисѣ немедленно была учреждена коммисія ¹⁾ подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Фролова, съ обязанностью изыскать средства къ безостановочному проѣзду государя и устройству встрѣчи согласно высочайшей волѣ. Главная при этомъ забота коммисіи состояла въ приведеніи въ относительно удовлетворительное состояніе путей сообщенія, хотя въ какіе нибудь 5, 6 мѣсяцевъ немислимо было что нибудь сдѣлать тамъ, гдѣ дороги находились въ первобытномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе работа закипѣла по всему тракту высочайшаго проѣзда, порученнаго особенному попеченію ген. Лачинова. Но лихорадочная суета охватила всѣ учрежденія, не исключая даже духовнаго, которое, вслѣдствіе общаго вкоренившагося суевѣрія, распорядилось, чтобы во время пребыванія государя императора въ Тифлисѣ, духовные, во избѣжаніе всякихъ съ нимъ встрѣчъ, не дерзали показываться на улицахъ.

¹⁾ Членами коммисіи были: генераль-лейтенанты Гессе и Брайко; генералъ-майоры кн. Багратіонъ-Мухранскій, атаманъ Довсенкъ казачьихъ полковъ Леоновъ, Васильевскій и Лачиновъ; полк. Семчевскій; д. с. с. кн. Павландовъ, с. с. Васильевскій и к. а. Клементъ. А. д. В.

Наконецъ, не было забыто испросить высочайшее соизволеніе на принятіе въ Тифлисѣ бала, на что и послѣдовало согласіе государя съ разрѣшеніемъ какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ лицамъ бить на балѣ не въ башмакахъ, какъ то было принято, а въ сапогахъ ¹⁾— обстоятельство весьма важное, ибо съ самаго занятія нами Закавказскаго края не представлялось надобности ни въ башмакахъ, ни въ балльной одеждѣ, за которыми пришлось бы посылать нарочнаго въ Москву.

Между тѣмъ время уходило. Лѣто смѣнилось дождливою и ненастною осенью, какой не могли запомнить старожилы. Труды и усилія, потраченные на исправленіе дорогъ, не достигли цѣли и государю, какъ мы увидимъ ниже, не разъ приходилось во время поѣздокъ пересаживаться изъ экипажа на обыкновенную казачью лошадь или же ѣхать полсутки тамъ, гдѣ въ сухое время переѣздъ совершался въ какіе нибудь два три часа. Въ виду устраненія подобныхъ неудобствъ, а главное незапозданія прибытіемъ въ Редуткале для встрѣчи царственнаго путешественника, баронъ Розенъ еще въ первой половинѣ сентября выѣхалъ изъ Тифлиса. Проѣхавъ 70 верстъ, онъ остановился въ городѣ Гори, гдѣ помѣстился въ домъ рядомъ съ заставою, которая въ то доброе старое время было весьма обыкновеннымъ явленіемъ на Руси. Расскажу адѣсь весьма забавный случай—быть можетъ плодъ досужаго воображенія, но тѣмъ не менѣе сохранившійся въ памяти нѣкоторыхъ закавказцевъ.

У барона Розена былъ поварь, любившій топить горе въ винѣ; въ самый день пріѣзда въ Гори онъ запилъ и пропалъ безъ вѣсти. Случай этотъ крайне возмутилъ барона, приказавшаго во что бы то ни стало отыскать и представить ему виновнаго. Какъ на бѣду въ это самое время чрезъ Гори ѣхалъ профессоръ Кохъ, направлявшійся къ сторонѣ Чернаго моря. А какъ о всякомъ проѣзжавшемъ приказано было немедленно доносить корпусному командиру, то дежурный вѣстовой, задержавъ почтеннаго ботаника, отправился заявить о немъ барону. Услышавъ слово Кохъ, баронъ приказалъ его высьѣчь и представить въ его присутствіе. Вѣстовой возвращается, приглашаетъ Коха слѣдовать за нимъ, и, захвативъ съ собою на пути двухъ трехъ солдатъ, приводитъ его въ отдѣльную комнату, гдѣ ему предлагается раздѣваться.

— Зачѣмъ? спрашиваетъ изумленный путешественникъ.

¹⁾ Отношеніе гр. В. Адлерберга къ барону Розену, отъ 2-го іюля 1837 г., № 14.

— А затѣмъ, отвѣчаетъ вѣстовой, что корпусный командиръ приказалъ отодрать ваше благородіе розгами.

Кохъ, весьма понятно, началъ горячиться, а когда солдаты вздумали было обратиться къ силѣ, поднялъ такой крикъ, что баронъ, услышавъ шумъ на гауптвахтѣ, потребовалъ къ себѣ виновнаго. Но каково было его удивленіе, когда онъ въ проѣзжающемъ встрѣтилъ совсѣмъ не того, кого предполагалъ. Сконфуженный въ конецъ предъ незнакомцемъ, онъ сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ и объяснилъ происшедшее недоразумѣніе.

Такіе и имъ подобныя курьезы, впрочемъ, случались съ Кохомъ не рѣдко. Такъ, наприм., рассказываютъ, что когда онъ прибылъ въ Мингрелію и представился владѣтелю, то князь Леванъ Дадіани спросилъ его:

— Кто ты такой?

— Ботаникъ, отвѣчалъ Кохъ.

— А что это значитъ?

— Это значитъ, что я посвятилъ себя изученію растительнаго міра.

— А затѣмъ ты пріѣхалъ сюда?

— По приказанію моего короля, чтобы собирать разныя травы.

— Знаешь-ли что, — твой король очень странный человѣкъ: вмѣсто того, чтобы прислать тебя, ему стоило бы написать мнѣ два слова и я съ величайшимъ удовольствіемъ отправилъ бы къ нему нѣсколько аробъ сѣна.

Но обратимся къ нашему разсказу. Оставивъ Гори и продолжая путь къ Черному морю, баронъ Розенъ зорко присматривался ко всѣмъ распоряженіямъ мѣстныхъ властей по приему высокаго гостя и личнымъ участіемъ старался устранять малѣйшія упущенія, которыя могли возбудить высочайшее неудовольствіе. Но вотъ онъ прибылъ въ Редут-кале. Наступило 27 сентября и на горизонтѣ бушевавшаго моря показалась «Полярная Звѣзда». Пароходъ быстро приближался и въ виду города бросилъ якорь. Баронъ Розенъ стоялъ на берегу.

— Честь имѣю явиться, произнесъ государь, вступивъ на берегъ и держа подъ козырекъ, и тутъ же протянулъ барону руку.

Слугу государя составляли: ген.-адъют. гр. Орловъ, гр. Адлербергъ (при немъ чиновникъ и писарь), лейб-медикъ Арендтъ, фл.-адъют. полков. Львовъ (при немъ чиновникъ), прусской службы полк. Раухъ; затѣмъ три фальдъегерскихъ офицера, три камердинера его величества, придворный пѣвчій, метр-д'отель Миллеръ (при немъ два повара) и магазинъ-вахтеръ.

Изъ Редут-кале императоръ отправился въ Зугдиди, резиденцію владѣтеля Мингреліи кн. Левана Дадіани, встрѣтившаго его величество въ недалекомъ разстояніи отъ морского берега. Посѣщеніе Зугдиди осталось не безъ послѣдствія. Когда въ томъ же 1837 году кн. Леванъ ходатайствовалъ объ учрежденіи здѣсь города Григоріополя, то его величество собственноручно написалъ на докладѣ:

— «Видѣлъ сіе мѣсто и сомнѣвался, чтобы когда либо тутъ могъ быть городъ, ибо среди мховъ и на болотѣ, можно въ угожденіе владѣтеля Мингреліи назвать сіе мѣсто Григоріополемъ, но званіе города дать только тогда, когда городъ будетъ».

28 сентября государь прибылъ въ Кутансъ, гдѣ въ числѣ другихъ ему представились архіепископъ Софроній, митрополитъ Имеретинскій Давидъ и князья Цебельдинскіе и Сванетскіе Михаилъ и Татрханъ Дадишкеліани, а 29-го въ Малитъ, въ Сурамскомъ ущеліи, встрѣченный въ этомъ мѣстѣ грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ кн. Палавандовымъ, предводителемъ дворянства, князьями и дворянами, а также старшинами ближайшихъ осетинскихъ ауловъ. На слѣдующій день государь, чрезъ Мескіійскій хребетъ, отдѣляющій Имеретію отъ Карталинніи, достигъ Сурама, проведя здѣсь ночь. 1 октября онъ чрезъ Боржомское ущелье прибылъ въ Ахалкалаки, а 4 числа въ Гумы. Заложивъ тутъ церковь во имя св. Александры и разрѣшивъ назвать городъ Александрополемъ, его величество послѣ приѣма эрзерумскаго сераскира Мамед-Асад-паши, прибывшаго съ привѣтственнымъ письмомъ отъ султана, прослѣдовалъ чрезъ Мастари, гдѣ его встрѣтилъ начальникъ армянской области, кн. В. О. Бебутовъ, и 5 октября прибылъ въ Сардар-абадъ. Съ приѣдомъ въ эту крѣпость, его величеству начали подавать жалобы на злоупотребленія мѣстныхъ властей. Въ числѣ жалобщиковъ какой-то армянинъ, не знавшій ни слова по-русски и желавшій какъ можно нагляднѣе представить государю плачевное положеніе населенія, поднесъ ему тошлаго и опшпаннаго пѣтуха. Къ такого рода средствамъ и съ тою же цѣлью прибѣгали и въ другихъ мѣстахъ на пути высочайшаго проѣзда. Такъ напр. по дорогѣ раскидывали и зажигали сѣно, дрова и пр.

За Сардар-абадомъ слѣдовалъ Эчміадзинъ. Не доѣзжая трехъ верстъ до монастыря, государь милостиво привѣтствовалъ выѣзжавшаго на встрѣчу армянскаго патріарха Іоаннеса, а нѣсколько далѣе, въ Вагаршапатъ, когда-то столицѣ Арменіи (197—345 г. по Р. Х.) 12 армянскихъ епископовъ и прочее духовенство съ крестами и хоругвями. Подойдя къ патріаршему намѣстнику епископу Парсегу, императоръ приложился къ кресту и евангелію. Самъ же патріархъ

посѣщилъ въ близъ лежащій Эчмиадзинскій монастырь, гдѣ встрѣтилъ царственнаго путешественника краткою, прочувствованною и приличною случаю рѣчью. По окончаніи богослуженія, государь выразилъ желаніе осмотрѣть монастырскія рѣдкости и драгоценности, между которыми особенною извѣстностью пользовалась древняя патріаршая корона. Но каково было его удивленіе, когда крупныя сафиры, лучшее украшеніе короны, оказались поддѣльными. На сдѣланное по этому случаю замѣчаніе, государю отвѣтили, что камни дѣйствительно были настоящіе, но потеряли свою цѣну послѣ возвращенія короны отъ супруги барона Ровена, которая потребовала ее къ себѣ для подробнаго и ближайшаго осмотра. Передаваемый мною случай упорно сохраняется въ устахъ закавказскаго населенія. Называютъ даже мѣстнаго ювелира, нѣкоего Кусикова, замѣниваго настоящіе камни фальшивыми и будто получившаго за то, по ходатайству баронессы, двѣ золотныя медали и 300 червонцевъ. На сколько такое тяжкое обвиненіе супруги корпуснаго командира правдоподобно я оставляю скрытымъ за завѣсою сомнѣнія и догадокъ и передаю приведенный рассказъ съ единственною цѣлью быть вѣрнымъ повѣствователемъ событій за время русскаго владычества на Кавказѣ.

Изъ подъ сводовъ древняго храма императоръ прослѣдовалъ въ патріаршія палаты, гдѣ остался наединѣ съ Іоаннесомъ и прокуроромъ Эчмиадзинскаго сѹнода, колл. сов. Коргановымъ, служившимъ переводчикомъ. Самъ патріархъ, кромѣ армянскаго языка, могъ объясняться только еще на азербейджанскомъ нарѣчій. При этомъ свиданіи, государь спросилъ, между прочимъ, патріарха не имѣетъ ли онъ какой до него просьбы. Пользуясь такимъ милостивымъ къ себѣ вниманіемъ и не желая упустить представившагося ему удобнаго случая, Іоаннесъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ двѣ просьбы: 1) оказать могущественное покровительство армянамъ, всегда и непоколебимо преданнымъ Россіи, и 2) пожаловать двумъ его племянникамъ Тегумовымъ русскіе ордена для полученія правъ на дворянство.

Послѣдняя просьба, по своей оригинальности, не могла не вызвать улыбки у государя, милостиво сопричислившаго Тегумовыхъ къ ордену св. Станислава 3-й ст., пожаловавшаго самому патріарху орденъ св. Александра Невскаго и повелѣвшаго выдать Эчмиадзинскому монастырю тысячу червонцевъ.

По окончаніи бесѣды государь всталъ, простился съ патріархомъ и, отказавшись отъ предложеннаго ему завтрака, уѣхалъ въ Эривань.

III.

Прибытіе Наср-эд-Дин-мирзы въ Эривань. — Свита наслѣднаго принца. — Приѣздъ императора. — Пребываніе въ сардарскомъ дворцѣ. — Кн. В. О. Вебутовъ и удаленіе его въ Царство Польское. — Посѣщеніе городской крѣпости и мнѣніе о ней государя. — Гаремъ сардаря Хусейн-хана и кап. Модзалевскій. — Приемъ почетныхъ жителей и персидскаго посольства. — Неудовольствіе императора противъ персидскаго правительства и требованіе о выдачѣ батальоновъ изъ русскихъ бѣглецовъ. — Письмо государя къ Махед-шаху. — Посѣщеніе Эриванскаго областнаго правленія. — Выѣздъ государя. — Возвращеніе персидскаго посольства въ Тавризъ.

Въ то самое время какъ императоръ Николай ѣхалъ на Кавказъ, Мамед-шахъ находился подъ стѣнами Герата. Узнавъ о прибытіи государя въ предѣлы Закавказья, онъ тогда же повелѣлъ наслѣднику своему Наср-эд-Дин-мирзѣ немедленно выѣхать въ наши владѣнія для привѣтствованія отъ его имени того, кому онъ былъ обязанъ короною. Наср-эд-Дин-мирза, которому въ ту пору не исполнилось еще 8 лѣтъ, считался правителемъ Адербейджана, и само собою разумѣется, только *de jure*, тогда какъ *de facto* вся отвѣтственность лежала на извѣстномъ въ то время въ цѣлой Персіи эмир-низамѣ Мамед-ханѣ. Послѣднему и было повелѣно сопровождать Наср-эд-Дина въ предстоящую ему поѣздку. Кромѣ эмир-низамы посольство составляли: мирза Таги, министръ финансовъ по военной части, впоследствии столь знаменитый первый министръ въ Персіи, убитый по шахскому приказу въ 1852 году въ Кашанѣ; драгоманъ русскаго консульства въ Тавризѣ мирза Али-Экберъ, какъ главный переводчикъ посольства; Иса-ханъ, дядя и наставникъ принца, мулла Махмуд-мулла-баши, его законоучитель, Мулла-Мамедъ, докторъ, 20 чел. артиллеристовъ и 180 чел. разной придворной челяди ¹⁾.

19-го сентября 1837 г. персидское посольство переправилось чрезъ Араксъ, нашу границу съ Персіею, и въ сопровожденіи высланнаго ему на встрѣчу генеральнаго штаба полк. Мочульскаго прибыло въ Эривань 2-го октября, т. е. почти наканунѣ приѣзда государя императора.

Во все это время стояла самая ненастная погода, а въ день выѣзда государя изъ Эчмиадзина дождь лилъ какъ изъ ведра и до того испортилъ дорогу, что его величество, бросивъ экипажъ,

¹⁾ Вслѣдъ за посольствомъ были привезены Мамед-Тагир-мирзой подарки отъ Мамед-шаха, состоявшіе изъ 15 арабскихъ и туркменскихъ жеребцовъ, 48 кашмирскихъ шалей и нѣсколькихъ пучковъ крупнаго жемчуга.

прибыль въ Эривань верхомъ и въ буркѣ. Направившись прежде всего въ соборъ, онъ отслушалъ молебенъ и затѣмъ отправился въ алтарь, гдѣ, между прочимъ, сдѣлалъ замѣчаніе священнику за недостаточно бережливое храненіе вещей, пожертвованныхъ собору государшею Александрою Теодоровною. Изъ собора его величество отправился въ приготовленную для него квартиру въ сардарскомъ дворцѣ, живописно расположенномъ на берегу р. Занги. Тамъ, около 5-ти часовъ пополудни, былъ сервированъ обѣдъ, за которымъ, кромѣ свиты, присутствовали баронъ Розенъ и другія высшія лица военной и гражданской администраціи. Еще государь сидѣлъ за столомъ, какъ до него начинали доноситься изъ собравшейся около дворца толпы крики: «арымиз вар коммирляръ», т. е. у насъ есть прошенія, но не пускаютъ. На вопросъ его величества, «что это за возгласи?» баронъ Розенъ было отвѣчалъ, что это крики восторга по случаю пріѣзда императора, но государь не удовольствовался этимъ объясненіемъ и приказалъ гр. Адлербергу разузнать сущность дѣла. Графъ отправился и ведолго спустя возвратился съ цѣлою книю просьбъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи коихъ многіе оказались самаго пустаго содержанія и даже простыми бѣлыми листами бумаги. По окончаніи обѣда государь лично отправился къ толпѣ и въ продолжительной, милостивой съ нею бесѣдѣ имѣлъ случай выслушать много жалобъ на полицейское и окружное начальство; въ особенности же на окружныхъ начальниковъ: шарурскаго—кап. фон-Рентеля и сурмалинскаго—кап. Невѣровскаго; остальные же окружные начальники: Эриванскій—кап. Талызинъ и Сардар-абадскій—надв. сов. Зарѣцкій, были люди честные и благородные. Не избѣжалъ весьма тяжкихъ обвиненій и нареканій самъ областной начальникъ кн. В. О. Бебутовъ за слишкомъ обильное обремененіе жителей натуральными повинностями и допущеніе вопіющихъ злоупотребленій въ мѣстной администраціи, что и было причиною его смѣщенія и отправки въ Царство Польское, гдѣ онъ занималъ должность коменданта Замостской крѣпости. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ на Кавказъ въ качествѣ командующаго войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ, былъ начальникомъ главнаго управленія Закавказскаго края, а въ Крымскую войну командовалъ корпусомъ на Кавказско-турецкой границѣ и разбилъ турокъ при Башкадиклярѣ и Курукдере, за каковую побѣду удостоился получить, состоя въ чинѣ генералъ-лейтенанта, орденъ св. Андрея Первозваннаго. Князь Бебутовъ скончался въ 1858 году въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и въ званіи члена государственнаго совѣта.

Возвратившись во дворецъ, государь, утомленный физически, удалился въ опочивальню, приказавъ предварительно отдохновенія замѣнить приготовленную кровать свѣжимъ сѣномъ. Въ этой самой комнатѣ, послѣ выѣзда его величества, на стѣнѣ оказалась надпись: «Николай, 5-го октября 1837 года».

На слѣдующее утро его величество полюбопытствовалъ осмотрѣть городскую крѣпость. Поднявшись къ одной изъ батарей, онъ долго всматривался въ крѣпостныя постройки и вспомнивъ, вѣроятно, громкія донесенія гр. Паскевича о взятіи эриванскихъ твердынь, выразился:

— «Какая-же это крѣпость; это просто глиняный горшокъ».

Изъ крѣпости государь отправился въ госпиталь, гдѣ у самыхъ воротъ спросилъ случившагося тамъ начальника крѣпостной артиллеріи, кап. Модзалевскаго:

— Что помѣщалось въ этомъ зданіи при сардарѣ?

— «Гаремъ, ваше величество».

— А сколько у сардаря было женъ?

— «Про то знаетъ гвардія вашего величества», отвѣтилъ находчивый капитанъ.

Отвѣтъ этотъ такъ понравился государю, что Модзалевскому былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.

По осмотрѣ госпиталя, аптеки и кухни, императоръ милостиво благодарилъ госпитальное начальство за найденный во всемъ порядокъ и за прекрасный присмотръ за больными.

Возвратившись во дворецъ, государь принималъ почетныхъ жителей области и затѣмъ удалился во внутренніе покои, гдѣ ему нѣмѣло представиться персидское посольство. Прошло нѣсколько минутъ и предъ государемъ предсталъ Наср-эд-Динъ, приведенный за руки эмир-низамомъ и барономъ Розеномъ. Приѣмъ, оказанный прищю, былъ самый благосклонный. Рассказываютъ, что государь посадилъ принца къ себѣ на колѣни и сказалъ: «помни тотъ часъ, въ который ты сидѣлъ на колѣнахъ русскаго императора», и тутъ же подарилъ Наср-эд-Дину снятый съ пальца драгоцѣнный перстень. Прошло много послѣ того лѣтъ и когда мнѣ привелось въ 1853 году, въ Ниаверанѣ (близъ Тегерана), представляться Наср-эд-Дин-шаху, я лично убѣдился въ томъ восторгѣ, съ какимъ шахъ переносился въ минувшее, припоминая свое свиданіе съ могущественнымъ сосѣдомъ.

Послѣ всѣхъ ласковыхъ привѣтствій, обращенныхъ къ наследному принцу и эмир-низаму, государь перешелъ къ дѣйствиамъ Персія, которая по наружности хотя и оказывала желаніе сохранить съ

нами дружескія сосѣдственныя связи, но въ сущности поступала неприязненно.

— «Можно-ли, началъ императоръ, считать дружественною державу, которая принимаетъ русскихъ бѣглецовъ и, составя изъ нихъ баталіоны, наименовала оныя русскими».

«Приличіе и достоинство Россіи страдаютъ отъ такого нарушенія дружбы, которая для пользы самой Персіи должна бы остаться всегда ненарушимой».

«Эмир-низамъ, продолжалъ государь, вы видите, что я говорю хладнокровно, но истинное убѣжденіе въ неправомерности направленія, которое въ этомъ отношеніи приняло персидское правительство, заставляетъ меня говорить съ вами откровенно для избѣжанія непріятныхъ отъ того послѣдствій».

На возраженіе эмир-низамъ, что это обстоятельство не было помѣщено въ туркменчайскомъ трактатѣ, его величество замѣтилъ, что онъ единственно для сохраненія собственнаго достоинства Персіи запретилъ помѣстить эту статью въ трактатъ, тѣмъ болѣе, что исполненіе ея было обѣщано Аббаз-мирзѣю гр. Паскевичу.

«Впрочемъ, сказалъ государь, Мамед-шахъ не долженъ забывать тѣ смутныя обстоятельства, въ которыхъ находился онъ и вся Персія по смерти Фетх-Али-шаха, и что если спокойствіе водворилось, то нельзя не сознаться, что Россія, съ своей стороны, употребила всѣ зависящія отъ нея къ тому средства, для благополучнаго окончанія дѣлъ въ пользу вышшаго шаха. Не полагайте, что я отъ васъ требую невозможнаго; возьмите примѣръ отъ султана. Положеніе Россіи съ Турціею въ 1828 и 1829 гг. было то же, что съ Персіею въ 1826 и 1827 гг. Султанъ меня не понималъ, но какъ скоро узналъ правоту моихъ видовъ и требованія, то и всѣ недоразумѣнія прекратились. Онъ выдаетъ мнѣ не только переметчиковъ изъ Россіи, даже принявшихъ мусульманскую вѣру, но и тѣхъ изъ русскихъ подданныхъ, которые бѣгутъ изъ Персіи въ Турцію, и мнѣ остается желать только, чтобы сношенія мои съ Портою оставались навсегда въ такомъ-же положеніи, въ которомъ нынѣ существуютъ».

«Прошу васъ, сказалъ въ заключеніе государь эмир-низаму, передать мои слова шаху, присовокупя, что я положительно требую выдачи двухъ русскихъ баталіоновъ и назначаю на то трехмѣсячный срокъ, и если по представленію вашему въ означенное время требованіе мое не будетъ исполнено, то я, не объявляя вамъ войны, вызову миссію мою изъ Тегерана и прекращу съ вами всякія сношенія».

Прибытіе персидскихъ принцевъ ¹⁾ въ мои предѣлы мнѣ весьма тяжело, хотя правительство ваше еще ничего о нихъ не упоминаетъ, но я, по требованію шаха, ихъ выдамъ; буду, однако-же, просить, чтобы ихъ не наказывали и чтобы шахъ, по усмотрѣнію своему, устроилъ ихъ будущую участь; но не полагайте, что я хочу выдачею принцевъ получать взаимныя баталіоны; нѣтъ, дѣйствія мои основаны на томъ, что требуетъ приличіе. Еще разъ повторю мои слова и остаюсь въ полной увѣренности, что требованія мои будутъ исполнены. Можетъ статься, что шахъ усумнится въ справедливости словъ, вами отъ моего имени ему передаваемыхъ, посему я нарочно оставилъ дядю наследника, Иса-хана, дабы и онъ былъ свидѣтелемъ моихъ требованій ²⁾.

Такъ говорилъ императоръ эмир-низаму, а 10-го ноября того же года онъ писалъ Мамед-шаху изъ Москвы:

«Любезнѣйшій сынъ вашего величества вручилъ мнѣ грамоту вашу. Содержаніе оной, а также самый выборъ лица, которое назначено было для привѣтствованія меня при посѣщеніи пограничныхъ съ Персіей областей, принимаю я новымъ доказательствомъ искренней дружбы вашей и постоянной воли навсегда упрочить существующую между нами пріязнь. Изъявляя вашему величеству благодарность мою за сей знакъ сосѣдственной и дружественной внимательности, я въ полной мѣрѣ удостовѣряю васъ во взаимствѣ чувствованій моихъ и искренности желанія о благосостояніи вашемъ и подвластной вамъ Персидской державы. Сіе самое взаимство подаетъ мнѣ увѣреніе, что вы обратите вниманіе на важный предметъ, который я поручилъ Мамед-хану эмир-низаму представить вашему величеству и отъ котораго зависать дальнѣйшія наши сношенія. Мнѣ пріятно думать, что справедливое требованіе, которое я объяснилъ эмир-низаму, получить исполненіе удовлетворительное для достоинства Имперіи, всемогущимъ Богомъ мнѣ вѣренной, и что чрезъ сіе укрѣпится еще болѣе союзъ

¹⁾ Принцы Зилли-султанъ, Имам-Верди-мирза и Али-Наги-мирза. Они бѣжали изъ Персіи, послѣ трехлѣтняго заключенія въ Ардебильской крѣпости, и, прибывъ въ Закавказскій край, отдался подъ покровительство Россіи. Они думали ѣхать къ императору Николаю въ Петербургъ, но, не получивъ разрѣшенія и не желая поселиться, какъ имъ указали, въ Саратовѣ, они, съ разрѣшенія нашего правительства, уѣхали на поклоненіе въ Мекку.

На принцевъ израсходовано всего 2,570 червонцевъ и 11,870 р. 72 к. с. См. Акты Кавк. Арх. Комм., т. VIII, стр. 956—958 и т. IX, стр. 551 и 552.

²⁾ Отношеніе барона Розена къ гр. Симоничу, отъ 15-го октября 1857 г. № 765. (См. Акты Археограф. комисіи, т. VIII, стр. 952—953).

дружбы между двумя сосѣдственными нашими державами къ вѣщему нашему удовольствію и къ несомнѣнной пользѣ обоюдныхъ подданныхъ нашихъ. Впрочемъ, молю Всевышняго да сохранитъ васъ подъ святымъ кровомъ Своимъ и да ниспошлетъ вашему величеству благоденствіе навѣки ненарушимо»¹⁾.

Требованіе императора Николая не могло не произвести сильнаго и глубокаго впечатлѣнія на повелителя Ирана. Но какъ ни трудно было Мамед-шаху уступить необходимости, онъ тогда же отдалъ приказъ Бахраман-мирвѣ и эмир-ивазу собрать всѣхъ нашихъ перебѣзчиковъ, жившихъ въ Азербейджанской области, и передать ихъ нашему консулу въ Тавризѣ. Для лучшаго же успѣха вывода нашихъ дезертировъ изъ Персіи, туда былъ отправленъ, по распоряженію Кавказскаго корпуснаго командира ген.-адъют. Е. А. Головина, кап. Альбрандтъ. Мы не считаемъ нужнымъ касаться далѣе этого предмета, такъ какъ читатель можетъ познакомиться со всѣми его подробностями изъ статьи моей «Самсонъ Яковлевичъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи», напечатанной въ «Русской Старинѣ», т. XV, стр. 770—804.

Отпустивъ персидское посольство, государь отправился въ Эриванское областное правленіе, въ которомъ, за болѣзнь всѣхъ совѣтниковъ и самого областного начальника кн. В. О. Бебутова, старшимъ лицомъ оказался секретарь Корняченко. Его величество вошелъ въ присутствіе и, остановившись предъ своимъ портретомъ, началъ высказывать крайнее неудовольствіе противъ вкоренившагося между чиновниками взяточничества и другія злоупотребленія, заключивъ свою рѣчь грозно сказанными словами: «служите вѣрою и правдою, иначе разнесу васъ въ пухъ». Воцарилась гробовая тишина и государь, сохраняя грозное выраженіе, вышелъ изъ присутствія и въ тотъ же день выѣхалъ въ Тифлисъ.

Вслѣдъ за императоромъ оставило Эривань и персидское посольство. 12-го октября оно благополучно переправилось чрезъ Араксъ при Шарурскомъ карантинѣ, гдѣ было встрѣчено Макинскимъ правителемъ Али-ханомъ, а 21-го числа имѣло торжественный въѣздъ въ Тавризъ.

¹⁾ См. Акты Кавказской Археограф. комисіи, т. VIII, стр. 953—954.

IV.

Дорога изъ Эривани въ Тифлисъ. — Мостъ на Храмъ. — Прибытіе въ Тифлисъ. — Полиціймейстеръ подполковникъ Ляховъ. — Доносы барона Гана. — Разводъ отъ 1-го баталіона Эриванскаго полка. — Неудовольствіе императора противъ кн. Дадіани и ссылка его въ Бобруйскъ. — Злоупотребленіе по Эриванскому полку. — Судъ надъ кн. Дадіани и приговоръ. — Балъ въ Тифлисъ. — Вмѣздъ императора.

Пребываніе въ Эривани, само собою разумѣется, не могло произвести особенно благопріятнаго впечатлѣнія на императора. Убѣдившись въ существованіи весьма важныхъ злоупотребленій и недостатковъ въ мѣстной администраціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ всю трудность ихъ устраненія. Но все это были только цвѣточки въ сравненіи съ тѣмъ, что его ожидало въ древней Грузинской столицѣ, куда онъ направлялъ свой путь.

Дорога изъ Эривани пролегаетъ черезъ возвышенную плоскость и мимо Дарачичага идетъ къ Гокчинскому озеру, отъ котораго круто спускается въ Делижанское ущелье. Въ описываемую эпоху дорога эта находилась въ невозможномъ состояніи. Если же присоединить къ этому нескончаемые ливни со всѣми ихъ послѣдствіями, то мы не будемъ удивляться, если государю случалось изъ экипажа пересаживаться на простую казачью или обывательскую лошадь и совершенно одинокимъ являться на почтовую станцію. Такъ по крайней мѣрѣ это случилось въ Делижанѣ.

Проѣхавъ ущелье, государь достигъ Акстафы, откуда повернулъ къ извѣстному Красному мосту, на р. Храмъ, построенному, какъ гласитъ преданіе, въ царствованіе шаха Аббаса II, которому персіяне любятъ приписывать сооруженіе лучшихъ архитектурныхъ памятниковъ точно также, какъ грузины все относятъ къ царидѣ Тамарѣ (1182—1212 гг.)—этой почти единственной свѣтлой личности въ ихъ исторической лѣтописи.

У Краснаго моста царскій поѣздъ остановился для перемены лошадей.

— «Когда построенъ мостъ?» спросилъ государь.

— Еще въ древнія времена, отвѣчалъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— «Хорошо сохранился», замѣтилъ его величество.

— Это отъ того, ваше величество, что ремонту не полагается, произнесъ л.-гв. казачьяго полка ротмистръ Иловайскій.

Государь улыбнулся, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ этихъ словъ.

7-го октября онъ прибылъ въ Коды, гдѣ провелъ ночь, отпустивъ предварительно барона Розена въ Тифлисъ для нужныхъ распоряженій по встрѣчѣ его величества.

Переѣздъ изъ Коды до Тифлиса, на протяженіи 25-ти верстъ, совершается по дорогѣ, которая по свойству грунта и отъ проливныхъ дождей оказалась до того дурною, что лошади, не сдѣлавъ половины пути, завязли въ топкой грязи, не будучи въ состояніи поднять экипажа; пришлось прибѣгнуть къ буйволамъ и быкамъ и медленно двигаться впередъ. Все это настолько задержало государя, что онъ достигъ Тифлиса не ранѣе 4-хъ часовъ пополудни.

На чертѣ города его величество былъ встрѣченъ барономъ Розеномъ, тифлискимъ военнымъ губернаторомъ ген.-лейт. Брайко, грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ княземъ Палавандовичемъ и другими чинами военной и гражданской администраціи. Въ числѣ прочихъ находился также полиціймейстеръ подполковникъ Ляховъ, но въ совершенно нетрезвомъ видѣ, за что былъ преданъ суду и по высочайшему приказу, отъ 15-го октября 1837 года, отставленъ отъ службы, съ назначеніемъ на его мѣсто Нижегородскаго драгунскаго полка подполковника Маркова.

Принявъ рапортъ отъ ген.-лейт. Брайко, Государь прослѣдовалъ по узкой улицѣ Армянскаго базара къ Сіонскому собору, но онъ на бѣду оказался запертымъ, такъ что его величеству пришлось войти въ храмъ со стороны двора чрезъ боковую дверь. Безпорядокъ этотъ произошелъ отъ того, что тогдашній экзархъ Грузинъ, архіепископъ Евгеній, имѣвшій привычку послѣ обѣда предаваться отдыху, проспалъ пріѣздъ государя.

Изъ собора его величество проѣхалъ въ домъ корпуснаго командира. При самомъ входѣ въ приготовленныя для него комнаты, раздались такіе сильныя удары грома, что населеніе приписало это рѣдкое, по позднему времени года, явленіе дурному предзнаменованію. «Ну, быть бѣдѣ», говорило оно и предчувствіе на этотъ разъ его не обмануло.

Съ перваго дня вступленія на почву Закавказья императоръ Николай относился къ барону Розену вполне благосклонно и милостиво, но съ пріѣздомъ въ Тифлисъ судьба его была рѣшена. Причиной царскаго гнѣва былъ сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію мѣстныхъ гражданскихъ учреждений и, какъ гласила народная молва, добивавшійся быть переименованнымъ въ военный чинъ для полученія званія корпуснаго командира. Онъ сдѣлалъ доносъ

государю на вопіющія злоупотребленія зятя барона Розена, флигель-адъютанта полковника кн. Дадіани ¹⁾, въ то время командира Эриванскаго карабинернаго полка.

Выслушавъ сенатора Гана, государь обратился къ присутствовавшему при докладѣ барону Розену и сказалъ: «поступи съ Дадіани какъ родственникъ и начальникъ». Когда же Розенъ призналъ весь докладъ сенатора клеветою, то Ганъ вынулъ изъ портфеля и представилъ его величеству подлинный всеподданнѣйшій отчетъ кн. Палавандова съ исправленіями и пометками барона, какъ краснорѣчивое свидѣтельство, что губернаторъ какъ бы лишень правдоноситъ истину своему государю.

Государь взялъ отчетъ и, обращаясь къ Розену, спросилъ:

— Почеркъ твой?

Розенъ поблѣднѣлъ и сознался.

— Ну, произнесъ императоръ, этого я не прошу.

Между тѣмъ въ тотъ же день былъ назначенъ разводъ отъ 1-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка. Онъ происходилъ на Мадатовской площади, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ впоследствии кн. Барятинскимъ былъ устроенъ Александровскій садъ — одно изъ лучшихъ украшеній города. Еще съ раннаго утра жители густыми массами начали стекаться къ площади, чтобы быть личными свидѣтелями готовившагося зрѣлища. Семейства же барона Розена и князя Дадіани помѣстились на балконѣ выходившаго фасадомъ на площадь дома полковника Беглярова, главнаго переводчика при корпусномъ командирѣ.

Но вотъ вдали показался государь императоръ, окруженный большою свитою и быстро приближавшійся къ площади. Еще нѣсколько минутъ и громкое, восторженное «ура» разнеслось по площади, въ отвѣтъ на милостивое царское привѣтствіе.

Когда все смолкло, государь могучимъ повелѣвающимъ голосомъ произнесъ:

¹⁾ Кн. Александръ Леоновичъ Дадіани родился въ 1801 году въ Сентпѣтсбургскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Начавъ службу х.-гв. въ Преображенскомъ полку въ 1817 году, онъ чрезъ 4 года былъ произведенъ въ прапорщики; а въ 1825 году, въ чинѣ поручика, назначенъ адъютантомъ къ графу Паскевичу, при которомъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1826—1829 гг. съ Персіей и Турціей, а также находился въ экспедиціяхъ 1830—1832 гг. противъ горцевъ. Въ 1827 году Дадіани произведенъ въ капитаны, въ 1829 г. въ полковники, назначенъ флигель-адъютантомъ и въ томъ же году командиромъ Эриванскаго карабинернаго полка. Онъ былъ женатъ на дочери барона Розена Лидіи Григорьевнѣ.

— Розенъ!....

При этомъ словѣ толпа вдругъ отхлынула отъ площади и вмигъ разсыпалась по ближайшимъ улицамъ, откуда, нѣсколько спустя, опять, хотя и боязливо, начала собираться къ прежнему мѣсту. Причиной обуявшей всѣхъ зрителей паники было то, что имъ вмѣсто Розенъ послышалось роговъ.

Розенъ приблизился къ государю. Вслѣдъ за нимъ его величество потребовалъ кн. Дадіани. Окинувъ его гроннымъ величественнымъ взоромъ, императоръ въ самыхъ сильныхъ и строгихъ выраженіяхъ началъ высказывать противъ него свое крайнее неудовольствие, упомянувъ, что флигель-адъютанты обращаются въ подрядчиковъ, эксплуататоровъ, что они не поддерживаютъ царскаго къ нимъ довѣрія, унижая свое высокое званіе, и кончилъ тѣмъ, что приказалъ генералъ-лейтенанту Брайко снять съ кн. Дадіани эксальбанты и передать ихъ молодому Розену. Вмѣстѣ съ Розеномъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ баронъ Врангель, впослѣдствіи столь видный кавказскій дѣятель. Затѣмъ, обратившись снова къ Дадіани, государь грозно проианесь: «въ Бобруйскъ». Осужденный тотчасъ же былъ посаженъ на заранѣ приготовленную для него тройку и въ сопровожденіи жандарма отправленъ по назначенію. Ему разрѣшили только проститься съ женою, которую онъ нашелъ въ обморочномъ состояніи, вслѣдствіе сильнаго потрясенія отъ всего случившагося.

Во все время этой раздражающей сцены престарѣлый и убитый горемъ Розенъ стоялъ около императора и, прильнувъ головою къ царской груди, обливался горькими слезами.

Когда все было кончено, государь пропустилъ баталіонъ церемониальнымъ маршемъ, простился съ солдатами и, сѣвъ въ коляску, поѣхалъ въ военный госпиталь.

Такова была судьба, постигшая Дадіани. Изъ предварительнаго дознанія, произведеннаго Васильчиковымъ, обнаружилось:

Васильчиковъ, подѣвая къ Манглису, штабъ-квартирѣ Эриванскаго карабинернаго полка, встрѣтилъ толпу людей, которая на вопросъ куда идетъ? отвѣчала: «на заводъ (винокуренный) князя». Да кто вы такіе? спрашиваетъ Васильчиковъ. «Карабинеры», отвѣчаютъ ему. Услышавъ это, онъ самъ отправляется на заводъ и собираетъ показанія. Оказывается, что злоупотребленія были вопіющія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Однажды кн. Дадіани донесли, что принадлежащіе ему верблуды не ѣдятъ лепешекъ, такъ какъ мука оказалась затхлою и гнилою. — Отдать людямъ въ пищу, приказываетъ полковой командиръ.

То же распоряженіе дѣлается съ мукою, которую отказывается принять Идк о — еврей, управлявшій княжескимъ винокуреннымъ заводомъ.

Другой примѣръ.—Случилось, что бабы-солдатки отказались идти на сѣнокосъ. Когда объ этомъ узналъ Дадіани, то приказалъ десятую высѣчь розгами. Въ числѣ осужденныхъ была солдатка, въ ту пору беременная. Не смѣя освободить ее отъ наказанія, рѣшились сдѣлать для живота выемку въ землѣ, и когда это оказалось неудобнымъ, то рѣшили высѣчь ее стоя. Сказано — сдѣлано. Когда избитую бабу привели домой, то при раздѣваніи обнаружилось, что сапоги были наполнены кровью. Въ ту же ночь она разрѣшилась и, къ общему удивленію, благополучно.

Не рѣшаясь болѣе испытывать терпѣнія читателя разсказами о другихъ возмутительныхъ поступкахъ кн. Дадіани, ограничимся упомянаніемъ, что подобное поведеніе не могло не возбуждать общаго, весьма справедливаго, противъ него негодованія, которое въ особенности ясно обнаружилось при очныхъ ставкахъ съ Золоторевымъ — адъютантомъ и строгимъ исполнителемъ приказаній кн. Дадіани, которому бабы прямо говорили: «что взяли, крови нашей много выпили, а все таки блѣдны».

Но осуждая кн. Дадіани, мы не можемъ не сказать, что большая доля участія въ допущенныхъ имъ злоупотребленіяхъ должна лечь на совѣсть баронессы Розенъ — женщины алчной и сребролюбивой, пользовавшейся громаднымъ влияніемъ надъ мужемъ и вельсшей, нѣтъ сомнѣнія, своимъ образомъ дѣйствій смертельный ударъ служебной его карьерѣ.

Между тѣмъ флигель-адъютанту Катенину (впослѣдствіи генераль-адъютантъ и Оренбургскій генераль-губернаторъ) было повелѣно произвести инспекторскій смотръ Эриванскому полку и формальное слѣдствіе о дѣйствіяхъ полковника кв. Дадіани, съ тѣмъ, чтобы донесеніе его послужило основаніемъ сужденій военнаго суда. Когда судебное дѣло было окончено и государю императору представленъ, въ 1840 г., въ Динабургѣ, докладъ генераль-аудиториата, приговорившаго Дадіани къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и къ записанію въ рядовые, то его величество повелѣлъ: лишивъ полк. Дадіани орденовъ, чиновъ и княжескаго и дворянскаго достоинствъ и вмѣнивъ ему трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправить на безвыѣздное пребываніе въ Вятку. Впослѣдствіи ему было разрѣшено жить безотлучно въ Москвѣ, а въ 1856 году, по случаю коронаціи императора Александра II, возвращены чинъ полковника (въ отставкѣ), ордена и

княжеское достоинство. Онъ умеръ въ Москвѣ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ.

11-го числа въ домѣ корпуснаго командира былъ балъ, открытый самимъ императоромъ съ супругою кн. Палавандова, урожденною княжною Орбеліани. Баронесса Розенъ, подъ впечатлѣніемъ постигшаго ея семью несчастія, отказалась было, подъ предлогомъ болѣзни, принять участіе въ торжествѣ, но по приказанію его величества должна была явиться. Балъ прошелъ довольно оживленно и кончился далеко за полночь.

Съ бала государь удалился въ свои покои и, не предаваясь отдыху, началъ готовиться къ выѣзду.

V.

Выѣздъ изъ Тифлиса. — Избѣжаніе катастрофы императоромъ. — Душетскій исправникъ. — Прибытіе въ Душетъ. — Осмотръ госпиталя. — Встрѣча съ священникомъ. — Прибытіе въ Ставрополь. — Выставка и открытіе мужской гимназіи. — Предположеніе государя основать городъ на Кубани. — Аксай. — Встрѣча съ наслѣдникомъ-цесаревичемъ. — Приѣздъ въ Москву. — Расходы. — Заключение.

Наступило утро 12 октября. Тучи тяжелымъ сводомъ сомкнулись надъ городомъ, угрожая разразиться ливнемъ. Около дома корпуснаго командира была замѣтна какая-то торопливая суета. Но вотъ изъ воротъ домоваго сада, въ открытой коляскѣ, выѣхалъ императоръ, съ сядѣвшимъ около него гр. Орловымъ. За императоромъ въ нѣсколькихъ экипажахъ послѣдовала свита, а изъ мѣстныхъ властей только исправлявшій должность Тифлискаго исправника — Михайловъ. Самого барона Розена здѣсь не было, такъ какъ онъ, вслѣдствіе сильнаго нравственнаго и физическаго утомленія, проспалъ выѣздъ государя.

Въ разстояніи полверсты отъ города начинается крутой спускъ, который въ самомъ почти началѣ дѣлаетъ крутой поворотъ къ протекающей внизу р. Верѣ, отъ которой дорога снова идетъ въ гору. На этомъ-то спускѣ ящикъ, не затормозивъ экипажа, началъ спускаться коляску, но едва онъ достигъ поворота, какъ выносныя лошади перебѣжали валъ, за которымъ находился глубокій ровъ, коляска начала опрокидываться и только удачный прыжокъ государя предупредилъ катастрофу. Экипажъ оказался сломаннымъ и его величество нашелся вынужденнымъ продолжать путь верхомъ.

— «Атаманъ (Леоновъ) твой не разсердится, что я взялъ у тебя лошадь», обратился государь къ сопровождавшему его казаку.

— Извольте садиться, отвѣчалъ казакъ, я прийму вину на себя.

Въ это самое время на мѣсто происшествія прибыли кн. Палавандовъ, а за нимъ и баронъ Розенъ.

— «Благодарю, князь, за угощеніе», прокизнь государь, обращаясь къ губернатору.

Добъхавъ до Мухета, его величество пересѣлъ въ коляску, высланную туда изъ Тифлиса.

Въ Гартискарѣ, гдѣ была первая перемѣна лошадей, императору представился выѣхавшій на границу своего уѣзда Душетскій исправникъ, отличавшійся крайне безобразною наружностью.

— «Какъ фамилія?» спросилъ государь.

— Пригожій, отвѣтилъ исправникъ.

Государь снова посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

Въ Душетѣ, гдѣ государь впервые послѣ сдѣланнаго переѣзда, заговорилъ съ Розеномъ, во всей подробности былъ осмотрѣнъ госпиталь.

— «А гдѣ кухня?» спросилъ государь у сопровождавшаго его смотрителя госпиталя Гозе.

Гозе, не замѣтивъ стоявшаго за нимъ доктора коллежскаго ассесора Гросшунфа ¹⁾, указывая его величеству дорогу, сдѣлалъ такой сильный размахъ рукою, что докторъ отъ полученнаго имъ удара едва и съ трудомъ удержался на ногахъ.

Сцена эта вышла до того комична, что государь едва удержался отъ смѣха.

За Душетомъ слѣдовалъ Анануръ. Миновавъ это мѣсто, царскій экипажъ вдругъ остановился вслѣдствіе совершенно неожиданнаго и крайне страннаго случая. Дѣло въ томъ, что изъ боковаго ущелья,

¹⁾ Коллежскій ассесоръ Василій Богдановичъ Гросшунфъ вступилъ въ русскую службу изъ иностранныхъ хирурговъ, въ 1813 году, съ содержаніемъ 200 рублей въ годъ. Со вступленіемъ нашихъ войскъ въ февралѣ 1814 года въ Саксонію, Гросшунфъ участвовалъ въ 19 сраженіяхъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ былъ раненъ саблею въ голову, подлѣ лѣваго глаза, затѣмъ въ животъ и плечою въ правую ногу и ваятъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи онъ, дѣла окончательнаго медицинскаго образованія, поступилъ въ Дерптскій университетъ, изъ котораго выпущенъ лекаремъ 2-го класса и опредѣлился младшимъ лекаремъ въ Куринскій пѣхотный полкъ на Кавказъ. Служа на этой окраинѣ, онъ находился въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1826—1829 гг., затѣмъ служилъ старшимъ лекаремъ въ Душетскомъ госпиталѣ, откуда въ 1834 году перевелся въ Тифлиссскій госпиталь.

выходящаго на дорогу, выѣхалъ на клаченіѣ священникъ-грузинъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и дымившимся кадиломъ въ рукѣ.

— Это что? спросилъ удивленный императоръ.

— Священникъ изъ ближайшаго аула, прывывающій надъ вашимъ величествомъ благословеніе Всевышняго и желающій вамъ счастливаго пути.

Встрѣча эта была видимо неприятна государю, но онъ отдарилъ и милостиво отпустилъ священника.

14-го октября его величество, оставивъ за собою Владикавказъ, быстро приближался къ Екатеринограду, откуда, послѣ спокойно проведенной ночи, прослѣдовалъ чрезъ Пятигорскъ въ Ставрополь, куда прибылъ 17 числа, въ 7 часовъ вечера. Спустя часа два, прибылъ командовавшій войсками на кавказской линіи генералъ Вельяминовъ, въ домъ котораго остановился государь и безъ котораго его величество не хотѣлъ обѣдать, не смотря на сильное утомленіе отъ дороги и жестокой зубной боли.

18-го государь посѣтилъ губернскую выставку, устроенную въ Вельяминовской кибиткѣ, и лично открылъ мужскую гимназію.

Что касается самаго Ставрополя, то онъ не понравился государю, желавшему его упразднить и вмѣсто него основать городъ на Кубанкѣ. Но Вельяминовъ сумѣлъ отклонить эту мысль объясненіемъ условій, парализующихъ экономическое развитіе города, въ числѣ которыхъ главное заключалось въ слухѣ о причисленіи гражданъ къ казачьему сословію, увѣряя при томъ, что съ устраненіемъ этого слуха Ставрополь начнетъ быстро развиваться. Государь нѣсколько минутъ, повидимому, колебался, но, наконецъ, взявъ перо, сказалъ: «Только уважая твое ходатайство, Алексѣй Александровичъ, оставляю городъ на мѣстѣ», и при этомъ утвердилъ поднесенный ему планъ города, обѣщая оказать ему впослѣдствіи льготу, о которой лично ходатайствовалъ Вельяминовъ. Вообще нужно сказать, что государь былъ во все время какъ-то особенно милостивъ къ Алексѣю Александровичу ¹⁾.

18-го октября, въ 4 часа пополудни, государь выѣхалъ изъ Ставрополя, 19-го прибылъ въ Аксай, гдѣ былъ встрѣченъ наследникомъ-цесаревичемъ, а 26-го числа, въ 7 часовъ вечера, (черезъ Новочеркасскъ, Воронежъ и Тулу) прибылъ въ Москву.

Путевныя издержки по переѣздамъ императора Николая Павловича

¹⁾ См. статью І. Вентровскаго въ „Ставропольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1881 годъ, №№ 12 и 13.

въ предѣлахъ Кавказскаго края составили сумму въ 143,438 р. 59 к. с. Лошадей было загнано до 170.

Такъ кончилось путешествіе государя по Кавказу, заранѣе известное въ Европѣ, нѣсколько ближе познакомившее его величество съ этой отдаленной окрайвой его имперіи и имѣвшее ближайшимъ послѣдствіемъ отозваніе барона Розена и назначеніе на его мѣсто генераль-адъютанта Евгенія Александровича Головява.

Ад. П. Верже.

С. Мерреколь.

7 Іюля, 1884 г.

РУССКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Изъ записокъ отставнаго губернатора.

1866—1868 гг.

IV ¹⁾.

Въ составъ К. отдѣла входило тогда семь уѣздовъ. Управление этихъ уѣздовъ, какъ я уже говорилъ, раздвѣивалось на гражданское и военно-полицейское. Военные уѣздные начальники на другой день моего пріѣзда съѣхались въ городъ К.

Изъ моего перваго знакомства съ ними я почерпнулъ еще большее убѣжденіе, что разномысліе варшавскихъ сановниковъ отзывается во всѣхъ закоулкахъ Царства Польскаго. Вездѣ стремленіе побороть русское начало, т. е. самостоятельность гминъ (волостей) и административное объединеніе съ имперіей, происходило изъ общаго убѣжденія, что намѣстникъ Царства этому началу не сочувствуетъ. Во всѣхъ углахъ Царства знали и, конечно, преувеличивали автономическія стремленія стараго фельдмаршала. Всѣ были убѣждены, что дѣйствія крестьянскихъ комиссій возбуждаютъ не только негодованіе графа Берга, но и всѣхъ консерваторовъ имперіи.

Легкомысліе польское, вѣроятно, въ первый разъ со времени вѣковой борьбы съ Россіей возмечтало, что тамъ, въ Петербургѣ, въ центрѣ правительства, въ высшемъ обществѣ, на его сторонѣ сильная русская партія, консервативная, аристократическая.— и что только шайка красныхъ чиновниковъ, случайно, красными демагогами Н. Милутинимъ и кн. Черкасскимъ организованная, вводитъ крестьянское положеніе, разворающее и уничтожающее въ краѣ значеніе пановъ. Слѣдовательно, это зло временное, случайное, и съ нимъ брется самъ намѣстникъ, вся явная и тайная жандармская сила, все чиновни-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLII, стр. 595—616.

чество, весь край и, наконецъ, большинство петербургскаго правительства и русскаго общества. Панъ, ксендзъ и все крамольное полячество такъ вѣровало и ожидало, что скоро русскіе по прежнему будутъ управлять Польшею, то есть посредствомъ только польскаго панства, а тогда польское дѣло не пропадетъ!

Военные начальники уѣздовъ, штабъ-офицеры, года два или три назадъ взятые изъ строя, были повидимому запуганы. Они сознавали, что фельдмаршалъ, главнокомандующій арміи, вооруженнаго польскаго восстанія не допуститъ, всякое поползновеніе къ вооруженному сопротивленію немедленно и энергично задавить, но что самостоятельность гминъ и надѣлъ крестьянъ землею вводятся въ краѣ противъ его воли, и что онъ хочетъ отстоять неприкосновенность гражданскаго польскаго управленія съ весьма замѣтными автономическими началами.

Кромѣ того, они всѣ были убѣждены, что, за исключеніемъ Черкаскаго и Соловьева, варшавскія власти раздѣляютъ убѣжденія намѣстника, — а какая же для нихъ, для армейскихъ штабъ-офицеровъ, была опора въ Я. А. Соловьевѣ и кн. В. А. Черкасскомъ? За ними дѣятельно наблюдали жандармы и они знали, что генералъ Т., однимъ докладомъ, cadaго изъ нихъ можетъ весьма легко лишить службы и ужь, конечно, всѣ понимали, что какъ жандармы, такъ и самъ генералъ Т. вовсе не придерживаются направленія Милютина.

Съ другой стороны, какъ бы они не были лично захвачены и запуганы административными хитросплетеніями, но они все-таки не могли не сознавать, что сама Польша радикально и быстро видоизмѣняется. Хлопъ ожилъ, получивъ землю, собственность и независимость. Онъ вовсе о Польшѣ не мечталъ, панскую Польшу продолжалъ ненавидѣть и вѣрилъ только русскимъ. Конечно, хлопъ еще не оперился, и, можетъ быть, при его вѣковой забитости, увидевъ крестьянскія комисіи и передавъ хлопство снова опекѣ польскаго чиновничества и панства, — можетъ быть, всѣ эти только что введенныя гминныя положенія со временемъ ступшуются, и старая панская Польша оживетъ на хребтахъ хлопства!

Но все это какъ-то трудно было допустить. Только что поднимъ народъ на ноги, кто же рѣшится отбросить его въ старую колею? И кто укажетъ, когда именно это еще возможно и когда станетъ очень ужь опасно? Польскій хлопъ зналъ, что «Цесаржъ» далъ ему землю и самоуправленіе и зналъ, что паны и чиновники — поляки — крамольники «Цесаржа» и вмѣстѣ съ тѣмъ ему, хлопъ — враги. При такихъ данныхъ, волею или неволею приходилось вѣрить новому будущему вопреки кажущейся шаткости настоящаго.

Военные уѣздные начальники все это понимали, но понимали также, что въ настоящее время ихъ личное положеніе было затруднительно. Коммисары по крестьянскимъ дѣламъ требовали ихъ содѣйствія, на нихъ же лежала обязанность вводить, охранять и опекать гминное самоуправленіе. При малѣйшемъ уклоненіи отъ этихъ обязанностей князь В. А. Черкасскій могъ потребовать ихъ смѣны, а при слишкомъ усердномъ и твердомъ исполненіи тѣхъ-же обязанностей, жандармы, гражданскіе чиновники и паны вызовутъ гнѣвъ самого намѣстника-фельдмаршала, а вѣдь и это можетъ быть также очень невыгодно!

Назначеніе временнаго губернатора, предназначеннаго современнымъ соединить въ однихъ рукахъ военно-полицейское и преобразованное гражданское управленіе края, для военныхъ уѣздныхъ рѣшало будущее,—этотъ вновь назначенный губернаторъ долженъ былъ указать имъ, чего дѣйствительно хотятъ: польщизну или русское управленіе, и гдѣ и въ чемъ дѣйствительная воля русскаго правительства. Такихъ дѣлъ, въ которыхъ то или другое направленіе должно было выясниться, во всѣхъ семи уѣздахъ оказывалось много; но изъ нихъ наиболѣе выдающимся было «дѣло гмины Побуцко въ В. уѣздѣ.»

V.

Гмина Побуцко составляла весьма значительное имѣніе, недавно купленное однимъ прусскимъ графомъ, католикомъ и женатымъ на полькѣ. Графъ не признавалъ уставной грамоты, въ особенности онъ не признавалъ за крестьянами права пастбища и вѣзда въ огромные лѣса этой гмины и при томъ, недовольствуясь протестомъ, то есть жалобой на дѣйствія крестьянской мѣстной комисіи въ Центральній Комитетъ, находящійся въ Варшавѣ, подъ предсѣдательствомъ Соловьева, онъ лѣсной своей стражей фактически охранялъ лѣса, что, конечно, вызывало драки и побойща.

Намѣстникъ, не ожидая разбора этого дѣла, приказалъ казачьими сотнями занять всѣ деревни «взбунтовавшихся крестьянъ». Это окончательно сбило съ толку крестьянъ: съ одной стороны коммисары крестьянской комисіи вручили имъ копію съ уставной грамоты, въ силу которой они въ правѣ были пользоваться лѣсомъ для своихъ пастбищъ, съ другой—ихъ подвергали военной экзекуціи за то, что они этимъ правомъ хотѣли пользоваться. Прусскій графъ, презирая русскую законность, не хотѣлъ знать постановленія кре-

стьянской комисіи и соглашался только исполнять то, что графъ Бергъ находилъ справедливымъ.

Дѣло это, въ сущности крайне не сложное, приняло весьма острый характеръ, благодаря энергичному, почти страстному вмѣшательству и заступничеству намѣстника. Намѣстнику угодно было въ дѣлѣ гмины Побудко усматривать наглое, подъ прикрытіемъ закона, нарушение основныхъ принциповъ всякой собственности. По его мнѣнію, уставныя грамоты гмины Побудко выражали крайнюю тенденціозность, — тенденціозность, рѣшительно и смѣло выступающую изъ предѣловъ закона. Всякіе чиновники изъ Варшавы постоянно летали въ Побудко и донесенія ихъ были радикально противоположны: одни доказывали, что крестьяне кругомъ виноваты и бунтуютъ, — другіе рѣшительно ихъ оправдывали и обвиняли прусскаго графа. Первымъ графъ Бергъ не вѣрилъ, вторымъ не вѣрилъ Центральный Крестьянскій Комитетъ.

Всѣ мѣстные помѣщики лихорадочно слѣдили за этимъ дѣломъ, — не въ одной гминѣ Побудко признавалось уставными грамотами право крестьянъ на лѣсныя пастбища, всѣ почти имѣнія этого уѣзда были въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, и вслѣдъ за графомъ, владѣтелемъ Побудко, выступила бы цѣлая масса разобиженныхъ пановъ. Казачьи сотни то входили, то выходили изъ гмины Побудко. Крестьяне дошли до замѣтнаго озлобленія и слѣдовало ожидать серьезнаго побоища между ними и казаками.

Военный уѣздный начальникъ это зналъ, — онъ же вводилъ и выводилъ военныя экзекуціи, онъ же былъ опекуномъ гминнаго управленія. Въ Варшавѣ дѣло это такъ обострилось, что намѣстникъ, князь Черкасскій, Соловьевъ и генераль-полиціймейстеръ входили съ нимъ въ непосредственныя сношенія, помимо начальника отдѣла, требуя отъ него подробныхъ разъясненій.

Маіоръ Н. (военный уѣздный начальникъ) недоумѣвалъ и трусилъ. Ясно было, что намѣстникъ и генераль-полиціймейстеръ полагали необходимымъ во что-бы-то ни стало охранять лѣса прусскаго графа вооруженной силой и почитали уставную грамоту имѣнія Побудко актомъ незаконнымъ, подлежащимъ разслѣдованію и отміѣнѣ. Не менѣе ясно было, что князь Черкасскій и Соловьевъ вовсе не раздѣляли это мнѣніе и полагали, что объявленная уставная грамота должна прежде всего имѣть законную силу, а что жалобы владѣльца должны быть рассмотрѣны въ законномъ же порядкѣ, а вовсе не случайными слѣдователями.

Такимъ образомъ маіоръ Н. очутился между двухъ огней и съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего пріѣзда. Почти всѣ остальные военныя

уѣздные начальники, конечно, находились въ подобномъ же неловкомъ положеніи. Подобнаго рода дѣла усиливали надежды польскія. Пронирливые поляки, удивительно искусные въ мелкихъ интригахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленные и никогда не отличавшіеся вѣрной оцѣнкой историческихъ и народныхъ событій, рассчитывали повернуть управленіе краемъ посвоему, раздувая наши внутреннія несогласія и пользуясь ими. Они упорствовали и не хотѣли понять, что панство устоять все-таки не можетъ, народъ уже заговорилъ о «волѣ цесаржа», и поворотъ назадъ могъ ихъ же, пожалуй, подвести подъ ножи новой гайдамачины.

Распустивъ уѣздныхъ начальниковъ, я рассчитывалъ дней черезъ шесть объѣхать уѣзды; но въ самомъ городѣ К. разыгралось довольно оригинальное дѣло, которое, противъ воли, задержало меня.

VI.

Нѣсколько дней спустя послѣ моихъ первыхъ объясненій съ гг. Бокаловичемъ и Езеранскимъ, я получилъ какъ бы отвѣты на мои къ нимъ требованія. Гражданскій варшавскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Рожновъ, писалъ мнѣ длинное и весьма замысловатое отношеніе. Начиналъ онъ съ того, что Бокаловичъ донесъ ему о моемъ требованіи, а потому онъ долгомъ считаетъ сообщить мнѣ порядокъ отсылки за границу посредствомъ пограничнаго комиссара. Затѣмъ слѣдовала длинная радея, имѣющая цѣлью внушить мнѣ, что пограничный комиссаръ препровождаетъ только арестантовъ гражданского вѣдомства, а не политическихъ, если же между первыми случайно оказался бы кто изъ вторыхъ, то онъ строжайше всегда предписывалъ и теперь предписываетъ пограничному комиссару немедленно выдавать ихъ управленію военнаго отдѣла. Въ заключеніе прибавлено было довольно искусно, что и прежде, какъ и теперь, онъ лично докладываетъ графу Бергу о всѣхъ дѣлаемыхъ имъ по сему предмету распоряженіяхъ и сношеніяхъ и что я могу во всемъ вполне довѣриться такому опытному, преданному и заслуженному чиновнику, каковъ г. Бокаловичъ.

Директоръ канцеляріи намѣстника писалъ проще; онъ, по приказанію намѣстника, сообщалъ мнѣ, что я не долженъ утруждать судебное вѣдомство излишними требованіями и въ особенности не долженъ былъ требовать представленія какихъ либо вѣдомостей или перечней.

Но одновременно съ тѣмъ мнѣ изъ ближайшаго уѣзда было сооб-

щено, что нѣкто, извѣстный повстанецъ Эдмундъ Нирвольскій, прусскій подданный, уже нѣсколько разъ прѣѣзжавшій въ уѣзды съ прокламаціями, снова показался и снова раздавалъ печатныя распоряженія народоваго жонда,—что за нимъ слѣдили и потеряли слѣдъ его на границѣ К. уѣзда. Во всѣ вѣдомства, управленія и гмины разосланы были передъ тѣмъ списки съ именами и примѣтами личностей, подлежащихъ аресту за политическія преступленія. Между ними былъ и Эдмундъ Нирвольскій.

Вечеромъ того же дня, К. военный уѣздный начальникъ пришелъ мнѣ сообщить, что Нирвольскій отправленъ за границу, что онъ два дня тому назадъ былъ арестованъ Бокаловичемъ за кражу хомута у помѣщика Немовскаго,—на другой день былъ судимъ въ трибуналѣ и сегодня высланъ за границу.

— Можетъ быть, еще не перешелъ таможию? спросилъ я.

— Можетъ быть, дѣйствительно до ранняго утра задержалъ,—это бываетъ,—отвѣчалъ мнѣ уѣздный начальникъ.

Я послалъ уѣзднаго начальника на границу съ казаками, и къ утру мнѣ былъ доставленъ Эдмундъ Нирвольскій. Всего изумительнѣе было то, что въ паспортѣ его, а также въ спискѣ, подписанномъ пограничнымъ комиссаромъ Бокаловичемъ, имя, лѣта и примѣты Нирвольскаго,—все именно было написано такъ, какъ значилось въ разосланной военнымъ отдѣломъ вѣдомости.

Нирвольскій былъ познанскій дворянинъ, 27 лѣтъ, довольно образованный и уже, конечно, не имѣлъ видъ вора, посягнувшаго на хомутъ. Несомнѣнно, что это было сознательно устроенное укрывательство.

Въ городѣ нашлись офицеры, евреи и хлопцы, знавшіе въ лицо Нирвольскаго, такъ что въ его личности и сомнѣній быть не могло.

Я немедленно велѣлъ арестовать г. Бокаловича и приказалъ военному уѣздному начальнику сейчасъ же забрать изъ трибунала и изъ уѣзднаго гражданскаго управленія всѣ бумаги, относящіяся до ареста, суда и отправки за границу Нирвольскаго.

Не успѣлъ я сдѣлать эти распоряженія, какъ ко мнѣ чуть не ворвался жандармскій майоръ 3—ій. Майоръ своей персоной изображалъ ужасъ, вызванный будто бы легкомысліемъ моихъ поступковъ.

— «Бокаловичъ, говорилъ онъ мнѣ, намѣстнику лично извѣстенъ, уже не говоря о генералѣ Рожновѣ, который его очень любитъ и уважаетъ,—наконецъ, онъ вообще всѣмъ варшавскимъ властямъ извѣстенъ. Можетъ быть, дѣйствительно могло случиться, что какъ-то печально Нирвольскій ускользнулъ отъ вниманія Бокаловича, но, во всякомъ случаѣ, это было неумышленно, да еще очень и очень со-

мнительно, чтобы арестованный Нирвольскій былъ именно тотъ Нирвольскій, который раздавалъ прокламаціи и былъ въ повстанцахъ».

Въ заключеніе маіоръ 3—ій, изъ желанія миѣ добра, предлагалъ потушить эту «исторію»,—я долженъ былъ отиѣнить мои распоряженія и предоставить ему разобрать это дѣльце, а ужъ онъ донесетъ обо всемъ генераль-полиціймейстеру такъ, что ничего неприятнаго для меня не воспослѣдуетъ.

Это польское нахальство вывело меня изъ терпѣнія, и я предупредилъ его весьма рѣзко, что если онъ еще разъ осмѣлится врываться ко миѣ съ такими глупѣйшими разговорами, то я его арестую и отошлю, какъ ничего путнаго недѣлающаго и вреднаго офицера въ Варшаву.

Только что маіоръ 3—ій въ большомъ смущеніи вышелъ, какъ явился ко миѣ прокуроръ Езеранскій. Езеранскій былъ видимо разстроенъ, но глядѣлъ величественно; онъ пришелъ только спросить меня, по моему ли дѣйствиельно приказанію маіоръ Б., К—я военный уѣздный начальникъ, нарушилъ святость законовъ, ворвавшись съ пьяными казаками въ трибуналъ, разметалъ всѣ дѣла и захватилъ какія-то бумаги, причѣмъ бросилъ въ лицо почтеннѣйшему и всѣми глубокоуважаемому президенту какой-то клочекъ бумаги (это была росписка въ томъ, что онъ бумаги эти вьалъ)?

Въ это же время маіоръ Б. вошелъ и положилъ ко миѣ на столъ захваченныя имъ бумаги.

— Я васъ прошу этотъ торжественный тонъ бросить,—замѣтилъ я Езеранскому,—а предлагаю вамъ вмѣстѣ со мною осмотрѣть вотъ эти бумаги.

— Я могу только, оставаясь здѣсь,—отвѣчалъ онъ, составить протоколъ о томъ, что я эти бумаги видѣлъ у васъ на столѣ,—это уже явная улика для обвиненія вашего.

— Знаете что, г. Езеранскій, оставимъ глупыя рѣчи, а займемся дѣломъ. Извольте сѣсть и покуда считать себя хоть насильно задержаннымъ.

Какъ разъ предо мною лежала бумага, подписанная Езеранскимъ, о томъ, что, по приговору суда, г. Бокаловичъ имѣетъ препроводить Нирвольскаго за границу.

— Это вы подписали?—спросилъ я его.

— Да это еще что,—отозвался маіоръ В., а вотъ извольте посмотреть—въ понедѣльникъ вечеромъ Бокаловичъ арестовываетъ Нирвольскаго за кражу хомута у помѣщика Немовскаго,—арестъ произошелъ въ сараѣ Немовскаго,—ватѣмъ во вторникъ, хотя въ трибуналѣ было на очереди сорокъ шесть дѣлъ, тѣмъ не менѣе

прежде всего слушается дѣло Нирвольскаго; а еще сегодня, въ четвергъ, они изъ очередныхъ дѣлъ едва покончили и съ восьмыми,— и всѣ чиновники трибунала, какъ одинъ человекъ, показываютъ, что все это сдѣлано по приказанію вотъ г. прокурора. Помощникъ мой, капитанъ С.,—добавилъ маіоръ, остался тамъ, въ трибуналѣ, и при свидѣтеляхъ отбираетъ у нихъ письменныя показанія.

Изъ доставленныхъ мнѣ бумагъ оказывалось, что Немовскій показалъ на судѣ, что Нирвольскій у него укралъ хомутъ,—Нирвольскій чистосердечно въ томъ сознался,—шляхтичъ, служившій у Немовскаго управляющимъ, былъ выставленъ свидѣтелемъ и видѣлъ, какъ Нирвольскій зашелъ въ конюшню и взялъ хомутъ,—шляхтичъ погнался за нимъ, но не успѣлъ поймать—Нирвольскій скрылся. Въ обѣду пріѣхалъ къ Немовскому въ гости Бокаловичъ и, узнавъ о кражѣ, сталъ вмѣстѣ съ Немовскимъ и со шляхтичемъ обходить усадьбу и нечаянно въ сѣнномъ сараѣ наткнулся на Нирвольскаго, который спалъ, держа въ рукахъ хомутъ. У Нирвольскаго оказался прусскій паспортъ, его за границу и выслали.

Немовскій показалъ, что Нирвольскаго не знаетъ, а Нирвольскій увѣрялъ, что онъ изъ Познани пріѣхалъ три дня тому назадъ покупать овецъ; случайно проходя мимо усадьбы Немовскаго, зашелъ въ конюшню, увидалъ хомутъ, взялъ его, а потомъ скрылся въ сѣнной сараѣ, гдѣ и былъ арестованъ.

— А вѣдь это даже и не особенно ловко,—замѣтилъ я, читая бумаги.

— Судебныя дѣла,—имѣлъ начальство отвѣтить мнѣ Езеранскій,— не должны отличаться ловкостью, а законностью;—позвольте мнѣ удалиться, если я болѣе не нуженъ.

Однако до возвращенія капитана С. изъ трибунала я его не отпустилъ. Капитанъ С. принесъ показанія чиновниковъ трибунала, всѣ свидѣтельствовавшія, что прокуроръ Езеранскій приказалъ доложить суду дѣло Нирвольскаго не въ очередь и немедленно.

Езеранскій, какъ это мнѣ было донесено, черезъ часъ выѣхалъ въ Варшаву.

Уѣздный военный начальникъ въ тотъ же день выѣхалъ въ усадьбу Немовскаго (она была въ двадцати верстахъ отъ города) производить слѣдствіе. А вечеромъ я получилъ телеграмму отъ Рожкова: «за что арестованъ лучший, надежнѣйшій и лично извѣстный намъ вѣстнику и мнѣ чиновникъ Бокаловичъ?»—на что я отвѣчалъ: «пограничный комиссаръ Бокаловичъ арестованъ за укрывательство государственнаго преступника».

Черезъ три дня маіоръ Б. возвратился и привезъ мнѣ прозаическое имъ разслѣдованіе.

Крестьяне деревни и рабочіе въ усадьбѣ Немовскаго показали, что они Нирвольскаго давно знаютъ и всегда слышали, что онъ родня пану,— что въ воскресенье вечеромъ Нирвольскій прискакалъ верхомъ въ усадьбу, самъ лошадь отвелъ въ конюшню и вошелъ въ домъ, гдѣ ужиналъ и почивалъ въ панскомъ кабинетѣ. Утромъ рано въ понедѣльникъ Немовскій одинъ поѣхалъ въ городъ и къ обѣду возвратился съ Бокаловичемъ и съ другимъ чиновникомъ, котораго не знали и никогда прежде не видали,—впослѣдствіи это оказался одинъ изъ мѣстныхъ адвокатовъ. Бокаловичъ обѣдалъ, а вечеромъ въ экипажѣ Немовскаго, съ Нирвольскимъ и съ этимъ чиновникомъ, (а на козлы съ кучеромъ сѣлъ управляющій), захвативъ съ собою новый хомутъ изъ конюшни, уѣхалъ обратно въ городъ. Во время отсутствія мужа г-жа Немовская гуляла въ саду съ Нирвольскимъ. Дальнѣйшія разслѣдованія эти показанія подтвердили.

Въ то время, какъ я этимъ дѣломъ занимался, были получены изъ Варшавы двѣ телеграммы и обѣ знаменательныя: первая отъ намѣстника: «извольте немедленно прибыть для отчета мнѣ лично въ вашихъ дѣйствіяхъ»,—вторая отъ Рожнова: «въ видахъ пользы службы, намѣстникъ желаетъ, чтобы вы Бокаловича немедленно освободили отъ ареста и допустили къ исправленію его должности».

Я не вытерпѣлъ и телеграммой отвѣчалъ Рожнову: «Бокаловичъ арестованнымъ посылается къ вамъ, вмѣстѣ съ копіями разслѣдованій, изобличающихъ его преступленіе. Поступите съ нимъ, какъ знаете, но онъ не можетъ служить въ К., пока я завѣдую отдѣломъ».

Такъ я и сдѣлалъ. Въ обществѣ здороваго жандармскаго унтеръ-офицера и одного казака, Бокаловичъ поѣхалъ въ Варшаву; его вѣрно было сдать генералу Рожнову, вмѣстѣ съ копіями слѣдственныхъ документовъ. Вслѣдъ за нимъ и я отправился въ Варшаву, но предварительно арестовалъ Немовскаго и управляющаго его домашнимъ арестомъ, нарядивъ къ усадьбѣ изъ ихъ же гинны крестьянскій караулъ.

Въ Варшавѣ, на дебаркадерѣ, полицейскій полковникъ, повидимому одинъ изъ полиціймейстеровъ Варшавы, объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ приказаніе просить меня немедленно ѣхать къ намѣстнику.

— А какъ же чемоданъ мой?—спросилъ я.

— Я его отправлю въ какую прикажете гостинницу,—отвѣчалъ полковникъ.

Это что-то въ родѣ ареста,—подумалъ я, отправляясь въ старій королевскій замокъ.

Намѣстникъ сейчасъ же меня принялъ и, не позволивши мнѣ вымолвить ни слова, не спросивъ у меня, въ чемъ дѣло и какъ было дѣло,—прямо объявилъ мнѣ, что напишетъ государю и смѣнитъ

меня, — что своеволю онъ не потерпитъ, — что арестовывать заслуженныхъ чиновниковъ, — врываться съ буйствомъ въ суды, — наконецъ, ссориться въ лицѣ графа Р., почтеннѣйшаго и всѣми уважаемаго помѣщика, со всѣмъ обществомъ губерніи, со всѣмъ дворянствомъ — суть дѣйствія, вредныя для правительства, и что разъ я ихъ совершилъ, то онъ не можетъ предположить во мнѣ даже благовоспитаннаго человѣка, не только администратора.

Старикъ горячился, но это было вовсе не внушительно, это не былъ выговоръ или угроза сильнаго человѣка, а — выкрикиваніе стараго актера, въ себѣ неувѣреннаго, — такъ что-то въ родѣ неразумнаго запугиванія, авось-моль испугается.

— Я не хотѣлъ вѣрить, — продолжалъ фельдмаршалъ: я зналъ, что вы въ дѣлѣ администраціи ничего не понимаете; но я надѣялся, что общее всѣмъ намъ, людямъ хорошо рожденнымъ (*bien né*), воспитаніе не допуститъ васъ совершать вопіющія несправедлія.

Я далъ старику выкричатъ, а затѣмъ сказалъ, что мнѣ было извѣстно, что ему на меня многіе пожаловались, но я надѣялся, что его сіятельству угодно будетъ и меня выслушать, потому что вѣдь можетъ же наконецъ быть, что тѣ, которые жаловались, сами кругомъ виноваты, — я увѣренъ что, не разобравъ дѣла, его сіятельство никого не обвинить.

Стараго фельдмаршала это осадило и онъ согласился меня выслушать. По мѣрѣ того, какъ я рассказывалъ, лицо его морщилось и подергивалось.

— Конечно, милый мой другъ, — сказалъ онъ мнѣ, беря меня за руку: вы правы; но вѣдь нельзя же, согласитесь, всѣхъ чиновниковъ-поляковъ разогнать, это — ихъ край, ихъ, а не нашъ, — мы должны ими управлять, но нельзя отъ нихъ требовать больше того, что они могутъ дать. Ну, положимъ, выпустать они одного или двухъ повстанцевъ, тѣмъ лучше для насъ, — пускай! На это нужно смотрѣть сквозь пальцы.

— Къ сожалѣнію, ваше сіятельство, — замѣтилъ я: при безнаказанности, эти выпущенные повстанцы снова возвращаются къ намъ, не для добраго дѣла, а даже вѣшаютъ...

— Да, да, конечно, — зачастилъ старикъ, перебивая меня: вы правы, совсѣмъ правы. Я это все разберу потомъ; а теперь я хотѣлъ съ вами переговорить, дорогой мой другъ, о дѣлѣ гмины Побуцко, — вѣдь оно у васъ въ губерніи?

Долго и дружески объяснялъ мнѣ это дѣло графъ Бергъ весьма, во всякомъ случаѣ, своеобразно.

Владѣтель Побуцко оказывался, по словамъ фельдмаршала, преданнѣйшимъ Россіи пруссакомъ; такіе люди въ Польшѣ въ особенности

для русскаго правительства неопцѣнными; ихъ необходимо беречь, они адѣосъ могутъ быть нашимъ вѣрнѣйшимъ оплотомъ и силой. Затѣмъ очевидно, что комисіи по крестьянскимъ дѣламъ увлекаются, даже часто преступно увлекаются, а въ дѣлѣ гмины Побуцко въ особенности. Если же владѣлецъ Побуцко будетъ обиженъ, притѣсненъ или разворонъ, то нѣмцы-пруссакки побоятся заводить фабрики, покупать земли въ Польшѣ,—словомъ, водворяться въ краѣ—и тогда что-же будетъ? Русскіе,—продолжалъ графъ Бергъ, представитель русской власти въ краѣ,—русскіе хороши въ арміи, въ войскахъ, но уже, конечно, не способны населить и оживить краѣ, совсѣмъ не способны!

Вотъ что, въ общихъ чертахъ, говорилъ фельдмаршалъ и закончилъ свою рѣчь выраженіемъ увѣренности, что я, какъ человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ и принадлежащій самъ къ древнему роду, не буду потворствовать краснымъ московскимъ выходцамъ и помогать имъ угнетать истиннаго, благороднаго рыцаря и дворянина, въ ущербъ прямымъ пользамъ русскаго правительства.

Прощаясь со мною, фельдмаршалъ меня нѣжно обнялъ и благодарилъ за усердіе.

Почти первыя лица, которыхъ я встрѣтилъ на улицахъ Варшавы, по дорогѣ отъ королевскаго замка въ англійскую гостиницу, (куда былъ свезенъ мой чемоданъ), были гг. Езеранскій и Бокаловичъ, вмѣстѣ подъ руку гуляющіе по троттуарамъ Новаго Свѣта (главная варшавская улица). Увидавъ меня, они очень развязно поклонились мнѣ.

VII.

Въ Варшавѣ я пробылъ дней пять,—приходилось со всѣми властями объясняться. Результаты моихъ объясненій были весьма разнообразны.

Генералъ полиціймейстеръ соглашался, что отправка Нирвольскаго за границу имѣла нѣкоторые признаки злонамѣренности, но что, впрочемъ, признаки эти могли быть ошибочны.

— «Подтянуть этихъ господъ,—говорилъ онъ, конечно, не мѣшаетъ; но прежде всего настоятельно необходимо уничтожить тѣхъ, которые бунтуютъ крестьянъ и подъ эгидой будто бы закона разрушаютъ самыя принципы собственности». Конечно, въ доказательство своего мнѣнія генералъ-полиціймейстеръ приводилъ дѣло гмины Побуцко.

Князь Черкасскій полагалъ, что никакого дѣла гмины Побуцко, собственно говоря, нѣтъ; а есть только нахальное притязаніе прусскаго графа не подчиняться общему закону, и что такое притязаніе тѣмъ болѣе для насъ обидно, что тотъ же графъ у себя, въ Пруссіи,

не осмѣлился бы даже и подумать сопротивляться установленному закону. Затѣмъ князь Черкасскій рѣшилъ это дѣло тѣмъ, что предложилъ составить и послать слѣдственную комиссію въ Побуцко, возложивъ на нее обязанность представить подробное донесеніе въ учредительный комитетъ Царства Польскаго, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, засѣдалъ онъ, Соловьевъ, и генераль-полиціймейстеръ. Такой простой исходъ поразилъ горемъ даже смѣлаго прусскаго графа и онъ сознавалъ, что такимъ образомъ онъ никакихъ исключеній и льготъ не добьется.

Графъ Бергъ, при всемъ желаніи, не могъ рѣшительно отклонить предложеніе князя Черкаскаго, и всѣ польскія интриги, всегда кругомъ стараго фельдмаршала дѣйствовавшія, сосредоточивались только на томъ, чтобы какъ нибудь да не допустить образованія подобной комиссіи. На почвѣ законности и серьезныхъ преній на фельдмаршалъ, ни тѣмъ менѣе генераль-полиціймейстеръ не помешляя, конечно, отстоять притязанія владѣльца Побуцко.

Относительно дѣла Нирвольскаго князь Черкасскій могъ только настоять, чтобы Езеранскому былъ бы объявленъ оффиціальннй разговоръ, а Бокаловича самъ удалилъ изъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ (онъ конечно получилъ сейчасъ же мѣсто, въ Варшавѣ, по польскимъ судебнымъ учрежденіямъ).

Пробовалъ я заговорить съ вице-предсѣдателемъ главнаго благотворительнаго комитета, Рожновымъ (онъ же варшавскій гражданскій губернаторъ), о странныхъ мѣстныхъ обычаяхъ, сообщенныхъ мнѣ польскимъ графомъ Р., но Рожновъ этотъ разговоръ отклонилъ и усердно выражалъ мнѣ печаль свою по поводу удаленія отличншаго чиновника Бокаловича.

О польскомъ направленіи жандармскаго, изъ поляковъ, маіора 3—го я заговаривалъ съ генераль-полиціймейстеромъ, но получилъ въ видѣ отвѣта нѣчто въ родѣ намека о томъ, что маіора 3—го знаютъ всѣ, а меня—нѣтъ, и что направленіе маіора хорошо извѣстно его начальству, которое имъ очень довольно, а слѣдовательно чего же мнѣ беспокоиться? Тѣмъ не менѣе, я, будто бы не понявъ намека, весьма твердо высказалъ, что въ случаѣ, если маіоръ 3—ій слишкомъ уже явно выкажетъ мною замѣченное въ немъ направленіе, то я съ нимъ поступлю, какъ съ Бокаловичемъ, то есть арестованнымъ пришлю его въ Варшаву, къ его превосходительству,—послѣ чего генераль-полиціймейстеръ сообщалъ всѣмъ, что я дерскій и легкомысленный человекъ. И съ этого времени начались мои, такъ сказать, недоразумѣнія съ жандармскимъ вѣдомствомъ.

Воспоминанія о походѣ 1877—1878 гг.

I.

Какое пріятное чувство охватывало каждого, возмѣвшаго право надѣть бѣлый чехоль на фуражку, лѣтомъ 1877 года, что въ это время служило нагляднымъ доказательствомъ принадлежности къ дѣйствующей арміи! Съ какимъ полупрезрительнымъ сожалѣніемъ смотрѣлось на тѣхъ, которые оставались дома и не шли туда, гдѣ все ярче и ярче разгоралась борьба христіанства съ исламомъ. Впрочемъ, объ идеѣ этой борьбы мало кто и думалъ, а старались лишь попасть къ дѣлу, къ которому подготавлились дѣлмиъ своимъ воспитаніемъ и которое, очевидно, имѣло въ себѣ самомъ много заманчиваго и привлекательнаго.

4-го августа 1877 г. я простился съ родными и товарищами и отправился въ Москву догонять мой уже ушедшій полкъ. Въ Петербургѣ какъ-то не замѣчалось того волненія и оживленія, которое я нашелъ въ первопрестольной столицѣ Россіи. На улицахъ, на дебаркадерѣ, въ ресторанахъ, только и слышны были толки про военныя дѣйствія, при чемъ, конечно, слышались иногда преумерительныя сужденія, произносимыя съ важнымъ видомъ доморощенными стратегами. По курской желѣзной дорогѣ, на станціяхъ, уже попадались партіи плѣнныхъ турокъ, конечно возбуждавшихъ мое любопытство, и я не разъ подходилъ и обращался къ плѣннымъ офицерамъ по французски или по нѣмецки, но къ крайнему моему удивленію отвѣта не получалъ, такъ какъ большинство изъ нихъ, выслужившіеся изъ рядовыхъ, иностранныхъ языковъ не понимали. Одѣты были они очень неряшливо, почти въ лохмотьяхъ, что меня тоже поражало, такъ какъ взяты они были большей частью въ Никополь, въ самомъ началѣ кампаніи и, казалось бы, еще не имѣли времени обтрепаться. Не смотря на ихъ грязный и оборванный видъ,

плѣнные всегда были окружены очень элегантной публикой, при чемъ дамы выказывали имъ всевозможное участіе. Впрочемъ, и нашему брату, еще только отправляющемуся на театръ войны, иногда приходилось получать отъ провинціальныхъ дамъ равные знаки участія, въ видѣ цвѣтовъ, образковъ и пр. Въ Тулѣ, на станціи желѣзной дороги, ко мнѣ подошла очень прилично одѣтая дама и, конфузясь, просила меня принять отъ нея небольшой образокъ св. Николая. «Онъ васъ будетъ хранить, сказала она, а я буду слѣдить за вами по газетамъ, скажите мнѣ вашу фамилію». Въ Кіевѣ, на вокзалѣ, къ которому почти ежечасно подѣзжали воинскіе поѣзда, царла невообразимая суета и путаница. Желѣзно-дорожное начальство сбилось окончательно съ ногъ, а станціонному коменданту просто приходилось разрываться. Въ буфетѣ, само собой, ничего нельзя было добиться и приходилось продовольствоваться въ самомъ городѣ. Меня удивляла предусмотрительность одного француза, снявшаго буфетъ въ вокзалѣ Жмеринки специально по случаю проѣзда войскъ и заготовившаго огромные запасы. Говорили, что онъ на этомъ нажилъ очень крупную сумму.

Въ Жмеринкѣ какъ разъ высаживалась гвардейская кавалерія изъ вагоновъ, для дальнѣйшаго слѣдованія уже походнымъ порядкомъ.

Сколько тутъ было съѣдено и выпито—предоставляю читателю судить, взявши въ расчетъ, что сто восемьдесятъ гвардейскихъ камерійскихъ офицеровъ прожили тутъ нѣсколько дней и отъ бездѣлья, конечно, засиживались въ вокзалѣ.

Переходы отъ Жмеринки до Скулянъ (румынской границы) были по росписанію назначены довольно большіе, что, совмѣстно съ сильными жарами, сразу заставило почти всѣхъ лошадей очень похудѣть. По приходѣ на ночевки, онѣ отказывались зачастую отъ корма, и я лично, ведя съ собой трехъ лошадей, всетаки опасался остаться на походѣ безъ одной.

Мѣстечки, въ которыхъ мы останавливались для ночлега, по большей части были переполнены еврейскимъ населеніемъ, которое, конечно, не упустило случая поживиться отъ офицеровъ, и гдѣ только могло, эксплуатировало наши карманы. Я помню, что въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, въ самомъ плохенькомъ трактирѣ, попросту жидовской корчмѣ, съ меня и еще нѣсколькихъ товарищей взяли по 2 р. за обѣдъ безъ вина. А каковъ былъ этотъ обѣдъ, о томъ намъ засвидѣтельствовали наши желудки на слѣдующемъ переходѣ. Наконецъ, добрались мы до Скулянъ и расположились бивуакомъ на берегу р. Прута. Здѣсь нашу дивнію принялъ вновь генералъ Гурко, услѣвшій уже совершить свой первый забалканскій переходъ и по-

бывавшій послѣ того въ Россіи. Назначенный на другой день его прибытія въ Скуляны смотрѣ смутилъ господъ эскадронныхъ командировъ, не безъ основанія боявшихся за крайне сившее тѣло лошадей. И дѣйствительно, генераль Гурко послѣ вывода заявилъ свое полное неудовольствіе, прибавивъ, что ежели послѣ нѣсколькихъ переходовъ эскадроны пришли въ такое состояніе, то что же можно отъ нихъ ожидать въ дальнѣйшемъ. Насъ всѣхъ, субалтернъ-офицеровъ, онъ собралъ въ кружокъ и произнесъ краткую, но весьма внушительную рѣчь, смыслъ которой заключался въ слѣдующемъ: «въ Румыніи, господа, бѣгите отъ женщинъ (sic), а перейдя Дунай, помните, что имѣете дѣло съ врагомъ хитрымъ, лукавымъ, котораго не достаточно храбро атаковать, но надо его еще прежде заманить, чтобы заставить принять атаку».

— «Въ заключеніе, господа, сказалъ генераль, желаю вамъ всѣмъ вернуться обратно въ Россію, хотя это и невозможно».

Съ пѣснями и музыкой перешли мы на другой день румынскую границу и дошли до города Яссы. Вся дивизія расположилась на полѣ, около города, но офицеры, кромѣ, конечно, дежурныхъ, полетѣли на русскихъ извозчикахъ (очень богатые русскіе переселенцы—скопцы) въ самый городъ, гдѣ очень весело и оживленно прошелъ вечеръ в часть ночи.

Яссы, вообще, производятъ впечатлѣніе весьма чистаго и хорошо устроеннаго городка на европейскій ладъ, съ огромнымъ количествомъ кафе-шантановъ, увеселительныхъ садовъ, гдѣ неизбѣжно насъ встрѣчали музыкой на мотивъ: *Ich bin der kleine Postillon!*

Распространенность этого мотива дала поводъ нѣкоторымъ русскимъ офицерамъ предполагать, что это вѣрно румынскій національный гимнъ, вслѣдствіе чего однажды произошло слѣдующій казусъ. Въ одномъ изъ садовъ компанія румынскихъ офицеровъ заставила играть музыку русскій гимнъ «Боже Царя Храни», причемъ обнажили головы и кричали «ура». Вслѣдъ за нашимъ гимномъ, музыка опять заиграла «*Ich bin der kleine Postillon*». Присутствующіе русскіе офицеры сейчасъ же встали, сняли фуражки и крикнули «ура» въ честь князя Карла. Недоразумѣніе вышло полное.

Отъ самаго города Яссы до Бухареста выпала на мою долю довольно тяжелая обязанность вести квартирнеровъ. Я говорю «тяжелая», такъ какъ приходилось идти по ночамъ, а днемъ браниться съ нашими внимательными союзниками, не желавшими пускать солдатъ къ себѣ на ночлегъ и, вслѣдствіе того, дѣлавшихъ мнѣ въ каждомъ мѣстечкѣ непріятности.

Ночи выдавались все пасмурныя, темныя и даже, не смотря на

августъ мѣсяцъ, холодный. Со мною была команда человекъ 10 унтеръ-офицеровъ, которая тоже, послѣ почти двухъ-недѣльнаго лишения сна, окончательно измучилась. Дороги, по которымъ мы двигались, вслѣдствіе сильныхъ дождей, сдѣлались грязными и топкими; было большимъ счастьемъ, когда мнѣ удавалось найти на дорогѣ корчму, гдѣ можно было немного обсушиться и дать людямъ по чаркѣ раки, румынской водки, которую, за неимѣніемъ другой, люди очень любили. Въ одну изъ такихъ остановокъ съ нами чуть не произошла бѣда. Еврей-корчмари по большимъ дорогамъ весьма неохотно отворяли намъ двери ночью и часто даже тушили варочно огонь въ домѣ при нашемъ первомъ стукѣ въ дверь.

Промокшіе и прозябшіе, мы слѣвали съ лошадей у дверей одной изъ такихъ корчмъ и собирались, по мѣрѣ возможности, обогрѣться, какъ вдругъ услышали необычайный шумъ и крикъ, выходящіе изънутри корчмы. Такъ какъ намъ долго не отворяли, то мы сами себя открыли наружныя двери и взорамъ своимъ, какъ шедшаго впереди, представилась картина стоявшихъ на колѣняхъ двухъ мужчинъ и трехъ женщинъ, которые что-то вопили передъ тремя личностями, званіе которыхъ опредѣлить было бы трудно, но которыя имѣли весьма угрожающія позы.

Появленіе мое, въ сопровожденіи человекъ 10-ти бравыхъ молодыхъ, произвело неожиданную перемену декораціи. Три вышесказанныхъ личности бросились къ выходнымъ дверямъ, стоявшіе же на колѣняхъ, какъ оказалось впоследствии, хозяева обратились со словами къ намъ, прося защиты отъ грабителей и посылая Господу на нѣмецкомъ языкѣ благодарственныя молитвы за наше спасительное вмѣшательство.

Темные рыцари были связаны и въ ближайшемъ городкѣ сданы мной румынской префектурѣ. Но у одного изъ нихъ былъ съ собою старый поржавѣвшій мушкетонъ, (иначе назвать его нельзя), взявъ съ которымъ, одинъ изъ моихъ унтеръ-офицеровъ неосторожно далъ выстрѣлъ. Пуля взвизгнула около самаго уха другого квартирьера и впиалась въ стѣну корчмы. На одинъ волосокъ—и всѣмъ намъ была бы бѣда, а мнѣ, какъ отвѣтственному начальнику, еще большая, такъ какъ я, давая себя и людямъ отдохъ въ корчмѣ, дѣйствовалъ на свой страхъ и врядъ ли бы могъ ожидать похвалы за это отъ начальства.

Впрочемъ, во все время слѣдованія нашего изъ Яссы до Бухареста, рѣдкая ночь проходила безъ приключенія,—такое ужъ время и такая ужъ обстановка.

Помнится, на другую ночь, пришлось мнѣ разыграть роль сва-

сающаго рыцаря съ одной дамой, сопровождавшей все время своего мужа, но почему-то отправившейся въ эту ночь не съ поѣздомъ желѣзной дороги, а на почтовыхъ. Въ страшную тьму и слякоть слышали мои унтеръ-офицеры (такъ какъ я, закутавшись въ кожаное пальто, немного вздремнулъ на ходу) брань и женскія крики. Пришпоривъ коней, мы подъѣхали къ повозкѣ, стоявшей посреди цѣлаго океана воды, и слышали просьбы женщины выручить ее изъ не-пріятнаго положенія. Ямщикъ-валахъ ругался по румынски и отказывался везти барыню далѣе. Оказалась какъ разъ извѣстная мнѣ г-жа N, чуть не плачущая и раскаяющаяся въ своей смѣлой поѣздкѣ безъ провожатаго, да еще ночью.

Нѣсколько энергичныхъ фразъ заставили валаха двинуться впередъ, но такъ какъ г-жа N вся перемокла и озябла, то я предложилъ ей доѣхать до первой желѣзно-дорожной полустанціи, видѣвшейся влѣво отъ насъ, и тамъ пересѣсть на первый проходящій поѣздъ. Предложеніе мое было принято и черезъ четверть часа мы вошли въ единственную комнату полустанка, занятую начальникомъ станціи, онъ же и телеграфистъ. «Поѣздъ здѣсь не останавливается», сообщилъ мнѣ румынъ французско-румынскимъ языкомъ. «Очень жаль, отвѣчалъ я, такъ какъ на этотъ разъ онъ всетаки остановится. Потрудитесь сейчасъ же телеграфировать, чтобы оберкондукторъ остановилъ на вашей полустанціи поѣздъ, по весьма важнымъ обстоятельствамъ». Румынъ не соглашался, но я пригрозилъ ему и телеграмма пошла. Сѣвшая благополучно, въ удобный вагонъ подошедшаго черезъ часъ поѣзда, дама очень меня благодарила и послѣ кампаніи еще долго помнила этотъ пустынный случай.

Съ румынами вообще надо было быть крайне настойчивымъ и даже строгимъ, такъ какъ иначе добиться чего нибудь отъ нашихъ милыхъ союзниковъ было очень трудно. Я, быть можетъ, болѣе другихъ испыталъ ихъ явное нерасположеніе дѣлать русскимъ что либо угодное, и не разъ, при отводѣ квартиръ въ городахъ, себѣ портилъ кровь. Приѣжая къ утру на мѣсто, назначенное для расквартированія полка, я являлся въ полицейскую префектуру и, получивъ для сопровожденія двухъ трехъ агентовъ полиціи, отправлялся отводить дома. Здѣсь-то и начиналась страшная распря и борьба съ обывателями, всячески отклонявшими отъ себя помѣщеніе у нихъ солдатъ. Бывало, несмотря на брань козлявъ, начертишь на домѣ мѣломъ ту часть, которой надо здѣсь расположиться, напр. 1 взводъ 2 эскадрона, но только уйдешь, какъ мѣлъ моментально стирается козьями, вслѣдствіе чего, по приходѣ полка, начинается путаница, и усталые эскадроны не знаютъ куда приткнуться. Всѣ недовольны и

неудовольствіе это, конечно, обрушивается на квартирьера. Впрочемъ, гдѣ бывалъ городской плацъ, или широкая площадь, то я отводилъ ихъ для бивуака, а квартиры лишь для гг. офицеровъ. При этомъ не могу не упомянуть объ одномъ забавномъ случаѣ, происшедшемъ, если не ошибаюсь, въ г. Фокшанахъ. Найдя близь городского плаца рядъ небольшихъ домиковъ, я предназначилъ ихъ для начальства и въ одномъ изъ нихъ отвелъ одну комнату для офицеровъ моего эскадрона. Съ приходомъ полка, усталое офицерство сейчасъ же разлеглось спать, постлавъ на полу солому, и съ наступленіемъ сумерекъ все уже покомлось глубокимъ сномъ. Къ сожалѣнію, отвоя въ домъ помѣщеніе для офицеровъ, я не узналъ, что домъ этотъ былъ доступный для всѣхъ домъ терпимости, что и не замедлило обнаружиться. Какой-то румынскій чиновникъ, одѣтый въ форменное платье и сильно подвыпившій, явился въ этотъ же домъ и, вѣроятно, по привычкѣ толкнулся въ комнату, гдѣ какъ разъ спали наши офицеры. Споткнувшись объ лежащаго около дверей молодого корнета Х., румынъ навалился на него всею тяжестью своего тѣла и этимъ произвелъ страшный переполохъ. Въ темной комнатѣ, сонныя офицеры не могли ничего разобрать, спичекъ не находили и, наконецъ, все какъ выбѣжали на дворъ, волоча за собой и румына. «Люди, нагаекъ», крикнули въ конюшнѣ офицеры, и немедленно приступили къ экзекуціи. Услыша подобный шумъ и крикъ, я подбѣжалъ съ фонаремъ къ мѣсту происшествія и нашелъ чиновника уже не подающаго признаковъ жизни. Ведра два воды на голову не привели его въ чувство, но какъ оказалось впоследствии, по рассказамъ дневальницъ, онъ лишь корчился изъ себя обморочнаго и, какъ только увиделъ себя неокруженнымъ никѣмъ, потихоньку приподнялъ голову, оглянулся и принялся улепетывать. Румыны впоследствии очень не любили, когда я, нарочно, имъ рассказывалъ этотъ дѣйствительно происшедшій случай съ ихъ чиновникомъ.

Наконецъ, тяжелая моя служба кончилась; мы дошли до Бухареста. Въ самомъ городѣ намъ по маршруту ночевать не приходилось, а лишь предстояло пройти черезъ главныя улицы, насколько возможно принарядившись, пообчистившись и съ гвардейскою щеголеватостью. Всѣ обоимъ были отправлены окольными путями, кругомъ румынской столицы, чтобы не показывать столичной публикѣ нашу непривычную сторону.

Не доходя города, къ намъ на встрѣчу выѣхалъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, командовавшій тыломъ арміи и тутъ же собралъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ для произнесенія маленькаго слова. «Идите, господа, говорилъ генералъ, васъ ждутъ за Дунаемъ, васъ

ждеть вся армія, вась ждетъ самъ государь!» Не могу сказать, чтобы слова эти, въ особенности въ связи съ распространившимися слухами о дѣлѣ 30 августа, прошли безслѣдно и не наэлектризовали массу молодежи, которая и безъ того рвалась поскорѣе туда, гдѣ до тѣхъ поръ все шло такъ неудачно и гдѣ лилось безплодно столько русской крови.

Въ Бухарестѣ я встрѣтилъ массу господъ изъ главной квартиры, гуляющихъ и праздныхъ, присутствіе которыхъ въ городѣ, за двѣсти верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій, въ такіе тяжелые для арміи дни, меня несказанно удивило. Одинъ былъ въ отпуску, другой пріѣхалъ лечить насморкъ, третій для свиданія съ двоюродной теткой, однимъ словомъ всякій предлогъ былъ хорошъ для отъѣзда изъ главной квартиры и для полученія награды, находясь въ Бухарестѣ.

Чѣмъ ближе дивизія подходила къ Зимницѣ, гдѣ надо было переправляться черезъ Дунай, тѣмъ болѣе все начинало напоминать о грозныхъ событіяхъ, происходившихъ подъ Плевной и на Шипкѣ. Мѣстами, въ сторонѣ отъ дороги, стояли почему-то оставленные осадныя орудія, сломанные передки, валялась падаля и заражала воздухъ на нѣсколько верстъ вокругъ. Въ мѣстечкѣ Александрія мы оставили весь колесный обозъ во исполненіе приказа генерала Гурко, слова котораго по этому поводу ходили между нами: «сухарь—святыня, въ обозѣ—ни одного колеса». Полотняные мѣшки, перекинутые черезъ спяну заводной лошади, вмѣщали въ себѣ, по большей части, все офицерское походное имущество. Еще далеко не доходя берега Дуная, засинѣли на горизонтѣ туманныя очертанія Балканскихъ горъ, и у каждаго изъ насъ забилось тревожнѣе сердце, глядя на эти грозные профили, по направленію къ которымъ приходилось двигаться.

II.

По приходѣ въ Зимницу, мы расположились бивуакомъ неподалеко отъ подвижнаго госпиталя, къ которому въ эти дни ежечасно подходили транспорты съ ранеными. Большою частію это были все участники атаки Плевны 30-го августа. Часть ихъ вскорѣ же кончалась и администрація госпиталя не успѣвала хоронить, вслѣдствіе чего рядомъ съ нашею коновязью остались многіе трупы, положенные на краю полувыкопанной могилы, и видъ ихъ немного смущалъ нашихъ еще не обывшихъ солдатиковъ. Нѣкоторые изъ насъ пошли по палаткамъ госпиталя. Здѣсь насъ встрѣтила суетня, путаница вслѣдствіе недостатка коекъ для вновь прибываю-

щихъ раненныхъ; вездѣ стоялъ стонъ, олаье, и раздавались громкія жалобы несчастныхъ, временно не получающихъ никакой помощи. Остался у насъ всѣхъ въ памяти одинъ подпоручикъ N** полка, изможденный, блѣдный, однимъ изъ первыхъ перешедшій Дунай, участникъ трехъ Плевонъ и теперь лежавшій съ двумя тяжкими ранами, которыя его заставляли ужасно страдать. Мы подошли съ участіемъ и нѣкоторымъ почтеніемъ къ безъизвѣстному герою, и я, по наивности, спросилъ его, получилъ-ли онъ хотя за все выстраданное. «Все собиралось начальство представить къ Станиславскому кресту, отвѣчалъ мученикъ, да вотъ все нѣтъ, а теперь ужъ видно придется деревянный крестъ получить». Невольно припомнились при этомъ разукрашенные орденами и гулявшіе въ Бухарестѣ кавалеры, съ ихъ витѣватными разказами о дѣлахъ, въ которыхъ они яко-бы участвовали и за которыя получили всевозможные старшіе ордена и награды. Видѣ всѣхъ этихъ страданій производилъ съ непривычки такое сильное впечатлѣніе, что всѣмъ намъ здоровымъ стало не по себѣ, а съ однимъ такъ просто сдѣлалось дурно. Мы поспѣшили выдти изъ этого виѣстияща человѣческихъ мукъ и отправились въ гор. Систовъ, страхнувъ съ себя тяжесть видѣнаго, но и тамъ на каждомъ шагѣ попадались картины, въ родѣ Землякаго госпиталя, въ видѣ похоронъ, транспортовъ съ ранеными и проч.

На другой день, съ утра, начался переходъ нашей дивизіи чрезъ понтонный мостъ на Дунаѣ. Мостъ крайне узкій и колеблющійся, такъ что приходилось вести лошадей рядами и въ поводу. Течение очень быстро, и я, не любящій вообще воды, признаюсь, мало вкушалъ удовольствія отъ этой переправы, тѣмъ болѣе что виѣсто перилъ были лишь канаты, нисколько не мѣшавшіе окунуться въ волны, въ случаѣ ежели бы какой нибудь лошади вздумалось занграть на мосту. На томъ берегу насъ пропускалъ мимо себя генералъ Гурко со своимъ штабомъ и поздравлялъ съ переходомъ черезъ Дунай. Едва лишь сѣли на коней и пошли походнымъ порядкомъ по направленію къ с. Туркосливѣ, какъ вновь появился на встрѣчу безконечный рядъ повозокъ съ ранеными изъ-подъ Плевны. «Спѣшите, спѣшите, землячки, кричали они намъ, нашихъ вовсе мало тамъ».

По прибытіи на бивуакъ въ д. Туркосливу, стало извѣстнымъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ высочайшій парадъ въ Горномъ Студенѣ. Стали приводить себя въ порядокъ, въ особенности заключали начальники частей; мнѣ же, въ свободные отъ службъ часы, дѣлать было на бивуакѣ нечего и я собрался съѣздить въ Горный Студень, посмотрѣть на житье-бытье моихъ многихъ товарищей, бывшихъ ординарцами и адъютантами при главной квартирѣ. Поѣхалъ я съ бивуака въ самомъ веселомъ настроеніи духа, но къ

вечеру вернулся въ самомъ непріятномъ и даже досадовалъ, что поѣхалъ. Только съѣздивъ туда, я понялъ, что высоты главной квартиры неудобны для строеваго офицера, и что на насъ тамъ, даже мои товарищи-ординарцы, смотрятъ какъ на ничтожную *chair à saup* и даже немного отворачиваются отъ потертыхъ походомъ мундировъ, будучи, конечно, сами всегда одѣты съ иголочки съ небольшимъ *laissez-alleg de champagne*. Я созналъ свое ничтожество при видѣ ихъ товарищескихъ отношеній съ великими міра сего, отъ которыхъ зависѣли не только мы сами, но и всѣ наши полки и дивизія. Роскошь въ ѣдѣ, питьѣ, жилищѣ и одеждѣ не могли не возбудить во мнѣ сквернаго чувства зависти, когда я сравнивалъ все это со своей несчастной тантъ-абри, въ которую надо было вползать на четверенькахъ, со своимъ единственнымъ котелкомъ, въ которомъ варился супъ и чай.

Высочайшій парадъ всегда, еще въ Петербургѣ, производилъ во мнѣ извѣстнаго рода возбужденіе и трудно объяснимый энтузіазмъ. Здѣсь же въ Горномъ Студенѣ, такъ сказать, на почвѣ военныхъ дѣяствій и въ присутствіи обожаемаго монарха, единственнаго страдавшаго въ Горномъ Студенѣ надъ каждою каплею пролитой русской крови, энтузіазмъ этотъ выросъ до нельзя. Со слезами на глазахъ кричалъ я «ура», при императорскомъ объѣздѣ войскъ, и въ эту минуту готовъ бы былъ ринуться одинъ на цѣлую армію Османъ-паши. Я думаю, чувства мои раздѣлялись всѣми гвардейскими войсками, бывшими на царскомъ смотру, и всѣ одинаково жаждали доказать на дѣлѣ своему царю чувства преданности и желаніе умереть за него. Къ сожалѣнію, не на поле брани пришлось намъ идти съ парада, а на крайне топкій болотный бивуакъ подъ с. Дольная Липница, гдѣ насъ оставили мокнуть въ теченіи слишкомъ двухъ недѣль.

Конецъ сентября 1877 года въ Болгаріи выдался дождливый и холодный. Куда дѣвались бѣлые чехлы на фуражкахъ и кителя! Подумывали о полушубкахъ и о теплыхъ вещахъ, но, само собой, ихъ ни у кого не было. Почти непрерывный осенній дождь превратилъ безъ того низменный бивуакъ въ сплошную грязь, въ которой лошади вязли, стоя въ коновязи, а люди бродили съ постоянно мокрыми ногами. Тантъ-абри не защищали отъ дождя нисколько, да и были въ особенности неудобны тѣмъ, что, при малѣйшемъ выпрямленіи туловища, обдавали насъ холодною душою, очень непріятною въ холоду и сырости. Пробовали копать землянки, но онѣ лишь служили стокомъ воды и легшій свечеру сухо просыпался утромъ буквально въ колодцѣ.

Очередная служба, между тѣмъ, все усиливалась, такъ какъ, взаимѣнъ одного дежурства по полку, начальство приказало еще имѣть дежурныхъ офицеровъ въ каждомъ эскадронѣ. Кромѣ того содержалась

аванпостная цѣпь къ сторонѣ селенія Липницы, вѣроятно для пресѣченія мародерства, могущаго возникнуть при сосѣдствѣ богатой деревни.

Сверхъ всего этого, ежедневно два или три офицера командировались съ командами людей на покосъ, для полученія дароваго сѣна. Эта послѣдняя командировка была изъ самыхъ неприятныхъ. Въ дождь сидѣть безъ всякаго, въ сущности, дѣла, гдѣ нибудь въ степи и мокнуть въ теченіи 12 часовъ къ ряду—не представляло ничего привлекательнаго, и всякій охотно мѣнялся съ товарищами за три дежурства, лишь бы не идти на сѣнокосъ. Аванпосты противъ с. Липницы содержались строго, и надо было имѣть записку отъ начальника дивизіи, чтобы пройти сквозь цѣпь хотя бы за вязанкой дровъ, которыхъ, кстати сказать, почти не имѣлось на бивуакѣ.

Однажды ночью, передъ разсвѣтомъ, партія спѣшенныхъ казаковъ, вѣдя лошадей въ поводу, хотѣла пройти въ селеніе, какъ бы для удобнѣйшаго водопоя, но вѣроятно имѣя и кой какіе другіе виды, хотя бы болѣе близкое знакомство съ обывателями братушками. Я находился на пропускномъ посту и, слѣзши съ коня, калякалъ съ моими солдатками о томъ о семъ, какъ вдругъ съ другого поста подскочилъ подчасокъ и доложилъ, что казаки насильно проходятъ сквозь нашу цѣпь, что онъ ихъ останавливалъ, но что они его не слушаютъ. Въ двѣ минуты былъ я уже на мѣстѣ происшествія и успѣлъ захватить хвостъ казачьей партіи. Въ рядахъ разстегнутыхъ и безъ всякаго порядка идущихъ казаковъ я замѣтилъ унтеръ-офицера. На мои справедливыя замѣчанія, онъ отвѣчалъ мнѣ довольно дерзкимъ тономъ, что, молъ, порядокъ не поймешь, вчерась другіе стояли, такъ пускали, а нынче нѣтъ. Я замѣтилъ ему вторично, что ему, тѣмъ болѣе какъ унтеръ-офицеру, такъ отвѣчать не полагается, но онъ продолжалъ ораторствовать весьма пространно и грубо. Видя смущеніе, производимое подобными словами на моихъ людей, я разгорячился и, ударивъ его нѣсколько разъ нагайкой, велѣлъ своимъ людямъ его связать и представить въ главный карауль. Изъ-за этого возникла цѣлая исторія, назначено слѣдствіе, впрочемъ явно доказавшее вину унтеръ-офицера, и дѣло было прекращено. Генералъ-адъютантъ Гурко въ этомъ отношеніи былъ очень строгъ и терпѣть не могъ нарушенія такой важной, въ военное время, службы, какъ аванпостная. Замѣтивъ, что нестроевые чины, особенно деньщики, болѣе другихъ склонны къ мародерству, пьянству и буянству, онъ разрѣшилъ, своею властью, командирамъ частей подвергать ихъ тѣлесному наказанію, что сразу прекратило кой-какія шалости. Въ это время пронесся слухъ, что генералъ Гурко назначается командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, а начальникомъ дивизіи остается генералъ-маіоръ Леоновъ.

Не могу не припомнить анекдота, случившагося въ эти же дни съ симъ послѣднимъ и заставившаго насъ всѣхъ въ ту пору не мало посмѣяться. Не смотря на всѣ, принятія противъ шалостей, мѣри, какимъ-то неизвѣстнымъ солдатикамъ удалось угнать у болгарина вола и перепродать его неизвѣстно какому еврею. Опечаленный болгаринъ явился къ генералу Леонову и пожаловался, не умѣя впрочемъ объяснить, какого полка были солдатки, такъ какъ дѣло было ночью, но утверждая положительно, что видѣлъ ихъ вышедшими съ бивуака нашей дивизіи.

Генераль-маіоръ Леоновъ сильно разгнѣвался и тутъ же, при плачущемъ братушкѣ, приказалъ просить къ себѣ командировъ полковъ.

— «Господа, заговорилъ гнѣвнымъ голосомъ командующій дивизією, вотъ у этого бѣднаго мирнаго жителя украли его единственное, быть можетъ, достояніе, его вола! Прошу васъ, немедля, мнѣ дать отвѣтъ, кто въ этомъ виновенъ?!... Кто укралъ вола?» задыхался отъ гнѣва генераль Леоновъ.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ всеконечно не находилъ отвѣта со стороны командировъ полковъ.

— «Такъ значитъ, гг., никто не укралъ вола? Никто?! Ну, такъ въ такомъ случаѣ—это я самъ укралъ вола! Болгаринъ, возьми, вотъ тебѣ 10 полуимперіаловъ, это я самъ укралъ вола!» и съ этими словами Леоновъ вынулъ изъ своего кошелька деньги и отдалъ ихъ несчастливенному братушкѣ.

Но самая соль этого юмористическаго эпизода заключается въ молвѣ, пошедшей по коновязямъ между солдатами. Часовой, стоявшій у палатки, начальника дивизіи во время рассказанной сцены, передалъ ее своимъ товарищамъ въ слѣдующемъ видѣ:

— «Слншь, ребята, дивизь-начальникъ вола укралъ!»

— «Полно врать-то».

— «Вотъ-те крестъ, самъ слыхалъ, я на часахъ стоялъ, какъ пришелъ братушка, зачалъ это онъ плакаться; ну дивизь-начальникъ туда-сюда, а какъ командиры напѣрли, ну ѣтъ и признался, я, говоритъ, вола укралъ, тутъ и деньги отдалъ, вотъ-те Богъ!»

Много смѣялись мы, подслушавъ въ тотъ же день этотъ разговоръ. Между тѣмъ погода все ухудшалась и положеніе нашихъ блестящихъ эскадроновъ стало понстинѣ жалкимъ. Мы всѣ совершенно недоумѣвали, къ чему насъ такъ торопили въ Румынію, не давали на походъ дневокъ, перемучили лошадей, и все для того, чтобы потомъ двѣ недѣли мокнуть, не подвигаясь ни къ Плевнѣ, ни къ Шибкѣ, ни къ Руссукскому отряду. Появилась между людьми диссен-терія, у лошадей подсыды и усиленное гніеніе стрѣлокъ. Слухи объ этомъ достигли, наконецъ, главной квартиры и рѣшено было развести

вашу дивизию по близъ лежащимъ селеніямъ, что конечно насъ крайне обрадовало. Наконецъ-то можно было обсушиться, почиститься и поспать подъ крышей безъ воды и холода! Мы съ двумя товарищами досталась отличная хата у зажиточнаго болгарина, приняшаго насъ весьма радушно и отдавашаго въ наше распоряженіе половину дома.

Въ этомъ селеніи болгары были вообще народъ богатый, устроенный весьма комфортабельно, конечно на свой ладъ, но не безъ известной роскоши. Паръ пять воловъ, огромное гумно, обставленное скирдами хлѣба, стадо овецъ и цѣлый фруктовый садъ вокругъ дома, обнесенный каменной оградой, все это далеко не оправдывало рассказовъ о бѣдности и нищетѣ несчастныхъ, угнетаемыхъ болгаръ. Самъ хозяинъ, высокій съ бѣлой какъ лунь головой и длинной бородой, напоминалъ всей своей осанкой древнихъ патриарховъ, какъ мы его шутя и прозвали. Каждое утро приходилъ онъ къ намъ въ комнату, тутъ же у большого очага варилъ кофе и угощалъ насъ нѣзъ маленькихъ чашечекъ, рассказывая про свое прежнее житье-бытье въ Царь-градѣ, гдѣ, какъ оказывалось, онъ жилъ у самого султана въ конюхахъ. Онъ говорилъ смѣшаннымъ болгарско-русскимъ языкомъ и мы отлично другъ друга понимали, тѣмъ болѣе, что рассказы его не могли не интересоваться насъ, нѣзъкихъ надежду, въ свою очередь, побывать въ Константинополѣ.

Отъ бездѣля, мы часто дѣлали визиты товарищамъ, расположеннымъ на другихъ концахъ широкораскинутаго селенія, и незаметно иногда засиживались до позднихъ часовъ. Одинъ разъ, ночью, я чуть не сдѣлался жертвой цѣлой стаи огромныхъ собакъ овчарокъ, которыхъ вообще расплодился бездна во время войны. Вся падалъ, валявшаяся по дорогамъ, раскармливала ихъ и дѣлала крайне злыми. Только своевременная помощь въ лицѣ моего дѣвщика и рейтквехта выручили меня, безоружнаго, нѣзъ осаднаго положенія, въ которое я случайно попалъ, будучи окруженъ подобной стаей.

Между тѣмъ было приказано производить эскадронныя ученья, чтобы немного припомнить людямъ и офицерамъ уставную сторону службу. Какъ ни странно покажется съ перваго раза производить справа по три, и заѣзды плечами на неприятельской территоріи и въ разстояніи отъ турокъ, позволяющемъ слышать плевненскую канонаду, но подобныя ученья были весьма полезны и польза отъ нихъ вѣдъми созвѣдалась. Распущенность и сидѣніе кое-какъ на конѣ, приобретаемая по неволѣ въ длинномъ походѣ, сейчасъ же пропадали, и эскадроны дѣлались вновь грозными боевыми единицами.

Завтра двигаемся къ Плевнѣ! сообщило намъ ближайшее начальство, и этимъ весьма насъ обрадовало. Съ 1-хъ чиселъ августа по

первыя числа октября мы все бездѣйствовали, были на войнѣ, не видя ее, и судили о врагѣ лишь по плѣннымъ партіямъ, которыя вели мимо насъ.

Движеніе наше направилось на селеніе Порадимъ, Боготъ и въ деревню Бѣжаново, гдѣ предстояло вновь встать бивуакамъ и ожидать сбора всей гвардейской пѣхоты. Въ Порадимѣ къ дивизіи выѣхалъ князь Карлъ Руминскій, начальствующій всѣми войсками, подъ Плевной расположенными, и, пропуская мимо себя эскадроны въ походномъ порядкѣ, здоровался съ ними по русски. Впрочемъ церемоніаль этотъ не имѣлъ никакого вида, никакой величавости, такъ что деньщики, слѣдующіе за эскадронами съ вьючными лошадьми, не сочли даже нужнымъ приосаниться и застегнуть мундиры, за какое-у упущеніе впрочемъ досталось ихъ господамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Между Боготомъ и Бѣжановомъ мы повстрѣчали 3-ю гвардейскую дивизію, которую почему-то вернули назадъ, и на ея мѣсто для атаки софійскаго шоссе послали 2-ю дивизію. Чѣмъ руководствовались для подобнаго шассе-круазе цѣлыхъ дивизій, судить конечно не мнѣ, но слухи ходили разные. Деревня или, лучше сказать, мѣстечко Бѣжаново, около котораго мы расположились, было, по всей вѣроятности, населено почти сплошь помаками и черкесами, которые, при приближеніи русскихъ, бросили свои жилища и ушли къ туркамъ.

На другой день нашего прибытія, я отправился въ самое селеніе и засталъ почти всѣ дома пустыми и разворонными. Только и оставались во множествѣ куры и собаки. Мало по малу собирались въ селеніе болгары и преспокойно располагались въ чужихъ домахъ, тутъ же начиная варить какое-то невзвѣдливое хлѣбово, и запекая въ горячей золѣ тоненькіе какъ блины хлѣба. Впрочемъ казенные сухари до того уже успѣли набить челюсти, что мы на расхватъ покупали у братушекъ ихъ лепешки и, не давая даже остыть, съѣдали. Къ вечеру въ селеніи вспыхнулъ пожаръ, который одни приписывали неосторожности, другіе же объясняли его преднамѣреннымъ поджогомъ, съ цѣлю подавать туркамъ условленный сигналъ о прибытіи русскихъ войскъ. Последнее не имѣло ничего невѣроятнаго, такъ какъ, впоследствии, мы дѣйствительно замѣчали, что съ первымъ нашимъ появленіемъ гдѣ либо въ мѣстности, до тѣхъ поръ незанятой русскими, сейчасъ же подымались клубы дыма или отъ пожара, или отъ огромнаго костра, какъ будто случайно зажженнаго пастухами. Узнавъ, что на другой день еще не предвидится никакого движенія, я попросился у бригаднаго командира съѣздить подъ Плевну въ одну изъ расположенныхъ тамъ частей, гдѣ имѣлъ близкаго родственника. Получивъ разрѣшеніе, я въ ночь же отправился, взявъ съ собой деньщика. По незнакомію мною дорогъ, которыя часто

скрепчивались и расходились, я долго плуталъ и даже набрался нѣсколько сильныхъ ощущеній. Близость Плевны, познавіе мѣстности, полная невѣрность австрійской карты (русскія были еще неточнѣе) и къ тому же темнота осенней ночи сдѣлали то, что я къ 2 часамъ ночи окончательно сбился съ направленія и рѣшился выждать на мѣстѣ разсвѣта; какъ вдругъ вдалекѣ на горизонтѣ обрисовалась темная фигура всадника. «Вотъ ужъ неудачная поѣздка», выбравшись я мысленно и въ нерѣшительности не зная что начать: проскочить ли впередъ или, пользуясь мракомъ, совершить благоразумное отступление. Вѣроятно, послѣднее намѣреніе одержало бы верхъ, если бы не лошадь моего денщика, которая громко заржала и тѣмъ насъ выдала. Громкое «кто идетъ?» раздалось въ воздухѣ и мы, вполнѣ успокоенные насчетъ темной фигуры, радостно и въ одинъ голосъ отвѣтили «свои». Оказалось, что тутъ стоялъ почтовый вѣзетъ Астраханскаго драгунскаго полка, офицеръ котораго былъ настолю любезенъ, что далъ мнѣ провожатымъ коннаго драгуна. Такимъ образомъ, я наконецъ попалъ къ моему родственнику, но конечно уѣлъ лишь съ разсвѣтомъ.

Здѣсь мнѣ впервые привелось увидать линію непріятельской позиціи, ихъ укрѣпленія и аванпосты. Казачья цѣпь, содержавшая въ этомъ мѣстѣ съ нашей стороны аванпосты, предостерегала меня, что такъ показываться верхомъ не безопасно, такъ какъ турки не жалѣютъ выстрѣловъ и частенько пристрѣливаются по нашимъ часовымъ. Но, признаюсь, я съ трудомъ могъ оторваться отъ грознаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательнаго зрѣлища, которое представлялось глазамъ.

Я невольно вспомнилъ то мѣсто въ «Войнѣ и Мирѣ» графа Толстаго, гдѣ онъ описываетъ ощущеніе молодого Николая Ростова, при видѣ дальней непріятельской линіи. И здѣсь также представилось мнѣ—вотъ до сихъ поръ свое, родное, а тамъ дальше, гдѣ видѣются красныя головы, гдѣ синіе мундиры роятся какъ муравьи въ новыхъ укрѣпленіяхъ, тамъ все чужое, дикое, внушающее страхъ и угрожающее смертью. И казалось бы, что могутъ, тамъ, эти всѣ люди имѣть противъ меня, совершенно незнакомаго и чуждаго имъ человѣка, а между тѣмъ поди попробуй только переѣхать эту черту, отдѣляющую тебя отъ смерти, и увидишь что съ тобой будетъ. «Ваше высокоблагородіе, лучше отъѣзжайте, заговорилъ казакъ часовой, а то вонъ на колѣхъ въ бѣлой чалмѣ ужъ прицѣливается. Они вѣдь воркіе». Я отъѣхалъ.

В. О.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСѢЙ ЕГОРОВИЧЪ ВИКТОРОВЪ.

† 1883 г.

Очеркъ по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ.

Кто не замѣчалъ въ Москвѣ, на углу Знаменки и Маховой, высокаго, бѣлаго, словно дворець, стариннаго зданія, расположившагося своимъ главнымъ корпусомъ на вершинѣ одного изъ холмовъ, которыми изобилуетъ древняя столица? Внизъ по крутому скату, устланному лѣтомъ—словно ковромъ—зеленью, бѣжитъ мелкій кустарникъ, образуя собою живой, оригинальный пьедесталъ къ изящному дворцу. Но массивная чугунная ограда кладетъ предѣлъ его легкомысленнымъ увлеченіямъ, напоминая, что здѣсь не деревенскій просторъ, здѣсь все размѣрено, всему положенъ свой предѣлъ—здѣсь городъ. Круглый стеклянный съ бѣлыми колоннами бульваръ выводитъ глазъ за предѣлы размѣреннаго: отсюда виднѣтся и Кремль, и Воробьевы горы, и безконечная даль неба... Это зданіе—Публичный Румянцевскій музей—хранитель древностей, зоркій стражъ великаго и малаго въ прошломъ. Не напрасно зайдетъ сюда антикварій. Наскоро пробѣжавъ мимо какого-то гигантскаго изваянія, онъ не легко оторвется отъ древне-византійской иконы, съ которой время безпощадно стерло малѣйшій слѣдъ нѣкогда бывшаго изображенія, оставивъ на его мѣсто бѣлыя, какъ известь, змѣйками растянувшіяся по всей длинѣ пятна.... Здѣсь же и произведенія Ванъ-Дика, Рубенса и знаменитая картина Иванова: «Явленіе Христа»... Здѣсь бережно хранится и маленькая, едва видимая простымъ глазомъ, съ такимъ трудомъ найденная древняя монета, которую уже нѣсколько дней приходится изучать съ суровымъ видомъ и поразительно-зеленымъ цвѣтомъ лица больной, исхудалый пумивмать, нагруженный массою книгъ, большими, малыми, сложными и простыми лупами...

Но зналъ ли кто изъ многотысячныхъ посѣтителей музея, что рядомъ съ этими мертвыми древностями, рядомъ съ этой крошечной монетой, которую такъ усердно изучаютъ, среди обветшавшихъ рукописей, подъ обложкою архиваріуса—Алексѣя Егоровича Викторова—была своего рода живая рѣдкость?

Мы, такъ усердно интересующіеся и такъ охотно изучающіе безконечно крошечныхъ насѣкомыхъ, очень часто проходимъ мимо человѣка, разъ только онъ не всемірный талантъ и не великій гений—не удостоивъ его даже и сотой доли того вниманія, которое обязательно даришь крошечной монетѣ или самой послѣдней букашкѣ....

29-го апрѣля 1884-го года въ Москвѣ, на кладбищѣ Симонова монастыря, выросла еще одна новая, свѣжая могила....

„Хотя безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать“....

—чувство, присущее большинству. Потому друзья и знакомые не захотѣли оставить въ Пятигорскѣ, «далеко отъ милого предѣла», тѣло Алексѣя Егоровича Викторова, хранителя рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, извѣстнаго ученаго и знатока древней письменности, умершаго въ іюлѣ 1883 года на Кавказѣ...

Въ виду этой свѣжей могилы и первой годовщины смерти А. Е. Викторова, мнѣ хотѣлось бы набросать нравственный образъ этого дѣйствительно рѣдкаго человѣка. Не мое дѣло оцѣнивать его ученые труды. Пусть займутся этимъ люди, болѣе меня компетентные. Я отмѣчу его только, какъ человѣка съ рѣзко-опредѣленной нравственной физиономіей, у котораго было свое «да», свое «нѣтъ», который никогда не гнулъ ни въ сторону людей, ни въ сторону обстоятельствъ. Идеалистъ 1840-хъ годовъ, онъ преслѣдовалъ ясно созванна имъ цѣли и умѣлъ неразрывно слить свое личное «я» съ дѣломъ общественнаго служенія—музеумъ. Онъ не долженъ и не можетъ быть преданъ безмолвному забвенію!...

I.

Всего чаще образъ Алексѣя Егоровича возстаетъ въ воспоминаніи среди музейской обстановки, въ его рукописномъ кабинетѣ. Повсюду фоліанты—по стѣнамъ, на столѣ, по стульямъ, на полу вокругъ стульевъ. Два-три старинныхъ кожаныхъ кресла стоятъ въ просвѣтѣ, падающемъ изъ единственнаго окна съ тусклыми, словно осенній день, стеклами. Весь обложенный бумагами, книгами, онъ разбираетъ, нагнувшись, новопріобрѣтенную рукопись и тутъ же тщательно подклеиваетъ нзносившіеся отъ времени листочки. Въ своемъ черномъ сюртукѣ онъ совершенно сливается съ общимъ темнымъ колоритомъ комнаты.

Невысокій ростомъ, ни худой, ни толстый, съ лицомъ, кругло-обращеннымъ баками, съ бѣдною сѣдоватою растительностью на головѣ, не смотря на свои за 50 лѣтъ, онъ быстро отрывался отъ дѣла, шелъ на встрѣчу посѣтителя. «Сдѣлайте вашу милость»—говорилъ онъ на стереотипную фразу извинить, что ему помѣшали. Мигомъ сгонялъ съ лица сосредоточенное выраженіе и скоро входилъ въ кругъ интереса читателя. Бралъ живое участіе въ предпринимаемой ученой работѣ и, вскорѣ самъ заинтересованный, не скупился на совѣты и такія библиографическія указанія, которыя были извѣстны, можетъ быть, только ему, да еще двумъ-тремъ специалистамъ... Быстрой дѣловой походкой шелъ исполнять требованія и приносилъ не только тѣ, что спрашивалъ читатель, но все, что самъ находилъ нужнымъ для предполагаемой работы... Если же посѣтитель былъ юный, неопытный, робко-мечтающій о возможности работать, А. Е. дѣлалъ его предметомъ своихъ особыхъ попеченій, старался ободрить, поднять юношу въ его собственныхъ глазахъ,—однимъ словомъ, ухаживалъ за нимъ, какъ ухаживаетъ садовникъ за молодымъ растеніемъ. Онъ—случалось—не ограничивался совѣтами въ музеѣ, приходилъ къ неопытному новичку на домъ съ своею всегдашнею готовностью помочь, указать и направить... И, навѣрно, не одна я,—а многіе изъ посѣщавшихъ музей вспомнятъ съ глубокою благодарностью эту неоцѣненную сторону въ А. Е.—его живое участливое отношеніе къ читателю. Со всѣми былъ любезенъ, предупредителенъ. Правда, любезность его имѣла свои предѣлы. Стоило убѣдиться, что такой-то читатель приходитъ не для занятій, а ради любопытства, или чтобъ повидаться съ пріателемъ—тогда прощай всякая благосклонность! А. Е. становился суровъ, придирчивъ. Онъ выживалъ такого посѣтителя. «Халатнаго отношенія къ музею» (какъ онъ вы-

ражался) онъ не прощалъ. Музей былъ для него нѣчто идеально-святое, то же, что музыка для истиннаго музыканта, поэзія для поэта. Музей совмѣщала для него не одну святыню, а и всѣ земныя привязанности, замѣнялъ жену, дѣтей..

Такимъ исключительнымъ отношеніемъ къ музею объясняется указанная строгость къ читателямъ и выговоры, на которые онъ рѣшался, не смотря на лицо. Никому не прощалъ А. Е., если чѣмъ-нибудь нарушалось должное уваженіе къ музею. Онъ требовалъ, чтобы въ рукописной читальнѣ была тишина, какъ въ храмѣ, чтобы каждый занимался тамъ своимъ дѣломъ... И самъ, какъ жрецъ, хранитель храма, сидѣлъ, не вставая, до трехъ часовъ за работой...

Но былъ урочный часъ, звонилъ звонокъ—и въ кабинетѣ А. Е. раздавались веселыя шутки, остроты. Если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа или, вѣрнѣе, если дѣла по музею шли хорошо,—онъ непремѣнно задерживалъ читателя и всегда мѣтко острилъ по поводу какихъ-нибудь интересовъ минуты.

..... Вотъ кто-то похвалилъ статью въ одной плохенькой московской газеткѣ и для большей силы сказалъ: «Въ этой статьѣ душа!»

— «Ну какая ужъ душа!—возразилъ А. Е.—и въ особенности теперь! Развѣ не знаете, что естествоиспытатели скоро отыщутъ душу матеріальную! отыщутъ и начнутъ разлагать химически... А любопытно—на какія составныя части разложится тогда душа, на примѣръ, редактора этой газеты? Думается мнѣ, что она окажется составленною только изъ однихъ газетныхъ вырѣзокъ.....»

— А вы слышали,—перебилъ его одинъ изъ присутствовавшихъ, который любилъ, подобно Бобчинскому-Добчинскому, первымъ возбѣстить какую-нибудь новость: слышали, что NN на дняхъ давалъ балъ? и на балу присутствовалъ весь Петербургъ?

— «Какъ же! слышалъ. Вѣдь, за всѣми подобными новостями я слѣжу»,—пресерьіозно замѣтилъ А. Е.

— Въ самомъ дѣлѣ? удивился Бобчинскій, огорченный неудачей и совсѣмъ не появивши, хотя—казалось бы—достаточно прозрачной ироніи. Откуда же вы знаете? вѣдь, это самая послѣдняя новость! заволновался онъ.

— «Мнѣ ли не знать? сдѣлайте вашу милость. Вотъ я знаю даже, что вы и соврали немножко,—говорилъ онъ, уже улыбаясь и вертя дѣпочкой: не весь Петербургъ былъ... дворниковъ не приглашали, дворниковъ не было»....

Съ такою саркастическою ироніею обращался онъ иногда въ стору Бобчинскихъ, мало чувствительныхъ къ тонкимъ намекамъ.

А. Е. обладалъ способностью остроить мѣтко, умно, чувствительно. Въ немъ прекрасно уживались двѣ—казалось-бы—несоединимыя крайности: серьезный ученый, погруженный въ занятія древней письменности, и веселый острякъ, шутникъ, отъ природы одаренный способностью поворачивать къ себѣ смѣшной стороной и лица, и предметы.

Въ отношеніяхъ къ товарищамъ-сослуживцамъ, да и къ людямъ вообще, замѣчалась у него та же опредѣленность, какая поражала по отношенію къ читателямъ. Чѣмъ ревностнѣе, чѣмъ душевнѣе, чѣмъ серьезнѣе относилось лицо ко взятому на себя дѣлу, тѣмъ дружественнѣе, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ относился къ нему А. Е.

Въ сторону же «служащаго по найму» всегда можно было ожидать отъ него ѣдкой остроты. Онъ никакъ не могъ простить интеллигентнымъ людямъ «наемнаго отношенія къ дѣлу». «И для чего человѣку много денегъ?» обычно сердился онъ въ такихъ случаяхъ. «Низко, позорно оцѣнивать свой трудъ презрѣннымъ металломъ!» И отношеніе къ такому лицу у него непремѣнно было жалкое, ѣдкое, раздраженное... Щадить въ такихъ случаяхъ онъ никого не щадилъ и пилюли золотить не любилъ. Это знали всѣ. Потому многіе его боялись. Онъ для многихъ былъ какъ бы «живою совѣстью»,—по удачному возраженію одного извѣстнаго московскаго профессора.

II.

Своей службѣ въ музеѣ онъ, конечно, не сводилъ, какъ могъ бы свести человѣкъ недалекій, усердный нѣмецъ, наприимѣръ, на неукоснительное, пунктуальное хожденіе въ музей и высиживание тамъ положеннаго числа часовъ. «Просидѣть и простоять можетъ и солдатъ. Работать надо—вотъ что!» И это означало на его должности и его языкѣ—приводить въ порядокъ уже имѣющіяся рукописи и старопечатныя книги; описывать ихъ, указывая при этомъ въ чемъ и съ какой стороны онѣ могутъ представлять интересъ для дальнѣйшаго изученія и изслѣдованія, и, наконецъ, увеличивать рукописное отдѣленіе музея новыми приобрѣтеніями и привлекать къ нимъ публику и ученыхъ.

Никогда онъ не позволялъ себѣ заняться въ служебные часы музея чѣмъ-нибудь неходящимъ въ обязанность его службы; напр. какимъ-нибудь памятникомъ ради его изданія или изслѣдованія. Пре-

слѣдовалъ такое нарушеніе служебныхъ обязанностей и въ другихъ. «Такую работу можно дѣлать послѣ 3-хъ часовъ: музей за нее не обязался деньги платить»...

Непрестанно занятый интересами музея, случалось, онъ совсѣмъ захлебывался отъ работы. «Столько работы, столько работы—писалъ онъ 20-го декабря 1874 года—что никакъ не справишься! И главное—не даютъ работать. Только и надежды, что на воскресенье»...

— «Неужели вы и здѣсь,—разъ спросила я его въ Петербургѣ, куда онъ часто ѣздилъ на Рождественскіе праздники—неужели вы и здѣсь цѣлый день работаете?»

— «Нѣтъ, гдѣ-же! здѣсь я отдыхаю. Занятъ всего только 8 часовъ въ сутки»...

Чтобы удлиннить день, онъ вставалъ рано, ложился поздно. На многихъ изъ его писемъ можно встрѣтить помѣтку: «9 часовъ утра», или: «12 часовъ ночи». Къ 9 утра онъ обычно уже успѣвалъ исполнить несложныя, постороннія дѣла, написать массу писемъ и шлеть въ музей.

III.

Вопросомъ увеличенія и расширенія рукописнаго собранія музея Алексѣй Егоровичъ былъ занятъ почти постоянно.

Какими-то путями ему удавалось всегда знать первымъ не только о продажѣ какой-нибудь библіотеки, но даже какой-нибудь одной рукописи или старопечатной книги. И во время хлопотъ о такихъ приобрѣтеніяхъ онъ обыкновенно переживалъ всѣ муки, какія переживаетъ влюбленный, неуверенный во взаимности. Мучился, волновался, лишился аппетита, не спалъ ночи, если встрѣчались неудачи въ задуманныхъ планахъ. «Извините, что не явился по вашему письму—писалъ онъ отъ 9-го ноября 1881 года—и даже не отвѣтилъ на него. Теперь у меня жгучій вопросъ о покушкѣ собраній рукописей Попова, и изъ-за этого вопроса я ночи не сплю, хоть и купилъ себѣ великолѣпное спалье»...

И пока вопросъ стоялъ нерѣшеннымъ, онъ былъ задумчивъ, угрюмъ, малоразговорчивъ и даже—золъ. Но никогда не успокаивался на злобѣ. Напротивъ, въ минуты неудачъ становился какъ бы энергичнѣе, добрѣе. Дѣло по преимуществу затягивалось отъ неимѣнія въ Музеѣ денегъ. Если бы у него были свои—онъ ни на минуту не задумался бы цѣною ихъ расширить хранилище. Но своихъ не было...

Когда не представлялось никакихъ приобрѣтеній подъ руками.

онъ предпринималъ съ этою же цѣлью поѣздки по монастырямъ,—разумѣется, въ свободное отъ службы время и разумѣется—на свой счетъ.

Съ этою цѣлью онъ объѣздилъ почти всѣ монастыри, гдѣ есть хоть сколько-нибудь любопытныя хранилища. Ѣздилъ по Волгѣ, по Окѣ—на пароходахъ, случалось и на баржахъ и на такъ называемыхъ бѣлявахъ, и по маленькимъ рѣчкамъ въ большихъ лодкахъ, подвергаясь, какъ древніе пилигримы, всѣмъ неудобствамъ первобытнаго плаванія. Съ этою же цѣлью была имъ совершена довольно трудная поѣздка въ Соловецкій монастырь. Вездѣ онъ хлопоталъ объ уступкѣ книгъ и рукописей въ пользу музея. Если не удавалось склонить настоятеля или игумена монастыря на даровое пожертвованіе, онъ предлагалъ сдѣлать промѣнъ на имѣющіеся въ музеѣ дублеты. Такая мѣна была устроена и съ Петербургской Духовной Академіей, и съ Санктъ-Петербургской Публичной бібліотекой. И надо было видѣть счастье А. Е. послѣ всякаго значительнаго приобрѣтенія въ пользу музея! То бывалъ его настоящій праздникъ!

Чтобы представить себѣ количество сдѣланныхъ приобрѣтеній рукописнаго отдѣленія музея за время служенія А. Е., для этого достаточно припомнить, что въ годъ основанія музея въ Москвѣ—въ 1861 г.—изъ Петербурга было привезено не больше 800 номеровъ рукописей, теперь же ихъ насчитывается около 8,000; старопечатныхъ книгъ было около 200,—теперь, по словамъ академика Срезневскаго—«едва ли не въ десять разъ больше... около $\frac{1}{3}$ этого собранія приобрѣтено безъ всякихъ затратъ (со стороны музея) вслѣдствіе поѣздокъ А. Е. Викторова по монастырямъ»¹⁾.

«Не смотря на солидные годы, А. Е. былъ неутомимъ въ своей ногонѣ за расширеніемъ богатствъ музея. Когда весной 1877 года многіе изъ Москвы двинулись на войну и когда говорили о бликомъ освобожденіи болгарскихъ церквей и монастырей изъ-подъ турецкой опеки, у А. Е. мелькнула мысль:... тамъ въ освобожденной землѣ, въ уцѣлѣвшихъ древнихъ монастыряхъ,—откуда нѣкогда первые лучи просвѣщенія падали на русскую землю,—найти печатныя и рукописныя рѣдкости и сохранить ихъ на общее пользованіе. И, увлеченный такими мечтами, онъ рѣшилъ ѣхать на войну.

«N. получилъ уже приглашеніе—писалъ онъ 1-го мая 1877 года—ѣхать въ дѣйствующую армію въ качествѣ историка; а я составилъ планъ фантастическій ѣхать туда же въ качествѣ бібліо-

¹⁾ Срезневскій: „О научной дѣятельности А. Е. Викторова“, 4—5 стр.

графа и археолога, чтобы описывать имѣющія быть завоеванными монастырскія библиотеки и, пожалуй, самые монастыри, и просилъ N. по приѣздѣ на мѣсто предложить, кому слѣдуетъ, мои услуги во этой части. Если выйдетъ изъ этого что-нибудь путное, N. обѣщалъ извѣстить меня, а я далъ слово—сейчасъ же двинуться въ путь. И такъ, поздравьте меня, я ѣду въ дѣйствующую армію»....

Но ѣхать не пришлось, дѣло не устроилось.

IV.

Не менѣе настоятельной задачей для А. Е. Викторова было популяризовать музейское хранилище, заинтересовывать образованный міръ сокровищами древней письменности. Для этого, кромѣ составленія «Отчетовъ по музею», онъ постоянно сообщалъ—въ теперь закрытой—газетѣ «Голосъ» о всякомъ новомъ приобрѣтеніи музея. Для этого же принималъ участіе и въ промышленно-мануфактурныхъ выставкахъ въ Москвѣ въ 1872 и 1882 годахъ.

«Совершенно неожиданно—писалъ онъ въ іюлѣ 1872 года—попалъ я на пресловутую выставку, которую такъ ругалъ,—и попалъ не въ число посѣтителей, а въ число дѣятелей. Типографскій отдѣлъ вздумалъ организовать у себя выставку памятниковъ славянскаго книгопечатанія. Ну меня и почтили приглашеніемъ, и вотъ я уже двѣи 5 вожусь съ этимъ дѣломъ. Составилъ общій планъ выставки, написалъ списокъ книгъ, откуда что вытребовать и главное—въ разныя бібліотеки и разнымъ лицамъ написалъ 22 письма съ покорнѣйшей просьбой прислать то и то, чтобы украсить-де устроаему отдѣломъ наглядную картину славянскаго книгопечатанія. Если по этимъ письмамъ все будетъ исполнено,—выставка будетъ великолѣпная. Жаль, смотрѣть некому!»...

Послѣднія слова ясно говорятъ, какъ прямо, безъ всякихъ обмалчивающихъ иллюзій смотрѣлъ А. Е. на свое любимое дѣло! При всѣмъ увлеченіи рукописями и старопечатными книгами, онъ хорошо замѣчалъ комизмъ создаваемой имъ выставки: «жаль, смотрѣть некому!»

Но такое положеніе не заставляло его опускать руки, даже не расколаживало. «Мы пока еще варвары, мало просвѣщенны—говорилъ онъ; потому каждому необходимо работать и работать». И, вѣрный такому сознанию, онъ усердно хлопоталъ надъ устройствомъ выставки старопечатныхъ книгъ, охотно исполнялъ тамъ роль путеvodителя, рассказывая посѣтителямъ о первыхъ робкихъ шагахъ книгопечата-

нія въ Россіи. Никто его, разумѣется, не обязывалъ на послѣднюю роль. Да и за устройство выставки онъ взялся единственно изъ любви къ дѣлу. Трудъ по устройству выставки—по его воззрѣніямъ—совпадалъ съ его обязанностями къ музею.

Такое идеальное отношеніе къ дѣлу своего служенія, передъ которыми все смолкало: стирались всякіе личные интересы, симпатіи,—куда сливались, какъ малкіе ручейки въ одинъ общій потокъ—всѣ радости, все счастье, все горе—такое отношеніе, безъ сомнѣнія, высоко поднимаетъ личность А. Е., рѣзко выдѣляя его образъ на сѣренькомъ фонѣ ушедшей въ эгонистическія стремленія ordinarily толпы.

V.

Опредѣленное дѣло, опредѣленно-намѣченныя цѣли, гармонія идеальнаго служенія съ дѣйствительностью—придавали всей фигурѣ А. Е., каждому его шагу и внѣ музея замѣчательную устойчивость, а личный характеръ въ связи съ темпераментомъ—активность, свое «я». Музей, давая почву и стимулъ для жизни, не дѣлалъ его въ то же время безучастнымъ къ окружающему и его интересамъ,—какъ это часто случается съ кабинетными учеными, которые внѣ своего кабинета кажутся чужими, посторонними и даже вѣрвѣй—какъ бы лишними людьми въ жизни.

А. Е. и внѣ музея представлялъ какъ разъ противоположность большинству людей, исповѣдующихъ принципъ: «laissez faire, laissez aller». Онъ поражалъ необыкновенною заботливостью и добротой къ человѣку вообще. Къ нему могъ придти каждый за своимъ собственнымъ дѣломъ, спросить совѣта, указанія и не только въ какихъ-нибудь книжныхъ дѣлахъ, а и изъ области жизни. Бывало ли нужно кому изъ знакомыхъ найти гувернантку, составить списокъ книгъ для дѣтскаго чтенія, раздать билеты на благотворительный концертъ—вся масса такихъ порученій ложилась на А. Е. А насчетъ пріисканія работы къ нему могъ идти всякій. Всѣхъ встрѣчалъ онъ съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, ободрялъ, придумывалъ какіе-нибудь планы противъ грозившихъ жизненныхъ толчковъ.

Ему до всего было дѣло, какъ въ той семьѣ, куда онъ входилъ какъ близкій знакомый и гдѣ нерѣдко его выбирали третейскимъ судьей, такъ и въ кругу ученыхъ, гдѣ онъ вращался. Много фактовъ ослѣлось на моей памяти изъ его жизни, гдѣ онъ бралъ на себя роль, если не Немевиды, то человѣка, которому всегда дѣло до со-

вершающейся несправедливости. И въ моменты такихъ столкнове- ній онъ очень походилъ на древній столѣтній дубъ, вступившій въ борьбу съ бурей. Казалось, возможно одно изъ двухъ: или пере- ломится, не осиливъ напора вѣтра, или же, вытянувшись прямо, устоитъ, выдержитъ, ни на чуточку не погнувшись своимъ столѣт- нимъ стволомъ.

Онъ вѣрилъ въ прогрессъ, въ улучшение человѣчества на землѣ и въ улучшение общественныхъ отношеній. Въмѣшательство каждаго при видѣ несправедливости считалъ одной изъ обязанностей человѣка, однимъ изъ полезныхъ въ жизни педагогическихъ приемовъ. «Только такимъ способомъ — говаривалъ онъ и возможно умалить неспра- ведливость, промежу между насъ совершающуюся. Этимъ же способомъ можно вывести и сплетню, употребляемую отъ скуки». И онъ лю- билъ провѣрять пущенное въ гостинной обвиненіе и въ случаѣ не- справедливости — разоблачать виновника тутъ же, въ этой самой гостинной. Последнее доставляло ему своего рода наслажденіе, особое торжество.

Такова его нравственная физіономія, какъ знакомаго, какъ гостя, какъ члена многолюднаго собранія, гдѣ онъ бывалъ всегда очень разговорчивъ, остеръ и любилъ пошутить.

Не смотря на опредѣленность нравственной физіономіи, рѣзко отличавшей его отъ гуттаперчевыхъ бѣлицыстей, которыя въ силу своей эластичности одинаково примациваются между молодежью и старостью, — кругъ знакомыхъ А. Е. былъ самый разнообразный. Тутъ были на одномъ концѣ люди самыхъ консервативныхъ возрѣвій; на другомъ можно было встрѣтить такихъ, которые относились къ кон- сервативному органу, какъ къ весьма зловредному, инсинуиру- щему листку. И это разнообразіе тѣмъ болѣе поражало, что А. Е. никогда не прибѣгалъ къ уклончивости въ родѣ формулы одного изъ Щедринскихъ героевъ: «съ одной стороны... но съ другой сторо- ны», — какъ обыкновенно отвѣчаютъ трусы или люди прилажива- ющіеся къ собесѣдникамъ и обстоятельствамъ.

А. Е. по годамъ и по воспитанію принадлежалъ къ старому вре- мени, къ тому времени, когда вопросы политическіе, социальныя, экономическіе — выдвинувшіеся въ настоящее время — не играли та- кой роли и не они окрашивали челоука. Окрашивала челоука его нравственная физіономія, которая сказывалась въ его отношеніи къ выбранному имъ дѣлу и обязанности. «Прежде всего — трудъ, ра- бота.... а политическія и разныя другія убѣжденія?... пусть пока каждый имѣетъ, какія хочетъ. Теперь — это только забава. Мы еще

грамотѣ хорошенько не знаемъ, правильно писать не умѣемъ, а о политикѣ!... Не будь грамматикѣ Ѳ. И. Вуслаева, не знали бы, гдѣ и ѣ ставить! Ну куда-жъ намъ пона до политики?! Сибѣшно, право, смѣшно. Учиться надо»...

Вотъ тотъ ключъ, которымъ отмыкается загадка—почему такъ крайне-разнообразны по своимъ воззрѣніямъ были знакомые Алексѣя Егоровича.

VI.

Природный умъ спасалъ его отъ консервативной закорючести. Виднѣй всего это бывало, когда вопросъ касался литературы, которую онъ зналъ и которую всегда интересовался. Здѣсь онъ, не стѣсняясь преданіями, ломалъ то, что его умъ находилъ рутиннымъ и невѣрнымъ. «Сбивай кумиры—это ничего, только не соломенной палочкой—говаривалъ онъ—а то самъ въ комическомъ положеніи окажешься». Древніе пѣнты—Ломоносовъ, Державинъ, загружавшіе его память, не мѣшали ему признавать большимъ талантомъ покойнаго Некрасова и знать наизусть многія изъ его стихотвореній.

Но нигдѣ такъ ярко не высказалась его любовь къ новшеству, какъ въ сочувствіи къ «женскому вопросу». Онъ не только сочувствовалъ расширенію женскаго образованія, расширенію права женщины—какъ стоялъ женскій вопросъ въ 1860-хъ годахъ—онъ принималъ въ немъ непосредственное, живое участіе. Какъ натура податливая, активная, онъ не могъ ограничиться сочувствіемъ на словѣ.

Лѣтомъ 1868 года петербургскія дамы подали прешеніе объ открытіи женскаго университета. А. Е., какъ только узналъ, сейчасъ же началъ подбивать знакомыхъ юнцовъ присоединиться къ заявленію петербурженокъ. А чтобы скорѣй подвинуть дѣло, онъ предлагалъ свои услуги помочь въ составленіи заявленія.

«Если хотите—писалъ онъ 5-го іюня 1868 года одной изъ своихъ знакомыхъ—въ составленіи проекта заявленія я готовъ принять участіе... Вѣда начать, а потомъ и пойдетъ дѣло. Хотите, нашушу начало?» И тутъ же въ шуточномъ тонѣ набрасывалъ заявленіе.

«Во всѣхъ странахъ міра—говорилось въ этомъ наброскѣ—до настоящаго времени мужчины старались держать женщинъ въ состояніи невѣжества, чтобы тѣмъ удобнѣе властвовать надъ ними. Но вотъ, наскучивши жить въ обществѣ кухарокъ и горничныхъ, мужчины рѣшаютъ открыть часть завѣсы, которая»...

«Дальше не знаю что. Дополните сами...»

«Въ концѣ адреса непременно должно быть увѣреніе съ клятвой, что обоюдострымъ мечемъ просвѣщенія женщины злоупотреблять не будутъ, что напротивъ онѣ по прежнему будутъ покорными дочерьми и женами; что предлагаемыми крупницами образованія онѣ воспользуются только для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ заботиться объ услажденіи жизненнаго пути ихъ повелителей и т. д. Какъ мужчина, честь имѣю увѣрить васъ, что это всѣмъ мужьямъ очень понравится»...

Онъ боялся, что потухнетъ, не успѣвши разгорѣться, вдругъ блеснувшая, внезапно засвѣтившаяся искра стремленія женщины къ иной жизни, жизни мысли. И придумывалъ разные средства, чтобы поддержать эту искорку. Видя, что дѣло не подвигается дальше отъ его помощи въ формѣ шутки, онъ употребилъ другой маневръ.

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ къ той же особѣ, что одна изъ его знакомыхъ въ Смоленскѣ собрала шестьдесятъ подписей, вачивая съ губернаторши,—и адресъ давно отправленъ... Какова!.. А ми то!?

Но въ Москвѣ, вмѣсто выраженія сочувствія петербурженкамъ, рѣшили подать отдѣльно самостоятельную просьбу въ университетъ объ открытіи женской высшей школы въ Москвѣ. Для составленія просьбы и обсужденія проекта рѣшено было устроить нѣсколько частныхъ женскихъ собраній¹⁾.

«Честь и слава! раздается ободряющій голосъ Алексѣя Егоровича, какъ только онъ узналъ объ этихъ планахъ. Честь и слава, что такъ быстро повели дѣло! Благо начать, а тамъ оно само пойдетъ!... И какъ кстати, ко времени (т. е. женщины рѣшили учиться и заниматься наукою!), мужчины теперь рѣшительно бросаютъ науку. Всѣ бѣгутъ либо въ окружные суды, либо на жалѣнные дороги и вообще бросаются на практическія предпріятія. Стало быть и конкуренціи нечего бояться. Разумѣется, четыре—пять лѣтъ придется будущимъ университеткамъ слушать профессоровъ и, можетъ быть, дорого платить имъ. Но потомъ непременно явятся профессорши, и женскій университетъ заживетъ совершенно самостоятельною жизнью... Явятся у насъ женщины-историки, женщины политико-экономистки и наука пойдетъ вдвое быстрѣе впередъ. Даже мужчины-то станутъ серьезнѣе работать, когда встрѣтятъ конкуренцію солидную... А то

¹⁾ Эти собранія описаны въ статьѣ: „Первыя женскіе курсы въ Москвѣ“. „От. Зап.“, 1880 г., июль.

теперь сидятъ себѣ и смотрятъ какими-то мудрецами, которымъ однимъ постижнми тайны знанія»...

Такъ ободрялъ онъ женщинъ, тогда неопытныхъ и крайне несмѣлыхъ, ободрялъ при самомъ зародышѣ ихъ мечтаній — свернуть съ избитой колесъ на нную дорогу. Ободрялъ не только письмами въ родѣ приведенныхъ, онъ готовъ былъ поддерживать своей мужской рукой ихъ первые несмѣлые шаги.

Устроить собраніе, созвать женщинъ, мало или почти совсѣмъ между собою незнакомыхъ — немудрено и возможно теперь, когда устройство разныхъ курсовъ считаетъ за собой уже слишкомъ цѣлый десятокъ лѣтъ. А пятнадцать лѣтъ тому назадъ — это было очень, очень трудно. Ни опыта, ни умѣнья... ни малѣйшей привычки къ простому общенію по человѣчески, безъ разныхъ бессмысленныхъ прелюдій. Это должно было нѣсколько затруднить возможность женскаго собранія на первыхъ порахъ.

И вотъ тутъ важнымъ помощникомъ является А. Е. Онъ всегда имѣлъ массу знакомыхъ среди женской молодежи. Это объясняется отчасти его педагогическою дѣятельностью, — въ пятидесятыхъ годахъ онъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ Ермоло-Марининскомъ женскомъ институтѣ и у него было много знакомыхъ дѣвушекъ изъ его ученицъ, — отчасти и его всегдашней готовностью оказать всякую помощь и поддержку трудящейся молодежи. Такъ, я знаю, что многихъ, пріѣзжавшихъ изъ провинціи держать въ университетѣ экзаменъ на домашнюю учительницу, онъ готовилъ безвозмездно изъ русскаго языка и литературы; многимъ доставлялъ уроки, отыскивалъ работу; помогалъ деньгами въ открытіи женскихъ мастерскихъ.

Этихъ самыхъ юнцевъ онъ и собралъ на названное, первое въ Москвѣ, женское собраніе.

Письма разосланы, адресъ сообщенъ. Но... то было такъ давно, такъ давно, что теперь даже не вѣрится, что могло женщинамъ иѣшать приходить на собранія! Теперь, когда не только взрослая дѣвушка, но и гимназистка лѣтъ 12 — 13 спокойно идетъ одна по улицѣ, тогда..... тогда женщины были еще непривычны, чтобы послѣ затянувшася вечерняго собранія идти однѣмъ изъ задушной стороны, напоминающей (своею отдаленностью отъ центра Петербурга Выборгскую или какіе нибудь Пески.

А. Е. уже тогда занималъ положеніе солиднаго ученаго. Но это не помѣшало ему взять на себя скромную роль провожатаго, только бы помочь состояться собранію. Онъ аккуратно явился въ извѣстный

часъ, чтобы развозить по домамъ непривычныхъ къ вечернимъ путешествіямъ будущихъ университетскокъ.

Казалось, — да такъ было и на самомъ дѣлѣ, — онъ не менѣе самихъ женщинъ былъ заинтересованъ начавшимся движеніемъ. За то много больше ихъ сомнѣвался (хотя и не высказывалъ тогда) въ возможность хорошаго исхода. Онъ понималъ, что — кромѣ всякаго начальства — еще само общество отнесется сомнительно, недобѣрчиво, а, пожалуй, и враждебно ко всѣмъ новымъ планамъ женщины. Онъ видѣлъ въ самомъ обществѣ опаснѣйшихъ враговъ. И чтобы съ этой стороны помочь дѣлу, чтобы съ этой стороны не встрѣтить на первыхъ же порахъ сильнаго натиска, — одновременно съ устройствомъ женскихъ собраній онъ выступаетъ въ печати защитникомъ высшаго образованія женщины. Печатаеть въ газетѣ «Русскій», издаваемой тогда Погодинымъ, статьи о женскомъ университетѣ, гдѣ развиваетъ и доказываетъ необходимость этого учрежденія.

«Ваша замѣтка — писалъ онъ все къ тому же лицу — одушевила меня, и я хочу приняться за продолженіе статьи о женскомъ университетѣ. Напечатаю по крайней мѣрѣ то, что написано. Пусть же и моя копѣйка попадетъ въ общую кассу. Душевный привѣтъ и искреннее сочувствіе всему вашему обществу...»

Сочувствуя и помогая женскому движенію, онъ въ то же время требовалъ, чтобы женщина не увлекалась вѣяніемъ моды, не удовлетворялась бы приобретеніемъ верхушекъ, не пугалась бы труда, а требовала бы отъ своихъ учителей солидныхъ знаній. Онъ охотно готовъ былъ помогать закладкѣ подобнаго фундамента, отыскивая даровыхъ учителей для подготовки къ вступительному экзамену. Побилъ какого-то священника — своего пріятеля, давать изъ латискаго уроки и — помню — прислалъ объ этомъ заявленіе на одно изъ собраній.

Съ не меньшею радостью привѣтствовалъ онъ и въ 1870-хъ годахъ открытіе въ Петербургѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ, хотя самъ терпѣть не могъ медицину... Не вѣрилъ въ ея силу въ настоящемъ.

«Душевно, со всею искренностью и со всѣмъ благожеланіемъ поздравляю васъ — писалъ онъ къ одной изъ своихъ знакомыхъ, которая только что сдала вступительный экзаменъ въ новооткрывшіеся врачебные курсы при медико-хирургической академіи, — что ваши завѣтныя мечты и желанія исполнились и очень сочувствую избранному вами пути».

И такое доброжелательное и притомъ активное отношеніе къ женскому вопросу было у него не только въ 1860-хъ годахъ — въ моментъ повальнаго увлеченія лучшей части нашего общества этимъ

движеніемъ,—онъ остался ему вѣренъ до конца. До конца съ живою радостью привѣтствовала всякое малѣйшее расширеніе сферы женской дѣятельности. Какъ дружелюбно встрѣчалъ онъ ея появленіе, напримѣръ, въ рукописной читальнѣ музея! и съ обычной своей неутомимостью не скупился на указанія и совѣты, какъ не скупился онъ ни для ученыхъ, подлѣ условіемъ — разумѣется — если видѣлъ, что женщина приходила дѣйствительно ради занятій. Между читателемъ-мужиной и читателемъ-женщиной онъ, какъ бібліотекаръ, не дѣлалъ никакой разницы,—равнѣ что въ сторону послѣдней усиливалъ степень вѣжливости.

Я почти увѣрена, что бѣольшая часть приведенныхъ фактовъ изъ участія А. Е. въ женскомъ вопросѣ будетъ неожиданною новостью даже для людей, близко его знавшихъ. Не любилъ онъ говорить ради процесса говоренія о томъ, что онъ дѣлаетъ; безцѣльные рассказы о собственныхъ подвигахъ—будетъ ли то по музейскому дѣлу, или во какому иному—считалъ профанаціей... и дѣла и собственной личности. Всего меньше онъ былъ склоненъ искать вознагражденія за свои дѣла и поступки въ общественной популярности, чѣмъ обычно удовлетворяются люди менѣе устойчивыя, натуры мелко-самолюбивыя. Скромность и искренность по отношенію къ «дѣлу»— вотъ основныя черты хорошаго и солиднаго общественнаго дѣятеля.

И здѣсь невольно хочется положить земной поклонъ передъ его свѣтлой могилой...

VII.

Но и у общественнаго дѣятеля—какъ и у всякаго смертнаго—должна быть хоть каная небудь личная, своя собственная жизнь, какъ у каждаго, какими бы дѣлами высокой важности онъ ни занимался—долженъ быть свой уголокъ, своя постель, свой обѣдъ. А. Е. мало жила этою «своею жизнью». Бѣольшая ея часть—какъ я уже сказала—была отдана музею, общественнымъ интересамъ, дѣятельности того или другаго общества, изъ которыхъ—скажу мимоходомъ—ни одно до сихъ поръ не почтило его памяти, хотя онъ не былъ членомъ только по названію... Но тѣмъ не менѣе и дома онъ имѣлъ свою оригинальную фізіономію, былъ характеренъ, начиная съ обстановки.

Казенная квартира изъ четырехъ комнатъ, съ недостающими до потолка перегородками и стародавней мебелью... Диванъ, нѣкогда пунцовый, шелковый, обратившійся отъ времени въ нѣчто похожее на бахраму или на шкуру мохватаго звѣря. Не менѣе печально

выглядываетъ и остальная зальная мебель, надъ которой съ одного конца комнаты на другой распростеръ свои длинныя, угловатныя вѣтви — словно гигантъ — прекрасный филодендронъ — живое, изящное и единственное украшеніе его квартиры... Кабинетъ весь сверху до низу утѣленъ книгами. Библіотека представляетъ много библиографическихъ рѣдкостей и съ вѣншей стороны поражаетъ замѣчательною порядливостію. При воспоминаніи о ней невольно сожалѣешь, что безвременная смерть не дала возможности хозяину распорядиться ею, какъ ему хотѣлось. Онъ не разъ говаривалъ, что послѣ его смерти она всецѣло должна перейти въ собственность музея.

Посреди комнаты письменный столъ, весь заваленный книгами... Въ окна глядится Кремль съ своими старинными башнями и безчисленными главами церквей... Ни кровати, ни обѣда, ни даже прислуги — ничего, что дѣлаетъ уютнымъ и сколько нибудь привлекательнымъ, хотя бы во время дождя, и квартиру одинокаго человѣка. Не смотря на свои солидные года, А. Е. спалъ на жесткой кожаной кушеткѣ, питался — какъ студентъ — сухояденіемъ: яйца, колбаса, икра — обычное меню студентческой кухни. Въ основѣ такихъ рахметовскихъ ограниченій лежалъ принципъ: «каждый долженъ быть утѣренъ въ своихъ потребностяхъ». А жизнь бурсы достаточно развила выносливость, чтобы не страдать отъ добровольныхъ лишеній. Только очень недавно — въ 1881 году — благодаря неотступному настоянію друзей и знакомыхъ, онъ завелъ себѣ *soinmier*, новую мебель и (только за годъ до смерти) сталъ посылать за обѣдомъ въ одинъ изъ московскихъ трактировъ.

Тратить ежедневно рубль на обѣдъ — это было уже величайшее роскошью. И А. Е. пришлось долго урезонивать себя, убѣждать, сдаваться. Жаль, совѣстно было тратить на себя и въ особенности на обѣдъ, спанье — такія ничтожныя потребности! Стоитъ ли изъ-за нихъ?!.. Другое дѣло на книгу, на музей, на курсы, даже на итальянскую оперу... Я помню, какъ онъ увлекался хорошимъ итальянскимъ пѣніемъ, какъ вмѣстѣ съ молодежью приходилъ въ юношескій азартъ, аплодировалъ, настойчиво вызывая пѣвцовъ и, съ обычной свойственной ему шуткой, трюнилъ въ то же время и надъ собой, и надъ товарищами по увлеченію.

Жизтейскимъ «низменностямъ», — какъ человѣкъ 1840-хъ годовъ — онъ придавалъ весьма мало значенія и никакъ не могъ понять увлеченія молодежи въ сторону физическаго труда, которому она посвящала себя, покидая старій свѣтъ и поселяясь въ Америкѣ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ — какъ припомнить читатель — въ обществѣ былъ

манія на Америку. Всѣхъ влекла къ себѣ эта новая, свободная далекая часть свѣта и что главное—совсѣмъ (казалось) непохожая на старую... А. Е. не сочувствовалъ этому отвлеченію интеллигентныхъ людей изъ родной страны, которая въ нихъ нуждается не меньше, какъ нашъ народъ въ хлѣбѣ и деньгахъ. И вотъ, чтобы оттянуть отъ этого увлеченія своихъ знакомыхъ, онъ писалъ по этому поводу большое письмо. «Отъ скуки читаю: «Отечественныя Записки» и «Вѣстникъ Европы». Вчера прочелъ цѣлую книгу «Отечественныхъ Записокъ» — октябрьскую: «Дѣльцовъ» и «Письма изъ Америки»... Интереснѣе всего показались мнѣ наши русскіе американцы. Вотъ что называется «не стоитъ овчинка выдѣлки». Стоило ѣхать за тридевять земель, чтобы цѣлые мѣсяцы развозить по домамъ на ручной телѣжкѣ говядину или стирать бѣлье? А эта картина переселенія: русская барышня или барыня, идущая позади коровы съ хворостиной нѣсколько верстъ! и докторъ Бригсъ, сидящій на козлахъ, а потомъ барыня на козлахъ, а Бригсъ съ посохомъ за коровой!... Интересенъ тоже и обѣдъ изъ бобовъ, съ хлѣбомъ безъ дрожжей или даже изъ одного хлѣба съ водицей! Слово пустыняники первыхъ временъ христіанства! Но тѣ, по крайней мѣрѣ, задавались великими цѣлями, направлѣнъ, двигать горами, какъ Маркъ Фрагескій, или борьбой съ полчищами демоновъ, какъ св. Антоній... А тутъ что на спенѣ? Перспектива имѣть впереди ежедневно чашку кофе и кусокъ свинины! И для этого столько испытаній и лишеній!... По крайней мѣрѣ дикарей просвѣщали бы и хоть какойнибудь дали смыслъ своей жизни. А то одна лишь борьба, что называется, за существованіе — изъ-за хлѣба... даже изъ-за однихъ бобовъ и кукурузы! Русская барыня съ метлою или баричъ съ плугомъ на плечахъ!... Да зачѣмъ же учились-то они? Лучше ужъ уроками добывать хлѣбъ у себя дома, чѣмъ ѣхать за три моря, чтобы имѣть удовольствіе быть пахаремъ! — Нѣтъ, эти американцы ужъ перекитрили очень! Умственный трудъ и физическій на одну доску ставить — и ни во что подготовку къ первому, стоящую десятковъ лѣтъ!... Это будетъ имѣть смыслъ, если придетъ къ убѣжденію, что образованіе дичь, что нужно всѣмъ вернуться къ первобытному состоянію! Но чѣмъ же тогда вывести со свѣта Вожія такихъ мерзавцевъ, которые не доплачиваютъ за три мѣсяца работы и потомъ находятъ себѣ покровителей судей — какъ не доплатили этому Фрею или Бригсу?»...

Я приняла большую часть письма, не смущаясь его длиннотою. Оно—показалось мнѣ—въ высшей степени характерно рисуетъ А. Е., какъ идеалиста, для котораго жизнь получаетъ смыслъ, только освѣ-

ценная какими-нибудь высшими, идеальными стремлениями. Жизнь Марка Фрачесаго, увлеченнаго несбыточными мечтами, для него понятнѣе, чѣмъ жизнь только ради существованія. Онъ смѣется надъ русской барышней съ хворостиной, не потому, чтобы это занятіе унижало ее — а потому, что она можетъ дать больше, въ особенности своей родиѣ — въ крайнемъ случаѣ можетъ дикарей просвѣщать. Но какъ питомецъ бурсы, А. Е. не могъ не знать, что такое нужда, не могъ не понять положенія рабочаго, которому не доплачиваютъ за три мѣсяца работы. И это совершается безнаказанно, даже въ хваленой, свободной странѣ, гдѣ все на лучшихъ гуманныхъ началахъ построено!... Какъ же, какими средствами, какими путями вывести, искоренить такую несправедливость?... Единичнымъ вмѣшательствомъ здѣсь не поможешь. И А. Е. видитъ и здѣсь одно лѣкарство — просвѣщеніе. Въ просвѣщеніи онъ видѣлъ единственное средство, которое можетъ помочь во всякихъ общественныхъ неурядицахъ; просвѣщеніе и гласность — только они могутъ искоренить несправедливость въ видѣ «мерзавцевъ, не выплачивающихъ за 3 мѣсяца работы» и такихъ судей, которые бы этими самыми мерзавцами покровительствовали. Просвѣщеніе же даетъ возможность и выработать лучший идеалъ, осуществимый въ самой жизни... Отъ просвѣщенія онъ ждалъ избавленія отъ всѣхъ золъ какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ... Отсюда понятно, почему онъ такъ сочувствовалъ и женскому образованію, почему и самъ цѣлые дни неустанно работалъ. Хотя медленно и невидимо, а онъ двигалъ своими трудами къ желанному идеалу. И что значило передъ этой цѣлью самоуслаженіе всякими низменностями: сыанье, обѣды и всѣ прочіе атрибуты «своей» жизни?

VIII.

Но въ дни болѣзненныхъ недуговъ, когда волей-не-волей приходилось отрывать отъ музея и всегда заполнявшихъ голову интроскоповъ, — въ эти дни, навѣрно, и онъ ощущалъ прямо физически всѣ неудобства одиночества, отсутствія именно своей «жизни»; воспоминалъ, что не явился же и онъ на свѣтъ прямо хранителемъ музея, что и у него когда-то были мать, братья... Въ такія минуты, навѣрно, возставала въ его головѣ далекая картина дѣтства съ суровой, беспощадной даже къ самому ребенку, бурсой... А тамъ, какъ бы просвѣтъ среди непроглядной тьмы — переходъ въ духовную академію... молодость... жизнь студента... полухолодная, полуголодная, не за то —

полная мечтаний... Впрочемъ, и тутъ воспоминанія были не веселѣе, не радужнѣе... Какъ-то разъ, разговарившись о прошломъ, онъ сказалъ, что самымъ счастливымъ моментомъ своей жизни можетъ считать то время, когда, будучи студентомъ академіи, первый разъ очутился въ Москвѣ большой—и легъ въ Голицынскую больницу...

... Но былъ и въ его жизни моментъ счастья, правда только скользнувшій, ошарившій на мгновеніе его одинокую жизнь, какъ-бы только затѣмъ, чтобы подразнить возможностью иной лучшей жизни... Такъ иногда обманываетъ солнце на склонѣ осенняго дня. Вдругъ прорѣжетъ дождливую тьму и передъ закатомъ на одно мгновеніе обольетъ всѣ верхушки церквей и послѣдніе этажи высокихъ зданій своимъ блѣдно-розовымъ, словно газовая дымка, свѣтомъ. И только что сберется полюбоваться путникъ этой волшебной картиной—какъ мигомъ исчезло волшебное сіяніе—и все залилось тоскливыми безпросвѣтными сумерками. То было въ началѣ 1860-хъ годовъ. Но я вернусь сперва къ предшествующему десятилѣтію, именно къ тому времени, когда А. Е. поступилъ учителемъ въ Ермоло-Маріинскій институтъ для дѣвицъ.

Въ 1850-хъ годахъ, подъ влияніемъ Ѡ. И. Буслаява, только-что стало входить въ моду изученіе древней литературы въ женскихъ и мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. Е., какъ специально заинтересованный древнею письменностью—силнѣй другіхъ учителей увлекся въ эту сторону. Ученицы естественно не могли не поддаться искреннему, живому увлеченію учителя... И чѣмъ даровитѣе, чѣмъ серіознѣе была ученица, тѣмъ силнѣй отдавалась она изученію древней литературы, тѣмъ ревностнѣе принималась за знакомство съ памятниками старины... Для этого, разумѣется, приходилось основательно изучить славянскій языкъ... И вотъ одна изъ ученицъ А. Е., давно уже выказывавшая особія способности, перевела на современный языкъ дѣтонисъ Нестора... Учитель не могъ не замѣтить и не отмѣтить ея... Онъ давно наблюдалъ за ней, давно помогалъ ей въ работахъ, направлялъ, давалъ совѣты, приносилъ книги. Его уваженіе и вниманіе къ ней было за виду у всего института. Теперь—въ 1860-хъ годахъ—она была уже въ выпускномъ классѣ... Едва она успѣла сдать послѣдній экзаменъ, къ ней скромно подошелъ ея любимый учитель...

— «Вы — княжна, а я — поповичъ», сказалъ онъ. «Захотите-ли идти объ руку съ поповичемъ?»

Княжна отвѣтила согласіемъ... Скоро была сыграна свадьба...

Молодые зажили.. Занятія ихъ шли въ томъ же направленіи. Княжна Макулова, теперь жена Викторова, переводила на русскій языкъ подъ руководствомъ своего мужа Кіево-Печерскій Патерикъ... и случала всѣ имѣвшіеся списки Патерика...

Но это счастье—какъ я уже сказала—было такъ мимолетно, что можно было услыть закричать только: «стой!», но не сродниться, не привыкнуть къ нему. Свѣтъ, на мгновеніе озарившій его одинокую жизнь,—погасъ: молодая умерла черезъ годъ или черезъ полтора.

Послѣ смерти жены-товарища А. Е. сдѣлалъ прекрасное изданіе ея перевода Патерика. То былъ ей второй памятникъ. Первый онъ поставилъ на кладбищѣ Симонова монастыря, подѣ которымъ рядомъ съ ней легъ и самъ нынѣшнюю весну ¹⁾).

Вотъ гдѣ, можетъ быть, надо искать зародышъ разгадки горячаго увлеченія со стороны А. Е. женскимъ вопросомъ. Съ нимъ рядомъ, хотя ненадолго, стояла не кисейная барышня, не «бабенка», а умная, серіозная женщина... и онъ привыкъ по ней вѣрить въ силу женскаго ума, въ возможность высшаго развитія для женщины... «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знаешься,—я скажу—кто ты»,—невольво при этомъ припоминается французская пословица.

Жена умерла, и опять надвинулись осеннія сумерки... Опять обступило одинокое безмолвіе... Оно сѣло на стѣнахъ, повисло въ воздухѣ...

IX.

Впрочемъ, полное безмолвіе наступило не вдругъ. Нѣкоторое время нарушалось оно еще присутствіемъ другого живаго существа,— правда, уже дряхлаго, съ тусклымъ взглядомъ, устремленнымъ на тихій покой. То была извѣстная всѣмъ знакомымъ А. Е. — старушка Анна Семеновна. Не упомянуть о ней, заговоривши объ его домашней жизни, все равно, что зайти осмотрѣть его квартиру—и не заглянуть въ его кабинетъ...

Это было старенькое, сморщенное, такъ-же одинокое, какъ и А. Е., существо. Типъ старыхъ крѣпостныхъ нянюшекъ, которыя живутъ, ежеминутно тормозась ради интересовъ своихъ хозяевъ съ твердымъ упованіемъ на награду «тамъ». Такъ и жила Анна Семеновна, съ утра до вечера занятая по хозяйству: варила варенье, запаси

¹⁾ Прахъ А. Е. Викторова былъ перевезенъ сюда изъ Пятигорска, гдѣ онъ скончался въ іюлѣ 1883 г. Ред.

разные дѣлала, обѣдъ ему стряпала и самоваръ подавала... Безъ него въ свободное отъ хлопотъ время читала газеты и сообщала ему за обѣдомъ выдающіяся новости...

Все же было лучше и съ этою старушкою, чѣмъ совсѣмъ одному... Но она была уже стара, служить не хватало силъ, ея потянуло на покой. Я подробно остановлюсь на сценѣ ихъ разставанья.

«Ужъ я пойду за ломовицъ?», сказала какъ-то утромъ Анна Семеновна, собравши всѣ свои пожитки.

— «Что-жъ, Анна Семеновна, ступайте!»

«Или вамъ сперва обѣдать приготовить, да тогда ужъ?...» раздумывала старушка.

— «Какъ знаете. Приготовите—буду обѣдать; не приготовите—не надо».

«Нѣтъ, ужъ приготовлю.—Пропадетъ онъ безъ меня, какъ есть пропадетъ»,—шептала старушка, направляясь въ кухню.

Послѣ обѣда она внесла въ столовую мѣдный тазъ и поставила на диванъ. «Вотъ тазъ,—принимайте А. Е.», сказала она.

— «Да ужъ если вы вздумали, Анна Семеновна, сдавать вещи, такъ позвольте мнѣ ихъ принять и записать...»

И началась опись имущества... Дошло дѣло до чайной посуды. Увидавъ обиліе чашекъ, А. Е. предложилъ нѣкоторымъ взять Аннѣ Семеновнѣ. Потомъ стали описывать столовые и чайныя ложки. «Не хотите ли вотъ эту ложечку, Анна Семеновна?—она вамъ, кажется, нравилась.—Да ужъ не хотите ли и чайникъ съ полоскательной чашкой? Вѣдь, надо же намъ приданое дѣлать!» острилъ онъ по своему обыкновенію.

Анна Семеновна поблагодарила—и взяла.

Стали описывать банки варенья. Одна была фунтовъ въ 10—съ плохимъ вареньемъ.

— «Не хотите ли и ее взять, Анна Семеновна?» сказалъ А. Е.

«Какъ же? а вы-то? что-жъ вы-то будете кушать?»

— «Съ меня совершенно довольно тѣхъ банокъ»,—говорилъ онъ, а самъ думалъ: «это варенье препротивное, я его ѣсть не стану».

«Ну, такъ покорнѣйше благодарю».

— «Ужъ не хотите-ли что изъ мебели взять?... вотъ хоть диванъ?»

Въ комнатѣ, гдѣ происходилъ дѣлежъ, стояло два дивана: одинъ—очень плохой, другой немножко получше. Потому Анна Семеновна быстро задала вопросъ: «Который?»

— «Да вотъ этотъ», сказалъ А. Е., указывая на самый плохой

«И, что вы!» махнула рукой Анна Семеновна. «Куда мнѣ съ ди-

ваномъ возиться? Оно правда—этотъ диванъ портить у васъ комнату», замѣтила она пресерьозно.

— «И тутъ състрила»,—прибавилъ А. Е., передавая всю эту сцену. «Впрочемъ, какъ знаете».

«Да я тамъ увижу. А теперь пусть онъ пока у васъ постоитъ».

— «Пусть постоитъ...»

На прощанье онъ ей объявилъ, что кладетъ на чай и на сахаръ до ея смерти ежегодно опредѣленную пенсію... Онъ же опредѣлилъ ее потомъ и въ богадѣльню...

Неправда ли, что отъ этой сцены разставанья пахнуло тѣмъ самымъ воздухомъ, какой стоитъ въ комнатахъ и на дворѣ и во всей жизни гоголевскихъ старичковъ? Та же деликатность, заботливость, то же прозрачное другъ для друга себѣ на умѣ... Но здѣсь все это выходитъ сильнѣе, характернѣе, такъ какъ тутъ сошлись не люди приволья, крѣпостныхъ временъ, а хозяинъ и работникъ, наниматель и нанимаемый... Оба люди труда... За обоими стоитъ прошлое съ нуждой, лишеніемъ и суровымъ давленіемъ жизни... Школа бурсы—въ другихъ обычно посажающая злобу и ненависть къ человѣку—и школа крѣпостнаго права. И послѣ такой школы они сохранили еще бездну заботы другъ о другѣ!... Пробовалъ было А. Е. приискать себѣ опять старушку; но попытки были неудачны... И онъ рѣшился остаться одинъ, какъ въ дни холостой жизни, и въ случаѣ надобности пользоваться услугами своего музейскаго солдата.

Х.

Одинокая жизнь, не смотря на страсть къ музею, все же по временамъ давала себя чувствовать тяжелой, гнетущей тоской. Въ такіе хандражія минуты особый отголосокъ въ его душевномъ настроеніи находили стихи Некрасова, начинающіеся словами:

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ свои широкія права;
Гляжу на жизнь невѣрующимъ взглядомъ,
Все кончено: сѣдѣть голова...

Въ особенности ему нравились слѣдующія строки:

Трудись—пока годишься,
И смерти жди—она не далеко...
Усни... Умри.

Всего сильнѣй налегала тоска личнаго одиночества лѣтомъ, когда запиралися музей, и служащіе—сѣмейные уѣзжали на дачи, въ деревню, отдохнуть среди мирной семейной обстановки... когда приходилось оставаться только съ работой.

Отъ этой тоски онъ сталъ уѣзжать лѣтомъ на югъ. Сперва въ Крымъ, потомъ—ради лѣченія—на Кавказъ... Возвращался каждый разъ бодрѣй, здоровѣй, даже какъ бы помолодѣвшій. Вернулся бы и въ послѣднюю поѣздку... еслибы не его обычная неосторожность.

Онъ говорилъ на тему близкой смерти почти каждый разъ, когда его посѣщала какая-нибудь болѣзнь. Говорилъ и въ послѣднее свиданье, когда наканунѣ отъѣзда на Кавказъ (въ іюнѣ 1883 г.) пришелъ проститься. Но страхъ этотъ исчезъ, какъ скоро прошла мучившая его головная боль, какъ скоро, пріѣхавши въ Пятигорскъ, почувствовалъ себя здоровымъ. Опять вернулось веселое расположеніе духа, опять сталъ бѣгать по горамъ, взбираться на скалы... Онъ поражалъ даже молодежь своею ловкостью, быстротою во время такихъ экскурсій. Видя, какъ онъ быстро и ловко взбирается чуть не на отвѣсную скалу, его можно было принять за юношу, и онъ самъ въ эти минуты забывалъ о своихъ годахъ.

Разъ, вернувшись съ одной изъ такихъ горныхъ прогулокъ въ іюлѣ 1883 года, разгоряченный движеніемъ и безбожно палившимъ весь день лучами кавказскаго солнца,—онъ спросилъ воды. Ему подали холодную, какъ самъ сѣверный полюсъ. Послѣ одного стакана жажда почувствовалась какъ бы сильнѣй... и онъ, забывши о всякихъ опасеніяхъ недавно страшившей его смерти, сталъ глотать стаканъ за стаканомъ. И къ вечеру съ нимъ сдѣлался тифъ.

Извѣстно, какой уходъ, какая осторожность нужны во время этой болѣзни, передъ которой безсильны медицинскія средства! Гдѣ же было имѣть заботливый уходъ одинокому?... Вкругомъ все чужіе... какое имъ дѣло до несговорчиваго, упрямаго, больного старика?.. Заглянуть, посовѣтуютъ — не слушаетъ. Покачаютъ головой — и уйдутъ.

И одинокая, никому неизвѣстная смерть. 20 іюля въ Пятигорскѣ, въ гостинницѣ, лежалъ на столѣ одинокій трупъ... ни родныхъ, ни друзей... Послѣ смерти узнали, что покойникъ былъ въ «большомъ чинѣ», потому пришлось и свѣчи зажечь и до могилы проводить со священникомъ... То было въ Пятигорскѣ.—Теперь его могила здѣсь, близко... Пусть она служитъ напоминовеніемъ его идеальнаго служенія, его честнаго образа, который представляется какъ нѣчто феноменальное рядомъ съ нравственно-облѣвыми людьми, у кото-

рыхъ любовь къ дѣлу и наукѣ подавляется самолюбивымъ стремленіемъ къ ученымъ степенямъ и общественному положенію...

Музею онъ отдалъ большую часть своей жизни и въ служеніи къ нему олицетворилъ нѣчто идеально-высокое. Чтобы не остаться въ долгу передъ покойнымъ, музей—по всей справедливости, долженъ ту часть хранилища, которая содалась трудами А. Е., наименовать отдѣленіемъ Алексѣя Егоровича Викторова и поставить тамъ его бюстъ или портретъ.

Е. С. Некрасова.

Москва
1884 г.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

6-го іюля 1884 г. отъ предводителя дворянства Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ., Д. А. Булатова.	10 руб.
8-го іюля отъ предсѣдателя Кавказской Археологической комисіи, д. с. сов. Ад. П. Берже, изъ Тифлиса	10 „
<hr/>	
А съ прежде поступившими всего	1,381 руб.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; июнь, стр. 671.

ГРАФЪ ЭДУАРДЪ ИВАНОВИЧЪ ТОТЛЕБЕНЪ.

Во время службы моей военнымъ инженеромъ, не разъ приходилось мнѣ состоять при покойномъ графѣ, почему, въ ожиданіи подробной біографіи и вполне заслуженной имъ исторіи его дѣятельности на пользу отечества, долгомъ считаю подѣлиться съ читателями «Русской Старины» тѣмъ, что мнѣ лично извѣстно и что, во всякомъ случаѣ, не лишено интереса, въ смыслѣ характеристики покойнаго.

Строгій къ себѣ, покойный графъ требовалъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ, которые, впрочемъ, не чувствовали угнетенія. Будучи товарищемъ генераль-инспектора по инженерной части и постоянно объѣзжая инженерные округа и отдѣльныя крѣпости, Эдуардъ Ивановичъ былъ близко знакомъ съ личностями, характерами и служебною дѣятельностью, если не всѣхъ, то очень многихъ офицеровъ военно-инженернаго корпуса; почему дѣлаемая имъ назначенія офицеровъ на должности были мѣтки и цѣлесообразны. Каждый офицеръ зналъ, что если Тотлебенъ на него недоволенъ, то, чтобы загладить это неудовольствіе, нужны были цѣлые годы; за то, если Эдуардъ Ивановичъ видѣлъ, что офицеръ, къ которому онъ неблаговольтъ, или ошибочно имъ намѣченъ, въ смыслѣ недостойнаго, дальнѣйшею служебною дѣятельностью заслуживаетъ поощренія, то въ этомъ отношеніи гр. Тотлебенъ не останавливался.

Время службы графа въ должности товарища генераль-инспектора по инженерной части особенно должно быть памятнымъ для военно-инженернаго корпуса, значеніе и важность котораго Тотлебенъ сумѣлъ поднять какъ въ ряду прочихъ войскъ, такъ и въ смыслѣ знаній. Всѣ работы и хлопоты покойнаго къ возвышенію военно-инженернаго знанія, на ряду съ другими отраслями военныхъ наукъ, клонились къ дѣйствительному распространенію науки черезъ

посредство Николаевской инженерной академіи и состоящаго при немъ инженернаго училища. И, дѣйствительно, при Тотлебенѣ инженерная академія и училище были поставлены на степень, достойную ихъ назначенія, и могли состязаться съ соотвѣствующими имъ спеціальными учрежденіями Европы.

Нужно сказать, что самъ Эдуардъ Ивановичъ, по обстоятельствамъ, не окончилъ курса офицерскихъ классовъ бывшаго инженернаго училища (нынѣ Николаевская инженерная академія) и всю свою дѣятельность, до чина генераль-маіора, посвятилъ боевой саперной службѣ въ Венгріи, на Кавказѣ, въ Молдавіи, Валахіи и въ Севастополѣ. По заключеніи мира 1856 года, покойный (да и то послѣ годового лѣченія заграницею) вступилъ въ должность директора бывшаго инженернаго департамента ¹⁾ и незамедлительно обратилъ вниманіе на ученую и учебную часть, озабочиваясь довести ихъ до той степени, которая соотвѣтствовала бы современнымъ требованіямъ военно-инженернаго дѣла.

По природѣ быстрый, неутомимый, врагъ бюрократизма и всякой канцелярщины, гр. Тотлебенъ, не полагаясь на бумажную переписку, всѣ преобразованія совершалъ по личнымъ ходатайствамъ и всеподданнѣйшимъ докладамъ передъ покойнымъ императоромъ Александромъ II и затѣмъ воля государя объявлялась въ приказахъ по корпусу.

Будучи строгимъ по службѣ и истинно военнымъ человѣкомъ въ душѣ, Эдуардъ Ивановичъ весьма озабочивался о поднятіи сапернаго дѣла и саперной службы вообще, какъ въ строевомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. Въ бытность его товарищемъ генерал-инспектора по инженерной части—преобразованы понтонные баталіоны и парки, сформированы желѣзно-дорожные баталіоны, телеграфныя парки, минныя роты и команды. Саперныя части комплектовались составомъ офицеровъ, наилучше-окончившихъ курсы военныхъ и инженернаго училищъ. Словомъ сказать, саперному дѣлу въ Россіи Тотлебенъ положилъ прочное основаніе и поставилъ его въ ряду того же рода спеціальности въ европейскихъ арміяхъ. Мнимо же дѣло въ Россіи, какъ извѣстно изъ обороны Севастополя и послѣдней турецкой кампаніи, за время Тотлебена, было разработано у насъ въ такой степени, о которой и не мыслили въ Европѣ. Только теперь въ европейскихъ войскахъ минному дѣлу придано важное значеніе и стали заниматься разработкою его.

¹⁾ Нынѣ департаментъ преобразованъ въ главное инженерное управленіе, а званіе директора—въ званіе товарища генераль-инспектора по инженерной части. И. В.

Въ смыслѣ обороны государства, покойный не мало потрудился: его ежегодные объѣзды далекихъ окраинъ Россіи поглощали у него не мало времени, а затѣмъ—зимою—по возвращеніи въ Петербургъ, съѣзжались инженерные офицеры для составленія проектовъ, въ которыхъ Эдуардъ Ивановичъ принималъ живѣйшее личное участіе. Здѣсь-то—за работою—покойный близко знакомился съ офицерами—составителями проектовъ—и нерѣдко случалось, что графъ, будучи любезнымъ, изъ-за какой либо малости дѣлался суровымъ начальникомъ и даже деспотомъ. Происходила же такая перемѣна потому что Тотлебенъ, любя много говорить, не терпѣлъ возраженій или чужого мнѣнія, хотя бы они были и справедливы, дѣльны и умѣстны; въ этомъ отношеніи подчиненные испытывали тягостное состояніе. Однако, близко знавшіе характеръ Эдуарда Ивановича и его слабости, на приказанія его отвѣчали утвердительно «слушаю и исполню», а между тѣмъ, если приказанія эти шли въ разрѣзъ съ дѣломъ, составлялись проекты, предположенія, расчеты и т. п., соотвѣтственно дѣйствительныхъ требованій и соображаясь съ научными данными. Затѣмъ, при докладахъ, покойному пояснялось, что и какъ и почему это сдѣлано такъ, а не иначе и графъ почти всегда оставался доволенъ, если докладываемое дѣло исполнено или предположено въ выполненію правильно и основательно.

Крѣпости Керчь и Очаковъ, какъ новыя, Бендеры, Варшавская цитадель, Кіевъ, Новогеоргиевскъ, Брестъ-Литовскъ, Выборгъ, Свеаборгъ, Кронштадтъ и др., какъ получившія усиленіе и нѣкотораго рода перестройку—поистинѣ могутъ служить видимыми свидѣтелями неутомимо-полезной инженерной дѣятельности Тотлебена. Въ крѣпостяхъ этихъ можно видѣть всѣ нововведенія, вызванныя успѣхами военнаго дѣла, послѣ Крымской и Франко-прусской войнъ. Здѣсь ничего не забыто: пѣхота имѣетъ достаточное число безопасныхъ помѣщеній, артиллерія съ своими новозобрѣтеніями такъ размѣщена, что можетъ быть сохранена до послѣдней минуты обороны, не забыто здѣсь и минное дѣло, и броневое. Правда, что въ дѣлѣ возведенія и переустройства названныхъ крѣпостей были такіе помощники, какъ генералъ-лейтенантъ Звѣровъ, Седергольмъ, Подимовъ, Фейхтнеръ ¹⁾ и др.; но вѣдь и въ выборѣ помощниковъ нужно счастье, а вѣрнѣе—умѣнье.

Наконецъ, въ послѣднюю турецкую кампанію графъ Тотлебенъ,

¹⁾ Всѣ эти генералы могутъ быть живыми свидѣтелями всего сказаннаго, такъ какъ по мѣстамъ ихъ прежней и настоящей службы имъ близко известна дѣятельность покойнаго графа Эдуарда Ивановича Тотлебена. И. В.

со времени объявленія мобилизаціи, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (октябрь и ноябрь 1876 года), изъ ничего создалъ грозныя твердыни для защиты многострадальнаго Севастополя съ его міровою бухтою и космополитической Одессы съ ея банкирами и разными конторами. Взятіе же Плевны и колонны турецкой арміи Османа-паши составляютъ вѣнецъ боевой дѣятельности покойнаго. Однимъ словомъ, гдѣ только являлся Тотлебенъ для защиты отечества, всюду выросли дѣйствительныя препоны непріятелю и надежный оплотъ для защитниковъ.

Будучи прекраснымъ семьяниномъ, Эдуардъ Ивановичъ всегда знакомилъ своихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ съ своею семьей, гдѣ, въ Петербургѣ, ежедневно собиралось множество гостей, среди которыхъ покойный былъ радушиимъ хозяиномъ, а съ сослуживцами—добрымъ товарищемъ.

Мнѣ однажды пришлось ѣхать съ покойнымъ графомъ изъ Севастополя въ Ялту—сухимъ путемъ, минуя памятна мѣста нашихъ севастопольскихъ неудачъ. Проѣзжали 4-й и 5-й бастіоны; Тотлебенъ, весьма довольный и веселый, рассказывалъ гдѣ и что онъ здѣсь дѣлалъ и какъ союзники въ этомъ мѣстѣ имѣли неуспѣхъ. Рассказывалъ, какъ онъ здѣсь показывалъ пріѣзжавшимъ тогда изъ Петербурга флигель-адъютантамъ и свитскимъ генераламъ позиціи, провожая ихъ самъ не по траншеямъ, а подъ выстрѣлами непріятеля, и какъ блестящіе его спутники незамѣтно исчезали, уѣзжая обратно въ Петербургъ, ровно ничего не видя—однако съ отличіями. Но нужно было слышать его дрожащій голосъ и видѣть грустное выраженіе лица, когда онъ взглянулъ на Малаховъ курганъ, или когда мы поровнялись съ знаменитыми Федюхиными высотами: почти со словами рассказывалъ графъ о влосчастномъ—случайномъ паденіи Малахова кургана и о той неудачѣ, при которой едва не погибла наша армія, атакуя Федюхины высоты, при чемъ неудачи эти Тотлебенъ объяснялъ близко извѣстными ему распоряженіями штабныхъ.

Нужно замѣтить, что, послѣ неудачнаго для насъ сраженія на Черной рѣчкѣ, наша армія, совершенно разбитая, отступала въ полномъ безпорядкѣ: пѣхота смѣшалась съ артиллеріею и кавалеріею, а по пятамъ бѣгущихъ войскъ наступали союзники. Въ то время, когда наши безпорядочно бѣгущія войска должны были вступить въ лѣсъ, Тотлебенъ, будучи полковникомъ, случайно выѣзжаетъ изъ лѣсу и видитъ ваши войска, частію бѣгущія, частію ѣдущія на орудіяхъ и ящикахъ. Покойный, быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, вызываетъ жолонеровъ, вокругъ которыхъ начинаютъ группироваться кучки солдатъ; онъ ихъ посылаетъ занять близъ лежащую опушку лѣса, даетъ сигналъ открыть огонь, въ виду котораго вся наша бѣ-

гущая артиллерія и прочія войска спасаются въ лѣсу, а непріятель, въ виду трудности атаки занятаго нами лѣса, прекращаетъ преслѣдованіе. За такую распорядительность Тотлебенъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени и пожалованъ во флигель-адъютантъ.

Будучи вполне увѣренъ, что въ недалекомъ будущемъ, какъ я уже упомянулъ выше, жизнь и дѣятельность покойнаго найдутъ достойнаго историка, ограничиваюсь теперь изложеніемъ лишь нѣкоторыхъ эпизодовъ мирной, служебной дѣятельности Э. И. Тотлебена.

Покойный, объѣзжая инженерныя работы, никогда не ревизовалъ письменныхъ дѣлъ, такъ какъ не терпѣлъ этого. Онъ любилъ осматривать работы на мѣстѣ, т. е. любилъ дѣло живое, требующее соображеній и разсужденій. Вставая обыкновенно въ 4 часа утра, покойный въ 5 часовъ отправлялся, пѣшкомъ, на работы, гдѣ проводилъ время до 11 часовъ дня, переходя отъ одной постройки къ другой, ориентуясь и соображаясь какъ съ мѣстностью, такъ и съ окружающими предметами. Иногда на одномъ укрѣпленіи или постройкѣ проводилось по нѣсколько часовъ съ тѣмъ, чтобы обсудить и исчерпать предметъ до конца. Затѣмъ съ 11 часовъ до 12 (для завтрака) былъ отдыхъ, послѣ котораго снова начинался осмотръ работъ до 6 или 7 часовъ вечера, послѣ чего обѣдъ, чай и въ 10 часовъ вечера—сонъ. Такъ Тотлебенъ проводилъ ежегодно 3 или 4 лѣтнихъ мѣсяца; прибавимъ къ этому, что, будучи раненымъ въ ногу, подъ Севастополемъ, онъ постоянно подвергался страданіямъ, отъ которыхъ лечился за границею, а при упомянутыхъ объѣздахъ—минеральными водами, которыя онъ возилъ съ собою и пилъ въ свободное отъ занятій время, т. е. отъ 4 до 5 часовъ утра.

За завтракомъ или обѣдомъ Тотлебенъ былъ всегда веселъ, шутилъ и любилъ рассказывать анекдоты или дѣйствительные случаи изъ своей жизни. Такъ, однажды, онъ рассказывалъ слѣдующее. Въ одномъ изъ городковъ Саксоніи, гдѣ онъ лечился, жила нѣкая ворожея, къ которой всѣ стремились какъ къ цѣлительницѣ недуговъ. Однажды приходитъ къ Тотлебену генералъ-адъютантъ К...овъ ¹⁾, когда-то занимавшій важный постъ въ Кіевѣ, и предлагаетъ покойному побывать у Wunderfrau. Сначала Тотлебенъ не соглашался, но потомъ, чтобы отдѣлаться отъ генерала К., пошелъ къ ворожеѣ, которая ихъ любезно приняла и какъ оба генерала были въ статскихъ костюмахъ, то она не знала кто они. Гаданіе выпало сперва на долю генерала К., которому знахарка сказала, что онъ глупъ, гдѣ-то хо-

¹⁾ Онъ уже умеръ.

рошо служилъ, но что впереди его ожидаетъ одна могила. Тотлебенъ, какъ говорилъ самъ, не желалъ обращаться къ ворожеѣ, но услыжавъ, что она К. сказала сущую правду—въ чемъ не сомнѣвался и графъ, послѣдній согласился выслушать предсказаніе и на свою долю. И что же онъ слышитъ?—что онъ храбрый герой и что его ожидаютъ впереди почести и слава еще большія тѣхъ, которыя онъ теперь заслужилъ. Случай этотъ былъ до начала послѣдней турецкой кампаніи. Разсказъ же Тотлебена мною слышанъ осенью 1876 года, передъ объявленіемъ мобилизаціи нашей арміи къ предстоящей тогда турецкой кампаніи 1877 и 1878 годовъ.

Въ бытность Тотлебена одесскимъ генералъ-губернаторомъ съ нимъ былъ слѣдующій случай. Въ одномъ изъ небольшихъ городковъ крымскаго побережья служилъ почтмейстеромъ нѣкто N; на этого почтмейстера сдѣланъ былъ почталономъ доносъ, что будто бы N социалистъ. Сердцевѣднiе прокурора, жандармскаго офицера и присяжныхъ побудило отпратить N, какъ важнѣйшаго политическаго преступника, въ Одессу къ самому Тотлебену. По прибытіи въ Одессу арестованный почтмейстеръ, подъ надежнымъ карауломъ, былъ введенъ прямо къ Тотлебену, который строго спросилъ его: кто онъ и что дѣлаетъ? Почтмейстеръ (изъ малороссовъ) отвѣчалъ, что онъ тридцать лѣтъ служить въ почтовомъ вѣдомствѣ вѣрою и правдою, что будучи человѣкомъ бѣднымъ, обремененнымъ большою семьей, въ свободное отъ занятій время робить чоботы (шьеть обувь) какъ для семьи, такъ и на продажу. Доносчикъ же сообщалъ, что почтмейстеръ заирается и дѣлаетъ что-то недозволенное и подозрительное. Тотлебенъ, выслушавъ слезную рѣчь преступника-почтмейстера, вынулъ изъ кармана и вручилъ арестованному деньги въ помощь семьѣ и на обратный его проѣздъ; при чемъ распорядился совершеннымъ освобожденіемъ арестованнаго.

Ограничиваясь вышеназваннымъ, отъ души желаю, чтобы бывшіе сослуживцы покойнаго и близко стоявшіе къ нему подѣлились бы съ читателями воспоминаніями объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ, знаменитомъ не только у насъ, но и за границею. Пройдутъ многіе десятки лѣтъ, заглохнетъ могила героя Тотлебена, но его имя и славныя дѣла будутъ вѣчны въ памяти народа русскаго, свято чтущаго своихъ народныхъ витазей, своихъ героев! А всѣ поколѣнія русскихъ инженеровъ будутъ изъ вѣка въ вѣкъ преклоняться предъ этимъ именемъ и чтить въ немъ имя гениальнаго русскаго инженера.

И. А. Ворововъ.

(Отставной инженеръ-полковникъ).

1884 г. 28-го іюня.

Таганрогъ.

были достойно оценены еще в 1881 году на съезде археологов в Тивелис. Наданный имъ имѣетъ I томъ Кубанскаго Сборника есть новый, весьма ценный, вкладъ въ сокровищницу кавказовѣдѣнія. Въ составѣ этого обширнаго труда вошли нѣкоторые весьма важные статьи, изъ которыхъ нельзя не обратить вниманія на обширное исследование о вредныхъ насекомыхъ Кубанской области, принадлежащее профессору Линденману, лично посѣтившему этотъ край и познакоившему насъ съ положеніемъ въ немъ сельскаго хозяйства; на исследование западныхъ предгорій главнаго кавказскаго хребта, плоды усидчиваго труда секретаря ставропольскаго статистическаго комитета, Г. Бентковского, написавшаго на своемъ языкѣ около 80 сообщений самаго разнообразнаго содержанія. Затѣмъ не лишнемъ интереса статья: Щербина «Исторія земельной собственности у кубанскихъ казаковъ»; Владова «Начальное народное образованіе въ Кубанской области, все относящееся до городовъ Темрюка и Ейска и четырехъ казачьихъ станицъ». Къ концу тома приложена карта Кубанской области, весьма тщательно составленная г. Фелицинымъ по слѣдствіямъ 1882 года.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Наданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ третій. Тифлисъ. 1883. Стр. 508.

Было время, когда кавказскій календарь, начавшій издаваться съ 1846 года, въ Тивелисѣ, при канцеляріи нѣмецкаго кавказскаго, былъ единственнымъ сборникомъ, знакомившимъ Россію съ ея отдаленною южною окраиною. Много прошло съ тѣхъ поръ времени и русская печать, но нѣтъ удивленія, если, начала принимать большіе и большіе размеры, такъ что въ отдаленныхъ изданіяхъ, газетахъ и сборникахъ уже не стало недостатка. Одно въ послѣднихъ, во времени, изданіе есть изданный въ вагонѣхъ настоящей вагонной Сборникъ, задуманный нѣсколько лѣтъ предъ симъ попечителемъ кавказскаго учебнаго округа, г. тайнымъ совѣтникомъ К. П. Яновскимъ. Мысль многоуважаемаго Кирилла Петровича, какъ и слѣдовало предполагать, была вполне счастли-

ва. Лица, принимающія участіе въ Сборникѣ, исключительно принадлежатъ къ учебному ведомству. Зная при этомъ, что инициатива Сборника принадлежитъ ихъ начальнику, на вниманіе котораго всегда можно рассчитывать, они съ любовью принялись за дѣло. Съ другой же стороны, сотрудники эти, разбѣянные по всему Кавказскому и Закавказскому краю, принадлежатъ къ сословию образованному и поставленны въ счастливыя и близкія отношенія къ населенію, всегда давали и даютъ свидѣнія, лучшія тѣхъ, которыя въ былое время приходилось заимствовать или у путешественниковъ-авантюристовъ, или же собирать путемъ овецъ, черезъ мѣстныхъ полицейскія власти.

Въ третьемъ выпускѣ Сборника самая обширная статья (350 стр.) озаглавлена: «Замѣтки объ Осетіи и осетинахъ». Не выдерживая строгой критики и не обнимая всего библиографическаго матеріала, она тѣмъ не менѣе облачаетъ въ авторѣ трудолюбіе и вполне добросовѣстное отношеніе къ избранному имъ предмету.

Весьма интересны описанія Темужбекской и Разавитской станицъ и соображенія въ нихъ полярій и пѣсенъ, а также сказки въ селеніи Салаху.

Кромѣ того, мы находимъ въ Сборникѣ краткія замѣтки о Кареской области, а въ приложеніи карту Осетіи и нѣкоторыя пѣсенки, поющіяся въ Темужбекской станицѣ.

Ад. П. Верже.

Силуэты Крыма. Изъ путевой книжки А. Н. Ниландина. Спб., 1884 г., въ 8 д., 241 стр.

Въ очеркахъ живыхъ и легко читаемыхъ авторъ ведетъ читателя въ деревню Сакъ, въ города крымскаго побережья: Евпаторію, Севастополь, Балаклаву, Ялту и въ нѣсколько другихъ наиболее живописныхъ поселеній Крыма. Переменная замѣтки историческія съ бытоописательными, дѣло съ бездѣльемъ, серьезное съ нѣсколькими юмористическими замѣтками, талантливый авторъ даетъ, въ концѣ концовъ, книгу полезную и вполне интересную для каждаго, кто пожелалъ бы познакомиться съ современнымъ намъ Крымомъ. Изданіе очень изящно и украшено хорошенькими виньетками и политипажами.

Д.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1884 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Первыя шесть книгъ во **ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старини“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА.**

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изягородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библиографическіе отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журналовъ:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина, 6 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (29 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (64 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Сомовскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ пятнадцатый. СЕНТЯБРЬ. 1884 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Вопросы жизни. Поэмертвѣе записки Николая Павловича Пирогова. Гл. I—VI.	455	X. Изъ истории обсерваторіи Павлова. Очеркъ П. П. Карпова (Опочининъ).	605
II. Поэтъ - преступникъ Спиридонъ Дрокинъ въ его воспоминаніяхъ о жизни и поэзіи, 1848—1864 гг.	503	XI. Походъ 1877 г. Очеркъ В. О.	619
III. Авантюръ Петр. Ермоловъ в его кибиточныя жезны на Кавказѣ, 1816—1827 гг. Сообщ. Ал. П. Берже	523	XII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: его рукопись, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Гл. XI и XII Сообщ. г. Якушкинъ.	641
IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ Николая I.	529	XIII. Русскія и грено-росейскія церковь въ Китаѣ въ XVII—XIX вв. Сообщ. епископа Макарія.	655
V. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Разсказы Мозинацкаго. Перев. съ польскаго. Гл. IV.	545	XIV. Расколь въ Пермской губерніи, 1857—1866 гг. Сообщ. Б. В. Струве.	663
VI. Императоръ Николай I въ Англїи, 1837 г. Сообщ. Е. Н. Зарва.	567	XV. Матеріалы и замѣтки: Царца Прасковья. Сообщ. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскія (604).—Д. В. Давыдовъ (566).—В. А. Жуковскій (618).—Статуя А. Пушкина въ Спб. (654).—Г. М. Достоевскій (677).—Юбилей Киевскаго университета (678).	676
VII. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на Кавказѣ въ 1850 г. Сообщ. М. Я. Олшевскій.	576	XVI. Памятникъ на могилѣ Волынскаго.	676
VIII. Князь М. С. Воронцовъ и М. Н. Муравьевъ въ 1852—1857 гг.	580	XVII. Библиографическій листокъ.	
IX. Нижегородскій драгунскій полкъ, 1827 г. Захѣта кн. В. П. Долгорукаго.	599		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Николая Павловича Пирогова, † 23-го ноября 1881 г. Изполненъ въ Мюнхенѣ, съ фотографіи, доставленной А. А. Пироговой. — II. Систематическое оглавленіе XLIII тома «Русской Старинѣ» изд. 1884 г.

Вышло второе изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1884 г.

Подписка продолжается. Цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 79.

1884.

Архивъ князя Воронцова. Томъ XXVIII, М. 1883, 583 стр.; т. XXIX, 1884, 492 стр.; т. XXX, 516 стр. Ц. по 3 р. за томъ.

Мы не станемъ распространяться объ этомъ изданіи, давно упрочившемъ за собою вниманіе интересующихся отечественною исторіею. Укажемъ только на общее содержаніе вышедшихъ томовъ. Они имѣютъ снѣжавшій характеръ, относясь къ разнымъ лицамъ и эпохамъ. Т. XXVIII состоитъ: 1) изъ писемъ импер. Елисаветы и Екатерины II къ гр. М. И. Воронцову; 2) писемъ Екатерины II къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ; 3) писемъ Павла Петровича къ гр. С. Р. Воронцову (1795—1800); 4) писемъ импер. Маріи Θεодоровны къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ; 5) писемъ импер. Александра I къ нимъ же; писемъ иностранныхъ государей къ нимъ же. Томъ XXIX заключаетъ въ себя письма къ обоимъ Воронцовымъ—Падшета, Ла-оеркьера (между прочимъ во время путешествія графовъ Стверныхъ по Европѣ) Длаамбера, Питта Старшаго, Ламбра Качіона, Костюшии, лорда Витворта, Жозефа Де-Местра, Гедтвила, Талефрана. Въ концѣ приложены: весьма интересная и поучительная записка А. Р. Воронцова о Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, представленная импер. Александру I (1801), и какъ справочная—повмеченная роспись чиновникамъ, которые управляли посольскими приказами и коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Въ XXX томѣ помѣщены письма придворнаго врача Рожерсона, Елагина, исторіографа Миллера, Милновскаго, Н. Н. Бантша Каменскаго, Поппо ди-Борго, княз. Куракиныхъ и др. къ Воронцовымъ, переписки ихъ съ Новосельцовымъ; матеріалы для исторіи театра въ XVIII в. Переписка съ Миллеромъ и Бант. Каменскимъ касается вопросовъ русской исторіи и московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ тома помѣщено: «Боже царя храни» XVIII-го и.

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по официальнымъ документамъ Н. Гиббепетъ. Ч. II, Сиб., 1884, 1124 стр. Ц. 5 р.

Первая часть этого обширнаго труда появилась въ 1882 г. и мы тогда же дали о ней отзывъ. Вторая часть вводитъ насъ

познакомивъ съ пріѣздомъ восточнымъ патріарховъ въ Москву. Если изложеніе автора не достигаетъ полноты въ историческомъ сводѣ данныхъ, представляя, главнымъ образомъ, работу по архивнымъ матеріаламъ, изъ изученнымъ и разработаннымъ, то за то въ послѣднемъ отношеніи, съ выходомъ 2-ой части, отъ по возможности устранить тѣ недостатки, которые чувствовались при чтеніи 1-ой части его труда. Обширный сводъ матеріаловъ и установка ихъ въ последовательномъ порядкѣ, при запутанности самаго дѣла, составляетъ несомнѣнную и немаловажную заслугу автора. Должно поблагодарить также автора за обширныя приложения, помѣщенныя имъ въ этомъ томѣ, въ которомъ на 1124 стр. приходится 466 стр. текста, а остальныя отведены матеріаламъ. На этотъ разъ авторъ воспользовался и дѣлами московскихъ архивовъ, и трудами пресвящ. Макарія, въ послѣднемъ томѣ котораго много мѣста отведено тому же историческому дѣятели. Самъ авторъ такъ характеризуетъ свой трудъ: «Такииъ образомъ дѣло патріарха Никона теперь являетъ предъ глазами въ печати. Мы коснулись всего его сторонъ и во всемъ подробности изложили нашъ рассказъ о всѣхъ событіяхъ и обстоятельствахъ, сюда относящихся, съ правильною последовательностію и въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. (предисл. II).

Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. XXXIX. 1884, стр. 496; т. XL, 1884, стр. 493. Ц. по 3 р.

Оба эти тома имѣютъ особенный интересъ, представляя необходимое дополненіе къ XXXIV т. того же изданія, гдѣ были помѣщены дописанія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ азъ время съ 1681 г. до 1718 г. на основаніи документовъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Матеріалы двухъ послѣднихъ томовъ заключаютъ въ себя дописанія и бумаги чрезвычайнаго посланника англійскаго при русскомъ дворѣ, Чарльза Витворта, въ 1704—1708 г., и дописанія французскаго консула въ Петербургѣ Яна полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1719 по 1723 годъ. Обширныя почти все цѣрствованіе Петра Великаго документы эти, если не всегда про-

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ

† 23 НОЯВРЯ 1881 Г

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРГОВЪ

† 23 НОЯБРЯ 1881 г.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

ДНЕВНИКЪ СТАРАГО ВРАЧА,

писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что можетъ быть когда-нибудь прочтеть и кто другой.

НОЯБРЬ 1879—НОЯБРЬ 1881 гг.

СЕЛЦО ВИШНЯ,

Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи.

«Пришедъ на мысль писать о себѣ для себя и рѣшившись не издавать въ свѣтъ о себѣ ничего при моей жизни, я не прочь, чтобы мои Записки обо мнѣ читались, когда мени не будетъ на свѣтъ, и другимъ».

Н. Н. Пироговъ (См. далѣе „Рус. Ст.“, стр. 463).

26-го мая 1881 г., въ Москвѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія, многочисленными депутатами, съѣхавшимися на торжество чествованія полувѣковаго служенія Николая Ивановича Пирогова наукѣ и обществу, давали ему обѣдъ.

По окончаніи обѣда, сопровождавшагося многими рѣчами и тостами въ честь знаменитаго юбиляра и его многостороннихъ заслугъ наукѣ вообще и Россіи въ особенности, Николай Ивановичъ оставилъ свое почетное мѣсто и, опираясь на руку ректора Московскаго университета, Н. С. Тихонравова, направился къ нищущему эти строки—редактору „Русской Старинѣ“, присутствовавшему на обѣдѣ не только какъ редакторъ историческаго журнала, но и какъ гласный С.-Петербургской городской Думы, представившей чрезъ него адресъ Н. И. Пирогову отъ общественнаго управленія столицы. Пироговъ, подойдя къ намъ, привѣтливо протянулъ руку и сказалъ слова, для насъ незабвенныя:

— А мои Записки принадлежатъ вашему журналу „Русская Старина“.

Напечатать эти драгоценнѣйшія для насъ строки въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1882 г., томъ XXXVI, стр. 675—676), вслѣдъ за статью доктора I. В. Вертенсона, посвященной памяти Н. И. Пирогова (тамъ же, стр. 647—676), мы обратились къ вдовѣ и къ сыновьямъ покойнаго съ просьбою исполнить волю священнаго завѣта Н. И. Пирогова.

Оказалось, что достойнѣйшая вдова великаго ученаго, А. А. Пирогова, а также ея пасынки, В. Н. и Н. Н. Пироговы, были уже озабочены подготовленіемъ къ печати, именно въ „Русской Старинѣ“, посмертныхъ Записокъ Николая Ивановича.

Обширная, въ нѣсколько сотъ листовъ, собственноручная, мѣстами крайне неразборчивая, рукопись посмертныхъ Записокъ великаго ученаго и гражданина уже разбиралась и переписывалась подъ наблюденіемъ сыновей и, главнымъ образомъ, вдовы покойнаго.

Мало этого, Александра Антоновна Пирогова съ замѣчательною усидчивостью и терпѣніемъ сама разобрала и собственноручно переписала первую часть этихъ Записокъ. По окончаніи всего этого обширнаго труда, копія, вмѣстѣ съ подлинникомъ, были весьма обязательно доставлены Александрой Антоновной, въ апрѣлѣ 1884 г., чрезъ посредство ея пасынковъ, Владиміра Николаевича и Николая Николаевича Пироговыхъ, въ распоряженіе редакціи „Русской Старинѣ“.

Копія Записокъ была затѣмъ весьма тщательно сличена съ подлинникомъ и отнынѣ постепенно явится на страницахъ нашего изданія въ дѣломъ рядѣ книгъ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 и 1885 гг.

Н. И. Пироговъ началъ свои Записки 5 ноября 1879 г., живя въ своей деревнѣ, с. Вишиѣ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи. Началъ онъ ихъ въ видѣ поденныхъ замѣтокъ, въ формѣ дневника; но и тутъ, какъ человѣкъ съ обширнымъ умомъ и вполне своеобразнымъ и самостоятельнымъ взглядомъ на жизнь и многочисленныя вопросы, ею вызываемые, онъ не улекается передачею ничего не значущихъ подробностей окружающаго быта или слишкомъ тѣсно связанныхъ съ его, такъ сказать, обыденною жизнью, но сразу вводитъ читателя въ сферу высшихъ, общенитересныхъ вопросовъ. Самое заглавіе, приданное имъ своей рукописи, своеобразно: „Вопросы жизни, дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что можетъ быть когда нибудь прочтеть и кто другой“.

Первыя слова заглавія: „Вопросы жизни“ напоминаютъ тоже заглавіе, данное Николаемъ Ивановичемъ сборнику его въ высшей степени замѣчательныхъ статей о воспитаніи, явившихся въ концѣ 1850-хъ годовъ.

Но здѣсь, въ его посмертныхъ Запискахъ, предѣлы труда раздвинуты авторомъ весьма широко и онъ трактуетъ не только о воспитаніи, но о множествѣ и другихъ, самыхъ разнообразныхъ, вопросовъ жизни. При этомъ авторъ прямо высказывается, что онъ не предназначаетъ свои Записки къ опубликованію до своей кончины, а потому, бесѣдуя какъ бы изъ-за предѣловъ земной жизни, онъ, если можно такъ выразиться, излагаетъ свою исповѣдь.

Записки писаны частью карандашемъ, частью чернилами, на обыкновенныхъ листахъ бумаги, крупнымъ, разгонистымъ, но весьма иногда связнымъ и нечеткимъ почеркомъ; это объясняется тѣмъ, что Николай Ивановичъ писалъ свою исповѣдь уже пораженный тяжкимъ, неизлѣчимымъ недугомъ, притомъ потерявши одинъ глазъ и слабо видя другимъ глазомъ.

Записки не дѣлятся на части или главы, и это мы, которые раздѣлили ихъ на главы; лишь въ одномъ или двухъ мѣстахъ авторъ далъ частныя вромѣ одного приведеннаго выше общаго, заглавія; но—по содержанію и времени написанія—рукопись распадается на три части:

Первая состоитъ изъ 60 листовъ или 240 страницъ, писанныхъ въ формѣ дневника, карандашемъ.

Въ этой части Н. И. Пироговъ вноситъ въ дневникъ, съ 5 ноября 1879 г. по 25 марта 1880 г., свои думы по различнымъ, болѣе или менѣе отвлеченнымъ, вопросамъ своего, если можно такъ выразиться, духовнаго бытія. Онъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ анализируетъ свое міросозерданіе и, съ обычною ему ясностью мысли и образностію выраженій, вводитъ читателя въ свой внутренній, духовный міръ.

Вторая часть занимает 229 листов или 916 страниц; писана чернилами. Здѣсь Н. И. Пироговъ оставляетъ форму дневника, и обращается къ фактическому изложенію своей автобіографіи, начиная съ характеристики своихъ родителей, и передаетъ подробности, до него относящіяся, съ самаго его рожденія и ранняго дѣтства, включительно до пребыванія въ Московскомъ университетѣ.

Эта часть рукописи писана съ 25 марта по 22 декабря 1880 г., и затѣмъ, послѣ перерыва, въ мартѣ 1881 г.

Но и здѣсь авторъ не пишетъ по общепринятому шаблону: онъ не передаетъ изъ году въ годъ подробностей своей автобіографіи, но перемешаетъ ихъ—всегда кстатѣ и всегда подкрѣпляетъ фактами изъ своей жизни—разсужденіями по самымъ серьезнымъ вопросамъ: таковы вопросы воспитанія, вопросы религіознаго развитія челоуѣка, вопросы физиологіи и психологіи челоуѣка, наконецъ, чутко отзывается на различные другіе вопросы, выдвинутые самою жизнью русскаго общества въ новѣйшее время.

Превосходными очерками, написанными весьма талантливо и съ увлеченіемъ, очерками внутренняго быта Московскаго университета въ концѣ 1820-хъ и въ началѣ 1830-хъ годовъ, заканчивается вторая часть этого замѣчательнаго труда.

Третья и послѣдняя часть писана съ 12-го сентября по первыя числа ноября мѣсяца 1881 г., въ томъ же селѣцѣ Вишнѣ, три мѣсяца спустя по возвращеніи изъ Москвы, съ юбилея, когда вся Россія, въ лицѣ многочисленныхъ депутацій, принесла дань признательности и высокаго уваженія къ полувѣковой ученой и общественной дѣятельности маститаго мужа.

Но, увы, тогда-же въ Москвѣ, именно 26-го мая 1881 г., послѣ юбилейнаго пира, Н. И. Пироговъ выслушалъ отъ своихъ собратій и учениковъ-хирурговъ роковую вѣсть, что недугъ его, — язва въ полости рта, — весьма опасенъ. Съ поразительнымъ мужествомъ выслушалъ онъ эту вѣсть; какъ хирургъ онъ не могъ сомнѣваться въ исходѣ болѣзни. Онъ чувствовалъ близость смерти, страдалъ тяжело, и спѣшилъ отдаться послѣднему труду въ своей жизни: онъ съ первическою поспѣшностью, начиная съ 12-го сентября 1881 г., отдался писанію своихъ Записокъ.

Подъ его перомъ воскресли лучшіе годы его жизни: на 182 листахъ (728 страницъ, in folio) явились: Московскій университетъ, профессорскій институтъ въ Дерптѣ, пребываніе въ Берлинскомъ и другихъ заграничныхъ университетахъ, профессорство въ Дерптѣ, перемѣщеніе въ С.-Петербургъ, реформы въ Медико-хирургической академіи, сватовство, вообще жизнь, ученые труды и общественная дѣятельность болѣе, нежели за тринадцать лѣтъ...

Эта часть писана чернилами, но затѣмъ ослабѣвшая рука выронила перо и взялась за карандашъ... Свѣтъ тускнѣлъ и потухалъ въ очахъ маститаго старца; послѣдніе 24 листа писаны карандашомъ, притомъ такъ, что

начало строкъ вверху, а конецъ ихъ очень низко... И между тѣмъ разсказъ идетъ живо, увлекательно; авторъ весь какъ бы переживаетъ всѣ радости и горе какъ своей молодости, такъ и зрѣлаго періода жизни, полной силъ духовныхъ и развитія его генія...

Читая эту часть Записокъ, забываешь, что ова выливается изъ-подъ пера и потомъ карандаша человѣка, мучимаго страшнымъ недугомъ, обреченнаго близкой смерти, ясно сознающаго это и съ стойкостью величайшаго философа ее ожидающаго.

А что Н. И. Пироговъ зналъ, что часы его жизни уже сочтены, свидѣтельство о томъ мы находимъ въ его собственныхъ посмертныхъ Запискахъ.

Вотъ какія строки, видимо неволью, у него срываются:

— „1-го октября 1881 г. Отъ перваго листа до семьдесятъ девятаго листа (III-й части Записокъ), т. е. Записки о жизни въ Москвѣ и въ Дерптѣ, писаны мною—отъ 12-го сентября по 1-е октября (1881 г.),—во дни страданій. *Dies illae, dies iuae.*“

„Влагодарю Господа Бога, что страданія не лишили меня способности живо вспоминать старое, думать и писать. Да будетъ воля святая Твоя!“

— „Дотяну-ли до дня рожденія, — до ноября 13-го? Надо сгнѣшить съ мнѣмъ дневникомъ...“ (л. 79, въ III ч. рукоп.).

Затѣмъ въ двадцать одинъ послѣдующихъ дней написавши еще восемьдесятъ восемь листовъ, Н. И. Пироговъ вновь прерываетъ разсказъ, видимо пзнемогая подъ гнетомъ невыносимыхъ страданій. Онъ восклицаетъ:

„22-го октября (1891 г.). Ой, скорѣе, скорѣе! Худо. Худо. Такъ пожалуй не успѣю и половину петербургской жизни описать...“ (Рукопись, ч. III, листъ 169, стр. 3).

Но и послѣ этого разсказъ еще продолжается на четырнадцать писанныхъ листахъ, но уже видимо строкъ выливаются изъ-подъ руки умирающаго. Словами признанія безсмертія души, словами любви—прерывается рукопись.

Предсмертная исповѣдь Н. И. Пирогова едва-ли ни самая замѣчательная въ ряду тѣхъ, какія когда-либо высказывались въ Россіи, при томъ лицемъ, отходящимъ изъ жизни славнаго труда, содѣлавшаго имя его безсмертнымъ не только въ лѣтописяхъ русской науки, но и всего человѣчества

Съ чувствомъ безпредѣльнаго, благоговѣйнаго уваженія къ памяти великаго русскаго ученаго, мыслителя и хирурга, помѣщаемъ мы на страницахъ нашего изданія „Русская Старина“,—согласно его собственной волѣ и желанію,—посмертныя его Записки...

Мих. Семевскій.

I.

Отчего такъ мало автобіографій? Отчего въ нимъ недо-
вѣріе?—Вѣрно всё согласится со мною, что нѣтъ предмета болѣе
достойнаго вниманія, какъ знакомство съ внутреннимъ бытомъ
каждаго мыслящаго человѣка, даже и ничѣмъ не отличившагося
на общественномъ поприщѣ.

Какой глубокой интересъ заключается для каждаго изъ насъ
въ сравненіи собственнаго міровоззрѣнія съ взглядами, руково-
дившими другого, намъ подобнаго, на пути жизни. Этого, конечно,
никто и не отвергаетъ; но издавна принято узнавать о другихъ
черезъ другихъ. Вѣрится болѣе тому, что говорятъ о какой-либо
личности другіе или ея собственныя дѣйствія. И это юридически
вѣрно. Для обнаруженія юридической, т. е. внѣшней, правды—и
нѣтъ иного средства. И современный врачъ при діагнозѣ руко-
водствуется не разказами больного, а объективными признаками,
тѣмъ, что самъ видитъ, слышитъ и осязаетъ.

Да, кромѣ недовѣрія въ автобіографіямъ, есть, я думаю, и
другія причины почему онѣ мало въ ходу. Мало охотниковъ пи-
сать свои автобіографіи. Однимъ цѣлую жизнь некогда, другимъ
вовсе не интересно, а иногда и заворно оглядѣться на свою
жизнь, не хочется вспомнить прошлаго; иные, и изъ самыхъ мы-
слящихъ, полагаютъ, что послѣ изданныхъ ими твореній, имъ пи-
сать о себѣ болѣе не нужно; есть и такіе, которымъ дѣйствительно
(писать) о себѣ нечего: все будетъ передано другими; наконецъ,
многихъ удерживаетъ страхъ и разнаго рода соображенія. Разу-
мѣется, въ наше скептическое время довѣріе въ открытой исповѣди
еще болѣе утратилось, чѣмъ во времена Ж. Ж. Руссо. Съ недовѣр-
чивою улыбкою читаются теперь его смѣлыя слова (которыми я

нѣкогда восхищался): „Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra, je viendrai ce livre à la main devant le Souverain-Juge et je dirai: voilà ce que je fais, ce que je fus, ce que je pensais“. Но автобіографіи въ наше время и нѣтъ надобности быть исповѣдью предъ Верховнымъ Судьею; а Ему, Всевѣдущему, нѣтъ надобности въ нашей исповѣди. Современная автобіографія не должна быть однако же чѣмъ-то въ родѣ юридическаго акта, писаннаго въ защиту или обвиненіе самого себя предъ судомъ общественнымъ. Не одна внѣшняя правда, а раскрытіе правды внутренней предъ самимъ собою и вовсе не съ цѣлью оправдать или осудить себя должно быть назначеніемъ автобіографіи мыслящаго человѣка. Онъ не посторонняго читателя, а прежде всего — собственное сознаніе — долженъ ознакомить съ самимъ собою, — это значить, автобіографъ долженъ уяснить себѣ разборкомъ своихъ дѣйствій ихъ мотивы и цѣли, иногда глубоко скрываемыя въ тайникѣ души и долго непонятныя не только для другихъ, но и для самого себя.

Но вотъ вопросъ: можетъ ли автобіографъ говорить правду о своихъ, для него прошлыхъ, мотивахъ? Можетъ ли онъ справедливо оцѣнить, что руководило нѣкогда его дѣйствіями? Можетъ ли онъ навѣрное сказать, что его міровоззрѣніе было именно такое, какъ онъ пишетъ, а не другое въ данную минуту его бытія?

Я полагаю, что эти вопросы рѣшаются различно смотря по характеру, способностямъ и вообще смотря по индивидуальности писателя. Для увѣреннаго въ себѣ безъ тщеславія существуетъ и непоколебимая увѣренность, что именно такое, какъ онъ пишетъ, а не иное было его воззрѣніе, когда онъ совершалъ то или другое дѣло. Если же я самъ увѣренъ, что онъ говоритъ правду безъ притворства, то больше отъ человѣка нельзя и требовать. Неужели же тотъ, кто хочетъ знать мотивы моихъ дѣйствій и мое міровоззрѣніе того времени, когда я дѣйствовалъ, повѣрить болѣе другимъ или самому себѣ, нежели мнѣ? Онъ, или кто другой, можетъ судить о внутреннемъ механизмѣ моихъ дѣлъ только по этимъ же самымъ дѣламъ или по свидѣтельствамъ постороннихъ мнѣ лицъ; а сужденія по нашимъ дѣламъ и постороннимъ свидѣтельствамъ о скрытомъ внутреннемъ механизмѣ дѣлъ требуютъ известной соотвѣтственности и не признаютъ противорѣчій, хотя

всякій изъ насъ знаетъ по опыту, что наши дѣйствія зачастую противорѣчатъ нашимъ собственнымъ міровоззрѣніямъ, вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Весьма часто также случается, что наши грандіозныя дѣла вызываются на свѣтъ весьма слабыми мотивами и наоборотъ, поэтому и ответственность не можетъ еще быть порукою за внутреннюю правду.

Критическій анализъ собственныхъ дѣйствій и ихъ мотивовъ, столь трудный для насъ самихъ, неужели доступнѣе для другихъ, вовсе незнакомыхъ съ нашимъ внутреннимъ бытомъ?

Правда, иногда посторонній намъ сердцевѣдъ вѣрнѣе насъ самихъ можетъ угадать, почему мы въ данномъ случаѣ поступили такъ или иначе; правда, что мы не судьи самимъ себѣ; но открыть невѣдомый для насъ самихъ мотивъ нашего дѣйствія можно только въ двухъ случаяхъ, во-первыхъ, когда мы сами скрытничаемъ или притворяемся предъ нашимъ собственнымъ я; во-вторыхъ, когда мы сдѣлали что либо въ минуту забвенія или увлеченія, не справившись, что дѣлалось въ эту минуту внутри насъ, не заглянувъ въ себя. Если же принципъ: никто не можетъ быть собственнымъ судьей и вѣренъ, то онъ относится только до правды внѣшней, — юридической; судебный слѣдователь и прокуроръ, конечно, могутъ изобличить притворщика и лгуна легче, чѣмъ это сдѣлалъ бы онъ самъ. Но для внутренней правды нѣтъ другихъ болѣе вѣрныхъ и компетентныхъ судей, чѣмъ мы сами, когда мы не притворщики и не лгуны. Все, слѣдовательно, сводится на то, кто такой тотъ, кто обнаруживаетъ свой внутренній бытъ; сужденіе объ этомъ, по малой мѣрѣ, также трудно, какъ и сужденіе о постороннихъ лицахъ, взявшихъ на себя обязанность обнаружить внутреннюю сторону каковаго либо дѣятеля. Даже и тогда, если онъ завѣдомо былъ иногда лгуномъ и притворщикомъ, еще не доказано, что онъ былъ всегда такимъ. Есть случаи въ нашей богатой противорѣчіями жизни, что именно лгунъ и притворщикъ, въ извѣстные моменты бытія, дѣлается болѣе способнымъ сказать о себѣ слово правды, чѣмъ другіе, знавшіе его только извѣтъ. Въ этомъ не болѣе противорѣчія, какъ и въ томъ, что подлецъ иногда способенъ бываетъ на честнѣйшее дѣло, а честнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ иногда крупную подлость.

Для кого и для чего пишу я все это?

По совѣсти въ эту минуту только для самого себя, изъ какой-

то внутренней потребности, хотя и безъ намѣренія скрывать то, что пишу, отъ другихъ. Пришедъ на мысль писать о себѣ для себя и рѣшившись не издавать въ свѣтъ о себѣ ничего при моей жизни, я не прочь, чтобы мои записки обо мнѣ читались, когда меня не будетъ на свѣтъ, и другими. Это,—говору положи руку на сердце,—вовсе не потому, чтобы я боялся при жизни быть критикованнымъ, осмѣяннымъ или вовсе не читаннымъ. Хотя и не мало самолюбивъ и безразлично отношусь къ похвалѣ, но самое самолюбіе все таки болѣе внутреннее, чѣмъ вѣншее. Притомъ я эгонистическій самоѣдъ и потому опасуюсь самого себя, чтобы описаніе моего внутренняго быта во всеуслышаніе не было принято мною самимъ за тщеславіе, желаніе рисоваться и оригинальничать, а все это, въ свою очередь, не повредило бы внутренней правдѣ, которую я желалъ бы сохранить въ наипыстѣйшемъ видѣ въ моихъ запискахъ. Я, какъ самоѣдъ, знаю однако же, что нельзя быть совершенно откровеннымъ съ самимъ собою, даже когда живешь въ себѣ, такъ сказать, на распаху. Иногда, ни съ того ни съ сего, приходятъ мысли до того низкія и подлыя, что при первомъ своемъ появленіи изъ тайника души невольно бросаютъ въ краску,—иногда даже чувствуешь, какъ будто эти мысли не твои, а другого самаго низкаго существа, живущаго въ тебѣ. Апостоль Павелъ уже давно замѣтилъ, что не хочешь дѣлать зло, а дѣлаешь его нехотя. Великая правда! И еще чаще замѣчаемъ это на мысли: не хочешь мыслить мерзко, а мыслишь,—и бѣда, если вначалѣ не убережешься, не подмѣтишь самого себя и въ пору не остановишься.

Итакъ, я, какъ и другіе, не могу, при всемъ желаніи, выворотить свой внутренній бытъ наружу предъ собою, сдѣлать это начисто ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ. Въ прошедшемъ я, конечно, не могу предъ собою поручиться, что мое мировоззрѣніе въ такое-то время было именно то самое, какимъ оно мнѣ кажется теперь. Въ настоящемъ—не могу ручаться, чтобы мнѣ удалось схватить главную черту, главную суть моего настоящаго мировоззрѣнія. Это дѣло не легкое. Надо прослѣдить красную нить чрезъ путаницу переплетенныхъ между собою сомнѣній и противорѣчій, возникающихъ всякій разъ, какъ только захочешь сдѣлать для себя руководную нить болѣе ясною.

И вотъ я, для самого себя и съ самимъ собою, хочу разсмотрѣть мою жизнь, подвести итоги моимъ стремленіямъ и мировоззрѣніямъ (во множественномъ, — ихъ было нѣсколько) и разобрать мотивы моихъ дѣйствій. Стой, однако же! на первыхъ же порахъ. Не притворяю ли съ самимъ собою? Точно ли хочу писать только для себя? Если я и рѣшилъ, чтобы писанное о себѣ осталось при моей жизни не обнародованнымъ, то развѣ я не желалъ бы, чтобы оно прочиталось когда нибудь и другими, хоть бы, напримѣръ, моими дѣтьми и знакомыми? Жена же вѣрно уже прочтетъ. Если же я этого не хочу, то значить все-таки дамъ себѣ поводъ, хотя предъ самыми близкими людьми, да все таки порисоваться и что нибудь скрыть или поддурманить. Самоѣду это сейчасъ же приходитъ на мысль. И это хорошо, что приходитъ на мысль. Какъ только это имѣется въ виду, то есть надежда и на достаточное противодѣйствіе. Вѣдь самоѣдство не допустить меня, чтобы я не слѣдилъ за собою во время моей работы съ самимъ собою; слѣдя же, подмѣчу; а подмѣтивъ, остановлюсь и не дамъ простору притворству и скрытности. Впрочемъ, я заранѣе знаю, что цинически откровеннымъ я и предъ самимъ собою не хочу быть. Чистоплотность нужна не на показъ только. Циническіе поступки въ жизни лучше оставить не трогая и не подвергая анализу, — это лучше для самого себя; иначе попадешь въ ретирады души и оттуда напустишь вони и въ то, что искренно хотѣлось бы оставить чистымъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. У насъ у всѣхъ на днѣ души довольно грязи; если, опустившись на это дно, ее взбаламутишь, то потомъ самъ не отличишь чистое отъ грязнаго. Но, разумѣется, если цинизмъ и душевная нечисть были мотивами какого либо дѣйствія, повліявшаго на всю жизнь, то поневолѣ не минуешь заглянуть и въ ретирады.

Но способенъ ли я писать о себѣ — для себя?

Опять вопросъ — что нужно для этого?

Главное — откровенность съ самимъ собою.

Навѣрное я могу сказать про себя только то, что я не скрытенъ съ собою; вѣдь есть люди, скрытничающіе болѣе съ собою, чѣмъ съ другими; я не принадлежу къ нимъ, хотя и со мною случалось, что я отрывался себѣ только послѣ того, какъ былъ откровененъ съ другими; случалось, что сообщая откровенно другимъ что либо вслухъ, начинаешь какъ будто

лучше понимать, что дѣлается внутри тебя самого. Иногда только тогда узнаешь хорошенько, что дѣлается у тебя, когда разговоришься о себѣ съ другимъ. Иногда стыдишься себѣ признаться въ томъ, что на душѣ, пока случайно какъ будто (хотя и вовсе не случайно), расскажешь другому вдругъ съ какою-то ценнческою откровенностью,—вслухъ, что скрывалъ отъ себя.

Записки, которыя веду теперь о себѣ, замѣняютъ въ такомъ случаѣ неоткровенности съ самимъ собою, сообщеніе или разговоръ съ другимъ; бумага замѣняетъ другое лицо; въ запискѣ, хотя и собственной, относишься объективнѣе, чѣмъ къ мысленной бесѣдѣ съ собою. Пиша, дѣлаешься смѣлѣе съ собою и притомъ не даешь мысли распускаться въ разныя стороны и бродить; мысль при записываніи превращается въ нитку и ловче тянется изъ мозга, чѣмъ при размышленіи, безъ письма.

Итакъ я надѣюсь, ведя мои записки, быть не менѣе, а гораздо болѣе откровеннымъ съ собою, чѣмъ въ задушевныхъ изліяніяхъ съ другими, хотя бы и съ самыми близкими къ сердцу людьми.

Второе условіе, чтобы быть истиннымъ автобіографомъ для самого себя, это хорошая память. Для безпамятнаго, хотя бы остроумнаго и здравомыслящаго человѣка, его прошедшее почти не существуетъ. Такая личность можетъ быть весьма глубоко-мысленная и даже гениальная, но едва ли она можетъ быть неодносторонняя и уже во всякомъ случаѣ ясныя и живыя ощущенія прошлыхъ впечатлѣній безъ памяти невозможны. Но память, какъ я думаю, есть двухъ родовъ: одна общая, болѣе идеальная и міровая, другая частная и болѣе техническая, какъ память музыкальная, память цвѣтовъ, чиселъ и т. п. Первая (общая) хотя и отвергалась иными, но она-то именно и удерживаетъ различнаго рода впечатлѣнія, получаемыя въ теченіи всей жизни, и событія, пережитыя каждымъ изъ насъ. Глубокомысленный и гениальный человѣкъ можетъ имѣть очень развитую спеціальную память, не обладая почти вовсе общею памятью.

Моя память общая и въ прежніе года была острая. Теперь же въ старости, какъ и у другихъ, яснѣе представляется мнѣ многое прошлое, не только какъ событіе, но и какъ ощущеніе, совершавшееся во мнѣ самомъ, и я почти увѣренъ, что не ошибаюсь, описывая, что и какъ я чувствовалъ и мыслилъ въ разные періоды

моей жизни. Но память для прошлых ощущений и составившихся из них убъздоній, мыслей и взглядовъ можетъ быть и не есть та, которую я называю общею памятью. Она можетъ быть также, какъ и память звуковъ, цвѣтовъ и т. п., спеціальная, такъ сказать техническая, и не всякій одаренъ ею; память собственныхъ ощущенийъ требуетъ сверхъ того еще и культуры. Такая культура именно и рождаетъ въ насъ самоѣдство. Къ этому, т. е. къ развитію самоѣдства, необходимо еще и вниманіе, сосредоточенное на собственныхъ ощущеніяхъ и ихъ дальнѣйшее развитіе. Вообще, запоминается хорошо только то, на что обращено вниманіе. Внимательность—необходимый атрибутъ памяти. Но и вниманіе, и память не всегда сознательны; первое, впрочемъ, рѣдко не сознательно, тогда какъ память, именно спеціальная (техническая), не рѣдко, и даже зачастую, дѣйствуетъ для насъ безсознательно. Мы многое запоминаемъ и многому внимаемъ невольно и незамѣтно для насъ самихъ. Не рѣдко, вспомнивъ что-нибудь, удивляешься, когда успѣлъ это припомнить.

II.

Какъ остаются въ мозгу, почти цѣлую жизнь, нѣкоторыя ощущенія и воспоминанія не только о прошлыхъ событіяхъ, но еще и воспоминанія объ ощущеніяхъ, испытанныхъ нами при давно прошедшихъ событіяхъ,—трудно себѣ представить. Мозгъ, какъ и всѣ органы, подверженъ постоянной смѣнѣ вещества, атомы его тканей постоянно замѣняются новыми и нужно предположить, что атомы его, замѣняясь при смѣнѣ вещества другими новыми, передаютъ имъ тѣ самыя колебанія, которымъ они подвергались при ощущеніи различныхъ впечатлѣній. И вотъ мягкая мозговая мякоть ребенка, оплотнѣваясь и измѣняясь въ ея физическихъ свойствахъ, продолжаетъ задерживать отпечатки самыхъ раннихъ ощущенийъ и впечатлѣній и передаетъ эти ощущенія нашему сознанию въ старости еще живѣе и яснѣе, чѣмъ прежде въ зрѣломъ возрастѣ. Не говоритъ ли это въ пользу моего взгляда (нѣсколько мистическаго), что атомистическія колебанія (которыя необходимо предположить при ощущеніяхъ) совершаются не въ однихъ видимыхъ и подверженныхъ измѣненіямъ влѣточкахъ мозго-

вой ткани, а въ чемъ то еще другомъ, болѣе тонкомъ, эфирномъ элементѣ, проникающемъ чрезъ всѣ атомы и не подверженномъ органическимъ измѣненіямъ.

Замѣчательны также и бессознательныя ощущенія, остающіяся и не остающіяся въ памяти. Нашъ внутренній бытъ составляетъ весь изъ постоянныхъ, сознательно и бессознательно для насъ безпрестанно колеблющихся и волнующихъ насъ ощущеній, приносимыхъ къ намъ извнѣ и изнутри насъ. Съ самаго начала нашего бытія до конца жизни всѣ органы и ткани приносятъ къ намъ и удерживаютъ въ насъ цѣлую массу ощущеній, получающихъ впечатлѣнія то извнѣ, то изъ собственнаго своего существа. Мы не ощущаемъ нашихъ органовъ; мы, смотря на предметъ, не думаемъ о глазѣ; никто въ нормальномъ состояніи ничего не знаетъ о своей печени и даже о безпрестанно движущемся сердцѣ, но ни одинъ органъ не можетъ не приносить отъ себя ощущеній въ общій организмъ, составленный изъ этихъ органовъ. Ни одинъ органъ, какъ часть цѣлаго, не можетъ не напоминать безпрестанно о своемъ присутствіи этому цѣлому. И вотъ, эта вереница ощущеній, извнѣ и изнутри, безъ сомнѣнія извѣстнымъ образомъ регулированныхъ, и потому скажу лучше — сводъ (*ensemble*) ощущеній и есть наше *я*, въ теченіи всего нашего земного бытія. Что такое наше *я* безъ этихъ ощущеній—этого мы не можемъ себѣ представить; но и не можемъ не допустить возможности существованія ощущающаго начала безъ ощущеній. Одно *я* основано на опытѣ, другое на логикѣ, есть и третье, основанное на вѣрованіи. Декартово *cogito ergo sum* можетъ быть безъ ошибки замѣнено *sentio ergo sum*; ибо слово ощущаю наше *я* можно сказать и не мысля. „Я есмь“ не есть продуктъ мышленія, а ощущенія, т. е. чувства,—не мысли,—что существую. Правда, младенецъ, дѣлающій первый вздохъ, вышедъ на свѣтъ, не говоритъ еще *я* существую, хотя, безъ сомнѣнія, ощущаетъ, вбирая въ себя впервые воздухъ, нѣчто для него новое; но болѣе сознательное чувство существованія, приходящее къ ребенку постепенно, безъ сомнѣнія, не есть продуктъ мышленія, а болѣе регулируемое и окрѣпшее ощущеніе, приносимое извнѣ и изнутри его органами.

Декартово *я* мышленія есть нѣчто другое; но гораздо прежде, чѣмъ произнесется нами это осмысленное и продуманное *я* есмь,

мы уже успѣваемъ добратся посредствомъ однѣхъ ощущеній и представленій (но не мышленія) до нашего самоощущенія и выразить его. Дѣло въ томъ, что сознание нашего я приходитъ къ намъ бессознательно, мы до этого сознания вовсе не додумываемся. Сознание бытія собственной личности не есть достояніе одной человѣческой природы; оно обще намъ со всѣми животными; какъ бы животное могло защищать себя, отыскивать пищу, вести борьбу за существованіе, если бы въ немъ не было сознанія своей личности. Но полное уясненіе себѣ своего я словомъ *sum*, есмь, конечно можетъ проявиться только въ такомъ существѣ, какъ человѣкъ, т. е. одаренномъ словомъ и способностью производить въ умѣ членораздѣльные звуки и комбинировать ихъ въ умѣ же въ слова. Эти двѣ способности и мысль одно и тоже, безъ слова нѣтъ мысли, безъ мысли нѣтъ слова. Ощущеніе и представленіе превращаются въ мозгу въ мысль только посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ слова. Нѣтъ надобности, чтобы способность комбинировать изъ ощущеній слова была непременно соединена съ способностью говорить, т. е. произносить слова. Глухо-нѣмой мыслить по своему и можетъ понимать другихъ, не имѣя способности произносить слова; онъ замѣняетъ ихъ въ головѣ непременно подобными же членораздѣльнымъ звукамъ знаками; а ощущеніе, необходимое для возбужденія этой способности къ дѣйствию, доставляется ему, конечно, не органомъ слуха, а зрѣнія и другими. Но кромѣ органовъ чувствъ и у насъ, и у животныхъ сознаніе не только личнаго бытія, но и ощущеніе всего пріятнаго и непріятнаго, аффекты и страсти возбуждаются всѣми другими органами. Ансамбль (*ensemble*) ощущеній, доставляемыхъ всѣми нашими органами (сообщающимися и не сообщающимися съ внѣшнимъ міромъ, съ нашимъ не я) и есть наше бытіе, сущность котораго, какъ и всего другого на свѣтѣ, намъ не извѣстна.

Въ книгахъ старинныхъ анатомовъ находимъ это высказан-
нымъ чрезвычайно пластически:

*Cor ardet, loquitur pulmo, fel promovet ira
Splen rudere facit, cogit amare jecur.*

Въ наше время, когда наблюденія доказываютъ, что дѣйствія органовъ чувствъ и особливо глаза нельзя иначе объяснить, какъ принявъ бессознательное (инстинктивное) мышленіе, нельзя болѣе

сомнѣваться и въ томъ, что мы доходимъ до вполне сознательнаго грамматическаго я есмь не иначе, какъ путемъ еще задолго ему предшествующаго бессознательнаго мышленія. Но и это вполне сознательное мышленіе имѣетъ свою бессознательную логику, требующую непременно, роковымъ образомъ, чтобы мы мыслили такъ, а не иначе и притомъ, къ нашему счастью, съ полнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что мысль наша свободна. Она дѣйствительно свободна только у лишенныхъ ума, да и у нихъ эта свобода,— другими словами, ерунда мышленія,— вѣроятно въ зависимости отъ разныхъ ненормальныхъ ощущеній собственнаго бытія, привносимыхъ болѣзною органовъ.

Но стараться убѣдить себя и другихъ, что наши мысль и воля дѣйствительно не свободны, есть также своего рода безуміе.

Противъ дѣйствительности ощущеній ничего не подѣлаешь; если мы всё галлюцинируемъ, то галлюцинаціи для насъ уже не существуетъ; кто будетъ тогда разувѣрять насъ, что мы обманываемся? Да еще есть возможность разубѣдиться, когда у всѣхъ насъ галлюцинируетъ только одинъ органъ чувствъ, другіе нормальные органы могутъ поправить ошибку. Но что подѣлаешь, когда у всѣхъ и всѣ ощущенія приводятъ къ убѣденію, что ихъ мысли и воля свободны, когда на этомъ уже успѣли образоваться всѣ основы жизни. Упорствовать въ убѣденіи себя и всѣхъ въ противномъ поведетъ въ этомъ случаѣ убѣждающаго мудреца въ тому, что собственныя его мысль и воля сдѣлаются дѣйствительно до того свободными, что онъ будетъ готовъ къ поступленію въ домъ умалишенныхъ. Только съ ненормальными ощущеніями мы еще можемъ кое какъ, да и то съ трудомъ, бороться; съ нормальными же, какъ бы они намъ ни казались бессмысленными, борьба—пагубна.

Между молодежью въ послѣднее время встрѣчались и такіе личности, которыя никакъ не хотѣли и настолько закабалить мысль, чтобы остановиться на дважды два четыре. „Мысль моя свободна, утверждали они, я хочу—приму, хочу—нѣтъ кажу ни на есть математическую аксіому“. Этими лицамъ и въ голову никогда не приходило, что распущенность мысли и воли есть страшный недугъ, отъ развитія котораго въ себѣ долженъ беречься каждый изъ насъ, кто не хочетъ повончить собою самоубійствомъ

или домоу умалишенныхъ. Каждый настолько долженъ быть свободенъ, чтобы избрать для себя то или другое мировоззрѣніе, но, избравъ, долженъ на немъ остановиться по крайней мѣрѣ до той поры, пока замѣнить его другимъ новымъ.

Установленіе извѣстнаго *modus vivendi* необходимо не только для согласія семействъ, обществъ и народовъ, но и для согласія съ самимъ собою, а этого можно достигнуть только извѣстнымъ и болѣе или менѣе опредѣленнымъ мировоззрѣніемъ.

Не думаю, что кому нибудь изъ мыслящихъ людей удалось въ теченіи цѣлой жизни руководствоваться однимъ и тѣмъ же мировоззрѣніемъ; но полагаю, что вся умственная наша жизнь въ концѣ концовъ сводится на выработку, хотя бы для домашняго обихода, какого либо воззрѣнія на міръ, жизнь и себя самого. Эта постоянная работа, правда, мѣшаетъ установленію *status quo*, но все таки, не прерываясь, тянется красною нитью чрезъ цѣлую жизнь и не перестаетъ руководить, какъ и управлять болѣе или менѣе нашими дѣйствіями. Колебанія и сомнѣнія при этой работѣ, конечно, неизбѣжны, но они далеко не тѣ, которыя обременяютъ человѣка, считающаго для себя остановку на чемъ нибудь опредѣленномъ нарушеніемъ свободы мысли и воли.

Разсматривая мою жизнь, я опишу нѣсколько мировоззрѣній, которымъ я слѣдовалъ, останавливаясь на нихъ болѣе или менѣе продолжительное время; полагаю, что мнѣ удастся также выяснитъ для себя и то, почему я принималъ ихъ и слѣдовалъ имъ; теперь же постараюсь уяснить себѣ то мировоззрѣніе, на которомъ я, какъ кажется, уже окончательно остановился; приведу покуда только часть моего настоящаго мировоззрѣнія, относящагося до моего взгляда на основы нашего бытія.

Остановиться мыслию на вѣчно движущихся и вѣчно существовавшихъ атомахъ я не могу теперь, хотя и могъ прежде. Мой умъ впадаетъ въ безысходное положеніе въ обоихъ случаяхъ, т. е. когда онъ хочетъ себѣ представить эти атомы безконечно дѣлимыми и безформенными, или же ограниченными и имѣющими извѣстный видъ. Безконечно дѣлимое, движущееся и безформенное само по себѣ, какъ-то случайно дѣлается ограниченнымъ, оформленнымъ и спокойнымъ: это такъ несомнѣнимо въ моемъ умѣ, что я не могу на немъ остановиться. Мнѣ невозможно также остановиться на

атомахъ, размельченныхъ въ какіе-то крупинки, шарики, математическія точки и т. п. Если вся вселенная переполнена этими непроницаемыми, — т. е. сохраняющими главное свойство вещества, атомами, — и между тѣмъ они должны находиться въ безпрестанномъ движеніи, то гдѣ же, въ чемъ и какъ совершается ихъ движеніе? Мой слабый умъ, производя свой анализъ вещества, дѣля и разлагая его атомы, никакъ не можетъ на нихъ остановиться и незамѣтно, невольно переходитъ отъ нихъ, въ концѣ концовъ, въ чему-то другому, имѣющему всѣ отрицательныя свойства матеріи; мой умственный анализъ роковымъ образомъ приходитъ къ необходимости принять внѣ атомовъ нѣчто проникаемое и все и всюду проникающее, недѣлимое, безформенное, вѣчно движущееся и именно этими своими свойствами сообщающее, движущее, скопляющее, разсѣвающее атомы, образующее тѣмъ формы вещества и, само проникая въ нихъ и чрезъ нихъ, принимающее (такъ сказать укладываясь въ нихъ) на себя, хотя бы и временно, тотъ или другой видъ, смотря по тому въ какую и чрезъ какую форму матеріи оно проникаетъ.

Перенося мой анализъ на органическія вещества и на самого себя, я невольно спрашиваю себя, откуда могла взяться способность органическаго міра ощущать и сознавать свое бытіе. Основные его атомы, какъ бы я ихъ себѣ ни представлялъ, останутся для меня все таки безконечно дѣлимыми, непроницаемыми и т. п., то есть имѣющими такія свойства, которыя не объясняютъ мнѣ ихъ способности ощущать и сознавать себя; необходимо будетъ допустить, что отъ вѣка вѣковъ существуютъ и атомы, одаренные этими свойствами и своимъ скопленіемъ въ одно цѣлое образующіе чувствующіе и сознающіе свое существованіе организмы. Мой умъ не допускаетъ, чтобы одна группировка атомовъ въ извѣстныя формы (какъ напримѣръ мозговыя клѣточки) могла ихъ сдѣлать eo ipso способными ощущать, хотѣть и сознавать, если бы въ нихъ не была вложена способность къ ощущенію и сознанию.

Вотъ это начало, —этотъ-то элементъ чувства, воли, сознания, самый основной бытія, —начало, безъ котораго міръ не существовалъ бы для насъ, мой умственный анализъ и отыскиваетъ за предѣлами атомовъ, въ томъ, что онъ по необходимости признаетъ существующимъ внѣ ихъ и имѣющимъ отрицательныя, т. е. противоположныя атомистическимъ, свойства, безъ кото-

рыхъ и положительныхъ свойства матеріи для насъ были бы несуществующими.

Это отвлеченное, какъ и самые атомы, произведеніе умственного анализа, основанное на природной способности ума переносить свои функціи внѣ себя, должно содержать въ себѣ и самое главное отрицательное свойство вещественныхъ атомовъ,—самостоятельное жизненное начало съ его главнымъ атрибутомъ: способностью къ ощущенію и самосознанію, не такимъ, конечно, которымъ одарены мы.

Я представляю себѣ,—нѣтъ, это не представленіе, а греза,— и вотъ мнѣ грезится безпредѣльный, непрерывно зыблущійся и текущій океанъ жизни, безформенный, вмѣщающій въ себѣ всю вселенную, проникающій всѣ ея атомы, непрерывно группирующій ихъ, снова разлагающій ихъ сочетанія и агрегаты и приспособляющій ихъ къ различнымъ цѣлямъ бытія.

Къ какому бы разряду моихъ ограниченныхъ представленій я ни отнесъ этотъ источникъ ощущенія и ощущающаго себя бытія, къ разряду ли силъ или безконечно утонченнаго вещества—онъ для меня все таки представляетъ нѣчто независимое и отличное отъ той матеріи, которая извѣстна намъ по своимъ чувственнымъ (подлежащимъ чувственному изслѣдованію) свойствамъ. У меня нѣтъ другихъ средствъ къ изслѣдованію этого источника ощущенія и моего сознательнаго бытія, какъ полученная мною изъ этого же источника способность ощущенія. А разслѣдовать и познать что либо вполне мы можемъ только тогда, когда станемъ выше познаваемаго. Но свойство нашего ума искать цѣли и цѣлесообразности не можетъ не видѣть цѣлесообразности въ проявленіяхъ жизни. Нѣтъ ничего цѣлесообразнаго придуманнаго нашимъ умомъ, что не обрѣталось бы готовымъ, такъ сказать, въ окружающемъ насъ мірѣ. Напрасно говорятъ, что организмъ нашъ есть машина;—наоборотъ, каждая придуманная нами машина есть ничто другое, какъ сволокъ съ существующихъ уже въ природѣ и въ нашемъ организмѣ приборовъ и снарядовъ.

Все органическое въ природѣ тѣмъ и поразительно для насъ, что въ немъ начало или сила жизни приспособила всѣ механическіе и химическіе процессы къ извѣстнымъ цѣлямъ бытія. Если же умъ нашъ не можетъ не найти цѣлесообразности въ проявленіяхъ жизни и творчества различныхъ типовъ по опредѣлен-

нымъ формамъ, то этотъ же умъ не можетъ въ этомъ не видѣть самого себя, то есть видѣть разумное; и вотъ нашъ умъ по необходимости долженъ принять безпредѣльный и вѣчный разумъ, управляющій океаномъ жизни.

III.

Я началъ писать мои записки 5-го ноября 1879 года и сегодня, 21-го ноября, опять принимаюсь послѣ промежутка въ нѣсколько дней.

Пишу для себя и не прочитаю, до поры до времени, писаннаго. Поэтому найдется не мало повтореній, недомолвокъ; найдутся и противорѣчія и непослѣдовательности. Если я начну исправлять все это, то это было бы знакомъ, что я пишу для другихъ.

Я признаюсь самъ себѣ, что вовсе не желаю сохранять навсегда мои записки подъ спудомъ; тѣ однако же лица, которымъ когда нибудь будетъ интересно познакомиться съ моимъ внутреннимъ бытомъ, не побрезгаютъ и моими повтореніями; они вѣрно захотятъ узнать меня такимъ, каковъ я есть съ моими противорѣчїями и непослѣдовательностями.

И вотъ, я сегодня повторяю себѣ мое теперешнее міровоззрѣніе. Повторяя, можетъ быть, удастся уяснить его себѣ какъ можно болѣе.

Спрашиваю себя—что собственно заставляетъ меня не остановиться съ моимъ міровоззрѣніемъ на атомахъ вещества, какъ на чемъ-то законченномъ, вѣчномъ, безпредѣльномъ, самостоятельномъ, слѣдовательно абсолютномъ и не допускающемъ существованія ничего другого?

Атомы вещества, — это такое же отвлеченное начало, какъ и предполагаемое мною жизненное міровое начало. Для чего допускать два отвлеченія, когда можно остановиться на одномъ? Почему не принять, что атомы вещества всегда существовали и всегда, вмѣстѣ съ другими свойствами матерій, были способны ощущать и сознавать себя? Гдѣ и кѣмъ найдено въ мірѣ ощущенія и сознаніе безъ присутствія вещества? Кто изъ насъ сознавалъ себя и мыслилъ безъ мозга? Почему матерія при другихъ свойствахъ не могла бы ощущать, сознавать себя

и мыслить? Не потому ли только мы не можемъ допустить это, что мы, по нашему невѣдѣнію, неопытности и близорукости сужденія, слишкомъ, и притомъ произвольно, ограничили наши понятія о свойствахъ вещества,—и, сдѣлавъ это, принудили себя допустить существованіе какаго-то, нами же выдуманнаго, духовнаго (психическаго) начала?

Да, такъ спрашивалъ я себя нѣкогда и отвѣчалъ положительно на всѣ эти вопросы.

Неоспоримый фактъ: нѣтъ сознанія и мысли безъ мозга; и умозаключенія по извѣстному и общепринятому шаблону: *cum hoc ergo propter hoc*—казались мнѣ до того естественными и непреложными, что не допускали во мнѣ и тѣни сомнѣнія.

Но тотъ же самый умъ, признававшій прежде безъ всякаго сомнѣнія мыслящіе и сознающіе себя мозговые атомы, впоследствии началъ усматривать себя самого не только въ себѣ, но и во всей міровой жизни. Тогда умъ мой не могъ не усмотрѣть, что главныя его проявленія: мышленіе и творчество, согласныя съ законами цѣлесообразности и причинности, ясно обнаруживаются и во всей міровой жизни безъ участія мозговой мякоти. Не странно ли, что мысль, выходящая изъ мозга, находятъ себя тамъ, гдѣ ни одинъ индивидуальный мозгъ (не открытъ нашими чувствами).

Вотъ это-то открытіе собственнымъ своимъ мозговымъ мышленіемъ мышленія міроваго, общаго и согласнаго съ его законами причинности и цѣлесообразности, творчества вселенной и есть то, почему умъ мой не могъ остановиться на атомахъ ощущающихъ, сознающихъ себя, мыслящихъ и дѣйствующихъ только посредствомъ себя же безъ участія другаго высшаго начала сознанія и мысли. Способность творчества нашего ума, и свойственное ей стремленіе сообразоваться въ своихъ твореніяхъ съ предначертанными планами и цѣлями, не можетъ не различать въ каждомъ изъ своихъ дѣлъ мысль и цѣль отъ средствъ и матеріала, служащихъ для исполненія мысли и цѣли.

Цѣль и мысль, пойманныя, такъ сказать, въ сѣть матеріала,—на полотно въ краскахъ живописца, въ мраморъ зодчаго, на бумагу въ условные знаки и слова поэта,—живутъ потомъ цѣлмя вѣка своею жизнью, заставляя и полотно, и мраморъ, и бумагу сообщать изъ рода въ родъ содержимое въ нихъ творчество.

Мысль, проникая въ грубый матеріалъ, дѣлаетъ его своимъ органомъ, способнымъ рождать и развивать новыя мысли въ зрителяхъ и читателяхъ.

Если это неоспоримый фактъ, то для меня не менѣе неоспоримо и то, что высшая міровая мысль, избравшая своимъ органомъ вселенную, проникая и группируя атомы въ извѣстную форму, сдѣлала и мой мозгъ органомъ мышленія. Дѣйствительно, его ни съ чѣмъ нельзя лучше сравнить, какъ съ музыкальнымъ органомъ, струны и клавиши котораго приводятся въ постоянное колебаніе извѣтъ; а кто-то, ощущая ихъ, присматриваясь, прислушиваясь къ нимъ, самъ приводя и клавиши, и струны въ движеніе, составляетъ изъ этихъ колебаній гармоническое цѣлое. Этотъ кто-то, приводя мой органъ въ униссонъ съ міровою гармоніею, дѣлается моимъ я; тогда законы цѣлесообразности и причинности дѣйствій міровой идеи дѣлаются и законами моего я, и я обрѣтаю ихъ въ самомъ себѣ, перенося ихъ проявленія изъ внѣ въ себя и изъ себя въ природу.

Ощущеніе, сознаніе, мысль,—процессы немислимые безъ колебаній атомовъ, составляющихъ наше общее чувствилнце, не могутъ состоять изъ однихъ только колебаній и движеній, достигающихъ до чего нибудь, что въ немъ относилось бы также, какъ глазъ къ свѣтовымъ и ухо къ звуковымъ колебаніямъ, то есть воспринимало бы эти колебанія и превращало бы ихъ въ нѣчто другое и сообщало бы ихъ, дѣйствуя отъ себя, внѣшнему міру. Не самыя ли эти колебанія атомовъ органа и суть нашего я? Принять это значило бы для меня принять въ веществѣ такое невещественное и отвлеченное свойство, которое не имѣетъ никакихъ чувственныхъ отношеній къ матеріи, обладающей этимъ свойствомъ. Теплота, свѣтъ, электричество, какъ эффекты колебанія частицъ, всѣ имѣютъ прямыя и непосредственныя отношенія къ нашимъ чувствамъ и способность дѣйствовать своими колебаніями непосредственно на сцѣпленіе и сродство атомовъ; а самое чувство и мысль, отыскивающія въ природѣ и свѣтъ, и теплоту, и электричество, чисто субъективныя по своей натурѣ, дѣлаются объектомъ не прямо, а посредствомъ другихъ силъ, дѣйствуя на вещества.

Жизнь, сила, движеніе и мысль,—для меня понятія такъ неразрывно связанныя между собою, что я ни одного изъ нихъ не

могу себѣ представить безъ другого. Въ жизни есть движеніе, сила и мысль; въ мысли движеніе и сила, а въ силѣ движеніе и мысль. Этому ассоцірованному представленію о жизни не достаетъ почвы, которую мы привыкли имѣть подъ ногами; въ немъ нѣтъ ничего конкретнаго и объективнаго. Но представленіе объ общей міровой жизни и не можетъ у насъ быть конкретнымъ или чисто фактическимъ; это фикція, но необходимая, неотвратимая для насъ, потому что эта жизнь существуетъ и мы существуемъ, мыслимъ и дѣйствуемъ въ ея, непостижимомъ для насъ по своей громадности, круговоротѣ. Но вѣдь и наши объективныя разслѣдованія, намъ кажущіяся имѣющими самую твердую почву, въ сущности ничто другое, какъ разслѣдованіе нашей субъективной мысли, иначе они были бы бессмысленны и не заслужили бы названія разслѣдованій. Правда, въ нихъ (въ этихъ изслѣдованіяхъ) мысль наша находитъ себѣ постоянно матеріальную подкладку или канву, на которой она выдѣлываетъ для себя узоры изъ располагаемаго ею вещественнаго матеріала.

При изслѣдованіи отвлеченнаго понятія о міровой жизни мы не въ силахъ сладить съ громаднымъ веществомъ, которымъ она располагаетъ для своихъ проявленій, а изслѣдованіе частныхъ ея проявленій дѣлаетъ наше представленіе о міровой жизни отрывочнымъ, одностороннимъ и часто ложнымъ. Одно только неоспоримо для каждаго безпристрастнаго и неблизорукаго наблюдателя, — это цѣлесообразность, причинность, планъ и мысль во всякомъ проявленіи міровой жизни. Это значитъ ничто другое, какъ совпаденіе нашей мысли, нашихъ стремленій къ отысканію цѣлей и причинъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ міровой жизни.

И въ меня неволью вселяется убѣжденіе, что мозгъ мой и весь я самъ есть только органъ мысли міровой жизни, какъ картины, статуи, зданія суть органы и хранилища мысли художника.

Для вещественнаго проявленія міровой мысли и понадобился приборъ, составленный по опредѣленному плану изъ группированныхъ извѣстнымъ образомъ атомовъ, — это мой организмъ; а міровое сознаніе сдѣлалось моимъ индивидуальнымъ, посредствомъ особеннаго механизма, заключающагося въ нервныхъ центрахъ. Какъ это сдѣлалось, конечно ни я, ни кто другой не знаемъ. Но то для меня несомнѣнно, что сознаніе мое, моя мысль и присущее моему уму стремленіе къ отысканію цѣлей и причинъ не можетъ

быть чѣмъ-то отрывочнымъ, единичнымъ, неимѣющимъ связи съ міровою живнію и чѣмъ-то законченнымъ и заканчивающимъ міро-
зданіе, то есть не имѣющимъ ничего выше себя.

Навонецъ, самый отчаянный эмпиризмъ, не признающій, не желающій знать ничего кромѣ фактовъ и чувственныхъ впечатлѣній, въ концѣ концовъ, все таки руководится отвлеченіемъ, то есть мыслью; кромѣ того, что безъ нея не обходится ни одно чувственное впечатлѣніе (основанномъ на бессознательной логикѣ); однѣ чувственные впечатлѣнія безъ сознательной руководящей мысли пригодны развѣ для одного эмпирика-эпикурейца, но никакъ не эмпирика-наблюдателя и изслѣдователя.

Все въ мыслящемъ мірѣ сводится къ отвлеченію,—всѣ наши представленія и понятія, какъ бы они ни основывались на фактахъ и чувственномъ опытѣ, дѣлаются чистыми отвлеченіями, какъ скоро мы подвергнемъ ихъ умственному анализу,—а не подвергать не въ нашей волѣ. Этотъ-то разъѣдающій анализъ и превращаетъ вещество въ силу. Все, что считается свойствомъ вещества, умственнымъ анализомъ превращается въ нѣчто существующее внѣ подверженнаго нашимъ чувствамъ вещества, то есть опять-таки въ силу или вещество, противоположное веществу.

Атомы, принимаемые умственнымъ анализомъ за основу матеріи, превращаются имъ или въ математическія, то есть невещественныя точки или центры, притягивающіе къ себѣ другіе атомы, или же въ безконечно малыя, то есть безконечно дѣльныя величины.

И въ томъ, и другомъ случаѣ вещество перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно намъ кажется; теряетъ свое чувственное (подверженное нашимъ чувствамъ) существованіе; другими словами, —дѣлается силою, и потому именно силою, что, разложивъ его на атомы, намъ нельзя уже представить его спокойнымъ и бездѣйствующимъ; допустивъ же дѣйствіе, мы этимъ и придадимъ ему самый главный атрибутъ силы (— дѣйствіе). А что бы оставить за веществомъ его самыя характерныя свойства, намъ нужно положить предѣлъ разлагающему его умственному анализу,—такъ, если бы мы, про-
дливъ нашъ анализъ безпредѣльно, допустили безконечную дѣл-
мость матеріи, то превратили ее, какъ я сказалъ, въ силу, или въ нѣчто неуловимое, неподверженное нашимъ чувствамъ, и тѣмъ

лишили ее другихъ ея главныхъ свойствъ: непроницаемости и тяжести. Ограничить же умственный анализъ, не доведя его до конца, значить принять за вещество не послѣдній продуктъ анализа,—атомы, а только скопленіе или скученіе ихъ, и въ такомъ случаѣ нужно будетъ допустить возможность образованіе вещества изъ скопленія силы. И я не вижу логической невозможности принять этотъ конечный результатъ моего умственного анализа матеріи. Правда, я не знаю, что такое сила безъ проявленія ея въ веществѣ; но въ веществѣ, подвергнутомъ умственному анализу, я ничего не вижу, кромѣ проявленія силы, и всѣ свойства вещества въ моихъ глазахъ проявленія силы; такъ, вещество сдѣлалось бы такимъ же проницаемымъ, если бы частицы его (то есть скученіе атомовъ) не удерживались притягательною, атомистическою силою; безъ этой первобытной силы не было бы ни малѣйшихъ вещественныхъ частицъ и безпредѣльно раздѣленная матерія исчезла бы изъ нашего чувственного міра. Но сила, обнаруживавшаяся моимъ чувствамъ въ свойствахъ и движеніяхъ матеріи, могла бы существовать и не скопленная въ видѣ атомистическихъ частицъ. Насколько бы она осталась, послѣ разсѣянія матеріи, вещественною, разумѣя подъ этимъ словомъ не то, насколько бы она осталась чувственной (подверженною чувствамъ), а то лишь насколько она осталась бы уловимою нашею мозговою мыслию,—этого я не знаю; но убѣжденный, что сверхъ моей мозговой мысли существуетъ еще другая высшая міровая, я вѣрю, что сила продолжала бы существовать и дѣйствовать въ этой міровой мысли. Мысль же эта и дѣйствующая чрезъ нее сила,—это міровая жизнь.

Да, жизнь,—это для меня понятіе коллективное. Это я уже сказалъ: жизнь это осмысленная, безгранично-дѣйствующая сила, управляющая всѣми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь при томъ непрерывно къ достиженію извѣстной цѣли: осуществленія и поддержки бытія.

Простое эмпирическое опредѣленіе жизни, данное Биша и другими, также довольно вѣрно: по этому опредѣленію жизнь сводится на собраніе отправленій,—*eusemble des fonctions*,—противодѣйствующихъ смерти,—*qui resistant à la mort*.

Дѣйствительно, въ живомъ организмѣ, какъ и во всемъ живомъ мірѣ, всѣ отправленія, всѣ функціи направлены къ тому, чтобы со-

хранить бытіе и противодѣйствовать разрушенію; ошибка или лучше недомолвка этого опредѣленія только въ томъ, что не отправления организма сами по себѣ стремятся и, болѣе или менѣе, достигаютъ этой цѣли, а другое руководящее ихъ начало, — осмысленное, — то есть стремящееся въ цѣли и дѣлающее всѣ функціи организма цѣлесообразными — сила жизни.

Всѣ механическія дѣйствія органическихъ снарядовъ и приборовъ, всѣ химическіе процессы, весь процессъ развитія въ организмѣ, все цѣлесообразно, вездѣ мысль, планъ и стремленіе осуществить, сохранить и поддержать бытіе. Механизмъ устройства органовъ, химизмъ различныхъ функцій и т. п., все это чѣмъ болѣе разслѣдуется и чѣмъ болѣе подвергается чувственному анализу, тѣмъ яснѣе обнаруживается въ замысловатости устройства — цѣлесообразность и причинность; но то, что направляетъ механическіе и химическіе процессы организма въ цѣли, то остается и останется для насъ сущимъ и первобытнымъ, хоти и сокровеннымъ для чувственнаго представленія.

IV.

2-го декабря (1879 г.). Прошло опять нѣсколько дней, въ которые я не бесѣдовалъ съ собою. Найду-ли опять нить, не прочитаю записаннаго прежде; нужды нѣтъ, я не претендую на званіе философа и пишу для себя.

Что для моего склада ума, наклоннаго въ эмпиризму и въ немъ окрѣпшаго, казалось прежде абсурдомъ, — это мысль безъ органа мышленія.

Да, мозговая мысль не мыслима безъ мозга.

Но вѣдь и міровая не есть ли одинъ только продуктъ мозговой? Гдѣ органъ мышленія для міровой мысли? Гдѣ ея проявленія безъ мозговой мысли? Въ томъ-то и дѣло, — отвѣчу на это, — что то же самое чувство, которое убѣждаетъ насъ въ нашемъ бытіи, неразлучно съ этимъ убѣжденіемъ и вселяетъ въ насъ и другое, о существованіи міра, — то есть, о проявленіяхъ міровой мысли. И тотъ же самый умъ, который убѣждается въ цѣлесообразности нашихъ жизненныхъ функцій, видитъ и цѣлесообразность въ бытіи другихъ міровыхъ функцій; другими словами, нашъ-же собствен-

ный умъ, какъ бы онъ настроенъ (эмпиризмомъ или идеализмомъ) ни былъ, не можетъ не замѣтить присутствія мысли внѣ себя; точно также, какъ не можетъ не убѣдиться въ присутствіи вещества въ нашемъ организмѣ и внѣ его. Одно изъ двухъ: онъ (нашъ умъ) долженъ принять—или все существующее одна внѣ его иллюзія, или существованіе міра,—нашего не я,—также непреложно, какъ и собственное бытіе. Чтобы не помѣшаться и не угодить въ домъ умалишенныхъ, необходимо принять послѣднее, какъ непреложную истину, то есть такую же, какъ наше собственное ощущеніе бытія. Принявъ же это, конечно нужно признать и существованіе—кромѣ нашей мозговой мысли—другой высшей мировой. Постоянное ея проявленіе въ окружающей насъ вселенной тѣмъ непреложнѣе для насъ, что все проявляющееся въ нашемъ умѣ, все изобрѣтаемое имъ, все, наконецъ, до чего мы только можемъ додуматься, — уже есть существующее, есть готовое въ проявленіяхъ мировой мысли.

2-го декабря (1879 г.). Усталъ немного послѣ 2-хъ часовой прогулки по снѣгу при 9° Реомюра; но, отдыхая, продолжаю разборъ моего міровоззрѣнія. Мнѣ самому любопытно знать, насколько я смогу сдѣлать его себѣ яснымъ и законченнымъ.

Да, уму, воспитавшему себя на эмпиризмѣ, гораздо легче себя представить простою функціею мозга. Въ практической жизни эмпирической умъ можетъ, нисколько не затрудняясь, остановиться на такомъ взглядѣ, повидимому безупречномъ и основанномъ на бесспорныхъ фактахъ. Неминуемымъ слѣдствіемъ этого взгляда должно быть то, что мировая цѣлесообразность и творчество по опредѣленному плану суть произведенія нашего ума, функціи нашего же мозга. А принявъ это, нужно будетъ допустить и другое слѣдствіе, то именно, что самъ мозгъ, находящій посредствомъ своей функціи (ума) планъ и цѣлесообразность въ мировомъ устройствѣ, дѣлаетъ это только потому, что онъ уже такъ устроенъ, что атомы, составляющіе мозгъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и случайно, такъ, а не иначе сложились. Нужно будетъ допустить, что могло бы быть и иначе. Выдетъ что-то странное: если цѣлесообразность и планъ навязаны вселенной моимъ мозгомъ, а онъ самъ, какъ и все въ мірѣ, продуктъ случайнаго сочетанія атомовъ, отъ известной формы группировки и состава которыхъ

произошло то, что воздѣйствіе на нихъ внѣшняго міра производить и чувство, и мышленіе; если, говорю, допустить все это, какъ *ultimum refugium* ума, то все, что я отношу къ творчеству міровой мысли и жизни, должно быть дѣломъ случая. Случайно,—ибо нѣтъ начала, дѣйствовавшаго самостоятельно, цѣлесообразно и разумно,—случайно, говорю, при безчисленномъ множествѣ разныхъ формъ и составовъ, въ которые группировались, посредствомъ собственныхъ своихъ свойствъ, атомы вещества, составясь и группировавъ атомы мозга; сначала, конечно, въ иномъ первобытномъ видѣ, а потомъ, измѣняясь и осложняясь подѣ влияніемъ внѣшнихъ условій, образовался и нынѣ дѣйствующій органъ ощущенія и мышленія.

И такъ, случай—вотъ творческое начало; отъ сочетанія его дѣйствій съ воздѣйствіемъ внѣшнихъ, также происшедшихъ когда-то отъ случая силъ, произошелъ тотъ бастардъ, который мы называемъ міромъ.

Въ такомъ міровоззрѣніи необходимо прежде всего остановиться на случаѣ, какъ самой мощной силѣ; но о случаѣ я скажу мой взглядъ при случаѣ, потому, полагая, что онъ мнѣ столько же знакомъ и незнакомъ, сколько и другимъ особамъ, приписывающимъ ему такое первостепенное значеніе.

Есть однако же въ этомъ крайнемъ взглядѣ доля правды.

Исслѣдуя природу, хотя бы самымъ эмпирическимъ способомъ, то есть доверяя только однимъ чрезъ внѣшнее чувство добытыми фактамъ, мы все-таки, собственно, ничего другого не дѣлаемъ, какъ только переносимъ наше мышленіе и вообще всѣ наши умственные способности на внѣшній міръ; и, наоборотъ, мы не можемъ иначе изслѣдовать наше собственное я, какъ сдѣлавъ его внѣшнимъ объектомъ, то есть перенося его внѣ насъ. Но принимая это какъ неоспоримый фактъ, я при моемъ воззрѣніи не могу не принять въ то же время, что открываемая мной мышленіемъ цѣлесообразность мірового устройства была бы чѣмъ-то ему произвольно или произвольно мною навязаннымъ, чѣмъ-то не вполне дѣйствительнымъ, то есть столько же непреложнымъ, какъ и мое собственное бытіе.

Но всего болѣе и яснѣе обнаруживается различіе моего міровоззрѣнія отъ эмпирическаго въ томъ, что уму, принимающему себя за одну органическую функцію мозга, кажется какимъ-то

нелѣпнымъ абсурдомъ другое, противоположное убѣжденіе въ существованіи другого, первобытнаго, разумнаго, жизненнаго начала,—не функціоннаго и не органическаго,—которое, не завися отъ группировки атомовъ и дѣйствія атомистическихъ силъ,—само организуетъ и приводитъ въ дѣйствіе атомистическія силы; орудіемъ же или органомъ его проявленій служить вселенная. Мозговой умъ нашъ и находитъ себя, то есть свойственное ему стремленіе къ цѣлесообразности и творчеству,—виѣ себя, только потому, что онъ самъ есть ни что иное, какъ проявленіе высшаго міроваго ума.

3-го декабря (1879 г.). Также послѣ долгой прогулки въ прекрасный зимній день на чистѣйшемъ и вѣроятно озонированномъ воздухѣ.

Такому органическому (мозговому) уму, какъ нашъ, конечно, трудно себя вообразить другой, да еще высшій умъ безъ органической почвы; а для современнаго склада нашего ума такое возрѣніе неминуемо должно казаться нелѣпнымъ. Въ наше время не одни дипломаты мирятся всего скорѣе съ совершившимся и существующимъ уже фактомъ; и дѣйствительно въ житейской практикѣ всего удобнѣе остановиться на томъ, что видимо и осязаемо; а при разслѣдованіи причинъ и слѣдствій держаться извѣстнаго всѣмъ по опыту *cum et post hoc, ergo propter hoc*; какъ ни обветшалъ этотъ лозунгъ, какъ онъ ни преслѣдуется логикою, но въ сущности онъ неизбѣженъ въ эмпиризмѣ. Испытывая что-либо и опровергая или подтверждая одинъ опытъ другимъ, мы все-таки ничего другого не дѣлаемъ съ нашими эмпирическими или индуктивными умозаключеніями, какъ замѣняемъ одно *cum et propter hoc* другимъ.

Да, въ практической жизни и въ эмпиризмѣ нельзя уходить слишкомъ далеко; но гдѣ остановиться?

Вотъ вопросъ, рѣшаемый не иначе, какъ индивидуально различнымъ складомъ ума у каждаго изъ насъ. Но какъ бы мы ни старались ограничиться одними фактами и чисто индуктивными умозаключеніями, все-таки приходится почти на каждомъ шагѣ считаться съ отвлеченными представленіями и понятіями. Безъ отвлеченія не существуетъ и ни одно умозаключеніе, какъ бы оно индуктивно ни было. Пространство—фактъ, время—фактъ, дви-

женіе—фактъ, жизнь—фактъ и, въ то же время, и пространство, и время, и движеніе, и жизнь—самыя крупныя и первостепеннѣйшія отвлеченія.

Каждый ребенокъ мѣряетъ пространство и можетъ довольно легко и правильно судить о немъ, пока оно подвергается тремъ измѣреніямъ; но о пространствѣ вообще безмѣрномъ и безграничномъ и весьма дѣльные умы еще не совсѣмъ увѣрены, сколькими измѣреніями оно способно мѣряться,—и математики толкуютъ о возможности четвертаго,—найдутъ, можетъ быть, необходимымъ или возможнымъ и пятое.

Вѣроятно, нашъ мозговой умъ доходитъ до всѣхъ этихъ отвлеченныхъ понятій о пространствѣ, времени и т. п. путемъ эмпирическимъ, чрезъ ощущеніе наружными чувствами. Но то не эмпиризмъ, когда мы, всегда и вездѣ видящіе и ощущающіе границы пространства, начинаемъ помышлять и о безграничномъ. Кантовы-ли это какія-то категоріи или ящички въ конторкѣ нашего мозгового ума, или другой какой-то скрытый его механизмъ; но присутствіе отвлеченія въ такихъ фактическихъ истинахъ, каковы пространство и время, такой-же фактъ. Мы роковымъ образомъ, неминуемо, не види и не ощущая неизмѣримаго и безграничнаго, признаемъ фактическое его существованіе;—вотъ не-фактъ существуетъ также фактически, какъ и фактъ; и въ существованіи безграничнаго и безмѣрнаго мы гораздо болѣе убѣждены, чѣмъ былъ убѣжденъ Колумбъ въ существованіи Америки до ея открытія. Разница только въ томъ, что мы нашу Америку никогда не откроемъ такъ, какъ онъ свою.

4-го декабря (1879 г.). Въсто вчерашнихъ 15° сегодня 3° съ сильнымъ западнымъ вѣтромъ, такъ что гулялъ не болѣе одного часу.

Нужно замѣтить, что наши понятія о пространствѣ, времени и жизни совершенно отличны отъ обыкновенныхъ обобщеній, какъ, напримѣръ, понятіе о человѣкѣ. Въ обобщеніи „человѣкъ“ мы понимаемъ не болѣе, какъ свойства, несомнѣнно характеризующія человѣческія особи.

Но въ понятіи о пространствѣ исчезаютъ всѣ свойства отдѣльныхъ пространствъ, какъ-то: ихъ измѣреніе, форма, содержимое и пр.; намъ (по крайней мѣрѣ мнѣ), при размышленіи о

пространствѣ, сдается, что всѣ, извѣстные намъ по чувственнымъ представленіямъ, пространства и предметы заключаются въ чемъ-то иномъ неизмѣримомъ, безформенномъ, безграничномъ.

То же самое находимъ и въ понятіи о времени: фактически мы судимъ о немъ только по движенію въ пространствѣ; но сверхъ этого фактическаго опредѣленія времени мы сознаемъ еще, что и безъ движенія, то есть, безъ средства въ измѣренію времени въ пространствѣ существуетъ наше я въ настоящемъ, подобно тому, какъ оно существовало въ прошедшемъ, и что это же самое настоящее и прошедшее существуютъ не для нашего одного я, а должно существовать и безъ него.

Понятіе о мѣрѣ пространства и времени, невольно сопровождающее мысль о самомъ пространствѣ и самомъ времени, намъ служить не къ уясненію нашего понятія, а къ убѣжденію насъ въ томъ, что измѣряемое въ пространствѣ и времени не есть еще самое пространство и самое время.

Понятіе о жизни также не есть одно обобщеніе.

Оно относится, по моему, къ той же категоріи, какъ и понятіе о пространствѣ и времени.

Первый толчекъ къ образованію въ нашемъ умѣ понятій объ этихъ трехъ нѣсахъ даетъ намъ ощущеніе нашего бытія. Это ощущеніе, конечно, фактъ, но какой? Можно-ли его причислить къ категоріи фактовъ, добываемыхъ нашими внѣшними чувствами и основанныхъ именно на этомъ главнѣйшемъ фактѣ,—на ощущеніи бытія, безъ котораго для насъ все другое немислимо. Это фактъ, *sui generis*, выходящій изъ ряду вонъ.

Какъ проявляется чувство бытія въ животныхъ—это тайна, также неразрѣшимая, какъ и проявленіе нашихъ понятій о пространствѣ и времени. Первымъ толчкомъ служатъ, конечно, дѣйствія внѣшняго міра на наши чувства, но только толчкомъ; а самая суть и ощущенія бытія, и понятій о времени и пространствѣ скрываются глубоко въ существѣ самого жизненнаго начала.

Возьмемъ для примѣра моментъ рожденія на свѣтъ теплокровнаго животнаго. Что заставляетъ его ощутить свое бытіе первымъ вдыханіемъ воздуха, издать первый звукъ жизни?

Рефлексъ отъ прикосновенія воздуха къ его периферическимъ нервамъ или отъ внезапнаго измѣненія въ кровообращеніи новорожденнаго.

Значить машина такъ устроена, что привосновеніе виѣшняго міра къ периферическимъ нервамъ неминуемо должно отразиться на ту пружину, находящуюся въ продолговатомъ мозгѣ, которая приводитъ въ движеніе дыхательный приборъ, заставляя его потянуть въ себя наружный воздухъ; а это первое вдыханіе, въ свою очередь, должно отразиться на чемъ-то ощущающемъ самого себя и отличающемъ себя отъ виѣшняго міра. Но связь-то именно этого чего-то съ механизмомъ животной машины и есть късь, потому не разрѣшимый, что для фактическаго его разрѣшенія необходимо бы было не только подмѣтить на себѣ или другомъ животномъ, но и почувствовать эту связь перваго вдыханія съ ощущеніемъ бытія. Да и такое невозможное наблюденіе было-бы еще недостаточно. Ощущая, нельзя слѣдить за ощущеніемъ, не измѣняя и не нарушая его. Мы всякій день видимъ, какъ рождаются люди и животныя, какъ выводятся цыплята изъ яицъ, и мы такъ привыкли къ жизни, что можемъ думать, будто мы сами даемъ жизнь другимъ существамъ (такъ думаютъ, пожалуй, и многіе),—не мудрено поэтому, что жизнь намъ кажется вовсе не тайною, а простымъ обыденнымъ дѣломъ.

Жизнь и бытіе едва-ли не кажутся многимъ изъ насъ однимъ и тѣмъ-же.

И нельзя не согласиться, что различіе между живымъ и не живымъ неуловимо на окраинахъ жизни. Наше понятіе о жизни, какъ о дѣломъ, прежде всего основано на нашемъ собственномъ ощущеніи бытія и присутствіи этому ощущенію чувствъ мощи или силы жизни;—мы прежде, чѣмъ опытъ научаетъ насъ разубнавать жизнь по ея рѣзкимъ проявленіямъ, невольно склонны принимать эти-же ощущенія жизни (болѣе или менѣе) во всемъ насъ окружающемъ и конечно всего болѣе въ томъ, что обнаруживаетъ движеніе, то есть силу и мощь. Я полагаю, что ребенокъ прежде, чѣмъ онъ дойдетъ опытомъ отличать свое я отъ окружающаго его не я, принимаетъ все его окружающее въ такой же степени живымъ, какъ и онъ самъ.

Живя, наблюдая и участь, мы, наконецъ, научаемся отличать болѣе или менѣе рачіонально проявленіе жизни отъ простаго бытія; но и тогда мы узнаемъ не болѣе и не менѣе, какъ механизмъ организмовъ, управляемый тѣми-же силами, которыми управляется и бытіе: тяготѣніемъ, спѣпленіемъ и сродствомъ

атомовъ, электричествомъ, теплотою и т. п.; а начало, цѣлесообразно направляющее эти силы и механизмъ къ сохраненію организма, индивидуальности и ихъ опредѣленныхъ по предназначенному плану отношеній къ вѣдшему міру, остается для насъ невѣдомымъ и, говоря языкомъ юристовъ, не подлежащимъ обсужденію (разслѣдованію) по существу, а только по формѣ.

Одинъ нашъ мозговой умъ неминуемо убѣждается въ существованіи этого начала жизни, находя въ немъ самого себя, то есть разумное стремленіе къ цѣли, самобытности, творчеству по опредѣленному плану. Нашъ умъ, находя въ самыхъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ жизни свои собственныя существеннѣйшія стремленія въ неизмѣримо высшемъ размѣрѣ, не можетъ не признать первобытнаго и самостоятельнаго бытія высшаго начала, дѣйствующаго по тѣмъ же, какъ и онъ самъ, законамъ цѣлесообразности и творчества. Бытіе этого начала поэтому же самому должно быть для нашего ума независимымъ отъ управляемой имъ матеріи и также точно первобытно и независимо отъ частныхъ его вещественныхъ проявленій (проявленій въ веществѣ), какъ пространства и время независимы отъ частныхъ пространствъ и частей времени.

Какъ пространство и время, такъ и жизненное начало, въ нихъ существующее, должны быть, по требованію нашего же ума, первобытны, безпредѣльны, безформенны. И самобытное, безформенное начало жизни творитъ въ безграничныхъ и также первобытныхъ въ пространствѣ и времени всѣ возможныя формы вещества, направляя всѣ другія силы къ борьбѣ за существованіе въ оформленномъ и оживленномъ веществѣ.

Но какъ-бы ни соотвѣтствовало требованіямъ нашего ума убѣжденіе въ необходимости существованія вѣдъ вещества первобытнаго и самобытнаго жизненнаго начала, управляющаго атомами и присущими имъ силами, мы, конечно, никогда не будемъ въ состояніи составить себѣ о немъ ясное понятіе. Всегда и неизбѣжно сомнѣніе найдетъ мѣсто въ нашемъ умѣ и тѣмъ болѣе опытъ и наблюденіе знакомятъ насъ съ устройствомъ и механизмомъ функцій органовъ, необходимыхъ для жизни, тѣмъ болѣе правдоподобнымъ будетъ казаться намъ самая жизнь ни чѣмъ

инимъ, какъ отправленіемъ (функціею) этихъ органовъ; а наши понятія о самобытности и цѣлесообразности дѣйствій жизненнаго начала будутъ казаться намъ одними воображательными отвѣченіями нашего же ума, несуществующими фактически.

Дѣйствительно, наша умственная дѣятельность, получивъ отъ надежды извѣстное направленіе, не легко отклоняется отъ него и тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе она удовлетворится результатами своихъ изслѣдованій; въ принятомъ ею направленіи. Не мудрено, что именно тѣ результаты, въ достиженіи которыхъ участвовали по преимуществу наши внѣшнія чувства, и наиболѣе должны казаться намъ ясными и удовлетворительными. Но, къ сожалѣнію, именно при индуктивномъ или фактическомъ способѣ разслѣдованія мы обыкновенно упускаемъ изъ виду, что наши чувственные разслѣдованія имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а по тѣмъ заключеніямъ, которыя мы выводимъ,—сознательно и бессознательно,—изъ видѣннаго, слышаннаго и вообще прочувствованнаго нами. Заключенія же эти также, какъ и другіе логическіе выводы, все-таки ни что иное, какъ отвѣченія, — и также сознательныя и бессознательныя.

Умъ нашъ, по необходимости, во всякомъ фактѣ и во всей вселенной усматриваетъ только самого себя, внѣ себя; это онъ дѣлаетъ и при индукціи, и при дедукціи: и тамъ, гдѣ онъ судитъ по даннымъ, приобрѣтеннымъ чувствами, и тамъ, гдѣ онъ судитъ по представленіямъ фантазій.

Не перенося себя внѣ себя, мы не имѣемъ другого способа умствованія. Мы, не перенося нашего я внѣ насъ, не можемъ убѣдиться умственно и въ существованіи міра, ибо ощущенія чувственнаго существующаго внѣ свойственны всѣмъ животнымъ и, можетъ быть, и всѣмъ органическимъ тѣламъ,—ощущенія бессознательныя или сознаваемые, такъ сказать, *per contactum*, конечно не то, что мы называемъ убѣжденіемъ.

Умъ нашъ, перенося себя внѣ себя и усматривая здѣсь себя самого, то есть свойственнаго ему одному стремленія, какъ творчество, цѣлесообразность, соотвѣтственность причинъ и слѣдствій, не можетъ, однако же, не прійти къ заключенію, что все это: имъ усматриваемое внѣ себя, дѣйствительно существуетъ, также какъ и онъ самъ, то есть всѣ стремленія, находимыя имъ въ себѣ, и все узнаваемое и творимое имъ существуетъ уже внѣ его.

Онъ ничего не изобрѣлъ такого, чтобы не было предварительно имъ открыто внѣ себя,—въ окружающемъ его мірѣ и въ себѣ самомъ, какъ частицѣ этого внѣшняго міра ¹⁾.

16-го декабря (1879 г.). 15° R.; отличный воздухъ; немного N. E.; солнечный день; снѣгу выпало вчера и третьяго дня порядочно съ мятелью. Предшествовавшіе два-три листа писалъ между 7 и 16 декабря урывками, при погодѣ, переходившей почти въ оттепель, между 0+2°—3° R. Занятъ былъ въ это время больными, операціями и продажей пшеницы (по 1 руб. 50 коп. за пудъ). Хотя снѣгъ выпалъ въ началѣ ноября (8—13) на талую землю, но, по изслѣдованіямъ на этихъ дняхъ, она замерзла на 3—4" и только въ низменностяхъ, подъ глубокимъ снѣгомъ, еще стоитъ талая; всходы, однако же, и тутъ еще зелены и не подмочли.

Да, нашъ мозговой умъ, изслѣдующій свой genesis дедуктивнымъ способомъ; скоро и легко,—слишкомъ скоро и слишкомъ легко, я полагаю,—убѣждается, что онъ есть ни что другое, какъ функція мозга. Разсматривая свой главный атрибутъ—мышленіе, нашъ умъ убѣждается при этомъ, что оно есть коллективная способность и потому должно быть функціею различныхъ частей и различныхъ гистологическихъ элементовъ мозга.

Въ процессѣ мышленія принимаетъ участіе: 1) способность—сознательная и несознательная, ощущать и воспринимать впечатлѣнія (perceptio); 2) сознание этихъ впечатлѣній,—хотя и не всегда, такъ какъ и при бессознательныхъ ощущеніяхъ можно еще и мыслить бессознательно; 3) способность удерживать впечатлѣнія (память), также не всегда сознательная; 4) способность (которую я бы назвалъ понятливостью) сочетать, ассоціировать, группировать въ извѣстномъ порядкѣ задержанныя памятью ощущенія и составлять изъ нихъ понятія; а для этого, въ свою очередь, необходимо еще и 5) *conditio sine qua non* мышленія—способность означать знаками или перемѣщать въ фонетическіе и мимическіе знаки (членораздѣльные звуки и слова) ощущаемыя впечатлѣнія, передающія ихъ въ этомъ новомъ видѣ и памяти. Комбинація, группировка и ассоціація впечатлѣній безъ превращенія ихъ въ фонетическіе и

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ (Рукоп., л. 17, стр. 3) на полѣ нѣсколько строкъ, неизвестно куда относящихся и разбравшихъ такимъ образомъ: „Но дѣла выше въ жизни. Ноги ходятъ. Что за функціи, убивающія свой органъ произвольно“.

мимическіе знаки, хотя и возможны, но отношенія тогда этой способности къ сознанию для насъ непостижимы и мы называемъ такую группировку и ассоціацію безсознательными или инстинктивными. Мы должны признаться однако же, что названіемъ несколько не объясняемъ себѣ отношеній и роль сознания въ этомъ случаѣ. 6) На послѣдокъ вѣнецъ въ процессѣ нашего мышленія составляетъ стремленіе и способность его различать причину и слѣдствія, цѣль и средства (законы причинности и цѣлесообразности), находить связь между ними, предполагать въ каждомъ дѣйствіи цѣль и стремленіе къ ея достиженію, словомъ стремленіе и способность къ творчеству. И все это въ процессѣ нашего мышленія соединено съ чувствомъ свободы, воли и произвола.

Всѣмъ намъ кажется, что мы свободны мыслить такъ или иначе и какъ хотимъ; но съ другой стороны всякій изъ насъ чувствуетъ и знаетъ, что этой кажущейся свободѣ положенъ предѣлъ, вышедъ изъ котораго мышленіе дѣлается безуміемъ. Это потому, что мышленіе наше подлежитъ законамъ высшаго міроваго мышленія. Между тѣмъ мозговой умъ нашъ, незнающій иного мышленія кромѣ своего и убѣжденный опытомъ въ зависимости его отъ мозга, при разсматриваніи внѣшняго міра можетъ дойти до такой иллюзіи, что въ немъ нѣтъ никакой иной мысли, кромѣ нашей собственной. Да если бы мы не были увѣрены въ бытіи внѣшняго міра также твердо, какъ и въ своемъ собственномъ, то все, что наше разслѣдованіе открываетъ въ немъ цѣлесообразнымъ и какъ бы намѣренно и независимо отъ насъ устроеннымъ, мы могли бы, пожалуй, принять за произведеніе одного нашего ума и нашей фантазіи.

И вотъ мы находимъ себя запертымъ въ волшебный кругъ; съ одной стороны мы фактически не знаемъ другого ума, кромѣ своего органическаго, съ другой стороны этотъ же самый умъ указываетъ намъ на внѣшнія произведенія творчества, несомнѣнно свидѣтельствующія о существованіи другого ума съ атрибутами не только сходными, но и несравненно болѣе превышающими творчество нашего. И вотъ рождается невольнo вопросъ, дѣйствительно ли мы не могли бы иначе ходить, какъ съ помощью ногъ, или же мы только ходимъ, потому что у насъ есть ноги? дѣйствительно ли только при посредствѣ мозга мы могли бы мыслить, или же мы мыслимъ только потому, что есть мозгъ? Видя неисчерпаемое множество средствъ, съ которыми въ окружающей насъ

вселенной достигаются известныя цѣли, можемъ ли мы утверждать, что умъ могъ и долженъ былъ быть единственно только функціею мозга? Развѣ пчела, муравей и т. п. животныя и безъ помощи мозга позвоночныхъ животныхъ не представляютъ намъ примѣры удивительной сообразительности, стремленія къ цѣли и даже творчества. И что это за странная функція, держащая въ зависимости отъ себя существованіе своего органа? Выстрѣлъ изъ револьвера, направленный этою функціею,—и ея органъ разрушенъ. Что за безпримѣрная функція, способная разсматривать и анализировать себя и свой органъ, какъ объектъ, какъ нѣчто внѣшнее? Не потому ли умъ нашъ и находитъ себя, т. е. мысль и цѣлесообразное творчество, внѣ себя, что онъ самъ есть проявленіе того же самаго высшаго, міроваго, жизненнаго начала, которое присутствуетъ и проявляется во всей вселенной. Міровая мысль, присущая этому началу, совпадаетъ, такъ сказать, съ нашею мозговою мыслию, служащею ея проявленіемъ, и потому тѣ же стремленія и сходныя атрибуты находимъ мы въ той и другой. Совпаденіе свидѣтельствуетъ объ одномъ и томъ же источникѣ, но различіе неизмѣримо велико, несравненно болѣе велико, чѣмъ мы, напримѣръ, полагаемъ между особою и родомъ или племенемъ. Наша мысль есть, дѣйствительно, только индивидуальная, и именно потому, что она мозговая, органическая. Другая же мысль, проявляющаяся въ жизненномъ началѣ всей вселенной, именно потому, что она міровая, и не можетъ быть органическою. А нашъ, хотя бы и общечеловѣческій, но всетаки индивидуальный умъ и именно по причинѣ своей индивидуальности, а слѣдовательно органичности и ограниченности, и не можетъ возвыситься до пониманія тѣхъ высшихъ цѣлей творчества, которыя присущи только уму неорганическому и неограниченному—міровому. А потому и жизненное начало, какъ одно изъ проявленій этого ума, для насъ останется навсегда тайною. Ignorabimus.

17 декабря (1879 г.). Морозъ 25°—R., но тихо, ясно и превосходно на воздухѣ. Въ персичной (оранжерей), подъ стеклами и ставнями, прикрытыми навозомъ, 12°—R.

Вселенная, жизнь, сила, пространство и время,—все это—какъ бы ихъ назвать?—назову отвлеченные факты. Названіе, пожалуй, абсурдное, но оно вмѣщаетъ въ себѣ именно два про-

тиворѣчія и потому, мнѣ кажется, выражаетъ то, что я хочу сказать. Наше понятіе о жизни, силѣ, пространствѣ, времени и о вселенной основано, по моему, прежде всего на ощущеніи, слѣдовательно на фактѣ. Ощущая сознательно (а бессознательно ощущеніе жизни, хотя и существуетъ несомнѣнно, но я его не знаю и судить о немъ не могу), мы вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаемъ и силу (мощь), и пространство, и время, и міръ, т. е. наше не-Ощущая все это, мы сначала не анализируемъ наше ощущеніе и принимаемъ все d'emblée, за одинъ и тотъ же фактъ; не смотря однако же на отсутствіе анализа, мы всетаки сознаемъ (не знаемъ какъ, сознательно или бессознательно?!) и приходимъ даже къ твердому убѣжденію, что кромѣ того ограниченнаго пространства, которое мы сами занимаемъ, и даже кромѣ видимой нами границы горизонта, существуетъ еще пространство, а за нимъ еще и еще. Такъ и для времени, и для силы, и для жизни мы въ нашемъ ощущеніи не находимъ опредѣленныхъ границъ. Мы не помнимъ начала этого ощущенія, не знаемъ его и конца. Только фантазія и долговременный опытъ, показывающій начало и конецъ различныхъ предметовъ и различныхъ дѣйствій, приводятъ насъ къ иллюзорнымъ убѣжденіямъ, заставляющимъ насъ думать, что есть конецъ свѣта, конецъ жизни и т. п. Ощущеніе же, какъ фактъ, переживаемый нами, убѣждаетъ насъ въ противномъ, т. е. въ существованіи безпредѣльнаго и безграничнаго. Въ ощущеніи, выражаемомъ нами звукомъ или словомъ „я есмь“, заключаются и „я былъ“, и „я буду“. Мы живо чувствуемъ, что настоящее—иллюзія, что мы живемъ только въ прошедшемъ, непрерывно переходящемъ въ будущее. И когда мы хотимъ нѣсколько ориентироваться въ нашихъ ощущеніяхъ жизни, силы, пространства, времени и вещества, то есть довести эти ощущенія до степени понятія, то мы не поступаемъ такъ, какъ при другихъ нашихъ обобщеніяхъ. Понятіе, складывающееся у насъ объ ощущеніяхъ жизни, силы, времени, пространства и вещества, не есть квинтъ-эссенція свойствъ отдѣльныхъ предметовъ или особей, какъ наши другія отвлеченныя обобщенія. Нѣтъ, это отвлеченный фактъ, выведенный изъ ощущенія чего-то безпредѣльнаго и безграничнаго, противорѣчащій тому, что мы называемъ дѣйствительнымъ фактомъ, т. е. такимъ, который по своей ограниченности подлежитъ повѣрѣ внѣшнихъ чувствъ или вообще какой-либо внѣшней (документальной, какъ напримѣръ историческіе факты) повѣрѣ.

Чтобы мы ни говорили о неизбежности смерти, но жизнь, даже наша собственная, представляется намъ какъ бы безконечною; по крайней мѣрѣ конца ея, пока мы не приблизились къ смерти старостью или болѣзною, мы себѣ ясно представить не можемъ.

Какъ бы мы ни были знакомы по опыту съ свойствами матерій, мы убѣждаемся, что всѣ наши знанія этихъ свойствъ недостаточны для опредѣленнаго понятія о веществѣ или, другими словами, для его ограниченія. Какъ бы ни казалась намъ сила нераздѣльною отъ вещества, мы все таки не можемъ ее понять, какъ свойство матеріи, а принуждены допустить ея самостоятельное безпредѣльное бытіе, какъ и самаго вещества въ безграничномъ пространствѣ и времени. Да если бы удалось намъ, какъ удалось астрономамъ опредѣлить, хотя бы приблизительно, границы и мѣры того, что намъ кажется или нами ощущается безпредѣльнымъ и безграничнымъ, то и тогда бы, какъ и въ астрономіи, вышли бы такія цифры и числа, представить себѣ которыя наглядно и фактически мы будемъ не въ состояніи; что толку, если бы получились миллиарды миллиардовъ,—представленія наши о нашихъ числахъ будутъ также неопредѣленны, какъ и о безграничномъ и безпредѣльномъ.

V.

25-го декабря (1879 г.). Рождество Христово. Не писалъ дневника нѣсколько дней, на за то на моихъ утреннихъ прогулкахъ по имѣнію старался привести въ порядокъ и ясность для себя мои понятія о началѣ жизни.

Я долженъ привести себѣ въ ясность—насколько я материалистъ; эта вличка мнѣ не понутру, какъ Гессенъ-Касельскому герцогу, который никакъ не могъ терпѣть, чтобы его гессенскаго профессора Либиха считали материалистомъ. „Sein Vater war Materialist (т. е. аптекаръ), nicht er“, говорилъ герцогъ обвинителямъ Либиха въ материализмѣ.

Но что за дѣло до влички? Главное сдѣлать для себя яснымъ свое міровоззрѣніе. Если я только не слушаю предъ Богомъ и моею собственной совѣстью. излагая мое міровоззрѣніе, то дѣла нѣтъ—буду ли я материалистъ или глупецъ въ отношеніи къ другимъ.

Я измѣнилъ себѣ и прочиталъ написанное нѣсколько дней

назадъ. Прочитавъ, вижу, что въ понятіямъ о безпредѣльномъ, въ которыхъ я отношу пространство, время, силу и жизнь, я отнесъ и понятіе о веществѣ. Откровенно сознаю, что вещество мнѣ кажется такимъ же безпредѣльнымъ, какъ пространство, время, сила и жизнь. Мнѣ кажется, то есть моему воображенію не представляется невозможнымъ, что вещество могло бы перейти въ силу и сила въ вещество. Сила должна быть безформенна, но и матерія въ крайнихъ ея предѣлахъ едва ли мыслима съ сохраненіемъ формы. И жизненное начало, какъ сила, какъ нѣчто безпредѣльное и безформенное въ моемъ представленіи, должно имѣть свойства силы, переходить въ матеріальные атомы, подобно тому, какъ допускается возможность перехода туманныхъ пятенъ міроваго эфира въ небесныя тѣла. Сравненіе, правда, самое грубое. Тутъ переходъ вещества въ вещество, слѣдовательно—одно видоизмѣненіе. А переходъ силы въ вещество!—Это что? Ахинея? Но вѣдь сила не ничто,—и рассматриваемая мышленіемъ отдѣльно отъ вещества, она есть нѣчто отличное отъ матеріи, хотя бы только и отрицательными свойствами. Только одно понятіе о Богѣ, или у атеистовъ понятіе о мірѣ (ихъ Богѣ), можетъ быть понятіемъ безъ отрицанія; все другое на свѣтѣ понимаемое или представляемое нами должно имѣть и собственное свое отрицаніе въ нашемъ умѣ.

Понятіе о безпредѣльномъ пространствѣ имѣетъ свое отрицаніе въ измѣряемыхъ и оформленныхъ предметахъ; понятіе о безконечности времени отрицается часами и минутами; для жизни служить отрицаніемъ смерть; даже для уясненія одного изъ свойствъ Божеской природы,—добра, сдѣлался необходимымъ дьяволъ. Потому и понятіе о веществѣ вызвало въ умѣ представленіе о противоположномъ началѣ—силѣ; безъ нея, безъ ея антагонистическихъ веществъ атрибутовъ, самое вещество съ его инерціей и другими свойствами было бы невысказуемо. Но отрицательное (то есть не матеріальное) свойство силы можно и для болѣе яснаго представленія нужно перевести въ положительное, принявъ за исходную точку главный атрибутъ силы—дѣйствіе и движеніе. И, дѣйствительно, съ моимъ представленіемъ безграничнаго пространства и времени соединяется и представленіе о движеніи; время—это отвлеченное движеніе въ пространствѣ, то есть сила, дѣйствующая въ пространствѣ, и своимъ дѣйствіемъ приводящая себя въ вещество. Могу ли я требовать, чтобы представленія мои о такихъ отвлеченныхъ предметахъ были ясны и отчетливы, какъ

чувственные факты; вѣдь и о самыхъ наглядныхъ вещахъ не рѣдко имѣешь одно смутное представленіе. Слѣдуетъ ли изъ того, что мнѣ представляется неяснымъ, заключить, что это темное представленіе ложно и бессмысленно? Не бываютъ ли, напротивъ, именно галлюцинаціи, то есть призракъ, весьма ясны и неоспоримы для галлюцинирующихъ? Извѣстно, что, при неясности представленій, мы прибѣгаемъ къ сравненіямъ.

И вотъ мнѣ кажется, что въ моемъ понятіи жизненное начало ни съ чѣмъ не можетъ быть такъ сравнено, какъ съ свѣтомъ. Источникъ свѣта, хотя и извѣстенъ намъ фактически, но разстояніе его отъ насъ такъ далеко и дѣйствія его на насъ и все окружающее насъ такъ многочисленны и разнообразны, что мы въ обыкновенной жизни называемъ, безъ дальнѣйшаго размышленія, свойствами тѣлъ—свойства свѣта. Мы говоримъ и думаемъ, что тотъ или другой цвѣтъ принадлежитъ не солнечнымъ лучамъ, а тому или другому тѣлу, хотя это тѣло потому только цвѣтное, что атомы его задерживаютъ, отражаютъ или преломляютъ лучи свѣта. Лучи же свѣта могутъ достигать до насъ и быть видимыми нами, можетъ быть, цѣлые вѣка послѣ того, какъ источникъ ихъ свѣта уже давно погасъ. Колебанія свѣтоваго эфира,—чего-то непохожаго на вещество, способнаго проникать черезъ вещества, непроницаемыя для всякой другой матеріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщающаго имъ новыя свойства,—мнѣ кажутся подходящими для сравненія съ дѣйствіями жизненнаго начала.

26-го декабря (1879 г.). Бесѣда съ самимъ собою заманчива. Какъ я ни убѣжденъ, что мнѣ не удастся уяснить себѣ вполне мое міровоззрѣніе, но самая попытка уясненія заключаетъ уже въ себѣ какую-то прелесть.

Погода все время измѣняется, NW и NNW, иногда переходящій SO. Температура между -5° — -6° и $+2^{\circ}$ R.

Да, мозгъ представляется мнѣ подобнымъ стеклянной призмѣ, имѣющей свойство разлагать лучъ свѣта и преломлять его. Если бы я не боялся насмѣшки надъ самимъ собою за фантазерство, я бы назвалъ мозгъ призмою міроваго ума; воспринимать и пропускать черезъ себя колебанія или дѣйствія этой міровой силы—было бы функциею мозга, если бы сравненіе мое было бы вѣрно. Но ставя себя на точку зрѣнія матеріалиста эмпирика, я вижу непроходимую пропасть между моимъ сравненіемъ и тѣмъ воззрѣніемъ,

въ которому неминуемо приводить — на первыхъ порахъ, и такъ сказать, съ горяча, — скептицизмъ эмпириі. Не говоря уже о томъ, что *comparaison n'est pas raison*, есть ли, спрашивается, для эмпирика хотя малѣйшій смыслъ въ употребленныхъ мною выраженіяхъ, какъ колебанія силы, мірской умъ безъ мірового мозга, сила безъ вещества, жизненное начало внѣ организма; что это съ точки зрѣнія эмпирика, какъ не идеологическій наборъ словъ?

Да, согласенъ, помирить чистый эмпиризмъ съ существованіемъ силы внѣ матеріи, мысли внѣ мозга, жизненнаго начала внѣ органическихъ тѣлъ, — немислимо. Это *contradictio in adjecto*. И тѣ чистые эмпирики, которые, останавливаясь на фактахъ, не идутъ далѣе своихъ непосредственныхъ (прямыхъ или ближайшихъ) умозаключеній изъ этихъ фактовъ, совершенно правы въ моихъ глазахъ, — я самъ былъ и даже есмь такой; но какъ скоро переступается ими эта граница волшебнаго круга, какъ скоро они берутся за разрѣшеніе таинственнаго ниса, то тутъ выводы эмпиризма оказываются нисколько не осмысленнѣе идеологическихъ предположеній. Не забудемъ однако же, что то, что мы называемъ смысломъ, не есть непоколебимое и безусловно вѣрное мѣрило истины. Хотя законы мышленія всегда были и будутъ одни и тѣ же, дважды два всегда будетъ четыре, но осмысленными и бессмысленными намъ кажутся не всегда и не всѣмъ одни и тѣ же предметы. То, что считалось безспорнымъ и очевиднымъ лѣтъ сто тому назадъ, то можетъ быть бессмысленнымъ для живущихъ въ концѣ XIX вѣка. Смыслъ мѣняется не отъ одного процентнаго содержанія знанія въ нашемъ умѣ, а часто и отъ психическихъ повѣтрій и другихъ внѣшнихъ условій, къ которымъ надо отнести и моду. Мода же является также въ видѣ повѣтрія. Вообще нашъ смыслъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ наши міровоззрѣнія подчиняются закону періодичности, играющей въ нашей, какъ и всей міровой жизни, важную роль. Старое и забытое является въ извѣстные періоды снова на свѣтъ, но конечно всегда въ иномъ видѣ; новыя скопившіяся пріобрѣтенія опыта вызываютъ на свѣтъ забытое и придаютъ ему свѣжесть и новую силу. Ново то только, что хорошо забыто, — это изрѣченіе скептика имѣетъ свою долю правды. Періодическое и вѣковое господство различныхъ противоположныхъ одна другой доктринъ въ наукахъ и въ міровоззрѣніяхъ различныхъ націй доказываетъ намъ наглядно, насколько мы можемъ довѣрять на-

шему смыслу. Современный эмпиризмъ есть также своего рода доктрина, хотя послѣдователи ея и желали бы не быть доктринерами. Всякая же доктрина, хотя бы и претендующая на однѣ чисто фактическія основы, какъ это дѣлаетъ эмпиризмъ ¹⁾,— всегда односторонняя; иначе она не господствовала бы, не слѣдовала бы одному и тому же направленію, считая его непогрѣшимымъ, и признавала бы достоинство и другихъ убѣжденій, основанныхъ не на однихъ только чисто чувственныхъ фактахъ. Безсмысленнымъ называется то, что противорѣчитъ нашимъ убѣжденіямъ,—именно убѣжденіямъ, а не знаніямъ, ибо убѣжденія вліяютъ на насъ сильнѣе знанія.

28-е декабря (1879 г.). Мятель и вьюга при сильномъ NW цѣлую ночь и продолжается теперь при $+1^{\circ}$ R.; все вокругъ занесено снѣгомъ, нельзя высунуть носа и я принужденъ остаться безъ моей утренней прогулки. Попробую писать,—что-то выйдетъ.

Если смыслъ нашъ зависимъ отъ нашихъ современныхъ убѣжденій, а они въ свою очередь преходящи и не всегда по своей силѣ и упорству соотвѣтствуютъ нашимъ знаніямъ, то ни одна господствующая доктрина, ни одно умственное направленіе не должно смотрѣть свысока на другія имъ противорѣчащія доктрины и направленія; а умы безпристрастные, не увлекающіеся и недовѣрчивые не должны пугаться насмѣшекъ, разныхъ кличекъ и обвиненій въ отсталости, нераціональности и безсмысли. Кто пережилъ уже кое-что на своемъ вѣку, тотъ вспомнить съ какимъ пренебреженіемъ относились въ двадцатыхъ—тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія гегельянцы и натурфилософы къ скромнымъ и приниженнымъ (въ то время) эмпирикамъ, платящимъ теперь въ свою очередь прежнимъ мудрецамъ тою же монетою. Всего вѣрнѣе и надежнѣе, конечно, было бы остановиться на позитивизмѣ, оставить въ покоѣ неизяснимое, принявъ за аксіому, что существуютъ предметы, не подлежащіе нашему знанію. Но это воззрѣніе на практикѣ дѣлается, подобно другимъ, доктриною, какъ скоро оно будетъ проводиться послѣдовательно и обязательно для его послѣдователей. Доктринерство же, я сказалъ, всегда односторонне и узко. Можно ли требовать отъ всякаго ума, чтобы онъ обязался не затрогивать тотъ или другой предметъ раз-

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ, на полѣ, нѣсколько словъ, не поддающихся разбору; мы ихъ читаемъ такъ: „они старику—другой сонъ“. Ред.

мышленія; чтобы онъ остановился именно тамъ, гдѣ ему назначается остановиться другой умъ. Дѣйствительно, какъ кажется утверждаетъ позитивизмъ, въ жизни человѣчества замѣчается извѣстная послѣдовательность въ направленіи мышленія и мировоззрѣніяхъ, соответствующая степени знаній, приобретаемыхъ жизнью человѣчества. Но эта послѣдовательность не уничтожаетъ возможности періодическихъ возвратовъ того или другого изъ предшествовавшихъ направленій, такъ какъ уму нашему не суждено окончательно убѣждаться въ непреложности истины принятаго имъ направленія. Временныя наши убѣжденія, хотя и всегда сильнѣе нашихъ знаній, но еще менѣе прочны чѣмъ самыя знанія, приобретенныя однимъ опытомъ. Поэтому, какъ бы ни было позитивно направленіе современныхъ умовъ, нельзя отвергать возможность къ возврату другого противоположнаго (позитивному) направленія, хотя бы въ отличномъ отъ прежняго видѣ. И вотъ я, не оспаривая достоинствъ позитивизма и его пригодности для многихъ высшихъ умовъ, считаю его однако же для моего собственнаго ума непригоднымъ, и чтобы я могъ сдѣлаться позитивистомъ—я долженъ бы изнасиловать себя.

Какъ бы размышленіе и опытъ ни убѣждали меня, что я не въ состояніи выйти изъ очерченнаго вокругъ меня волшебнаго круга, что я не могу разрѣшить ни одной изъ занимающихъ меня проблемъ, я не могу осилить мои влеченія и не заниматься тѣмъ, что я считаю вопросами моей жизни. Но я съ тѣмъ вмѣстѣ не доктринеръ. Стараться осмыслить произведеніе фантазій въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ для меня не значитъ отказаться вовсе отъ эмпиріи или пренебрегать ею, считать ее выработанные уже наукою и опытомъ методы ложными или мало значущими и не признавать ее заслугъ. Нѣтъ, я одинъ изъ тѣхъ, которые еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, едва сошедъ съ студентческой скамьи, уже почували вѣяніе времени и съ жаромъ предавались эмпирическому направленію науки, не смотря на то, что вокругъ ихъ еще простирались дебри натуральной и гегелевской философіи. Прослуживъ вѣрою и правдою этому (тогда еще новому) направленію моей науки слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, я убѣдился однако же, что для человѣка съ моимъ складомъ ума невозможно оставаться по всѣмъ занимающимъ меня вопросамъ жизни въ этомъ одномъ направленіи, или, другими словами, сдѣлаться позитивистомъ и сказать себѣ: „стой! ни шагу далѣе“!

Вотъ я при такомъ убѣжденіи и дозволяю моей фантазіи, при помощи моихъ какихъ ни на есть знаній, доказывать,—конечно мнѣ же самому,—что *raison d'être* всего подвластнаго чувствамъ, опыту и наблюденію скрыто за кулисами эмпирической сцены и потому и подвластно лишь ей одной (фантазіи), да размышленію, да и то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Не бывъ отъявленнымъ позитивистомъ, я не могу искоренить въ себѣ желанія заглянуть за кулисы, и не только изъ одного любопытства, но и съ (утилитарною) цѣлью ограниченія слишкомъ назойливыхъ претензій опыта на самовластіе и вмѣшательство въ рѣшеніе вопросовъ, касающихся того закулиснаго резондэтра.

И такъ начну съ того, на чемъ остановился, и что должно казаться съ перваго взгляда бессмысленнымъ.

VI.

29 декабря (1879 г.). Мать утихла, небольшой NO—5° R. Послѣ утренней прогулки.

„In's Innere der Natur dringt kein geschaffener Geist“. Это великая, глубоко продуманная, мысль великаго естествоиспытателя. Да, какъ бы глубоко ни проникали внутрь организма опытъ и наблюденіе, внутрь самой природы имъ входъ запрещенъ. Научный прогрессъ дѣлаетъ опытъ и наблюденіе болѣе утонченными, изощряетъ чувства наблюдателя, помогаетъ замѣнять, какъ можно лучше, одно чувство другимъ, какъ, напримѣръ, зрѣніемъ—осязаніе; раскрываетъ механизмъ и химизмъ органической фабрики¹⁾; но то, что направляетъ ея, что направляетъ дѣйствующія въ ней силы въ охранѣ и поддержанію бытія въ извѣстномъ опредѣленномъ заранѣе (типичномъ) видѣ, какъ *en gros*, во всей органической массѣ, такъ и въ частностяхъ,—въ каждой особи, въ каждомъ органѣ, въ каждой ткани,—это неподсудно изысканіямъ и неизяснимо; хотя игнорировать этого начала или силы,—назовите, какъ угодно,—мы не можемъ, если бы и хотѣли. Наша мысль и фантазія не могутъ не стремиться привести въ какую либо связь проявленіе этого мірового начала съ нашимъ соб-

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ, на полѣ, неизвѣстно куда относящіяся слова: „Что живетъ? Поддержаніе цѣли бытія. Зерно и ферменты“.

ственнымъ я. Мы и мыслимъ потому, что находимъ мысль во всемъ окружающемъ насъ. Безъ участія мысли и фантазіи не состоялся бы ни одинъ опытъ и всякій фактъ былъ бы бессмысленнымъ. Наши мысль и фантазія, какъ причина, производящая и опытъ, и наблюденіе, не могутъ однако же, по особенноти своей природы, ограничиться этими двумя способами знанія. Умъ, употребивъ опытъ и наблюденіе, то есть направивъ и заставивъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ наши чувства, потомъ разсматриваетъ съ разныхъ сторонъ, связываетъ и даетъ новое направленіе собраннымъ чувствами впечатлѣніямъ, и всегда не иначе, какъ съ участіемъ фантазіи.

30 декабря (1879 г.). Снѣгу навалило въ эти два дня (третьяго дня и вчера) мѣстами въ человѣческой ростъ.—10° R.

Мнѣ хочется доказать себѣ, что умственный мой процессъ въ настоящее время, когда я стараюсь уяснить себѣ мое міровоззрѣніе, дѣйствуетъ въ сущности тѣмъ же способомъ, какъ и въ то время, когда я ничего другого не хотѣлъ знать кромѣ фактовъ и ничего другого не бралъ въ основу моихъ сужденій кромѣ фактовъ. Мнѣ кажется, что рѣзкое различіе, дѣлаемое между сужденіями а priori и а posteriori, или между дедуктивнымъ и индуктивнымъ способами, есть чисто доктринерское, и справедливо развѣ въ крайностяхъ, похожихъ на безуміе. Въ сущности, апіористъ, также какъ и эмпирикъ, берутъ за исходную точку своихъ сужденій фактъ, — factum, нѣчто для нихъ обоихъ неопровержимое и пріобрѣтенное первоначально чувствами и опытомъ; различіе только въ томъ, что апіористъ даетъ впоследствии другое значеніе факту и опыту, и въ пріобрѣтеніи своихъ знаній (которыя безъ опыта невозможны) не ограничивается одними впечатлѣніями, доставляемыми ему внѣшними чувствами. У него играютъ болѣе важную роль не столько непосредственныя чувственныя впечатлѣнія, сколько заключенія, сложившіяся въ умъ и фантазіи изъ этихъ впечатлѣній. Но такъ называемый рациональный эмпиризмъ, къ послѣдователямъ котораго я отношу и себя, также не довольствуется однимъ собираемъ приносимыхъ чувствами впечатлѣній. Изобрѣтая различныя способы наблюденія и опыта, контролируя одинъ опытъ другимъ, рациональный эмпирикъ неминуемо пускаетъ въ ходъ фантазію, и умозаключенія его почти никогда не могутъ удержаться въ непосредственной (прямой) связи

съ чувственными впечатлѣніями, доставляемыми прямо опытомъ и наблюденіями. Всегда есть пробѣлъ между умозаключеніемъ и чувственнымъ фактомъ и, чтобы уменьшить сколько можно этотъ пробѣлъ—у насъ нѣтъ другого средства, какъ повтореніе или скопленіе однородныхъ фактовъ; а это средство подвергаетъ насъ заблужденіямъ, которыя не рѣдко вреднѣ увлеченій фантазіи, потому что обманываютъ насъ своею кажущеюся точностью.

Вообще, мнѣ кажется слишкомъ школьнымъ и тотъ анализъ нашего мышленія, которымъ мы обыкновенно руководствуемся. Мы принимаемъ ощущенія, внимательность (perceptio), память, ассоціацію идей, свойство означать ощущенія членораздѣльными звуками, сужденіе, фантазію за совершенно отдѣльно и какъ бы независимо другъ отъ друга дѣйствующія способности. Это, конечно, необходимо для уясненія себѣ умственнаго процесса. Но вполне независимы одна отъ другой функціи этихъ способностей я считаю невозможными въ нормальномъ состояніи. Правда, одна изъ нихъ можетъ быть сильнѣе развита, чѣмъ другая и потому функція одной изъ этихъ способностей можетъ быть для насъ замѣтнѣе другой, но безъ ощущенія немыслима; мышленіе безъ внимательности и (безъ) памяти ощущаемое, было бы однимъ эфемернымъ и безслѣднымъ возбужденіемъ; а безъ фантазіи не можетъ обойтись и самый точный математическій приѣмъ мышленія. Правда, въ пользу сепаратизма и локализаціи нашихъ психическихъ способностей говоритъ тотъ неоспоримый фактъ, что при полномъ почти недостаткѣ одной изъ нихъ другія продолжаютъ еще дѣйствовать. Самая способность ощущенія нѣкоторыми физиологами, посаженная въ зрительные бугры мозга, еще подраздѣляется и локализируется на нѣсколько другихъ категорій; такъ, зрительное ощущеніе должно имѣть отдѣльное мѣсто въ мозгу отъ ощущенія слухового и т. п., и, весьма вѣроятно, что различныя ощущенія, приносимыя внѣшними чувствами, сосредоточиваются въ различныхъ порціяхъ мозга. Но то, что въ насъ ощущаетъ, то ощущающее начало есть нѣчто нераздѣльное, цѣлое и едва ли когда въ теченіи жизни измѣняемое; его нельзя локализовать въ той или другой порціи мозга и врядъ ли можно назвать и самый мозгъ единственнымъ его мѣстопребываніемъ. Намъ, конечно, кажется, что сосредоточивая наше вниманіе на какой либо предметъ, смотря, напримѣръ, на него въ микроскопъ или телескопъ, мы только смотримъ и превращаемся, такъ ска-

зять, всецѣло въ одно зрѣніе. Но вникнувъ глубже въ этотъ процессъ сосредоточеннаго зрѣнія, мы убѣдимся во первыхъ, что обращать вниманіе на что либо значитъ внимать самого себя, то есть направлять то ощущаемое начало, называемое я, на впечатлѣнія, приносимое тѣмъ или другимъ органомъ чувства, смотря въ этомъ я въ глазъ, слушать имъ же въ ухо и, воспринимая въ себя эти впечатлѣнія, въ то же время судить о нихъ, представлять ихъ себѣ въ томъ или другомъ видѣ, сравнивать съ прежними ощущеніями, принимаемыми нѣкогда тѣми же чувствами; а все это необходимо требуетъ, чтобы наше я безпрестанно приводило въ дѣйствіе и ту, то другую умственную способность и въ одно и то же время.

Хотя въ чувственныхъ ощущеніяхъ, какъ напримѣръ между слухомъ и зрѣніемъ, можно опредѣлить краткіе промежутки времени, отдѣляющіе эти ощущенія, если мы смотримъ и слушаемъ (какъ астрономы) въ одно и то же время; но едва ли мы найдемъ средство уловить промежутки, отдѣляющіе ощущеніе, приносимое глазомъ, отъ того процесса, который совершается въ то же самое время нашимъ я и который (процессъ) называется теперь бессознательнымъ мышленіемъ,—название, по моему, нелѣпое, хотя и означающее дѣйствительно особый психическій процессъ; мнѣ кажется, что его лучше признать безъимяннымъ или неудобно называемымъ, чѣмъ давать ему бессмысленное прозвище.

Вотъ это quasi бессознательное мышленіе, сопровождающее всѣ наши чувственыя ощущенія, въ самый моментъ ихъ проявленія, и есть самое характеристическое свойство нераздѣльности и цѣльности нашего я.

Какъ бы ни были отдѣльно локализованы наши чувства зрѣнія, слуха, осязанія, наша память, воображеніе, способность говорить, мыслить, хотѣть, наше я есть въ одно и то же время и нѣчто отдѣльное отъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣщающее всѣ эти чувства и способности въ себѣ. Наше я играетъ, какъ будто, на клавишахъ тѣхъ органовъ, функціямъ которыхъ эмпиризмъ приписываетъ зрѣніе, слухъ, память, слово и пр.;—и выражая своею игрою эти функціи, наше я само участвуетъ въ нихъ, какъ нераздѣльное цѣлое, связывая ихъ и проявляя ими свое бытіе.

Писано 5-го января (1880 г.)....

Н. И. Пироговъ.

С. Вишня.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ СПИРИДОНЪ ДРОЖЖИНЪ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ

1848—1884 гг.

Въ длинномъ ряду русскихъ людей, явившихся на страницахъ „Русской Старины“ въ 1870—1884 гг., въ ихъ запискахъ, воспоминаніяхъ и автобіографіяхъ, не мало было такихъ, которые вышли прямо изъ среды народной. Это самородки русскаго народа, одаренные тѣмъ или другимъ талантомъ, и затѣмъ, благодаря личной энергіи, труду и настойчивости, проложившіе себѣ дорогу и составившіе себѣ славную, почетную извѣстность своими произведеніями въ одной изъ областей художества и искусства. Таковы: Айвазовскій, Ползуновъ, Пожалостинъ, Солнцевъ, Сѣряковъ и друг.

Въ лицѣ Спиридона Дмитриевича Дрожжина предъ нами вновь является одинъ изъ русскихъ самородковъ-самоучекъ.

Это поэтъ, поэтъ-крестьянинъ, безусловно одаренный талантомъ и чувствомъ. Но обстоятельства сложились для него не такъ благоприятно, какъ сложились они для его высоодаровитыхъ предшественниковъ—Кольцова и Некрасова...

Если талантъ Спиридона Дрожжина, еще человѣка молодого, уже замѣченъ въ литературѣ,—если нѣкоторые періодическія изданія радушно отводятъ свои страницы для его поэтическихъ произведеній, то за всѣмъ тѣмъ крестьянинъ Дрожжинъ и на 36 году отъ рожденія все еще не выбылъ изъ тѣхъ крайне тяжелыхъ жизненныхъ условій, которыя препятствуютъ и его самообразованію, и развитію его поэтическаго творчества...

Во всякомъ случаѣ жизнь такого человѣка интересна и поучительна.

Вотъ почему мы пригласили С. Д. Дрожжина разсказать намъ грустную повѣсть своей жизни, исполненной почти непрерывныхъ лишеній и тяжелаго скитальничества.

С. Д. Дрожжинъ исполнилъ нашу просьбу; собственноручный разсказъ его является здѣсь безъ малѣйшихъ поправокъ и измѣненій. Р е д.

I.

Родина.

Въ Тверскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки Шоши, въ 40 верстахъ отъ губернскаго города, расположена маленькая деревушка Низовка, съ другой стороны окруженная полями и дремучимъ лѣсомъ, которая во время весенняго разлива рѣкъ почти ежегодно на половину затопляется водой, отсюда, вѣроятно, произошло и названіе ея. Другіе противоположные и болѣе возвышенные берега Волги и Шоши представляютъ изъ себя, особенно лѣтомъ, чрезвычайно живописную картину густо скученныхъ и утонувшихъ въ лѣсной и огородной растительности прибережныхъ селъ и деревень.

Прежде черезъ рѣку Шошу былъ устроенъ постоянный мостъ и мимо деревни Низовки пролежала большая Московская столбовая дорога, и сюда по ней въ 1812 году пригоняли на постои плѣнныхъ и раненыхъ французовъ, а также много въ то время ихъ, умирающихъ отъ ранъ, вблизи этой деревни на берегу Волги и хоронили. Мѣста ихъ вѣчнаго успокоенія и теперь еще въ памяти у деревенскихъ жителей, между которыми не мало сохранилось о французахъ смѣшныхъ и мрачныхъ анекдотовъ. Здѣсь-же въ 1825 году провозили тѣло въ Возѣ почившаго въ Таганрогѣ императора Александра I и его неожиданная смерть была оплакана и воспѣта народомъ въ слѣдующихъ душевныхъ выраженіяхъ:

Какъ по Питерской дорожкѣ,
По Московской столбовой ¹⁾
Что не пылъ надъ ней пылить;
Молодой курьеръ бѣжить.
Ты куда курьеръ бѣжишь,
Ты куда скоро спѣшишь?
Я бѣгу, скоро спѣшу
Въ бѣлокаменну Москву,
Въ бѣлокаменну Москву;
Я вамъ вѣсточку несу,
Скидавайте красоту,
Надѣвайте червоту!
Померь, померь нашъ Александра,
Въ Таганрогѣ жизнь скончагь!
Его матушка родная
Встосковалася по немъ,
А царца молодая

¹⁾ Второй стихъ каждый разъ повторяется.

День тоскуеть, ночь не спать,
 День тоскуеть, ночь не спать,
 Все въ окошечко глядитъ...
 — Дай пойду я на ту башню,
 Которая выше всѣхъ;
 Посмотрю я въ ту сторону,
 Гдѣ Александра путь лежитъ.
 Обѣщанъ нашъ Александра
 Къ Рождеству домой прибыть,
 Но всѣ празднички проходитьъ
 Александра дома нѣтъ...
 По дорогѣ генералы
 На главахъ его несутъ,
 Господа и офицеры
 По бокамъ его идутъ....

II.

Первые годы дѣтства.

1848—1860 гг.

Отецъ мой, временнообязанный крестьянинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Григорія Михайловича Безобразова, Дмитрій Степановичъ Дрожжинъ, родился въ 1825 году. Дѣтскій, юношескій возрастъ и первую молодость провелъ онъ въ Петербургѣ, сначала въ ученьи у какого-то живописца, а потомъ попеременно служилъ торговцемъ, кучеромъ и извозчикомъ. Онъ хорошо обучился грамотѣ, имѣлъ отличныя способности къ рисованію и говорятъ написали въ Петербургѣ во весь ростъ образъ Спасителя, которымъ любовались многіе образованные люди. Это былъ, какъ говорится, въ полномъ смыслѣ слова самородокъ, талантъ котораго, не имѣя правильнаго развитія, не могъ разцвѣсти полнымъ цвѣтомъ и погибъ безвозвратно.

Мать моя, Аграфена Васильевна, была дочерью плотника, крестьянина деревни Елизаветино, Василья Андреевича Московскаго, а по народному прозвищу Царекъ, и вышла за него замужъ тогда, когда ей не было и 17 лѣтъ. Послѣ ихъ брака, я былъ первенцемъ и родился въ ночь съ 5-го на 6-е декабря 1848 года, чуть живымъ, хилымъ, а слѣдовательно и до крайности безпокойнымъ ребенкомъ, такъ что мать и вся семья обрекали меня на смерть, но я остался жить и на пяти-лѣтнемъ возрастѣ вижу себя здоровымъ, смуглолицымъ, съ большими—большими карими глазами, мальчуганомъ, одѣтымъ въ длинную съ синими полосками холщевую рубаху, подпоясанную гантаемъ, и въ такіхъ-же полосатыхъ портахъ. Весной, лѣтомъ и осенью я уже сво-

Бодно бѣгаю босикомъ въ поляхъ, на улицѣ или по берегамъ рѣкъ,
собирая маленькіе цвѣтныя камушки, а съ барки то и знай ко мнѣ
доносится крикъ лодмана на выступающихъ по берегу бурлаковъ:
«Поды-май, по-ды-ма-й!» Я вижу какъ:

Смотрить солнце съ небесъ и блеститъ и горитъ,
По полямъ и лугамъ разливается,
Не шелохнется лѣсъ, только пѣсна звенитъ,
Гулкнмъ эхомъ вдали отелняется.
И не дрогнуть листы; у опушки лѣсной
Рожь стоитъ, словно море спокойное;
Полевые цвѣты надъ зеленой травой
Наклонились отъ солнышка знойнаго..
Вдоль по Волгѣ родной съ хлѣбомъ барка плыветъ,
Слышно лодмана крикъ раздается,
Бурлаки во всю мочь налегаютъ впередъ,
Только мачта высокая гнется.
И шагаютъ они по смучтнмъ пескамъ,
По горячнмъ и острымъ камнямъ,
Оглашая дарину всѣмъ русскимъ рѣкамъ
За сердце хватающимъ пѣньемъ:

„Ой, подуѣ ты непогодушка
Со попутной намъ сторонушки,
Призакрой ты солнце жгучее
Непроглядной, темной тучею,
Отъ жары нѣтъ силы-моченьки;
Притомнили руки, ноженьки,
Разломилась больно спинушка,
Ой зеленая дубинушка!“
Такъ съ пѣсней, полною тоски,
Идутъ, вздыхая, бурлаки,
И по приволжскимъ берегамъ
Встрѣчаютъ избы или храмъ
Уединенный надъ горой,
Гдѣ за оградю простой
Бѣлѣютъ камни и кресты,
И къ нимъ склоненные кусты
Какъ будто плачущихъ равнѣ.
А тамъ, исполненный чудесъ,
Вдали шумитъ дремучій лѣсъ,
Вѣтвями машетъ и манитъ
Отъ раскаленныхъ береговъ
Подъ тѣнь густую бурлаковъ..
Иль изъ тяжелыхъ мрачныхъ тучъ
Блеснетъ вдругъ молнія, и громъ
Ударитъ съ проливнымъ дождемъ,
А вѣтеръ силенъ и могучъ
Какъ звѣрь надъ Волгой зареветь
И взбороздить равнину водъ

Родной кормилицы рѣки...
 Идутъ по грязи бурлаки
 Опять подъ лампою впередъ.
 Но снова солнышко взойдетъ,
 И ихъ обогрѣетъ и кругомъ
 Своимъ живительнымъ лучемъ
 Блеснетъ надъ бѣдною землей;
 Въ рѣкѣ уляжется волна,
 И рыбка рѣзвая со дна
 Всплыветъ, блистая чешуей.
 Порой надъ тихою рѣкою
 Ударитъ звонко бичева...
 Бурлаки движутся едва
 И, похъ собой не чуя ногъ,
 Упасть готовы на песокъ;
 Впередъ съ надеждою глядятъ,
 Какъ-бы до Твери дотянуть,
 И, кончивъ этотъ трудный путь,
 Что-бъ возвратиться имъ назадъ
 Домой, хотя-бы въ Покрову...¹⁾

Я теперь зналъ хорошо молитвы «Отче Нашъ», «Богородицу» и «Вѣрую», которыми выучили меня дѣдушка и мать чуть не на третьемъ году. Всѣ мужики и въ особенности бабы удивлялись и разводили руками, что такой клопъ, можно сказать, и читаетъ ихъ какъ по писанному, не хуже церковнаго дьячка. Разъ какъ-то весной одна бездѣтная бобылка, встрѣтивъ меня на улицѣ, затащила къ себѣ въ избушку и, посадивъ за столъ, накормила меня всласть горячими сдобными лепешками за то, чтобы я только ей спѣлъ молитвы. Охотно исполнивъ ея просьбу, я воротился домой и почему-то сильно расхворался. Со мной сдѣлался жаръ и я всю эту ночь и послѣдующую бредилъ и метался. Мать стала меня поить водой съ «уголька» и приписывала мою болѣзнь «сглазу». Болѣзнь долго еще послѣ этого периодически повторялась. И мать дала завѣтъ, что если я выздоровѣю сходить на богомолье къ «Никитѣ мученику» и къ явленной иконѣ Казанской Божией матери. И вотъ, когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ, едва послѣ весенняго разлива Волга улеглась въ берегахъ и оживилась унылымъ крикомъ бурлаковъ, мать, видя меня здоровымъ, во чтобы-то ни стало хотѣла исполнить свое обѣщаніе и отправилась со мной на богомолье.

Мнѣ еще въ первый разъ въ жизни пришлось сдѣлать такое большое путешествіе и меня интересовало все новое, мною невиданное, что только намъ попадалось на пути, особенно въ природѣ: и этотъ лѣсъ,

¹⁾ «Привалъ на Волгѣ», поэма (1880). См. «Игрушечка», дѣтскій журналъ, 1884 г., № 8 и слѣдующіе.

на много верстъ тянувшійся въ дорогѣ, съ его смолянистымъ дыханіемъ и съ какимъ-то таинственнымъ шопотомъ и чудной музыкой безчисленнаго множества птицъ и разныхъ насѣкомыхъ, и это поле, покрытое зеленымъ бархатомъ, унизаннымъ цвѣтами, пропадающее въ необъятной дали безпредѣльнаго неба, и эти рѣки и зеркальныя озера, на гладкой поверхности которыхъ по временамъ плещется, оставляя большіе круги, рѣзвая серебристая рыбка, и наконецъ эти убогія, какъ и моя родная Низовка, села и деревушки, утонувшія въ свѣжей зелени березъ, рябины и черемухи, гдѣ весело играютъ въ такихъ-же, какъ у меня, свихъ рубашкахъ и босикомъ незнакомыя мнѣ маленькія дѣти. На все смотрю я удивленными глазами и думаю: а гдѣ же край этой земли и этому необъятному небу?

Съ пятилѣтняго же возраста у меня проявилась необыкновенная страсть къ рисованію и любовь слушать народныя пѣсни и сказки. Рисовалъ я, за неизмѣнимъ бумага и карандаша, на заборѣ и на воротахъ дома обточеннымъ углемъ или краснымъ камнемъ, во множествѣ находимымъ на берегу Волги и Шоши.

Слушая въ праздничные дни унылыя пѣсни деревенской молодежи, я часто задумывался надъ ними и удивлялся тому: откуда берутся эти пѣсни? и наконецъ приходилъ къ такому заключенію, что пѣсни не что иное, какъ обыкновенныя слова, только надобно ихъ говорить на распѣвъ. Съ такою мыслию я часто убѣгалъ въ огородъ, садился тамъ подъ душистую черемуху и тотчасъ начиналъ говорить громко и на распѣвъ обыкновенныя слова, прямо взятыя изъ небогатаго еще дѣтскаго запаса и подражать въ нихъ звукамъ какой-нибудь слышанной мною пѣсни, наввино воображая себя настоящимъ пѣвцомъ-баяномъ. Сказки большею частію мнѣ рассказывала мать или пастухи и прохожіе странники; послѣднія такъ сильно дѣйствовали на мое дѣтское воображеніе, что я, прослушавъ какую-нибудь сказку, долго потомъ не могъ уснуть и въ страхѣ кутался съ ногъ до головы, боясь, чтобы въ забу не пришла къ намъ въ своей ступѣ страшная «Баба-Яга» и не утащила бы меня въ свою, такъ называемую, избушку на бурьяхъ ножкахъ, или не влетѣлъ бы въ окно Змѣй-Горынычъ и не обжегъ меня своимъ пламеннымъ дыханіемъ.

Всегда мечтательный, задумчивый и сосредоточенный въ самомъ себѣ, я любилъ уединеніе, рѣдко вмѣшивался въ ребяческія игры и только иногда смотрѣлъ, какъ играли другія дѣти. Дружился тоже не со всякимъ; единственными моими друзьями въ эту пору были: Лешка Духанъ, старше меня двумя годами, изба котораго стояла рядомъ съ нашей избой, и четырехлѣтняя дѣвочка Оля съ голубыми, какъ

васильки, глазками и бѣлыми, какъ лень, длинными волосенками, которая была идеаломъ моей будущей жены вплоть до самой ея смерти. Когда я жилъ уже въ Петербургѣ, она 17 лѣтъ вышла за деревенскаго парня и черезъ годъ умерла родами. Эта дѣвушка вызвала у меня въ 1875 году слѣдующую элегію:

Нѣтъ больше пѣсенъ у меня,
Разбито сердце, умеръ я
Для чуждыхъ звуковъ и любви,
И гусли вѣщія моя
Молчанье гордое хранить,
И какъ бывало не звучать
Они подъ трепетной рукой
Ни примиревьемъ, ни грозой...

Я помню мирное село,
И домъ подъ крышею гнилой,
Гдѣ дѣтство бѣдное прошло,
Гдѣ я въ семьѣ своей узналъ
Всю горечь жизни, и страдалъ
Совсѣмъ не дѣтскою душой
И съ каждымъ часомъ увядалъ,
Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косой...

И вдругъ, какъ съ неба, въ міръ земной
Она явилась предо мной
Съ улыбкой дивной на устахъ;
Въ ея лазоревыхъ глазахъ
Казалось были небеса,
А золотистая коса
Съ широкой лентой голубой
Вилась съ плечъ ея змѣей;
На волны бѣлыя грудей
Спускалась нитка интарей,
Уста кораллы, и рядъ зубовъ
Равнялся чистыхъ жемчуговъ...

Но какъ цвѣтокъ родныхъ полей,
Отрада юности моей,
Она увяла, надъ рѣкой
Ея когнѣ — крестъ простой
Съ тяжелой каменной плитой
Теперь на кладбищѣ стоитъ
И мнѣ, казалось, говоритъ
Прощанье съ жизнью молодой.

Лешка Духанъ моимъ другомъ сдѣлался съ тѣхъ поръ, какъ одинъ мальчикъ хотѣлъ меня вдругъ ни за что ни про что поколотить, а онъ заступился за меня и поколотилъ этого дерзкаго мальчика. Лешка былъ добрый, неглухой мальчикъ, но безграмотный, какъ и его отецъ, который не считалъ за грѣхъ собирать милостыню Христа-ради даже въ

томъ случаѣ, когда закромы въ амбарахъ отъ зерна чуть не ломились. Пойдетъ бывало Лешка вмѣстѣ со мной на Волгу, увидитъ тамъ на привалѣ обѣдающихъ бурлаковъ и начнетъ у нихъ конючить Христа-ради. А тѣ ему и даютъ большую крону хлѣба, а иногда и кусочекъ солонины. Возьметъ Лешка и, какъ добрый другъ, никогда не съестъ своей милостыни одинъ, а непременно раздѣлитъ ее со мной пополамъ.

Съ какимъ удовольствіемъ мы тогда съѣдали этотъ хлѣбъ или эту солонину, тутъ же расположившись на пескѣ, возлѣ обѣдающихъ бурлаковъ:

У разведеннаго огня,
Гдѣ закипаетъ котелокъ
И вьется сгрудкою дымокъ¹⁾.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о моемъ родномъ дѣдушкѣ Степанѣ Степановичѣ, который меня очень любилъ и имѣлъ немалую долю своего вліянія своей прямоюю, честностью и необыкновенно незлобивымъ характеромъ. Это былъ человекъ высокаго роста, худошавый, съ небольшою клинообразною бородкой и черными съ просѣдью вьющимися волосами; блѣдное, но довольно красивое лицо его выражало природный умъ, кротость и добродушіе. Онъ былъ необыкновенно богомоленъ, никогда не просыпалъ ни одной заутрени и не пропускалъ ни одной обѣды, а также страстный любитель книгъ священнаго писанія, которыя перешли къ нему по наслѣдству еще отъ отца и его дѣда; ими былъ наполненъ сундукъ въ амбарѣ и въ избѣ, у божицы, устлана полка.

Все прочитанное или гдѣ-либо слышанное онъ отлично сохранялъ въ памяти и часто передавалъ въ увлекательномъ разказѣ собиравшимся въ его избѣ большею частію безграмотнымъ крестьянамъ, которые, слушая его, часто отъ души вздыхали и плакали. Кромѣ моего отца, и два младшихъ его сына, Василій и Петръ, были также имъ выучены грамотѣ.

Зимой я большею частію просиживалъ въ избѣ, каждый разъ внимательно разсматривая въ книгѣ «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта» картинки, а дѣдушка иногда на досугѣ перечитывалъ мнѣ ея содержаніе. Въ концѣ этой книги какъ-то разъ меня особенно заинтересовалъ нарисованный карандашомъ Спаситель, держащій въ рукѣ святое Евангеліе; я тогда обратился къ дѣдушкѣ и, указывая на рисунокъ, спросилъ: «дѣдушка, кто это рисовалъ?» «А это твой отецъ баловался въ то самое время, когда ты еще и не родился; онъ и теперь

¹⁾ „Привалъ на Волгѣ“.

мастеръ на эти штуки-то, да все это одно баловство», отвѣтилъ дѣдъ, а я послѣ такого объясненія глубоко задумался и рѣшилъ, во чтобы то ни стало, срисовать изображение Спасителя, рисованнаго отцемъ. Но чѣмъ и гдѣ бумага?—задалъ я себѣ невольный вопросъ и въ то же время сообразилъ, что въ книгѣ священной исторіи, противъ рисунка отца, есть чистая страница листа, а карандашъ можно сдѣлать изъ оловянной пуговицы, которую я видѣлъ въ бабушкиномъ кузовкѣ. И вотъ, не долго думая, я утащилъ у бабушки пуговицу, сиюснулъ ее молоткомъ, сдѣлалъ продолговатую, очинилъ въ видѣ карандаша и, украдкой отъ дѣдушки, приступилъ къ рисованію съ отцовскаго рисунка. Не зачѣмъ говорить, конечно, что моя копія оказалась далеко хуже своего подлинника, но я сѣлъ отъ удовольствія и съ гордостью показалъ его дѣдушкѣ. Дѣдушка улыбнулся и, покачавъ головой, промолвилъ: «весь ты въ отца уродился, паренъ; только не будь такимъ безпутнымъ, какъ онъ». Однажды, какъ помнится, въ самый должно быть разгаръ приготовленія русскнхъ къ войнѣ, отецъ мой былъ вытребованъ изъ Петербурга для вынутія жеребья.

Дверь избы отворилась и на порогъ ея показался молодой, рослый, здоровый мужикъ, одѣтый въ длинный армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ и въ картузѣ; онъ, слѣгка пошатываясь, снялъ его съ головы, перекрестился на образа, началъ кланяться въ ноги отцу и матери, поздоровался съ младшими братьями, Васильемъ и Петромъ, затѣмъ, поцѣловавъ мою мать, сѣлъ въ передній уголъ, не обращая никакого вниманія на меня, когда я вертѣлся тутъ же. Такимъ невниманіемъ я страшно обидѣлся, заплакалъ и убѣжалъ въ чуланъ за перегородку. Слѣдомъ за мной бросилась мать и стала меня уговаривать, чтобы я вышелъ изъ чулана и поздоровался съ отцемъ. Долго бы еще можетъ быть я продолжалъ упрямитъся и плакать, если бы мать мнѣ не сказала, что отецъ привезъ для меня книжку съ картинками. Тогда я вышелъ изъ своей засады, подошелъ къ отцу, который поднялъ меня къ себѣ на колѣни и, крѣпко цѣлуя, вручилъ мнѣ книжку. Книжка была съ раскрашенными картинками, изображающими Шемякинъ судъ, и я съ этого дня носился съ ней, какъ съ писаной торбой.

Отца моего въ то время, по ходатайству дѣдушки и заступничеству бурмистра, навсегда освободили отъ военной службы и онъ вскорѣ опять уѣхалъ въ Петербургъ, куда мать моя, въ 1864 году, писала ему слѣдующее сохранившееся въ моихъ бумагахъ письмо:

«Любезнѣйшему моему сожителю Дмитрію Степановичу, отъ сожительницы твоей Аграфены Васильевны; свидѣтельствую тебѣ съ любовью нижайшій поклонъ, также отъ сына твоего Спиридона Дмитріе-

вича, просить онъ твоего заочнаго родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго и низко кланяется.

«Любезный другъ, Дмитрій Степановичъ, при семъ увѣдомляю тебя о себѣ, что я все нынѣшнее лѣто весьма была нездорова, почти во все страданное рабочее время меня была лихорадка, да еще больше я болѣла о тебѣ, потому что про тебя изъ Питера шли вѣсти непорядочныя; ты видно только и думаашь въ гробъ меня вогнать, а не то, что какъ добрые люди своихъ женъ только украшаютъ. Ты знаешь, что у тебя сынъ растеть, уже порядочный мальчякъ, и ему нужно родительское попеченіе, а ты, другъ мой, и своимъ-то родителямъ ничего не дѣлаешь, кромѣ озлобленія, а домъ родительскій приводишь къ полному раззоренію и опущенію, а обо мнѣ ты, другъ мой, видно совсемъ забылъ, забылъ какъ мы съ тобой по закону Божию вѣчались золотыми вѣнцами брачными; или у тебя былъ тогда разсудокъ другой и теперь ты его истратилъ? Помни, другъ мой, какъ въ Питерѣ не живи, а въ деревнѣ будешь; что тебѣ тогда будетъ пріятнѣе: хорошо или худое? ты всегда мнѣ клялся, что будешь жить хорошо и до сего не исполняешь свою клятву; у Спириушки нѣтъ ни шубки, ни сапожковъ, также и у меня, а просить у свекра не смѣю, потому что въ домѣ страшная нужда, а ты знаешь сколько выслалъ, что только на соль, а хлѣба купить не на что; вспомни про насъ, другъ мой, ужли въ тебѣ послѣдняя искра Божія погасла и ты ничего не чувствуешь и не понимаешь.

«Я ужъ думаю ѣхать къ тебѣ въ Петербургъ, пиши и дай мнѣ свой дружескій совѣтъ, что мнѣ дѣлать.

«Также другъ мой, Дмитрій Степановичъ, извѣстно тебѣ, что на дорогу положены въ закладъ мои холсты и приданная сорока.

«Понимай объ этомъ сколько нибудь попеченія, пришли денегъ-ночь, я бы ихъ выкупила и сдѣлала какую нибудь шубенку себѣ и Спириушкѣ. За сямъ письмомъ остаемся, пока мышь балку не съѣла живы и здоровы, а впередъ буде воля Божія.

«Любящая тебя жена Аграфена Васильевна и сынъ Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжины».

„Низовна, 20-го сентября 1864 г.“

Долго не получая отъ него ни письма, ни денегъ, мать, наконецъ рѣшилась ѣхать къ нему въ Питеръ. И вотъ въ назначенный день все было приготовлено къ ея отъѣзду; паспортъ отъ бурмистра высланъ; Буланка, запряженный въ сани, стоялъ у воротъ; въ избѣ на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, стояли хлѣбъ и соль; передъ кѣтой затеплена копѣчная свѣчка; семья и родные въ сборѣ. Началъ

всѣ молиться и прощаться съ отлѣзжающей. Я расплакался и мать, давая меня, сквозь слезы начала въ утѣшеніе мнѣ говорить, что пришлетъ изъ Питера много разныхъ гостинцевъ и игрушекъ.

— «Нѣтъ, маменька, — отвѣтилъ я, утирая рукавомъ катившіяся слезы, — игрушекъ и гостинцевъ мнѣ не надо, а пришли мнѣ лучше карандашъ и бумаги: я хочу рисовать образа и дѣдушкины книги, а у меня нѣтъ ни карандаша, ни бумаги, и купить не на что».

Мать обѣщала мнѣ прислать то и другое, упрасивая меня, чтобы я только молился Богу и слушался бы хорошенько дѣдушку и бабушку. И вотъ вдругъ я остался безъ отца и безъ матери.

Мать вскорѣ исполнила свое обѣщаніе и прислала мнѣ съ однимъ прѣхавшимъ изъ Питера землякомъ 12 листовъ писчей бумаги, карандашъ и 15 копѣекъ денегъ; послѣднія я отдалъ бабушкѣ на вужду, и тотчасъ принялся мараить карандашемъ бумагу, вырисовывая на ней копии съ домашнихъ образовъ, картинки изъ иллюстрированной книги священной исторіи и, не умѣя еще читать, строчки печатныхъ буквъ; мнѣ особенно хорошо, въ техническомъ отношеніи, удавались эти послѣднія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мать возвратилась изъ Питера.

На седьмомъ году дѣдушка выучилъ меня церковной и гражданской азбукѣ, а восьми лѣтъ я уже бойко читалъ какъ церковныя, такъ и гражданскія книги. Первой прочтенной мною книгой была «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта», съ картинками, которая мнѣ такъ понравилась, что я ее повторилъ. А затѣмъ извлекъ изъ дѣдушкина сундука и другія книги; въ числѣ ихъ, между прочимъ, также были мною прочитаны: «Исторія Филарета Милостиваго» съ картинками, «Жизнь святой Θεодоры» съ изображеніемъ пройденныхъ ею 20-ти мытарствъ, и «Путешествіе русскихъ людей ко Святымъ Мѣстамъ» (свѣтскихъ книгъ въ сундукѣ дѣдушки не имѣлось).

Все прочитанное мной производило на меня такое сильное впечатлѣніе, что я видѣлъ себя окруженнымъ героями и мучениками христіанства или отшельникомъ, носящимъ тяжелыя вериги, всю жизнь проводящимъ въ строгомъ постѣ и молитвѣ, затѣмъ проповѣдникомъ, къ которому со всѣхъ сторонъ стекаются безчисленныя толпы народа и слушаютъ его боговдохновенныя рѣчи. Но живая горькая дѣйствительность нерѣдко отрываетъ меня отъ этихъ мечтаній и направляетъ ихъ въ другую, совершенно противоположную сторону; видя ежедневную нужду семьи и частыя сѣтованія на нее бабушки Анны Петровны, иногда за скуднымъ обѣдомъ или ужиномъ я встряхивалъ головой и, обращаясь къ дѣдушкѣ, говорилъ: «погоди, дѣдушка, и мы будемъ богаты; читать я теперь знаю, а когда ты отдашь меня учеться дьячку,

я выучусь у него хорошенько писать, поѣду въ Питеръ, буду тамъ зарабатывать деньги, построю тебѣ на нихъ вмѣсто нашей гнилой избы большущій домъ и заплачу весь оброкъ, который ты долженъ старостѣ».

— «Экая ты у меня удача парень», говаривалъ на это дѣдъ, поглаживая меня по головѣ и значительно взглядывая на хлопотавшую у стола бабушку.

Между тѣмъ страшная нужда не переставала стучаться въ двери нашей избы. Я помню одинъ годъ былъ особенно труденъ для дѣдушки; случился неурожай и падежъ скота, а отецъ ничего не помогалъ. Въ этотъ годъ, въ первый разъ въ жизни, дѣдушка рѣшился идти по міру Христа-ради, чтобы накормить голодающую семью.

Вспоминая это время, я въ 1880 г. писалъ слѣдующее:

Отдыхъ крестьянина.

(Памяти дѣдушки).

Послѣдній лучъ зари надъ лѣсомъ потухалъ,
 Дожились тѣни надъ полями,
 Холодный вѣтеръ бушевалъ
 На Волгѣ темными волнами,
 Покрылись небеса густыми облаками...
 Крестьяне изъ полей на гумна довозили
 Рожь спѣлую тяжелыми снопами,
 Ибушки бѣдыми лучиною освѣтили
 И о своей нуждѣ на время позабыли.

.

Вотъ дѣдушка Степанъ изъ поля воротился,
 Какъ лунь сѣдой, щедедушный старичекъ,
 Взмошелъ онъ тихо въ дверь и Богу помолился;
 Отъ усталости не чуя ногъ,
 Присѣлъ на лавку въ уголокъ.
 Лучина на свѣтцѣ привѣтливо трещала,
 За нечкой голосилъ безъ умолку сверчокъ,
 Старушка ужинать собирала
 И чашку щей горячихъ подавала.

.

А послѣ ужина опять усѣлся дѣдъ
 И, окруживъ себя довольною семьей,
 Вдругъ сталъ рассказывать о дняхъ минувшихъ лѣтъ
 Съ тяжелой жизнью трудовой.
 «Я помню, (говорилъ онъ), годъ прожитый мною,
 Не дай Богъ никому его переживать!
 Когда не разъ холодною зимою
 Пришлось мнѣ по міру собирать,
 Чтобъ только плачь дѣтей голодныхъ не слышать».

.

„За испытаніе благодарить я Бога
 И на свою судьбу напрасно не ропталъ,
 Что горькая нужда стояла у порога,
 Что я изъ малыхъ всѣхъ,—тогда послѣднимъ сталъ.
 Но предъ лампадою молитвы возмлагъ
 Небесному Творцу и искренно смирился
 Предъ каждымъ тѣмъ, кому Онъ больше далъ,
 Кто никогда съ семейю не нуждался
 И ближнимъ отъ душъ помочь всегда старался“.

.

Дѣдъ продолжалъ разсказъ, родные вспоминали
 Подробности о тѣхъ тяжелыхъ дняхъ,
 Когда они его съ котомкою встрѣчали
 Въ нѣбъ и яги хлѣбъ, съ слезами на глазахъ,
 Кусками собранный въ сосѣднихъ деревняхъ;
 Затѣмъ въ дому какъ все преумножалось.
 Какъ на засѣянныхъ поляхъ
 Густая рожь въ колосы наливалась
 И съ Божьей помощью въ завромы вся смышалась.

.

Далеко за полночь въ семьѣ велась бесѣда
 При свѣтѣ трепетномъ дымящейся лучины,
 Внуцата рѣзвыя толпились возлѣ дѣда,
 Взирая на его почтенныя сѣдины,
 Все время слушали старинныя былинны,
 Иль сказки чудныя, пока не засыпали,
 Рисуя въ сладкомъ свѣ отрадныя картины...
 Такъ въ урожайный годъ крестьяне отдыхали
 Осеннею порой безъ горя и печали...

Долго я мечталъ объ ученьи у дьячка, наконецъ эти мечты исполнились и я былъ на десятомъ году отданъ въ его училище. Въ ноябрѣ 1858 года, мать меня разбудила тѣмъ-свѣтъ и повела къ дьячку. Село, гдѣ было училище, находится на другомъ берегу рѣки Шоши. Большія повосившіяся хоромы сельскаго дьячка стояли какъ разъ противъ погоста. Мы скоро вошли въ темный крытый со всѣхъ сторонъ дворъ, ощупью поднялись по крутой скрипучей лѣстницѣ въ сѣни и очутились въ тускло освѣщенномъ четырьмя салными свѣчами училищѣ дьячка.

Несмотря на раннее время, довольно просторная комната, уставленная въ видѣ глаголя нѣсколькими столиками и скамейками, была уже переполнена учениками, которые, затверживая заданные имъ уроки, громко читали, или, прилежно выводя на бумагѣ разныя каракули, скрипѣли гусиными перьями. При нашемъ входѣ глаза всѣхъ учениковъ на минуту устремились по направленію къ двери. Дьячка въ эту пору

«въ ученической» не было и за учениками наблюдала дочь его, Любинька, смуглая, какъ цыганка, съ большими черными глазами и вьющимися волосами, дѣвушка лѣтъ 14-ти. Поговоривъ немного съ матерью, она скоро скрылась въ другую комнату и черезъ нѣсколько времени «въ ученическую» вошелъ и самъ учитель Василій Ефимовичъ Воскресенскій. Это былъ мужчина лѣтъ подь сорокъ, высокаго роста, смуглый и съ длинными курчавыми волосами, при разговорѣ имѣвшій привычку потирать руками. По уходѣ матери, онъ посадилъ меня на лавку въ самомъ концѣ стола и заставилъ меня прочесть ему вслухъ принесенный мной изъ дома «Часовникъ». Я прочиталъ нѣсколько страницъ; онъ похвалилъ и, отобравъ отъ меня «Часовникъ», принесъ мнѣ изъ своей комнаты «Псалтирь». У меня никогда еще не было въ рукахъ этой драгоценной книги и я, съ благоговѣніемъ поцѣловавъ въ ней изображеніе пророка, началъ читать его псалмы. Кончивъ чтеніе всего «Псалтиря», я сталъ учиться письму и выводилъ пока за немѣніемъ бумаги, на грифельной доскѣ первыя буквы азбуки. Въ продолженіи этой зимы я выучился писать и разбирать самыя неразборчивыя письма и бумаги, которыя давались для прочтенія ученикамъ въ видѣ испытанія; въ то же время дѣлчекъ посадилъ мнѣ подь руку сидящаго вторую зиму надъ азбукой одного ученика—Митю Козельскаго. На обязанности моей лежало указывать и прослушивать его уроки и объ успѣхахъ или неуспѣхахъ Козельскаго въ обученіи говорить «дяденькѣ», какъ называли всѣ ученики Василія Ефимовича Козельскій, своею необыкновенною тупостью, часто меня выводилъ изъ терпѣнія и я иногда озлобленно щипалъ его за икры; эти щипки бѣдный непонятливый ученикъ выносилъ отъ меня съ величайшею покорностью, а чтобы сколько нибудь меня умиловить давалъ мнѣ взятку въ видѣ черстваго калача, баранка или леденца. Я все это бралъ отъ него, какъ должное, но все-таки потачки ему не давалъ и по прежнему строго относился къ своей обязанности, какъ настоящій учитель.

Въ началѣ весны 1859 года я писалъ уже цифры и учился складывать на счетахъ. Цифры и счетная часть для меня были истиннымъ мученіемъ; я пыталъ, краснѣлъ и никакъ не могъ сложить цифры и написать выше ста, а на счетахъ, гдѣ рубли, десятки и сотни рублей, у меня часто оказывались копѣйки и наоборотъ. Дѣлчекъ пымилъ и плетка не разъ стала разгуливать теперь по спинѣ неискуснаго въ этой наукѣ, ученика.

Разъ вечеромъ, когда всѣ ученики стали расходиться по домамъ, дѣлчекъ остановилъ меня и, придерживая за мѣдную пуговицу шубенки, сказалъ: «вотъ что, Спира, всѣ ученики ужъ давнымъ давно

принесли мнѣ и отдали за свое ученье, а за тебя я еще не получалъ. Спроси-ка у матери и принеси хоть рублишко, деньги мнѣ нужны теперь до зарѣзу». Дьячекъ при этомъ для лучшаго моего вразумленія провелъ рукой по горлу. Я отвѣтилъ, что принесу, и, выйдя изъ училища, задумался: «ну, какъ у матери нѣтъ рубля-то? да чай и нѣтъ?! Откуда ей бѣдной взять-то? Отецъ не посылаетъ, что я буду дѣлать-то, Господи? Не пойду тогда больше и въ училище, Богъ съ нимъ съ этимъ и училищемъ-то! Писать я теперь и читать по писанному умѣю. Чего же больше, цифры бы вотъ только выучить! да считать на счетахъ... И то сказать, плевать мнѣ на эти цифры-то. Я ихъ выучу послѣ и дома; счеты у дѣдушки, хоть старенькіе, тоже есть, и на счетахъ выучусь».

Такъ или иначе разсуждая, я спустился подъ гору и, переходя Шошу, незамѣтно очутился около проруби. Заглянулъ сквозь нее въ глубину рѣчки и улыбнулся. Заходящіе лучи весенняго солнца освѣщали песчаное золотистое дно проруби, гдѣ, рѣзваясь, плавало цѣлое стадо маленькихъ рыбокъ. Вдругъ ледъ подо мной треснулъ и я самъ вмѣстѣ съ рыбками очутился по самую грудь въ проруби. И, хватаясь голыми руками за края, на силу, на силу могъ выкарабкаться и, боясь наказанія матери, обогрѣваясь побѣжалъ въ избу родной тетки. Придя послѣ домой, я легъ на палати, окутался и заснулъ какъ убитый. На другое утро мать меня разбудила и, по обыкновенію, собрала мнѣ въ мѣшечекъ завтракъ. Я вспомнилъ вчерашнюю просьбу дьячка и, взявше на мать, остановился. «Что ты сыночекъ?»—«Да дяденька просить за ученье деньги!»—«Какія у меня деньги, Богъ съ тобой, гдѣ я ихъ возьму, вотъ натку одну-другую холстинку, тогда и принесу. Такъ и скажи дяденькѣ».

Тогда я отвернулся отъ матери, плотно нахлобучилъ на голову шапку и вышелъ. Но въ училище не пошелъ и притаился на дворѣ между сложенными дровами. Вотъ молъ, когда такъ, вамъ и училище! Въ такомъ положеніи я пробылъ до разсвѣта, и порядочно продрогъ. Въ эту пору дѣдушка, по своему обыкновенію, вышелъ на дворъ, чтобы убрать скотинку и, слышавъ легкій шорохъ за дровами, вѣроатно думая, что не завязла-ли тамъ овца; но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ своего внука. «Что ты тутъ дѣлаешь, каналья? Отчего ты не въ училищѣ?» Крикнулъ онъ, за руку вытаскивая меня изъ засады.

Я повторилъ, какъ умѣлъ, просьбу дьячка и заплакалъ. Дѣдушка изругалъ дьячка и рѣшился свести къ нему меня самъ. Дьячекъ охотно согласился подождать деньги и я сталъ продолжать свое ученіе.

Съ мая мѣсяца по 1-е октября ученики ежегодно распускались по домамъ.

Многіе изъ нихъ, особенно такіе, какъ Митя Козельскій, въ продолженіе этого каникулярнаго времени, все позабывали, и въ слѣдующую зиму должны были учить то же самое снова, что выучивали раньше.

Выходили же совсѣмъ изъ училища дѣточка, смотря по способностямъ и прилежанію ученика, черезъ три—четыре и даже пять лѣтъ учебнаго времени, которое все наполнялось зубреніемъ старо-славянской азбуки, часослова, псалтиря, письма съ цифрами и, въ рѣдкихъ только случаяхъ, съ первыми азбучными правилами ариметики. За такое обученіе дѣтчекъ брали отъ 5 до 6 руб. съ ученика, полагая за обученіе азбуки, по извѣстной старинной методѣ 1 р., часослова—1 р., псалтиря—то же и 2—3 р. за письмо. Нечего говорить, что ученики выходили изъ училища большею частью полуграмотными¹⁾.

У меня каникулярное время, между 1858—1860 гг., никогда не было празднымъ. Я продолжалъ читать и перечитывать дѣдовскія духовныя книги, а съ выходомъ изъ училища (весной 1860 г.) списывалъ «Поученіе св. Іоанна Златоустаго о матернемъ словѣ», разныя молитвы, цифры, которыя добился помножать до 1,000 и болѣе. Также не переставалъ заниматься и рисованіемъ. Въ праздничные же и воскресные дни я уходилъ вмѣстѣ съ Лѣшкой Духаномъ на Волгу удить рыбу, или въ лѣсъ за грибами и ягодами. Въ началѣ 1860 года, отецъ воротился изъ Петербурга и съ этихъ поръ навсегда поселился въ деревнѣ.

Въ зиму этого года я уже не пошелъ больше въ училище дѣточка, думая, что сколько у него ни учись, дальше знанія грамоты и письма все-же не пойдешь, а то и другое, за исключеніемъ ариметики, я теперь уже зналъ, какъ мнѣ казалось, въ полномъ совершенствѣ. Къ тому же, къ дальнѣйшему посѣщенію училища дѣдушка меня не принуждалъ. А тутъ еще пріѣхалъ на побывку изъ Питера двоюродный мой дядя, Василій Ивановичъ Касаткинъ, служащій тамъ въ какой-то гостиницѣ половымъ, и сталъ звать меня съ собой. Питеръ-же моему дѣтскому воображенію всегда представлялся страной какихъ-то волшебныхъ чудесъ съ молочными рѣчками и кисельными берегами. Я, не долго думая, согласился на предложеніе дяди съ радостью и меня стали готовить къ отъѣзду.

¹⁾ Хотя все здѣсь сказанное и относится къ до-реформенному времени, но такое училище не только до сихъ поръ существуетъ у насъ, но и въ другихъ мѣстахъ имперіи.

III.

Городъ и деревня.

1860—1865 гг.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ въ концѣ ноября, вечеромъ; по дорогѣ отъ вокзала прежде всего меня поразилъ блескъ газовыхъ фонарей и необыкновенно оживленная, безчисленная толпа народа, снующая взадъ и впередъ по тротуарамъ. Дядя сначала предполагалъ отдать меня въ бакалейную лавку. Но это мѣсто оказалось занятымъ и потому привелъ меня къ своему родному брату Прохору Ивановичу, тогда жившему въ номерахъ гостиницы «Европа» (у Чернышева моста), и онъ принарядилъ меня какъ могъ приличнѣе и на третій же день по моемъ пріѣздѣ меня представилъ буфетчику гостиницы, Трофиму Гаарилевичу. Это былъ низенькій, толстый, сѣдой, сгорбленный старичекъ, весьма добродушный и милой наружности. Дядя велѣлъ ему поклониться въ ноги. Онъ ласково потрепалъ меня по головѣ, сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ замѣчаній, какъ слѣдуетъ себя вести мальчику на службѣ, и затѣмъ отвелъ меня въ черную половину гостиницы, въ отдѣленіе такъ называемое «Капказъ».

«Капказомъ» оказалась большая, грязная, пропитанная табакомъ, водкой, оштукатуренная зеленой краской и покрытая плесенью комната. Такое помѣщеніе сразу одурило еще непривычную къ подобной атмосферѣ мою бѣдную голову и здѣсь я съ особеннымъ чувствомъ вспомнилъ свою родную, деревенскую избу. На моей обязанности лежало прислуживать здѣсь грязнымъ посѣтителямъ «Капказа», угождать старшимъ, часто пьянымъ, половымъ гостиницы, выслушивать ихъ брань, выносить тяжелыя побои и быть на ногахъ отъ 4-хъ часовъ утра до 12-ти вечера; послѣ 12-ти мыть полы, а слѣдовательно и спать не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ буфетчикъ, видя мое стараніе и расторопность въ службѣ, поставилъ меня на этой-же половинѣ гостиницы въ комнату старшимъ, только съ окладомъ жалованья тѣмъ-же, какъ и мальчику, 2 руб. въ мѣсяцъ. Но за то съ этихъ поръ уже старшіе половые больше мною не понукали, и я зналъ одну только свою комнату и до другихъ мнѣ не было никакого дѣла. Сюда часто заходили торговцы съ лубочными картинками и книгами. Въ продолженій дня, собравъ нѣсколько копѣекъ, помученныхъ на чай, я употреблялъ ихъ на картинки и книги, бѣльшую частью сказочнаго или духовнаго

содержанія, какъ-то: «Бова королевичъ», «Ерусланъ Лазаревичъ», ктѣ разныхъ святыхъ и проч., въ особенности мнѣ нравился журналъ «Чтеніе для солдатъ». Всѣ эти книги мнѣ приходилось перечитывать украдкою и урывками. Старика скоро смѣнилъ другой молодой буфетчикъ Сидоръ Алексѣевичъ Юматовъ, который началъ обращаться съ мальчиками страшно деспотически,—если онъ замѣчалъ меня читающимъ какую-нибудь книгу, то вырывалъ ее изъ рукъ и таскалъ меня такъ немилосердно за волосы, что голова пухла.

Особенно мнѣ досталось отъ него за чтеніе, данной мнѣ однимъ слугою, рукописи народной комедіи «Царь Максимилианъ». Онъ мало того, что меня избилъ, но и рукопись и всѣ книги, какія находились у меня въ комодѣ, отнял и сжегъ въ печкѣ.

Послѣ этого я вновь купленные книги сталъ отъ него прятать подалше и читать ихъ съ еще большею предосторожностью. Я тогда хорошо пѣлъ русскія пѣсни. Голосъ у меня былъ звучный и мелодическій. Разъ я какъ-то запѣлъ:

„Шла я, Машенька, Маша, издалека,
Гнала стадо Маша лебедей“.

Подслушавъ случайно эту пѣсню, буфетчикъ сталъ меня брать въ свои ночные кутежи и попойки съ пріятелями и заставлялъ пѣть для его компаніи народныя пѣсни, за что поилъ меня пуншемъ и сладкой водкой, а подъ пьяную руку, при всей своей скупости, давалъ мнѣ по 1 руб. и на чай, которые я ему на другой же день отдавалъ обратно, считая, что не честно брать отъ пьянаго человѣка деньги...

Пожаръ Апраксина рынка, лѣтомъ 1862 г., которому я былъ очевидцемъ, навелъ окончательную панику на жителей Петербурга. Разныя негодяи имъ угрожали то и знай подметными письмами о новыхъ и новыхъ пожарахъ, нѣбующихъ быть въ такой-то день и часъ. Во время пожара рынка началъ загораться домъ, въ которомъ находилась гостинница. Подняли тревогу: «горимъ!» Я схватилъ большую салфетку, покрывающую столъ, собралъ въ нее свои вещи и выскочилъ съ ними черезъ окно на панель. Сверху въ это время отрывали и сбрасывали парусиновыя маркизы и меня чуть было ими не убили. Но домъ отстояли.

Я въ 1863 г. изъ гостинницы увольняюсь и поступаю въ табачную лавочку, находящуюся рядомъ съ домою, въ которомъ помещалась гостинница. Жалованье мнѣ положили тоже 2 р. въ мѣсяцъ, но за то я здѣсь пользуюсь полнымъ довѣріемъ и свободой читать попадающіяся подъ руку книги, бываю нѣсколько разъ въ театрѣ (Александровскій)

Первая в жизни видѣнная мной на сценѣ драма называлась «Противъ теченія»; первая, лучшая в литературномъ отношеніи, книга, прочитанная здѣсь мною, былъ романъ А. Дюма: «Двѣ Діаны». Здѣсь же я прочиталъ имѣющіеся у хозяйки лавочки 2 тома стихотвореній Некрасова и скопировалъ изъ французской книги басень Лафонтена карандашемъ нѣсколько рисунковъ.

Въ лѣтніе и зимніе мѣсяцы Н. С. Семеновъ, впоследствии извѣстный фабрикантъ гильзъ, хозяинъ табачной лавочки, содержалъ на Каменно-островскомъ и Обуховскомъ проспектахъ при музыкально-танцевальныхъ вечерахъ буфеты. Я стоялъ за однимъ изъ нихъ и занимался торговлей. Осенью 1864 года одинъ изъ знакомыхъ Семенова, на Обуховскомъ проспектѣ, въ домѣ Штольца, открылъ табачный магазинъ и переманилъ меня отъ Семенова къ себѣ. Я поступилъ въ этотъ магазинъ и торговалъ въ немъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ, за мѣсто приказчика. Хозяинъ получалъ «Искру», «Голосъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Полицейскія» и «Народную газету». «Искра» была моимъ любимымъ чтеніемъ. Я срисовывалъ изъ нея каррикатуры и списывалъ нѣкоторыя, особенно мнѣ нравившіяся, стихотворенія.

Въ началѣ 1865 года, читая въ ней одно стихотвореніе (кажется «Темнаго человѣка»), у меня явилась мысль написать такими звучными строчками что-нибудь самому. Къ тому же я въ это время страшно стосковался по родинѣ; темой стихотворенія послужила «Тоска по родинѣ»; заканчивалось оно слѣдующими, до сихъ поръ оставшимися въ памяти, строчками:

„Локомотивъ вдругъ застучалъ
И въ Петербургъ меня умчалъ;
И вотъ теперь ужъ пятый годъ
Я мнѣхъ сердцу не видалъ“.

Найдя стихотвореніе неудачнымъ, я въ то время больше не пытался продолжать стихотворства, но любилъ пѣть этотъ первый плодъ моего авторства.

На Пасху 1865 года я, наконецъ, собрался въ деревню и, получивъ въ расчетъ отъ хозяина около 40 рублей, купилъ себѣ казакинъ (поддевку), нѣсколько ситцевыхъ рубашекъ и сапоги съ длинными голенищами, и такимъ франтомъ явился въ Низовку. Но не найдя дома матери, которая жила въ это время у г. Безобразова въ кормилицахъ, я отправился въ Москву, пробылъ три дня у матери, посмотрѣлъ Бѣлокаменную и снова возвратился въ деревню, куда вскорѣ пріѣхала и мать.

522 позъ-крестьянинъ спиридонъ дрожжинъ, 1860—1865 гг.

22-го мая того же 1865 года ѣду обратно въ Петербургъ и 6-го юня поступаю на мѣсто въ гостинницу «Москва», купца Ротина, подручнымъ буфетчика и, проживя здѣсь до 20-го августа, по рекомендаціи торговца Н. С. Семенова, поступаю въ табачный магазинъ торговаго дома Каранмовъ Габай и Мичри мальчикомъ, по 6 руб. въ мѣсяцъ.

С. Д. Дрожжинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

и его

КЕБИННЫЯ ЖЕНЫ НА КАВКАЗѢ

1816—1827 гг.

Если мы задаемся мыслью изучить какой-либо вопросъ, взятый изъ общественной нашей жизни или выхваченный изъ области науки, то изученіе это явится законченнымъ тогда только, когда занимающій насъ вопросъ подвергнется разсмотрѣнію во всѣхъ его отбѣнкахъ. Малѣйшая недомолвка останется навсегда пробѣломъ въ ущербъ къ цѣлому. Вотъ почему и при составленіи характеристики той или другой личности, имѣвшей неотразимое вліяніе не только на обыденную жизнь общества, среди котораго она дѣйствовала, но и на самый складъ установившихся въ томъ обществѣ понятій, таковая будетъ вполне исчерпана только при изученіи всѣхъ сторонъ данной личности, не исключая нравственной.

Я сдѣлалъ эту оговорку не безъ цѣли. Судя по заголовку настоящей статьи, читатель, весьма естественно, могъ бы заподозрить меня въ желаніи посягнуть на добрую память челоѣка, котораго имя составляетъ гордость Россіи. Нѣтъ, я, напротивъ, хочу доказать, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и въ отношеніи своихъ нравственныхъ принциповъ стоялъ на подобающей ему высотѣ, составляя и въ этомъ случаѣ рѣдкое и отрадное исключеніе.

О немъ сохранился на Кавказѣ слѣдующій рассказъ:

Живя въ Тифлисѣ, Алексѣй Петровичъ имѣлъ привычку, по утрамъ около 7 часовъ, отправляться на прогулку, въ старомъ мундирѣ, полосатыхъ шароварахъ, съ дубиною и неразлучнымъ съ нимъ бульдогомъ. Однажды, при выходѣ изъ дома, онъ замѣтилъ, что его конвойные казаки выпроваживаютъ двухъ грузинокъ въ чадрахъ. Остановивъ казаковъ, Ермоловъ подошелъ къ грузинкамъ и спросилъ, что имъ нужно?

Одна изъ просительницъ оказалась старухой, другая-же, откинувъ чадру—молоденькой, рѣдкой красоты дѣвушкой. «Кровь, рассказывалъ Алексѣй Петровичъ, во мнѣ разыгралась и нужно было много силы воли, чтобы совладать съ собою. Принявъ изъ рукъ старухи прошеніе, я объявилъ ей: «прошеніе беру и сдѣлаю понемъ все, что могу; но приказываю въ другой разъ мнѣ не попадаться на глаза, иначе вышлю изъ города». Грузинки, само собою разумѣется, меня не поняли, но я тутъ же приказалъ случившемуся при этомъ переводчику Алиханову передать имъ смыслъ моихъ словъ; прошеніе же передалъ секретарю Устимовичу, сказавъ ему: «вотъ прошеніе; я не знаю отъ кого оно; прошу тебя дать по немъ полнѣйшее удовлетвореніе и затѣмъ объявить просительницѣ, чтобы она избѣгала со мною всякой встрѣчи».

Сначала Алексѣй Петровичъ хотѣлъ было узнать фамилію просительницы, но потомъ раздумалъ, боясь быть увлеченнымъ.

Какъ изъ приведеннаго разсказа, такъ и изъ того, что Алексѣй Петровичъ не только никогда не былъ женатъ, но даже чуждался дамскаго общества, предпочитая мужскую компанію, слѣдовало бы заключить, что онъ вообще не чувствовалъ симпатіи къ женщинѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ не то. Лучшимъ подтвержденіемъ тому собственныя слова Ермолова. Такъ онъ, между прочимъ, говоритъ о времени пребыванія своего въ Вильнѣ, гдѣ онъ командовалъ ротой:

«Мирное время продлило мое пребываніе здѣсь до конца 1804 г. Праздность дала мѣсто нѣкоторымъ наклонностямъ, и вашу, прелестныя женщины, испыталъ я очаровательную силу; вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами».

Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній онъ пишетъ:

«Вмѣстѣ съ Волынской губерніею оставилъ я жизнь самую пріятную. Скажу въ короткихъ словахъ, что страстно любилъ W., дѣвушку прелестную, которая имѣла ко мнѣ равную привязанность. Въ первый разъ въ жизни приходила мнѣ мысль о женитьбѣ, но недостатокъ состоянія обѣихъ сторонъ былъ главнымъ препятствіемъ, и я не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, когда столько удобно вѣрить, что пишу можно замѣнять нѣжностью. Впрочемъ, господствующею страстью была служба, и я не могъ не знать, что только ею одною могу я достигнуть средствъ нѣсколько пріятнаго существованія. И такъ, надобно было превозмочь любовь. Не безъ труда, но я успѣлъ».

Таковъ былъ Алексѣй Петровичъ. Поклонникъ женской красоты, онъ остался, однако-же, на всю жизнь холостымъ. Какія были дальнѣйшія его отношенія къ прекрасному полу—мнѣ не извѣстно. Знаю только, что во время его пребыванія на Кавказѣ (1816—1827 гг.) онъ имѣлъ нѣсколько кебинныхъ женъ.

У мусульманъ жены раздѣляются на кебинныхъ, т. е. такихъ, которымъ по шаріату, при бравосочетаніи, назначается отъ мужа извѣстная денежная сумма, очень часто съ разными вещами и недвижимымъ имуществомъ, и временныхъ (мут'а), пользующихся тою только суммою, какая назначается при заключеніи условія о сожителствѣ. Кебинная жена имѣетъ то преимущество предъ временною, что послѣ смерти мужа, если онъ умеръ бездѣтнымъ, получаетъ изъ его наслѣдства 4-ю часть; если же остались дѣти, то 8-ю. Дѣти же отъ кебинныхъ и временныхъ женъ считаются одинаково законными.

3-го ноября 1819 года, А. П. Ермоловъ, послѣ разбитія Ахмед-хана Аварскаго у Балтугая, прибылъ въ Тарку, гдѣ заключилъ кебинъ съ тамошнею жителькою Сюйду, дочерью Абдуллы, которую оставилъ беременною, поручивъ ее, предъ выѣздомъ въ Тифлисъ, попеченіямъ Пирджан-хакумы, жены шамхала Тарковского. Сюйду родила сына Бахтіара (Виктора) и года два спустя пріѣхала въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ служанкою Пирханъ и таркинскимъ жителемъ Султан-Аліемъ. По прошествіи года Сюйду, съ почестью и подарками, возвратилась въ Тарку, такъ какъ, по случаю отправленія сына въ Россію, не пожелала остаться въ Тифлисѣ. Этими повончилися сношенія Алексѣя Петровича съ Сюйду. Впослѣдствіи она вышла за Султан-Алія, отъ котораго имѣла сына Черу и дочерей Дженсу и Аты. Послѣднія еще недавно были живы; Черу же скончался, оставивъ послѣ себя дочь Сеид-ханумъ.

Другую кебинную жену Ермоловъ взялъ во время экспедиціи въ Акуту, въ селеніи Кака-шурѣ. Прибывъ туда въ сопровожденіи шамхала, онъ изъявилъ желаніе жениться на туземкѣ. Ему указали на дочь кака-шуринскаго узденя Ака, по имени Тотай—дѣвушкѣ рѣдкой красоты и уже помолвленной за односельца своего Искендера. Тотай была представлена Ермолову и произвела на него глубокое впечатлѣніе. Онъ тогда же изъявилъ готовность взять Тотай въ Тифлисъ, при возвращеніи изъ похода. Но едва только Алексѣй Петровичъ выступилъ въ Акушу, какъ Тотай была выдана замужъ за Искендера, съ заключеніемъ кебина, въ видахъ воспрепятствованія Ермолову увезти ее въ Грузію. Расчеты эти однако же оказались тщетными. Возвращаясь изъ Акуши, Ермоловъ 1-го января 1820 года достигъ Парула, откуда отправилъ сына шамхала Альбору въ Кака-шурѣ во что бы то ни стало взять и привезти Тотай. Порученіе это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ. Въ моментъ похищенія Тотай, отецъ ея Ака находился на кафыр-кумыкскихъ мельницахъ, гдѣ молотъ пшеницу. Вернувшись домой и узнавъ объ участи Тотай, онъ, не слѣзая съ лошади, отправился вслѣдъ за нашимъ отрядомъ, который настигъ въ Шамхал-Янги-юртѣ. Тамъ какая-то женщина указала ему домъ, въ которомъ находилась его дочь. Ака немедленно отправился къ указанному мѣсту, но

переводчикъ Алексѣя Петровича, извѣстный Мирза-Джанъ Мадатовъ, не допустилъ его къ Тотай, объявивъ, что дочь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ему возвращена, при чемъ вручилъ ему перстень, серьги и шубу Тотай и посовѣтовалъ ему отправиться во свояси.

Такимъ образомъ Ермоловъ остался обладателемъ Тотай. Впослѣдствіи, шамхаль, по просьбѣ Алексѣя Петровича, выдалъ ей свидѣтельство за печатами почетныхъ лицъ о знатномъ ея происхожденіи.

Тотай жила съ Алексѣемъ Петровичемъ въ Тифлисѣ около 7-и лѣтъ и имѣла отъ него сыновей: Аллах-Яра (Севера), Омара (Кавда) и третьяго неизвѣстнаго по имени и умершаго въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и дочь Сатіать, или какъ ее обыкновенно называли Софія-ханумъ.

Живя въ Тифлисѣ въ полномъ удовольствіи, Тотай часто навѣщала отца ея Ака и брата Джан-Киши.

По отозваніи Ермолова, Тотай, отказавшись отъ принятія православія и побѣдки въ Россію, возвратилась съ дочерью на родину, гдѣ вышла замужъ за жителя аула Гили Гебека, отъ котораго имѣла сына Гокказа и дочь Ниса-ханумъ, вышедшую тоже за жителя Гили Сурхай-Дауд-оглы.

Говорятъ, что Ермоловъ, при заключеніи кѣбна съ Тотай, далъ ей слово, что прижитыхъ съ нею сыновей онъ оставитъ себѣ, а дочерей предоставитъ ей, что и исполнилъ. Тотай скончалась въ іюлѣ 1875 года, а Софія-ханумъ вышла за жителя аула Гили Паша-Махай-оглы. Первая пользовалась отъ Алексѣя Петровича ежегоднымъ содержаніемъ въ 300 рублей, а послѣдняя, т. е. Софія-ханумъ—въ 500.

Что касается перваго мужа Тотай—Искендера, то онъ, вслѣдствіе сильнаго огорченія отъ потери любимой жены, заболѣлъ и года два спустя скончался.

Сатіать, подобно матери, пользовалась отъ отца ежегоднымъ содержаніемъ по 500 рублей, а за послѣдній получила 1,300 рублей. Она скончалась осенью 1870 года, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей и четырехъ дочерей (см. ниже).

Когда бывшій намѣстникъ кавказскій, великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ 1865 году, на пути въ Дербентъ, остановился около селенія Гили, начальникъ Дагестанской области, князь Л. И. Меликовъ, представилъ ему Сатіать. Удостоивъ ее ласковаго пріема, его высочество спросилъ: не имѣеть-ли она къ нему какой просьбы? Сатіать отвѣчала, что она просить освободить ее, какъ дочь русскаго генерала, отъ всякихъ повинностей. Просьба эта удостоилась полнаго удовлетворенія.

Объ участи дѣтей Сатіать мы можемъ сообщить кое что только

объ Ухшіатѣ. Она была помолвлена за двоюроднаго брата (по отцу) Джамал-Бамат-Кази-Хаджи-оглы, съ которымъ впоследствии отказалась вступить въ бракъ, такъ какъ страстно полюбила Гилинца Казах-бей-Муртуз-оглы. Видя такое нерасположеніе къ себѣ любимой дѣвушки, Джамалъ рѣшился похитить Ухшіатъ силой; но она осталась непреклонною и, отказавшись отъ кебина, настоятельно требовала разрѣшенія родныхъ выйти за Казах-бей. Когда же никакія увѣщанія родственниковъ и даже вмѣшательство въ это дѣло начальства, въ видахъ предупрежденія вражды между двумя соперниками, оказались тщетными, Ухшіатъ было предоставлено дѣйствовать по личному усмотрѣнію. Не измѣняя разъ данному слову, она повторила его Казах-бей, но за нѣсколько дней до свадьбы, а именно 2-го іюня 1871 года, онъ былъ найденъ убитымъ въ собственномъ его домѣ.

Наконецъ, третью кебинною женой Ермолова была Бугленская жителька Султанум-Вамат-кызы, съ которою онъ заключилъ кебинъ во время пребыванія съ отрядомъ въ Большихъ-Казанищахъ. Алексѣй Петровичъ имѣлъ отъ нея сына Исфендіара, который, при слѣдованіи Султанумъ въ Тифлисъ, умеръ въ станицѣ Червленной. Султанумъ, лишившись сына, не пожелала ѣхать далѣе и возвратилась на родину. Тамъ она вышла за Шейх-Акаю, съ которымъ прижила сына Яхью, не имѣвшаго потомства; Шейх-Акаю вскорѣ умеръ, а чрезъ нѣсколько дней послѣ него скончалась и Султанумъ.

Для большей наглядности помѣщаю здѣсь въ трехъ таблицахъ генеалогію кебинныхъ женъ Алексѣя Петровича:

I.

С ю ѣ д а .

Отъ Ермолова.	Отъ Султан-Алія.		
Бахтіаръ (Викторъ).	Черу.	Дженсу.	Аты.
	Сенд-ханумъ.		

II.

Т о т а ѣ
† 1875 г.

Отъ Ермолова.			Отъ Гебека.	
Аллах-Яръ (Северъ).	Омаръ (Клавдій).	Сатиатъ † 1870 г., была за- мужемъ за Паша-Махай-оглы.	Гокказъ.	Ниса-ханумъ, замужемъ за Сурхай-Дауд-оглы.
Зейн-эддинъ. Сенф-эддинъ. Зіяд-эддинъ.			Ухшіатъ. Ханумъ. Фатиме. Рукіатъ.	

III.

Султанум-Вамат-нхым.

Отъ Ермолова.
|
Исфендіаръ.

Отъ Шейх-Акал.
|
Яхья.

Впослѣдствіи императоръ Александръ II повелѣлъ признавать синовой Алексѣя Петровича, получившихъ хорошее образованіе, потомственными дворянами и законными его дѣтьми.

Послѣ оставленія Кавказа Ермоловъ поселился въ Москвѣ, гдѣ жилъ на Пречистенкѣ, въ собственномъ домѣ, купленномъ имъ у княгини Хованской, имѣя при себѣ крѣпостную дѣвушку изъ отцовскаго имѣнія, которая оставалась при немъ до самой его кончины.

Этими данными, сообщенными мнѣ частью покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ кн. Джорджадзе, исчерпывается весь запасъ моихъ свѣдѣній о семейныхъ дѣлахъ Ермолова. Не отличаясь особеннымъ объемомъ, они тѣмъ не менѣе совершенно достаточны, чтобы съ увѣренностью сказать, что въ строгомъ смыслѣ слова Алексѣй Петровичъ не переступалъ за предѣлы законовъ нравственности, хотя законы эти и не согласовались, въ данномъ случаѣ, съ ученіемъ христіанской церкви

Ад. П. Верше.

С. Меркюль
6-го іюля 1884 г.

ВОЙНА СЪ ПОЛЬСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ 1831 ГОДА

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

XXIV ¹⁾.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Венгрово. 2-го февраля 1831 г.

[Переводъ съ французскаго]. Ваше величество, такъ какъ мятежники оставили Сѣдлецъ, занятій полковникомъ Аврепомъ и отступать очевидно по направленію къ Варшавѣ (ибо Ядово (Jadowe), лежащее на ихъ лѣвомъ флангѣ, также оставлено ими), то ударъ, которымъ я одно время надѣялся поразить ихъ съ отборными резервами подъ командою е. и. высочества, не могъ быть нанесенъ. Проектъ мятежниковъ фанатизировать населеніе, которымъ они хотѣли напугать насъ и встревожить всю Европу, повидимому предупрежденъ и они имѣютъ подъ оружіемъ лишь старинные полки, 3 баталіона, нѣсколько обезсиленныхъ полковъ краковцевъ и нѣсколько кадровъ 4-хъ баталіоновъ, которые они стараются еще сформировать въ Замостьѣ, Варшавѣ и Модлинѣ.

Въ воеводствахъ, занятыхъ нами, все войско дезертировало чуть ни до послѣдняго человѣка, впрочемъ они не вооружены и не обмундированы какъ слѣдуетъ; что же касается знаменитыхъ партизановъ, которыми намъ угрожали такъ высокопарно, то они появлялись до сихъ поръ въ одѣжѣ только газетахъ. Я надѣюсь, что до сформирования ихъ мы овладѣемъ почти всѣмъ правымъ берегомъ Вислы, и что Крейцъ и Гейсмаръ приостановятъ точно также на лѣвомъ берегу это презрѣнное и преступное вооруженіе въ воеводствахъ Сандомир-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. ХLI, январь, стр. 93 — 122; февраль, стр. 381—400; т. ХLIII, июль, стр. 149—156; августъ, стр. 331—340.

скомъ и въ ббльшей части Мазовецкаго воеводства, прервавъ въ то же время сообщеніе съ Калишемъ и Краковимъ.

Лишь только мнѣ удастся въ моемъ настоящемъ положеніи свадить армію продовольствіемъ и дать отдыхъ войску, утомленному переходами, которые приходилось дѣлать въ ужаснѣйшую погоду, но благодаря которымъ мы успѣли занять почти цѣлыя три воеводства и часть воеводства Плоцкаго, потерявъ всего 2 человѣка убитыми и 10 ранеными, я буду энергично преслѣдовать войска мятежниковъ, отступающія къ Варшавѣ. Это движеніе я рассчитываю начать 5-го числа; дождавшись присоединенія походныхъ госпиталей и собравъ достаточное количество провіанта, я направлю корпусъ Розена на Добре (Dobré), а корпусъ Палена и резервы на Калужинъ. Гейсмаръ пойдетъ до Вислы, а другой довольно многочисленный отрядъ направится вдоль лѣваго берега Вуга; такимъ образомъ, считая потерю времени, необходимую на починку разворванныхъ мостовъ, обстоятельство особенно важное въ настоящее время года, я все таки рассчитываю числа 9-го или 10-го настоящаго мѣсяца сосредоточить мои силы въ виду Праги. Только тогда я буду въ состояніи обсудить нѣсколько яснѣе мои дальнѣйшія военныя операціи. На мои рѣшенія разумѣется будутъ имѣть вліяніе какъ событія, могущія произойти въ Варшавѣ (ибо по всему, что я видѣлъ въ странѣ, я осмѣливаюсь утверждать, что большинство поляковъ противъ настоящаго положенія дѣлъ, но уступаютъ по ббльшей части изъ боязни, внушаемой имъ востановившей чернью), такъ и все случающееся въ войскахъ; къ числу послѣднихъ событій можно отнести возвращеніе, какъ утверждаютъ, генерала Хлопицкаго, котораго выгоды или неудобства, сопряженныя со вновь начавшимися морозами, могутъ побудить къ переправѣ черезъ Вислу. Шаховской тѣмъ временемъ подойдетъ какъ можно ближе по правому берегу Нарева. Если бы я не предвидѣлъ сраженій, то я остановилъ бы эшелоны гвардіи по двумъ направленіямъ, когда они достигнутъ правый Августова, а лѣвыя Гродно, что значительно облегчитъ возможность снабдить ихъ какъ слѣдуетъ провіантомъ и размѣстить по квартирамъ, представляя также возможность двинуть ихъ эшелонами въ томъ случаѣ, если бы событія въ Европѣ потребовали выдвинуть это войско, лишь только наступитъ время года менѣе гибельное для всей матеріальной части войска, чего нельзя ожидать ранѣе какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ мы сохранимъ прекрасную обмундировку и амуницію этого резерва, также какъ я стараюсь въ настоящее время сохранить въ этомъ отношеніи гренадеръ, кирасиръ и отряды гвардіи. 2-го и 6-го армейскаго корпуса съ уланами, и 5-мъ кавалерійскимъ корпусомъ

хватить болѣе или менѣе на всѣ великіе, бесспорно, труды, сопряженныя съ зимнимъ и весеннимъ походомъ, который между тѣмъ одинъ только помѣшалъ выполненію тѣхъ плановъ, какіе мятежники начали было приводить въ исполненіе; но всѣ наши войска постоянно будутъ на готовѣ съ радостью двинуться всюду, куда в. и. в. прикажете.

Я получилъ, наконецъ, донесенія отъ Крейца; но они помѣчаны еще 25-мъ январемъ и не заключаютъ въ себѣ ничего особенно важнаго. Онъ сообщаетъ мнѣ, что былъ принятъ вездѣ хорошо, но что мѣстныя власти уѣзжаютъ и онъ назначилъ новыхъ, и что въ Люблинѣ, какъ носится слухъ, сформировано вновь 4 баталіона. Въ случаѣ надобности онъ хотѣлъ присоединить къ себѣ Гейсмара, а такъ какъ онъ еще не призываетъ его, то я полагаю, что Люблинъ занятъ имъ. Я пошлю ему въ скоромъ времени приказаніе избрать и учредить новую воеводскую комиссію (*commission Palatinale*) и предпишу ему въ то же время оставить въ Люблинѣ полкъ драгунъ, 2 орудія и сотню казаковъ, которымъ будетъ также поручено рекогносцировать мѣстность; Гейсмару же я прикажу послать ему въ замѣнъ полкъ конныхъ егерей и одинъ казакскій полкъ, такъ какъ съ приближеніемъ арміи позиція его становится менѣе растянутою и къ тому же я не особенно доволенъ его важнымъ образомъ дѣйствія. Я думаю приказать ему, такъ какъ и Крейцу, когда наступитъ время, переправиться черезъ Вислу, если ледъ будетъ еще достаточно крѣпокъ, на что я рассчитываю въ виду вновь начавшихся морозовъ.

Въ Сѣдлецѣ не нашли почти ничего, кромѣ небольшого количества овса; мѣстныя власти уѣхали. Такъ какъ е. в.—во не совсѣмъ здоровъ, страдая вслѣдствіе простуды сильнымъ (разстр. желудка), то я просилъ графа Куруту помочь мнѣ въ установленіи новыхъ властей, которымъ я посылаю извѣщенія о ихъ назначеніи (*lettres de potification*); то же самое я сдѣлаю относительно Сувалокъ. Я послалъ въ Сѣдлецъ сенатора Абакумова съ тѣмъ, чтобы организовать по мѣрѣ возможности доставку провіанта.

Я написалъ уже эту часть моего письма вчера, 2-го числа, но, не желая послать его до полученія извѣстія о томъ, что резервный корпусъ прибылъ въ Сѣдлецъ, я отложилъ отправку фельдъегеря до сегодняшняго дня. Въ ночь случилось происшествіе, которое не имѣло важныхъ послѣдствій, благодаря рѣшимости, выказанной Житомирскимъ полкомъ, но эта небрежность ген. Влодека (*Wlodeck*) въ разставовкѣ передовыхъ постовъ могла имѣть весьма гибельные результаты. Такъ какъ оба авангарда стояли весьма близко одинъ отъ другого, то уланы противника произвели неожиданно около 3-хъ

часовъ утра атаку на наши передовые посты и отбросили ихъ; полковникъ Золотаревъ раненъ ударомъ саблею; при приближеніи къ бивуакамъ пѣхоты, которая, едва успѣвъ построиться въ колонны, была засыпана картечью, между тѣмъ какъ наша артиллерія находилась въ иномъ мѣстѣ, уланы были задержаны, такъ какъ пѣхота защищалась храбро, а стрѣлки воспользовались дѣсомъ и деревнемъ и начали стрѣлять по уланамъ, которые были вынуждены отказаться отъ своего намѣренія и оставили поле битвы. Тѣмъ временемъ баталіонъ примкнулъ къ главной части авангарда; онъ былъ подкрѣпленъ двумя ротами Подольскаго полка, но не былъ поддержанъ нашей кавалеріей, у которой часть лошадей была разнуздана и разбѣжалась, услышавъ грохотъ орудій. Если бы не похвальная доблесть Житомирскаго баталіона, состоявшаго подъ командою храбраго подполковника Завихи, то мы понесли бы значительный уронъ, но тѣмъ не менѣе у насъ болѣе 100 человекъ раненныхъ и убитыхъ.

Эта стычка происходила близъ деревни Закречъ (Zakrecz) на разстояніи одной мили отъ Добре. Корпусъ Розена находится уже въ настоящее время близъ Коротницы; авангардъ вступилъ въ Пневникъ и занялъ Закречъ.

На остальной линіи не случилось ничего новаго. Часть моихъ фургоновъ съ продовольствіемъ уже прибыла; остальные навѣрно придутъ завтра; дороги улучшились. Я рѣшился двинуться послѣ завтра въ указанномъ выше направленіи.

«Гр. Толь и гр. Паленъ, а также Розенъ и Нейтгардъ повергаютъ себя къ стопамъ в. в. Я еще разъ долженъ извиниться передъ вами въ томъ, что не пишу самъ, ибо мой почеркъ слишкомъ неразборчивъ».

«Соблаговолите повергнуть меня къ стопамъ е. в. государини императрицы и принять изъявленіе преданности, съ которою имѣю счастье быть, государь, в. и. в. всепокорнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга и вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій».

XXV.

Венгрово. 3-го февраля 1831 г.

(Переводъ съ французскаго). Ваше величество, въ ту самую минуту, когда я заключалъ мое письмо, я получилъ прискорбное извѣстіе о томъ, что ген. Гейсмаръ потерпѣлъ большой уронъ близъ Сарочина. В. в. узнаете единственныя извѣстныя мнѣ подробности изъ прилагаемаго при семъ письма этого генерала къ полковнику Андрею.

Я немедленно послагъ графа Толя въ Сѣдлецъ съ тѣмъ, чтобы рѣшить на мѣстѣ и сообщая съ е. и. в. великимъ княземъ цесаревичемъ какія движенія резервнаго корпуса, къ которому присоединился ген. Гейсмаръ, отступая къ Сизи, лежащему на разстояніи одной мили отъ Сѣдлеца, могутъ быть необходимы, вслѣдствіе движеній мятежниковъ, произведенныхъ послѣ одержанной ими побѣды.

Впрочемъ, какъ бы прискорбно ни было это событіе, въ особенности по плохому духу и трусости, выказанной 1-ой бригадой 2-ой дивизіи конныхъ егерей, оно съ Божьей помощью не будетъ имѣть никакого вліянія на предполагаемыя военныя операціи. Если корпусъ, побившій ген. Гейсмара, не отступитъ какъ можно поспѣшнѣе на Калущинъ и Милвскъ, то ему угрожаетъ опасность быть совершенно отрѣзаннымъ отъ остальной арміи и въ такомъ случаѣ мнѣ можно будетъ атаковать его съ главною частью моихъ сосредоточенныхъ силъ. Если, напротивъ того, онъ отступитъ во время, то я надѣюсь, что дурное впечатлѣніе, произведенное въ странѣ этой первой неудачей, разсѣется съ появленіемъ нашихъ главныхъ силъ подъ Прагою.

Я не вдаюсь въ дальнѣйшія подробности, чтобы не задерживать долѣе этого курьера и умоляю в. в. принять изъявленіе глубочайшаго почтенія, преданности и признательности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всепокорнѣйшій и всенизжайшій слуга и вѣрнопопданный И. Дивичъ-Забалканскій.

XXVI.

Г.-а. бар. Гейсмаръ—полковнику Аппену.

(Переводъ съ нѣмецкаго). 2-е февраля 1831 г. всегда будетъ несчастнѣйшимъ днемъ моей жизни; сегодня рано утромъ на меня напали 3-й дивизионъ егерей и уланы непріятельскихъ дивизій, всего отъ 12 до 16 эскадроновъ, одна конная батарея и нѣсколько баталіоновъ пѣхоты; я поспѣшилъ на встрѣчу непріятелю, который обошелъ меня съ тыла, двигался отъ Стошукъ (Stoschuk, который былъ занятъ мною двумя эскадронами и одною ротою казаковъ). Генералъ Пурковъ повелъ атаку съ фронта съ Переяславскимъ полкомъ и 4 пушками, а я атаковалъ непріятеля съ фланга съ Виртембергскимъ полкомъ и 6 орудіями; что же произошло: Переяславскій полкъ началъ отступать вмѣстѣ съ своей артиллеріей, а же, желая выручить его изъ опасности, отступилъ къ его флангу, надѣясь такимъ образомъ помочь генералу Паскову; тогда всѣ войска непріятеля бросились на меня; я приказываю атаковать, а весь полкъ обращается въ бѣгство, одинъ дивизионъ за другимъ. 3-й дивизионъ, долженствовавшій первый идти въ атаку, пустился бѣжать, тогда я самъ сталъ во главѣ 2-го дивизиона, но въ отвѣтъ на мой возгласъ: „впередъ, впередъ“, солдатамъ въ величайшемъ безпорядкѣ обратились въ

бѣгство, тому же пригѣру послѣдовалъ и 1-й дивизионъ, бросивъ артиллерию. Переяславскій полкъ также бросилъ свою артиллерию на произволъ судьбы и тогда уже не было никакой возможности остановить бѣгство Виртембергскаго полка. Уланъ преслѣдовали насъ по пятамъ на разстояннн нѣсколькихъ верстъ, поражая насъ своими пиками; я самъ былъ нѣсколько разъ окруженъ неприятелями, нѣсколько разъ былъ подъ лошадью, тогда какъ неприятель несся надъ моею головою и все таки несчастная жизнь моя уцѣлѣла. Я не признаю за собою никакой вины: я дѣйствовалъ по всѣмъ правиламъ, но не рассчиталъ только одного, что эта дивизія состоитъ изъ трусовъ и подлецовъ; правда, я предчувствовалъ, что съ этой дивизіей не будетъ добра и говорилъ это Брузенштерну, ибо распущенность достигла въ ней высшей степени, се возможно сдерживать не иначе, какъ разстрѣливая ежедневно по нѣскольку человѣкъ, начиная съ офицеровъ; полковые командиры частью люди несомнѣнные, частью слишкомъ слабые; одинъ изъ нихъ, Новосильцевъ, погибъ сегодня, убитый во время схватки; по крайней мѣрѣ онъ не пережилъ позора своего полка. Я потерялъ 8 орудій и около 300 человѣкъ солдатъ. Мы также взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, но сколько именно я право не знаю.

Чтобы не быть окончательно истребленнымъ, я отступилъ отъ Закрочина (Sacrotshin) къ Цице (Zize), лежащему не болѣе какъ въ одной милѣ отъ Сѣдлеца; мой арбергардъ еще не прибылъ, не смотря на то, что уже половина одиннадцатаго; однако, я надѣюсь, что онъ будетъ здѣсь къ полуночи. Съ самаго разсвѣта я находился постоянно на конѣ, съ котораго слѣзь не болѣе какъ съ полчаса тому назадъ; я весь разбитъ и нахожусь въ самомъ плачевномъ положеніи. Но это бы все ничего, если бы я могъ надѣяться слѣзять что нибудь съ этой дивизіей, но объ этомъ нечего и поминать. Можетъ быть, если бы она дѣйствовала вмѣстѣ съ пѣхотомъ, то это придаю бы ей нѣсколько увѣренности, мѣстность пригодна въ сущности не для одной только кавалеріи, поэтому поляки смѣшали кавалерію съ пѣхотой. Какъ бы то ни было, это отнюдь не можетъ служить поводомъ вести себя столь постыднымъ образомъ, какъ себя вели 1-й и 3-й дивизионы Переяславскаго полка и весь Виртембергскій полкъ; одинъ только 2-й дивизионъ Переяславскаго полка произвелъ атаку, всѣ остальные обратились въ бѣгство.

Противъ меня сражался генералъ Дверницкій, одержавъ незначительную побѣду; за великое счастье можно почитать, что 2-я бригада, выстроенная въ боевомъ порядкѣ при Левочинѣ, внушила ему нѣкоторый страхъ (improirite), ибо я также мало ручаюсь за нее, какъ и за первую бригаду, хотя она и не бывала до сихъ поръ въ бояхъ, но во всей дивизіи преобладаетъ одинъ общій духъ, полное отсутствіе порядка дисциплины и усердія къ службѣ.

Я слишкомъ утомленъ и слишкомъ занятъ, такъ что не могу болѣе писать, къ тому же я думаю, что вы едва ли поймете мое маранье, такъ какъ я самъ ужъ не знаю, что пишу, до того я измученъ сегодняшнимъ днемъ. Никогда въ жизни не видалъ я болѣе позорной трусости; я никогда не лгу и теперь не буду стараться что либо скрыть, но обо всемъ донесу фельдмаршалу, такъ какъ въ этомъ случаѣ войско требуетъ строгаго наказанія, иначе это событіе можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія. Вы можете написать фельдмаршалу все то, что я здѣсь сообщая вамъ. Вѣроятно я буду завтра у него въ Сѣдлецѣ, а оттуда отправлюсь..... служить въ линіи, такъ

какъ мнѣ уже невозможно дѣйствовать противъ непріятельскаго фланга во 1-хъ, потому что мѣстность непригодна для кавалеріи и во 2-хъ, потому что въ подобномъ случаѣ я былъ бы стиснутъ между двумя непріятельскими колоннами—генераль Дверницкій переправился 3-ми колоннами черезъ Вислу; колонна, атакующая меня, была повидимому средняя. Довольно странно, что меня не увѣдомили объ этомъ движеніи Крейдъ, впрочемъ я не получалъ отъ него вовсе никакихъ извѣстій.

Принцъ Виртембергскій увелъ моихъ казаковъ въ Люблинъ и до сихъ поръ не отослалъ ихъ мнѣ обратно. Обозы обременяютъ меня, я желаю бы отправить ихъ назадъ. Въ овсѣ начинаетъ чувствоваться недостатокъ, въ особенности въ моихъ полкахъ. Если онъ имѣется у васъ въ Сѣдлецѣ, то прошу васъ удѣлить его мнѣ какъ можно болѣе. Прощайте! Вашъ покорный слуга Гейсмаръ ¹⁾.

XXVII.

Г. Сѣдльцы, 11^{3/4} часа пополудни, 2-е февраля. Цезе.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Я только что допросилъ моихъ плѣнныхъ и оказывается, что меня атаквали 8 эск. егерей, 8 эск. уланъ, 4 эск. конныхъ краковцевъ (Krakussen) и 5 полковъ пѣхоты, артиллерія же состояла всего изъ 8 орудій. Изъ этого вы видите, что я имѣлъ полную возможность срывать реляцію, но я буду строго придерживаться истины.

Говорятъ, будто непріятель имѣлъ намѣреніе идти на Луковъ; не знаю таково ли его намѣреніе въ настоящее время, но осторожность не мѣшаетъ. Вы хорошо бы сдѣлали, приславъ мнѣ карты. Покойной ночи.—Гейсмаръ.

Черезъ Вислу непріятель переправился, кажется, при Мурковицахъ ¹⁾.

XXVIII.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ, 4-го (16-го) февраля 1831 г.

(Переводъ съ французскаго). Письмо ваше отъ 28-го числа получено мною, любезный другъ, третьяго дня и я отъ всей души возблагодарилъ Господа Бога за удачное начало вашихъ военныхъ дѣяній. Дай Богъ, чтобы они окончились безъ особеннаго кровопролитія, но какъ льстить себя подобною надеждою? Судя по тѣмъ движеніямъ, которыя вы предполагали произвести черезъ Нуръ, я полагаю, что вчера или сегодня могло уже быть какое нибудь важное

¹⁾ Всѣ подробности, относящіяся до этого злополучнаго дѣла, равно данныя для характеристике генерала Гейсмара можно найти въ отеркѣ его жизни и боевой службы, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1831 г., томъ XXXII, книга XII, стр. 721—762.

дѣло. Вы располагаете конечно значительными военными силами, но признаюсь, я желалъ бы, чтобы въ рѣшительную минуту около васъ сосредоточился весь гренадерскій корпусъ.

Если правда, что Хлопицкій возвратился къ арміи, то я не доволенъ этимъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что это юрошій предводитель войска и во вторыхъ, потому что приходится вновь не уважать этого человѣка; однако газеты ничего объ этомъ не говорятъ. Я весьма доволенъ тѣмъ, что вы можете достать в самой странѣ болѣе продовольствія и припасовъ (ressources), нежели можно было ожидать, но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы такъ могла быть и впредь. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о результатѣ экспедиціи Крейца и Гейсмара.

Такъ какъ Закревскій уже вернулся, то я могу вскорѣ послать къ вамъ Энгеля и рассчитываю дать вамъ въ помощники Косецкаго, вызываемаго мною изъ Бреслава; бывши главнымъ секретаремъ всего управленія, онъ хорошо знакомъ съ дѣломъ и на преданность его можно рассчитывать. Грабовскій предлагаетъ мнѣ еще графа Скарбека; я знаю его лишь съ осени; онъ очень понравился мнѣ; онъ человѣкъ честный, служитъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и идетъ себя здѣсь отлично. Я отнюдь не измѣнилъ въ настоящее время моего мнѣнія относительно сохраненія въ Польшѣ ея прежнихъ законовъ, но отнюдь не конституціи, что было бы безразсуднымъ. И такъ у васъ будетъ верховный совѣтъ (conseil suprême), а остальное пойдетъ по старому безъ министровъ. Что же касается выбора губернаторовъ, то это будетъ дѣло не легкое; отъ васъ зависитъ взять теперь же Аверина, такъ какъ Потемкинъ поссорился съ нимъ во вѣсть изъ-за чего, а это мѣшаетъ правильному ходу администраціи. Ребиндера также можно послать къ вамъ немедленно; относительно другихъ я не могу ничего рѣшить по недостатку людей на занимаемые ими теперь поста. Мандерштейнъ можетъ быть весьма пригоденъ для подобнаго дѣла, но Фрикенъ необходимъ на своемъ мѣстѣ. Что же касается Вельямнова, то вы можете располагать имъ, если онъ кажется вамъ надежнымъ, въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь. Такъ какъ у васъ есть плѣнные, то пора рѣшить вопросъ, куда ихъ отправлять. И такъ со всѣми, конхъ вы возьмете послѣ защиты съ ихъ стороны, слѣдуетъ обращаться какъ съ плѣнными; генералы и штабъ-офицеры, какъ измѣнники, должны быть судимы. Солдатъ препровождайте черезъ Волынь въ 3-й корпусъ, а фельд-маршалъ Сакенъ будетъ отсылать ихъ туда, куда ему будетъ повелѣно; тѣ изъ солдатъ, которые захотятъ поступить на службу,

могутъ быть приняты въ наши войска, но въ небольшомъ числѣ. Тѣхъ же, напротивъ, которые сдадутся по отдѣльности, посылайте въ Ригу для зачисленія ихъ въ 4-ю дивизію. Отдѣльные корпуса, которые сдадутся намъ цѣликомъ, слѣдуетъ оставлять неприкосновенно. Всѣхъ академикомъ и прочую сволочь должно отсылать въ Бобрыйскъ въ каторжныя работы, исключая тѣхъ, которые будутъ признаны зачинщиками мятежа и убійцами къ какому бы сословію они ни принадлежали, будь то люди военные или гражданскіе. Ихъ слѣдуетъ судить и наказывать немедленно.

Извѣстія изъ Парижа не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Извѣстія же, получаемыя изъ Лондона, улучшаются съ каждымъ днемъ; развѣ Ирландія сыграетъ съ ними плохую штуку.

Здѣсь все тихо и только всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отъ васъ извѣстій. Жена моя кланяется вамъ; она страдаетъ уже нѣсколько дней сильнѣйшимъ грипомъ, который появился въ городѣ. Мой полковъ Толю, Палену, Нейтгарду, Розену и Шаховскому, если онъ уже присоединился къ вамъ; скажите отъ меня спасибо нашимъ храбрецамъ за ихъ отиѣнную дисциплину и передайте имъ, что они доставятъ мнѣ удовольствіе, ведя себя также впредь и сражаясь такъ, какъ подобаешь русскимъ солдатамъ, чѣмъ я буду весьма доволенъ. Прощайте, любезный другъ, да направитъ и вдохновитъ васъ Господь. Весь вашъ навсегда, искренно преданный Николай.

St. Petersbourg, le 4 (16) Février 1831.

Votre lettre du 28 m'est parvenue avant hier, mon cher ami, et j'ai remercié Dieu du fond de mon coeur pour l'heureux commencement de vos opérations. Puissent elles encore se terminer sans trop d'effusion de sang! mais comment s'en flatter. Je suppose que selon les mouvements que vous projetiez par Nur ce sera hier ou aujourd'hui que déjà une affaire importante aura pu avoir lieu. Vos forces sont surement imposantes, mais j'avoue que j'eusse assez aimé voir déjà tout le corps de grenadiers réuni près de vous, pour le moment décisif.

S'il est vrai que Chlopitsky est revenu à l'armée, j'en suis fâché pour deux motifs: celui que c'est une bonne tête à l'armée, et celui qu'il faut de rechef mesestimer cet homme; cependant les journaux n'en disent rien.—Je suis charmé de ce que le pays vous promet plus de ressources que l'on n'osait espérer; mais je doute que plus loin il en puisse être de même.—Je suis impatient de connaître le résultat de l'expédition de Kreutz et Geismar.

Zakrevsky étant revenu je pourrais sous peu vous expédier Engel; je compte vous adjoindre Kossetsky que je fais venir de Breslau, et qui ayant été secrétaire général de toute l'administration est au fait de tout et sur la fidélité duquel l'on peut compter. Grabovsky me propose encore le Comte Scarbek; je ne le connais que depuis cet automne; il m'a beaucoup plu; c'est un homme loyal, membre du Ministère de l'intérieur et qui se conduit parfaitement bien ici. Je n'ai nullement changé d'avis quant à la conservation au pays de ses *lux* pour le moment mais pas de la constitution qui devient une folie. Vous aurez donc votre conseil suprême et le reste marchera sur l'ancien pied, sans ministres. Quant au choix des gouverneurs il ne sera pas aisé; il dépend de vous de prendre Avérin dès à présent, car Potemkin s'est brouillé avec lui, Dieu sait pourquoi, et que cela nuit à la marche de l'administration. Rehbinder peut aussi vous être envoyé de suite: pour les autres je ne puis rien décider, n'en n'ayant pas d'autres pour les postes qu'ils occupent. Manderstern peut fort bien être propre pour une besogne pareille; mais Frieken est indispensable pour sa partie. Quant à Wéliaminof vous pouvez en disposer s'il Vous paraît assez sûr; mais j'en doute. Comme Vous faites des prisonniers il est temps de décider où les envoyer. Tous ceux donc que vous prenez après qu'ils se seront défendus doivent être traités comme prisonniers; les généraux et officiers supérieurs comme traitres devront être jugés. Les soldats seront envoyés par vous à travers la Wolhynie, pour y être rendus au 3-e corps et envoyés par le Maréchal Sacken là où il en recevra l'ordre; ceux des soldats qui voudront prendre service, pourront être reçus dans nos troupes mais en petite quantité. Ceux qui par contre viendront se rendre isolement, vous les enverrez à Riga pour être incorporés dans la 4-e division. Les corps entiers qui passeraient vous les garderez comme ils sont. Tous les académiciens et autre canaille devront être renvoyés à Bobrouysk dans les forçats; exceptés ceux connus pour avoir été les auteurs de la rébellion et assassins de toute classe, tant militaires que civils. Ceux là devront être jugés et punis immédiatement.

Les nouvelles de Paris ne font présager rien de bon. Celles de Londres deviennent de jour en jour meilleures si l'Irlande ne leur joue quelque vilain tour.

Ici tout est tranquille et l'on n'est qu'impatient de vos nouvelles. Ma femme vous dit mille choses; elle est souffrante depuis plusieurs jours d'une forte grippe qui court la ville. Mes amitiés à Toll, Pahlen. Neithardt, Rosen et Chahofskoy s'il vous avait rejoint; dites un спасибо

de ma part à nos braves pour leur excellente discipline, et qu'ils me feront tout autant de plaisir en se conduisant comme ils font, qu'ils sont sûrs de me le faire en se battant comme il convient à des soldats russes. Adieu, mon cher ami; que Dieu vous conduise et vous inspire. Tout à vous pour la vie, votre sincèrement affectionné N.

XXIX.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Милосна, 7-го февраля 1831 г.

(Переводъ съ французскаго). Ваше величество, я имѣлъ честь извѣстить в. н. в., что послѣ занятія Венгрова я приказалъ дать родныхъ всѣмъ войскамъ, чтобы они могли восстановить свои силы и чтобы продовольственные магазины въ то же время успѣли нагнать насъ.

Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною, между тѣмъ я узналъ, что мятежники сосредоточили часть своихъ силъ и что авангардъ ихъ состоитъ изъ 6-ти пѣхотныхъ полковъ, 4-хъ кавалерійскихъ, изъ краковцевъ (krakous) и четырехъ артиллерійскихъ батарей. 5-го февраля я приказалъ моему авангарду атаковать эти войска. Мой начальникъ штаба, графъ Толъ, находился съ колонной лѣваго фланга, состоявшей изъ резервовъ е. н. в. великаго князя цесаревича; она двинулась на Калучинъ, быстро напала на непріятеля, который въ началѣ защищался весьма храбро, но долженъ былъ наконецъ отступить передъ энергичнымъ натискомъ нашихъ молодцовъ. Калучинъ былъ взятъ приступомъ и поляки были преслѣдованы по шоссе до окрестностей Минска и по дорогѣ въ Якубово. Мы потеряли съ этой стороны не болѣе 50-ти человекъ убитыми и ранеными.

На правомъ флангѣ ген. Розевъ самъ сталъ во главѣ своего авангарда. Мятежники, которымъ благоприятствовалъ самый характеръ мѣстности, оказали ему болѣе упорное сопротивленіе; битва продолжалась три часа. Наконецъ, видя, что наши солдаты готовы вступить въ рукопашный бой, они отступили и были энергично преслѣдованы далѣе Добре (Dobre). Мы потеряли до 400 человекъ. Въ числѣ убитыхъ находится храбрый полковникъ пѣхотнаго ¹⁾ Волинскаго полка Филимоновъ.

¹⁾ Въ письмѣ гр. Дибича написано „уланскаго“. Государь зачеркнулъ и написалъ карандашемъ: „пѣхотнаго“.

6-го числа я приказалъ возобновить атаку. Минскъ былъ взятъ уже въ 8 часовъ утра и авангардъ лѣваго фланга дошелъ до Милосны. Генералъ Розенъ продолжалъ свои успѣхи, овладѣлъ Станиславовымъ и дошелъ до окрестностей Окунева. Въ этотъ день противники оказали болѣе слабое сопротивленіе.

Лѣса и овраги чрезвычайно благопріятствовали отступленію поляковъ. Тѣмъ не менѣе число ихъ убитыхъ и раненыхъ значительно превышаетъ число таковыхъ же у насъ. Болѣе всего пострадалъ 4-й линейный полкъ. Полковникъ Богуславскій, командовавшій имъ, а также полковникъ Чайковскій, опасно ранены.

Мятежники оставили въ нашихъ рукахъ 200 плѣнныхъ, между прочимъ полковника Савицкаго, командира 4-го егерскаго полка. Кромѣ того мы захватили у нихъ два орудія и два зарядныхъ ящика.

Мы нашли значительное количество продовольствія въ Калучинѣ, Станиславовѣ и въ особенности въ Минскѣ.

7-го числа я приказалъ произвести усиленную рекогносцировку до опушки лѣсовъ. Мятежники сосредоточили вокругъ Варшавы почти всѣ свои силы, подъ командою Хлонницкаго и Радзивила. Между обоими войсками завязалась битва, бывшая весьма продолжительною и кровопролитною. Поляки защищались храбро; наши войска, съ своей стороны, вели себя доблестно, генералы, офицеры и солдаты всѣ храбро исполнили свой долгъ. Однако затруднительность позиціи была причиною того, что успѣхъ казался нѣкоторое время сомнительнымъ. Мой начальникъ штаба неоднократно самъ водилъ колонны въ атаку, я былъ вынужденъ приготовить къ дѣлу мой конвой. Но благодаря Бога, истиннаго заступника за правое дѣло, войска в. н. в. одержали верхъ, непріятель былъ выгнанъ со всѣхъ своихъ (позицій). Я самъ послалъ конный егерскій полкъ короля Виртембергскаго въ атаку противъ колонны гренадеръ; и онъ въ этотъ день со славой смылъ пятно, которое было наложено на него постыдннмъ его поведеніемъ въ дѣлѣ Гейсмара.

Наша потеря въ этомъ сраженіи убитыми и ранеными весьма значительна. Генералъ Сухованетъ, выказавшій замѣчательную храбрость, раненъ въ ногу граватой. Шлегель сдѣлалъ ему весьма искусно ампутацію ноги. Осмѣливаюсь просить в. в. не говорить объ этомъ несчастіи. Сухованетъ велѣлъ написать женѣ своей, что онъ слегка раненъ въ правую руку; онъ не хочетъ говорить ей всей истинѣ прежде, нежели онъ окончательно выздоровѣетъ. Впрочемъ его жизни не грозятъ повидимому никакой опасности. Какъ человѣкъ весьма

усердный, онъ продолжаетъ еще заниматься дѣлами. Не соблагово-лите ли вы, государь, въ знакъ высочайшаго вашего одобренія, по-жаловать Сухованету знакъ отличія (la cocarde). Я думаю, что гене-ралъ будетъ весьма тронутъ этою милостью, которой онъ вполне до-стоинъ по своему поведенію.

Генераль Власовъ тяжело раненъ пулею; та же участь постигла генерала Афросимова. Болѣе всего пострадала егерская бригада 1-й дивизіи. Полковники обоихъ полковъ ранены; полковникъ 1-го полка даже опасно раненъ.

Кромѣ того я долженъ объявить в. в., что одинъ изъ баталіоновъ 2-го полка потерялъ знамя. Такъ какъ оба подпрапорщика убиты и сраженіе происходило въ лѣсу, то совершенно неизвѣстно, что съ нимъ случилось.

У поляковъ съ своей стороны много убитыхъ и раненыхъ; число ихъ значительно превосходитъ численность нашей убиты. Мы взяли у нихъ 500 человекъ въ плѣнъ, изъ коихъ большинство принадле-жить бывшему гвардейскому гренадерскому полку.

Сегодня произошла довольно незначительная стычка. Наши войска стоятъ теперь въ 5-ти верстахъ отъ Праги. Судя по движеніямъ, произведеннымъ мятежниками, можно сказать, что они намѣрены за-сѣсть въ этой крѣпости. Я прикажу тѣснѣе обложить ее и имъ при-дется вскорѣ страдать отъ недостатка продовольствія.

Я сейчасъ получилъ извѣстіе о томъ, что на Вислѣ тронулся ледъ; вслѣдствіе этого неприятелю будетъ трудно навести мостъ ранѣе 8-ми дней, а намъ ранѣе 15-ти.

Я дамъ нашимъ войскамъ роздыхъ; съѣстные припасы, захваченные у мятежниковъ, обеспечиваютъ продовольствіе арміи.

Позвольте, государь, поручить особой вашей благосклонности всѣхъ лицъ, бывшихъ моими помощниками въ эти тяжкіе дни. Труды были великіе, но ихъ усердіе не ослабѣвало и все случившееся не могло умалить ихъ отваги.

Умоляю в. в. принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и со-вершенной преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрнопопдаанный И. Дивичъ-Забалканскій.

Рукою императора Николая написано: „Да будетъ благословенно имя Господне! Составьте изъ письма и изъ донесенія одно цѣлое, чтобы обжа-родовать его“.

XXX.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Дибича.

Гл. кв. Милосна, 7-го февраля 1831 г., № 541.

В. и. в., имѣю счастье всеподданнѣйше донести, что послѣ двухъ дневнаго сильнаго преслѣдованія мятежниковъ по дорогѣ отъ Венгрова чрезъ Ливъ, Станиславовъ и Окуневъ корпусомъ барона Розена, и по дорогѣ чрезъ Калущинъ, Минскъ, Милосну корпусомъ генерала графа Палена, сегодня около 10 часовъ утра, по мѣрѣ сближенія сихъ корпусовъ, было генеральное сраженіе въ пяти верстахъ отъ Праги. Выходя изъ дефилей къ селенію Грохову, мятежники, имѣя на обѣихъ сихъ дорогахъ всю свою армію соединенную, встрѣтили головы колоннъ генераловъ барона Розена и графа Палена. Какъ въ первомъ началѣ сраженія нельзя было представить имъ. лишь малая часть войскъ, то и продолжалось оное съ нѣкоторою невыгодой для корпуса графа Палена, прежде атакованнаго, ибо одна егерская бригада 1-й пѣхотной дивизіи и 5-й Егерскій полкъ, бригада 3-й уланской и бригада 1-й гусарской дивизіи съ малочисленною артиллеріею должны были выдерживать натискъ всей 2-й пѣхотной и конноегерской дивизіи и до 40 орудій артиллеріи мятежниковъ болѣе трехъ часовъ времени и наконецъ отступить до двухъ верстъ назадъ по дорогѣ къ Милоснѣ. Приближаясь самъ къ мѣсту сраженія, приказалъ я начальнику артиллеріи, генераль-адъютанту Сухованету, собразить выводъ въ бой сильную артиллерію, а начальнику главнаго штаба арміи, генераль-адъютанту графу Толю, ближе осмотрѣть положеніе мятежниковъ. который донесъ мнѣ, что всѣ усилія оныхъ направлены на правый флангъ авангарда графа Палена, вѣроятно въ томъ намѣреніи, чтобы не дать соединиться колоннѣ барона Розена, противу коею выставлены были со стороны мятежниковъ и 1-я пѣхотная дивизія, уланская дивизія, также многочисленная артиллерія; что онъ, графъ Толь, усилилъ подошедшими въ то время Старонингерманландскимъ полкомъ и однимъ баталіономъ 4-го морскаго правый флангъ авангарда графа Палена, а центръ авангарда 4-ми конными и 4 пѣхими орудіями по самой шоссе. Получивъ сіе извѣстіе, поспѣшилъ я самъ въ головѣ нашей 2-й пѣхотной дивизіи на подкрѣпленіе авангарда и, усиля еще болѣе нашъ правый флангъ нѣсколькими баталіонами сей дивизіи, я вынужденъ былъ приказати конвою моему изъ полуэскадрона Лубенскаго гусарскаго полка, подкрѣпленнаго сапернымъ баталіономъ, тутъ подъ рукою бывшимъ.

ударить на мятежниковъ, которые стрѣлками своими готовились уже овладѣть главною высотою по самой шоссе и батареею, на оной стоявшею. Съ сей минуты бой получилъ новый оборотъ. Все двинулось впередъ. Правое крыло корпуса графа Палена повелъ впередъ начальникъ главнаго штаба, графъ Толь. Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ графъ Паленъ сбилъ повсюду мятежниковъ, и конно-егерскій его величества короля Виртембергскаго полкъ, по личному моему приказанію, врубился въ пѣхоту и сдѣлалъ большое пораженіе, взявъ въ плѣнъ польскаго маіора Борткевича и другихъ офицеровъ; генераль-квартирмейстеръ арміи, генераль-адъютантъ Нейдгардтъ, содѣйствовалъ мнѣ въ семъ случаѣ съ большою пользою.

Около 4-хъ часовъ пополудни генераль-адъютантъ графъ Толь вошелъ въ связь съ авангардомъ корпуса генерала барона Розена, подъ командою генераль-лейтенанта Владека; 24-я и 25-я дивизіи шли непосредственно за овимъ и составили правую оконечность дѣйствовавшихъ войскъ.

Не имѣя еще никакихъ рапортовъ отъ корпусныхъ командировъ, я не могу имѣть счастье донести вашему императорскому величеству въ подробности о семъ кровопролитномъ сраженіи, начавшемся въ восьми и окончившемся въ четырехъ верстахъ отъ Праги, въ виду жителей Варшавы. Все, что чрезъ плѣнныхъ узнать можно было, состоитъ въ томъ, что у мятежниковъ была въ дѣйствиіи вся ихъ армія, состоящая изъ 1-й и 2-й пѣхотныхъ конно-егерской и уланской кавалерійскихъ дивизій, бывшаго 1.-гв. гренадерскаго и конно-егерскаго полковъ, до 80 орудій артиллеріи и значительной части новонабраннаго войска стрѣльцовъ и кракусовъ; такъ что вся сила ихъ простиралась отъ 50 до 60 тысячъ войска. Съ нашей стороны съ начала сраженія, какъ выше сказано, было весьма мало войскъ въ дѣйствиіи, но послѣ полученнаго подрѣвленія и до конца онаго находилось менѣ половины арміи и въ которой не участвовали ни гвардія, ни кирасиры, ни гренадеры русскіе, ни литовскіе.

Потеря съ нашей стороны состоитъ примѣрно въ 2,000 человекъ убитыхъ и раненыхъ. Между послѣдними, къ крайнему сожалѣнію, находится храбрый начальникъ артиллеріи, генераль-адъютантъ Сухозанецъ, походный атаманъ генераль-маіоръ Власовъ и генераль-маіоръ Афросимовъ, полковникъ Бодиско и нѣсколько другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Потеря непріятельская должна быть весьма значительна, судя по трупамъ, на мѣстѣ сраженія оставшимся; число плѣнныхъ простирается доселѣ до 500 человекъ, между коими 1.-гв. гренадерскаго полка подполковникъ Кявернскій и многіе другіе штабъ

и оберъ-офицеры; бывшій л.-гв. гренадерскій и конно-егерскій полки и 4-й конно-егерскій пострадали наиболѣе противу другихъ. Армія мятежниковъ состояла подъ командою князя Радзивила, но движеніями оной, по разсказамъ плѣнныхъ, располагалъ генералъ Хлющій.

Послѣ ожидаемыхъ рапортовъ и другихъ свѣдѣній не замедлю я представить вашему императорскому величеству подробный отчетъ какъ о семъ сраженіи, такъ и о движеніяхъ арміи, предшествовавшихъ оному. Ив. Дибичъ-Забалканскій.

Помѣта: Рукою императора Николая написано: „публиковать“

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 ГГ.

РАЗСКАЗЪ МОХНАЦКАГО.

IV ¹⁾.

Въ лагерѣ цесаревича. — Роль Замойскаго. — Шпидтъ. — Переговоры Замойскаго съ великимъ княземъ. — Стремленія Любецкаго. — Его политика. — Хлопецкій во главѣ войскъ. — Его распоряженія. — Недоброжелательство членовъ совѣта къ дѣлу революціи. — Положеніе Варшавы. — Воззваніе Венгржецкаго. — Предложеніе Шаньцкаго. — Депутація. — Учрежденіе исполнительнаго отдѣленія. — Муниципальный совѣтъ. — Лубенскій.

Перенесемъ теперь въ лагерѣ цесаревича. Константинъ Павловичъ, привыкшій, въ продолженіи слишкомъ десяти лѣтъ, получать днемъ и ночью подробныя донесенія о всякомъ, сама малѣйшемъ происшествіи, о всякой мелочи, увидѣлъ себя вдругъ, въ самомъ важномъ событіи своего владычества, внѣ круга всего движенія столицы, безъ рапортовъ, безъ свѣдѣній, безъ тайной полиціи; — а это огорчало его больше, чѣмъ самый упадокъ неограниченной его власти, чѣмъ личная обида, которую поляки, какъ онъ говорилъ, нанесли ему. Возстаніе въ городѣ, которое онъ такъ долго, такъ вѣрно держалъ въ своей власти, подстрекало чрезвычайно любопытство его. Изъ польскихъ адъютантовъ онъ могъ послать въ Варшаву только одного Замойскаго. Турхо былъ въ развѣздѣ съ конными егерями; Трембицкій не смѣлъ бы показаться въ городѣ; а русскіе, Дьяковъ, Гогель, Грессеръ, были въ плѣну или ранены ²⁾. Но даже и во мнѣніи ве-

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLIII, июль, стр. 157—202; августъ, стр. 341—362.

²⁾ Дьяковъ не былъ адъютантомъ государя цесаревича, онъ былъ генералъ-лейтенантомъ и командовалъ казачьими полками, расположенными въ царствѣ. Адъютантъ Гогель не былъ въ плѣну, а только раненъ.

Перев.

ликаго князя не хотѣлъ Замойскій играть подозрительной роли въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ между имъ и инсургентами. Онъ просто не хотѣлъ быть шпиономъ и старался дать почувствовать великому князю, что ежели поѣдетъ онъ въ городъ, то не иначе, какъ въ характерѣ соучастника въ дѣлѣ земляковъ; что честь запрещаетъ ему ѣхать туда въ иной мысли, и что если неудобно великому князю, чтобы продолжалъ онъ такимъ образомъ свои поѣздки, то можетъ оставить его при себѣ. Любопытство было у Константина Павловича сильнѣе всего: онъ велѣлъ Замойскому ѣхать въ городъ, отдавая ему на волю мыслить какъ ему угодно, лишь бы привозилъ извѣстій побольше и повѣрнѣе.

Замойскій, пользуясь случаемъ, нечаянно ему представшимся, выступилъ въ политической роли, на сценѣ новой и для него, и для великаго князя. Онъ отправился въ городъ за новостями, а возвращался съ предложеніями,—дѣлаясь, такимъ образомъ, изъ адъютанта посредникомъ и парламентаромъ. Сперва хотѣлось ему помирить всѣхъ поляковъ между собою, въ чемъ надѣялся успѣть съ помощію администраціоннаго совѣта. И въ самомъ дѣлѣ, постановленіе совѣта, которымъ новыя лица призывались къ участию въ дѣлахъ Царства, удержало пролитіе крови. Потомъ хотѣлось Замойскому помирить всѣхъ поляковъ съ Константиномъ Павловичемъ, чтобы не допустить дѣла до той черты, за которою онъ не видѣлъ ничего иного, кромѣ совершенной гибели края. Всѣ эти дѣйствія, въ высокой степени контр-революціонныя, цѣли возстанія совершенно противныя, ведены были весьма ловко и, что еще болѣе, съ праводушіемъ; ибо Замойскій не имѣлъ никакого участія въ заговорѣ, почиталъ революцію, пока она не возникла, величайшимъ несчастіемъ, а когда возникла, не вѣрилъ въ счастливыя ея послѣдствія. Правленіе, которое должно было рухнуть отъ первыхъ выстрѣловъ, отъ первыхъ криковъ въ оружію, правленіе, противъ котораго (такъ какъ непосредственными причины революціи всегда и вездѣ суть только мѣстныя),—правленіе, говорю я, противъ котораго возсталъ городъ, существовало, вступало на новое поприще и снискало уже великій кредитъ, болѣею частью посредствомъ сего молодого офицера—родственника князя Чарторійскаго.

Теперь представилась новая загадка. Какимъ образомъ продлить существованіе администраціоннаго совѣта, возстановленнаго,

сооруженнаго въ срединѣ между возстаніемъ и великимъ княземъ, если революція—чего, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно было ожидать—разовьется сильнѣе? То есть: какимъ образомъ заслонить совѣтъ отъ ожидаемаго натиска революціонистовъ, которые начали возстаніе, имѣли и оружіе въ рукахъ, и видя, что великій князь ничего противъ нихъ не предпринимаетъ, могли наконецъ выйти изъ тогдашняго бездѣйствія своего? Замойскій предусматривалъ только одно средство, доказывающее его особенную прозорливость. Возвратясь изъ города въ аллен, онъ обращается въ прусскому консулу Шмидту, находившемуся съ самой полночи при великомъ князѣ, и зная довѣренность къ нему Константина Павловича, — довѣренность, которая съ іюльской революціи постоянно усиливалась, — старается склонить его, Шмидта, чтобы употребилъ онъ все свое вліяніе для внушенія цесаревичу, что „люди, которые объяли теперь бразды правленія, могли бы еще предупредить всѣ дальнѣйшія послѣдствія возникшаго волненія, если бы удалось имъ снискать какія-либо важныя для края пользы; что поставить сихъ людей въ такое положеніе зависить отъ великаго князя и что если его высочество откажетъ имъ въ своей помощи, то ходъ событій увлечетъ, сомнетъ ихъ непремѣнно; ибо революція дѣлаетъ успѣхи и въ минуту дойдетъ до того, что никто уже не будетъ въ состояніи управиться съ нею—въ минуту не удастся, можетъ быть, никому удержать этотъ край за императоромъ“. На вопросъ консула: „какой же дать совѣтъ великому князю?“—отвѣчалъ Замойскій, что „только одно слово: независимость, произнесенное совѣтомъ, съ дозволенія великаго князя, можетъ теперь подерѣпить совѣтъ, можетъ дать ему силу къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; что, въ противномъ случаѣ, найдется онъ чрезъ нѣсколько минутъ слишкомъ слабымъ, чтобы совладать съ обстоятельствами, а самъ собою не рѣшится совѣтъ на такую сильную мѣру, пока не удостовѣрится, что совзволить великій князь признать ее средствомъ необходимымъ, неизбежнымъ—единственнымъ къ положенію преграды дальнѣйшему ходу революціи“.

Шмидтъ взялся представить это великому князю, котораго главная квартира была тогда въ маленькомъ домикѣ таможенной стражи, у Мокотовской заставы. Черезъ минуту онъ вернулся изъ того домика и объявилъ, что великій князь желаетъ слышать

все отъ самого Замойскаго. Тутъ наступила бесѣда — весьма интересная для возстанія, рисующая чудный, оригинальный характеръ Константина Павловича и общее положеніе дѣла, которое было еще чуднѣе и оригинальнѣе. Замойскій говорилъ рѣзко, но, прибирая слова самыя деликатныя, онъ объяснялъ, что „въ народѣ (?!) всеобщее, сильное негодованіе, что оно произвело революцію, что бездѣйствіе великаго князя позволяетъ ей развиваться, а дальнѣйшее бездѣйствіе доведетъ дѣла до положенія, которому никто уже не пособитъ“. Обращаясь потомъ къ людямъ, которые стали у кормила правленія, говорилъ Замойскій: „они характера благороднаго и пользуются уваженіемъ дѣлаго края—это люди государственныя, разсудительныя, не порывами страстей управляемыя; все зависитъ отъ того, чтобы не дать упасть этому уваженію, чтобы удержать этихъ людей на пунктѣ, который они заняли; ибо правленіе, если опрокинетъ ихъ революціонный потокъ, достанется сегодня же въ руки людей совсѣмъ другого рода—людей, о которыхъ ваше высочество никогда не слыхали, которые, слѣдуя одному движенію своихъ страстей, доведутъ дѣло до послѣдней крайности, до совершеннаго разрыва!“¹⁾.

— „Соблаговоли!“—говорилъ Замойскій—„дать знать администраціонному совѣту въ нѣсколькихъ словахъ: что ваше императорское высочество возлагаете на него принять всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ нужными, что какія бы онъ ни предпринималъ мѣры, одобрите вы какъ крайнія, вынужденныя обстоятельства; что не будутъ онѣ почитаемы принятыми добровольно, въ видахъ содѣйствовать движенію;—въ настоящемъ же положеніи, первымъ, неизбѣжнымъ для совѣта, шагомъ есть провозглашеніе независимости“.

Хотя консулъ Шмидтъ и предварилъ цесаревича слегка о планѣ Замойскаго, но не менѣе того, слово „независимость“ произвело такое на него впечатлѣніе, правдивое или притворное, что онъ не могъ удержать себя и съ величайшимъ гнѣвомъ закричалъ²⁾...

¹⁾ Здѣсь въ оригиналѣ перевода пропускъ.

²⁾ Пропускъ въ оригиналѣ перевода.

Замойскій, въ поѣздахъ изъ лагеря въ городъ и изъ города въ лагерь, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности изъ-за великаго князя: по немъ стрѣляли и въ ночи, и утромъ. Озадаченный словами Константина Павловича, онъ не могъ также удержать своей пылкости и отвѣчалъ довольно рѣзко ¹⁾...

Упреки этого рода слышалъ нерѣдко Константинъ Павловичъ и отъ императора Александра, и отъ всѣхъ, кто искренно желалъ ему добра; да и отъ природы былъ онъ таковъ, что передъ всякимъ, кто сопротивлялся ему сильно, уступалъ онъ всегда хотя на минуту, какъ бы признавая въ немъ какое-то моральное превосходство, а потому внезапный оборотъ, который далъ Замойскій разговору, вмѣсто того, чтобы еще больше разсердить Константина, сдѣлалъ его только вротче. Онъ велѣлъ своему адъютанту говорить далѣе, и спросилъ: „что разумѣеть онъ подъ независимостью?“ Замойскій объяснялся пространнѣе и настойчивѣе: „слово независимость“—говорилъ онъ—„не влечетъ за собою неповиновенія, оно не означаетъ и разрыва съ Имперіею, а только, что народъ хочетъ самъ заниматься своими дѣлами“. Припомнивъ себѣ тутъ значеніе, данное тому слову въ рапортъ предсѣдателя сеймоваго суда ²⁾, Замойскій ссылаясь на собственные слова

¹⁾ Пропускъ въ оригиналѣ перевода.

Ред.

²⁾ Замойскій, съ назначенія его адъютантомъ цесаревича (послѣдовавшаго въ началѣ 1827 г., предъ самымъ созваніемъ сеймоваго суда), пользовался особенною довѣренностію дяди своего, князя Адама Чарторійскаго. Съ своей стороны видѣлъ Замойскій въ князѣ Чарторійскомъ величайшаго государственнаго человѣка, а въ приговорѣ сеймоваго суда и въ рапортѣ предсѣдателя суда, въ составленіи которыхъ участвовалъ наиболѣе князь Чарторійскій, видѣлъ высочайшее произведеніе человеческого ума. Онъ не скрывалъ этого, и приводимыя здѣсь умствованія Замойскаго почерпнуты всѣ изъ помянутаго рапорта.—Справедливо показаніе сочинителя, что Замойскій не участвовалъ въ заговорѣ на возстаніе; но не менѣе того предполагать можно, что за нѣсколько дней до возстанія извѣстно ему было существованіе заговора. Дней за шесть до 29-го ноября получено было однимъ русскимъ генераломъ, находившимся при цесаревичѣ, безъимянное, никѣмъ не подписанное письмо, въ которомъ заключались важныя на счетъ заговора открытія;—а въ первыхъ дняхъ возстанія можно было ясно видѣть изъ разговоровъ Замойскаго съ захваченными въ плѣнъ офицерами нашими и генералами, что сказанное безъимянное письмо было имъ писано. Оно, согласно желанію писавшаго, было въ свое время представлено его высочеству; но не хотѣвшіе вѣрить существованію заговора пренебрегли донесеніемъ и пред-

Александра, но больше всего опирался на то, что „только одно слово „независимость“ будетъ теперь понятно для народа; что только однимъ этимъ словомъ можетъ удержаться совѣтъ среди охоловшаго волненія, что только подъ этою фирмою удастся ему создать такое положеніе дѣлъ, изъ котораго не возникло бы ничего большее, несправимое“.

Всѣ эти доводы были тщетны. Великій князь понималъ только то, что не должно ему ни во что мѣшаться и отъазывалъ рѣшительно въ своемъ согласіи. „Этого нельзя“—повторялъ онъ безпрестанно.

Потомъ, въ новомъ припадкѣ любопытства, поручилъ Замойскому вновь съѣздить въ Варшаву.

— „Безъ сомнѣнія могу, и поѣду всякій разъ, когда ваше высочество прикажетъ соблаговолите“.

На что не успѣлъ Замойскій получить впередъ разрѣшенія, то надѣялся онъ выходить, по крайней мѣрѣ, подтвержденіе великаго князя, если бы что сдѣлалось и безъ его соизволенія (?!). Съ этою мыслию поспѣшилъ онъ въ совѣтъ, засѣдавшій уже въ банкѣ и передалъ ему разговоръ свой съ великимъ княземъ. Но Любецкій, котораго мнѣніе первенствовало въ совѣтѣ, былъ далекъ отъ принятія такого проекта. Выслушавъ Замойскаго, онъ сказалъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ: „Администраціонный совѣтъ не раздѣляетъ мнѣнія графа Замойскаго, будто совѣту, для поддержанія себя, должно провозгласить независимость. Совѣтъ, напротивъ, возлагаетъ на него же донести цесаревичу, что и въ случаѣ какихъ либо уступокъ, вынужденныхъ обстоятельствами, не выйдетъ никогда совѣтъ изъ границъ, которыя указываетъ ему имя императора и царя, стоящее на всѣхъ его актахъ. Не можетъ совѣтъ сдѣлать великому князю подобнаго предложенія—не можетъ взять на себя такой отвѣтственности“. Потомъ, передъ цѣлымъ собраніемъ, хранившимъ глубокое молчаніе, присовокупилъ Любецкій: „но мы должны отъ имени всего присутствія объявить нашу благо-

ставили его цесаревичу въ видѣ умысла злонамѣренныхъ встануть правительство въ бесполезныя слѣдствія, только для возбужденія ярвковъ неудовольствія жителей. Впослѣдствіи, во все продолженіе мятежа, былъ Замойскій однимъ изъ ревностѣйшихъ его поборниковъ. Прим. переа.

дарность графу Замойскому за его стараніе внушить великому князю, что только такимъ средствомъ можетъ совѣтъ охранить дальнѣйшее свое бытіе. Не допуская-же съ нашей стороны такого революціоннаго акта, и тѣмъ самымъ не ставя великаго князя въ необходимость утверждать его своимъ соизволеніемъ, мы покажемъ себя умѣренными и вселимъ въ цесаревича новое убѣжденіе, что всѣ дѣйствія наши до сихъ поръ были устремлены въ исполненію точнаго долга нашего“.

Духъ совѣта выражался въ этихъ словахъ Любецкаго. Имя Императора и Царя должно было, по мнѣнію совѣта, управлять дальнѣйшими его дѣйствіями: все, что переступало за эту черту, было уже явнымъ возмущеніемъ, было бунтомъ, въ которомъ Любецкій и его новые товарищи не хотѣли имѣть никакого участія.

Опредѣлимъ здѣсь ближе политику министра финансовъ. Чтобы понять ее хорошо, надобно знать слѣдующее обстоятельство. За два или за три года до революціи, началъ Любецкій заводить въ Петербургѣ рѣчь о распространеніи правленія Царства Польскаго на забранныя области. Онъ никогда не понималъ быта Польши отдѣльнаго, безъ союза съ имперією, безъ общаго съ нею министра, даже безъ подчиненности въ отношеніи къ имперіи. Понималъ онъ одну только вещь, которой желалъ пламенно какъ министръ, какъ администраторъ, а особенно какъ человѣкъ честолюбивый и дѣятельный: чтобы вмѣстѣ съ царствомъ стали и забранныя области, Литва и Русь, подъ его завѣдываніемъ, по части управленія, т. е., чтобы вольно ему было обложить ихъ тѣми же податями, тѣми же фискализмомъ, тѣми же монополіями, какія онъ выдумалъ для Царства. Весьма естественно, что ему хотѣлось владычествовать лучше надъ 13-тью, нежели надъ 4-мя милліонами поляковъ,—и слѣдственно не интересомъ Польши онъ занимался, не того желалъ, чтобы она была краемъ большымъ и сильнѣйшимъ,—желалъ только большаго участва для себя въ системѣ Россіи, желалъ обширнѣйшей сферы, пространнѣйшаго круга дѣйствій. Какія средства употреблялъ онъ въ Петербургѣ для достиженія своей цѣли—мы не знаемъ; но представить ихъ себѣ не трудно: онъ, конечно, выставялъ дурное управленіе прибрѣтенныхъ отъ Польши губерній, общалъ

имперіи больше доходовъ, если бы отданы были тѣ губерніи въ его распоряженіе; сравнивалъ цвѣтущее состояніе Царства — этотъ очевидный, столь высоко цѣнимый результатъ его стараній и талантовъ — съ упадкомъ земледѣлія, съ отсутствіемъ всякой промышленности и торговли въ губерніяхъ, — съ ихъ положеніемъ, жалкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но дѣло само по себѣ не имѣло успѣха у царскаго двора: Между тѣмъ вспыхнула революція въ Варшавѣ. Это событіе подвергало, должно было подвергнуть, Любецкаго многимъ нареканіямъ. Онъ не могъ сего не чувствовать. Его система была виною возстанія. Сеймовый судъ былъ его дѣломъ. Его дѣломъ было революціонное волненіе, сеймовымъ судомъ возбужденное: и такъ его же дѣломъ было и 29 ноября 1830 г. Въ такомъ смыслѣ разсуждая, и Константинъ Павловичъ и Новосильцовъ на кого-жъ, какъ не на него, могли взвалить въ Петербургъ всю вину? Любецкій безпрестанно воевалъ съ Новосильцовымъ, защищалъ конституціонны вольности Царства, защищалъ полявовъ. Вслѣдствіе всего этого возсталъ народъ. И такъ, очевидно, что не Любецкій былъ правъ, а Новосильцовъ, слѣдовательно былъ виноватъ Любецкій и могъ за то подпасть отвѣтственности. Его вѣсь, его вліяніе, его безошибочность проходили какъ мгла, какъ сонъ — исчезали. Въ такое положеніе ставила революція министра финансовъ! Но чловѣка столь оборотливаго повалить не легко; умъ столь обширный не вдругъ дастъ себя одолѣть и послѣдствіями собственной своей системы. Министръ финансовъ акцептуеетъ трудное положеніе, въ которое вовлекла его революція. Что еще больше: онъ видитъ въ немъ, когда 30 ноября, послѣ перваго воззванія администраціоннаго совѣта, оказалось ясно, что дѣло непремѣнно поидеть впередъ — онъ видитъ въ томъ положеніи своемъ возможность привести въ дѣйствіе свой любимый проектъ — проектъ освобожденія Польши по части управленія отъ системы русской имперіи, — предпринимаетъ достигнуть сей цѣли подъ вліяніемъ событій 29-го ноября и мгновенно, для спасенія упадающаго кредита своего въ Петербургъ, вооружается такимъ умствованіемъ: — „дѣйствія великаго князя Константина Павловича произвели революцію — я это предвидѣлъ — я предостерегалъ Императора — произошло возстаніе не отъ моей системы, но, напротивъ, отъ того, что

не могъ я вполнѣ развить моей системы“. Откуда онъ натурально выводилъ необходимость сдѣлать народу важныя уступки, сдѣлать важныя перемѣны въ правленіи конституціонной Польши. Для исходатайствованія-же у Императора тѣхъ уступокъ, тѣхъ перемѣнъ,—какими—въ видахъ Любецкаго, (т. е. на основаніи помянутыхъ данныхъ), долженствовали быть происшествія 29-го? Вотъ какими: довольно живыми и сильными внутри, въ Варшавѣ, чтобы удалось, подъ ихъ влияніемъ, выпросить, выторговать, даже вынудить (!!) что нибудь для конституціонной земли, для конгресснаго status quo, а особенно въ пользу изъясненнаго плана обширнѣйшаго круга администраціонныхъ дѣйствій;—но, съ другой стороны, и не слишкомъ насильственными, дабы не послѣдовало совершеннаго разрыва, котораго онъ не понималъ, котораго боялся. „Если бы дошло до войны“,—говорилъ Любецкій—„то Императоръ пустилъ бы себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ“.

Политика министра финансовъ, обозначенная этими чертами, вела его, натурально, къ посредничеству. Онъ предпринялъ быть посредникомъ между 29-мъ ноябремъ и царемъ, воль скоро удосто-вѣрился, что силою не одолѣетъ возстанія,—о чемъ звалъ уже на другой день, т. е. 30-го ноября. Но чтобы удалось посредничество, нужны были двѣ вещи: во-первыхъ, чтобы движеніе 29-го развилось, только до извѣстной степени, а потомъ сказало самому себѣ: „дальше я не пойду“;—во вторыхъ, чтобы Петербургскій кабинетъ (чего съ нимъ со временъ Петра ни разу не случалось) совершенно сошелъ съ ума, и захотѣлъ трактовать съ Варшавою, съ Царствомъ Польскимъ, взбунтованнымъ до извѣстной степени. И потому полагалъ Любецкій, что движенію 29-го ноября успѣетъ онъ дать такой оборотъ, чтобы оно въ себѣ имѣло силы ни больше, ни меньше, но именно столько, сколько нужно для подтвержденія предъ Императоромъ его представленій, его доводовъ, его софизмовъ. И самымъ твердымъ умомъ можетъ иногда до того овладѣть одна идея, что онъ только съ нею и чрезъ нее видитъ всѣ вещи. Въ такомъ положеніи находился Любецкій. Онъ стоялъ въ срединѣ между двумя крайностями: между раздраженіемъ польскаго народа и высокоуміемъ (!) русскимъ, забывая, что въ политикѣ подобныя положенія не имѣютъ подъ собою никакого

фундамента, забывая, что все, что только есть серединою въ свѣтѣ, не въ свѣтѣ механическомъ, а въ нравственномъ, слабѣе того или другого конца. Мы увидимъ тотчасъ, что онъ къ своимъ частнымъ видамъ не успѣлъ склонить ни уличнаго волненія, ни впоследствіи царя.

Замойскій, который на Константина Павловича и на администраціонный совѣтъ могъ имѣть вліяніе двойное, — страдая перваго успѣхами революціи и ободря послѣдній робостью великаго князя, не постигалъ, равно какъ и Любецкій, до чего разрывъ съ Россіею могъ довести конституціонную Польшу; но, для отклоненія разрыва, указывалъ старому, новыми именами подкрѣпленному, правленію средства князя, замысливъ Любецкаго совершенно противна, указывалъ дорогу короче и прямѣе.

Люди съ такимъ значеніемъ, разсуждалъ онъ, какъ Чарторійскій, Пацъ, Нѣмцевичъ, Радзивилъ, могли и должны были со вступленіемъ въ администраціонный совѣтъ, дать посредничеству своему въ этомъ дѣлѣ характеръ политической, соответственный ихъ вѣсу въ краѣ. Но чтобы потребовали они отъ великаго князя чего нибудь незначительнаго, чтобы они рѣшительно ничего не выторговали у него, — этого не допускалъ Замойскій. Въ политическихъ потрясеніяхъ, только предупрежденіемъ голоса народнаго берутъ верхъ надъ нимъ. Не сказала еще революція, чего она хочетъ. Провозгласивъ независимость, правленіе отгадало, обвѣстило бы мысль народа. Этимъ самымъ оно оградило бы себя крѣпче противъ народа, могло бы даже имѣть вліяніе на народъ. Снискавъ такимъ образомъ популяриность, найдя источникъ дальнѣйшаго своего существованія, приобрѣта силу, потребную для удержанія за собою власти, администраціонный совѣтъ могъ бы сію власть употреблять такъ, чтобы, съ одной стороны, возникли отсюда для края въ конгрессныхъ границахъ нѣкоторыя конституціонныя улучшенія и чтобы, съ другой, не пришло до непріятельскихъ дѣйствій съ царемъ. Независимость безъ войны съ Россіею — вотъ слово, котораго лучше нельзя было бы изобрѣсти для занятія на время воображенія инсургентовъ, — слово, весьма замысловатое, но въ сущности пустое: оно было бы иначе толкуемо въ Варшавѣ и иначе въ Петербургѣ. Въ Варшавѣ озна-

чало бы оно доброе расположеніе правленія; — въ Петербургѣ было бы принято за вынужденное насиліемъ инсурректіи, за присланное для успокоенія, для насыщенія ея въ первыя минуты,—слѣдовательно, за средство, противъ нея употребленное. И въ самомъ дѣлѣ, если бы администраціонный совѣтъ тотчасъ провозгласилъ независимость края и актъ, ее провозглашающій, вслѣдъ за объявленіемъ его народу, склонилъ бы великаго князя утвердить оный,—или послалъ бы къ нему до объявленія и предложилъ бы, въ видѣ ultimatum, что онъ долженъ непремѣнно утвердить тотъ актъ, что однимъ онаго утвержденіемъ можетъ воспрепятствовать волненію развернуться до крайности, гибельной для него, для совѣта и для интересовъ имперіи: то согласился бы Константинъ Павловичъ, принужденъ бы былъ согласиться (?) на провозглашеніе независимости. Одинъ Любецкій испортилъ это дѣло, это искусное средство овладѣть революціею, ослѣпить ее.... Одинъ Любецкій не далъ новому составу совѣта дойти до тахішп'а, котораго достигнуть позволяли ему обстоятельства. Онъ одинъ взялся увѣрить великаго князя, что предпріятыя мѣры и приглашеніе новыхъ членовъ къ засѣданію въ совѣтъ были достаточны для противостоянія усиливавшимся происшествіямъ, и погрѣшилъ здѣсь тяжело. вмѣсто того, чтобы воспользоваться всѣмъ, что только было сильнаго (?) и возможнаго въ тогдашнемъ положеніи администраціоннаго совѣта, вмѣсто того, чтобы вынудить этимъ миръ у возстанія, а у великаго князя вызвать согласіе на все, что уже случилось, разсудилъ министръ финансовъ поставить власть въ такомъ къ улчному волненію отношеніи, чтобы казалось, будто бы замышляетъ она вступить съ нимъ въ явный бой.

Въ тотъ же день, вечеромъ, явился первый разъ въ правленіи генералъ Хлопицкій, котораго и революція, и администраціонный совѣтъ долго искали,—та и другой въ разныхъ видахъ. Грозное цесаревича положеніе, превратное понятіе о могуществѣ власти русской, недоувѣріе къ силѣ польскаго народа, а больше всего недостатокъ того юношескаго жара, котораго ничто не замѣнитъ, ничто не пробудитъ въ душѣ человѣческой, коль скоро онъ разъ остынетъ, поставили Хлопицкаго въ мигъ на ту точку зрѣнія, съ которой и Любецкому, и всѣмъ поддерживавшимъ Любецкаго,

хотѣлось, чтобы смотрѣлъ Хлопицкій на вещи. Контрь-революціи выдалась въ его объятія. Она вѣрjala ему начальство надъ войскомъ, вѣдая очень хорошо, въ какой цѣли онъ принималъ сіе начальство. Хлопицкій держался прежнихъ своихъ правилъ, своего всегдашняго отвѣта желавшимъ вовлечь его въ разговоръ: „что отъ бунтовщиковъ никогда не приметъ никакой власти“. Онъ бралъ теперь власть, но изъ рукъ правленія, которое еще отъ имени царя Николая дѣйствовало. Онъ бралъ ее, не для содѣяствія возстанію, но, напротивъ, (какъ говорилъ и въ самомъ совѣтѣ), „для укрощенія бунтовщиковъ, для восстановленія порядка, для прекращенія грабежей, для обузданія распущеннаго солдатства“,—да и бралъ только потому, что призывали его отъ имени царя Николая. Такія слова его, изображающія во всей точности характеръ, понятія и замыслы человѣка, въ которому народъ и войско имѣли неограниченное довѣріе, не произвели дурного впечатлѣнія на членовъ администраціоннаго совѣта: напротивъ, явное Хлопицкаго отвращеніе, его суровый языкъ, неуваженіе и даже презрѣніе во всеобщему, имъ возбуждаемому, восторгу дѣлами его, въ глазахъ правленія, человѣкомъ необходимымъ. Найдешь навонецъ тотъ, котораго всѣ желали,—который былъ противъ всѣхъ. Въ немъ приобрѣтало силу, въ немъ явно олицетворялось все, тѣмъ, съ общаго согласія, можно было дѣло революціи, сообразно особеннымъ, безпрестанно измѣнявшимся, видамъ и тайнымъ уговорамъ, или удержать въ извѣстной степени, или совершенно остановить,—или же, наконецъ, дать ему любое направленіе, согласное съ тѣми или другими частными понятіями, предубѣжденіями, мелочными видами.

Занялись сочиненіемъ перваго приказа войску. Хлопицкій былъ долго въ недоумѣніи, какъ подписать тотъ приказъ. Званія главнокомандующаго, предводителя военныхъ силъ, онъ принять не хотѣлъ. Настоящимъ главнокомандующимъ былъ братъ царя. Послѣ многихъ перемѣнъ онъ поставилъ титулъ генерала — титулъ, въ которомъ не отказывала ему и сама Россія. Сямъ первымъ приказомъ повелѣвалъ онъ войску остаться на мѣстахъ, которыя оно занимало въ то время. Вторымъ дѣломъ Хлопицкаго было обезопасеніе захваченныхъ въ плѣнъ русскихъ генераловъ: Рихтера, Энгельмана, Есакова, Ланга и другихъ; онъ самъ,

въ виду всего войска, перевелъ ихъ съ арсенальной гауптвахты въ царскій замокъ, показывая этою заботливостью, предшествовавшей столькимъ важнымъ, нужнѣйшимъ занятіямъ, какъ должны разумѣть его инсургенты и непріятель.

Минулъ первый день народнаго (?) возстанія, и ничто не выводило еще умовъ изъ неизвѣстности на счетъ дальнѣйшаго оборота дѣлъ. Борьба прекратилась; но дѣйствія администраціоннаго совѣта не предвѣщали ничего хорошаго. Что думаетъ непріятель, того не зналъ никто въ возстаніи: одни планы министра финансовъ не подлежали сомнѣнію. Опасность была велика. Въ Польшѣ имена имѣютъ большую силу; прежнія заслуги пользуются общимъ довѣріемъ. Имена и заслуги были явно противъ происшествій 29-го ноября. Они, какъ мы видѣли, назвали тѣ происшествія прискорбными—повелѣвали, чтобы самое воспоминаніе о нихъ исчезло вмѣстѣ съ ночью, ихъ покрывавшею. Эта прокламація администраціоннаго совѣта тѣмъ болѣе ослабляла начатое дѣло, чѣмъ внимательнѣе читали ее. Чего-жъ могъ ожидать заговоръ, веденный столько лѣтъ, когда противъ него, коль скоро онъ обнаружился, протестовали первыя лица въ краѣ, лица популярныя, по самой популярности своей, въ совѣтъ правленія, въ совѣтъ, обращающійся къ народу отъ имени царя, императора Россіи? И такъ не довольно было подать сигналъ—не довольно было поднять оружіе! Предстояло еще: сокрушить преграду, положенную въ самомъ началѣ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ народа (?),—предлежало одолѣть сопротивленіе своихъ поляковъ. Подъ контрольъ революцію должно разумѣть не только поворотъ движенія назадъ, но и каждую остановку, каждую помѣху сильнѣйшему его развитію. Не хотѣли, не желали угадать сего огромнаго вооруженнаго сборища, хотя еще нестройнаго, но показывавшаго ясно однимъ видомъ своимъ, въ чему оно стремится. Подъ уловкою, настоящею іезуитскою: „неизвѣстно, чего хочетъ духъ революціонный“—скрывалось или недоброжелательство, или равнодушіе.

И такъ слѣдовало революціи обнаружить свои мысли. Дѣло остановилось: надобно было толкнуть его, чтобы шло впередъ. Словомъ, надобно было побѣдить контроль-революцію. Сего требовали многія важныя, крайнія причины. Разсмотримъ со всѣхъ сторонъ это критическое положеніе революціи.

Цесаревичъ стоялъ лагеремъ за городомъ; оттуда, вдоль по Новому-свѣту и далѣе, боровыми улицами, посылалъ патрули, дѣлалъ рекогносцировки. Онъ владѣлъ, такимъ образомъ, частію города и пересѣкалъ сообщеніе съ частію края. Кромѣ своихъ трехъ кавалерійскихъ полковъ, онъ имѣлъ при себѣ нашихъ гвардейскихъ конныхъ егерей, артиллерію бомбардирской школы и шесть пѣхотныхъ ротъ изъ Ординацныхъ казармъ. Герштенцвейгъ привелъ къ нему, 30-го ноября, изъ мѣстечка Гурц, 16 орудій (12—стоявшей тамъ русской гвардейской пѣшей роты и 4 учебныя); изъ м. Скѣргѣвиць подходила русская-жъ конная гвардейская батарея. Ночью съ 30-го ноября на 1-е декабря умножились эти силы двумя пѣхотными полками, Волынскимъ и Литовскимъ, и 10-ю ротами польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка, которыя генераль Жимарскій привелъ въ великому князю обойдя городъ полемъ. Такимъ образомъ цесаревичъ имѣлъ больше войска, нежели инсургенты. Прямо отъ него получали, могли, по крайней мѣрѣ, прямо получать приказанія всѣ отряды польской арміи, которые были расположены по воеводствамъ. На счетъ дѣйствій той части войска, съ которою Константинъ могъ удобно сноситься, было большое сомнѣніе. Уничтоженіе Варшавской торговли дѣйствительно легкое,—по мнѣнію самихъ заговорщиковъ, весьма возможное, могло отклонить всю армію отъ самаго благороднаго предпріятія. Подвозъ продовольствія въ столицу, съ одной стороны совершенно прерванный, подвергался и въ другихъ мѣстахъ разнымъ затрудненіямъ. Модлинъ и находившіеся въ немъ военные припасы были въ рукахъ непріятеля. Наконецъ силы русскія, самыя отдаленныя отъ границъ царства, можно было двинуть противъ возстанія и тогда было бы все кончено въ нѣсколько дней. Присутствіе Константина Павловича давало городу видъ осады, а дѣйствіемъ и характеру администраціоннаго совѣта—видъ капитуляціи. Заговорщики, въ случаѣ дальней атаки со стороны великаго князя, могли обороняться долго, могли, наконецъ, погибнуть; но отъ жителей города не могли сильнаго ожидать пособія¹⁾: въ определеніи мѣры участія, какое въ первые два дня взяла бы Варшава въ оборонѣ города противъ атаки цесаревича, — да не выходить

¹⁾ Опять невольное сознаніе, что возстаніе не было дѣломъ народа.
Прим. перев.

никто изъ границъ большой умѣренности! Городъ, съ одной стороны, боялся штурма, а съ другой—грабежа, весьма ошибаясь и на счетъ отваги непріятели, и на счетъ честности своей черни, которая, кромѣ минутной шалости на Новомъ-свѣтѣ, не навлекла на себя никакого нареканія. 1830-й годъ не былъ 1794-мъ! Какъ всякая столица по долгомъ спокоествіи, такъ и наша вмѣщала въ себѣ много равнодушныхъ, много чужеземцевъ, заботящихся только о своей пользѣ,—словомъ, не мало худого расположенія. Какъ вездѣ, такъ и въ Варшавѣ, преграды этого рода, ничтожны при сильномъ и быстромъ дѣйствіи, могли, въ противномъ случаѣ, сдѣлаться непреодолимыми.

На зарѣ такъ долгожданной свободы, что за пасмурный видъ являла Варшава!... Всѣ дома, самыя костелы были безпрерывно заперты; окна завѣшены: какъ будто все спитъ и не хочетъ пробудиться. Чиновники проклинали возстаніе: ихъ умы были заняты только жалованьемъ и значеніемъ. Кушцы, банкиры, фабриканты, даже зажиточнѣйшіе ремесленники, большею частію иностранцы, которыхъ было слишкомъ за десять тысячъ, боялись, одни—грабежа, другіе—внезапной остановки въ дѣлахъ—какъ всѣ на свѣтѣ кушцы, торгаша, мастеровые. Только лавки и барыши были у нихъ на умѣ. Наконецъ евреи, которыхъ было также нѣсколько десятковъ тысячъ, не имѣли причины благопріятствовать возстанію. Они опасались, и не безъ основанія, тяжелой отплаты за дѣятельное ихъ участіе въ тайной полиціи. Не было все это стихіею революціонною. Одинъ простой народъ, тотъ самый, что и во время Килинскаго, равобравъ въ арсеналѣ оружіе, бродилъ толпами по рынкамъ и площадямъ огромнаго мертваго города, напоминая потѣшную стрѣльбою, что пора выйти изъ усыпленія—пора сдѣлать что-нибудь для Польши.

Такому не слишкомъ благопріятному расположенію столицы соответствовали и характеръ, и видъ, и даже языкъ мѣстныхъ властей какъ прежнихъ, такъ и новыхъ. Сіи власти, по примѣру администраціоннаго совѣта, противъ возставшихъ обращали первые свои шаги, первыя воззванія. Вмѣсто ободренія къ возстанію, они возбуждали отвращеніе къ нему, и умы жителей, еще колебавшіеся, тревожили страхомъ разбоевъ, принимая противъ нихъ мѣры безъ всякой надобности,—безславя возстаніе своими мѣрами

въ глазахъ цѣлаго свѣта. Національную гвардію назвали стражею безопасности! Начальникъ этой стражи, графъ Петръ Лубекскій, объявлялъ въ первомъ своемъ воззваніи, что устанавливается порядокъ вооруженія „для обезпеченія частной собственности“. Такое же оскорбленіе нанесено было и войску, и поднявшему оружіе народу муниципальнымъ управленіемъ и президентомъ города. Венгржецкій ¹⁾, молодой и бодрый во время герцогства варшавскаго, пользовавшійся съ того времени общимъ уваженіемъ, соединялъ теперь прежнія качества добраго поляка со всею властью человѣка, обремененнаго уже лѣтами. Комисію городской власти поручили нарочно ветерану патриотизма, который не могъ управлять движеніемъ столицы, а возней контрреволюціи не постигалъ. „Къ вамъ“—такъ говорилъ Венгржецкій въ своемъ воззваніи, — „къ вамъ обращаюсь, владѣльцы домовъ, старшины купечества, начальники мастеровъ всякаго ремесла! Спѣшите въ ряды стражи безопасности: оружіе въ рукахъ вашихъ да будетъ для всѣхъ жителей Варшавы залогомъ безопасности лицъ и цѣлости имущества!“ Такія слова приводили въ ярость, электризовали заговорщиковъ, выставя ихъ нѣкоторымъ образомъ на позоръ. Внутренній порядокъ есть вездѣ и всегда первою вещью; вездѣ охраненіе собственности должно быть первою цѣлію власти. Но обращаясь къ народу, поднявшему оружіе для сокрушенія чужеземнаго (!?) ига, говорить ему только о частной собственности, говорить въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы угрожаетъ ей возникшее возстаніе, какъ будто бы можетъ она пасть жертвою распущенной черни—говорить тогда, какъ эта чернь являла доводы самаго благороднаго (!! беззорыстія, не было ли то же, что опорочивать возстаніе, пятнать его чело клеймомъ безславія... Частную собственность надлежало обезпечить; но не слѣдовало и вспоминать объ ней въ минуту столь великую, столь торжественную. Дѣйствию властей, если бы въ правительствѣ была совѣсть, представлялось поле гораздо обширнѣйшее.

Хлопицкій, принявъ начальство надъ войскомъ, не тамъ ли передъ кѣмъ въ правленіи всего отвращенія своего къ возложен-

¹⁾ Бывшій, какъ выше сказано, президентомъ города во время герцогства варшавскаго и, во второй день мятежа, вновь президентомъ назначенный.

Прим. перев.

ному на него званію. Онъ метался во всѣ стороны, морщился; его разъяренные глаза, распаленное лицо, судорожныя тѣлодвиженія, показывали слишкомъ ясно, какое онъ дѣлаетъ себѣ принужденіе. Приступили къ нему, чтобы послалъ онъ приказанія войскамъ, чтобы предписалъ ближайшимъ отрядамъ выступить въ Варшавѣ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать этого самъ собою, требовалъ особаго на это постановленія, требовалъ выписки изъ протокола администраціоннаго совѣта,—и, такимъ образомъ, совѣтъ, отъ имени царя, позвалъ войско въ Варшаву—для защиты ея отъ брата царя. Это произвело замѣшательство во всѣхъ умахъ. Анархія понятій и анархія властей могли все въ ничто обратить. Солдаты роптали; народъ выходилъ изъ терпѣнія. Администраціонный совѣтъ ежеминутно терялъ довѣріе и было очевидно, что онъ не успѣетъ его удержать долѣе. Въ его составѣ, направленіи и механизмѣ послѣдовала, 1-го декабря 1830 г., перемѣна малозначущая, но по источнику, изъ котораго пронестекла, больше, по мнѣнію моему, вредная, чѣмъ полезная для возстанія. При постоянномъ молчаніи и бездѣйствіи виновниковъ возстанія, начало выходитъ наружу, начало изъ порядка конгресснаго царства возрождаться все, о чемъ событія 29-го ноября не дозволили бы и помыслить, еслибъ въ самомъ началѣ не пренебрегли тѣхъ событій важностью. Часть сейма находилась въ Варшавѣ и почувствовала охоту дѣйствовать. Нѣсколько членовъ посольской палаты собрались въ залѣ сеймовыхъ засѣданій, въ царскомъ замкѣ, предоставивъ публикѣ свободный входъ. „Мы не въ томъ числѣ, какое нужно для состава комплекта“,—сказалъ Янъ Ольрихъ Шанѣцкій¹⁾,—„мы не собраны конституціоннымъ порядкомъ; нѣтъ насъ всѣхъ на лицо—но что до этого? Приступимъ къ дѣлу въ томъ числѣ, въ какомъ здѣсь находимся. Потребуемъ, во 1-хъ, чтобы правленіе созвало обѣ палаты безъ малѣйшаго отлагательства, и, во 2-хъ, чтобы, для отвращенія кровопролитія, обратилось оно къ великому князю и убѣдило его вывести русскія войска изъ предѣловъ царства“. Достоинно замѣчанія, что это предложеніе члена польской палаты, сдѣланное, конечно, въ самомъ луч-

¹⁾ Депутатъ Столицкаго округа (Краковскаго воеводства), адвокатъ при верховномъ судѣ Царства Польскаго.

Прим. перев.

шемъ намѣреніи, положило начало всему, что впоследствии было причиною упадка дѣла народнаго. Не всѣ присутствовавшіе одобрили послѣдній пунктъ предложенія. Нарядили, однако-жъ, депутацію въ правленію. Составили ее изъ Лелевеля, Шанѣкаго, Франца Солтыка и Франца Черноцкаго; а они сенатора-каштеляна Дембовскаго избрали себѣ. Сія депутація представила администраціонному совѣту: „что его воззваніе возбуждало всеобщее неудовольствіе; что совѣтъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно; что дѣйствія его не въ духѣ революціонномъ; что въ совѣтъ не сѣдають люди, не имѣющіе довѣрія въ народѣ; что надобно созвать сеймъ; что въ совѣтѣ должно назначить членовъ изъ польской палаты; что должно обдумать средства къ продовольствію войска“. Администраціонный совѣтъ обѣщаль удовлетворить этимъ требованіямъ, — а какъ на счетъ людей, не имѣющихъ довѣрія въ народѣ, сдѣлала депутація только общій намекъ, то объявилъ одинъ изъ членовъ ея: что, по мнѣнію общему, вниманіе двора къ князю Любецкому и сношенія, въ какихъ онъ состоитъ съ дворомъ съ давняго времени, могутъ быть для него препоною дѣйствовать въ духѣ добраго поляка. На это поясненіе, князь Любецкій, растроганный (какъ изъяснялась депутація въ донесеніи своемъ), отвѣчалъ ей: „что если онъ своими дѣйствіями во благо отечества не успѣль удостовѣрить народъ въ чистотѣ видовъ своихъ, то готовъ тотчасъ выйти изъ совѣта“. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ было удалиться; но Чарторійскій, Нѣмцевичъ и прочіе члены правленія объявили депутаціи, что, будучи свидѣтелями патриотическихъ дѣйствій князя Любецкаго (и они, если онъ выйдетъ, не останутся) засѣдать въ совѣтѣ, и они всѣ оставятъ тотчасъ свои мѣста. Послѣ этого Любецкій остался въ совѣтѣ. Выбыли изъ него, вслѣдствіе представленія депутаціи, только графъ Станиславъ Грабовскій и генералы Косецкій, Фредро и Раутенштраухъ. вмѣсто ихъ поступили въ члены правленія: изъ сената, каштелянъ Дембовскій; изъ польской палаты, графъ Владиславъ Островскій и Іоахимъ Лелевель, а потомъ и графъ Густавъ Малаховскій, — всѣ, какъ предсѣдательствовавшіе въ коммисіяхъ послѣдняго сейма. Князь Любецкій — сѣзавъ мимоходомъ — называлъ сіе допущеніе новыхъ, популярныхъ членовъ въ составъ прежняго правленія

приступленіемъ власти къ революціи. „Такими мѣрами“—говорилъ онъ—„дѣлается администраціонный совѣтъ властію революціонною“. Въ этомъ выраженіи заключается его система, основанная на правилѣ, которое онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ развивалъ логически и постепенно,—на правилѣ томъ: „чтобы вовлечь въ составъ прежняго правленія, т. е. контръ-революціи, все, что, оставаясь вѣдъ русскаго правленія, могло служить революціи полезно и вѣрно, по характеру своему, по приобретенной славѣ и даже по убѣжденію“.

Администраціонный совѣтъ не хотѣлъ ни распоряжаться въ революціонномъ духѣ, ни отречься отъ своей власти. Онъ хотѣлъ дѣйствовать и не дѣйствовать: не дѣйствовать, въ прежнемъ, царемъ опредѣленномъ составѣ,—дѣйствовать въ составѣ новомъ, посредствомъ людей, избранныхъ имъ самимъ въ той цѣли, чтобы удержаться среди волненія. Отсюда мысль „исполнительнаго отдѣленія совѣта“, которое было учреждено 1-го декабря, вскорѣ по уходѣ посольской депутаціи—мысль, живописующая хлопотливое положеніе власти, желающей сохранить связи и съ возставшимъ народомъ, и съ непріятелемъ, противъ котораго возсталъ народъ: съ революціею и съ царемъ. Въ исполнительное отдѣленіе поступили только два члена прежняго состава совѣта, Любецкій и Чарторійскій. Къ нимъ придали изъ вступившихъ въ совѣтъ въ ночь 29 ноября и изъ новыхъ: князя Радзивила, Кокановскаго, Хлопицкаго, Дембовскаго, Владислава Островскаго, Густава Малаховскаго и Лелевеля. Сему отдѣленію предоставлено было принимать рѣшительныя мѣры по всѣмъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательства,—въ полномъ же собраніи совѣта относиться только по тѣмъ предметамъ, которые само отдѣленіе найдетъ нужнымъ передать на разсмотрѣніе совѣта: то есть возлагалъ совѣтъ на исполнительное свое отдѣленіе угождать общему голосу по мѣрѣ возможности, предоставляя себѣ, *per restrictionem mentalem*, объясниться въ Петербургѣ по минованіи опасности, и недѣйствительнымъ признать все, что ни сдѣлало бы его исполнительное отдѣленіе, уступая силѣ обстоятельствъ. Такимъ то образомъ хотѣлъ Любецкій быть въ одно и то же время лицомъ дѣйствующимъ и лицомъ недѣйствующимъ. Онъ думалъ, что можно ему будетъ шить и пороть, какъ Пенелопѣ. Къ суще-

ствующей бѣдѣ присоединилась новая. Законныя формы вскружили всѣмъ головы. Въ обширную сѣть, разставленную министромъ финансовъ, попадало все больше и больше революціонныхъ людей,—попало даже нѣсколько и изъ участвовавшихъ въ заговорѣ. Шальная мысль революціонировать правленіе, вдохнуть революціонный духъ въ старую, испорченную машину, во власть, напитанную (совершенно другимъ элементомъ),—эта роковая, сѣмимъ даже Лелевелемъ овладѣвшая мечта, что „дѣйствуя отъ имени царя Николая, мы можемъ воевать съ императоромъ Николаемъ“, открывала контръ-революціи, открывала фальшивой политикѣ, глупельнымъ планамъ посредничества, полумѣрамъ боязни и недоброжелательству широкое поле къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, къ интрагамъ и уловкамъ всякаго рода. вмѣсто Болесты успѣлъ Любецкій въ администраціонномъ совѣтѣ, опредѣлить вице-президентомъ города (оберъ-полицеймейстеромъ) отставнаго бригаднаго генерал-сенатора-каштеляна графа Оому Лубенскаго, чтобы, съ помощію его, составить муниципальный совѣтъ, какового хотѣлось ему, Любецкому. Въ среду (1-го декабря), пополудни, собираетъ и открываетъ тотъ совѣтъ. Онъ представляетъ ему: „что правленіе за это теперь общими политическими распоряженіями; что, затѣмъ, въ обывателяхъ лежитъ долгъ учредить сословіе, которое бы дѣйствовало на общественный духъ въ столицѣ и заводило порядокъ; что, въ этомъ отношеніи, имѣютъ они передъ собою славный примѣръ, июльскую революцію въ Парижѣ, гдѣ муниципальный же совѣтъ завѣдывалъ всѣмъ до установленія правительства“. Нашимъ лавочникамъ того только и надо было. Эти, такъ называемые обыватели Варшавы, сдѣлались представителями народнаго духа, хотя въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ часовъ не дали они возставшему войску ни хлѣба, ни мяса и явно заперлись отъ революціи. Съ тѣхъ поръ до самаго установленія диктатуры, Лубенскій, возложивъ всю мелочную часть службы на президента города, Венгржецкаго, былъ въ правленіи постояннымъ представителемъ мнѣнія вовлеченной въ революцію столицы, *de facto* засѣдалъ въ администраціонномъ совѣтѣ. Тутъ говорилъ онъ безпрестанно отъ имени обывателей! На его мнѣніе ссылался Любецкій всякій разъ, когда заходила рѣчь о чемъ нибудь изъ савшемся Варшавы, какъ, напримѣръ, о томъ, чтобы не атаковать

цесаревича, не вводитъ въ городъ большаго числа войска, не допускать свободы тисненія, пока не издано будетъ на сей предметъ особаго закона — и все это, натурально, согласовалось съ желаніемъ обывателей! Этотъ Оома Лубенскій — эта правая рука Любецкаго, этотъ настоящій контръ-революціонный кознодѣй, простиралъ еще дальше вліяніе муниципальнаго совѣта: онъ къ высшимъ властямъ, по преобразованіи администраціоннаго совѣта, приставлялъ особыхъ надзорщиковъ (и многихъ изъ тайной полиціи), отзываясь, что обыватели не довѣряютъ ни одному должностному лицу! — Его братъ, Петръ Лубенскій, на инспекторовъ изъ удѣлѣвшей полиціи великаго князя возлагалъ присмотръ за вооруженіемъ стражи безопасности.

Такой ходъ дѣлъ раскрывалъ ясно, что правленіе парализуетъ дѣло, начатое въ вечеръ 29 ноября: — надлежало потому ниспровергнуть правленіе. Поняли, наконецъ, нѣкоторые изъ заговорщиковъ, къ чему клонились мѣры администраціоннаго совѣта. Они положили выйти изъ бездѣйствія, собраться, уничтожить контръ-революцію и дать возстанію лучшее направленіе. Это исполнили они отчасти, но только отчасти. Было нѣсколько десятковъ тысячъ вооруженнаго народа, бродившаго по улицамъ и стрѣлявшаго на воздухъ. Для спасенія дѣла предстояло одно средство: схватить эту силу, этотъ подвижной матеріалъ и обратить противъ администраціоннаго совѣта. Всѣ власти дышали непріязнью къ революціи; онѣ были слабы и непопулярны, больше интриговали, нежели занимались дѣломъ. Только одна власть, та одна, которая давала сильный порывъ городскому волненію, которая сосредоточивала въ себѣ все могущество мнѣнія, власть сборищная, настоящая муниципальная, — словомъ, власть народа (?!), извлеченная изъ народа, установленная на мостовой, могла весьма легко одолѣть сопротивленіе мѣстныхъ властей, покарать интригантовъ, смѣнить контръ-революціонныхъ людей, а что важнѣе всего — обезоружить (противниковъ) и, обезоруживъ, раскрыть точныя намѣренія, настоящіе планы возстанія; ибо въ отношеніи къ сему послѣднему, самому важному, обстоятельству было дѣломъ яснымъ, что отступленіе цесаревича съ русскимъ войскомъ, занимавшее уже Любецкаго, составлявшее даже предметъ переговоровъ между Константиномъ Павловичемъ и админи-

страціоннымъ совѣтомъ, произведетъ въ забранныхъ губерніяхъ самое дурное впечатлѣніе, дастъ революціи 29 ноября только мѣстный, фальшивый характеръ и уничтожить въ мигъ всѣ средства къ перенесенію возстанія въ глубь края — за Бугъ и Нѣманъ.

Д. В. Давыдовъ и изданія его сочиненій.

ЗАМѢТКА.

Въ сообщеніи И. Н. Божерянова „Памяти Дениса Васильевича Давыдова“, напечатанномъ въ июльской книгѣ „Русской Старинѣ“ 1884-го года, между прочимъ сказано: „собраніе стихотвореній Д. В. Давыдова было напечатано два раза въ 1832 г. и въ 1840 г. Смирдинымъ, послѣднее же изданіе его сочиненій было въ 1860 г.“. Это не вполнѣ точно.

Всѣхъ изданій сочиненій Д. В. Давыдова было не два, а четыре. Первое—1832 года московскаго книгопродавца Салаева; второе—1840 года А. Ф. Смирдина. Эти два изданія не показаны ни въ „Каталогѣ русскихъ книгамъ“, составленномъ В. И. Межовымъ и изданномъ А. Ф. Базуновымъ (Спб. 1869 г.), хотя въ немъ значатся названія книгъ, вышедшихъ съ 1825;—ни въ „Росписи книгамъ“ И. И. Глазунова (Спб. 1867 г.). Но и въ томъ и другомъ каталогѣ показаны и имѣются въ настоящее время въ продажѣ третье и четвертое изданія сочиненій Д. В. Давыдова. 3-е изданіе—это одинъ изъ томовъ полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ: „Сочиненія Давыдова (Дениса Васильевича). Изданіе Александра Смирдина. Спб. Въ типографіи книжн. маг. И. Крашенинникова и комп. 1848 г.“. Такъ значится на титульномъ листѣ. Въ этомъ изданіи, формата смирдинскихъ изданій, 638 страницъ. Наконецъ, „четвертое изданіе, исправленное и дополненное по рукописямъ автора“, какъ значится на титульномъ листѣ,—изданіе сына Дениса Васильевича. Оно называется такъ: „Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова. Москва. Въ типографіи Бакметева. 1860 г.“. Это изданіе въ трехъ частяхъ въ большую 8 д. Въ первомъ томѣ 33 печатныхъ листа, во 2-мъ 20 и въ 3-мъ 14 печатныхъ листовъ. Каждая статья имѣетъ отдѣльную нумерацію страницъ. Цѣна 4 р. 50 к.

А. Е. Носъ

Москва.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

ВЪ КРѢПОСТИ АНАПЪ.

1837 г.

Помѣщаемъ настоящій рассказъ, записанный г-жею Е. Зарной, рожденной Новиковой, со словъ ея матери, современницы и очевидца посѣщенія императоромъ Николаемъ крѣпости Анапы, какъ иллюстрацію къ сказанному, но весьма интересному сказанію А. П. Берже о путешествіи этого государя вообще по Кавказу въ 1837 г. (См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLIII, августъ, стр. 377—398).

Сказаніе Адольфа Петровича Берже основано исключительно на свидѣтельствѣ подлинныхъ документовъ. Настоящій рассказъ, касаясь одного лишь эпизода, является устнымъ преданіемъ, легендою, сложившеюся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ въ умахъ обитателей Анапы августѣйшимъ ея посѣтителемъ.

Р е д.

I.

Въ 1837 году, въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, въ крѣпости Анапѣ было получено извѣстіе, что ее посѣтитъ въ сентябрѣ того же года государь императоръ Николай Павловичъ, возвращавшійся тогда изъ своего путешествія по Кавказу, въ сопровожденіи наследника, нынѣ въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя.

Комендантомъ этой крѣпости въ то время былъ графъ Цукато, а плацъ-майоромъ мой отецъ, штабсъ-капитанъ Новиковъ.

Быстро облетѣла жителей небольшой крѣпости радостная вѣсть и въ тотъ же вечеръ графиня, жена коменданта, пригласила мою матушку съ двумя другими ассистентками, тоже полковыми дамами, для обсужденія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ вопросовъ.

Въ то же время комендантъ, съ плацъ-майоромъ и казначеемъ, под-

вергаль обсужденію вопросы иного порядка: какъ и что сдѣлать—что за чѣмъ должно слѣдовать, какъ кому себя держать и даже говорить. Было рѣшено: привести въ порядокъ наружный видъ крѣпости, гдѣ нужно выбѣлить, гдѣ нужно поприбрать и вычистить. Главнѣе всего нужно было обновить весь домъ самого коменданта для приѣма августѣйшихъ гостей. Хотя работы предстояло и много, но и времени и распоряженія оставалось довольно.

Положили выписать изъ Тифлиса растенія и цвѣты, а также и разные припасы и хорошаго повара на подмогу графскому, причѣмъ для исполненія всѣхъ этихъ порученій былъ командированъ туда и дежурный офицеръ.

Матушка моя, какъ первая въ кругу полковыхъ дамъ послѣ графини и къ тому же большая хозяйка, — была назначена распорядительницею по хозяйству. Нечего и говорить, что матушка приняла такое назначеніе съ большимъ удовольствіемъ и тотчасъ же занялась выкормкою для предстоящаго угощенія высокихъ гостей нѣсколькихъ индюшекъ, достала потомъ только что родившагося телка и стала его отпаивать цѣльнымъ молокомъ съ примѣсью миндальнаго; индюшекъ откармливала особыми галушками, сдѣланными изъ пшеничнаго тѣста смѣшаннаго съ мелко-истолченными грецкими орѣхами и миндалемъ.

Г-жа Глушкова, тоже одна изъ полковыхъ дамъ и тоже хорошая хозяйка, взялась откормить нѣсколькихъ куръ, утокъ и поросятъ.

Ни одного дня не проходило безъ того, чтобы не пришла къ матушкѣ какая нибудь полковая дама съ предложеніемъ какой либо услуги: одна изъ нихъ увѣряла, что лучше ея никто во всемъ мірѣ не приготовитъ заливнаго; другая—что умѣетъ готовить очаровательный соусъ изъ рябчиковъ и т. д.

Къ отдѣлкѣ дома графа Цукато приступили немедленно. Стѣны и потолки назначенныхъ для августѣйшихъ гостей апартаментовъ были бѣлымъ атласомъ съ золотыми кантиками и широкимъ золотымъ бордюромъ вверху. По стѣнамъ тянулись гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ, привезенныхъ наканунѣ приѣзда государя изъ Тифлиса; вся мебель для этихъ комнатъ, выписанная оттуда же, была обита голубымъ бархатомъ. Надъ однимъ изъ дивановъ красовался вензель государя императора и государыни императрицы, изящно подобранный изъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ. Надъ красивымъ золоченымъ письменнымъ столомъ былъ помѣщенъ вензель государя наследника, сдѣланный также искусно изъ незабудокъ и ландышей.

Къ встрѣчѣ августѣйшихъ гостей и къ завтраку въ домѣ графа были приглашены изъ полковыхъ дамъ только четыре: моя матушка, жена казначея—Фирсова, жена штабсъ-капитана Луцкова—молодая

бойкая москвичка и жена полковаго доктора. Всѣ наряды приглашенныя дамы выписали себѣ изъ Тифлиса, а графиня—изъ Петербурга.

Прежней крѣпости Анапы и узнать было нельзя;—она совершенно приняла праздничный видъ;—всѣ зданія ея были вычищены, выбѣлены, улицы подметены и растущая по нимъ кое-гдѣ травка подчищена; свободныя доголѣ путешествія по всему городу коровъ, свиней и разныхъ пернатыхъ—были воспрещены.

Но какъ ни заняты были всѣ жители Анапы приготовленіемъ къ предстоящему торжеству, тѣмъ не менѣе казалось, что время тянется слишкомъ долго.

Наконецъ наступилъ сентябрь; прїѣздъ государя считался уже днями, погода стояла жаркая, кругомъ свѣжая зелень и сочные плоды на деревьяхъ, но по временамъ дулъ сильный вѣтеръ и мора было непокойно. Въ первыхъ числахъ сентября графомъ была получена эстафета, что государь императоръ изволилъ благополучно прибыть въ Геленджикъ, гдѣ и остановится на нѣсколько дней, пока не успокоится море.

Въ эстафетѣ значился тоже приказъ, чтобы при встрѣчѣ августѣйшаго гостя не салютовать изъ опасенія, чтобы не повторилось только что случившагося происшествія въ Геленджикѣ. Тамъ къ прїѣзду государя было стянуто войско до двѣнадцати тысячъ (да и помимо прїѣзда государя—тамъ войскъ было много, по случаю непрерывныхъ въ то время экспедицій). При встрѣчѣ императора, во время салютованія, одинъ изъ тлѣвшихъ пыжей (тогда ружейные патроны были бумажные) попалъ какъ-то въ склады военнаго провіанта и въ какіе нибудь полчаса—часъ, при содѣйствіи сильнаго вѣтра, сгорѣли почти всѣ хлѣбныя войсковыя запасы. Хотя на пожарѣ и присутствовалъ самъ государь императоръ и чтобы прекратить пожаръ были употреблены войсками просто нечеловѣческія усилія, тѣмъ не менѣе разгулявшаяся огненная стихія лишила значительной части заготовленнаго для солдатъ продовольствія и начальство принуждено было сдѣлать немедленное распоряженіе о подвозѣ необходимаго количества хлѣбнаго зерна, муки, овса, сѣна и соломы въ Геленджикъ изъ Ягты и другихъ ближайшихъ мѣстъ.

Покойная государыня находилась въ то время въ Орляндѣ и, боявшись отпустить государя наследника въ дальнѣйшее путешествіе по Черному морю, въ эту пору года по обыкновенію весьма бурному, пожелала, чтобы онъ прибылъ къ ней сухимъ путемъ.

Желаніе государыни императрицы было исполнено и государь прибылъ въ Анапу безъ государя наследника, только со своею свитою. Хотя изъ Геленджика можно проѣхать въ Анапу и сухимъ путемъ, но эта дорога, извивающаяся по высокимъ горамъ и надъ глубокими про-

пастями, представлялась, особенно въ то время, далеко не безопасною и сверхъ того на такой переѣздъ потребовалось бы не менѣе трехъ сутокъ. А потому государь выбралъ путь моремъ и долженъ былъ прибыть въ Анапу на военномъ кораблѣ къ пристани, находившейся у такъ называемой «красной батареи».

II.

Въ день пріѣзда августѣйшаго гостя,—это было 23-го сентября 1837 года,—съ самаго утра всѣ дома крѣпости разукрасились флагами, разными цвѣтными матеріями и пестрыми персидскими коврами; народъ толпился у пристани и на улицѣ, по которой долженъ былъ проѣхать государь.

Какъ будто сама природа раздѣляла общую радость. Море было покойно; въ воздухѣ не шелокнетъ, день былъ жаркій,—ни одного облачка на голубомъ небѣ.

Домъ графа Цукато былъ увѣшанъ флагами и среди нихъ видѣлся роскошный вензель государя императора и государыни императрицы, изящно подобранный изъ живыхъ цвѣтовъ.

Крыльцо и площадка дома до самой улицы, гдѣ должна была остановиться коляска съ дорогимъ августѣйшимъ гостемъ, были устланы краснымъ сукномъ и уставлены тропическими растеніями, образующими собою какъ-бы аллею.

Съ десяти часовъ утра всѣ находящіеся въ крѣпости войска были въ полномъ сборѣ и разставлены по мѣстамъ.

Приглашенныя къ встрѣчѣ государя дамы были уже у графини. Всѣ онѣ были одѣты въ свѣтлыя шелковыя платья съ пышными рукавами, съ высокими прическами, по тогдашней модѣ, и еще болѣе высокими гребнями въ волосахъ. На самой графинѣ былъ нарядъ, только что присланный изъ Петербурга и сдѣланный по послѣдней модѣ, какъ носили въ то время при высочайшемъ дворѣ: бѣлый атласный, затканый золотомъ. Высокій гребень, украшавшій роскошные волосы графини, былъ усыпанъ жемчугомъ и рубинами. Графиня была высокаго роста, нѣсколько полная, весьма стройна и красива собой.

Собравшіеся у графини барыни размѣстились у открытыхъ оконъ, изъ которыхъ была видна полковая церковь. На паперти ея въ полномъ облаченіи стоялъ полковой священникъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженный причтомъ. Съ каждою минутою нетерпѣніе ожидающихъ разгоралось все болѣе и болѣе; высказывалось даже опасеніе: «ну какъ не пріѣдетъ?»..

Но вотъ въ одиннадцатъ часовъ раздался, наконецъ, выстрѣлъ изъ вѣбностной пушки, возвѣстившій прїѣздъ державнаго гостя. Музыка заиграла, только что въ то время разученный для прїѣзда государя императора, народный гимнъ «Боже Царя храни!», сочиненный и играный въ первый разъ въ 1833 году 25-го декабря, при освященіи знамени въ залахъ Зимняго дворца. Торжественная музыка слилась съ восторженными криками ура!... Государь императоръ, по перекинутому съ корабля трапу, вышелъ на пристань, окруженный своею свитою.

Но едва только показалась на берегу величественная фигура монарха, какъ молодой прапорщикъ, только что произведенный и стоявшій въ то время на посту у штандарта, совершенно обезумѣвъ отъ радости, что видитъ государя такъ близко и въ первый разъ въ жизни, забылъ приказъ коменданта, махнулъ платкомъ, штандартъ подняли, грянули пушки со всѣхъ батарей и пошла пальба!

Графъ и мой отецъ поблѣднѣли, лица ихъ вытянулись... Государь на мгновение остановился на мѣстѣ и, сдвинувъ брови, строго взглянулъ на графа. Но графъ уже успѣлъ опомниться и нашелся.

— Молодой, только что произведенный, прапорщикъ, сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу твердость, — такъ обрадовался, увидавъ ваше императорское величество, что забылъ данное ему приказаніе.....

— На гауптвахту! отрывисто перебилъ государь.

Затѣмъ были поданы экипажи. Государь императоръ изволилъ сѣсть въ коляску вмѣстѣ съ графомъ Цукато и приказалъ ѣхать въ церковь. Начался звонъ въ колокола; народъ колыхнулся, завились шалки въ воздухъ и раздалось продолжительное, громкое ура!

Выслушавъ молебень и приложившись къ кресту—государь изволилъ поѣхать сначала по бастионамъ. На бастионѣ, что съ полевой стороны, государь изволилъ выйдти изъ коляски и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ зрительную трубку на окрестности. Осмотрѣвъ бастионы, государь подѣхалъ къ выстроившимся войскамъ, отдавшимъ ему честь.

— Здорово ребята! — звучно крикнулъ государь.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество, — громко и дружно отвѣчали ряды войскъ.

Затѣмъ его величество изволилъ скомандовать пройти войскамъ церемоніальнымъ маршемъ. Стройними рядами прослѣдовали два раза загорѣлые молодцы-кавказцы мимо государя императора и каждый разъ удостоились царскаго спасибо и милостиваго одобренія: «Хорошо!» «молодцы!»....

Государь видимо остался доволенъ рѣшительно всѣмъ, что онъ только видѣлъ. По окончаніи смотра, государь посѣтилъ госпиталь,—

обошелъ всѣ палаты, милостиво разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ больныхъ, спрашивалъ раненныхъ, гдѣ и въ какой экспедиціи раны были получены и двумъ изъ солдатъ самолично пожаловалъ по георгиевскому кресту. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на смотру, а въ томъ числѣ и лежащимъ въ госпиталѣ, государь приказалъ выдать по серебряному рублю.

Было половина второго, когда коляска государя остановилась передъ домомъ графа Цукато. Послѣдній поспѣшно изъ нея выскочилъ съ тѣмъ, чтобы помочь государю выйти изъ экипажа, но государь, отстранивъ это, вышелъ самъ. Столкнувшись близъ дома графа масса народа, — а здѣсь были буквально всѣ жители Анапы, отъ мала до велика, — снова привѣтствовала государя несмолкаемымъ «ура»! На нижнихъ ступеняхъ крыльца встрѣтила и восторженно привѣтствовала дорогого державнаго гостя графиня Цукато.

Государь былъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ любезно отвѣчалъ на привѣтствіе, подалъ графинѣ руку и ввелъ ее въ гостиную, гдѣ имѣли честь быть представленными его величеству хозяйкою дома названная выше полковныя дамы и предложень августѣйшему гостю роскошно сервированный завтракъ.

Государь сѣлъ за столъ и между прочими закусками обратилъ свое вниманіе на жаренную индѣйку, которая ему особенно понравилась. Впослѣдствіи это сдѣлалось любимымъ конькомъ моей матушки: она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала, какъ самъ государь императоръ Николай Павловичъ изволилъ кушать и похвалить изжаренную и откормленную ея собственными руками индѣйку, любила рассказывать этотъ случай и всегда рассказывала его съ мельчайшими подробностями.

Во время завтрака графомъ Цукато были предложены тосты за государя императора, государыню императрицу, государя наследника и весь царствующій домъ. Каждый изъ этихъ тостовъ сопровождался тушемъ, который играла военная музыка, поставленная у оконъ графскаго дома. Государь при провозглашеніи каждаго изъ тостовъ изволилъ приподниматься съ своего мѣста и милостиво чокаться съ подходящими къ нему присутствующими.

Затѣмъ его величество приподнялся и, поднявъ бокалъ, громко провозгласилъ:

— «За здоровье моихъ храбрыхъ кавказскихъ войскъ»!!!

Оглушительное «ура» всѣхъ присутствовавшихъ на завтракѣ, подхваченное войсками, находившимся внѣ дома, — которымъ было дано знать, что государь императоръ пьетъ за ихъ здоровье, — было отвѣтомъ на тостъ, провозглашенный государемъ императоромъ.

Государь императоръ снова поднялся съ мѣста и, поднявъ бокаль, любезно обратился къ графинѣ и провозгласилъ тостъ за здоровье любезной хозяйки.

Послѣ завтрака государь изволилъ милостиво разговаривать съ своимъ отцемъ и другими офицерами, — выразилъ графу Цукато свое полное удовольствіе за отличное состояніе полка и порядка въѣренной ему крѣпости, осмотрѣлъ потомъ приготовленныя для него и государя наследника комнаты, присѣлъ на диванъ, выкушалъ тамъ чашку шоколада, при чемъ пожурилъ слегка графиню за излишнюю роскошь, допущенную въ отдѣлкѣ комнатъ, и весело шутилъ съ дамами.

Въ четверть пятого его величество приподнялся съ своего мѣста, протянулъ графинѣ и графу свою руку и, простившись со всѣми однимъ общимъ поклономъ, въ сопровожденіи графа и всѣхъ присутствующихъ вышелъ на крыльцо, къ которому была подана коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей. Громкое «ура!» собравшагося войска и жителей крѣпости снова встрѣтило появленіе государя на крыльцѣ графскаго дома.

Государь императоръ уже сталъ одною ногою на подножку коляски, но вдругъ остановился и, обернувшись къ стоявшему за нимъ графу, сказалъ:

— Прапорщика выпустить и дать ему годовой окладъ жалованья; но внушить, чтобы впередъ приказанія начальства помнилъ и напрасно пороха не тратилъ...

Графъ поклонился. Государь сѣлъ въ коляску и лошади тронулись. Несмолкаемое громкое ура всѣхъ войскъ и жителей долго оглашало воздухъ.

Его величество изъ Анапы уѣхалъ въ Пятигорскъ. Графъ провожалъ государя до первой станціи.

III.

Впечатлѣніе, оставленное государемъ въ Анапѣ, было самое пріятное, особенно въ восторгѣ были дамы.

Чтобы еще болѣе ознаменовать это событіе, графиня Цукато устроила на другой день балъ и пригласила на него всѣхъ офицеровъ съ ихъ семействами. На этомъ балѣ случилось, между прочимъ, слѣдующее происшествіе.

Нѣкоторые изъ офицеровъ были женаты на казачкахъ, весьма иногда красивыхъ и нерѣдко очень богатыхъ, но, въ большинствѣ случаевъ, лишенныхъ всякаго образованія и никогда не бывавшихъ ни въ какомъ свѣтскомъ обществѣ.

Хотя графиня была вообще дама очень любезная и обходилась со всѣми весьма просто, тѣмъ не менѣе приглашеніе къ ней на балъ исполошило всѣхъ. Въ особенности была поражена этимъ приглашеніемъ жена прапорщика Усачева, красавица собою, лѣтъ восемнадцати,—годъ какъ замужемъ, она до тѣхъ поръ нигдѣ не бывала,—а тутъ вдругъ пригласили ее въ такое большое и свѣтское общество. Сначала она пыталась было даже отказаться отъ такой чести, но мужъ требовалъ поѣздки на балъ безусловно.

Но какъ же все устроить? во что нарядиться? какъ войти въ гостиную графини? какъ поклониться, что говорить? Усачева никакъ не могла рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ. Чтобы помочь горю, мужъ посоветовалъ ей обратиться къ полковой казначейшѣ Фирсовой: «она часто бываетъ у графини», говорилъ ей мужъ, «ей извѣстны всѣ приличія и знаетъ какъ нужно одѣться, чтобы не быть хуже другихъ».

Жена послушалась; не теряя время, она отправилась къ Фирсовой и черезъ два часа вернулась отъ нея веселая и довольная.

Въ назначенный для бала часъ, домъ графини былъ иллюминированъ; играла музыка; сѣзжались гости; комнаты были полны приглашенныхъ. Графиня съ одною пріѣзжею дамою изъ Тифлиса сидѣла на диванѣ,—по обѣ стороны на креслахъ размѣстились: моя матушка, жена полкового доктора и жена одного ротнаго командира г. Луцкаго. Разговоръ шель оживленный; вспоминали до мельчайшихъ подробностей,—кому и что сказалъ государь императоръ, на кого какъ посмотрѣлъ, какъ онъ шель съ графиней подъ руку, какъ вошелъ въ приготовленные для него комнаты, что онъ говорилъ по поводу ихъ отдѣлки, какъ кушалъ шоколадъ и т. д.

Вдругъ графиня закусила нижнюю губу и покраснѣла; дамы, сидѣвшія около нея, тоже закрыли свои рты платками,—дама изъ Тифлиса едва удерживалась отъ смѣха. Вниманіе всѣхъ было сосредоточено на Усачевой, которая, войдя въ гостиную въ шелковомъ платьѣ, ярко-зеленаго цвѣта, съ невозможною отдѣлкою изъ пунцовыхъ и желтыхъ лентъ, остановилась среди комнаты и, снявъ съ головы чепчикъ съ пунцовыми лентами, присѣдала, вертѣлась и кланялась на всѣ стороны.

Графъ, мой отецъ и полковой священникъ, ходившіе по залѣ, остановились въ дверяхъ гостиной и, слѣдя за потѣшными эволюціями Усачевой, чуть не хохотали... Между тѣмъ, раскланявшись на всѣ стороны, Усачева снова надѣла на свою голову высокій чепецъ и скромно сѣла на близъ стоявшій стулъ.

Фирсова, поглядывая кругомъ, весело улыбалась. Графиня, вся пунцовая, подошла къ Усачевой и, взявъ ее за руку, повела за собою.

Перепуганная до крайности, Усачева покорно слѣдовала за графинею въ ея будуаръ, гдѣ любезная хозяйка усадила ее около себя на диванъ и ласково спросила: «кто это научилъ ее такъ одѣться и такъ войти къ ней въ гостиную?»

— Простите, ваше сіятельство! можетъ быть я не такъ поклонилась, скороговоркой оправдывалась Усачева. Мнѣ, вѣроятно, надо было поклониться сначала графу...

— Нѣтъ, нѣтъ, — этого совсѣмъ не надо было дѣлать, перебила графиня.

Усачева съ недоумѣніемъ глядѣла въ лицо графини.

— Какъ! неужели ничего этого не надо было дѣлать? рѣшилась она выговорить.

— Конечно ничего! но кто-же васъ всему этому научилъ?

— Меня научила Аделаида Александровна, сказала Усачева и тутъ же рассказала подробно—все какъ было—какъ учила ее Фирсова войти въ гостиную, какъ кланяться, съ какими лентами чепецъ надѣть и во что одѣться.

Оказалось также, что веселая барыня даже учила ее расшаркнуться съ графомъ по-мужски, но что она, Усачева, сконфузилась и забыла это сдѣлать.

Результатомъ этой шутки было, однако, то, что мужа Фирсовой перевели чрезъ нѣсколько дней изъ Анапы въ другую крѣпость—Джемитеевскую, а Усачева сдѣлалась любимицею и ежедневною посѣтительницею графини Цукато.

Е. И. Зарина.

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

НА КАВКАЗЪ

съ 12 сѣнтября по 28 октября 1850 г.

(Памяти Государя Императора Александра Николаевича).

Берусь за перо, чтобы представить Кавказъ въ то время, когда не только войска, но и разнородное населеніе этого богатаго природой и событіями края предавалось празднествамъ, можетъ быть, своеобразнымъ и характеристичнымъ, но выражающимъ безпредѣльно-восторженную радость, благоговѣйную любовь и преданность. Такому ликованію предавался Кавказъ съ 12-го сѣнтября по 28-е октября 1850 и съ 12-го же по 24-е сѣнтября 1861 годовъ, когда, въ Бозѣ почившій, Государь Императоръ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ эту отдаленную окраину своего обширнаго государства.

Въ 1850 году, наследникъ всероссійскаго престола осчастливилъ посѣщеніемъ Кавказъ по волѣ своего державнаго родителя, чтобы не только ознакомиться съ богатствами природы и разнороднымъ составомъ населенія этого отдаленнаго края, но и благодарить войска, въ немъ находящіяся, за трудную и боевую ихъ службу.

Окружной городъ Черноморіи — Тамань, хотя древній, но ничтожный, съ мазанковыми постройками, незамѣчательный и по своимъ окрестностямъ, имѣлъ счастье первый привѣтствовать на кавказской территоріи великаго князя цесаревича, высадившагося съ парохода, — кромѣ другихъ, составлявшихъ свиту его высочества, — съ графомъ Александромъ Владиміровичемъ Адлербергомъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ и лейбъ-медикомъ Энохинымъ. 12-е сѣнтября, — въ Тамани — былъ первый,

а 28-го октября, — въ Среднемъ Егорлыкѣ—послѣдній день ликования Кавказа.

Однако не все сорока-шести-дневное пребываніе августѣйшаго гостя на кавказской территоріи будетъ подлежать моему описанію. Я расскажу здѣсь, какъ очевидецъ, только проѣздъ наслѣдника престола, по лѣвому флангу Кавказской линіи, а именно отъ Чирь-юрта до станицы Слѣпцовской, что на Сунжѣ. Съ удовольствіемъ описаль-бы своеобразныя, гомерическія празднества, которыми прівітствовало Закавказье своего высокаго гостя, какъ выражающія нравы, обычаи и бытъ тамошняго населенія; но, не будучи очевидцемъ такихъ празднествъ, я лишень возможности это исполнить.

Лѣвый флангъ Кавказской линіи.

На пространствѣ, заключающемся между Сулакомъ, Терекомъ и Сунжею, обитаемомъ, за исключеніемъ мирныхъ кумыковъ, неприязненнымъ намъ чеченскимъ племенемъ, не только въ 1850 году, но и позднѣе происходили кровавыя побоища; такія побоища въ особенности были часты и кровопролитны во время зимнихъ экспедицій, когда прорубались просѣки и прокладывались дороги черезъ завѣтные лѣса, которые Шамиль стойко отстанвалъ, не съ одними чеченцами, но и съ тавлинцами. Что эта часть Кавказа была самая опасная и тревожная служить доказательствомъ нижеслѣдующія дѣйствія нашихъ войскъ противъ непріятеля только въ одномъ 1850 году. Въ январѣ и февралѣ мы деремся съ Шамилемъ въ Большой Чечнѣ, во время проложенія просѣки черезъ Шалинскій лѣсъ отрядомъ, состоящимъ подъ начальствомъ генерала Нестерова и расположеннымъ на правомъ берегу Аргуна. Въ апрѣлѣ съ бою овладѣваемъ оупомъ, построеннымъ поперегъ Шалинской просѣки и защищаемымъ тысячнымъ сборищемъ тавлинцевъ. Въ августѣ перестрѣливаемся съ чеченцами, во время рубки лѣса на Мичикѣ, со стороны Куринскаго укрѣпленія. Независимо этого, сколько разъ приходилось отражать нападенія непріятеля на скотъ, находившійся на пастьбѣ, и на жителей, занимавшихся полевыми работами, возлѣ Воздвиженской, Грозной, Урусъ-Мартана и станицъ на Сунженской линіи; или выбивать непріятеля изъ засадъ тѣмъ войскамъ, которыя посылались

за дровами и строевымъ лѣсомъ въ Ханъ-кале и другія мѣста. Сколько было тревогъ, не только на передовыхъ пунктахъ, но за Терекомъ въ предѣлахъ Кизлярскаго, Гребенскаго и Моздокскаго полковъ, отъ появленія небольшихъ хищническихъ партій. Даже совершались чеченцами такіе наѣзды, какъ разграбленіе, въ началѣ октября 1850 г., на Кумѣ ставки калмыцкаго султана и сожженіе ими на Астраханскомъ трактѣ почтовой станціи.

Не мало было хлопотъ и заботъ для генералъ-маіора Козловскаго, который, по болѣзни генерала Нестерова, завѣдывалъ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, и для меня, какъ главнаго его помощника, чтобы сдѣлать путешествіе наследника престола безопаснымъ и безостановочнымъ. Кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго съ конной артиллеріей конвоя, нужно было по пути слѣдованія назначить мѣста для пѣхотныхъ эшелоновъ, величина которыхъ, отъ роты до двухъ батальоновъ и отъ одного до четырехъ орудій, зависѣла отъ мѣстности и близости неприятеля. Кромѣ Хасавъ-юрта, Червленной, Грозной и Воздвиженской, въ которыхъ были ночлеги, нужно было собрать известное число упряжныхъ лошадей во Внезапной, у Шелкозаводскаго моста, въ станицѣ Щедринской и укрѣпленіи Горячеводскомъ, какъ промежуточныхъ пунктовъ; а это не такъ легко было сдѣлать, потому-что подъ экипажи свиты, начальствующихъ лицъ и курьеровъ требовалось до ста сорока упряжныхъ лошадей. Кромѣ разнородныхъ распоряженій на ночлежныхъ пунктахъ по приѣму самого высокаго гостя и удобному размѣщенію свиты его высочества и начальствующихъ лицъ, его сопровождавшихъ, необходимо было сдѣлать разныя распоряженія во Внезапной, Шелкозаводской, укрѣпленіи Горячеводскомъ, гдѣ назначены были затраги, по приѣму депутацій отъ кумызовъ, кизлярскихъ жителей и мирныхъ чеченцевъ.

Чиръ-юртъ и Нижегородскіе драгуны.

Убѣдившись на мѣстѣ, что все будетъ исполнено по возможности лучшимъ образомъ, я съ генераломъ Козловскимъ прибылъ въ Чиръ-юртъ 18-го октября 1850 г. — наканунѣ приѣзда наследника престола, въ эту штабъ-квартиру Нижегородскаго драгунскаго полка, находившуюся на Сулакѣ, а слѣдовательно на рубежѣ

лѣваго фланга Кавказской линіи. Командиромъ Нижегородскихъ драгунъ былъ вновь полковникъ князь Чавчавадзе, вступившій въ командованіе этимъ храбрымъ полкомъ послѣ генерала Круковского, незадолго предъ тѣмъ назначеннаго наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска ¹⁾). Князь Чавчавадзе принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ и первыхъ грузинскихъ фамилій; былъ красивъ собою, но слабъ здоровьемъ, безгранично добръ, простодушенъ и безотчетно храбръ. Подвиги, совершенные Нижегородскими драгунами, подъ предводительствомъ князя Чавчавадзе, въ 1853 и 1854 годахъ, на поляхъ Башкадыклярскихъ и Кюрюкдарскихъ, лучше всего свидѣтельствуя о его доблестной храбрости и героизмѣ.

Великій князь цесаревичъ, въ сопровожденіи главнокомандующаго князя М. С. Воронцова, начальника главнаго штаба П. Е. Коцебу и командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, пріѣхалъ въ Чирь-юртъ около пяти часовъ, запыленный и утомленный, потому что былъ весьма жаркій день, а восьмидесяти верстный переѣздъ отъ Темиръ-ханъ-шуръ не могъ считаться для экипажной ѣзды удобнымъ.

Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что на другой день предполагалось выѣхать по возможности ранѣе, — вскорѣ послѣ обѣда, начиная съ великаго князя все успокоилось и предалось отдохновенію. Да и въ противномъ случаѣ какія удовольствія, кромѣ полковой музыки и пѣсенниковъ, могли развлечь вниманіе высокаго гостя, тѣмъ болѣе, что штабъ-квартира по недавности своего существованія была недостроена ²⁾, а окрестности ея не живописны. Все голъ, да каменные горы, изрѣдка поросшія корявыми и тощими деревьями.

Переѣздъ отъ Чирь-юрта черезъ Внезапную въ Хасавъ-юртъ былъ не великъ, только 36 верстъ. Но чтобы имѣть возможность

¹⁾ Подробности о генералѣ Круковскомъ изложены мною въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 322—324.

²⁾ Нижегородскій драгунскій полкъ былъ переведенъ изъ Кара-Агача, что въ Кахетіи, сикнахскаго уѣзда, въ Чирь-юртъ въ 1845 году. Цѣль этого перемѣщенія была та, что, находясь на рубежѣ Прикаспійскаго края и лѣваго фланга Кавказской линіи, части этого полка съ большимъ удобствомъ могли участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ на этихъ театрахъ.

подѣзжать къ пѣхотѣ съ артиллеріей, расположенной въсколькими эшелонами по пути слѣдованія, — что необходимо было въ лѣсной мѣстности и близости непріятеля, — государю наслѣднику угодно было совершить этотъ перевязъ верхомъ, а на это нужно было употребить не менѣе семи часовъ. Слѣдовательно, чтобы не прибыть слишкомъ поздно въ Хасавъ-юртъ, выѣхали изъ Чиръ-юрта въ десять часовъ. Въ конвоѣ находилось два дивизиона Нижегородскихъ драгунъ съ двумя конными орудіями. Пѣхотные эшелоны состояли преимущественно изъ кабардинцевъ, и при первомъ изъ нихъ, расположенномъ на Акташѣ, почти на половинномъ разстояніи между Чиръ-юртомъ и Внезапной, находился командиръ полка полковникъ баронъ Майдель, умершій впоследствии генералъ-адъютантомъ и комендантомъ Петропавловской крѣпости.

Крѣпость Внезапная.

Во Внезапной, гдѣ былъ завтракъ, его высочество принималъ почетныхъ жителей Андреевой, Костева и другихъ вумьскихъ ауловъ, осматривалъ крѣпость, любовался живописнымъ Ауховскимъ лѣсистымъ ущельемъ, по которому протекаетъ Акташъ. При этомъ съ любопытствомъ выслушалъ оригинальный ¹⁾ рассказъ генерала Козловскаго о нападеніи Шамиля 30-го сентября 1843 гбда на деревню Андрееву.

Сущность этого рассказа состояла въ слѣдующемъ. Шамиль, давно собираясь наказать непослушныхъ ему и преданныхъ намъ андреевцевъ, наконецъ отдалъ эту огромную и богатую деревню на разграбленіе приведеннаго имъ ополченія, болѣе чѣмъ изъ 4,000 человекъ при 4-хъ орудіяхъ состоявшаго. Въ то время, когда ворвавшіеся въ аулъ тавлинцы и чеченцы, осиливая отчаянно сопротивлявшихся имъ жителей, приближались къ мечети, когда десятки разграбленныхъ сакель пылали въ огнѣ, когда Шамиль, стоя на возвышенномъ лѣвомъ берегу Акташа, на мѣстѣ старой Внезапной крѣпости, окруженный преданными ему морядами, восклицалъ, что „Андреева его!“ — послышались на площади крики ура! Это спѣшили кабардинцы съ своимъ полковымъ

¹⁾ Рассказы В. М. Козловскаго были оригинальны, потому что кромѣ прищмокиванія, безпрестанно слышались слова: „какъ, такъ, бишь“.

командиромъ, полковникомъ Козловскимъ, на выручку вѣрныхъ андреевцевъ. Не велика была ихъ сила, какихъ нибудь двѣсти человѣкъ ¹⁾; да одно орудіе; но велика была ихъ мужественная храбрость и рѣшимость ихъ полководца. Непрiятель штыками и картечью былъ прогнанъ изъ аула съ потерей, разъ въ десять превышавшей нашу, состоявшую изъ 8 раненыхъ егерей, да 35-ти убитыхъ и раненыхъ андреевцевъ. Послѣ этого имамъ Шамиль посѣдѣшилъ отступить въ Акташъ-Ауху, гдѣ и распустилъ свой сборъ.

Когда по окончаніи разсказа наслѣдникъ престола, обнявъ Козловскаго, спросилъ его, какъ онъ рѣшился на такой подвигъ, то старый кавказскій слуга со скромностью отвѣтилъ:

— „Кабардинцы своихъ враговъ не считаютъ и всегда честно, благородно исполняютъ свой долгъ“.

Хасавъ-юртъ и кабардинцы.

Въ Хасавъ-юртъ, штабъ-квартиру Кабардинскаго полка, начавшую свое существованіе съ 1845 года, — великій князь цесаревичъ прибылъ около шести часовъ. На лѣвомъ флангѣ почетнаго караула, составленнаго исключительно изъ георгіевскихъ кавалеровъ, кромѣ другихъ офицеровъ полка, находились заслужившіе вполнѣдствіи извѣстность: подполковникъ баронъ Николаи, капитанъ Властовъ, штабъ-капитаны Гейманъ и князь Святополкъ Мирскій, а также раненый въ руку въ зимнюю экспедицію баталіонный медикъ К. Ѳ. Брошніовскій.

На лѣвомъ же флангѣ караула находился рослый, плечистый съ длинными рыжими бакенбардами и усами, съ огромными бородавками на лицѣ, донской полковникъ; то былъ Яковъ Петровичъ Баклановъ ²⁾, гроза и страхъ чеченцевъ и въ особенности мичиковцевъ.

¹⁾ Во время появленія Шамиля въ окрестностяхъ Везапной и нападенія на Андрееву, для защиты этихъ пунктовъ, въ распоряженіи полковника Козловскаго находилось пять слабого состава ротъ и учебная команда, при двухъ подвижныхъ орудіяхъ, — численность которыхъ не превышала семисотъ человѣкъ. Четыре роты охраняли вѣрность, форштадтъ и аулъ; одна же рота и учебная команда составляли подвижной резервъ. М. О.

²⁾ Мужественно храбрый и благоразумно-распорядительный Я. П. Баклановъ былъ не только командиромъ одного изъ донскихъ полковъ, на Кумын-

Послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда, сопровождавшагося восторженными воинственными тостами, августѣйшій гость бесѣдовалъ съ офицерами, спрашивалъ георгіевскихъ кавалеровъ изъ нижнихъ чиновъ за что и когда получили кресты. Въ особенности его высочество занимали интересные разсказы князя А. И. Бартинскаго о болѣе достойныхъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ. При этомъ было обращено особое милостивое вниманіе государя наслѣдника на бойкіе, смѣлые, юмористическіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дышашіе безконечною преданностью и любовью, отвѣты нѣкоторыхъ солдатъ изъ хоровъ пѣсенниковъ, собранныхъ въ саду передъ домомъ полкового командира. Впрочемъ, такіе характеристическіе типы были не рѣдкость и въ другихъ кавказскихъ полкахъ. И не будемъ удивляться этому, если вспомнимъ ту неизмѣримую совершенно иную школу, которую проходили тогда солдаты Кавказа и солдаты, служившіе внутри Россіи.

Штабъ-квартира храбраго Кабардинскаго полка, ярко освѣщенная тысячами шевальвовъ и разноцвѣтныхъ фонарей, съ раздававшимися въ ней музыкой, пѣснями и криками ура, успокоилась только около полуночи, когда все стихло и потухли огни въ домѣ полкового командира, занятаго въ эту памятную для кабардинцевъ ночь высокимъ гостемъ.

Слѣдующій ночлегъ былъ въ Червленной, отстоящей отъ Хасавъ-юрта въ семидесяти верстахъ. Въ Тапъ-Кичу, укрѣпленіи, построенномъ въ 1819 году при Аксаѣ,—аулѣ, не уступающемъ по величинѣ и богатству Андреевой, представлялись Аксаевскіе и другихъ ближайшихъ ауловъ почетные жители. Независимо этого, собралось много другихъ кумызовъ и мирныхъ чеченцевъ, пріѣхавшихъ изъ дальнихъ ауловъ, а равно изъ Куринскаго и Умаханъ-юрта. Каждый изъ нихъ желалъ видѣть Наслѣдника престола, подѣ державою котораго они будутъ благоденствовать.

ской плоскости расположенныхъ, но и командующимъ войсками въ укрѣпленіи Куринскомъ. Своими рѣшительными дѣйствіями за Мичкомъ, онъ до того сдѣлался извѣстенъ и страшенъ въ горахъ, что самые лучшіе предводители и наѣзники терялись при его появленіи. Чеченки же унимали плачущихъ своихъ ребятъ „Шайтаномъ Баклу“, такъ называли чеченцы Балланова.

Весьма интересныя и своеобразно изложенныя Записки Я. П. Балланова напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 и 1871 гг. М. О.

Гребенские казаки.

На лѣвомъ берегу Терека у Шелкозаводскаго моста, гдѣ въ домѣ смотрителя былъ приготовленъ завтракъ, встрѣтила великаго князя депутація, прибывшая изъ города Кизляра. Тутъ же представились: наказный атаманъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска Круковскій, ставропольскій губернаторъ Волоцкой и командиръ Гребенскаго полка баронъ Розенъ. Сотня молодцевъ гребенцевъ на лихихъ коняхъ и въ богатомъ оружіи назначена была въ конвой. Понеслось до сорока дормезовъ, коласовъ, тарантасовъ и перекладныхъ по гладкой дорогѣ; заджигитовали казаки. Въ часъ съ небольшимъ проѣхали двадцати верстное пространство отъ Шелковой до Щедринской и почти столько же времени было употреблено на переправку и переѣздъ отъ Щедрина до Червленной.

Старикъ Червленной и другихъ станицъ гребенскаго полка встрѣтили государя наследника съ хлѣбомъ-солью. Тутъ же на площади передъ домомъ полковаго командира собрались казачьи разодѣтыя въ богатые бешметы и увѣшанныя въ нѣсколько рядовъ ожерельями; изъ нихъ многія въ полумрагѣ дѣйствительно были хороши и граціозны, когда начались хороводы. Этимъ удовольствіямъ не помѣшала даже тревога, которая, въ то время, такъ часто случалась на Терекѣ, въ особенности въ дни торжествъ и празднествъ. Но тревога оказалась пустая. Партія хищниковъ намѣревалась переправиться на нашу сторону, однако была открыта секретами и, понеся потерю, принуждена была отказаться отъ своего предпріятія.

На другой день вся Червленная вышла за станицу, чтобы проводить своего будущаго монарха. На нѣсколькихъ столахъ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ, между огромными вуличами, стояли подносы съ виноградомъ и сосуды съ роднымъ „чихиремъ“.

Послѣ добрыхъ пожеланій его высочествомъ казакамъ, и когда поѣздъ тронулся къ Николаевскому мосту, началась особаго рода джигитовка. Понеслись на своихъ лихихъ коняхъ гребенцы, но не одни: кто держалъ передъ собою на сѣдлѣ сестру, у кого стояла на лѣвомъ стремени жена, которая, держа

въ рукахъ ставаны или „чепурки“ съ чихиремъ, поили своихъ братьевъ и мужей, а также пили сами за здоровье провожаемаго ими августѣйшаго гостя. Все это совершалось на скаку съ выстрѣлами и разными эволюціями до Николаевскаго моста, на разстояніи восьми верстъ, и къ чести и молодечеству казаковъ не случилось ни одного паденія.

Крѣпость Грозная.

Отъ Терека до Грозной на тридцати верстномъ разстояніи, кромѣ конвоя, состоявшаго изъ Моздокскихъ казаковъ и двухъ конныхъ орудій, была разставлена эшелонами пѣхота съ артиллеріей. Въ укрѣпленіи Горячеводскомъ, гдѣ была переправа и завтракъ, представлялись почетные жители Старого и Нового Юрта, а также другихъ мирныхъ чеченскихъ ауловъ, жившихъ по правую сторону Терека противъ Моздокскаго полка.

Не смотря на то, что и этотъ переѣздъ совершенъ былъ его высочествомъ большею частію верхомъ, но въ Грозную прибыли довольно рано. Въ этой крѣпости нѣтъ ничего замѣчательнаго; да и окрестности ея самыя обыкновенныя ¹⁾.

23-го октября 1850 г. переѣздъ отъ Грозной до Воздвиженской былъ въ двадцать семь верстъ. Кромѣ шести сотенъ гребенскихъ, моздокскихъ и донскихъ казаковъ и четырехъ конно-казацкихъ орудій, составлявшихъ непосредственный конвой отъ Грозной, Ханкале было занято двумя батальонами куринцевъ при дивизионѣ орудій; а на половинѣ дороги былъ расположенъ батальонъ куринцевъ же, четыре орудія и донской полкъ Тацина. При пѣхотномъ эшелонѣ, расположенномъ въ Ханкале, находился командиръ Куринскаго егерскаго полка, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

¹⁾ Впрочемъ государь наследникъ—подобно другимъ мѣстамъ, посѣтилъ госпиталь и объѣхалъ Грозную. Не была забыта и землянка Ермолова, въ которой жилъ Алексѣй Петровичъ во время постройки этой крѣпости въ 1818 году. М. О.

Ханкальское ущелье.

Въ Ханкале былъ завтракъ въ палаткахъ. Съ провозглаше-
ніемъ тоста за здоровье государя наслѣдника ущелье огласилось
громкимъ ура, а вслѣдъ затѣмъ раздались боевые выстрѣлы изъ
орудій и открытъ былъ батальный огонь. Все бросилось изъ па-
латокъ, чтобы посмотрѣть на полетъ ядеръ и гранатъ. Хотя
не было непріятеля, но картина была боевая, тѣмъ болѣе для
тѣхъ, впрочемъ, немногихъ, которые слышали въ первый разъ
полетъ ядеръ, разрывъ гранатъ и свистъ сотенъ пуль. Нѣ-
которые думали, что мы атакованы непріателемъ, но въ Хан-
кале, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ мирныхъ чеченцевъ, не было
ни одного немирнаго. Его высочество очень любовался этой
картиной.

За то значительныя конныя толпы непріятеля разѣзжали за
Аргуномъ, въ то время, когда выѣхали изъ ущелья на открытое
мѣсто. Даже одиночныя конныя показывались вѣ пушечнаго
выстрѣла и по эту сторону рѣки. Пальба изъ орудій продолжа-
лась, но только не по непріателю: его высочеству угодно было
произвести ученіе конно-казачьей артиллеріи.

Переѣздъ изъ Воздвиженской на Сунженскую линію.

Переѣздъ отъ Воздвиженской, черезъ Урусъ-Мартанъ, на
Сунженскую линію былъ совершонъ еще съ большими военными
предосторожностями. Гойтинская и Гехинская просѣки были за-
няты пѣхотой съ артиллеріей. Генералъ Слѣпцовъ съ сунжен-
цами и четырьмя орудіями долженъ былъ встрѣтить государя
наслѣдника, у входа въ Гехинскій лѣсъ.

Ожидать непріятеля въ болѣшемъ числѣ нельзя было; да ни-
кто объ этомъ и не думалъ. Однако могло собраться въ короткое
время нѣсколько сотъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ изъ того
населенія, которое гнѣздилося въ лѣсныхъ трупобахъ въ вер-
ховьяхъ Гойты, Мартана, Рошни и Гехи, что и случилось на
самомъ дѣлѣ.

Перестрѣлка съ чеченцами.

Еще не доѣзжая укрѣпленія Урусъ-Мартанскаго, въ опушкѣ лѣса начали показываться одиночные всадники. За этимъ же укрѣпленіемъ непріатель не только началъ чаще появляться въ опушкѣ лѣса, отстоящаго на нѣсколько верстъ отъ дороги, но небольшія партіи конныхъ чеченцевъ, джигитуа и гича на открытомъ пространствѣ, затѣвали перестрѣлку съ находящимися въ цѣпи казаками. Подъѣзжаемъ къ небольшой рѣчкѣ Рошнѣ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ лѣвой стороны приближался лѣсъ къ дорогѣ версты на полторы, показалась значительная толпа непріател. Не успѣлъ кто-то крикнуть: „Чеченцы!“, указывая въ ту сторону, откуда они показались, какъ его высочество, ударивъ плетью своего коня, помчался по указанному направленію.

Пораженіе чеченской партіи на Рошнѣ.

Все помчалось за цесаревичемъ. Старикъ М. С. Воронцовъ, герой Бородина и Краона, ѣхавшій по нездоровью въ экипажѣ, встрепенулся, вздрогнулъ и съ замирающимъ сердцемъ, за отвѣтственность въ случаѣ несчастья, вскочилъ на коня и, какъ юноша, помчался за наследникомъ престола. Но вмѣсто опасности онъ увидѣлъ торжество. Непріатель бѣжалъ и только лежало тѣло убитаго чеченца, да бѣгали нѣсколько лошадей безъ сѣдловъ. Картечь изъ двухъ орудій и шашки казаковъ нанесли такое пораженіе непріательской толпѣ. Впрочемъ, и у насъ, кромѣ двухъ лошадей, оказались легко ранеными казакъ и мирный чеченецъ.

Августѣйшій Георгіевскій кавалеръ.

Тутъ же оцѣнена была отвага, съ которою его высочество бросился на непріателя, и главнокомандующій, по предоставленному ему праву, поздравилъ его георгіевскимъ кавалеромъ, о чемъ, по прибытіи въ Сунженскую, вошелъ съ представленіемъ къ государю императору.

Теперь мнѣ, какъ очевидно, остается разсказать о завтрашнѣ у входа въ Гехинскій лѣсъ, въ которомъ, до прорубки просѣки генераломъ Фрейтагомъ въ 1846 году, не разъ происходили кровавыя побоища. Этимъ и закончу мое описаніе проѣзда наследника всероссійскаго престола по лѣвому флангу кавказской линіи.

Всѣмъ, ѣдущимъ со стороны Гехи, издали видѣется высокій курганъ—называемый Юсуповымъ; находящаяся-же позади этого кургана просѣка еще рельефнѣе обрисовываетъ его. Но въ два часа 24-го октября 1850 года подъѣзжавшіе къ Юсупову кургану всадники еще далѣе могли его замѣтить, по причинѣ раскинутыхъ на немъ бѣлыхъ шатровъ.

Сунженцы и генералъ Слѣпцовъ.

Однако приближавшагося къ Юсупову кургану великаго князя интересовали не бѣлые шатры, на немъ раскинутые, а войска, по близости его расположенныя. Горя желаніемъ поскорѣе привѣтствовать молодець-сунженцевъ и ихъ героя полководца, его высочество болѣе чѣмъ за версту поскакалъ въ галопъ и остановился въ то время, когда подскакалъ къ нему съ рапортомъ черноволосый, съ пламеннымъ взоромъ, тонкими красивыми чертами лица, молодецки сидѣвшій на своемъ лихомъ конѣ, молодой генералъ. То былъ Слѣпцовъ—гроза не только чеченцевъ но и самого Шамиля, котораго онъ разбилъ сначала на Натхоѣ, а потомъ на Фартангѣ. И этотъ герой, любимый вообще подчиненными и обожаемый своими сунженцами, спустя два мѣсяца палъ смертью, подобно многимъ славнымъ храбрымъ дѣтелямъ Кавказа, сраженный изъ-за завала пулей чеченца ¹⁾).

¹⁾ Въ декабрѣ 1850 г., во время рубки лѣса въ верховьяхъ Гехи отрядомъ состоящимъ подъ его начальствомъ, чеченскій наибъ Самбулла однажды открылъ пальбу изъ орудія, поставленнаго на лѣсистой горѣ. Слѣпцовъ не могъ перенести, какъ выразился—, такого глумленія надъ нимъ и его отрядомъ“ и сдѣлано было имъ распоряженіе къ омаднѣнію орудіемъ. Распредѣлены были казаки на три колонны и указаны пути, по которымъ они должны скакать по первому непріятельскому выстрѣлу. Но это предпріятіе разстроилось со смертью главы атаки, который, будучи слишкомъ пылокъ и имѣя отличнаго коня, унесся нѣсколько впередъ отъ скакавшихъ за нимъ казаковъ. Смертью Слѣпцова были поражены войска и въ особенности казаки. Стенанія и плачъ были неописанными по всѣмъ станицамъ Сунженскаго поля. По высочайшему повелѣнію станица Сунженская, въ память героя, погибшаго такимъ образомъ—ему не было и 40 лѣтъ—названа «Слѣпцовскою». М. О.

Громкимъ русскимъ „ура“ привѣтствовали сунженцы наследника цесаревича. Во время же тоста, провозглашеннаго за роскошнымъ завтракомъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею, во славу августѣйшаго георгіевскаго кавалера, не только Гелинскій лѣсъ, но и берега Валерика, столь славно воспѣтые нашимъ поэтомъ М. Ю. Лермонтовымъ, не разъ запечатлѣнные кровью русскихъ, огласились радостными криками расположенныхъ тамъ трехъ батальоновъ тенгинцевъ и павлагинцевъ. Боевые же оружія выстрѣлы, смѣшанные съ ружейными залпами, далеко разнесли это радостное событіе по лѣсистымъ предгорьямъ Кавказа.

М. Я. Ольшевскій.

Примѣчаніе. Разсказъ нашего многоуважаемаго сотрудника ген.-отъ-инфантеріи М. Я. Ольшевскаго о вторичномъ посѣщеніи Кавказа Александромъ Николаевичемъ, но уже императоромъ всероссійскимъ, именно въ сентябрь 1861 г., помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1864 г., томъ XLII, май, стр. 355—374. Ред.

КН. М. С. ВОРОНЦОВЪ и Н. Н. МУРАВЬЕВЪ

въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову.

1852—1856 гг.

Помѣщаемъ, какъ матеріалъ для повѣйшей исторіи Кавказа, нѣсколько писемъ двухъ вождей славной кавказской арміи: кн. М. С. Воронцова и Н. Н. Муравьева къ М. Т. Лорисъ-Меликову, впоследствии графу и, въ свою очередь, славному вождю; предъ нимъ и высшимъ начальникомъ вѣренной ему арміи, в. в. Михаиломъ Николаевичемъ, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, пали въ 1877 г. твердыни Карса, во сто кратъ болѣе увѣренные противъ того времени, когда, въ 1855 г., онѣ отразили штурмъ русской арміи.

Документы эти, имѣя значеніе для исторіи Кавказа, интересны, главнымъ образомъ, для характеристикн кн. М. С. Воронцова и Н. Н. Муравьева, отличившихъ молодого доблестнаго воина, его находчивость, храбрость и энергію при исполненіи возлагаемыхъ на него по службѣ порученій.

Ред.

Письма кн. М. С. Воронцова.

I.

Тифлисъ. 14-го января 1852 г.

Спѣшу тебя благодарить, любезный Лорисъ-Меликовъ, за письма твои отъ 23-го декабря и 5-го января, и за все, что ты мнѣ въ нихъ сообщалъ о Хаджи-Муратѣ, а равно и въ письмѣ твоемъ къ Минчаки. Отъ души благодарю тебя еще за усердную и полезную службу твою и могу тебя увѣрить, что услуга, которую ты теперь намъ оказываешь, не останется безъ должнаго вознагражденія ¹⁾).

Согласно твоему желанію я пишу сегодня къ князю Барятинскому о вытребованіи тебя въ отрядъ, гдѣ тебѣ можно будетъ остаться нѣсколько дней для участванія въ боевыхъ дѣлахъ. Напиши мнѣ непременно, что говорить Хаджи-Муратъ о блистательномъ и вполне

¹⁾ См. статью А. Зиссермана о Хаджи-Муратѣ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г., томъ XXX, мартъ, стр. 655—679.

Ред.

удачномъ движеніи князя Барятинскаго, и что передали ему приверженцы его о вліяніи, которое оно имѣло и будетъ имѣть на чеченцевъ вообще и на тавлинцевъ. Бланияся Хаджи-Мурату отъ меня и скажи ему, что такъ какъ я ему уже здѣсь предсказываю, Шамиль не соглашается на промѣну его семейства, но что князь Аргутинскій и князь Орбеліани еще будутъ стараться и хлопотать объ этомъ и что не должно терять всякую надежду.

Прощай, любезный Лорисъ; коли Хаджи-Мурату нужны деньги, то дай ему отъ 200 до 300 рублей сверхъ положенія. Остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

II.

Тифлисъ. 21-го января 1862 г.

Я получилъ вчера, любезный Лорисъ, письмо твое отъ 11-го января и очень тебя благодарю за оное и за всѣ подробности, которыя ты мнѣ въ ономъ сообщаемъ. Хаджи-Муратъ теперь имѣлъ довольно времени, чтобы собрать изъ Чечни всѣ свѣдѣнія на счетъ семейства его; свѣдѣнія эти согласны съ тѣми, что мы получаемъ съ разныхъ сторонъ и, кажется, что его пребываніе теперь въ Грозной уже безъ пользы, а для насъ это пребываніе тамъ вредно, ежели, какъ ты говоришь, онъ для своихъ собственныхъ видовъ объ освобожденіи семейства отсвѣтуетъ людямъ хорошимъ немедленно перейти къ намъ. Поэтому, мнѣ кажется, лучше было бы, если бы онъ теперь оставилъ иницію, но не мѣшало бы, мнѣ кажется, что до пріѣзда въ Тифлисъ онъ побывалъ бы въ Ставрополѣ. Я не дѣлаю изъ этого непремѣнное условіе, но это было бы лучше, тѣмъ болѣе, что его возвращеніе въ Тифлисъ было бы тогда ближе къ тому времени, когда и князь Аргутинскій сюда пріѣдетъ; теперь же онъ можетъ видѣть только князя Григорія Орбеліани, и мы здѣсь будемъ продолжать старанія для удовлетворенія его надежды. Шамилю приходится плохо въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ, хлопотъ много; ежели бы нашлись тамъ люди смѣлые, которые бы рѣшились украсть его семейство и перевезли его въ наши границы, это было бы всего лучше и князь Аргутинскій объ этомъ старается.

Теперь другое обстоятельство, которое я желаю, чтобы ты сообщилъ Хаджи-Мурату; онъ знаетъ, что, по дошедшимъ до меня сильнымъ сомнѣніямъ на счетъ состоящаго при немъ Хайдеръ-бекѣ, я долженъ былъ его арестовать и послать въ Кутансъ, гдѣ онъ содержится до времени. Теперь князь Аргутинскій пишетъ, что получено извѣстіе, что Шамиль велѣлъ умертвить мать этого Хайдеръ-бека; поэтому, когда я увижу Хаджи-Мурата, я съ нимъ посоветуюсь на счетъ извѣстій, до

меня дошедшихъ противъ этого Хайдеръ-бека, и можно ли будетъ считать его вѣрнымъ и освободить. Не знаю еще отъ тебя, что сдѣлано у васъ послѣ письма моего къ тебѣ и къ Бяратинскому на счетъ возможности тебѣ побывать въ отрядѣ: ежели это было, то кто остался вмѣсто тебя, чтобы смотрѣть за Хаджи-Муратомъ. Во всякомъ случаѣ ты сдѣлалъ и мнѣ и службѣ большое одолженіе по этому дѣлу и я тебѣ истинно благодаренъ.

Прощай, любезный Лорисъ, напиши мнѣ обо всемъ подробно; остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

III.

Тифлисъ. 18-го февраля 1852 г.

Я пишу тебѣ съ отъѣзжающимъ отъ насъ фельдегеремъ, чтобы сказать тебѣ, любезный Лорисъ-Меликовъ, что я былъ очень обрадованъ извѣстіемъ о прекрасномъ твоёмъ кавалерійскомъ дѣлѣ, въ которомъ ты такъ храбро съ молодцами казаками атаковалъ кавалерію горцевъ подъ командою сына Шамилева. Князь Бяратинскій и Семенъ Михайловичъ (Воронцовъ) писали мнѣ о томъ и отдають полную справедливость тебѣ въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ. Я всегда былъ увѣренъ, что ты какъ всегда былъ, такъ и останешься и всегда покажешь себя молодцемъ.

Хаджи-Мурасъ опять къ намъ воротился, но я не нахожу нужнымъ, чтобы ты оставлялъ пока мѣсто, гдѣ ты находишься. Хаджи-Мурасъ скоро опять поѣдетъ отсюда въ окрестности Грозной и я въ среду опять напишу тебѣ и кн. Бяратинскому обо всемъ, что будетъ на его счетъ рѣшено. Прощай, любезный Лорисъ. Здѣсь въ Тифлисѣ всё о тебѣ говорятъ и тебя хвалятъ. Вѣрь истинной моей къ тебѣ привязанности. М. Воронцовъ.

Р. С. Скоро послѣ твоего отъѣзда я узналъ съ душевнымъ сожалѣніемъ о кончинѣ твоего почтеннаго дяди, но ты, отъѣзжая, самъ мнѣ сказалъ, что онъ безъ надежды. М. Воронцовъ.

IV.

Тифлисъ. 20-го февраля 1852 г.

Любезный Лорисъ, князь Бяратинскій тебѣ скажетъ, что я вновь ожидаю отъ твоего усердія и всегдашней готовности. Ты имѣлъ уже случай подрасться и отличиться; теперь я тебя прошу, опять соединиться съ Хаджи-Муратомъ въ Червленной, поѣхать съ нимъ въ Ташкенту, гдѣ онъ долженъ остаться до возвращенія кн. Бяратинскаго въ Грозную; онъ былъ здѣсь во все время очень веселъ и любезенъ и ежели бы Богъ намъ далъ избавить его семейство, онъ будетъ у насъ предрагоцѣнное орудіе для будущаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Прощай, любезный Лорисъ. Кн. Тархановъ доведетъ Хаджи-Мурата до Червленной и обо всемъ тебѣ расскажетъ. Княгиня и графиня Шуазель тебѣ кланяются. Остаюсь навсегда искренно тебѣ любящій М. Воронцовъ.

V.

Тифлисъ. 17-го марта 1852 г.

Любезный Лорисъ, спѣшу отвѣчать на письма твои, отъ 4-го марта и на то, которое я получилъ сегодня отъ 9-го. На счетъ критическаго твоего положенія въ Ташъ-кичу и я здѣсь рѣшить ничего не могу, и прошу официально кн. Барятинскаго съ тобою переговорить и рѣшить, какъ найдете лучше; разумѣется я за все отвѣчаю. Можетъ быть будетъ лучше, на время отсутствія кн. Барятинскаго изъ Грозной, чтобы Хаджи-Муратъ перѣѣхалъ въ Кизляръ или Ставрополь, особливо ежели ему не можно будетъ остаться въ укрѣпленіи Ташъ-кичу.

Теперь будемъ говорить о предметѣ, который меня интересуетъ еще больше Хаджи-Мурата, а именно о твоёмъ здоровьи: мнѣ всё говорить, что ты довольно серьезно боленъ, хотя ты самъ по скромности ничего объ этомъ мнѣ не говоришь; я пишу также объ этомъ Барятинскому и прошу взять всѣ возможныя мѣры, чтобы ты могъ поправиться совершенно; ежели тебѣ не возможно будетъ на время остаться съ Хаджи-Муратомъ, то, покажѣсь онъ въ Ташъ-кичу, можетъ за нимъ смотрѣть полковникъ Каяковъ, а для другихъ мѣстъ Барятинскій найдетъ когонибудь другаго на время твоего отсутствія; надѣ, чтобы ты берегся и мой долгъ есть не только ничего не дѣлать, чтобы могло тебѣ вредить, но и тебѣ самому въ этомъ мѣшать и не позволять тебѣ рисковать твоимъ здоровьемъ.

Прощай, любезный Лорисъ. Кн. Тархановъ тебѣ тоже пишетъ; надѣюсь, что буду имѣть хорошія извѣстія о твоёмъ здоровьи; княгиня и графиня тебѣ кланяются. Обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

VI.

Тифлисъ. 30-го марта 1852 г.

Любезный Лорисъ, я, согласно твоему желанію, думалъ о томъ, кѣмъ тебя замѣнить при Хаджи-Муратѣ; но теперь, переговоривши съ княземъ Барятинскимъ, мы рѣшили выслать его сюда и поэтому не нужно будетъ тебя смѣнить; ты привезешь Хаджи-Мурата въ Тифлисъ, гдѣ и кончится твое порученіе. Я надѣюсь, что отдыхъ тебя совершенно поправитъ.

Прощай, любезный Лорисъ, поздравляю тебя съ праздникомъ, обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

Письма Н. Н. Муравьева.

VII.

Тифлисъ. 17-го декабря 1855 г.

Любезный Михаилъ Таріеловичъ, письмо ваше, отъ 14-го декабря, я получилъ сегодня по утру. Исмаиль-паша, иначе генералъ Хмети, по объясненію англичанъ—не полякъ, а чистый венгръ. Это тотъ самый, который наканунѣ или дня за два до сдачи Карса, прорвавшись около Ягны-дага сквозь наши казачьи посты—ушелъ. Англичане говорятъ, что у него не было такого флага, какъ вы пишете, а какъ одноглавый орелъ есть гербъ польскій, то флагъ сей долженъ принадлежать какому-либо другому лицу, о чемъ вы постарайтесь узнать между жителями.

Когда Карсъ сдался, то тамъ было до 1,000 человекъ больныхъ въ госпиталѣ, редифовъ собственно карескихъ оставалось въ городѣ болѣе 900 человекъ и кромѣ того много военного народа шло по улицамъ; всего было отъ 3,000 до 4,000 человекъ. Куда это все дѣвалось? Вы отправили на родину 130 человекъ, 100 роздали по деревнямъ Заришатскаго санджака, 150 ампутированныхъ послали вы въ Эрзерумъ, а 50 человекъ съ неизлѣчными болѣзнями передали на попеченіе жителей города, итого 430 человекъ; положимъ, что ихъ около 100 умерло, всего будетъ 1,500—куда же остальные могли дѣваться: не разбѣжались-ли они?

Напишите мнѣ также: куда дѣвался тотъ Арабистанскій штаб- или оберъ-офицеръ, который при выходѣ моемъ изъ квартиры полковника Де-Саже просился остаться въ Карсъ, ради того, что онъ женился въ городѣ. Вѣдь его слѣдуетъ отправить въ число плѣнныхъ.

Съ провіантомъ задавъ я вамъ большую задачу: засыпать зерномъ известную намъ Тасъ-джаму и всѣ порожнія землянки верхняго Владикаресскаго стана и вы съ этимъ управьтесь; а для достиженія этого, всего прежде, скомплектуйте хорошими людьми ваши 3 сотни охотниковъ. Лѣтомъ пускай они будутъ головорѣзы, а зимою поставщики провіанта. Когда они будутъ въ порядкѣ, то не будетъ ихъ обижать Асланъ-паша, а напротивъ того они его же поймаютъ. Это пустая отговорка ихъ, что фуражъ и хлѣбъ дорогъ; продукты эти нигдѣ вездѣ дороги; дѣло въ томъ, что они не хотятъ расходовать отпускаемыхъ имъ денегъ на содержаніе свое, а пользоваться даровымъ подножнымъ кормомъ и собираемыми отъ жителей лавашами. Постарайтесь внушить имъ иной порядокъ—порегулярнѣе; дайте какія нибудь по цвѣту сотни кокарды на шапки и убѣдите ихъ, что настоящая замняя

служба едва-ли не болѣе уважится, чѣмъ лѣтняя. Асланъ-пашу изловить необходимо. Жители Гельскаго санджака будутъ скрывать и наводить его на людей вашихъ, пока они, какъ слышно было, будутъ обирать жителей въ деревняхъ. Это надобно непремѣнно остановить, иначе много будетъ недовольныхъ на насъ и правильно недовольныхъ.

Достаньте провіанта какъ можно болѣе. Его надобно добывать изъ мѣстъ, смежныхъ съ тѣми, откуда турки свозятъ его въ Эрзерумъ. Золото наше всегда возьметъ верхъ надъ турецкою ассигнаціею или роспискою, лишь бы начало сдѣлать, тогда само собою полетитъ.

Селимъ-паша не тронется изъ-подъ Эрзерума. Омеръ-паша завязъ въ Мингрельскихъ грязяхъ, изъ коихъ съ трудомъ понемногу выбирается въ Редуть-кале, куда повидимому достигнетъ безнаказанно, потому что почти весь запасъ нашъ провіанта сожженъ нами же; это великое горе, которому теперь и пособить трудно. Полагаю, что Омеръ-паша развезетъ изануренныя войска свои по всему берегу моря отъ Сухума до Трапезунта, откуда часть проберется къ веснѣ въ Эрзерумъ, а прочія растаютъ. Такой муррахасъ будетъ стоить телсна. Жаль только, что мы пушекъ не возьмемъ.

Изъ Армутли и Башъ-кѣва надобно отпугать и отучать бани-бузковъ. Сомнѣваюсь, чтобы непріятельская конница опять заняла Ольту. Шкатулку эту я разъ раскрылъ, а вы въ другой разъ. Надобно непремѣнно изловить Асланъ-пашу, а для того держать въ порядкѣ вашихъ охотниковъ. Карапалаховъ можно имѣть хотя одну постоянную сотню въ Гельскомъ санджакѣ. Пускай также караулятъ, какъ караулили въ прошлую зиму въ Башъ-Шурагели, хотя подалѣе тогдашняго отъ домовъ своихъ; ихъ надобно смѣнять каждыя двѣ недѣли, поставя имъ эту службу въ повинность и тогда будутъ крѣпче стоять, чѣмъ за плату, да и къ службѣ пріучатся. Хорошо, что вы взяли заложника изъ Геля, но этой мѣры мало.

Я удивляюсь, что вы не требуете чиновниковъ противъ сдѣланнаго штата. Съ самаго пріѣзда сюда, я прежде всего послалъ къ вамъ указаннаго Булатовымъ чиновника, кажется Садиковъ по фамилии, котораго указалъ мнѣ самъ Булатовъ; съ нимъ послалъ я 250 червонцевъ. Денегъ жалѣть не буду, лишь бы дѣло пошло.

Торговлю съ Эрзерумомъ и Арданучемъ прекратить. Возразите на это, еслибъ вы были противнаго мнѣнія. Отъ этихъ близкихъ сношеній съ непріятельскими городами можетъ произойти большое зло.

Мнѣ очень жаль, что вы болѣете, какъ по личному участию моему къ вамъ, такъ и по надобности, которую въ васъ имѣю. Увѣдомьте: тѣмъ вы хворали и есть-ли вамъ лучше. Душевно преданный вамъ

Н. Муравьевъ.

VIII.

Въ г. Ставрополѣ, 20-го марта 1856 г.

Любезный Михаилъ Таріеловичъ, благодарю за письмо ваше отъ 7-го марта, заставшее меня въ Ставрополѣ, а также за сообщенныя свѣдѣнія, которыя, впрочемъ, я уже зналъ изъ официальныхъ донесеній. Всѣмъ изложеннымъ вами я совершенно доволенъ, исключая извѣстія о вашей болѣзни, которое меня истинно огорчило. По личной пріязни къ вамъ прошу беречь себя, а какъ начальникъ убѣждаю сохранять ваши силы и здоровье для будущей службы.

Весна приближается и скоро наступятъ теплые дни, посему прошу васъ сдѣлать распоряженіе, чтобы кости и трупы лошадей, зарытыя въ могилахъ и раскиданныя по оврагамъ и лощинамъ, окружающимъ Карсъ, были непремѣнно и тщательно убраны въ ямы или засыпаны известью, потому что иначе отъ разложенія ихъ могутъ развиваться тифозныя болѣзни и даже чума. Душевно вамъ преданный Н. Муравьевъ.

IX.

Кисловодскъ, 3-го сентября 1856 г.

Вотъ уже болѣе недѣли, любезный генералъ Лорисъ, какъ я здѣсь, вдали отъ бумагъ и суеты мірской, отдыхаю отъ трудовъ своихъ въ кругу семейства. Надняхъ собираюсь выѣхать. Часто называлъ и вспоминалъ васъ при разсказахъ о прошедшемъ и наименованіи лицъ, къ которымъ имѣлъ уваженіе и которыхъ люблю. Пошли вамъ Богъ всякихъ утѣшеній, радостей и успѣховъ. Меня не забывайте.

Вы сами признаете, что отсюда не могу вамъ передать ничего новаго, здѣсь глухо на основательныя извѣстія; сегодня только получилъ приказъ 16-го августа о перемѣщеніяхъ и новыхъ назначеніяхъ въ казакскомъ корпусѣ. Мои же теперь единственныя заботы клонятся къ поправленію здоровья. Я пріѣхалъ сюда съ тяжкою одышкою, много хожу, мало ѣмъ и пью воды прилежно, отчего начинаю чувствовать облегченіе. Хорошо бы здѣсь дожђе попользоваться, но уже наступаетъ (осень), становится холодно, а пути-то мнѣ сколько еще остается! Были бы вы здѣсь со мною, то скорѣе бы поправился, не выпустилъ бы васъ отъ себя!

Если вы будете ко мнѣ писать, то и я надѣюсь не отстать отъ корреспонденціи съ вами. Будущее мое, какъ и всякаго человѣка, закрыто тьмою, но въ томъ, что я не измѣнюсь къ вамъ, кажется сомнѣваться мнѣ не для чего.

Лучшія извѣстія, которыя я здѣсь получилъ, это изъ имѣнья нашего, гдѣ урожай оказался хорошимъ, и это обстоятельство не послѣднее въ быту моемъ. Будете-ли вы въ Россіи или нѣтъ, не знаю, но когда будете проѣзжать черезъ Задонскъ, то грѣшно было бы вамъ

не провѣдать меня, если бы мнѣ случилось въ деревнѣ быть, о чемъ вы всегда можете узнать въ Задонскѣ.

Провѣдайте о Ширинъ-бекѣ и Ахмедъ-Хаджи. Князя Василія Осиповича (Вебутова) просилъ я о нихъ позаботиться. Содержаніе мною назначено для нихъ, кажется, достаточное.

Прошу васъ знаться съ бывшимъ адъютантомъ моимъ кн. Суворовымъ. Молодой человѣкъ—онъ отличныхъ правилъ, былъ мнѣ поручень отцемъ его, но вотъ обстоятельства привели къ тому, что долженъ былъ его оставить.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Степану Александровичу Хрулеву, когда увидите его. Полагаю, что вы теперь въ Тифлисѣ также отдыхаете отъ тяжкихъ, сложныхъ и полезныхъ трудовъ, вами понесенныхъ. Поправляйтесь, любезный Лорисъ, въ силахъ и здоровьи своемъ, вамъ нужно на нѣсколько времени спокойствіе. Кланяйтесь Булатову. Душевно преданный вамъ Н. Муравьевъ.

P. S. Какъ думаешь о васъ, то мало-ли что бы хотѣлъ написать вамъ, а принялся писать, такъ ничего дѣльнаго не сказалъ, кромѣ изъявленія искреннихъ чувствъ уваженія и дружбы къ вамъ.

Если вы вели какія либо записки въ походѣ, то прошу васъ прислать ихъ ко мнѣ, какъ неполны онѣ бы ни были; я собираю отъ кого могу частныя свѣдѣнія, для составленія описанія нашей кампаніи въ Турцію; еслибъ эти записки были недостаточны, то напомнятъ мнѣ важнѣйшіе случаи, а записокъ если у васъ нѣтъ, то прошу, хотя что нибудь составить, хотя бы то были частные случаи, все пригодится для общаго описанія; выкину лишнее, а годное возьму и сдѣлайте это поскорѣе прошу васъ...

Х.

Воронежской губ. Задонскаго уѣзда с. Скорняково.
5-го ноября 1856 г.

Любезный Михаилъ Таріеловичъ, письмо ваше отъ 7-го октября получилъ я 3-го ноября здѣсь въ деревнѣ, гдѣ отдыхаю отъ постигшей меня въ Новочеркасскѣ болѣзни. Вамъ, я думаю, извѣстно, что тамъ едва не лишился зрѣнія отъ сильнаго воспаленія глазъ, внезапно меня постигшаго; теперь мнѣ гораздо лучше и только что дороги сдѣлаются проходимыми, я отправлюсь въ путь; самому однако же писать еще не позволяютъ. Что съ вашимъ имѣніемъ случилось въ отсутствіи вашемъ, то случилось и въ имѣніяхъ у всѣхъ отсутствующихъ и потому утѣштесь; бѣдствія, отъ войны происходящія, касаются всѣхъ сословіи.

Я здѣсь живу въ совершенной глуши и не знаю ничего о томъ, что происходитъ въ столицѣ и на Кавказѣ, а потому не знаю и о пере-

мѣщеніяхъ, происшедшихъ у васъ, исключая тѣхъ, о которыхъ было объявлено, съ мѣсяцъ или болѣе тому назадъ въ высочайшихъ приказахъ.

Записки о нашемъ походѣ составьте самыя краткія, но полныя, въ такомъ родѣ какъ пишутъ въ книгахъ содержаніе главъ; не нужно разсказа, исключая тѣхъ случаевъ, которые особенно вамъ извѣстны. Это будетъ мнѣ служить сборникомъ въ облегченіе памяти, при описаніи нашей карсской кампаніи, а если хотите заняться какою либо эпохою того времени особенно, то возьмите время, когда мы были подъ Влади-Карсомъ и сдѣлайте подробное описаніе вашего управленія; послѣднее вы можете хорошо сдѣлать и лучше васъ никто не сдѣлаеть. Опишите и Измаиль-пашу, и обратную сдачу Карса, да пришлите краткую выборку изъ сдѣланнаго мною постановленія, для управленія Карсской области.

Прошу васъ, любезный Лорисъ, понавѣдаться у А. И. Папаригопулло, въ какомъ положеніи находится дѣло о картинѣ карскаго Теслима, которую пишетъ Байковъ. Полагаю, что Папаригопулло затѣмъ мнѣ о картинѣ этой не пишетъ, что дѣло идетъ хорошо и что онъ мнѣ ее доставить готовую въ назначенный Байковымъ срокъ.

Затѣмъ прощайте, будьте счастливы и здоровы. Преданный вамъ душевно Н. Муравьевъ.

А пишутъ мнѣ, когда живу въ деревнѣ, черезъ г. Елецъ Орловской губерніи.

XI.

С. Скорняково. 21-го февраля 1857 г.

Любезный Михайлъ Иракліевичъ. Пишу къ вамъ Иракліевичъ и Таріеловичъ, потому что гостящій у меня теперь Соломонъ Артемьевичъ Тергукасовъ сказалъ мнѣ, что Таріель есть Ираклій, чего, говоритъ онъ, вы, можетъ быть, сами не знаете. Какъ бы то ни было, вы для меня все тотъ же Лорисъ, котораго постоянно люблю и уважаю заслуги. Часто вспоминаю васъ, въ кругу семейства, при разсказахъ о прошедшемъ, ибо не малую вы играли роль въ событіяхъ 1855 г. и много способствовали къ успѣху. Неутомимые труды ваши никогда не изгладятся изъ памяти моей, какъ и дружескія попеченія ваши для облегченія предстоявшихъ мнѣ тогда многосложныхъ занятій.

Принялся писать вамъ, потому только, что часто вспоминается о прошедшемъ и о васъ, а какъ уже пишу, то прошу васъ, мимоходомъ, когда нибудь провѣдать, въ какомъ положеніи находится у живописца Байкова картина, которую онъ для меня пишетъ и общался было кончить къ 1-му числу января 1857 года. А. И. Папаригопулло, который принялъ на себя позаботиться объ этомъ дѣлѣ, слышно, хотѣлъ мнѣ объ успѣхѣ написать, но письма отъ него не получалъ. Увѣдомьте, прошу васъ, что по этому дѣлу дѣлается.

Живу мирно и покойно въ деревнѣ, среди семейства своего, и провожу время свое постоянно въ занятіяхъ. Надѣюсь, что и вы, любезный Дорисъ, довольны положеніемъ своимъ, что вы сколько нибудь и пополнили; страшно отдѣлала васъ служба въ послѣднюю кампанію и я испугался худобѣ вашей при послѣднемъ свиданіи нашемъ въ Коджарахъ. Вѣстей у насъ кромѣ газетныхъ никакихъ нѣтъ. Хожу въ ригу и самъ молочу для поддержанія здоровья, гимнастика славная, на морозѣ спотѣешь.

Жаль, что у васъ дѣла никакого нѣтъ въ Россіи, а то такъ вѣрно заѣхали бы ко мнѣ, посмотрѣли бы на портреты Вилліамса, Керинъ-паши и Хафизъ-паши, которые у меня висятъ въ кабинетѣ.

Заснмъ прошайте, будьте здоровы и счастливы; отъ души желаетъ вамъ того преданный искренно и уважающій васъ Н. Муравьевъ.

ХІІ.

С. Скорняково. 24-го мая 1857 г.

Любезный Михаилъ Таріеловичъ, съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ я письмо ваше отъ 14-го марта. Я беспокоился о состояніи здоровья вашего, отчасти упрекая себя въ томъ, что не поберегу васъ въ дѣятельномъ кругу, на вашу долю доставшемся, но теперь, слава Богу, вы поправились и готовитесь на новые труды, всегда уважительные и полезные. Зачѣмъ настоящее бездѣйствіе стало бы тревожить васъ? оно, нѣтъ сомнѣнія, только временное и развѣ вы не счумѣете употребить это время въ занятіяхъ, хотя въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, всегда пріятныхъ и еще полезныхъ, если вы ихъ изложите на бумагѣ. Думается мнѣ, что вы не упустили сдѣлать этого, а кто лучше васъ опишетъ любопытную эпоху управленія вашего Карсской областью? Какія занимательныя наблюденія вы могли тогда дѣлать между народомъ, вамъ порученнымъ. Эта зима, проведенная въ обнѣнвшемъ Карсѣ, съ разрушенными отъ долгаго пребыванія войска, на большое разстояніе, окрестностями,—явленіе, заслуживающее вниманія. Все кормилось, перенесло нужды и удержали мѣсто. Со страхомъ я тамъ оставлялъ на зиму войска, но старатели были надежны, вы заботились и всѣ остались довольны. Успѣхъ и заслуги не малыя. Вотъ вамъ и дѣло, пока другаго нѣтъ, займитесь.

Обратился я въ косолапаго медвѣдя (?), а что впередъ будетъ, не знаю. Годовъ уже много, но здоровье, какъ они скажутъ и сказываютъ — Муррахасы!

Желаю вамъ здравія! съ вашими лѣтами оно еще совмѣстно. Преданный вамъ душевно Н. Муравьевъ.

Р. С. Соломонъ Артемьевичъ Тергукасовъ сидитъ у меня и приказалъ вамъ кланяться.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ДРАГУНОКІЙ ПОЛКЪ.

Къ запискамъ А. Ѳ. Вагвута.

Въ весьма интересныя записки покойнаго А. Ѳ. Вагвута ¹⁾ вкрались нѣкоторыя неточности, касающіяся до Нижегородскаго драгунскаго полка, которыя весьма желательно было бы видѣть исправленными, тѣмъ болѣе, что авторитетное, среди военныхъ, имя покойнаго, можетъ ввести въ заблужденіе.

Говоря о Джеванъ-Булакскомъ сраженіи (5-го іюля 1827 г.) Вагвутъ пишетъ: „.....въ сраженіи подъ Джеванъ-Булакомъ, Паскевичъ послалъ меня къ полковнику Раевскому, командиру Нижегородскаго драгунскаго полка, съ приказаніемъ атаковать лѣвый (sic) флангъ непріятеля; я пошелъ съ полкомъ въ атаку, врубился (съ нимъ?) въ массу персидской кавалеріи и еслибъ моя лошадь не была-бы ранена пулею въ шею, подъ горло, то взялъ бы знамя, которое взялъ поручикъ Левковичъ (съ георгіевскимъ крестомъ)“ ²⁾.

Относительно поручика Левковича 2-го ³⁾ и знамени, которое онъ взялъ, благодаря тому, что лошадь подъ Вагвутомъ была ранена, память, видимо, измѣнила покойному Александру Ѳедоровичу. Въ достославное Джеванъ-Булакское сраженіе нижегородцы имѣли счастье быть нѣсколько разъ въ дѣлѣ и, кромя множества плѣнныхъ, на ихъ долю достались оба знамени, отбитыя въ этотъ день у непріятеля,—но Вагвутъ, какъ мы увидимъ ниже, никомъ образомъ не могъ участвовать въ той атакѣ, въ которой поручикъ Александръ Левковичъ 2-й съ бою, собственноручно, взялъ главное персидское знамя, называемое „Побѣднымъ“ ⁴⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 111.

²⁾ „Русская Старина“, изд. 1883 г., окт., стр. 117.

³⁾ Въ 1827 году въ Нижегородскомъ полку было два брата Левковича, Валерьянъ и Александръ. Взявшій знамя, Александръ Левковичъ, былъ потомъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ.

⁴⁾ а) Военный журналъ Паскевича. Тифлис. арх. Окр. Шт.; б) наградное дѣло за Джеванъ-Булакъ. Ж. Д.

5-го іюля 1827 г., нижегородскіе дивизионы произвели четыре атаки, а именно: утромъ, до прихода къ мѣсту сраженія главныхъ силъ, слѣдовательно и до прибытія Паскевича,—полковникъ Н. Н. Раевскій 3-й приказалъ 3-му дивизиону атаковать толпу непріятельской конницы, наслѣдовавшей на отрядъ, высланный изъ лагеря подъ Аббасъ-Абадомъ, для прикрытія переправы черезъ Араксъ ¹⁾. Личная атака гр. Толстаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. При началѣ общаго дѣла, вслѣдствіе приказанія главнокомандующаго, переданнаго Багговутомъ, полк. Раевскій, находясь съ Нижегородскимъ др. п. на лѣвомъ флангѣ, повелъ въ дѣло 1-й и 3-й дивизионы, а не весь полкъ ²⁾, и блестящимъ образомъ опрокинулъ огромную массу персидской конницы, затѣмъ, преслѣдуя непріятеля, нѣсколько разъ спѣшивалъ своихъ драгунъ и въ гнѣвномъ строю сбивалъ персіанъ съ позицій, недоступныхъ кавалеріи, на которыхъ они пытались дать отпоръ драгунамъ; въ этомъ дѣлѣ, нижними чинами 1-го дивизиона, а не поручикомъ Левковичемъ 2-мъ, и было отбито знамя, которое по словамъ Багговута, едва не досталось ему ³⁾.

Вскорѣ послѣ полудня 2-мъ дивизиономъ произведена атака на командующую высоту ⁴⁾, съ цѣлью освѣтить мѣстность, потому что главнокомандующій прежде чѣмъ перейти въ наступленіе и начать преслѣдованіе непріятеля, хотѣлъ выяснить вопросъ: нѣтъ ли у Аббасъ-Мирзы, кромѣ кавалеріи, съ которой до этого имѣли дѣло, еще и пѣхоты. Вопросъ этотъ былъ отрицательно рѣшенъ 2-мъ дивизиономъ ⁵⁾, послѣ чего всѣ остальные войска двинулись впередъ, за отступавшимъ непріятелемъ, но отступленіе Аббасъ-Мирзы далеко еще не походило на бѣгство; выбравъ въ 8 верстахъ отъ мѣста перваго дѣла новую позицію, онъ сталъ туда стягивать свои войска. Въ головѣ колонны ген.-м. Розена 6-го шелъ полк. Раевскій, съ 2 дивизиономъ нижегородцевъ; замѣтивъ, что персіане занимаютъ впереди его довольно крутую высоту, Раевскій бросился съ дивизиономъ впередъ; снявъ на пути своемъ отдѣльными частіи непріятельской конницы, драгуны доскакали до подножья высоты, на площадкѣ которой видѣлась блестящая свѣта,—было очевидно, что тутъ находится самъ Аббасъ-Мирза; быстро рѣшивъ атаковать позицію, полк. Раевскій слѣшалъ

¹⁾ 3-мъ дивизиономъ командовалъ прикомандированный къ Нижегородскому драгунскому полку флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой; 5-мъ эскадрономъ—капитанъ баронъ фонъ-деръ Паленъ; 6-мъ эскадрономъ—штабсъ-капитанъ Гавронскій.

²⁾ а) Акты кавк. арх. ком. т. VII, стр. 551; в) военный журналъ Паскевича.

³⁾ а) Наградное дѣло за Джебаль-Вулакъ; б) 1-мъ дивизиономъ командовалъ (?) (къ сожалѣнію командиръ 1-го дивизиона въ наградномъ дѣлѣ не показанъ); 1-мъ эскадрономъ—капитанъ Марковъ; 2-мъ эск.—кап. Лушевскій.

⁴⁾ 2-мъ дивизиономъ командовалъ майоръ князь Иванъ Андрониковъ; 3-мъ эскадрономъ кап. Семичевъ, 4-мъ эскадрономъ штабсъ-кап. Эссенъ.

⁵⁾ Военный журналъ за іюль 1826 г.

Еж. Д.

2-й дивизионъ и пошелъ съ нимъ въ гору ¹⁾. Движенія Раевского были столь быстры, что наступившій драгунами и едва не взятый ими въ плѣнъ, Аббасъ-Мирза схватилъ у своего оруженосца ружье и самъ лично отстрѣливался отъ нижегородцевъ ²⁾. Въ этомъ рукопашномъ дѣлѣ, нижегородцами взято въ плѣнъ множество знатныхъ особъ, командиромъ 2-го дивизиона, княземъ Андрониковымъ, взятъ Неджевъ-Али-Султанъ ³⁾, а поручикомъ Левковичемъ 2-мъ отбито „главное персидское знамя, называемое „Побѣднымъ“ ⁴⁾“; послѣ этого великолѣпнаго по быстротѣ и свѣлости дѣла драгунъ, Аббасъ-Мирза позавъ знакъ ко всеобщему бѣгству. Упорнымъ и долгимъ преслѣдованіемъ разбитыхъ на голову персіанъ закончилось славное для нашего полка Джеванъ-Булакское сраженіе ⁵⁾. И такъ мы имѣемъ свѣдѣніе утверждать, что покойный Багтовутъ не находился при полк. Раевскомъ во время четвертой, т. е. послѣдней атаки 2-го дивизиона нижегородцевъ, въ которой поручикъ Левковичъ 2-й отбилъ „Побѣдное“ знамя; по словамъ самого Багтовута, онъ участвовалъ лишь въ дѣлѣ драгунъ (1-й и 3-й див.) на лѣвомъ флангѣ, а какъ было выше пояснено—послѣ этой атаки были произведены еще двѣ, совершенно отдѣльныя и ничего общаго между собой не имѣющія, ни по времени, ни по мѣсту, а именно: 2-го дивизиона при занятіи высоты для открытія непріятельскихъ силъ и 2-го же дивизиона, уже подъ конецъ дня, противъ свиты Аббасъ-Мирзы. Нельзя допустить, чтобъ Багтовутъ, еще до полудня передавъ приказаніе отъ главнокомандующаго пол. Раевскому, оставался при немъ весь день,—это ясно уже и потому, что онъ объ этомъ ни слова ни говоритъ, ибо въ противномъ случаѣ немислимо, чтобъ отдѣльная атака 2-го дивизиона, противъ свиты Аббасъ-Мирзы, была имъ пройдена молчаніемъ; наконецъ, если даже допустить присутствіе Багтовута съ 2 дивизиономъ, вечеромъ 5-го іюля, то рана его лошади, изъ-за которой ему не удалось завладѣть знаменемъ, нисколько не помѣшала бы ему принять участіе въ рукопашной схваткѣ пѣшихъ драгунъ, съ свитой Аббасъ-Мирзы, въ которой Левковичъ 2-й, подъ которымъ тоже была ранена лошадь, отбилъ „Побѣдное“ знамя;—при известной всей арміи геройской храбрости и горячей неустрашимости Багтовута, это не можетъ подлежать и тѣни сомнѣнія. Слѣдовательно, изъ всего сказаннаго явствуетъ, что

¹⁾ Черновой военный журналъ Паскевича, Тифл. арх. Окр. Шт. по ген. шт., № 86.

²⁾ Акты кавк. арх. ком., т. VII, стр. 551.

³⁾ Дѣло о наградахъ за Джеванъ-Булакское сраженіе.

⁴⁾ а) Печатное объявленіе Паскевича; б) акты кавк. арх. ком., т. VII, стр. 551; в) черновой военный журналъ Паскевича; д) наградное дѣло за Джеванъ-Булакъ.

⁵⁾ Въ день Джеванъ-Булакского сраженія, юнкеръ Нижегород. полка, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, находился ординарцемъ при полк. Раевскомъ и за отличіе въ семь дѣлъ произведенъ въ офицеры.

Багговуть ошибочно былъ увѣренъ въ томъ, что первое знамя, отбитое при немъ 1-мъ дивизиономъ, досталось поручнику Левковичу 2-му, теперь же намъ кажется достаточно выясненнымъ, что въ той атакъ, въ которой Багговуть участвовалъ съ двумя дивизионами нижегородцевъ, пор. Левковичъ 2-й никакого знамени не отбивалъ, а получилъ георгиевскій крестъ за второе „Побѣдное“ знамя, когда Багговута уже не было при Раевскомъ.

Считаю также необходимымъ указать на неточности, вкрапившіяся въ запискахъ А. Ѳ. Багговута, относительно встрѣчи Аббасъ-Мирзы, въ Дей-Карганѣ, куда принцъ пріѣхалъ для переговоровъ о мирѣ. Багговуть пишетъ: „По занятіи Тавриза, часть войскъ отправилась для мирныхъ переговоровъ (съ Аббасъ-Мирзою) съ наследникомъ персидскаго престола. Въ составѣ этихъ войскъ былъ лейбъ-гвардіи сводный полкъ. Наслѣдникъ персидскаго престола прибылъ въ Дей-Карганъ 2-го ноября (1827 г.). Ему выѣхалъ на встрѣчу генералъ Бенкендорфъ, съ уланскимъ и казачьими полками, батальономъ пѣхоты и двумя орудіями казачей артиллеріи“¹⁾. Въ сущности встрѣча Аббасъ-Мирзы происходила не совсѣмъ такъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября отрядъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа былъ на пути къ Хойской провинціи и крѣпости Деллиманъ; 4-го ноября отрядъ его имѣлъ ночлегъ въ сел. Хявн-Чизна и того же числа выступилъ къ сел. Сара-Кяшлякъ²⁾. Въ этотъ день Аббасъ-Мирза долженъ былъ прибыть въ Шебистеръ, вслѣдствіе чего посланъ къ нему на встрѣчу дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка при двухъ орудіяхъ конной казачьей артиллеріи, назначенныхъ для встрѣчи и конглоуванія принца отъ Шебистера до Дей-Каргана³⁾, а потому не входившихъ даже въ составъ отряда Бенкендорфа: конвой этотъ встрѣтилъ Аббасъ-Мирзу въ 7 верстахъ отъ Шебистера⁴⁾. Сопровождаемый дивизиономъ нижегородцевъ и двумя орудіями конной казачьей артиллеріи, Аббасъ-Мирза встрѣтилъ отрядъ Бенкендорфа на маршѣ. Въ рапортѣ своемъ Паскевичу, отъ 5-го ноября за № 204, Бенкендорфъ выразился такъ: „Аббасъ-Мирза встрѣтилъ меня вчера на маршѣ, — съ большимъ вниманіемъ осматривалъ войска, со стороны коней сказаны были его высочеству должныя почести“. Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, выраженія эти, сами собой, ясно

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1883 г., окт., стр. 121.

²⁾ Тиф. арх. Окр. Шт. Донесенія ген.-ад. Бенкендорфа главнокомандующему.

³⁾ Въ квартирномъ росписаніи войскъ главн. дѣйств. корпуса согласно съ диспозиціей, утвержденной главнокомандующимъ 28-го октября 1827 года значится: „дивизионъ Нижегородскаго драгун. п.—Донской конно-казачій № 3 роты, два орудія въ селеніе Шебистеръ для встрѣчи принца Аббасъ-Мирзы“. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., № 3975.

⁴⁾ Тиф. арх. Окр. Шт. Рапортъ флигель-адъютанта, полк. князя Долгорукова, Паскевичу, отъ 4-го ноября 1827 г., № 97, изъ лагеря при сел. Шебистеръ.

свидѣтельствуя о томъ, что кромѣ вышеупомянутаго дивизиона драгунъ и двухъ орудій конной казачьей артиллеріи другихъ войскъ на встрѣчу принцу не было выслано. О встрѣчѣ же Аббасъ-Мирзы въ Дей-Карганѣ управляющій штабомъ кавказ. отдѣл. корпуса, ген.-лейт. графъ Сухтеленъ, писалъ къ Тифлисскому военному губернатору, ген.-адъют. Сипягину: „5-го числа (ноября) его высокопревосходительство [Пасковичъ] прибылъ въ Дей-Карганъ. 6-го числа прибылъ и Аббасъ-Мирза, въ сопровожденіи вышеозначеннаго дивизиона драгунъ, двухъ донскихъ орудій и еще одного эскадрона уланъ, высланнаго на встрѣчу, за одинъ переходъ (sic). Аббасъ-Мирза встрѣченъ былъ въ нѣсколько верстъ, сыномъ своимъ ¹⁾, мною, всѣмъ корпуснымъ штабомъ и однимъ эскадрономъ уланъ. По прибытіи Аббасъ-Мирзы въ назначенный домъ, корпусный командиръ посѣтилъ его. На другой день Аббасъ-Мирза пріѣхалъ къ г. корпусному командиру и пробылъ болѣе двухъ часовъ. По окончаніи сего свиданія, представлены были гг. наличные штабъ-офицеры и офицеры лейбъ-гвардіи своднаго полка ²⁾. Слѣдовательно, Аббасъ-Мирза прибылъ въ Дей-Карганъ не 2-го числа, какъ значится у Багговута, а 6-го ноября ³⁾.

Все это, разумеется, мелочи, но приступая въ скоромъ времени къ печатанію „Исторіи Нижегородскаго драгунскаго полка“, я, понятно, не могъ обойти ихъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходится, основываясь на точныхъ данныхъ, говорить какъ разъ противное тому, что помѣщено въ Запискѣ покойнаго доблестнаго воина А. Ѳ. Багговута.

Кн. В. П. Долгорузія.

Москва.

22-го февраля 1884 г.

¹⁾ Хосровъ-Мирза. Въ „Русской Старинѣ“ былъ помѣщенъ его портретъ и весьма интересна о немъ статья Ад. П. Берже. NB. Орфографія имени сына Аббасъ-Мирзы заимствована изъ актовъ кав. арх. ком. т. VII, въ бумагахъ же того времени оно часто писалось: „Хозревъ-Мирза“.

²⁾ Отношеніе графа Сухтелена ген.-ад. Сипягину, отъ 9-го ноября 1827 г. за № 644.

³⁾ Въ Дей-Карганъ, подъ командой ген.-м. Панкратьева, прибыли слѣдующія войска: лейбъ-гвардіи сводный полкъ, Козловскій пѣхотный полкъ, сводный уланскій полкъ, донской казачій Леонова полкъ и 6 орудій конной № 3 роты. Кромѣ того дивизионъ нижегородскихъ драгунъ для встрѣчи и конвоирования Аббасъ-Мирзы.
Кн. Д.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ,

письмо ея къ Я. Н. Римскому-Корсакову.

«Яковъ Никитичъ здравія вашего желаю съ Прасковьею Ангѣевою и з дѣтками вашими на множество лѣтъ.

Пожалуй увѣдоми насъ о здравіи вашемъ. О себѣ доношу я з дѣти мои до воли Божіи живы. Прошу твоего жалованья. Пожалуй прими выдать денегъ тысячу рублевъ на припасы къ дворовому строевю. А я милостивое отдамъ въ генварѣ. И есть ли пожалуешь повѣрши, прикажи тѣ деньги отдать дворовому моему человѣку Миките Іевлеву.

Также прошу прикажи въ мои вотчины дать межевщика. Намъ тапера великіе убытки. Помѣщики меня разорили. За тѣмъ не ѣду и въ Петербурхъ. Не можемъ за ссорами выправить и обложить вотчины. Многіе земли отымають, называють своими, а крѣпостей не положить, крестьянъ моихъ бьютъ и грабятъ и у себя въ домахъ держатъ. Пожалуй, прикажи оборонить. И про насъ говорятъ всякіе слова ругательныя.

Которую ты присламъ роспись къ намъ, и противъ той росписи не можемъ выбрать и половину.

О вышениписанныхъ денгахъ пожалуй, Яковъ Никитичъ, учини споможение, прикажи выдать.

(Собственноручно:) «За симъ остаюсь Царница Прасковья».

Изъ Измайлова, въ 29 день іюня А° 1714.

На другомъ полу-листѣ адресъ: Якову Никитичю Корсакову.

Примѣчаніе. Недавно я приобрѣлъ нѣсколько бумагъ Петровскаго и даже до-Петровскаго времени. Между ними оказалось одно письмо царицы Прасковіи и нѣсколько писемъ, адресованныхъ разными лицами къ ея дочери, царевнѣ Прасковіи Ивановнѣ.

Это письмо, между прочимъ, любопытно въ томъ отношеніи, что оно опредѣляетъ съ достовѣрностію одну личность, относительно которой выражено сомнѣніе (стр. 163, втораго изданія изслѣдованія М. И. Селевскаго), а именно Якова Никитича Римскаго-Корсакова (а не Шаховскаго). Этотъ Корсаковъ былъ копорскимъ комендантомъ и нингерманландскимъ ландрихтеромъ, потомъ (1711) С.-Петербургскимъ вице-губернаторомъ, наконецъ въ 1715 г. сосланъ въ ссылку. Его жена Прасковія Ангѣевна NN. (р. 1679 + 1734) похоронена въ Александро-Невской лаврѣ. Ихъ старшій сынъ былъ извѣстный вице-адмиралъ Воня Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ.

Письма, адресованныя къ царевнѣ Прасковѣ Ивановнѣ, писаны княгиней Ромодановскою, ея дочерью графиней Головкиною, Имперетрискою царевною Дарією Аргиловною, Григоріемъ Петровъ Чернышевымъ и нѣкоторою Анастасією Пушкиною. Интересно бы знать, какаа это Пушкина, кто она такая и почему она была въ короткихъ сношеніяхъ съ царевною?

Князь А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Вѣна, іюль 1884 г.

КЪ ИСТОРИИ ПОКОРЕНІЯ КАВКАЗА.

1726 — 1880.

Исторія 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка (съ 1726 по 1880 годъ). Три тома. Спб. 1881 г.

Соч. А. Зиссермана.

IV ¹⁾.

Второй томъ разсматриваемаго нами сочиненія заключаетъ въ себѣ описаніе боевой службы Кабардинскаго полка съ 1834 по 1846 годъ. Въ этотъ краткій періодъ времени, г. Зиссерманъ едва ли не болѣе, чѣмъ прежде, вдается въ описаніе общихъ дѣйствій на Кавказѣ. Онъ оправдываетъ подобное отступленіе отъ своей задачи обиліемъ матеріаловъ и желаніемъ не ограничиваться однимъ сухимъ перечнемъ фактовъ, въ родѣ записки о движеніяхъ и занятіяхъ полка, что значило-бы написать книгу, которой никто не сталъ-бы читать. Мы уже высказали выше, что не вполне согласны съ подобнымъ расширеніемъ программы полковой исторіи, въ которую описанія постороннихъ полку событій общаго значенія вводятся десятками страницъ и даже цѣлыхъ главъ.

Такъ, напримѣръ, вся 2-я глава II-го тома изображаетъ: „общее положеніе Кавказа; отсутствіе системы и послѣдовательности дѣйствій; возникновеніе мюрдизма; выступленіе на сцену Кази-Муллы; его дѣйствія по привлеченію народа къ новому ученію». Въ слѣдующей главѣ авторъ разбираетъ проекты для дѣйствій, представленные Паскевичемъ и Вельяминовымъ, приводитъ мнѣнія государя и предположенія барона Розена. Все это, равно какъ взятіе Гимры, смерть Кази-Муллы и новаго имама Гамзатъ-бека, — событія весьма важныя, имѣвшія вліяніе на ходъ кавказской войны, но до Кабардинскаго полка они едва-ли касаются, даже и косвенно. Его дѣйствія были-бы

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLIII, июль, стр. 203—214.

вполнѣ повяты, если-бы подобныя событія были сжаты въ очередь на вѣсколькихъ страницахъ, а не занимали-бы половину трехъ объемистыхъ томовъ. Но да не подумаетъ авторъ, что, говоря это, мы желаемъ уменьшить достоинство его замѣчательнаго труда по отношенію вообще къ исторіи завоеванія Кавказа.

Послѣ продолжительной стоянки на линіи, нарушаемой только важными, но почти всенедвными стычками ротъ и командъ, конвоируемыхъ провіантъ или начальство, Кабардинскій полкъ является въ составъ трехъ баталіоновъ въ отрядѣ генерала Вельямнова, въ экспедиціяхъ 1831, 1835 и 1836 годовъ. Цѣлью этихъ экспедицій было приведеніе въ исполненіе воли государя объ устройствѣ линіи отъ Кубани, черезъ Абнью до Геленджика. Горцы не оставались праздными зрителями этого движенія и были дни, когда отрядъ не выходилъ изъ огня. Въ это-же время, оставшіяся на линіи 1-й баталіонъ принималъ неоднократно участіе въ набѣгахъ вѣстнаго по своей предприимчивости генерала Засса. Въ слѣдующемъ году повторилась та же экспедиція къ Геленджикку, во время которой командиръ Кабардинскаго полка Пярятинскій имѣлъ дѣло въ ущельи Кауфъ, въ которомъ особенно отличился маіоръ Рудаковъ, и впервые выступилъ на поприще военныхъ отличій, столь впоследствии извѣстный, штабсъ-капитанъ Лабинцевъ, точно также какъ въ слѣдующемъ году былъ дѣломъ знаменитаго кавказскаго дѣятеля штабсъ-капитана Евдокимова. Здѣсь кстати замѣтимъ, что Кабардинскій полкъ былъ какъ-бы школою кавказскихъ героевъ. Почти всѣ изъ нихъ или начинали въ немъ свою службу, или продолжали ее по нѣскольку лѣтъ въ его рядахъ, или были ея командирами.

Въ началѣ 1837 года кабардинцы побаталіонно занимали частію кубанскія станицы, частію гарнизоны въ укрѣпленіяхъ по Лабѣ. «Трудно себѣ представить—говоритъ историкъ ихъ—положеніе гарнизоновъ этихъ закубанскихъ укрѣпленій, въ которыхъ все, начиная убійственнымъ климатомъ и кончи постоянною опасностью, какъ-бы соединилось во вредъ занимавшихъ ихъ. Ни въ Дагестанѣ, ни въ Чечнѣ ничего подобнаго не было, и никогда войскъ не чувствовали себя такъ отрѣзанными отъ живаго міра, какъ въ этихъ печальной памяти фортахъ».

Оставленіе этихъ фортовъ и выступленіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ снова къ Геленджикку, для дѣйствій противъ натушинцевъ, считалось радостью. Провивался въ недоступные дѣйственные лѣса шапсуховъ, полкъ среди ихъ вырубалъ площади и, заложивъ на нихъ укрѣпленія, шелъ дальше. Такъ были основаны у устья Вулана—Новотроицкое и Михайловское. Въ этотъ разъ кабардинцы оставались въ Геленджикѣ до 25-го сентября и при обратномъ походѣ испытали всѣ усилія горцевъ затруднить движеніе. Чтобы

пройти версту, требовался часъ времени и каждая фуражировка требовала цѣлый полкъ конвой.

Со смертью Вельяминова кончились попытки утвердиться на берегу Чернаго моря, а вѣсть съ тѣмъ событія на восточномъ Кавказѣ привлекли туда главное вниманіе. Тамъ значеніе Шамиля возросло до того, что не смотря на повесенное имъ пораженіе въ Тилитгѣ, онъ поднялъ возстаніе въ Кубѣ и въ верхнихъ аулахъ по Самуру. Въ вызванныхъ этимъ экспедиціяхъ Кабардинскій полкъ не участвовалъ, и всѣ его дѣйствія въ 1838 году ограничились наказаніемъ аула Міатлы.

Покуда въ Тифлисѣ составлялся новымъ главнокомандующимъ Головиннымъ соображенія для дѣйствій въ 1839 году, Шамиль вторгся въ мирные аулы, наказывалъ покорившихся Россіи и привлекалъ къ себѣ скопища изъ разныхъ лезгинскихъ племенъ. Первоначально было предположено начать дѣйствія въ Дагестанѣ, а потомъ уже, осенью, перенести ихъ въ Чечню, но обстоятельства заставили поступить обратно.

Собранный при Внезапной отрядъ былъ ввѣренъ генералу Граббе, только тогда начинавшему свою извѣстность боеваго Кавказа. Подъ его начальствомъ два кабардинскіе баталіона имѣли горячее дѣло у аула Саясани, а потомъ подъ непосредственною командою полковника Лабинцева — у Буна-Юрта.

15-го мая Кабардинскій полкъ возвратился въ Внезапную, но пробылъ на мѣстѣ всего 6 дней и 21-го выступилъ къ Аргунн и далѣе къ укрѣпленному аулу Ахульго. Авторъ описываетъ это движеніе по днямъ. Шамиль преградилъ Граббе дорогу, занявъ сильную позицію у Буртуная, но храбрые баталіоны Лабинцева смѣло двинулись въ штыки вверхъ по извилистой тропѣ и сбили противника. 29-го мая отрядъ былъ подъ Аргунн, гдѣ на слѣдующій день произошелъ славный и памятный для кабардинцевъ бой, длившійся сряду 36 часовъ. «Кабардинскій и Куринскій полки, — доносилъ Граббе, — явили здѣсь, какъ и всегда, примѣры истинной, геройской стойкости и самоотверженія».

12 іюня началась блокада и осада Ахульго, считавшагося послѣднимъ убѣжищемъ Шамиля. Не вдаваясь ни въ описаніе мѣстности, среди которой предстояло дѣйствовать, ни хода осады, вполне систематично описанной г. Зиссерманомъ, скажемъ, что осада длилась 80 дней, въ теченіи которыхъ кабардинскіе баталіоны не разъ являли примѣры изумительной храбрости, то отражая вылазки, то разбивая подходившія къ Шамилю подкрѣпленія. Два наши штурма были отбиты. Какъ защищались горцы, видно изъ слѣдующихъ словъ автора: «когда русскія войска ворвались въ передовую часть укрѣпленій, мюнды уже готовы были бѣжать; тогда женщины, съ малолѣтними дѣтьми, бросались впередъ и этимъ удержали бѣжавшихъ».

Многія изъ этихъ героинь, переодевша въ мужскія платья, дрались въ передовыхъ укрѣпленіяхъ». Невозможность взять Ахульго казалась до того вѣроятною, что Граббе рѣшился вступить съ Шамилемъ въ переговоры, только ободрившіе кмама. Но чего не сдѣлаеть русскій солдатъ! 21-го августа начался новый штурмъ, во время котораго приходилось брать позицію за позиціею, ограду за оградою; собственно Ахульго было взято 22-го числа, но семь дней пришлось еще драться, до совершеннаго очищенія позиций.

«Каждую саклю, каждую пещеру войска должны были брать оружіемъ; отвага нашихъ солдатъ не знала предѣловъ. Горцы, не смотря на неминуемую гибель, защищались съ наступленіемъ; женщины и дѣти, съ каменьями и кинжалами въ рукахъ, бросались на штыки, или въ отчаяніи кидались въ пропасть. Трудно изобразить всѣ сцены этого ужаснаго фанатическаго боя; матери своими собственными руками убивали дѣтей, цѣлыя семейства погибли подъ развалинами саклей».

Бѣжавшій изъ Ахульго Шамиль успѣлъ обмануть самоувѣреннаго Граббе и въ слѣдующемъ же 1840 году вновь возбудилъ чеченцевъ къ неожиданному для Кавказскаго начальства возстанію, а самъ дѣйствовалъ въ Дагестанѣ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало взятіе нашихъ укрѣпленій: Вельяминовскаго, Михайловскаго и Николаевскаго, и истребленіе въ нихъ до послѣдней крайности защищавшихся гарнизоновъ. Всѣ эти передриги заставили Граббе оставить Лабинскую лѣнію и двинуть 1-й и 2-й баталіоны Кабардинскаго полка на лѣвый флангъ, форсированнымъ маршемъ. Вслѣдъ за ними 3-й и 4-й баталіоны были направлены на Терекъ. Не смотря на одержанные тамъ успѣхи, наши дѣла постепенно ухудшались. Появленіе Шамиля у Моздокъ, уводъ имъ 7 мирныхъ ауловъ въ горы, почти въ виду нашего отряда, и нападеніе на Назрань, нанесли намъ такой нравственный ударъ, послѣ котораго нужно было много новыхъ побѣдъ, чтобы возстановить наше обаніе. Для противодѣйствія набѣгамъ горцевъ, наши войска то въ малыхъ, то въ большихъ отрядахъ должны были поспѣвать повсюду, чтобы или защитить мирныхъ, или наказать непокорныхъ горцевъ. Кабардинцы не знали отдышки аулы Инче и Гуне, а потомъ Малая Чечня были мѣстами ихъ новыхъ подвиговъ. Вотъ какъ очерчиваетъ г. Зиссерманъ службу полка этого времени: «Сегодня баталіонъ на земляной работѣ, завтра на фуражировкѣ, послѣзавтра въ лѣсу за хворостомъ, дальше за бревнами; послѣ, для разнообразія, — въ прикрытій транспорта; въ промежутокъ охраняеть на частяхъ табуль, — это днемъ, ну, а ночью — въ цѣпи кругомъ лагеря, въ секретахъ, въ караулѣ и т. п. Каждый почти шагъ, изо дня въ день, съ перестрѣлкою съ ежeminутною возможностью быть убитымъ или раненымъ... Постоянно на чеку, готовымъ бѣжать на тревогу, въ скрытно предпринимаемомъ набѣгѣ, усиліемъ шагая ночью въ непріятельскому аулу, чтобы днемъ отступать,

отгрызаясь отъ озлобленнаго врага, подобно пчелиному рою окружающаго въ лѣсной чащѣ звенья стрѣлковой дѣлн».

Положеніе наше въ сѣверномъ Дагестанѣ, по донесенію генерала Кюлюгнау, было критическое. Какъ оно, такъ разногласіе между главнокомандующимъ Головиннымъ и Граббе, вызвавшее поѣздку на Кавказъ князя Чернышева, затѣмъ взглядъ на кавказскія дѣла императора Николая (изложенный въ собственноручной пространной запискѣ), все это изложено г. Зиссерманомъ съ особымъ умѣньемъ заинтересовать читателя.

Въ 1842 году дѣла не только не улучшались, но шли все хуже и хуже. Одна неудача смѣняла другую. Затѣмное Граббе движеніе въ Ичкерію, для истребленія резиденціи Шамши Дарго, не смотря на чудеса храбрости, стойкости и самопожертвованія, оказанныя войсками, а въ томъ числѣ и Кабардинскимъ полкомъ, — имѣло, какъ извѣстно, самыя грустные результаты.

V.

Въ дальнѣйшей боевой и внутренней жизни Кабардинскаго полка, послѣ 1842 года, особенно выдается время командованія полкомъ флигель-адъютанта полковника князя А. И. Барятинскаго (впослѣдствіи фельдмаршала и главнокомандующаго кавказскою арміею).

«Въ минувшія времена существовалъ въ кавказской арміи обычай широкихъ кутежей. Кабардинскій полкъ не составлялъ исключенія. Впередн всѣхъ въ огонь, на шагъ отъ смерти, онъ былъ впереди и въ покойѣ. При Лабинцевѣ, спартапцѣ въ жизни, приходилось стѣсняться; при Козловскомъ, напротивъ, эта сторона жизни полка получила полное развитіе, такъ какъ онъ самъ былъ охотникъ погулять на кавказскій ладъ.

Со вступленіемъ въ командованіе князя Барятинскаго произошло вдругъ переломъ; гулянье приняло иной характеръ, съ болѣе полированными отѣнками, не до такой степени на распахку. Кутить—кутили не меньше, но формы кутежа измѣнились, чихиряніе потеряло свою грубую оболочку. Оставаясь тѣми же беззаѣтными храбрецами, увлекавшими за собою солдатъ, офицеры измѣнили весь свой бытъ на болѣе полированный.

Богатый, щедрый, сильный своими связями и поддержкой въ высшихъ сферахъ, тѣломъ и душой военный человекъ, увлекавшійся поэтической стороною кавказской боевой жизни, князь Барятинскій съумѣлъ, въ короткое время, привить полку особенную притягательную силу; все молодое, стремившееся на Кавказъ за отличіями, за славой, жаждавшее славныхъ ощущеній, просилось и поступало въ Кабардинскій полкъ, извѣстность котораго распространилась по всѣмъ кружкамъ Россіи.

Князь Барятинскій принялъ полкъ относительно молодыхъ человѣкомъ. Ему было 33 года, но онъ имѣлъ столько врожденныхъ способностей, что онъ замѣнилъ и недостатокъ солиднаго образованія, и недостатокъ опытности. Смѣлость дѣйствій, не только въ бою, но и вообще въ службѣ и жизни, необычайный тактъ, умѣнье узнавать людей и пользоваться ими, умѣнье вліять на толпу, заставить ее бояться себя, не прибѣгая ни къ крикамъ, ни къ распекающимъ, ни къ надобливой регламентаціи каждаго шага, обдуманность каждаго слова, которое онъ собирается произнести въ ротъ начальника, — все это выдвигало его изъ ряда людей обыкновенныхъ и вмѣстѣ съ счастливою наружностью и силою въ высшихъ сферахъ, создало въ немъ крѣпкую вѣру въ свою счастливую звѣзду. Во время командованія полкомъ, уже нѣсколько утративъ свѣжесть молодости, князь Барятинскій началъ держать себя старикомъ, ходилъ не много согблѣсь и прихрамывая. Онъ уже въ то время проявлялъ свою непреклонную волю, свою настойчивость въ выполненіи задуманнаго, которая и была причиною его послѣдующихъ успѣховъ. Онъ тогда уже носился съ мыслию какъ слѣдуетъ повести дѣла, чтобы окончить вѣковую борьбу на Кавказѣ и черезъ 10 лѣтъ достичь цѣли.

Занимательный собесѣдникъ, анекдотистъ, поклонникъ прекраснаго вина и хорошаго вина — въ избранномъ обществѣ — онъ былъ грозею въ дѣлахъ службы, когда былъ недоволенъ. Старые, боевые штабъ-офицеры трепетали передъ его наморщенными бровями, передъ его саркастическою рѣзкою холодною рѣчью, указывавшею на упущеніе, или отдававшю приказанія. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который умѣлъ бы такъ очаровать своимъ ласковымъ обращеніемъ и вмѣстѣ заставить признавать себя старшимъ, внушающимъ уваженіе и повиновеніе. Съ удивительнымъ тактомъ пускалъ онъ въ ходъ эти двѣ пружины, вызывавшія боязнь прогнѣвать его и радость быть имъ обласканнымъ. Иногда онъ спускался до уровня понятій офицеровъ, не видѣвшихъ ничего въ жизни, кромѣ полковаго штаба и казачьихъ станицъ, съ непритворнымъ, казалось, участіемъ входилъ въ ихъ мысли, становился на ихъ точку зрѣнія и все это такъ тонко, такъ деликатно, что тѣ были въ восхищеніи, не замѣчая добродушнаго обмана. Въ такихъ случаяхъ, однако, онъ былъ крайне недоволенъ присутствіемъ кого-либо изъ такихъ лицъ, которые могли понять его неискренность.

Часто принимая къ себѣ на обѣды и вечера всѣхъ офицеровъ, вступая то съ тѣмъ, то съ другимъ въ разговоры, князь, при своемъ рѣдкомъ умѣнии заглядывать въ душу, узнавалъ всѣхъ, оцѣнивалъ ихъ способности и безошибочно употреблялъ каждаго на то дѣло, на которое онъ былъ пригоденъ.

Само собою разумѣется, что большинство офицеровъ любило своего

командира, а о солдатах и говорить нечего: щедрый и храбрый— всегда изъ кумиръ. Но, какъ водится, были и недовольные. Нѣкоторые роптали, что князь не жалѣетъ солдатъ, что отчасти имѣло основаніе: онъ мало принималъ во вниманіе физическія силы людей, увлекался начертаннымъ планомъ, и гвалъ его исполненіе во что бы то ни стало. Обвиняли князя за то, что онъ имѣлъ пересказчиковъ. Дѣйствительно, они были, какъ у всякаго начальника, желающаго знать, что происходитъ въ его части, но Барятинскій не всегда довѣрялъ имъ. Наконецъ, порицали его излишнюю строгость, но это неосновательно и происходило отъ избалованности офицеровъ нѣкоторою распушенностью. Напротивъ, въ князѣ проявлялась иногда излишняя снисходительность, даже фамильярность съ большинствомъ офицеровъ,— и вотъ тому прииѣръ.

Въ одной изъ ротъ былъ ротный праздникъ. Всѣ порядочно кутали, а въ томъ числѣ и начальникъ охотничей команды, одинъ изъ первыхъ храбрцевъ полка, умный и способный поручикъ Богдановичъ. Возвращаясь съ своею командою въ штабъ полка, онъ дорогою опорожнилъ еще нѣсколько бутылокъ, но все-таки, по принятому обычаю, отправился являться съ рапортомъ къ полковому командиру.

Князь Барятинскій былъ въ заглѣ; не ожидая увидѣть пьянаго, на докладъ лакея, что пришелъ поручикъ Богдановичъ, онъ сказалъ— «проси».

Можно себѣ представить его удивленіе, когда распахнулись двери и два солдата проворно ввели Богдановича подъ руки, приставили къ стѣнѣ и выскочили вонъ. Князь только улыбнулся и послѣ обычнаго «все обстоитъ благополучно», — произнесеннаго нетвердымъ языкомъ, спросилъ: «гдѣ вы кутали, Богдановичъ?» «5-я рота шмивиница, ваше сіятельство», — отвѣтилъ Богдановичъ. «Хорошо, ступайте», — сказалъ князь, любопытствуя видѣть какъ онъ выйдетъ изъ комнаты.

— «Смилантьевъ», крикнулъ во все горло Богдановичъ,— и тѣ-же два солдата выскочили, схватили своего командира подъ руки и увели.

Эта сцена такъ понравилась князю, что онъ долго ее рассказывалъ и представлялъ въ лицахъ, съ замѣчательнымъ комизмомъ.

Прощаніе кн. Барятинскаго съ полкомъ носило характеръ гомерическаго кутежа. Шампанское изъ турьихъ роговъ, тосты, сопровождаемые залпами изъ тысячи ружей боевыми патронами и выстрѣлами со всѣхъ батарей, шумъ пѣсennиковъ, толумбасовъ, музыки, крики ура, однимъ словомъ оргія грандіозныхъ размѣровъ.

«Таковы были времена и нравы—говоритъ авторъ исторіи Кабардинскаго полка—соотвѣтствовавшіе всей военной обстановкѣ, гдѣ ежеминутная опасность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ осуществляли поговорку: «жизнь—кофѣйка».

VI.

Третій томъ разсматриваемаго сочиненія заключаетъ въ себѣ новѣйшую исторію Кабардинскаго полка, съ 1847 по 1880 годъ. Эти 42 года жизни доблестнаго полка настолько обильны славными его дѣяніями, что одно переименованіе сраженій, въ которыхъ участвовалъ полкъ, составило бы такой формуляръ, который едва-ли виѣтъ какой либо другой полкъ нашей арміи.

Два первые года этого періода продолжалъ командовать полкомъ князь Барятинскій. Характеристику этого командованія, со словъ автора, мы привели выше; здѣсь же замѣтимъ, что обстоятельства какъ бы нарочно складывались такъ, чтобы командованіе Барятинскаго было однимъ изъ счастливѣйшихъ.

Ни въ картинно описанномъ бою у Гергебиля, ни въ осадѣ Салты кабардинцы не участвовали, о чемъ авторъ въ исторіи выражаетъ сожалѣніе, хотя, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы радоваться тому, что полкъ не былъ участникомъ, хотя и достопамятныхъ по блестящимъ подвигамъ, но все таки неудачныхъ предпріятій. Присутствіе одного полка едва-ли отстранило бы неудачу, а между тѣмъ онъ, вслѣдствіе своей беззаветной храбрости, навѣрно понесъ бы чувствительныя и безполезныя потери. Онъ не оставался въ бездѣйствіи: вмѣстѣ съ героями Баглановыми кабардинцы поражали горцевъ у аула Намбъ-Берды и съ другими героями Фрейтагомъ, участвовали въ нѣсколькихъ зимнихъ экспедиціяхъ. То и другое дало случай въ отличіяхъ двумъ баталіонамъ полка и обнаружило военныя дарованія одного изъ его штабъ-офицеровъ, подполковника барона Майделя.

Въ слѣдующемъ 1849 году Гергебиль былъ осажденъ вторично и въ этотъ разъ имя этого аула вошло въ число дѣлъ, украшающихъ страницы исторіи полка. Не столько замѣчательно участіе его 3-го и 4-го баталіоновъ въ осадѣ и разрушеніи сильно укрѣпленнаго аула, сколько движеніе ихъ, съ постояннымъ боемъ, отъ Теширъ-Ханъ-Шуры къ Оглы, стоившее полку не малыхъ жертвъ: изъ 8-ми его ротъ вышло 7 офицеровъ и 230 нижнихъ чиновъ.

Описывая подробно дѣйствія полка въ этомъ году, г. Зиссерманъ, какъ и вездѣ, не упускаетъ случая выставить случаи, доказывающіе доблестный духъ и товарищескія отношенія своихъ однополчанъ. Въ числу подобныхъ случаевъ принадлежитъ взятіе въ плѣнъ трехъ офицеровъ, на выкупъ которыхъ ихъ сослуживцы, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, собрали 2 тысячи рублей. Описаніе этого плѣна, приводимое авторомъ изъ воспоминаній полковника Власова, составляетъ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ.

Въ концѣ 1849 года большая часть Кабардинскаго полка участвовала

въ «легкомысленныхъ предпріятіяхъ» полковника генеральнаго штаба Веревкина, которому князь Барятинскій, съ крайнею свисходительностію, дозволилъ распорядиться 14 ротами своего полка. Эти предпріятія не принесли никакого результата, хотя и были очень красно описаны въ реляціяхъ Веревкина; они стоили полку 220 человекъ.

Князь Барятинскій сдалъ полкъ, уже зарекомендовавшему себя вполне кавказцемъ, барону Майделю. Первымъ его боевымъ дебютомъ, какъ командира полка, была зимняя экспедиція 1850 года. Прежде ея описанія г. Зиссерманъ весьма характерно изображаетъ отношенія кавказскихъ войскъ между собою и въ особенности симпатію и дружбу, существовавшую между полками Кабардинскимъ и Куркискимъ. Здѣсь же авторъ касается практиковавшихся на Кавказѣ обычаевъ ротнаго хозяйства, подкрѣпляя свои выводы о недостаткахъ этихъ обычаевъ осязательными примѣрами. Къ сожалѣнію, мы, по ограниченности даннаго нашему разбору редакціею размѣра, не можемъ выставить ихъ поучительность, хотя эти примѣры и было бы полезно запомнить каждому молодому офицеру, готовящемуся стать во главѣ роты или эскадрона.

Предметомъ зимнихъ экспедицій большею частію была рубка лѣса и устройство просѣкъ. Всякій, кто не знакомъ съ Кавказомъ, можетъ принять рубку лѣса за занятіе вполне мирное и безопасное; но кто прочтетъ, наприимѣръ, хотя V главу III тома разсматриваемаго сочиненія, тотъ увидитъ, что занятіе это всегда сопровождалось опасностію и рядомъ такихъ блестящихъ дѣлъ, которыя давали поводъ лучшимъ кавказскимъ генераламъ говорить въ своихъ донесеніяхъ о производившихъ рубку, какъ о «грозныхъ баталіонахъ Кабардинскаго полка», или называть полкъ вполне «арріергарднымъ», т. е. способнымъ къ отраженію самыхъ отчаянныхъ нападений, а императоръ Николай Павловичъ на донесеніяхъ о рубкѣ лѣсовъ не разъ клалъ отмітку: «хорошія дѣла».

Въ два слѣдующіе года зимнія экспедиціи повторились. Ихъ подробное талантливое описаніе помѣщено въ VI главѣ разсматриваемаго тома, изъ котораго видно, что въ этихъ дѣйствіяхъ всякій разъ принимало участіе по три баталіона кабардинцевъ. Приведенныя г. Зиссерманомъ о нихъ выписки изъ дневника командира полка, барона Николая, изложены до того осязательно, что читатель дѣлается какъ бы свидѣтелемъ и участникомъ описываемыхъ дѣйствій. Авторъ называетъ ихъ фундаментомъ тѣхъ рѣшительныхъ результатовъ, которые черезъ 7 лѣтъ привели восточный Кавказъ къ покорности, не смотря на то, что Шамиль самыми жестокими мѣрами старался поддержать сопротивленіе горцевъ.

Слѣдующая глава посвящена описанію обычныхъ въ кавказской жизни проишествій: набѣгамъ, отраженіямъ нападений, нечаянныхъ встрѣчъ, раззореніямъ притоновъ и т. п. Все это изображено чрезвычайно картинно, увле-

кательно, переполнено самыми интересными эпизодами, однимъ словомъ такъ, какъ могъ описать только очевидецъ, владѣющій искуснымъ разсказомъ и бойкимъ перомъ. Остается только сожалѣть, что мы, по объему настоящей рецензій, не можемъ ознакомить читателей, не избѣющихъ исторіи Кабардинскаго полка, съ тѣмъ, что говорится ея авторомъ о такихъ личностяхъ, какъ Евдокимовъ, Лабинцевъ, Бакаловъ, Гейманъ, баронъ Николай Майдель. Время командованія полкомъ послѣдняго было самое боевое.

Новая экспедиція въ Чечню въ февралѣ 1853 года, произведенная по плану князя Барятинскаго, окончилась еще усибнѣе предшествовавшихъ. Всѣ расчеты Шамиля, говоритъ авторъ, всѣ труды его приверженцевъ, оказались мечтою. Понесъ громадные потери, въ томъ числѣ нѣсколько любимыхъ и преданныхъ набоовъ, нравственно убитый имамъ бѣжалъ въ глубь ущелій Гансаула. Но неудача, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, не остановила предпримчиваго фанатика. Въ виду предстоявшаго разрыва нашего съ Турціею, онъ задумалъ новый, чрезвычайно смѣлый и хорошо обдуманый, планъ дѣйствій. Направивъ Магометъ-Эмина въ Кабарду и наши сообщенія съ Владикавказомъ и Ставрополемъ, самъ Шамиль, съ несими дагеставцевъ, бросился на лезгинскую линію. Но на обоихъ театрахъ дѣйствій горцы потерпѣли новыя пораженія. Магометъ-Эминъ былъ разбитъ въ Барацѣ генераломъ Козловскимъ, а Шамиль постыдно бѣжалъ отъ появившагося въ тылу его отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова.

Во время восточной войны Кабардинскій полкъ не вошелъ въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Азіатской Турціи. Виѣтъ съ остальными частями 20-й дивизіи, на его долю выпала задача держать въ повиновеніи внутреннія племена Кавказа, приходившія, вслѣдствіе подстрекательства англичанъ, въ постоянное волненіе. Для этого роты Кабардинскаго полка, предводимыя такими личностями, какими оказались потомъ баронъ Николай, Шелеметьевъ, Гейманъ и другіе, появлялись всюду, гдѣ было болѣе опасности, вездѣ отражали набѣги Шамиля и наказывали непокорныхъ. Каждое изъ происшедшихъ при этомъ дѣлъ составило бы украшеніе исторіи любого полка, но для кабардинцевъ все это казалось обыкновеннымъ; а что имъ не всегда легко было справляться съ горцами, боившимися деспотическихъ расправъ Шамиля больше русской пули, доказывается тѣмъ, что командиръ полка не разъ повторяетъ, что послѣ боя онъ «вздыхнулъ свободно и внутренне благодаритъ Бога за чудесное спасеніе и помощь».

Весною 1854 года князь Воронцовъ оставилъ Кавказъ. Временно замѣнявшій его, генералъ Редъ, во время набѣга Шамиля на Кахетію, опасался не только за южную часть военно-грузинской дороги, но и за Тифлисъ; но благодаря успѣхамъ нашихъ отрядовъ на Бумыкской плоскости, опасенія оказались напрасными и дали возможность возобновить наступательныя дѣйствія въ Чечнѣ. Они были возложены на генер.-лейт. барона Врангеля, въ

отрядъ котораго входилъ 1-й баталіонъ Кабардинскаго полка. Въ то время, какъ онъ участвовалъ въ покореніи и разрушеніи ауловъ по р. Джанкѣ, прочія части полка, подъ командою своего командира барона Николая, образовавъ особый Кумыскій отрядъ, ходили за Мичикъ. Послѣ блистательнаго налета на оялотъ Чечни Шуаибъ-каца, весь наступившій 1855 годъ кабардинцы провели въ постоянныхъ боевыхъ передвиженіяхъ. Каждое предпріятіе, каждая экспедиція полка оканчивались полнѣйшимъ успѣхомъ, и если между горами еще держалась вѣра въ возможность сопротивленія, то единственно благодаря тому, что Шамилъ то обманывалъ ихъ обѣщаніями помощи отъ Турціи, то заставлялъ исполнять свою волю самыми страшными наказаніями.

По предположеніямъ для дѣйствій, въ 1856 году, новаго главнокомандующаго генерала Муравьева принималась во вниманіе еще длившаяся восточная война, а потому считалось нужнымъ ограничиться только рубкою просѣкъ и охраною военно-грузинской дороги. Въ этихъ занятіяхъ прошло все лѣто наступившаго года. Между тѣмъ въ мартѣ послѣдовало заключеніе мира, а въ день коронованія императора Александра II—назначеніе на мѣсто Муравьева князя Барятинскаго. Послѣднее сильно измѣнило ходъ дѣлъ на Кавказѣ, чему, конечно, способствовали и щедрыя средства, данныя въ распоряженіе новаго главнокомандующаго. По совѣщаніямъ его съ начальникомъ лѣваго фланга Евдокимовымъ и съ командующимъ въ Прикаспійскомъ краѣ княземъ Орбелиани были тогда же опредѣлены главныя основанія для дальнѣйшихъ предпріятій.

Не останавливаясь надъ перечнемъ многихъ славныхъ дѣлъ, выпавшихъ на долю кабардинцевъ при выполненіи этихъ предпріятій, скажемъ, что описаніе ихъ сдѣлано г. Зиссерманомъ съ замѣчательною подробностію, нисколько не вредящею интересу и искусству разсказа. Замѣтимъ только, что читать ихъ, равно какъ и все разсматриваемое сочиненіе, необходимо съ весьма подробною картою края. Для почтеннаго автора всѣ мѣста знакомы, онъ какъ бы видитъ ихъ, указываетъ гдѣ былъ орѣшникъ, гдѣ росъ дубовый лѣсъ; но для читателя, желающаго оріентироваться среди массы названій и собственныхъ именъ рѣчекъ, горъ и ауловъ, необходима карта, которой, къ сожалѣнію, къ изданію не приложено.

23-го апрѣля 1857 года, у Гельдыгена, Кабардинскій полкъ встрѣчалъ бывшаго своего баталіоннаго, полковаго и дивизіоннаго командира князя Барятинскаго, какъ главнокомандующаго. Черезъ три дня, въ Хасавъ-Юртѣ, полкъ устроилъ въ честь его праздникъ, съ иллюминаціею и фейерверкомъ. Когда подавали пуншъ, князь, хлебнувъ его, замѣтилъ: «у, какой крѣпкій»

— Да и полкъ-то крѣпкій, ваше сіятельство,—сказалъ солдатъ, разносившій стаканы.

Мы привели эту вставку, какъ образчикъ того, какими, полными жив-

ненности, чертами отбѣняетъ авторъ, какъ бы мимоходомъ, увѣренность солдата въ достоинствахъ и славу своего полка. Если бы выбрать изъ трехъ томовъ разсматриваемаго сочиненія подобныя только что приведенному эпизоды, то одно это составило бы весьма интересный сборникъ, изъ всевозможныхъ правыхъ кавказской жизни. Почти каждая выписка, а нѣтъ нѣсколько и каждой главѣ, составляетъ что-либо анекдотическое и занимательное.

Успѣхи въ Чеченіи сильно отозвались на ея населеніи и убѣдили ея въ безнадежности борьбы съ русскими. Осенью 1857 года генералъ Евдокимовъ рѣшился окончательно покончить съ нею. Хотя горы еще продолжали съ отчаяніемъ защищать свои послѣдніе убѣжища, но все таки пространство между Мортаномъ и Гойтою было очищено. Въ этихъ экспедиціяхъ Кабардинскій полкъ былъ подъ начальствомъ новаго командира своего, флигель-адъютанта Святополкъ-Мирскаго. Дѣлая характеристику его предшественника барона Николая, г. Зиссерманъ вдаетъ въ сравненіе его съ такими представителями кавказской арміи, какими были Евдокимовъ, Лабинцевъ, Мидель, Манюканъ, Гейманъ, баронъ Врангель и друг. «Кабардинскій полкъ», говоритъ авторъ его исторіи,—обязанъ сохранить въ своей лѣтописи добрую память о баронѣ Николаѣ, одномъ изъ славныхъ своихъ командировъ, и мало содѣйствовавшемъ увеличенію славы полка».

Описывая побѣдоносные, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, успѣхи генерала Евдокимова въ зимніе періоды 1857 и 1858 годовъ, г. Зиссерманъ не указываетъ на участіе въ нихъ Кабардинскаго полка. Онъ оставался охранителемъ спокойствія на Кумыкской плоскости и съ этою цѣлю его подвижныя колонны, подъ командою то самого полкового командира, то майора Геймана, обходили окрестныя горы и ущелья.

Видя, что въ подобныхъ, сравнительно не важныхъ, экспедиціяхъ мало матеріала для картинныхъ описаній автора, онъ ловко пользуется побочными событіями и косвенно связываетъ ихъ съ полковою жизнью. Къ таковымъ относятся: выкупъ изъ плѣна книжки Орбельянъ, болѣзнь сына Шамиля Джеланъ-Эдина, къ которому былъ посланъ полковой докторъ, проѣздъ черезъ Чечню Великихъ Бнязей Николая и Михаила Николаевичей и ихъ пребываніе у князя Мирскаго.

Въ 1859 году каждое движеніе нашихъ войскъ въ горы приближало покореніе восточнаго Кавказа и паденіе Шамиля. Генералъ Евдокимовъ, не смотря на обвиненіе его въ злоупотребленіи физическими силами войскъ, усиливалъ свою энергію; его отряды обходили и брали укрѣпленныя из скалахъ и въ ущельяхъ аулы и все ближе и ближе подходили къ убѣжищу ишана—Веденю. Въ осадѣ и штурмѣ его принимали участіе 1-й батальонъ и охотничья команда Кабардинскаго полка. Шамиль, этотъ старый владыка горъ, понималъ, что пѣсня мирюдизма спѣта. Его набы, одинъ за дру-

гимъ, изъявляли покорность и вскорѣ паденіе резиденціи послужило сигналомъ къ возстанію горцевъ противъ своего властителя.

Излагая дальнѣйшія событія достопамятнаго для Кавказа 1859 года, г. Зиссерманъ подробно описываетъ дѣйствія дагестанскаго отряда, покореніе Аваріи, пріѣздъ князя Барятинскаго въ Чечню и новое его свиданіе съ кабардинцами. Къ сожалѣнію, они, часто виновники славныхъ побѣдъ, дальнѣйшаго участія въ развязкѣ кровавой, многолѣтней борьбы, во взятіи Гуниба и въ плѣненіи Шамиля не принимали. Полкъ оставался въ тылу, въ покоренномъ районѣ.

Знаменательныя событія іюля и августа мѣсяцевъ 1859 г. изложены г. Зиссерманомъ вполне интересно; едва ли въ какомъ либо другомъ сочиненіи о Кавказѣ можно встрѣтить болѣе полное и болѣе разработанное и краснорѣчивое описаніе происходившаго въ торжествующихъ свои побѣды русскихъ отрядахъ и въ послѣднихъ вспышкахъ умирающаго фанатизма горцевъ. Желаящихъ убѣдиться въ умѣнн авторѣ освѣщать событія ярко и увлекательно, отсылаемъ къ XIX главѣ III тома исторіи Кабардинскаго полка.

Послѣ покоренія восточнаго Кавказа военныя дѣйствія были перенесены на западный, гдѣ уже далеко не было встрѣчено того сопротивленія, которое встрѣчалось въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Кабардинскій полкъ, придаваемыйъ къ отрядамъ то по баталіонно, то нѣсколькими ротами, и на западѣ продолжалъ поддерживать и увеличивать свою боевую славу. Послѣдній періодъ кавказской войны изложенъ г. Зиссерманомъ также послѣдовательно, съ тою же добросовѣстною разработкою причинъ и послѣдствій, какими проникнуто все его замѣчательное сочиненіе.

Мы не приводимъ дальнѣйшаго содержанія разсматриваемаго труда, полагая, что его достоинства достаточно видны изъ сказаннаго. Приводить же подробности участія Кабардинскаго полка въ покореніи западнаго Кавказа—значило бы повторять, съ нѣкоторыми только варіаціями, тѣ же подвиги, которые онъ оказывалъ въ безчисленныхъ дѣлахъ своего полутора столѣтняго существованія. Такъ какъ геройская храбрость этого полка увѣковѣчена гѣтописью его историка, то заключимъ нашу статью словами г. Зиссермана: «Слава кабардинцевъ не померкнетъ никогда. Пусть подвиги предшественниковъ служатъ дорогому полку путеводною нитью на славномъ поприщѣ служенія Престолу и святой Руси, на защиту ея могущества и поддержаніе славы русскаго оружія».

Наружное достоинство изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Три объемистые его тома, заключающія въ себѣ 1506 страницъ, кромѣ приложеній, напечатаны яснымъ и четкимъ шрифтомъ. Изданіе украшено портретами фельдмаршала князя Барятинскаго, генерала-отъ-инфантеріи Лабинцева

и четырьмя характерными типами кавказскаго солдата, въ формахъ различныхъ эпохъ.

Замѣчательное сочиненіе г. Зиссермана вышло въ свѣтъ въ 1881 году. Въ достоинствахъ его убѣдится всякій просвѣщенный читатель, любящій и понимающій военное дѣло. Почему о немъ, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, не упомянуто въ специально военныхъ журналахъ—остается открытымъ вопросомъ, тогда какъ оно составляетъ богатый вкладъ въ нашу военную литературу.

Генер.-лейт. П. П. Барцовъ.

Г. Царское Село.
1884 г.

В. А. Жуковскій и Д. Н. Блудовъ.

ЗАМѢТКА.

Письмо Жуковскаго, найденное въ бумагахъ Егора Петровича Ковалевскаго и напечатанное въ июньской книгѣ „Русской Старинѣ“ 1884-го года, не могло быть адресовано ни къ кому иному, кромѣ Блудова. На это указываетъ особенно выраженіе: „вѣдь медицинскій департаментъ состоитъ подъ твоимъ вѣдомствомъ“, т. е. подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ; этотъ постъ въ 1833 году, къ которому относится письмо, занималъ Д. Н. Блудовъ (въ то время еще не графъ), а князь Вяземскій имѣлъ тогда еще весьма скромное служебное положеніе, не былъ близокъ ко двору, и ему Жуковскій не могъ сказать: „представь книгу государю“. По смерти Блудова въ 1864 году, Ковалевскій приступилъ къ составленію его біографіи, и потому естественно, что въ числѣ матеріаловъ для этого труда въ руки покойнаго Егора Петровича попали и нѣкоторыя письма, хранившіяся въ бумагахъ Блудова.

Я. К. Гротъ.

Сельцо Красная Слободка.
8-го іюля 1884 г.

Воспомнанія о походѣ 1877—1878 гг.

III).

По возвращеніи моемъ на бивуакъ въ Божаново, я засталъ необычайныя хлопоты, бѣганье, суетню, и на разспросы товарищей узналъ, что въ ночь назначено наступленіе къ Софійскому шоссе, занятому и въ нѣкоторыхъ пунктахъ укрѣпленному турками. Собственно главная атака должна была вестись на Горный Дублякъ, у Телиша же должна была, по диспозиціи, произойти лишь усиленная демонстрація, для отвлеченія телишскихъ турокъ отъ дѣла подъ Дублякомъ. Наше выступленіе было назначено въ два часа ночи, при чемъ бивуачныя костры приказано было не только не тушить, но напротивъ развести еще шире. Въ темнотѣ сѣли на ковей и потянулись безъ шума по узкой каменной дорогѣ, по направленію къ д. Свибари. Не могу не вспомнить при этомъ избытокъ предосторожностей, принятыхъ нашимъ начальникомъ дивизіи Леоновымъ, для сокрытія нашего движенія, при чемъ онъ не только велѣлъ объявлять тряпьемъ колеса конныхъ орудій, запретилъ курить и разговаривать, но даже, услыжавъ въ одномъ эскадронѣ команду: справа по три, произнесенную обычнымъ голосомъ, налетѣлъ на командира эскадрона со словами: «что вы поете! что вы поете! вы думаете, вы на Царицыномъ лугу!» Къ этому надо лишь прибавить, что пѣніе это происходило верстъ за 15 отъ турокъ.

Въ деревнѣ Свибари пришлось остановиться, слѣзть и дожидаться разсвѣта, а главное—прибитія пѣхоты. Утренній морозъ, хотя было всего 12-ое октября, такъ и леденилъ всѣ члены. Вдобавокъ пришло приказаніе снять шинели, что ужъ окончательно насъ смутило. За-

См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, августъ, стр. 414—424.

чѣмъ? спрашивалось; щеголять мундирами передъ турками что-ли? но потомъ выяснилось, какъ и всегда, что приказаніе снять шинели было отдано главнымъ образомъ для пѣхоты, которой идти въ дѣло ускореннымъ шагомъ въ длинныхъ шинеляхъ неудобно, да и кромѣ того, скатанная поперекъ груди шинель представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ щита,—все лучше, чѣмъ ничего.

«Къ конямъ! Садись», пронеслась вполголоса команда и эскадроны тронулись. Черезъ нѣсколько шаговъ пришлось опять остановиться, пропускать егерскій полкъ, шедшій почти бѣглымъ шагомъ черезъ деревню, гдѣ ихъ строго оглядывалъ въ послѣдній разъ передъ дѣломъ корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Гурко.

Въ утреннемъ полумракѣ торопились запыхавшіеся егеря и раздавались сдержанно озлобленные голоса: «вторая полурота не оттягивай» и проч. Чувствовали ли тогда эти спѣшившіе люди и мы смѣрѣвшіе, что именно на нихъ, тяжелѣе прочихъ, ляжетъ сегодняшній день, и что четвертая часть полка останется на полѣ брани, въ добычу коршунамъ и еще злѣйшимъ хищникамъ—турецкимъ башибузукамъ. Впрочемъ въ тѣ лихорадочныя минуты врядъ-ли кому приходило что-нибудь въ голову, кромѣ точнаго исполненія командъ, которыя тотчасъ же раздались, какъ только прочистился путь. За селомъ Свиinari поднималось холмистое поле, въѣхавъ на которое отчетливо видѣлись телеграфные столбы вдоль Софійскаго шоссе, и видѣлись на засвѣтлѣвшемъ горизонтѣ профили турецкихъ укрѣпленій у Дубняка. Скрываться болѣе было не къ чему; турки насъ отлично видѣли и готовили даже для насъ взрывчатые сюрпризы. Наша дѣшъ наѣздниковъ вылетѣла въ карьеръ изъ фронта строящихся взводовъ и понеслась по направленію къ шоссе, дабы какъ можно скорѣе прервать телеграфную линію.

Мы пошли крупною рысью вслѣдъ за дѣшью, и на ходу обогнали л.-гв. Финляндскій полкъ, двигавшійся густыми колоннами къ самымъ укрѣпленіямъ Горнаго Дубняка. Правѣе уже раздавалась ожесточенная ружейная перестрѣлка и слышалось протяжное «ура», прерываемое орудійными залпами. Все это началось такъ внезапно и такъ быстро, что даже наши начальствующія лица недоумѣвали, въ особенности слыша протяжное ура, громко раскатывавшееся по утренней зарѣ. «Что же это, говорили они, неужто ужъ павловцы пошли въ штики!»

Тѣмъ временемъ, турки, вида безполезность своихъ трехъ дальво бойныхъ орудій противъ бѣшенной атаки пѣхоты, вачали изъ нихъ пристрѣливаться по нашей колоннѣ, которая на свѣтломъ кукурузномъ полѣ являлась очень хорошею цѣлью. Нѣсколько гранатъ прощипѣли надъ нашими головами. Одна изъ нихъ упала между взво-

дами полка, но къ счастью не разорвалась и потому вреда никакого не причинила. Дойдя до Софійскаго шоссе, мы остановились. Вызваны были нѣсколько офицеровъ съ развѣдами, человѣка по четыре, для различныхъ порученій. Я попалъ въ число вызванныхъ, и на мою долю выпало отправиться немедленно на сѣверъ отъ шоссе, для отысканія Кавказской бригады, о которой надлежало привести свѣдѣнія. Что говорить, смерть не любила я этихъ командировокъ въ одиночку, да еще такихъ неопредѣленныхъ, какъ эта. Богъ ее знаетъ, эту бригаду, гдѣ она обрѣтается и гдѣ ее найдешь. Дѣлать нечего, отправился, и вскорѣ потерялъ изъ виду полкъ и даже телеграфную линію столбовъ на шоссе. Вправо видѣлись финляндцы и поднимался густой дымъ отъ несмолкаемаго ружейнаго огня, а впереди, въ кустахъ, рыскали какіе-то всадники на бѣлыхъ лошадяхъ, которыхъ мой унтеръ-офицеръ прямо обозначилъ башибузуксами. Надо было подвигаться осматриваясь и имѣя заряженные карбины наготовѣ. Но турецкимъ всадникамъ было не до насъ; они сколь возможно скоро уходили, видя, что Горный Дубнякъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ превосходнымъ числомъ войскъ, и скоро скрылись изъ виду. Вскорѣ я соединился съ нашимъ кавачимъ развѣдомъ, который указалъ мнѣ и всю бригаду генерала Черевина, послѣ чего я, исполнивъ свое порученіе, благополучно вернулся къ полку, который продолжалъ оставаться на Софійскомъ шоссе пассивнымъ зрителемъ страшной трагедіи, разыгрываемой въ Дубнякѣ.

Съ нашего мѣста можно было отчетливо разглядывать въ бинокль даже отдѣльныя личности, видѣть торчащія изъ-за валовъ красныя фески и наши отдѣльныя группы стрѣлковъ, перебѣгавшихъ отъ закрытія къ закрытію, и къ великой нашей скорби въ большинствѣ падающихъ навзничь. Вотъ внизу въ оврагѣ колыхнулся сомкнутый Финляндскій батальонъ и съ крикомъ «ура» бросился къ турецкому редуту. Батальонъ одинъ, съ знаменщикомъ впереди, другіе его не поддерживаютъ. Ружейный огонь затрещалъ съ неимоверной силой. Нервы напрягаются до нелзя, глядя на это страшное усиліе кучки героевъ. Хочется помочь имъ... но что мы можемъ! «Остановились», слышу я зловѣщій шопотъ вокругъ меня. Съ тоской въ душѣ прикладываю бинокль къ глазамъ и вижу уже сбѣгающихъ назадъ въ оврагъ отдѣльныхъ финляндцевъ, а за ними и весь порѣдѣвшій батальонъ. Но командира уже болѣе съ ними нѣтъ! Онъ остался на скатѣ оврага, вмѣстѣ съ массой другихъ тѣлъ, наваленныхъ въ иномъ мѣстѣ въ два яруса.

Мало по малу тоска овладѣваетъ нашими солдатиками,—и ихъ желѣзные нервы дали себя почувствовать при видѣ такой страшной

бойни, дѣящейся уже столько часовъ. Лица нахмурились, и, объѣзжая по задней шеренгѣ, мимо извѣстныхъ мнѣ лично остряковъ и балагуровъ, не слышишь болѣе ни одной шутки, а лишь подавленные вздохи собогѣзнованія!

Къ полку нашему стали стекаться раненные, и тутъ же рядомъ съ нами образовался перевязочный пунктъ. Сюда шли тѣ, кто могъ еще передвигать ноги, сюда же несли санитары, и стоны этихъ страдальцевъ сливались съ учащенной стрѣльбой, не смолкавшей съ утра до поздняго вечера. Дурныя вѣсти пришли изъ-подъ Телиша. Подъ секретомъ передавали офицеры другъ другу, что егеря совершенно уничтожены, что весь нашъ Телишскій отрядъ отступилъ и что турки, преслѣдуя его, вскорѣ покажутся у насъ въ тылу. Пришло приказаніе немедленно двинуться на рысяхъ къ Телишу, дабы встрѣтить предполагаемое наступленіе турокъ. Но что могла сдѣлать одна кавалерія противъ упоенной своимъ успѣхомъ турецкой пѣхоты? Не минуто задержать—пожалуй, и то съ огромными потерями. Но къ счастью всѣхъ насъ, телишскій паша не заблагоразсудилъ далеко уходить изъ своихъ укрѣпленій и, пославъ намъ нѣсколько неудачныхъ гранатъ, спокойно возвратился восвояси, грабя и обдирая мертвыхъ егерей, лежавшихъ на открытомъ кукурузномъ полѣ. Насъ отвели обратно къ Дубняку, гдѣ дѣло разгоралось все жарче и жарче и гдѣ положеніе становилось весьма серьезно. Потери нашей пѣхоты были большія, а результатовъ еще не оказывалось никакихъ. Массы раненныхъ были видны по всему полю, въ томъ числѣ и офицеры, и генералы. Генерала Розенбаха, тяжело раненаго въ животъ, вынесли изъ огня на носилкахъ, и должны были съ нашего перевязочнаго пункта нести далѣе въ Чириково, но генералу въ полубезпамятствѣ почему-то все представлялось, что его захватятъ въ плѣнъ турки и поэтому онъ разрѣшилъ себя нести, только испросивъ предварительно у командира уланскаго полка Эттера конвой.

Начинало темнѣть и мѣсяцъ почему-то выплылъ такой красивый, какимъ я его прежде никогда не видалъ, точно въ pendant къ кровавой бойнѣ, происходившей внизу подъ нимъ. Часовъ въ 7 вечера, внутри турецкихъ укрѣпленій, вспыхнулъ пожаръ; загорѣлись склады сѣна, соломы и палатки. Ожесточенное ура загудѣло въ воздухѣ, всѣ наши полки со всѣхъ сторонъ ринулись къ туркамъ и... наконецъ добрались!! Трудно въ такихъ случаяхъ опредѣлительно сказать, какая часть первая ворвалась въ укрѣпленіе, такъ какъ, по всей вѣроятности, это на самомъ дѣлѣ произошло одновременно, но что достоверно мнѣ извѣстно, то это то, что всѣ полки внутри редутовъ перемѣшались и принялись за беспощадную штыковую работу. Наши

эскадроны были пододвинуты къ укрѣпленіямъ, чтобы не дать убѣгать отдѣльнымъ кучкамъ турокъ, а потому даже до слуха нашего явственно долетала эта глухая свалка 15 т. человѣкъ, раскалывающихъ черепа врагу, на самомъ ограниченномъ и замкнутомъ пространствѣ внутри укрѣпленія.

Минуть на 10 даже смолкъ ружейный огонь, и наконецъ опять громовое «ура» возвѣстало намъ объ окончательномъ взятіи Дубняка. Тысячи шапокъ завертѣлись въ воздухъ и почти закрывали зарево пожара. У всѣхъ насъ вырвался вздохъ облегченія! «Слава Богу, слава Богу», крестились солдаты и офицеры, и съ страшнымъ утомленіемъ ждали дальнѣйшихъ для насъ приказаній, которыя впрочемъ пришли тутъ же и состояли въ томъ, чтобы расположиться на ночь бивуакомъ, что и было немедленно исполнено. Въ сущности, я цѣлый день ничего не дѣлалъ и сидѣлъ, не слѣзая, въ сѣдлѣ, но усталость овладѣла такая, что я, не снимая амуниціи и не дожидаясь прихода деньщиковъ съ вьюками, прямо улегся на сырую траву и такъ проспалъ всю ночь. Впрочемъ этому сну я обязанъ тѣмъ, что не раздѣлилъ участь своихъ товарищей по эскадрону, которые въ этотъ памятный вечеръ напились чаю съ нѣкоторымъ добавленіемъ, а именно сварившейся лягушкой. Умный деньщикъ черпнулъ котелкомъ въ болотѣ воды и, насыпавъ туда чаю, заварилъ, не замѣтивъ присутствія огромной гадины. Впрочемъ французы вѣдь очень цѣнятъ лягушекъ какъ тонкое кушанье, чѣмъ приходилось утѣшаться и выпившимъ наваръ лягушки до дна.

IV.

На другой день спозаранку я сѣлъ на коня, поднялся по шоссе до полуразрушенной караулки и вѣхалъ въ середину укрѣпленій. Зрѣлище, мнѣ представившееся, было помстинѣ замѣчательно.

По всѣмъ направленіямъ лежали груды обезображенныхъ, обгорѣлыхъ труповъ, въ три, четыре яруса наваленные другъ на друга, и подъ низомъ ихъ кое гдѣ еще переворачивались, не совсѣмъ отошедшіе въ вѣчность, люди. Изъ-подъ черныхъ скелетовъ и обгорѣлыхъ отдѣльныхъ человѣческихъ членовъ видѣлась пара глазъ, мутно устремленныхъ въ пространство, на искаженномъ страданіями лицѣ, нижней части котораго не оставалось и слѣдовъ. Должно быть боковой осколкомъ гравати снесъ несчастному подбородокъ и челюсти, оставивъ какую-то неопредѣленную зіяющую рану. И человѣкъ этотъ жилъ; онъ карабкался и выползалъ изъ-подъ наваленныхъ на него тру-

повѣ. Я помогъ ему въ этомъ, но далѣе сдѣлать ничего не могъ, такъ какъ все, что было медицинскаго персонала, уже выбивалось изъ смыл съ одними русскими ранеными и, конечно, не было въ состояніи возиться съ полуумершимъ туркой. Цѣлыя горы неразстрѣленныхъ металлическихъ патроновъ свидѣтельствовали о запасливости защитниковъ Дубняка и объясняли тотъ несомолкаемый свинцовый дождь, который вырвалъ у насъ столько жертвъ въ продолженіи вчерашняго дня.

Десятки небольшихъ турецкихъ лошадей уныло бродили между трупами и, давая кости своихъ прежнихъ хозяевъ, кидались въ сторону отъ русскихъ, явившихся для поимки ихъ. Странное дѣло!

Я въѣхалъ въ укрѣпленія почти съ разсвѣтомъ и уже засталъ разныхъ личностей, вовсе не входящихъ въ составъ вчерашняго гвардейскаго отряда. Тутъ были и неизвѣстные ветеринары, и интенданты, и даже, по солдатскому выраженію, «вольные люди». Все это собралось, какъ казалось, для систематическаго грабежа, пользуясь тѣмъ, что военное начальство было все занято сборомъ своихъ частей и уборкой раненыхъ и убитыхъ, и не могло имъ въ томъ препятствовать. Одна изъ подобныхъ хищныхъ личностей, къ сожалѣнію въ офицерскихъ узкихъ погонахъ, подошла даже ко мнѣ съ предложеніемъ купить у нея по дешевой цѣнѣ... какъ бы вы думали что? Турецкій ятаганъ? Азіятской какой-нибудь кинжалъ?—Нѣтъ, свой же русскій, офицерскій клинокъ, взятый изъ руки убитаго, какъ теперь помню, еще съ анненскимъ темлякомъ. Подобная гадость, подобное хищничество, меня возмутили. Несмотря на его погони, я сказалъ ему крѣпкое слово, плюнулъ и отъѣхалъ. Впрочемъ, выѣхавъ на шоссе, я имѣлъ удовольствіе видѣть какъ одного изъ подобныхъ голубчиковъ, въ статскомъ платьѣ, вѣлѣно было схватить и тутъ же казется высѣчь нагайками.

13-е, 14 и 15 октября мы провели, бивакируя въ небольшомъ лѣску, около деревни Свиноари, и держа аванпосты противъ Телиша, въ которомъ турки старались по возможности сильнѣе укрѣпиться. Генералъ-адъютантъ Гурко, выѣзжая на встрѣчу смѣняющемуся эскадрону, всегда лично разспрашивалъ офицеровъ о ходѣ турецкихъ работъ, видимыхъ простымъ глазомъ изъ нашей цѣпи. При этомъ насъ всегда смѣшили растерянность и испугъ нѣкоторыхъ, понаѣхавшихъ изъ главной квартиры, кавалеровъ, которые, находясь въ свитѣ Гурко, должны были поневолѣ выѣзжать къ намъ на встрѣчу, происходившую иногда верстахъ въ двухъ отъ непріятельской линіи. Отстоявъ цѣлую ночь на посту, шагахъ въ полтороста отъ черкесской цѣпи, понятно было смѣшно видѣть страхъ людей за дѣ

версты отъ врага, когда мы-то уже считали себя почти дома, на бивуакѣ, въ полной безопасности. Впрочемъ, конечно, на ровномъ гладкомъ полѣ телишскія стальныя орудія посматривали еще и на двѣ версты довольно грозно, и самъ генераль Гурко не любилъ, чтобы свита и конвой толпились около него и тѣмъ привлекали турецкій огонь.

V.

На 16 е число октября 1877 г. было назначено, какъ сказано въ диспозиціи, «обстрѣливаніе» Телиша.

Съ ранняго утра загремѣла почти вся валичная гвардейская артиллерія и, что называется, просто закидала турецкія укрѣпленія свиндомъ. Наша роль ограничивалась прикрытіемъ своихъ орудій, и конечно никто изъ насъ не думалъ, что въ этотъ день намъ придется серьезно поработать и быть участниками одной изъ самыхъ славныхъ въ эту кампанію кавалерійскихъ атакъ. Около полудня, если не ошибаюсь, главный паша въ Телишѣ, не будучи въ состояніи болѣе держаться противъ нашего всеокрушающаго огня, рѣшился выкинуть бѣлый флагъ.

Въ то самое время, какъ всѣ мы радостно привѣтствовали это появленіе, прискакалъ ординарецъ отъ генерала Гурко съ приказаніемъ обратить вниманіе на нашъ крайній лѣвый флангъ, гдѣ, конечно еще вдалекѣ, начинали появляться свѣжія турецкія войска. Какъ оказалось потомъ, то былъ авангардъ Шевкета-паши, шедшаго на выручку телишскаго гарнизона. Замѣчу мимоходомъ, что это тотъ самый Шевкетъ-паша, который былъ извѣстенъ своей жестокостію съ христіанами и про котораго, какъ у насъ шутя рассказывали, генераль Гурко говорилъ, что ежели онъ попадетса въ плѣнъ, то онъ его немедленно отдастъ подъ военно-полевой судъ для разстрѣлянія.

Два нашихъ эскадрона, и въ томъ числѣ и я, сейчасъ же повернули фронтъ на лѣво и тронулись впередъ шагомъ, выславъ цѣпь наѣздниковъ при трехъ офицерахъ. Сначала въ бинокль, а потомъ и простымъ глазомъ, можно было отчетливо разглядѣть кучки всадниковъ, собиравшихся у караулки на шоссе и оттуда, одной густой массой, поскакавшихъ на встрѣчу нашимъ наѣздникамъ. Наѣздники отстрѣливались, но очевидно не могли держаться противъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, которые неслись имъ на встрѣчу. Уже донесъ до насъ по вѣтру дикій вой и крики «Алла! Алла!» черкесовъ,

когда командиръ полка, вставши самъ передъ переднимъ эскадрономъ, подалъ сигналъ къ атакѣ. «Сабли вонь», пронеслось по фронту и эскадронъ, сначала рысью, а потомъ въ карьеръ, поскакалъ на встрѣчу черкесамъ. Переднія ряды турецкой кавалеріи не выдержали и повернули на скаку назадъ; задніе же стремительно неслись еще впередъ и этимъ произвели замѣшательство, въ моментъ котораго и налетѣли наши молодцы. Ударъ въ лики былъ такъ силенъ, что небольшія черкесскія лошадки были буквально спшиблены съ ногъ, а у многихъ нашихъ солдатиковъ тутъ же переломались древка пикъ. Съ крикомъ «ура» понеслись наши за отступающими черкесами, почти перемѣшавшись съ ними, и нанося страшные удары погнутыми саблями. Къ сожалѣнію, во время этого бѣшенаго преслѣдованія, мы наскочили на рассыпанную въ кустахъ турецкую пѣхоту, которая открыла убійственный огонь, при чемъ главнымъ образомъ былъ подставленъ подъ пули нашъ лѣвый флангъ. Сознавъ неминуемую опасность, командиръ полка подалъ сигналъ отступленія, что впрочемъ было очень трудно исполнить, такъ какъ разскакавшійся эскадронъ пришелъ въ нѣкоторый беспорядокъ и собрать ряды было дѣломъ нелегкимъ, тѣмъ болѣе подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Тутъ-то, при этомъ злосчастномъ отступленіи, и вырвало наиболѣе жертвъ изъ эскадрона, и въ томъ числѣ трехъ офицеровъ. Ёдешь рысью за фронтомъ, какъ полагается по уставу при отступленіи, и то и дѣло видишь, какъ солдатикъ клюнется на шею лошади и понемногу, не сразу, сползаетъ съ сѣдла. «Что ты, Ивановъ?»—а у Иванова ужъ глаза закатились и кровавая пѣна выступила у рта. При отступленіи стали присоединяться отставшіе и далеко разскакавшіеся люди, при чемъ нѣкоторые еще возились съ черкесами, но подавившимися имъ сразу.

Только что отошли немного отъ турецкаго огня, какъ пришло приказаніе идти скорѣе на шоссе для отрѣзанія пути, выбѣжавшей изъ Телиша, партіи Мустахъ-физе. Разсыпанная атака по гладкому кукурузному полю, усыпанному бѣжавшей пѣхотой, удалась вполне. Вся бѣжавшая партія была изрублена или захвачена въ плѣнъ, конечно тоже не безъ потерь съ нашей стороны. Между тѣмъ, грозное появленіе всего авангарда Шевкета-паши, и въ то же время наступающія сумерки заставили высшее начальство подождать къ намъ поближе одинъ батальонъ 3-й гвардейской дивизіи. Приближеніе ли этого батальона или нашъ рѣшительный натискъ—рѣшить не берусь, но дѣло въ томъ, что Шевкетъ заблагоразсудилъ отойти назадъ, и, оставивъ лишь небольшія черкесскія банды, отступилъ до Правецкихъ высотъ.

Подѣхавшее уже въ темнотѣ начальство громко благодарило наши эскадроны за молодецкую атаку и тутъ же велѣло идти на отдыхъ, оставивъ, впрочемъ, одинъ эскадронъ для сторожевой цѣпи. Офицеры этого эскадрона рассказывали потомъ, что всю ночь были слышны стоны валявшихся раненныхъ, и что имъ таки удалось подобрать почти всѣхъ своихъ, при чемъ убитые были на слѣдующее утро погребены съ должнымъ церемоніаломъ. Въ послѣдующіе дни вся наша дивизія была вновь собрана на бивуакъ при д. Магалетъ, откуда началась фуражирная служба.

Полкамъ велѣно было производить по всѣмъ направленіямъ американскіе рейды, которые, замѣчу мимоходомъ, на яву и во снѣ видѣлись вѣкоторымъ начальникамъ, и собирать сколь возможно всякаго провіанта и фуража для доставки подъ Плевну. Генераль-адъютантъ Гурко бывалъ даже недоволенъ, когда мы ловили и брали въ плѣнъ баша-бузукъ, почти вездѣ шныравшихъ: «Что съ ними дѣлать»,— говорилъ онъ, «только лишніе рты, а лучше бы воловъ приводили, да ячменю побольше доставали».

Назначенъ былъ высочайшій объѣздъ позицій подъ Плевной, и, въ награду полку, одинъ изъ эскадроновъ долженъ былъ конвоировать экипажъ государя. Остальнымъ же тремъ эскадронамъ выпало на долю какъ разъ въ то же время прескучный и тяжелый рейдъ по направленію къ Рахову, турецкому укрѣпленію, лежавшему неподалеку отъ Дуная на пути отъ Виддина къ Плевнѣ. Съ развѣдчикомъ болгаринномъ въ головѣ колонны, двинулись мы раннимъ утромъ изъ Магалета, переправились вбродъ черезъ р. Искеръ и къ самой поздней ночи лишь пришли (перемѣнными аллюрами) въ небольшую котловину по близости Рахова, гдѣ рѣшено было дожидаться разсвѣта. Посланные офицерскіе развѣзды прервали телеграфную линію между Раховымъ и Виддиномъ и донесли, что пока все спокойно. Признаюсь, рѣдко гдѣ потомъ бывало всѣмъ такъ не по себѣ, какъ въ этой трупобѣ, гдѣ надо было прождать всю ночь. Близость турокъ заставляла все время быть на чеку, даже не разсѣдывать намученныхъ лошадей, не курить, не спать и ждать съ минуты на минуту тревоги. Толпа болгаръ, съ разныхъ мѣстъ пробравшаяся къ намъ, еще болѣе увеличивала неприятное чувство своимъ смятеніемъ и страхомъ и рассказами о силѣ турокъ, бывшихъ въ окрестности.

— Братушка, говорили они, тука има десять сотъ черкесъ, десять сотъ баша-бузукъ и низамъ!

А насъ было всего 2½ эскадрона со штандартомъ, который еще болѣе стѣснялъ, такъ какъ надо его было всегда отдѣльно оберегать. Въ особенности чувствовали себя не въ духѣ два полковныя доктора

съ лазаретной линейкой, въ разговорахъ съ которыми я, между прочимъ, провелъ всю эту длинную, бессонную ночь.

— «Вамъ-то еще лучше», говорили медики, «ускакать можете, да и вооружены, ну а мы-то куда, если окружатъ насъ въ этой трущобѣ? На обовой ключѣ не далеко уѣдешь, а Красный Крестъ на рукѣ не спасетъ, еще больше раззадоритъ башни-бузуковъ».

Все это была правда, но помочь дѣлу было нельзя; приходилось ждать. Впрочемъ все обошлось благополучно, вопреки предсказаніямъ братушекъ, увѣрявшихъ, что въ эту ночь пойдетъ какъ разъ по тому мѣсту, гдѣ мы стояли, большой транспортъ изъ Виддина съ сильнымъ пѣхотнымъ прикрытіемъ.

Съ разсвѣтомъ мы пошли напрямки и не скрываясь къ Раховскимъ укрѣпленіямъ, которыя на безлѣсномъ пространствѣ видѣлись изда-лека и на которыхъ впрочемъ не видно было никакой тревоги по случаю нашего появленія. Впереди эскадроновъ шла цѣпь наѣздяковъ, подошедшая уже довольно близко къ Рахову. Подобное молчаніе со стороны турокъ заставило насъ приостановиться для обсужденія вопроса, что дѣлать. Офицеръ генеральнаго штаба, бывший съ нами, настаивалъ на необходимости немедленнаго штурма укрѣпленій, увѣряя, что они не заняты неприятелемъ. Офицеры возражали ему, показывая многочисленныя бѣлѣвшіе шатры и даже часовни на валу.

— А болгары что говорили? продолжали они. А блескъ орудіи вонъ тамъ на валу? Гдѣ же намъ одной кавалеріи, даже безъ конной артиллеріи, штурмовать долговременное, занятое пѣхотой, укрѣпленіе!

Командиръ полка колебался; слыша эти пренія, я, со своей стороны, разъяснялъ себѣ дѣло такъ. Турки отлично съ своихъ высотъ насъ видятъ, да пожалуй еще ночью, при разрывѣ телеграфа, уже разузнали, что имѣютъ передъ собой незначительный кавалерійскій отрядъ, нисколько для нихъ не опасный, а привлечь его поближе къ укрѣпленію, да потомъ окружить двумя тысячами своихъ всадниковъ, вещь очень для нихъ удобная и даже соблазнительная. Предположенія мои мало по малу стали сбываться. Посланные въ разные стороны боковые развѣды стали доносить, что видѣются густыя массы конницы, идущія намъ въ обходъ. Донесенія эти, въ связи съ возможной потерей штандарта, этого славнаго штандарта, уцѣлѣвшаго въ бояхъ—Бородинскомъ, Кульскомъ и прочихъ, заставили наконецъ командира полка отозвать цѣпь наѣздяковъ и начать отступленіе. На обратномъ пути только и было споровъ про нашу ничѣмъ не кончившуюся экспедицію. Генеральный штабъ, ко-

вечно, увѣрялъ, что насъ въ главной квартирѣ распекутъ, что въ Раховѣ нѣтъ и десятка защитниковъ, что надо было его взять, другіе же, къ которымъ присоединялся и я, говорили, что мы свое дѣло сдѣлали, телеграфъ порвали, свѣдѣнія собрали, а что дѣлать безъ толку тоже не приходится. Впослѣдствіи, катастрофа съ лейбъ-драгунами подъ Новачиномъ ясно доказала, къ чему ведетъ безцѣльная зарывчатость.

Вернувшись на бивуакъ въ Магалеть, мы уже застали тамъ бывшій въ конвоѣ эскадронъ, при чемъ, конечно, поспыпались восторженныя рассказы о милостивомъ обращеніи государя, цѣловавшаго всѣхъ офицеровъ и расспрашивавшаго всѣхъ чиновъ эскадрона о телишской атакѣ. Многіе нижніе чины получили кресты и всѣ мы были представлены къ наградамъ. Въ это время у меня произошла маленькая непріятность изъ-за моего деньщика, который, въ мое отсутствіе съ бивака, доставилъ въ полкъ неизвѣстно откуда двухъ отличныхъ воловъ. «Въ степу нашель», рассказывалъ онъ, и получилъ отъ завѣдующаго хозяйствомъ за это пять серебряныхъ рублей. На другой же день явился болгаринъ и объяснилъ, что волы эти принадлежатъ ему и уведены были со двора. Мнѣ пришлось кое-какъ выгораживать своего деньщика и удовлетворить болгарина деньгами, такъ какъ одинъ изъ воловъ уже былъ заколотъ для полка.

Пронизывающіе холода стали насъ сильно одолевать и начальство опять разставило полки по деревнямъ. Деревня Бренница, въ которой мы расположились, была только что оставлена черкесами, которые тамъ похозяйничали на славу и разогнали почти всѣхъ мирныхъ жителей.

Въ развѣздахъ нашихъ по окрестностямъ случалось наткнуться на румынскую кавалерію, рошіоровъ, весьма красиво выглядѣвшую, но на дѣлѣ ничего не стоящую. Стоило только послушать этихъ несносныхъ хвастуновъ, чтобы вообразить себѣ дѣйствительно ихъ блестящіе подвиги, передъ которыми должны померкнуть всѣ русскія побѣды. Если-бы не они, то Плевна бы сдѣлалась могилкой Россіи; вся Европа будто это знаетъ и понимаетъ, но что они великодушно уступаютъ русской арміи часть удачъ. Что-жъ! Не любо, не слушай, а вратъ не мѣшай! Такъ поступали и мы въ разговорахъ съ красивыми рошіорами.

Въ одинъ изъ небольшихъ рейдовъ солдатики наши захватили нѣсколько плѣнныхъ, и въ томъ числѣ деньщика одного венгерскаго офицера, который велъ въ Софію вьючныхъ лошадей и багажъ своего господина и попался неподалеко отъ Софійской дороги. Натурально, любопытство заставило насъ порыться въ этой

военной добычѣ, между которой нашли огромную корреспонденцію изъ Пешта, Лондона и Константинополя, которую мы немедленно представили по начальству. Отличная почтовая бумага, въ которой нѣкоторые изъ насъ нуждались, осталась при насъ, а равно и разныя эротическія фотографіи, которыя почему-то везлись на войну венгерскимъ капитаномъ. Много я смѣялся роясь въ этой дребедени и думая о превратностяхъ судьбы, кичувшей намъ въ руки, у подножія Балканъ, закулисныя произведенія вѣнскихъ фотографовъ.

Въ первыхъ числахъ ноября 1877 г. сдѣлалось извѣстно, что весь гвардейскій корпусъ, за исключеніемъ остающейся подъ Плевной 3-й дивизіи, направляется къ Софіи. Кампанія затягивалась и никто ужъ изъ насъ не придавалъ болѣе вѣры ходившимъ прежде слухамъ, что къ Рождеству уже будемъ въ Петербургѣ. Плевна все еще держалась, а насъ очевидно погонять еще далѣе Софіи. Съ радостью привѣтствовали мы свою нѣхоту, шедшую по шоссе, съ которой мы не видались съ самаго Горнаго Дубняка. «Съ нѣхотой-то все понадежнѣй», говорили въ рядахъ, и, идучи сбоку шоссе, рядомъ съ Павловскимъ полкомъ, пересмѣивались и пересыпали остротами.

До мѣстечка Радомирцы дорога шла отлогими мѣстами, частью заселенными, но конечно уже разворенными. Шоссе, постройка Митхада-наши, выстроено отлично, но, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безо всякаго ремонта, превратилось въ порядочную костоломку, отаивающуюся главнымъ образомъ на артиллеріи и обозѣ. Въ Радомирцахъ мы простояли всего ночь и къ утру, получивъ въ первый разъ за Дунаемъ почтовые послышки съ вещами, сильно намъ недостававшими, пошли далѣе, все приближаясь къ снѣжному впереди горному кряжу. То были, такъ сказать, преддверія Балканъ. Втянувшись въ нихъ, мы оказались въ довольно узкомъ и длинномъ ущельи, въ дѣлающемъ зимой никакого пріятнаго впечатлѣнія. Съ боковъ дороги стали попадаться свѣжо нарытыя магометанскія могилы, вѣроятно наскоро выкопанныя Шевкетомъ для умирающихъ отъ ранъ въ его отрядѣ. Но, странное дѣло, на одной изъ могилъ мы нашли очень толстую и длинную женскую косу, неизвѣстно зачѣмъ здѣсь возложенную. Впрочемъ дальнѣйшее движеніе намъ немного пояснило происхожденіе этой косы. Шагахъ въ полутораста отъ дороги, въ широко разошедшемся мѣстѣ ущелья, я замѣтилъ группу собакъ, равныхъ что-то лежащее на землѣ. Я отъѣхалъ въ сторону отъ эскадрона и, подскакавъ къ собакамъ, увидалъ полуодѣтое тѣло молодой болгарки, уже съ отъѣданными ногами и какимъ-то желѣзнымъ обломкомъ, воткнутымъ въ горло. Слѣдъ арьергарда Шевкета-паши ясно обрисовывался. Миѣ стало до-нельзя противно и я, вы-

нувъ револьверъ, выпустилъ всѣ шесть зарядовъ въ лакомыщикса собаку, но нестоявшая спокойно лошадь не дала мнѣ убить ни одной, а лишь удалось ихъ отогнать отъ трупa. Съ невеселымъ сердцемъ нагналъ я полкъ и рассказалъ товарищамъ, что видѣлъ. «То-ли еще будётъ», отвѣчали нѣкоторые, «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ», и слова ихъ сбылись. Впослѣдствіи довелось видѣть картины похуже этой, но отупѣвшіе нервы все болѣе и болѣе равнодушно относились ко всѣмъ ужасамъ войны съ полудикимъ народомъ-фанатикомъ.

Къ ночи добрались, послѣ довольно большого перехода, въ дер. Яблоницу, въ которой оставались нѣсколько дней. Здѣсь начался большой недостатокъ корма какъ себѣ, такъ и лошадямъ. Казеннаго, конечно, не было ничего, кромѣ ржавыхъ сухарей и отбитыхъ у турокъ бѣлыхъ галетъ, но и свое-то было достать очень трудно. Я получалъ ежемѣсячно на пару лошадей около двѣнадцати полуимперіаловъ фуражныхъ денегъ, но они полностью оставались въ кошелькѣ, такъ какъ если бы и хотѣть, то купить было фуража негдѣ. Деньщикъ мой, очень смѣлый и хитрый хохолъ, кое-какъ справлялся, ѣдя одинъ съ 2 лошадьми въ горы и тамъ гдѣ-то набирая ячменю и куръ. Надо полагать, что это ему доставалось даромъ, такъ какъ онъ всегда возвращался веселый, сытый и довольный. Какъ ему удавалось ускользать отъ всюду рыскавшихъ башки-бузукъ — я до сихъ поръ понять не могу; а у него даже однажды появился новенькій турецкій мундиръ офицерскаго сукна, неизвѣстно откуда приобретенный. «Война, такъ война, в. в-дѣе», флегматично отвѣчалъ онъ на всѣ мои разспросы.

Съ Яблоницы до Усиковицы и потомъ до Праведкихъ высотъ, мы оставались, по случаю крайне гористой мѣстности, все время въ резервѣ и медленно пододвигались вслѣдъ за быстро наступавшей пѣхотой. Въ Усиковицахъ гвардейскій корпусъ, съ придаточными армейскими частями, раздѣлился на три отряда, изъ коихъ каждый имѣлъ свое назначеніе. Отрядъ генерала Рауха долженъ былъ крутыми подъемами подняться на горы и обойти турецкія позиціи справа. Отрядъ принца Ольденбургскаго направился по теченію р. Искры, влѣво отъ Софійскаго шоссе, для взятія г. Этрополя, а главныя силы, подъ начальствомъ графа Шувалова, должны были наступать на Праведкія высоты съ фронта. Роль кавалеріи во всѣхъ этихъ движеніяхъ сводилась къ нулю и мы продолжали стоять бивуакомъ въ Усиковицахъ, не трогаясь никуда и только постоянно справляясь въ передовыхъ линіяхъ о ходѣ дѣла. Генераль Раухъ, по случаю немощныхъ крутостей, по которымъ приходилось отряду подниматься,

немного запоздалъ, что приводило въ смущеніе весь штабъ генерала Гурко и даже, кажется, его самого. По крайней мѣрѣ я помню отлично его суровое и мрачное лице, когда, въ ожиданіи первыхъ выстрѣловъ на высотахъ у Рауха, онъ сидѣлъ на межѣ въ Усиковскомъ полѣ и даже сердито оборвалъ бѣднаго братушку, принесшаго ему кринку молока. Нервы были слишкомъ натянуты, болгаринъ поплакался. Но вотъ грянули далеко въ горахъ орудійные залпы. Всѣ сняли шапки и перекрестились. Генералъ Гурко со святой и съ нами, свободными отъ службы офицерами, поскакалъ впередъ къ маленькой деревушкѣ, влѣво отъ которой была возвышенность, удобная для осмотра всѣхъ занятыхъ нашими и турецкими войсками позицій. Графъ Шуваловъ вскорѣ подѣхалъ къ командующему корпусомъ и, разъясняя ему положеніе дѣлъ, долго что-то докладывалъ.

Расположенная на уступѣ одной изъ высотъ, наша девяти-фунтовая батарея дѣйствовала очень удачно. Дѣйствіе ея шрапнелъ было поразительно. Внутренность, расположенныхъ на противоположныхъ скатахъ, турецкихъ редутовъ такъ и посыпалась нашими снарядами. Пыль подымалась тамъ послѣ каждаго выстрѣла и непріятель принужденъ былъ оставлять одно за другимъ укрѣпленіе. Въ это время на подковообразной высотѣ, лежавшей вправо отъ насъ, вдругъ затрещалъ сильный ружейный огонь и донеслось ура! Семеновцы, наконецъ, достигли турецкой позиціи и штыками выгнали непріятеля.

Я отправился назадъ къ своему полку для сообщенія командиру полка этого хорошаго вѣстія. Должно быть, мнѣ суждено было въ эти дни быть вѣстникомъ добрыхъ новостей, такъ какъ въ ту же ночь, будучи посланъ, по очереди, за приказаніями въ штабъ генерала Гурко, мнѣ довелось еще разъ обрадовать своихъ полковыхъ. Долго прождавъ диспозицію на завтрашній день, которую не весьма быстро отлитографировывали, я наконецъ удостоился получить одинъ изъ приготовленныхъ листовъ, и крупною рысью отправился восвояси, предварительно прочтя диспозицію. Въ ней говорилось о назначенной на завтра атакѣ города Этрополя и соответствующихъ этому передвиженіямъ разныхъ частей. Не успѣлъ я отъѣхать и половини пути до своего бивуака, какъ вдругъ услышалъ въ ночной тишинѣ бѣшенный карьеръ скачущаго мнѣ на встрѣчу всадника. «Этрополь взятъ!» крикнулъ мнѣ на ходу князь Г., везя это же вѣстіе въ штабъ корпуса.

Этрополь самъ по себѣ весьма ничтожный городишко, но мнѣ, въ ту восторженную минуту, взятіе его показалось дѣломъ крайне важнымъ, чуть не второй Плевной, и потому я, въ свою очередь, повеселъ маршъ-маршемъ въ полкъ и, разбудивъ дремавшаго командира бри-

гады, передалъ ему это извѣстіе вмѣстѣ съ стапшею ненужной диспозиціею.

На другой день съ утра нашъ командиръ отправился въ очищенное отъ непріятеля селеніе Правцы и при этомъ захватилъ меня съ собой. Съ нѣкоторымъ почтеніемъ проѣзжалъ я по Правецкому ущелью, оглядывая по сторонамъ громадныя утесы, на которыхъ чуть видѣлись брошенные турецкія укрѣпленія и трехъярусныя ложементы. Мнѣ казалось, что будь турки немного познергичѣе, никогда бы не удалось согнать ихъ съ этого орлиага гнѣзда, до того оно было неприступно и дико. Выѣхавъ на Орханійскую долину у с. Правцы, вдохнулось легче, глазъ обрадовался послѣ того долгаго стѣсненія, которое испытывалъ человекъ, окруженный почти отвѣсными громадами. Изъ Правцовъ, гдѣ остался мой командиръ, мнѣ пришлось, по его приказанію, проѣхать горной дорожкой въ Этрополь, гдѣ уже находилась главная квартира штаба корпуса и куда стала направляться большая часть всей пѣхоты. Оттуда предполагалось наступленіе на Шандорникъ и Арабъ-кенакъ, самыя высокія пункты Софійскихъ Балканъ, вновь сильно заняты турками. Подъѣзжая къ Этрополю, я наткнулся на слѣды вчерашняго дѣла, оставшіеся въ видѣ многочисленныхъ неприбранныхъ турецкихъ труповъ и обломковъ всякаго рода. Самъ городъ былъ не оставленъ жителями, и, быть можетъ, это обстоятельство показало его мнѣ въ очень красивомъ и привлекательномъ видѣ. Одно меня удивило, что по самымъ главнымъ улицамъ текли довольно широкіе и быстрые горныя потоки, черезъ которые приходилось перебираться вбродъ, причемъ вода достигала чуть не до живота лошади.

VI.

Изъ Этрополя я выѣхалъ уже въ сумерки, но много сократилъ себѣ дороги до Софійскаго шоссе, проѣхавъ по берегу р. Искры, очень живописно катящейся между горами. Въ послѣдующіе дни нашему полку пришлось перебраться въ Правцы, и оттуда въ составѣ небольшого отряда, подъ начальствомъ генерала Эллиса, производить ежедневныя демонстраціи противъ турокъ, занимавшихъ Врачешскія высоты.

Высоты эти, окаймляющія съ югозападной стороны Орханійскую долину, были сплошь усыпаны турецкими палатками, виднѣвшимися издалека. Самъ городъ Орханіа, лежащій посреди долины, былъ эти дни ни въ нашемъ, ни въ турецкомъ владѣніи. Черезъ крыши его летѣли и тѣ, и другіе снаряды, въ предметяхъ рыскали какъ

черкесы, такъ и наши гусары и уланы, а жители большею частью при первыхъ же выстрѣлахъ разбѣжались. «Вонъ какая армія дымается», говорили мнѣ солдаты, при видѣ идущихъ къ намъ густыхъ массъ болгарскаго населенія, въ сопровожденіи своего скота и всякаго скарба, навьюченнаго на коруццы (телеги). Въ теченіи трехъ дней къ ряду каждое утро отрядъ нашъ, въ составѣ бригады кавалеріи и л.-гв. Московскаго пѣхотнаго полка, съ артиллеріею, выходилъ изъ Правцовъ въ дер. Лажаны и здѣсь, выдвинувъ орудія, пытался производить усиленную рекогносцировку въ сторону турецкаго лагеря. Мы, между собой, шутя называли эти ежедневныя рекогносцировки утренними визитами. Турки, видя съ высотъ незначительность нашего отряда, преспокойно относились къ этимъ *visites matinales*, еле-еле отвѣчали на нашъ артиллерійскій огонь и только, видя черезъ чуръ близкое приближеніе нашихъ развѣдочъ, высылали черкесовъ для перестрѣлки съ этими послѣдними.

Командующій кавалерійскою бригадою, генералъ-маіоръ Николай Павловичъ Эттеръ, любилъ выѣзжать очень далеко впередъ, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ офицеровъ, для удобнаго разсмотрѣнія непріятельской позиціи. Но если онъ самъ считалъ это весьма удобнымъ, то намъ иногда отъ этого приходилось крайне жутко. Разъ, помнится мнѣ, отвѣхалъ онъ отъ нашей линіи версты на 1½ и, остановившись на небольшомъ бугрѣ, слѣвъ съ лошади и ставъ производить свои обычныя наблюденія. Съ генераломъ было насъ только двое, да еще трубачъ. Черкесы, увидавъ группу людей, одиноко стоявшихъ въ долині, пустились враспынную изъ своего лагеря и, поминутно пуская по насъ выстрѣлы, старались окружить. Генералъ какъ будто не замѣчалъ этого движенія, что приводило насъ въ полное смущеніе, и только, когда черкесскія пули стали глухо ударяться въ землю около самыхъ нашихъ ногъ, взвивая облачка пыли, онъ, не отнимая бинокля отъ глазъ, проговорилъ по французски:

— Je crois que c'est sur nous qu'on tire.

«Насъ обскакиваютъ, в. пр—ство, почти умоляющимъ голосомъ замѣтилъ я, не подозвать ли нашихъ изъ Лажанъ?»

«Да, съѣздите за эскадрономъ, отвѣчалъ спокойно генералъ, чтобы онъ прогналъ этихъ мерзавцевъ». Я не заставлялъ себя повторить этого приказанія и однимъ адъютантскимъ прыжкомъ былъ уже на конѣ. Оставалось лишь быстро выбрать направленіе, чтобы, на скаку, черкесы не могли мнѣ перерѣзать дороги, и скорѣе домчаться до своихъ, такъ какъ положеніе генерала становилось критическимъ. Вѣдь попасться живьемъ черкесамъ, это не то, что быть окруженнымъ какими нибудь пруссаками или австрійцами. Здѣсь пахло вырваньемъ кожи и, Богъ знаетъ, какими изувѣрствами.

Съ замираніемъ сердца понесся я по долині, не спуская глазъ съ замѣтившихъ меня черкесовъ. На лошадь свою я надѣялся вполне, такъ какъ въ этотъ день былъ на своемъ хотя старомъ, но кровномъ скакунѣ, котораго нагнать черкесскимъ лошадеикамъ было не легко; но бѣда была въ томъ, что у него иногда случались просто припадки упрямства и, какъ птица перелетая черезъ серьезныя препятствія, онъ вдругъ иногда останавливался передъ пустычною канавкой съ водой, и тогда съ нимъ бывало не мало возни. Чего я опасался, то и случилось. Топкое, болотистое мѣсто перелетѣлъ онъ истиннымъ героемъ, но передъ небольшою водой, оканчивающею болото, вдругъ круто закинулся и злбно уперся. Признаюсь, я считъ себя пропавшимъ, видя быстрое приближеніе нѣсколькихъ черкесовъ и предвкушая уже тѣ муки, какія на меня бы обрушились. Я попыталъ послѣднее средство. Живо соскочилъ на земь, и въ поводу старался перевести своего скакуна черезъ воду. Къ счастью это мнѣ удалось, и, шагахъ въ сорока отъ несущихся хищниковъ, я успѣлъ попасть въ сѣдло и вновь дать полный ходъ. На встрѣчу мнѣ уже шла усиленными аллюрами наша цѣпь наѣздниковъ, замѣтившая положеніе генерала Эттера и поспѣвшая во-время его выручить изъ бѣды. Зарвавшись преслѣдованіемъ черкесовъ, гусары отдѣльными кучками ворвались въ предмѣстья города Орханіе и двое изъ нихъ жестоко поплатились за это. Принявъ въ одномъ переулкѣ турецкихъ черкесовъ за нашихъ кавказскихъ казаковъ, бывшихъ при отрядѣ, они съѣхались довольно близко, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые черкесы совершенно чисто говорили по руски и этимъ, конечно, еще болѣе ввели въ обманъ гусаръ. Грянулъ залпъ изъ черкесскихъ магазинковъ, и тогда только наши увидѣли свою ошибку. Одинъ, тяжело раненный, упалъ на земь, а у другого свалилась лошадь и оба достались въ руки турецкимъ кавалеристамъ. Замѣчательно, что лошадь упавшаго гусара ни за что не далась черкесамъ въ руки, а, поднявъ хвостъ трубой, помчалась къ своимъ. Одинъ изъ попавшихъ въ плѣнъ былъ тутъ же зарѣзанъ и раздѣтъ до гола, а другой спасенъ благодаря красному долману подъ шинелью, чего ради черкесы хотѣли представить его живымъ по начальству. Человѣкъ этотъ впоследствии, уже подъ Константинополемъ, былъ возвращенъ изъ плѣна и рассказывалъ свои похождения у турокъ въ плѣну, какъ его водили на веревочкѣ, сначала по улицамъ Софіи, а потомъ Адрианополя, на показъ толпѣ, и какъ населеніе съ нимъ ожесточенно обращалось. Впрочемъ это въ порядкѣ вещей. Турецкихъ плѣнныхъ у насъ въ Россіи кормили, одѣвали, и чуть не забрасывали букетами, а нашихъ отдавали въ Турцію на поруганіе и посмѣяніе черни.

Каждую ночь приходилось выставлять сгущенную сторожевую цѣпь, которой приходилось очень чутко прислушиваться къ происходившему впереди нея, такъ какъ черкесы не переставали насъ тревожить, подирадывалась при этомъ съ истинно восточной ласкостью. Кавалерія эта для развѣдочной и развѣдной службы дѣйствительно незаменима. Природные кавалеристы, зоркіе, чуткіе, смѣлы въ то же время являлись и отличными стрѣлками. Жертвой ихъ мѣткости палъ въ эти дни полковой адъютантъ л.-гв. гусарскаго полка, графъ Бобринскій, получившій рану въ колѣно, отъ которой вскорѣ и скончался.

Въ ночь на 17-е ноября мы стояли по обыкновенію на аванпостахъ въ Лажанахъ, не теряя изъ виду многочисленныхъ огоньковъ, мелькавшихъ въ турецкомъ лагерѣ и наблюдая тоже за городомъ Орханіэ, въ которомъ въ эту ночь вспыхнулъ пожаръ, и откуда явственно доносились дикіе вопли и крики расходившихся черкесовъ. Каково же было наше удивленіе, когда на другое утро въ приходѣ всего отряда и по открытію огня, у турокъ не стало и мѣтко никакого движенія, точно весь лагерь вымеръ. Генералъ Эллисъ послалъ нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ убѣдиться въ отступленіи непріятеля, каковое вполне подтвердилось. Посланные офицеры вернулись съ донесеніемъ, что оба Врачешскіе лагеря пусты, хотя палатки оставлены, и даже кое-гдѣ догораютъ нечистые костры. Отрядъ немедленно двинулся черезъ г. Орханіэ и далѣе, для занятія брошенныхъ турецкихъ позицій. вмѣстѣ съ отрядомъ шла масса Орханійскихъ болгаръ, радовавшихся возможности вновь занять свои немного пострадавшіе дома. Наши эскадроны, пройдя цѣпью сквозь городъ, были разосланы по всѣмъ ущельямъ, выходящимъ въ долину у Врачешскихъ высотъ; а л.-гв. Московскій полкъ съ артиллеріею и со своимъ доблестнымъ командиромъ полковникомъ Гринпепберггомъ направился къ Лютикову, лагерь при которомъ турками покинутъ не былъ. Само селеніе Врачеша, длиннымъ концомъ вытягивающееся въ одно изъ ущелій Балканъ, было, такъ сказать, центромъ кавалерійскихъ развѣдочныхъ, расходившихся лучами въ разные стороны.

Въ селеніи, на небольшомъ перекресткѣ улицъ, находился тамъ командиръ бригады, при которомъ состоялъ на этотъ разъ и я. Нахлынувшіе со всѣхъ концовъ братушки облѣпили генерала и вопили о помощи противъ черкесовъ, какъ оказалось, еще не ушедшихъ изъ селенія и распоряжавшихся тамъ по своему. Не дожидаясь этого, я, въ числѣ прочихъ, слѣзъ съ лошади и отправился осматривать огромные склады, брошенные турками при ихъ послѣднемъ отступленіи. Запасы галетъ, ячменя, солдатскихъ ба-

тннокъ, одѣяль и проч. вещей, по преимуществу англійскаго производства, еще съ свѣжими клеймами, приводили насъ въ изумленіе своимъ избыткомъ. Все это брошено, какъ видно, подъ вліяніемъ паническаго слуха отъ раздавшихся подъ Шандоринкомъ выстрѣловъ, которые, конечно, могли навести турокъ на мысль, что они обойдены и будутъ отрѣзаны отъ Софіи.

Громкій голосъ звавшаго меня генерала Эттера оторвалъ меня отъ интересныхъ разсматриваній. «Надо очистить деревню», сказалъ генералъ, «смотрите, что тамъ на концѣ дѣлается». Дѣйствительно, нѣсколько болгаръ, рыдая и вопя, несли къ намъ заколотыхъ женщинъ, нѣкоторыхъ еще съ признаками жизни. Рядомъ съ женщинами на носилкахъ лежали и зарѣзанные младенцы съ живыми ранами и въ предсмертныхъ судорогахъ обвинившіе свою матери. Несшіе тѣла мужчины стонали, громко вскрикивали, и со страхомъ указывали на конецъ деревни, гдѣ еще раздавались крики ужаса и смерти. Къ сожалѣнію, подъ рукой не было ни одного эскадрона и мнѣ пришлось карьеромъ догонять, ушедшій вправо къ Лютикову, Московскій полкъ, чтобы вернуть хотя одну роту. Можно себя легко представить, что я не замѣшкался въ пути и что черезъ четверть часа цѣлая рота съ берданками на перевѣсъ бѣглымъ шагомъ направлялась за мной къ с. Врачешти. Ротный командиръ живо рассыпалъ стрѣлковъ, и нѣсколькими удачными выстрѣлами разогналъ хованничавшихъ черкесовъ.

Начинало темнѣть. Генералъ Эллисъ, не знаяшій о томъ, что Лютиковскій лагерь не покинутъ турками и полагавшій поэтому, что неприятель ушелъ по всей позиціи, прислалъ генералу Эттеру записку съ формальнымъ приказаніемъ душиить отступившихъ турокъ по пятамъ. Въ виду этого недоразумѣнія, генералъ Эттеръ послалъ меня къ начальнику отряда съ запросомъ: что дѣлать, въ виду наступавшей ночи. Измученная лошадь насилу дотащила меня до Орханіа, гдѣ я думалъ найти генерала Эллиса, но тамъ его не было. Пришлось ѣхать далѣе. По дорогѣ я наткнулся на толпу болгаръ, расправляющихся съ двумя, по одеждѣ, тоже болгарами, которые, какъ оказалось, были турецкіе шпіоны, и одинъ изъ нихъ къ тому же портной, спившій мундиръ самому Шевкету-пашѣ. Не имѣя времени смотрѣть на болгарскую расправу, я тронулся далѣе по Софійскому шоссе, и тутъ опять наѣхалъ на характерную сценку. Молодой солдатикъ-гусаръ велъ на веревкѣ передъ собой плѣннаго турку, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня (ему за строеніемъ не было видно мое приближеніе) вдругъ нацѣлился въ затылокъ плѣнному изъ карабина и, конечно, положилъ несчастнаго на мѣстѣ. Въ это время я выѣхалъ изъ-за угла строенія. «Ваше высокобла-

городіе, перепуганнымъ голосомъ заговорилъ гусарь, а его убилъ! — «Вижу, братецъ, отвѣчалъ я, да зачѣмъ же ты это сдѣлалъ? — «Да просто замучился съ нимъ, ваше высокоблагородіе, дали его вести, а куда не знаю, отъ эскадрона отбился, дороги темныя, хотѣ пропадай изъ-за него проклятаго! Простите, ваше высокоблагородіе!!» Я только пожалъ плечами и отвѣчалъ. Вѣдь мертваго къ живани не вернешь, а сантиментальничать на войнѣ тоже не приходится. Гдѣ гдѣсь рубятъ, тамъ и щенки летятъ.

Насилу розыскалъ, ужъ въ полной темнотѣ, мѣстопробываніе начальника отряда, который находился въ Правцахъ, довольно далеко отъ Врачешъ. Генералъ сначала выразилъ сильное неудовольствіе на то, что преслѣдованіе турокъ велось не столь оживленно, какъ онъ предполагалъ, но когда я ему объяснилъ, что часть турокъ и не думала отступать, а, напротивъ, весьма крѣпко продолжаетъ оставаться на своей позиціи подъ Лютиковымъ, то генералъ совершенно перемѣнилъ тонъ. «Да что еще тамъ за канонада?» спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ. «Это, ваше превосходительство, вѣроятно полковникъ Гриппенбергъ атакуетъ Лютиково», отвѣчалъ я. Генералъ вскочилъ съ мѣста. «Ахъ, Боже мой, да вѣдь Гриппенбергъ дѣйствительно способенъ ночью полѣзть на штурмъ укрѣпленія, а у насъ резерва никакого нѣтъ, и все Софійское шоссе открыто». Тутъ же продиктовавъ наскоро офицеру генеральнаго штаба приказаніе генералу Эттеру и полковнику Гриппенбергу немедленно отойти назадъ, къ г. Орханію, онъ велѣлъ мнѣ карьеромъ взять эту записку для передачи по принадлежности. Легко это было велѣть, но не такъ-то легко исполнить на лошади, съ разсвѣта не размундштученной и цѣлый день не ѣвшей и не пившей.

Кое-какъ, въ страшный дождь со снѣгомъ, и буквально не различая дороги, поплелся я обратно къ генералу Эттеру и передалъ записку начальника отряда.

Въ это время наши лихіе разъѣзды совершали чудеса храбрости въ горахъ, куда ихъ разослали. Одинъ изъ нихъ, подъ командой лихого корнета, быстро проскакалъ по Арабконакскому дефіле и, встрѣтивъ на пути своемъ нѣсколько серьезныхъ препятствій, ни мало ими не смутился, а преодолѣлъ ихъ съ свойственной русскимъ корнетамъ молодцоватостью. Отчаянные фанатики-турки, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человекъ, рѣшили засѣсть въ небольшихъ шоссеиныхъ караулахъ и своими мѣткими выстрѣлами изъ продланыхъ бойницъ задерживать наше наступленіе.

Корнетъ съ небольшимъ разъѣздомъ въ карьеръ подскакалъ, несмотря на огонь, къ самой караулкѣ, выломалъ двери и съ саблями на-голо бросился на ошеломленныхъ такимъ натискомъ турокъ, ко-

торые вскорѣ съ перерубленными черенками были выкинуты на шоссе. Другой развѣздъ съ другимъ корнетомъ сдѣлалъ то же въ другой каравулѣ, чѣмъ и было очищено главное ущелье для предполагаемаго на другой день нашего наступленія.

Не безъ предосторожностей втянулись мы на слѣдующее утро длинной походной колонной въ одиннадцати-верстное, крайне узкое ущелье, съ боковыхъ высотъ котораго могли ежеминутно дожидать турецкаго сюрприза. Во множествѣ лежавшіе по шоссе патроны, рассыпанные испуганными турками наканунѣ, то и дѣло лопались подъ копытами лошадей и пронаводили этимъ суету и тревогу. Посреди дефиле, тамъ, гдѣ, вслѣдствіе изгиба горнаго потока, оно немного расширяется, приказано было остановиться и встать бивуакомъ. Не могу сказать, чтобы мѣсто было особенно удобное, какъ въ ховяйственномъ, такъ и въ тактическомъ отношеніи. Приходилось лежать на довольно острыхъ камняхъ, какіе всегда биваютъ около горныхъ потоковъ, и, главное, забнуть отъ страшнаго вѣтра, который дулъ съ немовѣрной силой въ этомъ естественномъ корридорѣ и препятствовалъ даже разведенію бивачныхъ костровъ. Ночь прошла довольно спокойно, если не считать страшнаго гула орудійныхъ залповъ, въ сторону Шандорника, на подобіе грома, раскатывавшагося по горамъ. Съ разсвѣтомъ, генералъ Эллисъ, оставивъ противъ Лютикова л.-гв. Финскій стрѣлковій батальонъ, рѣшилъ наступать далѣе къ Арабковакскому перевалу, выслать впередъ для рекогносцировки дивизионъ кавалеріи съ ротой пѣхоты и четырьмя конными орудіями. Л.-гв. Московскій полкъ былъ поднятъ на боковыя высоты правѣе и лѣвѣе шоссе, куда успѣли втащить на ямкахъ и нѣсколько пѣшихъ орудій. Производя рекогносцировку, мы дошли до поворота шоссе, за каковымъ уже начинались турецкіе, выкопанные въ нѣсколько ярусовъ, ложементы, которые встрѣтили нашъ головной развѣздъ ожесточеннымъ ружейнымъ огнемъ. Развѣздъ, потерявъ нѣсколькихъ раненыхъ лошадей, отошелъ назадъ и донесъ о невозможности двигаться далѣе. Мы остановились въ нерѣшительности. Съ одной стороны приказаніе идти впередъ хотя бы до Софіи, а съ другой стороны явная невозможность тронуться безъ неминуемаго разстрѣла всего отряда, къ тому же безъ всякой пользы. Прямо передъ нами, вслѣдствіе крутого изгиба ущелья, возвышалась огромная гора, до половины закрытая туманомъ, что препятствовало туркамъ насъ разглядѣть и, разглядѣвши, безпощадно громить вдоль всего дефиле своими дальнобойными орудіями.

На это-то обстоятельство и указалъ артиллерійскій полковникъ Z**, когда начальствующій всей рекогносцировкой предложилъ ему пустить нѣсколько гранатъ на впереди лежавшую высоту. Надо было,

испросивъ разрѣшеніе генерала Эллиса, вернуться обратно. Въ вечеру мы уже были опять на вчерашнемъ бивуакѣ. Съ утра, согласно предсказанію полковника Гриппенберга, наканунѣ еще видѣннаго подошедшія къ туркамъ подкрѣпленія, началось бѣшеное наступленіе напоенныхъ до-пьяна турецкихъ войскъ. Не бывъ прямымъ очевидцемъ этой отчаянной обороны москвитцевъ противъ адесатеро сильнѣйшаго врага, я умолчу о подробностяхъ, которыя впрочемъ уже сдѣлались общенавѣстными. Туркамъ удалось уже заклепать нѣкоторыя наши орудія, и исходъ боя висѣлъ на волоскѣ, когда храбрый Гриппенбергъ самъ лично, съ саблей въ рукѣ, окруженный лишь кучками кое-гдѣ собранныхъ солдатъ, бросился отнимать наши орудія и блистательно это выполнилъ.

Потери въ Московскомъ полку были большія, но за то всѣ три атаки турокъ съ успѣхомъ отбиты. Генераль-адъютантъ Гурко, получивъ о семъ доведеніе, немедленно двинулъ изъ Этрополя пѣхотныя подкрѣпленія, а насъ, т. е. кавалерію, не могущую привести никакой пользы на крутыхъ горахъ, приказалъ отвести назадъ въ Орханію, въ резервъ.

Въ этомъ городѣ мы простояли довольно долго, почти до паденія Плевны, изо дня въ день отправляя лишь эскадроны на аванпосты къ Люткиову и въ горы, въ сторону Чуріакскаго ущелья. Наступило, наконецъ, 28-е ноября—день паденія Плевны—съ его давно ожидаемымъ событіемъ, которое придадо сейчасъ же другой оборотъ всей кампаніи. Не могу не разказать того впечатлѣнія, которое оно произвело на насъ, стоявшихъ почти въ Балканахъ, въ снѣгу и металяхъ, и ждавшихъ, чего добраго, прорыва Османа-паши, что поставило бы насъ между двухъ огней.

Еще въ ночь на 28-ое число пришла депеша изъ-подъ Плевны, что Османъ-паша собирается выходить, и что поэтому намъ слѣдуетъ на всякій случай приготовиться. Нѣкоторые восторженныя начальники уже собирались тутъ же ночью идти ему на встрѣчу, но благоразуміе одержало верхъ и мы стали дожидаться дальнѣйшихъ извѣстій. Послѣ полудня пришла депеша о безусловной сдачѣ арміи Османа, и громкое восторженное ура покатилося по всѣмъ бивуакамъ, перешло на горы, на аванпостныя линіи, и своимъ яростнымъ рескатомъ поселило смущеніе въ стоявшихъ передъ нами турецкихъ войскахъ Шакира-паши. На этомъ радостномъ для всей арміи, для всей Россіи, событіи закончу пока свои записки.

В. О.

РУКОПИСИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЬЕВИЧА ПУШКИНА,

хранящихся въ Руминцовскомъ музеѣ въ Москвѣ ¹⁾.

XI.

№ 2974. Альбомъ въ небольшой листъ, вырванный изъ переплета безъ конца. На бумагѣ водяной знакъ—1824 годъ.—Много листовъ; заномеровано черными цифрами—30 листовъ, красными—31; на самомъ дѣлѣ всѣхъ писанныхъ листовъ 32: остался безъ номера оборванный листъ между 30 и 31.—Беру красныя цифры.

1. Представляетъ остатокъ отъ оклейки переплета; черной цифрой не заномеровано; 1.—розовая бумага, неписанная страница; 1—нѣсколько строчекъ изъ сказки о золотомъ пѣтушкѣ—III, 333, см. ниже л. 20.—Рисунки: два орла; кустъ.—Далѣе вырвано.

2. [Черная цифра—1]. Карандашъ.

ΤΗΣ ΟΜΗΡΟΥ ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ, Омирова Одиссея.

Ραφὸδία, γράμμα.

Далѣе идутъ первыя шесть строчекъ Одиссеи по гречески съ буквальнымъ переводомъ надъ строками.—Рисунокъ чернилами: тарантасъ тройкой въѣзжаетъ по горѣ въ деревню.

2.—3. Карандашъ.

Французскихъ рюмачей судовый судья..

—III. 465. Конецъ:

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 413—436; мартъ, 647—662; томъ XLII, апрѣль, стр. 87—110; май, 323—364; июнь, стр. 633—672, томъ XLIII, июль, стр. 1—54; августъ, стр. 113—330.

Постояте! Напередъ узнайте, чѣмъ душа
 У васъ исполнена—прямымъ-ли вдохновеньемъ
 Иль необузданнымъ однимъ похолодненьемъ,
 И чешется у васъ рука по пустякамъ,
 Иль вамъ не вѣрять въ долгъ и деньги нужны вамъ.

3. Карандашные наброски къ «Родословной моего героя»:

Но о прошедшемъ очень мало

—III. 456.—Затѣмъ изъ VIII строфы, III. 356; далѣе—[IX строфа]:

Допросомъ Музу безпокоя,
 Тутъ вѣрно скажетъ критикъ мой,
 Буда завиднаго героя
 Избрали вы, (ужъ вотъ) герой!

Рисунокъ: невѣста.

4. Карандашъ.

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва

—IV. 487. Черновая; варианты, кромѣ напечатанныхъ.

4. Карандашъ, сверху стершаяся строчка, затѣмъ: Ваширинъ...—
 IV. 485.

5. [Желтый листъ]. Карандашъ: Шванвичъ—IV. 485.

5.—Неписанная страница.—Далѣе вырвано.

6.. Неписанная страница.

6. Карандашъ, чернила. Не лучше-ль вамъ...—III, 466.—Съ боку
 конецъ «Мицкевича» см. 7.—рисунки: лица.

7. Мицкевичу—III. 392 и 466. Черновая съ вариантами, сообщен-
 ными на стр. 466. Добавлю еще:

соединятся.

Онъ не любилъ крикливой клеветы
 Чуждался онъ..... вольнодумства...
 Мы жадно и пр.

Стихотвореніе не уписалось у Пушкина на 7, и онъ кончилъ его на 6, причѣмъ сначала написалъ съ даннаго мѣста до конца страницы, потомъ поднялся опять выше и дописалъ конецъ піесы; такимъ образомъ, если читать все подрядъ, сверху, то конецъ окажется раньше середины: г. Бартепевъ такъ и напечаталъ, не разобравъ въ чемъ дѣло [см. у него стр. 170]; надо добавить, что г. Бартепевъ сообщилъ изъ этой черновой только шесть стиховъ.

7.—15. Исчерканныя черновыя Мѣднаго Всадника и Родословной моего героя вмѣстѣ. На 7, сверху помѣта: 6 окт.—Варианты и отличія

почти всё уже извлечены и напечатаны г. Анненковымъ и г. Барте-
новымъ; въ отрывкѣ, гдѣ чтеніе ихъ разошлось, правъ, какъ и надо
было думать, г. Анненковъ [10].

Ламартинъ

(Я слышалъ) также дворянинъ,
Юго не знаю...

—Ш. 456.—Рисунки: 7,—лица, кусты; 11,—кусть; 12,—нога въ
сапогѣ со шпорою; 13,—лицо.

На 15, кромѣ описанія невскаго наводненія, находимъ еще исчер-
канную черновую, нѣсколько строкъ о духѣ, принявшемъ образъ монаха.
15, и 16.

Свять Иванъ, какъ пить мы ставемъ

—Ш. 345;

А вуды разумны шутки...

Рисунокъ: бородатый мужикъ за столомъ, передъ нимъ штофъ и стаканъ.

16. Опять о наводненіи—Ш. 362 и 363. Тутъ-же одна подъ одной
буквы въ такомъ порядкѣ: Ю, Ф, Год., Год., Раз., Ш., М, А, О, Ч, П.

17. Описаніе петербургской ночи—Ш. 358.

17.—Неписанная страница. Затѣмъ темнокрасный неписанный листъ
и еще бѣлый не писанный.

18.—Неписанная страница.

18. и 19.—Везувій зѣвъ открылъ—два исчерканные червяка [см.
февраль, 422] приблизительно, какъ напечатано—Ш. 470.—На 19;
рисунки: фигуры и капитель.

19.—Неписанная страница.

20. Расчеты изданія.

Русл[анъ и Людмила]	150 страницъ
Кавказ. Пгѣн.	60
Братья Разбойники	16 [sic]
Бахчисар. фонтанъ	60
Цыганы .	60
Гр. Нулинъ	60
Полтава	150
	<hr/>
	550 [sic]

2-й Онѣгинъ	}	Царь Салтанъ
3-й Доминъ въ Коломнѣ		О мертвой цар.
Анджело		О золот. пѣт.
4-й Борисъ Год.	}	Балда

Мелкія стихотв.

1)

11)

Повѣсти 2

Пугачевъ 2

Романъ.

20.—23.—Черновыя изъ сказки о золотомъ пѣтушкѣ—III. 334—339.

23.—Неписанная страница.

24. Русск. Дв. что нынѣ значить? Какими способами дѣлаются дв.? Что изъ этого слѣдуетъ?—NB [Былое] презрѣнія къ сему званію.—Дворянинъ помѣщикъ.—Его вліяніе и важность; рекрутство; права.—Дв. въ службѣ. Двор. въ деревнѣ.—Происхожденіе дворянства. Двор. при дворѣ.

24.—Неписанная страница. — Дальше все съ обратной сторож, верхомъ внизъ; поэтому начинаю съ послѣдняго листа.

31. Карандашомъ переводъ съ англійскаго.

Изъ Wordsworth.

Лѣтнее утро. Авторъ доходить до развалившейся хижины и т. д.

31. Конецъ предыдущаго отрывка. Затѣмъ карандашомъ-же:

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой,
(Свѣтитъ мѣсяцъ), тройка мчится
По дорогѣ столбовой.

* * *

Пой въ часы дорожной скуки,
На дорогѣ столбовой
Сладки мнѣ родные звуки
[Звонкой] пѣсни удалой.

* * *

Пой, ямщикъ, я (молча), жадно
Буду слушать гласъ твой...
Мѣсяцъ [блѣдный] свѣтитъ хладно
Грустенъ вѣтра дальній вой.

* * *

Знаешь пѣсню ты—лучина...

Туть-же поперекъ, чернилами, наброски изъ Анджео—III. 372. Затѣмъ незадуманннй оборванннй листь; назовемъ его 30а.

30^а, [почти все обрѣзано]. Карандашъ, нѣсколько черновыхъ стрѣлъ изъ Анджело.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи святой

—III, 371.

30^а.—Неписанная страница.

Листы 31 и 30^а—оторваны.

30. Чернилами. Опять черновая изъ Анджело—III. 375—IX.

30.—29. То же—XII.—III. 376. 29.—неписанная страница.

28.—26. «Барклай де-Толи»—III. 398 и 468. Послѣ стиха:

Жрецы минутнаго, поклонники успѣха...

—помѣта: 7 апрѣля 1835. Свѣтлое Воскресеніе. [Замѣтки о погодѣ нѣтъ].

25. Заключительныя строки той-же пѣсмы:

Какъ часто мимо васъ...

и т. д. III. 400.

25.—Бѣлая.

XII.

№ 2375. Небольшая тетрадка, составленная изъ листовъ разнаго формата, шитая и склеенная; Пушкинъ писалъ на отдѣльныхъ листочкахъ, которые теперь вложены одинъ въ другой, шиты, и концы нитокъ припечатаны; такимъ образомъ при чтеніи надо обращаться отъ перваго листа къ послѣднему и т. д. [ср. въ предисловіи,—февраль, стр. 414]. Мы встрѣчаемъ тутъ три нумераціи листовъ, изъ нихъ двѣ—черными чернилами и карандашомъ очень перебиты и неудобны; нумерація красными чернилами идетъ подрядъ съ начала до конца,—ею мы и будемъ пользоваться. — Красными цифрами занумерованы 51 листъ, но изъ этого числа надо вычесть: 11-й листъ, на которомъ не рукою Пушкина написано только заглавіе—Галубъ, [вѣроятно, это помѣтка опекуновъ, да и самый этотъ листъ, представляющій обертку Галуба, также какъ и 22-й—вставлены, должно быть опекунами]; на 22-мъ опять не рукою Пушкина заглавіе: Езерскій; листы 30, 40, 42 и 51 неписанные. Такимъ образомъ въ этой тетрадкѣ—всѣхъ листовъ 45; но кромѣ того въ нее вложены еще: 1) листъ сѣрой бумаги [полулистъ] съ красною цифрою 60, и 2)—сборванный листъ бѣлой бумаги съ красною цифрою—32;—оба эти листа принадлежали къ двумъ [или м. б. къ одной]

утраченными тетрадами Пушкина; о содержаніи этихъ листовъ будетъ сказано въ концѣ описанія данной тетради.—Всего, значить, въ этой тетради—49 листовъ.

1. Только заглавіе [рукой Пушкина]:

Мѣдный Всадникъ.
1833.

1. Неписанная страница.

2. Опять то-же заглавіе:

Мѣдный Всадникъ.
(Петербургская повѣсть ¹⁾).

3. Неписанная страница.

3.—10, и 43,—50, [листы слѣдуетъ читать въ такомъ порядкѣ—3, 49, 50, 4, 48, 5, 49 и т. д.]. Вся поэма Мѣдный Всадникъ, чisto переписанная, но потомъ со многими помарками и поправками. Главнѣйшіе варианты и дополненія къ печатному тексту сообщены г. Бартевевымъ [стр. 187; III, 457—464]; мелкихъ вариантовъ не привожу.— Въ концѣ вступленія [50,] помѣта: 29 окт.; въ концѣ поэмы [10,] помѣта: 31 окт. 1833. Болдино. 5 ч. 5.—Ссылки въ поэмѣ сдѣланы, но самыхъ примѣчаній нѣтъ.—Черновыя Мѣднаго Всадника см. № 2372, л. 54.

12,—15, и 37,—40, «Галубъ» [38,—неписанная; страницы надо читать въ такомъ порядкѣ: 12, 13, 39, 40, 15, 14, 15, 37, 38.]. Такъ какъ эта пѣса была напечатана по смерти Пушкина и, вѣроятно, по этой рукописи, то я приведу всѣ поправки къ печатному тексту. Рукопись чистовая, съ помарками и поправками; мелкихъ черновыхъ вариантовъ не привожу.—II. 254—262.—См.

Стр. 254.

Вблизи развалинъ Ташартуба.

Стр. 255.

Старикъ сѣдой и отрокъ стройный

.
И въ скорбному старикъ отцу

Стр. 256.

И послѣ честию провожать

.
Ему жъ, отецъ печальный мнить,

Подъ стихомъ:

Могучимъ мстителемъ обидь—поставлена *, для отдѣленія слѣдующаго.

¹⁾ Скобки Пушкина.

Стр. 257.

Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
 Лукавый умъ и сила рукъ!
 Иль обманулъ меня старикъ.

Послѣ этого опять *; такое же отдѣленіе на 258 стр. — * подъ стихомъ:

Не отвѣчая ничего.

Стр. 259.—Стихъ:

(О милосердая судьба!)

зачеркнуть.—Послѣ стиха

Суда въ Анапѣ нагружать

—черточками указано начало новаго отдѣла.

Стр. 260.

Тазитъ! гдѣ голова его?
 Мнѣ черепъ этотъ нуженъ...
 Дай, наглажусь!

Большая часть стиха:

(Гдѣ-жъ голова?... Подавай...) нѣтъ силъ.

и стихъ:

(Никто о робкомъ не имѣлъ)

зачеркнуты.

Стр. 261. Послѣ стиха:

Быль темень синій небосклонъ

остались незачеркнутыми стихи:

Тазита (онъ) ') позвалъ
 Никто ему не отвѣчалъ

Затѣмъ — *, т. е. новый отдѣлъ. Стихи:

(Но между юношей одинъ

и т. д., до:

Изъ лука звонкаго не цѣлится)

— зачеркнуты.—Остальное все, какъ напечатано.

') Поправка не разобрана. Первоначальная редакція напечатана П. 415; въ концѣ есть еще зачеркнутый стихъ:

(Онъ былъ одинъ).

16 и 36 представляютъ изъ себя обрывокъ листа, на которомъ Пушкинъ писалъ не сгибая его, такъ что 16: даетъ окончанія строкъ съ 36^а, а конецъ строкъ съ 16: находимъ на 36:. — Чернилами и карандашомъ черновые наброски къ Мѣдному Всаднику и къ Родословной моего героя: описаніе Евгенія и его любви; описаніе предковъ Езерскаго; описаніе героя [16,]:

Хоть человѣкъ онъ не военный,
Не бунтовщикъ, не (Донъ Жуанъ) ¹⁾
Не Демонъ, даже не Цыганъ.

и т. д.—Ш. 455.

17: приклеенная восьмушка.—Чернилами и карандашомъ: какой же строгій литераторъ!—Ш. 454.

17:—неписанная страница.

18: Сверху программа записокъ: Кишиневъ—прѣздъ мой изъ Каза и Крыму—Орловъ—Испиланти—Каменка—[Фонт.]—Греческая волюція—Липр[анди]—12 годъ—mort de sa femme—le g^{énéral}—панъ Арзарумскій. — Далѣе черновой исчерканный набросокъ стиховъ объ осени.—Рисунокъ: кустикъ.

18: Верхомъ внизъ зачеркнутыя пѣсни:

Вы копайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ [sic],
Въ головахъ мнѣ посадите
Али дѣвочки, цвѣточки,
А въ ногахъ вы проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдугъ мимо красны дѣвки,
Заплетутъ себѣ вѣночки,
Пройдетъ мимо божій старецъ,
Тотъ воды себѣ зачерпнетъ.

Соловей мой, соловейчикъ,
Птица малая, почвая,—
У тебя-ли малой птицы
Неизмѣнныя три пѣсни—

См. Ш. 296 и 35.

Сбоку нѣсколько строкъ изъ Мѣднаго Всадника:

И къ Невѣ... слышитъ Евгений

¹⁾ Поправка не разобрана.

35. Сверху четыре сербскіе стиха:

Славїј птица мала свакомъ покој дала.
А мене јунаку туге је задвела
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што ме није мајка оженила млада.

Затѣмъ черновой набросокъ самого перевода [ср. 18,]:

(У тебя-ли, соловейко)
Неизмѣнныя 3 пѣсни.

и т. д.—Ш. 296.

35а. Верхомъ внизъ:

Когдабъ не ропотъ, не (волненье)

и т. д. черновой набросокъ къ Олениной.—Ш. 312.—Рисунокъ: голова мушны въ воротничкахъ.

19 и 34. Опять Пушкинъ писалъ на несогнутомъ листѣ, т. е. то-же что и на 16 и 36.—Карандашомъ—Описание Езерскаго.

34, и 19.

Онъ одѣвался нерадиво
Быль сочинитель и¹⁾
Не только матеръ дѣловой.

—Ш. 456.

Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Дозволя грабить свой доходъ

—и т. д.—Ш. 454,—19, и 34,—продолженіе; еще:

Что историческіе звуки
.
Что будутъ нищи наши звуки.

—Ш, 454; и, еще:

... Пятнадцать тысячъ душъ,
Изъ конхъ лишь ему достался;
Онъ регистраторомъ служилъ
И малымъ жалованьемъ жилъ.

—Ш. 356.

20, 33, 33, и 20.—чернилами, поправки карандашомъ.

I.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
.
Иванъ Езерскій, мой чудакъ
(Взошелъ) и отперъ свой чердакъ²⁾
.

¹⁾ Неразобрѣно; чтение г. Бартенева—и любилъ—не вѣрно.

²⁾ Такъ поправлено вмѣсто напечатаннаго.

II.

Начнемъ аб оцо: мой Езерскій

—III. 452 и 352 и т. д. съ вариантами.

III.

Ондрей, по прозвищу Езерскій..

и т. д.

IV.

Въ вѣка старинной нашей славы

и т. д.;—вариантъ.

V.

Во время смуты безначальной ..

—III, 453;—вся строфа зачеркнута карандашомъ.

Предатель умный Салтыковъ.

32, и 32.

Езерскій самъ-же твердо вѣдалъ

и т. д.—III, 356.

Потомъ дробилось, продавалось,
И что (одни долги) отецъ
Ему оставилъ наконецъ.

XI.

Мнѣ жаль что мы рукѣ наемной
Ввѣряя чистый нашъ доходъ,
Съ трудомъ яремъ неволи темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ;
(Что не живемъ семьею дружной)

и т. д. [III, 454]—все зачеркнуто, кромѣ послѣднихъ 2-хъ стиховъ:

(Что будутъ нищи наши внуки)
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Далѣе зачеркнуты наброски:

Мнѣ жаль, что дома наши новы

и т. д.—Рисунки: лица, ножки.

21, и 31. Черновой набросокъ:

Вотъ на шахматную доску...

и т. д.—III, 450.—Г. Баргеновъ сообщилъ этотъ набросокъ не совсѣмъ точно; во первыхъ, на 31, мы находимъ двустипше, представляющее намъ начало, а во-вторыхъ, нѣкоторые стихи были напечатаны неточно:

Царь увидѣлъ прехъ собою
Столикъ съ шахматной доскою.

и т. д.

Вотъ на шахматную доску
Плавать онъ пустилъ по ней
Кучу дивныхъ кораблей,
Барокъ, каторогъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ;
А прозрачныя вѣтрильца ¹⁾

На 31: еще вариантъ:

Тутъ лаханъ передъ собою
Приказалъ налить водой
Плавать онъ пустилъ по ней
Тѣмъ прекрасныхъ кораблей.

На 21. рисунокъ: мачта со снастями.

21. Зачеркнута строфа изъ Родословной моего героя:

Мнѣ жаль, что дома наши новы,
Что выставляютъ стѣны ихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсовъ цвѣтныхъ;
Что наши бабушки и дѣды
Съ жезлами, розами въ рукахъ,
Въ роброндахъ, въ латахъ, въ парикахъ
У насъ не блещутъ въ старыхъ рамахъ,
Въ простѣнкахъ старыхъ галлерей
Для назидательной бесѣды

31. Сверху:

Поэту-лорду подражая,
Онъ былъ большой аристократъ
Т. е. онъ хотѣлъ...

Затѣмъ:

Мнѣ жаль, что дома ваши новы...

—III, 454, сверху. Черновая; есть и варианты противъ печатнаго.

23. Надъ омраченнымъ Петроградомъ—III, 452.

23. Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій.

—Варианты. III, 352.

¹⁾ У г. Вартемова:

Плавасть по всей лахани (?)
Барокъ, катеровъ и шлюпокъ.
А вѣтрильца

24. [подклеенный]:

Ондрей по прозвищу Езерскій.

—Варианты.—Въ двухъ мѣстахъ Езерскій поправленъ на Онѣгинъ.

24.

Въ вѣка старинной нашей славы

—Варианты.

25. Приклеенъ.

Когда отъ думы величавой

Варианты.—Езерскій поправленъ на Онѣгина.

25.

Ктобъ ни былъ вашъ родоначальникъ.

—Варианты.

26.

Я самъ хоть въ книжкахъ и словесно
Могучихъ предковъ нраву къ бѣднѣй...

—Ш, 355 и 455.

26.

Мнѣ жалъ, что гдѣ родовъ бояровыхъ
Что историческіе звуки...

—Ш, 455.—Варианты.

27.

Мнѣ жалъ, что мы рукъ заемной
Дозволя...

и т. д.—Ш, 454.

27.

Вотъ почему архивы рол

—Ш, 355.

28.

Скажите: экій вздоръ! или вгаво

—Ш, 455.

Хоть человекъ онъ не военный—

—было зачеркнуто, сверху подписано — малый 'онъ обыкновенный, во
потомъ надписанное зачеркнуто и прежняя редакция восстановлена.

28. Только два зачеркнутыя слова: «(ходилъ онъ)».

29.—29. Верхомъ внизъ черновой набросокъ — Чудный сонъ иль
Богъ послалъ—Ш. 444.—Г. Бартевевъ привелъ его несомнѣмъ точно.
Такъ, въ третьемъ куплетѣ, совершенно неотдѣланомъ, читаемъ:

Путникъ—ляжешь на ночлегъ,
Въ [пристань] плаватель войдешь,
Отрѣшишь воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

Затѣмъ четвертый куплетъ набросанъ такъ:

Послѣ грѣшникъ тотъ великій,
 О которомъ предвѣщанье
 Слышалъ ты [уже] давно
 Грѣшникъ жданн.....
 въ тебѣ прійдетъ
 Исповѣдовать себя.
 И получить разрѣшенья...

Въ концѣ въ скобкахъ помѣчено: Родригъ.

Теперь перехожу къ двумъ дополнительнымъ листамъ, о которыхъ сказано въ началѣ. Оставляю ихъ подъ ихъ номерами.

32. Полустертый карандашъ,—замѣтка къ Капитанской дочкѣ:

«Вашаринъ дорогой во время бурана спасаетъ Башкирца (le m....¹⁾). Башкирецъ спасаетъ его по вѣсти крѣпости — Пугачевъ шадить его сказавъ Башкирцу: ты своею головою отвѣчаешь за него.—Вашкирецъ убить, etc.

Что ихъ поносить шуть Фигларинъ
 .
 .
 .
 Что историческіе звуки—

—III, 355.

32. Карандашомъ; черновой набросокъ къ X строфѣ—III, 455.

Свищите мнѣ, кричите bravo,
 Не буду слушать ничего..

60..

Надъ Петербургомъ омраченнымъ

и т. д.—III, 451—обѣ строфы, съ тѣми поправками текста г. Анненкова, какія уже находимъ въ изд. 1882 г. — Вторая строфа вся перечеркнута.

60.. Черновой, недоконченный и весь исчерканный набросокъ:

Тогда на каменной площадкѣ
 .
 .
 .
 И въ кабинетъ ворча пошелъ...

—См. III, 458.

В. И. Ярушникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ скобкахъ французское слово, котораго я не разобралъ.

Памятникъ А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ

1884 г.

7-го августа 1884 г. открытъ новый памятникъ нашему великому поэту. Петербургъ, безъ малаго пользы-вѣка спуста послѣ мончины Пушкина и на пятый годъ послѣ того, какъ Москва уже украсилась памятникомъ, вполне достойнымъ гениальнаго русскаго писателя, принесъ и съ своей стороны дань уваженія къ его безсмертнымъ заслугамъ отечеству.

Почтивъ въ этомъ дѣлѣ всецѣло принадлежитъ С.-Петербургскому городскому общественному управленію. Единогласнымъ своимъ постановленіемъ 27-го октября 1882 г. Дума ассигновала 10 т. руб. на сооруженіе статуи и предоставила дѣлку и отливку оной изъ гипса тому же акад. А. М. Опекушину, который столь талантливо исполнилъ такое же дѣло для Москвы. Статуя Пушкина, отлитая затѣмъ изъ бронзы и воздвигнутая на улицѣ его же имени, близъ Невскаго проспекта, прекрасно изображаетъ типичную фигуру поэта во весь ростъ, съ руками, сложенными на груди, и съ гордо поднятою головою, со взглядомъ въ даль устремленнымъ. Статуя вышиною съ пинтусомъ 3 арш. 4 вершка, пьедесталъ вышиною 4 арш. 2 $\frac{1}{2}$ вершка, стоимость всего памятника 10 т. руб.

На лѣвой сторонѣ пьедестала вырублены стихи Пушкина:

„Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ намъ волнамъ,
Всѣ еллага въ гости будутъ къ намъ
И запируеть на просторѣ“.

На правой сторонѣ пьедестала:

„Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ“;

пониже этихъ стиховъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новыя для пѣсень я обрѣлъ“.

На лицевой сторонѣ:

Александръ Сергѣевичъ
Пушкинъ.

На противоположной сторонѣ:

Родился въ Москвѣ 26 мая 1799 г.

Скончался въ С.-Петербургѣ 29 января 1837 г.

Высочайшее Государя Императора соизволеніе С.-Петербургскому городскому общественному управленію на постановку статуи А. С. Пушкина воспослѣдовало 28-го апрѣля 1883 г.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что С.-Петербургская Дума, почтивъ великаго поэта сооруженіемъ ему памятника, осуществила этотъ желаніе всего образованнаго и даже просто грамотнаго населенія столицы.

Возданіе должной почести памяти великихъ дѣятелей народа въ области мысли всегда служитъ къ возвышенію народнаго духа и вноситъ въ общественную жизнь стремленія къ тѣмъ возвышеннымъ идеаламъ, къ которымъ тѣ люди стремились и безъ которыхъ жизнь мертва есть!

Да пребудетъ же нынѣ воздвигнутый въ С.-Петербургѣ памятникъ А. С. Пушкину новымъ доказательствомъ того, что русское общество, во всѣхъ его классахъ, вполне сознаетъ значеніе и величіе заслугъ гениальнаго русскаго поэта, одного изъ вождей Россіи къ умственному и нравственному преуспѣванію.

Мих. Семевскій.

7-го и 10-го августа 1884 г.

РУССКІЕ И ГРЕКО-РОССІЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ КИТАѢ

въ XVII—XIX вв.

Письмо іеромонаха Гурія, скончавшагося архіепископомъ Таврическимъ, къ Саратовскому епископу Іакову, скончавшемуся въ С.-Петербургѣ архіепископомъ Нижегородскимъ.

1844 г.

Ваше преосвященство, милостивѣйшій архипастырь! Чѣмъ и какъ возблагодарю васъ за ваше ко мнѣ отеческое расположеніе, за письмо, за книги вашихъ трудовъ, коими вамъ угодно было благословить меня? Мое сердце — послѣ Бога — давно уже принадлежитъ Вамъ! Постараюсь какъ можно чаще бесѣдовать съ вашею книгою, точнѣе изучить ея уроки, вѣрнѣе выполнить ихъ на дѣлѣ и тѣмъ выразить мою сыновнюю вамъ преданность.

Васъ интересуесть китайская церковь; вы желали бы прочесть гдѣнибудь объ ней. Трудно; источники, изъ коихъ можно было бы почерпнуть чтонибудь сносное объ этомъ предметѣ, скудны. О католическомъ христіанствѣ въ Китаѣ можно прочесть въ запискахъ католическихъ миссіонеровъ, изданныхъ въ Европѣ подъ названіемъ: «Lettres Edifiantes». Это нѣчто въ родѣ панегирика своимъ трудамъ. Чтобъ болѣе точнымъ и вѣрнымъ образомъ понять католическое христіанство въ Китаѣ, не мѣшаетъ къ «Lettres Edifiantes», кои составляютъ лицевую сторону, приложить статью: «Іезуиты», напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1844-й годъ. Это нѣчто въ родѣ брани. Въ томъ и другомъ изъ указанныхъ мною источниковъ хорошо держаться середины. Отдѣльных же статей, кои говорили бы собственно о христіанствѣ въ Китаѣ, я не знаю. О греко-россійскомъ же христіанствѣ въ Пекинѣ рѣшительно негдѣ прочесть. Въ Сибири нѣкогда издавался журналъ: «Сибирскій Вѣстникъ». Въ этомъ журналѣ покойный Стефанъ Липовцовъ, членъ миссіи, ва-

печатали нѣчто въ родѣ историческаго перечня смѣвъ миссіи, коснулся нѣсколько и запятій членовъ оной, ихъ отношеній къ христіанамъ грекороссійскаго исповѣданія. Но этотъ журналъ былъ въ плохомъ ходу, печатался въ небольшомъ числѣ экземпляровъ: едва ли найдете въ Саратовѣ. Да еслибъ и нашли, многого не узнаете. Христіанство грекороссійское въ Пекинѣ предметъ очень щекотливый: вслухъ говорить о немъ не много радости. Вотъ что узналъ я о началѣ его въ Пекинѣ.

Въ тѣ блаженныя времена, когда русскіе — соблазнясь удачею Ермака — не спросясь нашихъ государей, своего разсудка и вещественныхъ средствъ, задумали покорить Китай, горсть отважныхъ удалцовъ перешли Амуръ и поставили острогъ, назвали его Албазиномъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ довольно спокойно, и, видя, что ихъ хозяйство на чужой землѣ не обратило на себя большого вниманія пограничныхъ китайцевъ, они задумали еще болѣе углубиться въ Китай. Но тутъ дѣло получило другой оборотъ: ихъ попросили убраться за границу. Русскіе просили отсрочки, указывая на посѣянный, но еще не убранный хлѣбъ: ихъ оставили въ покоѣ. На другой годъ русскіе снова посѣяли хлѣбъ и подъ этимъ предлогомъ снова желали остаться въ Китаѣ. Но китайцы хлѣбъ истребили. Русскіе обидѣлись нарушеніемъ правъ собственности и вотъ сначала вышла ссора, потомъ драка и наконецъ и война. Коуси, въ то время царствовавшій въ Китаѣ императоръ, выслалъ сильное войско съ довѣреніемъ — истребить мятежниковъ. Русскіе, услышавъ объ этомъ, отослали своихъ женъ и дѣтей въ Нерчинскъ, а сами, въ числѣ 500 человекъ, смѣло ждали неприятеля. Эта несдѣланная дерзость увѣщивалась полнымъ успѣхомъ; большая половина китайскаго войска легла на мѣстѣ, а остальные возвратились съ вѣстію и чудными разсказами о русскихъ, ихъ необыкновенной храбрости, силѣ; ихъ заколдованныхъ панциряхъ и шлемахъ, кои выдерживаютъ самые сильные удары сабли, отбиваютъ пули, даже и ядра. Что прикажете дѣлать съ такими людьми? Коуси выслалъ свою гвардію; запретилъ вступать въ открытый бой, принудить къ сдачѣ голодомъ и предложить — желающимъ — службу въ рядахъ китайскаго войска, или удалиться на родину — за границу. Русскимъ не хотѣлось возвратиться на родину, гдѣ ихъ ожидали или кнутъ, или висѣлица; опасались же и вѣроломства китайцевъ. Послѣ многократныхъ усилій пробиться сквозь облегающую ихъ цѣпь гвардіи, мучимые голодомъ, потерявши большую часть своихъ товарищей въ безполезныхъ скваткахъ и ночныхъ вылазкахъ, они рѣшились сдаться на волю побѣдителей. Какъ

русскіе—пѣвники были христіане. Они принесли съ собою въ Пекинъ образъ св. Николая; у нихъ былъ и священникъ, старецъ Димитрій. Лишь только пришли они въ Пекинъ, императоръ причислилъ ихъ къ своей гвардіи, подъ именемъ русской роты, отвелъ имъ квартиры, обезпечилъ имъ содержаніе и назначилъ жалованье: каждому солдату 3 даны (6 руб. сер.) въ мѣсяцъ; унтеръ-офицеру—4 даны; офицеру—5 данъ. Русскіе принесли эти милости императора и просили, чтобъ имъ построили церковь. Кюньси подарилъ имъ въ сѣверо-восточномъ углу Пекина одну казенную кумирню, которую русскіе передавали въ церковь и освятили во имя Софіи Премудрости Божіей. Вотъ начало грекороссійскаго христіанства въ Пекинѣ! Когда же священникъ Димитрій уже слишкомъ устарѣлъ, сдѣлаясь неспособнымъ къ исполненію христіанскихъ требъ, даже служенію, албазинцы—такъ мы называемъ русскихъ христіанъ—знаменитыхъ—просили императора Кюньси, чтобъ онъ у русскаго правительства выпросилъ для нихъ священника. Русское правительство, получивъ такую просьбу изъ Китая, исполненіе оной теперь и въ послѣдующее время поручило иркутскому духовному начальству. Найти охотниковъ было нельзя; хорошіе люди самимъ были нужны: поэтому послали и послѣ долгого посидѣла въ Китай такихъ людей, кои самимъ были въ тягость. Вотъ и начало духовной миссіи въ Пекинѣ. Цѣль ея—не распространять христіанство, а только исправленіе христіанскихъ требъ у албазинцевъ. Такъ какъ отправленіе миссіи всегда соединено было съ расходами и немаловажными, то, чтобъ имѣть какое либо вознагражденіе за убытки, русское правительство предложило китайскому, нельзя ли къ числу духовныхъ лицъ, посылаемыхъ къ нимъ по желанію нежданскаго двора, присовокупить нѣсколько чело-вѣкъ свѣтскихъ—учениковъ, съ тѣмъ—чтобъ они во время своего пребыванія въ Пекинѣ, изучивши китайскій и маньчжурскій языки, возвратившись могли служить переводчиками при взаимныхъ сношеніяхъ. Китайцы согласились, и съ этикъ поръ духовная миссія перешла въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ; получила штатъ и инструкцію. О христіанствѣ въ инструкціи изображено: «стараться сверхъ того»—это обращеніе къ духовнымъ, кои сверхъ главныхъ своихъ занятій китайскимъ и маньчжурскимъ языкомъ, должны—«стараться о распространеніи свѣта ученія Христова, всемѣрно избѣгая нескромной ревности, могущей произвести большіе вредъ, нежели истинной пользы». Между тѣмъ миссія не приносила ожидаемой пользы до временъ Александра Благословеннаго; можетъ быть потому, что штатъ былъ недостаточенъ, а можетъ быть и по-

тому, что члены миссіи набирались въ Иркутскѣ, не обращая вниманія на то—кандидатъ въ члены миссіи имѣеть ли расположеніе, способность къ языкознанію, даже способенъ ли на что нибудь: его набирали и посылали въ Китай потому, что никакія исправительныя мѣры попечительнаго начальства не дѣйствовали! Александръ Благословенный, по представленію о. архимандрита Петра (бывшаго сначала студентомъ при миссіи въ Китаѣ, а потомъ отправившійся начальникомъ миссіи), увеличилъ штатъ, указавъ студентомъ и духовникъ избирать непременно въ Петербургѣ и изъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ свидѣтельствомъ объ отличной нравственности и способностяхъ. Инструкція осталась та же, потому что и цѣль миссіи прежняя.

И прежде, и теперь (1844 г.) божественная служба совершается на русскомъ, т. е. на славянскомъ языкѣ. Албазинцы не понимаютъ ни слова. Все, что зависѣло отъ миссіи и русскаго правительства, оказалось недѣйствительнымъ къ устраниенію этого неудобства. Открыто было училище, учениковъ содержали на полномъ казенномъ коштѣ и учили русскому языку; но такъ какъ русскіе требовали прилежанія, то училище осталось пустымъ: ни одинъ албазинецъ не хотѣлъ посѣщать его. Послѣ хотѣли было поучить ихъ хоть китайскому-то языку; та же исторія: миссія кромѣ непріятностей, а правительство—убытковъ ничего не получили. Въ мое время снова открыто было училище; я ввѣлся было выучить нѣсколькихъ мальчиковъ церковному чтенію и пѣнію. Пока я давалъ деньги, платилъ за то, что они учились у меня, дѣло шло довольно успѣшно. Въ два года мальчики привыкли читать и пѣть въ церкви. Мнѣ удалось имъ растолковать и они поняли и разбирали партитуру; но какъ-то нужно было наказать ихъ за неисправность, я лишилъ ихъ обыкновенной праздничной награды, а они постарались вознаградить себя за такой убытокъ и чѣмъ же? Обокрали церкви! Съ этихъ поръ, вотъ уже годъ—училище закрыто и кажется надолго, если не навсегда. Албазинцы совершенно окитанились; кромѣ обличья и какой-то отваги, въ нихъ русскаго ничего незамѣтно. Они не знаютъ никакого ремесла, даже, по службѣ въ императорской гвардіи, считаютъ всякое занятіе, могущее доставить имъ хлѣбъ насущный, недостойнымъ себя. Они бѣдны, бѣдны до крайности—бѣдны не смотря на огромное жалованье, удобныя квартиры и готовое содержаніе; неразчетливы, заняты своимъ благородствомъ, праздны, необразованные, лукавы, вѣроломны, больные душою и тѣломъ они въ неоплатныхъ долгахъ у здѣшнихъ откупщиковъ и стали притчею народа. Женщины—вообще говоря—

лучше мужчинъ; можетъ быть потому, что онѣ китайки, что имъ негдѣ было видѣть благороднаго разврата сердца, изучить его такъ тонко и въ такой обширности, какъ это изучили мужчины. Женщины вѣчно сидятъ дома, за какимъ нибудь рукодѣльемъ, тогда какъ мужчины постоянно на площадяхъ, въ гостинницахъ, по театрамъ — вообще тамъ, гдѣ можно избавиться отъ тяготящаго ихъ времени и несносной скуки. Не смотря на то и женщины, при меньшей испорченности сердца, больше показываютъ готовности принимать и исполнять евангельское ученіе. Это испортившійся виноградный сокъ, — изъ коего не только нельзя сдѣлать вина, но даже и укуса. Ученіе о будущей жизни, воздаяніи за добро и зло, о примиреніи Бога съ человѣкомъ посредствомъ искупительной жертвы — Іасуса Христа — не только не вошло въ ихъ жизнь, но плохо дружится даже и съ ихъ памятью. Часто Богъ вразумлялъ ихъ, являлъ свою чудодѣйствующую десницу; — на примѣръ... Изъ многого скажу нѣчто.. Нѣкто, албанинецъ Варнава, долго молился предъ иконою (не помню какою) о томъ, чтобъ сынъ его получилъ полный окладъ гвардейскаго солдата. Богу не угодно было услышать такой молитвы и Варнава, лишь только услышалъ, что сыну отказано въ окладѣ, схватилъ ножъ и изрубилъ икону въ мелкіе куски. О. Аввакумъ, мой предшественникъ, услышавши объ этомъ, сказалъ предстоявшимъ албаницамъ, что Варнава умретъ за такой тяжкій грѣхъ. Не знаю, какую смерть предвѣщалъ о. Аввакумъ: по китайски можно разумѣть и временную, и вѣчную; но Варнава, безъ всякой предварительной болѣзни, умеръ въ жестокихъ мукахъ, не дальше, какъ на третій день! Это обстоятельство еще въ свѣжей памяти у всѣхъ и такъ сильно подѣйствовало на албаницевъ, даже на язычниковъ, близъ живущихъ, что никто не смѣетъ насмѣхаться, или злословить русскую вѣру. Еще примѣръ. О. Аввакумъ, разговаривая съ албаницами, узналъ отъ нихъ, что нѣкто, Петръ, не хочетъ крестить своего сына, сказалъ при этомъ случаѣ, что Петръ въ такомъ случаѣ больше потеряетъ, нежели онъ думаетъ: его сынъ умретъ. Петръ, когда сказали ему объ отвѣтѣ о. Аввакума, посмотрѣлъ на своего сына (онъ былъ здоровъ, красивъ) и сказалъ, что если онъ умретъ, то непременно будетъ ходить въ церковь. Вскорѣ мальчикъ захворалъ такъ, что отецъ отчаялся въ его жизни, и послалъ спросить: точно ли сынъ его выздоровѣетъ, если окрестится? Ему отвѣчали, что христіане никогда не лгутъ; что пусть онъ испытаетъ, то увидитъ, что они вѣрують во Всемогущаго! Мальчикъ былъ окрещенъ и выздоровѣлъ. Но Петръ не уцѣломудрился: онъ все таки не ходитъ въ церковь. Вѣра въ св. прича-

стіе, какъ врачество въ тяжкихъ болѣзняхъ самое дѣйствительное, у албазинцевъ сильна. Даже язычники, для своихъ болѣзней, просятъ церковнаго визита, и конечно ихъ вѣра иногда награждается милостію Божіею, потому что такого рода просьбы продолжаются и не рѣдки. Казалось бы, при такомъ выгодномъ взглядѣ на наше христіанство, какъ не процвѣтать ему, не возрастать, по крайней мѣрѣ, какъ упадать ему? Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ почти такъ. Все дѣлается изъ приличія, изъ выгодъ—по китайски. Самый ревностный изъ нашихъ христіанъ очень ненадеженъ; при первомъ отказѣ ему въ чемъ нибудь онъ забудетъ и христіанство, и подворье. Китай—это старикъ, отжившій свое время, который сдѣлался уже, какъ дитя, обезсмысленъ: видяще не видитъ, и слушая не разумѣетъ. Его не разбудить надобно—какъ думаютъ нѣкоторые—надобно переродить, влить новую кровь въ его устарѣвшія жилы, дать ему душу, совѣсть, семейный бытъ болѣе благородный, гражданственность болѣе прочную, связи, отношенія менѣе корыстныя, и потомъ уже надѣяться, что христіанство, привитое къ этому помолодѣвшему плю, примется, разцвѣтетъ и плодъ принесетъ. Конечно это мысли человечества, отъ конхъ мысли Вожиа какъ небо отъ земли; отрадно думать, что Китаю сдѣлаться христіаниномъ гораздо легче, нежели какъ это кажется, тѣмъ не менѣе вѣрно, что Богъ, начертавшій естеству уставы, безъ нужды ихъ не престауетъ. Соображая всѣ обстоятельства, въ какихъ находилось и находится (1844 г.) христіанство наше въ Пекинѣ, можно почтеть за чудо, за особенную милость Божію, что оно не вовсе истребилось. Пятьдесятъ человѣкъ, христіанъ больше по имени, рожденію, привычкѣ, нежели убѣжденію, что могли они значить противъ 3-хъ милліоновъ народонаселенія? Что они могли противопоставить совокупному натиску безчисленныхъ суевѣрій, обычаевъ совершенно разнородныхъ, примѣровъ соблазнительныхъ,—жизни, духу китайзма, совершенно расходящимся съ жизнію и духомъ христіанства? Пища, одежда, помѣщеніе, служба, связи, знакомства—все раскрывало имъ новый міръ, вливало въ нихъ новый духъ, витѣсняя родное, съ собою принесенное. Меньше было бы странности, еслибъ у русскихъ, пришедшихъ въ Китай, были священники, словомъ и дѣломъ наставлявшіе ихъ вѣрѣ; по крайней мѣрѣ, еслибъ жены ихъ были христіанки. Промыслу не угодно было ниспослать имъ этой милости. Священники ихъ сами требовали наставленія, а жены выданы изъ Синъ-бу, изъ смиреннаго дома, гдѣ они содержались за примѣрный развратъ. Не смотря на то, христіанство въ Китаѣ существуетъ,—правда оно похоже больше на обстрѣленный корабль—безъ парусовъ, мачтъ

и ружя, съ пробитыми боками и сильною течью. Но, подъ кровомъ Вождимъ, этотъ жалкій корабль въ тихой пристани, на шхотѣ не глубокомъ: настоящее его состояние больше некрашено, нежели опасно.

Увѣренъ, что этотъ слабый очеркъ далеко недостаточенъ, многого не поясняетъ; но я боюсь наскучить. Въ другой разъ, если позволите мнѣ это, я съ удовольствіемъ попытаюсь высказать все, что знаю, въ особенности, если вы при томъ укажете и на предметъ, требующій большаго поясненія.

Скажу вамъ нѣчто и о себѣ. Благословенъ Богъ! Здоровье мое теперь гораздо лучше прежняго. Самъ не понимаю какъ это,—безъ всякихъ лекарствъ, началъ да началъ поправляться и теперь рѣшительно въ силахъ продолжать мое занятіе. По какому-то инстинкту я началъ обливаться холодною водою почти каждый день и вотъ за-мѣтно поправляюсь.

Скажу вамъ еще нѣсколько отрадныхъ новостей. Министерство задумало переимѣнить миссію черезъ 6 лѣтъ. Теперь идутъ переговоры съ китайскимъ правительствомъ. Незавѣстно чѣмъ это рѣшится. Можетъ быть нашей миссіи и не посчастливится такъ скоро переимѣниться; но безъ всякаго сомнѣнія слѣдующія миссіи будутъ жить не 10 лѣтъ. Видите въ чемъ дѣло. Министерство на такой огромный срокъ не находитъ людей-охотниковъ; съ другой стороны изъ тѣхъ, кои вызовутся на это, рѣдко возвращаются больше половины: здѣшняя жизнь для многихъ убійственна; да и тѣ, кои воротятся, по причинѣ разстроеннаго здоровья, не могутъ служить министерству. Между тѣмъ въ Китаѣ мудрости такъ мало, что русскому достаточно двухъ—трехъ лѣтъ, чтобъ постигнуть ее въ совершенствѣ. Такимъ образомъ министерство думаетъ, приготовивши людей и познакомивши ихъ съ китайскою словесностію въ Россіи, послать въ Китай лѣтъ на пять только для повѣрки своихъ свѣдѣній и болѣе тѣснаго знакомства съ живымъ языкомъ.

Вторая пріятная новость. Китайскій императоръ подарилъ русской миссіи Гань-чонуръ и Дань-чонуръ (названіе собранія св. книгъ буддійскихъ на тибетскомъ языкѣ). Мы просили позволенія купить, а императоръ—на докладѣ объ нашей просьбѣ—приказалъ выдать намъ эту важную вещь. Въ Европѣ ни въ одной бібліотекѣ нѣтъ подобнаго экземпляра. 600 огромнѣйшихъ томовъ! И въ Китаѣ эта вещь стоитъ болѣе 15,000 р. серебромъ; а въ Европѣ и цѣны нельзя назначить. Добиться этой вещи можно только въ Китаѣ, и то по особенной милости императора!

Не угодно ли вамъ будетъ имѣть понятіе о китайскомъ пѣніи? Прилагаю отче нашъ на китайскомъ языкѣ, положенное на русскую ноту. Такъ поютъ иногда албазинцы въ церкви во время служенія ¹⁾.

Вашего преосвященства низайшій послушникъ іеромонахъ Гуріа Барновъ.

Августа 14 дня 1844 года.
Пекинъ.

Сообщ. Епископъ Нижегородскій Макарій.

¹⁾ „Отче нашъ“ по китайски, положенный на ноты, сообщенъ редакціи „Русской Старини“ вмѣстѣ съ подлиннымъ же, вышенапечатаннымъ, письмомъ покойнаго іеромонаха Гуріа. За это интересное сообщеніе приносимъ глубочайшую благодарность его преосвященству Макарію. Ред.

КЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА И УПРАЗДНЕНІЯ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Ужаса львица въ пробужденіи,
Ужаснѣй тигровъ злой набѣгъ,
Но что всѣ ужасы въ сравненіи
Съ твоимъ безумствомъ, человекъ?

Шиллеръ (переводъ Д. Минаева).

Большую частію всѣ пожары начинаются отъ ничтожной искры, а распространеніе ихъ зависитъ отчасти отъ воспламеняемости окружающихъ мѣстность матеріаловъ и тока воздуха въ ту или другую сторону, отчасти-же отъ быстроты и практичности мѣръ, предпринимаемыхъ для тушенія ихъ. Поэтому-то составитель «Очерковъ уральскаго сектантства по официальнымъ даннымъ» не безъ основанія указываетъ, что секта «Неплательщиковъ», образовавшаяся въ Пермской губерніи, по причинамъ, вызвавшимъ появленіе ея въ свѣтъ, заслуживаетъ самаго полнаго и глубокаго вниманія всѣхъ, кого только серьезно интересуютъ современныя условія русской народной жизни и выражаетъ сомнѣніе, чтобы гуманное средство для борьбы съ расколомъ, одно увѣщаніе со стороны священниковъ православной церкви, было дѣйствительно въ данномъ случаѣ.

Для того, чтобы имѣть возможность судить о дѣйствительности мѣръ, предпринимаемыхъ для борьбы, безусловно необходимо ознакомиться съ исторіею происхожденія и распространенія подобныхъ сектъ въ извѣстной мѣстности и со степенью восприимчивости населенія для толковъ подобнаго рода.

I.

Пермская губернія, какъ доказываетъ исторія, всегда представляла весьма воспримчивую почву для всѣхъ попытокъ къ возбужденію внутреннихъ неурядиць. Одна изъ подобныхъ попытокъ была сдѣлана еще за три года до обнародованія Положеній 19-го февраля 1861 года, а послѣдствиемъ ея появилась секта «неплательщиковъ», заслуживающая въ настоящее время самаго глубокаго и полнаго вниманія.

Въ концѣ 1857 г. дворовый служитель огромнѣйшаго помѣщичьяго имѣнія Пермской губерніи графини Натальи Павловны Строгановой, Адрианъ Павловъ Пушкинъ, откупившись отъ своей владѣлицы, записался въ пермскіе купцы. До приписки его въ купечество, Пушкинъ состоялъ повѣреннымъ по дѣламъ при управленіи имѣніями графини, а съ 1862 года, по выбору пермскаго градскаго общества, онъ былъ повѣреннымъ города Перми по дѣлу объ опредѣленіи границъ и нарѣзкѣ для города выгонной земли. Находясь еще въ крѣпостномъ состояніи, Пушкинъ возмечталъ быть передовымъ человѣкомъ въ крестьянскомъ вопросѣ и рѣшился заявить свою мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ землею безъ вознагражденія за оную землевладѣльцевъ, но находя неудобнымъ распространять эту идею, будучи самъ еще крѣпостнымъ, что стѣсняло-бы его на избранномъ имъ поприщѣ, онъ внесъ, какъ выше объяснено, за себя выкупъ.

17-го февраля 1858 года Адрианъ Пушкинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, остановилъ близъ Зимняго дворца императора Александра II, назвавъ себя посланникомъ Божьимъ по крестьянскому дѣлу. На другой день, т. е. 18-го февраля, Пушкинъ подалъ въ комиссію прошеній, на высочайшее имя подаваемыхъ, прошеніе о приготовленіи къ празднеству тысячелѣтія Россіи памятника въ духѣ православной вѣры; но тамъ ему было отказано въ его домогательствѣ. Когда-же, какъ описываетъ самъ Пушкинъ въ одной изъ его рукописныхъ статей, о которыхъ будетъ объяснено ниже,—Богъ засвидѣтельствовалъ его посольство въ томъ-же году особеннымъ знаменіемъ явившейся на горизонтѣ кометы ¹⁾, тогда онъ на свои ничтожныя средства напи-

¹⁾ Въ 1858 году, дѣйствительно, было открыто 8 кометъ, въ числѣ которыхъ одна особенно замѣчательная, такъ называемая «Комета Доната», поражавшая своимъ свѣтомъ и своею величиною. Раньше она никогда не являлась.

саль проектъ памятника на картинѣ и въ 1860 г., отъ имени неизвѣстнаго человѣка, сложилъ эту картину въ Успенскій Московскій соборъ.

25-го марта 1861 года, избравъ не безъ умысла день благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Адрианъ Пушкинъ, называя себя посланникомъ Божиимъ и спасителемъ какъ Государя Императора, такъ и всѣхъ желающихъ спокойствія, домогался личнаго представленія Его Величеству въ Царскомъ Селѣ, но полиціею былъ высланъ, какъ сумасбродный человѣкъ, изъ этого города, съ угрозою, что въ случаѣ дальнѣйшихъ попытокъ съ его стороны онъ будетъ отправленъ въ крѣпость.

Въ 1862 году, т. е. въ годовщину празднованія тысячелѣтія Россіи, Адриану Пушкину удалось, чрезъ министра императорскаго двора, представить къ высочайшему двору составленную имъ картину подъ заглавіемъ «Знаменіе царствующей вѣры»; при этомъ онъ ходатайствовалъ о распространеніи этой картины чрезъ отпечатаніе. Къ картинѣ было приложено описаніе. Картина вмѣстѣ съ описаніемъ, по распоряженію министра императорскаго двора, была передана на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который, усмотрѣвъ въ описаніи нѣкоторыя странныя толкованія и неправильныя понятія и имѣя въ виду, что въ связи съ этимъ описаніемъ написана и самая картина, нашелъ прошеніе Пушкина о распространеніи его картины незаслуживающимъ удовлетворенія, а картину опредѣлилъ возвратить ему, что и было исполнено въ іюлѣ 1863 года.

Какъ бы въ отвѣтъ на это Пушкинъ представилъ, въ 1864 году, на разсмотрѣніе святѣйшаго синода свое сочиненіе «Великая Радость» и при немъ четыре картины, ходатайствуя о распространеніи ихъ посредствомъ напечатанія. С.-Петербургскій комитетъ духовной цензуры, по порученію святѣйшаго синода разсматривавшій рукопись и картины, нашелъ, что большая картина, писанная на холстѣ масляными красками, не представляетъ ничего противнаго вѣрѣ и нравственности, но по странному и непонятному сочетанію въ ней предметовъ не заслуживаетъ одобренія; другія же три картины и рукопись наполнены мыслями и выраженіями, противными православнои вѣрѣ и потому не только не могутъ быть одобрены къ напечатанію, но, на основаніи §§ 238 и 239 уст. дух. ценз., должны быть удержаны отъ автора.

Въ іюлѣ того же 1864 г. статсъ-секретарь Его Величества у принятія прошеній увѣдомилъ начальника Пермской губерніи, что пермскій купецъ Пушкинъ утруждалъ Государя императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о ссудѣ ему 5 тыс. р., просьба эта оставлена безъ послѣд-

ствій, такъ какъ Пушкину, по предмету его ходатайства, надлежитъ сообразоваться съ установленными въ законахъ для производства ссудъ порядкомъ и правилами, а такъ какъ способъ изложенія его прошенія свидѣтельствовалъ объ умственномъ его разстройствѣ, то и надлежитъ обратить на него вниманіе въ этомъ отношеніи. Въ іюль 1865 г. министръ императорскаго двора, препроводивъ къ начальнику Пермской губерніи присланную къ нему, графу Адлербергу, просьбу, названную Пушкинымъ «Откровеніемъ», и при ней особую записку подъ заглавіемъ «Гяѣвъ Вожій»,—увѣдомилъ, что содержаніе этихъ бумагъ, наполненныхъ выходящими за предѣлы здраваго смысла мистическими умствованіями и дерзкими отзывами просителя о высшихъ правительственныхъ мѣстахъ и лицахъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ разстройствѣ умственныхъ Адріана Пушкина способностей, а потому также просилъ начальника губерніи обратить вниманіе на Пушкина для принятія зависящихъ мѣръ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ указаній и въ видахъ предотвращенія распространенія проповѣдуемыхъ Пушкинымъ идей, пермское губернское начальство поручило, въ октябрѣ 1865 года, мѣстной полиціи имѣть особенное негласное наблюденіе за Адріаномъ Пушкинымъ, а начальникъ губерніи лично увѣщевалъ Пушкина оставить «свое дѣло» (какъ онъ называлъ свои домогательства), прекратить всякія заявленія и не утруждать ими правительственные мѣста и лица. Не смотря на это, Пушкинъ не оставлялъ «своего дѣла», а напротивъ старался о распространеніи своихъ идей. Съ этою цѣлью онъ послалъ, въ ноябрѣ 1865 г., къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей» статью подъ заглавіемъ: «по дѣлу о пришествіи Мессіи», съ приложеніемъ различныхъ матеріаловъ по этому предмету и просилъ его, разсмотрѣвъ эти матеріалы, содѣйствовать къ распространенію ихъ въ Россіи, или же передать ихъ за границу въ то или другое государство, гдѣ будетъ резиденція Христа и куда всѣ народы должны будутъ приносить десятину за спасеніе. Въ то же время онъ обратился къ проживавшему въ Перми отставному полковнику Роттасту съ просьбою о переводѣ на нѣмецкій языкъ, посланной къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», статьи въ видахъ передачи ея за границу и распространенія тамъ. Роттастъ отказалъ Пушкину въ его просьбѣ. Наконецъ Пушкинъ рѣшился сдѣлать сборъ денегъ между жителями Пермской губерніи на веденіе «своего дѣла», для чего онъ составилъ названный имъ «Заемный листъ», собственноручною надписью на которомъ онъ просилъ: «пермскихъ гражданъ оказать ему помощь денежнымъ кредитомъ на окончаніе его девятилѣтняго дѣла, извѣстнаго правительству,—дѣла, проводимомъ

котораго была составлена извѣстная картина въ нѣсколькихъ экземплярахъ и чрезъ бывшего губернатора Лашкарева поднесена: пермскому архіепископу, а также генераль-губернатору Тимашеву, министру двора и Его Величеству Государю Императору. Хотя пермское общество дѣла Пушкина не знаетъ, но со временемъ можетъ убѣдиться, что усиліе Пушкина имѣеть какое-то значеніе. Словомъ Пушкинъ надѣется кончить свое дѣло къ общему благу, и тогда участвовавшимъ здѣсь ниже подписавшимся кредиторамъ обязуется съ благодарностью возвратитъ капиталъ въ десять разъ большій. Пермь, 27 января 1866 г.». На этомъ листѣ оказалась подпись бывшего пермскаго градскаго головы купца Колпакова, выдавашаго Пушкину на его «дѣло» 50 рублей.

Въ февралѣ 1866 года министръ двора препроводилъ къ начальнику Пермской губерніи полученную имъ отъ Пушкина телеграмму, свидѣтельствовавшую съ одной стороны съ какою настойчивостью Пушкинъ преслѣдовалъ свою цѣль и въ то же время указывавшую на ненормальность умственнаго его настроенія.

Какъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, такъ и ходившіе въ народѣ толки и слухи о предпринятой Пушкинымъ агитаціи, побудили начальника губерніи предложить губернскому правленію о формальномъ освидѣтельствovanіи Пушкина въ состояніи умственныхъ его способностей, для чего приглашены были въ губернское присутствіе на 8-е число марта 1866 г., сверхъ обыкновеннаго состава его, еще нѣсколько постороннихъ врачей и лицо духовнаго званія въ качествѣ совѣщателей.

Во время процесса свидѣтельства Пушкинъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ поврежденія умственныхъ способностей; на всѣ вопросы какъ словесные, такъ и письменные, не касавшіеся религіозныхъ предметовъ, отвѣчалъ разумно и держалъ себя спокойно. Но когда вопросы и сужденія были направлены на предметы религіозные, онъ впадалъ въ несвойственную его тѣлосложенію подвижность и экзальтацію, указывавшія на то, что Пушкинъ весь проникнутъ былъ своею идеею, которую онъ считалъ за дѣло правдивое, истину непреложную, не требующую никакихъ доказательствъ, а однихъ только разсмотрѣній, для чего онъ и просилъ назначенія особой комисіи. Губернское присутствіе не рѣшилось однако дать окончательное заключеніе о состояніи умственныхъ способностей Пушкина, а признало необходимымъ подвергнуть его трехмѣсячному испытанію при мѣстной городской больницѣ.

II.

О существѣ ученія Пушкина и принятой имъ на себя роли можно судить по слѣдующимъ письменнымъ его документамъ, въ которыхъ онъ проводитъ свои идеи: 1) матеріалы о пришествіи Мессіи: часть 1-я «Ведькая радость»; на этой рукописи Пушкинымъ въ концѣ написано: «рукопись эта въ подлинникѣ удержана правительствующимъ синодомъ въ безгласность, о чемъ дано знать пермскому губернскому правленію отъ 25-го мая 1864 г. за № 2137». Часть 2-я «Судъ Божій». Подъ нею подпись Пушкина: «По актамъ состоянія купецъ 2-й гильдіи, Адріанъ сынъ Павловъ Пушкинъ, по обѣтованному-же для рода человѣческаго на землѣ послѣднему откровенію живаго Бога (Апок. 3, 12) въ воплощеніи Господа Адонаи Саваоа (Исаія 51, 15), но не Христа (Ме. 11, 27, 16, 20)—нынѣ только спасенный Его Христосъ (пс. 19, 7) пророческій рабъ Давидъ отъ земли Сѣверской (Осіи 3, 5; Іезек. 34, 23; Іереміи 23, 5—8) иже есть свидѣтель вѣрный, первенецъ изъ мертвыхъ и князь царей земныхъ (Апок. 1, 5) или Царь царямъ и Господинъ господамъ (Апок. 19, 16)». 2) Картина, написанная масляными красками, подъ заглавіемъ: «Знаменіе царствующей вѣры». 3) Прошеніе, поданное Пушкинымъ въ Пермское губернское правленіе 21-го октября 1864 г. 4) Присланныя министромъ императорскаго двора къ начальнику Пермской губерніи просьба Пушкина, названная просителемъ «Откровеніемъ» и при ней особая записка подъ заглавіемъ «Гнѣвъ Божій въ вѣчной памяти государю цесаревичу Николаю Александровичу и въ вѣчномъ проклятій виновникамъ преждевременной смерти его императорскаго высочества». 5) Телеграмма къ министру императорскаго двора отъ 3-го февраля 1866 года. 6) Статья Пушкина, посланная имъ къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей». 7) Двѣ рукописныя статьи, поданныя Пушкинымъ при освидѣтельствованіи его въ губернскомъ присутствіи, подъ заглавіемъ: а) «отецъ и мать новаго завѣта» и б) «общее понятіе о законахъ добра и зла». 8) Отвѣты, написанные Пушкинымъ на предложенные ему при освидѣльствованіи вопросы.

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ религіозныхъ умствованій Пушкина, основанныхъ, какъ всѣ раскольничьи ученія, на подборѣ текстовъ Св. Писанія, преимущественно же книгъ Эздры и Апокалипсиса, приведенныхъ притомъ не въ связи съ цѣлымъ періодомъ или главою Писанія, а отдѣльно отрывками, сообразно предвзятой идее.

Окажемъ только, что Адрианъ Пушкинъ силится доказать, что лишь онъ одинъ можетъ водворить на землѣ единство, правду и миръ въ человѣчествѣ, что онъ есть избранникъ Божій, помазанный Духомъ Божиимъ, для умиротворенія человѣчества — избранникъ, о которомъ распятый на Голгоѣ говорилъ подъ именемъ другого утѣшителя, что «онъ засвидѣтельствуетъ о Мнѣ, онъ наставитъ людей на всякую истину».

Съ особеннымъ раздраженіемъ и даже невыразимымъ ожесточеніемъ Адрианъ Пушкинъ отзывался о духовенствѣ и вообще о церковной іерархіи, оставившей въ безгласности его сочиненія и отвергавшей его матеріалы о пришествіи Мессіи, называемые имъ «приношеніями». Вспыхнувшее въ 1863 году возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, а также смерть государя наследника Николая Александровича въ маѣ 1865 г., по толкованію Адриана Пушкина, были первые осязательные знаки гнѣва и кары Божьей за отверженіе и непризнаніе божественнаго посланничества въ лицѣ его.

Относительно освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости Пушкинъ говорилъ, что они освобождены только духомъ, но «не тѣломъ». Этимъ послѣднимъ выраженіемъ, судя по общему смыслу его сужденій объ уничтоженіи крѣпостного права и о Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, съ дополненіями, Пушкинъ хочетъ сказать, что освобожденіе крестьянъ послѣдовало неполное, потому что крестьяне освобождены хотя и съ землею, но не безвозмездно. Въ картинѣ своей «Знаменіе царствующей вѣры», въ связи съ приложеннымъ къ ней описаніемъ, Пушкинъ, отводя себѣ очень видное мѣсто, силится пророческимъ тономъ обрисовать весь процессъ освобожденія крестьянъ и наступившаго затѣмъ царства небеснаго на землѣ. «Пусть-же,—пишетъ Пушкинъ въ рукописи своей «Великая радость», — опредѣлять здравые умы чтò это такое, выражающееся въ картинѣ? Простая-ли это выдумка или небывалыя чудеса Божіи на землѣ? Конечно всякій человѣкъ долженъ сознаться, что за пять лѣтъ времени впередъ человѣкъ самъ собою не могъ нанести на картину судьбы царства и народовъ, когда еще притомъ подробнымъ объясненіемъ картины обнаруживается неслыханная на землѣ теорія цѣлаго мірозданія, и все это логически примѣнено къ чести и славѣ царствующаго дома. Развѣ это не милость для Государя отъ Бога? Винавать-ли послѣ этого всегда милосердный Богъ, когда мы просимъ у Него милости и въ то же время сами отталкиваемъ ее отъ себя? Во имя непреложнаго закона Божія, законъ освобожденія народовъ на

сѣверѣ написанъ, но какъ во имя непреложной правды Бога живаго посольства его (т. е. Пушкина) не принято, то въ законѣ освобожденія народовъ нѣтъ правды и землевладѣльцы, которымъ Царь, по добротѣ сердца, поручилъ написать законъ объ освобожденіи, сами себя обманули. Онъ, Пушкинъ, хотя своевременно и предлагалъ способъ умиротворенія, но гласъ его остался гласомъ вопиющаго въ пустынѣ».

Картина эта долгое время стояла въ приемной комнатѣ преосвященнаго Неофита, архіепископа Пермскаго, гдѣ ею любовались массы людей, приходившихъ къ владыкѣ, въ особенности изъ крестьянскаго сословія, и услужливые говоруны объясняли имъ смыслъ и значеніе ея.

Хотя Пушкинъ и называлъ себя пророческимъ смыномъ Давидомъ, говорящимъ не отъ себя, онъ не забывалъ однако о десятинѣ, которая должна быть собрана со всѣхъ народовъ въ пользу его и его посланничества, и даже въ счетъ будущаго благополучія, имѣющаго посѣтить міръ съ собраніемъ этой десятины, открылъ между пермскими гражданами гласную подписку, обѣщая десятеричное вознагражденіе жертвователямъ на осуществленіе своего пророческаго призванія.

О божественномъ призваніи своемъ Пушкинъ повѣствуетъ во 2-й части матеріаловъ о пришествіи Мессіи «Судъ Божій», излагая подробно прежнее свое состояніе, служебную свою дѣятельность по довѣрію къ нему бывшей его владѣльцы и пермскаго градскаго общества и какъ онъ, наконецъ, послѣ двухъ видѣній, явившихся ему свыше, понялъ къ чему онъ призванъ и принялся за свое дѣло, углубившись предварительно въ чтеніе Священнаго Писанія и узнавъ «всѣ основныя законы мірозданія».

О своихъ видѣніяхъ Пушкинъ говоритъ: «конечно и здѣсь физическими глазами я Бога не видалъ и физическими ушами звуковъ гласа Его не слышалъ; но законъ Бога моего въ сердцѣ моемъ, когда сказано: Блаженъ чистіи сердцемъ яко тинъ Бога узрять (Мѡ. 5, 8), т. е. узрять совѣстью души въ сердцѣ при духѣ страха Божія».

Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ имѣлъ многихъ приверженцовъ, въ особенности въ той средѣ, изъ которой онъ самъ вышелъ, которая его считала, хотя и несознательно, лицомъ высшаго призванія и въ интересахъ которой онъ ратовалъ, но официальныхъ данныхъ объ этомъ никакихъ въ виду не имѣется. Гласно признавали себя послѣдователями Пушкина жена его, пермскій мѣщанинъ живописецъ Долматовъ, писавшій, по указаніямъ Пушкина, картину «Знаменіе царствующей вѣры», переписчикъ его бумагъ пермскій купеческій сынъ Никололай Кузнецовъ и врачъ Коробовъ, лечившій больныхъ членовъ его семейства.

III.

Ученіе Пушкина, насколько оно высказано въ его рукописяхъ, какъ оказывается, не новое; новымъ представляется только избранный Пушкинымъ способъ распространенія его. Въ противоположность другимъ сектантамъ и пропагандистамъ, дѣйствовавшимъ путемъ тайны чрезъ постепенное и негласное увлеченіе своихъ послѣдователей, Пушкинъ открыто и настойчиво домогался, чтобы его ученіе было принято и распространено самимъ правительствомъ. Очевидно, что въ этомъ ему придавало особенную смѣлость то обстоятельство, что оное ученіе свое связывалъ съ только-что возбужденнымъ тогда правительствомъ вопросомъ объ устройствѣ быта крестьянъ на новыхъ основаніяхъ. Непризнаніе Христа сыномъ Божиимъ по естеству, а признаніе его только сыномъ благодати, наравнѣ со всѣми христіанами, Пушкинымъ взято изъ ученія извѣстнаго въ первыхъ вѣкахъ христіанства—Арія, лжеученіе котораго отвергнуто было на первомъ и второмъ вселенскихъ соборахъ, составившихъ ежедневно повторяемый на нашей литургіи символъ вѣры, изображающій существо догматовъ православнаго вѣроисповѣданія. Наступленіе обѣтованнаго царства на землѣ съ продолженіемъ онаго на 1000 лѣтъ—ученіе также извѣстное, имѣвшее множество послѣдователей и въ первыхъ вѣкахъ христіанства, и въ особенности въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтій.

Въ особенной злобѣ Пушкина противъ духовенства видѣнъ отпечатокъ извѣстной, наиболѣе распространенной въ Пермской губерніи, безпоповщинской раскольничьей секты. Адрианъ Пушкинъ родился и воспитался въ мѣстностяхъ, гдѣ развита эта секта, образованія высшаго не получилъ, поэтому, очень естественно, не могъ остаться свободнымъ отъ заблужденій среды, его окружавшей, и ни публичное его служеніе, ни обращеніе среди болѣе образованныхъ классовъ не могли изгладить впечатлѣній его дѣтства.

При этихъ условіяхъ религіозному его возбужденію способствовали страстность и воспримчивость его натуры.

Что же касается принятія Пушкинымъ на себя роли предсказателя въ крестьянскомъ вопросѣ, то это объясняется чисто матеріальными расчетами. Адрианъ Пушкинъ былъ повѣреннымъ по имѣнію графини Строгановой, имѣнію, какъ извѣстно, самому богатому въ цѣлой Россіи. Матеріалы для составленія Положеній объ освобожденіи крестьянъ собирались задолго до обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года. Пушкинъ, какъ повѣренный по имѣнію, былъ дѣятелемъ по собранію сихъ матеріаловъ и, собирая ихъ, понималъ мысль правительства прежде,

чѣмъ она была оглашена законодательнымъ порядкомъ. Отсюда пророчество Пушкина и нанесеніе имъ на картину процесса освобожденія крестьянъ до обнародованія манифеста.

Преслѣдуемый постоянными неудачами въ дѣлѣ, добровольно имъ избранномъ, снѣдаемый сожалѣніемъ о затраченныхъ деньгахъ, Пушкинъ ожесточился и окончательно вдался въ мистицизмъ. Находясь въ постоянно напряженномъ умственномъ состояніи, при природной восприимчивости и способности увлекаться, онъ наконецъ совсѣмъ потерялся и началъ выдавать себя за Мессію.

По современному положенію дѣлъ и настроенію умовъ въ Пермской губерніи въ 1866 г. ученіе Пушкина возбудило особыя опасенія. Тамъ издавна расколъ былъ въ силѣ, всякая идея, подходившая характеромъ къ раскольническимъ ученіямъ, находила сочувствіе въ массахъ низшаго населенія, тѣмъ болѣе, когда оно поддерживалось въ городскомъ сословіи представителями его. Быть временно обязанныхъ крестьянъ въ Пермской губерніи не только не былъ окончательно устроенъ, а напротивъ со всѣхъ сторонъ поступали заявленія о несообразности оброка, вслѣдствіе чего накопилось громадное количество недоимокъ; въ то же время уже послѣдовало распоряженіе о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ Положеній 19 февраля.

Въ виду всего этого пронаганда Пушкина, что земля есть достояніе крестьянъ и должна быть имъ отдана безвозмездно, а что онъ, какъ Мессія, посланъ водворить на землѣ всеобщій миръ, могла имѣть гибельныя послѣдствія для спокойствія края. Принимая во вниманіе всѣ эти условия, пермское губернское начальство было вынуждено ходатайствовать въ 1866 г. объ удаленіи Пушкина изъ Пермской губерніи административнымъ порядкомъ, на что и послѣдовало распоряженіе комитета министровъ безъ всякаго настоянія со стороны духовнаго начальства и св. Синода ¹⁾, который вообще не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого дѣятельнаго участія, кромѣ тѣхъ случаевъ, о которыхъ выше упомянуто.

Пушкинъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ этой ссылкѣ пробылъ онъ шестнадцать лѣтъ, именно до 1882 года. По освобожденіи жилъ въ Архангельскѣ съ своимъ семействомъ, оставивъ совершенно свою идею о «пришествіи Мессіи» въ лицѣ его, которому дана власть умиротворить свѣтъ, какъ нынѣ уже безцѣльную.

Адріанъ Павловъ Пушкинъ скончался въ іюлѣ 1883 года.

¹⁾ Иностранная литература утверждаетъ, будто удаленіе Пушкина въ Соловецкій монастырь было послѣдствіемъ происковъ духовенства и Св. Синода. Отнюдь нѣтъ.

IV.

Попытка Пушкина, не смотря на удаленіе его изъ Пермской губерніи, имѣла бы, въ связи съ другими менѣе важными агитаторскими пополазновеніями, самыя гибельныя послѣдствія, еслибы «именитый русскій человекъ» графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ не рѣшился тогда же, въ 1866 году, сдѣлать безпримѣрный въ исторіи крестьянскаго вопроса шагъ, подробности коего сообщены читающей публикѣ въ № 13 газеты «Русь», изд. 1884 г. Его примѣру послѣдовали въ 1867 году тайный совѣтникъ Лазаревъ, а въ 1868 въ большей или меньшей мѣрѣ княгиня Бутеро-Радали и князь Голицынъ. Принятая мѣра дѣйствительно успокоила и благоустроила горнозаводское населеніе западной части Пермской губерніи.

Въ восточной же части этой губерніи, подъ влияніемъ той же попытки, вслѣдъ за обнародованіемъ Положеній 19 февраля, въ лежащихъ на южномъ склонѣ Уральскаго хребта заводскихъ округахъ—Кыштымскомъ съ волостями Кыштымскою, Каслинскою, Рождественскою и Воскресенскою, Уфалейскомъ—съ волостями Верхне и Нижне-Уфалейскими и Сергинскомъ—съ волостями Верхне и Нижне-Сергинскими, Атигскою и Михайловскою, въ которыхъ населеніе простирается до 26,000 душъ муж. пола,—водворилось убѣжденіе о возможности дароваго пользованія владѣльческими угодьями и непризнаніе обязанности отбывать какъ губернскія, такъ и общественныя повинности.

Убѣжденіе это, не смотря на предпринимаемыя къ разсѣянію онаго мѣры, глубоко проникло въ народныя умы и при помощи подстрекателей, преслѣдующихъ личныя корыстныя цѣли, такъ упорно держалось, что только самый бдительный надзоръ могъ отклонить неблагопріятныя послѣдствія.

Весь минувшій періодъ дѣйствія Положенія 19-го февраля 1861 и дополнительныхъ къ нему правилъ, въ означенныхъ выше заводскихъ округахъ, представляетъ рядъ усилій губернской и уѣздной администраціи привести живущее въ этой котловинѣ населеніе къ сознанію правъ чужой собственности и необходимости исполнять какъ губернскія, такъ и общественныя повинности, и въ то же время—рядъ настойчивыхъ и упорныхъ домогательствъ населенія, сопровождавшихся даже насиліемъ и открытымъ неповиновеніемъ законной власти. Болѣе же выдающіеся частныя факты проявленія такового настроенія въ насе-

леніи трехъ поименованныхъ выше заводскихъ округовъ представлялись въ слѣдующемъ. Населеніе Каслинскаго завода, при вводѣ уставныхъ грамотъ, отказалось отъ земельного надѣла, но, не смотря на это, работавшіе при заводѣ мастеровые продолжали пользоваться пахотною и сѣнокосною землею въ размѣрѣ 5 десятинъ на работающаго безвозмездно. Неработающіе, хотя и были обложены оброкомъ по 1 р. 25 коп. за десятину пахотной земли и по 50 коп. за сѣнокосную, но, не взирая на самыя настойчивыя мѣры со стороны мировыхъ учреждений и полиціи, оброка не вносили, будучи убѣждены въ неприкосновенности своего права на даровое пользованіе владѣльческими землями. Мало того, каслинцы распространяли свое домогательство на даровое пользованіе даже на рыболовныя близъ лежащія озера, составляющія собственность башкирскаго народа, и самовольство ихъ доходило не рѣдко до открытаго насилія. Входящія въ составъ Кыштымскаго округа волости Рождественская и Воскресенская всецѣло были проникнуты тѣмъ же духомъ, неотступно домогаясь или признанія правъ своихъ на даровое пользованіе землями и рыболовными озерами, или перечисленіе ихъ въ разрядъ мастеровыхъ, чтобы чрезъ это получить возможность отказаться отъ надѣла. Не менѣе крупныя факты самовольства явились и въ Уфалейскомъ округѣ, въ особенности относительно отбыванія губернскихъ и общественныхъ повинностей. По поводу открытаго сопротивленія, оказаннаго противъ мѣстныхъ властей, было возбуждено формальное слѣдствіе и виновные рѣшеніемъ суда были приговорены на разные сроки къ тюремному заключенію. Но и по отбытіи ими опредѣленнаго судомъ наказанія и по возвращеніи въ мѣста своего жительства, эти нарушители закона не признавали ни справедливости понесеннаго наказанія, ни законности требованія съ нихъ повинностей: упорно не шли въ свои дома, вторгаясь насильно для житія въ волостное правленіе, нагло и дерзко порицая дѣйствія правительства, такъ что губернское начальство, чтобы положить предѣлъ такому открытому глумленію надъ властью и судомъ, было вынуждено ходатайствовать объ удаленіи главныхъ виновниковъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ, на что и воспослѣдовало разрѣшеніе.

Въ Сергинскомъ округѣ временно обязанное населеніе своимъ упорствомъ въ непризнаніи всякаго рода повинностей вызвало назначеніе особой слѣдственной комиссіи, которою между прочимъ было обнаружено, что одиннадцатилѣтнія неграмотныя дѣти бойко и отчетливо высказывали, съ приведеніемъ статей изъ Положенія 19-го февраля, свои убѣжденія относительно непризнанія повинностей; матери приносили

въ волостныя правленія своихъ грудныхъ дѣтей, прося записать ихъ въ «неплательщики»; нѣсколько человекъ, собравшись въ домѣ одного своего единомышленника, цѣловали св. икону, клянясь твердо стоять на своемъ.

— «Что хотите дѣлайте, куда хотите дѣвайте, а платить не будемъ; душа наша, а тѣла ваши, дѣлайте съ ними что угодно» — вотъ сущность большинства отвѣтовъ, которые давались дѣйствовавшей въ Сергинскомъ округѣ слѣдственной комиссіи; открыты были слѣды, что непризнающіе повинностей имѣли своихъ агентовъ по этому предмету даже въ столицѣ. Въ прошеніяхъ, которыя были подаваемы жителями этого округа, они прямо называли себя «неплательщиками», желая выразить тѣмъ какое-то особое состояніе, которое будто бы можетъ существовать внѣ закона, не признавая надъ собою никакой власти и не отбывая никакихъ повинностей. Во всемъ Сергинскомъ округѣ кромѣ того господствовало ожиданіе какого-то новаго царскаго указа, а на вопросы объ источникѣ, на которомъ основывается такое ожиданіе, запрашиваемые упорно молчали.

Непризнаніе властей, отверженіе повинностей и убѣжденіе въ несомнѣнности права на даровое пользованіе землями, словомъ секта «неплательщиковъ» не есть только результатъ настоящаго въ отношеніи земельного устройства переходнаго состоянія, а это есть существо ученій двухъ, признанныхъ особенно вредными, раскольническихъ сектъ: духоборской и молокановъ. Если нѣтъ положительныхъ доказательствъ, что населеніе поименованныхъ выше трехъ заводскихъ округовъ принадлежало къ этимъ собственно сектамъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что большинство жителей этихъ округовъ суть послѣдователи раскола въ общемъ его смыслѣ; а тождество общихъ раскольническихъ идей съ молоканами и духоборцами также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Притомъ извѣстно, что раскольники въ своихъ сектаторскихъ вѣрованіяхъ въ настоящее время такъ перемѣшались, что нѣтъ строгихъ предѣловъ, разграничивающихъ одну секту отъ другой.

Таковы были ближайшія послѣдствія одной изъ многихъ попытокъ, сдѣланныхъ въ Пермской губерніи для осложненія развязки великаго дѣла, начертаннаго Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. въ явное нарушеніе правъ собственности и землевладѣнія и въ ущербъ капиталамъ, уже затраченнымъ и еще затрачиваемымъ для правильнаго развитія горной промышленности, доставляющей правительству огромные доходы

и могущей въ значительной степени освободить насъ отъ подчиненности иностранному рынку.

При этихъ условіяхъ вопросъ о томъ, насколько дѣйствительно въ борьбѣ съ расколомъ гуманное средство—одно увѣщаніе со стороны священниковъ православной церкви—является вопросомъ болѣе, чѣмъ своевременнымъ и умѣстнымъ.

В. В. Струве.

С.-Петербургъ.
1884.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

27 іюля 1884 г. отъ г. Сергѣя Жегалова	5 руб.
--	--------

А съ прежде поступившими всего	1,386 руб.
--------------------------------	------------

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLII, августъ, стр. 448.

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

1877 г.

Мая 19-го, 1877 г.

Милостивый государь, Александръ Павловичъ, извините отъ сердца, что долго не отвѣчалъ вамъ. Только сегодня могу уѣхать изъ Петербурга на время, а до сихъ поръ все суетился въ хлопотахъ и возился съ нездоровьемъ. Но что же я вамъ напишу? Вы умный человѣкъ и сами можете понять, что вопросы ваши, мнѣ вами заданные, какъ-то отвлеченны, дымны, да и личности вашей я, къ тому же, совсѣмъ вѣдь не знаю. Меня то же мучило, что и васъ еще съ 16-ти можетъ быть лѣтъ, но я какъ то увѣренъ былъ, что рано или поздно, а непременно выступлю на поприще, а потому (безошибочно вспоминаю это) не беспокоился очень. Насчетъ же мѣста, которое займу въ литературѣ, былъ равнодушенъ: въ душѣ моей былъ своего рода огонь, въ который я и вѣрилъ, а тамъ, что изъ этого выйдетъ, меня не очень заботило, ну вотъ и весь мой опытъ, про который вы спрашиваете.

Но могу ли знать въ точности вашу душу? Если хотите мое мнѣніе, то продолжайте твердо вѣрить въ ваше влеченіе, и можетъ быть судьба васъ поставитъ на поприще. Желанія ваши къ тому же очень скромны, т. е. быть непременно второстепеннымъ труженикомъ. Но вотъ что прибавлю: мое влеченіе, меня въ мое время, нисколько не отвлекало отъ реального взгляда на жизнь, и я, будучи поэтомъ, а не инженеромъ, до самаго послѣдняго года въ инженерномъ училищѣ былъ изъ первыхъ въ классѣ постоянно; затѣмъ нѣкоторое время служилъ, и хоть зналъ, что рано-ли поздно-ли, а оставлю службу, но до срока не видѣлъ ничего въ общественныхъ моихъ занятіяхъ слишкомъ непреодолимо враждебнаго моему будущему; напротивъ, твердо былъ увѣренъ, что будущее все таки будетъ мое и что я одинъ ему господинъ.

Если, напримѣръ, служебныя занятія не помѣшаютъ пока вашимъ литературнымъ занятіямъ, то почему бы вамъ и не взять мѣста?

Все это я пишу конечно совсѣмъ наобумъ, т. е. слишкомъ мало зная васъ; но единственно желая сдѣлать вамъ угодное и отвѣтить вамъ искренно и по возможности.

А затѣмъ насчетъ (событія!) и прочаго, то не преувеличивайте. Позвольте пожать вашу руку. Вашъ Федоръ Достоевскій.

Примѣчаніе. Письмо это Ф. М. Достоевскаго доставлено намъ въ копію отъ А. П. Н — а, — лица, всегда интересовавшагося словесностью и нѣсколько подвизавшагося въ литературѣ.

Р е д.

СВ. ВЛАДИМИРА УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ГОРОДѢ КИЕВѢ.

1834—1884 гг.

15-го іюля мѣсяца 1884 года исполнилось 50 лѣтъ со дня открытія университета св. Владиміра въ Кіевѣ. Празднованіе сего многознаменательнаго юбилея отложено до 8 сентября 1884 г. Напоминая о полувѣковой годовщинѣ, мы не станемъ вдаваться въ подробности исторіи основанія университета, равно какъ и о его дѣятельности на поприщѣ наукъ, такъ какъ за первыя 25 лѣтъ, истекшихъ съ его учрежденія, находятся очень любопытныя свѣдѣнія касательно всего этого въ небольшой по объему, но весьма подробной по содержанію, книгѣ подъ названіемъ «Исторія университета св. Владиміра» В. Шульгина, изданной въ 1860 году. Нынѣ, ко дню пятидесятилѣтія Кіевскаго университета, появятся, конечно, монографіи, подготовленныя специально ко дню празднованія. Въ настоящей замѣткѣ мы напомнимъ лишь тѣ факты, какіе сохранились въ мѣстной нашей того времени прессѣ, т. е. «Спб. Вѣдомостяхъ».

Такъ, въ прибавленіи къ № 121 названной газеты за 1834 г. напечатано слѣдующее объявленіе «отъ совѣта императорскаго университета св. Владиміра о торжественномъ открытіи онаго 15 іюля»:

— «Его императорское величество, всемъ—вѣйшій государь нашъ, въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народовъ, Провидѣніемъ ему вѣренныхъ, желаетъ насадить и распространить между ними просвѣщеніе истинное, утвержденное на основаніяхъ святой вѣры, которое одво упрочиваетъ благоденствіе человѣческихъ обществъ. Равно благотворящій всѣмъ своимъ подданнымъ, соизволилъ онъ повелѣть учредить въ западныхъ губерніяхъ Россіи учебное заведеніе, имѣющее цѣлію развитіе высшаго образованія, основаннаго на благихъ началахъ, правительствомъ предписанныхъ. Основанія сего учрежденія подробно изложены въ обнародованныхъ высочайшихъ указахъ и постановленіяхъ;

здѣсь излагается вкратцѣ ихъ содержаніе. Учреждаемый въ семь краю университетъ, преобразованный изъ Волинскаго лицея, предназначенъ преимущественно для образованія юношества губерній: Киевской, Волинской и Подольской; наслѣдственное усердіе жителей оныхъ къ пользѣ просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній сего края.

«Мѣстомъ учрежденія сего заведенія избранъ г. Киевъ, столица св. равноапостольнаго кн. Владиміра, гдѣ впервые возсіялъ и откуда разлился въ предѣлы древней Россіи свѣтъ истинной вѣры. Да предназначаетъ сіе избраніе успѣхи новаго расадника просвѣщенія въ духѣ благочестія и нравственности. Открываемый университетъ наименованъ: императорскимъ университетомъ св. Владиміра, въ память великаго просвѣтителя Россіи, и удостоенъ принятія подѣ особое покровительство его императорскаго величества. Университету св. Владиміра дарованы всѣ права и преимущества, какія предоставлены прочимъ университетамъ въ государствѣ. Ему присвоены всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ и другими сословіями Киевской, Волинской и Подольской губерній—для Волинскаго лицея и Киевской гимназіи. По недостатку же сихъ средствъ всемілостивѣйше повелѣно увеличить оныя значительными пособиями изъ общихъ государственныхъ доходовъ соразмѣрно потребностямъ на содержаніе университета. Въмѣстѣ съ отмѣненіемъ предположенія объ учрежденіи лицея въ г. Оршѣ, высшаго учебнаго заведенія, высочайшимъ указомъ предоставлено юношеству губерній, въ составъ сего округа входящихъ, получать окончательное образованіе въ университетѣ св. Владиміра, на каковой конецъ суммы, на построеніе лицея въ г. Оршѣ назначенныя, обращены на возведеніе зданій университета св. Владиміра.

«Таковы благодѣтельныя мѣры правительства; благотворныя намѣренія его клонятся къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ семь краю. Да увѣнчаются полнымъ успѣхомъ попеченія государя императора о благѣ тысячи народовъ, Промысломъ ему вѣранныхъ. Основаніе университета въ семь край сопряжено было съ такими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ; но общее усердіе всѣхъ начальствъ, въ семь дѣлѣ участвующихъ, превозмогло сіи затрудненія—и предначертанія правительства готовы быть приведены въ исполненіе. Проектъ устава университета св. Владиміра уже составленъ и удостоенъ утвержденія; возникшему заведенію доставлены всѣ пособия, отъ высшаго училищнаго начальства зависящія. Важнѣйшія кафедры его замѣщены. Совѣтъ и правленіе университета вступили въ исполненіе своихъ обязанностей и университетъ откроетъ свои курсы съ

15 августа сего (1834-го) года. Такимъ образомъ совѣтъ императорскаго университета св. Владиміра, съ разрѣшенія г. попечителя онаго, сию честь имѣеть извѣстить почтеннѣйшее сословіе дворянъ губерній Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, какъ равно и губерній, принадлежащихъ къ Вѣлорусскому учебному округу: Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской и Вѣлостокской области, что торжественное открытіе университета св. Владиміра послѣдуетъ 15 іюля сего (1834-го) года въ день, посвященный памяти св. равноапостола кн. Владиміра. Объявляя о семъ, совѣтъ университета позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ всѣ любители отечественнаго просвѣщенія вообще, такъ и особенно тѣ, кои своими пожертвованіями доказали на опытѣ свое усердіе къ пользамъ онаго, пожелаютъ быть свидѣтелями сего важнаго для здѣшняго края событія».

Затѣмъ въ № 175 той же газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 29 іюля, сообщалось: «15 іюля происходило въ Киевѣ торжественное открытіе университета св. Владиміра слѣдующимъ порядкомъ: въ 9 ч. утра, при большомъ стеченіи дворянства и прочихъ классовъ, всѣ чиновники университета отправились въ Печерскую лаврѣ, гдѣ въ этотъ день въ церкви Успенія Божіей Матери, по обычаю, совершенно было богослуженіе митрополитомъ киевскимъ Евгеніемъ; по окончаніи литургіи и молебствія въ Лаврѣ, по случаю дня памяти св. Владиміра, прибыли въ домъ, занимаемый университетомъ, митрополитъ Евгеній, генераль-фельдмаршалъ кн. Ф. Д. Остенъ-Сакенъ, генераль-губернаторъ гр. Левашовъ, почетнѣйшее духовенство, главные военные и гражданскіе чиновники и множество дворянъ окрестныхъ губерній, на сей случай пріѣхавшихъ въ Киевъ. По совершеніи митрополитомъ Евгеніемъ молебствія съ водоосвященіемъ и окропленіемъ комнатъ университета святою водою, прочитаны были секретаремъ совѣта высочайшіе указы: объ учрежденіи въ Киевѣ университета св. Владиміра, о приведеніи въ дѣйствіе устава и штата онаго и объ отгнѣбѣ лица въ г. Оршѣ. Синдикомъ университета прочитана была записка о дѣйствіяхъ совѣта относительно открытія сего высшаго учебнаго заведенія.

«Послѣ этого хоръ пѣвчихъ съ музыкою пѣлъ «Боже Царя храни». Потомъ произнесены были рѣчи попечителемъ киевскаго учебнаго округа, губерскими предводителями дворянства: Киевской губерніи—графомъ Тышкевичемъ, Волынской—Линьевичемъ, Подольской—Раковскимъ.

«Затѣмъ деканомъ ординарнымъ профессоромъ Максимовичемъ вознесены были дипломы на званіе почетныхъ членовъ университета митрополиту Евгенію, генераль-фельдмаршалу кн. Остенъ-Сакену и

генераль-губернатору графу Левашову. Послѣ сего генераль-фельдмаршалъ Сакенъ собственноручно роздалъ шпаги вновь принятымъ студентамъ; наконецъ, хоръ пѣвчихъ съ музыкою пѣлъ сочиненное на сей случай стихотвореніе г. Скуридина, положенное на музыку почетнымъ попечителемъ кievской гимназіи графомъ Илинскимъ». Слова этихъ стиховъ напечатаны въ отдѣлѣ смѣси «Спб. Вѣдомостей» въ № 176; такъ какъ ихъ нѣтъ въ «Исторіи университета св. Владиміра» Шулгина, то мы ихъ и приводимъ:

Раздайся гласъ благодаренья,
Несись отъ радостныхъ сердецъ!
На насъ фіалъ благотворенья
Изгнй отечества отецъ.

* * *

Въ краю Россіи, гдѣ впервые
Воздвиглось знаменье креста,
И храмы встали святые,
И кровь лилася за Христа,

* * *

Гдѣ охранялась Ольги рвеземъ
Чистѣйшей Вѣры колыбель
И гдѣ Владиміра велѣнемъ
Крещенья избрана купель,

* * *

Тамъ полвселенныя властитель,
Краса вѣнцу, гроза врагамъ
И подданнымъ благотворитель
Наукъ сооружаетъ храмъ.

* * *

Сказалъ онъ — и зажглась влатая
Здѣсь просвѣщенія заря.
Храни жъ, Всевышній, Николая,
Храни для насъ отца-царя.

«Вечеромъ, открытый университетъ и другія казенныя и частныя заведенія, равно и весь городъ были иллюминированы. 16 іюля 1834 г. университетъ давалъ обѣдъ, къ коему приглашено было до 300 знатнѣйшихъ дворянъ, и дворянство трехъ западныхъ губерній положило 18 іюля дать балъ въ честь университета, на который пригласило до 1,000 человекъ. «Живѣйшее участіе, оказанное при этомъ случаѣ, говорилъ корреспондентъ газеты, дворянствомъ, и общая радость жителей Кіева подають надежду, что день открытія университета св. Владиміра оста-

вется въ нѣкъ памяти днемъ. незабвеннымъ; можно надѣяться также, что сей распадникъ наукъ, волею государя императора основанный подъ сѣнію великаго Владиміра и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гробницы Ярослава, укрѣпится и будетъ процвѣтать долго, долго, къ вашему усиленію русскаго духа, къ распространенію здравыхъ началъ, полезныхъ и необходимыхъ познаній и къ соединенію всѣхъ вѣроподобныхъ узамъ единства неразрывнаго».

Сообщ. И. Н. Вожеватовъ.

15-го іюля 1884 г.

РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1884 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стр.
I. Записки Густава фонъ-Штрандмана, 1771—1780 гг.
Сообщ. Н. К. фонъ-Штрандманъ	55—86; 271—288
II. Николай Ивановичъ Пироговъ † 23 ноября 1881 г.
Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача. Гл. I—VI.	455—502
III. Записки Д. И. Ростиславова, профессора Спб. духов-
ной академіи. Главы XVIII—XIX.	67—104; 289—312
IV. Русскіе на Босфоръ въ 1833 году. Воспоминанія
участника похода М. И. Ставраны.	363—368
V. Русскій губернаторъ въ Польшѣ. Изъ записокъ отстав-
ного губернатора. 1866—1868 гг. Гл. IV—VII.	399—410
VI. Воспоминанія о походѣ 1877 г. Сообщ. В. О.	411—424;
619—640
VII. Записки поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина о
его жизни и поэзіи, 1848—1884 гг. Гл. I—II.	503—522

Исслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

I. Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины
XIV ст. Диссертация И. А. Линниченко на ученую
степень магистра.	215—222

	стр.
II. Патріархъ Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ. 1658 г.	223—254
III. Новый Іерусалимъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Сообщ. А. А. Навроцвій	255—270
IV. Русскіе и греко-россійская церковь въ Китаѣ въ XVII—XIX вв. Сообщ. епископъ Макарій	655—662
V. Алексѣй Егоровичъ Викторовъ † 1883 г. Очеркъ по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ. Состав. Е. С. Некрасова	425—448
VI. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Сообщ. И. А. Вороновъ (отставной инженеръ-полковникъ).	449—454
VII. Елизавета Алексѣевна Арсеньева, бабка поэта Лермонтова. Сообщ. Мих. Пѣтуховъ.	122

Переписка, рассказы, матеріалы, записки.

I. Царица Прасковья. Письмо ея, 1714 г., къ Я. Н. Римскому-Корсакову. Сообщ. князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.	604
II. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и его кебинныя жены на Кавказѣ. 1816—1827 гг. Сообщ. Ад. П. Берже.	523—528
III. Нижегородскій драгунскій полкъ въ 1827 г. Къ запискамъ А. Ѳ. Вагговута. Сообщ. кн. В. П. Долгорукій.	599—603
IV. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Рассказъ Мохнацкаго. Переводъ съ польскаго. 157—202; 341—362; 545—566	
V. Война съ польскими мятежниками 1831 года въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.	149—156; 331—340; 529—544
VI. Александровская колонна въ С.-Петербургѣ 30-го августа 1834—1884 гг. Сообщ. И. Н. Вожеяновъ	369—376
VII. Университетъ св. Владиміра въ г. Кіевѣ, 1834—1884 г.	678

- VIII. Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 г. Сообщ. А. д. П.
Берже . 377—398
- IX. Императоръ Николай Павловичъ въ крѣпости Анапѣ, 1837 г.
Сообщ. Е. И. Зарина. 567—575
- X. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на Кавказѣ съ 12-го
сентября по 28-е октября 1850 г. (Памяти Государя импе-
ратора Александра Николаевича). Сообщ. генераль отъ
инфантерій М. Я. Ольшевскій. 576—588
- XI. Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ
(графу) М. Т. Лорисъ-Меликову, 1852—1857 гг. 589—598

Къ исторіи покоренія Кавказа 1726—1880 гг. Исторія
80-го пѣхотнаго Кабардинскаго генераль - фельдмаршала
князя Барятинскаго полка (съ 1726 по 1880 годъ). Три
тома. Спб. 1881 г. Соч. А. Зиссермана. Обзоръ этого труда.
Сообщ. генер.-лейт. П. П. Карцовъ 203—214; 605—618

О возобновленіи памятника на общей могилѣ Артемія Во-
лынскаго, Еропкина и Хруцова † 27 іюня 1740 г. 448; 676

Исторія русской литературы.

- I. Д. В. Дашковъ и графъ Д. И. Хвостовъ въ Обществѣ
любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812. Сообщ.
профес. Н. С. Тихонравовъ 105—113
- II. Николай Михайловичъ Карамзинъ. Приказъ его бур-
мистру, 1826 г. Сообщ. профес. Н. С. Тихонравовъ . 114
- III. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, 1784—1884 гг. Сообщ.
С. И. Пономаревъ. 115—122
- IV. Василій Андреевичъ Жуковскій:
1. В. А. Жуковскій и Д. Н. Влудовъ. Замѣтка. Сообщ.
Я. К. Гротъ . 618
2. В. А. Жуковскій. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 202

	стр.
V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:	
1. Рукописи Александра Сергѣевича Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ	1—54; 313—330; 641—654
2. Памятникъ А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ, 1884 г., воздвигнутъ С.-Петерб. Городскою Думою. Забѣтка Ред.	654
VI. Денисъ Васильевичъ Давыдовъ:	
1. Памяти Дениса Васильевича Давыдова. Сообщ. И. Н. Божеряновъ.	123—130
2. Письма Дениса Васильевича Давыдова къ А. М. и Н. М. Языковымъ 1832—1837 гг.	131—148
3. Ден. Вас. Давыдовъ и изданіе его сочиненій. Забѣтка. Сообщ. А. Е. Носъ.	566
VII. Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій:	
1. Письмо его къ А. П. Н—ну, лицу, занимавшемуся литературой, 19 мая 1877 г.	677
VIII. Поэтъ-крестьянинъ Спиридонъ Дрожжинъ въ его воспоминаніяхъ 1848—1884 гг. Гл. I—II (см. выше).	

Портреты и гравюры.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 г. Рисунокъ составилъ профес. Ад. Юсиф. Шарлеманъ, рисоваль К. О. Брожь, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(Заглавная виньетка).
- II. Портретъ графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 1).
- III. Портретъ-группа: лордъ Рогланъ, маршалъ Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Гравюра портрета, исполненнаго съ натуры и присланнаго вождями союзной арміи кн. М. Д. Горчакову въ Севастополь въ маѣ 1855 г. Гравироваль художникъ Г. И. Грачевъ.
(См. стр. 223).

IV. Портретъ Николая Ивановича Пирогова, исполненъ въ Мюнхенѣ, съ лучшей его фотографической карточки, сообщенной А. А. Пироговой.

(См. стр. 455).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммисією. Архивъ главнаго управленія наместника Кавказскаго. Томъ IX. Изданъ подъ редакцію предсѣдателя коммисіи д. с. с. Ад. П. Берже. Тифлисъ. Типографія канцел. главноначальствующаго граждан. частью на Кавказѣ. 1884. Въ 6. листъ, стр. XXXI+1013, въ два столбца. Книга украшена виньетами, рисункомъ: Хунзахская свала въ Аваріи, портретами: генер.-адъютантовъ: Е. А. Головина и А. И. Нейгардта, имама Чечни и Дагестана Шамиля (превосходн. портретъ). (На оберткѣ 7-й книги „Русской Старины“ изд. 1884 г.).
2. Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г. Состав. А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ и К. М. Голодниковъ. Тобольскъ, въ 8 д., 1884 г., стр. VI+404+61, съ прилож. вѣдом. и таблицъ. (Тамъ-же).
3. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія Николая Костомарова. Спб., 1884 г. Три тома, въ 8 д. л. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. (На оберткѣ 8-й книги „Русской Старины“ изд. 1884 г.).
4. Охранный каталогъ рукописей А. А. Титова. Ростовъ, 1881 г. и 1884 г., въ 16 д., выпуски 1 и 2. (Тамъ-же).
5. Кубанскій сборникъ. Труды Кубанскаго областного статистическаго комитета, изданные подъ редакцію Е. Д. Фелицына, дѣйствительнаго члена кубанскаго областного статистич. комитета. Томъ I. Съ картой Кубанской области. Екатеринодаръ. 1883 г. Стр. VI+1114. (Тамъ-же).
6. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ третій. Тифлисъ. 1883. Стр. 508. (Тамъ-же).
7. Силуэты Крыма. Изъ путевой книжки А. Н. Ниядина. Спб. 1884 г., въ 8 д., 241 стр. (Тамъ-же).
8. Архивъ князя Воронцова. Томъ XXVIII, М., 1883, 583 стр.; т. XXIX, 1884, 492 стр.; т. XXX, 516 стр. (На оберткѣ 9-й книги „Русской Старины“ изд. 1884 г.).
9. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по официальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Ч. II. Спб. 1884, 1124 стр. (Тамъ же).
10. Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ XXXIX, 1884, стр. 496; томъ XL, 1884, стр. 498. (Тамъ же).

VI ОГЛАВЛЕНИЕ КНИ Т. «РУССКОЙ СТАРИНЫ», ЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 1884 г.

11. Сѣвты хлмстовъ и сконцовъ. Соч. Конст. Кутепова. Казань, 1883, 575 стр. (Тамъ же).
12. Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣд. Алекс. Архангельскаго. Казань, 1883, 212 стр. (Тамъ же).
13. М. Д. Скобелевъ. Очеркъ Г. В. Градовскаго. Спб. 1884 г., въ и. 81, стр. 113, съ тремя чертежами. (Тамъ же).

Примѣчаніе. Замѣтки 5 и 6 принадлежать Ад. П. Верже; 8—12—професс. В. С. Иконникову; 1—4, 7 и 13—Ред.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
 ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1885 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1885 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостиннымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ представитъ на своихъ страницахъ въ 1885 г. много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1885 г. принимается для иногородныхъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинверлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ въ магазинѣ Мамонтова.

Лица, имѣющія подписаться по 1 декабря 1884 г. на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г., могутъ получить за одинъ рубль съ пересылкою третій томъ изданія

Очерки и рассказы М. И. Семевскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

„ДАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВІЛЛИМЪ МОНСЪ“,

1698—1724 гг.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкою.

 Для прочихъ лицъ цѣна этой книги 2 р. 50 к.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Феодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковского; Марья Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибободовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Вахланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: памятника на могилѣ Артемія Волынскаго; первой паровой машины П. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; Памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Давида Земской, изъ Зап. Евн Смирной;—Зап. де-Санглена;—Зап. адм. П. В. Чичагова; Госпом. Беккера о раззореніи Москвы, 1812 г.;—Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.;—Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.;—Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ;—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.;—Архіерейскій хоръ при арх. Смарагда, 1837 г.;—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.;—Д. св. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.;—Имп. военная академія въ 1834—1848 г., воспом. кн. Н. С. Голицына;—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г., воспом. Б. В. Струве;—Воспом. О. А. Пржедавскаго;—Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова;—Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.;—Гумянецскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова;—Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Гр. Ф. Ф. Бергъ, въ воспом. П. П. Карцова;—Воспом. черногорца Драговича;—Воспом. Людмилы Ив. Рикордъ;—Въ Прибалтійскомъ краѣ;—Кн. А. Л. Мих. Горчаковъ въ его рассказахъ изъ прошлаго;—Зап. А. Л. Фед. Баргута, 1806—1883 гг.—Очерки: Влжній бояринъ Ае. Лавр. Ординъ-Щаповинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова;—Первепци нпм. російска. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова;—Петровская бригада, 1683—1883 гг.;—Коровадін русск. император. и императрицъ. 1724—1856 гг.;—Лейбъ-гв. Семевскій полкъ въ царств. Павла и Александра I;—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отзывѣхъ о немъ русскихъ людей;—М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.;—Як. Петр. Вахлановъ;—Ос. Сем. Ганчаръ;—Гр. Егоръ Франц. Канкринъ;—Ник. Ив. Пироговъ;—Нина Алекс. Грибободова;—Филаретъ, митроп. московскій;—Макарій, митроп. московскій и коломенскій;—Амвросій Орлятскій, еп. пензенскій;—Иринеи, архіеп. иркутскій;—Иннокентій, архіеп. херсонскій;—Амвросій, архіеп. тверской;—Историч. памятники въ Перекславѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ;—Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. А. Д. П. Берже;—Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.;—Могилы Артемія Волынскаго;—Прокопій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Донато;—Имп. Юсифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ;—Александръ I и Николай I, въ 1812—1855 гг.;—Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.;—Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.;—Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г.;—кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Побѣда подъ Плевну въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго;—В. А. Жуковский;—К. Н. Батюшковъ;—В. К. Кюхельбекеръ;—А. С. Пушкинъ;—М. Ю. Лермонтовъ;—Т. Г. Шевченко;—А. С. Хомяковъ;—Вас. и Ив. Бирзевскіе;—Н. В. Гоголь;—гр. А. К. Толстой;—Ф. М. Достоевскій;—Мих. В. Авдѣевъ;—И. С. Тургеневъ;—Я. К. Гротъ—въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и литер. дѣятельности.—М. И. Глинка;—гр. Ф. П. Толстой;—Перовъ и Мусоргскій;—А. Н. Стровъ;—Л. А. Стряковъ;—И. И. Ползуновъ;—А. Ф. Каворинъ;—архим. Игнатій Малышевъ—въ письмахъ, воспоминаніяхъ и очеркахъ, и проч.

(Оставалось къ 1 сентября 1884 года 54 экземпляра).

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1882 г.

При „Русской Старинѣ“ 1882 года приложены портреты: императрица Анна Иоанновна; Петръ III; Екатерина II (въ день 28-го іюня 1762 г.);—императрица Марія Феодоровна (1801 г.); в. кн. Михаилъ Павловичъ; в. княгиня Елена Павловна; Д. П. Троицкій; Е. П. Кашкинъ; декабристы М. А. Бестужевъ и кн. А. П. Одоевскій; Наталья Ник. Гончарова (невеста великаго поэта Пушкина); графъ Михаилъ Таріелловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., между прочимъ, напечатаны: статьи профес. И. Е. Андреевскаго, профессора Д. И. Иловайскаго, Н. И. Костомарова, барона А. П. Николая, кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго, Ад. П. Берже, М. И. Венюкова, В. А. Гольцова, П. А. Ефремова, А. Е. Егорова, В. И. Жмакина, И. И. Ореуса, магистра руск. ист. В. И. Семейскаго, В. Е. Якушкина, И. С. Ремезова, А. А. Чумикова, Н. К. Шильдера, В. К. Шульца, Д. В. Ильченко, и друг. Записки и воспоминанія: Несчастія, содержащія въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату; Штрандмана; Я. И. де Санглеа; профес. Ростиславова (о духовенствѣ); И. В. Селиванова (старый сенатъ); сенатора Я. А. Соловьева; графа М. Н. Муравьева-Вилenskaго (1863—1866 гг.); Кудравцевой—дочери короля Польскаго Станислава Понятовскаго; Т. П. Пасека; Записки Сельскаго Священника; Г. К. Градовскаго (Цензура и печать при Лопухинѣ и В. В. Григорьевѣ, 1872—1879 гг.); А. А. Вязмитинова (Севастополь въ 1854—1855 г.); П. В. Алабина (Русскіе въ Венгріи, 1849 г.); Воспоминанія С. С. Порошина; Петербургъ въ 1710—1711 гг. по рассказу очевидца; „Судъ надъ русскимъ писателемъ А. Н. Радищевымъ въ 1790 г.“; — „Петербургъ 28-го іюня 1762 г.“; — Очерки: „Амвросій Протасовъ, архіепископъ“; — „Архіепископъ Ириней Нестеровичъ“; — „Священникъ Θεодосій Левницкій“; — „Масоны“. — Собраніе матеріаловъ къ исторіи царствованія имп. Павла и къ его характеристикѣ, сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій и друг. — Императрица Марія Феодоровна † 1828 г. (ея духов. завѣщаніе и ея труды по женск. образов.); — Костюшко и Александръ I; — Николай I (его переписка съ ген. Дибичемъ); — „Междоцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.“ (обширное собраніе неизданныхъ матеріаловъ, ярко освѣщающихъ событія и дѣятелей того времени); — „Пугачевъ и Пугачевцы въ селѣ Тресвятскомъ“ (рассказы очевидцевъ); — Кн. А. Н. Голицынъ и архим. Фотій (переписка); — Сперанскій въ воспоминаніяхъ оштейца; — „Въ Прибалтійскомъ краѣ“—изъ записокъ одного чиновника; — Александръ II и кн. М. Д. Горчаковъ въ 1861 г. (мятежъ въ Варшавѣ); — „С.-Петербургское интенданство въ 1864—1866 гг.“—Записки генер.-лейт. В. Д. Кренке; — Военно-политическая записка М. Д. Скобелева, 1878 г.; — Переписка А. С. Пушкина съ Рыгѣвскимъ и А. А. Бестужевымъ; — Лермонтовъ и невзд его поэмы; — „Князь А. А. Суворовъ въ воспоминаніяхъ профес. И. Е. Андреевскаго“; — „Князь Василько“—поэма въ стихахъ кн. А. И. Одоевскаго; — „Сонъ Попова“, поэма-шутка графа А. К. Толстого; — Акварелистъ П. Ѡ Соколовъ († 1848 г.); — Профессоръ живописи Келеръ (его автобіографія); — Къ исторіи искусствъ въ Россіи, очерки И. Н. Боженянова; — Великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.) — очеркъ къ ея біографіи; — А. И. Тургеневъ, 1830—1845 гг.; — О. А. Петровъ; — Императоръ Николай въ Чамбарѣ и Харьковѣ; — Иосифъ Сенашко и проч. и проч.

Осталось къ 1 сентября 1884 года тридцать два экземпляра.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича; — императора Александра Николаевича; — императрицы Маріи Александровны; — профессора Н. И. Пирогова; — академика Л. А. Стржкова; — Хаджи-Мурата; — М. И. Голенищова-Кутузова (1775 г.); — историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара; — архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двадцатый годъ изданія) между дружными статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II. — Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Ссюльева. — Рассказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Зизима (1807 г.). — Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлаша. — Записки Д. И. Завалимина. — Записки князя Н. С. Голыцина. — Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.). — Записки Свѣтлаго Священника. — Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг. — Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.). — Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.). — Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона. — Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг., — историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго. — Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ. — И. П. Гельмъ 1803—1880 гг. — Амурское дѣло (1850—1863). — Украинфильство, статья профессора Н. И. Костомарова. — Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова. — Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. — Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*. — Исторія моей жизни и моихъ странствій — бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. И. Шилова (1802—1862 гг.). — Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг. — Записки войска докскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855). — Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг. — Академичскіе граверы: Л. А. Странозъ — очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній; — И. П. Пожалостинъ — его автобіографія и художественная дѣятельность. — Къ біографіи М. И. Авазовскаго. — А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очеркъ и воспоминанія Н. И. Мушкова. — И. А. Крыловъ и его басни „Ковъ“. — „Общество поощренія русскихъ художниковъ“ — изъ воспоминаній О. О. Львова. — Записки М. Е. Сельванова (1859 и 1864—1867 гг.). — Графъ Н. П. Руяницковъ, — историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконякова. — Оренбургскіе пожары въ 1879 г. — Языкъ любви (1774 г.). — Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, доведенія, рассказы, зачатки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ф. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затворъ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконяковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собоко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусства помѣщены статьи и сообщенія о сльдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣсьнъ пѣсней“). — А. С. Пушкинъ. — И. А. Крыловъ. — М. Ю. Лермонтовъ. — М. Д. Деларю. — Ф. М. Достоевскій. — М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“). — А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ — восемь рублей съ пересылкой.
Оъ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старинѣ“.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1880 г.

Изданіе второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицы Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. П. Павсаго,—И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева,—фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго;—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880-го [года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки А. М. Ростиславова (одинадцать главъ).—Записки Толчева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣлова (декабриста, восемь главъ).—Записки принца Евгѣна Вюртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки М. В. Селванова: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генераль-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Сельскаго Священника;—Записки Я. М. Неѣрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Запсковъ Богуславскаго и Е. Н. Львовой († 1864 г.).—Воспоминаніи артистки Я. А. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. М. Пузыресскаго.—Великій Новгородъ—статья И. М. Костомарова.—Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученаа дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня востанія на престолѣ Александра II.—Очеркъ профессора М. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузии къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берге и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщений и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Э. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кузавъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствинцъ, Н. К. Богусевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковский (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. П. Грановскій (воспоминаніе о немъ И. М. Неѣрова);—Г. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

Въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова и въ редакціи
„Русской Старины“ продаются книги:

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО.

Спб. 1883 г., въ 8 д., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромофотографически красками.

Цѣна два руб. съ перес. (*Осталось 201 экз.*).

Примѣчаніе. Книга „Слово и дѣло“, историческіе разсказы М. И. Семевскаго, Спб., изд. 1884 г., 8 д., стр. 350, *разомнѣе стома, до послѣдняго экземпляра.*

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Спб. 1882 г., въ 8 д., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ-священникомъ и благочиннымъ.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

РОСКОШНОЕ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИЗДАНІЕ

ПАВЛОВСКЪ

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гг. — Бытъ двора великаго князя, впослѣдствіи императора, Павла Петровича и супруги его Маріи Ѳеодоровны. — Жизнь въ Павловскѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея августѣйшаго семейства и проч.

Книга въ большую 8 долю, 600 стр., украшена нѣсколькими портретами и множествомъ превосходнѣйшихъ гравюръ и вѣнзелей, исполненныхъ знаменитымъ грав. акад. Л. А. Сѣряковимъ.

Цѣна книги 5 рублей.

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1883 г. пользуются на книгу „Павловскъ“ уступкою въ два рубля, т. е. книга въ отличномъ переплетѣ—3 рубля съ пересылкою.

Изъ 1,825 экз. осталось въ складъ этой книги, въ дворцовомъ правленіи города Павловска 150 экз.

ливаютъ новый свѣтъ, то во всякомъ случаѣ освѣщаютъ много новыхъ сторонъ или дополняютъ некоторыми подробностями болѣе или менѣе выдающіеся событія той важной эпохи. Англійскія дописанія представляютъ много важныхъ подробностей о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Англіею, (между прочимъ о всевозможныхъ препятствіяхъ къ распространенію табачнаго производства въ Россіи со стороны англичанъ) о выпискѣ въ Россію англійскихъ мастеровъ и обученіи русскихъ молодыхъ людей въ Англіи и т. п. Политическій интересъ этихъ дописаній сосредоточивается, конечно, на сѣверной войнѣ и отношеніяхъ Россіи къ Европѣ; но между ними есть много частныхъ подробностей (какъ напр. дѣло Паттула, польскій вопросъ при Петрѣ Великомъ и т. п.). Въ послѣднемъ томѣ находится много любопытныхъ данныхъ о характерѣ и послѣдствіяхъ реформы Петра Великаго; о злоупотребленіяхъ и ихъ преслѣдованіи (дѣла Гагарина, Соловьевыхъ и др.), о культурномъ состояніи Россіи вообще. Въ томъ же томѣ продолжается (начало ея въ XXXIV т.) обширная записка о сношеніяхъ между Франціею и Россіею въ царствованіе Петра Великаго, составленная въ 1726 г. Ледраномъ, старшимъ чиновникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ.

Секты хлыстовъ и скопцовъ.
Соч. Констан. Кутелова. Казань, 1883, 576 стр. Ц. 3 р.

Обширный трудъ автора объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ явленій русской религіозной мысли и жизни представляется обстоятельнымъ обзоромъ литературы вопроса (1—38); исторію секты хлыстовъ въ періодъ 1631—1880 (39—96); исторію секты скопцовъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ (97—268); ученіе и бытъ секты хлыстовъ (269—344); ученіе и бытъ секты скопцовъ (345—449); культы хлыстовъ и скопцовъ (450—575). Представивъ такимъ образомъ подробное изложеніе данныхъ, на основаніи изданныхъ до сихъ поръ матеріаловъ, авторъ заключаетъ, что секта скопцовъ есть отдѣльная, отличная отъ секты хлыстовъ. Въ ученіи догматическомъ скопчество существенно отличается отъ хлыстовщины. Въ ученіи нравственномъ скопцы, правда, сходятся съ хлыстами, но сходство это только видимое, кажущееся, на самомъ же дѣлѣ

нравственное ученіе скопцовъ отличается отъ ученія хлыстовъ и по цѣли, къ которой должна быть направлена нравственная дѣятельность человека, и по средствамъ, какия служатъ для достиженія этой цѣли, и по самому понятію о нравственности. Отличалось въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ, хлысты и скопцы отличаются между собою и какъ общество гражданское. Правда, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ культъ, съ весьма немногими различіями, одинъ и тотъ же. Но, очевидно, ради этого сходства никто не станетъ утверждать, что секта скопцовъ тождественна съ сектою хлыстовъ. На этихъ соображеніяхъ авторъ замечаетъ, что вредъ послѣднихъ для государства не такъ значителенъ, какъ вредъ первыхъ. Понятно, что выводъ этотъ можетъ имѣть известное практическое значеніе.

Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣд. Алекс. Архангельскаго. Казань, 1883, 212 стр. Ц. 1 р.

Въ началѣ своего очерка авторъ излагаетъ умственное и нравственное состояніе духовенства при Петрѣ Великомъ по Посошкову, идеалы и проекты духовной школы Посошкова, южно-русскихъ просвѣтителей и Ф. Прокоповича (по регламенту), призываніе и препятствія имъ на практикѣ. Затѣмъ переходитъ къ самой литературѣ, рассматривая въ этомъ отдѣлѣ: учебники и пособія того времени; сочиненія по богословію; политическія сочиненія; сочиненія противъ протестантизма; противораскольническую литературу при Петрѣ Великомъ; проповѣдническую литературу; назидательныя произведенія литературы. Авторъ сочувственно относится къ положительнымъ сторонамъ реформы Петра Великаго и дѣятельности Ф. Прокоповича.

В. И.

М. Д. Скобелевъ. Очеркъ Г. К. Градовскаго. Спб. 1884 г., въ м. 8 д., стр. 113, съ тремя чертежами. Цѣна 1 руб.

Можно не соглашаться съ выводами автора, но вполне должно признать значительный интересъ этой брошюры, направленной «въ разрѣзъ съ господствующими представленіями» о недавно опочившемъ своемъ смерти народномъ героѣ.

И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственннхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (102 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (29 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (54 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданію второе, съ портр., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновскій**.

